

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

уч. Кош. Ч. 5. 11.

КНИЖКА 12-АЯ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ ВИРЖЕВЫМЪ ВЪ ДОМОСТЯМЪ.

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ,

ИЗДАВАЕМЫЯ К. ТРУБНИКОВЫМЪ.

ДЕКАБРЬ.

1867.

Типографія Товарищества «Общественная Польза»,
по Мойкѣ, 5.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Шкафъ

Полка

№

72
1
156

~~No. K. 72~~
~~156 1.~~

Пр 206 тригонометрия

ЗАПИСКИ

№ 1154 ² 217 ²¹⁷ ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ОКТАБРЬ и НОЯБРЬ.

2963

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза» по Мойкѣ, № 5

1867.

17

17

17

AP50
Z3
Oct.-Dec.
1867

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. ОБОЛЩЕНІЕ. (Эпизодъ изъ послѣдняго польскаго возстанія)	1
II. ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ПЕРМЯКА. (Лозанна.) Д. Смыг- шлева	42
III. ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ АНГЛІЙСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ЧЕЛОВѢКА	66
IV. БАБУ (Разсказъ)	80
V. БЕЗЪ ВИНЪ ВИНОВАТЫЕ (Романъ въ двухъ частяхъ). А. К. Владиміровой	97
VI. РУССКІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ	197
VII. ВІЛЛІАМЪ МЭКПИСЪ ТЭККЕРЕЙ	236
VIII. НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ ОБЪ ОТЧЕТѢ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ПАРОХОДСТВА И ТОРГОВЛИ ЗА ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ. Н. Журавскаго.	242
IX. ОПЫТЪ ОБЩЕПОНЯТНАГО ИЗЛОЖЕНІЯ НѢКОТОРЫХЪ НАЧАЛЪ НАУКИ ФИНАНСОВАГО ПРАВА СЪ ПРИМѢНЕНІ- ЕМЪ ИХЪ КЪ РОССІИ. (Глава II.) А. Шипова	251
X. О ПРОМЫШЛЕННОМЪ СОСТОЯНІИ СѢВЕРА ЕВРОПЕЙ- СКОЙ РОССІИ И МѢРАХЪ КЪ ЕГО РАЗВИТІЮ П. Чубин- скаго.	289
XI. ОРНИТОЛОГІЯ И ОРНИТОЛОГИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФІЯ ЕВРО- ПЕЙСКОЙ И АЗИАТСКОЙ РОССІИ. Н. Сѣверцева	373
XII. ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ ГЕРМАНА МЕРИВЕЛА. (Юскъ II).	380
XIII. ЛЯГВА (морской чортъ) У ВЕРЕГОВЪ КАРОЛИНЫ	415
XIV. ПИСЬМО КЪ Н. W. И. Яфимовича.	419
XV. НОВЫЯ КНИГИ	428

ОБОЛЪЩЕНІЕ

(Эпизодъ изъ послѣдняго польскаго возстанія.)

Варшава. Весна 1861. Подземь.

По улицамъ молча снуютъ многочисленныя толпы народа. Лучи апрѣльскаго солнца падаютъ на мрачныя массы. Можно подумать, что всѣ цвѣта исчезли съ лица земли, оставивъ только могильный цвѣтъ. Только яркій свѣтъ солнца, какъ фальшивый, тонъ нарушаетъ мрачную гармонию города, на улицахъ котораго повсюду встрѣчаешь мужчинъ и женщинъ въ черныхъ креповыхъ платьяхъ, съ черными цѣпями — символъ рабства — черными крестами — символъ страданія — и черными поясами съ миниатюрными портретами героевъ, страдавшихъ, боровшихся и павшихъ за отечество. Ни одинъ звукъ радости, ни одна улыбка, ни одинъ яркий цвѣтъ не прерываетъ однообразія общей печали. Всѣ мѣста гулянія закрыты, костелы отперты и полны молящихся. Кое гдѣ по улицамъ проходятъ мрачныя похоронныя процессіи, ихъ провожаютъ не набожныя ксендзы, въ слѣдъ за ними поются не «Ave Maria» — съ пѣсней свободы провожаютъ здѣсь мертвецовъ на вѣчный покой. Иногда проходитъ мимо, тяжело и однообразно шагая, военный обходъ, провожаемый ядовитыми взглядами. Всѣ со страхомъ усту-

пають ему дорогу, произнося про себя проклятія. Ксендзы въ длиннополыхъ кафтанахъ, патеры въ рясахъ часто спускаютъ между толпами, проворнѣе и хлопотливѣе обыкновеннаго, эти представители мира держать въ священныхъ рукахъ своихъ нити—возстанія. Иногда кто нибудь изъ толпы раздастъ всѣмъ встрѣчнымъ писанные или печатныя листы и мгновенно исчезаетъ безслѣдно. Получившіе такой листокъ быстро, не читая его и не оглядываясь прячутъ его въ карманъ. Это дневный приказъ тайныхъ клубовъ. Такіе листы летятъ утромъ въ окна, когда ихъ открываютъ для провѣтриванія комнатъ, ихъ находятъ молящіеся на каменныхъ плитахъ костела, когда они преклоняютъ свои колѣна для молитвы, покупатели получаютъ ихъ вмѣсто свертковъ въ кандитерскихъ и мелочныхъ лавкахъ. Таинственно ихъ происхожденіе, никто не знаетъ кто ихъ приноситъ, откуда они появляются, но всѣ съ удивительною покорностію повинуются ихъ велѣніямъ, какъ войско своему полководцу, потому что всякій знаетъ, что польская эмиграція въ Парижѣ господствуетъ въ Варшавѣ.

Въ одномъ изъ многочислѣннѣйшихъ мѣстъ города стоитъ громадный, обширный домъ съ тремя фасадами, выходящими на три улицы и съ столькими же входами. Во второмъ этажѣ живетъ молодая дама, дочь одного эмигранта, убѣжавшаго во Францію, оставивъ ее здѣсь въ качествѣ стража и агента, потому что онъ хорошо зналъ, что никто не сумѣетъ такъ обворожить людей, раздражить воображеніе и кровь, увлекать молодыхъ людей для своего дѣла, какъ знатная, молодая и красивая женщина, которая мечтаетъ о возрожденіи своей несчастной польщизны и достаточно умна для того, что бы сумѣть скрывать свои дѣйствія. И въ самомъ дѣлѣ, дѣвица Гедвига*** сумѣла собрать вокругъ себя избранный кругъ фанатиковъ, преданныхъ дѣлу возстанія людей, которые, для совѣщаній, собирались въ ея салонѣ, избѣгая при томъ частыхъ встрѣчъ и личныхъ свиданій и передавая другъ другу свои воззрѣнія мнѣнія и извѣстія, получая и раздавая приказанія чрезъ Гедвигу для того, что бы не возбудить вниманія полиціи. Ея домъ былъ центромъ движенія, которое появилось изъ-заграницы и скоро охватило Варшаву и всю Польшу. Сюда приносились прокламаціи, здѣсь раздавались лозунги, ordres de batailles и отсюда уже

они разносились нижними чинами возстанія по всему городу; здѣсь странствующіе рыцари революціи, подсланные изъ Франціи агенты складывали свои порученія и раздавали пакеты и довѣрительныя письма; сюда стекались изъ тысячи источниковъ денежные сборы, которые вся страна добровольно или вынужденно, доставляла въ кассу возстанія и здѣсь же въ тайныхъ и вѣрныхъ мѣстахъ находились всѣ важнѣйшія бумаги. Такъ велика была осторожность, такъ искусна вся организація, такъ тонки всѣ нити, что стоявшая по всѣмъ угламъ полиція не подозрѣвала даже, что здѣсь, въ этомъ оживленномъ, многолюдномъ домѣ, въ этой красивой молодой головкѣ, которая часто улыбаясь смотритъ изъ окна втораго этажа на уличное движеніе,—скрывается тайна, слѣды которой отыскивали тысячи полицейскихъ служителей и на открытіе которой не пожалѣли бы никакихъ жертвованій.

Вотъ сидитъ она, эта прелестная, молодая женщина, взоры ея направлены на дверь, въ рукѣ у нея скомканная французская газета; въ нетерпѣніи она топаетъ ногою о коверъ, и ясный лобъ ея морщится. Ясно, что она ждетъ кого то, который не приходитъ.

Кто же можетъ осмѣлиться заставить ждать женщину въ цвѣтѣ лѣтъ и страсти? Кто это долженъ придти и не приходитъ, тогда какъ его ожидаютъ съ такимъ нетерпѣніемъ?

Наконецъ онъ приходитъ. Проворно, быстро, какъ будто преслѣдуемый кѣмъ то, входитъ онъ и, перешагнувъ порогъ, безъ привѣтствія, говоритъ отрывисто.

— Трубу, Гедвига.

Гедвига быстро уходитъ въ боковую комнату, прижимаетъ скрытую подъ картиной, висящей на стѣнѣ, пружину, и въ ту же минуту въ залѣ, гдѣ стоитъ вошедшій мужчина, крышка надъ каминомъ отскакиваетъ въ сторону, а открывается труба, въ которую онъ засовываетъ пакетъ, принесенный имъ съ собою. Затѣмъ крышка опять закрывается, и Гедвига входитъ въ залу, медленнѣе и спокойнѣе, чѣмъ прежде.

— Разказывай, говоритъ она, положивъ руку на его плечо.

— Мы вчера вынесли гробъ, многочисленная и торже-

ственная толпа сопровождала его. Духовенство молилось, народъ пѣлъ, полиція и войско слѣдили за нами. Гробъ былъ опущенъ, и всѣ возвратились въ городъ. Я одинъ остался, скрывшись за памятникомъ, я ждалъ; въ рукахъ у меня былъ револьверъ.

— Одинъ?

— Одинъ. Сторожъ кладбища стоялъ у воротъ и сторожилъ. Наконецъ стемнѣло. Мрачныя облака закрывали луну и звѣзды. Темнота была глубокая, какъ молчаніе. Я ждалъ долго. Наконецъ они пришли—нѣтъ, они не пришли, они тихо, какъ тѣни, приползли по могиламъ и я услышалъ возлѣ себя условный знакъ. Я отвѣтилъ также тихо и передомною встали три человекъ. Мы обмѣнялись немногими короткими словами, и четыре пары рукъ быстро взялись за заступъ, отрыли свѣжо-засыпанный гробъ, вскрыли и опорожнили его. Каждый изъ посланныхъ взялъ, пачку прокламацій и податныхъ списковъ и, передавъ мнѣ собранныя деньги и рапорты они ушли.

— Что рассказывали о провинціи.

— Для рассказовъ не было времени. Кто хочетъ дѣйствовать, тотъ не долженъ болтать. Въ провинціи тлѣется, сказали они коротко, скоро загорится. Есть у насъ и люди и деньги.

— Здѣсь сегодня были баронъ Маринскій и графъ Кроновскій, сказала Гедвига послѣ небольшой паузы; они освѣдомились о твоёмъ возвращеніи. Они рассказывали о новыхъ успѣхахъ нашего общаго дѣла. Лѣса все больше оживляются; молодежь съ радостію снѣшить на призывъ и собирается въ темноту лѣсную. Каждая пещера и каждое полое дерево—оружейный магазинъ; въ каждомъ помѣстьѣ почтовая станція для разсылки писемъ и людей; каждая провинція, каждый округъ, каждый уѣздъ, каждый городъ имѣетъ своихъ комендантовъ, своихъ политическихъ и полицейскихъ начальниковъ, свои городскія кассы для доходовъ и расходовъ, и своихъ поставщиковъ. На случай смерти, удаленія отъ должности, взятія подъ стражу или измѣны, назначены резервныя должностныя лица, которыя сейчасъ же должны занять вакантныя мѣста, а за этимъ резервомъ стоятъ на готовѣ другія опредѣленные лица. Такимъ образомъ растягивается широкая преширокая сѣть по всей

странѣ, а мы здѣсь, прибавила Гедвига, улыбаясь, держимъ ея концы.

— Ты сіяешь отъ счастья милая Гедвига, сказала молодой человѣкъ, взглядываясь въ ея пламенные глаза. Но скажи откровенно милая, неужели на твоёмъ горизонтѣ нѣтъ ни одного облачка? Не видишь ли ты бури, готовой разрушить все наше зданіе и схоронить насъ подъ его обломками?

— Никогда! Такія заботы были бы слабостію и сокрушили бы нашу дѣятельную силу. Мы должны быть увѣрены въ своемъ дѣлѣ, если мы хотимъ выиграть его, а выиграть мы *должны*, если мы не желаемъ погибнуть въ несчастіи. За нами, милый Карлъ, снасти сломаны, для насъ нѣтъ возврата, мы должны идти впередъ, *впередъ*, до того, пока русскіе не будутъ прогнаны изъ этой страны и пока въ Польшѣ не господствуютъ—поляки.

— Я, право, удивляюсь такой желѣзной энергіи, которую рѣдко найдешь и въ мужчинѣ—въ тебѣ, женщинѣ, молодой дѣвушкѣ. Я хотя и сдѣлаю все, что я могу, все что можетъ сдѣлать мужественный человѣкъ, я не раздѣляю твоей увѣренности. Я никогда не отступлю ни на волосъ отъ начатаго дѣла, потому что я обрекъ себя ему, дѣлу, къ которому кромѣ того привязываетъ меня любовь къ тебѣ; но, при всей этой готовности пожертвовать собою, я не увѣренъ въ успѣхѣ, потому что мы притянули къ нашему дѣлу стихіи, которыя не могутъ содѣйствовать доброму дѣлу, и мнѣ всего досаднѣе, что я самъ втянулъ въ это дѣло моего старика—отца, хотя онъ этого и не подозрѣваетъ.

— Какъ же такъ?

— Да вѣдь мы въ его домѣ, въ его моельнѣ устроили тайную типографію.

Гедвига разсмѣялась.

— Въ домѣ руссофила, свѣточа консервативнаго ортодоксальнаго іудейства, устраиваетъ испорченный, попавшій на дурную дорогу сынъ, который барахтается въ когтяхъ христіанской дѣвушки—революціонную типографію!

— И эта мысль, Гедвига, не даетъ мнѣ покоя. Если бы рѣчь шла обо мнѣ одномъ я бы всѣми помыслами души моей, каждой каплей крови моей принадлежалъ бы нашему дѣлу, также, какъ теперь я всѣми чувствами сердца моего

принадлежу тебѣ. Но страхъ быть причиною того, что моего сѣдаго отца, который честно и безупречно прожилъ свой вѣкъ, заключать въ крѣпость—этотъ страхъ, признаюсь, сильнѣе моего патриотизма.

— Но не будь же дитятею, Карлъ, воскликнула молодая дѣвушка. Что это за странныя предположенія! И развѣ когда нибудь придетъ въ голову нашимъ полицейскимъ отыскивать въ этихъ мрачныхъ, кривыхъ улицахъ, гдѣ стоитъ домъ отца твоего, въ молельнѣ, гдѣ твой отецъ молится съ еврейскимъ обществомъ ежедневно,—одну изъ нашихъ революціонныхъ машинъ, которымъ мы хотимъ взорвать на воздухъ весь московтизмъ!

— Полиція имѣетъ тысячу глазъ; а мы столько же измѣнниковъ, возразилъ Карлъ, это и беспокоитъ меня. Моею личностію я могу распоряжаться, но не слѣдовало бы мнѣ мошенническимъ образомъ втягивать въ это дѣло отца.

— Въ общемъ дѣлѣ нельзя останавливаться на отдѣльной личности, путь къ побѣдамъ лежитъ черезъ груды труповъ. Что значимъ мы, что значить наше имущество, наши ближніе, что значить жизнь даже тысячи людей,—когда дѣло идетъ о возрожденіи нашей родины, объ освобожденіи Польши? Мы, личности, падаемъ какъ камни въ воду; плескъ, нѣсколько кружковъ образуются на поверхности воды, и затѣмъ исчезаетъ всякій слѣдъ. Нѣтъ ничего столь дорогаго, столь великаго и священнаго, предъ чѣмъ бы можно было было остановиться въ виду возрожденія отечества.

— Какъ ни дорого мнѣ дѣло родины,—отецъ мнѣ еще дороже, почти такъ дорогъ, какъ ты, Гедвига... Не будь ты цѣлюю,—никогда бы я не рѣшился подвести подъ ногами отца моего мину, которая ежеминутно можетъ лопнуть. Но любовь моя сильнѣе меня, и когда разумъ старается оковать мое сердце броней, то достаточно одного твоего взгляда, что бы превратить въ пламя то, что готово было сдѣлаться льдиною.

И молодой человекъ заключилъ въ свои объятія эту прелестную дѣвушку, въ самомъ дѣлѣ смотрѣвшую на него такимъ взоромъ, который могъ бы воспламенить и не такую горячую голову.

— Видишь ли, продолжалъ онъ, если бы ты сказала мнѣ: вотъ адъ, прыгни въ его отверстіе, вотъ тиранъ, окружен-

ный цѣлымъ лѣсомъ штыковъ, убей его,—я бы повиновался за одинъ такой взоръ, за одну твою слезу! Когда бы твое могущество надъ отдѣльными личностями распространилось на цѣлыя націи, моя Гедвига, ты бы легко могла сдѣлаться владычицею міра! Вотъ почему такъ велико мое желаніе, мое снѣдающее нетерпѣніе назвать энергичную царственную женщину—моею женою, моею навсегда!

— До освобожденія Польши, милый Карлъ. До того времени—неутомимая дѣятельность. Теперь ты пойдешь въ палату Франциску, и прикажи ему именемъ національнаго правительства, что бы онъ въ воскресеніе произнесъ такую же проповѣдь, какъ за двѣ недѣли, только погорячѣй, по больше грохоту, грома и молніи!

— Я не знаю палаты Франциска.

— Но онъ тебя знаетъ и, знаетъ, что ты членъ правительства. Прощай, Карлъ. Завтра только въ крайнихъ случаяхъ можно меня видѣть; я жду тебя на послѣзавтра.

— Такой промежутокъ времени нетерпѣливаго и то-снливаго ожиданія, цѣлая вѣчность... Скажи военному министру, что наша казна снова полна, и онъ можетъ продолжать свои покупки; послѣзавтра мы поговоримъ о томъ, слѣдуетъ ли послать часть нашей запасной суммы въ Брюссель. Но прежде всего оружіе. Прощай, моя милая, до свиданія.

Она стоитъ въ срединѣ залы, съ насмѣшливою улыбкою на устахъ, поднявъ гордую голову и скрестивъ на груди руки, смотреть на дверь, закрывшуюся за Карломъ.

«Глупецъ! воскликнула она. Ты меня считаешь на столько слабою, что бы поддаться тебѣ, и въ то время, когда я вожу тебя на помочахъ, ты осмѣливаешься мечтать о господствѣ надъ твоею госпожею! Ты довольно глушь, если ты думаешь, что дочь польскаго магната подарила свое сердце жиду, который въ лучшемъ случаѣ за него можетъ дать всего только одну свою жизнь. Такъ дешево мы не отдаемся, и надъ нашимъ сердцемъ господствуетъ разумъ. Погодите, господинъ Гольдгеймъ, погодите до конца драмы, которую мы играемъ, и вмѣстѣ съ занавѣсомъ упадутъ также и чешуи съ отуманенныхъ глазъ вашихъ и вы будете рады, если вамъ за всѣ ваши будто бы великія заслуги позволятъ открыть лавку въ запрещенномъ мѣстѣ!»

Въ кривой, темной улицѣ еврейской части, въ которой едва отзывается своеобразная жизнь другихъ частей города, и въ которой живетъ «вѣтвь древа, разбитаго, сломаннаго, но не засохшаго» въ сѣни предразсудковъ какъ памятникъ, окружающихъ его, ненависти и несправедливости,— стоитъ почернѣвшій отъ времени домъ съ низкимъ входомъ и маленькими окнами. Вверху, подъ крышею, ласточки сидятъ въ своихъ гнѣздахъ, а внизу мирные лавочники—въ лавкахъ; ни тѣхъ ни другихъ не тревожитъ шумъ столичной жизни, который рѣдко проникаетъ въ еврейское гетто. Домики лѣплятся другъ возлѣ друга, какъ будто готовы вступить въ бой за каждый клочекъ земли, на которой нѣтъ больше мѣста для людей. И въ самомъ дѣлѣ въ Варшавѣ нѣтъ больше мѣста для евреевъ, тамъ отведенъ этотъ тѣсный кварталъ, который никогда не долженъ расширяться, хотя бы жители его задохнулись отъ недостатка воздуха, свѣта и мѣста. Отсюда и лабиринтообразный строй домовъ, отсюда и земляный цвѣтъ лица у бѣдныхъ жителей этого квартала, отсюда и вѣчная грязь на улицахъ, въ которыхъ рѣдко проникаетъ полный лучъ солнца.

По внѣшнему виду домика, у котораго мы остановились, нельзя предполагать роскошно, отчасти въ восточномъ вкусѣ меблированныхъ комнатъ, въ которыхъ обитаетъ хозяинъ дома, старый Ребъ Гиршъ Гольдгеймъ. Преслѣдуемые корыстолюбиемъ и хищничествомъ враговъ, евреи прежнихъ вѣковъ, принуждены были скрывать свои богатства подъ видомъ бѣдности, и въ тѣ времена, когда разбой и грабежъ царствовали не только въ лѣсахъ, но свободно гуляли по улицамъ въ дворянскихъ кунтушахъ и въ чиновничьихъ мундирахъ—нерѣдко было встрѣтить богатоодѣтыхъ женщинъ у роскошнымъ столовъ, золотую столовую посуду въ хижинахъ самаго невзрачнаго вида.

Времена перемѣнились, прекратились открытыя преслѣдованія, богатство не скрывается больше въ готовыхъ разрушиться хижинахъ, но вѣра, что въ каждомъ самомъ бѣдномъ домикѣ, даже и тамъ, гдѣ царствуетъ голодъ и горе, гдѣ голодные дѣти напрасно молятъ о кускѣ хлѣба,—можно найти мѣшки съ золотомъ—жить еще въ народѣ.

Быстро бѣжать по узкой и темной лѣстницѣ молодой

человѣкъ, такъ что въ темнотѣ толкнулъ медленно его идущую дѣвушку.

— Какъ ты неостороженъ, Карлъ!

— Я тебя ударилъ, Эрмина?

— Да ты чуть не сшибъ меня съ ногъ.

— Извини меня. Что слышно внизу?

— Ты только посмотри на меня, какой страшный видъ! Право, меня можно принять за наборщика. И понизивъ голосъ она прибавила.

— Я собственноручно отпечатала множество экземпляровъ; теперь наборщикъ возвратился, и я пѣшу умыться. Погляди только какъ я испачкана и избита!

И съ этими словами, она ушла къ себѣ, и яду тѣмъ какъ Карлъ завернулъ въ комнату отца.

У круглаго, покрытаго книгами, стола сидятъ съдой старикъ. Вокругъ него лежатъ въ пестромъ безпорядкѣ книги древней и новой мудрости: фолианты въ пергаментныхъ переплетахъ, заключающіе въ себѣ религію, исторію, философію и юриспруденцію народа, въ продолженіе цѣлыхъ тысячелѣтій подставлявшихъ камень къ камню для великаго зданія цивилизаціи, — сочиненія новѣйшихъ изслѣдованій въ области положительной науки и исторіи и эфемерныя брошюры, творенія послѣднихъ дней, которыя появляются и исчезаютъ какъ майскіе жуки, пошумѣвъ дня два о вопросѣ минуты. Между ними лежатъ нѣсколько толстыхъ книгъ, вынутыхъ изъ рядовъ своихъ соименниковъ, оставшихся въ стеклянномъ шкафу и мирно стоящихъ другъ возлѣ друга.

Какъ теперъ въ своемъ кабинетѣ, такъ прежде въ области промышленности и торговли, усердно трудился и работалъ Ребъ Гиршъ Гольдгеймъ и, какъ муравей, таскалъ онъ зерно къ зерну, что бы обезпечить свою старость. Достигнувъ преклонныхъ лѣтъ, онъ оставилъ поприще, на которомъ онъ такъ долго и съ такимъ успѣхомъ занимался и предался своимъ любимымъ научнымъ занятіямъ, сталъ вести тихую и мирную жизнь, пользуясь уваженіемъ и любовію своихъ единовѣрцевъ, которые считали его своимъ свѣточемъ.

Эластичная фигура Карла появилась на порогѣ. Онъ былъ одѣтъ въ чамарку, опоясанъ кушакомъ, на широкой пряжкѣ котораго виднѣлся вырѣзанный бронзовый бюстъ

Костюшко, въ высокихъ сапогахъ и широкихъ панталонахъ; на головѣ у него была четырехъ-угольная шапка, овайшенная мѣхомъ, а въ рукѣ онъ держалъ толстую, украшенную маленькимъ топорикомъ палку.

Лице его сіяло счастиемъ.

— Здравствуйте, папа, сказалъ онъ бросая палку и конфедератку въ уголь. Мнѣ приходится извиниться въ своемъ долгомъ отсутствіи. Вы здѣсь сидите какъ на мирномъ островѣ, не безпокоясь бурей, поднимающей страшныя волны на океанѣ жизни. А между тѣмъ, тамъ теченіе чрезвычайно сильное, сильное до того, что едва ли устоять противъ него русскимъ штыкамъ.

Старикъ закрылъ фоліантъ и всталъ, разсматривая сына испытующимъ взглядомъ.

— Вотъ какъ! произнесъ онъ медленно.

— Конечно. Духъ свободы ходитъ по Варшавѣ, повсюду оставляя слѣды своихъ шаговъ, какъ Вѣчный жидъ. Всѣ слои и классы общества соединились въ одинъ народъ, всѣ религіи соединились въ одинъ культъ—свободы и независимости. Нѣтъ больше ни христіанъ, ни евреевъ, въ Польшѣ есть только поляки, полные пламенной преданности великому дѣлу отечества, самостоятельность котораго должна быть завоевана, и престолъ возстановленъ—вочто бы то ни стало; воодушевленная нація готова на всякія пожертвованія. Видите ли, папенька—и съ этими словами молодой челоуѣкъ вынулъ изъ пакета большую желѣзную цѣпь,—вотъ знакъ уваженія, который католическая Польша предподнесла польскимъ евреямъ,—знакъ, которымъ она запечатлѣла нашъ братскій союзъ. Эти цѣпи носятъ всѣ польскіе патріоты какъ знакъ рабства родины, а этотъ портретъ ея героя есть эмблема надежды и возрожденія.

— И ты хочешь это носить на своей груди?

— Посмотрите на оборотную сторону, папа, узнаете ли вы этотъ портретъ?

— Нашъ Раввинъ.

— Сознайтесь, воскликнулъ Карлъ пламенно, сознайтесь что это лучший и благороднѣйшій памятникъ нашего патріотическаго содѣйствія освобожденію Польши, что никакое отличіе не можетъ сравниться съ этимъ и что варшавская еврейская молодежь никогда еще не поступала такъ спра-

ведливо какъ теперь, когда она посвятила себя этому великому дѣлу.

— Вещь въ самомъ дѣлѣ замѣчательная, сказать старикъ качая головою, только мнѣ она не нравится.

— Въ такомъ случаѣ сказать Карлъ съ неудовольствиемъ, вамъ это дѣло представляется въ болѣе мрачномъ видѣ, чѣмъ кому либо; старики въ Варшавѣ помолодѣли и воодушевились этимъ великимъ дѣломъ, въ которомъ вся Европа и даже монархи съ своихъ престоловъ принимаютъ дѣятельное участіе. Мы, евреи, какъ люди спекулятивные, должны были бы тѣмъ пламеннѣе присоединиться къ движенію, которое для насъ должно окончиться благодѣтельной переменю нашего положенія, потому что, одновременно съ поляками, и мы приобрѣтемъ свободу, вмѣстѣ съ ихъ рабствомъ, окончится и исключительность нашего положенія, и въ ту самую минуту, когда Польша вступитъ въ число самостоятельныхъ европейскихъ государствъ, вступимъ мы во всѣ человѣческія права, которыхъ за нами теперь не хотятъ признать.

Старикъ горько улыбулся.

— Шуми, дитя мое, шуми. Тридцать лѣтъ тому назадъ, духъ свободы пролетѣлъ по этой странѣ, которая разбила оковы и сбросила съ себя чужое господство. Я стоялъ какъ безучастный зритель, при колыбели и при могилѣ революціи. Я видѣлъ какъ пустилось въ дѣйствіе пламя и знамя, мечъ и крестъ, я слышалъ гимны и веселый звукъ колоколовъ. Затѣмъ, я видѣлъ какъ все это зданіе рушилось, похоронивъ подъ своими обломками собственныхъ своихъ строителей; я слышалъ плачь, шумъ цѣпей, крики ужаса и гнѣва. Мнѣ и моимъ братьямъ, которые также носили цѣпи, которые также терпѣли, страдали, было отказано въ правѣ участвовать въ побѣдѣ побѣдителей и въ горѣ побѣжденныхъ. Мы предлагали кровь свою, отъ насъ требовали только денегъ.

— Но съ того времени прошло уже тридцать лѣтъ?..

— Конечно это много въ жизни человѣка, но мало въ жизни народа. Люди скоро могутъ измѣниться, а народы требуютъ для этого очень долгаго времени. Предубѣжденіе, существовавшее противъ насъ въ 1830 году, еще живо въ

1861 году, въ духѣ народа и его предводителей—патріотизмъ у нихъ почитается католицизмомъ. *)

— Какъ бы то ни было, вы одинъ изъ не многихъ, а можетъ быть и единственный человѣкъ который такъ думаетъ и не хотите участвовать въ движеніи, которое, какъ землетрясеніе, охватило всю Польшу. Всѣ варшавскіе евреи съ радостію присоединяются къ народу, готовому стряхнуть съ себя чужое иго. Какъ только Польша возродится изъ своихъ обломковъ, тогда мы получимъ свое мѣсто у общаго стола и не будемъ больше, какъ нищіе, стоять и ждать крохи. Тридцать лѣтъ тому назадъ, было еще темно, и какъ солнце сначала освѣщаетъ выси прежде чѣмъ лучъ его проникнетъ въ долину, такъ и просвѣщеніе освѣтило сначала главы польской націи, на которыя обращены взоры массъ и которымъ она, какъ своимъ предводителямъ, подражаетъ во всемъ. За *этими* я ручаюсь, они великодушны и благородны.

Снова появилась горькая улыбка на лицѣ старика.

— Яйцо хочеть курицу учить, сказалъ онъ. Ты молодецъ, кровь твоя два раза быстрѣе течетъ въ твоихъ жилахъ, чѣмъ моя. Чувство заступаетъ у тебя мѣсто разума. На моей головѣ лежитъ семидесятиміній снѣгъ, мозгъ мой содержитъ въ себѣ богатую коллекцію опытовъ. Слушай, Карлъ. Сангвиники, какъ ты, ожидаютъотъ революціи всякихъ благъ; я, вмѣстѣ съ Мирабо, говорю: «революція какъ Сатурнъ пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей». Движеніе, котораго я былъ свидѣтелемъ, тому назадъ тридцать лѣтъ, было гораздо сильнѣе настоящаго. Польша выставила на поле сраженія лучшихъ сыновей своихъ, все дворянство готово было пожертвовать своею жизнію. За минутною побѣдою послѣдовала гибель ея героевъ, и, кто не погибъ на полѣ сраженія, тотъ долженъ путешествовать въ тѣ страны на охоту за соболями, гдѣ оцѣпенѣлая жизнь борется съ природою, мачихою, или бѣжать, какъ нищій, изъ роднаго края, оставляя за собою могилы, и имѣя впереди себя безутѣшное будущее. Краткая побѣда была куплена дорогою цѣною крови, счастья и имущества многихъ тысячъ людей. Это я видѣлъ;

---

*) «N'est pas Polonois qui n'est pas catholique». Lettres sur les Israélites de Pologne par Jean Czysnaky.

и потому, что я это видѣлъ, и потому, что я внимательно слѣдилъ за всѣмъ этимъ движеніемъ отъ его зарожденія до его могилы,—поэтому я знаю чѣмъ могутъ кончиться подобныя затѣи...

Минутное молчаніе прервало этотъ разговоръ. Молодой человѣкъ, казалось, обдумывалъ что то.

— Съ холодными разсужденіями, милый папа, революція еще никогда не вызывалась къ жизни. Великія измѣненія совершаются моментально, какъ и сильныя землетрясенія. Для того, чтобы сломать силу, гнетущую насъ, необходима извѣстная степень опьяненія, самозабвенія и ослѣпленія, что бы не видѣть тѣхъ страшныхъ опасностей, которыя намъ предстоятъ. Патріотизмъ, ничто иное, какъ идея, мысль, и когда мы начнемъ разбирать и разсуждать, то дойдемъ до того, что и свобода есть ничто иное какъ идея, а за идею не стоитъ проливать кровь. Но, къ счастью, молодость не такъ много умствуетъ и—вдохновляется идеями. Въ нашей будущей арміи, въ самомъ дѣлѣ, вы встрѣтите только молодыхъ людей, они хотятъ освободить отечество и удобрить его почву своею кровію для будущихъ поколѣній.

— Жертвуя столькимъ, поляки имѣютъ въ виду великую цѣль, отечество, языкъ, законы, собственную независимость и свободу. Но что, спрашиваю я тебя, что предстоитъ намъ, евреямъ, которыхъ всѣ ненавидятъ, если мы поставимъ на карту въ этой отчаянной игрѣ свою кровь и свое имущество?

— Несравненно лучшее положеніе, чѣмъ то, которымъ мы пользуемся теперь, когда для насъ большая часть государства закрыта; еще недавно у насъ, какъ въ Мицраимѣ, отнимали нашихъ дѣтей и вводили въ чужую сторону, гдѣ они забывали своего Бога и своихъ отцовъ. Польша приметъ насъ какъ братьевъ и отведетъ намъ мѣсто у семейнаго стола.

Въ эту минуту отворилась дверь и въ комнату вошла Эрмина, блѣдная и испуганная, сопровождаемая незнакомцемъ въ военномъ блестящемъ мундирѣ.

— Господинъ полковникъ, проговорила Эрмина, едва владѣя голосомъ, имѣетъ къ вамъ порученіе отъ его сіятельства.

Карлъ поблѣднѣлъ какъ смерть.

— Его сіятельство, сказалъ полковникъ, въ которомъ легко можно было узнать вѣжливаго курдянца, проситъ господина Гольдгейма, сію же минуту явиться къ нему.

Старикъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на незнакомца. И онъ не могъ подавить въ себѣ бездогойства, которое еще увидѣлось, при взглядѣ на поблѣднѣвшихъ дѣтей.

— Не можете ли вы, господинъ полковникъ, сказать онъ, обратившись къ послѣднему, сообщить мнѣ причину этого приглашенія?

— Охотно удовлетворилъ бы я вашу просьбу, если бы я самъ зналъ причину. Мнѣ просто приказано призвать васъ, и совѣтую вамъ какъ можно скорѣе отправиться, потому что князь не любитъ когда его заставляютъ ждать.

Проводивъ полковника, старикъ Гольдгеймъ поспѣшилъ приготовиться къ аудіенціи.

Оставшись наединѣ съ Карломъ, Эрмина съ плачемъ бросилась на шею брата, и нѣсколько минутъ не могла произнести ни одного слова. Наконецъ, пришедши въ себя, она воскликнула съ упрекомъ и отчаяніемъ.

— Карлъ, Карлъ, ты призвалъ на нашъ домъ безграничное несчастье. Ты твоимъ участіемъ въ этомъ возстаніи погубишь свое семейство, нашего стараго отца, который теперь призывается къ отвѣтственности за твое сумасбродство, и, прежде чѣмъ онъ будетъ тамъ, нашъ домъ будетъ окруженъ, типографія открыта, и мы всѣ погибли!

Карлъ стоялъ, какъ ошеломленный.

Наконецъ, онъ пришелъ въ себя. Какая то свѣтлая мысль осѣнила его. Онъ поцѣловалъ свою сестру и, глядя ей прямо въ заплаканные глаза, онъ сказалъ съ улыбкою.

— Давно ли въ Россіи государственныхъ преступниковъ арестуютъ посредствомъ приглашеній, передаваемыхъ адъютантами? Или ты думаешь, что отца такъ просто пригласили бы къ допросу, если бы стало извѣстно, что я членъ революціоннаго правительства?

Слова эти не преминули произвести благопріятное дѣйствіе на взволнованную дѣвушку. Она тяжело вздохнула, какъ будто пробудилась отъ тяжелаго сна, тихою улыбкою она поблагодарила брата за его утѣшительныя слова.

— Нельзя отыскать болѣе надежное мѣсто, чѣмъ въ

этомъ домѣ, продолжалъ Карлъ. Никому не придетъ въ голову отыскивать въ этомъ домѣ нашу оловянную армію, которая съ такимъ успѣхомъ совершаетъ свои походы противъ могущества Россіи; никто, никто нестанетъ подозрѣвать, что въ этомъ священномъ уголкѣ скрывается источникъ тѣхъ дегучихъ листовъ и плакатовъ, которые мы рассылаемъ во всѣ концы Польши. Въ первую минуту, когда я увидѣлъ офицера, пригласившаго отца къ князю,—я и самъ смутился, страхъ быстрѣ всякихъ разсужденій и никогда не спрашивается разума. Теперь же я вижу ясно, что намъ нечего бояться. Весьма можетъ быть что здѣсь дѣло идетъ о какомъ нибудь порученіи, или вывѣдываніи, или даже о награждѣ отцу за его вѣрнопопданность. Вотъ увидишь, Эрмина.

— Я хотѣлъ бы, что бы отецъ уже возвратился.

— Онъ возвратится, а между тѣмъ, я долженъ извѣстить обо всемъ Гедвигу,—во всякомъ случаѣ дѣло это нешуточное.

— Да ты лучше не иди туда, право, не иди, я боюсь остаться одна, всякій шумъ на улицѣ мнѣ покажется опасною. Страхъ разстроилъ мнѣ нервы.

— Но, дитя, сказалъ Карлъ, мнѣ непременно нужно идти къ ней.

— Она, и все она, воскликнула Эрмина съ досадою и нетерпѣніемъ. Весь свѣтъ для тебя сосредоточивается въ Гедвигѣ! Сестра, отецъ, даже Богъ, у тебя второстепенныя вещи въ сравненіи съ нею, которою полно все твое существо и для любви къ которой ты готовъ пожертвовать всѣми нами! Куда это поведетъ тебя, Карлъ?

— Сперва къ побѣдѣ а потомъ къ алтарю!

— Къ побѣдѣ—пожалуй, я ради тебя готова надѣяться на этотъ исходъ. Но къ алтарю Боже упаси! Неужели у тебя хватить духу бросить отца, сестру?.. всѣхъ тѣхъ, которые такъ близки тебѣ, для того, что бы вступить въ чужую семью и чужую религію, которыя вѣчно останутся для тебя чуждыми.

— Этого я и не сдѣлаю. Я останусь евреемъ, а Гедвига христіанкою, только узы любви соединять насъ.

— Смѣшанный бракъ? Такой, въ который вступилъ твой

бывшій другъ Іосифъ? И тебя не страшить его примѣръ? Развѣ онъ самъ до сихъ поръ не раскаявается въ своей опрометчивости? Погляди, какъ онъ несчастливъ, какая внутренняя разорванность съ самимъ собою! Его жена надсмѣхается надъ нимъ, его собственныя дѣти отвертываются отъ него; когда онъ соблюденіемъ какого нибудь обряда своей религіи напоминаетъ имъ объ ней! Жена его вѣчно твердить о жертвѣ, которую она ему принесла, выходя за него замужъ, его родственники отступились отъ него, да и ты самъ... развѣ ты не бросилъ въ него первый камень, когда онъ сдѣлалъ этотъ шагъ, который дорого обошелся ему?

— Это все пустыя слова, фразы, вскричалъ Карлъ нетерпѣливо. Ты рисуешь все слишкомъ черными красками. Или ты думаешь, что Гедвига похожа на тѣхъ слабонервныхъ женщинъ, которыя нарушаютъ покой мужчины, овладѣваютъ ихъ сердцами, ихъ нравственно расслабляютъ, заставляютъ ихъ вѣчно работать на себя и за каждый поцѣлуй требуютъ особенныхъ жертвъ? Гедвига стоитъ выше своего пола. У нея душа широкая, сердце цѣлый міръ. Она и въ жизни, и въ любви великая женщина, она также ловко умѣетъ вести дѣло своего отечества, какъ и любить. Отъ жизни съ нею ты не оторвешь меня никакими усиліями, и напрасно ты стала приводить въ примѣръ всѣ несчастные браки міра. И съ этими словами, Карлъ отворилъ дверь и быстро удалился, какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ собственной совѣсти.

Когда старикъ Гольдгеймъ вошелъ въ пріемную намѣстника, тамъ уже сидѣли многія лица: депутаціи отъ различныхъ патріотическихъ обществъ, дамы въ траурныхъ платьяхъ, полицейскіе чиновники, офицеры, адъютанты, служители. — Бѣдный старикъ страшно смутился, когда на него обратились любопытные взоры всѣхъ присутствующихъ. Опустивъ глаза въ землю и скомкавъ въ рукахъ свою шляпу, онъ прокрался въ уголь, гдѣ скоро его увидѣлъ призвавшій его сюда офицеръ.

— Я сейчасъ доложу о васъ, сказалъ онъ, удаляясь въ кабинетъ.

И къ удивленію всѣхъ присутствующихъ, которые уже давно тутъ ждали въ молчаніи, офицеръ скоро приглашаетъ старика въ кабинетъ, и закрываетъ за нимъ дверь.

Шопоть пробѣжалъ по всей залѣ.

— Старый плуть жидъ—шціонъ!

До того удивительнымъ показалось всѣмъ предпочтеніе, оказанное старому еврею, что мысль эта одновременно пришла въ голову почти всѣмъ присутствовавшимъ, и нѣкоторые были даже на столько дерзки или на столько неосторожны, что довольно громко выразили ее на словахъ.

Между тѣмъ Гольдгеймъ непривычный къ такому tête-à-tête, стоялъ согнувшись и дрожа всѣмъ тѣломъ передъ величественною фигурою стараго генерала, въ руки котораго царь передалъ власть надъ всею страной. Намѣстникъ былъ одѣтъ въ простое военное мундирѣ. Испытующій и пронизательный взглядъ его привелъ старика, не знавшаго причины своего присутствія здѣсь, въ совершенное смущеніе.

— Ваше имя Гольдгеймъ? спросилъ намѣстникъ.

Гольдгеймъ поклонился низко, чуть не до самой земли.

— Мнѣ рекомендовали васъ какъ честнаго человѣка и какъ вѣрноодданнаго.

Силы и жизнь возвратились къ Гольдгейму, онъ снова овладѣлъ собою.

Намѣстникъ продолжалъ:

— Мнѣ сказали, что вы пользуетесь большимъ вліяніемъ на вашихъ единовѣрцевъ. Правда ли это?

— Мнѣ, в—во, еще никогда не случалось удостовѣриться въ этомъ.

— Я желаю, что бы вы употребили свою власть для того, что бы отклонить евреевъ отъ дурнаго пути, на который привело ихъ чужое вліяніе, обѣщанія и заблужденія. Я вамъ поручаю великое дѣло, потому что оно можетъ предохранить отъ многихъ несчастій.

— В—ство могутъ быть убѣждены...

— Я не хочу фразъ. Вы человѣкъ старый, должны имѣть на столько духу, что бы отвѣчать прямо: да или нѣтъ. Я хочу лучше имѣть дѣло съ открытымъ врагомъ, чѣмъ другомъ, на котораго я не могу полагаться. Отвѣчайте мнѣ прямо: хотите ли вы побудить вашихъ единовѣрцевъ оставить дѣло, которому они предаются къ своей собственной гибели, и пребыть вѣрнымъ правительству, или нѣтъ? Что вы это можете я это столько же знаю, сколько знаю, что варшавскіе ев-

реи съ необдуманною ревностію и съ легкомысленною неблагодарностію отворачиваются отъ русскаго правительства, которое осыпало ихъ благодѣяніями, что бы пристать къ врагамъ нашимъ, отъ которыхъ они могутъ ожидать только ненависти и презрѣнія.

— В—ство изволили приказать мнѣ говорить откровенно, позвольте же мнѣ оправдать сочувствіе евреевъ польскому дѣлу желаніемъ переменъ своего прежняго положенія, хотя я и не раздѣляю ихъ мнѣнія. Евреи въ Россіи считаются паріями общества, они удалены не только отъ всякаго участія въ общественной жизни, но на имѣютъ даже права жить въ большей части государства...

— А здѣсь, въ Польшѣ, они не имѣютъ права жить въ большой части городовъ. Возьмите первую попавшуюся улицу—можете ли вы жить въ ней? Позволить ли вамъ общество открыть тамъ магазинъ или купить домъ?

— В—ство изволите говорить совершенно справедливо. Но евреи думаютъ, съ чѣмъ я конечно не согласенъ, что, при переменѣ настоящаго порядка вещей, измѣнится и ихъ положеніе и что поляки, при своемъ великодушіи, которыми они гордятся, вознаградятъ насъ за участіе въ ихъ дѣлѣ улучшеніемъ нашего соціальнаго положенія въ бывшихъ польскихъ городахъ.

— Вы гораздо худшіе счетчики, чѣмъ я полагаю,—сказалъ намѣстникъ съ улыбкою, опускаясь на диванъ и усаживаясь, какъ человѣкъ, намѣревающийся вступить въ длинный разговоръ—или Богъ васъ поразилъ слѣпотою, что бы погубить васъ. Вы старикъ, и вѣроятно еще помните обстоятельства 1831 года. Вы, по всей вѣроятности, еще не забыли, какъ обошлись тогда съ вами эти люди, для которыхъ вы теперь жертвуете своимъ счастіемъ,—тѣхъ преслѣдованій, которымъ вы подвергались въ мѣстахъ, гдѣ на короткое время свергнута была власть русскаго правительства, быстроты, съ которою васъ по одному подозрѣнію разъяреннаго народа вѣшали у фонарей, и только тогда успокоились, когда порѣшили, по восстановленіи царства, изгнать всѣхъ евреевъ изъ предѣловъ Польши.

— Ничуть не раздѣляю мнѣнія большей части моихъ единовѣрцевъ, я, согласно приказанію в—ства говорить откровенно, осмѣлюсь доложить, что тѣ евреи, которые сочув-

ствують полякамъ, дѣйствуютъ такъ въ надеждѣ, что они не какъ простые рабочіе тащатъ камни для чужаго дома. Жертвуя всѣмъ своимъ счастьемъ, кровію и достоинствомъ, они поступаютъ на основаніи обѣщанія, даннаго однимъ польскимъ княземъ: *que ceux qui perissent de la même mort doivent vivre de la même vie.*

— Если евреи на этомъ основываютъ свои надежды, то мнѣ приходится сожалѣть ихъ. Но допустимъ, прибавилъ намѣстникъ съ легкою насмѣшкою, что васъ въ самомъ дѣлѣ разчитыввуютъ вознаградить за ваши пожертванія; допустимъ, что вы получите право жить повсемѣстно и, вмѣсто пинковъ, вамъ дадутъ братскій поцѣлуй,—надѣетесь ли вы, что наступитъ когда нибудь день платежа, что поляки когда нибудь восторжествуютъ надъ своимъ могущественнымъ побѣдителемъ, и въ странѣ, надъ которою парить русскій орелъ, возстановятъ свое знамя?

Намѣстникъ всталъ. Лучъ гнѣва сверкнулъ въ его глазахъ.

— Желѣзною рукою примусь за нихъ; я сломаю ихъ силы и разрушу всѣ ихъ замыслы, я уничтожу всѣхъ, кто когда нибудь брался за оружіе, пѣлъ пѣсни, читалъ молитвы или читалъ когда нибудь мысль о независимости. Тамъ, гдѣ природа слилась въ глыбу льда, я отведу мѣсто тѣмъ, кто не можетъ удержать своихъ пламенныхъ стремленій.

— Позвольте, в—ство, замѣтить, произнесъ старикъ устропенный гнѣвомъ намѣстника, что я имѣлъ честь говорить не о своихъ убѣжденіяхъ. Такъ думаютъ только молодые, неопытные люди. Нѣтъ сомнѣнія, что ихъ иллюзіи разсѣются.

— Знаю, при первомъ выстрѣлѣ, который раздастся въ Варшавѣ, но тогда уже позднее раскаяніе не поможетъ, тогда судья уже будетъ говорить и палачъ работать. Что бы избѣжать этого кровопролитія, что бы оставить въ тюрьмахъ мѣсто для болѣе опасныхъ заговорщиковъ,—я и призывалъ васъ. Теперь вы знаете, какъ вы должны дѣйствовать. Вы умны, опыты и вліятельны,—дѣйствуйте какъ понимаете.

И съ этими словами, намѣстникъ отпустилъ старика, который, не поворачиваясь къ нему спиною вышелъ изъ кабинета.

Въ приемной его встрѣтили многочисленныя ядовитыя взгляды присутствовавшихъ, которые думали, что этотъ жидъ безъ сомнѣнія подастъ какой нибудь важный доносъ.

Въ прихожей намѣстника, украшенной множествомъ орденовъ полицейскій чиновникъ ждалъ выхода Гольдгейма. Увидѣвъ его, онъ быстро подошелъ къ нему и, схвативъ его за руку увлекъ съ собою въ темный уголъ залы.

— Вы не узнаете меня? спросилъ онъ оторопѣвшаго старика.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Гольдгеймъ, всматриваясь ему въ лицо пристально.

— Мнѣ сказали сейчасъ, что намѣстникъ говоритъ теперь съ какимъ то Гольдгеймомъ, который прежде жилъ въ Вильнѣ, имѣеть сына и дочь, и теперь живетъ въ Н...ской улицѣ. Такъ, что ли?

— Такъ-съ.

— Слѣдуйте за мною.

Вышедши на улицу, офицеръ продолжалъ:

— Вы знали когда то казначея, который вслѣдствіе легкомысленной жизни, растратилъ большую сумму и, въ день передъ ревизіею кассы, пришелъ къ вамъ, полный отчаянія, и, съ слезами на глазахъ, просилъ васъ о помощи; которую вы ему великодушно доставили?

— Да, это былъ нѣкто господинъ Куриловъ.

— Этотъ Куриловъ, стоитъ теперь передъ вами, и считаетъ себя счастливымъ, что можетъ вамъ отплатить за благодѣяніе, которое вы ему тогда оказали. Я сдѣлалъ открытіе, которое предастъ въ мои руки судьбу всей вашей семьи. Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вы спасли мнѣ жизнь: теперь я спасу ее вамъ.

— Я васъ ни какъ не понимаю, увѣрялъ оторопѣвшій и удивленный Гольдгеймъ.

— Не притворяйтесь, другъ, вы видите, что я вамъ зла не желаю. Я бы могъ передать это открытіе по принадлежности, и вѣрно получилъ бы награду или повышеніе, но тогда бы вы погибли. Изъ того, что я такъ не поступилъ, вы можете ясно видѣть, что я имѣю въ виду ваше же собственное добро.

— Да поможетъ мнѣ Богъ—я ни слова не понимаю изъ всего того, что вы мнѣ говорите.

— Вы не знаете, что въ модельнѣ вашего дома стоитъ тайный типографскій станокъ, на которомъ работаютъ вашъ сынъ и ваша дочь, въ сообществѣ съ бывшимъ наборщикомъ?

Гольдгейму показалось, что земля раскрывается подъ его ногами.

— Въ моемъ домѣ! вскричалъ онъ. Мой сынъ? Моя дочь?

— Тихе, ради Бога! Идите скорѣе домой. Огонь можетъ все уничтожить. Только проворнѣе. Черезъ часъ къ вамъ явится полиція.

И съ этими словами офицеръ удалился, а Гольдгеймъ бросился съ величайшею поспѣшностію въ свою карету.

Изъ дома отца Карлъ поспѣшилъ къ Гедвигѣ, что бы извѣстить ее обо всемъ случившемся и что бы увѣряться въ ея любовію и мужествомъ. Двери были заперты.

Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ и недовольный собою Карлъ воротился домой. Голова его горѣла, пульсъ сильно стучалъ. Какія то темныя предчувствія терзали его душу.

На подорогѣ онъ возвращается снова къ дверямъ своей возлюбленной—напрасно! Еще съ большею досадою отправляется онъ обратно домой.

Гедвига слышала какъ стучалъ Карлъ, и видѣла его самого, но она не хотѣла отвѣчать. Тихо и быстро продолжаетъ она свою разрушительную работу. Ей прилежно помогаетъ сядой шестидесятилѣтній старикъ. Его загорѣлое лице изрѣзано глубокими морщинами. Широкій рубецъ идетъ черезъ весь лобъ. Глаза его искрятся холоднымъ и острымъ огнемъ. Непріятно встрѣтиться съ такимъ взглядомъ: онъ пронизываетъ всю душу насквозь. Короткіе, стоячіе волосы, густые брови, громадные подкрашенные усы на толстой верхней губѣ придаютъ не много миловидности всей непріятной фигурѣ старика.

Оба эти лица сильно заняты. Изъ потаенныхъ мѣстъ вынимаютъ они кнпы бумагъ, денегъ, картъ, плановъ и оружія и упаковываютъ ихъ въ ящичкахъ, шкатулахъ, дорожныхъ чемоданахъ, и за тѣмъ уничтожаютъ всѣ слѣды безпорядка. По временамъ Гедвига подходитъ къ окну, тщательно смотритъ по всѣмъ направленіямъ и, удостовѣрившись въ отсутствіи всякой опасности, снова приступаетъ къ прерваннымъ занятіямъ; открываетъ трубы, введенныя въ

полны стѣны, вынимаетъ различныя вещи изъ скрытыхъ сундуковъ и шкаповъ, которые она за тѣмъ приводитъ въ прежнее положеніе.

Во время одной изъ своихъ рекогносцировокъ, Гедвига вдругъ отпрянула отъ огня.

— «Гольдгеймъ», проговорила она полушопотомъ.

— Идетъ?

— Онъ сейчасъ войдетъ въ домъ.

Старикъ сжимаетъ свой кулакъ. Глаза его горятъ; онъ очень похожъ на раздраженнаго звѣря, готоваго напасть на своего врага. Проклятiе вырывается изъ его устъ, и за тѣмъ все утихаетъ. Ни одинъ звукъ, ни одно движеніе не прерываютъ наступившей тишины. Слышно какъ кто то два, три раза ступнулъ въ двери, и за тѣмъ слышны медленно удаляющіеся шаги. Работа снова начинается, и кипитъ подъ руками.

Наконецъ она окончена. Гедвига позвонила. Входитъ старый служитель.

— Пришли?

— Ждутъ уже полчаса.

— Можно ли на нихъ положиться? спрашиваетъ старикъ.

— Вполнѣ, сударь.

— Введи ихъ сюда.

Въ залу входятъ двое людей, несущихъ гробъ, въ которомъ обыкновенно выносятъ мертвецовъ изъ госпиталей. Старый служитель заботливо укладываетъ разбросанныя на полу пакеты въ гробъ. По окончаніи этой работы, старикъ вынимаетъ изъ бумажника банковый билетъ и, передавая его служителю говорить:

— Это отдашь имъ. Ты пойдешь за ними въ небольшое отдаленіи и будешь слѣдовать за ними. По дорогѣ въ госпиталь они повернутъ на лѣво и отвесутъ гробъ въ означенный востель. Прежде чѣмъ ты придешь, я уже буду тамъ и приму отъ тебя все.

Люди удалились. Въ залѣ царствовалъ прежній переполохъ.

— Гедвига, сказала старикъ, черезъ часъ наши соберутся сюда. Я думаю, что до того времени всякая опасность будетъ устранена. За тѣмъ судъ начнетъ свое дѣло. Вели

подать чай и приготовить столъ для игры, что бы наше общество въ случаѣ внезапнаго нападенія имѣло видъ частнаго кружка.

Часъ спустя, въ залѣ молодой дѣвушки собрались всѣ предводители возстанія. Два игорные стола стояли посреди залы, на нихъ лежали всѣ принадлежности игры и куренія; въ углу кишѣлъ самоваръ, какъ будто бы этимъ людямъ, въ это глубоко серьезное время нечего было дѣлать, какъ проводить время въ игрѣ.

Старикъ съ рубцемъ на лбу, графъ Кроновскій, образуетъ центръ. Вокругъ него, въ полукругѣ, стоятъ всѣ присутствующіе. Гедвига стоитъ возлѣ графа. Въ залѣ царствуетъ торжественное молчаніе.

— Господа, начинаетъ графъ Кроновскій, я нашелъ нужнымъ пригласить васъ сюда, чтобы сообщить вамъ событіе большой важности, которое могло бы погубить насъ всѣхъ; къ счастью, теперь опасность миновала. Одинъ изъ нашихъ членовъ измѣнилъ намъ.

Крикъ ужаса вырвался изъ груди присутствующихъ.

— Когда мы въ тридцатомъ году возстали, у насъ хватило на столько духу и честолюбія, что мы хотѣли быть сами своими освободителями; мы собственными руками хотѣли разорвать наши узы, и не просили мышей перегрызать ихъ. Вы, молодое поколѣніе, приняли въ свой союзъ евреевъ, и этимъ самымъ, дали мѣсто въ нашемъ священномъ дѣлѣ измѣнѣ. Дѣвица Гедвига Болевская—я обвиняю ее передъ вами—привлекла въ нашу тайну и нашъ союзъ молодого человѣка, по имени Карла Гольдгеймъ, приобрѣла ему наше довѣріе и въ награду за его любовь помогла ему достигъ одного изъ важнѣйшихъ постовъ.

— Вы клеветаете, графъ,—вскричала Гедвига, нисколько не краснѣя отъ обвиненія Кроновскаго, которое навлекло на нее всѣ взгляды. Я знаю только одну любовь, которой я открыла свое сердце—это любовь къ отечеству; все другое у меня только средство для цѣли. Если я въ самомъ дѣлѣ возвысила Карла Гольдгейма, если я посвятила его въ наши тайны, если я дала ему мѣсто священнослужителя въ нашемъ священномъ дѣлѣ, если я дружественно обходилась съ нимъ и даже прикидывалась влюбленною—то я это все дѣлала, имѣя въ виду пользу нашего дѣла, которому я, за-

бывая свой поль, предалась и служу какъ самыя мужественныя изъ васъ, я такъ поступала для блага нашей родины. Благодаря этой моей хитрости, Карль Гольдгеймъ оказалъ намъ важныя услуги: онъ доставилъ намъ деньги, оружіе и платье, завелъ типографскій станокъ, распространялъ наши прокламаціи и облегчилъ намъ наши сношенія съ Парижемъ и Дрезденомъ.

— Для того, что бы тѣмъ лучше погубить насъ и предать насъ врагу, прервалъ ее графъ. Я продолжаю, господа. Этотъ человѣкъ, которому, къ несчастію, знакома вся наша организація находится въ близкихъ сношеніяхъ съ намѣстникомъ. Мнѣ донесли, что Гольдгейма сегодня видѣли во дворцѣ; онъ долго говорилъ съ намѣстникомъ, а потомъ вышелъ въ сопровожденіи полицейскаго офицера, съ которымъ онъ во дворѣ, пожавъ ему дружественно руку, простился и уѣхалъ домой.

— Гольдгеймъ? спросилъ одинъ изъ собранія.

— Гольдгеймъ, тотъ самый. Вотъ рапортъ нашей собственной полиціи. Узнавъ это, я поспѣшилъ принять мѣры для отвращенія опасности. Я отправился въ монастырь... и переговорилъ съ пріоромъ. Монастырь теперь принадлежитъ намъ. Въ немъ есть много тайныхъ проходовъ и скрытыхъ надежныхъ тайниковъ. Туда я велѣлъ перенести, черезъ надежныхъ людей, въ гробу весь нашъ архивъ и кассу, теперь все въ безопасности. Если явится сюда полиція, то она найдетъ уже пустое гнѣздо. Теперь мы должны принять мѣры противъ нашего почтеннаго сочлена, который во всякомъ случаѣ можетъ быть намъ вреденъ. Прежде всего мы должны судить его. Смерть измѣннику!

— Смерть измѣннику! повторили хоромъ патриоты.

— Потому, что мы строже наказать не можемъ, продолжалъ графъ. Если бы можно было придумать наказаніе въ десять разъ хуже смерти, я не преминулъ бы настоять на томъ, что бы подвергнули ему этого измѣнника, который, за ничтожную награду, изъ за какойнибудь мелочной ревности, изъ за женской болтовни предастъ разрушенію работу, созданную кровавымъ потомъ цѣлой націи, дѣло, приготовленное въ продолженіи многихъ лѣтъ безустаннаго труда, плоды, выросшіе подъ слезами, вздохами и плачемъ

угнетенной націи и въ минуту передъ побѣдою призываетъ на наши головы гибель!

Въ собраніи чувствуется чрезвычайное движеніе. Невольная дрожь овладѣваетъ Гедвигю. — Женщина прежде всего женщина.

— Я думаю не слѣдуетъ произносить приговоръ не выслушавъ его, говоритъ она боязливо. Преступникъ долженъ защищаться, и хотя я не думаю, что бы онъ нашелъ защитника между нами, однакожъ надобно позволить ему самому оправдаться.

— Оправдаться! Оправдать измѣну! кричить Кроновскій. Измѣнники внѣ защиты закона и кто первый вонзаетъ въ нихъ кинжалъ, тотъ дѣлаетъ богоугодное дѣло, и всѣ яды измѣнники, заслуживающіе позорной смерти. Это была проклятая выдумка — позволить имъ участвовать въ нашемъ великомъ возстаніи. Къ чему они намъ? Оружіе они намъ доставляютъ, когда мы имъ платимъ, деньги они даютъ, когда мы ихъ мучимъ, порученія наши исполняютъ они когда мы ихъ гонимъ. Мы бы могли получить отъ ихъ слабости то, что вы требуете теперь отъ ихъ патріотизма. Къ чему ихъ привлекать въ администрацію и въ армію? Если мы падемъ въ борьбѣ, тогда они сдѣлаются участниками чести нашего паденія, нашего мученичества, нашего безсмертія. Если мы побѣдимъ, тогда они закатятъ участвовать въ нашей славѣ, нашей независимости и въ нашихъ правахъ — и ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ не желалъ бы я имѣть своими компаніонами жидовъ.

Гедвига молчитъ. Слушатели утвердительно качаютъ головою. Только баронъ Маринскій, демократъ чистой крови, несмотря на свое баронство, человекъ, всосавшій въ себя молоко новѣйшей цивилизаціи возстаетъ противъ возрѣвннн своего сообщника. Крутой и неразборчивый въ выраженіяхъ говоритъ онъ, обращаясь къ графу.

— Вы оскверняете наше столѣтіе, графъ, и если всѣ поляки, участвующіе въ возрожденіи Польши, думаютъ какъ вы, раздѣляютъ ваши предразсудки, то Польша никогда не будетъ свободна. Все несчастіе нашего народа состоитъ въ томъ, что онъ не имѣетъ средняго класса гражданъ; сельское народонаселеніе враждебно и во всякомъ случаѣ недоброжелательно относится ко всѣмъ начинаніямъ дворянъ въ

которых оно видитъ своихъ тирановъ. Евреи во множествѣ населяющіе Польшу, могли бы образовать просвѣщенный, полезный и богатый средній классъ, если бы мы соединились съ ними, и могли служить связью между дворяниномъ и крестьяниномъ. Если бы мы приобрѣли дружбу евреевъ, тогда наши силы на столько бы увеличились, на сколько они отъ устраненія еврейскаго элемента уменьшились бы; мы удовлетворили бы настоятельнымъ требованіямъ вѣка. Время строгихъ предрасудковъ и исключительнаго аристократизма прошло. Сословіе уступаетъ мѣсто — человѣку. Въ области дипломатіи и финансовъ, также какъ и на полѣ сраженія, еврей можетъ быть столько же полезенъ, какъ и потомокъ рыцаря, участвовавшего въ крестовыхъ походахъ, и было бы грѣшно отвергнуть содѣйствіе нашему національному дѣлу такую силу. Если совершена измѣна, то она безъ всякаго сомнѣнія, заслуживаетъ наказанія, но наказаніе цѣлое общество за преступленіе одного частнаго лица тоже нельзя. И наша каста произвела измѣнниковъ, однакоже никто не станетъ отрицать ея храбрости и готовности пожертвовать всѣмъ для блага отечества. Тысячи исполняютъ свой долгъ и погибаютъ, одиночныя личности бросаютъ свое знамя и убѣгаютъ, но мы, однакоже, не должны распустить всю армію, потому только, что въ ней нашлось нѣсколько дезертеровъ.

— Пока я имѣю вліяніе, прерываю его графъ, я не допущу, что бы евреи участвовали въ созиданіи исторіи польскаго народа и въ управленіи страной. Въ этомъ будьте увѣрены, господинъ баронъ.

— Во время моихъ путешествій по Польшѣ, по Краковской области и по Галиціи я имѣлъ случай изучить этотъ народъ, и я уважаю его. Судить обо всемъ народѣ по фактору или по коробейнику, котораго въ не хорошемъ расположеніи духа сбрасываетъ съ лѣстницы и который опять возвращается, потому что нужда гонитъ его къ вамъ, а голодъ дѣтей и жены заставляютъ его переносить равнодушно ваши пинки и ваши грубости — еще не значитъ знать этотъ народъ. Взгляните на евреевъ въ ихъ домашней жизни, въ ихъ молитвенныхъ домахъ, въ ихъ обществахъ — и вы найдете народъ единый, хотя раздробленный, и сильный черезъ это единство; вы найдете между ними чистоту нравовъ, безустанныя трудолюбіе, привязанность къ прошедшему, не

поколебимую надежду, что Богъ не оставитъ ихъ въ будущемъ, которой мы не можемъ не удивляться. Между тѣмъ какъ нашъ крестьянинъ проводитъ свои воскресные и праздничные дни въ кабацѣ, гдѣ онъ пропиваетъ трудъ всей недѣли—еврей проводитъ свои дни отдыха и поста въ кругу своего семейства, въ вычищенной комнатѣ, у накрытаго чистою бѣлою скратертію стола, въ ученіи, разсказахъ и молитвахъ, раздѣляя свой хлѣбъ съ женою и дѣтьми и удѣляя, изъ тяжело доставшагося ему сбереженія, часть на общественныя нужды своей общины и на обученіе дѣтей своимъ.

— Любезный баронъ, сказалъ графъ Крановскій съ едва скрытою злобою, мы собрались сюда не для того, что бы разсуждать объ эмансипаціи евреевъ, но что бы судить измѣнника: угоднѣе вамъ, господа, приступить къ отобранію голосовъ?

— Голоса собраны.

Баронъ Маринскій, поддерживаемый Гедвигою, даетъ свой голосъ противъ предложенной смертной казни; большинство на сторонѣ графа Крановскаго.

Карлъ Гольдгеймъ приговоренъ къ смертной казни!

Едва только прибывъ домой, старый Гольдгеймъ тихо, никому незамѣченный, прокрадывается съ своею молельною. Быстрымъ взглядомъ окидываетъ онъ комнату и скоро замѣчаетъ подъ тщательно закрытымъ столомъ массу оружія, которымъ дѣти его содѣйствовали возстанію. Дрожащею отъ внутренняго движенія рукою и не стирая выступившихъ на глаза его слезъ, поджигаетъ онъ священный столъ; пламя разгорается и жадно охватываетъ всѣ окружающіе предметы.

Еще осторожнѣе прежняго прокрадывается старикъ черезъ дворъ въ свое жилище, гдѣ онъ—преступникъ на старости лѣтъ, тяжело опускается въ кресло и нѣкоторое время почти безъ ума погружается въ мрачныя думы. «Пожаръ! Пожаръ! кричатъ вѣзвѣ; старикъ слышитъ этотъ крикъ и пораженный

въ самое сердце, онъ быстро вскакиваетъ: это публичное обнародованіе его преступленія, крикъ ужаса о его черномъ дѣяніи.

Внизу собирается толпа; сотни рукъ работаютъ, чтобы удержать освобожденную стихію, быстро уничтожившую большой флигель и, вмѣстѣ съ нимъ, доказательства государственнаго преступленія.

Еще не потухъ пожаръ, а полиція въ лицѣ Курилова, предводительствующаго отдѣленіемъ нижнихъ полицейскихъ чиновъ и вспомоствуемая военною командою, является въ домъ Гольдгейма, что бы отыскать тайный типографскій станокъ, о существованіе котораго полиція была извѣщена. Медлить больше Куриловъ не могъ, если не желалъ подвергнуться важному подозрѣнію.

Тщательно шарить полиція по всѣмъ угламъ, всѣ тайники открываются передъ нею, половныя доски вырываются, повсюду проникаетъ она: въ погреба, подъ крышу, во всѣ отдѣленія дома — напрасно! Только нѣкоторыя книги, брошюры и фотографическія карточки, неодобренныя цензурою, попадаютъ въ руки полиціи.

Карлъ съ сестрою — безмолвные отъ изумленія и безпокойства о событіяхъ такъ быстро совершившихся въ ихъ глазахъ, — незная ни причины призыва отца въ замокъ, ни причины внезапнаго пожара и окончательно ошеломленные прибытіемъ полиціи — стоятъ посреди кучи домашней утвари, вынесенной служителями на дворъ при самомъ началѣ пожара. Что думать и чего имъ бояться? Эрмина въ особенности совершенно падаетъ подъ бременемъ всѣхъ этихъ событій. Нѣжное дитя, она неспособна нести панцырь, въ который ее одѣли и подъ тяжестію котораго она не можетъ устоять.

Старый Гольдгеймъ стоитъ у окна, повидимому, занятый видомъ пожара; но въ сущности онъ ожидаетъ прибытія полицейскаго чиновника, который находится въ другомъ этажѣ.

Наконецъ приходитъ Куриловъ. Онъ одинъ. Его люди уже ушли и ждутъ только своего начальника.

— Одно слово, другъ, говоритъ старикъ, схвативъ объ руки Курилова и сжимая ихъ съ искреннею благодарностію. Вы оказали мнѣ сегодня услугу, которую во всю жизнь нель-

зя забыть и которую невозможно вознаградить. Мы стояли на краю гибели; вы насъ спасли. Опасность миновала, благодаря вашей помощи, но не устраненъ еще страхъ ея повторенія. Въ настоящее время, когда все въ Польшѣ пѣнится и кипитъ, сынъ мой, который, кажется, посвятилъ себя дѣлу Польши, добровольно не откажется отъ него. Люди его характера и лѣтъ скорѣе раздражаются, чѣмъ останавливаются опасностями. Я только тогда успокоюсь, когда Карлъ будетъ сидѣть за желѣзною рѣшеткою. Если вы хотите освободить старика, стоящаго на краю могилы, отъ гнетущей его заботы, то—арестуйте моего сына.

Куриловъ отступаетъ назадъ и удивленными глазами смотритъ на отца, который желаетъ, что бы сынъ его былъ арестованъ.

— Я васъ прошу объ этомъ, продолжалъ старикъ, изъ искреннѣйшей любви къ моему дѣтищу, изъ боязни за счастье моего единственнаго сына. Если онъ будетъ свободенъ, онъ безустанно пойдетъ по избранной имъ кривой дорогѣ, которая неминуемо приведетъ его къ гибели. Если онъ погибнетъ на войнѣ, то долженъ будетъ искупить свою вину въ тюрьмѣ, въ Камчаткѣ, можетъ быть; на плахѣ даже, въ лучшемъ случаѣ, онъ какъ преступникъ долженъ будетъ бѣжать изъ своей родины, блуждать въ чужбинѣ, въ дали отъ друзей и родныхъ. Если я хочу спасти его отъ этой печальной участи, я долженъ насильно остановить его, что бы помѣшать его дальнѣйшимъ дриженіямъ. Въ крѣпости Карлъ будетъ находиться безъ всякой опасности, и кроткимъ тяжелымъ терпѣніемъ въ настоящемъ, онъ освободится отъ долгаго горькаго будущаго.

— Въ концѣ концовъ, вы все таки правы отвѣчаетъ Куриловъ, послѣ недолгаго размышленія. Этимъ путемъ можно избѣжать большихъ несчастій. Ладно, я арестую вашего сына по поводу найденныхъ у него книгъ и фотографическихъ карточекъ инсургентовъ, и онъ останется въ крѣпости пока вы не найдете нужнымъ освободить его.

— Вы обязываете меня безконечно!

— И такъ, прощайте.

И съ этими словами Куриловъ оставляетъ старика, чтобъ отыскать молодаго Гольдгейма. Карлъ блѣдный и молчаливый стоитъ возлѣ сестры своей.

— Вы будете такъ добры послѣдовать за мною, обратися къ нему Куриловъ.

— Крикъ ужаса вырывается изъ груди Эрмины. Карлъ сжимаетъ губы и съ мрачнымъ взглядомъ смотритъ на челоуѣка, который хочетъ увести его въ не очень веселое мѣсто.

— Куда, если позволено спросить?

— Сперва въ часть.

— Могу ли я узнать причину моего ареста, сударь?

Куриловъ протягиваетъ руку и, указывая на грудь еще тлѣющихся углей, говорить.

— Я знаю, что тамъ схоронено; не спрашивайте, не разсказывайте и слѣдуйте за мною.

Эрмина судорожно обвиваетъ обѣими руками шею брата и, напрягая всѣ свои силы, она призываетъ отца на помощь, какъ будто, хотая лишить ее драгоцѣннѣйшаго имущества.

— На помощь, отецъ, на помощь!

Старикъ, съ сопровожденіемъ множества людей, подвѣляется на дворъ.

— Батюшка, Карла хотая арестовать, кричитъ Эрмина, заливаясь слезами, его уводятъ отъ насъ!

— Успокойся, дитя мое, отвѣчаетъ старикъ; невинность Карла скоро откроется, и ему возвратятъ свободу. Довѣренному отъ правительства мы не должны сопротивляться.

Но спокойствіе отца остается безъ вліянія на Эрмину; она знаетъ тайну, которая отцу неизвѣстна, она знаетъ, что если что нибудь откроется, то это уже вовсякомъ случаѣ не невинность Карла.

Эрмина насильно удерживая рыданія снѣшить къ Гедвигѣ. Онѣ знаютъ другъ друга, Гедвига знаетъ, какое дѣятельное участіе молодая дѣвушка принимала въ работѣ брата и какъ она интересуется дѣломъ революціи. У Гедвиги Эрмина надѣется найти помощь для своего брата.

Лакей останавливаетъ ее.

— Барыни дома нѣтъ, говорить онъ.

Эрмина по лицу его узнаетъ, что онъ вретъ.

— Барыня дома, говорить она настойчиво, она должна быть дома, потому что она пригласила меня къ себѣ. Передайте ей эту карточку, я здѣсь подожду.

И написавъ на карточку слова *très pressant* она передаетъ ее смѣшавшемуся лакею, который медленно удаляется, какъ человѣкъ не знающій какъ поступать въ данномъ случаѣ.

Собраніе, созванное графомъ Кроновскимъ для суда надъ Карломъ еще не разошлось, когда Гедвигъ было доложено о посѣщеніи Эрмины.

— Сестра его здѣсь! восклицаетъ она, передавая карточку, которая переходитъ изъ рукъ въ руки.

— *Très pressant*—что это можетъ означать?

— Можетъ быть сестра честиѣ брата, и она пришла увѣдомить объ угрожающей опасности?

— Ее непременно нужно выслушать!

Даже графъ Кроновскій совѣтуетъ Гедвигъ принять ее.

Проходитъ нѣсколько минутъ,—собраніе теряется въ области догадокъ о причинѣ, которая привела сестру измѣнника въ этотъ домъ, въ которомъ она прежде никогда еще не была, что означаютъ слова *très pressant*, написанныя дрожащею рукою?

Быстрый приходъ Гедвиги прерываетъ эти предположенія. За нею слѣдуетъ Эрмина. Присутствующіе съ изумленіемъ смотрятъ на это допущеніе въ мѣсто, гдѣ предводители революціи совѣщаются о государственныхъ дѣлахъ, сестры человѣка, который, совершилъ такое страшное преступленіе противъ революціи.

— Карлъ Гольдгеймъ, восклицаетъ Гедвига арестованъ. Онъ уничтожилъ станокъ прежде, чѣмъ полиція успѣла овладѣть имъ, и агенты графа Кроновскаго мѣднаго гроша не стоятъ!

Взоры всѣхъ обратились на графа.

— Мои агенты, возражаетъ графъ, видѣли Гольдгейма въ замкѣ, и, кромѣ того, видѣли какъ онъ дружески разговаривалъ съ полицейскимъ чиновникомъ. За вѣрность этого извѣстія я ручаюсь. Я думаю, что этого достаточно. Всякое противорѣчіе—ложь.

— Былъ вашъ братъ въ замкѣ? спрашиваетъ баронъ Маринскій Эрмину, какъ адвокатъ, который желаетъ обратить вниманіе суда на обстоятельство, благоприятное для его кліента.

— Нѣтъ, сударь, отвѣчаетъ Эрмина, не имѣя никакого

предчувствія о томъ, что здѣсь недавно еще происходило. Въ замкѣ былъ отецъ: намѣстникъ его потребовалъ къ себѣ.

Присутствующіе многозначительно смотрятъ другъ на друга. Изумленіе и недовѣрчивость выражаются на ихъ лицахъ.

— *А братъ не былъ въ замкѣ?* повторяетъ свой вопросъ Маринскій.

— Нѣтъ братъ не былъ тамъ, повторяетъ Эрмина. Отецъ уѣхалъ въ замокъ, а Карлъ поспѣшилъ съ этимъ извѣстіемъ сюда. Онъ здѣсь былъ два раза, но двери были заперты. Между тѣмъ отецъ вернулся; онъ казался сильно взволнованъ и разсѣянъ. Почти одновременно у насъ въ домѣ сдѣлался пожаръ и едва онъ былъ потушенъ, какъ явилась полиція перешаривая всѣ углы въ домѣ, отъ погреба до крыши и за тѣмъ увела съ собою брата. Съ отцомъ я не имѣла времени говорить, а онъ тоже ничего не могъ рассказать.

— Судебное убійство! восклицаетъ баронъ, бросая ненавидный взглядъ на своего политическаго антагониста.

— Мы вовсе не совершили судебного убійства!

А судебныя убійства часты во времена революціонныхъ движеній. Во Франціи, во время терроризма, людей предавали смерти по одному доносу, поданному на кого либо изъ злобы или чувства мести, не дозволяя осужденному ни оправдываться, ни защищаться. За все назначалась смертная казнь: за отказъ въ отправленіи повинности, какъ за государственную измѣну, за нарушеніе правила о печати, какъ и за простой обманъ. Такъ какъ революціонныя трибуналы не имѣли средствъ назначать болѣе слабыя наказанія, то они назначали самыя сильныя. Они не имѣли возможности заключать людей въ тюрьмѣ или изгнать ихъ, поэтому они ихъ убивали или вѣшали.

Безсиліе привело къ кровавому терроризму, и такимъ образомъ, революція которой сначала сочувствовали почти всѣ, сдѣлалась предметомъ ненависти и ужаса для всѣхъ тѣхъ, которые ничѣмъ не хотѣли оправдывать совершенныхъ смертоубійствъ и для которыхъ цѣль не оправдываетъ средствъ. Люди, возставшіе противъ тираніи, сами провинились въ ней еще въ большей степени и уничтожали всякаго, кто не хотѣлъ подчиниться ихъ власти.

— Идите, дитя мое, говоритъ графъ, который сильно желалъ положить конецъ этой сценѣ, — идите, и будьте увѣрены, что мы сдѣлаемъ для вашего брата, все, что мы должны сдѣлать.

— А должны мы, продолжалъ графъ, когда закрылась дверь за удалившеюся Эрминою, — оставить его тамъ, гдѣ онъ теперь находится. Согласенъ, что мы, можетъ быть, поступили слишкомъ опрометчиво, осудивъ его на смертную казнь, хотя все это дѣло чрезвычайно неясно, и наконецъ, кто же во время войны обращаетъ вниманіе на жизнь отдѣльной личности? Теперь мы должны постараться при помощи находящихся въ нашихъ рукахъ средствъ, скорѣе продолжить арестъ Карла Гольдгейма возможно долѣе, чѣмъ освободить его. Это была чрезвычайная ошибка — предать въ руки еврея тайну, за которую русское правительство охотно дало бы миллионъ: посвятить въ нашу тайну человѣка, который не имѣетъ ни патріотизма, ни отечества, который рано или поздно потребовалъ бы вознагражденія за оказанныя имъ услуги — это значило легкомысленно играть съ самыми дорогими интересами націи. Оставимъ его въ рукахъ русской полиціи, и будемъ довольны тѣмъ, что это случилось прежде чѣмъ успѣли совершиться измѣна или обманъ, которыя необходимо совершились бы.

— А если этотъ человѣкъ теперь намъ измѣнитъ для того, что бы получить то, что мы не хотимъ доставить ему? спрашиваетъ Маринскій.

— Если онъ уже не измѣнилъ намъ, то онъ до завтра не измѣнитъ, а завтра наши тайныя газеты протрубятъ апоѳеозу еврейскаго мученика, томящагося въ заключеніи, — хотя и скомпрометируютъ Карла Гольдгейма въ глазахъ русскаго правительства, но зато онъ, по своей глупости, если мы доставимъ ему нѣсколько листовъ — почувствуетъ въ себѣ новыя силы и устоитъ нѣкоторое время противъ всякихъ искушеній.

Гедвига пошлетъ ему локонъ, другая дама вѣнокъ, такимъ образомъ онъ останется намъ вѣренъ, и притомъ не станетъ больше мѣшаться въ наши дѣла. Этого требуетъ осторожность. Оно, можетъ быть, придется не повкусу нашему республиканцу господину барону, можетъ быть это и не гу-

манно и не справедливо, но во всякомъ случаѣ — благо-
зумно.

— Совершенно вѣрно, подтверждаютъ другіе.

— А Гедвига? спрашиваетъ баронъ, что думаетъ Гед-
вига?

— Я съ своей стороны, отвѣчаетъ Гедвига, была бы очень рада освободиться отъ глупой комедіи, которую я играю — прикидываться влюбленною, слышать различныя пошлости, которыя опротивѣли мнѣ. Я думаю, что устраненіе Гольдгейма не будетъ большою потерей для нашего дѣла. Я только противилась смертному приговору, но совершенно согласна съ его исключеніемъ, и я думаю — прибавила она со смѣхомъ, что не слѣдуетъ принимать какія либо незаконныя мѣры для освобожденія Карла Гольдгейма, что бы не оказаться неблагодарнымъ въ отношеніи къ русской полиціи, которая оказала намъ такую важную услугу, освободивъ насъ отъ лишней обузы.

— Совершенно вѣрно, восклицаетъ Кроновскій съ торжествующимъ видомъ смотря на Маринскаго, который подпирая голову рукою, сидитъ съ мрачнымъ лицомъ — онъ отказался отъ борьбы. — Совершенно вѣрно — къ чему повторять ошибку, которую мы уже разъ сдѣлали, и снова принять въ нашу среду лицо, которое намъ всѣмъ равно ненавистно, и отъ котораго мы отдѣлались такимъ приличнымъ образомъ? Къ чему принимать своими сотрудниками въ борьбѣ за освобожденіе самыхъ худшихъ евреевъ — евреевъ гордыхъ, такъ называемыхъ образованныхъ? Прибѣгать къ помощи такого вспомогательнаго войска — не значить ли это дать польской націи свидѣтельство о ея собственной бѣдности? И можемъ ли мы принять на себя обязательства за вымышленные услуги, — обязательства, которыхъ мы никогда не удовлетворимъ; кто изъ насъ допустить еврея, въ случаѣ, когда мы сдѣлаемся властелинами этой страны, — сидѣть съ нами у одного стола, ѣсть изъ одного блюда, пить изъ одной чаши, пользоваться одинаковыми правами и стать на одинаковую съ нами общественную ступень?

— Никто! кричатъ всѣ единогласно.

— Еврей созданъ для того, чтобъ слушаться, продолжаетъ графъ, а не для власти. Пусть онъ себѣ торгуетъ своимъ тряпьемъ и *справляетъ шабашъ* сколько ему угодно, пусть онъ

обманываетъ въ своей лавкѣ, сколько ему хочется, но нельзя допустить, что бы онъ занималъ мѣста между людьми, *дѣлающими всемірную исторію*. И такъ рѣшено: Гольдгеймъ остается тамъ, гдѣ онъ находится, ни одно слово не должно быть произнесено, ни одна рука не должна подняться въ пользу его освобожденія!

У дверей стояла Эрмина и прислушивалась къ этому совѣщанію.

Выходя изъ залы, она почувствовала, что силы ее оставляютъ; ноги ея подкашивались, и въ изнеможеніи она опустилась на стулъ, чтобъ подождать выхода Гедвиги, которой онъ хотѣлъ повторить просьбу о братѣ. Въ это время сильный голосъ Кроновскаго проникъ до ея слуха.

Жадно стала она прислушиваться, узнавъ, что дѣло идетъ о ея братѣ, и когда Кроновскій окончилъ, она, едва заглушила крикъ, невольно вырвавшійся изъ груди ея, она бросилась вонъ изъ дома. Досада, гнѣвъ и отчаяніе овладѣли ею. Разстроенная и взволнованная явилась она къ брату, котораго одинъ видъ ее уже сильно испугалъ.

Дрожащимъ голосомъ и съ свергающими глазами рассказываетъ она ему, что она пережила и перестрадала, за это короткое время; она говоритъ ему о неблагодарности, о презрѣніи тѣхъ, дѣлу которыхъ онъ служилъ съ опасностію для собственной жизни, о подлой невѣрности женщины, ради которой онъ намѣревался жертвовать своимъ настоящимъ и будущимъ счастіемъ, о безпомощности, въ которой эти люди оставили его, объ ужасныхъ разочарованіяхъ во всѣхъ ея собственныхъ надеждахъ—и, съ настойчивостію сонгиническаго характера, она требуетъ отъ него, что бы онъ отомстилъ за себя и за свой народъ и измѣнилъ дѣлу, которое теперь стало чуждо ему.

Карль, какъ будто громъ разразился надъ его головою, стоитъ совершенно уничтоженный; глаза его неподвижны, щеки поблѣднѣли, руки опустились—онъ представляетъ собою бездушную статую изнеможенія и безпомощности. Всѣ его надежды, всѣ его чувства и помыслы, всѣ планы, которые онъ составилъ себѣ, всѣ замки, которые онъ строилъ, храмъ, который онъ воздвигъ въ своемъ сердцѣ своему божеству, всѣ мечты его воображенія о свободѣ, равенствѣ и братствѣ—все, все разлетѣлось въ пухъ и прахъ,

*

и онъ самъ стоитъ, какъ пьяница, котораго выбросили на улицу, и который, очнувшись, стыдится надѣланныхъ имъ глупостей.

И онъ тюрьмѣ!

За все, что онъ сдѣлалъ, за все, что ему сдѣлали—въ тюрьмѣ!

Эрмина въ испугѣ молчитъ, видя страшныя страданія, которыя она причинила брату. Она обнимаетъ его, усаживаетъ на скамейку, она отогрѣваетъ его своими поцѣлуями и обливаетъ его лицо слезами.

— Богъ намъ поможетъ, Карлъ, милый Карлъ, будемъ надѣяться на Бога,—что дѣлать? люди обманули насъ, прибавляетъ она, отогрѣвая его холодное какъ ледъ лице у своей груди

— Купи твою свободу ихъ тайною, поступиай съ ними какъ они поступили съ тобою, и выйди чистый изъ этой темницы, въ которую ты вошелъ, какъ жертва твоей любви къ отечеству.

— Нѣтъ, говорить Карлъ, приходя въ себя, я никогда не сдѣлаюсь измѣнникомъ, хотя они и поступили со мною такъ подло. Я сдѣлалъ то, что могъ сдѣлать честный человекъ, я хотѣлъ содѣйствовать освобожденію моей родины,—я надѣялся участвовать въ побѣдѣ, также какъ я участвовалъ въ опасностяхъ, я надѣялся на права, равныя принятымъ мною на себя обязанностямъ,—я любилъ потому что мнѣ показали прекрасное сердце въ красивой оболочкѣ, потому что мнѣ небо было обѣщано на землѣ. Теперь я кругомъ обманутъ, меня лишили отечества, изгнали изъ рая, съ свѣтлой высоты моего счастья, меня сбросили въ мракъ темницы,—хорошо, я остаюсь здѣсь—но измѣнникомъ я не сдѣлаюсь! Не хочу замарать ни себя, ни моего народа этимъ пятномъ; *я не хочу, что бы графъ Кроновскій оказался правъ.*

— Но ты, вѣдь можешь остаться здѣсь Богъ вѣсть какъ долго! Подумай, милый братъ,—ты теперь свободенъ отъ всякихъ обязательствъ, а любовь къ ближнему начинается любовью къ самому себѣ.

— Можетъ быть. Чѣмъ виноватъ бѣдный польскій народъ, когда его предводители погрѣшаютъ противъ гуманности и цивилизаціи? Справедливо ли измѣнить дѣлу

цѣлой націи, только потому, что какой нибудь графъ Кроновскій съ товарищами оказываются поддѣцами? Не найдеть ли вѣчная ненависть къ евреямъ свое оправданіе, не возмутится ли весь образованный міръ, когда онъ узнаеть что еврей продалъ Россіи ключъ къ открытію этого съ трудомъ и искусствомъ организованнаго возстанія, что бы такимъ постыднымъ образомъ получить свободу?

Эрмина молчитъ; она понимаетъ, что братъ правъ, что она чуть ли не уговорила его совершить нехорошее дѣло. Но какъ освободить его изъ темницы?

Она уходитъ домой. Молодая цвѣтущая дѣвушка еще недавно съ смѣющимися глазами и пухлыми щечками, является теперь передъ отцомъ, блѣдная и тощая, съ красными отъ слезъ глазами и разстроеннымъ лицомъ.

— Ты больна, дитя мое? спрашиваетъ старикъ въ испугѣ.

— Батюшка, говоритъ она, заливаясь слезами и неумѣя больше сохранить передъ нимъ свою тайну,—батьюшка, насъ поразило двойное несчастіе: Карлъ арестованъ, а тѣ, за вину которыхъ онъ страдаетъ, отвернулись отъ него!

— Успокойся, милое дитя мое, и говори яснѣе: кто отвергнулся отъ Карла?

— *Они*, тѣ, которымъ онъ посвятилъ жизнь свою. Карлъ былъ дѣятельный, преданный до самопожертвованія, членъ революціоннаго общества, что онъ сдѣлалъ, того не сдѣлали бы трое соединенными силами. Съ безустанною ревностію, съ дѣятельностію, незнавшею покоя, съ готовностію жертвовать всѣмъ, даже собственною жизнію, служилъ онъ дѣлу, къ которому онъ добровольно присоединился и которое ввергло его въ гибель. Революціонное правительство можетъ многое сдѣлать—я это знаю, вліяніе его чувствуетъ даже въ наивысшихъ ступеняхъ нашихъ правительственныхъ инстанцій, и къ нему я обратилась съ просьбою о помощи для Карла.

— И оно?..

— Никакой! Въ Карлѣ отдають на произволъ судьбы еврея.

— Я зналъ это прежде, и говорилъ, что такъ будетъ. Знаеть ли Карлъ объ этомъ?

— Я была у него, и передала ему слово въ слово все,

что я слышала. Онъ былъ уничтоженъ подъ тяжестію этой правды; онъ слушалъ мой разсказъ какъ слушаютъ смертный приговоръ; онъ раскаивался въ своемъ участіи, и сожалѣть о польской націи, которая имѣетъ такихъ проводителей. Но выдать ихъ тайны за свою свободу, онъ не хочетъ.

— Въ этомъ онъ совершенно правъ,—это прекрасно съ его стороны. Онъ не хочетъ измѣнить дѣлу изъ за личностей. Во всякомъ случаѣ, это событіе должно произвести на него цѣлительное дѣйствіе и научить его, что обѣщанія—пустыя слова. Я предупреждалъ его; я ему говорилъ, что имъ нужна только наша способность оказывать услуги, что теперь они взымаютъ къ нашему патріотизму, возбуждаютъ въ насъ надежды и честолюбіе, намъ даютъ векселя на будущее время,—но когда наступитъ день платежа, или когда мы потребуемъ части платежа—когда, на примѣръ, мы скажемъ: прежде, чѣмъ вы сдѣлаете насъ министрами и генералами, позвольте-ка намъ пока жить въ улицахъ, въ которыхъ до сихъ поръ евреямъ запрещалось жить,—то они отвернутся отъ насъ и будутъ смѣяться надъ нами, будто мы сказали Богъ знаетъ какую глупость. Мои слова встрѣтили глухое ухо. Карлъ предавался душой этимъ людямъ, которые теперь отказываются отъ него, и только теперь глаза его открылись. Хорошо, я подумаю о томъ, какъ бы его поскорѣе освободить. Онъ будетъ бѣднѣе одною надеждою, но зато богаче однимъ опытомъ,—что еврей неимѣетъ отечества и никакая страна не открывается предъ нимъ, что бы принять его—развѣ какъ гостинница для чужестранца, который за деньги получаетъ пристанище, но который не находитъ ни семейства, ни участія, ни искренности. Наша единственная миссія покамѣстъ состоитъ въ томъ, что бы пріобрѣтать деньги, потому что безъ нихъ мы не можемъ существовать. Какъ бы мы ни были образованы, просвѣщены, великодушны, храбры, какъ бы ни были честны наши желанія и наши дѣйствія—мы вездѣ найдемъ запертыя двери и надъ всѣми должностями и почестями виситъ роковая вывѣска съ надписью: *кроль еврезовъ*.

Спустя два дня, Карлъ былъ выпущенъ на свободу. Куриловъ не преминулъ, при этомъ случаѣ, прочесть ему наставленіе.

Онъ вступилъ въ домъ отца своего старше десятью годами, чѣмъ онъ оставилъ его. Его молодость успѣла, въ это короткое время, увянуть, его веселость и смѣлая самоувѣренность уступили мѣсто серіозной обдуманности и благоразумію, взглядъ его спокойнѣе, походка тише. Великія событія въ одну ночь совершаютъ тѣ важныя измѣненія, для совершенія которыхъ въ обыкновенное время нужно много лѣтъ. Какъ различны его настоящія мысли и чувства отъ тѣхъ, которыя наполняли все его существо, нѣсколько дней тому назадъ, когда онъ считалъ себя членомъ могущественнаго революціоннаго правительства, которое, казалось, хотѣло выдвинуть Россію изъ ея предѣловъ! Теперь онъ человѣкъ обманутый въ своихъ лучшихъ надеждахъ, всѣ свѣтлыя стороны его жизни омрачились.

Старикъ принялъ его съ любовію и ласкою, какъ будто онъ возвратился съ кладбища, гдѣ онъ похоронилъ дорогое сердцу лицо, и теперь нуждается въ утѣшеніи и нѣжномъ обхожденіи. Ни одного слова упрека или увѣщанія, ни одной нравственной сентенціи.

— Милый Карлъ, сказалъ старикъ, послѣ длиннаго разговора о незначительныхъ предметахъ, обстоятельства становятся все болѣе сомнительны; я бы хотѣлъ перевести мои деньги въ Пруссію; не поѣдешь ли ты въ Берлинъ?

Карлъ понялъ нѣжное намѣреніе отца и съ выраженіемъ благодарности, отвѣчалъ онъ:

— Я поѣду, когда тебѣ угодно будетъ.

— Видишь ли, милое дитя, продолжалъ старикъ, ты еще мало людей видѣлъ. Есть прекраснѣйшія страны, лучшія обстоятельства и вѣрнѣйшія положенія, чѣмъ у насъ. Будь я помоложе, я бы сталъ путешествовать, что бы собственными глазами увидѣть пеструю жизнь различныхъ народовъ и сыскать себѣ родину тамъ, гдѣ мнѣ понравилось бы. Намъ, которымъ отказываютъ въ клочкѣ земли, должно быть все равно, гдѣ стоитъ колыбель дѣтей нашихъ и гдѣ когда нибудь будетъ наша могила. Намъ, которымъ отказано во всякомъ участіи въ государственной и общественной жизни, все равно—передъ какимъ правительствомъ приходится намъ гнуть свою спину. Если мы найдемъ страну, которая приметъ насъ въ свои материнскія объятія, народъ, который протянетъ намъ братскую руку,—то эта

страна должна быть для насъ, вторымъ Іерусалимомъ, и мы должны поселиться на этой святой землѣ, хотя бы въ качествѣ поденщиковъ, въ потѣ лица достоящихъ свой насущный хлѣбъ, вмѣсто того, что бы жить въ роскоши тамъ, гдѣ насъ исключаютъ изъ общественнаго союза и нашимъ приходомъ пугаютъ дѣтей: «жидъ идетъ».

Карлъ опускаетъ голову. Онъ молчитъ.

— Вотъ въ Австріи пробуждается новая политическая жизнь; автономія провинцій осуществляется на самомъ дѣлѣ—думаешь ли ты, что Галиція пошлетъ много евреевъ какъ депутатовъ въ государственное собраніе?

— Я увѣренъ что ни одного. Потому что даже добрыя намѣренія правительства должны уступить передъ могущественнымъ предрасудкомъ, который мы встрѣчаемъ какъ въ политической, такъ и въ соціальной жизни, какъ будто бы мы были членами подчиненной расы, какъ индійцы въ глазахъ англійскихъ и испанскихъ побѣдителей—и все это потому, что мы по своему хотимъ приобрѣсть небесное благо. Наши противники упрекаютъ насъ въ томъ, что между нами нѣтъ храбрыхъ полководцовъ, тогда какъ они не даютъ намъ даже офицерскихъ чиновъ,—что мы не занимаемся земледѣліемъ, тогда какъ намъ отказано даже въ правѣ поземельной собственности,—что мы исключительно занимается торговлею, тогда какъ это единственная открытая для насъ сфера дѣятельности. Лучше уступить дорогу подобнымъ обстоятельствамъ, такъ какъ мы не въ состояніи измѣнить ихъ, потому что для ихъ основательнаго измѣненія нужны: новый духъ, другіе народные учителя, другія народныя книги, просвѣщенные духовные представители и—цѣлая человѣческая жизнь. Оставь за собою эту бурю,—*намъ* она ничего не принесетъ съ собою. Если поляки побѣдятъ, тогда мы останемся какъ лакеи у праздничнаго стола—они прислуживаютъ, не ожидая благодарности; добросердечные оставляютъ имъ на водку—больше ничего. Что для *насъ* свобода и право не завоюются, что соловей не *намъ* возвѣститъ день свободы, что *насъ* не введутъ во владѣніе величественными правами человѣчества, что, наконецъ, варшавскіе евреи, польскіе евреи таскаютъ теперь камни для чужаго зданія,—за все это я ручаюсь тебѣ, и ты можешь мнѣ повѣрить, мнѣ, тво-

ему старому отцу, который не напрасно такъ долго жилъ, такъ много видѣлъ, надѣялся, страдалъ и довольно дорого заплатилъ за свой жизненный опытъ.

Ближайшій поѣздъ желѣзной дороги увезъ съ собою Карла Гольдгейма изъ Варшавы и изъ дома родительскаго. Отца онъ уже больше не видѣлъ: старикъ недолго жилъ послѣ описанныхъ событій и тихо заснулъ на рукахъ своей дочери, не успѣвъ призвать сына, что бы дать ему свое послѣднее благословеніе.

Карлъ Гольдгеймъ живетъ теперь съ своею прелестною сестрою, недалеко отъ Кобленца, при Рейнѣ, гдѣ онъ купилъ себѣ имѣніе, въ счастливомъ уединеніи, и ведетъ трудовую и идиллическую жизнь.

ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ ПЕРМЯКА.

III.

О нѣкоторыхъ учрежденіяхъ Лозанны.

Приютъ для слѣпыхъ. — Госпиталь. — Институтъ. — Азбуки для слѣпыхъ. — Способы письма. — Типографія. — О типографіяхъ для слѣпыхъ вообще. — Общество слѣпыхъ для распространенія между ними книгъ Священнаго Писанія. — Институтъ Блюмера для слабоумныхъ и глухонѣмыхъ дѣтей. — Исправительный домъ и тюрьма для уголовныхъ преступниковъ. — Прачешная и ванны для бѣдныхъ.

Чудныя голубыя волны Женевскаго озера омываютъ берегъ одного изъ счастливѣйшихъ уголковъ земнаго шара — Ваатландскаго кантона (canton de Uaud). Благоприятный воздухъ, горы, возвышающіяся амфитеатромъ одна изъ ва другой въ самыхъ прихотливыхъ изгибахъ, и упирающіяся, наконецъ, въ лазоревыя небеса; то голыя, красноватая и золотистыя скалы, то изумрудный дернъ; то громадныя вѣковыя деревья грецкаго орѣшника, перемѣшанныя съ клепомъ, акаціями, топодемъ, среди которыхъ бѣлѣютъ красивыя домики; то виноградники, похожіе издали на зеленыя шахматныя доски, спускающіяся по отлогостямъ холмовъ до самаго берега, и, наконецъ, эти несравненныя голубыя, спокойныя воды, подобно зеркалу отражающія сол-

нечные лучи, и за ними мрачные утесы противоположнаго савойскаго берега, надъ которыми царять въ небесахъ суровыя, отливающія матовымъ серебромъ, снѣжныя вершины,—вотъ общія черты мѣстности, заслуживающей названія земнаго рая. Здѣсь все соединено, что бы влить въ душу спокойствіе, чувство довольства жизнію, тихія надежды на будущее... Подъ вліяніемъ природы, и человѣкъ здѣсь лучше, добрѣе, умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, признательнѣе Творцу за дары, отъ него посылаемые. Честный трудъ, комфортъ, непереходящій въ роскошь, чудныя простота и чистота нравовъ, трогательная для заѣзжаго человѣка привѣтливость во взаимныхъ отношеніяхъ, и, въ основѣ всего, глубокая деликатность,—вотъ отличительныя качества жителя Ваатландскаго кантона. Мудрено ли, что все влечетъ сюда иностранца, большаго физически, большаго духомъ, испытавшаго тяжелыя утраты, утомленнаго жизнію, или, наконецъ, желающаго приготовить дѣтей своихъ къ серьезной, разумной, честной житейской дѣятельности. Нигдѣ нѣтъ столько заѣзжаго люда, какъ въ Ваатландскомъ кантонѣ; по всему берегу и по холмамъ, разбросаны пансіоны, въ которыхъ нѣмецъ, англичанинъ, русскій находятъ себѣ тихій, прелестный пріютъ и общество по душѣ. Главный городъ кантона—Лозанна. Она служитъ высшею представительницею нравственныхъ элементовъ страны, средоточіемъ ея умственной жизни. Ея учебновоспитательныя, благотворительныя и общинныя учрежденія представляютъ образцы для подобныхъ учрежденій въ другихъ странахъ. На сколько развита здѣсь потребность знанія, какъ велика сумма умовъ, посвятившихъ себя воспитанію молодаго поколѣнія, это ясно изъ того, что, при 18,000 жителей, Лозанна имѣетъ 45 воспитательныхъ и учебныхъ заведеній, равно замѣчательныхъ и своимъ блестящимъ состояніемъ и разнообразіемъ назначеній (*). Нѣжная заботливость о

---

*) Въ числѣ этихъ заведеній заключаются: академія и коллегіумъ, специальная школа, нормальная педагогическая школа, техническая школа, институтъ Гейларда, высшая школа для дѣвицъ, школа для бѣдныхъ, школа для дѣтей перваго возраста, музыкальный институтъ, нормальная школа для сирѣтокъ и повивальныхъ бабокъ, школа верховой ѣзды, школа гимнасти-

ближнему имѣеть здѣсь въ виду не только развитіе природныхъ талантовъ, но и, по возможности, восполненіе недостатковъ, которыми человѣкъ разобщается съ остальною человѣческою семьею; она не только устроила превосходные институты для слѣпыхъ, глухонѣмыхъ, слабоумныхъ дѣтей; но и нравственное убожество взрослога человѣка вызываетъ ея состраданіе, и, въ этомъ послѣднемъ отношеніи, исправительный домъ Лозанны представляетъ учрежденіе, едва ли имѣющее себѣ гдѣ либо подобное. Всѣ помянутыя учрежденія полны высокаго интереса для иностранца; и о нихъ то я хочу привести здѣсь выдержку изъ моей дорожной книжки. Если предлагаемыя замѣтки не совсѣмъ сѣбѣ, и не представляютъ полной картины описываемыхъ учреждений, то, во всякомъ случаѣ, онѣ могутъ дать въ общихъ чертахъ понятіе о тѣхъ нравственныхъ принципахъ, которыми руководятся завѣдывающія ими лица, и въ которыхъ собственно заключается вся тайна успѣха помянутыхъ учреждений.

Самое замѣчательное изъ человѣколюбивовоспитательныхъ заведеній Лозанны, представляетъ *пріютъ для слѣпыхъ*. Въ немъ я въ первый разъ видѣлъ филантропическое учрежденіе, дирижируемое людьми, отдавшими себя безраздѣльно служенію ближнему. Здѣсь ничто не бьетъ въ глаза посѣтителя расчитаннымъ эффектомъ; но, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно благотворные результаты неимовѣрныхъ усилій и терпѣнія завѣдывающихъ пріютомъ лицъ, по истинѣ, поразительны. Это заведеніе (*Asyle des Aveugles*) возникло въ 1844 году при значительномъ пособіи со стороны двухъ лицъ, подавшихъ мысль о его устройствѣ: дѣвицы Соріа, счастливо выдержавшей операцію катаракта, и англичанина Гальдимана, недавно умершаго, который до самой смерти своей пополнялъ дефициты пріюта собственными средствами. Пріютъ состоитъ изъ двухъ отдѣленій: а) госпиталя для излечимыхъ слѣпыхъ всѣхъ возрастовъ и б) института для дѣтей, лишенныхъ

ки, школа фехтованія и стрѣльбы, садъ для дѣтей, устроенный по методѣ Фребеля, находящійся подъ дирекцію профессора философіи лозаннской академіи, М. Рау, первоначальныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ, институтъ Блюмера, 11 пансіоновъ для мальчиковъ, 17 для дѣвочекъ и институтъ для слѣпыхъ.

безвозвратно зрѣнія. Госпиталь представляетъ единственное въ этомъ родѣ заведеніе въ Швейцаріи. Имъ завѣдываетъ знаменитый окулистъ Рекордонъ. Госпиталь устроенъ на 20 кроватей, помѣщающихся въ двухъ большихъ залахъ и въ двухъ одиночныхъ комнатахъ. Онъ открытъ въ продолженіе цѣлаго года; больные принимаются безъ различія странъ; плата взимается лишь съ достаточныхъ людей; бѣдные лечатся бесплатно. Къ сожалѣнію, недостаточность матеріальныхъ средствъ вызываетъ необходимость ограниченія въ бесплатномъ приѣмѣ. Изъ отчета за 1862 годъ, видно, что, въ продолженіе этого года, въ госпиталь пользовались 208 человекъ. Почти такому же числу больныхъ, по вышеприведенной причинѣ, было отказано въ приѣмѣ; впрочемъ, это были, по большей части, или страдавшіе неважными припадками, и всѣмъ имъ даны наставленія для пользованія домашними средствами, или такіе, слѣпота которыхъ была слѣдствіемъ золотушнаго состоянія. Въ числѣ принятыхъ были 44 иностранца, и, между послѣдними, 37 французовъ. 180 человекъ лечились бесплатно, а 28 заплатили всѣ вмѣстѣ 961 франкъ 70 сантимовъ. По уставу, больные, непредставившіе свидѣтельства о бѣдности, платятъ: моложе 14 лѣтъ—40 сантимовъ, старше—70 сантимовъ въ день. Какой русскій не улыбнется при этихъ скромныхъ цифрахъ! До 1863 года за важныя операціи больные платили особю; но съ этого года д-ръ Рекордонъ отказался отъ платы. Публичныя консультаціи производятся даромъ. Въ 1862 году выдано было лекарствъ на домъ бѣднымъ больнымъ на 244 фр. 20 с., и 3,500 человекъ приходили на консультаціи.

Институтъ для слѣпыхъ помѣщается въ двухъ небольшихъ зданіяхъ, отдѣльно отъ госпиталя. Имъ завѣдываетъ директоръ г. Гирцель (Girzel); помощникъ его, г. Сакъ (Sack), занимается, сверхъ того, спеціально типографіею института; г. Ами Байльо (Ami Baillod) обучаетъ чтенію, письму ариѳметикѣ, географіи и законамъ въ примѣненіи къ слѣпымъ; г. Валядьо (Valadier) пѣнію и музыкѣ; религія имѣетъ своихъ представителей во всѣхъ помянутыхъ лицахъ, и, кромѣ того, въ пасторѣ, посѣщающемъ заведеніе, съ цѣлію назиданія воспитанниковъ и молитвы съ ними. Наконецъ душа заведенія и мать для воспитанниковъ—это супруга директо-

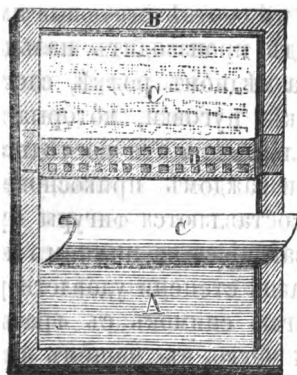
ра, г-жа Гирцель. Помянутыя пять личностей таковы, что, однажды видѣвши ихъ, трудно забыть. На лицахъ ихъ написано столько доброты, столько преданности дѣлу, которому они себя посвятили, что, при первомъ взглядѣ, послѣ нѣсколькихъ словъ, съ ними уже вполнѣ знакомъ. Оба преподавателя совершенно слѣпые. Ами Байльо ослѣпъ на четырнадцатомъ году, послѣ неудачной операціи. Это человекъ удивительныхъ способностей и замѣчательно развитый. Видя его въ классѣ, не подозрѣваешь сначала его слѣпоты; онъ знаетъ своихъ учениковъ, какъ свои пять пальцевъ; безъ малѣйшаго затрудненія расхаживаетъ въ классѣ, находитъ нужныя вещи, замѣчаетъ малѣйшую неисправность учащихся. Г. Валядье — слѣпой отъ рожденія — менѣе развитъ умственно, но зато онъ отличный музыкантъ. Лучшею рекомендаціею въ этомъ отношеніи ему служить то, что онъ органистъ въ городскомъ соборѣ и лучший учитель пѣнія въ городѣ. Въ тоже время онъ замѣчательный композиторъ.

Теперь расскажу попорядку то, что видѣлъ и слышалъ я, бывши въ институтѣ. Во дворѣ зданія мы (я былъ съ женою) встрѣтили женщину, съ весьма добродушнымъ лицомъ, въ тиковомъ полосатомъ платьѣ. Принявши ее за прислужницу въ заведеніи, мы просили проводить насъ къ директору. По дорогѣ мы встрѣтили господина съ весьма выразительными чертами, въ синей холщевой блузѣ. Это былъ г. Гирцель, который тутъ же познакомилъ насъ съ г-жею Гирцель, которою оказалась провожавшая насъ дама въ полосатомъ тиковомъ платьѣ. Оба они съ величайшею любезностію провели насъ въ рабочую комнату, гдѣ слѣпые мальчики и дѣвочки учатся, первые плести корзины и вырѣзывать разныя деревянныя вещи, вторыя плетенію и вязанію изъ шерсти и нитокъ разнаго рода дамскихъ вещей, кошелевковъ, чулковъ и т. под. Стоящіе въ этой комнатѣ шкапы наполнены готовыми вещами, которыя продаются посѣтителемъ въ пользу заведенія. Затѣмъ, г. Гирцель ввелъ насъ въ классную комнату, и сдать г. Ами Байльо единственному, преподавателю наукъ въ заведеніи, слѣпому, какъ и его ученики. Въ классѣ было до 12 мальчиковъ и дѣвочекъ, которые занимались чтеніемъ Библии, оттиснутой выпуклыми знаками, по методѣ Брайля,

замѣняющими для слѣпыхъ обыкновенный печатный шрифтъ.

Большая часть учениковъ и ученицъ быстро читаютъ, при помощи осязанія, книги, напечатанныя этими знаками, но они также скоро читаютъ и римскій шрифтъ, выпукло оттиснутый. Одна дѣвочка учится даже нѣмецкому языку и читаетъ свободно нѣмецкій текстъ, напечатанный римскимъ шрифтомъ, по сказанному способу. Сколько усилій, терпѣнія, изобрѣтательности нужно, что бы пріучить слѣпаго ребенка къ сложной французской орфографіи и потомъ къ особенной орфографіи иностраннаго языка! Числа читаются такимъ же способомъ, какъ и обыкновенное письмо. Но преподаватель не ограничивается однимъ чтеніемъ. Когда трудности его преодолены, дѣти привыкають писать, сначала, конечно, копируя, а потомъ и сами составляя на память слова и, наконецъ, цѣлыя фразы. Для собственнаго обихода, слѣпые употребляютъ очень простой, но остроумнаго устройства письменный приборъ, изобрѣтенный извѣстнымъ часовщикомъ Луи Ришаромъ, изъ Локля, которому покровитель лозаннскаго пріюта, г. Гальдиманъ, подарилъ за это изобрѣтеніе 800 франковъ. При помощи номямутаго прибора, устройство котораго показываетъ прилагаемый приэтомъ рисунокъ, дѣти пишутъ довольно скоро (Фиг. № 1).

Фигура 1.

Въ самомъ низу лежитъ металлическая доска, верхняя плоскость которой исчерчена горизонтальными и параллельными другъ другу желобами, на подобіе гофрированнаго воротничка (А). Наложенный на нее листъ плотной бумаги (С) прижать рамою (В). По рамѣ, сверху внизъ, дви-

гается мѣдная пластинка (D) съ двумя рядами квадратныхъ отверстій. Каждое отверстіе даетъ мѣсто для одной буквы, изображаемой точками по методѣ Брайля, которыя слѣпые накалываютъ на бумагѣ маленькимъ инструментомъ въ родѣ тупаго шильца. Понятно, что они пишутъ такимъ образомъ отъ правой руки къ лѣвой; когда двѣ строчки кончены, пластинка передвигается ниже. Читаютъ написанное по исподу листа, отъ лѣвой руки къ правой. Такое письмо удовлетворяетъ класснымъ потребностямъ, и можетъ служить для взаимной передачи мыслей между слѣпыми. Но они владѣютъ также способомъ письма для зрячихъ, незнакомыхъ съ хитростями Брайля и Ришара. Для этой цѣли употребляется весьма замысловатого устройства машинка, изобрѣтенная въ Парижѣ, слѣпымъ отъ рожденія, французомъ Фуко. Я не могу, къ сожалѣнію, сдѣлать на память ея рисунокъ. При помощи этой чудесной машинки, слѣпые пишутъ письма къ зрячимъ немного медленнѣе насъ. Внизу лежитъ бумага, на которой должно быть написано, что предполагается; на эту бумагу накладывается другой листъ, нижняя сторона котораго покрыта сажею, растертою на маслѣ. Надъ этимъ верхнимъ листомъ ставится машинка съ восемью расположенными въ рядъ шпильками, которыми оканчиваются пружинки, упирающіяся вверху въ соответствующія имъ пуговики. Пишущій по этой методѣ производитъ пальцами нѣчто подобное играющему на мѣдномъ рожкѣ, слегка надавливая, въ извѣстномъ порядкѣ, пуговики, которыя сообщаютъ давленіе нижнимъ шпилькамъ, а эти послѣднія производятъ оттиски точекъ, при каждомъ прикосновеніи къ бумагѣ; такимъ образомъ составляются фигуры буквъ обыкновенной азбуки, отпечатывающіяся на нижнемъ листѣ. Что бы можно было судить до какой степени удовлетворительна подобная система, я прилагаю снимокъ съ фразы, написанной при помощи машинки Фуко, въ нашемъ присутствіи, двѣнадцатилѣтнею дѣвочкою (фигура № 2).

Фигура 2.

Високоулегихъ серонѣ смѣхъ фмѣ. адгонѣ смѣ.

Г. Гальдиманъ купилъ для лозаннскаго пріюта 15 машинокъ Фуко, которыя обошлись ему въ 635 франковъ.

Все вышеописанное было для насъ по истинѣ изумительно; но самое интересное ожидало насъ въ области географіи. Въ классѣ висятъ двѣ ландкарты, специально назначенныя для слѣпыхъ. Разумѣется, они сдѣланы рельефно; хотя рельефность эта и не бросается очень въ глаза. Горы болѣе или менѣе выдаются, сообразно ихъ дѣйствительной высотѣ, рѣки изображены при помощи проволокъ, города—сообразно важности ихъ, мѣдными пуговками различной величины. Мальчикъ лѣтъ восьми, въ отвѣтъ на задаваемые вопросы, быстро отыскивалъ города, рѣки, моря и овера, приправляя указанія нѣкоторыми замѣчаніями; когда ему приходилось отыскивать сѣверныя мѣстности—онъ вскакивалъ при этомъ на скамейку. Разъ только, когда его просили указать Шпицбергенъ, онъ вскочилъ было на лавку; но не могъ его найти; тогда учитель, улыбаясь, объяснилъ ему, что хотя Шпицбергенъ дѣйствительно на сѣверѣ, но на картѣ его не изображено. Безъ преувеличенія скажу, что въ мое время, въ гимназіи, мы не отыскивали такъ быстро данныя мѣстности по такъ называемымъ «нѣмымъ картамъ», какъ этотъ мальчикъ по своей. Ами Байлье радовался отъ души нашему удивленію, и когда показалъ все замѣчательное въ классѣ, то, не смотря на свою слѣпоту, повелъ насъ зрячихъ въ нижній этажъ.

Тамъ, въ довольно большой комнатѣ, служащей складочнымъ мѣстомъ для книгъ, бумаги и разныхъ матеріаловъ для печатанія, а также для занятій директора, его помощника и преподавателей, мы нашли г-на Валядые, занятаго письмомъ нотъ, по способу Ришара. И для нотъ, какъ для письма, придуманы удобоосязаемые знаки, столь хорошо понятны для дѣтей, что нѣкоторые изъ нихъ разучиваютъ по нимъ новыя піесы безъ помощи учителя. Пока мы разсматривали ноты для слѣпыхъ, вошелъ зрячій помощникъ директора г. Сакъ; онъ пригласилъ насъ въ типографію, подъ которою занята небольшая комната возлѣ. Для печатанія употребляется обыкновенный станокъ. На набранную форму накладывается печатная плотная бумага, а сверхъ нее—туго натянутое на раму и сложенное вдвое толстое сукно. Печатаются книги римскимъ шрифтомъ и точками. Набираютъ текстъ и печатаютъ слѣпые; г. Сакъ просматриваетъ корректуру. Работа идетъ отлично. Быстрота на-

борщиковъ и аккуратность батырщиковъ, по отзыву г. Сага, изумительны. При насъ печатали Библию, и оттискъ, вынутый изъ станка, г. Сагъ предложилъ намъ на память.

Въ печатномъ отчетѣ о типографіи Лозаннскаго приюта съ 30 сентября 1860 по 30 сентября 1861 года заключаются интересныя свѣдѣнія вообще о типографскомъ дѣлѣ для слѣпыхъ. Г. Гирцель осматривалъ всѣ существующія заведенія этого рода и сообщаетъ въ отчетѣ извѣстія о типографіяхъ: доктора Гоу въ Бостонѣ, Альфонса Кехлингъ (слѣпаго) въ Ильзахъ, близъ Мюльхауза, бывшего воспитанника Лозаннскаго приюта, г. Моона въ Брайтонѣ (слѣпаго), Лондонскаго библейскаго общества, Брайля въ Парижѣ (слѣпаго) и др. Лучше всѣхъ устроена типографія Моона, въ которой съ нѣкоторыми упрощеніями употребляется римскій шрифтъ. Моонъ ослѣпъ съ восьмилѣтняго возраста. Въ 1858 году, когда его видѣлъ г. Гирцель, ему было 40 лѣтъ; онъ имѣлъ мысль сдѣлаться всемірнымъ типографщикомъ для слѣпыхъ и преслѣдуетъ ее неутомимо. Въ 1858 году онъ печаталъ уже на 25 разныхъ языкахъ, въ 1860—на сорока! Г. Моонъ изготовляетъ стереотипны текстъ, что выгодно въ многихъ отношеніяхъ, когда дѣло касается изданій, на которыя требованіе постоянно, но не ровно. За стереотипы для полной Библии онъ просилъ съ г. Гирцеля 87.500 франковъ. Сумма эта была невысказана для средствъ Лозаннскаго приюта, и потому рѣшено было устроить при немъ собственную типографію. Въ послѣдней отпечатаны по системѣ Брайля, образчики которой приведены выше (см. рис. № 1), многія книги Священнаго Писанія, а также и нѣкоторыя другія, и продаются по умѣреннымъ цѣнамъ. При отчетѣ приложенъ списокъ пожертвованій на типографію приюта, въ которомъ намъ пріятно было встрѣтить имя г-жи Рюминой, сдѣлавшей значительный вкладъ на это доброе дѣло.

Здѣсь кстати будетъ привести нѣсколько извѣстій объ ассоціаціи слѣпыхъ въ Лозаннѣ для распространенія между слѣпыми книгъ Священнаго Писанія. Вотъ полный переводъ объявленія этого трогательнаго по цѣли и простотѣ началъ общества:

«Цѣль ассоціаціи заключается въ томъ, что бы пріохотить слѣпаго къ чтенію Слова Божія, и книги Священнаго Пи-

санія сдѣлать доступными для самыхъ бѣднѣйшихъ слѣпыхъ.

«Лента слѣпыхъ будетъ средствомъ для достиженія этой цѣли.

«Каждый слѣпой членъ ассоціаціи вноситъ въ кассу 5 сантимовъ еженедѣльно.

«Приношенія и пожертвованія зрячихъ благотворителей будутъ принимаемы съ признательностію.

«Черезъ каждыя четыре недѣли, собранная сумма будетъ употреблена на приобрѣтеніе книгъ Священнаго Писанія и разсылки ихъ слѣпымъ.

«Жребій укажетъ кому должна достаться книга.

«Принадлежащіе къ ассоціаціи слѣпые благоволятъ заранее предупредить, какую книгу они желаютъ имѣть.

«Завѣдывающій типографіею Лозаннскаго пріюта для слѣпыхъ принимаетъ подписку и пожертвованія и распредѣляетъ суммы, подъ наблюденіемъ директора заведенія, г. Гирцеля.

«Деньги и письма должны быть адресованы также г. завѣдывающему типографіею, подъ литерами E. S.

«Книги печатаются на французскомъ языкѣ, по системѣ Брайля, точками.

«Пріютъ для слѣпыхъ въ Лозаннѣ, 10 февраля 1864 г.»

При этомъ объявленіи приложенъ списокъ книгъ Священнаго Писанія, отпечатанныхъ въ типографіи пріюта. Привожу и его, такъ какъ цѣнность книгъ также не лишена интереса:

Евангеліе Св. Матѳея	4 фр. 40 с.
» » Марка	3 » 40 »
» » Луки	4 » 55 »
» » Иоанна	3 » 75 »
Дѣянія Апостольскія	4 » 50 »
Посланія къ Римлян. и Коринѣ	4 » 90 »
» » Галатамъ и Филимону	4 » 20 »
» » Евреямъ и Апокалипсисъ	5 » 20 »
Книга Бытія	5 » 85 »
» Исходъ	5 » 25 »
» Числъ	5 » 30 »
Второзаконіе	4 » 75 »

*

Псалмы (2 тома)	8 фр. 70 с.
Книга Исаи	6 » » »
» Данила, Осіи, Іоила и Амоса	4 » 40 »
Кромѣ того, напечатаны и продаются, помимо ассоціа- ціи, слѣдующія книги:	
100 духовныхъ пѣсенъ, съ музыкою.	5 » 95 »
Басни и стихотворенія	6 » 60 »
Краткая географія	5 » 35 »
Букварь	1 » » »

Продолжаю рассказъ о посѣщеніи пріюта. Изъ типографіи поднялись мы снова въ верхній этажъ, гдѣ на этотъ разъ въ классной комнатѣ мальчики и дѣвочки пѣли по нотамъ, подъ руководствомъ своего слѣпаго учителя. Видъ этихъ бѣдныхъ существъ, для которыхъ закрыть навсегда видимый міръ съ его свѣтомъ, блестящими красками, изящными формами, эти стройные мелодическіе дѣтскіе голоса, въ которыхъ какъ бы слышалась грустная нота замкнутости и отчужденія среди человѣческой семьи—невольно вызвали слезы на глаза...

Отсюда мы отправились въ сосѣднее зданіе, въ которомъ, главнымъ образомъ, помѣщается большая зала для работъ уже опытныхъ слѣпыхъ. Между ними есть весьма искусные точильщики. Къ сожалѣнію, часть работъ окончилась. Въ этой залѣ помѣщается также хорошій органъ, пожертвованный, если не ошибаюсь, тою же г-жею Рюминою, о которой упомянуто выше. Г. Валядье сыгралъ на немъ прекрасную піесу собственной композиціи. Здѣсь былъ съ нами и г. Гирцель. Во время игры вошелъ неровными шагами, но довольно скоро взрослый человѣкъ и сталъ дѣлать какіе-то знаки. Г. Гирцель подошелъ къ нему, потрогалъ его за руку и отпустилъ. Тотъ сейчасъ же отправился обратно и вышелъ. Этотъ несчастный—*слыной* и, въ тоже время, *глухоньмой*! Сколько труда и истинно-христіанскаго терпѣнія нужно было, что бы сколько нибудь облегчить его тройное несчастье! Г. Гирцель изобрѣлъ способъ говорить съ нимъ посредствомъ *осязанія*!.. Онъ нашелъ возможность изъ дикаго звѣрка, отъ котораго бѣгали слѣпые, сдѣлать ручное, кроткое и довольно понятливое существо; его научили даже кое какимиъ ручными работамъ, которыми

онъ съ усердіемъ занимается. Но и этотъ несчастный еще не представляетъ собою крайняго доказательства христіанской преданности ближнему достойнаго директора заведенія. Г. Гирцель вышелъ съ нами въ залу, ведя за руку маленькаго свѣженькаго мальчика, недурнаго собою, но лишеннаго зрѣнія, языка и умственныхъ способностей. Только помощью слуха онъ можетъ еще воспринимать внѣшнія впечатлѣнія. Мальчикъ этотъ не по лѣтамъ малъ: ему восемь лѣтъ. Отецъ его швейцарецъ, мать русская, родился онъ въ Москвѣ. Назадъ тому шесть мѣсяцевъ, послѣ неудачнаго опыта въ институтѣ Блюмера, о которомъ будетъ рѣчь дальше, его передали на попеченіе г. Гирцеля, въ тежной надеждѣ, что человѣколюбивая заботливость послѣдняго найдетъ средства разбудить спящую душу ребенка. Чрезъ полгода, изъ дикаго, кусающагося звѣрка онъ уже сталъ ручнымъ, привыкъ къ г. и г-жѣ Гирцель и ихъ дѣтямъ и начинаетъ, хотя неясно, произносить нѣкоторыя слова. Ему предоставлена полная свобода, и онъ, при насъ, когда мы были въ классѣ, забрался въ шкафъ и стащилъ оттуда вареніе, для него, кажется, и приготовленное. Посѣтители предупреждаются только, что онъ охотникъ лазить по карманамъ. Не смотря на это предупрежденіе, онъ успѣлъ отгрызть у меня пуговицу отъ сюртука.

Вообще, посѣщеніе пріюта для слѣпыхъ оставило во мнѣ убѣжденіе, что только истинно-христіанская преданность ближнему и необыкновенное терпѣніе въ состояніи сдѣлать возможнымъ существованіе подобныхъ учрежденій. Г. Сакъ справедливо говорилъ мнѣ: «кто хочетъ сдѣлать себѣ имя, тотъ не будетъ имѣть успѣха съ подобнымъ заведеніемъ; только полнѣйшая преданность ближнему, совершенное забвеніе личныхъ интересовъ, терпѣніе безъ конца и глубокое религиозное чувство—могутъ увѣнчать долготѣніе труды желаннымъ успѣхомъ».

Отъ пріюта для слѣпыхъ перехожу къ другому заведенію, для успѣха котораго также необходимы качества директора, перечисленные г. Сакомъ,—я говорю объ «*Institution de Blumer pour les enfants debiles, sourds-muets et retardés*», то есть, о заведеніи для дѣтей слабосильныхъ, глухонѣмыхъ и скудоумныхъ. Г. Блюмеръ умѣетъ говорить

понятно даже съ такими дѣтьми, которыя съ перваго взгляда кажутся не принадлежащими къ людской семьѣ. Идіоты, обдѣленные природою въ физическомъ столько-же какъ и въ умственномъ отношеніяхъ, и глухонѣмые, составляютъ предметъ его поистинѣ челоуѣколюбивыхъ попеченій. Въ настоящее время (въ 1864 году) у него всѣхъ пансіонеровъ 9, въ числѣ которыхъ одна глухонѣмая сирота, которая кое что работаетъ по хозяйству, и тѣмъ вознаграждаетъ за трудъ и попеченіе о себѣ. Остальные восемь—мальчики, большею частію, дѣти небогатыхъ родителей (которыя, кажется, плоховато и платятъ г. Блюмеру). Одинъ изъ нихъ—глухонѣмой, остальные—говорящіе; въ числѣ послѣднихъ—мальчикъ лѣтъ 16-ти, Ватманъ, изъ Москвы. Мы застали всѣхъ ихъ въ рощицѣ, гдѣ устроены для нихъ разныя принадлежности для гимнастическихъ упражненій. Институтъ помѣщается въ небольшомъ замкѣ, съ четырьмя остроконечными башнями по угламъ; видъ отъ него, по скату горъ, на озеро и окрестности, великолѣпный; кругомъ густая зелень, вблизи большой лѣсъ, Sauvabelain; въ оврагѣ, почти подлѣ самаго замка, великолѣпный природный каскадъ, которымъ воспользовался г. Блюмеръ для устройства душъ и ваннъ для своихъ пациентовъ-воспитанниковъ. Двое глухонѣмыхъ его, мальчикъ и дѣвочка, понимаютъ доволетворительно обыкновенный языкъ, по движению губъ, и сами говорятъ довольно внятно, хотя и медленно, такъ что, не зная о ихъ природной нѣмотѣ, легко принять ихъ лишь за косноязычныхъ. Помянутые глухонѣмые суть лучшіе воспитанники г. Блюмера. Мальчикъ учится даже англійскому языку, въ которомъ оказываетъ хорошіе успѣхи. Г. Блюмеръ имѣетъ четырехъ собственныхъ дѣтей, которыя постоянно находятся въ обществѣ его воспитанниковъ, и онъ не только не находитъ для нихъ вреднымъ этого общества, но даже убѣжденъ, что оно способствуетъ еще ихъ собственному развитію; чувствуя свое природное превосходство надъ несчастными воспитанниками, они стараются сохранить его, они учатъ послѣднихъ, объясняютъ имъ непонятныя для нихъ предметы, а это побуждаетъ ихъ самихъ къ дальнѣйшему саморазвитію. Мы были въ рекреационной, въ классной комнатахъ, въ дортуарахъ,—все прилично, безъ роскоши, во всемъ главное

вниманіе обращено на то, что можетъ способствовать развитію пансіонеровъ. Стѣны увѣшаны множествомъ рисунковъ; въ библиотекѣ большая коллекція иллюстрированныхъ съ тою же цѣлю изданій. Нѣкоторые пансіонеры занимаются рисованіемъ, и одинъ изъ нихъ оказываетъ въ этомъ отношеніи значительные успѣхи. Вообще же всѣ они, хотя и не получаютъ вполне того, въ чемъ имъ отказала природа, но за то при малѣйшемъ шансѣ къ успѣху, развиваются на столько, что, по крайней мѣрѣ, значительно уменьшаютъ степень необходимыхъ о себѣ заботъ со стороны общества или семейства, къ которымъ принадлежатъ. Вотъ что говоритъ г. Блюмеръ въ объявленіи о своемъ заведеніи:

«Во всѣхъ слояхъ общества, даже въ средѣ наиболѣе счастливо одаренныхъ семействъ, встрѣчаются дѣти, которыхъ несовершенное физическое развитіе, или недостатокъ нервной системы, препятствуютъ воспользоваться образованіемъ, предлагаемымъ обыкновенными школами. Домашнее образованіе, которое, впрочемъ, не всякому и по средствамъ, также не можетъ быть удовлетворительнымъ, въ выше помянутыхъ условіяхъ, при которыхъ столь же необходимы хорошо обдуманная гигиеническія и медицинскія попеченія, какъ и ученіе, и самое преподаваніе должно быть принаровлено къ индивидуальнымъ особенностямъ учениковъ.

«Для такихъ дѣтей необходимо учрежденіе, спеціально для нихъ приспособленное, и самые преподаватели, путемъ тщательнаго наблюденія и изученія, — освоившіеся со сферою, въ которой имъ предстоитъ дѣйствовать.

«Нижеподписавшіяся, приготовленный къ своимъ труднымъ обязанностямъ девятилѣтнимъ опытомъ въ Англіи, Германіи и Швейцаріи, открылъ подобное заведеніе въ замкѣ де-Веннь, близъ Лозанны.

«Эта дача, находящаяся не вдалекѣ отъ Бернской дороги, стоитъ на южной покатости Леманскаго бассейна, на высотѣ около 2,000 футовъ, надъ поверхностію моря. Окруженная лужайками и лѣсомъ, мѣстность уже пользуется отчасти живительнымъ и укрѣпляющимъ горнымъ воздухомъ; окрестности представляютъ во всѣхъ направленіяхъ прекрасныя мѣста для прогулокъ, на которыя обращено будетъ

въ отношеніи дѣтей особенное вниманіе, наконецъ, великолѣпная панорама Лемана, рѣдко представляющагося въ такомъ выгодномъ видѣ, не можетъ также оставаться безъ благотворительнаго вліянія на юныхъ питомцевъ, которымъ особенно необходимы чувства благосостоянія и веселости. Прекрасно устроенный домъ съ трехъ сторонъ въ продолженіи дня освѣщается солнцемъ.»

«Образованіе, по необходимости, должно ограничиваться предметами первой важности, и всегда будетъ приспособляться къ интеллектуальнымъ средствамъ каждаго питомца. Преподаваніе можетъ, сообразно надобности, производиться на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ или италіянскомъ языкахъ.»

«Простая и постепенная гимнастика, игры на открытомъ воздухѣ, на широкой лужайкѣ передъ замкомъ, частыя прогулки по окрестнымъ лугамъ и лѣсамъ, различнаго рода ванны, здоровый и обильный столъ, правильная, основанная на совѣтахъ специалистовъ діета—вотъ предметы попеченій о физическомъ воспитаніи. Докторъ Бюрдье, сынъ, будетъ посѣщать заведеніе періодически, а также во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда внезапная болѣзнь или спеціальное леченіе питомцевъ будутъ того требовать.»

«Личный составъ заведенія избранъ такимъ образомъ, что пансіонеры будутъ окружены постоянною снисходительностію, вниманіемъ и благодушною веселостію.»

«Наконецъ, все воспитаніе будетъ утверждено на началахъ христіанства, этого могущественнѣйшаго средства къ развитію и совершенствованію человѣка вообще; равнымъ образомъ, всѣ стороны физическаго, умственнаго и нравственнаго попеченія о дѣтяхъ будутъ проникнуты христіанскимъ духомъ.»

«Институтъ, принимающій собственно по уставу дѣтей отъ 4 до 12 лѣтъ, допускаетъ, однакоже, случаи приѣма и болѣе взрослыхъ пансіонеровъ, когда физическое и интеллектуальное состояніе послѣднихъ представляетъ какіе либо шансы въ улучшенію.»

«Плата за пансіонъ производится впередъ, по третямъ; она рассчитывается самымъ умѣреннымъ образомъ, сообразно размѣрамъ и свойству попеченій, которыхъ будетъ требовать питомецъ.»

«За подробнѣйшими свѣдѣніями просятъ адресоваться франкированными письмами, къ директору заведенія Ж. Блюмеру (J. Blumer, au Château de Vennes, près de Lausanne).»

Я привожу здѣсь это объявленіе вполнѣ, на тотъ конецъ, что оно можетъ кому нибудь изъ русскихъ и пригодиться.

Г. Блюмеръ тѣмъ болѣе заслуживаетъ уваженія и удивленія, что, по видимому, получаетъ плохое матеріальное вознагражденіе за свои необыкновенные труды и самопожертвованіе; это ясно уже изъ числа пансіонеровъ, которые, къ тому же, принадлежатъ къ небогатымъ семействамъ. Развѣ еще только дешевизна необходимаго поддерживаетъ его нѣсколько. Такъ, напримѣръ, за наемъ прекраснаго дома, въ которомъ помѣщается его заведеніе, онъ платитъ всего 800 франковъ въ годъ (безъ мебели). А надобно было видѣть, съ какою любовію и участіемъ говорилъ онъ о своихъ несчастныхъ питомцахъ! Когда онъ рассказывалъ исторію одного изъ нихъ, у него слезы дрожали на глазахъ... Много-ли найдется отцовъ, которые относятся съ такою нѣжностію къ искалѣченному отъ рожденія своему дѣтищу?...

Выше я говорилъ, что г. Блюмеръ не считаетъ вреднымъ общество идіотовъ для здоровыхъ дѣтей. Дирижеры пріюта для слѣпыхъ, кажется, противнаго мнѣнія; по крайней мѣрѣ, уставомъ этого заведенія требуется, чтобъ поступающій воспитанникъ имѣлъ медицинское свидѣтельство въ томъ, что онъ не идіотъ (*un certificat de médecin, constatant que le récipiendaire n'est point un idiot*), и на этомъ основаніи, какъ видно изъ отчета за 1862 годъ, двое дѣтей не были приняты въ заведеніе. Впрочемъ, мальчикъ, слѣпой, нѣмой и идіотъ, о которомъ я говорилъ выше, былъ принятъ въ пріютъ, въ совершенную противность упомянутаго устава, и въ этомъ случаѣ, можетъ быть, омытъ г. Блюмера былъ указателемъ невѣрности взгляда, выражаемаго въ вышеприведенной статьѣ устава. Мальчикъ, какъ сказано было выше, принятъ въ пріютъ изъ заведенія г. Блюмера, всѣ усилія котораго сокрушились о слѣпоту ребенка.

Съ понятіями о тюрьмѣ у насъ неразлучны высокія стѣны, многочисленная вооруженная стража, выдающіяся надъ стѣнами верхушки башенъ съ узенькими окнами, толстыми

рѣшотками, и т. д. оттого тюрьмы у насъ и называются тюремными *замками*. Совѣмъ не то представляетъ лозаннскій *maison pénitentiaire*—*исправительный домъ съ тюрьмою для уголовныхъ преступниковъ*. При выходѣ изъ города, по лѣвую сторону дороги въ Шайльи, видна изящная желѣзная рѣшотка воротъ, сквозь которыя входятъ въ это заведеніе. Ворота, въ продолженіе дня, постоянно отперты; отъ нихъ, широкая каменная лѣстница ведетъ на возвышенность, на которой стоитъ зданіе исправительнаго дома; по обѣ стороны ея видны роскошная зелень и цвѣты. Верхнимъ концомъ лѣстница примыгаетъ подъ прямымъ угломъ къ дорожкѣ, за которою тотчасъ же видна другая рѣшотка, принадлежащая къ оградѣ самаго зданія. Внѣшность послѣдняго, украшенная галереями и колоннами, великолѣпна, и скорѣе напоминаетъ собою богатый загородный домъ, чѣмъ тюрьму.

Сквозь рѣшотку видна небольшая пристройка, а надъ дверью ея надпись: «portier». На звонъ колокольчика, къ намъ вышелъ швейцаръ въ синемъ сюртукѣ съ гербовыми свѣтлыми пуговицами, и проводилъ насъ въ комнату директора. Въ этой комнатѣ помѣщается также контора заведенія и библіотека. Директоръ, занятый письмомъ, тотчасъ же оставилъ свое занятіе, и очень любезно освѣдомился чѣмъ онъ можетъ быть намъ полезенъ? Узнавши, что мы желаемъ осмотрѣть заведеніе, онъ тотчасъ послалъ за однимъ изъ надзирателей, а между тѣмъ сообщилъ намъ въ общихъ чертахъ исторію заведенія и нѣкоторыя свѣдѣнія о его настоящемъ положеніи, показалъ библіотеку и подарилъ планъ всѣхъ зданій, сдѣланный однимъ изъ арестантовъ. Вписавъ наши имена въ особо на этотъ предметъ заведенную книгу, мы отправились, въ сопровожденіи надзирателя, смотрѣть заведеніе. Ни снаружи, ни внутри мы не встрѣтили во все время ни одного вооруженнаго человѣка, а постоянная тишина пустыни кругомъ невольно заставляетъ сначала усумниться, что бы посѣтитель былъ въ зданіи, въ которомъ живутъ до 200 человѣкъ. Планъ построекъ и малѣйшія подробности порядковъ отвѣчаютъ вполне идеѣ системы заведенія. Все, кажется, говорить кругомъ: «Богъ далъ человѣку свободу. Она составляетъ неприкосновенное его достояніе до тѣхъ поръ, пока не пере-

ступается границу, за которую она вредитъ ближнему, имѣющему равное право на свободное существованіе. Человѣкъ, переступающій эту границу, долженъ быть, по необходимости, поставленъ въ невозможность нарушать равновѣсіе общественныхъ правъ. Но мы не должны забывать, что онъ такой же человѣкъ, какъ и мы; мы не имѣемъ права смотрѣть на него, какъ на отверженца общества. Кто можетъ знать всѣ поводы и условія, при которыхъ онъ совершилъ свой проступокъ? Кто можетъ сказать, что онъ не исправится и не превзойдетъ въ нравственномъ отношеніи насъ самихъ, строгихъ судей его проступка? Если Спаситель пришелъ на землю не для праведниковъ, а для того, чтобы грѣшныхъ спасти, если Онъ предлагалъ бросить первый камень въ блудницу тому, кто чувствуетъ себя свободнымъ отъ грѣха, если онъ простилъ врагамъ своимъ, ради ихъ духовной темноты, если Онъ отпустилъ грѣхи раскаявшемуся разбойнику, — то какое право имѣемъ мы смотрѣть съ презрѣніемъ на человѣка заблудшаго? Мы должны соболѣзновать о его заблужденіи, мы должны употребить всѣ усилія пробудить въ немъ уснувшее нравственное чувство, возвратить его къ его обязанностямъ, сдѣлать снова безукоризненнымъ и равноправнымъ членомъ общины, и когда успѣемъ въ этомъ, тогда прошедшее его да резюмируется въ девизъ: «Nonny soit qui mal у pense!»

Воображаю съ какимъ чувствомъ тоски, и, можетъ быть, уже зачатка раскаянія, поднявшись по лѣстницѣ и переступая порогъ заведенія, арестантъ оглядывается въ послѣдній разъ на великолѣпную природу, роскошную зелень, чудное озеро, величественныя горы, съ тѣмъ, чтобы не видѣть ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Не надобно забывать, конечно, о какой мѣстности и о какихъ людяхъ я веду настоящій рассказъ; у насъ, на примѣръ, въ Россіи, при относительной неразвитости народа, само собою разумѣется, въ устройствѣ подобнаго учрежденія должны играть роль соотвѣтственныя означеннымъ условіямъ соображенія. Заключенному отводится одиночная келія. Это комната въ сажень шириною и около трехъ въ длину, совершенно достаточная для свободнаго движенія арестанта. Свѣтъ и свѣжій воздухъ имѣютъ широкій доступъ черезъ большое окно; но деревянный откосъ передъ нимъ, въ видѣ пересѣченной по

діагонали трубы, дозволяетъ заключенному видѣть только голубое небо, закрывая отъ глазъ вышніе предметы на землѣ. Въ кельѣ находится кровать съ соломеннымъ тюфякомъ и подушкою, покрытыми чистымъ холщевымъ бѣльемъ; сверхъ ихъ толстое байковое одѣяло, а зимою—два. Меблировку комнаты довершаютъ: столъ, табуретъ, этажерка и умывальный столикъ. На послѣднемъ помѣщаются: глиняный кувшинъ съ водою, тазъ и полотенце. Кромѣ того, въ каждой кельѣ находятся: *закрѣтый* ночной горшокъ, щетка для платья, другая для башмаковъ, гребень, деревянная лопатка, волосной голичекъ для сметанія пыли, суповая чашка, кружка, тарелка, ножигъ, вилка и ложка. На каждого заключеннаго полагается: 3 бумажные колпака, 2 галстуха, 6 рубахъ, 4 простыни, 3 полотенца, 2 наволочки, 6 карманныхъ платковъ, 3 пары суконныхъ чулокъ, 3 пары нитяныхъ носковъ, пара башмаковъ. Одежда у всѣхъ одинаковая: куртка, жилетъ, панталоны изъ коричневаго сукна—для мужчинъ, полусуконныя сѣрыя платья—для женщинъ; для дѣта—мужскія панталоны изъ цвѣтнаго тика и полусуконный жилетъ, для женщинъ сѣрыя юбки изъ тика. Отдаются въ мытье каждую недѣлю: рубаха, карманный платокъ, чулки; каждые 15 дней: колпакъ и полотенцы, каждый мѣсяць: галстухъ, тиковые штаны и юбка, простыни и наволочки. Бѣлье смѣняется по субботамъ. Заключенные получаютъ для пищи: а) паекъ хлѣба въ 24 унціи на сутки—мужчины, и въ 20—женщины, б) на завтракъ: супъ, кофе или молоко, по очереди; с) на обѣдъ: овощи, сообразно времени года; д) на ужинъ—супъ. Кромѣ того, по четвергамъ и воскресеньямъ имъ даютъ мясо или свиное сало, на каждого; мяса по полуфунту, сала по 4 унціи. Отступленіе отъ этого назначенія дѣлается только для больныхъ. Впрочемъ, каждый заключенный (нештрафованный), находящій означенную пищу недостаточною, имѣетъ право на прибавокъ, за который платитъ изъ своего заработка. Каждый день, когда позволяетъ погода, арестанты прогуливаются въ садикъ, устроенномъ въ стѣнахъ заведенія, дважды въ день, по полчаса въ каждый разъ. Для больныхъ устроена больница, съ отдѣльными помѣщеніями для мужчинъ и женщинъ.

Каждый заключенный имѣетъ въ своей кельѣ: Новый За-
вѣтъ, псалтирь и молитвенникъ. Кромѣ того, ведущіе себя
хорошо, получаютъ для чтенія изъ тюремной библіотеки
одинъ томъ въ недѣлю, по субботамъ книги смѣняются.
Въ библіотекѣ находятся книги религіознаго содержанія,
историческія, описанія путешествій, иллюстрированныя по-
пулярныя сочиненія и даже повѣсти. Позволяется также за-
ключеннымъ имѣть бумагу, перья, чернила, карандаши и
краски и учиться чистописанію, грамматикѣ и ариметикѣ.
Изывляющимъ раскаяніе дозволяется, въ видѣ смягченія
наказанія, разъ въ три мѣсяца навѣщать семейство, въ со-
провожденіи одного изъ надзирателей, помогать родствен-
никамъ изъ заработанной платы и получать книги для чте-
нія со стороны. Неподававшій со времени поступленія въ
заведеніе повода къ жалобамъ, получаетъ, по прошествіи
извѣстнаго времени, право просить о сокращеніи срока за-
ключенія—на одну *шестую*, если осужденъ былъ на два
года, на одну *пятую*—отъ 2 до 5 лѣтъ, и на одну *чет-
вертую*—если былъ приговоренъ къ болѣе продолжитель-
ному заключенію.

Въ положенные часы заключенные обязаны работать въ
общихъ мастерскихъ. Они получаютъ за свои работы плату
по установленной таксѣ; часть этой платы идетъ въ пользу
заведенія, а другая въ пользу заключеннаго. Каждому аре-
станту выдается расчетная книжка, въ которую записы-
ваются: деньги, которыя онъ принесъ съ собою въ заведе-
ніе, заработная плата и издержки изъ заработка. Каждый
мѣсяць книжки провѣряются. При выходѣ изъ заведенія,
арестантъ получаетъ остатокъ въ свое распоряженіе.

Послѣ всего вышесказаннаго, само собою разумѣется,
долженъ явиться вопросъ: въ чемъ же собственно заклю-
чается наказаніе? Жизнь въ такомъ заведеніи, при описан-
ныхъ условіяхъ, должна быть очень сносна, а для бѣдняка,
и особенно лѣнтяя, даже пріятна; для него, естественно, меч-
тать о ней, какъ о высшемъ благѣ, стараться нарочно со-
вершить проступокъ, который откроетъ ему двери въ та-
кой пріютъ, гдѣ его надолго оставитъ тяжкая забота о на-
сущномъ хлѣбѣ, о предметахъ первой житейской потреб-
ности, гдѣ о немъ будутъ заботиться, какъ о немощномъ
ребенкѣ, гдѣ ему даже предоставляется возможность въ сво-

бодные часы довольно комфортабельно развлекаться чтеніемъ, письмомъ, рисованіемъ или другими невинными занятіями, какія ему по душѣ?.. О нѣкоторыхъ несовсѣмъ легкихъ условіяхъ уже упомянуто мною выше. Лишеніе свободы, какъ бы оно ни было ограничено, какъ бы ни смягчалось челоуѣколюбіемъ, всегда тяжело. Желаніе свободы приуще природѣ челоуѣка, созданнаго свободнымъ. Но Лозанскій исправительный домъ заключаетъ въ основѣ своей гораздо тягчайшее условіе для заключенныхъ—*воспрещеніе пользоваться даромъ слова*. Бывали случаи, что заключенные не выдерживали такого испытанія и подвергались сумасшествію. Зависѣло-ли это отъ недостаточнаго знакомства приставниковъ съ натурою субъекта, или въ этомъ высказывается единственная, если можно такъ выразиться, *надодумка* системы, во всякомъ случаѣ мысль посѣтителя заведенія невольно омрачается возможностью подобныхъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ объ отсутствіи полнаго совершенства въ самомъ лучшемъ и честномъ дѣлѣ ума и рукъ челоуѣческихъ. Въ отличіе отъ животныхъ, челоуѣку данъ языкъ, способный сообщать процессъ мысли другимъ людямъ. Употребляющій собственную свободу во вредъ ближнему, такъ сказать, самъ заявляетъ себя недостойнымъ принадлежать къ челоуѣческой семьѣ, ниводитъ себя въ разрядъ низшихъ созданій. Отправляясь, конечно, отъ этого принципа, общество заставляетъ преступника почувствовать ступень, на которую онъ добровольно спустился, и, изолируя его въ челоуѣческой семьѣ, обязываетъ на продолжительный срокъ молчаніемъ. Такое ограниченіе примѣнено въ Лозанскомъ исправительномъ домѣ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Заключенный имѣетъ право только въ случаяхъ крайней необходимости говорить съ надзирателемъ; и то не иначе, какъ шопотомъ; онъ не смѣетъ говорить даже про себя; онъ обязанъ ходить и работать сколько возможно тише и вообще ничѣмъ не нарушать тишины, царящей во кругъ его. Но спросить: чѣмъ же можно заставить челоуѣка говорящаго молчать, въ продолженіи цѣлыхъ годовъ, при той системѣ благодушія, которая положена въ основу заведенія? Отвѣтъ на это найдется въ продолженіи разсказа.

Зданіе состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣленій: одного

для мужчинъ, другаго для женщинъ, и при каждомъ изъ нихъ—по тюрьмѣ для уголовныхъ преступниковъ. Первое выстроено по проекту архитектора Пишара, въ 1826 году, и обошлось въ 500,000 франковъ, второе окончено въ 1863. Въ послѣднемъ могутъ назваться образцовыми: кухня, огромная прачешная, нагрѣваемая паровикомъ и ванны. Оба зданія состоятъ изъ трехъ этажей. Въ мужскомъ средняя открыта, и на нее выходятъ галереи и лѣстницы, служащія для внутреннихъ сообщеній. Въ верхнемъ этажѣ находятся помѣщенія для служащихъ при домѣ и церковь, въ которой отправляется служба по четвергамъ и которую, по уставу, обязаны посѣщать арестанты *реформатскаго* исповѣданія. Въ другихъ этажахъ расположены мастерскія и кельи заключенныхъ, складочныя помѣщенія и больница. Посѣтителю не входятъ въ мастерскія; въ дверяхъ послѣднихъ сдѣлано небольшое круглое отверстіе, въ которое вставлено стекло. Отверстіе это задвинуто снаружи желѣзнымъ кружкомъ, запирающимся на замокъ, ключи отъ котораго находятся у всѣхъ надзирателей заведенія. Въ одной мастерской сквозь помянутое отверстіе мы видѣли плотниковъ и столяровъ; въ другой—приготавливаютъ ковры и другія вещи изъ соломы; въ третьей ткуть; въ четвертой чешутъ и сортируютъ конскій волосъ. Всѣ рабочіе одѣты опрятно и имѣютъ здравый видъ; каждый арестантъ занимаетъ свое мѣсто, котораго не имѣетъ права оставить безъ дозволенія надзирателя. Послѣдній помѣщается на возвышеніи у продольной стѣны, такъ что имѣетъ постоянно въ виду всѣхъ работающихъ. Подъ рукою у него колоколь, въ который онъ звонитъ въ случаѣ безпорядка или неповиновенія, и на этотъ звонъ является директоръ заведенія въ сопровожденіи жандарма. «Если арестантъ, сказано въ уставѣ, въ чемъ либо провинится,—надзиратель съ *твердостію и аладнокровіемъ* напоминаетъ ему о долгѣ. Если провинившійся упорствуетъ, надзиратель, *не возвышая голоса*, приказываетъ ему идти въ келью и *звонитъ*. Если заключенный противится этому приказанію, или дозволяетъ себѣ оскорбленіе и угрозы, надзиратель, не оставляя своего поста, *ожидаетъ въ молчаніи* прихода директора. «Нарушенія правилъ для заключенныхъ» (каждому изъ нихъ выдается ихъ экземпляръ) ведутъ за собою слѣдующія огра-

ниченія и наказанія: а) заключеніе въ *келью*, съ лишеніемъ книгъ для чтенія и принадлежностей писменныхъ; б) заключеніе въ *карцеръ*, откуда на день убираются тюфякъ и покрывала, с) заключеніе въ *темницу*, гдѣ нѣтъ ни тюфяка, ни покрывалъ не только днемъ, но и ночью; d) заключеніе въ темномъ подземельѣ; е) оковы. Директоръ имѣеть право наказать не долѣе какъ трехсуточнымъ заключеніемъ въ карцеръ или подземельѣ; дальнѣйшія мѣры принадлежать усмотрѣнію главнаго инспектора заведеній.

Заключу мои замѣтки объ исправительномъ домѣ Лозанны нѣкоторыми цифрами. Смертность была съ 1827 по 1834 годъ 4, 28 на 100, съ 1835 по 1841 — 3, 59. Заключенныхъ при мнѣ было въ исправительномъ отдѣленіи 170 человекъ обоого пола; служащихъ при домѣ 18 человекъ, и, кромѣ того, 7 человекъ жандармовъ, которые бываютъ вооружены и дѣлають обходъ только ночью. Не смотря на такую незначительную стражу, случаи побѣговъ изъ заведенія весьма рѣдки. Въ отношеніи уголовныхъ преступниковъ соблюдается болѣе строгости; но въ сущности условія ихъ заключенія мало разнятся отъ условій исправительнаго дома и, кромѣ того, начальство употребляетъ всѣ мѣры, что бы облегчить переходъ уголовныхъ арестантовъ, въ исправительное отдѣленіе.

Въ заключеніе, не могу пройти молчаніемъ еще одного благотѣльнаго заведенія, которымъ лозанская община обязана тому же г. Гальдиману, о которомъ уже была рѣчь выше. Я говорю о *прачешной и ваннахъ для бѣдныхъ* (Etablissement des Bains et de la Buanderie). Цѣль эта заключается въ томъ, чтобы дать возможность бѣднымъ людямъ за ничтожную плату мыть бѣлье и самимъ мыться. Это благотѣльное учрежденіе прекрасно устроено, хотя въ немъ нѣтъ ничего лишняго, что обыкновенно бросается въ глаза въ иныхъ филантропическихъ заведеніяхъ, существующихъ болѣе на показъ, чѣмъ дѣйствительно на пользу обдѣленнаго судьбою ближняго. Зданіе небольшое; фасадъ простъ, но красивъ; внутренность раздѣляется на два равныхъ отдѣленія: въ одномъ прачешная, въ другомъ ванны. У каждой прачки свое отдѣленіе, состоящее изъ двухъ параллельныхъ корытъ, одного для щолоку, другаго для обыкновенной воды. Надъ корытами находятся краны для

холодной воды и для щелоку. Вода нагрѣвается въ корытѣ быстро до желаемой теплоты посредствомъ трубки, проведенной отъ паровика. Вымытое бѣлье полощется въ бассейнахъ, наполненныхъ проточною водою и находящихся внутри того же теплаго зданія. Для выжиманія устроены четыре превосходные вращательные прессы, составляющіе истинное благодѣяніе для прачекъ, которыя, при помощи ихъ, избавляются отъ самой тяжелой части ихъ работы. Эти центробѣжные прессы отлично, скоро и безъ малѣйшаго вреда для бѣлья выжимаютъ послѣднее, при чемъ оно даже не скручивается, какъ бываетъ при ручной работѣ. Сушильня устроена вверху и также превосходно. Каждая прачка имѣетъ свое отдѣленіе подъ №, которое запирается на замокъ. Для глаженія также устроена особая комната, въ которой находится печь для нагрѣванія утюговъ. Ванны представляютъ простые деревянные ящики, выложенные внутри свинцомъ.

Мѣстъ для мытья бѣлья всѣхъ 35; комнатъ съ одною ванною 9 и съ двумя 2.

Плата взимается: за мытье бѣлья по 18 сантимовъ въ часъ; за сушку 10 сант.; за глаженье 6 сант. въ часъ; за ванны 30 сант. съ полотенцемъ. Все устройство обошлось въ 72,000 франковъ; чистаго дохода даетъ заведеніе отъ 7 до 8,000 франковъ въ годъ. Половина изъ этой суммы отчисляется въ резервный капиталъ, другая идетъ въ уплату наслѣдникамъ г. Гальдимана. Черезъ восемь лѣтъ заведеніе должно совершенно окупиться и поступить, согласно желанію учредителя, въ собственность общины.

Д. Смышляевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

англійскаго государственнаго человѣка.

Въ 1802 году, въ самый апогей своей славы, знаменитый Фоксъ *) посѣтилъ Парижъ, съ цѣлю отыскать въ архивѣ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ нѣкоторые документы къ своей «исторіи Іакова II.» Онъ былъ хорошо принятъ Бонапартомъ (въ то время еще только первымъ консуломъ.) Лежація передъ нами «Воспоминанія» объ этой поѣздкѣ чрезвычайно занимательны, тѣмъ болѣе, что они знакомятъ насъ съ частнымъ характеромъ одного изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей нашего столѣтія.

Путешествуя съ своею женою, мистеромъ Троттеръ, своимъ бывшимъ секретаремъ, и мистеромъ (впослѣдствіи лордомъ) Сентъ-Джонъ, Фоксъ, посѣтилъ сначала Фландрію и Бельгію. Въ тѣ времена не существовало желѣзныхъ дорогъ, и путешественни-

---

*) Чарльзъ Джемсъ Фоксъ, былъ меньшимъ сыномъ Гэбри Фоксъ (впослѣдствіи лордъ Голландъ) и леди Джорджианы Ленноксъ. Онъ родился въ 1749 году, получилъ воспитаніе въ Итонѣ и Оксонѣ, былъ избранъ депутатомъ отъ Мидлгорта въ 1768 году, потомъ назначенъ лордомъ адмиралтейства (1770—1772) и лордомъ казначейства (1773—1774). Въ 1782 году онъ получилъ мѣсто министра иностранныхъ дѣлъ. Въ 1783 году снова назначенъ въ эту же должность, но оставался въ ней, однако, не долго, именно до не принятія индійскаго билля въ томъ же 1783 году. Онъ былъ главою оппозиціи противъ министерства Питта. Въ 1797 году, онъ вышелъ изъ парламента; въ 1802 году былъ избранъ вновь депутатомъ отъ Вэстминстера. По смерти Питта, онъ сдѣлался вновь министромъ.

камъ приходилось довольствоваться ѣздою на лошадахъ. Фоксъ старался убивать скуку подобнаго странствія чтеніемъ Фильдинга. Въ Гагѣ онъ увидѣлъ картину, изображавшую убійство Де-Витта чернію, и она возбудила въ немъ чувствѣ сильнѣйшаго негодованія, которое онъ выразилъ въ послѣдствіи въ слѣдующихъ строкахъ своей «Исторіи Іакова II.»

«Убійство де-Витта,—самого мудраго, благонамѣреннаго и проникнутаго патріотисмомъ государственнаго дѣятеля,—было дѣломъ самой вопіющей несправедливости и представляетъ собою наилучшій историческій примѣръ для отнятія духа бодрости у всякаго ревнителя свободы. Правда, что и Аристидъ подвергался изгнанію, но онъ былъ снова возвращенъ въ отечество; правда, что сиракузяне вознаградили Діона за всѣ его заслуги одною неблагодарностію, но за то, они и раскаявались въ ней не одинъ разъ; правда, что Сидней и Россель погибли на эшафотѣ, но они не были поруганы собственноручною расправою черни, памяти ихъ была воздана должная честь и имя ихъ служить до симъ поръ стимуломъ для каждаго англичанина, раздѣляющаго ихъ благородныя убѣжденія. Но со смертію де-Витта пало какъ дѣло его, такъ и партія, и хотя имя подобнаго человѣка, чтимое всякимъ, кто только уважаетъ добродѣтель и мудрость, посвященный на самую благородную цѣль, то есть, на политическое благо общества,—хотя имя это, говорю я, должно бытъ вдвойнѣ дорого для соотечественниковъ великаго мужа,—все же, сколько извѣстно, соотечественники эти не отдали по сей день никакой публичной почести его памяти.»

Религіозный взглядъ Фокса обличаетъ въ немъ высокій и здравый умъ. Авторъ «Воспоминаній» пишетъ: «я замѣчалъ, что онъ не только *допускалъ*, но признавалъ, что всѣ люди имѣютъ право на исправленіе своихъ религіозныхъ обрядовъ, и что спокойные граждане *не нуждаются въ разрѣшеніи другихъ* для удовлетворенія этой нравственной потребности, а могутъ почитать Бога по своему, не подвергаясь за то порицанію. Ни разу не вырвалось у него хотя бы одного непочтительнаго слова противъ религіи; ни разу не позволилъ онъ себѣ назмѣшливой улыбки или отступленія въ чемъ либо отъ требуемаго уваженія къ мѣстнымъ обрядамъ, было ли то въ католическихъ или протестантскихъ земляхъ.»

Прибывъ въ Парижъ, Фоксъ поселился въ отелѣ Ришелье. Въ то время, на французской сценѣ блистала актриса Дюшенуа; онъ поспѣшилъ въ театръ, что бы посмотреть на нее въ роли Федры. Произведеніе ея любимаго драматическаго автора, Расина. «Его узнали въ партерѣ, и отовсюду раздались крики: «Фоксъ! Фоксъ!» Вся публика встала и аплодировала. Это очень смутило его, и онъ до такой степени не хотѣлъ принимать аплодисментовъ на свой счетъ, что друзья не могли

*

убѣдить его выступить впередъ, и только уже когда имя его, повторяемое нѣсколько разъ, отклонило всякое сомнѣніе въ этомъ, онъ рѣшился встать и поклониться въ знакъ благодарности. Можетъ быть, что непритворная скромность его была принята въ этомъ случаѣ за недостатокъ вниманія къ публикѣ. Первый консуль находился въ своей ложѣ. Свѣтъ со сцены падалъ ему на лицо, что придавало ему самый непріятный мертвенный оттѣнокъ. Встрѣченъ онъ былъ тоже аплодисментами, но далеко не такими, какъ тѣ, которые достались Фоксу.»

Посвятивъ самое короткое время на обзорніе Парижа, Фоксъ принялся за работу, бывшую главнымъ поводомъ къ его пріѣзду. Лордъ Сентъ-Джонъ, мистеръ Троттеръ и мистеръ Адэръ сопровождали его въ государственный архивъ и помогали ему тамъ ежедневно отъ одиннадцати до трехъ часовъ. Онъ прочитывалъ и переводилъ все самъ, работалъ скоро и весело, и если утруждалъ чѣмъ нибудь другихъ, то не иначе какъ принимая самъ участіе въ дѣлѣ.—Между лицами, посѣтившими Фокса въ Парижѣ, былъ и Косцюшко, описанный въ «Воспоминаніяхъ», какъ человѣкъ небольшого роста и не имѣвшій ничего особенно внушительнаго въ своей наружности. «Говорилъ онъ немного, и обращеніе его было очень просто. Фоксъ принялъ его очень привѣтливо и дружески. Оба они казались очень довольными подобною встрѣчею..... Косцюшко былъ, повидимому, здоровъ, хотя раны его не дозволяли ему никогда чувствовать себя вполне хорошо.»

Пробывъ двѣнадцать дней въ Парижѣ, Фоксъ все еще не видалъ Бонапарта иначе, какъ всколзь, въ театрѣ, и потому рѣшился пойти на первый пріемъ во дворцѣ. Въ то время, англійскимъ посланникомъ во Франціи былъ мистеръ Мерри. Англичане осаждали его до такой степени просьбами о чести быть представленными консулу, что онъ былъ принужденъ постановить правиломъ, что будетъ представлять только лицъ, снабженныхъ рекомендательнымъ письмомъ отъ лорда Гауксбюри.

До своего представленія консулу, Фоксъ и его товарищи сдѣлали визитъ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ, Талейрану, жившему въ Нельи. «Мы прибыли въ девятомъ часу вечера, пишетъ авторъ «Воспоминаній», такъ какъ министръ имѣлъ обыкновеніе принимать въ это время дипломатической корпусъ и знатныхъ пріѣзжихъ. Фоксъ былъ встрѣченъ съ почетомъ. Г. Талейранъ обладаетъ далеко не привлекательною наружностію, но общество у него было преинтересное; кого только мы не встрѣтили здѣсь! Были и нѣмецкіе герцоги и герцогини, и италіянскія принцессы, и представители старинной французской аристократіи, и сенаторы, и именитые писатели, поэты, философы.... Фоксъ сошелся со многими замѣчательными людьми и вступилъ съ ними въ самую оживленную бесѣду. Содержаніе, отпускаемое министру иностранныхъ дѣлъ,

очень богатое. Онъ получаетъ десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ въ годъ, для того, что бы держать открытый отличнѣйшій столъ и принимать, вообще, своихъ гостей съ великолѣпіемъ, достойнымъ возникающаго правительства.»

Въ день приѣма, у консула былъ большой военный парадъ. Бонапарте, на бѣлой лошади, быстро объѣхалъ войска въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ: Фоксъ обращалъ мало вниманія на всю эту церемонію, и разговаривалъ, во все продолженіе ея, съ графомъ Марковымъ, русскимъ посланникомъ. Разсказъ о приѣмѣ у консула чрезвычайно любопытенъ по словамъ, сказаннымъ Бонапарте Фоксу, при его представленіи ему: они могутъ назваться прототиномъ рѣчей, говоренныхъ, въ подобныхъ случаяхъ, черезъ шестьдесятъ лѣтъ спустя Наполеономъ III. Мы приводимъ слова самого рассказчика:

«По случаю большаго приѣма, на которомъ должно было явиться передъ первымъ консуломъ, кромѣ представителей разныхъ державъ, еще множество частныхъ лицъ, во дворцѣ было приготовлено нѣсколько покоевъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ «Залы посланниковъ.» Здѣсь должны были собираться всѣ, увѣдомленные о томъ, что они будутъ допущены въ присутствіе перваго консула. Лордъ Голландъ, лордъ Робертъ Спенсеръ, лордъ Сентъ-Джонъ, мистеръ Адэръ и я сопровождали Фокса. Великій маскарадъ развертывался тутъ во всеобщій блескъ. На всѣхъ фізіономіяхъ проглядывало сдержанное выраженіе, какъ бы говорившее: «Неужели все это не мечта? Неужели это продлится?»—Какого вы мнѣнія обо всемъ этомъ? спросилъ кавалеръ д'Азара, испанскій посланникъ, у Фокса, который отвѣтилъ ему только улыбкою.—«Удивительное время! продолжалъ д'Азара. Картины... статуи... Я слышалъ, что везутъ сюда даже и Венеру медіцейскую. Что будетъ далѣе?» Оба государственные мужа вступили въ шуточный разговоръ: они смѣялись, находя, что гнѣвъ не поведетъ ни къ чему. Американскій посланникъ, Ливингстонъ, былъ простъ какъ въ одеждѣ, такъ и въ обращеніи; графъ Марковъ сверкалъ брилліантами, но наружность у него была самая отталкивающая, что не мѣшало ему быть очень умнымъ человѣкомъ, хотя и не способнымъ внушать сочувствіе дамамъ своею фізіономіею и манерами. Прусскій посланникъ, маркизъ Луккезини, одѣтый очень смѣшно, какъ настоящая заморская птица, былъ, не смотря на это, очень любезный и привѣтливый человѣкъ; за то неаполитанскій посланникъ, маркизъ де-Галло, олицетворялъ собою бессмысленнѣйшаго аристократа старой школы. Далѣе шелъ почтенный и мудрый графъ Кобенцель, представитель австрійскаго двора, за нимъ множество лицъ изъ англійской знати, нѣсколько русскихъ и шведскихъ офицеровъ съ бѣлою перевязью на ругѣ,—словомъ толпа. Англичанъ было болѣе, нежели какой нибудь другой націи. Представитель его святѣйшества, кардиналъ Капрара, смотрѣлъ весьма до-

стойно и благородно въ своей красной шапкѣ и такихъ же чулкахъ. Все собраніе ждало довольно долго; лакеи въ великолѣпныхъ ливреяхъ разносили кофей, шоколадъ, превосходныя вина и бисквиты. Сервизы были помѣчены одною литерою Б, безъ всякаго герба, короны или какаго либо знака достоинства. Жаръ становился невыносимымъ, продолжительное ожиданіе изводило тоску, но наконецъ, двери отворились, и въ нихъ показался гофмаршалъ, который доложилъ кардиналу Капрара, что приемъ начинается; за тѣмъ онъ пригласилъ кавалера д'Азара, а за этими двумя лицами всѣ пошли уже въ расыпную, безъ соблюденія чинопочитанія и порядка. Мы стали подниматься по парадной лѣстницѣ между двухъ рядовъ гренадеровъ!

«Когда мы дошли до приемной залы, Бонапарте стоялъ въ глубинѣ ея, имѣя по своимъ сторонамъ двухъ другихъ консуловъ, Лебрэна и Камбасереса. Разные генералы, министры, сенаторы и пр. образовали вокругъ нихъ полукругъ. Мы прибывшіе изъ «залы посланниковъ», выстроились вторымъ полукругомъ, концы котораго примкнули къ первому. Бонапарте, невысокій ростомъ и наружности вовсе не представительной, былъ въ простомъ консульскомъ мундирѣ и казался частнымъ человекомъ, ни сколько не заботящемся о нарядѣ и величавости обращенія. Остальные два консула, высокіе, массивные люди, имѣли видъ столбовъ, слишкомъ тяжелыхъ для своей собственной поддержки, и не знали что дѣлать во все время приема: призывать ли на помощь табакерку и носовой платокъ, или переступать съ лѣвой ноги на правую. Бонапарте заговорилъ сначала съ испанскимъ посланникомъ, за тѣмъ съ американскимъ, а потомъ сталъ переходить къ другимъ, разговаривая съ каждымъ весьма привѣтливо и свободно. Онъ дошелъ, такимъ образомъ и до англійскаго посланника, который представилъ ему нѣсколькихъ англійскихъ знатныхъ лицъ, а за ними и Фокса. Бонапарте какъ будто смутился и произнесъ очень быстро: «А! мистеръ Фоксъ! я услышалъ съ большимъ удовольствіемъ о вашемъ пріѣздѣ; мнѣ очень хотѣлось васъ видѣть; я всегда уважалъ васъ, какъ оратора и какъ любящаго свое отечество человека, который, возвышая постоянно свой голосъ въ пользу мира, имѣлъ въ виду истинные интересы своей страны, Европы и человѣчества. Обѣимъ великимъ націямъ нуженъ миръ; имъ нечего бояться; онѣ должны понимать и цѣнить друга друга. Въ васъ, мистеръ Фоксъ, я вижу великаго государственнаго дѣятеля, который проповѣдуетъ миръ, видя, что нѣтъ настоящей причины для его нарушенія, и нехочетъ допустить Европу до безцѣльнаго раззоренія, а старается водворить въ ней спокойствіе»; Фоксъ отвѣчалъ весьма мало, или лучше сказать, не отвѣчалъ ничего. Ему было всегда невыразимо тяжело вслушиваться комплименты. Свиданіе кончилось нѣсколькими

вопросами и отвѣтами на счетъ путешествія, совершеннаго Фоксомъ.

Наружность Бонапарте описана слѣдующимъ образомъ: «Будучи невеликъ ростомъ и сложенія хотя не дурнаго, но и неслишкомъ красиваго, онъ (Бонапарте) не обладаетъ особенно внушающимъ видомъ, но лицо его до крайности выразительно; въ минуты задумчивости или размышленія, на немъ ярко отпечатлѣваются твердость характера и рѣшительность. Глаза у него обыкновеннаго сѣраго цвѣта, и не имѣютъ въ себѣ ничего особеннаго. Мнѣ кажется, что нижняя часть лица, наиболѣе замѣчательная, способна болѣе другихъ къ выраженію быстрой и неуклонной рѣшимости. Но этой послѣдней черты было вовсе незамѣтно во время пріема; напротивъ того, лицо Бонапарте было оживлено чрезвычайно пріятною улыбкою и вообще самымъ привѣтливымъ выраженіемъ. Надо сказать, что и во всѣхъ пріемахъ его, лишенныхъ особенной величавости, не было то же той заученной снисходительности, которая, въ высокопоставленныхъ особахъ, бываетъ иногда оскорбительнѣе всякой грубости и высокомерія съ ихъ стороны.»

Послѣ пріема, лордъ Робертъ Спенсеръ пригласилъ нѣсколькихъ англичанъ отобѣдать у Роберта, перваго парижскаго ресторатора того времени. Общество составилось самое пріятное. Между прочими былъ и Кембль. На слѣдующій день мистеръ Фоксъ съ женою и нѣкоторыми друзьями отправился къ знаменитому аббату Сійэсъ. Онъ жилъ пустыннокомъ въ двѣнадцать миляхъ отъ Парижа, занимаясь обработкою порядочнаго помѣстья, дарованнаго ему новымъ правительствомъ, которое наградило его, такимъ образомъ, за прошлыя заслуги, а вмѣстѣ съ тѣмъ и избавило себя отъ его дальнѣйшихъ притязаній.

Послѣ представленія консулу, Фоксъ принялся снова съ величайшимъ усердіемъ за свои историческія изслѣдованія. Открывая при этомъ, на сколько Лудовикъ XIV былъ преданъ интересамъ своей религіи, онъ былъ чрезвычайно пораженъ такимъ фактомъ, что ясно выражается во всѣхъ его письмахъ къ Барильону. Ему казалось до крайности страннымъ, чтобы одно и то же лицо могло подстрекать какихъ нибудь подданныхъ къ низверженію своего государя, и заботиться вмѣстѣ съ тѣмъ о поддержаніи католической религіи, которая запрящаетъ всякое возстаніе противъ установленныхъ правительствъ.

Мы передаемъ собственными словами автора разсказъ объ обѣдѣ у Талейрана:

«Черезъ нѣсколько времени послѣ пріема у консула, мы обѣдали у Талейрана, въ Нельи. Мы явились въ седьмомъ часу, но сѣли за столъ лишь въ восемь. Обѣденный часъ понижился въ Парижѣ до такой же смѣшной степени, какъ и въ лондонскомъ модномъ свѣтѣ, такъ что подобныя трапезы по-

ходятъ болѣе на древніе римскіе ужины, нежели на то, что можно разумѣть подъ новѣйшимъ выраженіемъ «обѣдъ.» Хозяинъ и хозяйка сѣли по концамъ стола; гостей было человекъ тридцать или сорокъ (какъ кажется, это обыкновенное ежедневное число); каждому изъ нихъ прислуживалъ лакей безъ ливреи; только за стуломъ г-жи Талейранъ стояли два молодые негра въ роскошно вышитой одеждѣ. Хозяинъ занимался съ немногими важнѣйшими гостями, посаженными возлѣ него. Однихъ ихъ подчивалъ онъ своими лучшими винами; къ однимъ имъ обращался съ своимъ разговоромъ. Нѣсколько эмигрантовъ и эксъ-аристократовъ, помирившихся съ новымъ правительствомъ и желавшихъ поступить къ нему на службу, или получить отъ него какое нибудь пособіе, сидѣли на послѣднемъ концѣ стола. Ими занимались весьма мало или, правильнѣе сказать, не обращали на нихъ совершенно никакого вниманія. Герцогъ д'Уеза, потомокъ древнѣйшаго рода, въ свое время одинъ изъ первыхъ французскихъ аристократовъ, сидѣлъ рядомъ со мною. Онъ былъ въ настоящую минуту въ самомъ униженномъ положеніи, не имѣлъ ни титула, ни имущества, и являлся къ столу министра иностранныхъ дѣлъ въ надеждѣ добиться какаго нибудь вниманія и помощи. Онъ пріѣхалъ въ Нельи въ наемномъ кабріолетѣ въ одну лошадь и безъ слуги. Наружность у него была очень пріятная, располагающая въ его пользу и чрезвычайно моложавая. Повидимому, онъ переносилъ переменъ своей судьбы съ удивительною философіею, потому что шутилъ даже надъ своимъ положеніемъ и говорилъ о богатствѣ и возвышеніи другихъ безъ малѣйшей зависти.

Послѣ обѣда, начался приемъ у г-жи Талейранъ; явились всѣ члены дипломатическаго корпуса, и министръ сталъ толковать съ ними о дѣлахъ, переходя изъ одной комнаты въ другую. Г-жа Талейранъ живетъ грандіозно; при входѣ ея въ гостиную, двѣ молодыя прислужницы въ нарядныхъ бѣлыхъ платьяхъ закурили передъ нею духи. Фоксъ разговаривалъ и игралъ въ карты. Живя уединенно въ Сентъ-Аннинскомъ помѣстьѣ, онъ посвятилъ себя, повидимому, однимъ сельскимъ и философскимъ занятіямъ, и не дотрогивался до картъ съ той минуты, какъ его долги были уплачены его приверженцами въ 1793 году; но это не помѣшало ему выказаться въ гостинной г-жи Талейранъ ловкимъ свѣтскимъ человекѣмъ, который могъ разговаривать съ французами, италіянами и испанцами на ихъ родномъ языкѣ и удивлялъ всѣхъ своею любезностію. Черезъ день послѣ этого, мы снова обѣдали въ Нельи и бывали тамъ потомъ весьма часто. Возвращеніе домой въ чудныя свѣтлыя ночи придавало еще болѣе удовольствія этимъ поѣздкамъ.

Гостиная г-жи Бонапарте неслишкомъ понравилась пріѣзжимъ. Вся церемонія была какъ то холодна, незанимательна и

прошла очень скоро. Жозефина предсѣдательствовала въ кругу разряженныхъ особъ и была страшно нарумянена, что бы скрыть разницу своихъ лѣтъ съ лѣтами мужа. Бонапарте вышелъ изъ внутреннихъ покоевъ, обошелъ все общество, сказалъ нѣсколько словъ дамамъ и удалился опять. Фоксъ, представившись Жозефинѣ, оставался тоже недолго. Такъ какъ она любила растенія и имѣла познанія въ ботаникѣ, онъ поговорилъ съ нею объ этихъ предметахъ. Она собрала въ Малмезонѣ превосходную коллекцію замѣчательныхъ растеній.

Лафайэтъ посѣтилъ Фокса. Вотъ какъ рассказываетъ объ этомъ визитѣ авторъ «Воспоминаній»:

«Однажды, когда Фоксъ занимался въ Архивѣ, въ комнату вошелъ незнакомый человѣкъ, красивой и привлекательной наружности. Онъ быстро приблизился къ Фоксу и обнялъ его въ радостномъ волненіи; слезы такъ и текли по его щекамъ. Фоксъ былъ тоже очень тронутъ. Это былъ Лафайэтъ. Онъ пріѣзжалъ въ Лондонъ въ самой ранней молодости, и познакомился тогда съ Фоксомъ, но съ тѣхъ поръ не встрѣчался болѣе съ нимъ. Между тѣмъ, въ этотъ промежутокъ времени, онъ повинулъ всѣ удобства и выгоды, предоставляемыя богатствомъ и знатнымъ рожденіемъ, и поѣхалъ въ Новый Свѣтъ, что бы предложить американцамъ свою помощь. Онъ построилъ на свои деньги фрегатъ и способствовалъ многими гражданскими и военными заслугами къ утверженію Соединенныхъ Штатовъ, въ то время, какъ другъ его, Фоксъ, дѣйствовалъ съ подобнымъ же рвеніемъ въ палатѣ общинъ въ пользу мирнаго признанія правъ новаго государства. Лафайэтъ жилъ въ настоящее время въ тридцати миляхъ отъ Парижа, не имѣя никакихъ сношеній съ правительствомъ, и пріѣхалъ въ Парижъ единственно только для того, чтобы повидаться съ Фоксомъ и пригласить его къ себѣ въ Лагранжъ. Фоксъ принялъ съ радостію это приглашеніе.»

Далѣе слѣдуетъ очеркъ г-жи Рекамье: «Г-жа Рекамье давала завтракъ, на который были приглашены многія извѣстныя лица, а съ ними и Фоксъ съ своимъ обществомъ. Мы пріѣхали около трехъ часовъ. О красотѣ прелестной хозяйки писано уже столько, что я считаю излишнимъ сказать о ней еще что нибудь, кромѣ того, что она очаровывала рѣшительно всѣхъ. Но еще замѣчательнѣе красоты г-жи Рекамье была искренняя простота ея обращенія и та врожденная кротость и благосклонность, которыя проглядывали во всѣхъ ея рѣчахъ и дѣлахъ, и такое отсутствіе тщеславія, какое только можно вообразить въ женщинѣ, служащей предметомъ всеобщаго необузданнаго восторга. Она принимала гостей съ удивительною простотою и развязностію. Домъ былъ очень хорошъ, съ садомъ, простиравшимся до самой рѣки; гости гуляли тамъ, пока не собралось все общество. Мы встрѣтились здѣсь въ первый разъ съ гене-

раломъ Моро. Фоксъ заговорилъ съ нимъ, и свелъ бесѣду на Лудовика XIV-го, но такой предметъ оказался совершенно невѣдомымъ для генерала и не вызвалъ у него ни малѣйшаго проблеска ума. Впослѣдствіи, за столомъ, онъ оживился, говоря объ арміи, но слушавшіе его находили, что рѣчи его слишкомъ не благодарны въ своемъ выраженіи. Онъ жилъ милья въ десяти или двѣнадцати отъ Парижа и, какъ говорили, посвящалъ все свое время женѣ и охотѣ. Евгенийъ Богарне, будущій вице-король Италіанскій, былъ въ этотъ день тоже у г-жи Рекамье.

Фоксъ сдѣлался *львомъ* Парижа. Вошло въ моду обезьянничать съ него все: его одежду, его способъ выраженія, его обѣды, и даже въ подражаніе ему, казаться мыслящимъ человекомъ, мысля, разумѣется, непремѣнно по его образцу. Многие дураки старались усвоить себѣ, если не его черты, то, по крайней мѣрѣ, хотя выраженіе его лица. Если онъ бывалъ въ театрѣ, всѣ уставляли на него глаза; если онъ шелъ по улицѣ, всѣ кидались за нимъ, какъ за чудомъ; портреты его красовались на окнахъ всѣхъ эстампныхъ магазиновъ; ни одни медаліоны не раскупались такъ быстро, какъ тѣ, которые были украшены головой мистера Фокса. Одни живописцы были недовольны, потому что онъ отказывалъ имъ въ сеансахъ *).

Г-жа Рекамье пригласила его однажды проѣхать съ нею въ коляскѣ. Онъ отказывался. «Поѣдемте! сказала она ему съ своею обворожительною улыбкою. Я должна сдержать свое слово, и показать васъ на гуляньи. Здѣшнимъ зѣвакамъ нужно постоянно какое нибудь зрѣлище. До вашего пріѣзда, моднымъ идоломъ была я; честь моя требуетъ теперь, что бы, я выказала, что не чувствую зависти къ вамъ.» Фоксъ долженъ былъ согласиться.

При посѣщеніи Лувра первымъ консуломъ, случилось происшествіе, которое можетъ послужить предметомъ для исторической живописи. Въ одной залѣ стоялъ огромный и прекрасно-здѣланный земной глобусъ, поднесенный первому консулу. Кто то изъ сопровождавшихъ Бонапарте повернулъ шаръ и, понавъ рукою на Англію, сдѣлалъ довольно неловкое замѣчаніе о томъ; что эта страна занимаетъ весьма незначительное пространство на земной картѣ. «Да, воскликнулъ Фоксъ, англичане рождаются на этомъ маленькомъ островѣ; на этомъ же маленькомъ островѣ желаютъ они умереть; но, прибавилъ онъ, распростирая руками черезъ оба океана къ двумъ Индіямъ, пока они живутъ, они распространяются по всему земному шару и обнимаютъ его своимъ могуществомъ». Первый консулъ выразилъ свое одобреніе такому гордому и находчивому отвѣту.

*) Въ Кенсингтонской исторической галереѣ находятся два портрета Фокса.

Передъ отъѣздомъ въ Лагранжъ, г-жа Кабаррюсъ, бывшая Талліэнъ, дала великолѣпный обѣдъ въ честь Фокса и другихъ пріѣзжихъ знаменитостей. Многіе изъ друзей Фокса были приглашены на этотъ обѣдъ, но каково было удивленіе или, лучше сказать, неудовольствіе всѣхъ англичанъ, имѣвшихъ какое нибудь политическое значеніе, когда между гостями оказался тоже Артуръ О'Конноръ! (изгнанный заговорщикъ). Мистеръ Эркинъ былъ крайне смущенъ тѣмъ, что какой нибудь сплетникъ могъ передать этотъ случай въ Англію съ превратнымъ истолкованіемъ. Но Фоксъ нашелъ, что на это слѣдуетъ смотрѣть лишь какъ на неприятную случайность, которой избѣжать нѣтъ возможности, и разговаривалъ съ О'Конноромъ какъ со всѣми.

I Вандеміера (23-го сентября), у консула былъ снова пріемъ, на которомъ былъ и Фоксъ. Церемонія была совершенно подобна уже описанной выше. По заведенному порядку, лица, представленныя на одномъ пріемѣ, приглашались къ обѣду на слѣдующемъ. На основаніи этого, Фоксъ обѣдалъ въ этотъ день у консула. Онъ рассказывалъ послѣ, что Бонапарте говорилъ очень много, и что время прошло весьма пріятно. Послѣ обѣда, очень не длиннаго, консулъ отправился съ нѣсколькими избранными лицами въ комнаты своей супруги, и остатокъ вечера былъ проведенъ тамъ. По видимому, Фоксъ смотрѣлъ на Бонапарте какъ на молодаго человѣка, порядочно упоеннаго своимъ успѣхомъ и удивительнымъ возвышеніемъ. Онъ не сомнѣвался въ его искреннемъ желаніи сохранить миръ, хотя и было видно, что Бонапарте раздраженъ противъ нѣкоторыхъ членовъ министерства Питта, за то, что они возбуждали посягательства на его жизнь или даже сами принимали участіе въ такихъ дѣлахъ, особенно въ исторіи «адской машины.» Онъ называлъ прямо Виндгэма какъ одного изъ зачинщиковъ этого заговора. Фоксъ старался всячески разубѣдить его на счетъ этого, будучи убѣжденъ въ неосновательности подобнаго мнѣнія. Бонапарте говорилъ много о возможности уничтожить всякое различіе между жителями обоихъ полушарій, о смѣшеніи бѣлыхъ съ черными, и о водвореніи повсемѣстнаго мира. Впечатлѣніе, произведенное этимъ разговоромъ на Фокса, выражается лучше всего въ письмѣ его къ лорду Греку, писанномъ тотчасъ по возвращеніи Фокса въ Англію. Вотъ что пишетъ Фоксъ: «Мой взглядъ на политическое настроеніе Бонапарте таковъ, что, при моемъ первомъ пріѣздѣ въ Парижъ, онъ былъ страшно раздраженъ противъ нашихъ газетъ, но не чувствовалъ особеннаго нерасположенія къ нашимъ министрамъ, а тѣмъ менѣе къ странѣ. На Австрію онъ былъ чрезвычайно сердитъ въ это время, и намѣревался, какъ мнѣ кажется, не дѣлать ей ни малѣйшей уступки. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ подозрѣвать (справедливо ли, или нѣтъ), что мы можемъ вмѣшаться въ дѣло, онъ сталъ сильно бояться войны, которую

во Франціи могли приписатьъ его неосмотрительнымъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе этого страха, онъ сдѣлалъ Австріи значительныя уступки, а на насъ сталъ сердиться, какъ на причину, принудившую его къ этимъ уступкамъ. Но какъ весь этотъ гнѣвъ (принимая мою гипотезу) происходитъ главнымъ образомъ изъ боязни быть вовлеченнымъ въ непопулярную войну, то я полагаю, что въ настоящее время, намъ нечего опасаться съ его стороны нарушенія мира, и если только здѣсь будутъ употребляться мирныя совѣты и рѣчи, то такое положеніе будетъ продолжительнымъ. Главнымъ предметомъ вниманія въ настоящую минуту торговля, особенно колоніальная, и въ отношеніи этого вопроса, французы выражаютъ самое безмысленное поклоненіе всѣмъ нашимъ постановленіямъ, даже самымъ худшимъ, какъ, на примѣръ, запрещеніямъ, протекціоннымъ пошлинамъ, торговлѣ невольниками и т. д. Однако, какъ бы не была дурна система съ подобными допущеніями, Франція должна такъ или иначе возстановить свою торговлю, а чѣмъ сильнѣе для нея эта обязанность, тѣмъ страшнѣе для нея война съ Англіею. Но что значить Франція? могутъ возразить мнѣ. Бонапарте можетъ поступить какъ захочетъ, не спрашиваясь у націи. По моему мнѣнію, это невозможно въ странѣ, занимающей извѣстное пространство, и я нравственно убѣжденъ въ томъ, что Бонапарте и его друзья считаютъ войну съ Англіею единственнымъ событіемъ, могущимъ подвергнуть опасности его власть. Войско самое сильное орудіе правительства, но не такое, однако, которое можетъ, во всевозможныхъ случаяхъ, обезпечивать ему успѣхъ, что доказываетъ исторіей государствъ, содержавшихъ огромныя арміи. Бонапарте же не можетъ рассчитывать на одобреніе ни единого человѣка въ арміи, если вступить съ нами въ войну, къ которой его ни что особенно не принуждаетъ. Какъ бы ни обсмѣивали титулъ «миротворца», *) вы можете быть увѣрены, что вліяніе Бонапарте на націю происходитъ изъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ, и онъ одинъ, могъ водворить миръ, и что онъ же одинъ способенъ поддержать его. Выказавъ вамъ все это, я признаю, тѣмъ не менѣе, ваши опасенія справедливыми относительно того, что обоюдные непріязненные возгласы и косые взгляды двухъ націй могутъ возбудить войну по мимо желанія обоихъ правительствъ, и поставлю себѣ задачею.—на сколько мнѣ будетъ возможно, нынѣ вмѣшиваться въ политику,—отклонить, по мѣрѣ силъ моихъ, это зло . . .»

24-го сентября, Фоксъ и его спутники выѣхали изъ Парижа въ Лагранжъ, резиденцію Лафайэта.

«Замокъ былъ оригинальной постройки: квадратный, съ мавританскими башенками по угламъ, производившимъ красивый эффектъ. Возлѣ дома была разрушенная часовня. Мы выѣхали

*) Pacificateur.

во дворъ: все семейство сошло въ сѣни, что бы встрѣтить насъ и привѣтствовало мистера Фоксъ и его жену самымъ дружескимъ образомъ. Это семейство состояло изъ двухъ дочерей и сына съ его женою, всѣ они были молоды и жили съ Лафайэтомъ какъ съ старшимъ братомъ и другомъ (ему было въ это время подъ пятьдесятъ лѣтъ). Его благосклонность, его теплое, открытое обращеніе и ровное, спокойное состояніе духа были полны обаянія для всякаго; своя же семья просто обожала его. Г-жа Лафайэтъ, происходившая изъ древней фамиліи Ноалей, обладала утонченностію настоящей аристократки, живостию, большимъ даромъ слова, и была искренно привязана къ своему мужу и семейству. Извѣстно, что Лафайэтъ былъ схваченъ при своемъ выѣздѣ изъ Франціи въ 1793 г. и посаженъ въ Ольмюцкую крѣпость. По прошествіи нѣкотораго времени, г-жа Лафайэтъ, не имѣя силъ болѣе переносить съ нимъ разлуку, рѣшилась сдѣлать попытку для возвращенія ему свободы, или же раздѣлить его заточеніе. Она отправилась въ Германію съ своими маленькими дѣтьми, бросилась къ ногамъ императора австрійскаго и умоляла его, или освободить ея мужа или дозволить ей подвергнуться одной участи съ нимъ. Первая изъ ея просьбъ была отвергнута, но на вторую, послѣдовало разрѣшеніе. Достоянная женщина провела нѣсколько лѣтъ, не покидая мужа и подвергая себя и своихъ дочерей всѣмъ ужасамъ заключенія. Тюремный воздухъ разстроилъ ея здоровье, и она уже никогда не оправилась совершенно отъ перенесенныхъ страданій. Слѣдуетъ помянуть, къ чести Бонапарте, что, достигнувъ власти, онъ тотчасъ же употребилъ все свое вліяніе на освобожденіе Лафайэта. Въ ту эпоху, которую я описываю (1802 г.) протекло почти десять лѣтъ со времени арестованія Лафайэта, и онъ прибылъ недавно во Францію. Замокъ и помѣстье Лагранжъ, полученныя г-жею Лафайэтъ въ приданое, оставались единственнымъ достояніемъ его семейства; все остальное было конфисковано во время революціи, и ему не удалось еще выхлопотать себѣ ни возврата имуществъ, ни какого либо вознагражденія за нихъ.

Общество въ Лагранжѣ увеличилось прибытіемъ генерала Фитцпатрика, который зналъ Лафайэта въ Америкѣ и убѣдилъ своихъ согражданъ подать, въ 1794 г., во палату общинъ адресъ, съ просьбою къ королю вступить за освобожденіе Лафайэта изъ Ольмюца (этотъ адресъ былъ отвергнутъ 153 голосами противъ 46). Фитцпатрикъ былъ встрѣченъ самымъ дружескимъ образомъ всею семьею. Валли Толендаль, отецъ котораго пострадалъ при прежнемъ правительствѣ, былъ тоже въ числѣ гостей. Онъ былъ человѣкъ открытый, прямой, весьма пріятный въ обращеніи и очень занимательный по обилію своихъ анекдотовъ о революціи. Онъ читалъ намъ, по вечерамъ, свои переводы изъ Шекспира. Небольшое число сосѣдей Лафайэта являлось тоже по временамъ. Столъ у хозяина былъ

самый изобильный, а послѣ обѣда устраивались шахматныя и другія игры, или просто бесѣды, и время проходило самымъ пріятнѣйшимъ образомъ. Г-жа Лафайэтъ говорила удивительно хорошо; ея рассказы о ея приключеніяхъ и бѣдствіяхъ въ Германіи были чрезвычайно занимательны.

Самый замокъ былъ старъ и убранъ весьма просто. Паркъ, прилежавшій къ нему, былъ раздѣленъ прямолинейными, перекрещивающимися аллеями стараго французскаго образца. Лафайэтъ рассказывалъ много объ Америкѣ. По его словамъ, зависть американцевъ къ иностраннымъ войскамъ была такъ сильна, что онъ былъ принужденъ убавить число ихъ противъ условленнаго зранѣе, хотя, въ послѣдствіи, долженъ былъ вытребовать еще большее число ихъ, чтобы дойти до рѣшительныхъ результатовъ. Въ настоящее время, онъ занимался только хозяйственными операціями, и рѣшительно отказался отъ политики. Домашній его порядокъ былъ устроенъ отличнѣйшимъ образомъ: каждый членъ семейства имѣлъ свои собственные занятія, а гостямъ предоставлялась до обѣда полнѣйшая свобода; они могли читать, писать, гулять; обозрѣвать окрестности, словомъ, дѣлать что каждому вздумается. Къ обѣду всѣ собирались. Лафайэтъ очень занимался своимъ большимъ, но запущеннымъ садомъ, и осматривалъ каждое утро свои мызы. Фоксъ былъ совершенно счастливъ въ Лагранжѣ; все тутъ приходилось ему по вкусу, не говоря уже объ удовольствіи видѣться съ другомъ, успокоившимся наконецъ среди своей семьи послѣ столькихъ пережитыхъ опасностей и лишеній.» Общество состояло изъ замѣчательнѣйшихъ военныхъ и другихъ личностей. На первомъ планѣ былъ самъ Бертъ, пріятный, живой, вѣрачивый человекъ, столь же способный, повидимому, къ кабинетнымъ занятіямъ, какъ и къ военному дѣлу; потомъ Массена, съ своими пронизательными маленькими черными глазками и съ строгою, рѣшительною осанкою; Бугэнвилль, знаменитый мореходецъ; Вольней, авторъ «Развалины государствъ,» и многіе другіе. Форма приглашенія была въ республиканскою стилѣ: годъ и число были помѣчены по новому счисленію, и въ заголовкѣ билета стояло: «Французская республика.» Одинъ австрійскій офицеръ въ полномъ мундирѣ представлялъ весьма отрадное явленіе между французскими воинами, одицетворяя собою залого мѣра.

Въ письмѣ своемъ отъ 21-го ноября 1802 г. къ лорду Голландъ, Фоксъ говоритъ: «Рѣдко проводилъ я время пріятнѣе, какъ въ Парижѣ, но никогда тоже не чувствовалъ я такого блаженства при возвращеніи домой, какъ послѣ этой поѣздки. *Nis amor, haec patria est*, принимая *hic* и *haec* въ тѣсномъ смыслѣ. Право, мнѣ нечего рассказать вамъ о моей парижской жизни. Свиданіе съ Лафайэтомъ и его семьею и видъ взаимной глубокой привязанности между ними, были особенно от-

рады для меня. Изъ новыхъ моихъ знакомствъ стоитъ упомянуть только о Ливингстонѣ, который, хотя и глухъ, но самый пріятный собесѣдникъ изъ всѣхъ американцевъ, когда либо видѣнныхъ мною, и о Бертѣе, съ которымъ я очень сошелся послѣ охоты..... я не говорю о лордѣ Генри Пэтти, потому что упоминаю здѣсь только объ иностранцахъ; относительно же его, я не встрѣчалъ молодаго человѣка, который понравился бы мнѣ и въ половину такъ, какъ онъ. Какихъ бы неприятностей ни натерпѣлся въ своей публичной жизни лордъ Лансдоунъ особенно отъ своего старшаго сына, лорда Вайкомба, онъ будетъ несправедливъ, если не сочтетъ себя вознагражденнымъ за все такимъ сыномъ, каковъ лордъ Генри.»

Лордъ Генри, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь (нынѣ умершій) былъ потомъ маркизомъ Лансдоунъ.

Б А Б Ё.

Въ ближайшей окрестности столицы Лиллипутскаго (крошечнаго) королевства, есть прелестная деревня, называемая «Les Grenouillettes» («Лягушечкинъ»). Это сельское убѣжище гражданъ Мильдендо состоитъ преимущественно изъ трехъ гостиниць, тридцати трактировъ и пяти прудовъ. Народонаселенія здѣсь можно бы насчитать до десяти милліоновъ, со включеніемъ главныхъ жителей, лягушекъ, производящихъ много шума въ этомъ свѣтѣ.

Сюда собираются веселые мѣщане и танцуютъ подъ звуки арфы и скрип...

Называя это мѣсто въ шутку «Belgium Lilliput» (бельгійскій Лиллипутъ), я боюсь, чтобы мистификація, въ продолженіе всего разсказа, не сдѣлалась утомительною и неудобною, тѣмъ болѣе, что она здѣсь совершенно лишняя. Что же касается вышеупомянутой деревни, то я имѣю нѣкоторыя причины не называть ее настоящимъ именемъ.

Около шести лѣтъ тому назадъ, мы съ братомъ (Джономъ Фрешъ, капитаномъ королевскаго флота) и его женою истомились цѣлый лѣтній день въ приснаніи на нѣсколько недѣль дачи, въ непосредственномъ сосѣдствѣ отъ Брюсселя. Въ настоящее время едва ли что нибудь можно найти въ этой мѣстности, развѣ только при особыхъ условіяхъ.

Вы можете жить въ деревенскомъ трактирѣ, и платить высшую цѣну за наименьшее удобство.

Вы также можете жить въ гостиницѣ, гдѣ это вамъ дорого можетъ обойтись, какъ бы мало вы ни платили. Или, наконецъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ вы можете нанять пустыя комнаты въ совершенно пустомъ домѣ и брать на прокатъ

мебель изъ Брюсселя, а прислугу, если у васъ ея нѣтъ, нанять помѣсячно.

Это послѣднее обстоятельство имѣетъ то преимущество, что оно уподобляетъ ваше положеніе полумученическому, при-нуждая васъ въ нѣкоторой степени оставаться на мѣстѣ, хотя бы противъ вашего желанія.

Къ концу этого длиннѣйшаго изъ безконечныхъ дней, мы стали смотрѣть на жизнь и ея обстоятельства съ апатією отчаянія, и перестали ожидать отъ нихъ что либо въ будущемъ кромѣ обѣда.

Столицу Дилипутскаго королевства мѣстами обружали обширныя и печальныя поляны, засѣяныя рѣпою. Эти пустыни, тянувшіяся на неизмѣримыя пространства, казалось, удлиннились передъ нами, по мѣрѣ нашего приближенія. Мы проходили деревню за деревнею, развѣдывая понапрасну. Подъ впечатлѣніемъ усталости и судя по нашимъ ощущеніямъ, мнѣ казалось, что мы осмотрѣли по крайней мѣрѣ съ полсотни этихъ деревенскихъ колоній.

Въ каждой почти изъ нихъ находилось, по меньшей мѣрѣ, по шести трактировъ и по два пруда. Въ нѣкоторыхъ не было прудовъ, но во всѣхъ по шести гостиницъ, представлявшихъ собою деревенскіе, запленные, разстрескавшіеся домики, съ заплескѣвшими садами, съ гнилыми хромыми столами и скамьями, съ опьянѣвшими отъ пива горилльями, игравшими въ кегли и палетъ.

Названія этихъ колоній казались намъ невозможными для произношенія человѣческимъ языкомъ, за исключеніемъ двухъ: что то въ родѣ Диггумъ и Хитумонсбакъ. Но нашъ городскій кучеръ вѣроятно знакомый съ симіанскимъ языкомъ, направлялся изъ одной деревни въ другую, по указанію добродушныхъ обезьянъ, которыхъ онъ дорогою спрашивалъ. Около захода солнца, мы прибыли къ большому уже совершенно цивилизованному селенію съ французскимъ названіемъ, тому самому, которое я описывалъ въ началѣ этого разсказа. Наша запыленная карета и усталыя лошади повернули къ воротамъ первой попавшейся гостиницы, расположенной на зеленыхъ берегахъ маленькаго и чрезвычайно живописнаго луга. Ворота приходились насквозь дома; за ними мелькнулъ передъ нами вымощенный дворъ и видъ густой зелени, манившей свѣжестію и прохладою. Оттуда же раздавался пронзительный визгъ шарманки, игравшей польку, и мы застали представленіе на дворѣ, поглощавшее вниманіе всего дома. Ничто, казалось, не только насъ не замѣчало, но даже и не слыхало шума нашихъ колесъ; но когда экипажъ тихо остановился на мощеномъ дворѣ, къ намъ подошелъ офиціантъ, съ рыбьими глазками, весело выбывая такъ свою салфеткою. Мы просили его заказать намъ обѣдъ поскорѣе.

— Уэй мозу, отвѣтилъ офиціантъ на своемъ мягкомъ бельгійскофранцузскомъ нарѣчціи, и высадилъ насъ изъ экипажа.

Мы такъ долго засидѣлись въ немъ, закупоренные, что рады были походить, постоять и обзрѣть дворъ, пока приготовлялся нашъ обѣдъ.

Шарманщикъ не переставалъ молотъ свою полку ни на минуту. Визгливыя тоны адской машины, казалось, очаровывали столько же его самого, сколько и прочихъ членовъ собравшаго общества. Это былъ обыкновенный савоярдъ, съ лицомъ цвѣта женой пробки, совершенно темными огненными глазами, черными, какъ смоль, будрями и глупыми ужимками. Прислонившись къ небольшому каменному столбу, онъ молотъ эти страшные звуки, съ выраженіемъ сумасшедшаго. Мы прошли небольшое разстояніе, и приблизились къ мѣсту дѣйствія.

Въ дверяхъ, у порога, стоялъ, неподвиженъ какъ статуя, невысокій блѣдный молодой человѣкъ, съ густыми усами, держа блюдо въ рукѣ. Около него, на ступенькахъ крыльца, сидѣла молодая блѣокурая женщина, съ большими голубыми глазами и маленькимъ ротомъ, такая же красивая и безцвѣтная, какъ мадонна Карло Дона.

Очевидно — это былъ хозяинъ и его жена. Немного поодаль, у низкой стѣны, отдѣлявшей дворъ отъ сада, на садовой скамьѣ сидѣла молодая особа, съ виду настоящая французенка: ея черное шелковое платье, отдѣланное совершенно просто, отличалось однако же парижскою щеголеватостію. Въ рукѣ у нея и на колѣняхъ лежало бѣлое шитье. Она не была особенно хороша, но тонкія милостивныя черты ея лица приняли пріятную, хотя нѣсколько грустную, улыбку, когда она прервала свою работу, что бы наблюдать за тѣмъ, что происходитъ. Пожилая женщина, въ темносинемъ платьѣ и чистенькомъ чепчикѣ, съ вучею только что выглаженнаго бѣлья въ рукахъ, стояла на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ небольшое зданіе, которое вѣроятно было прачечною. Она весело покачивала своею старою головою подъ звуки плясовой пѣсни. Другіе звѣвки шатались по сторонамъ, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напримѣръ официантъ съ рыбьими глазками и какой то дюжій господинъ въ бѣломъ ночномъ колпакѣ, исчезли совершенно съ нашимъ пріѣздомъ.

Остается описать центръ, привлекавшій общее вниманіе. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ шарманщика, подъ немужыкательные звуки его органа, маленькій мальчикъ и полненькая дѣвочка танцовали безъ устали на мостовой. Мальчику, маленькому свѣтловолосому болѣзненному ребенку въ холстинной блузѣ, было не болѣе четырехъ лѣтъ. Онъ прыгалъ, топалъ ногами и хохоталъ съ увлеченіемъ. Дѣвочка казалась годомъ старше. Пухленькая, румяная, въ ярко розовомъ платьѣ и черномъ шелковомъ фартукѣ (ея свѣтлокаштановые волосы были острижены ровнo и коротко какъ у мальчика), она танцовала съ большою энергіею, но переважно, безъ малѣйшей улыбочки на ея красочномъ ротикѣ. Она и кружилась, и прыгала, и вертѣлась;

ея легкое розовое платье летало и раздувалось, точно зонтигъ; подбоченясь своими пухленькими голенькими ручками, она танцовала съ кокетливою величавостію, придавая каждому изъ своихъ движеній какую то серіозность, то перебѣгая съ мѣста на мѣсто, то мѣняясь съ своимъ кавалеромъ, то приближаясь къ нему мелкими шажками, то вдругъ, отскакивая и кружась, она удалялась отъ него. Мальчикъ только внималъ ей, и слѣдовалъ каждому ея указанію: она очевидно управляла пляскою. И тотъ, и другой строго соблюдали тактъ. Они танцовали тарантеллу, хотя никогда о ней и не слыхали; но изъ всей поэзіи, выраженной движеніями, всего легче попасть на характеръ тарантеллы.

Шарманщикъ продолжалъ молоть, ослабляться и кивать головою; хозяйка обмѣнивалась взглядами восхищенія и радости, когда только могли оторвать глаза отъ танцующей маленькой нимфы; легко было отгадать въ нихъ ея родителей.

Молчаливая молодая особа, сидѣвшая на скамьѣ, нѣжно поглядывала на крошечнаго рѣзвившагося мальчика. Мы были въ полной увѣренности, что она его мать. Глаза у него были свѣтлоголубые; у него были тѣ же нѣжныя, тонкія, милостивыя черты.

Вдругъ изъ открытаго окна, выходящаго во дворъ, раздался громкій голосъ:

— А! А! браво! О! А! мосе Бабебибо-бу!

Мальчикъ остановился, дѣвочка тоже; оба взглянули въ окно. Никого въ немъ не показывалось, но передъ нами промелькнула полная фигура господина въ голубой блузѣ, который въ ту же минуту скрылся изъ виду, присѣвъ на полъ; только верхъ его соломенной шляпы виднѣлся изъ за подоконника, хотя ребенку снизу нельзя было этого замѣтить. Мальчикъ началъ кричать: «папа, папа!» Густый голосъ еще суровѣе наконецъ заревѣлъ:

— Кто тамъ? ужъ не самъ ли мосе Бабебибо-Бу? (Первыя слова были произнесены скороговоркою, послѣднее какъ бы со взрывомъ.)

— Да, да, это мосе Баби-бу! кричалъ ребенокъ, стараясь поддѣлаться подъ густый голосъ, прыгая и смѣясь отъ восхищенія.

Изъ окна вдругъ полетѣлъ большой, мягкій разноцвѣтный мячъ, и за нимъ снова громкій крикъ: «мосе Бабебибо-бу съ поклономъ отъ короля всѣхъ игрушекъ!»

Еще большій восторгъ. Затѣмъ, опять изъ того же окна, большой бѣлый пакетъ съ конфетами «мадемуазель Мари и мосе Бабебибо-бу отъ королевы всѣхъ лакомствъ.»

Восхищеніе было неописанное, выразившееся только пронзительными вскрикиваніями и прыжками. Пухленькая дѣвочка важно подходитъ, что бы приступить къ осмотру пакета, и съ тихою задумчивостію, которую мнѣ часто случалось примѣчать у пол-

*

ненькихъ розовыхъ личиковъ, принялась пихать одну конфетку за другую въ свой крошечный пунцовенкій ротикъ.

Между тѣмъ шарманщикъ, наконецъ, пересталъ молотъ, спустилъ свой ящикъ, и сталъ уписывать полную тарелку мяса съ хлѣбомъ, которую старуха вынесла ему; хозяинъ и жена его исчезли. Молодая французенка встала съ своей скамьи и пошла къ дѣтямъ. И вотъ изъ коридора, ведущаго въ домъ, выходитъ полный бѣлокурый мужчина, котораго мы только мелькомъ видѣли въ окно.

Мальчикъ оставляетъ конфеты своей подругѣ и съ крикомъ: «папа! папа!» кидается къ подошедшему новому лицу, которое, наклонившись, беретъ его на руки, страстно прижимая къ своей широкой груди, и неоднократно и нѣжно цѣлуетъ его. Ребенокъ отвѣчалъ подобными же изліяніями. Крупное, красное лице отца, съ рыжеватою бородою, представляетъ нѣкоторымъ образомъ контрастъ съ маленькимъ блѣднымъ личикомъ сына. Крошечныя бѣленьяя лапки треплютъ раскраснѣвшія пухляя щеки, и дергаютъ рыжеватую свѣтлую бороду.

Затѣмъ незнакомецъ въ голубой блузѣ осторожно спустилъ своего сына на полъ и поцѣловалъ стоящую тутъ молодую французенку; онъ вѣроятно былъ нѣсколько времени въ разлукѣ съ своею семьею.

— Какъ живется, сестрица? спрашиваетъ онъ.

— Хорошо, отвѣчаетъ она, съ спокойнымъ видомъ.

— Ты видѣлъ, какъ танцуетъ нашъ Огюстъ? ты замѣтилъ, какъ онъ здоровъ, силенъ и веселъ, благодаря Бога?

— А послѣ него и тебя, моя добрая сестрица, съ нѣжностію говорилъ незнакомецъ.

Насъ къ этому времени позвали къ обѣду, но отворенное окно нашей столовой выходило во дворъ на то самое мѣсто, гдѣ стояла группа. Мы замѣтили, что мадемуазель Мари осталась единственною владѣтельницею пакета съ сластями, и что мальчикъ, обрадованный приходомъ отца, даже и не употреблялъ никакихъ усилій, что бы утвердить свои права на него. Тучноватый папа вступился за сына, говоря: «Но вѣдь, послушай, душенька. ... Дай хотя нѣсколько конфетъ твоему товарищу; это будетъ только любезностію съ твоей стороны.»

— Пусть ее кушаетъ, Жанъ, наивно перебила сестра, побуждаемая женскимъ великодушіемъ и справедливостію. Ты знаешь, какъ вредны они Огюсту. Полный господинъ размѣялся, закурилъ свою трубку, и всѣ трое ушли въ маленькій садъ, гдѣ они долго бродили, бесѣдуя въ сумеркахъ. Мы благополучно бросили якорь въ этой туманной пристани, и, найдя желаемое удобство, за довольно умѣренную плату, рѣшились провести въ этомъ маленькомъ отелѣ еще нѣсколько недѣль, до возвращенія нашего въ Брюссель.

II.

На слѣдующее утро, мы завтракали въ саду, въ бесѣдкѣ изъ хмѣля. По усыпанной пескомъ алеѣ, шель тучноватый господинъ, неся своего маленькаго сына на плечѣ.

Оба производили страшный гвалтъ. Мальчигъ дергаетъ отца за его красныя уши, тотъ нарочно ревъль отъ боли, а громкому густому голосу вторили радостныя взвизгиванія пронзительнаго дисканта ребенка. Мы привѣтствовали новыхъ пришельцевъ, какъ сосѣдей.

— Прекрасный день, сударыня! началъ тучноватый господинъ пофранцузски, снимая шляпу и вѣжливо кланяясь м-мъ Фрешъ, и, въ то же время, лѣвою рукою обнимая своего сына.

— Вы, сударыня, и эти господа вѣроятно англичане? не правда ли?

— Прекрасная мѣстность, замѣтили мы, заявивъ нашу національность, и очень приятная въ такую жаркую погоду, послѣ духоты Брюсселя.

— Дѣйствительно; и я здѣсь бываю, какъ можно чаще, продолжалъ нашъ новый знакомый; моя сестра живетъ здѣсь постоянно для этого маленькаго господина... господинъ Огюсть къ вашимъ услугамъ. Поклонись же господамъ, Огюсть. Надо вамъ знать, что этотъ молодой человекъ имѣетъ претензію на нѣкоторую слабость здоровья. Инвалидъ, изволите видѣть, въ слѣдствіе этого тетка и балуетъ его. Это не болѣе, какъ хитрость съ его стороны, вы замѣчаете? Ахъ! Боже мой! Инвалиды! право моя бѣдная рука такъ и замираетъ подъ нимъ. Ахъ!—а! не могу долѣе держать его. Обмираю!—урону его! падаетъ! вогъ такъ!!

Тутъ, спуская его осторожно, точно хрустальную кузлу, онъ сдѣлалъ видъ, что роиаетъ сына на лугъ.

— Вотъ онъ, вѣрно теперь разбился въ дребезги, и намъ придется его чинить. Тетка должна будетъ принести иглоку съ ниткою.

Господинъ Огюсть былъ такъ очарованъ этою комедіею, что съ увлеченіемъ требовалъ повторенія. Отецъ послушался; потомъ послалъ его бѣгомъ позвать тетку къ завтраку, который приготовлень былъ въ сосѣдней бесѣдкѣ.

— Вѣдь онъ крѣпокъ на ноги? не правда ли, сударыня? сказалъ отецъ, глядя сыпу вслѣдъ, причемъ веселое лице и свѣтлые голубые глаза его приняли нѣсколько задумчивое выраженіе.— Видите ли, какъ онъ веселъ, какъ онъ увлекается? Онъ слишкомъ уменъ, слишкомъ развитъ для своихъ лѣтъ, къ сожалѣнію; всѣ говорятъ, что это развитіе въ ущербъ его силамъ. Онъ довольно крѣпокъ, болѣзни особенной не имѣетъ, и съ каждымъ днемъ очевидно становится здоровѣе и полнѣе.

Тетка и племянникъ скоро присоединились къ намъ.

Нашъ новый знакомый представилъ ее:

— Моя свояченица—эти господа англичане, сестрица, и на столько добры, что принимаютъ живое участіе въ нашемъ маленькомъ Геркулесѣ.

Онъ снова вскинулъ ребенка на плечо; воссѣдая на этомъ тронѣ, ребенокъ забавлялся уборкою отповской соломенной шляпы яркочернымъ макомъ и зелеными листьями, изъ подъ которыхъ веселое сіяющее лице принимало вакхическій видъ.

Между тѣмъ молодая француженка, нѣжно улыбалась ухившимъ друзьямъ, присѣла къ намъ на предложенный ей стулъ, и свободно вошла съ нами въ разговоръ. Черезъ нѣсколько минутъ, мы узнали многое объ этомъ маленькомъ семействѣ. Мужчина въ блузѣ былъ бельгійскій живописецъ Жанъ Боденъ, пользовавшійся нѣкоторою извѣстностію на парижскихъ и брюссельскихъ выставкахъ.—Онъ женатъ былъ на моей сестрѣ; мы обѣ изъ Парижа. Когда родился нашъ маленький Огюстъ, моя бѣдная сестра умерла. Она всегда была очень слаба здоровьемъ. И ребенокъ то слабенькій! Ахъ, такой щедущный, такой болѣзненный, съ нимъ надо быть такою осторожною! А отецъ то его, какой силачъ, какой здоровякъ! Но ребенокъ во всѣхъ отношеніяхъ похожъ на мать. Отецъ обожаетъ его, какъ видите. Бѣдный Жанъ! Онъ очень нѣжно любилъ свою жену, которая угасла въ самой юности. Ей было только 18 лѣтъ, шестью годами моложе меня. Умирая, она просила меня быть матерью ея ребенку и сестрою бѣдному Жану. Онъ добрый братъ, и такой славный честный человекъ. Что же касается до малютки, то, право, можно обожать его, разумно конечно, сударыня; я его не балую, повѣрьте, но этотъ ребенокъ поразительно уменъ, притомъ у него такое доброе нѣжное сердце, такой привлекательный характеръ. Его почти не приходится наказывать.

— Огюстъ! какой ты шалуны! Огюстъ! слышишь? Жанъ! сними его съ этого запыленного забора и почишь его немного. Ты балуешь ребенка, мой другъ, вѣдь надо же быть разсудительнымъ!

Мы скоро вышли изъ сада, и проходя видѣли мосье Огюста за завтракомъ. Онъ сидѣлъ между отцемъ и теткою, одинаково боготворимый обоими, разумно и неразумно, къ душевной радости всѣхъ троихъ.

Мы прожили въ этой гостиницѣ цѣлый мѣсяцъ. Англійская чета вскорѣ подружилась съ семьею фламандскаго живописца Жана Бодена, также пребывавшей здѣсь, и, такъ сказать, единственной во всей этой деревнѣ, кромѣ насъ. Г-жа Фрешъ и молодая француженка скоро сблизились, и подружились; много лѣгкихъ вечеровъ проводили онѣ вмѣстѣ,

сидя подь хмѣлевымъ трельяжемъ за работою или въ веселой бесѣдѣ.

Роза Леклеръ было имя французенки, но по обыкновенію ее называли просто мадемуазель.

Мы съ Джономъ, сопровождаая Жана Бодена съ его рисовальнымъ приборомъ, любили гулять въ окрестностяхъ деревни, по узкимъ тропинкамъ, промежь заборовъ, деревьевъ и усадебъ, которыя такъ разнообразяють равнины по ту сторону Брюсселя. Мы, бывало, сядемъ подь деревомъ, или на каменный заборикъ, и куримъ трубку, а Жанъ въ это время набрасываетъ эскизы для своихъ удивительныхъ, по мастерской отдѣлкѣ, маленькихъ картинъ. Эта работа его крупныхъ рукъ и доставляла средства къ существованію ему и ребенку. Я помню въ особенности одну сѣренькую обросшую мхомъ хижину; передняя сторона ея покраена была виноградными лозами; красивый длинный щипецъ спускался почти до самой земли. Боденъ часто набрасывалъ эту хижину, и часто воспроизводилъ ея разнообразныя живописныя очертанія. Иногда онъ избиралъ своимъ сюжетомъ мрачный полуразвалившійся портикъ, сверху до низу обитый виноградными деревьями, съ сидящею подь нимъ молодою бѣлокурою фламандскою дѣвушкою, перекидывающею коклюшки на кружевной подушкѣ, при свѣтломъ колебаніи золотистыхъ лучей солнца. Иногда Жанъ входилъ прямо въ портикъ, или въ самую хижину, и тотчасъ возвращался оттуда, приводя съ собою старуху, въ синемъ платьѣ, и черной повязкѣ, съ вязаньемъ въ рукахъ, которымъ она занималась, качая неуклюжимъ своимъ бапшакомъ неуклюжую колыбель, люльку своего внука.

Сквозь заросшее листьями оконное отверстіе лучъ солнца падалъ на бѣлыя волосы старухи и на щечку младенца.

Добросовѣстный Жанъ писалъ только то, что видѣлъ своими глазами. Онъ могъ передавать такую простую поэзію, и даже проникаться ею, хотя оригинальной поэмы онъ не въ состояніи былъ воспроизвести на своемъ холстѣ. Добродушный, славный малый, онъ намъ скоро полюбился; полюбилась намъ также и рѣчь его, пріятная и безискусственная, подчасъ даже остроумная, разумѣется, когда только онъ могъ отклоняться отъ своей любимой темы *ребенка*, что, правду сказать, случилось гораздо рѣже, чѣмъ мы (въ ту пору еще не отцы фениксовъ) втайнѣ того желали.

Въ лѣтніе вечера мы, бывало, сидимъ всѣ вмѣстѣ въ саду, — дамы очень благосклонно позволяли намъ курить. Мы любили устраивать пляски для дѣтей, на лужайкѣ передъ нами, и, надо признаться, они часто прыгали подь звуки моей мандолины. Я изучалъ этотъ инструментъ подь руководствомъ оборваннаго неаполитанскаго маэстро, и льстилъ себѣ мыслію, что мое исполненіе дѣлало честь обоимъ, и доставляло всеобщее удовольствіе.

Бывало, Жанъ Боденъ привяжетъ къ трости своей маленькой носовой платокъ мосьё Огюста, и, вложивъ это знамя въ его руку, заставляетъ его исполнять извѣстное вокальное сочиненіе, въ воинственномъ вызывающемъ характерѣ. Блѣдненькій человѣчекъ исполнялъ свою роль съ большимъ одушевленіемъ, свирѣпымъ лицомъ, и топалъ ногами въ извѣстные торжественные моменты. Я помню въ особенности эффектное начало этого представленія. Оно такъ начиналось: «Les Belges (при этомъ словѣ, маленький актеръ подбрасывалъ національное знамя, и вскрикивалъ въ азартѣ) sont braves!» Отецъ и тетка смотрѣли съ гордостію на этого страшнаго представителя храбрыхъ своихъ соотечественниковъ, и взглядывали постоянно на насъ, стараясь прочесть въ нашихъ лицахъ удивленіе и восторгъ.

Мы всѣ, какъ нельзя лучше, ладили съ жителями гостиницы, платя должную дань уваженія маленькой принцессѣ дома. Жанъ Боденъ написалъ съ нея портретъ: смирно сидящую, съ нѣсколько раскрытымъ ртомъ, отяжелѣвшими вѣками, выраженіемъ пресыщенія во всѣхъ чертахъ и съ полнымъ фартукомъ вишенъ. Мы всѣ ее чествовали, и даже подчинились ей. Г-жа Фрешъ подарила ей прелестное ситцевое платье свѣтлозеленаго цвѣта, изъ котораго полное розовое личико ея сіяло точно бутонъ пунцовой гвоздики изъ своей чашечки.

Молодой хозяинъ, бывало, приносилъ намъ кушанье въ нашу садовую столовую, нарочно что бы какъ нибудь помедлить, и поболтать объ Англіи. Эта страна и пѣкоторые изъ ея образцовыхъ учрежденій, казалось, возбуждали въ его умѣ смѣсь боязни и любопытства, удивленія и ужаса. Онъ слышалъ, напри- мѣръ,—правда, онъ мало этому вѣрилъ,—что въ Лондонѣ по воскресеньямъ не только всѣ магазины закрыты, но и всѣ театры, да и не одни театры, а всѣ выставки, сады, залы для танцевъ, музыки и игры!

— Какъ, неужели? это дѣйствительно была правда? Конечно нельзя повѣрить тому, что, сударыня, сами, изволили подтвердить, но, въ такомъ случаѣ, что же остается дѣлать? Ни работы, ни удовольствія! такъ что же имъ дѣлать, Боже мой!

— Они ходятъ въ церковь, читаютъ библію и свято соблюдаютъ воскресный день, утверждаетъ г-жа Фрешъ съ полнымъ убѣжденіемъ и строгою гордостію, приличною протестантской жительницѣ Британіи.

— Tiens, tiens, но вѣдь это очень грустно, неправда ли грустно, сударыня? Tiens, tiens, такъ вотъ что называется протестантизмомъ! Болѣе и сомнѣваться нельзя, если, сударыня, сами изволите говорить такъ.

И въ раздумьѣ онъ идетъ сообщать объ всемъ женѣ, но врядъ ли съ стремленіемъ обратиться къ новой вѣрѣ.

Даже Іосифъ, глупый нашъ офиціантъ съ рыбыми глазками,

и тотъ намъ покровительствовалъ, и обазывалъ всевозможныя услуги, даже сверхъ своихъ офіціальныхъ обязанностей.

Однажды вечеромъ мадемуазель, Джонъ, его жена и я, по обыкновенію, сидѣли, въ бесѣдкѣ, за книгою или работою; вблизи отъ насъ, подъ тѣнію лавровыхъ кустарниковъ, болтали дѣти, предаваясь веселой игрѣ. Пухленькая фламандская дѣвочка, какъ водится, мучила своего товарища, съ свойственнымъ ей спокойствіемъ. Ея деспотическіе возгласы, «я хочу», «я нехочу», спокойныя, тихіе, повелительныя, постоянно раздавались около насъ.

Они играли въ желѣзную дорогу; изъ игрушекъ у нихъ былъ колокольчикъ и игрушечный вагонъ. Огюсть былъ сторожемъ и съ пронзительными криками возилъ товарную тельжку, нагруженную пескомъ, кожицею отъ крыжевника, кусками пробки и оловянными солдатиками. Мари представляла богатую, гордую барыню, отправляющуюся съ слѣдующимъ поѣздомъ, и платившую огромныя суммы изъ маргаритокъ за свой билетъ Огюсту, внезапно превратившемуся для этого обстоятельства въ кассира. Спорнымъ предметомъ въ этомъ дѣлѣ было, по всей вѣроятности, право владѣть колокольчикомъ, объ чемъ болѣе всего свидѣтельствовалъ часто повторявшійся звонокъ. Огюсть спорилъ горячо, но всегда очень дѣльно; напримѣръ: вещь должна принадлежать ему, въ качествѣ его офіціальнаго званія кондуктора и кассира скорѣе, чѣмъ богатой пышной барыни, которой, какъ пассажиркѣ, не должно, да и невозможно, присвоить себѣ монополію компанейскаго колокольчика; и дѣйствительно, онъ нѣкоторымъ образомъ даже убѣжденъ былъ, на сколько это дѣло ему извѣстно по опыту, что пассажирамъ никогда не приходится звонить. Но разрушающее женское «я хочу» прекратило споръ, и дало Мари восторжествовать надъ пустою логикою мужчины. Роза молча сидѣла подлѣ насъ, прилежно работая надъ своимъ копотливымъ вышиваніемъ; она вышивала по бѣлой широкой полосѣ, предназначавшейся (сколько я могъ разобратъ) для коймы на юбку, сложный затѣйливый узоръ, весь въ цвѣтахъ, изъ круглыхъ и овальныхъ дырочекъ, вырѣзанныхъ изъ матеріи для того, что бы доставить ей трудъ наполнять ихъ нитяною паутиною.

Съ скромнымъ невиннымъ удовольствіемъ любила она показывать эту работу во всемъ ея постепенномъ развитіи г-жѣ Фрешъ (которая, сколько мнѣ извѣстно, не отличалась въ рукодѣліяхъ) и рассказывать притомъ, какъ мало она употребила времени (кажется мѣсяца четыре), что бы привести ее къ скорому окончанію. Г-жа Фрешъ съ женскимъ удовольствіемъ смотрѣла на артистическую работу, и замѣтила лукаво, что, по красотѣ своей, она дѣйствительно можетъ пригодиться даже для приданого. Въ то же время она съ трудомъ могла скрыть свое неодобреніе за потерю драгоцѣннаго времени, которому подвергалась искусная рукодѣльница, не въ томъ смыслѣ, что Розу можно было бы уп-

рекнуть въ пренебреженіи болѣе серіозными формами своей науки; такъ, напримѣръ, нельзя было не признаться, что платица и блузы Огюста всегда отличались самыми затѣйливыми, самыми изящными украшеніями изъ вышивокъ, и крайняя чистота въ видимыхъ частяхъ бѣлыя Жана также свидѣтельствовала о болѣе положительныхъ занятіяхъ Розы. Спокойствіе нашей сельской картины въ саду нарушено было внезапнымъ появленіемъ новаго лица. По алеѣ шелъ, съ дорожнымъ ранцемъ на спинѣ, человекъ средняго роста, красивый, смуглый, лѣтъ тридцати пяти, съ черною бородою, въ новой голландской блузѣ и сѣрой войлочной шляпѣ. Мадемуазель Роза и онъ въ ту же минуту увидели другъ друга, и оба вскрикнули. Ея задумчивое блѣдное личико вдругъ зардѣлось яркимъ румянцемъ. Она вскочила, бросила свою работу, и побѣжала впередъ, протягивая руки; вдругъ остановилась, застѣнчивая, сіяющая, прекрасная, какъ восемнадцатилѣтняя дѣвушка; молодой человекъ однимъ прыжкомъ очутился подлѣ нея, и скалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

— Роза! моя Роза! восклицалъ онъ задыхающимся голосомъ. Она ничего не говорила, только своими маленькими ручками обвила его шею, а головою приникла къ его груди. Это продолжалось не болѣе минуты; вдругъ Роза освободилась изъ его объятій, и стыдливо взглянула на насъ; потомъ поспѣшно подошла къ г-жѣ Фрешъ, и, обнявъ ее одною рукою, сказала торопливымъ, дрожащимъ голосомъ съ блестящими полными слезъ глазами: — «Это Жюль, сударыня, мой женихъ уже четыре года; ахъ, сударыня, мнѣ стыдно — но... и побѣжала опять къ нему. Она совершенно преобразилась. Вмѣсто положительной почти стародѣвической маленькой особы, какъ она намъ прежде казалась — передъ нами стояла стыдливая, свѣжая, улыбающаяся дѣвушка, счастливая своей любовью; и воротничекъ ея весь измялся и темнорусыя мягкія косы распустились. Господинъ Жюль снялъ шляпу и вѣжливо поклонился, подходя къ намъ, и догадываясь, что она уже его представила. Его смуглое симпатичное лице такъ же вспыхнуло слегка; оно дышало честностію и счастіемъ. Дѣти бросили игры, и пристально стали смотрѣть на необыкновенное происшествіе. Роза побѣжала къ своему маленькому племяннику, и привела его къ Жюлю. «Я узналъ сейчасъ же сына нашей бѣдной Лоллоты,» сказалъ онъ, осторожно поднимая и цѣлуя ребенка. «А гдѣ же нашъ добрый Жанъ?» Почти въ одно время съ этими словами, послышался знакомый крикъ изъ окна, выходящаго во дворъ, у котораго живописецъ проводилъ цѣлые дни за своимъ мольбертомъ: «Гей! мосье Ба—бу!»

Мальчикъ чуть не выпрыгнулъ изъ рукъ своего новаго пріятеля.

— Папа! папа! пустите же меня, мосье папа!

— Уже не тебя ли называли такимъ именемъ? засмѣялся Жюль, ставя ребенка на землю.

— Да, да, затараторилъ ребенокъ своимъ пронзительно звонкимъ голосомъ; это я мосьё Ба-бу! Ба-бу!

— Ты узнаешь сильный голосъ нашего Жана, сказала Роза; онъ всегда такъ зоветъ своего сына по окончаніи дневныхъ трудовъ; наработавшись для него цѣлый день, онъ потомъ дѣлается ребенкомъ, что бы его забавлять, и это онъ называетъ своимъ отдыхомъ. Дѣйствительно, малютка боготворить отца, и для него готовъ оставить всѣхъ своихъ друзей, не исключая даже и меня, такъ пойдемъ же скорѣе къ нашему Жану! И, съ веселою улыбкою, счастливая чета вышла рука объ руку изъ сада.

III.

Мы мало видѣли нашихъ друзей на другой день. Послѣ ранняго обѣда, Жанъ, совершенно одинъ, пришелъ въ садъ, что бы, до возвращенія къ работѣ, выкурить на свободѣ трубку, и немного промяться. Его добродушное лице показалось намъ немного печальнымъ, несмотря на веселый привѣтъ, когда онъ вошелъ въ нашу садовую гостиную, и заговорилъ съ нами.

— Вѣдь любо на нихъ смотрѣть, не правда ли, сказалъ онъ, глядя вслѣдъ возлюбленной четѣ, только что исчезнувшей изъ подъ дворовыхъ сѣней, и вышедшей на освѣщенную солнцемъ большую дорогу. Скромное черное платье Розы замѣнилось свѣтлымъ воздушнымъ кисейнымъ.

— Милая моя Роза достойна вполнѣ своего счастья, продолжалъ онъ. Она отказывала своему жениху въ продолженіе четырехъ лѣтъ, въ слѣдствіе своего обѣщанія моей бѣдной женѣ, не оставлять ея безпомощнаго ребенка. Право, лучшей матери моему Огюсту и желать нельзя. Жюль удалился, весьма недовольный послѣднимъ отказомъ, но, обсудивъ всѣ обстоятельства, онъ, безъ сомнѣнія, долженъ былъ еще болѣе ее полюбить. Онъ ѣздилъ и въ Италію, и въ Швейцарію, и въ Англию, и Богъ вѣсть куда! Онъ такой же артистъ художникъ, какъ и я, но, разумѣется, изъ Франціи; я фламандецъ, и очень радъ быть соотечественникомъ Рубенса и ванъ-Дика, но у Жюля много таланта; онъ также занимается портретною живописію, и имѣлъ успѣхъ. Онъ славный малый, и вполнѣ достоинъ своей Розы.

— Состоится ли теперь наконецъ свадьба? осмѣлились мы спросить.

— Я думаю, отвѣчалъ Жанъ, и лице его замѣтно помрачилось.

— Но вы, вѣроятно, не разстанетесь? вы будете всѣ вмѣстѣ жить? прибавила Г-жа Фрешъ.

— Ахъ, сударыня! какъ это можетъ быть? Жюль изъ Франціи

а я бельгіецъ; когда я женился, я привезъ жену свою въ Брюссель; естественно, что онъ свою перевезетъ въ Парижъ,—это навѣрное.

— Бѣдный ребенокъ! какъ онъ будетъ скучать по своей теткѣ, невольно сказала г-жа Фрешъ, да и ей то, я думаю, тяжело будетъ съ нимъ разстаться?

— Ахъ, сударыня, возразилъ Жанъ съ нѣкоторой горечью, что же дѣлать?

— Малютка теперь долженъ быть на второмъ планѣ; мужъ будетъ на первомъ; да, да, это только въ порядкѣ вещей. Огюсть теперь окрѣпнѣ Я постараюсь сыскать ему хорошую няню; я не жажду; я вовсе не такой неблагодарный. Моей бѣдной Розѣ не вѣчно же быть жертвою! Она всегда была ангеломъ для насъ; видите, она намъ обоимъ жизнь спасла. Ребенокъ мой могъ бы умереть безъ нея, а я навѣрно умеръ бы безъ этого ребенка. Вѣдь это естественно, неправда ли? сказалъ онъ, улыбаясь. Тяжелый вздохъ какъ будто невольно вырвался у него изъ груди; онъ быстро ушелъ. Мы долго смотрѣли съ жалостію ему вслѣдъ.

— Этотъ маленькій болѣзненный ребенокъ едва ли будетъ жить, если тетка оставитъ его, сказала г-жа Фрешъ, и отецъ это знаетъ!

— Но какая ужасная жертва, если бы она отказала Жюлю! возразилъ Джонъ.

— И можно ли требовать, что бы ея возлюбленный согласился ждать до тѣхъ поръ, пока Огюсть не вырастетъ совершенно? прибавилъ я.

Слѣдующій день было воскресенье. Возвращаясь съ ранней прогулки, я услышалъ страшный вопль, выходившій изъ маленькой гостиной, около самаго корридора. Дверь была открыта настежь, и я взглянулъ въ комнату. Жанъ Боденъ стоялъ, прижатый за баррикадою изъ стульевъ, въ углу, и отчаянно молилъ о пощадѣ. Его крупное загорѣвшее лицо выглядывало изъ подъ бѣлаго бумажнаго колпака; его широкую талію обхватывалъ, сверхъ голубой блузы, бѣлый фартукъ.

Огюсть и Мари плясали и прыгали вокругъ баррикады, неистовствуя отъ радости. При видѣ меня, Боденъ поднялъ ужасный вой, и жалобно просилъ меня поспѣшить къ нему на помощь.

— Смотрите, милый молодой человѣкъ, какъ эти разбойники, эти измѣнники, эти бѣсенята, мучать свою бѣдную няню. Помогите, помогите, и вдругъ съ шумомъ, неуступающимъ паденію ніагарскаго водопада, ринулся онъ изъ своей тюрьмы и побѣжалъ, вокругъ двора, по направленію къ саду; дѣти кричали ему вслѣдъ, и шумъ возросъ до крайнихъ размѣровъ. Скоро все замолкло, и онъ гернулся на крыльце, гдѣ я стоялъ, съ Огюстомъ на плечъ, а маленькая дѣвочка скромно бѣжала за ними.

— Теперь я няня, сказалъ онъ. Роза съ своимъ Жюлемъ отправилась въ церковь, хозяйка также, и пока я взялъ на себя

обязанность смотрѣть за дѣтьми. Случалось ли вамъ когда нибудь видѣть такую прелестную нянюшку въ этомъ кокетливомъ чепчикѣ и миниатюрномъ чистенькомъ фартучкѣ? а?

Въ тотъ же вечеръ, влюбленные отправились кататься на лодкѣ по большому пруду или малому озеру, лежавшему за гостиницею. Огюста взяли съ собою. Мы всѣ подошли къ самому берегу; остальные же, за исключеніемъ Жана, который пошелъ бродить съ своимъ ручнымъ альбомомъ, смотрѣли издали, опираясь на рѣшетку, которою былъ обведенъ мостъ.

Прекраснѣйшій лѣтній пейзажъ представился нашимъ глазамъ; я часто и теперь еще вижу его предъ собою!

Былъ тихій ласкающій вечеръ; около захода солнца, нѣсколько золотыхъ жилокъ дрожало въ голубомъ прозрачномъ воздухѣ. Внизу зеркальный прудъ отражалъ лазоревое небо, домики, крытые черепицею, зеленя скамьи, лѣсистые холмики и одинокую лодку съ тремя сидѣвшими въ ней свѣтлыми лицами, и пару лебедей, величаво плившихъ за ними. Маленькій Огюстъ все бросалъ имъ крошки хлѣба и пирожнаго. Стоя такимъ образомъ и любуясь этою маленькою веселою панорамою, г-жа Фрешъ замѣтила, что ребенокъ, съ свойственною ему пылкостью и быстротою, слишкомъ перегибался впередъ, каждый разъ, какъ онъ бросалъ кормъ лебедямъ.

— Удивляюсь, сказала она, что тетка его ничего не замѣчаетъ: она такъ погружена въ бесѣду съ Жюлемъ, что даже и не оборачиваетъ головы къ ребенку. Смотрите! смотрите! А—хъ!

Страшный крикъ раздался, и съ берега, и съ пруда. Бѣдный мальчикъ перевѣсился, и, стремглавъ, упалъ въ озеро. Кто то съ моста въ ту же минуту кинулся, и вода вскипѣла пѣною и брызгами; кто то плылъ къ лодкѣ съ быстротою парохода. Это былъ братъ Джонъ. Мы видѣли и слышали отчаянный вопль Жюля, безсильнаго спасти ребенка. Мы видѣли, какъ онъ напрасно старался одной рукою вытаскать что то вынырнувшее на поверхность, и, въ то же время, другою рукою удержатъ Розу, хотѣвшую также кинуться въ воду. Не прошло и трехъ минутъ, какъ половина жителей посыпалась къ озеру, къ той сторонѣ, гдѣ деревня его окоймляла, и вдругъ ужасное зрѣлище представилось нашимъ глазамъ. Полный мужчина съ непокрытою головою прорывался сквозь толпу, блѣдный, свирѣпый, страшный! Его свѣтлоглубые глаза сверкали, зубы были сжаты. Съ быстротою гранаты, летящей сквозь стѣну, онъ разбивалъ толпу, то вправо, то влѣво, и стремглавъ летѣлъ, какъ безумный, вдоль по мосту, къ водѣ. Онъ столько же умѣлъ плавать, какъ и Жюль.

— Спасень, спасень! вскричала г-жа Фрешъ, хватая его за руку и притягивая къ себѣ; и мой мужъ нашелъ его, смотрите, Жанъ Боденъ, смотрите, вонъ онъ поднимаетъ дорогаго ребенка.

Она не могла удержать его ни минуты; вѣроятно онъ не чувствовалъ ея прикосновенія и только влачилъ ее за собою. Но его дикіе глаза, неподвижно и пристально устремленные впе-

редь, увидѣли передь собою то, что онъ ни отъ кого еще не слышалъ. Подвигаясь на столько быстро, на сколько это возможно, при помощи одной руки, брать подплывалъ къ Жану, держа другою рукою его ребенка надъ водою.

Вотъ поднялось изъ воды тяжелое туловище и затрепетало; дрожащія руки протянулись, лице немного приподнялось. Понималось сдержанное рыданіе, и затѣмъ слабый сдавленный крикъ, точно во снѣ:

— Мое дитя! мое дитя!

Но снова сильный, съ дикою любовію, онъ выхватилъ блѣдное тѣло изъ рукъ Джона, и ринулся черезъ валь къ гостиницѣ; тутъ были наглухо забыты заднія ворота, выходившія въ дворъ. Однимъ мощнымъ толчкомъ они растворились настезь передь Жаномъ, и онъ помчался въ дворъ.

Здѣсь все уже было тщательно приготовлено, и маленькое продрогнувшее тѣло можно было немедленно раздѣть и вернуть въ теплыя одѣяла. Сельскій врачъ и двѣ, три женщины изъ деревни уже находились въ комнатѣ. Жанъ Боденъ съ невыразимою кротостію помогалъ доктору и женщинамъ; его обычный угловатый нравъ смягчился; густой голосъ превратился въ чуть слышную шепотъ. Во всякомъ его движеніи замѣтна была крайняя осторожность и покорность въ исполненіи предписаній врача. Иногда онъ скажетъ два, три слова съ сдержаннымъ дыханіемъ. «Надо быть терпѣливымъ, г. докторъ, я это знаю! да, да!» Иногда онъ жалобно шепталъ: «дитя мое милое!» но во все время онъ былъ кротокъ, какъ агнецъ, и всячески старался хотя въ чемъ нибудь быть полезнымъ. Черезъ полчаса страданія его усилились. «Боже мой! Боже мой! молилъ онъ, какое мученіе! Ахъ, сударь, не замѣчаете ли вы, что мой маленькій началъ дышать немного? Ахъ, Боже мой! спаси его! Мое дитя! мое милое дитя!» и, удалившись въ уголъ комнаты, онъ прижался головою къ стѣнѣ, и тихо рыдалъ; потомъ снова возвратился съ терпѣливымъ спокойнымъ лицемъ.

— Молитесь, молитесь, сударыня, за меня! сказалъ онъ вдругъ г-жѣ Фрешъ.

— Я безпрестанно молюсь, мой бѣдный другъ, отвѣчала она, и послѣшно приложила платокъ съ эссенціею къ его головѣ, опасаясь обморока, такъ какъ надежда, долгое время его поддерживавшая, вдругъ болѣзненно сжала ему сердце.

Въ продолженіе всего этого, мы съ Джономъ томились въ темномъ корридорѣ, въ который изъ скважины полуотворенной двери проникала узкая струя свѣта. По временамъ, чья то мрачная фигура прокрадывалась къ намъ съ отчаяннымъ вопросомъ: «что новаго?» и быстро опять исчезала по лѣстницѣ съ неутѣшительнымъ отвѣтомъ.

Вотъ единственно то, что Жюль могъ сдѣлать для бѣдной Розы. Она бросилась на полъ въ темной комнатѣ, и не переставала стонать. Ея терзающая материнская скорбь объ ребенкѣ еще

болѣе усиливалась собственными упреками и добровольнымъ изгнаніемъ изъ верхней комнаты, на которое она сама себя обрекла. Она не осмѣливалась показываться Жану на глаза; она чувствовала, что присутствіе ея будетъ навсегда ему ненавистно; ей было страшно его проклатіе. Она отклоняла всякое утѣшеніе, всякое участіе къ себѣ, особенно со стороны Жюля, которому она дала жестокое повелѣніе оставить ее. Но когда въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, Жюль принесъ свѣчу, поставилъ ее на столъ, а самъ проводилъ время, постоянно прохаживаясь то вверхъ, то внизъ по лѣстницѣ, и старался оживлять, хотя лучемъ надежды, всякое извѣстіе, которое онъ принесли ей объ ребенкѣ. Наконецъ, послышалось движеніе изъ сосѣдней комнаты, сдавленное восклицаніе, и одна изъ женщинъ выбѣжала къ намъ. «Ребенокъ открылъ глаза!» сказала она, поспѣшно сбѣгая съ лѣстницы, за какимъ то нужнымъ предметомъ. Вскорѣ послышалось тихое рыданіе, и потомъ замиравшій слабый голосокъ; наконецъ наступило молчаніе — и надолго. Но вдругъ раздался отчаянный страшный крикъ и тяжелое паденіе; г-жа Фрешъ вышла къ намъ; при видѣ ея лица, сердце у насъ замерло; мы послѣдовали за нею по лѣстницѣ; не мудрено было отгадать что случилось: ребенокъ скончался. Онъ открылъ глаза, и вѣроятно узналъ отца, потому что радость, которою присутствіе отца всегда оживляло Огюста, и на этотъ разъ озарила блѣдненькое личико ребенка. Жанъ, обольщенный обманчивою надеждою, зарыдалъ отъ восторга, и бросился цѣловать дорогую дѣтскую головку. Ребенокъ силился что то сказать, и таки выговорилъ хотя одно слово: онъ произнесъ «Ба-бу» очень внятно, сказала г-жа Фрешъ; затѣмъ послѣдовала прелестнѣйшая улыбка, и теперь она еще видна на дорогомъ помертвѣвшемъ личикѣ его. Тутъ она остановилась вся въ слезахъ, и слова: «бѣдный Жанъ! бѣдный Жанъ!» прерывали ея рыданія.

Въ первый разъ въ жизни Жанъ Боденъ лежалъ безъ чувствъ въ обморокѣ. Случайная безсознательность заглушила въ немъ первую невыносимую боль его сердечной раны.

Его вынесли изъ комнаты, и положили на кровать; докторъ пустилъ ему кровь, надѣясь, вѣроятно, что онъ заснетъ отъ одного истощенія. Вскорѣ Жюль пришелъ къ намъ, плача, какъ ребенокъ, и прося насъ идти къ его Розѣ, что бы хотя слезами вывести ее изъ оцѣпенѣнія: она погрузилась въ такую глубокую бездну отчаянія, что даже и любовь его не могла ее пробудить. Съ той минуты, какъ она узнала о смерти ребенка, она не тронулась съ мѣста, только развѣ для того, что бы противиться всякой попыткѣ поднять ее съ пола, или отталкивать Жюля, какъ только онъ къ ней приближался. Мы вошли въ комнату, гдѣ она лежала; братъ мой наклонился, ласково съ нею заговорилъ, и поднялъ ее съ такою рѣшительностію, что она должна была ему уступить; потомъ посадилъ ее на диванъ, подлѣ своей жены, которая горячо, нѣжно обняла свою несча-

стную подругу. Склонивши голову къ ней на грудь, Роза и не могла замѣтить, что вдругъ кто то вошелъ: г-жа Фрешъ предупредила насъ знакомъ, и всѣ замолчали.

Вошедшій былъ Жанъ; съ смертельною блѣдностію на лицѣ и, можетъ быть, не въ полномъ сознаніи того, что дѣлалъ, онъ какъ будто искалъ кого то. Онъ былъ безъ башмаковъ; его свѣтлые волосы и борода—растрепанные, платье въ безпорядкѣ, въ такомъ же точно видѣ, какъ его положили на кровать. Увидѣвъ Розу, онъ подошелъ прямо, и сѣлъ возлѣ нея.

— Бѣдная Роза! сказалъ онъ жалобно.

Она вскрикнула, вздрогнула отъ ужаса, повернулась, и увидѣла его. Глубокая скорбь отпечатлѣлась на лицѣ его; кроткій видъ его печали не могъ обмануть ее. Пораженный несказаннымъ горемъ, онъ пришелъ къ ней инстинктивно, какъ дитя, для симпатіи и участія.

— Моя бѣдная Роза, началъ онъ отрывисто, нашъ маленькій...

Страстно схватила она его голову обѣими руками, и прижала къ своей груди, покрывая ее поцѣлуями, и, наконецъ, залилась горячими слезами. Мы всѣ потихоньку вышли, и предоставили имъ свободно облегчать свое несказанное горе слезами.

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЫЕ.

I.

Въ одно жаркое утро, въ іюль 184*** года, дѣвочка лѣтъ пяти играла въ песокъ, подъ горою, у Клязьмы. Подъ палаткою, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, кормилица, дворовая женщина, которую она звала Милкою, вязала чулокъ, и изрѣдка покрикивала на «барышню», болѣе для того, что бы не задремать; бѣлая борзая собака дремала тутъ же, выставивъ длинную морду изъ подъ скамьи палатки. Полуденное солнце тагъ и пекло. Тишина кругомъ нарушалась лишь плескомъ воды о бока лодки, качавшейся у берега; даже птицы притихли, и попрятались отъ жара въ кустахъ и деревьяхъ, которыми былъ обсаженъ отлогій спускъ къ Клязьмѣ.

Вдругъ, съ горы послышались голоса, торопливые шаги, ступъ экипажа; борзая собака, первая, насторожила уши; дѣвочка приостановилась съ лопаткою, на которой несла песокъ. Милка вышла изъ подъ навѣса, и стала всматриваться, заслоняя рукою отъ солнца, на террасу, вверху горы. Прошло минутъ пять: на террасѣ показался лакей, и побѣжалъ внизъ по ступенямъ, крича еще издали кормилицѣ:

— Мавра Ивановна! пожалуйста скорѣе: звать приказали съ барышнею; баринъ прѣхалъ!

— Кто, Милка? спросила дѣвочка.

— Папаша прѣхалъ, голубчикъ! отвѣчала Милка, живо посплюнувъ кончикъ своего передника и размазывая имъ грязь и потъ на лицѣ дѣвочки; потомъ, она поправила на ней соломенную шляпу съ большими полями, обдернула бѣлую блузочку изъ подъ кушака; лакей подхватилъ «барышню» на руки, и

побѣжалъ съ нею въ гору. Взбѣжалъ онъ на террасу, потомъ на балконъ, и здѣсь поставилъ ребенка на ноги. Милка очутилась уже съ нимъ рядомъ; борзая собака, съ радостнымъ визгомъ, винулась впередъ, въ комнаты, гдѣ ея появленіе привѣтствовалъ ласково звучный мужскій голосъ. Милка, взявши дѣвочку за руку, повела ее съ балкона въ гостиную; она шла неохотно, дичась и почти упираясь; у порога Милка низко поклонилась «барину», сидѣвшему на диванѣ, и, желая подвести къ нему дѣвочку, наклонясь, шепнула ей:

— Подойди, голубчикъ, къ папашѣ: поздоровайся, ручку поцѣлуй...

— Оставьте ее! крикнулъ онъ.

И Милка вышла въ боковую дверь, а дѣвочка, еще болѣе умѣривъ шагъ, подошла къ матери, глядя съ боку, изъ подъ нависшихъ полей шляпы, на загорѣлаго мужчину, въ очкахъ, съ окладистою черною бородою и въ легкомъ дорожномъ платьѣ. И мать ея, и мужчина, котораго Милка назвала *папашею*, сидѣли рядомъ за круглымъ столомъ: онъ пилъ чай и рассказывалъ ей что то; у ней—глаза еще не обсохли, щеки горѣли и рука, лежавшая на столѣ, видимо дрожала. Когда облокотилась на ея колѣна маленькая дѣвочка, принесенная изъ подъ горы, она какъ будто только что вспомнила о ней, и сказала, живо подвигая ее къ отцу:

— А вотъ и Вѣра...

Онъ пристально смотрѣлъ на дѣвочку съ тѣхъ поръ, какъ завидѣлъ ее еще на балконѣ. Когда мать придвинула ее, онъ, нагнувшись, протянулъ къ ней привѣтливо обѣ руки, и улыбка мелькнула на его суровомъ лицѣ.

Онъ еще ни разу, не видаль дѣвочки: она родилась въ его отсутствіе.

— Милая... сказалъ онъ тихо, и посадилъ ребенка къ себѣ на колѣна; снялъ шляпу; сталъ приглаживать ея спутавшіеся волосы, лежавшіе длинными кудрями на ея голой шеѣ.

— Неужели ее завиваютъ? спросилъ онъ.

— Да, теперь: длинные стали, а когда покороче, они у нея сами вьются, какъ у тебя. Она, вообще, вся въ тебя,—вылитый Павелъ Ѳедоровичъ! улыбаясь и какъ то застычиво говорила мать: и лицомъ похожа, и иногда задумчивая такая же... и вспылить такъ же... и, когда разсердится, простить не умѣетъ..

Павелъ Ѳедоровичъ, усмѣхаясь, взглянулъ на нее. Слезы у нея опять слегка набѣжали.

— Ну, миръ вѣдь теперь заключенъ, кажется, Елена? спросилъ онъ ласково.

— Миръ? перемиріе до первой твоей вспышки, отвѣтила Елена. И что тебя отсюда гонить, желала бы я знать?...

— А! ты еще не знаешь? спросилъ Павелъ Ѳедоровичъ, и замолчалъ, машинально продолжая гладить дочь свою по волосамъ.

— Угодно вамъ поцѣловать меня? сказалъ онъ шуточно дѣвочкѣ, смотрѣвшей на него очень внимательно.

Она немного улыбнулась и потупилась. Онъ пригнулъ свою голову, и ему удалось заглянуть ей прямо въ ея опущенные глазки. Она засмѣялась, и еще ниже опустила ихъ. Онъ еще заглянулъ. Она засмѣялась уже звонко: спрятаться было больше некуда, какъ только къ нему на грудь,—она такъ и сдѣлала, и онъ поцѣловалъ ее въ пухленькую щечку. Тутъ уже она осмѣлилась дотронуться до его очковъ, поднесла пальчикъ къ бородѣ его: онъ сталъ ловить этотъ пальчикъ, она отнимала...

Первое знакомство между отцомъ и дочерію было такимъ образомъ сдѣлано.

Гостиная, въ которой это знакомство происходило, просторная, прохладная, ароматная—отъ множества цвѣтовъ, стоявшихъ въ большихъ вазахъ—была убрана чрезвычайно роскошно, въ особенности для гостиной села Гороховки. Въ дверь балкона и въ длинная узкія окна, завѣшанныя маркизами снаружи, убранныя изнутри затѣйливыми фестонами и кистями, вѣтеръ вносилъ запахъ каприфоля, душистого повилика и другихъ ползучихъ растений, обвивавшихъ колонны и весь наружный фасъ со стороны сада; вносилъ аромать жасминовъ, розъ и душистаго горшка, наставленныхъ живописными купами въ тѣни огражденнаго со всѣхъ сторонъ балкона, на который двери изъ гостиной были отворены. Мебель, картины, рояль—все въ этой гостиной было дорогое, выписное, великолѣпное.

Мать Вѣры была богата. Шесть лѣтъ тому назадъ, жила она въ другой губерніи, съ мужемъ и двумя маленькими сыновьями. Выдали ее очень молоденькую, тотчасъ по выходѣ ея изъ института, за человѣка уже пожилаго, но богатаго; онъ институткѣ показался и скучнымъ, и лупымъ: она начала скучать, добилась, что бы онъ ее повезъ въ Петербургъ и въ Парижъ, большею же частію лечила себя отъ тоски чтеніемъ французскихъ романовъ, которые полюбила еще въ институтѣ. Тоска отъ нихъ не проходила, а тутъ случай свелъ ее съ Павломъ Ѳедоровичемъ: она его полюбила такъ же бессознательно, какъ бессознательно и тосковала съ мужемъ и дѣтьми; полюбила мгновенно, при первой встрѣчѣ съ нимъ, *вообразили* его себѣ, тутъ же отдалась ему мысленно... Онъ тогда только что кончилъ университетскій курсъ, и пріѣхалъ повидаться съ отцомъ своимъ и матерью. Тутъ, по сосѣдству, онъ и свидѣлся съ Еленою. Скоро сошлись они, и условились, что Елена поѣдетъ по дѣламъ въ свое владимірское имѣніе, а онъ *нечаянно* встрѣтится съ нею на дорогѣ, на четвертой или на пятой станціи...

Случай огласилъ ихъ тайну: Павелъ Ѳедоровичъ прилегъ на этой четвертой станціи, и проснулся съ бредомъ; шесть недѣль вылежалъ онъ въ горячкѣ, между жизнью и смертію, въ

уѣздномъ городишгѣ, почти безъ всякихъ медицинскихъ пособій. Сидя у его изголовья, ухаживая за нимъ и горячо молясь, Елена соображала, что шагъ этотъ, уже сдѣланный и получившій гласность, открываетъ предъ нею совѣтъ новую жизнь, и, чувствуя энергію, развивавшуюся съ обстоятельствами, повезла Павла Ѳедоровича выздоравливать и поправляться прямо въ свое владимірское имѣніе.

По привычкѣ ли ходить за нимъ, какъ за ребенкомъ во время болѣзни, по исключительной ли особенноти, свойственной женщиנѣ доброй и страстно влюбленной, чувство ея къ Павлу Ѳедоровичу стало высказываться въ удовлетворяющей себя потребности угождать во всемъ Павлу Ѳедоровичу, баловать его: доставлять все, чего бы онъ могъ только пожелать, избрѣтать, чѣмъ бы его порадовать, придумывать—и не знаю что! лишь бы вызвать на лицѣ его улыбку, при которой такъ хорошо улыбались даже глаза Павла Ѳедоровича! Но улыбка эта начала появляться все рѣже и рѣже. Елена была далеко не такъ развита, какъ онъ. Прекрасная собою и искренно любящая, она шагнула смѣло въ жизнь, ей новую, но дать ей содержаніе, въ уединеніи, на которое новая эта жизнь ее обрекала, она была не въ состояніи. Потѣшать Павла Ѳедоровича, она могла съ *своей* только точки зрѣнія; если это его стѣсняло, стало, наконецъ, вызывать нетерпѣливыя возраженія—она не понимала почему. Она *его*, однимъ словомъ, далеко не понимала. И Павелъ Ѳедоровичъ, проживши у нея нѣсколько мѣсяцевъ въ деревнѣ, уѣхалъ за границу. Учился онъ въ разныхъ университетахъ, работалъ, писалъ, трудился, учительствовалъ, бѣдствовалъ, но такъ прожилъ болѣе пяти лѣтъ.

Оставшись одна, Елена затворилась безвыѣздно въ Гороховгѣ. Къ прежней жизни ей возврата не было, да она и не хотѣла его. Два, три сосѣда, изъ знавшихъ ее еще ребенкомъ, навѣстили ее, но женъ и дочерей не привезли. Она почувствовала это живо, но еще живѣе было въ ней ея внутреннее горе, ея сознаніе, что на двадцатомъ году жизни, съ ея красотою, любящимъ сердцемъ и значительнымъ богатствомъ, жизнь эта надломлена, принесена жертва *ему* ненужная, и все въ ней противъ этого возмущалось! Горькія слезы протестовали противъ его несправедливости, но тѣмъ еще болѣе уврѣплялась любовь ея къ отсутствующему; любовь эта какъ бы услаждалась мыслию, что никого кромѣ *его* не нужно ея сердцу, что она *всю жизнь приноситъ ему въ жертву!* Никто не слыхалъ отъ Елены жалобы; но ходила она часто по цѣлымъ часамъ одна, не замѣчая времени, по запусѣлому саду, по старинному дому, въ которомъ родилась и выросла... Долгіе часы этихъ прогулокъ, вѣроятно, были не легкіе: по возвращеніи, Елена принималась нервно кашлять, судорожно вздрагивала.

Вскорѣ послѣ отѣзда Павла Ѳедоровича, родилась его дочь, Вѣра. Мать и ей весьма умѣренно обрадовалась. Что бы чѣмъ

нибудь наполнить время, она принялась строить: пристроила къ дому цѣлую половину, и отдѣлала попетербургски нѣсколь-ко наиболѣе видныхъ комнатъ. Какъ вездѣ въ богатыхъ имѣ-ніяхъ, были и въ Гороховкѣ флигели съ ткацкими станками, флигели, гдѣ пряли, вышивали, плели кружевы и проч.; были флигели для доѣзжачихъ и псарня; цѣлый рядъ конюшенъ; скотный дворъ, гдѣ красивый, породистый, бѣлый съ темно-красными пятнами, скотъ гулялъ у рѣвки по огороженной лева-дѣ; за отсутствіемъ «господъ», все это было запущено, всѣ за-тѣи полузаброшены. Елена начала *хозяйничать*: дворни развела человекъ семьдесятъ, но сама ѣздила осматривать поля, принимала отъ старосты счеты, подсаживала въ саду деревья, выписывала сѣмена и растенія, занимала работою кружевницъ и порт-нихъ. Ее вообще всѣ любили и считали «доброю барынею».

Такова была обстановка Вѣры съ самаго дня ея рожденія; прежде чѣмъ она сознала, что около нея настоящее барство, съ произволомъ и подобострастіемъ, барству свойственными, и гдѣ воля ея имѣла почти полное значеніе, воля эта была уже развита въ сильной степени: дѣвочка ни въ чемъ не могла представить себѣ отказа; баловство и изнѣженность, избытокъ во всемъ, совершенный комфортъ барства, со всею добродуш-ною готовностію дать осѣдлатъ себя со стороны подчиненныхъ, встрѣтили ребенка въ жизни. Но нерѣзвый, невеселый ребе-нокъ была Вѣра: можетъ быть ее слишкомъ набаловали угод-ливостію, можетъ быть и потому, что она росла одна,— ее ни-что не тѣшило; равнодушно смотрѣла она на хороводы, со-ставлявшіеся *для нея*, на всѣ затѣи и потѣхи, какія собственно ради ея придумывались, и ничего особенно не любила. Слушала она иногда подъ кленомъ иволгу, играла у Клязьмы въ пе-скѣ, но играла невесело, какъ ни старались веселить ее. *Занимать* барышню было исключительно предоставлено двор-нѣ; и Милва ея и эта дворня только, казалось, и жили для нея: ухаживали, наряжали, берегли, приносили птичекъ, ягодъ, пле-ли вѣнки, строили домики—и уже только какъ не величали: чуть ли не царицею! И ея маленькая особа привыкла принимать всѣ эти угожденія и лесть, какъ должную ей дань.

Шагахъ въ двадцати отъ балкона, съ террасы, начинался спускъ въ Клязьмѣ, густо поросшіи орѣшникомъ, кленами, бе-резами; между ними вились дорожки вплоть до прибрежнаго дуга, заливаемаго весною. Отлогій берегъ, покрытый бѣлыми пескомъ, плотнѣе для перевоза на островъ, изрытый грядями, нѣсколько другихъ островковъ, усѣянныхъ кустарникомъ и на-конецъ противоположный берегъ съ густыми тѣнями лѣса, въ которыя пряталась красная крыша бесѣдки съ разноцвѣтнымъ флагомъ, и гдѣ горѣлъ на солнцѣ куполь церкви—все это со-ставляло великолѣпный ландшафтъ, который Елена любила еще съ дѣтства, и нерѣдко приходила она сюда, на берегъ, гдѣ играла дѣвочка; дѣвочку эту она по цѣлымъ днямъ въ глаза

не видала. На этомъ берегу, садовники, что бы потѣшить «барышню», устроили *городъ*, т. е. наставили палатокъ, скамеекъ, горшковъ зелени, и дѣвочка, капризничая и прогоняя всѣхъ, почти жила здѣсь лѣтомъ, съ Милкою и борзою Свѣтлаюю. Разговоровъ между ними было мало: Милга умѣла рассказывать одну только сказку—объ «Иванушкѣ дурачкѣ», которую Вѣра знала наизусть и предпочитала играть молча, рассаживая куколъ по палаткамъ свсего *города*. Въ ненастье, или къ обѣду, она съ большимъ неудовольствіемъ возвращалась въ домъ.

Подъ вечеръ, къ ней въ *городъ* приходила мать: сходила она съ горы; на фонѣ зеленой рощи отдѣлялась ея высокая фигура, худенькій станъ; шла она медленно, закутавшись въ дорожную шаль, съ французскимъ томикомъ въ рукахъ; шла кашляя, смотрѣла, какъ бы не замѣчая никого и ничего около себя; садилась она молча, такая грустная, иногда, задумавшись, улыбалась просебя, и тогда лице ея оживлялось какимъ то юнымъ, теплымъ чувствомъ, но мало по малу измѣнялся смыслъ этой улыбки, и отъ нея становилось тогда жутко: столько она выражала горечи и столько отжитого, что легче было бы видѣть слезы на этомъ молодомъ лицѣ.

Дѣвочкѣ и въ обществѣ матери, какъ видимъ, развлеченія было немного.

Елена никогда не бранила ее, ничего не запрещала, — напротивъ; но она ее не замѣчала. Дѣвочка ощущала нѣкоторое любопытство при видѣ ея: она переставала играть, садилась у ея ногъ, и принималась смотрѣть на нее большими глазами; или окутывала ей ноги, какъ больной, подставляла скамеечку, бѣжала опрометію привести платокъ ея или стаканъ воды, молча льнула она къ ней, но въ жизни матери она была ничѣмъ: Елена не то, что бы не любила дѣвочку, но не умѣла, не хотѣла, и тяжело ей было ею заниматься,—гораздо легче предоста-вить это другимъ, и она все собиралась написать ей француз-женку; но еще время терпѣть, она такъ мала; а пока—занимались съ нею дворовыя «дѣвчонки», обшивали ее портнихи и мастерицы, завивала Милка; здорова она, слава Богу, полненькая такая! Ну, чего же еще могло для нея требоваться?..

Дѣвочка же, вслушиваясь въ разговоръ Милки съ Марьею, женою старшаго садовника, вставляла иногда и свое замѣчаніе:

— Милка! а мама такая бѣлая, ручки у нея тоненькія... и все то она читаетъ!

— Блѣдная она, худая у насъ, голубчикъ! Нездорова она, наша матушка, скучаетъ. Вотъ папашу ждемъ: на недѣлку другую общались прѣхать, отвѣчала кормилица.

И вотъ, въ одно іюльское утро, къ этому царству тоски и комфорта звонко подкатила почтовая тройка. (Съ этого событія въ жизни Вѣры я начала первую мою страницу.) Изъ тѣлги, однимъ прыжкомъ очутился на крыльцѣ *она*, любимый всѣ-

ми, кто здѣсь зналъ его! она, жданный и моленный и, слава тебѣ, Господи! вымоленный, шептала Елена, спѣша къ нему на встрѣчу. Въ радости, страстно, не помня себя, говорила она ему безсвязныя слова... на его руки полились ея слезы...

Дѣвочка, съ первыхъ минутъ пріѣзда его, ощутила радостное движеніе и какую то теплоту; въ этомъ молчаливомъ и пустынномъ домѣ все ожило, какъ будто теплота эта сообщалась отъ него. Съ любопытствомъ сначала, потомъ съ ласкою, потянулась она къ отцу, который бережно, какъ что то хрупкое, держалъ-ее обѣими руками у себя на груди, и маленькое ея лице и всю ея маленькую фигурку прижималъ къ себѣ, заигрывая съ нею, пряча подъ полу платья, заставляя ее пить чай съ ложечки.

— А варенія что же ты мнѣ не даешь? спрашивала она.

— Да я и самъ не ѣмъ: ты вѣрно еще не завтракала?

— Нѣтъ еще. Да я не всегда вѣдь завтракаю: вотъ и вчера, поѣла персиковъ.—Николашка садовникъ принесъ — и котлетки за завтракомъ вовсе уже не хотѣла.

— Это какой Николашка? я его что то не помню.

— А такой высокій, въ нанковомъ сюртугѣ; борода большая, какъ у тебя, только красная.

— *Николай*, садовникъ! помню, помню. Ты его Николаемъ зови; зачѣмъ Николашкою?

— Ну, да—Николай! Онъ каждое утро приноситъ на блюдѣ персиковъ: у него ихъ много, много на большихъ такихъ, растянутыхъ вѣткахъ, только другіе еще не поспѣли. И жарко такъ тамъ въ теплицѣ! у Клязьмы лучше играть. Мы съ тобою пойдемъ въ городъ, на Клязьму?

— Въ городъ? переспросилъ онъ.

Елена хотѣла было пояснить что значить это названіе.

— Не говори, мама, ни за что не говори! закричала дѣвочка; я все сама покажу.

— Ну, хорошо, я подожду, согласился отецъ. Тебѣ, однако же, я думаю и у Клязьмы жарко съ такою гривною, сказалъ онъ, приподнимая густыя пряди ея локоновъ. Не обрѣзать ли намъ ее?

— И завивать уже не будутъ? ну, обрѣжь, я очень рада.

— Жалко, замѣтила Елена.

— Чего? засмѣялся Павелъ Ѳеодоровичъ.

Елена позвонила. Принесли большія ножницы, накиннули полотенце на шею дѣвочки, и вскорѣ ея кудри посыпались на полъ; отецъ подрѣзалъ ихъ по уху. Елена бережно подобрала ихъ и завернула въ бумагу.

— Дай ленточку, сказалъ Павелъ Ѳеодоровичъ. "

— Какого цвѣта? узенькую или широкую? на что тебѣ?

— Все равно какого цвѣта. И неширокую.

Елена принесла бархатку: онъ самъ отчесалъ отъ лба волосы дѣвочки назадъ, и подвязалъ ихъ за ухомъ лентою.

— Какъ хорошо! тряхнула она головою, спрыгивая съ его колѣнъ. Ну, пойдемъ же теперь въ городъ!

— Погоди, успѣешь. Еще жарко, сказала Елена, а прежде позавтракаемъ, потомъ покажемъ папѣ его новый кабинетъ.

Пока завтракали, чехлы въ парадныхъ покояхъ всё сдѣли, и Павелъ Ѳедоровичъ, войдя въ кабинетъ, увидѣлъ предъ собою прелестную, кокетливо убранную комнату, съ малиновою мебелью, рѣзными шкафами, столиками изъ розоваго дерева и прочими т. п. удовольствіями.

— Это мой кабинетъ? спросилъ онъ съ удивленіемъ

У Елены былъ самый торжественный видъ. Она молча наслаждалась сюрпризомъ, который ему приготовила.

— Rien d'assez beau pour lui!.. подумала она, думая всегда пофранцузски.

— Да, папа, спѣшила отвѣчать дѣвочка; а вотъ и кресло, которое мама вышивала по канвѣ.

И дѣвочка сейчасъ же на него вскарабкалась.

— Оно къ этому столу низко, сказалъ Павелъ Ѳедоровичъ. Мы его поставимъ у кровати, прибавилъ онъ, замѣтивъ неудовольствіе на лицѣ Елены.

И онъ вышелъ изъ боковой двери въ столовую.

Недалеко отъ столовой была большая комната съ старинными шкафами, полными книгъ, которые собиралъ еще прадедъ Елены. Тутъ же стояла коекакая, кожаная мебель и, между прочимъ, ободранный диванъ въ углу. Здѣсь пахло захламъ и пылію; сюда вообще не входилъ никто; никто не читалъ этихъ иностранныхъ классиковъ, и даже ставни съ одной стороны были всегда затворены.

— Я вамъ доложу вотъ что, сказалъ Павелъ Ѳедоровичъ: кабинетъ мой будетъ здѣсь. Мы сейчасъ обойдемъ разныя кладовыя, и вытащимъ изъ нихъ еще коекакую мебель, въ дополненіе къ тому, что здѣсь есть.

— Въ кладовыхъ все обломки, Paul, возразила Елена со слезами на глазахъ. Отчего же ты не хочешь жить тамъ, гдѣ я тебѣ приготовила?

— Мнѣ здѣсь будетъ лучше. Обломки мы сдѣлимъ, починимъ, все сдѣлаемъ цѣлымъ, говорилъ онъ, стараясь не смотрѣть на ея печальное лице.

Онъ отворилъ одно изъ оконъ, выходившее на тѣнистый уголокъ, нетронутый рукою садовника, шагнулъ чрезъ окно и растворилъ боковыя ставни. Стоя въ саду, онъ поднялъ дѣвочку на подоконникъ; она, прыгая, принялась сообщать ему, что мебели «ужасно много» вынесено въ амбаръ и въ сарай, когда привезли новую, а въ кладовой есть одна хитрая такая лампа, которая съ одного бока закрывается, а съ другаго видѣнъ свѣтъ; но можно и съ другаго закрыть, и тогда свѣтъ видѣнъ будетъ только на потологѣ.

— Это когда дѣдушка былъ боленъ, эту лампу выписали; но

ее не зажигали съ тѣхъ поръ, какъ онъ умеръ: не знаю, какъ она ее видѣла, сказала Елена.

— Мы эту лампу посмотримъ, говорилъ Павелъ Ѳедоровичъ. Вѣдь можно? спросилъ онъ у Елены.

Она улыбнулась.

— Здѣсь *все* тебѣ можно, Раул, отвѣчала она. Напрасно ты отказываешься отъ своего малиноваго кабинета: я его съ такою любовію убирала, въ ожиданіи тебя!

— Это уже вопросъ рѣшенный. Я тамъ не могъ бы прожить и часа. Мнѣ противно, отвѣчалъ онъ сухо.

Пока ходили по кладовымъ, въ будущемъ его кабинетѣ, по приказанію Елены, мигомъ вымыли полъ, окна, обмели шкафы и стѣны, внесли туда дорожныя вещи Павла Ѳедоровича.

Онъ выбиралъ себѣ самую простую и прочную мебель, не обращая вниманія на то, что она поломана. Отобравши самое необходимое, онъ принялся столярничать на открытомъ воздухѣ, за угломъ дома, гдѣ была уже тѣнь: простой дубовый столъ обиль клеенкою, починилъ ящики, приклеилъ ножки и отбитые уголки комода.

— Раул, другъ мой, все это Прошка сдѣлаетъ, уговаривала его Елена, посмотри какъ тебѣ жарко и какъ ты весь перепачкался.

— Я самъ «Прошка». А жарко, такъ выкупаюсь, отвѣчалъ онъ, продолжая приклеивать и подпиливать.

Дѣвочка прислуживала ему, смотря очень серьезно на его работу. Дворня, несмѣвшая обступить его, выглядывала изъ за угловъ, и лишь лакей Григорій помогалъ ему, да «Прошка», приносявшій глей, остался присутствовать тутъ же, какъ специалистъ этого дѣла.

Когда починенная мебель была внесена, и уставлена въ кабинетъ, Павелъ Ѳедоровичъ принялся за ободранный диванъ.

— На немъ отлично спать, сказалъ онъ: онъ длинный и не мягкій. Покрывать бы его чѣмънибудь.

Елена съ неудовольствіемъ вышла: постель, высоко взбитая, на которой онъ лежалъ когда то еще больной, была ему приготовлена въ альковѣ ея спальни..

Она принесла кусокъ темнаго ситца, и Павелъ Ѳедоровичъ началъ обивать диванъ. «Прошка» съ самодовольствіемъ улыбался: въ рукахъ у «барина» работа спорилась, какъ будто онъ былъ лучшимъ ученикомъ его, или въ самомъ дѣлѣ «самъ Прошка» и вѣкъ свой другой работы не дѣлывалъ.

— Ну, вотъ, готово! сказалъ онъ наконецъ, вставляя вмѣстѣ съ столяромъ спинку дивана на свое мѣсто. А украшеніемъ кабинета будетъ вышитое кресло, которое мы сейчасъ сюда прикатимъ.

Дѣвочка лиговала при видѣ всего, что дѣлалось. Прикатилъ

онъ съ нею шитое кресло, поставилъ у печки, и сѣлъ. Она тотчасъ же влѣзла къ нему на колѣна.

— Отлично! сказала онъ; здѣсь мы будемъ отдыхать.

— И сказочки мнѣ будешь сказывать? добавила она.

— И сказочки буду тебѣ сказывать, повторилъ онъ, подбросивъ ее на колѣнахъ. А васъ, моя миленькая, покорнѣйше благодарю за всѣ ваши милости ко мнѣ, шутилъ онъ, цѣлуя руку Елены. И будьте увѣрены, что здѣсь, при всей этой пузатой мебели, мнѣ будетъ превосходно. А теперъ—пойдемъ купаться.

Онъ досталъ себѣ изъ чемодана бѣлье, поцѣловалъ дѣвочку, и сбѣжалъ съ балкона.

— Не сходи одна съ террасы! крикнула Елена дочери, бѣжавшей за Павломъ Ѳедоровичемъ.

— Отчего? спросилъ онъ, обернувшись.

— Безъ Милки: она ее за руку сводить,— ступени круты.

— Каково! безъ Милки ходить не умѣетъ! удивился отецъ.

Онъ вернулъ дѣвочку домой. Разъ или два мельнула между деревъ его высокая фигура. Елена стояла на балконѣ, пока она не скрылась въ чащѣ.

— Господи, какое мученіе! прошептала она, отходя отъ перилъ.

Прежняя жизнь съ нимъ еще разъ стала дѣйствительностію: жизнь эта была постояннымъ столкновеніемъ между собою двухъ контрастовъ по понятіямъ, привычкамъ, вкусамъ; но для Елены это была жизнь, а не прозябаніе въ такой пустынѣ, какая была здѣсь безъ него! Она была готова ступешаться совершенно, уступить ему во всемъ, лишь бы онъ подолѣе побылъ съ нею, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, плакала, сокрушалась безпрестанно надъ всѣмъ, что бы онъ ни дѣлалъ.

— Онъ еще сурее сталъ, думала она. Но еще болѣе возмущалъ, и какъ сталъ хорошъ! *Quel air grand-seigneur! et serpendant, il ne l'est pas du tout...*

Павелъ Ѳедоровичъ возвратился къ обѣду. Красивое лице его, съ правильными чертами, съ здоровымъ загаромъ и бѣлымъ, высокимъ лбомъ, выражало, спокойно и сознательно, какую то силу, тайны которой Елена не знала, несмотря на такую любовь, какая—какъ увѣряютъ — ясновидяща; масса черныхъ, длинныхъ волосъ, огромный ростъ, развитость мускуловъ придавали его фигурѣ видъ такой смѣлой и бодрой, что, при первомъ взглядѣ на него, бывало, останавливались, любясь, какъ совершеннѣйшимъ произведеніемъ природы. Елена до такой степени любовалась каждымъ его жестомъ, каждымъ движеніемъ руки или поворотомъ головы, до такой степени онъ олицетворялъ для нея *идеаль прекраснаго*, что готова была на всѣ жертвы, на всѣ уступки ради того, что бы удержать его здѣсь; но онъ зналъ, что каждая уступка съ ея стороны дѣлается по крайней мѣрѣ столько же изъ самоуслажденія, сколько

ко изъ любви къ нему, и *жертву* ему непременно выставятъ на видъ: это бывало уже не разъ, и это бываетъ именно съ женщинами, страстно влюбленными.

Возвратившись къ обѣду съ купанья, въ простомъ холстинномъ платьѣ, освѣжившись и отдохнувъ, онъ чувствовалъ себя еще бодрѣ, и здоровыя его руки ощущали потребность размяться: онъ схватилъ дочь, съ цѣлюю подбросилъ ее къ потолку, но она была уже разодѣта къ обѣду въ гофрированныя оборочки, и Елена замѣтила ему, что бы онъ ее не мялъ.

Онъ съ неудовольствіемъ спустилъ ребенка на полъ.

— И тебя тоже не мять? спросилъ онъ у Елены. А я хотѣлъ обнять тебя покрѣпче, но такъ какъ сила у меня медвѣжья, то я, можетъ быть, изорву кружевы, изомну твою прическу, и потому— давай лучше супъ ѣсть. Я, дѣвочка, знаешь ли, переппывалъ на тотъ берегъ, рассказывалъ онъ, принимаясь за пирожки, поданные къ супу, съ аппетитомъ человѣка, проѣхавшаго нѣсколько сотъ верстъ на перекладныхъ.

Изъ пяти, шести блюдъ, составлявшихъ обѣдъ, онъ ѣлъ однако же только супъ и жаркое, и, въ заключеніе, взялъ немного ягодъ. Елена все угощала его, онъ все отказывался, и, наконецъ, не сталъ ничего отвѣчать на ея предложенія.

Послѣ обѣда, закуривъ сигару, онъ сказалъ Вѣрѣ:

— Посмотримъ теперь твой *городъ*, дѣвочка; мнѣ кажется, я уже видѣлъ его вѣво, когда огибалъ большой островъ.

— На берегу? Бѣлья съ краснымъ палатки? Ахъ! зачѣмъ ты смотрѣлъ! сказала она.

— Я нечаянно, и видѣлъ только мелькомъ.

— Ну, пойдѣмъ. Мама, и ты?

— Дѣвочка побѣжала впередъ, и усадила ихъ обоихъ въ лучшую палатку. Елена, любуясь и Павломъ Федоровичемъ и ландшафтомъ, указала ему на красоту мѣстности въ настоящую минуту: солнце спускалось за лѣсъ на противоположномъ берегу рѣки, и красноватымъ свѣтомъ румянило куполь церкви, а въ Клязьмѣ дрожалъ прямой столбъ лучей, отъ котораго теченіе отрывало и уносило, дробя, золотистыя струйки.

Павелъ Федоровичъ оглянулъ окрестность, промолчалъ, и полнымъ глоткомъ потянулъ въ себя свѣжій воздухъ. Дѣвочка, показывая ему горки изъ песку, которыя сама наносила, перепрыгивала чрезъ нихъ съ разбѣга.

— Ты, Paul, здѣсь когда то пѣлъ, сказала ему Елена. Не споешь ли? Я такъ давно тебя не слыхала! По цѣлымъ часамъ я безъ тебя просиживала здѣсь, и мнѣ какъ будто чудилось, что я тебя слушаю что изъ лѣса раздаются твои пѣсни... Увидѣла такія были!..

— А теперь еще болѣе, сказалъ онъ: знаю я, напримѣръ, одну ирландскую,— ницета и горе ее сложили, а я на русскія слова переложилъ. Какъ разъ пришлась. Хочешь, спою?

И онъ запѣлъ сильнымъ басомъ.

Пѣсня, въ самомъ дѣлѣ, была унылая...

Дѣвочкѣ, какъ теперь, памятенъ этотъ вечеръ: она притихла; все ея вниманіе приковалось къ этимъ медленнымъ, груднымъ нотамаъ, выразившимъ всю горечь и боль жизни; она ни того, ни другаго тогда не знала, но что то необъяснимое съ нею сдѣлалось: грустно ей стало, какъ будто и ей большое горе приключилось, какъ будто охватила ее страхъ за то, что отецъ терпитъ все то горе, про которое поетъ, или тогда же, можетъ быть, охватила ее сильная любовь къ тому, кто ее такъ полюбилъ и приголубилъ,—кто знаетъ?... но сердечко ея сжалось, и она всѣми нервами ощутила бессознательную жизнь этой минуты. Сдерживая дыханіе, она стала слушать, и до такой степени вся обратилась къ этой пѣснѣ, что перестала слышать, и шелестъ дубовъ, и плескъ Клязьмы. Уныло вторило эхо пѣсни этой «о людяхъ голодныхъ, о жизни суровой, въ трудѣ неоплатномъ, измученныхъ силахъ»..... «И льнетъ дитя, и милый поцѣлуй горячъ, но тошно жить: кругомъ трудъ, голодъ, нищета, ложь, подкупъ, фарисейство!.. здѣсь грудь разбитую бессиле томить; здѣсь страшно жить, здѣсь бремя мысли давить...» «Скорѣй на родину! и вотъ бѣгутъ, остаются назади поля нагія, люди страдалцы, потянуло вѣтеркомъ съ родныхъ полянъ, зажурчалъ родной ручей, ласкаютъ слухъ родные звуки..» И звуки пѣсни стали живѣе и громче; разлились, раздались они, грянули по окрестности... понесла ихъ зыбь внизъ по руслу, по скату горы, подъ своды лѣса. Но вскорѣ они замерли. Павелъ Федоровичъ не повеселѣлъ, пропѣвъ объ этомъ возвращеніи; онъ сидѣлъ молча, обхвативъ обѣими руками дѣвочку. Елена, прильнувъ къ его плечу, нервно плакала. Онъ, что бы успокоить ее, разсѣянно повелъ рѣчь о деревнѣ, о садѣ, о сосѣдяхъ; но больше слушалъ, когда она начала разсказывать, и лишь изрѣдка отзывался.

Въ палатку же принесли и чай. Онъ самъ сталъ пить Вѣру съ блюдечка.

— Не ѣшь варенья, просилъ онъ ее.

Она положила ложечку, которую несла въ ротъ.

— Я васъ на лодкѣ покатаю, хотите? сказалъ онъ, докуривъ сигару.

— Поѣдемъ, согласилась Елена, и приказала слугѣ, стоявшему съ подносомъ, принести себѣ шаль.

— И дѣвочкѣ что нибудь теплое, крикнулъ ему вслѣдъ Павелъ Федоровичъ.

Самъ онъ обвязалъ Вѣрѣ грудь, крестъ на крестъ, принесенною косынкою, надѣлъ кафтанчикъ и усадилъ ее на подушку, на днѣ лодки, у своихъ ногъ.

— Ты что то не веселъ? говорила Елена, любуясь имъ, когда лодка полетѣла между береговъ, подъ сильными ударами весель.

Онъ ей улыбнулся, но, помолчавъ, сказалъ:

— Нѣтъ; мнѣ, сравнительно, хорошо. Вотъ этотъ *слетокъ* на меня какъ то успокоительно дѣйствуетъ. И съ первой минуты такъ подѣйствоваль.. прибавилъ онъ, указывая на маленькое существо, копошившееся на подушкѣ.

— Можетъ и поживеть здѣсь, хотя ради ея.. подумала Елена, сдерживая слезы.

По возвращеніи къ пристани, *слетокъ* оказался спящимъ. Павелъ Ѳедоровичъ вышелъ, высадивъ Елену, прикрѣпилъ лодку, вынулъ изъ нея непроснувшуюся дѣвочку, и понесъ ее осторожно въ гору; пришелъ онъ съ нею въ дѣтскую, раздѣлъ, не потревожилъ ея сна, и бережно уложилъ самъ въ кровать.

На другой день, онъ, по обыкновенію своему, всталъ рано, и, уже выкупавшись, пришелъ домой пить чай. Но въ столовой никого не было; онъ пришелъ къ Еленѣ: она влала земные поклоны, предъ образами, въ молебель. Онъ вышелъ въ корридоръ, и направился къ новой пристройкѣ, гдѣ была дѣтская. Тамъ, въ концѣ корридора, изъ полуотворенной двери, послышались визгливые голоса, звуки гармоніи. Стоя въ полусвѣтѣ, не входя въ дѣтскую, онъ увидѣлъ въ ней слѣдующее зрѣлище: Вѣра сидѣла въ кроваткѣ, съ сдобнымъ кренделемъ въ рукахъ, и потѣшалась сценою, предъ нею происходившею: — двѣ босоногія «дѣвчонки» боролись, стараясь повалить одна другую; третья передергивала гармонію, подъ звуки которой четвертая босоножка откалывала что то, прищелпывая голыми подошвами; пятая плела вѣнокъ изъ васильковъ, которыхъ наспана была цѣлая охапка на постели Вѣры; седьмая одѣвала ея куклу; осьмая и девятая бросали другъ другу мячъ черезъ головы другихъ; десятая... однимъ словомъ, ихъ была тутъ тма тмушая, и каждая изъ нихъ за какимъ либо дѣломъ. И все это кричало, пицало, верезжало и тормошилось подъ президентствомъ Милки, которая зашивала что то, сидя у окна, и разговаривая въ то же время съ одною изъ дворовыхъ женщинъ.

Павелъ Ѳедоровичъ постоялъ минутъ съ пять, и когда, наконецъ, отворилъ дверь, то весь этотъ гамъ смолкъ разомъ: «дѣвчонки» всѣ вмигъ куда то дѣлись, такъ живо, какъ только умѣли утекать отъ перспективы затрещины наши маленькія дворовыя босоножки, — во время оно, разумѣется; станемъ надѣяться, что это время для нихъ безвозвратно миновало.

Обѣ женщины, у окна, встали, и молча повлонились «барину».

— Что это такое тутъ дѣлается, кормилица? спросилъ Павелъ Ѳедоровичъ. Это у васъ каждое утро такъ?

— Ахъ, батюшка! дитю то надо же чѣмъ нибудь потѣшить, что бы весело вставали, отвѣчала Милка, словоохотливо и съ явнымъ желаніемъ доказать свое усердіе. А то на цѣлый день мурныя такія будутъ! Онъ у насъ и такъ невеселы.

Павелъ Ѳедоровичъ постоялъ съ минуту, нахмурился; потомъ

поглядѣлъ на Вѣру, которую принялась уже обувать босоножка «Фенька», занимавшая ее васильками.

— Вставай скорѣе, Вѣра, крикнулъ онъ; пойдѣмъ со мною чай пить.

И пошелъ, задумавшись, изъ пристройки въ пустую столовую.

Въ то же утро, между Еленюю и Павломъ Ѳедоровичемъ, шель слѣдующій разговоръ:

— Я хотѣлъ пробить у тебя съ недѣлю, говорилъ онъ, мнѣмъ: меня З. вызываетъ на Кавказъ, для составленія статистики края, но я пожилъ бы и долѣе, если бы ты согласилась на условія, какія я хочу тебѣ предложить.

— Я на все согласна заранѣе, отвѣчала она весело.

— Не общайся такъ скоро. Ты вспомни, какъ намъ не хорошо жилось: трудно было прожить вмѣстѣ и восемь мѣсяцевъ, въ началѣ нашего знакомства, и, признаюсь откровенно, если я намѣренъ побыть здѣсь, то потому, что мнѣ жаль дѣвочки, которую ты, какъ будто систематически, начала портить съ самыхъ пеленокъ. О ней, впрочемъ, мы поговоримъ послѣ. Живя у тебя, я не могу жить даромъ, и потому желаю управлять твоимъ имѣніемъ за небольшое жалованіе (положимъ хотя за двадцать рублей въ мѣсяцъ), имѣя притомъ столъ и квартиру въ твоемъ домѣ, или въ одномъ изъ флигелей.

Елена громко захохотала.

— Чудака ты, Paul! Ты знаешь, что можешь здѣсь взять тысячи, все взять, и возьми все — и доходы всѣ возьми, и распорайся, какъ знаешь. Я очень рада, что ты меня избавишь отъ хлопотъ по имѣнію: староста плутъ, я это давно вижу. Но откуда ты выучился говорить совершенно такъ, какъ говорятъ управляющіе: столъ, квартиру?.. ха, ха, ха! Двадцать рублей? уморительно! Да тебѣ этого на сигары мало будетъ. Ну, а квартиру то я уже ни за что въ мірѣ не отведу тебѣ во флигель!

— На счетъ квартиры, мнѣ положительно все равно, гдѣ бы она ни была. Сигары у меня выходятъ тридцать въ мѣсяцъ; слѣдовательно, жалованія мнѣ не мало. Доходовъ твоихъ я не возьму, а власть — возьму, разумѣется, если буду управлять: ты должна будешь лишиться разныхъ поборовъ; прекратится недолжная высылка на барщину, какая у тебя всегда бывала; отниму я у тебя право наказанія, попрошу тебя, однимъ словомъ, ни во что не вмѣшиваться, и доходы твои оттого, надѣюсь, не пострадаютъ.

— Помилуй, Paul, я никогда не наказываю, и меня вообще мужики считаютъ доброю!

— Ты не наказываешь, т. е. приказываешь это сдѣлать старостѣ, и, въ такомъ случаѣ, лучше, если бы ты сама видѣла, какъ это приводится въ исполненіе. Наконецъ, если это и рѣдко случается, то вспомни ту сцену, въ слѣдствіе которой я уѣхалъ: .

ты до того развратила народъ, что старикъ дворецкій считаетъ *милостію*, когда, за какое то упущеніе, поваренокъ, по твоему приказанію, взбирается на лавку, и обливаетъ его изъ бутылки *всасомъ* съ головы до ногъ! Старикъ знаетъ, что ты могла бы велѣть избить его палками за забывчивость, и считаетъ тебя «доброю барынею» зато, что ты ограничилась такимъ мерзкимъ купаніемъ; отъѣздъ мой, въ слѣдствіе этой сцены, ты, до сихъ поръ, называешь «вспышкою», тогда какъ ни одинъ честный человѣкъ такихъ сценъ выносить не можетъ. И повторяется онѣ, разумѣется, не стануть, если ты желаешь, что бы я у тебя управлять. Теперь, на счетъ вашихъ ткацкихъ, кружевныхъ и пр., онѣ вѣдь также подлежатъ моему вѣдѣнію, какъ управляющаго, но мы поговоримъ о нихъ отдѣльно. Я перевелъ бы все это, потому что онѣ составляютъ лишь издержки, а не доходъ, но такъ какъ тебѣ рѣшительно уже нечѣмъ будетъ безъ нихъ заняться, то слѣдуетъ, по крайней мѣрѣ, измѣнить заведенный у тебя порядокъ: всѣ эти работницы должны хотя очередоваться, — я ихъ вѣдѣль нынѣ утромъ: онѣ исхудалы, истощены на видъ, дѣвочки и дѣвушки. Ты добра, а до чахотки *дошиваешь* своихъ мастерицъ: одна изъ нихъ кашляетъ кровію. Да можетъ быть и не одна. Ты ни подъ какимъ видомъ не должна сажать за пальцы или за станокъ дѣвушку ранѣе шестнадцати лѣтъ, по крайней мѣрѣ. Поэтому весь этотъ легионъ дѣвчатъ долженъ возвратиться къ семьямъ, работать дома, помогать матерямъ вмѣсто того, что бы *скоморошничать* здѣсь подъ командою Милки, для потѣхи Вѣры, или мориться за пальцами съ утра до ночи.

— Ты вѣдь въ этомъ дѣлѣ не смыслишь, Paul, возражала Елена: надо и мотать, и навивать на коклюшки, и сбѣгать, послать, мало ли куда, — нельзя же самимъ мастерицамъ отъ подушки или отъ пялецъ безпрестанно отрываться.

— Я полагаю, что можно и не отрываться, если сѣсть тогда, какъ для работы все приготовлено. Мотать кружевные нитки такіе малыши не въ состояніи; сажать за вышиваніе такихъ ребятъ тоже не годится: онѣ вышиваютъ на грошъ какихъ нибудь городочковъ, а здоровье на всю жизнь портятъ. Но объ всемъ этомъ рѣчь у насъ идетъ слегка и вообще уставъ о кружевныхъ, швейныхъ, вышивальныхъ новый твой управляющій пересмотритъ, и навѣрное, придумаетъ тебѣ какія нибудь колесы съ рукоятками для разматыванія и навиванія нитокъ на коклюшки, или другія машины, которыя замѣнятъ твоихъ дѣвчатъ. Наконецъ, можно и выписать разныя ручныя машинки.

— Ну, хорошо: придумай! говорила она весело.

— Теперь, второй вопросъ о Вѣрѣ. Позвольте узнать: какіе ваши будущіе планы, относительно дочери? Къ чему вы ее готовите?

— Я объ ней и не думала, Paul, она еще такъ мала, — росла

себѣ, да бѣгала. Да и такая тоска безъ тебя, что, право, не до нея.

— Напрасно. Она могла бы тебѣ составить и цѣль въ жизни, и занятіе, если бы ты была въ состояніи взглянуть на это дѣло серьезно. Разсталась ты съ мужемъ; прожили мы съ тобою нѣкоторое время, и ты осталась не одна и не въ бѣдственномъ положеніи: у тебя дочь и три большія имѣнія, слѣдовательно работа есть— множество лицъ, которыхъ устройство и благосостояніе въ твоихъ рукахъ, зависятъ отъ твоего ума и воли. На тебѣ лежали важныя обязанности; какъ же ты ихъ исполнила? Управление имѣніемъ тебѣ въ тягость: оно шло у тебя по заведенной рутинѣ, т. е. народъ нищаетъ, а староста тысячи наживаетъ. И ты этимъ была довольна? Очень жаль. Ну, а воспитаніе дочери—идеть по той же рутинѣ, какою и тебя вели? Но эту рутину ты легче всего можешь провѣрить на себѣ: привела ли тебя эта дорога къ извѣстному довольству собою, даже съ твоей точки зрѣнія? А ошибки прошлаго не должны ли наводить насъ на мысль о возможномъ удаленіи результатовъ, уже намъ извѣстныхъ? Куда бы ты, напримѣръ, годилась, если бы у тебя отняли твое богатство, и ты вынуждена была бы кормиться своимъ трудомъ? Ты вѣдь ничего не умѣешь дѣлать,—чѣмъ же ты стала бы зарабатывать себѣ хлѣбъ? Тебѣ больше нечего было бы дѣлать, какъ просить милостыню, или идти на содержаніе! То же самое и дочери твоей предстоитъ: подумала ли ты хотя разъ объ этомъ? Она не имѣетъ въ жизни и тѣхъ шансовъ, какіе ты имѣла: не можетъ она поступить даже въ институтъ, потому что незаконорожденная; не можетъ наследовать и тысячу душъ, потому что имѣніе родовое переходитъ, какъ тебѣ извѣстно, къ законнымъ сыновьямъ твоимъ. Что же ты для нея готовишь? А растеть она отъ тысячи душъ, въ изобиліи, не зная занятія, не зная даже какихъ трудовъ стоитъ выростить хотя персикъ, а она ѣсть ихъ круглый годъ. Съ утра, около нея плясунъ, которымъ она приказываетъ потѣшать себя, — вѣдь это чистый развратъ! и какъ знать, до чего можетъ дойти потѣха? ей можетъ быть, со временемъ, угодно будетъ царапать или травить этихъ дѣвочекъ? А ты потомъ станешь ее за это сѣчь? Но вѣдь ее ведутъ къ тому: всѣ капризы исполняются; ничѣмъ не занята; цѣлый день дѣлаетъ изъ песку горки! одѣта въ кружевы! завита какъ для баба! Развѣ все это возможно? у нея со временемъ, можетъ быть, куска ржаного хлѣба не будетъ. Однимъ словомъ, я тебѣ скажу, что жить здѣсь, и смотрѣть равнодушно, какъ ты губишь доброе и хорошее дитя, я точно также не въ состояніи, какъ и смотрѣть на обливаніе kwasомъ старика. Если ты хочешь, что бы мнѣ возможно было здѣсь жить, ты мнѣ поручишь Вѣру, какъ поручаешь и завѣдываніе имѣніемъ и точно также ни въ какихъ мои распоряженія относительно ея вмѣшиваться не станешь.

— Не стану, не стану, обѣщала Елена.

Слезы дрожали на ея рѣсницахъ, потому что въ его словахъ бѣла до нѣкоторой степени сознала заслуженный укоръ. Но, однако же, старалась извинить себя:

— Ты, Paul, о ея туалетѣ говоришь: пельзя не приучать ея дѣтства къ тому, что бы носить что нибудь порядочное. *Cela donne des manières, une certaine tenue...* Какъ она бѣдна ни будь, а эта *tenue* ей всегда будетъ нужно. А на ея имя успѣемъ и положить денегъ. Вообще, Paul, чего же ты хочешь? я безъ тебя какъ тѣло безъ души. Никто ничего не посовѣтуетъ, не съ кѣмъ слова сказать! Тебя все нѣтъ...

— Это меня ни къ чему не обязываетъ, и ни мало не связываетъ съ прошлымъ, какъ я уже говорилъ тебѣ, отвѣчалъ онъ. Я никакихъ жертвъ *собою* не понимаю. Я не могу доставить тебѣ счастье, если самъ, живя съ тобою, его не нахожу. Не живетъ мнѣ здѣсь, значить у насъ съ тобою мало общаго. Я отправляюсь искать гдѣ мнѣ будетъ лучше; ты, съ своей стороны, можешь сдѣлать тоже самое. Что дальше здѣсь будетъ, посмотримъ: если я найду сочувствіе и со стороны крестьянъ и со стороны маленькой Вѣры, я останусь; если же нѣтъ, оставлю все, уѣду, возьмусь за другое дѣло. А что бы работа моя здѣсь удавалась, не надо мнѣ ни въ чемъ мѣшать.

Расплаканная, но въ сущности обрадованная, Елена заперлась въ молельнѣ. Изъ всего сказаннаго она наиболѣе сознавала лишь то, что онъ не уѣдетъ; ради этого она, однимъ рѣшительнымъ словомъ, отступилась отъ всѣхъ своихъ правъ, обрекла свою личность на положеніе почти пассивное въ имѣніи своемъ и въ домѣ, какъ хозяйка и мать. Она, между тѣмъ, не могла не знать, что Павелъ Ѳедоровичъ далеко не шутилъ, когда заявлялъ, что отберетъ отъ нея всякую власть: онъ, въ самомъ дѣлѣ, не говоря лишнихъ словъ, отниметъ у нея всякую возможность поступать въ чемъ бы то ни было самостоятельно. Но, въ настоящую минуту, Елена думала вовсе не о томъ.

Сидя подъ вечеръ съ Вѣрою въ *городъ*, пока Елена брала ванну, Павелъ Ѳедоровичъ рассказывалъ *сказочку*:

— Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, за тридевять земель отсюда, началъ онъ, живетъ маленькая дѣвочка.

— Какъ же ее зовутъ, папа?

— Зовутъ ее Рэчель. Премиленькая эта дѣвочка, лѣтъ пяти или шести,—о ней я и хочу поразсказать тебѣ: какъ она живетъ, что дѣлаетъ съ самой той минуты, какъ проснется, чѣмъ занимается цѣлый день, какъ играетъ, все тебѣ разскажу.

— Ну, хорошо, папа, съ самаго утра разсказывай: какъ только она проснется.

— Да, да. Спитъ Рэчель на низкой желѣзной кровати, съ бѣлымъ пологомъ вокругъ. Какъ проснется—рано, зимою часовъ въ шесть, а лѣтомъ чуть только солнце встанетъ,—наки-

нетъ блузу, встряхнуть простыни и одѣяло, перестелеть постель, взобьетъ подушечку, откинетъ на обѣ стороны пологъ; потомъ открываетъ окно, выметаетъ комнату, стираетъ вездѣ пылъ и идетъ на кухню, помогать матери.

— Папа, развѣ у Рэчели нѣтъ Милби, а у ея мамы нѣтъ «людей»? спросила дѣвочка.

— Кормилицы у Рэчели нѣтъ, мать ее сама кормила; и няни у Рэчели нѣтъ, потому что она сама все умѣетъ сдѣлать, и еще всѣмъ въ домѣ помогаетъ. У матери есть прислуга—одна женщина съ мужемъ, Сара и Джонъ. Джонъ работаетъ въ полѣ, съ другими наемными людьми, чиститъ лошадей, роетъ гряды на огородѣ и проч., жена его ходить за скотомъ, доитъ коровъ, бьетъ масло, моетъ бѣлье, работаетъ на кухнѣ. Отецъ Рэчели докторъ; до обѣда онъ объѣзжаетъ часть своего окологда, навѣщаетъ и больныхъ и здоровыхъ, а послѣ обѣда столярничаетъ и плотничаетъ, убираетъ сѣно, хлѣбъ, работаетъ въ саду,—дѣлаетъ, однимъ словомъ, почти тоже, что и его работникъ Джонъ. Мать Рэчели сама готовитъ кушанье, снимаетъ сливки, дѣлаетъ сыръ, шьетъ бѣлье и платье для всѣхъ, гладитъ, убираетъ,—во всемъ этомъ ей уже помогаетъ Рэчель; мать ея, кромѣ того, кормитъ грудью десятимѣсячнаго брата Рэчель; маленькаго Роджера.

— Они, папа, стало быть самые простые люди, какъ наши мужики? Книгъ у нихъ нѣтъ? Они и читать не умѣютъ?

— Напротивъ, отецъ Рэчели, какъ и я, кончилъ первымъ курсъ въ университетѣ; мать ея, до замужества, была учительницею въ сельской школѣ. Она, я самъ это видѣлъ, приготовила старшаго сына, Джемса, къ поступленію въ университетъ: по утрамъ, когда она убралась и проводила мужа, я ее часто вставалъ за такими занятіями,—съ Джемсомъ она переводила Горація (это такая книга, которую далеко не всѣ умѣютъ читать); въ это же время она учила шить маленькую Рэчель, сидѣвшую подлѣ нея на скамеечкѣ, а сама кормила грудью или показывала Роджера.

— Какъ все это удивительно, папа! Это вѣдь не сказочка: ты говоришь, что самъ видѣлъ?

— Это суцая правда: я тебѣ рассказываю, какъ живетъ семейство, которое я зналъ, и не одно это семейство, а нѣсколько десятковъ тысячъ такихъ же, въ той странѣ, гдѣ я былъ. Женщина у нихъ все знаетъ, и умѣетъ сдѣлать всякую работу, какая ей подъ силу. Къ тому же съ дѣтства приучаютъ и Рэчель.

— Ну, что же, папа? ты началъ: вотъ Рэчель встала, убрала комнату, вышла въ кухню... что же она тамъ дѣлаетъ?

— А вотъ сейчасъ. Рэчель идетъ умываться. На дворѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ крыльца, устроенъ фонтанъ, или просто невысокая колонка съ краномъ; подъ краномъ водоемъ, или корытцо, изъ котораго вода сбѣгаетъ; или не сбѣгаетъ, если ты ваткнешь на днѣ его отверстіе. Дворъ вымощенъ мелкимъ кам-

немъ и вмѣсто забора обнесенъ оградю изъ шпистаго, колючаго кустарника. Рэчель, и зимою и лѣтомъ, умывается подъ этимъ краномъ; потомъ причешется наскоро (волосы у нея короткіе, какъ у тебя теперь) и спѣшитъ къ матери: мать встала еще раньше ея и уже приготовила тѣсто въ большой посудѣ; Рэчель сама мѣсить тѣсто не можетъ, ей еще это не подъ силу; но Рэчель можетъ уже печь изъ готоваго тѣста блинчики, пышки, ватрушки; она это и дѣлаетъ каждое утро, для ранняго завтрака, на который собирается вся семья. Подтопляетъ она положенныя уже дрова, подставляетъ къ плитѣ скамеечку, взбирается на нее, кладетъ масло на маленькія сковородки, наливаетъ на нихъ тѣсто, и то и дѣло сбрасываетъ готовые лепешечки на блюдо, которое стоитъ у нея подъ рукою. Когда напекла она разныхъ пирожковъ десятка три, четыре, она начинаетъ готовить завтракъ: накрываетъ тутъ же, въ кухнѣ, завариваетъ чай, ставитъ на столъ сыръ, масло, холодное мясо, свое печеніе, и звонитъ въ колоколь, который виситъ у наружной двери. На звонъ этотъ собираются всѣ: Джонъ, Сара, девятилѣтній ихъ сынъ, Робби, отецъ и мать Рэчель, старшій братъ ея, Джемсъ, когда не въ университетѣ, и всѣ садятся вмѣстѣ; дѣвочка и прислуживаетъ, и сама не забываетъ поѣсть; въ десять минутъ завтракъ конченъ; всѣ возвращаются къ своему дѣлу, а дѣвочка все прибираетъ и моетъ. Когда кухня приняла бѣлый, необыкновенно бѣлый и опрятный, видъ, какой она всегда имѣетъ, дѣвочка приноситъ книжки и читаетъ съ матерью: она уже читаетъ и пишетъ, умѣетъ вязать чулки, чинить бѣлье, подрублять и шить, — конечно что ей скроить и укажетъ мать: она еще маленькая, и цѣлую вещь сама сшить не сьумѣла бы. Къ двумъ часамъ, или мать, или Сара, приготовили обѣдъ, и Рэчель опять имъ помогла въ чемъ можетъ. Вся семья аккуратно собирается къ этому часу: отецъ приѣзжаетъ изъ участка; дѣвочка надѣваетъ чистое платье, и выбѣгаетъ къ нему; мать встрѣчаетъ его также съ маленькимъ Роджеромъ на рукахъ; Джонъ приѣзжаетъ съ поля; Сара покидаетъ маслобойню; сынокъ ихъ прибѣгаетъ изъ школы съ сумочкою, полною книгъ, и садятся они опять всѣ вмѣстѣ за столъ; за обѣдомъ у нихъ два блюда, а на десертъ подаются плоды или ягоды, которые они сами сажали и растили въ саду. Отецъ привозитъ каждый день изъ города газеты, и послѣ обѣда, читаетъ вслухъ разныя извѣстія, которыя и Джонъ и Сара слушаютъ и обсуждаютъ. Иногда послѣ обѣда приходятъ два, три сосѣда съ жешами и дѣтьми; мужчины принимаются толковать или о полевыхъ работахъ, или о дѣлахъ прихода: докторъ знаетъ всѣхъ больныхъ и бѣдныхъ въ окрестностяхъ; женщины работаютъ, сообщаютъ другъ другу что нибудь о полотнахъ и салфеткахъ, которыя сами ткуть; разсуждаютъ о хозяйствѣ и разныхъ рецептахъ, или читаютъ какую нибудь новую ученую книгу. Рэчель послѣ обѣда обыкновенно возится на своихъ грядкахъ; у

*

нея и у Робби есть отдѣльныя грядки; на нихъ насѣяны яблонки, вишни, груши, которыя, когда подрастутъ, пересаживаются въ грунтъ; есть и птичникъ, который они сами и чистятъ, и снабжаютъ кормомъ. Робби готовить потомъ уроки, заданные къ завтрашнему дню, а Рэчель, занимаясь съ нимъ вмѣстѣ, знаетъ уже многое изъ того, что учить въ школѣ маленький Робби. Послѣ вечерняго чая, семья ложится рано, потому что на слѣдующее утро всѣ они опять встанутъ назарѣ, и опять съ утра у нихъ закипитъ работа.

— Какая хорошая эта дѣвочка, Рэчель! Расскажи еще объ ней, папа: куколь у нея развѣ нѣтъ? А горки она умѣетъ дѣлать?

— Когда же ей, мой другъ, играть съ кулами? ей слишкомъ много дѣла, и такими пустяками заниматься некогда. Я тебѣ не могу и перечислить всего, что она дѣлаетъ: по привычкѣ къ работѣ, у нея все дѣлается скоро и хорошо, безъ лишней бѣготни, съ пѣсенкою, съ большимъ толкомъ и вниманіемъ; потому у нея всегда много времени остается свободнымъ; въ это свободное время она сбѣгаетъ и къ большой сосѣдкѣ, снесетъ ей кружку молока или буліона; постираетъ чулочки или платокъ для спроты, котораго призрѣла школа; парветъ яблоковъ или ягодъ къ столу, или для того, что бы отпустить завтра съ маленькимъ Робби въ училище. На что же ей горки? она постоянно гдѣ нибудь на подмосткахъ, съ которыхъ можетъ прыгнуть: она маленькая; что бы достать что нибудь, ей нужно взбираться, и она всюду подставляетъ свою скамеечку, живо взбирается, ловко лѣзетъ на дерево, повѣситъ на сучокъ бѣлье, или снимаетъ свою ручную птичку, приберетъ ее на ночь въ гнѣздышко, и спрыгивать съ разныхъ горокъ можетъ, сколько душѣ угодно, но всегда дѣлая *полезную* работу.

— И я очень желала бы сдѣлаться *полезною* дѣвочкою, какъ Рэчель, сказала Віра. Но мнѣ, папа, какъ же это можно? Повара меня не пустятъ стряпать на кухнѣ,—да для этого у насъ и есть повара, что бы стряпать; масло бьетъ скотница; крендельки у насъ напечены, пока я еще сплю. Что же я могу дѣлать? Я, папа, вотъ еще чего не понимаю: отецъ Рэчели вѣдь баринъ, какъ и ты? ученый, говоритъ пофранцузски, книжки читаетъ, да? и одѣтъ, какъ ты, не помужички, а обѣдаетъ и работаетъ онъ вмѣстѣ съ Джономъ и Сарою? Но онъ вѣдь *баринъ*, а они *люди*, которые у насъ обѣдаютъ въ застольной.

— Онъ, дѣвочка, не баринъ, а такой же человекъ, какъ Джонъ. У людей умныхъ такъ не дѣлать, на «господъ» и «людей»: всѣ «люди»; разница между ними лишь та, что одинъ одну работу умѣетъ дѣлать, а другой другую. Одинъ проповѣдь говоритъ, другой каблукъ обтачиваетъ, но сидятъ рядомъ, потому что и тотъ, и другой люди. И никакая работа человекъ не унижаетъ; отецъ Рэчели умѣетъ и дерево посадить, и доску выстрогать, и больнаго вылечить, и дровъ наколоть, когда нуж-

но. Ты видѣла: я чинилъ мебель, обивалъ старшій диванъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ остался такимъ же «баринѣмъ», какимъ и ты и всѣ меня величаютъ. Но я не «баринъ»; я смотрю на каждаго человѣка, какъ на себѣ равнаго. Никогда я не буду имѣть человѣка, *принадлежащаго* мнѣ, какъ, напримѣръ, эта сигарочница, и никогда себѣ не позволю назвать его Николашкою, или Фенькою; маленькая Рэчель такъ тоже никогда не дѣлается.

— Какъ бы мнѣ, папа, сдѣлаться такою же дѣвочкою, какъ Рэчель? спросила Вѣра, помолчавъ.

— Тебѣ это трудно: ты привыкла приказывать, любишь, что бы тебѣ услуживали, угождали, все приносили бы; сама чулокъ не надѣнешь; любишь мало ли что, о чемъ Рэчель и понятія не имѣеть.

— А ты любишь такихъ маленькихъ дѣвочекъ, какъ Рэчель?

— Очень люблю. Такою всякая маленькая дѣвочка должна бы быть.

Сказочка не пропала даромъ: Вѣра надъ нею задумалась.

Думая сильно, дѣвочка на слѣдующій день ѣла за столѣмъ только два блюда, и къ концу обѣда, выбѣжала въ залу—принести отцу корзиночку съ лѣсною малпною, за которою сама ходила съ Милкою. Онъ насыпалъ себѣ ягодъ на тарелку, и, отдавая корзиночку, посмотрѣлъ на Вѣру, улыбаясь. Она немножко сконфузилась, и, нагнувши его голову, шепнула ему на ухо.

— Не говори никому.

— Секреты? замѣтила Елена. Но рѣшила никогда не замѣчать того, что дѣлается между—Павломъ Ѳедоровичемъ и Вѣрою.

— Ему мѣшать не надо! припомнила она себѣ.

Послѣ обѣда Павелъ Ѳедоровичъ ѣздилъ въ поле, и, по возвращеніи, засталъ Елену за кружевными узорами, а дѣвочка вязала на двухъ спицахъ подвязку. Фени, стоя подлѣ нея, учила ее не спускать петель. Подвязки было уже порядочно связано.

Онъ взглянулъ на дѣвочку свою съ любовію.

— Ты мнѣ, папа, устроилъ бы комнатку точь въ точь какъ у Рэчели; и какія платья она носить—я тоже себѣ спида бы, говорила она отцу, догнавъ его на пути въ кабинетъ.

— Пожалуй. Рядомъ съ кабинетомъ есть комната: я тебѣ ее отдаю. А пока ты не выучишься шить, тебѣ придется ходить въ кружевахъ.

— Ахъ, нѣтъ, папа! Ты мнѣ вели платица два спишь; пока онѣ носятя, я выучусь. Пожалуйста! И читать ты меня поучи.

— Когда же ты будешь въ куклы играть? Гдѣ онѣ у тебя?

Она опять смѣшалась немного; но отвѣчала прямо:

— Я всѣ куклы и игрушки заперла въ комодъ, въ нижній ящикъ; вотъ и ключъ, я положу его къ тебѣ на столъ. Я никогда уже больше играть не буду.

Рядомъ съ новымъ кабинетомъ Павла Федоровича, была комната, заваленная разнымъ хламомъ, съ однимъ окномъ въ садъ, а другимъ въ корридоръ. Когда то чрезъ это послѣднее окно подавалось кушаніе, когда рядомъ была столовая. Павелъ Федоровичъ выгрѣбъ весь этотъ хламъ, выстрогалъ полъ, заколотилъ досками окно въ корридоръ, и облепилъ стѣны новыми сѣренькими обоями, которые досталъ въ городѣ. Собралъ онъ и отдѣлалъ коекакую мебель, сбилъ кровать съ переплетомъ для полога, вставилъ новыя стекла въ окно, и завѣсилъ его сторуо. Потомъ призвалъ портниху, обучавшуюся въ столицѣ и завѣдывавшую разными модными рукодѣліями въ швейной Елены.

— Пожалуйста, сказали онъ ей, сдѣлайте два полога на эту кровать, — вотъ штука коленкора: одинъ надѣньте, другой на смѣну.

И объяснилъ, что по бокамъ пологъ долженъ подстегиваться, какъ занавѣсы у двери.

— Потомъ, вотъ ситецъ, продолжалъ онъ, — Вѣрѣ нужно сдѣлать нѣсколько блузочекъ, безъ всякаго лифа, безъ одного крючка.

— Какъ же съ? и безъ кушачка будутъ носить съ?... удивилась мастерица, сама съ тонкою и стройною талією. А у ворота оборочку прикажете, или воротнички полотняные, двойные? Онъ отвѣчалъ, какъ будто припоминая:

— Да, безъ кушачка. И около шеи платье ничѣмъ не обшито, а бѣлый передникъ, довольно длинный, съ маленькими рукавами, обшитъ у ворота такою же полотняною оборочкою. Вы такіе и сдѣлайте. Еще что? да: панталоны и юбки пожалуйста безъ всякихъ кружевъ и вышивокъ. Потомъ, ей нужно поскорѣе выучиться шить: работу, какую она можетъ дѣлать, вы ей дадите; скронте и показывайте ей, пожалуйста, какъ шить.

— Они уже нынче и такъ чайное полотенеце подрубили, сказала, уходя, и ухмыляясь, портниха.

— Рѣшительно *полезла* дѣвочка она у меня дѣлается! шутить онъ. А все не Рэчель: комната у тебя, платья даже, будутъ простенькія, какъ у нея, по самой тебѣ до нея еще далеко!

— Я, папа, догоню ее, обѣщала дѣвочка: ей уже седьмой годъ былъ, а мнѣ еще шестой.

Изъ комнаты Вѣры другаго выхода не было, кромѣ какъ чрезъ кабинетъ Павла Федоровича, и Милка на это обстоятельство крайне вознегодовала. Дѣвочка, въ первый же день, какъ перешла туда, сама себѣ съ вечера принесла воды, сама раздѣлась и сложила платье, какъ ей показать отецъ, и, на слѣдующее утро, ни Милка — ни тѣмъ менѣе босоножки — никто не осмѣлился пробраться къ Вѣрѣ въ комнату, за спиною Павла Федоровича, который писалъ, вставъ на разсвѣтъ.

Негодование Милки выразилось по этому поводу такъ сильно,

что даже дошло до слуха барыни: съ этою цѣлю оно, конечно, такъ сильно и выразалось. Павелъ Ѳеодоровичъ не подозрѣвалъ, какую подземную силу ополчаетъ противъ себя!

У Милки, какъ у всѣхъ фаворитокъ, былъ цѣлый собственный штатъ; въ сущности, все въ Гороховкѣ шло лишь по ея произволу: повѣнчать ли Миньтку съ Дашкою желалось семьѣ, родители приходили «поклониться Маврѣ Ивановнѣ»; приносили ей на поклонъ янчекъ, медку, а кто побогаче и холста каточекъ. Милка, улучивъ благопріятную минуту, докладывала барынѣ, стараясь замолвить доброе слово въ пользу и родителей, и желавшихъ сочетаться бракомъ, и дѣлю улаживалось. И наоборотъ: кому идти въ рекруты,—барыня всѣхъ семей не могла знать—а вонъ тамъ, въ крайней избѣ, старикъ бойкій такой, старостѣ все перечить (со старостою Милка жила въ большихъ ладахъ), его сына и забрить; что же что женатый? солдатка останется за свекромъ ходить. Точно также цѣль достигалась когда и поварь, «петербургскій фертъ», обзывала его Милка, оказывала ей неуваженіе: барынѣ докладывалось, что онъ провинилъ забираетъ множество, лишнее пропиваетъ, и обвиняемый, безъ всякаго суда, подвергался наказанію. Какъ видимъ, и кара и милости, исходили собственно отъ Милки въ селѣ и въ барскомъ домѣ села Гороховки.

Милка недавно овдовѣла, и была вольною съ тѣхъ поръ, какъ выкормила Вѣру. Вѣру она, конечно, любила, но еще болѣе любила власть, которую, чрезъ посредство маленькой барышни, вполнѣ ей предоставленной, распространяла на все населеніе господскаго дома. Цѣлый эскадронъ прислуги состоялъ, по ея распоряженію, при барышнѣ, и прислуга эта разумѣется прежде всего старалась угодить Маврѣ Ивановнѣ; и кушанье съ барскаго стола, и плоды изъ оранжерей, и всякія блага требовались во всякое время на имя «барышни», и идти наперекоръ Маврѣ Ивановнѣ, конечно, никому и въ голову не приходило. И вдругъ ея царству конецъ: вся эта власть отъ нея отходитъ! Если бы Павелъ Ѳеодоровичъ съ Вѣрою были люди практичнѣе, они сейчасъ смекнули бы откуда дуетъ вѣтеръ въ селѣ Гороховкѣ, и постарались бы подставить свой флагъ на подвѣтренную сторону. А то, такъ прямо, безъ всякихъ приготовленій! Вѣра вдругъ вбѣжала въ дѣтскую, и хватила свою кормилицу, какъ обухомъ въ лобъ:

— Милка! я теперь стану учиться, и шить, и спать подлѣ паны, а не въ пристройкѣ, и никакой прислуги мнѣ не надо!

— О-о! вотъ какъ! а старухѣ нянѣ отставку даешь? Спасибо, барышня! Вотъ и мы выслужили!..

— Нѣтъ, Милка, ты оставайся у меня. Только я уже теперь большая, и все стану дѣлать сама, отвѣчала нѣсколько пристыженная дѣвочка.

— Новыя распоряженія! прошипѣла кормилица. Да погодн! не вся тутъ была: нашу плотину еще не прорвало!..

И Павелъ Ѳедоровичъ тоже: не призвавъ ее на совѣтъ, вздумалъ распорядиться собственноручно, поамериканскя! отдѣлалъ комнату для дочери, заказалъ портнихѣ какія ей платьица сдѣлать, обошелся, однимъ словомъ, такъ, какъ бы Мавры Ивашовны и въ домѣ вовсе не существовало! Виданное ли для нея это было дѣло?

— Погоди же ты, погоди... грозила кому то эксъ-пня, высматривая минуту, когда можно будетъ подшепнуть что нибудь баринѣ.

— Нечесанное дитя, немытое! ворчала она, хлопая дверьми; платьишко точно жеванное; хотя бы Феньку пускать, что ли, коли я уже не угодна стала...

Елена это слышала, но молчала: Павелъ Ѳедоровичъ былъ занятъ и въ духѣ; шутилъ такъ мило и весело... До Милки ли ей было?

— Погоди же ты, погоди... продолжала ворчать Милка.

Она попробовала обратить особенное вниманіе барини на недонесенныя тальки, попыталась заняться сборомъ грибовъ и прочихъ продуктовъ, стараясь сосредоточить и усилить въ своихъ рукахъ эти статьи дохода. Но и тутъ понесла неудачу: по уставу, составленному Павломъ Ѳедоровичемъ для мастерскихъ Елены, талекъ уже не полагалось; произволу Милки, слѣдовательно, разыгаться и тутъ нельзя было. Ягоды и грибы стали приносить лишь въ дни барщины; въ остальные же дни они у крестьянъ покупались. Староста, пріятель Милки, былъ смѣненъ. Миръ выбралъ самъ себя на его мѣсто другаго.

Елена ни на какія распоряженія не роптала: она весело расплывала, занимаясь узорами и выкройками, прилагаемыми на большихъ желтыхъ листахъ къ французскимъ журналамъ моды, читала французскіе томикъ, гуляла по вечерамъ съ Павломъ Ѳедоровичемъ. Миръ ея былъ полонъ.

Но вотъ и ея коснулись реформы, пмъ вводимыя: Павелъ Ѳедоровичъ, желая сократить по возможности огромный штатъ дворни, предложилъ желающимъ откупаться на волю; мастерамъ большею частію на это согласились, внесли за себя небольшія деньги, имъ назначенныя, и приписались къ мѣщанамъ ближайшаго уѣзднаго города. Елена увидѣла съ неудовольствіемъ, что дворня ея пустѣетъ, но пока молчала. Когда же горничная, которая давно уже за нею ходила, и которую она лишь осеню, по настоянію Павла Ѳедоровича, согласилась повѣчать съ егеремъ, доставлявшимъ для господскаго стола рыбу и дичь, — объявила однажды баринѣ, что мужъ ея внесъ выкупныя деньги Павлу Ѳедоровичу; Елена рѣшительно возстала.

— Этого не будетъ! закричала она; этого не должно быть, потому что я бариня, и я этого не хочу!

Въ пылу гнѣва, она побѣжала въ кабинетъ.

— Что тутъ такое я? какую я роль играю? слышалось изъ кабинета Павла Ѳедоровича.

Слышался также нѣсколько разъ повторенный пмъ одипъ и тотъ же отвѣтъ:

— Я тутъ ничего не могу: я *всѣмъ* предложилъ одинаково, и отъ Семена егеря принялъ вчера дѣшги, какъ принималъ и отъ другихъ.

— Но ты представь себѣ: я ее выучила и чесать, и шить, и гладить; теперь что же? Матрешку скотницу, что ли, мнѣ въ горничныя взять?

— Я общалъ, я отъ Семена деньги принялъ, и завтра же онъ будетъ выправлять себѣ вольную. Я не могу тутъ ничего сдѣлать: слова моего я не могу взять назадъ.

— Что же это такое? собралась она заплакать.

— Тебѣ не нравится? Возьми назадъ довѣренность, которую мнѣ дала, а я тогда уѣду. Управляй сама.

Она какъ будто не разслышала предложенія. И продолжала:

— Кто же за мною станетъ ходить?

— У тебя есть еще двѣ горничныя: Дуня или Маша, или обѣ вмѣстѣ.

— Да, по Наташка у меня главная. Вѣдь это ты только можешь обходиться съ десятлѣтнимъ Васьюкомъ.

— Даже и безъ того могу обойтись, моя милая. Ну, конечно это дѣло, Елена Петровна, или нѣтъ? у меня работа спѣшная.

Елена ушла, и долго привелось ей слушать ворчаніе Милки на такіе «нигдѣ невиданные порядки!»

Черезъ мѣсяцъ послѣ приѣзда отца, дѣвочка уже выучилась читать: азбуки въ домѣ не нашлось,—отецъ взялъ свое евангеліе, напечатанное въ два столбца, съ славянскимъ и русскимъ текстами, и по этой книгѣ, которую подарилъ дѣвочкѣ, выучилъ ее читать. Она почти не выходила изъ своей комнаты по уграмъ, занимаясь, пока занимался и отецъ: шила себѣ юбку, вязала чулокъ, выводила на аспидной доскѣ огромныя каракули, въ видѣ цифръ и буквъ. Съ отцомъ она почти не разговаривала: лишь только онъ бывалъ свободенъ, она подсаживалась къ нему, и разспросамъ ея не было конца; когда онъ отправлялся въ поле, она напрашивалась съ нимъ, и онъ ее увозилъ на одномъ съ собою сѣдлѣ. Понятно, что она привязалась къ нему: до сихъ поръ кто же занимался ею, кто и ласкалъ ее?

Дѣвочка сокрушалась, что не можетъ дѣлать въ домѣ рѣшительно всего того, что дѣлала Рэчель.

— Это не бѣда, успокоивалъ ее отецъ: лишь привыкай къ работѣ. Жизнь у насъ, видишь ли, совсѣмъ другая.. Мы съ тобою учиться больше станемъ, и когда много будемъ знать, тогда можетъ быть и у насъ заведутся маленькія Рэчели.

Говоря это, онъ разлиновывалъ листъ бумаги на квадратки; подлѣ него лежалъ большой свертокъ картона.

— Что это такое будетъ? спросила она.

— Я вотъ тебѣ игрушку сочиняю, и ты можешь мнѣ помогать: когда я напишу всѣ города ~~на~~ ^{на} Владимірской губерніи

въ этихъ квадратикахъ, ты будешь разрѣзывать листъ по линиямъ карандаша; потомъ я разрѣжу картонъ на такіе же квадратики, и ты станешь наклеивать названіе городовъ на картонъ. Это у насъ будетъ лото. По вечерамъ, послѣ того какъ ты набѣгаешься со мною по льду, мы будемъ съ тобою играть въ географію Россіи.

Онъ написалъ главные города Владимірской губерніи, съ обозначеніемъ рѣкъ, на которыхъ они стоятъ, потомъ перешелъ къ другимъ губерніямъ, переписалъ ихъ также всѣ по городамъ на квадратикахъ. Потомъ, разрѣзалъ карту Россіи по контурамъ губерній, наклеилъ все это на картонъ, сдѣлалъ изъ нея складную картинку, и дѣвочка, складывая эту картинку, и играя въ лото, къ веснѣ рисовала всю Россію по губерніямъ, съ обозначеніемъ городовъ, горъ, рѣкъ, морей, ее окружающихъ. При этомъ, Павелъ Ѳедоровичъ рассказывалъ ей о растеніяхъ, климатѣ и разныхъ особенностяхъ мѣстности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, она начинала говорить пофранцузски. Елена два раза предлагала выписать для нея французенку: она начинала находить, что Павелъ Ѳедоровичъ слишкомъ много времени отнимаетъ у нея, зѣпмаясь дочерію или дѣламя; предложеніе о гувернанткѣ, разумѣется, оставалось безъ послѣдствій: въ первый разъ, когда оно было сдѣлано, Павелъ Ѳедоровичъ промолчалъ, во второй—напомнилъ Еленѣ объ уговорѣ не вмѣшиваться въ дѣла дѣвочки.

Онъ составилъ ей лото изъ всѣхъ государствъ Европы; складная картинка познакомила ее съ каждымъ изъ нихъ, и отдѣльно, и относительно государствъ, смежныхъ одно съ другимъ. Дѣвочка вообще читала мало: дѣтскихъ книгъ, хорошихъ и дѣльныхъ, на всѣхъ языкахъ немного, а въ то время было еще меньше; но она очень многое знала, изъ разговоровъ съ отцомъ; о каждомъ листочкѣ, о личинкѣ, о куколкѣ, о хлѣбномъ зернѣ, о каплѣ росы, о молніи и дождѣ она могла вамъ рассказать многое множество, потому что не утомлялась слушать то, что онъ никогда не уставалъ рассказывать.

Ей пришло на мысль записывать всѣ эти рассказы. Писать отъ себя ей, разумѣется, было трудно, и онъ ей сталъ диктовать, соблюдая нѣкоторую систему въ рассказахъ своихъ о природѣ; онъ досталъ для нея Живописное Обозрѣніе,—книгу далеко не дѣтскую, но изъ которой онъ могъ самъ составлять для нея извлеченія.

Несмотря на готовность, со стороны дѣвочки, сдѣлаться маленькою Рачелію, нельзя предположить, что бы такой рѣзкій переходъ къ жизни совсѣмъ новой, при обстановкѣ, гдѣ все ей противорѣчило, дался ей безъ труда. Не разъ она замахивалась на дѣвочекъ, обзывая ихъ «Сонькою», или «Парашкою»; не разъ тянуло ее къ кукамъ, и ее, разумѣется, поддерживалъ въ этихъ случаяхъ только отецъ: онъ всѣми силами старался укоренить въ дѣвочкѣ постоянство и выдержанность, останавливая ее отъ

всякаго порыва. Укрѣпляло дѣвочку и то еще на новомъ пути, что Милка роптала вслухъ, не стѣсняясь ее присутствіемъ, и сама Елена, въ пылу какаго нибудь хозяйственнаго неудовольствія, раздуваемого исподтишка Милкою, выражала не разъ ребяческую досаду, подпускала не разъ острыя шпильки Павлу Федоровичу и дочери на счетъ «ученыхъ женщинъ». Обѣ онѣ увѣряли, что «изъ этого ровно ничего не выйдетъ», и дѣвочка была слишкомъ самолюбива для того, что бы дать оправдаться этому предсказанію.

Когда она бывала слишкомъ раздражена въ дѣтской, или утомлена занятіями, отецъ сажалъ ее съ собою на сѣдло и увозилъ въ поля. Подтѣхавъ къ рощѣ, онъ сходилъ съ лошади, садился подъ дерево, и начиналъ рассказывать дочери *сказочку*:

На крутомъ берегу большой рѣки, рассказывалъ онъ ей однажды весною, въ рощѣ, раскинулась деревня, и, въ верхнемъ концѣ ея, у самой крутизны, стоитъ избушка старушки-вдовы.

Всѣ близкіе ей повимерли, всѣ, кого она выростила, любила и берегла, и кто берегъ ее. Что бы, кажется, оставалось дѣлать старушкѣ, какъ только, охая, долеживать свой вѣкъ на печкѣ? но не такъ доживала свой вѣкъ старушка.

— Работы много кругомъ, говорила она. Для всѣхъ можно что нибудь сдѣлать, когда на то доброе желаніе есть. Какъ посмотришь, всѣ то въ каждомъ нуждаются. И во мнѣ,—спленка моя хотя малая, но еще ноги таскаю; и руки, хотя плохо, да еще служатъ; смотришь, кому нибудь на что и пригоднись еще.

И лишь только свѣтало, на ногахъ и въ трудѣ бывала старушка.—Вонъ, по сосѣдству, молодница хозяйка не можетъ съ лавки привстать: тяжкій недугъ одолѣлъ, мужъ, братья въ промыслы ушли, а дѣти малъ-мала-меньше. Не вытерпитъ добрый человѣкъ: съ утра прилететъ туда старушка, то большой доброе слово скажетъ, то ребятншекъ утретъ, обмоетъ, да накормитъ, что бы унялись и не кричали; то горшечекъ щей въ печь поставитъ.—То молодежи совѣтъ подастъ: человѣкъ она бывалый, прожила долго, многое заприѣтила и смекнула, многое и сама вытерпѣла отъ неправды людской. Глядь, и остерегла встать, разумное слово сказала, научила, утѣшила.—А вонъ тамъ, ни съ того ни съ сего, спяна ли, сзадору ли, поссорились сосѣди: недобримъ другъ другу грозятъ. Какъ же, любя правду и миръ, не вступиться старушкѣ? Съ одними потоловала, другихъ пожурила,—смотришь и усовѣстила, и ссорѣ конецъ, и живутъ опять попрежнему: подобру, пососѣдски!

Смирно, не суетясь, безъ хлопотъ, все дѣлала старушка, и, чуть что кому нужно, тутъ она и есть, какъ изъ земли выросла. Безъ дѣла никогда и не помнить ее никто. А ребятинки,

лишь завидять ее, изъ конца въ конецъ деревни, бывало, бѣгутъ къ нею.

— Бабушка, голубушка, потѣшь, родная, поразкажи что видала слышала! кричали они еще издали, подбѣгая къ ней и приплепывая голыми ноженками.

Посядутъ: соберется ихъ тутъ къ ней со всѣхъ дворовъ, и начнетъ она имъ рассказывать, какъ въ старину люди праведные жывали, а больше учила она ихъ какъ надо побратски жить, на всякаго человѣка, какъ на роднаго брата, смотрѣть.

— Всѣмъ бы людямъ, какъ звеня, сцѣпиться бы слѣдовало, говорила старушка: привольно тогда каждому было бы—и нужды бы меньше: ни ссоръ, ни зависти не было бы никакой у всѣхъ у насъ, у тебя, Петя, у тебя, Маша, у каждаго есть семья, есть сосѣди, подружки, знакомые; какъ будто кружочекъ около тебя какой. Ну, если бы каждый то изъ насъ, въ своемъ этомъ кружочкѣ, лишь другъ на друга, какъ на роднаго брата, смотрѣлъ, лишь ласковыя рѣчи велъ бы, работу раздѣлялъ, помогаль чѣмъ можетъ, радости сосѣда радовался бы, въ горѣ его тужилъ и пособлялъ побратски, такъ братская и была бы между нами жизнь. У каждаго кружочекъ такой есть, у малаго и у стараго, у убогаго и у знатнаго. Чѣмъ знатиѣ, чѣмъ шире кружокъ, тѣмъ больше дѣла, значить: много кому дано, много съ того и спросится. Если бы всѣ то мы, ребятишки, *все, что только можемъ*, дѣлали на пользу ближняго, никто бы тогда изъ насъ и охъ не молвилъ: отъ любви братской тепло всѣмъ жилось бы на свѣтѣ. А у насъ суды, наговоры, обиды, обманъ, ненависть! Охъ, какъ тяжело отъ этого душѣ бывзеть! Любви у насъ нѣтъ—все оттого. Вотъ у насъ неурожайный годъ былъ: то то мы натерпѣлись, да натужились! А тузи да горя не бываетъ, когда другъ другу помощь подаешь. Хотя бы вотъ приѣбромъ скажу. Разъ, въ половодіе, рѣка наша точно будто осерчала: рветъ все съ береговъ, поля, луга залила, на кругогоръ лѣзетъ, бѣдою неминучею къ избамъ, къ дворамъ подходит. Но *дружно* взялись молодцы наши: всѣ силы собрали, и отстояли вѣдъ селеніе, да скотъ. Вотъ опять какъ на промыселъ ѣздить, или съ городомъ торговлю ведутъ: дорога плохая, мѣсто дальнее, всего натерпятъ, а какъ труды дѣлать, да выручать другъ друга, такъ и легче каждому бываетъ. И каждому трудиться указано; и вамъ нужно къ работѣ привыкать, дѣла не бѣгать; за все умѣть взятыся, а главное—ближняго любить: если любить будете, не обидите, не обманете его ни когда, не унесете ни даже яблочка его, а еще свое все отдадите; стропиться начнетъ, поможете, сироты останутся, пригрѣете, точно тоже и вамъ сдѣлаютъ, если на человѣка какъ на брата смотрѣть станете. Правда жыветъ въ мірѣ, и ее всегда находишь, какъ самъ по правдѣ жывешь.

Много, много добраго говоритъ имъ бабушка; они всѣ въ кучку припали около нея, а солнце на нихъ такъ и свѣтитъ,

какъ будто смотритъ, да радуется, что слушаютъ дѣтки рѣчь о любви и правдѣ, и западаетъ имъ въ сердце отъ добраго сердца сказанное слово. Да и не словомъ однимъ, и дѣломъ неустаннымъ учила ихъ бабушка: трудилась она, рукъ не повладивая, добра была ко всѣмъ, *все, что только могла*, дѣлала она на пользу ближняго, какъ и всѣмъ намъ поступать бы слѣдовало.

Спать по ночамъ мало старушка: у старыхъ людей сонъ слабый, да и рѣка подь часъ ей уснуть не даетъ. Оконце избушки ея какъ разъ выходило съ обрыва на рѣку.

Широка и быстра была рѣка эта и среди лѣта; въ полуку же воду, какъ нахлынетъ дружно съ горъ тающей отъ весенняго вѣтра снѣгъ, она точно закипала, и подмывая крутой берегъ, обрушивала въ русло огромныя глыбы и камни. Подъ деревнею, верстъ на пять выше и ниже, рѣшительно хода не было проплывавшимъ мимо судамъ. Идутъ, бывало, и днемъ, опасаясь, давая дальше въ рѣку. Многие намаились здѣсь досыта, кто съ сумою по міру пошелъ, кто даже и жизнью поплатился, когда, бывало, въ ненастіе, верхомъ разгулявшись, рѣка расколится такъ, что мутныя волны высоко заходятъ съ бѣлою пѣною на гребнѣ. Чуть плоховаты снѣсти, смотришь, и сорвало судно съ причаловъ, на которыхъ думали переждать непогоду, и носить его вѣтеръ по буйной рѣкѣ. А тутъ и ночь настала; зги не видать. Какъ тутъ смекнуть, куда держать? проплыто, нѣтъ ли, близко или далеко опасное каменное мѣсто? Хватишься, что плохо пришло, лишь тогда развѣ, когда уже и спасенія нѣтъ!

Заслышитъ, бывало, ночью старушка крики съ судовъ, разбивающихся о камни, и сердце ея надрывается отъ скорби. И не съ ея силами чѣмъ тутъ пособишь? А сколько ни тужи, все несчастнымъ не легче.

Но лишь бы тепло лежало къ ближнему сердцу,—прдумаемъ!.. Смотри, вотъ и придумала, и помогла, даромъ что немочь ходчая.

Разъ, ночью, страшно гудѣла рѣка; темъ такая, хотя глазъ выколи; рѣка бурлитъ, такъ и ходитъ; вѣтеръ свищетъ, такъ и чудится, что быть бѣдѣ. Не спится старушкѣ. Чутко теплос ея сердце: вотъ голоса! ой, на гибель идутъ, съ волною бьются. Дай, думаетъ, вздую огня, да поставлю на оконце: смекнуть, авось, куда держать отъ опаснаго мѣста подальше.

Какъ разъ вовремя блеснулъ огонекъ въ хатѣ надъ обрывомъ: смекнулъ коимъ чинъ, смѣло далъ въ рѣку, сильнѣе налегли ребята на веслы, и, миновавъ бѣду, въ душѣ сказали «спасибо» за огонекъ доброму челоуѣку.

Да, *все, что могла*, дѣлала старушка для ближняго.

Побольше бы памъ такихъ людей!

Вѣра видѣла и его такимъ же: на работахъ, или въ избахъ, куда они входили къ больнымъ; Вѣра знала, что его

ждуть и любятъ, не считая «баринномъ»; она слышала, какъ всё, просто и прямо, высказываютъ ему свои нужды и недуги. По возвращеніи въ домъ, и она сѣвшила снести сама бѣлаго хлѣба или чаю больнымъ или коечто изъ платья для ребятисекъ.

— Я буду шить рубашки для этихъ жалкихъ мальчиковъ, говорила она: вели, папа, скрой по двѣ рубашечки,—они лежатъ больные и смѣются имъ печѣмъ, какъ отецъ говоритъ.

— Напрасно ей такъ рано показывать болѣзнь и горе, замѣчала Елена: еще успеетъ наболѣть сердце, прибавляла она, намекая на свою жизненную неудачу, которую любила поэтизировать.

— Тѣмъ лучше она будетъ, возражалъ отецъ.

Дѣвочка принималась шить, а отецъ смотрѣлъ на нее, разстроенный и раздраженный; видъ болѣзни, грязи, невѣжества на селѣ—было для него мученіемъ; невозможность поправить этотъ бытъ, несмотря на всѣ труды Павла Федоровича, мучила его еще болѣе.

— Между тѣмъ человѣкомъ, съ которымъ я жилъ, и напишъ, говорилъ онъ, разница, какъ между небомъ и землею! Этотъ несчастный невѣжда... нравственный калѣка...

И тутъ же шелъ въ флигель, который велѣлъ опростать за садомъ для больныхъ, шелъ давать почти насильно, но съ ласкою, любовью и сердечными убѣжденіями, лекарства, которыя доставалъ изъ города отъ доктора, для облегченія несложныхъ болѣзней этихъ бѣдныхъ людей; или при себѣ, также почти силою, прививалъ ребятискамъ оспу.

— Ну, что же, говорила Елена: денегъ, слава Богу, много, заведи школу. Хочешь?

— Прежде бабоекъ хорошихъ, фельдшеровъ надо. Всякій хламъ у насъ заведенъ, а существенно необходимаго нѣтъ: за каждымъ пузырькомъ масла надо въ городъ посылать. А больной пока безъ помощи лежитъ.

— Ты заводи, что хочешь, разрѣшала Елена: сколько нужно для этого? бери.

Она рада была его *потлиить*; но далѣе согласія на издержки денежные содѣйствіе ея не простиралось: ей были невыносимы, и видъ, и даже мысль о страданіи, о болѣзни, о чемънибудь неизящномъ, грязномъ, раздражающемъ ея нервы!

Рѣчь объ аптекѣ Павелъ Федоровичъ повелъ съ двумя близкими сосѣдами: это были люди, съ которыми можно было поговорить о чемъ нѣмъ, кромѣ покоса, урожая или охоты съ борзыми. Прижавшись въ креслѣ, дѣвочка любила слушать, когда онъ разговаривалъ съ ними. Часто говорили они о такихъ учрежденіяхъ, при которыхъ жить привольно, о свободѣ личной, и правахъ человѣка... Павелъ Федоровичъ рассказывалъ, какъ живетъ человѣкъ вольный; рѣчь его оживлялась; чувствовалось,

что онъ поспѣть въ сердцѣ прекрасный идеаль развитаго и счастливаго человѣчества!.. Елена, глядя на него, любовалась смѣлымъ огнемъ, которымъ загорались тогда его глаза.

Въ жизни Павла Ѳедоровича такое оживленіе было минутное: онъ тормозилъ въ себѣ всякій порывъ. Онъ вообще работаль цѣлый день, и, между всѣми, по силамъ каждаго, трудъ былъ распределенъ равномерно и справедливо. Никакой трудъ не оставался безъ вознагражденія. Пристальный взглядъ управляющаго слѣдилъ, съвозъ ощи, за всѣмъ и за всѣми; все видѣлъ, все подчинилъ себѣ невольно. Все въ домѣ шло какъ бы само собою, безъ всякихъ приказаній, и дѣлалось въ опредѣленные часы. Времени отдыха было у Павла Ѳедоровича очень немного: онъ называлъ отдыхомъ, когда работаль въ саду, точилъ или строгаль что нибудь въ своей столярной, или играль на фортепیانѣ, по просьбѣ Елены. Но вечерамъ, онъ читаль иногда въ слухъ, пока Елена рисовала, а дѣвочка что нибудь шила. Онъ читаль о Франклинѣ, Вашингтонѣ, и дѣвочка полюбила этихъ великихъ людей; жизнь для нея такъ складывалась, что она не могла жить иначе, какъ симпатіями, взглядами, вліяніемъ того, кого она такъ полюбила.

Въ концѣ іюня пріѣхала однажды вечеромъ изъ города незнакомая ей женщина; она осталась почевать, а дня черезъ два, когда Вѣра поутру проснулась, отецъ сказалъ ей, что у нея родилась маленькая сестра, Соня. Удивившись и обрадовавшись, Вѣра поспѣшила посмотреть на новорожденную сестру. Мамка, пеленавшая малютку, объявила Вѣрѣ, что женщина, пріѣхавшая третьяго дня изъ города, нашла эту дѣвочку въ саду, подъ каліною, и принесла къ нимъ въ домъ. Вѣра, чрезвычайно изумленная, спросила у отца:

— Отчего же это я никогда не находила маленькихъ дѣвочекъ ни подъ каліною, ни подъ ясенію... нигдѣ?

— Оттого, что онѣ тамъ не лежать, отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

И объяснилъ онъ ей просто, что маленькіе дѣвочки и мальчики рождаются отъ женщины, которая поситъ ихъ девять мѣсяцевъ и родитъ на свѣтъ.

Вѣра ему безусловно вѣрила, именно потому, что онъ не только никогда не обманываль ее, но умѣль самую трудную, казалось бы, для ребенка вещь представить и объяснить такъ наглядно, что для Вѣры не оставалось никогда и сомнѣнія въ ея точности; дѣти, вообще, всегда умѣють отличить правдивое и честное обращеніе съ ними отъ подготовленныхъ для нихъ собственно объясненій и небылицъ.

Павелъ Ѳедоровичъ боялся, что бы какое бы то ни было попятіе, усвоенное ею, не сложилось въ умѣ ея невѣрно, и спѣшилъ объяснить ей все, часто не дождавшись даже и вопроса. Когда

онъ читалъ, то читалъ какъ бы именно для нея: останавливаясь часто, онъ ей рассказывалъ прочитанное простымъ, понятнымъ для нея языкомъ, потомъ заставлялъ и ее рассказывать, и убѣждался, что дѣвочка усвоивала не одну эпическую сторону разсказа, но и мысль, какъ ее передавалъ отецъ.

Когда она стала читать сама, онъ ей не давалъ сказать ни одного слова, которое полагалъ для нея неяснымъ. Изъ фоліантовъ «Живописнаго Обзорѣнія», Павелъ Ѳедоровичъ продиктовалъ ей вкратцѣ о видимомъ небѣ, о затмѣніяхъ, объ атмосферѣ и земномъ шарѣ, о землетрясеніяхъ, огпедышащихъ горахъ, и пр. Въ книгахъ этихъ онъ ей назначилъ чтенія, поставивъ надъ статейками нумера, для обозначенія въ какомъ порядкѣ ихъ слѣдовало читать: началъ онъ съ деревъ и растений, — какао, кофей, чай, табакъ, лотусъ и пр. Во французскомъ *Journal des enfans* точно также составилъ ей такимъ образомъ маленькую галерею описаній природы, разсказовъ, картинокъ и свѣдѣній изъ всего, что было подъ рукою. Потомъ перешелъ къ камнямъ и металламъ, къ водорослямъ, моллюскамъ, насѣкомымъ, птицамъ, животнымъ... И эта зима не прошла даромъ для дѣвочки: къ концу ея, она переводила уже статейки, имъ выбираемыя и соотвѣтствовавшія его системѣ.

У нея до сихъ поръ хранятся эти тетрадки, испестренные поправками. Поправки, разумѣется, очень много: она была тогда восьмилѣтнимъ ребенкомъ. Чернили въ тетрадкахъ этихъ пожелтѣли; бумага изветшала; рука, дѣлавшая съ такою любовію, съ такимъ терпѣніемъ эти поправки, давно постлѣла въ землѣ...

Соня росла болѣзненнымъ, нервнымъ ребенкомъ; къ концу года она еще не ходила, и Вѣра съ особеннымъ удовольствіемъ гатала ее по саду въ телѣжкѣ. Лѣтомъ, она много работала съ отцомъ въ саду, разспрашивая о садикѣ Речель; ходила въ поле, ходила по бѣднымъ семьямъ на село, помогая имъ всѣми своими средствами и маленькими силами. Подъ вліяніемъ отца, чувство любви развивалось въ ней такъ же сильно, какъ и потребность правды.

Она, и гуляя съ нимъ, училась многому, замѣчая окружающее и случая его. Огромная память ея удерживала все почти буквально, и послѣ однократнаго чтенія или разсказа. Правда, что, любя дѣвочку сильно, или владѣя педагогическимъ приемомъ, — что почти равносильно въ дѣлѣ воспитанія, — Павелъ Ѳедоровичъ, какъ никто, можетъ быть, умѣлъ передать понятно и просто все доступное пониманію; онъ умѣлъ передать занимательно даже первыя правила ариметики, задачи которыхъ маленькія дѣти давно уже стираютъ, и долго еще будутъ стирать, слезами съ аспидныхъ досокъ своихъ!

Онъ пріучалъ ее къ размышленію, питалъ въ ней способность отвлеченнаго мышленія, заставляя вдумываться и выводить заключеніе изъ рассказаннаго или прочитаннаго, и вско-

рѣ сгаль замѣчать, что подробности или обстановка факта стали какъ бы ускользать отъ нея; самый же фактъ сгаль служить лишь темою для разработки мысленной, или собственныхъ выводовъ. Онъ старался сдерживать развитіе этой способности, занимая ее собственно фактами и механическою работою. На слѣдующую зиму, они клеили лото историческое.

— Сдѣлаемъ это для Сони, говорилъ онъ. Она слабѣе тебя здоровьемъ; и то, что мы дѣлаемъ теперь, она станетъ проходить, когда будетъ постарше тебя двумя, тремя годами.

Вѣра рѣшила сама, что начнетъ и станетъ учить Соною по указаніямъ отца.

Имена историческихъ личностей, замѣчательныхъ ученыхъ, великихъ людей въ мѣрѣ искусствъ, ремесель, науки и знанія, написались на квадратикахъ, размѣстились по коробкамъ, коробки раздѣлились по столѣтіямъ; дѣвочка стала слушать біографіи великихъ людей и записывать ихъ въ тетрадкахъ. И въ «Живописномъ Обзорѣніи» перешли тогда къ галереѣ знаменитыхъ личностей. Павелъ Ѳедоровичъ, давая Вѣрѣ читать біографію лица, изображеннаго въ книгѣ, никогда не выривалъ его отдѣльно изъ цѣлаго ряда лицъ и событій; напротивъ, онъ приводилъ ее къ эпохѣ существованія этого лица послѣдовательными, хотя краткими, біографіями личностей и рассказами о событіяхъ, ему предшествовавшихъ.

Ей очень понравились біографіи Торквато Тассо, царицы Зиновіи, Шекспира, Наполеона. Любуясь на «залу отреченія» и на снимокъ съ картины Штейбена, «Ватерлооская битва», она съ восторгомъ рассказывала о «старой гвардіи, которая умираетъ, а не сдается»... Торжественность слога и описанія такой драмы поразили ее; она говорила и въ слухъ и просебя, говорила и матери и Милкѣ: «звѣзда его догорала, громъ битвы при Люценѣ, Бауценѣ и Дрезденѣ потрясъ предѣлы міра». «Судьба его совершилась: здѣсь лежитъ... не надобно имени, спросите его у цѣлаго міра; это имя кровавыми буквами начертано отъ береговъ Танаиса до вершинъ Кедрона и устье въ Тага на бронзѣ, на мраморѣ, на груди храбрыхъ; ничье имя не летало еще такъ далеко на крылахъ молній; ничья нога не запечатлѣла еще на землѣ слѣда столь глубокаго и, здѣсь остановилась эта нога! Здѣсь, тремя шагами, младенецъ измѣряетъ величину исполина. Господь судилъ его: молчаніе, смертное молчаніе! Его дѣла положены въ чашу вѣсовъ судьбы, да не прикасается къ нимъ рука человѣческая.»

— Какъ я люблю его! говорила она отцу; былъ ничѣмъ, а сталъ исполиномъ. Какъ я люблю славу! Чѣмъ бы прославиться, что бы мое имя гремѣло «отъ вершинъ Кедрона до устья въ Тага?»

— Ты измѣнишь своему идеалу, маленькой Рэчели? удивилась Павелъ Ѳедоровичъ. Хорошо! прочный же ты человѣкъ! Такая слава, которая гремитъ отъ вершинъ Кедрона до стѣнъ

нашей Москвы — слава незавидная! она губить тысячи тысячъ людей... а скромная слава Рэчели разносится лишь по окрестнымъ селеніямъ, и вся жизнь ея полна добрыхъ дѣлъ на пользу бѣднаго. Это слава добрая, дѣвочка, и лучшая изъ всѣхъ. Быть женщиною осмысленно *доброю* лучше всякаго величія. Великимъ называютъ у насъ одинаково и полководца, и министра, и артеиста; но великимъ слѣдовало бы называть честнаго и добраго; его подвиги истинно велики, потому что просты, и не хотять огласки. Вотъ одинъ такой подвигъ: не хочешь ли, я расскажу тебѣ. — Женщина способствовала тому, что бы отмѣненъ былъ въ Америкѣ законъ, который предписывалъ рабовладѣльцамъ задерживать измученныхъ негровъ, которые бѣгутъ отъ господъ своихъ. Мужъ ея, самъ сенаторъ, только что подписалъ этотъ законъ, и, часъ спустя, можетъ быть, пришлось и приложить его на дѣлѣ, т. е. задержать и выдать хозяину молодую женщину, которая отъ него сбѣжала съ четырехлѣтнимъ сыномъ. Господинъ ея въ однѣ руки продалъ ея мужа, въ другія ея мальчика; бѣднягъ удалось бѣжать, и къ такому то звѣрю слѣдовало доставить ее обратно съ синишкою; за нею гнались съ ружьями и собаками, и она спаслась лишь тѣмъ, что прыгнула съ крутаго берега на ледъ; ледъ подломился, она пронеслась по льдинамъ; гнавшіеся за нею не рѣшились сдѣлать того же, и она прибѣжала прямо на кухню къ сенатору, который только что подписалъ законъ о выдачѣ бѣглыхъ ихъ владѣльцамъ. Къ счастью, у сенатора жена была *добрая*: она стала представлять мужу, что поступать противъ совѣсти никакой законъ не можетъ предписывать, что если доброе сердце внушаетъ ему желаніе помочь этой бѣдной женщинѣ (сенаторъ самъ, увидѣвъ ее, приказалъ ее накормить, обогрѣть, успокоить), то надо его слушаться, и исполнять точно такъ, какъ оно намъ велитъ поступить. И вотъ, мальчигъ одѣтъ въ теплое платье, бѣглянка накормлена, уложена; среди ночи, сенаторъ самъ закладываетъ повозочку, будить ихъ и перевозить за нѣсколько миль, въ вольный штатъ, гдѣ ихъ преслѣдовать не имѣютъ уже права. Жена добрая! вліяніе ея доброе! жестокой законъ отмѣненъ, и вотъ подвигъ, который можно назвать *великимъ*.

Сидя, вѣстѣ съ отцомъ, въ широкомъ креслѣ, шитомъ по канвѣ, Вѣра его слушала внимательно, и какъ всегда раздумывала надъ его словами. Но героя своего она нашла въ сердцѣ, любила его, какъ всегда любятъ Наполеона въ дѣтствѣ, и старалась отыскать въ книгахъ, дѣлалъ ли Наполеонъ подвиги на пользу ближняго?

Такъ какъ она знакома была съ картою, отецъ давалъ ей читать описанія разныхъ мѣстностей древняго и новаго міра: Римъ, Аѳины, Пальмира, Іерусалимъ изобразились въ ея памяти съ ихъ падшимъ величіемъ и историческими воспомина-

ніями. Венеція, Цейлонъ, замокъ Фернейскій, чудеса, являемыя Геклою и Гейзеромъ, записались въ ея тетрадкахъ.

Еще проходила зима. Дѣвочка развивалась, росла, и была счастлива. Родился у нея на пасхѣ маленькій братъ, Саша. Соня почти постоянно хворала, и Милка исключительно существовала въ домѣ для нея. Павелъ Ѳедоровичъ продолжалъ трудиться, но и Милка вела дѣятельно, систематически, неутомимо подземную работу шептыванія. Съ рожденіемъ Сони, она вернула часть утраченной власти, и повела закулисную атаку, которая во многихъ отношеніяхъ парализовала дѣятельность Павла Ѳедоровича, и доставляла ему истинно горькія минуты. Все чаще и чаще Павелъ Ѳедоровичъ сталъ видѣть Елену грустною и недовольною. Но Милка такъ искусно вела дѣло, что онъ не видѣлъ руки, подводившей на глаза Елены тѣ самыя факты, которые наиболѣе могли раздражать ея барское тщеславіе. Съ первыхъ дней пріѣзда его, Милка, мало по малу, пользуясь минутнымъ неудовольствіемъ барыни, начала исподволь раздувать его, сначала намекомъ, потомъ все прямѣе, и, наконецъ, въ эпоху рожденія Саши, сдѣлалась уже главнымъ лицомъ при Еленѣ, повѣреннымъ всѣхъ ея дѣлъ и отношеній; стала она шептывать и на Вѣру, непріязнь къ которой выражала до сихъ поръ лишь легкими поталкиваніями и ворчаніемъ.

Вѣра всю весну чувствовала себя не совсѣмъ здоровою: постоянный, легкій жаръ къ вечеру, который Павелъ Ѳедоровичъ приписывалъ простудѣ, беспокоилъ его однако же; онъ и наблюдалъ за нею, и оберегалъ отъ занятій. Она часто ночью вскакивала и принималась за чтеніе. Съ такою нянькою, впрочемъ, какъ Павелъ Ѳедоровичъ, болѣзни не легко было расхотиться. Милка, по поводу этой болѣзни, выражала неудовольствіе на книги, которыми «замучили» дѣвочку.

Въ умѣ Елены, между тѣмъ, находилась фантазія: превратить свою ткацкую въ большую ковровую фабрику. Первую мысль объ этомъ проектѣ Павелъ Ѳедоровичъ началъ отражать основательными доводами:—онъ представлялъ, что все нужно будетъ выписывать, что шерсти своей нѣтъ, и заводить овецъ не расчетъ, губернія не степная; шерсть, краски, мастера, рисунки должны быть превосходны, что бы выходило чтонибудь хороше, и что бы фабрика могла хотя окупать себя, а иначе не стоитъ и заводить.

Елена однако же не унылась.

— Сначала будутъ ковры похуже.. повеземъ въ Нижній на ярмарку, тамъ все сойдетъ, говорила она, съ легкостію, ей свойственною. Ей очень понравился узоръ съ арабесками, приложенный къ модному журналу: у нея и зародилась мысль ткать дома ковры. Не разъ и не десять приставала она къ Павлу Ѳедоровичу съ фабрикою, но на каждомъ шагу ловила его и заговаривала о своемъ проектѣ: фабрика засѣла у нея въ моз-

*

гу, и поскорѣе, поскорѣе, прихоть эта должна была осуществиться. Павелъ Ѳедоровичъ долго молчалъ, но видимо терялъ терпѣніе. Онъ, наконецъ, составилъ смѣту первыхъ расходовъ на устройство и обзаведеніе фабрики, но отказался рѣшительно отъ участія въ этомъ дѣлѣ, по его мнѣнію, нестоющемъ труда. Елена разсердилась серьезно; она, и плакала, и бранилась, и упрекала его въ эгоизмѣ.

— Угодить никогда не хочеть! а я, чего, чего для тебя не сдѣлаю? говорила она со слезами.

— Помилуй! убѣждалъ онъ ее: лучше аптеку усилить, постоянного доктора выписать, избы новыя поставить.

Но Елена продолжала плакать.

На ту пору Соня опасно занемогла. Мать очень любила эту дѣвочку. На время она отложила заботу о фабрикѣ, и стала просиживать всю ночь безъ сна, у постели Сони, что, на взглядъ Павла Ѳедоровича, была такая же фантазія, какъ и ковровая фабрика; необходимости въ этомъ никакой не было.

Сцена, рѣшившая участь Вѣры, произошла именно въ слѣдствіе одной изъ такихъ безсонныхъ ночей.

— Ты думаешь, я тебѣ позволю ее такъ же уродовать, какъ мою старшую дочь? говорила въ одно утро Елена, раздраженная, съ красными отъ бессонницы глазами. Вѣрѣ нечѣмъ и вспомануть дѣтства; съ пеленокъ за книгою, и вотъ уже сохнетъ отъ этого! И Сонѣ уже подносить свои глупыя картинки: у Сони и началось съ головной боли. А Вѣра! жалко смотрѣть на нее! и т. д. и т. д.

Разговоръ происходилъ на балконѣ, за утреннимъ чаемъ. Вѣра, выпивъ свою чашку, сидѣла на ступени лѣстницы. Когда мать завела свою гнѣвную рѣчь, Вѣра встала, и начала всматриваться сквозь рѣшетку перилъ въ лице Павла Ѳедоровича: лице это мало по малу блѣднѣло и измѣнялось; онъ отодвинулъ стаканъ, и сталъ пристально смотрѣть на Елену; складка набѣжала между бровей, и онъ нетерпѣливымъ движеніемъ откинулъ назадъ волосы... Его любовь, его заботы о дѣвочкѣ, его старанія, труды, цѣлая система и планъ будущаго воспитанія — безжалостно корили, грубо топтали въ грязь... Гордое изумленіе выразилъ онъ, молча и гнѣвно, страшнымъ взглядомъ, свергнувшимъ надъ Еленою; такъ бѣшено свергнулъ этотъ взглядъ, что Вѣра задрожала, и какъ бы окаменѣла на своей ступенькѣ.

Но Павелъ Ѳедоровичъ отвѣчалъ, сравнительно, спокойно.

— Если вамъ угодно было составить собственную теорію воспитанія дочерей вашихъ, сказалъ онъ, вы можете сами приводить ее въ исполненіе, а какъ я вамъ для этого не нуженъ, то позвольте мнѣ просить я съ вами нынѣ же.

— Сдѣлай одолженіе! отвѣчала Елена: народъ разбалованъ

такъ, что ни на что не похоже; дитя умираетъ! лишь бы спасти ее, а воспитаніе пусть идетъ уже, какъ Богъ дастъ.

Онъ всталъ, сходилъ въ кабинетъ, вынесъ ей довѣренность, и ушелъ къ себѣ.

Вѣра, минутъ пять спустя, съ крикомъ кинулась съ балкона въ кабинетъ. Павелъ Ѳедоровичъ провѣрялъ счетную книгу съ Николаемъ, мальчикомъ лѣтъ восьмипацати, котораго года три тому назадъ сталъ учить конторскимъ счетамъ. На столѣ лежали пачки денегъ. Павелъ Ѳедоровичъ подводилъ итоги, и передавалъ Николаю деньги, которыя тотъ пересчитывалъ. Когда это было кончено, Николай взялъ книги и деньги, и понесъ ихъ къ барынѣ. Мальчикъ Вася, между тѣмъ, готовилъ чемоданъ, снималъ съ полки книги, и обтиралъ съ нихъ пыль. Слезки свои онъ обтиралъ тою же самою пыльною тряпкою. Дѣвочка, пока отецъ писалъ еще, подошла къ нему, и молча прижалась къ его плечу: ни одного слова она не могла вымолвить, — мысль, что онъ уѣзжаетъ, казалась ей такою ужасною, что она это считала невозможнымъ! А между тѣмъ отъѣздъ придвигался: кончивъ счеты, Павелъ Ѳедоровичъ на одну минуту обвилъ дѣвочку рукою, но, что бы занять ее и не дать исхода своему и ей горю, сказалъ довольно спокойно:

— Вася трудится одинъ: давай помогать ему.

Вася приносилъ уже бѣлье и платье. Вѣра съ отцомъ принялась ихъ складывать.

Елена, между тѣмъ, осталась на томъ самомъ мѣстѣ, у стола, на который Павелъ Ѳедоровичъ положилъ возвращенную имъ довѣренность. Когда Николай принесъ ей счеты и деньги, она и не взглянула на нихъ: гнѣвъ ея давно прошелъ; вспомнила она, что онъ просилъ не вмѣшиваться въ его дѣла; пришли ей на память одинокіе дни и ночи, пустыня и холодъ такой вокругъ себя безъ него!.. и очутиться снова въ такой же пустынѣ, лишь съ новыми призраками, пятимѣтными воспоминаніями о любви его и о ежечасномъ съ нимъ разладѣ... переживать все это съизнова... Нѣтъ, нѣтъ силъ! Не будетъ никакой возможности! О, цѣною всего въ мірѣ, она готова была искупить нынѣшнее утро! Цѣною жизни Сони, мелькнула въ головѣ Елены устрашившая ее мысль.

Шатаясь, побрела она по корридору, и прильнула ухомъ къ двери кабинета. Тамъ слышались кроткія распоряженія Павла Ѳедоровича, шаги его отъ комода или отъ стола къ чемодану. Вѣра на минуту вышла раскраснѣвшаяся, съ опухшими глазами.

— Вѣра, — позвала ее шепотомъ мать, услѣвшая пройти въ двери столовой, — попроси его отложить отъѣздъ.

Вѣра вернулась въ кабинетъ, обняла отца, стала его упрашивать... Онъ на это отвѣчалъ ей.

— Попроси маму отпустить тебя со мною.

Вѣра опять вышла, начала упрашивать мать. Елена отрицательно покачала головою.

Чемоданъ вынесли. Колокольчикъ уже звенѣлъ подѣ дугою. Елена снова была у кабинета, улавливая послѣдніе звуки его присутствія въ домѣ.

— Бѣдныхъ не оставляй, дѣвочка, говорилъ онъ дочери: мать береги, она станетъ скучать безъ меня. Занимайся и будь спокойна. Жизнь долга: еще свидимся.

Онъ спѣшилъ выдти, что бы не утомлять ее горемъ. Проходя чрезъ столовую, онъ встрѣтился съ Еленою и поцѣловалъ у нея руку. Слезы тѣхъ, которые окружили его дорожный тарантасъ, видимо смутили Павла Ѳедоровича:

— Вотъ, бѣдные! подумалъ онъ.

Вѣра рыдала. Мать, какъ бы бессознательно, ухватилась за косякъ двери крыльца, на которое вышла проводить его, что бы не показать вида...

Когда тарантасъ покатился, Вѣра закричала, протянула руки, но пыль взвилась... нѣсколько объятій ее охватило, нѣсколько бородъ припало къ ея ручкамъ, обливая ихъ слезами, нѣсколько десятковъ голосовъ промолвило ему вслѣдъ:

— Благослови его, отецъ небесный?..

Било двѣнадцать.

Завтрагать никто не спрашивалъ; его и не набрывали: отъѣздъ Павла Ѳедоровича поразилъ всѣхъ какимъ то недоумѣніемъ. Всѣ кружились, не зная за что взяться, или, какъ будто, въ лѣсу съ дороги сбились. Елена заперлась въ модельнѣ; дѣвочка обошла балконъ, опустѣлый кабинетъ, всѣ мѣста, гдѣ его только что видѣла, и, наплакавшись, уснула въ сыромъ подвальчикѣ, подѣ балкономъ, гдѣ прибирались горшки и разныя ея садовыя инструменты.

Подѣ вечеръ, Вася подаль ей записочку, привезенную кучеромъ Алексѣемъ, который вернулся съ экипажемъ изъ города.

Вѣра схватила ее, и не могла удержать слезъ.

— Барышня, миленькая, не плачьте! говорилъ Вася: съ Алексѣемъ на словахъ приказали сказать вамъ, что скоро приѣдутъ!

Въ записочкѣ всего было четыре слова: «Цѣлую мою милую дѣвочку.» Но Вѣра ее долго, долго читала.

— Не можетъ быть... разсуждала просебя Елена, ходя поздно ночью, въ день его отъѣзда, по большой залѣ, на полу которой луна обрисовывала рядъ длинныхъ и узкихъ оконъ: не можетъ быть, отъѣздъ этотъ должно быть давно рѣшенъ у него на умѣ. Тяжело ему съ женщиною, которую онъ погубилъ, оторвалъ отъ всего ея прошлаго, разлучилъ съ сыновьями, съ обществомъ, съ кругомъ родныхъ и близкихъ, которая принесла ему столько жертвъ!.. Онъ утомился этимъ зрѣлищемъ. Ему тяжело стало. Но я вѣдь не считала его власть бременемъ.

Нѣтъ, ему просто надоѣла однообразная жизнь въ глуши, въ деревнѣ, гдѣ онъ невидитъ людей. Но какъ же онъ бросилъ Вѣру? Онъ, именно, надняхъ говорилъ: «систематическое обученіе ея лишь теперь можетъ начаться, и я къ тому подготовилъ возможные матеріалы». Ничего не понимаю! Я знаю лишь одно, что я тутъ ни въ чемъ не виновата, а пострадать мнѣ придется больше, чѣмъ кому либо. И что это съ нимъ сдѣлалось? Жилъ онъ, кажется, богатымъ бариномъ, хотя онъ и не любитъ этого; такіе уже плебейскіе вкусы! а то могъ бы имѣть не только все, потребное для роскошной жизни, но и исполнять всевозможныя фантазіи. Денегъ много,—можно бы поѣхать пожить за границую, отдать Вѣру въ хорошій пансіонъ, въ Парижъ... Куда! это онъ все назвалъ бы развратомъ!... Вѣдь всѣмъ, кажется, распорядился, какъ своею собственностію, а деньги всѣ мнѣ отдавалъ,—зналъ, однако же, что мнѣ для него ничего не жаль. И съ чѣмъ только онъ поѣхалъ? У него никогда ни копѣйки не было: все раздавалъ... Вѣрно въ городѣ перехватить у кого нибудь. И въ дорогу ему, кажется, ничего не напекли, не зажарили: изъ чужаго дома и то такъ не отпустятъ. Господи! Господи!.. Теперь, если онъ и на Кавказъ поѣдетъ, то вѣдь на какое нибудь бездѣльное жалованіе; многого и не возьметъ; и поселится въ пустомъ углу; и, пожалуй, счастливъ будетъ: весело будетъ работать, напѣвать, да похвастывать. Не умѣетъ онъ жить въ барскихъ хоромахъ! жить съ людьми, которые его любятъ! Кто же его тамъ побережетъ, приголубитъ? здѣсь все ему въ глаза смотрѣло! Бѣдный мой! Милый мой! Нѣтъ его для меня милѣе! И горе то отъ него мнѣ дорого! плакала она, и, тоскуя, пошла въ его кабинетъ.

Въ неприбранной, по приказанію Вѣры, комнатѣ, пахнуло на нее пустотою и слѣдами недавняго отъѣзда... Въ спальнѣ Вѣры виднѣнъ былъ свѣтъ; она отворила дверь,—свѣча горѣла на комодѣ. Вѣра лежала нераздѣтая, съ широко открытыми глазами, на постели. Мать подошла къ ней, и почти испугалась ея лица. Она перекрестила ее. Вѣра не шелохнулась.

И началась для обихъ жизни почти невнятная: Вѣра не могла видѣть мать, какъ причину отъѣзда, который принесъ ей первое горе въ жизни, и какое горе! Она съ ожесточеніемъ стала избѣгать даже встрѣчи съ матерью. На другой день, принимаясь прибирать въ кабинетѣ оставленныя книги, которыя отецъ бралъ изъ бібліотеки, и поручилъ ей поставить на прежнее мѣсто, она связала ихъ, и пошла къ Клязмѣ, что бы уйдти поскорѣе изъ дома и пересмотрѣть книги, прежде чѣмъ ихъ положить въ шкафъ. Въ одной изъ книгъ лежала ленточка. Вѣра кинулась къ ней, и прочитала нѣсколько строкъ изъ «Précis de l'Ecclésiaste», Вольтера:

«En vain par vos travaux aspirer à la gloire:

Vous mourez, c'en est fait, tout souvenir s'éteint;

Vous n'êtes ni chéri, ni respecté, ni plaint:

La mort ensevelit jusqu'à votre mémoire.

Живо сбѣгала она за лексикономъ, принялась читать рифмованную мудрость, и, обливаясь слезами, съ отчаяніемъ повторяла:

«Tout est vanité! tout est vanité!»

Читала она, и читала эти горькія строки, я пришла наконецъ минута, когда она спросила себя, зачѣмъ же жить?.. Того голоса не стало, который отвѣчалъ бы ей на это, сказалъ бы ей смыслъ и цѣль жизни. Переживая одиноко трудный вопросъ, себѣ заданный, она думала долго, спросила наконецъ себя: зачѣмъ же *она* живетъ? и рѣшила, что зачѣмъ только, что бы трудиться для другихъ: вспомнила она о старушкѣ, на краю обрыва, о Рэчель и о другихъ *сказочкахъ*, отъ него слышанныхъ; вспомнила, что онъ ей завѣщалъ своихъ трудящихся и бѣдныхъ... Собрала она книги, снесла ихъ въ домъ, поставила въ особый уголокъ, который опростала въ библиотекѣ, и пошла на деревню—навѣстить, узнать, не нужно ли тамъ чего. Ее угостили молокомъ и ржанымъ хлѣбомъ, и она поѣла съ удовольствіемъ, вспомнивъ приэтомъ, что ее приходили звать обѣдать, но она не пошла. Солнце садилось; она возвращалась домой, грустная, но сравнительно спокойная.—*Она* отвѣчалъ, не слыхавши еще вопроса,—думала она; отвѣчалъ заранѣе—жить надо для того, что бы *все, что могу*, сдѣлать для ближняго. Что же я могу? накормить, сшить что нибудь, утѣшить... А мать? ее не утѣшишь. И меня тоже никто утѣшить не можетъ. Охъ! какъ тяжело мнѣ жить! вздохнула дѣвочка.

Елена бродила, какъ тѣнь: изъ дѣтской съ спущенными столами, гдѣ томилась Соня, прокрадывалась она въ кабинетъ, садилась въ кресло Павла Федоровича; ни слезъ, ни силъ у нея, казалось, не было; лишь неотвязчивая мысль жила въ ней, что она опять безъ *него*, и что такъ пройдетъ, можетъ быть, долгіе годы! Приходила она на балконъ, и, какъ будто, начинала прислушиваться: пѣсня ли его ей чудилась, которая еще такъ недавно оглашала здѣсь рошу, при стукѣ топора или заступа, которымъ онъ работалъ; или воспоминаніе о суровыхъ словахъ, высказанныхъ на этомъ мѣстѣ, еще не вымерло въ ней отъ страданія. Къ ея прежнему горю присоединялось теперь молчаливое горе блѣдной и похудѣвшей дѣвочки, которой—она сознавала—ничѣмъ не могла замѣнить отбывшаго.

Когда дѣвочка пришла къ вечеру въ домъ, она готова была сказать матери нѣсколько добрыхъ словъ, но ихъ не нашлось: что бы она ей сказала? самаго факта, ее поражающаго, мать измѣнить была не въ состояніи... Елена спросила у нея сухо—что она цѣлый день дѣлала?

— Читала, думала, на село ходила, отвѣчала дѣвочка.

Мать хотѣла минуты откровенности,—хотѣла знать, что *ду-*

мала дѣвочка, можетъ быть, съ доброю цѣлю сказать ей тоже чтонибудь утѣшительное. Но Вѣра не умѣла говорить съ нею; замкнувшись, она грустно молчала.

— Что же ты? спросила Елена. Ему, вѣдь, всѣ мысли разсказала бы.

— Да, просто отвѣчала она.

— Да! хороша дочка: это онъ мнѣ такую приготовилъ!..

— Не сердись, мама. Теперь... не могу говорить. Потомъ, когданибудь... начала Вѣра, сдерживая слезы, и подошла къ матери, приласкаться.

Но Елена, озлобленная, оттолкнула ее. Вѣра, въ испугѣ, отошла къ окну. Елена продолжала ходить; долго ходила она и кашляла; дѣвочка долго сидѣла у окна, утирая слезы. Наконецъ она подошла проститься съ матерью на ночь; мать, по привычкѣ, машинально ее перекрестила.

Которой изъ двухъ было тяжелѣе въ эту минуту?

Стоилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Федоровичъ такой любви и такого страданія со стороны ему близкихъ? Я его знала. Постараюсь, однако же, взглянуть на него безпристрастно; нѣсколько послѣдующихъ фактовъ дорисуютъ, можетъ быть, несый портретъ, который остался о немъ въ моей памяти.

Враговъ у него насчитывалось по крайней мѣрѣ столько же, сколько горячихъ его поклонниковъ. И тѣ и другіе толковали, разумѣется, о немъ различно. Друзья говорили, что онъ бралъ всегда за то лишь дѣло, на сторонѣ котораго былъ гуманнѣйшій принципъ и правда. На это возражали, что онъ лишь горячо берется за дѣло, и скоро остываетъ къ нему. Мы видѣли, однако же, пять лѣтъ его жизни, проведенныхъ въ систематической послѣдовательности, и каждая минута этихъ пяти лѣтъ была отдана имъ на исполненіе того, что онъ на себя взялъ. Можетъ быть нѣсколько утопично и уродливо, въ отношеніи къ нашему вѣку и строю общества, сложилось въ немъ понятіе о правдѣ и истинной честности: дѣйствовать по совѣсти, не смотря ни на что,—это все равно, что идти на проломъ. Это непрактично. Этого и не могли простить ему тѣ, которые по совѣсти не живутъ, т. е. огромное большинство. Но Вѣра, которой онъ, безъ всякаго страха, внушалъ такую непрактичность, видѣла на каждомъ шагу примѣненіе ея къ его жизни, и привыкла ее цѣнить въ высшей степени. Вѣра понимала мудреца и стойка, выпившаго цукуту за правду, которой служилъ, и Павелъ Федоровичъ, именно, такіа чтенія по преимуществу давалъ ей, и объяснялъ съ особенною любовію Прилагать теорію абсолютной правды къ жизни,—каждый согласится съ нами, что это даже неразумно: кто же въ благоустроенномъ обществѣ не учитъ дочь,—больше, правда, примѣромъ—обходить вопросъ, смалчивать при случаѣ, лавировать, т. е. плутовать?.. А Павелъ Федоровичъ такъ дѣлать не умѣлъ. Въ

слѣдствіе этого въ немъ, разумѣется, было и мало терпимости: рѣзокъ онъ бывалъ,—это многіе помнятъ. Помнить и одинъ губернаторъ, у котораго онъ былъ по дѣламъ Елены, и обошелся съ нимъ *невъжливо*, по выраженію этого губернатора. Вспылчивъ онъ былъ до крайности: вдругъ набѣгала у него складка между бровей, и складка эта была предвѣстницею бѣшеннаго порыва гнѣва! Но, въ теченіе пяти лѣтъ, складка эта набѣгала у него не разъ, а взрыва гнѣва мы не слышали: воспитывая дѣвочку, онъ постоянно наблюдалъ надъ собою, и, прежде всего, воспитывалъ самъ себя. Индифферентизма въ немъ не было ни на волосъ: любилъ онъ горячо, и отъ всего сердца ненавидѣлъ и презиралъ. Всему, всегда, онъ отдавался весь. Минуты унынія у него бывали страшны, тѣмъ болѣе, что бывали рѣдко; но онъ, вполне отдаваясь впечатлѣнію, почти заболѣвалъ отъ нихъ: «Ничего не сдѣлаешь въ жизни, а чувствуешь столько силъ!» думалъ онъ, и мысль эта надламывала его на нѣсколько дней, пока онъ, усиленнымъ трудомъ, не производилъ въ себѣ реакціи, не доходилъ, сравнительно, до спокойствія. Можетъ быть, былъ онъ слишкомъ крутъ съ лицами, надъ которыми хотѣлъ имѣть вліяніе, съ личностями, болѣе слабыми, чѣмъ онъ, по характеру, отсутствію убѣжденій или неразвитости; можетъ быть, при видѣ слезъ Елены, вы усомнились бы и въ теплотѣ его сердца и въ необходимости идти ей наперекоръ; но, взглядываясь въ его требованія, вы не могли не сознаться, что они всегда выражали борьбу съ рутинною, лишенною всякаго добраго начала, и въ такой борьбѣ онъ не жалѣлъ никого. Самая его наружность широкими чертами обрисовывала его природу: столько прямоты, добродушія, честности, энергіи, выражали смѣлыя линіи его лба, открытый взглядъ, рѣчь всегда прямая! Правильное, спокойное, повидимому, лице его, изобличало, однако же, живую подвижность его натуры: ощущенія проходили по немъ, смѣняясь рѣзко подъ вліяніемъ мысли. Когда онъ говорилъ о томъ, что любилъ, онъ говорилъ, одушевляясь; глаза его горѣли; тогда рѣчь его дѣйствовала магнитическимъ образомъ на слушателя. Труднѣе всего было устоять противъ его голоса: онъ до того былъ мягокъ и мелодиченъ, что почти безусловно побуждалъ того, кого ему хотѣлось убѣдить. Самое лице его говорило почти безъ словъ: леденившее васъ чувство неловкости умѣли произвести одинъ его взглядъ и слегка вздергивавшіяся губы; когда же онъ шелъ къ вамъ любя, лаская мысленно, какую силу цѣлности умѣла передать одна его улыбка!

Дѣвочка видала его наиболѣе въ тѣ минуты, когда онъ говорилъ «лаская мысленно»; съ нею онъ всегда говорилъ, *любя* ее; она, слѣдовательно, знала отца въ лучшія его минуты. Съ самымъ раннихъ лѣтъ, она стала жить ощущеніями его, и рано начала понимать, что онъ любитъ, чего хочетъ, что не противно его убѣжденіямъ. Съ его отъѣздомъ, она лишалась всего—

и руководящей ея мысли и предмета любви; все, что ее окружало, она уже не любила и не цѣнила. Создавъ себѣ теорію развитія женщины, Павелъ Ѳедоровичъ смѣло прилагалъ ее къ воспитанію любимаго дитяти; онъ слѣдилъ за дѣвочкою внимательно, неутомимо, тѣмъ болѣе, что видѣлъ въ ней задатки своихъ собственныхъ несовершенствъ и качествъ, которыя предположилъ разработать по широко задуманной системѣ.

Въ отъѣздѣ изъ Гороховки, мы имѣемъ право обвинить его: изъ нетерпимости къ капризамъ Елены, никогда не придавая никакой цѣны словамъ ея, убѣжденный въ томъ, что черезъ часъ она сказала бы иное, онъ не сумѣлъ стерпѣть обиды, вспылить, ухалъ сейчасъ же, откладывая на неопредѣленное время начатый имъ трудъ воспитанія. Но и въ этомъ отъѣздѣ онъ совершенно вѣренъ себѣ: самолюбію его приходилось страдать весьма рѣдко, и онъ не умѣлъ выносить ни справедливаго, ни несправедливаго укора.

Елена, не могла подняться до него, по легкости своей, цѣнила его, однако же, почти бессознательно, гордилась имъ, какъ человѣкомъ идеальнымъ. Упрекъ, впрывавшійся у нея въ послѣднее утро пребыванія его въ Гороховкѣ, высказанъ былъ ею впервые, но высказанъ былъ такъ желчно и съ такимъ выраженіемъ правдоподобія, что Павелъ Ѳедоровичъ счелъ себя здѣсь какъ бы лишнимъ. Она, однако же, столько же изъ воспоминанія и любви къ нему, сколько во избѣжаніе всякаго труда, и мысленнаго и фактическаго, предположила сохранить все, что было заведено Павломъ Ѳедоровичемъ по дѣлу управленія имѣніемъ, и возложила всю эту заботу на Николая, какъ на человѣка, который наиболѣе занимался «при баринѣ».

Мила, какъ и при немъ, исключительно ходила за младшими дѣтьми. Елена ее въ первое время инстинктивно избѣгала, зная нерасположеніе ея къ Павлу Ѳедоровичу.

Дѣвочка, почти безвыходно, жила въ своей комнатѣ, перечитывая его диктовки и книги, которыя онъ для нея выписалъ, и работая для бѣдныхъ на селѣ.

Соня поправилась.

Наступила осень. Отъ Павла Ѳедоровича не приходило ни къ кому ни строчки.

Елена слонялась по дому и саду безъ всякаго дѣла; даже французскіе томикъ и кружевные узоры перестали занимать ее. Она видимо похудѣла, и сильно кашляла. Что бы развлечься, она придумала поѣхать къ одной изъ сестеръ своихъ, къ княгинѣ У..., въ См. губернію. Княгиня, изъ всѣхъ ея родныхъ сестеръ, одна не прерывала сношеній—съ *погибшею* женщиною, и Еленѣ захотѣлось повидаться съ нею. Вѣру она брала съ собою. Ей снова принялись справлять гардеробъ по моднымъ журналамъ, и, на ея возраженія, мать сказала, что «у тетушки княгини иначе одѣтою быть нельзя.» Вѣра замолчала. Всѣ приказанія и распоряженія Елены были ей противны, и

повиноваться имъ, стоило Вѣрѣ невѣроятнаго усилія надъ собою. Волосы ея, отросшіе въ отсутствіе отца, снова закрутили въ папилютки. Надѣлали ей нарядныхъ платьевъ съ воланами и фестонами, и отправились въ дальній путь.

Елена сѣшила прѣхать; такъ и гнала; ѣхали онѣ день и ночь. У тетушки княгини Вѣра познакомилась съ двѣюродною сестрою, очень похожею лицомъ на Соню, и двоюродными братьями, съ странными, никогда неслыханными ею, именами: Эсперъ, Модестъ, Леонидъ и пр. Мальчиковъ было человекъ пять. Это были веселые, нарядные, беззаботные дѣти,—не то что она; они шумно и счастливо играли себѣ, подъ надзоромъ гувернантки, въ барабаны, куклы, самоварчики и пр. Изъ книгъ она нашла тамъ только классныя, которыя князьки не особенно любили. Диктовокъ, сдѣланныхъ отцомъ, тамъ конечно не было. Вѣрѣ здѣсь все было чуждо. Она и бѣгала, и гуляла по саду, съ братьями и сестрою, но думала просебя невеселую думу.

По возвращеніи отъ тетушки, Вѣра съ отрадою вернулась въ свою комнатку, и принялась за одинокія занятія; она много переводила, думая: *онъ пріѣдетъ, я ему покажу, онъ поправитъ...* Для отдыха, она бѣгала съ Соней по большой залѣ, и, въ длинныя вечера, мать позволила ей однажды играть съ Соней въ географическое лото, составленное отцомъ. Лото это было уже, сравнительно, радостію: Вѣра глотала слезы, доставая коробку изъ шкафа бібліотеки, и приготавливая на блюдечкѣ сушенныя лакомства, предназначавшіяся для Сони, въ случаѣ вынурша.

Во всѣхъ занятіяхъ Вѣры не было ни жизни, ни цѣли. Въ этой дѣтской жизни было уже прошлое, неразлучное съ ея мыслию, и стоявшее ей многого, глубокаго горя... Нося въ себѣ одну, преобладающую надъ всѣми, мысль, ребенокъ, не по годамъ, дѣлается сосредоточень и серіозень.

Дни, недѣли, мѣсяцы не шли, а тащились съ минуты отъѣзда Павла Ѳеодоровича.

Но вотъ, вскорѣ по пріѣздѣ отъ тетушки, въ одно воскресенье, въ морозный, ясный день, Николай возвратился изъ города, куда ѣздилъ за покупками. Вошелъ онъ во время завтрака, и подаль Еленѣ счетъ и нѣсколько бумагъ, а Вѣрѣ—письмо. По почерку, она узнала еще издали, отъ кого это письмо, и покраснѣла отъ радости. Когда Николай вышелъ, Елена хотѣла взять письмо, но Вѣра его удержала.

— Ну, читай въ слухъ! сказала Елена въ волненіи. Вспомнилъ наконецъ! хотя о ней... прибавила она просебя.

Вѣра стала читать. Павелъ Ѳеодоровичъ писалъ съ Кавказа; онъ рассказывалъ дѣвочкѣ о горахъ, которыя видѣлъ; объ ущельяхъ, куда могъ пробраться, лишь подъ прикрытіемъ нашихъ войскъ; о жизни въ станицѣ; о женщинахъ и костюмѣ ихъ; совѣтовалъ ей прочитать «Кавказскаго плѣнника», Пушкина;

общалъ *привезти* образцы мѣстной флоры; спѣть ей пѣсни, которыхъ наслушался, и записалъ для нея. Въ письмѣ этомъ онъ называлъ себя «Аннибаломъ въ Капуѣ;» но, въ концѣ письма, было положительное обѣщаніе «вырваться изъ Капуи», и пріѣхать скоро.

Вѣра ожила: въ тонѣ письма ей слышался живой тонъ его рассказовъ, въ то время, когда онъ жилъ въ комнатѣ, рядомъ съ нею, и возвращеніе его къ ней почудилось Вѣрѣ счастьемъ, выше котораго она себѣ ничего не могла представить.

— Что такое Аннибалъ и Капуа? спросила она у матери.

— Не помню, отвѣчала она. Поищи въ исторіи.

Общую радость, доставленную этимъ письмомъ, выразить трудно: День этотъ былъ для всѣхъ праздникомъ.

Долго рывшись въ книгахъ, дѣвочка заключила, что роскошь природы и края удерживаютъ тамъ Павла Ѳеодоровича.

Елена, взволнованная и обрадованная, принялась ждать: настроили забытый рояль; принесли изъ теплицы его любимыя растенія, геліотропы и жасмины. Прошелъ мѣсяцъ со времени полученія отъ него письма, а онъ не ѣхалъ.

Елена ждала. На щекахъ ея выступили два красныя пятна, и глаза стали горѣть огнемъ, непредвѣщавшимъ ничего добраго. Она къ тому же простудилась во время поѣздки къ сестрѣ, и сильно кашляла всю зиму.

Прошла зима; ручьи побѣжали съ горъ; работы начались на поляхъ и въ саду; ледъ прошелъ по Клязьмѣ, а его все ждали, ждали!..

Прошелъ годъ съ тѣхъ поръ, какъ «будто душа выбыла отсюда,» думала Елена; наступило знойное лѣто; Клязьма уже и обмелѣла... Что же это такое? «Господи! Господи! услыши, и помилуй!» слышала дѣвочка изъ моленной голосъ матери, слабѣвшій съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе.

При видѣ такой тоски, невыразимое сожалѣніе закрадывалось въ сердце дѣвочки. Она почти простила Еленѣ отъѣздъ отца, понимая, какъ она сама отъ этого страдаетъ.

Въ одинъ вечеръ, Вѣра вслушалась въ разговоръ Милки съ лакеемъ, пріѣзжавшимъ переговорить о какомъ то дѣлѣ съ Николаемъ. Милка угощала его чаемъ въ пристройкѣ, и онъ разсказывалъ, что пріѣхалъ съ господами своими съ Кавказа, гдѣ они, на водахъ, нерѣдко видали Павла Ѳеодоровича. Съ его именемъ упоминалось имя незнакомой женщины...

— Вишь, прости Господи! прошигѣла Милка, а наша то по немъ уже кровію кашляетъ!

— Всю ночь, какъ есть, поютъ, продолжалъ лакей. Она пуще привязалась: онъ, тутъ, по дѣлу уѣхалъ неподалеку, а она за нимъ...

Сжавъ зубы, что бы не закричать, дѣвочка поняла, конечно, только то, что эта женщина его не пускаетъ, тогда какъ Елена ждетъ его съ такою тоскою и слезами. Затаивъ свое горе отъ

всѣхъ, дѣвочка почти перестала ждать отца. Въ какомъ то холдномъ, безсильномъ отчаяніи, она опускала руки и безнадежно глядѣла въ даль.

Въ домѣ, между тѣмъ, все его ждало, ждало!...

Къ осени, Елена исхудала сильно; кашель ея увеличился. Ей вдругъ пришло на мысль, что она *слажаетъ*, и она, наскоро, принялась устроить дѣла свои по плану, вдругъ возникшему: родовое имѣніе свое продала за безцѣнокъ, большею частію на вексели, купила другое въ сосѣднемъ уѣздѣ, сдѣлала завѣщаніе на имя Павла Ѳедоровича, съ лихорадочною поспѣшностію писала бумаги, отдѣлявала домъ въ новой усадьбѣ, ѣздила безпрестанно въ городъ. Вѣра непремѣнно ѣздила съ нею, ухаживая и оберегая мать. Переселились, наконецъ, въ новый домъ; перенесла туда Елена и кабинетъ Павла Ѳедоровича, въ такомъ видѣ, такъ онъ былъ у него въ Гороховѣ: съ одной стороны помѣстила, какъ было, комнату дочери, съ другой — устроила для него маленькую гостиную изъ малиновой мебели, которую онъ отвергъ въ Гороховѣ для своего кабинета. Всѣ эти заботы поддерживали ее въ лихорадочномъ и адостномъ волненіи: она все спѣшила, боясь, что вотъ, вотъ онъ пріѣдетъ, а у нея не кончено! Устроивши, наконецъ, все такъ, какъ ей хотѣлось, она написала къ нему о состояніи своего здоровья, о настоящихъ своихъ распоряженіяхъ и о положеніи дѣлъ, и просила его поторопиться пріѣхать.

Отправивъ это письмо, она сравнительно успокоилась, т. е. стала положительно и еще мучительнѣе ждать его: день сидѣла она у окна, изъ котораго видна была плотина, на дорогѣ изъ села къ дому, а по ночамъ все ходила и кашляла. Къ рождеству, она мало сходила уже съ длиннаго кресла, и его перенесли совсѣмъ къ окну, изъ котораго видна была плотина.

На этомъ самомъ мѣстѣ, откуда Елена день и ночь смотрѣла въ даль, Милка имѣла духъ сообщить ей, что ей нечего смотреть и ждать, что съ Кавказа пришли вотъ какія вѣсти... и вотъ почему Павелъ Ѳедоровичъ не ѣдетъ...

Въ такихъ обстоятельствахъ высказалась вся теплота сердца Вѣры: полная негодованія, забывая о тоскѣ, которая, вотъ уже полтора года, томить ее невыразимо, она рѣзко отстранила Милку отъ Елены, и вся отдалась матери. Цѣлый день она, сидя на скамейкѣ у ея ногъ, или читала ей, или давала лекарство, или разговаривала, сидя съ работою, и тревожно всматривалась въ это мрачно блѣлое лицо, на которомъ читала ясно страданіе, и ею испытываемое.

Въ это же время заболѣлъ маленькій братъ, Саша, и Вѣра стала дѣлать свои заботы между матерью, которая не могла уже дойти до дѣтской, и больнымъ мальчикомъ, требовавшимъ внимательнаго и тщательнаго исполненія предписаній доктора, и Сонею, которую нужно было и занять и повеселить.

— Пріѣдетъ... и не застанетъ ее..., думала дѣвочка, смѣняя

окровавленные платки Елены. Что же? написать мнѣ къ нему, что ли?

И не рѣшалась Вѣра, вспоминая то, о чемъ слышала съ Кавказа... Между тѣмъ, при видѣ этого молчаливаго страданія, у нея разрывалось сердце.

Забывая себя, она отдавала все время, посвящала всѣ свои душевныя ласки и попеченія тѣмъ, которые въ нихъ такъ нуждались.

— Рэчель... Что дѣлала бы на моемъ мѣстѣ Рэчель?... думала она, глотая слезы.

Въ новый годъ, наконецъ, на плотинѣ показались сани... Вѣра! Елена! дождалась же вы Павла Ѳедоровича? Когда онъ вошелъ, Елена его не видала, и дѣвочка не выбѣжала встрѣтить: мать откинулась на спинку кресла, и лежала безъ чувствъ; дѣвочка бросилась тереть ей одколономъ виски. У нея у самой духъ захватывало, и руки дрожали. Руки эти продолжали, однако же, свое дѣло, между тѣмъ какъ глаза, съ такою любовью, съ такою улыбкою, устремились на входившаго!... Какъ Павелъ Ѳедоровичъ вошелъ, то однимъ взглядомъ окинулъ всю сцену, ласково кивнулъ головою Вѣрѣ, поспѣшно подошелъ къ креслу, прижалъ къ груди, поцѣловалъ тихо смущенное личико дочери, и началъ самъ приводить Елену въ чувство. Вѣра до сихъ поръ это помнить; но всю безмолвную, глубокую радость, постигнувшую ее въ эту минуту, не передать словами.

Павелъ Ѳедоровичъ былъ чрезвычайно изумленъ и огорченъ переменною, какую нашелъ въ Еленѣ. Онъ сталъ къ ней такъ ласковъ, какъ Вѣра его никогда еще съ нею не видала. Дѣвочка была постоянно при нихъ. Онъ, урывками и наединѣ, ласкалъ Вѣру тоже какъ то неестественно нѣжно: онъ никогда не имѣлъ привычки выражать любовь поцѣлуями. Теперь же онъ, какъ то судорожно, прижималъ дѣвочку, и цѣловалъ ее, когда уходилъ отъ спавшей Елены, и Вѣра бѣжала за нимъ; даже однажды въ кабинетѣ на его длинные усы скатилась слеза, слеза раскаянія; можетъ быть!

— Тебѣ жаль ее? И мнѣ жаль! зарыдала дѣвочка.

— Т-съ... сказалъ онъ, поспѣшно утирая слезы. Сонъ такъ чутокъ въ этой болѣзни! Ты ходила за нею, успокоивала? *все, что могла*, сдѣлала? спрашивалъ онъ.

— Кажется.. отвѣчалъ ребенокъ!

О дѣлахъ имѣнія и помина не было. Елена, казалось, и забыла, что Павелъ Ѳедоровичъ пріѣхалъ въ новое для него мѣсто, которое такъ спѣшила убрать до его прибытія. О книгахъ и занятіяхъ Вѣры также не было и рѣчи: Павелъ Ѳедоровичъ весь отдался Еленѣ.

Черезъ недѣлю послѣ его пріѣзда, маленькій Саша умеръ. Еленѣ не сказали объ этомъ; но она догадалась, увидѣвъ заплаканное личико Сони. Спокойно велѣла она принести къ се-

бѣ умершаго мальчика, спокойно перекрестила его, и поцѣловала.

Было морозное, солнечное утро. Сѣдый кучеръ, скрипя полозьями возка, подъѣзжаетъ на воронныхъ къ заднему крыльцу; выходитъ Милка, съ нею старушка Марья, жена садовника; тихо ступая, говоря шепотомъ, выносятъ гробикъ, ставятъ его на колѣна женщинъ, въ карету; ворота отворились; Вася вскочилъ на запятки, Григорій на козлы, и поѣздъ тронулся... Дворецкій и всѣ, хлопотавшіе около возка, перекрестились ему вслѣдъ... Толпа дворовыхъ пошла за нимъ до церкви... Въ окнѣ залы мелькнула голова Павла Ѳедоровича; у окна дѣтской плакала Соня. Вѣра выбѣжала на крыльце, проводить брата.

Все утро, пока Милка «снаряжалась», пока убирали гробикъ, Вѣра слушала, что ворчала кормилица: изъ этого ворчанія она узнала, что по умершемъ служатъ молитвы, призываютъ священника, а нашего младенца, говорила Милка, какъ щенка, безъ креста и молитвы, вышхиваютъ изъ роднаго дома. Вѣра, сознавая, что это правда, чувствовала какъ бы обиду за маленькаго Сашу, и спрашивала себя:—зачѣмъ это отецъ такъ дѣлаетъ?

— Онъ и остальныхъ, какъ котятъ какихъ, пораспихаетъ... продолжала Мила. Господи! хотя похоронить бы ихъ обѣихъ: глаза мои не видали бы!... Вотъ дай срокъ: не станетъ нашего свѣтъ въ оконцѣ... Онъ намъ еще себя покажетъ! Отецъ небесный! помилуй ты ихъ, сиротъ горькихъ!...

Слушая это, Вѣра сознавала, что Милка говоритъ изъ ненависти къ отцу, а между тѣмъ безотчетная тоска овладѣвала ею: все это могло быть, что каркала злобная Милка,—мама умереть, онъ опять уѣдетъ, кула же она дѣнется съ маленькою Сонею?...

Прижавшись у стола, на которомъ стоялъ гробикъ, она бессознательно обхватила Соню, не могла оторваться отъ всего, что слушала, и мысли, одна другой тревожнѣе, смѣнялись у нея на умѣ... Въ самомъ дѣлѣ, лучше бы умереть, думала она. А онъ горевать бы сталъ... Ну, что же? погоревалъ бы! да! мы съ мамою долго горевали!...

Гробикъ понесли. Вѣра усадила сестру у окна, а сама, накинувъ шубку, выбѣжала:

— Милка, я съ тобою поѣду! крикнула она. Но въ эту минуту лошади уже тронули, и дѣвочка, въ слезахъ, осталась на обмерзломъ порогѣ, смотря въ даль, на дорогу, по которой ѣхалъ возокъ, на деревья, обросшія инеемъ, и простояла долго, забывая время, все думая о словахъ Милки. Ей вдругъ послышался голосъ отца: онъ звалъ ее. Ей не хотѣлось откланяться. Онъ вышелъ изъ дѣвичьей въ сѣни; она слышала, какъ онъ спрашивалъ у горничныхъ:

— Развѣ Вѣра поѣхала съ кормилицею?

Ему отвѣчали, что нѣтъ.

Онъ вышелъ на крыльце, и увидѣлъ дѣвочку за дверію; ло-

це ея посинѣло и зубы стучали отъ холода; онъ, молча, поднялъ ее, какъ малютку, на руки, и понесъ въ комнату, торопливою, легкой походкою; положилъ онъ ее на диванъ въ малиновой своей гостиной, накрылъ шалью, сверху еще шубкою, и принесъ рюмку вина. Сердце ея въ ту минуту было далеко отъ него: она съ недовѣріемъ посмотрѣла ему въ лице и отвернулась.

— Вѣра? спросилъ онъ, удивленный.

— На что я тебѣ? оставь меня, говорила она. Мама умираетъ, ты опять уѣдешь на Кавказъ, а мы съ Соней останемся одни, въ этомъ огромномъ домѣ!...

Слезы душили ее.

Онъ взялъ въ свою руку обѣ ея маленькія руки, и сталъ цѣловать ихъ.

— Кто это тебѣ навралъ, что я все такъ и едѣлаю, какъ ты говоришь? спросилъ онъ. Какъ же я это брошу моихъ малютокъ, безъ призрѣнія? успокойся, миленькая ты моя: мы не разстанемся.

— Мы всегда, всегда будемъ вмѣстѣ? вскрикнула она, обрадованная.

— Т-съ... сказалъ онъ, указывая на растворенную спальню, двери которой выходили въ большую гостиную, смежную съ этою малиновою комнаткою. И тихо пошелъ онъ къ Еленѣ. Вѣра заснула счастливымъ сномъ дитяти, повѣрившаго тому, кому привыкло вѣрить.

Медленно пло время. Все въ домѣ говорило шепотомъ; никакой суеты не было; всѣ молча ходили, дѣлая свое дѣло. Павелъ Ѳедоровичъ и Вѣра почти безвыходно были въ спальнѣ. Онъ заботливо, спокойно, отложивъ всякое дѣло, занималъ и развлекалъ больную. Елена была очень весела, слушала, и улыбалась, хотя сама уже говорила мало. Лице ея цвѣло такою красотою, какъ въ лучшіе дни ея счастливой жизни. Дѣвочки не вѣрили, что она должна скоро потерять ее. Она не разъ спрашивала у отца:

— Развѣ нѣтъ никакой возможности ее спасти?

— Лишь только потеплѣетъ, надо будетъ попробовать повезти ее въ болѣе теплый климатъ. Но врядъ ли она перенесетъ болѣзнь еще съ мѣсяцъ. Она протянула бы еще, можетъ быть, если бы... если бы такъ не огорчалась... не тосковала бы, какъ ты видѣла, говорилъ онъ съ уныніемъ.

Кромѣ уѣздаго доктора, пріѣзжалъ часто и другой, изъ гурьберскаго города, верстъ за шестьдесятъ.

Елена знала, конечно, о своей болѣзни, и, между тѣмъ, все собиралась ѣхать по веснѣ съ Павломъ Ѳедоровичемъ въ Италію, «поправляться и выздоравливать окончательно». Онъ собирався съ нею также, не желая ее разувѣрять.

— Расскажи про Италію, просила она: мы опять тамъ побываемъ съ тобою вмѣстѣ.

Онъ принимался рассказывать. Долгіе часы проходили. и

Елена и дѣвочка слушали его. Говорилъ онъ объ Альпахъ, сияющихъ на солнцѣ серебристыми зубцами льдовъ. У подножія ихъ виноградники; бѣлыя и розовыя гирлянды лавровыхъ и миндальныхъ деревъ цѣпляются за темнозеленыя вѣтви кипарисовъ. Въ Венеціи гондолы скользятъ по широкимъ лагунамъ; въ теплыя, тихія ночи воздухъ проникнуть ароматомъ; луна, мягкимъ свѣтомъ, обливааетъ окрестность.

Вѣра, слушая его, переносилась въ неизвѣстный ей до сихъ поръ міръ: онъ явно говорилъ лишь для Елены, описывалъ лишь то, что ей могло понравиться; дѣлался поэтомъ, рисовалъ ей дикіе виды Кавказа, читалъ встрѣчу Коринны съ Освальдомъ, подъ портиками Колизея; избѣгалъ и намека о томъ, что трудъ и борьба создали себѣ въ иной странѣ жизнь новую, гораздо болѣе подходящую къ его суровому идеалу; водилъ онъ ее, мысленно, по великолѣпнымъ развалинамъ, поросшимъ плющомъ и бріонією; переносился въ воображеніи, и мечталъ съ нею, какъ юноша, на мягкой зыби Архипелага, Неаполитанскаго залива... пѣлъ пѣсни любви изъ Россини и Мейербера...

Она улыбалась, была счастлива... Все прошлое было ею забыто: послѣдніе дни были такъ ясны! Силы ея упадали незамѣтно; но докторъ оставался ночевать все чаще и чаще: ночи были трудныя. Все воздуха просила она: воздуха для нея мало было въ большой комнатѣ. Докторы не давали ей уже никакихъ лекарствъ, кромѣ легкаго сиропа.

Вѣра не знала, до какой степени близка послѣдняя минута, но, смотря на отца, чувствовала, что она идетъ: когда мать засыпала, онъ выходилъ изъ спальни, и Вѣра видѣла, какая въ немъ мгновенно происходила перемѣна, — исчезалъ веселый видъ, который онъ принималъ при входѣ къ больной, и, какъ будто, туча черная набѣгала на его лице. Вѣра смотрѣла ему прямо въ глаза: она привыкла понимать ихъ смыслъ и быстрые переходы мысли, и ей становилось страшно... Она все смотрѣла въ нихъ, не могла оторваться, и ей все страшнѣе становилось!... Павелъ Федоровичъ сидѣлъ, какъ убитый, до тѣхъ поръ, пока не раздавался звонокъ у Елены.

Въ одинъ вечеръ, наконецъ, Павелъ Федоровичъ говорилъ обычнымъ своимъ мягкимъ голосомъ; Елена начала переспрашивать все, имъ сказанное; онъ повторялъ громче; но она съ трудомъ слышала; наконецъ, голосъ его перешелъ въ усиленный басъ, который слушающимъ раздиралъ сердце, а она безпрестанно заставляла его говорить громче, и онъ говорилъ все болѣе и болѣе напряженнымъ голосомъ, но сохраняя необыкновенно спокойный видъ, что бы не дать ей замѣтить, что она уже плохо слышитъ. Она все смотрѣла на него: вся ея любовь, всѣ ея жизненныя силы, казалось, переходили въ эти глаза, которые безсознательно съ нимъ разставались, и не могли насмотрѣться. Ночь и Павелъ Федоровичъ и докторъ провели подлѣ нея, не ложась. Къ утру, она немного успокоилась и заснула. Па-

вель Ѳедоровичъ, блѣдный и усталый, лишь только вышелъ подышать воздухомъ, какъ она поскорѣе, поскорѣе велѣла его позвать: она проснулась съ сознаниемъ своего положенія, и спѣшила сказать ему все, чего еще не договорила. Торопясь, просила она его отпереть большую шкатулку, передала ему вексели, бумаги, на которыя онъ бѣгло взглянулъ, и заперъ; ключъ она отдала ему:

— Все это твое, сказала она.

Потомъ, со слезами, стала просить не оставлять дѣтей, въ особенности Союю.

Наконецъ, принялась она благодарить его: всѣ лучшія минуты, которыя онъ ей далъ, начиная съ того времени, когда, въ бреду горячки, лежалъ въ гостиницѣ уѣзднаго городка, до самаго послѣдняго этого дня, прошли въ ея памяти.. Она прощалась съ нимъ, прощалась съ отчаяніемъ: ей жить хотѣлось.. Задыхаясь, она говорила, плакала, кашляла.. Начала бредить: ей грезились портики Колизея, присы и лавры Греціи, слышалась пѣсня нашей иволги.. Павелъ Ѳедоровичъ, измученный донельзя, почти убаюкалъ ее, какъ ребенка: она заснула минутъ на пять.

Проснувшись, она велѣла Вѣрѣ приготовить себѣ бѣлье, новый вышитый капоть. Горничная внесла его, утирая слезы.

— Paul, сказала больная, указывая на Машу, всѣхъ дворовыхъ, выключенныхъ изъ Гороховки, отпусти на волю.. награди.. пусть за меня Бога помолятъ! Ты, милый, радъ за нихъ?... Милку не отпускай: для дома нужна.. Ну, теперь, священника! сказала она живо.

Около трехъ часовъ пополудни, въ дверяхъ спальни и въ сосѣднихъ комнатахъ, собрались толпы слугъ, желавшихъ увидѣть или услышать еще разъ Елену; докторъ стоялъ въ изголовьѣ длиннаго кресла, на которомъ она умирала; обѣ дѣвочки припали на ковръ, по обѣимъ сторонамъ этого кресла. Павелъ Ѳедоровичъ, лицомъ къ Еленѣ, читалъ, по ея просьбѣ, отходныя молитвы. Лице его было сурово; глаза горѣли въ глубокихъ впадинахъ. Она смотрѣла на него.. Но зрѣніе ея уже меркло.

Зажгли свѣчки.

— Темно, сказала она.

— Paul... продолжала она, отыскивая его рукою.

Онъ придвинулся; придвинулъ къ ней и дѣвочекъ.

— Какое бы горе ни было..., сказала она, помните... «Отче нашъ!...»

И перекрестила ихъ всѣхъ трехъ.

Тишина въ комнатѣ была ужасная, именно ужасная: Вѣра помнитъ холодъ этого ужаса; ни шороха, ни дыханія не было слышно.. лишь хриплый шепотъ Елены явственно долеталъ до напряженнаго слуха.

— Гдѣ ты? не вижу.. Paul, поправь, сказала она, шевельнувъ головою.

*

Онъ нагнулся надъ нею, и приподнялъ подушку, вмѣстѣ съ головою...

— Прощай, дорогой мой!... шепнула она ему послѣднее свое слово.

Онъ припалъ къ ея губамъ; смыкавшіяся вѣки ея тогда еще разъ широко раскрылись, и, въ послѣдній разъ, она на него взглянула. Потомъ послышался легкій вздохъ; дрожь пробѣжала по тѣлу... Мертвую тишину этой комнаты вдругъ огласилъ въ эту минуту мѣрный, медленный звукъ колокола на сосѣдней церкви. Было четыре. Павелъ Федоровичъ приложилъ руку къ ея сердцу, и—выпрямился: оно перестало биться.

— Кончено! сказалъ онъ, и вышелъ изъ спальни.

Къ звону колокола присоединился плачъ въ домѣ: толпа стѣснилась около нея, цѣлуя уже холодѣвшія руки... Вѣра схватила Соню, лежавшую совсѣмъ на полу, и побѣжала съ нею въ дѣтскую. Въ первую минуту она, въ какомъ то недоумѣніи, смотрѣла на Соню. Соня громко кричала: «мама!» Дѣвочка прижала ее къ себѣ, крѣпко прижала личико ея къ своей груди; крики Сони продолжались.

Отецъ искалъ ихъ.

Онъ взялъ ихъ обѣихъ къ себѣ на колѣна, обнялъ, облилъ слезами. Дѣвочка никогда не видала его огорченнымъ, какъ въ эту минуту, и едва вѣрила глазамъ: горе его казалось безмѣрнымъ, а онъ любилъ Елену, казалось, такъ мало.

Къ вечеру Елена лежала на столѣ, окруженномъ свѣчами... Молитвы, ладанъ, слезы... около Милки, суетившейся и безпрестанно клавшей земные поклоны во всѣхъ комнатахъ, толпа какихъ то женщинъ, въ черныхъ шубейкахъ и бѣлыхъ повязкахъ, какихъ Вѣра никогда до сихъ поръ не видала... какой то шепотъ, въ родѣ колдовства по корридору... чашечки съ водою, разставляемыя по угламъ... все это приводило дѣвочку въ ненормально нервное состояніе, и она все какъ будто боялась съ чѣмъ то встрѣтиться. Что эта за вечеръ былъ! и какъ много можетъ пережить въ нѣсколько часовъ дитя при такой обстановкѣ смерти! Вѣра, разъ пять, въ теченіе вечера, увидила Соню отъ Милки въ кабинетъ отца, гдѣ ребенокъ, наплакавшись и не дождавшись чая, заснулъ наконецъ подъ шалію, которою Вѣра ее прикрыла. Отецъ, послѣ панихиды, весь вечеръ просидѣлъ молча въ углу кабинета, полутемнаго отъ абажура надъ лампою, и недоступнаго никому.

Поздно ночью, всѣ наконецъ разошлись; Елена осталась одна въ залѣ, и медленный, мѣрный голосъ сталъ что то глухо читать подлѣ нея, какъ будто она его слушала. Павелъ Федоровичъ, съ глубокимъ вздохомъ, вышелъ изъ своей задумчивости, посмотрѣлъ на часы, и посовѣтовалъ дѣвочкѣ поскорѣе ложиться спать. Онъ выпилъ рюмку вина, далъ выпить дѣвочкѣ, и снесъ Соню въ дѣтскую.

Вѣра легла; но, возбужденная ощущеніями пережитаго дня,

она не могла заснуть уже и потому, что прислушивалась къ чтенію въ залѣ, а двери залы приходились, чрезъ корридоръ, прямо противъ ея дверей. Звукъ этого чтенія доходилъ ясно до Вѣры, и она не могла ему не дивиться. Все заснуло въ домѣ; но въ залѣ все еще продолжалось мѣрное, протяжное чтеніе, и наводило на нее безотчетный ужасъ. Она не смѣла шевельнуться; холодный потъ обливалъ ее.

— Неужели это всю ночь такъ будетъ? подумала она.

И, съ храбростію отчаянія, однимъ прыжкомъ вскочивъ съ постели, бросилась къ отцу.

— Что такое? спросилъ онъ, удивленный.

— Я никакъ не могу заснуть. Загни свѣчку. Мнѣ страшно..

— Чего? Иди сюда.

Онъ надѣлъ халатъ, зажегъ свѣчу, и прикатилъ кушетку къ дивану, на которомъ спалъ. Укрывая на ней дѣвочку шалію, онъ спросилъ:

— Ты вся холодная: что съ тобою?

— Страшно мнѣ; я и сама не знаю отчего. Все говорили такое необыкновенное: душа мамы, говорятъ, летаетъ въ домѣ, горитъ и томится; ей поставили пить во всѣхъ углахъ; и мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, почудилось, что она, летая, бьется объ углы комнаты, какъ птичка..

— Отчего же она здѣсь объ углы не бьется? Какой ты вздоръ говоришь, Вѣра!

— Сорокъ дней, говорятъ, будетъ летать, продолжала дѣвочка, вся дрожа. Потому и поминають, потому и должны горѣть сорокъ дней неугасимыя лампы.. Просвирня говорить..

— Просвирнѣ какъ не знать? ты еще послушала бы: она тебѣ какихъ какихъ страховъ не насажала бы! Несчастные люди!.. Подумай сама о томъ, что она рассказываетъ: знаютъ ли объ этомъ что нибудь положительное? Кто это видѣлъ? А вѣрно лишь только то, что мы можемъ провѣрить. И что же такое бьется? Душа не есть нѣчто отдѣльное въ нашемъ организмѣ. Это то живенное начало, та жизненная сила, которая прекратилась въ тѣлѣ матери. Она еще съ нами, но не сдѣлаетъ ни движенія, не скажетъ ни слова: дѣятельность мысли прекратилась. И поминать умершаго *лампадою*—безсмыслица! Можетъ ли это быть достойнымъ кого либо поминовеніемъ? Если кто чтить ее память, тотъ можетъ всю жизнь поминать ее добрымъ словомъ.

— Она была добрая и нѣжная натура, продолжалъ онъ, послѣ долгаго молчанія, но до такой степени загубленная, что я ровно ничего не могъ для нея сдѣлать. Вначалѣ, когда мы сюда пріѣхали, я пытался, и она пыталась: ради меня, она начала было читать книги посерьознѣе, старалась усвоить себѣ нѣкоторыя понятія, которыя ей были положительно новы; но всякій умственный трудъ былъ для нея такъ тяжелъ, что она чуть не заболѣла. Привычка къ легкимъ чтеніямъ такъ въ ней

укоренилась, что она, бравши книгу, надъ которою надо было думать, чувствовала уже себя неспособною къ труду мысли: у нея начинало бить въ виски, и дѣлалась сильнѣйшая боль въ головѣ. Я пробовалъ разсказывать, излагать простымъ языкомъ, мысль сочиненія: онасоглашалась, что все это дѣльно и хорошо, но все это ее утомляло. И какъ она ни любила меня—развиться, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, ей было уже физически трудно. Она дѣлала, ради меня, много уже тѣмъ самымъ, что молчала. И мы, живя вмѣстѣ, жили, какъ ты видѣла, совершенно врознь. Я и старался быть терпимымъ, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, постоянно упрекалъ себя въ томъ. Но мнѣ положительно только такъ и можно было держать себя съ нею, какъ я это дѣлалъ; иначе ничто не удавалось: ея нервность, изнѣженность, страстная привязанность ко мнѣ, всегда мнѣ во всемъ мѣшали, въ отношеніи ея самой.

Дѣвочка слушала его со вниманіемъ: онъ въ первый разъ говорилъ съ нею о Еленѣ (съ тою цѣлю, вѣроятно, что бы охладить нѣсколько анализомъ впечатлѣніе грусти, которому невольно поддавался), и Вѣра живо помнить даже отгѣнки его голоса при этомъ разговорѣ: онъ началъ сурово и грустно. При послѣднихъ словахъ голосъ его сталъ мягче, но еще грустиѣе.

— Ненормальное положеніе, въ которое себя поставишь, дастъ и результаты, разумѣется, плохіе, продолжалъ онъ: я всегда чувствовалъ себя какъ будто виноватымъ предъ нею; я не въ состояніи былъ ничѣмъ воздать ей за жертвы, какія она мнѣ приносила; такой себя убивающей, какъ въ ней, любви у меня не было. И мнѣ было очень тяжело здѣсь жить. Доказательствомъ служитъ то, что я, уѣхавши отсюда, почти и забылъ о ней, или когда вспоминалъ, то какъ о чемъ то непріятномъ. А она хворала здѣсь, и, до послѣдней минуты, думала, заботилась обо мнѣ. Я сюда и не вернулся бы, если бы не сдѣлалъ ошибки, не настоялъ на своемъ намѣреніи увезти тебя съ собою. Но тогда она осталась бы уже совсѣмъ одна. Послѣднее письмо ея заставило меня долго думать, и надуматься, что взаимныя отношенія *одному* нельзя же развязывать, и ѣхалъ я сюда, не остановившись собственно ни на чемъ. Я никакъ не предполагалъ, что поспѣю почти лишь къ похоронамъ!.. Изъ письма ея я видѣлъ, что она больна, но заключилъ, что она и на свою болѣзнь, какъ и на многое, смотрѣла съ преувеличенной точки зрѣнія. Всю эту исторію мнѣ очень тяжело перенести!..

Дѣвочка слушала его съ большимъ участіемъ; ей было жаль матери; но изъ его словъ какъ то выходило, что есть люди, которымъ лучше не жить; сами они мучатся горемъ, которому пособить нечѣмъ, и это горе даетъ, между тѣмъ, дѣйствительное страданіе тому, кто его невольно причиняетъ. Она думала о матери съ сокрушеніемъ: живо представилась ей бѣлая, исху-

давшая женщина, въ длинномъ креслѣ, прикрытая шалію; съ унылыми глазами, съ губами, на которыхъ запеклась кровь... И ему было жаль Елены; дѣвочка это видѣла: съ его пріѣзда, она ни разу не замѣчала прежняго суроваго взгляда, какимъ онъ, бывало, смотрѣла на ея кружевные узоры. И теперь его грусть, до сердца ее трогающая, выражалась, и въ тонѣ голоса, и въ словахъ, которыми онъ обвинялъ себя; и въ ту, памятную ей, длинную, тяжелую ночь грусть эта долго высказывалась дѣвочкѣ, какъ бы съ отрадою изливаясь изъ сердца. И она приняла ее всѣмъ сердцемъ.

— Ты говоришь точно съ другомъ, сказала она.

— Такъ оно и есть: для меня нѣтъ дѣтей, отвѣчалъ онъ. Если человѣкъ мнѣ преданъ, но мало понимаетъ меня, то это потому, что онъ еще маленькій, какъ ты, человѣкъ, но онъ созданіе мнѣ преданное, и, несмотря на то, что маленькое—можетъ меня понимать, если я объясню ему свои недостатки и ошибки, которыя въ слѣдствіе этого могъ сдѣлать. Тутъ, стало быть, вопросъ въ томъ: желаю ли я объяснить свое положеніе маленькому человѣчку? Какъ видишь, я желаю. Въ *твоёмъ* пониманіи я не сомнѣваюсь. Спасибо Еленѣ зато, что она, хотя противъ убѣжденія, не мѣшала мнѣ въ отношеніи къ тебѣ. Ты увидишь современемъ; словъ и дѣлъ моихъ ты во всю жизнь не забудешь; жаль растрчивать на пустяки первыя и самыя сильныя впечатлѣнія дѣтства, а потому я и отдалидъ отъ тебя соръ, которымъ обыкновенно загромождаютъ дѣтскія. Теперь ты будешь у насъ въ домѣ хозяйкою; по возможности, замѣни для Сони мать, если чувствуешь, что можешь за это взяться. Распоряжайся самостоятельно всѣмъ, съ умомъ и соображеніемъ. Если захочешь со мною посовѣтоваться, я тебѣ всегда помогу.

— Если бы у Рэчель умерла мать, она тоже стала бы хозяйничать, сказала Вѣра.

— Разумѣется. Для нея это было бы совсѣмъ не трудно, а тебѣ придется поучиться. Ну, да эт. дѣло наживное, выучишься. А теперь ступай, усни. Пора. Береги здоровіе, это капиталъ хорошій. Старайся не плакать на панихидахъ. Надо поскорѣ выйдти изъ болѣзненнаго ненормальнаго настроенія, въ которомъ мы находимся уже почти мѣсяць. Ты теперь заснешь? успокоишься немного?

— Да; но я лучше останусь у тебя; мнѣ здѣсь хорошо. Отсюда и чтеніе какъ будто не такъ слышно; или это потому, что мы говорили?

— Я заперъ обѣ двери и занавѣсы спустилъ. У меня отъ нихъ болятъ нервы.

Вѣра уснула нескоро: новыя обязанности, налагаемыя новымъ положеніемъ, дума обо всемъ, что она слышала, слишкомъ волновали ее. И отецъ не спалъ. Долго спустя, онъ простился съ нею еще разъ, и совѣтовалъ поскорѣ заснуть.

На другой день, уже поздно, когда она проснулась, Милка собрала ей въ мѣшечекъ всѣ ключи отъ кладовыхъ и сундуковъ, и, когда поварь пришелъ за приказаніями къ отцу, Вѣра побѣжала спросить у отца, не будетъ ли еще кто нибудь у нихъ обѣдать. Она застала его одного у гроба. Онъ былъ такъ блѣдный, и такая тишина была въ этой залѣ, что вопросъ объ обѣдѣ застылъ у нея на языкѣ.

Она хотѣла взглянуть на мать; отецъ подставилъ стулъ; она поднялась до стола, на которомъ лежала Елена, и оба стали молча смотрѣть на ея лице. Блѣдный свѣтъ огней освѣщаль ея бѣлую, прямую фигуру и бѣлый, какъ изъ слоновьей кости выточенный, красивый профиль.

Дѣвочка смотрѣла на нее сквозь слезы, быстро набѣжавшія.

— Смотри, какая холодная! сказала она, притрогиваясь къ рукѣ; неужели она уже никогда ничего не скажетъ? спрашивала она, какъ бы не вѣря тому, что видѣла, и всѣми силами стараясь не заплакать.

— Никогда. И унесутъ завтра. И дѣло съ концомъ.

— И въ землю заркоутъ?

— Да. Тѣло лишилось способности движенія, — значитъ жизнь въ немъ прекратилась. Его зарываютъ въ землю; оно современемъ тамъ разлагается, т. е. также обращается въ землю, какъ и это, продолжалъ онъ, указывая на бѣлую матерію и на гробъ, въ которомъ Елена лежала. Ничего отъ нея не останется... кромѣ сожалѣнія въ насъ о бѣдной... прибавилъ онъ, какъ бы просебя, нагибаясь къ ней, и цѣлуя ее въ лобъ.

Отъ прикосновенія къ этому холодному лбу, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ.

Постоявъ еще нѣсколько минутъ, онъ пошелъ на кладбище, рыть ей могилу.

На слѣдующій день унылые голоса прогѣли ей: «блаженное успеніе... вѣчная память!» Морозъ былъ такой, что духъ захватывало. Въ могилу, выложенную по стѣнамъ инеемъ, какъ серебряными блестками, опустили ее, въ могилу холодную, какъ сочувствіе къ ней, жившее въ *ней* при жизни ея... Успокоилась ты, бѣдная! а другъ твой мраченъ, сосредоточенъ: много онъ перечувствовалъ въ тѣ дни, когда ласкалъ твой слухъ разсказами о красотахъ далекаго края, многое сознательно исповѣдалъ онъ предъ твою могилу, и, глубоко потрясенный, вернулъ съ твоими малютками въ домъ, откуда ты выбыла!

Оставшись хозяиномъ и владѣльцемъ, Павелъ Федоровичъ ни къ чему и не притрогивался: домъ стоялъ разубрашенный какъ невѣста; онъ этого терпѣть не могъ, но оставлялъ все такъ, какъ было. Въ имѣніи попрежнему распоряжался Николай. Павелъ Федоровичъ смотрѣлъ на всю эту обстановку, какъ на временную квартиру. Первою его заботою была Вѣра: онъ началъ учить ее поанглійски, сталъ проходить съ нею геометрію, много читалъ вмѣстѣ, и заставлялъ дѣлать выборки изъ

прочитаннаго. Самъ онъ постоянно просматривалъ разнаго рода учебники, которыхъ выпиcывалъ множество, и, не довольствуясь ими, дополнялъ изъ другихъ сочиненій.

Изъ прислуги, осталась въ домѣ лишь самая необходимая, и Вѣра, по возможности, дѣлала все сама, приучая къ тому же и Соню.

Между тѣмъ послѣ смерти матери оказалось, что у нихъ были сосѣди и въ особенности сосѣдки. Романическая исторія Елены и Павла Ѳедоровича, всѣмъ извѣстная, слухи о томъ, что Павелъ Ѳедоровичъ началъ передавать старшей дочери, чуть не съ пеленокъ, огромныя свѣдѣнія, и что она уже чуть не *хватаетъ съ неба звезды*—возбуждали желаніе посмотрѣть поближе въ эту замкнутую жизнь. Пока Елена была жива, это было неосуществимо: *не триццто* знаться съ погибшими женщинами; но сиротамъ ея слѣдуетъ оказать вниманіе, а тѣмъ, можетъ быть, и завлечь къ себѣ такого замѣчательнаго чловека, какъ Павелъ Ѳедоровичъ.

И, мало по малу, начали закрывать сосѣди, сначала по дѣлу, потомъ мимоходомъ, наконецъ и дѣтей стали привозить. Потомъ «малюткѣ игрушекъ жена прислала», говорилъ одинъ; «старшей барышнѣ приказали передать апанасъ», или «пару хохлатыхъ цыплятъ», присылалъ другой, и пр., и пр. Сосѣди восхищались серіозными, умными, красивыми личиками *сиротокъ*, хвалили молодую хозяйку... Дамы, неѣздившія къ матери, начали писать Павлу Ѳедоровичу записочки, подъ предлогомъ участія къ ея дѣтямъ, и просили отпустить ихъ къ нимъ въ домъ.

Внимательность эта далеко не нравилась Павлу Ѳедоровичу. Онъ привыкъ и хотѣлъ жить отшельникомъ, и почти негодовалъ на такое вторженіе. На новомъ мѣстѣ онъ изъ сосѣдей никого не зналъ; надо было ѣздить, отдавать визиты, а это мѣшало его занятіямъ съ Вѣрою, и онъ этого не дѣлалъ, почти невѣжливо отклоня всякое желаніе сближенія.

Восторженная лестъ конфузила Вѣру: она никогда не слышала похвалъ, и вдругъ ей стали говорить, что она совершаетъ какой то подвигъ. Вѣра съ любопытствомъ слушала комплименты, дивясь имъ просебя: не естественно ли было все то, что ей приходилось исполнять? Кто же занялся бы хозяйствомъ и Сонею послѣ того, какъ Елены не стало? Какъ же ей не учиться, не читать съ отцомъ? Она это очень любитъ. Ей, при всѣхъ ея занятіяхъ, и времени не было бы для выѣздовъ: она съ утра до вечера работала, переводила, читала, учила писать Соню; кромѣ того, разставаться съ отцомъ, хотя бы и не на долго, не было у нея ни малѣйшаго желанія. Она не понимала, что сосѣди хотятъ посмотрѣть на нихъ, какъ на диво.

Одна изъ сосѣдокъ, Елисавета Алексѣевна Б...а, была въ особеннсти настойчива. Она оказывала *сироткамъ* столько любезностей заочно, что Павелъ Ѳедоровичъ сядь долгомъ по-

ѣхать поблагодарить ее. Онъ не счумѣлъ отказать ей лично въ ея настоятельной просьбѣ, и наконецъ обѣщаль отпустить когда нибудь дѣвочекъ своихъ къ ней. И Вѣрѣ къ ней хотѣлось: вотъ почему.

У Елены часто бывалъ маленькій пьяненькій человѣчекъ, изъ мелкопомѣстныхъ, Николай Ивановичъ Тоневъ. Елена часто посылала ему, въ послѣднее время, то муги, то крупы, и онъ благоговѣлъ предъ нею, называя ее матушкою кормилицею. Во время болѣзни Елены, онъ былъ въ отлучкѣ: предводитель посылалъ его верстъ за четыреста, за собаками, и возвратился онъ лишь послѣ похоронъ своей благодѣтельницы. По старой памяти, толкнулся онъ къ ней въ домъ, оплакалъ *сиротокъ*; когда же вошелъ Павелъ Ѳедоровичъ, то онъ не осмѣлился и сѣсть при немъ. Но Павелъ Ѳедоровичъ «обласкалъ его водочкою», и «снисходительно» сталъ выслушивать разсказъ о перегонѣ предводительскихъ смычковъ изъ такого дальняго мѣста. Николай Ивановичъ началъ, слѣдовательно, благоговѣть и передъ Павломъ Ѳедоровичемъ. И въ особенности смѣшиль онъ Вѣру тѣмъ, что во всемъ старался ему подражать; бралъ трубку какъ Павелъ Ѳедоровичъ, говорилъ его выраженіями, которыя уморительно пародировалъ; изъ тощаго голоса своего старался сдѣлать такой же звучный басъ, какъ у Павла Ѳедоровича; даже гладилъ, какъ и онъ, бороду, которой у него, у Николая Ивановича, не было.

Пришелся онъ однажды отъ Елисаветы Алексѣевны В...ой, гдѣ уже узналъ, разумѣется, что Павелъ Ѳедоровичъ у нея былъ, и началъ разсказывать Вѣрѣ, что у нихъ «точно рай земный—цвѣтовъ, дѣточекъ, забавы разной и—и не вѣсть что! прелести подобно!» Вѣрѣ захотѣлось посмотрѣть на эту прелесть, и когда Николай Ивановичъ доложилъ, что Елисавета Алексѣевна «очень желаютъ видѣть барышень съ», и пришлетъ за ними завтра, полагаясь на обѣщаніе Павла Ѳедоровича отпустить ихъ, то въ глазахъ Вѣры мелькнуло удовольствіе.

Павелъ Ѳедоровичъ промолчалъ.

На слѣдующее утро, дѣйствительно, къ крыльцу подѣхалъ возокъ; изъ него вышла гувернантка, жившая у В...ой, и подала Павлу Ѳедоровичу письмо, въ которомъ Елисавета Алексѣевна просила прислать къ ней дѣвочекъ на цѣлный день.

Павелъ Ѳедоровичъ очень сухо приказалъ имъ поскорѣе одѣться.

Послѣ похоронъ онъ имъ сдѣлалъ полный траурный гардеробъ, выписалъ ботинокъ, шляпки. Дѣвочки, радуясь тому, что ѣдутъ въ первый разъ въ гости, живо надѣли новыя простенькія платья съ пелеринками, и вѣжали въ гостиную. Отецъ посмотрѣлъ на Вѣру сурово. Окинувъ ее однимъ взглядомъ, онъ остановилъ его на ея ногахъ, и сказалъ:

— *Sortez! votre toilette n'est pas achevée.*

Вѣра выбѣжала.

Милка тотчасъ осмотрѣла ея ноги, и оказалось, что одна изъ пуговокъ сапожка не была застегнута. Вѣра спѣшила, разгорѣлась, натягивая перчатки, и отецъ, застегивая ихъ, сказалъ ей въ полголоса:

— Нельзя ли поменьше волноваться?

Простившись съ нимъ, она была уже на крыльцѣ, какъ вдругъ онъ вернулъ ее:

— Гдѣ ключи, Вѣра?

Она пошла за ними въ свою спальню: ихъ нигдѣ не было. Она пробѣжала въ дѣтскую.

— Милка, ты не прибирала ли ключей? спросила она.

— Нѣтъ, барышня, не прибирала, а кажется подлѣ папаши на креслѣ мѣшочекъ.

Далеко не въ его привычкахъ было смотрѣть за ключами. Дѣвочкѣ стало очень совѣстно; она вошла къ нему встревоженная, пристыженная. Мѣшочекъ, дѣйствительно, лежалъ подлѣ него на креслѣ. Она остановилась подлѣ этого кресла, молча, не рѣшаясь поднять на отца глазъ.

— Что, вскипятились, а о дѣлѣ и забыли? сказалъ онъ сухо. Вѣдь вы не ребенокъ, не Соня, а хозяйка дома и воспитательница, которая должна учить примѣрамъ. Рѣчь такъ не сдѣлала бы. Отбери тѣ ключи, которые могутъ безъ тебя понадобиться, и отдай ихъ Милкѣ. Гдѣ ключъ отъ чайницы? Къ столу, можетъ быть, что нибудь понадобится, а ты ничѣмъ, вѣдь, не распорядилась. Поѣзжай скорѣе, тебя ждутъ; но не забудь, что ты нынѣ обязанности своей не исполнила.

Въ возкѣ уже сидѣли. Дѣвочка вышла и поѣхала, но смущеніе свое, стыдъ, горе едва была въ состояніи скрыть. Всѣ радости, которыхъ она ожидала отъ этого дня, уже были для нея заранѣе испорчены.

Б...а уже съ годъ была вдова съ большимъ семействомъ. Старшій изъ сыновей ея, Митя, мальчикъ лѣтъ тринадцати, скоро подружился съ Вѣрою, началъ ей показывать свои картины, хорошенкія книги, и изъ портфеля вынулъ тщательно завернутый портретъ Наполеона, раскрашенный, въ сѣромъ сюртукѣ, треугольной шляпѣ и съ сложенными на груди руками. Вѣра портрета его никогда не видала, лишь фигуру его видѣла, и то очень неясно, на снимкѣ съ картины Штейбена. Она съ любопытствомъ и съ большимъ вниманіемъ стала разсматривать строгія черты этого лица. Митя, замѣтивъ это, обѣщалъ ей срисовать портретъ; лице онъ хотѣлъ снять чрезъ стекло, такъ что «очень, очень все будетъ похоже», сказалъ онъ ей Мысли Вѣры, на время отвлеченныя отъ дома и отца разговоромъ о Наполеонѣ, скоро отклонились снова отъ окружающаго ея міра. Послѣ обѣда она съ Митею, отдѣлившись въ садъ отъ бѣгавшихъ дѣтей, сѣла на скамейку; она переламывала себя долго, а сердце ея было полно: вестѣсняемья ласковымъ присут-

ствиємъ Мити, слезы ея хлынули. Митя началъ утѣшать ее, думая, что она заплакала, вспомнивъ о матери.

— Не плачь, Вѣра, не скучай, уговаривалъ онъ ее. И мама все плачетъ о нашемъ покойномъ папѣ, но что же дѣлать? Грустно, скучно, да ничего противъ этого не подѣлаешь!

— Видишь ли, Митя, говорила дѣвочка, когда мама была жива, она обо всемъ заботилась въ домѣ, а теперь все это должна дѣлать я, а я не всегда дѣлаю такъ, какъ слѣдовало бы. Папа этого не любитъ, и не далѣе какъ нынѣ утормъ...

И дѣвочка рассказала Митѣ исторію о ключахъ, выговоръ за нихъ, заслуженный, но такой обидный!..

Митя совѣтовалъ попросить у отца прощеніе, объяснить ему, почему она забыла ключи.

— Вѣра, ты не такая дѣвочка, какъ другія, говорилъ Митя; если ты забыла о мѣшочкѣ, то вѣроятно потому, что торопилась, что бы наша гувернантка не сидѣла долго, дожидаясь тебя.

Къ сожалѣнію, причина эта была недостаточно уважительно въ глазахъ Павла Ѳедоровича; да и не та была это причина. Вѣра промолчала на слова Мити, отцу нечего было и объяснять; онъ самъ знаетъ всѣ причины.

По приѣздѣ ихъ домой, сухая встрѣча, холодная улыбка Павла Ѳедоровича, при веселыхъ разсказахъ Сони, говорили ясно, что онъ послѣднимъ не сочувствовалъ.

Уложивъ Соню, дѣвочка прижалась на кушеткѣ у отца въ кабинетѣ, и долго не рѣшалась заговорить. Онъ началъ первый:

— Что ты, Вѣра, не ложишься? Пора.

— Я не заснула бы. Я еще побуду здѣсь; мнѣ такъ грустно.

— Не весело и мнѣ. Цѣлый день я ни съ кѣмъ не сказалъ ни слова, все читалъ, все думалъ, и твое легкомысліе мнѣ очень горько видѣть: я вижу, что ты въ состояніи все забыть, все бросить, когда тебѣ предстоитъ удовольствіе. Но ты не знаешь, что въ результатъ отъ этого бываетъ много и много горя! бываетъ вредъ, иногда непоправимый. Я это потому тебѣ говорю, что двадцать разъ испыталъ, что значить не умѣть владѣть собою; уступая необдуманно первому движенію, ты иногда дѣлаешь шагъ на пути, съ котораго свернуть уже, можетъ быть, трудно станеть, дѣлаешься непослѣдовательною, укоряешь себя потомъ за недостатокъ выдержанности. А проявляется она сначала въ мелочахъ, въ сущихъ, какъ кажется, пустякахъ, на которые можно бы и не обращать вниманія. Но въ послѣдствіи огромнаго труда стоитъ тормозить себя, заключать желанія въ извѣстныя границы, не дѣлать себѣ уступокъ. И ты должна постоянно наблюдать за собою, всегда владѣть собою, быть всегда спокойною, не начинать никакого дѣла съ порывомъ и въ минуту увлеченія. Нынѣ начала одно, завтра увлеклась другимъ, а прежнее

бросила; послѣзавтра забыла и то и другое,—отъ этого хаосъ и въ мысли, и въ жизни. Труднѣ всего съ самимъ собою справляться.

— Очень трудно, какъ кажется, говорила она; нынѣ утромъ я была совсѣмъ не спокойна, когда одѣвалась, и забыла все.

— Ну да новая новинка, въ гости ѣхать. Къ тому же, женская болѣзнь—страсть къ новымъ тряпкамъ.

— Ты мнѣ помоги, напомни иногда..

— Но все дѣло въ томъ, что бы ты сама себя напоминала... и именно въ ту минуту, когда что нибудь тебя развлекаетъ. Я помогу, но я не всегда же при тебѣ буду.

Какъ трудно владѣть собою, Павелъ Федоровичъ зналъ изъ опыта; но потому то онъ и требовалъ этого отъ дочери, потому то и укрѣплялъ въ ней элементы борьбы противъ порывовъ: въ ея природѣ онъ узнавалъ много своего; потому и старался сдѣлать ее, по возможности, твердою, и давалъ направленіе реальное.

Дѣвочка любила однако же стихи; но онъ не давалъ ей наслаждаться одною музыкою стиха. — Пойми мысль, говорилъ онъ, можетъ быть, тутъ звукъ одинъ, а мысли и нѣтъ.

Ей нравились и звукъ, и картины.

Наступала весна. Ручьи понеслись съ горъ. По одному изъ бугровъ вода сливалась въ узкую ложину, и бѣлымъ ключемъ бѣжала къ рѣкѣ по песчаному руслу. Рѣка плескалась сердито, выходя изъ береговъ; шумно и бурно добѣгала она до ограды сада, обсаженной акаціями. Дѣвочка все смотрѣла на нее съ балкона, вспоминая Елену, которая часы, бывало, проводила предъ картиною расколыхавшейся воды.

— Что ты такъ долго смотришь? что тебѣ такъ тутъ нравится? спрашивалъ отецъ.

— Нравится сила, мостикъ сорвала, такъ и загрузила его; большое дерево тоже умчала...

Нравилось ей и плесканіе воды; нравилось, и заставляло думать, это движеніе непрекращающееся. Отчего? Ей чудилась въ этой рѣкѣ какъ бы живая произвольная сила.

— Я съ мамой Ундину читала, сказала она отцу. Я знаю, что не существуетъ дядя Струй, а такъ и кажется, что дядя Струй плещетъ...

Отецъ принялся ей рассказывать о причинѣ дождей, спѣловъ, росъ, ручьевъ и рѣкъ, текущихъ къ морю; говорилъ о вліяніи ихъ на растительность, о вліяніи климата на живущихъ въ немъ. По этому поводу, она прочла съ нимъ много; пополнили же эти чтенія его рассказы.

Какъ онъ боялся, что бы радость, горе, или вообще какое бы то ни было ощущеніе, не проявилось въ дѣвчкѣ безотчетнымъ.

Какъ онъ слѣдилъ за нею!

— На все есть причина; все проистекаетъ изъ извѣстнаго закона; все подлежить ему; все объяснимо, говорилъ онъ.

Соня разбила стекло ящичка, подъ которое былъ вставленъ букетъ, вышитый Еленою. Въ испугѣ показывала она сестрѣ осколки стекла въ ту минуту, какъ отецъ вошелъ въ кабинетъ.

— Что это такое? кто разбилъ? спросилъ онъ.

— Я, отвѣчала тотчасъ Вѣра.

— Нѣтъ, не ты! возразилъ ей Павелъ Ѳеодоровичъ.

Всѣ трое замолчали, и онъ сѣлъ писать.

— Нельзя уступать первому движенію, хотя бы и доброму, сказалъ онъ ей вечеромъ, когда Соня уже была уложена. Прежде всего подумай, и увидишь, есть ли причина поступить такъ, а не иначе; на примѣръ, по поводу разбитаго стекла, стоило ли того жертвовать правдою?..

По прочтеніи съ нимъ книги, она составляла для него вкратцѣ полную изъ нея выборку, или на словахъ излагала основную мысль ея; онъ переходилъ тогда къ разбору ея, оцѣнкѣ, сравненіямъ; часто она дѣлала параллельные разборы двухъ статей по одному и тому же предмету. Павелъ Ѳеодоровичъ усиленно занимался съ нею и математикою. При занятіяхъ языками, онъ направлялъ всѣ чтенія и переводы или къ курсу естественныхъ наукъ, или къ курсу исторіи, которые они должны были, гораздо полнѣе, проходить въ послѣдствіи.

Кромѣ того, дѣвочка много переводила просебя, какъ она называла, т. е. не по выбору отца, между прочимъ, записки графа Монтолона о Наполеонѣ на островѣ св. Елены. Переводомъ этимъ она занималась съ особенною любовію. Вообще, когда въ рѣдкія минуты, остававшіяся свободными отъ множества занятій, дѣвочкѣ случалось мечтать о Наполеонѣ, то онъ ей представлялся героемъ, рыцаремъ, который могъ бы ратовать за правое дѣло, на примѣръ, хотя бы за освобожденіе невольниковъ.

— Онъ жизнь положилъ бы за нихъ, и тогда былъ бы вполне великимъ, рѣшала она, разсуждая съ Митею. Онъ неправильно приложилъ къ жизни свою силу...

Митя, съ тѣхъ поръ, какъ они познакомились, бывалъ у нихъ часто. Вѣра дѣлилась съ нимъ своими занятіями: задавала ему на домъ разборы, переводы, геометрическія задачи, какія дѣлала сама, и Митя, какъ свой человѣкъ, очень нерѣдко съ раняго утра, пріѣзжалъ верхомъ на цѣлый день къ Павлу Ѳеодоровичу.

Павелъ Ѳеодоровичъ почти каждый вечеръ ѣздилъ верхомъ, съ Вѣрою и съ Митею, когда онъ бывалъ у нихъ, и послѣднего провожали до дома его матери. Вѣру отецъ усаживалъ на мужское сѣдло, укорачивалъ стремяна, устраивалъ по обѣ стороны суконную ея юпочку, и они отправлялись далеко по полямъ или въ лѣсъ. Павелъ Ѳеодоровичъ ѣздилъ на дорогомъ арабикѣ, котораго особенно любилъ и холилъ.

Еще другая страсть его, если можно такъ выразиться, говоря о Павлѣ Ѳедоровичѣ, сущемъ отшельникѣ, отдававшемъ всю жизнь занятіямъ и дочери была охота съ борзыми. Но онъ не позволялъ ее себѣ. Несмотря на то, Елена, любя *потѣшать* Павла Ѳедоровича, поддерживала псарню, существовавшую еще со временъ отца ея, и сѣдой «Мишка доѣзжачій» доживалъ свой вѣкъ въ Гороховкѣ даже и въ то время, когда Павелъ Ѳедоровичъ уже управлялъ имѣніемъ. Доѣзжачій поддерживалъ постоянныя сношенія съ окрестными псарнями; любовался каждою весною кутятами отъ свѣтланы и отъ другой выжловки; ходилъ проминать собакъ; соблазнялъ и Павла Ѳедоровича рассказами о полѣ. Павелъ Ѳедоровичъ слушалъ охотно, улыбался; но щенковъ приказывалъ раздавать. Старикъ, ради собственной потѣхи, слѣдовательно, держалъ смычокъ гончихъ, свору борзыхъ, и Павелъ Ѳедоровичъ, сокращавшій въ Гороховкѣ, по возможности, всѣ производительныя статьи, эту статью расхода втихомолку принималъ на себя. Это была единственная роскошь, которую онъ себѣ позволилъ. Елена перевела изъ Гороховки въ новое имѣніе всѣхъ оставшихся у нея дворовыхъ, въ томъ числѣ и старика доѣзжачаго, который усилилъ свою стаю до четырехъ паръ, во время пребыванія Павла Ѳедоровича въ Грузіи. По пріѣздѣ, Павелъ Ѳедоровичъ посмотрѣлъ собакъ, и промолчалъ на счетъ приращенія семейства... Михайло почувствовалъ за собою какъ бы право гражданства. Павелъ Ѳедоровичъ, тѣмъ не менѣе, на охоту не ѣздилъ.

Однажды, Павелъ Ѳедоровичъ былъ въ городѣ, и дѣвочка привела цѣлый день съ Митею и Сонсю. Къ вечеру отецъ вернулся, какъ ей показалось, озабоченный и задумчивый. Она спросила: здоровъ ли онъ?

Онъ сказалъ: Ничего... Дѣла...

На слѣдующій день, разговаривая вечеромъ съ дѣвочкою, онъ высказалъ, что мужъ Елены какъ говорятъ, собирается пріѣхать, узнавъ о ея смерти, и отобрать имѣніе въ пользу законныхъ сыновей ея, не зная, что оно ею самою уже продано. Говорятъ также, что и дѣвочекъ Елены онъ хочетъ признать *своими*, и раздѣлить всѣ свои и материнскія имѣнія поровну между братьями и сестрами.

Вѣра не понимала.

— Развѣ это можно сдѣлать? спросила она. Зачѣмъ же намъ отъ него получать имѣніе? Развѣ онъ намъ отецъ?

Павелъ Ѳедоровичъ продолжалъ рассказывать: братъ Елены, холостой и богатый старикъ, подбиваетъ мужа покойной сестры своей къ тому, что бы онъ усыновилъ, сравнялъ права ихъ съ правами двухъ старшихъ мальчиковъ. Но, зная мужа Елены, Павелъ Ѳедоровичъ зналъ, можетъ быть, и то, что дочерямъ его дорого окупился бы такой подвигъ со стороны нероднаго отца.

На разспросы Вѣры, онъ ей прямо объяснилъ въ чемъ дѣло.
— Ты знаешь, конечно, сказалъ онъ, что женщина, выходя замужъ, принимаетъ фамилію мужа.

— Знаю.

— Знаешь, можетъ быть, и то, что твоя мать не носила моей фамиліи?

— Да; я и на адресахъ писемъ видала, и подпись ея видала на бумагахъ, въ послѣднее время, при продажѣ и покупкѣ имѣнія.

— Если она не могла носить моей фамиліи, мы, слѣдовательно, не были съ нею вѣнчаны, а дѣти отъ мужчины и женщины, надъ которыми не былъ совершенъ обрядъ брака, считаются незаконнорожденными, т. е. по закону не имѣютъ права на наслѣдованіе ни имени отца, ни родового имѣнія отъ отца и матери. И то и другое переходитъ только къ дѣтямъ, *законно* рожденнымъ.

Выслушавъ это, Вѣра долго молчала. Павелъ Ѳедоровичъ, опутивъ голову, ходилъ передъ нею.

— *Законъ?* Вѣдь это такая книга, наконецъ сказала она, гдѣ написано какъ поступать по правдѣ? *Правда*—Ярославова такъ были названы первые законы...

— Да, Собраніе Законовъ—такія книги, въ которыхъ изложено, какъ слѣдуетъ поступать, что считать правымъ въ каждомъ данномъ случаѣ, и опредѣлено наказаніе за нарушеніе какого бы то ни было изъ этихъ постановленій.

— Ну, да. Потому я и не понимаю, какъ приложень законъ *правды* къ этому случаю. По этому закону, *милъ* опредѣлено наказаніе! *меня* лишаютъ имени и наслѣдства! за что? Я вѣдь не виновата, что родилась... Ни Соня... прибавила она, и при этомъ голосъ ея дрогнулъ.

— Законъ постановилъ такимъ образомъ, желая предупредить, по возможности, недозволенные браки, каковымъ былъ нашъ съ Еленою...

Вѣра чувствовала, что у нея руки и ноги холодѣютъ при мысли, что Соню, маленькую и больную, законъ можетъ обидѣть. О себѣ она въ настоящую минуту не думала.

— Я еще вотъ чего не понимаю, продолжала она, скрѣпя сердце; законъ хочетъ, что бы мама, напримѣръ, жила съ мужемъ,—онъ человѣкъ, вѣроятно, нехорошій, и мама его не любить; тебя же любить очень. Развѣ, живя съ нимъ, она поступаетъ по правдѣ? и можетъ ли этого требовать законъ? А зато, что она поступила по правдѣ, т. е. не жила съ нимъ, онъ наказываетъ невиннаго? наказываетъ крошечную и жалкую Соню!.. Я тутъ, право, ничего не понимаю!

— Еще разъ повторю, что законъ, обязывая мужа и жену жить вмѣстѣ, имѣетъ въ виду всѣми силами предотвратить рожденіе такихъ дѣтей, какъ ты, Соня, и другія незаконнорожденные.

— Но они однако же рождаются. Законъ, стало быть, не можетъ этому помѣшать? И дѣтей же зато' и наказываетъ?

Вѣра опять задумалась. Сердце ея тоскливо сжималось. Отецъ стоялъ передъ нею молча, какъ въ ожиданіи суда.

— Объясни мнѣ еще вотъ что, сказала она, помолчавъ. Насъ съ Соней законъ лишаетъ твоего имени, какъ будто ты намъ не отецъ, проговорила она едва слышно... Но онъ лишаетъ насъ и хлѣба: Соня попроситъ, на примѣръ, у меня покушать, что я ей дамъ? теперь есть деньги, есть земля, хлѣбъ, скотъ, птица, и я, заказывая обѣдъ, знаю, что есть такая то провизія, купленная на деньги, съ которыми я послала Антона на базаръ. Но это все твое. Ты можешь завтра же все это взять, и когда Соня попроситъ кушать, скажи пожалуйста: что я ей дамъ? и чѣмъ буду жить сама? Законъ намъ, стало быть, и куска ржаного хлѣба отсюда не позволить взять? Сонѣ то.. Сонѣ то нужду и голодь терпѣть!.. что объ этомъ сказано въ Собраніи Законовъ? чѣмъ живутъ другіе незаконнорожденные? что сдѣлалъ законъ для такихъ дѣтей, какъ мы съ Соней?

— Для тѣхъ дѣтей, о которыхъ не заботятся сами родители, отвѣчалъ онъ неохотно, устроены въ Москвѣ и въ Петербургѣ дома, такъ называемые, «воспитательные». Младенца приносить туда тотчасъ по рожденіи его, даютъ ему тамъ имя, даютъ кормилицу, посылаютъ на воспитаніе въ деревню. До 1837 года существовало для этихъ дѣтей такое положеніе: 500 человекъ изъ незаконнорожденныхъ выбирались изъ воспитательнаго дома, и воспитывались въ такъ называемыхъ «сиротскихъ классахъ», дѣвочки въ Петербургѣ, при самомъ воспитательномъ домѣ, а мальчики въ Гатчинѣ, въ окрестностяхъ Петербурга. Но, 25-го іюня 1837 года, положеніе это измѣнено указомъ: сиротскіе классы велѣно переименовать въ сиротскіе институты: Николаевскій, въ Петербургѣ для дѣвочекъ; Гатчинскій, мужскій,—и принимать въ нихъ для воспитанія только дѣтей бѣдныхъ чиновниковъ, и *законно* рожденныхъ.

— Сиротскіе классы для сиротъ, стало быть, закрыты. Куда же онѣ дѣваются?

— Въ настоящее время не существуетъ никакого положенія для незаконнорожденныхъ, и они, по достиженіи совершеннолѣтія, если не поступаютъ куда нибудь въ слуги, то отчисляются отъ воспитательнаго дома, и вольны идти на всѣ четыре стороны..

— А вырастаютъ они по чужимъ семьямъ? роднаго отца или матери они уже никогда не знаютъ?

— Бываютъ случаи, что знаютъ; но въ воспитательный домъ отдаютъ вообще за тѣмъ, что бы скрыть дитя, и сложить съ себя всякую заботу о немъ.

— Хорошо бываетъ этимъ дѣтямъ! мы съ Соней, стало быть, еще должны сказать спасибо тебѣ и мамѣ зато, что растемъ не по крестьянскимъ семьямъ. Ахъ, да, вотъ я вспомнила: у Ели-

саветы Алексѣевны фельдшеръ изъ *питомцевъ*. Митя мнѣ говорилъ.

— Ну, да, Петровъ: онъ изъ сиротскихъ классовъ.

— Ахъ, какой ужасъ! Представь себѣ, онъ почти всегда пьяный, и когда подошьетъ уже черезъ мѣру, принимается плясать въ присядку, съ балабайкою, заливаема тоненькимъ дребежжающимъ смѣхомъ, и затыгиваетъ пѣсенку, которую у нихъ тамъ, въ сиротскихъ этихъ классахъ, сочинили:

«Мать меня подъ печкой родила.

А отецъ меня на каторгу отнесъ!..»

Теперь я понимаю, что это за *питомцы*!.. Примется онъ рассказывать, Митя говоритъ, такъ кругомъ всѣ наплачутся. Попляшетъ онъ; потомъ садится на полъ, поджимаетъ подъ себя ноги, и плачетъ, плачетъ... Сколько ихъ мретъ тамъ! какіе они обиды терпятъ! ни отъ кого, никогда никакой ласки не видали; обозвать какъ только хуже, каждый придумываетъ! И голодны они, и холодны, и едва одѣты, и обуты, чѣмъ попало. Охъ, какой ужасъ! правда это все?

— Правда! отвѣчалъ онъ угрюмо.

Слезы набѣжали на глаза ея; но она ихъ съ досадою отерла.

— Ну, это, положимъ, такіа несчастныя дѣти, которыхъ отецъ съ матерью бросили! продолжала она, лихорадочно болѣзненно спѣша. Скажи же мнѣ теперь, что мы съ Сонею станемъ дѣлать?

— Вы съ Сонею... выключены изъ села Гороховки, къ которому будто бы были подвинуты, приняты Еленою Петровною М...ю на воспитаніе... и теперь приписаны къ мѣщанамъ нашего уѣзднаго города...

— Какъ? къ мѣщанамъ? какъ Семень съ Натальею приписались?

— Да. Что же такое? уже не барская ли спѣсь одолѣла?

— Нѣтъ, не барская спѣсь. А какіе извороты! какая ложь! Я, стало быть, не должна была родиться, если нужно было такъ нагнать, что бы спасти меня... отчего? я не знаю; можетъ быть отчего нибудь хуже еще, чѣмъ «сиротскіе классы.» Для чего же нибудь вѣдь нагнали это! И этого, можетъ быть, опять законъ требуетъ? Какая же я мѣщанка? И потомъ: Наталья мнѣ говорила, что они платятъ подать; для этого надо деньги выработать. Семень выучился хомуты дѣлать, ходитъ дичь стрѣлять и въ городѣ продаетъ; Наталья на домъ бѣлье беретъ шить. А мы съ Сонею чѣмъ станемъ платить?

— До совершеннолѣтія вы объ этомъ можете не беспокоиться; подать будетъ внесена. Потомъ сами себѣ можете выработывать. Ты, когда много будешь знать, можешь быть гувернанкою, и Сонѣ станешь помогать. А для того, что бы имѣть пра-

во быть гувернанткою, ты должна держать экзамень, имѣть дипломъ. Тогда и подати платить не станешь.

Вѣра вся дрожала: тонъ Павла Ѳедоровича былъ рѣзкій до крайности; онъ имъ маскировалъ свое волненіе. Отецъ представлялся ей, въ настоящую минуту, олицетвореніемъ того самаго закона, который наказываетъ непровинившагося. Оскорбляло ее и то, что ее, безъ ея вѣдома, и помимо всякаго съ ея стороны желанія, сдѣлали вопервыхъ «виноватою» и подлежащею наказанію; потомъ сдѣлали гороховскою мѣщанкою, и «постановили», что она будетъ гувернанткою и должна будетъ содержать Соню!..

— А какъ насъ будутъ звать? спросила она сухо, сжимая зубы, что бы они не дрожали.

— По крестному отцу. А изъ моего имени вамъ сдѣлана фамилія.

— Распорядились!.. замѣтила она. И слѣда, стало быть, никакого не останется, что я дочь Павла Ѳедоровича и Елены Петровны! И имени отца не дадутъ! по отчеству не называютъ!..

Жгучія слезы опять набѣжали на глаза ея; но она ихъ снова съ досадою оберла.

— Имени моего я тебѣ не оставляю, сказалъ онъ; но *все, что могу*, я тебѣ дамъ, я для тебя сдѣлаю, и уже дѣлалъ до сихъ поръ. Съ тѣми задатками, какіе теперь есть въ тебѣ, ты сама себя разработаешь то мѣсто въ обществѣ, которое всякая развитая, честная личность должна занимать въ немъ по праву. Горевать тутъ нечего. Плачутъ лишь безсильные. Каждый *самъ себя* создаетъ имя въ томъ смыслѣ, что имя это честное или оплеванное: какого нибудь Ивана Ивановича Иванова, изъ питомцевъ, изъ родившихся подъ печкою, я отъ души уважаю *его лично*, уважаю за честность и другія добрыя качества; за все, что онъ вытерпѣлъ бодро, уважаю; а другому подлецу, можетъ быть титулованному, я руки не подамъ. Понимаешь? Что же за важность, какъ ты ни прозывалась бы, къ какому сословію ни принадлежала бы? Кругъ, въ которомъ ты теперь растешь, благодаря условнымъ правамъ, которыми и я пользуюсь, смотритъ на обстоятельство твоего рожденія несправедливо. Но надо умѣть стать выше его, надо умѣть подчинить себя предразсудокъ, и *взять* права, которыхъ не хотятъ тебѣ дать; взять нравственною силою ума, воли, знанія. Надо стать *первою* въ этомъ кругу!.. Вотъ чего я хочу! вотъ къ чему и веду тебя. Я виноватъ передъ тобою, виновата и Елена: мы знали законъ, отъ котораго должна пострадать *ты*, и мы его преступили. Она зато уже поплатилась; не суди же ее. Но я передъ тобою. И я, всѣми силами, всѣми моими средствами, искупаю вину твоего рожденія: я даю тебѣ возможность независимаго въ будущемъ существованія, а это почти счастье, учу тебя работать; больше я тебѣ ничего не могу дать. Трудиться обязанъ умѣть каждый,

*

и законно и незаконнорожденный. И если я тебя выучу работать, я тебя, значить, и хлѣбъ и честное имя оставлю.

Она еще дрожала; но какъ будто тяжесть какая сваливалась съ ея плечь...

— Что же это за общество? спрашивала она. Какое кому дѣло: живеть ли съ мужемъ Елена или Вѣра? законныя или незаконныя у нихъ дѣти? и что такое ты говоришь, что мама за насъ уже поплатилась?

— Сама съ собою женщина скоро рѣшаетъ вопросъ, почему она не станетъ жить съ мужемъ, котораго не можетъ ни уважать, ни любить; но, когда мы пріѣхали сюда жить съ Еленою, вопросъ о положеніи ея въ обществѣ далеко не былъ легко разрѣшеннымъ. Общество не знаетъ съ женщиною, которая дѣлаетъ явно такой шагъ; у нея тогда еще былъ живъ отецъ; онъ писалъ, огорчался, плакалъ объ ней; братъ умолялъ ее вернуться къ мужу, когда на то было еще время; все это волновало ее страшно, и она тогда еще заболѣла тою болѣзнію, отъ которой умерла теперь. Женщинѣ подобныя поступки недешево обходятся.

— Для общества, стало быть, очень важно, что я незаконнорожденная? И мужъ, и братъ мамы, потому и хотятъ поправить ея вину?

— Для идиотовъ—это важно. Но есть, къ счастью, люди, которые обратятъ вниманіе лишь на личность твою, а не на мѣщанство. Мужъ твоей матери можетъ приписать васъ къ своей семьѣ, хотя это и *очень* трудно сдѣлать; но если онъ захочетъ, онъ будетъ долго хлопотать, и можетъ васъ признать *своими*; но онъ тогда и возьметъ васъ къ себѣ, такъ какъ меня имѣетъ полное право ненавидѣть.

— Если такъ, то я ни за что въ мірѣ не хочу быть приписанною къ его семьѣ. И подумай самъ,—опять развѣ это будетъ *правда*, если законъ дастъ ему право признать насъ *своими*? Какъ же мы можемъ носить его фамилію, когда отецъ нашъ ты, а его мы до сихъ поръ въ глаза не видали? Ничего я въ этомъ законѣ, должно быть, не смыслю: я не могу его ни понять, ни истолковать себѣ,—за какую такую провинность, которой я не сдѣлала, я наказываюсь? и за что—не знаю—могу быть облагодѣтельствована вовсе чужимъ для меня человѣкомъ? Законъ хочетъ помѣшать рожденію такихъ дѣтей, какъ мы съ Сонею, но они всетаки рождаются; законъ это знаетъ, потому что для нихъ устраиваетъ особые дома и классы, въ которыхъ растутъ такія горькія сироты и изъ которыхъ выходятъ такіе несчастные, какъ фельдшеръ Петровъ!...

Слова ея дрожали съвозъ слезъ; но она, рыдая, продолжала говорить.

— И растутъ отдѣльно, воспитываются отдѣльно, въ особыхъ «сиротскихъ классахъ!» Какъ будто не такія же дѣти, какъ всѣ?.. Какая же разница между нами и дѣтьми Елисаветы

Алексѣевны?—А теперь и классы отмѣнены? и учить ихъ—ничему не учать! Вольны идти на всѣ четыре стороны, ты говоришь: какъ это ты смѣшно сказалъ! Какъ будто оттого только жить хорошо, что на всѣ четыре стороны идти можно? Когда нѣтъ ни дома, ни хлѣба, ни отца роднаго? Охъ, какой ужасъ! Скажи пожалуйста, развѣ для нихъ *все, что можно*, сдѣлалъ законъ или общество? И могутъ ли эти сироты смотрѣть на человѣка, *какъ на брата*, когда ихъ съ дѣтства грызли и мучили? И что же это за общество, которое смотреть на такое дѣло и терпѣть его? Никто и слова не замолвить! Ты самъ что молчишь? ты вѣдь сознаешь, что дѣлается такая неправда, что не должны гибнуть сироты! А онѣ гибнутъ! Охъ, какой ужасъ!.. И что же это за общество? оно меня пугаетъ: женщина замучивается до смерти, ребенокъ наказуется, и страдаетъ безвинно, а ты—ты правъ? Тебя не наказываетъ ни законъ, ни общество..?

— Да, мнѣ легко, замѣтилъ онъ, блѣдный и съ опущенною на грудь головою.

Помолчавъ, она опять продолжала:

— Ты мнѣ вотъ что скажи: Рэчель и братья ея законно-рожденные?

— Да, отвѣчалъ онъ, медленно и съ трудомъ. Отецъ и мать ихъ очень любятъ другъ друга, и имъ хорошо жить вмѣстѣ. У нихъ такіе случаи бываютъ лишь въ видѣ исключенія: женщина самостоятельна; ее нельзя *выдать* замужъ; она выбираетъ себѣ мужа свободно и не торопясь, какъ человѣкъ, развитый *правильно*; она обращаетъ все свое вниманіе не на *денежныя* средства человѣка, на которомъ останавливаетъ свой выборъ; она смотритъ умень ли онъ, честенъ ли, добръ? Трудолюбивъ ли, какъ она сама? Если все это есть, они живутъ счастливо, привязанность ихъ прочна, и женщина не уходитъ отъ мужа, Зачѣмъ она уйдетъ, когда ей жить хорошо? Тѣмъ менѣе еще она его обманываетъ: есть женщины, которыя дѣлаютъ еще хуже, чѣмъ уйти отъ мужа; онѣ мужей обманываютъ, и незаконныхъ дѣтей дѣлаютъ законными. Это дѣлается ради того, что бы сохранить *уваженіе* со стороны общества. Когда эти приличія не были соблюдены, тогда рождаются явно такія дѣти, какъ ты и Соня. Братъ Елены, желая облегчить для васъ послѣдствія ея проступка, потому и посылаетъ сюда, вѣроятно, этого дурака, отъ котораго зависить сдѣлать, или нѣтъ, въ отношеніи васъ, доброе дѣло.

— Покорно благодарю за такое доброе дѣло! жить съ ними, можетъ быть, та же «каторга», изъ которой вышелъ фельдшеръ Петровъ: они насъ любятъ не имѣютъ причины, мы имъ чужіе, а берутъ лишь для того, что бы *добро съплатъ*, какъ Петрову. И его, видите ли, «на ноги поставили!», какъ онъ говорить, съ дребезжащимъ своимъ смѣхомъ. Несчастный! куда онъ годится? Елисавета Алексѣевна только зато его и держитъ, что онъ

«несчастный...» И каковъ законъ! Какъ будто для *сиротъ* не слѣдовало бы гораздо больше сдѣлать, гораздо больше ихъ любить зато, что онѣ «несчастныя?» ни отца, ни матери не знаютъ... Зачѣмъ же законъ не даетъ рѣшать самому отцу: хочетъ ли онъ оставить незаконнорожденному ребенку свое имя и наслѣдство? Зачѣмъ законъ заставляетъ отца обижать своего ребенка? Нѣтъ, ты насъ не отдавай *имъ* на доброе дѣло. Я ни за что въ мірѣ не пойду... И Соню не отдавай...

Онъ долго молчалъ, обдумывая въ головѣ тяжелыя мысли. Она заснула вдругъ, тяжелымъ сномъ, свернувшись у него на кушеткѣ.

Онъ долго стоялъ предъ нею, въ той же позѣ, съ опущенною на грудь головою, прислушиваясь къ ея судорожнымъ всхлипываніямъ и неровному дыханію.

Встала Вѣра на другой день какъ послѣ тяжелой болѣзни: слабая, измученная тѣломъ, но съ горячею мыслию—скорѣе, скорѣе приниматься за дѣло! ей казалось, что слишкомъ много времени уже упущено, что ей столько, столько еще надо сдѣлать для того, что бы стать *первою* въ этомъ страшномъ обществѣ!.. Она живо покончила съ чаемъ и кухней, обложила книгами, и сѣла усердно работать. Но это вовсе не такъ легко было сдѣлать, какъ ей хотѣлось... День и ночь надо работать, говорила она себѣ: мнѣ въ августѣ уже будетъ тринадцать лѣтъ. И принуждала она мысль свою сосредоточиться на чтеніи о полюсахъ и ледникахъ. Но мысль эта убѣгала: законъ, общество, классы несчастныхъ, рожденныхъ «подъ печкою», вертѣлись у нея на умѣ, и сердце усиленно стучало. Лице ея было блѣдно; между бровками какъ у отца, набѣгала складка. Отецъ писалъ за тѣмъ же столомъ, и молча наблюдалъ надъ нею.

Лице ея стало проясняться; складка на лбу разгладилась.

— *Онъ* виноватъ, милый мой!.. думала она. Чѣмъ же онъ виноватъ что общество подлое? Онъ развѣ могъ повѣнчаться съ мамою, когда у нея есть мужъ? Онъ зналъ, что есть такія мѣста, куда спроть бросаютъ, а развѣ онъ меня туда отдалъ? Нѣтъ, любить, бережетъ, «и хлѣбъ и честное имя» даетъ мнѣ. *Такіе* виноваты не бываютъ! Мама, какъ ни плакала отъ него, а до послѣдняго вздоха любила. Мнѣ вѣжется, иначе и быть не можетъ... Всю правду мнѣ вчера сказалъ,—виноватъ, говорить. А я чувствую, какъ будто онъ нисколько, ни крошечки не виноватъ!..

Она, въ эту минуту, подняла на него глаза. Онъ смотрѣлъ на нее, читая мысль на ея прозрачномъ личикѣ. Она вскочила съ мѣста, и съ любовію горячо его поцѣловала, обвивъ руками его шею.

— Оставила бы пока книги, сказалъ онъ ей. Я пойду, въ садъ поработаю, не хочешь ли со мною? Надѣнь высокіе сапожки. Сыро.

Она побѣжала съ радостію.

Подъ вечеръ, она узнала, что до Милки дошли уже изъ города слухи о *новожъ папашъ*, и услышала она отъ нея странныя вещи. Милка рассказывала Сонѣ, что у него была на воспитаніи маленькая сиротка племянница, и онъ ее посадилъ въ подвалъ: хотѣлъ попробовать, долго ли выживетъ дитя безъ солнца, безъ воздуха и на хлѣбѣ съ водою! Дитя жило въ подвалѣ два года, и, въ продолженіе этого времени, очень выросло и пожелтѣло; но долѣе дѣвочка не вынесла, зачихала и умерла.

— Что это ты, Милка? что за вздоръ? сказала Вѣра.

Между тѣмъ, ей становилось жутко: можетъ быть, сиротка была незаконнорожденная, мелькнула у нея мысль: и обидѣть, и заморить можно!.. Нервная дрожь, какая била ее наканунѣ, во время разговора съ отцомъ, возвратилась, а у Сони, въ продолженіе этого разказа, глаза раскрылись вдвое противъ обыкновеннаго, и ручки холодѣли въ рукѣ старшей сестры. Милка увѣряла, что это сушая правда. Свѣча трещала, догорая. Милка крестилась, приговаривая: да проститъ Господь Богъ этому «окаленному» такое прегрѣшеніе!

Къ странному своему разказу, Милка прибавила нѣсколько другихъ, еще болѣе невѣроятныхъ. Вѣра сказала ей, что бы она лучше замолчала, чѣмъ рассказывать такія бредни, и прибавила, что надняхъ *папаша* этотъ, можетъ быть, пріѣдетъ къ нимъ. Соня принялась плакать: она боялась, что онъ ее возьметъ, и уморитъ въ подвалѣ, какъ маленькую свою племянницу. Милка разувѣряла ее, но слабо: она, повидимому, тоже смекала недоброе объ участи Сони.

— Тебя то уже папаша не отдастъ, говорила она, при Сонѣ: ты у него что свѣтъ Божій въ оконцѣ!..

Дѣвочкѣ стало очень обидно за Соню, и она, въ досадѣ, велѣла Милкѣ замолчать.

Павелъ Ѳедоровичъ любилъ конечно и младшую дѣвочку; но она, по слабости и болѣзненности своей, требовала совсѣмъ иныхъ попеченій, чѣмъ Вѣра, которыя также совершенно удавались Павлу Ѳедоровичу. Занималась ею слегка Вѣра; онъ же бралъ ее къ себѣ въ минуты отдыха, рассказывалъ картинки, нагѣвалъ пѣсенки, и у Сони оказывался превѣрннй, прехорошенькій голосокъ. Носилъ онъ ее на плечахъ, завертывалъ, и бралъ съ собою гулять, забавляя такъ, что Соня звонко хохотала. И мило, любо было Вѣрѣ смотрѣть на этого великана съ крошкой на рукахъ!

Съ недѣлю спустя послѣ разговора о «сиротскихъ классахъ», Павелъ Ѳедоровичъ однажды поутру, послѣ чая, рѣзко сказалъ дочери:

— Вы можете даже отвыкать звать меня «папою». Павелъ Ѳедоровичъ женатъ не былъ, и дѣтей у него по закону не полагается. А когда мы говоримъ по-французски, вы можете звать

меня «Monsieur.» Вы мои воспитанницы, а не дочери. Приучай и Соню звать меня такъ, какъ слѣдуетъ.

— Но здѣсь всѣ знаютъ: отъ кого же скрывать? хотѣла она сказать. Но поспѣшила уйти—ея комната отъ него была слишкомъ близко; слезы душили ее. Она ушла въ кладовую, и тамъ долго, долго плакала.

Въ тотъ же день маленькій Николай Ивановичъ, знавшій все на свѣтѣ, явился изъ города съ извѣстіемъ, что «они пріѣхали съ, и барышенъ, говорятъ непременно возьмутъ съ! что вы съ, Павелъ Ѳедоровичъ, правъ на нихъ не имѣете и не докажете съ. А они съ законъ на своей сторонѣ поставятъ съ, съ высочайшаго разрѣшенія ихъ усыновятъ, и тогда если вы, добра дѣтямъ не желая, не станете ихъ отдавать, то они, хоть судомъ, да возьмутъ съ!»

Глаза у Павла Ѳедоровича сверкнули.

— Дуракъ съ! вотъ что вы ему отъ меня скажите! загремѣлъ онъ. «Непременно возьмутъ съ!» видите ли! Пускай попробуетъ: судомъ—вретъ—братъ не будетъ! А красть развѣ попробуетъ? такъ еще это мы съ вами, Николай Ивановичъ, посмотримъ, какъ украдетъ...

Въ шутовомъ тонѣ его даже Николай Ивановичъ услышалъ раздраженіе, и благоразумно притихъ. Такъ это пока и смолкло.

Черезъ день послѣ этого разговора, Павелъ Ѳедоровичъ, передъ обѣдомъ, отправился на бѣговыхъ дрожжахъ проѣзжать молодую лошадь. Не успѣлъ онъ выѣхать, какъ Вѣра уже увидѣла его снова на плотинѣ: онъ возвращался скорою рысью. Оказалось, что онъ завидѣлъ издали бричку, въ которой узналъ мужа Елены, подъѣзжавшаго къ селу, и поспѣшилъ обогнать ее, что бы принять гостя. Бричка свернула, однако же, съ плотины на село, а къ дому не подъѣхала.

Заходилъ Павелъ Ѳедоровичъ скорымъ, звонкимъ шагомъ, какъ всегда, когда бывалъ взволнованъ. Грудь его неровно поднималась, брови хмурились. По временамъ, онъ останавливался передъ Вѣрою, шившею Сонѣ передникъ, хотѣлъ ей что то сказать, и проходилъ мимо. У Вѣры иголка прыгала въ рукахъ: онъ ей казался страшнымъ.

— Подвернись *они* ему теперь, думала она: онъ его одною рукою задушить. Я знаю эту бровь, когда она такъ хмурится...

Дѣвочка молча распоряжалась за столомъ. Онъ спросилъ водки, которой никогда не пилъ; она налила; онъ спросилъ еще. Она такъ и ждала, что страшное что то случится, можетъ быть, нынѣ же вечеромъ, сейчасъ же...

Бричка стояла распряженной у старостинной избы. Ее видно было изъ оконъ. «Для чего же онъ не пріѣхалъ къ Павлу Ѳедоровичу, къ которому ѣхалъ?» думала Вѣра.

Послѣ обѣда приходили въ кабинетъ староста съ Николаемъ,

и Вѣра слышала, что отецъ смѣялся, назвавъ кого то, будущаго *папашу*, вѣроятно, сумасшедшимъ.

Когда они уходили, онъ имъ крикнулъ вслѣдъ:

— Угостите его, предложите кушать, возьмите съ погребѣ вина.

Вѣра отпустила вина, положила на блюдечко барбарису, котораго сама наварила прошлою осенью, любимаго варенія Павла Ѳедоровича, и пошла съ блюдечкомъ къ нему въ кабинетъ.

— Ну, прощайте, Вѣра *Дмитріевна!* сказалъ онъ ей, называя ее именемъ нареченнаго папаша, Дмитрія Антоновича. Недолго уже намъ побыть вмѣстѣ!

Ужасъ охватилъ ее; но она спросила, какъ могла спокойнѣе:

— Кто же это рѣшилъ, что мы поѣдемъ къ нему?

Она переживала страшную минуту: съ того дня, какъ началась исторія объ этомъ папашѣ, Павелъ Ѳедоровичъ уже представлялъ ей, что жизнь ея будетъ гораздо легче современемъ, если она вступитъ въ общество съ законнымъ именемъ, и будетъ богата. На заявленіе Вѣры, что она этого не хочетъ, что она останется съ нимъ, и будетъ работать, работать, и для него, когда онъ будетъ старъ—онъ ей напомнилъ о Сонѣ, и поставилъ вопросомъ: имѣетъ ли она право отказываться за Соною отъ жизни обезпеченной, обречь ея на горе и трудъ, которыхъ она, можетъ быть, и физически не вынесетъ? Тяжелый вопросъ былъ ей предложенъ! Она надъ нимъ думала, и—отказалась. «*Все лучше, чѣмъ разстаться съ нимъ, какъ для нея такъ и для Сони!*» рѣшила она. Рѣшено это было въ кабинетѣ, когда бѣда грозила еще издали. Но вотъ теперь она на лицестойтъ Павлу Ѳедоровичу лишь выговорить слово согласія, и она поѣдетъ хлопотать о разрѣшеніи... и ему разрѣшать, какъ милость, вещь ужасную, ложь неслыханную, для Вѣры непонятную!.. И Павелъ Ѳедоровичъ, очень можетъ быть, обдумавъ, рѣшилъ самъ, думала Вѣра, рѣшилъ пренебречь волею ребенка, распорядиться ея будущностію по своему усмотрѣнію, ради ея же выгодъ. Неужели результатъ этого пріѣзда Дмитрія Антоновича зависитъ отъ того, какимъ путемъ онъ поведетъ объ этомъ рѣчь? Если Павелъ Ѳедоровичъ рѣшилъ... онъ сейчасъ пойдетъ на село, приведетъ оттуда съ собою *папашу*, и переговоры въ двѣ, три минуты могутъ быть кончены. Дмитрій Антоновичъ началъ ихъ чрезъ управляющаго и старосту,—это глупо. Но Павелъ Ѳедоровичъ сейчасъ же можетъ показать ему, какъ дѣло дѣлаютъ умно; Павелъ Ѳедоровичъ вчера еще сказалъ ей, что «отказываться было бы непрактично»..

Переживая вопросъ жизненный, Вѣра весело ловила съ ложки вареніе, которое отецъ подносилъ ей ко рту, и отнимала, когда она уже открывала ротъ. Она шутовности этой еще не понимала...

— Ты рѣшилъ? переспросила она.

— Какъ же не отдать? говорилъ онъ, повидимому серьезно. Чѣмъ же вы станете жить? Останусь я одинъ, буду работать. А вамъ дадутъ золотыя горы; будете вы графинями...

Дѣвочка вспыхнула.

— Нельзя, не смѣешь ты такъ говорить! закричала она. Вѣдь ты мнѣ представлялъ все это! ты вѣдь знаешь мою волю! Развѣ ты меня тому учишь, что бы соглашаться на ложь, уйти отъ тебя, выбрать богатство?...

Онъ обвилъ ее руками; придвинулъ къ кувшеткѣ; прижималъ къ себѣ; у Вѣры отлегло отъ сердца: Павелъ Ѳедоровичъ, слава Богу, человѣкъ не практичный! вотъ, обѣда на лице, а онъ не рѣшается отдать свою дѣвочку, и ему жаль съ нею расстаться. Слава Богу, онъ не практичный!..

— Ты пойдешь на село? спросила она.

— Нѣтъ, не пойду. За чѣмъ? я не отдамъ тебя.

— А если онъ захочетъ взять, какъ Николай Ивановичъ говорилъ?

— Т. е., какъ взять? украсть? изъ окна вытащить? Нѣтъ, въ нашъ благовоспитанный вѣкъ, даже на зло мнѣ, дѣвочекъ красть не станутъ, а иначе я не отдамъ.

— А если онъ высочайшаго разрѣшенія будетъ просить?

— Безъ моего согласія, что же онъ можетъ просить? Если наперекоръ мнѣ, то вѣдь я не безгласный. На то, что Елена жила со мною, въ губерніи есть тысячи свидѣтелей. Но, какъ бы то ни было, я рѣшилъ, что не отдамъ. Что бы тамъ дальше ни было, не отдамъ... повторялъ онъ.. Сумасшедшій!..

— Развѣ онъ, въ самомъ дѣлѣ, сумасшедшій? спросила она. Изъ рассказовъ Милки, это похоже на правду.

— Не знаю. Что мнѣ за дѣло? Не отдамъ... твердилъ Павелъ Ѳедоровичъ, какъ бы пресебя.

— Какъ же ты его выпроводишь?

— Я думаю, самъ уйдетъ. Что ему тутъ на селѣ, дѣлать? не дуракъ ли? пріѣхать, переговорить съ мною—ему *боязно*: Анто́на съ Николаемъ посылаетъ! И за чѣмъ это братъ Елены такого скота посылаетъ? Если бы самъ пріѣхалъ, то можно бы съ нимъ уладить, что бы онъ чтонибудь устроилъ для васъ въ будущемъ. Я, можетъ быть, напишу къ нему, послѣ отъѣзда этого папаша. Нѣтъ, впрочемъ, ничего намъ отъ нихъ не надо: пропадай они совѣмъ! и безъ нихъ обойдемся!..

— Обойдемся! повторила она съ радостію, и вдохнувъ свободно. Ну, какъ же, продолжала она, если Дмитрій Антоновичъ долго не захочетъ уѣзжать отсюда, что же съ нимъ дѣлать? вѣдь это, согласись, пренепріятное сосѣдство!

— Нѣтъ, онъ теперь уйдетъ. А можетъ быть и рѣшится побывать у меня самъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, ему слѣдовало бы сдѣлать. А *убоится*, такъ пусть довольствуется тѣмъ, что я ему послалъ сказать, «что у него есть два мальчика, а у меня двѣ

дѣвочки; я доволенъ тѣмъ, что у меня есть, — того же и ему желаю!».

Вѣра боялась этого сосѣдства.

— На постояломъ дворѣ у насъ всѣ останавливаются. И онъ имѣеть право прожить нѣсколько дней, даже недѣль. Выжить его никто не смѣетъ...

Но Павелъ Ѳедоровичъ, при этихъ словахъ, нахмурился, и Вѣра поспѣшила переменить разговоръ.

Весь вечеръ онъ былъ шутивъ и веселъ! вопросъ о папашѣ, видимо, лишь потѣшалъ его. Поздно уже, когда Вѣра ложилась, онъ сѣлъ написать письмо.

Съ тѣхъ поръ, какъ началась эта исторія, всѣ тревожныя заботы Вѣры сосредоточились на маленькой сестрѣ.

— Какъ бы не напугали ее! думала она, и, въ тотъ вечеръ, когда Дмитрій Антоновичъ присылалъ парламентаровъ, она заботливо взглядывалась въ темную ночь, подъ тѣнь деревьевъ. Соня уже спала. Она выглянула изъ окна дѣтской, и ей показалось, что въ аллею кто то прошелъ, и остановился насупротивъ нея, подъ деревомъ. Въ испугѣ, она прильнула лицомъ къ окну; тѣнь подошла ближе. Она узнала Михайла, доѣзжачаго.

Обрадовавшись, она живо прикрыла Соню кафтанчикомъ, и отворила окно.

— Ты что, Михайло?

— Мы вотъ съ Алексѣемъ походить хотимъ: караульные то тамъ, у воротъ и флигелей, а мы вотъ тутъ, у ограды да подъ окнами, ходимъ.

— Спасибо, Михайло! Выпустилъ бы Удалаго и Тумана! они у тебя молодцы, волка берутъ.

Какъ ни тихо шель разговоръ, Соня проснулась и встревожилась; большаго труда стоило Вѣрѣ успокоить нервную дѣвочку, но Вѣра убаюкала ее общаніемъ, что если даже *онъ* и придетъ, то папа общалъ не отдавать ихъ. А это вѣрно.

— Помилуйте, молодая хозяйка, говорилъ на слѣдующее утро Павелъ Ѳедоровичъ, входя съ столовую, гдѣ Вѣра разливала чай: ваши волкодавы мнѣ спать не дали! У васъ тутъ дозоръ учрежденъ: я крикнулъ, что бы звѣрей прибрали, а Михайло мнѣ отвѣчаетъ, что нельзя, что вы, дескать, приказали выпустить. Такъ я и не осмѣлился отмѣнить вашего распоряженія!

Дѣвочка улыбалась. Лице его было спокойно, рѣчь весела. Она видѣла, что онъ не только въ нормальномъ настроеніи, но и счастливъ, какъ будто, тѣмъ, что вопросъ объ этомъ будущемъ окончательно рѣшился.

Въ самомъ дѣлѣ, Павелъ Ѳедоровичъ былъ съ нѣкотораго времени гораздо веселѣе. Онъ, какъ будто, думалъ:

— Ну, теперь она *про это* знаетъ: такъ лучше...

Весеннее утро сверкало блестками на молодой травѣ. По-

завтракавши, Павелъ Ѳедоровичъ сѣлъ за письменный столъ свой, по обыкновенію *напротивъ* окна, выходящаго въ садъ; дѣвочка писала за этимъ же столомъ, у окна, *съ боку*, по лѣвую руку Павла Ѳедоровича. Окно было отворено; ни малѣйшаго шороха въ саду не послышалось, но Вѣра почему то вдругъ подняла глаза, и— обмерла отъ удивленія... У самаго окна, на поларшина отъ нея, торчало лице, старое, желтое, желчное, съ крошечными глазками, подъ нависшими сѣдыми бровями. Нѣсколько минутъ, дѣвочка и старикъ этотъ смотрѣли другъ другу прямо въ глаза; смѣлость его ее пугала, и у нея мелькнуло въ мысли, что отецъ его увидитъ, и бѣда будетъ...

Подъ вліяніемъ всего, что было говорено о немъ и передумано ею, она видѣла въ немъ личнаго своего врага, но, тѣмъ не менѣе, боялась, что гнѣвъ отца разразится надъ нимъ.

— Какъ неслышно подкрадывается, думала она, смотря прямо въ эти свинцовые глаза, которые приковывали ее къ мѣсту. Когданибудь онъ также подкрадется, и схватитъ Соню въ саду... Соня и теперь въ саду. Какъ можно позволять ему жить на селѣ! А какъ же иначе сдѣлать?..

На тревожную мысль ея тутъ же пришелъ отвѣтъ: за калиткою сада стоялъ лакей Василій; далѣе, шагахъ въ двадцати, у колодца, Алексѣй, кучеръ и Михайло стѣбли, такъ себѣ, безъ всякаго дѣла, и смотрѣли на это окно.

— Добрые! подумала Вѣра.

Прошло минутъ пять. Притаивъ дыханіе, дѣвочка не въ силахъ была повернуть головы въ сторону отца. Но вотъ, онъ взглянулъ передъ собою, и глаза его остановились прямо на этомъ желтомъ лицѣ, почти лежавшемъ на подоконникѣ... Павелъ Ѳедоровичъ всталъ во весь ростъ. Огромная фигура его выпрямилась:

— Что же? милости просимъ, сказалъ онъ громко. Зачѣмъ же вамъ изъ окна на насъ смотрѣть? пожалуйста, переговоримъ!—Рекомендую: это супругъ Елены Петровны! продолжалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ.

Лишь только замѣтилъ его Павелъ Ѳедоровичъ, супругъ этотъ сдѣлалъ движеніе въ сторону, но вскорѣ вернулся на прежнее мѣсто, и началъ смотрѣть на Павла Ѳедоровича такъ же пристально, какъ до сихъ поръ смотрѣлъ на дѣвочку. Постоялъ, постоялъ онъ, посмотрѣлъ какъ то странно, дико, потомъ повернулся, и медленно пошелъ назадъ по саду.

Добрые неслышно кинулись за нимъ слѣдомъ, поодаль, сзади... Въ числѣ ихъ выскочилъ изъ за угла Николай, прослѣдившій его отъ самой старостиной избы, и еще нѣсколько другихъ.. Какъ гончіе, рассыпались они по кустамъ, и смотрѣли до тѣхъ поръ, пока онъ не остановился у своей брички, которую вскорѣ стали завладывать.

Павелъ Ѳедоровичъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, стоя у окна. Презрительно коснулись его губы...

— Видѣла! какъ? спросилъ онъ у Вѣры, въ тоскѣ прижавшейся у другаго окна, и смотрѣвшей также въ окно.

— Ахъ! какъ это все гадко! и страшно... проговорила она. Сердце ея усиленно билось! Съ радостію видѣла она, что бричка закладывается, что около лошадей человѣкъ десять, что въ три минуты она была готова, и съ радостію посмотрѣла Вѣра вслѣдъ за этою бричкою, съѣзжавшею съ плотины...

Съ радостію, сравнительно, она все это время была необыкновенно грустна. Павелъ Ѳедоровичъ безпрестанно заставлялъ ее съ заплаканными глазами, и она уходила отъ него подалше.

— Что ты разгѣживаешь себя? сказалъ онъ разъ вечеромъ, голосомъ чрезвычайно мягкимъ. Свыкайся же съ мыслию: ни роду у тебя, ни племени—сама по себѣ человѣкъ; но *человѣкомъ* будь сильнымъ, закаленнымъ! Тяжело жить, но, повѣрь мнѣ, никому не легче. О чемъ ты все грустишь?

— Павелъ Ѳедоровичъ, у меня... monsieur... а не отецъ!.. рыдала она на его плечѣ. Нѣтъ отца... какъ у тѣхъ дѣтей, которыхъ выбросили...

— Но вѣдь есть же у тебя Павелъ Ѳедоровичъ. Стало быть, весь вопросъ только въ имени. Вѣдь Павелъ Ѳедоровичъ— вотъ онъ! говорилъ отецъ, придвигая ее къ себѣ. А когда не будетъ, и тогда не плачь: одна будь, сама по себѣ. Помня его, твердою будь. Будь героемъ!

На другой день, Михайло вошелъ въ то время, какъ Вѣра сидѣла за самоваромъ. Павелъ Ѳедоровичъ игралъ съ Соней, въ ожиданіи чая.

— Что, Михайло? спросилъ онъ, останавливаясь предъ старикомъ, съ Соней на одной рукѣ.

— Да вотъ, кузьяевскій баринъ прислалъ: завтра на охоту ѣдутъ; еще брылгинскіе подѣдутъ господа... не выѣдете ли и вы, Павелъ Ѳедоровичъ? говорилъ Михайло, крайне умилительнымъ голосомъ.

— Помилуй, съ чѣмъ намъ выѣхать? что же у насъ за охота, Михайло? страдиться то?..

— Намъ то? съ негодованіемъ возражалъ псарь. Да наши то и угонки не дадутъ! что мало то ихъ?.. что же! за то собака, какъ есть собака...

Павелъ Ѳедоровичъ взглянулъ на Вѣру: на исхудаломъ ея лицѣ выражалось удовольствіе и желаніе въ первый разъ посмотреть на охоту.

— Они, какъ есть, мимо нашихъ воротъ поѣдутъ,— коноплевскими лугами, такъ низомъ, къ опушкѣ то... продолжалъ Михайло.

— Ну, что же. Выѣдемъ и мы, пожалуй, хотя посмотримъ, отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ.

Вѣра была рада.

Соня просилась также.

— Я тебѣ лапку привезу. И зайчика велимъ зажарить, обѣщала ей Павелъ Ѳедоровичъ.

— За Митею пошли! просила его Вѣра.

— А ну, какъ она вернется, да Соню безъ насъ возьметъ! пришло ей на мысль. Нѣтъ, уберегутъ! успокоилась она, вспоминая, какъ караулить добрый народъ, любившій и отца, и дѣтей его.

На слѣдующее утро, вскочила она чѣмъ свѣтъ.

— На охоту? крикнула она, подбѣгая къ двери кабинета.

— Да. Ты готова? Ѣдемъ.

Одѣвшись въ верховую юшку и кафтанчикъ, выбѣжала дѣвочка на крыльце. Митя вѣзжалъ въ ворота. Около Михайла рвались, визжали, и возились голодные псы. Отецъ былъ уже на дворѣ, въ коротенькой шубкѣ, отороченной мѣхомъ, перетанутый кушакомъ, въ сапогахъ выше колѣнъ; за поясомъ у него ножъ съ кавказскою насѣчкою, на головѣ любимая шапочка съ кистію. Усаживаетъ онъ дѣвочку на сѣдло, даетъ ей на руку свору; другую свору Митѣ. Подводятъ и ему арабчика, — картина конь и — всадникъ также!.

День сѣренькій. Моросить слегка и свѣжо.

— Ъдутъ! Ѣдутъ! вдали видать! раздалось на дворѣ.

И, чрезъ нѣсколько минутъ, потянулась мимо воротъ охота: цѣлый строй верхами; впереди доѣзжачіе, на рукѣ у нихъ смѣчки черныхъ съ подпалинами, объясняетъ Митя Вѣрѣ; дальше верховые со сворами бѣлыхъ, черныхъ, половопѣгихъ.. Съѣхались; примкнули; рогъ раздался, двинулись рядами, и спокойно и стройно Ѣдутъ по лугамъ до дальней опушки лѣса. Размѣстились; бросили гончихъ въ островъ, продолжаетъ объяснять Митя. Чу, слушай! залились. Слышишь, какъ переликаются, перебиваютъ другъ друга.. слились въ одинъ гулъ. Какова лѣсная музыка! И вотъ! вотъ! вспугнули! вскочилъ русакъ: смотри, какъ несется... уши прижалъ...

Слетѣли со своры два удалые звѣря; потомъ еще, еще два. Собаки рвались на сворѣ Вѣры.

— Спускай! крикнули ей и Митѣ. Они спустили. Понеслись за ними вслѣдъ охотники, захлопали.. «Го-го-го!» разносится по полю и по лѣсу. Вдали видно—какъ шары, быстро пушенные, мелькаютъ борзцы, мчатся, отдѣляются, обгоняютъ другъ друга... Повернулъ русакъ, бросился въ сторону... угонка, другая.. пропала онъ изъ вида.. Нѣтъ! вотъ вся стая кинулась, слетѣлась въ одну кучу, и одинъ изъ побѣдителей несетъ въ вухахъ окровавленную жертву...

Павелъ Ѳедоровичъ скакалъ во весь опоръ по полю, чрезъ кусты и рытвины. Вѣра, поспѣвая за нимъ съ Митею, задыхалась отъ волненія и чувства отваги. — Точно поле сраженія и стычка съ непріателемъ! сказала она.

Митѣ припомнился тотъ моментъ съ картины Штейбена, когда «старая гвардія умираетъ, а не сдается...»

— У меня теперь *своя* битва, подумала Вѣра. И я, заодно съ отцомъ, до послѣдней минуты стану биться, а не сдамся...
Далеко не всѣмъ грезамъ, однако же, суждено сбываться.

Дѣвочка переводила барона Gain. Отецъ собирался въ городъ, по дѣламъ. Уже онъ почти былъ готовъ уѣхать, какъ съ почты привезли ящикъ, полный книгъ. Онъ остался на нѣсколько минутъ, и сталъ наскоро пересматривать книги, которыя Вѣра вынимала и подавала ему.

— A! Antoinette de Navarreins! вдругъ сказалъ онъ. Совершенный портретъ... Кто его просилъ прислать мнѣ Бальзака?

Вѣра взяла книгу. Это былъ романъ Бальзака «Ne touchez pas à la hache».

Отецъ уѣхалъ. Дѣвочка отыскала книгу эту, въ числѣ прочихъ, и принялась читать. Романъ драматичный, съ эффектами, приходилось ей читать впервые, и впечатлѣніе отъ произведенья на нее сильное. Слишкомъ разстроены были ея нервы уже недѣли три рѣшавшимся вопросомъ о *папашъ*, слишкомъ наплакалась она надъ участіемъ Антуанетты de Navarreins, и въ ночь сдѣлался съ нею бредъ. Отецъ не возвратился къ ночи изъ города. Дѣвочка стала звать его; за нимъ поѣхали...

Онъ прислалъ доктора, но самъ пріѣхалъ лишь на другой день, и то не надолго. Посидѣлъ подлѣ нея, взялъ кое что изъ своихъ вещей, и опять уѣхалъ.

Городъ былъ за десять верстъ; докторъ ѣздилъ часто, иногда два раза въ день, иногда проводилъ ночь въ домѣ. Дѣвочка была больна опасно, а отецъ пріѣзжалъ лишь на минуту каждый день! Она звала его безпрестанно; Мила отвѣчала, что ему нельзя пріѣхать, что у него въ городѣ дѣла. Отсутствіе его томило дѣвочку пуще самой болѣзни.

Недѣли двѣ спустя, открывъ глаза, она увидѣла предъ собою хорошенькую женщину, въ черномъ платьѣ, длинный хвостъ котораго былъ у нея подобранъ на руку; круглая шляпа съ перомъ спускалась почти до бровей; толстыя, черныя косы лежали низко подъ ушами. Взглядъ ея, милое лице, добрая улыбка, когда она наклонилась надъ дѣвочкою, выразили участіе. Она стояла подъ руку съ Павломъ Федоровичемъ, и такъ они вдвоемъ, пригнувшись вмѣстѣ, смотрѣли на нее. Отецъ поцѣловалъ дѣвочку въ лобъ. Въ невыразимомъ удивленіи, она не могла оторвать глазъ отъ этой хорошенькой женщины, и, принимая ее за видѣніе изъ прочитанной драмы, послѣ бреду вспомнила слова отца: «Совершенный портретъ... Чей? Кто это?.. она смутно старалась разгадать.

— Вы Антуанеттъ? наконецъ спросила больная.

Хорошенькая женщина улыбнулась; удивленіе прошло по ея личицу.

— Нѣтъ, Nathalie, отвѣчала она.

Дѣвочка взглянула на отца: на губахъ его была та улыбка, какая, въ особенно нѣжныя минуты, выдавала, какъ бы помимо воли его, и тайну, и полноту, и глубину внутренняго его чувства. Приведенная въ недоумѣніе вопросомъ дѣвочки, Nathalie просительнo повернула къ нему милую головку, и онъ освѣтилъ ее теплымъ, полнымъ лучомъ такой улыбки!

Внезапная мысль поразила дѣвочку.

— Вы были на Кавказѣ? спросила она.

— Я тамъ и родилась.

— Тамъ и *его* узнали? спросила она, указывая на отца.

— Тамъ.

— А! это когда мама умирала? бѣдная Соня!.. сказала дѣвочка, и посмотрѣла на отца: онъ блѣднѣлъ; пропасть и лучъ его улыбки.

— Она бредить? вполголоса спросила у него хорошенькая Nathalie.

Павель Ѳедоровичъ промолчалъ, повернулся, и направился къ двери кабинета.

Когда они выходили, она не погнула руки его; онъ взялъ въ руки ея хлыстикъ.

— Это Павель Ѳедоровичъ, а не отецъ, приходилъ... мелькнула у дѣвочки мысль, заставившая ее плакать до истерики, бредить о балабайкѣ и дребезжащемъ хохотѣ, со слезами и стономъ, въ «сиротскихъ классахъ...»

Время шло. Вѣра медленно поправлялась; тоска невыносимая приковывала ее къ кушеткѣ, на которой она лежала, по цѣлымъ днямъ, въ пустомъ кабинетѣ, одна, т. е. безъ отца. Голова у нея постоянно горѣла; сердце сжималось и замирало.

Митя пріѣхалъ къ ней проститься: его везли въ Петербургъ, готовиться въ юнкерскую школу.

Павель Ѳедоровичъ большею частію былъ въ городѣ; когда же пріѣзжалъ, къ вечеру являлась Nathalie, всегда въ верховомъ платьѣ, выѣзжавшая изъ города, вѣроятно, какъ бы для прогулки. Они уходили въ садъ, пили чай въ бесѣдкѣ, на балконѣ, или въ малиновой гостиной; она садилась за тотъ столъ, гдѣ, бывало, Елена разливала чай, на томъ же креслѣ, за тотъ же самоваръ; одинъ разъ даже—такъ какъ было очень жарко—она скинула съ себя суконное платье, и спросила что нибудь полегче: Милка взяла у Вѣры ключи и подала ей кружевный чепчикъ Елены, съ голубою лентою вокругъ шеи...

Дѣвочка это видѣла.

Отецъ все это время былъ необыкновенно возбужденъ и селъ. Вѣра это знала по его насвистыванію и по рѣзкой манерѣ, потому что съ нею онъ не говорилъ. Съ утра выкладывалъ онъ у себя на столѣ книги, въ которыхъ отмѣчалъ что надо Вѣрѣ прочитать, изъ чего сдѣлать экстрактъ, что перевести на англій-

скій или на французскій языкъ, и спѣшилъ уѣхать. Вѣра находила эти отмѣтки, и вѣло исполняла назначенное.

Когда она подѣзжала, всегда къ калиткѣ сада со стороны поля, Павелъ Федоровичъ спѣшилъ съ балкона, подводилъ ее по аллеѣ къ ступенямъ, самъ, почти на рукахъ, снималъ ее съ сѣда, звонилъ, что бы прибрали лошадей, а ее вводилъ въ прохладу и тѣнь; отсюда не разъ слышала дѣвочка тѣсную любви, которая еще такъ недавно радовала Елену! Часто голоса ихъ сливались изъ тѣнистой рощи, и слушало ихъ только, въ теплыя ночи, въ темномъ уголкѣ, безмолвное недѣтское горе дѣвочки.

Когда они были вдвоемъ, она никогда не входила: видѣть ее, ей было слишкомъ тяжело.

Но однажды, передъ чаемъ, отецъ позвалъ ее.

— Неужели разливать чай? подумала она; ни за что не стану!

Она вошла.

Отецъ сидѣлъ съ Nathalie рядомъ на кушеткѣ, въ своемъ кабинетѣ, и велѣлъ Вѣрѣ принести книгу, путешествіе, первую часть котораго давалъ ей читать.

Дѣвочка пошла и вернулась съ книгою.

— Le voici, monsieur, сказала она сухо.

— Какова умница! что читаетъ! сказала амазонка заискивающимъ голосомъ.

Дѣвочка, молча, держала книгу передъ отцомъ.

— Présentez le à madame, сказалъ онъ ей.

Вѣра продолжала держать ее передъ нимъ, и, услышавъ повторенное имъ еще разъ приказаніе, положила книгу на его колѣна. Если бы онъ сломалъ ей руку, то она не двинула бы ее вправо, въ ту сторону, гдѣ она сидѣла.

Онъ схватилъ книгу, и бросилъ ее на столъ. Глаза его сверкнули. Дѣвочка смотрѣла на него прямо, блѣдная, суровая. Если бы эта искра, которою загорѣлись глаза Павла Федоровича, сожгла ее, то ей было бы легче, чѣмъ жить такъ, и приносить ей что нибудь по его приказанію.

— Ступай отсюда! сказалъ онъ.

Дѣвочка ушла, свернулась въ большомъ креслѣ, которое прикатили къ ней во время ея болѣзни, и спрятала лице отъ свѣта. Кругомъ тишина нарушалась лишь стукомъ маятника. Соня съ недѣлю гостила у Елисаветы Алексѣевны; Вѣра ее нарочно тамъ оставила; отецъ о ней и не спрашивалъ. Милка не смѣла войти въ барышнѣ: она шигѣла и причитывала надъ Вѣрою, и все же выгоняла вонъ. Въ ночи дѣвочка опять бредила, металась и громко, въ безпамятствѣ, звала отца.

Милка прокралась къ ней.

— Господи, оглянись Ты на нее! молилась она.

А изъ малиновой гостиной долеталъ до напряженного слуха горѣвшей въ жару дѣвочки нѣжный, тихій говоръ... Павелъ

Федоровичъ говорилъ тѣмъ мягкимъ голосомъ, который самъ по себѣ уже былъ ласкою, какимъ — дѣвочка знала — онъ говорилъ съ нею по вечерамъ, когда дневный трудъ былъ конченъ; и голосъ этотъ, тотъ самый нѣжный голосъ, ту самую теплую рѣчь, слушала теперь Nathalie!

— Я не могу... Я слышу! крикнула дѣвочка, вскакивая въ бѣшеной безумной злобѣ.

— Христосъ съ тобою! прокрадывалась къ ней снова Милка...

Дѣвочка, не слыша ее, ходила въ изступленіи по комнатѣ; дѣтская рука ея сжималась грозно, въ головѣ вертѣлись планы мщенія, слагалась рѣчь; она готовилась идти сейчасъ, высказать ему суровую правду... Нѣтъ, сейчасъ нельзя: она тамъ сидитъ!.. злобный припадокъ дѣвочки смѣнялся слезами, но такія слезы не могли ее успокоить. Она засыпала тяжелымъ сномъ, вдругъ вскакивала, снова плакала и снова бредила.

Такъ проходили длинные дни и ночи...

Такъ прошли, наконецъ, цѣлые три мѣсяца, которымъ, казалось Вѣрѣ, и конца не будетъ!

Она измучилась.

Однажды утромъ, Павелъ Федоровичъ засталъ ее у себя въ кабинетѣ: она вертѣла въ рукахъ его дорожный пистолетъ. Увидѣвъ отца, она ни смутилась, ни положила оружіе на мѣсто, а продолжала осматривать и повертывать пистолетъ. Съ перваго взгляда на нее, отецъ увидѣлъ, что она въ крайне возбужденномъ состояніи: лице ея было все въ пятнахъ, глаза опухли.

— Что ты дѣлаешь съ пистолетомъ? спросилъ онъ кратко и совершенно спокойно.

— Хочу дойти, какъ изъ него стрѣляютъ.

— Но, пока ты дойдешь, онъ выстрѣлитъ: онъ заряженъ. Не держи его дуломъ къ лицу. Дай, я тебѣ покажу какъ стрѣляютъ.

Онъ показалъ ей гдѣ курокъ, какъ его спускать и, нацѣливъ въ садъ на вершину дерева, далъ дѣвочкѣ выстрѣлить, не выпуская его изъ своихъ рукъ.

— А! сказала она. И послѣ того... смерть вѣрная?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, смотря по тому, куда и какъ попадешь. Есть примѣры, что и съ пулею въ тѣлѣ человѣкъ живъ.

— А какъ заряжаютъ? спросила она.

Онъ показалъ, но не зарядилъ оружія.

— Прошу тебя, не дотрогивайся до него безъ меня, прибавилъ Павелъ Федоровичъ.

— Я не общаю, отвѣчала она сухо. Очень можетъ быть, что я скоро приду и возьму его.

Павелъ Федоровичъ не спросилъ для чего и на кого она его возьметъ. Онъ сталъ ходить по залѣ, взглядывая на дѣвочку,

которая стояла въ кабинетѣ насупротивъ дверей, и, постоявъ нѣкоторое время, медленно пошла къ себѣ въ комнату.

Въ эту ночь, по возвращеніи изъ города, Павелъ Ѳедоровичъ долго ходилъ по залѣ. Мѣрно и звонко раздавался въ пустотѣ тревожный шагъ его

— Такъ нельзя... Что больше дѣлать? рѣшилъ онъ. И сѣлъ написать въ Москву, къ знакомому, что бы поскорѣе выслали для его двухъ дѣвочекъ гувернантку нѣмку.

Въ продолженіе всего лѣта, Вѣра видѣла отца, въ сложности, не болѣе двухъ недѣль: онъ съ утра уѣзжалъ въ городъ, а когда былъ дома, то она была у него непременно. Самое сосѣдство его кабинета стало для нея мученіемъ: она слышала, какъ онъ возвращался поздно, рано вставалъ, и, по торопливой походкѣ его догадывалась, что онъ спѣшитъ одѣться и уѣхать. И малюноватая комнатка, въ которой онъ обыкновенно сидѣлъ съ Nathalie по вечерамъ, была слишкомъ близка. Вѣра часто, слышала разговоры, отъ которыхъ сердце ея первое время болѣзненно сжималось, но потомъ боль замерла, и дѣвочка ожесточилась.

Домъ мало по малу пустѣлъ: для Nathalie отдѣлывался домъ въ городѣ, и великолѣпная штофная гостиная, и всѣ эти фестоны вазы и рѣзба, выписанные Еленюю, отправились для украшенія ея жилища. По пустымъ комнатамъ ходилъ вѣтеръ, да слонялась дѣвочка, отпирая всѣ двери, въ отсутствіи отца; его собственныхъ шаговъ по длинной амфиладѣ заставляло ее вздрагивать. Соня вбѣгала иногда съ звонкимъ смѣхомъ, и какъ то дико раздавался смѣхъ этотъ въ такой унылой пустынѣ.

Хрусталь, посуду, серебро—Павелъ Ѳедоровичъ все отдалъ. Наряды Елены послѣдовали за ними. Ключей ни отъ чего не осталось: сундуки и шкафы всѣ были увезены. Да дѣвочка давно и не хозяйничала: приносили ей кусокъ мяса, она молча его съѣдала; пытались ей дѣлать разныя пирожныя, угощали плодами—она отказывалась.

Большую частію она лежала молча въ большомъ креслѣ, на которомъ умерла мать; въ рукахъ была книга или работа, но и читала, и работала она какъ во снѣ.

Павелъ Ѳедоровичъ, однажды утромъ, передъ отъѣздомъ въ городъ, зашелъ къ ней въ комнату. Она, по обыкновенію, лежала, свернувшись въ длинномъ креслѣ.

— Что ты все лежишь? Развы ты больна? спросилъ онъ рѣзко.

Дѣвочка, краснѣя, привстала.

— Я спрашиваю это потому, продолжалъ онъ, гораздо мягче, что, если ты больна, я пришлю къ тебѣ доктора; а нѣтъ—такъ займись чѣмънибудь: я переводовъ твоихъ давно не видалъ. Что ты переводишь? Что ты не читаешь? Болить у тебя чтонибудь?

*

— Нѣтъ, ничего, отвѣчала она неохотно. А все, что у меня было, я уже прочтала, и сдѣлала выборы.

— Цѣлый ящикъ привезли надняхъ: займись, разбери его. Я отберу потомъ, и укажу что для тебя..

Съ этими словами онъ уже уходилъ.

— *Потомъ...* теперь некогда подумала дѣвочка.

Разбирать ящикъ съ нимъ вмѣстѣ бывало для нея большею радостію: разбирался этотъ ящикъ долго, по нѣскольку часовъ, потому что Павелъ Ѳедоровичъ много говорилъ по поводу каждой вынимаемой книги, и заранѣе возбуждалъ охоту прочесть ее.

Теперь же — развѣ есть у него на то столько времени?..

Онъ, вообще, былъ какъ бы передъ походомъ: все, что его связывало, онъ спихивалъ съ рукъ, и видимо тому радовался. Въ пустыя комнаты онъ входилъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ.

Вѣрѣ принесли вскрытый ящикъ, и она занялась разборкою книгъ. Но это занятіе, какъ и всякое другое впрочемъ, въ продолженіе цѣлаго лѣта, не имѣло для нея прежняго значенія.

— Поѣздамъ этимъ конца не предвидится, разсуждала она, машинально перенося книги и уставляя ихъ къ нему на окно; говорили, что она пріѣхала на время, но теперь, вѣроятно, намѣрена остаться здѣсь, если ей отдали всѣ мамины вещи. Но онъ долженъ же вернуться къ прежнимъ занятіямъ: нельзя ему такъ жить, — онъ привыкъ къ дѣлу, а теперь ничего не дѣлаетъ: бумаги заперты, книги оставлены, половина вещей въ городѣ; ему самому скоро это должно насучить. Да, онъ непременно вернется къ прежней жизни. Но я... я уже не вернусь: я его не люблю теперь, думала она, и думала, не смущаясь; слезъ у нея уже не было; Павелъ Ѳедоровичъ достигъ чего желалъ, — дѣвочка становилась *твердою*...

Но умъ ея искалъ исхода изъ такого невыносимаго для нея положенія: быть для него чужою, казалось ей дико.. Хотя Павелъ Ѳедоровичъ — но онъ у нея *былъ*; глядя этой мысли сурово и прямо въ лице, она пережлакала потомъ еще и ту мысль, что Павла Ѳедоровича даже у нея не стало.. Что же у нихъ за отношенія? И какъ они теперь тяготятъ другъ друга!..

Что читать, что дѣлать, Павелъ Ѳедоровичъ указываетъ; но какъ это все тяжело! лучше бы онъ не указывалъ.. Все это безъ всякаго участія! все это — точно пародія прошлаго!

Если бы Вѣра знала людей, то она давно поняла бы, что Павелъ Ѳедоровичъ, лишь ради цѣли *поправлять* вину, могъ запереться съ учебниками, и жить почти монахомъ; что слишкомъ сильна въ немъ была потребность жизни, во всѣхъ ея отношеніяхъ, для того, что бы могла оставаться долго неудовлетворенною.

Вѣра, неумѣвшая еще объяснить себѣ отца, винила его въ томъ, что онъ, поддавшись вліянію Nathalie, бросилъ начатое

дѣло: говорить одно, а дѣлаетъ другое. Я его не люблю теперь, думала она; я имѣю на то причины. За что же онъ меня теперь не любить? что я такого сдѣлала, что онъ со мною говорить почти не можетъ? Я дѣла, кажется, не бросала: какъ мнѣ ни тяжело было учить Сою, а думать о другомъ, я все-таки ее учила, и экстракты и переводы свои дѣлала. Но все это лежитъ непоправленное. Ему некогда. Это она ему велѣла не заниматься! А онъ такъ и послушался? Что же онъ за маленький ребенокъ? И чѣмъ все это кончится? Какъ враги встрѣчаемся, право! лучше бы, кажется, и не видать его совсѣмъ!

Тоже самое рѣшилъ и онъ.

Проходилъ жаркій августъ. Въ одно утро, отворивъ дверь кабинета, Павелъ Ѳедоровичъ позвалъ Милку, и объявилъ ей, что надняхъ прійдетъ нѣмка, съ которою дѣвочки отправятся къ бабушкѣ (къ его матери) въ Т—кую губернію. Милкѣ и лакею Василию ѣхать съ ними, и приготовить имъ все поскорѣе къ дорогѣ.

Сердце Вѣры такъ наболѣло въ послѣднее время, что, казалось, не могло уже страдать болѣе. Но съ каждымъ днемъ ей приходило выносить страданіе новое: отсылать ее отъ себя, когда онъ обѣщаль не отдавать ее никому, никогда, обѣщаль приготовить ее для жизни тяжелой, въ которой она не виновата,—отсылать, хотя бы даже къ своей матери— было бы жестоко и нечестно, если бы не было положительной невозможности жить вмѣстѣ такъ, какъ Вѣра прожила слишкомъ три мѣсяца! Передавать ей воспитаніе какой то нѣмкѣ, которой онъ и въ глаза никогда не видалъ! Вѣра только улыбнулась при этомъ извѣстіи, сознавшись просебя, что дѣйствительно ничего лучшаго придумать нельзя было, какъ поручить нѣмкѣ, или все равно кому нибудь другому дальнѣйшее ея образованіе: Павлу Ѳедоровичу теперь самому некогда.

Думая злобно, она постоянно ловила себя на слабости: прислушивалась къ его звонкому шагу по пустымъ комнатамъ; смотрѣла изъ за угла, когда онъ уѣзжалъ на арабчигѣ; долго, долго не засыпала, когда ждала его ночью отъ Nathalie... И, упрекая себя, *закалмась*, перевертывала подушку, смоченную слезами.

Пріѣхала нѣмка, просто Амалія, изъ Ревеля, толстая, рябая, безтолково строгая и грубая въ обращеніи; чрезъ три дня послѣ ея пріѣзда, Милка нашла у нея подъ тюфякомъ дюжину батистовыхъ платковъ съ вензелемъ Елены. Когда увозили сундуки, Милка успѣла вытащить эти платки «для дѣтей,» а Амалія съумѣла ихъ вытащить и у Милки.

Милка доложила объ этомъ Павлу Ѳедоровичу. Онъ посмотрѣлъ на нее, какъ будто не пональ.

— Какіе платки?... Сбирайтесь поскорѣе въ дорогу! крикнулъ онъ. Въ чемъ у васъ остановка?

— Барышнямъ капотики шьютъ, отвѣчала Милка.

— Тамъ, у маменьки, вамъ всего этого нашьютъ. Есть о чемъ толковать!

— Да въ дорогу то, сударь: путь дальній, дѣло къ осени. Какъ бы холода не завернули?

— Ну, шейте живо, и ступайте.

Наканунѣ отъѣзда дѣвочекъ, привезли надгробный памятникъ, заказанный въ Петербургѣ для могилы Елены.

Павель Ѳедоровичъ, блѣднѣе и суровѣе чѣмъ когда либо, велѣлъ Николаю распорядиться: собрали рабочихъ, памятникъ поставили. Солнце уже садилось, а Павель Ѳедоровичъ и не собирался въ городъ.

— Сходите на могилу: не хотите ли посмотрѣть памятникъ? сказалъ онъ Вѣрѣ, проходя, мимо дѣтской, по корридору.

— Отслужить бы надо, шепнула ей Милка, стоявшая у двери.

Онъ вслушался.

— Отслужимъ! отвѣчалъ онъ, какъ бы ослабѣвшимъ голосомъ...

И тихо пошелъ по корридору.

Вѣра вышла. Ей послышался вздохъ отца, потомъ... будто рыданіе... Можетъ ли это быть? Первою ея мыслию было — подбѣжать къ нему, обнять, высказать въ слезахъ и ласкахъ всю свою обиженную любовь, высказать все, что накопилось у нея на сердцѣ горя и упрековъ... Она несла ему въ эту минуту отъ души полное прощеніе. И вдругъ вспомнила оиѣ Nathalie..

— Нѣтъ, это вѣроятно мнѣ такъ послышалось! подумала она: о чемъ ему теперь грустить? ему съ нею хорошо, и *меня* ему не нужно.

Обѣ дѣвочки пошли съ Милкою. На горѣ, за оградой, среди простыхъ деревянныхъ крестовъ и голубцовъ сельскаго кладбища, стоялъ памятникъ изъ бѣлаго мрамора съ золотымъ крестомъ, въ рамѣ изъ цвѣтущихъ кустовъ и березъ. Длиныя вѣтви ихъ спускались до золотой надписи на плитѣ мрамора...

Вѣра вспомнила, какъ мать *ея* любила и ждала, молча кашляя... Послѣдній мѣсяцъ ея жизни живо пронесся въ ея памяти; вспомнила она цвѣты поэзіи, которыми онъ усыпалъ ея потухавшую жизнь... И злобу насмѣшки выразило ея лицо. И все ея горе хлынуло на эту разукрашенную цвѣтами могилу... Она сознала, что въ жизни у нея *ничего* и *никого* не осталось. Нечему ни любить ее, ни заботиться о ней съ бѣдною сестрою. «Спиротскіе классы» начинаются...

Но, всгѣдъ за минутною слабостію, проснулось въ ней гордое сознание: что бы ни было въ жизни, чего она не знаетъ еще и предвидѣть не можетъ—она все встрѣтитъ, не робѣя и не умаляясь: дотога она натерпѣлась, такъ ожесточилась въ послѣднемъ испытаніи, какое пришлось пережить!

— Хуже этого въ жизни ничего уже быть не можетъ!» сказала она себѣ.

Въ такомъ настроеніи засталъ ее отецъ. На его лицѣ явны были слѣды недавнихъ слезъ.

Онъ остановился шагахъ въ пяти отъ могилы. Дѣвочки пошли. Онъ вернулъ Вѣру, сѣлъ на камень, и притянулъ ее къ себѣ.

— Прощай, Вѣра, сказалъ онъ ей, и — прости меня!

Онъ говорилъ глубоко разстроеннымъ голосомъ. Но страданія ознакомили дѣвочку. «Отъ него зависѣло бы не простаться!» подумала она.

— Прощай! сказала она твердо.

— Прости меня! повторилъ онъ, прости! скажи, что прощаешь: я виноватъ предъ тобою, Вѣра, кругомъ виноватъ! За будущее, и за всю жизнь твою прости меня! Тебѣ будетъ легче объ этомъ вспомнить...

Онъ молилъ; слезы у него дрожали на рѣсницахъ. Голосъ его былъ точно разбитый; нѣжный, мягкій, прежній то былъ голосъ. И слышать его снова прежнимъ, но слышать: прощай! прости меня... было для Вѣры мученіемъ, почти не по силѣ ея.

— Скажи, скажи, что прощаешь! повторялъ онъ: намъ не такъ тяжело будетъ разстаться...

— Не могу сказать... это была бы неправда, проговорила она; ты привелъ къ тому, что мы расстаемся, и я тебѣ этого никогда не прощу. Но разстаться намъ слѣдуетъ, потому что... я тебѣ теперь не вѣрю: что бы ты ни сказалъ, я подумала бы, что ты меня обманешь; и потому... я теперь не люблю тебя. Прощай. Зачѣмъ намъ теперь жить вмѣстѣ?

Она сложила руки, говоря это. Голосъ ея не дрожалъ; слезъ не было, но что то выстраданное, усиленно вынужденное прозвучѣло для него мучительно въ этомъ прямомъ отвѣтѣ.

Въ ожиданіи этого отвѣта, глаза отца сморгѣли прямо въ глаза дѣвочки. Выслушавъ его, онъ вдругъ взглянулъ въ сторону, разсѣяннo, растеряннo, какъ бы отыскивая чего то... придумывая что то... Потомъ всталъ, слегка отстранилъ дѣвочку, и, повѣсивъ голову, тихо, тихо пошелъ съ кладбища къ дому.

Въ эти двѣ, три минуты все было высказано между отцомъ и маленькою его дочерію: безвозвратное ея осужденіе было произнесено надъ нимъ, и положено начало той гнетущей скорби, которая жила съ Павломъ Федоровичемъ до послѣдней его минуты.

Онъ ушелъ. Вѣра постояла, посмотрѣла машинально ему вслѣдъ; потомъ спустилась къ рѣкѣ, и побрела вдоль берега. Она шла долго. Отрывки мыслей вертѣлись у нея на умѣ, все изъ дѣтства, изъ прошлаго что то вспоминалось.. Ей тяжело было даже стараніе отогнать эти клочки картинокъ. Она и не замѣтила, какъ прошла всѣ знакомыя ей мѣста, лѣсокъ, дере-

вню, и, оглянувшись, увидѣла, что давно отошла отъ рѣки и идетъ дорогою, которой не знаетъ.

— Тѣмъ лучше, подумала она: ночью гдѣнибудь подѣ кустомъ. А еще лучше было бы, пройти всю ночь, и понасть на большую дорогу: карета выѣдетъ завтра съ Милкою и Сонею, и я сѣла бы съ ними.—Потому это лучше, что не поѣхали бы отъ крыльца: отецъ, вѣроятно, выѣдетъ провожать... а мы вѣдь уже съ нимъ простились. И его лучше бы не видеть еще разъ. Или хотя бы онъ на ту пору былъ въ городѣ!..

И она все шла; ночь надвигалась; она совсѣмъ не знала дороги, но не старалась и отыскать ее; мысли вертѣлись и путались у нея въ головѣ.

— Ну, что же? думала она, если не найду я дороги, на которую выѣдетъ карета; ктонибудь меня встрѣтитъ, спроситъ: откуда чья такая? Я скажу—ничья; никого у меня нѣтъ; или скажу мою я? новую фамилію, и никто уже тогда не разберетъ чья это такая дѣвочка! бѣглая какаянибудь, скажутъ, безъ рода и племени. Это будетъ вѣрно. И пусть меня ктонибудь возьметъ; заставятъ хотя гряды полоть— я умѣю. И мнѣ теперь все равно, что бы ни дѣлать. А Павелъ Ѳедоровичъ станетъ... искать. Нѣтъ, не станетъ: на что ему я теперь?

Между тѣмъ совсѣмъ стемнѣло; взошла луна, блѣдная изъ за облаковъ; сыро, пусто, холодно стало въ темнотѣ! Но ни усталости, ни холода, ни страха дѣвочка не чувствовала: ей было въ голову; мысль жила на счетъ всякихъ внѣшнихъ ощущеній: «Прощай... прости меня...» какъ стонъ стояло гдѣ то въ туманѣ, надъ луговою травою...

Ея хватились дома. Гонцы отправились въ разныя стороны, и наконецъ нашли ее. Старый кучеръ бережно посадилъ ее на сѣдло, и поскакалъ къ усадьбѣ.

— Баринъ самъ выѣхалъ... говорилъ онъ.

Вскорѣ на арабчикѣ безъ сѣдла, показалась статная фигура.

— Вѣра! крикнулъ Павелъ Ѳедоровичъ.

— Здѣсь, нашелъ! отвѣчалъ Алексѣй, прибавляя хода.

Павелъ Ѳедоровичъ подѣхалъ, молча взялъ дѣвочку, посадилъ съ собою, и они прискакали къ дому. Онъ положилъ ее, въ своемъ кабинетѣ, на кушетку. Вѣра свернулась, инстинктивно обрадовавшись теплу. Павелъ Ѳедоровичъ сѣлъ у стола, потомъ ходилъ, опять садился, но не говорилъ ни слова. Кажется, между ними все было сказано.

Вѣра немного уснула.

— Ъхать? спросила она вдругъ, вскочивъ съ просонья, и думая, что проспала.

— Ъхать, отвѣчалъ онъ; но завтра. А теперь нужно уснуть: ты пошла бы къ себѣ на кровать; тебѣ здѣсь неловко.

— Нѣтъ. Если я тебѣ не мешаю, то я останусь здѣсь. Мнѣ

хорошо, сказала она. Въ послѣдній разъ; никогда я уже больше лежать тутъ не буду, подумала она, и обтерла украдкою набѣжавшія при этой мысли слезы.

— Ну да, я очень радъ, живо отвѣчалъ Павелъ Ѳедоровичъ, и накрылъ дѣвочку пледомъ. Сдѣлавши это, онъ хотѣлъ снять съ нея сапожки.

Дѣвочка вырвала у него ногу.

— Оставь! не надо! сказала она рѣзко. Какое ему дѣло до того, что бы мнѣ было удобнѣе? подумала она, отворачиваясь.

Онъ оставилъ ее, ушелъ въ залу, и принялся ходить. Съ горькимъ наслажденіемъ прислушивалась она къ его тревожному шагу. Мысль ея отъ него перешла къ Nathalie.

— Я знаю: будете жалѣть, Павелъ Ѳедоровичъ! Но уже не вернуть вамъ ничего... Намъ вдвоемъ съ нею при васъ тѣсно; одна другой мѣшаетъ; одна другой должна дать мѣсто. Вы выбираете ее... но, Павелъ Ѳедоровичъ, вспомните и дѣвочку!

Лежа съ закрытыми глазами, она старалась истолковать себѣ: за что онъ такъ любитъ эту женщину? что его влечетъ къ ней? чѣмъ онъ съ нею счастливъ? Она, какъ кажется, женщина мало образованная, и серьезныхъ разговоровъ у него съ нею не можетъ быть. Первый томъ «Путешествія по Испаніи» она валяла все лѣто, читая его, вѣроятно, по страничкѣ въ день, или и того менѣе. Изъ рѣдкихъ случаевъ, когда она ихъ видала вмѣстѣ, она могла только понять, что онъ любилъ *играть* съ нею: возилъ Павелъ Ѳедоровичъ съ нею, или бѣгалъ гораздо больше, чѣмъ бывало, съ дѣвочкою, или съ Соней. Проходя однажды подъ вечеръ мимо билиардной, дѣвочка остановилась въ тѣни, у полурастворенной двери. И отецъ, и Nathalie, были съ кіями въ рукахъ. Отецъ цѣлилъ; шаръ, въ который онъ хотѣлъ попасть, Nathalie вдругъ схватила въ ту минуту, когда пущенный Павломъ Ѳедоровичемъ шаръ уже долеталъ до него, и, зажавъ похищенное въ рукѣ, бросилась бѣжать вокругъ билиарда. Павелъ Ѳедоровичъ побѣждалъ за нею. Легкая и ловкая, какъ котенокъ, она, съ веселымъ крикомъ, поддразнивая его, мгновенно обѣжала билиардъ разъ пять; щеки ея разгорѣлись; длинныя косы разметались; Павелъ Ѳедоровичъ большими шагами догонялъ ее, но безуспѣшно; наконецъ она, слегка дотронувшись руками до борта, однимъ прыжкомъ очутилась на срединѣ билиарда. Отецъ, съ радостнымъ восклицаніемъ, схватилъ ее за маленькія ножки, такъ что она, что бы удержаться, должна была обхватить его шею. Когда она это сдѣлала, онъ взялъ ее на руки, какъ малютку... понесъ ее, прижавъ всю къ себѣ...

— Поймалъ попалась! русалка, моя милая!. Грузинка моя удаля! Моя?. Моя, вѣдь?... нѣжилъ онъ ее, цѣловалъ онъ ее.

Ея руки, ея косы черныя обвилъ онъ вокругъ своей шеи, и ихъ цѣловалъ, и щеки ея горячія и полужакрившіеся глаза...

Дѣвочка это видѣла.

Краснѣя, вспомнила она, что на слѣдующее утро, когда отецъ уѣхалъ въ городъ, она принялась за гимнастику: начала бѣгать на *гиантскихъ шагахъ*, стараясь это сдѣлать такъ же ловко, какъ Nathalie; перешла въ бильярдную: пробовала вскочить, опираясь на бортъ; разбѣжалась, ухватила за край и — не вскочила на средину. Съ третьяго раза однако же вскочила. И еще грустнѣе пошла послѣ этого въ свое длинное кресло.

Еще разъ она видѣла, — подвели ему къ балкону арабчика; ночь была лунная; онъ ѣхалъ провожать ее до города. Вѣра сбѣжала съ мостика, параллельнаго плотинѣ, шаговъ тридцать ниже, и прокралась на противоположный берегъ: повернувъ съ плотины, *они* должны были ѣхать направо, по дорогѣ вдоль рѣчки, и она долго могла идти за ними слѣдомъ, незамѣтно въ кустахъ.

Сѣли они; проѣхали плотину; повернули шагомъ по берегу направо. Тогда Nathalie сказала что то Павлу Федоровичу; онъ не разслышалъ, переспросилъ, наконецъ подѣхалъ какъ только можно было ближе, и нагнулся къ ней. Тогда она, обхвативъ его за шею, однимъ скачкомъ, очутилась у него на сѣдлѣ. Это было сдѣлано такъ неожиданно, что Павелъ Федоровичъ едва сохранилъ равновѣсіе, едва успѣлъ обхватить ея станъ. Поводъ ея лошади у ней надѣтъ былъ на руву. Отъ непредвидѣнности такого молодецкаго прыжка, арабчикъ шархнулся сначала въ сторону, потомъ вспрыгнулъ на дыбы, а смѣхъ Nathalie разсыпался приэтомъ звонкою трелію по окрестной тиши. Отецъ мало и вниманія обратилъ на гнѣвное недоумѣніе своего коня: сдерживая его одною рукою, онъ, съ какимъ то ропотомъ любви, принялъ въ свои объятія лихую красавицу; усаживая ее передъ собою, закутывая ея ноги въ шлейфъ платья, онъ ее обнималъ, лаская, и взглядомъ, и словомъ, и улыбкою... Шепталъ онъ ей что то, но дѣвочки не могла разслышать — кусты шептались тоже. Ночь сіяла, дышала благоуханіями...

Они умчались.

Дѣвочка все это видѣла.

Слышала она одинъ только разъ:

— Развѣ я всю жизнь закабалю? я, можетъ быть, завтра же умчусь куда нибудь... Только и дышешь вольно, гдѣ сердце вольно. Ты, можетъ быть, завтра же надѣвшь мнѣ. Не говори же: *моя*...

Онъ не повѣрилъ, двадцать разъ называлъ ее *моя*, и сталъ ее цѣловать, цѣловать, цѣловать.

Свернувшись у него на кушеткѣ, дѣвочка все это мысленно видѣла въ прошломъ. Вспомнила она и то, что ей пришла мысль застрѣлить Nathalie, что бы отнять у отца радость и игрушку.

— Что то *общество* съ нею подѣлаетъ? думала она. Оно будетъ на нее плевать, а она лазать на мачту у насъ въ саду, скакать съ сѣдла на сѣдло, будетъ ликовать, смѣяться, и пѣть съ Павломъ Ѳедоровичемъ...

— Какія книги мнѣ взять съ собою? спросила она вдругъ, когда Павелъ Ѳедоровичъ вошелъ въ кабинетъ, взять сигару.

— Всѣ возьми. Я тебѣ еще отобралъ изъ послѣдняго ящика.

— Всѣ? да ими полную карету нагрузишь!

— Ну, что же за бѣда? грузи. Поклажи у васъ немного.

— А кто будетъ меня учить?

— Амалія Ивановна — пока.

— Она? Дѣвочка разсмѣялась. Да она что же смыслить? А пофранцузски и поанглійски — кто мнѣ выберетъ переводъ? кто дастъ геометрическія задачи?

— Опредѣли зиму на изученіе нѣмецкаго языка: читай, говори, переводи. Я тебѣ положилъ тутъ нѣсколько нѣмецкихъ книгъ.

— Надолго я ѣду къ бабушкѣ? а ты пріѣдешь туда? спрашивала она.

— Этого я теперь не могу сказать. Я, тотчасъ послѣ вашего отъѣзда, отправляюсь за границу и — одинъ... прибавилъ онъ, желая, что бы она увезла хотя одну успокоительную мысль. Имѣніе—вашей матери, и я не считаю себя въ правѣ имъ распорядиться, какъ бы желалъ: я его сдаю въ аренду, а деньги будете получать вы, на ваше воспитаніе, содержаніе и пр. Что будетъ дальше, это мы увидимъ. Я, въ настоящее время, очень усталъ, и мнѣ хочется побыть нѣсколько мѣсяцевъ *одному*... то есть въ иной обстановкѣ а не то что въ лѣсахъ, съ медвѣдями...

— Развѣ онъ *ее* не любитъ? подумала она, почти обрадовавшись этой мысли. Но ничего она уже не понимала изъ всего, что дѣлалось тутъ все лѣто..

Павелъ Ѳедоровичъ прилегъ, и уснулъ, не раздѣваясь, на своемъ жесткомъ диванѣ.

Ночь прошла.

На утро всѣ въ домѣ поднались рано; придвинули къ крыльцу большую дорожную карету, оставили въ нее вещи; все уже было заранѣе уложено въ каретныхъ сундукахъ. Въ одинъ изъ нихъ дѣвочка заперла всѣ свои книги и тетради, все что у нея оставалось отъ прожитаго, отъ начатаго и брошеннаго...

Надѣвъ дорожныя платья, дѣвочки подошли къ отцу проститься.

— Уже? готово? сказалъ онъ. Ну, прощайте! Нѣтъ, до свиданія, мои дѣвочки.

Онъ поцѣловалъ Вѣру, прижалъ ее крѣпко. И дѣвочка обняла его, и не могла отъ него скрыть быстро набѣжавшихъ

слезъ... Онъ обрадовался этимъ слезамъ: онъ горячо поцѣловалъ эти бѣдныя, столько плакавшіе, глаза. Обѣ ея руки онъ схватилъ, крѣпко сжалъ, и покрывъ поцѣлуями.

Дѣвочка спѣшила выйти.

Въ сѣняхъ ожидали ее новыя сцены разставанія.

— Голубочки! сиротиночки наши! вопили старушки, выросившія покойную Елену.

— Храни васъ Господь небесный! хрипѣлъ бородачъ до-взжачій, не разъ носившій ихъ въ охабѣхъ на гору отъ псарни.

Все это становилось почти невыносимымъ. Ноги у Вѣры подкашивались.

Отецъ вышелъ.

— Будеть. Садись! крикнулъ онъ, и повелъ дѣвочекъ за руки на крыльце.

Въ эту минуту подали ему письмо, привезенное изъ города. Онъ живо распечаталъ его, прочиталъ.

— Вотъ, дѣти ѣдутъ... Я нынче буду, отвѣчалъ онъ посланному на словахъ. Тотъ поскакалъ обратно въ городъ.

Павель Ѳедоровичъ снова обратился къ письму.

Вѣра тотчасъ же велѣла трогать, не давъ размѣстить ни узелковъ, ни кулечковъ, которыхъ напихали во всѣ углы. Павель Ѳедоровичъ поднялъ глаза: карета вѣзжала уже на плотину, и онъ увидѣлъ у дверцы заплаканную голову Сони и профиль Вѣры, несмотря на крыльце, гдѣ онъ стоялъ.

Что? проводили, Павель Ѳедоровичъ? Ну теперь васъ можно поздравить съ новою жизнію, съ жизнію свободы! Ничто васъ не связываетъ. Будьте счастливы, если можете, но какъ же эта дѣвочка то? Не слѣдовало ли вести ее, пока она вполне и окончательно не сложится, по предположенной программѣ? Не на томъ ли основаніи проводили старика, предлагавшаго такіа ничтожныя блага, какъ законное имя и богатство? Не предположено ли было, по крайней мѣрѣ, вознаградить зато дочерей умственными благами? какъ же теперь это сдѣлается? Кто объ этомъ позаботится? Кто можетъ продолжать воспитаніе этой дѣвочки, которую, далеко не по лѣтамъ, приучили мыслить, чувствовать, рассуждать, страдать не дѣтскими страстями? развили пониманіе чести и правды, ни передъ чѣмъ неотступающей, развили твердость и силу для примѣненія ихъ къ практикѣ, желая доказать фактически, что между убѣжденіемъ и дѣломъ не существуетъ разлада, а доказали фактически лишь то, что это ничто иное, какъ теорія, чтобъ не сказать болѣе!.. Сердце растравили, умъ пробудили для вопросовъ, мысль измучили сомнѣніемъ, развили, и весь этотъ хламъ ненужный, лишь грузъ лишній, лишь тяжелый завѣтъ вашъ ей, при настоящихъ обстоятельствахъ, сдали въ руки, укравшіа дожину платковъ!.. Добре, Павель

Федоровичъ!.. говорилъ онъ самъ себѣ, бѣшено шагая по опустѣлому дому.

Давно уже это говорилъ себѣ Павелъ Федоровичъ... И опомнился Павелъ Федоровичъ очень скоро: въ ту самую минуту, когда дочь увидѣла въ болѣзни Nathalie у своей постели! Однимъ взглядомъ окинулъ тогда Павелъ Федоровичъ, и настоящее съ тѣмъ впечатлѣніемъ, какое оно должно было произвести на нее, и всѣ неотмѣнимыя послѣствія своего увлеченія для ея будущаго. Но, какъ человѣкъ ѣлишь минутно сильный, онъ тогда съ собою не сладилъ. Откладывая съ дня на день, онъ сознавалъ, что отдаляетъ отъ себя дочь, и смотрѣлъ такъ строго на свои отношенія къ ней, что, когда сошелся съ Nathalie, не смѣлъ уже и приступить къ Вѣрѣ. Чувствуя, что съ каждымъ днемъ онъ падаетъ въ ея глазахъ все болѣе и болѣе, онъ рѣзкою холодностію сталъ маскировать и недовольство собою, и сознание вины своей предъ нею.

Какъ она любила! и какъ медленно, тяжело, насильственно совершалось... какъ бы помимо воли ея, но въ силу убѣжденія... отчужденіе ея отъ отца, котораго она переставала уважать!... Строгая система въ занятіяхъ, въ чтеніи, въ выраженіи мысли точность и логичность—должны были привести къ привычкѣ все дѣлать осмысленно съ дѣтства, должны были и въ жизнь провести эти начала... Нивогда отъ роду онъ не былъ такъ послѣдователенъ, какъ воспитывая ее; она это видѣла на дѣлѣ. Вдругъ, въ одно прекрасное утро, онъ далъ ей право судить себя, съ горечью припоминая слова и совѣты, которыми онъ самъ для себя не пользовался! допустилъ, что бы присутствіе Nathalie въ ихъ домѣ еще болѣе раздражало и ожесточало ее; поставилъ ее въ туникъ передъ вопросомъ: какимъ образомъ объяснить себѣ честныя убѣжденія, какія жили въ немъ, и существованіе фактовъ, жертвою которыхъ была она?... И что же выходило? Онъ развивалъ въ ней ревность и ненависть, онъ, развивавшій въ ней до сихъ поръ все честное! Что же было дѣлать? растравлять рану до нельзя? или деспотически, въ первый разъ въ жизни, употреблять влияние свое во зло, прибѣгая къ нравственному насилію, вмѣсто влияния разума, любви и правды, на которыхъ было основано все воспитаніе?..—Но Вѣра уже и не гнулась подъ деспотизмъ! говорилъ, свѣсивъ голову, Павелъ Федоровичъ, и опускаясь въ широкое кресло, вышитое Еленю.

Воспитывать долѣе Вѣру уже ему не приходилось... Говоря ей «прости меня!» онъ предвидѣлъ всѣ результаты этого перваго житейскаго опыта... Съ точки зрѣнія дочери, Павелъ Федоровичъ былъ не вѣренъ себѣ и не послѣдователенъ; уступающій себѣ, онъ былъ не понятенъ для Вѣры, потому что онъ до сихъ поръ былъ для нея «сильный и честный;» онъ стоялъ предъ нею на пьедесталѣ, на которомъ она его такъ любила!.. Изъ этого самаго чувства осмысленной любви истекали для него обязанно-

сти; онъ это сознавалъ, потому что онъ былъ человѣкъ честный и теплый, но нарушалъ ихъ, потому что былъ человѣкъ страстный, выработавшій въ себѣ лишь гуманныя стремленія... Въ любви дочери, онъ видѣлъ, кромѣ отрады, средство къ достиженію предвзятой цѣли: выработать въ ней силу и выдержку для примѣненія къ жизни осмысленныхъ теорій. Онъ разсчитывалъ на неизбѣжное осуществленіе этой цѣли... уже начиналъ радоваться успѣхамъ... И вотъ, самый этотъ успѣхъ обрушился на мою голову! говорилъ онъ, ходя по комнатѣ, которую отдѣлалъ когда то для маленькой Рэчели. И мнѣ ли винить ее?...

Нѣтъ! въ ту даже минуту, какъ она произносила слова, отъ которыхъ онъ повѣсилъ голову, на которыя не нашелъ отвѣта, онъ любилъ ее, любилъ, какъ прекрасное дѣло рукъ своихъ!.. И въ ту минуту, когда она, лежа у него въ кабинетѣ, отвергала съ презрѣніемъ услуги, которыя недавно еще принимала отъ него съ любовью, и въ ту минуту, когда пришло изъ города письмо, въ которомъ страстная любовница упрекала его за одинъ день, проведенный наканунѣ врознь—сердце его рвалось къ Вѣрѣ, рвалось вслѣдъ за каретою, съѣзжавшею съ плотины, и онъ едва имѣлъ силу поднять на нее въ послѣдній разъ глаза... Провожая эту карету всеми своими мыслями и теплыми пожеланіями, вспомнилъ онъ вчерашній отвѣтъ дѣвочки, имъ же въ ней созданный, имъ же и вызванный!.. Ея любовь, ея непреклонность, ея правдивую и горькую рѣчь, ея безвозвратный приговоръ себѣ—онъ ими гордился. Сжимая въ рукѣ страстное посланіе, останавливаясь передъ картинками и портретами великихъ людей, развѣшанными Вѣрою по стѣнамъ своей комнаты, онъ прощался съ нею, тоскливо и горячо любя... Онъ въ тѣ минуты и осудилъ себя, и оправдалъ дочь, которая простить его не хотѣла, оправдать — не была имъ самимъ же приготовлена!.. И заплакалъ онъ, заплакалъ, какъ ребенокъ, надъ дѣломъ рукъ своихъ, и машинально швырнулъ въ уголъ скомканное письмо, звавшее его раздѣлять восторги взаимной страсти...

Мысли въ головѣ этой вертѣлись какъ шальные... Ароматная струя воздуха какъ бы пронеслась мимо, и мелькнула передъ нимъ грузинка съ длинными, какъ змѣи, косами... Онъ задышался. Живо отворилъ онъ окно... Передъ нимъ садикъ Вѣры, разбитый по плану сада американки Рэчель... Между грядъ, какъ живая, предстала передъ нимъ милая фигурка дочери, съ прямымъ и честнымъ взглядомъ... Какъ строгъ, какъ суровъ былъ къ нему въ послѣднее время взглядъ этотъ! Да, такъ и всегда будетъ: среди порывовъ страсти къ Nathane, вдругъ заглянетъ къ нему эта головка, это личико, то разгорѣвшееся отъ удовольствія скачки на мужскомъ сѣдлѣ, или отъ работы, исполняемой весело, то блѣдное и унылое, какимъ онъ его видѣлъ все лѣто, когда она одна томилась, тосковала безъ укора въ

этой комнатѣ!.. да, будетъ являться призракомъ... призракомъ дѣлъ моихъ!... думалъ Павелъ Федоровичъ.

Зорко глянулъ онъ въ даль, угадывая, что будетъ съ одинокою этою, брошеною имъ въ чужіе люди, дѣвочкою, — и это также дѣло рукъ его! То пробуждаясь, то затихая, станетъ точить ее, какъ червь, мысль о томъ, что она *потеряла право* его любить, а между тѣмъ никто ей не замѣнитъ его. И наемнымъ рукамъ отдается воспитаніе и дальнѣйшее развитіе любимаго дитяти; и уже безсиленъ будетъ его контроль! Я, кажется, міръ въ состояніи поднять на своихъ плечахъ, но это уваженіе, ничѣмъ неподкупное, но это маленькое сердце, обиженное и отвергнутое, мнѣ уже не вернуть! плакалъ онъ, не спуская глазъ съ растеній дѣтскаго садика. И обидятъ ее, сиротку, и насмѣются надъ нею!.. Помянетъ она меня недобромъ, недаромъ простить не хотѣла, много бѣдъ, скорби, проклятій, можетъ быть много, слезъ, отъ всѣхъ скрываемихъ, я ей приготовилъ!.. Я вѣдь знаю *кто и что* ее встрѣтитъ внѣ этихъ стѣнъ: мерзавцы, плантаторы, куклы ходячія и разряженныя!.. фразы — готовья, пошлыя, мучительски ядовитыя!.. А сколько поселено недоверія къ убѣжденіямъ, мною же вселеннымъ! Какъ живой примѣръ стою я передъ нею, или' непримѣяемости ихъ, или *моего личнаго безсилія*... хорошо, если бы она рѣшила послѣднее!.. Дѣвочка, не опрокинулъ ли я въ умъ твою все доброе, которое уже считалъ упрочившимся? Все я самъ оплевалъ, все самъ втопталъ въ грязь!.. А Соня?.. Нѣтъ, Сонѣ легче: она себя забудетъ, а Соню, какъ стѣною, загородитъ. Много энергіи въ этомъ маленькомъ сердцѣ... и столько преданности! Нѣтъ, не пропадетъ моя дѣвочка! выпрямился онъ, смѣло тряхнувъ роскошными волосами, — не пропадетъ: она уже теперь человѣкъ! Не затрутъ въ ней пошляки началъ, мною положенныхъ! Разберетъ она со временемъ, съумѣетъ отдѣлять личность мою отъ дѣлъ моихъ! Теперь лишь она для меня пропала. Да..

Проходили часы. Онъ, до усталости, до изнеможенія, носилъ тоску свою по опустѣлому дому. Какъ изъ агоніи вышелъ онъ, очнулся, вспомнилъ... увидѣвъ на лошади женскую фигуру у калитки, со стороны поля.

Продавъ его цѣлый день, Nathalie скакала къ нему сама по знакомой дорожкѣ.

Карета, между тѣмъ, катилась все далѣе. Дѣвочка страдала молча, и винила отца. Она говорила себѣ, что не въ томъ вопросъ: кто будетъ ее учить? но въ томъ — кому она повѣритъ? къ кому захочетъ прійти съ вопросомъ? кто угадаетъ, что ей нужно объясненіе? Съ отцомъ она не столько училась — назначеннаго *для класса* собственно времени у нея никогда не было — сколько жила и думала обо всемъ, что отъ него слышать, и каждое его слово отпечатывалось у ней въ памяти, потому что

она его слушала, и умомъ, и сердцемъ. Кого же она теперь станетъ слушать?

Новая жизнь должна была начаться. Дѣвочка съ какимъ то тупымъ отчаяніемъ смотрѣла на нее въ будущемъ, приближаясь къ этой новой жизни по пыльной, длинной дорогѣ, съ глупою своею Амалією и Сонею, которая почти всю дорогу дремала на рукахъ Милки. Настоящей минуты Вѣра старалась не касаться: она какъ бы кого то схоронила, нѣтъ, хуже, потому что она не считала себя въ правѣ плавать надъ похороненнымъ. Онъ бросилъ, ну, въ этомъ и виноватъ онъ; но онъ бросилъ, потому что разлюбилъ, объ этомъ то она и старалась не думать: досадныя слезы однако же пробивались на глаза... Она какъ бы просыпалась, слыша около себя голоса: она уходила всѣми своими мыслями въ тотъ маленькій міръ, который оставила; о томъ, что онъ оказался преступнымъ, произносила она съ такою тоскою, что не понимала какъ будетъ далѣе жить...

Мы видѣли съ какою болію и какъ долго вырывала она любовь свою изъ сердца, когда переставала вѣрить отцу; какъ просто и прямо выразилась она о необходимости разлуки. Но вотъ... прошли годы надъ этою разлукою съ нимъ... самыя ея психологическія послѣдствія уже утратили для Вѣры и рѣзкость впечатлѣнія и всю силу своего значенія. Прошли годы... она выучилась понимать даже преступныхъ... Для того ли передаетъ она намъ о прожитомъ дѣтствѣ, что бы только разравлять старую скорбь, или воскрешать дѣтскія радости? Нѣтъ. Не для того ли, что теперь умиленіе сердца было бы неумѣстно; теперь не къ чему было бы заглушать голосъ совѣсти, что бы не изречь приговора, останавливаясь передъ вопросомъ, сдерживая сужденіе о Павлѣ Ѳедоровичѣ, какъ о человѣкѣ просто, а не какъ о человѣкѣ родномъ и любимомъ? Нѣтъ. Годы прошли... Опытъ жизни научилъ прощать... и надъ одинокою могилою Павла Ѳедоровича дочь произнесла слово любви и примиренія... Другіе, чужіе, пусть взглянуть на нихъ обоихъ и произнесутъ надъ нимъ свой судъ: чужіе скажутъ вамъ, что Павелъ Ѳедоровичъ былъ человѣкъ великій, неподходявшій нисколько къ узкой рамкѣ жизни; но это будетъ, конечно, *относительно*, потому что онъ стоялъ одиноко въ средѣ дюжинныхъ, и, въ силу самаго этого факта, долженъ былъ оказаться несостоятельнымъ. Отъ этого и долженъ былъ произойти рядъ ошибокъ, на которыя любившіе его тѣмъ болѣе смотрять строго, что въ такой природѣ ничто не мелко, ничто не могло быть для нихъ безъ значенія. Природа создала его съ огромными способностями и талантами, съ умомъ, почти все охватывающимъ; сила честнаго вліянія оказалась неотразимою на многихъ; стремленія самыя благія оставались неразрѣшенными. Отчего? Выдаются же у насъ такія личности, смѣлымъ рѣзцомъ природы изваянныя, сотворенныя ею какъ бы въ минуты особаго благо-

воленія ея къ челоѣчеству и брошенныя въ среду грубыхъ или пошлыхъ, какъ бы съ дерзкимъ вызовомъ: что то она сдѣлаетъ съ такимъ созданіемъ своимъ? какъ то она его закрутить, изомнетъ, затретъ въ своей тинѣ? Или засосетъ въ нее? И, дѣйствительно, закрутить, изомнетъ, затретъ его среда эта въ своей тинѣ, если не засосетъ! Заглянемъ впередъ, и увидимъ, что и Павелъ Федоровичъ гибнетъ: его разбила, сокрушила житейская рутина. Ему ли было съ нею не сладить? А нѣтъ, сгибъ. Отчего же, отчего же это, какъ подумаешь, такъ бываетъ? Но на вопросъ этотъ пусть отвѣтитъ тотъ, кто со временемъ станетъ писать безпристрастно исторію развитія нашего общества: двумя словами его не разрѣшишь. Но фактъ, печальный фактъ существованія такихъ явленій, невольно оставливаетъ зрителя, какъ крестъ, поставленный въ безлюдномъ мѣстѣ, гдѣ совершилось преступленіе.

Пріѣхали, наконецъ, Вѣра и Соня къ бабушкѣ въ деревню. Обрадовавшись имъ, старушка предположила сдѣлать семейный праздникъ: «Пашенька» былъ ея любимымъ сынъ. Она давно просила его показать ей сиротокъ, внучекъ своихъ, писала, что бы онъ ихъ привезъ, и вдругъ, неожиданно, негаданно, явились дѣвочки Павла Федоровича съ своею толстою Амалією Ивановною.

— Вотъ сюрпризъ! Каковы сюрпризы умѣетъ дѣлать дорожкой мой Пашенька! хлопотала старушка, снимая съ Вѣры дорожную сѣточку, и расчесывая ей волоса. Какая же она милочка! продолжала она, цѣлуя ее и оглядывая со всѣхъ сторонъ. Федоръ Васильевичъ, посмотри ка на нее: настоящій Пашенька!

Старикъ дѣдъ направилъ на дѣвочку лорнетъ, висѣвшій у него на снурѣ, и ласково потрепалъ ее по щечкѣ.

— Да, очень похожа на Павла, сказалъ онъ.

Дѣвочка передала имъ письмо отъ отца, которое бережно везла всю дорогу въ мѣшечкѣ, и стала цѣловать ихъ руки. Слезы набѣжали у ней на глаза при мысли, что здѣсь родился и жилъ въ дѣтствѣ отецъ... Она съ любопытствомъ начала осматривать его отца и мать. Павелъ Федоровичъ похожъ былъ и на старичка отца и на мать свою: какъ дѣдушка, онъ былъ высокъ, смуглъ, и глядѣлъ нѣсколько сурово; отъ матери же онъ наслѣдовалъ ея улыбку... Улыбка эта, которую дѣвочка видѣла въ послѣднее время обращенною лишь къ Nathalie, вызвала въ ней всю боль воспоминанія...

— Милочка моя, какая она сиротливая! продолжала бабушка; поди, покушай, или... не хочешь ли уснуть съ дороги? Нѣтъ, я велю баню истопить. Эй, дѣвки, кто тутъ? Малашка, бѣги скорѣе, скажи, что бы слегка баню протопили къ вечеру.

Она плакала, цѣлуя дѣтей, спрашивая Милѣу о ихъ покойницѣ матери, которую знала, когда Елена жила еще съ

мужемъ, въ близкомъ сосѣдствѣ отъ нихъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, угощала завтракомъ ея сиротою и жирную Амалію Ивановну.

Добрая старушка прожила мирно въ своей деревнѣ до престолныхъ лѣтъ; здѣсь у нея родилось много дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только девять; эпохами въ ея жизни были рожденіе и смерть ихъ; свадьбы этихъ дѣтей и рожденіе внуковъ; посѣщеніе архіереемъ ближайшаго уѣзднаго города; урожай большій или меньшій. Вставала она всегда до зари; мужъ уѣзжалъ въ поле или на охоту, а она занималась своими швеями, пустячками, коробочками, которыхъ было наставлено видимо, невидимо на горкѣ за стекломъ, и ровно въ полдень всѣ собирались, въ большой столовой, къ сытному и жирному обѣду, какой можетъ выносить развѣ только желудокъ нашего степняка. Послѣ обѣда, часа на два, все успокоивалось въ домѣ глубокимъ сномъ; потомъ просыпалось, кушало варенье и лакомства; въ шесть часовъ пили чай, въ 9 ужинали, а въ 10 все уже спало снова въ семьѣ патриарховъ. Итакъ они жили: потребности ума, научные вопросы—все это лишнее въ жизни, заключилъ давно уже, и разъ навсегда, глава семейства. Когда же собиралось около нихъ новое поколѣніе сыновей и дочерей, образовавшихся, пожившихъ въ столицахъ, когда старшій вѣкъ сталкивался съ молодымъ,—старикъ любилъ ихъ послушать, какъ диковинку, и снисходительно посмѣивался, до тѣхъ лишь поръ, пока молодежь не покушалась на какое либо нововведеніе въ его старомодные обычаи: до нихъ строгое запрещеніе не позволяло прикасаться.

Какъ видимъ, Вѣра и Соня попали въ міръ, имъ ни въ чемъ несродный.

Дядей и тетокъ у нихъ было множество, и у нихъ множество дѣтей. Въ радости, по прибытіи внучекъ, бабушка разослала гоцевъ къ «дѣтямъ», и приказала ихъ всѣхъ просить къ себѣ и съ внучками. Первая недѣля вся прошла въ томъ, что безпрестанно пріѣзжало новое семейство, и дѣвочки представляли тетускамъ, дядямъ (причемъ самымъ добродушнымъ образомъ, и съ видомъ сожалѣнія, шептали другъ другу что то; къ несчастію, Вѣра знала *что*), знакомили ихъ съ братьями и сестрами, наряжали и любовались ими. О книгахъ не было и помина: «точно у тетуски княгини,» думала Вѣра. Амалія Ивановна была совершенно въ своей сферѣ, съ нѣмками и гувернантками кузинъ: ѣла и спала она неимовѣрно много. Милка тоже была очень довольна пріемомъ бабушки. Соня играла весело съ маленькими братьями и сестрами.

Жизнь Вѣры съ тѣхъ поръ раздвоилась: внутри ея образовался отдѣльный, для нея одной живой міръ, со всѣмъ, что было въ немъ пережито, пережито, выстрадано, со всѣмъ невозможнымъ къ тому возвратомъ; во всемъ прочемъ она видѣла, что нужно дѣлать, какъ дѣлаютъ другіе, и дѣлала

такъ; скажутъ: «ступайте въ садъ,» и они всё идутъ и бѣгаютъ взапуски, и лазятъ по деревьямъ; принялись солить въ саду арбузы, мочить яблоки и груши, и дѣти прибѣжали «помогать», и очень шумно стало въ фруктовомъ саду. Въ одно утро они ушли одни, и выкупались всё вмѣстѣ въ «Воронѣ»,—въ холодный, осенній день; потомъ бѣгали долго съ гору на гору, что и спасло ихъ конечно отъ простуды. Ихъ за это побранили, но и посмѣялись.

— Что, хорошо выкупались? хохоталь раскатистымъ басомъ дядя Василій.

— Отлично! Лиза и Сережа лучше всѣхъ плаваютъ!

Необходимо, однимъ словомъ, было Вѣра поступить въ рядъ *дѣтей*. Кузина Аня была однихъ съ нею лѣтъ, и точно также играла со всѣми другими. Вѣра даже иногда громче всѣхъ принималась кричать, съ какою то отрадою дольше всѣхъ бѣгала, сирывала съ верха какого нибудь всѣхъ смѣлѣе, какъ будто рада была ощутить сильный минутный страхъ.

Уѣхали дяди, тетки и сестры съ братьями; Амалія позвала «барышенъ» читать. Она называла ихъ *барышнями*. «Кухарка» думала Вѣра. Вѣра читала нѣмецкій *Lesebuch* съ дѣтскими анекдотиками, писала нѣмецкія каракули; бабушка приказала сдѣлать ей хорошенкія пльцы, и начала ей вышиваніе гладію. Вѣра вышивала. Бабушка хвалила ее, ласкала. «Вѣра смирная, вроткая дѣвочка», написала она о ней къ «Пашенькѣ.» Дѣвочка, между тѣмъ, съ тоски погибала; не съ кѣмъ ей было слова сказать; къ каретному сундуку, въ которомъ такъ и стояло все уложеннымъ, она боялась и притронуться. «Вдругъ оттуда *домош* на меня пахнетъ, и я съ слезами своими не слажу».. боялась она. Старички настаивали, что бы занимать дѣтей какъ можно меньше, и Амалія Ивановна была этому очень рада.

— Годика въ три хозяйничать, да вышивать научишься, говорила бабушка, а тамъ, сосѣдъ, женишекъ, подвернется: Богъ дастъ; замужъ выйдешь...

«Такъ вотъ чѣмъ кончится?» думала Вѣра, съ ужасомъ отвертываясь отъ своей новой жизни, «и какъ все это кажется имъ просто! Да и, въ самомъ дѣлѣ, не просто ли? зачѣмъ же я училась? къ чему то готовилась?.. Надо только выучиться соленія, да варенія дѣлать... Нѣтъ, не то. О, Павелъ Федоровичъ!..»

Какъ она была одинока! Знала она, что всѣ ее любятъ, что бабушка, дѣдушка, тетки, даже экономка, хотя ворчить, но всѣ готовы дать ей не только, чего она пожелаетъ, но и предупредить всякое ея желаніе,— что всѣ беспокоятся, когда у нея болитъ голова, или когда съ удивленіемъ узнаютъ, что она, какъ часто бывало, не спитъ по ночамъ, что бабушка смотритъ на нее, любуясь и вспоминая «Пашеньку;» и рада баловать ее, какъ милого ребенка; рада помечтать и о томъ, какъ

она ее замужъ выдавать станеть, когда она выучится вязать пуховыя косынки, и солить арбузы...

Но, Боже мой! старушкѣ и не вдомекъ, что жизнь этого ребенка сокрушили: развили въ ней способность сознательныхъ впечатлѣній, и оставили ее на произволъ всякой, какой угодно, среды. Хотя задыхайся въ ней: дѣла никому нѣтъ до ея внутренней жизни. Растолкуешь ли старушкѣ, чѣмъ быть для Вѣры Павелъ Ѳеодоровичъ?—какъ онъ слѣдилъ ежеминутно за мыслию, которую возбудилъ; подмѣчалъ по одному движению брови усвоена ли ею эта мысль, или вниманіе уже утомилось,—зналъ какое она выбереть чтеніе, зналъ отчего ей случалось спать тревожно; зналъ, чего не переносить ея желудокъ; зналъ, чѣмъ ее обрадовать, чѣмъ оскорбить или успокоить: все зналъ, каждый жизненный нервъ зналъ ея маленькаго я. И все любилъ, за всѣмъ наблюдалъ. Такою осмысленною любовію онъ и сокрушилъ ей жизнь—вдали отъ себя.

При теплой либеральности его взгляда, любимый и любящій его голосъ не казался никогда контролемъ; потому, несмотря на рано развитую самостоятельность, въ дѣвочкѣ что то болѣзненно требовало такого осмысленнаго и любящаго контроля. А гдѣ же было его взять?

Затѣмъ дѣвочкѣ было рѣшительно все равно: заставляли ли ее вышивать, некло ли ее солнце, мерзли ли ея руки (и онѣ, одинъ разъ, дѣйствительно обмерзли), писала ли она каракули, болѣло ли у нея что,—она никогда ни жаловалась, ни дѣлала шага, что бы выйдти изъ непріятности, болѣзненности или неудобства положенія, потому что она какъ то и не замѣчала его.

Такая апатія была въ ней явленіемъ уже ненормальнымъ.

Но кто же у насъ развивается нормально? У насъ на глазахъ слагаются, а вѣрнѣе сламываются, личности. И потому, со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ слояхъ жизни, при какихъ бы то ни было условіяхъ ея, слышится одно, что жизнь не соотвѣтствуетъ тому, къ чему готовили; жизнь не удовлетворяетъ; требованія превышаютъ ея норму. Отзвѣтъ этотъ, изъ тысячи тысячъ голосовъ, сливается въ одинъ звукъ—горькій, желчный, полный ненависти или страданія. Блаженъ кто его не слышитъ! Человѣкъ, или измученъ или съ дѣтства, или озлобленъ и исковерканъ на школьной скамьѣ, и съ жизнью уже въ разладѣ, когда лишь только начинаются ея сознательныя проявленія.

А. К. Владимірова.

РУССКІЕ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

(Статья Лезана).

I.

Въ то время, какъ вся иностранная печать глубоко взволнована движениями русскихъ въ Средней Азии, и нѣкоторая часть ея проповѣдуетъ энергическое вмѣшательство британскаго правительства противъ расширенія власти въ этой странѣ, толкуя наступательныя дѣйствія русскихъ въ смыслъ ненасытнаго стремленія Россіи къ завоеваніямъ и къ распространенію своего могущества на Востокъ, мы съ удовольствіемъ прочли безпристрастный отзывъ объ этомъ предметѣ французскаго публициста, который, послѣ довольно подробнаго изложенія хода событій въ центральной Азии и всесторонняго обсуждения побужденій, заставившихъ русскихъ изъ оборонительнаго положенія перейти въ наступательное, излагаетъ факты, доказывающіе благодѣтельные результаты вторженія русскихъ въ глубь этихъ варварскихъ владѣній не только для среднеазиатскихъ племенъ, обитающихъ на рубежѣ острийндскихъ владѣній Англии, но и для государственныхъ и торговыхъ интересовъ всей Европы. Вотъ эта статья, извлеченная нами изъ «*Revue de deux Mondes*».

Важныя событія, уже годъ какъ совершающіяся въ Европѣ, не на столько поглотили однако общее вниманіе, что бы для него прошли незамѣченными факты, совершившіеся въ Средней Азии, и глубоко измѣнившіе политическое положеніе этой части Востока. Лѣтъ тридцать тому назадъ, подобное же положеніе дѣлъ распространило въ Индіи паническій страхъ, побудившій англичанъ предпринять, для ослабленія успѣховъ Россіи, необдуманную и несчастную, по своимъ результатамъ, экс-

педицію въ Афганистанъ. Теперь же, судя по общему тону англоиндійской печати, движеніе русскихъ армій вдоль Окса и присутствіе цѣхъ въ ста пятидесяти миляхъ отъ границъ Индіи, повидимому, не слѣшкомъ тревожатъ Англію; даже менѣе тревожатъ ее, чѣмъ Францію. Не доискиваясь причинъ этой перемѣны, я попытаюсь только доказать три явленія, въ которыхъ твердо убѣжденъ: — вопервыхъ, вторженіе русскихъ въ Туркестанъ и покореніе этой страны, есть дѣло законнаго самосохраненія; во вторыхъ, оно ни мало не угрожаетъ интересамъ Европы или англійскимъ владѣніямъ въ Индіи, и, наконецъ, в третьихъ оно не только не составляетъ бѣдствія для покореннаго населенія, но, напротивъ, открываетъ единственный путь спасенія этимъ племенамъ, неспособнымъ самостоятельно организоваться и управляться.

Когда, три вѣка тому назадъ, Россія окончательно освободилась отъ татарскаго владычества, и уничтожила вдоль Волги послѣднія государства, образовавшіяся изъ монгольскаго царства, она вдругъ увидѣла себя призванною, почти обязанною, завоевать половину Азіи. Кочевья племена, отброшенные за Уралъ, униженные и раздраженные, долго еще питали надежду возвратить утраченное, а Россія не была еще въ ту пору такимъ громаднымъ государствомъ, какимъ она является намъ, въ настоящее время, на картѣ Европы. Но, несмотря на то, знаменитая *Золотая Орда* исчезла съ лица земли. Отъ нея остались только разбѣянные племена, безъ всякой политической связи; они отказались отъ войны и ограничились набѣгами и грабежомъ, первымъ условіемъ кочевой жизни. Такимъ образомъ, киргизы (общее, но неточное, названіе, даваемое тремя большимъ ордамъ, которыхъ настоящее національное имя *казаки* или *кайсаки*) сдѣлались весьма безпокойными соседями для русскихъ подданныхъ, населявшихъ пріуральскій край, т. е. для калмыковъ, казаковъ и оренбургскихъ поселенцевъ. Что бы защитить это мирное населеніе, Россія нашлась вынужденною идти далѣе и далѣе, и завоевывать одинъ край за другимъ, что бы прикрывать уже завоеванное. Три орды были разбиты одна за другою въ бесплодныхъ степяхъ, и, что бы обезпечить безопасность своихъ восточныхъ провинцій, русскіе должны были протянуть линію укрѣпленныхъ постовъ отъ Оренбурга до Байкала, т. е. на протяженіи, равномъ разстоянію отъ Петербурга до Барцелоны. Вотъ какова была, 30 лѣтъ тому назадъ, русская граница со стороны такъ называемой Независимой Татаріи. Была ли эта граница только временною, въ умѣ русскаго правительства; обозначала ли она только отдѣлъ въ завоеваніи Турана?—До 1850 г., мы не видимъ ничего такого, что показывало бы намѣреніе императора Николая I продолжать завоеванія на югѣ. Русскія арміи проникали до хорошей рѣки, до Сыръ-Дарьи и до Аральскаго моря, но эти успѣхи еще не сулили тогда того, что они потомъ дали. Сыръ—рѣ-

ка извилистая, полная мелей и неудобная для плаванія; что же касается Аральскаго моря, то оно было окружено со всѣхъ сторонъ песчаными степями (*Кизилькумъ*), и не представляло ни одной точки для колонизаціи. Даже когда то плодородныя равнины Ургенда, окружавшія его съ юга, обратились, при варварскомъ правительствѣ хивинскихъ узбековъ, почти въ такую же пустыню, какъ и весь этотъ край. Создать флотилію на Аральскомъ морѣ стоило бы огромныхъ суммъ, потому что строить на мѣстѣ было невозможно, и пришлось все привозить на верблюдахъ, черезъ степь, простирающуюся на триста миль. Такимъ образомъ все осталось бы въ прежнемъ видѣ на долгія времена, если бы неосторожность и неисправимое варварство туркменскихъ хановъ не навлекли на нихъ роковымъ образомъ отдаленной грозы. Попытаемся представить картину этого варварскаго міра, уже на половину поглощеннаго Россіею; тогда увидать, можно ли сожалѣть объ уничтоженіи такого порядка вещей, и осуждать державу, рѣшившуюся ниспровергнуть и измѣнить его.

Средняя Азія раздѣлена въ настоящее время, какъ и болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, между двумя племенами, весьма различными по своей судьбѣ, способностямъ и энергіи, между иранцами и туранцами, или, употребляя названія, болѣе извѣстныя читателямъ, между персіянами и татарами. На этихъ высотахъ, колыбели человѣческой расы, ведется вѣчный споръ между осѣдлымъ и цивилизованнымъ земледѣльцемъ и кочевымъ, необузданнымъ и хищнымъ сыномъ степей. Съ тѣхъ поръ, какъ этнографическія изслѣдованія помогли рѣшить много историческихъ вопросовъ, всякому стало извѣстно, что иранцы и индусы суть старшія вѣтви арійской расы, къ которой принадлежатъ почти всѣ европейскіе народы. Къ иранской группѣ принадлежатъ не только новѣйшіе персіяне (хотя и непризнающіе янаго національнаго и общаго названія), но и рядъ народовъ на пространствѣ Азіи до степей западнаго Китая, которые, не имѣя никакой политической связи съ Персіею, говорятъ однако древнимъ персидскимъ языкомъ, болѣе или менѣе съ примѣсію турецкаго или тибетскаго. Сосѣдніе турки, имѣющіе, подобно всѣмъ восточнымъ народамъ, наклонность къ обобщенію, называютъ всѣхъ иранцевъ, отъ Тигра до Окса, общимъ именемъ *таджиковъ*, происхождение и значеніе котораго объясняются различно. Характеристическая черта таджикскаго племени состоитъ и теперь, какъ отъ самой глубокой древности, въ наклонности къ осѣдлости и земледѣлію; въ этомъ состоитъ ихъ глубокое различіе съ селитами, которыхъ кочевые и предпріимчивые инстинкты вѣрно характеризованы Мохамедомъ, сказавшимъ при видѣ плуга: «Всюду, куда проникаетъ это орудіе, оно приноситъ съ собою позоръ».

Между таджиками, живущими на равнинѣ, и туранцами, ко-

чующими по степямъ и по соленой пустынѣ, при всякой встрѣчѣ, возгарается война. Пока древняя Персія была цивилизована и могущественна, ей удавалось обуздывать голодные орды хищниковъ, грозившихъ ей нападеніемъ; но побѣды Кира не имѣли такихъ результатовъ, которые можно было бы сравнить съ быстрыми, и, въ то же время, прочными успѣхами молодого арбельскаго побѣдителя. Александръ, съ нѣсколькими тысячами ветерановъ, основалъ великую греческую колопію, сдѣлавъ зерномъ Бактрійскаго царства, которое было, въ продолженіе пяти вѣковъ, передовымъ постомъ греческой цивилизаціи въ Верхней Азіи. Въ свою очередь, ослабили и греки; перевѣсъ кочевыхъ племенъ заявляется учрежденіемъ въ Персіи Парскаго государства; Бактрія и греческія государства на Индѣ исчезаютъ, наводненныя ордами скивоу; Средняя Азія становится жертвою самой дикой анархіи, и появившемуся исламизму достаточно было менѣе десяти лѣтъ для того, что бы пронести свое знамя отъ Ктезиона до Самарканда.

Съ Халифами послѣдовало тоже, что и съ Селевкидами, которыхъ они смѣнили: ихъ наскоро сколоченное царство распалось на части, при первомъ сильномъ ударѣ, и обломки его были на столько значительны, что образовали сильныя государства. Однимъ изъ главныхъ была Фергана, включавшая въ себя, во времена крестовыхъ походовъ, самые богатые, населенные, промышленные и просвѣщенные города: Самаркандъ, Бухару и Ургендъ, которыхъ богатство описано въ пышныхъ выраженіяхъ у Эдризиды и у всѣхъ средневѣковыхъ арабскихъ поэтовъ. Въ Ферганѣ господствовало монгольское племя, узбеки, которыхъ удачная попытка сдѣлала наслѣдниками цивилизованныхъ властителей древней Бактріи. Съ узбеками случилось тоже, что уже не разъ случалось съ дикими народами, покорявшими себе народъ, извѣщенный цивилизаціею: вступивъ въ долину Окса съ привычками и вкусами дикой жизни, они были преобразованы, и втянуты тою цивилизаціею, которую повидному пришли истребить. Это счастливое преобразование дважды задерживалось знаменитою въ исторіи Азіи революціею: оставшіеся въ степи кочевые монголы нахлынули, съ начала подъ предводительствомъ Чингисъ-хана, а потомъ Тимура, на западную Азію, и узбеки стали первою жертвою этого страшнаго нашествія. Ихъ города были разграблены; ихъ мечети и училища обращены въ конюшни, и сами они отброшены въ пустыню, гдѣ опять впади въ прежнее варварство и нищету. Монгольское царство просуществовало еще менѣе царства халифовъ. Въ концѣ XV вѣка, изгнанные узбеки получили возможность возвратиться въ Хиву и въ Бухару, но они уже не принесли туда почти никакого слѣда своей первой мимолетной цивилизаціи. Они уже не могли отказаться отъ анархіи, грабежа и насилія, съ которыми свылись въ продолженіе почти четырехъ вѣковъ, и нѣтъ ничего одиорб-

разнѣе исторіи ханствъ: Хивы, Кокана, Бухары и Кондуца въ послѣдніа триста лѣтъ. Деспотическія правительства, междоусобныя войны по смерти каждаго эмира, отравленія, измѣны, возстанія мелкихъ феодальныхъ правителей, хищническія набѣги, подъ именемъ вѣдшихъ войскъ,—вотъ все, чѣмъ наполнены эти печальныя страницы до того дня, какъ необузданная опрометчивость узбекскихъ хановъ привела ихъ въ столкновение съ русскимъ правительствомъ. Что бы вѣрнѣе изложить характеръ и значеніе этой ожесточенной борьбы, необходимо дать ясное понятіе о политическомъ и общественномъ положеніи туранскихъ государствъ. Мы ограничимся въ нашемъ описаніи однимъ Бухарскимъ ханствомъ, во первыхъ потому, что оно одно противустоитъ еще теперь Россіи, и, вторыхъ, такъ какъ организація всѣхъ четырехъ ханствъ одинаковая. Довольно описать одно, что бы узнать всѣ.

Бухара, которой вся восточная сторона еще совершенно неизвѣстна европейскимъ географамъ, имѣетъ естественными границами передовый крайъ, окружающій Памирскую нагорную долину, и простирается отъ востока къ западу вдоль двухъ большъ хъ рѣкъ, идущихъ параллельно, Зераихана (серебряная рѣка) и Чехръ-и-Забза, между которыми есть то общее, что, истощенныя многочисленными каналами, прорытыми прибрежными жителями, обѣ вончаются небольшими озерами, прежде чѣмъ вливаются въ Оксъ, къ которому онѣ направляются. Эти рѣки, неудобныя для навигаціи, полезны для земледѣлія, которое довольно усовершенствовано на ихъ берегахъ. Пахатныя земли въ этихъ мѣстахъ, ежегодно удобряемыя разливомъ, перерѣзанныя оросительными каналами и множествомъ ручьевъ, бѣгущихъ съ горъ, могутъ поспорить въ плодородіи съ лучшими частями Средней Азій; но за Бухарою и Карши горы прекращаются, уступая мѣсто песчанымъ, бесплоднымъ холмамъ; черноземъ смѣняется пескомъ; воды исчезаютъ; это степь, песчаная *желтая степь*, естественная граница, противопоставленная, какъ честолюбію бухарскихъ эмировъ, такъ и нападеніямъ, угрожающимъ имъ со стороны Хивы и Персіи. Однако, постоянно возрастающая власть афганскихъ султановъ въ Кабулѣ убѣдила бухарскихъ хановъ въ необходимости обезпечить за собою часть рѣки Окса, и они заняли вдоль этой рѣки рядъ небольшихъ укрѣпленныхъ городовъ: Термезъ, Килифъ, Харджуи. Послѣдній пунктъ далъ имъ господство на большой караванной дорогѣ между Туркестаномъ и Персіею, а слѣдовательно и надъ транзитною торговлею значительной части Верхней Азій.

Все Бухарское ханство занимаетъ не болѣе пяти тысячъ шестисотъ квадратныхъ миль, по увѣренію русскаго путешественника, г. Ханькова, объѣхавшаго эту страну 25 лѣтъ тому назадъ, и имѣетъ два милліона жителей, на пять или шесть сотъ квадратныхъ миль пахатной земли. Полагаю, однако, что эти двѣ цифры

нѣсколько преувеличены, особенно первая. Изъ четырнадцати или пятнадцати бухарскихъ городовъ, въ обѣихъ столицахъ, Бухарѣ и Самаркандѣ вмѣстѣ, менѣе ста тысячъ жителей; остальные города—не болѣе какъ группы, состоящія изъ нѣсколькихъ сотъ домовъ, и окруженныя полуразрушенными стѣнами, которыя развалываются болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ. Благодаря настойчивости, свойственной земледѣльческому народу, особенно таджикамъ на берегахъ Окса, земледѣліе находится въ Бухарѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи, также какъ и связанное съ нимъ скотоводство. Промышленность ханства ограничивается грубыми бумажными тканями, которыя могутъ, по своей дешевизнѣ, выдерживать конкуренцію съ манчестерскими, и весьма ограниченною шелковою фабрикаціею, которою занимаются мервисы (персіяне, переселившіеся изъ Мерва); шелковыя ткани идутъ на потребленіе туземной аристократіи. На Востокѣ есть очень много городовъ, существующихъ только своимъ прошлымъ, которое мы, по невѣжеству, принимаемъ за настоящее; таковы: Испаганъ, со своими дворцами, Ширазъ, со своими благоухающими садами; Багдадъ, имя котораго напоминаетъ Гарунъ-аль-Рашида и столько славныхъ халифовъ. Во всѣ эти мѣста путешественникъ вступаетъ съ воображеніемъ, полнымъ разказовъ изъ *Тысячи и одной ночи*, и пробуждается среди пыльных развалинъ и крайней матеріальной нищеты; но все же не такой ужасной, какъ скрывающаяся подъ нею нравственная нищета. Бухара и Самаркандъ не исключенія изъ этого правила. Паденіе началось уже въ XII вѣкѣ, во времена Эдризидовъ; уже тогда Самаркандъ представлялъ развалины, и служилъ только обширнымъ складомъ невольниковъ. Все населеніе этого ханства едва ли превышаетъ миллионъ двѣсти тысячъ душъ; иначе, невозможно бы и понять, почему царствующій нынѣ эмиръ, проповѣдывавшій священную войну и собравшій всѣ силы своего ханства, что бы остановить побѣдоносное приближеніе русскихъ, имѣлъ подъ знаменами всего сорокъ тысячъ солдатъ въ дѣлѣ при Ирджарѣ. Бухарское правительство монархическое, въ смыслѣ корана. Въ Бухарѣ царствуетъ самодержавный полудуховный государь, которому коранъ не предписываетъ иныхъ обязанностей, какъ служить вѣрѣ своею верховною властію и быть свѣтскою рукою ислама. Идеаль мусульманскаго правительства есть крайняя противоположность того, что мы понимаемъ подъ словомъ правительство: договоръ между государемъ и народомъ представляется мусульманину чѣмъ то чудовищнымъ, безбожнымъ. Что такое султанъ или эмиръ по точному смыслу корана? Это святой человѣкъ, ревностно исполняющій всѣ предписанія закона, наблюдающій надъ тѣмъ, что бы вѣра не остывала; онъ содержитъ мечети, монастыри и богословскія школы; даетъ всѣмъ судъ безпристрастный, и предпринимаетъ, какъ можно чаще, священные походы противъ своихъ невѣрныхъ сосѣдей, христіанъ,

или язычниковъ; убиваетъ ихъ, или, что считается несравненно большею заслугою, толпами уводитъ ихъ въ неволю, и обращаетъ въ истинную вѣру. Таковъ настоящій султанъ, имѣющій права называться «столпомъ вѣры», самое славное прозвище, какое можетъ заслужить мусульманскій государь. Кто осмѣлится говорить объ администраціи, о правильномъ налогѣ, о балансѣ бюджета, о промышленности и торговлѣ, о законахъ и парламентѣ? Мусульманскій государь—тѣнь Аллаха; ему принадлежить все: онъ можетъ взимать неслыханные налоги, лишь бы часть ихъ шла на дѣла вѣры, въ особенности служителямъ этой вѣры; остальное принадлежитъ по праву государю, и можетъ быть употреблено на его личную роскошь и на блескъ двора. Такой взглядъ на бюджетъ объясняетъ, почему государи разоренныхъ и въ конецъ истощенныхъ мхамеданскихъ странъ, напримѣръ, персидскій шахъ, мароккскій султанъ, египетскій вице-король, лично, богатѣйшіе государи въ мірѣ. Не подумайте, что это богатство возмущаетъ тѣхъ, на комъ оно тяготѣетъ; напротивъ, ихъ скорѣе возмутила бы противоположная система. Нужно жить съ азіятами, что бы понять какое глубокое презрѣніе внушили къ себѣ истинно благочестивымъ людямъ послѣдніе турецкіе султаны, своими реформами, европейскимъ костюмомъ, танзиматомъ, всею своею дипломатіею и политикою; подъ истинно благочестивыми, я подразумеваю всѣхъ, за исключеніемъ небольшой группы должностныхъ лицъ, нерѣдко либеральныхъ, просвѣщенныхъ и преданныхъ своему отечеству, но безъ всякаго вліянія на массы, и даже на высшій классъ, изъ котораго они сами вышли. Если таково положеніе у турокъ, наименѣе фанатическаго изъ мусульманскихъ народовъ, то чего же ждать отъ дикой Бухары, гдѣ существуютъ всѣ условія къ тому, что бы сдѣлать ее центромъ самаго крайняго фанатизма? Это ханство было еще въ прошломъ столѣтіи окружено множествомъ правовѣрныхъ мхамеданскихъ государствъ, такихъ же сильныхъ, какъ оно само, и имѣло тѣмъ менѣе интереса выступать въ качествѣ защитника ислама, что исламизму не грозила въ Туркестанѣ ни малѣйшая опасность: весь этотъ край признавалъ духовную власть турецкихъ султановъ, какъ наслѣдниковъ багдадскихъ халифовъ. Съ той поры положеніе дѣлъ измѣнилось. Малая Бухара завоевана китайцами, которые господствовали даже одно время надъ частію долины Окса; хивинскій ханъ, несмотря на свою кажущуюся самостоятельность, находится въ зависимости отъ Россіи; богатый и цвѣтущій Коканъ на половину завоеванъ, а то, что еще свободно, погибаетъ отъ анархіи; въ довершеніе скандала, турецкій падишахъ утратилъ, своими нововведеніями, права быть официальнымъ главою ислама, и вахабитскіе еретики оскверняютъ могилу пророка на самой священной землѣ Аравіи. Среди столькихъ испытаній, одна Бухара остается неприкосновеннымъ убѣжищемъ правовѣр-

ныхъ, и отвѣчаетъ, на каждый ударъ извнѣ, удвоеннымъ религиознымъ рвеніемъ и фанатизмомъ внутри страны. Отецъ настоящаго эмира, Назиръ-Аллахъ (Божій орелъ), родъ Людовика XI, помноженнаго на Геліогобала, повидимому, первый ввелъ въ Бухарѣ эту систему правительственнаго аскетизма, достигшую высшей степени своего развитія въ настоящее время. Для него она была не болѣе, какъ оружіемъ, потому что онъ вовсе не отличался апостольскими добродѣтелями. Ему пришлось управляться съ необузданною аристократіею *спайсовъ* или *спайевъ*. Онъ придумалъ вѣрнѣйшее средство погубить ихъ: обвинивъ ихъ въ небреженіи религіею, онъ напустилъ на нихъ грубую бухарскую чернь, подготовивъ ее, какъ слѣдуетъ, къ этому дѣлу черезъ подвѣдомственныхъ ему дервишей и улемовъ. Планъ его удался; спайи были истреблены, и, на мѣсто ихъ, возникъ самый насильственный и хищный деспотизмъ, который, начавъ съ лицемѣрія, долженъ былъ продолжать такимъ же образомъ, что бы не дать противъ себя оружія первому фанатику. Въ продолженіе долгаго царствованія Назиръ-Аллаха, голица и все ханство были чѣмъ то въ родѣ монастыря, управляемаго при посредствѣ жестокаго ханженства; малѣйшее нарушеніе корана, въ отношеніи нравственности или наружныхъ обрядовъ, наказывалось смертію; но главный двигатель во всей этой системѣ террора не заботился о послѣдовательности: во дворцѣ его находился чудовищный сераль изъ мальчиковъ, набранныхъ въ знатнѣйшихъ бухарскихъ семействахъ. Этотъ варваръ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Сынъ его, пылкій Мазаферъ-ханъ, заслужилъ популярность своею личною нравственностію, но, къ сожалѣнію, искренній фанатизмъ побудилъ его сохранить систему, установленную отцомъ его, далеко не изъ религиозныхъ побужденій. Ханство стенаетъ подъ инквизиторскимъ деспотизмомъ, далеко превосходящимъ трагическія воспоминанія объ испанской инквизиціи. Улицы и базары кишатъ шпионами; довольно произнести имя эмира, не прибавивъ установленной формулы: «Пошли ему Богъ сто двадцать лѣтъ жизни!» что бы впутаться въ неприятную исторію. Одинъ взглядъ, брошенный на улицѣ на женщину подъ покрываломъ, подвергаетъ смертной казни, которую претерпѣлъ самъ мектеръ (второй министръ) за подобное преступленіе. Главнокомандующій арміею, Шарукъ-ханъ, членъ дома, царствующаго въ Персіи, выстроилъ себѣ домъ и убралъ его въ изящномъ персидскомъ вкусѣ: за это онъ отправился въ ссылку, обвиненный въ страсти къ роскоши, несовмѣстной съ благочестіемъ. Идеаль мусульманской нравственности состоитъ въ томъ, что бы общество было организовано по образцу дервишей, т. е., что бы праздное меньшинство проводило жизнь въ созерцаніи и молитвѣ, удовлетворяя только самымъ насущнымъ потребностямъ, и то относительно общественной благотворительности на счетъ трудолюбивыхъ и произво-

дительныхъ классовъ. Въ Бухарѣ и не можетъ быть иначе, въ слѣдствіе исключительныхъ условий. Этотъ городъ считается религіозною столицею Средней Азіи, такъ какъ онъ вмѣщаетъ въ себѣ священные гробницы, къ которымъ стекаются богомольцы изъ за двухъ сотъ миль въ округности. Богомольцы, сходящіеся тысячами, оставляютъ послѣ себя родъ осадка, увеличивающаго населеніе мечетей и монастырей, и постоянно возрастающаго въ слѣдствіе официальной набожности и щедрости эмировъ на постройки этихъ учреждений. Но это не все. Городъ Газретъ, завоеванный русскими, которые назвали его Туркестаномъ, былъ въ Коканѣ Бухарою въ маломъ видѣ, по случаю находившейся тамъ могилы одного святаго; жившіе тамъ *набожные люди* переселились въ Бухару, какъ и изъ другихъ городовъ, завоеванныхъ русскими въ послѣднее время. Для массы народа успѣхи русскихъ не имѣютъ никакого политическаго значенія; для нея существуетъ только религіозный вопросъ, возбуждающій, при всякомъ случаѣ, страшное фанатическое броженіе. Бухара сдѣлалась клубомъ, гдѣ пять или шесть тысячъ фанатиковъ, неимѣющихъ ни семьи, ни крова, ни даже одежды, судятъ и рядятъ о государственныхъ дѣлахъ съ криками, проклятіями и всевозможными кривляніями иллюминисма. Они побуждаютъ эмира не останавливаться, и эта роль вооруженнаго папы за вѣру въ опасности льстить его гордости; впрочемъ онъ и безъ того не могъ бы противиться этимъ изступленнымъ фанатикамъ, потому что они сильнѣе его. Они призываютъ къ оружію кушцовъ, которые равнодушны къ ихъ голосу; селянъ, которыхъ легче увлечь, и кочевыхъ хищниковъ, для которыхъ походъ въ богатія коканскія долины — дѣло не только богоугодное, но и весьма выгодное. О стратегіи, о непріятельской силѣ, о средствахъ упрочить за собою побѣду, никто не заботится. Довольно прочесть первый стихъ корана, что бы заставить умолкнуть нарѣзныя пушки, а не то можно купить талисманъ, о который притупятся вражескія сабли и пули. Благодаря такому благочестивому взгляду на мірскія дѣла, мохамеданская вѣра процвѣтаетъ въ Бухарѣ, но государственное положеніе ея очень плохо; русскіе постепенно подступаютъ къ Самарканду, а афганы, съ ихъ безбожными реформами и съ ихъ баталіонами, одѣтыми по-франкски, взяли Балкъ, Сирикулъ, Андикхо, Шиберганъ и заняли всю линію Окса. Пожалуй, можно доказывать, что народъ имѣетъ право на самоубійство, и, въ силу этого прекраснаго правила, право возставать противъ иностраннаго вмѣшательства, тѣмъ болѣе, что иностранные спасители рѣдко бываютъ безкорыстны; но, къ сожалѣнію, народы, приходящіе въ упадокъ, почти всегда бываютъ опасными для мира и благоденствія своихъ сосѣдей; такъ и Бухара. Пока русскіе не проникли до Сыръ-Дарьи, имъ было мало дѣла до того, что на Оксѣ, вдали отъ ихъ границъ, образовался центръ фанатическаго изувѣрства и военнаго деспотисма, въ высшей

степени опасный для сосѣднихъ мусульманскихъ государствъ; но теперь Россія, можно сказать, перескочила черезъ два такія государства, и стала лицомъ къ лицу со страстями, невнимающими голосу разсудка. Никакіе дипломатическіе переговоры не возможны съ людьми, постоянно находящимися въ состояніи благочестиваго изступленія. Если Россія оставитъ свое дѣло недоѣланнымъ, то она можетъ ежегодно ожидать, особенно въ время богомолія, религиозныхъ мятежей въ своихъ новыхъ провинціяхъ, и, рано или поздно, ей придется прибѣгнуть къ коренному средству, передъ которымъ она, можетъ быть, отступаетъ теперь: къ полному уничтоженію бухарской самостоятельности. Но главная причина, заставляющая насъ желать окончательнаго паденія этихъ туранскихъ государствъ, это та, что они служатъ самымъ обширнымъ рынкомъ возмутительнаго торговаго невольничества. Извѣстно, что въ бесплодныхъ степяхъ, вдоль Окса до Каспійскаго моря, кочуетъ население, котораго главные средства къ существованію состоятъ въ охотѣ за людьми: это кочевые хищники—туркменцы. Охота за людьми для нихъ столь же естественное и безгрѣшное занятіе, какъ для насъ рыболовство. Они собираются, сговариваются, и принимаютъ набѣгъ на какое нибудь селеніе Хорасана или Герата. Разоривъ и ограбивъ его въ конецъ, они связываютъ населеніе, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и гонятъ ихъ передъ собою, какъ стадо, въ пустыню, гдѣ добыча дѣлится по установленному правилу. Плѣнные остаются нѣсколько дней въ кочевьѣ, покуда ихъ друзья или родные ведутъ переговоры объ ихъ выкупѣ; затѣмъ немногіе изъ нихъ удерживаются хищниками, большая же часть отсылается на главные невольничьи рынки, изъ которыхъ бухарскій играетъ первую роль.

Многіе, можетъ быть, удивятся, что эти фанатики такъ явно нарушаютъ положительный законъ корана, воспреещающій обращать въ рабство исповѣдниковъ ислама; но туркменцы нашли средство обходить этотъ законъ, средство, болѣеavorящее въ пользу ихъ безстыдства, чѣмъ находчивости. Персіяне, которые почти исключительно бываютъ жертвами хищниковъ, придерживаются, какъ извѣстно, шітскаго ученія, и считаются еретиками у туркменцевъ, слѣдующихъ ученію суннитскому. Нашлись любезные богословы, объявившіе, что шіитъ хуже гяура, и хищники, примиренные съ совѣстію, наградили ихъ по заслугамъ. Случается, правда, что въ плѣнъ попадаютъ и турки сунниты, или узбеки, взятые съ разграбленнымъ караваномъ. Но дѣлу и тутъ умѣютъ пособить: плѣнныхъ принуждаютъ побоями и истязаніями объявить себя шіитами, и продажа ихъ дѣлается дозволенною.

Съ индусами дѣло усложняется; что бы заманить въ Туркестанъ богатые индійскіе караваны, прежніе эмиры даровали индусамъ право неприкосновенности въ путешествіи, и это право до сихъ поръ уважалось; но въ настоящее время нашли

средство продавать и индусовъ: взявъ въ плѣнъ поклонника Будды, его вынуждаютъ истязаніями обратиться въ мусульманина, разумѣется въ шита, и затѣмъ продаютъ.

Раздоры Россіи съ Хивою начались по поводу того, что туркменцы взяли въ плѣнъ русскихъ подданныхъ, и продали ихъ въ рабство въ Хиву; наказанный зато хивинскій ханъ пересталъ давать поводъ къ жалобамъ, и теперь туркменцы только на границѣ Хорасана осмѣливаются еще иногда похитить какого нибудь русскаго на южнoвосточномъ берегу Каспійскаго моря. Что бы сдержать ихъ, Россія заняла противъ персидскаго города Астрабада пустынный островъ Ашурате, гдѣ она держитъ теперь обсервационную флотилію. Десять лѣтъ тому назадъ, туркменцы Теке, имѣвшие несчастную мысль похитить двухъ, трехъ русскихъ, впервые познакомились съ европейскими карабинами. Въ 1861 г. толпа хищниковъ увела въ неволю многихъ крестьянъ изъ деревни близъ Астрабада; начальникъ русской станціи въ Ашурате послалъ въ погону за хищниками отрядъ войскъ, который жестоко наказалъ ихъ, и освободилъ плѣнныхъ. Но отъ персіянъ нечего было ждать благодарности; тегеранскіе министры мало заботились о томъ, что персидскіе крестьяне тысячами уводятся, съ веревкою на шеѣ, на бухарскій рынокъ: ихъ главною заботою было, что бы въ Европѣ не узнали о безсиліи шаха защищать своихъ подданныхъ, даже противъ плохо вооруженныхъ и незнающихъ никакой дисциплины степныхъ ордъ. Тегеранскій дворъ протестовалъ передъ петербургскимъ противъ распоряженій русскаго офицера, позволившаго себѣ самостоятельно распоряжаться на землѣ, подвѣдомственной Персіи. Русское правительство, что бы избѣжать неприятныхъ столкновеній, не одобрило распоряженій своего офицера, но удержало за собою Ашурате, и хорошо сдѣлало.

Нужно видѣть сѣверовосточныя провинціи Персіи, что бы судить объ опустошеніяхъ, производимыхъ въ этомъ краю кочевыми туркменцами; но непредусмотрительное и апатичное правительство какъ будто ждетъ, что бы пустыня образовалась до самаго Тегерана. Противъ этого зла есть только два средства: преслѣдовать и истреблять хищниковъ, и закрыть рынокъ, поддерживающій постыдную торговлю. Первое средство слишкомъ сильно и притомъ же неудобноисполнимо, пока разбойники находятъ себѣ убѣжище въ бухарскихъ степяхъ, и пока имъ содѣйствуютъ, изъ корыстныхъ видовъ, узбеки; второе дѣйствительнѣе, но оно возможно только на условіи полнаго присоединенія Бухары въ Русской имперіи. Очевидно, что съ того дня, какъ туркменцы лишатся удобнаго сбыта своего человѣческаго товара, они не станутъ предпринимать, ради одного удовольствія, слишкомъ опасные для нихъ набѣги, потому что селяне иногда отчаянно защищаются, и попавшіе въ ихъ руки жестоко поплачиваются. Если Бухара и будетъ подчинен-

на Россіи, но сохранить свою самостоятельность, то невольничій торгъ будетъ продолжаться контрабандою въ такихъ же размѣрахъ, какъ и въ Константинополь, и договоры будутъ нарушаться съ такимъ же безстыдствомъ, какъ и на берегахъ Босфора. Дѣйствительный надзоръ возможенъ только въ томъ случаѣ, если русскіе исправники будутъ объѣзжать улицы Бухары, какъ они дѣлаютъ это въ мелкихъ городахъ Закавказья.

Намъ возразятъ, что присоединеніе было бы противно чувствамъ и интересамъ побѣжденныхъ. Оно было бы справедливо, по отношенію къ европейской странѣ, гдѣ есть нація, національное чувство, патриотизмъ, потому что есть отечество; но оно не идетъ для Азіи вообще, и особенно для Бухары. Я не могу усмотрѣть связи между трудолюбивымъ, земледѣльческимъ и торговымъ населеніемъ Бухары и ея фанатическимъ правительствомъ, опирающимся на нѣсколько тысячъ преторіанцевъ, надъ которыми начальствуютъ изступленные дервиши. Мы находимъ во всѣхъ туркестанскихъ городахъ два совершенно различные элемента: трудолюбивый и производительный народъ, незараженный фанатизмомъ, равнодушный къ политическимъ революціямъ, желающій только, что бы его оставили мирно жить подъ возможно менѣе притѣсняющимъ его правительствомъ, и праздную олигархію, чиновниковъ, духовныхъ, дервишей, *хаджи*, поддерживаемыхъ войскомъ, грозныхъ только для мирныхъ жителей, и придумывающихъ только какъ бы содрать съ народа все, что онъ можетъ дать. Понятно, что народъ не слишкомъ склоненъ рисковать своею жизнію и собственностію для поддержанія правительства, которое только разоряетъ его, и нѣтъ ничего естественнѣе, что города, занятые временно русскими войсками, приходятъ въ волненіе, при извѣстіи объ удаленіи этихъ войскъ, и шлютъ, подобно Ташкенту, депутаціи къ Императору всероссійскому, умоляя включить ихъ въ свою имперію. Пусть скептики сомнѣваются въ этомъ, но мы достаточно знаемъ страну, что бы быть увѣренными въ искренности и разсудочности этого движенія. Бухарскіе купцы не невѣжды, и не ослѣплены предрасудками; они часто ѣздятъ въ Россію, въ Оренбургъ, въ Ирбитъ, на нижегородскую ярмарку: они видятъ отношенія русской администраціи къ купцамъ и обывателямъ, безопасность дорогъ, правильность таможенныхъ сборовъ, и сравниваютъ все это со своимъ корыстнымъ и деспотичнымъ правительствомъ, со своими дорогами, на которыхъ грабятъ разбойники, состоящіе въ сообществѣ съ эмиромъ, со своими таможенными поборами у каждой деревушки, и выносятъ изъ этого сравненія не слишкомъ жаркую преданность къ своему правителю. Полное завоеваніе Бухары дало бы возможность производительному населенію этого края развить его неисчерпаемые источники богатства, точно такъ же, какъ дана теперь эта возможность Закавказью, освобожденному отъ хищныхъ кав-

казахскихъ беевъ. Отъ этого пострадалъ бы развѣ одинъ эмиръ, которому дали бы щедрую пенсію и назначили бы мѣстомъ жительства Тулу, да дервиши, которымъ осталось бы удалиться въ восточный Туркестанъ, возставшій противъ Китая, и сдѣлавшійся театромъ самой неистовой и кровавой анархіи. Взглянемъ теперь на событія въ Коканѣ и на характеръ русскаго вмѣшательства въ дѣла этого края.

Въ 1840 г. Коканъ былъ завоеванъ бухарскимъ эмиромъ Назиръ-Аллахомъ, который умертвилъ побѣжденнаго хана, и увелъ въ Бухару его сына, въ видѣ заложника, но двоюродные братья покойнаго хана бѣжали къ киргизамъ, и, при первомъ случаѣ, явились протестовать, съ вооруженною силою, противъ заглавнѣнны ихъ краемъ. Имъ удалось возстановить коканскій тронъ, и они быстро наслѣдовали на немъ одинъ другому, погибая отъ измѣны и убійства. Населеніе потеряло всякое уваженіе къ такимъ государямъ. Между тѣмъ, въ продолженіе этихъ неурядицъ, русская граница часто нарушалась набѣгами коканскихъ киргизовъ на ихъ соотечественниковъ, покорившихся Россіи; коканскій гарнизонъ Акъ-Мешедъ, на Сыръ-Дарьѣ, прикрывалъ эти набѣги. Русское правительство протестовало, но этимъ только навлекло новыя оскорбленія на себя, и въ 1851 г. новымъ набѣгомъ, при которомъ коканцы утнали съ собою 75,000 головъ скота, вынудилъ русскихъ наказать ихъ, срывъ ихъ крѣпость Кохъ-Курганъ. Но этотъ урокъ былъ бесплоденъ, такъ что въ 1853 году генералъ Перовскій нанесъ болѣе рѣшительный ударъ, взявъ Акъ-Мешедъ и разбивъ, 17-го декабря того же года, многочисленную армію узбековъ, отъ которой осталось на мѣстѣ 2,000 убитыхъ и 17-ть пушекъ. Отвернувшаяся въ томъ же году крымская война помѣшала русскимъ продолжать это дѣло, и они удовольствовались тѣмъ, что удержали за собою взятыя позиціи, предоставивъ Коканъ его судьбѣ. Пораженіе 17 декабря вызвало новую революцію въ этой злополучной странѣ. Коканцы прогнали своего государя, который бѣжалъ къ молодому бухарскому эмиру, Мозалеру. Послѣдній, въ качествѣ потомка Тимура, считалъ себя призваннымъ къ завоеванію всей Средней Азіи и къ возстановленію монгольской имперіи. Онъ возстановилъ коканскаго хана, и оба ханства фактически соединились подъ властію бухарскаго эмира, который сталъ помогать коканцамъ въ ихъ набѣгахъ на русскія владѣнія. Кара обрушилась на того и на другаго. Въ 1861 г., русскіе срыли неприятельскую крѣпость Иени-Курганъ, на Сырѣ; затѣмъ въ слѣдствіе новыхъ вызововъ, они стали медленно, но неуклонно подвигаться къ югу, вдоль этой рѣки, оставаясь въ непрерывныхъ сношеніяхъ со своею флотиліею на рѣкѣ. Операции ихъ приняли дѣятельный характеръ только съ 1864 г. Онѣ взяли Газретъ-Туркестанъ, и сдѣлали его главнымъ городомъ своихъ предположенныхъ завоеваній; вслѣдъ затѣмъ былъ взятъ Чекментъ, и

русскіе подступили къ богатому Ташкенту. Первые успѣхи русскихъ не испугали эмира Мозафера; онъ видѣлъ въ нихъ случай упрочить свою популярность въ Туркестанѣ, принявъ на себя защиту ислама. Предусмотрительно заставивъ выдать ему несовершеннолѣтняго коканскаго хана, онъ послалъ въ Ташкентъ подкрѣпленіе, что не помѣшало однако генералу Черняеву взять этотъ городъ. Вскорѣ потомъ, Мозаферъ занялъ Ходжентъ, и послалъ русскому генералу наглое требованіе очистить занятія имъ части ханства, угрожая, въ противномъ случаѣ, стать во главѣ всѣхъ мусульманъ, и начать священную войну. Генераль Черняевъ отвѣчалъ, разумѣется, положительнымъ отказомъ. Дѣйствительнѣе подѣйствовало на эмира возстаніе, вспыхнувшее въ Шехръ-и-Зебзѣ, на югостокѣ Бухары; что бы предотвратить опасность, грозившую и съ сѣвера, эмиръ рѣшился вступить въ переговоры съ русскими, и отправилъ въ ихъ главную квартиру своего уполномоченнаго, Наджимить-Дина, уже бывшаго въ Петербургѣ въ 1859 г., поручивъ ему нѣсколько поздно сообщить русскому правительству о своемъ вступленіи на бухарскій тронъ, и уладить полюбовно возникшіе споры. Въ доказательство своего добраго расположенія, Мозаферъ просилъ генерала Черняева прислать въ Бухару русскую миссію, въ обмѣнъ на отправленную имъ въ Петербургъ. Черняевъ, повѣривъ его искренности, прислалъ астронома Струве, въ сопровожденіи трехъ офицеровъ, устно передать эмиру миролюбивыя завѣренія русскаго правительства, и договориться съ нимъ касательно затрудненій на границѣ. Но русская миссія, едва прибывъ въ Бухару, была заключена въ тюрьму, и всѣ послѣдующіе поступки эмира показываютъ, что эта насильственная мѣра была давно замышлена, съ цѣлію держать у себя русскихъ, въ видѣ заложниковъ, пока посоль эмира, Наджимить, не получитъ доступа къ русскому Императору, такъ какъ его остановилъ дорогою генералъ-губернаторъ Крыжановскій, и объявилъ ему, что онъ не имѣетъ надобности ѣхать въ Петербургъ, потому что ему, Крыжановскому, дано полномочіе въ дѣлахъ Средней Азіи. Какъ бы то ни было, но эмиръ ошибся въ расчетѣ: генераль Черняевъ потребовалъ безусловнаго освобожденія своихъ пословъ, и перешелъ, 11 февраля 1866 г., рѣку Сыръ въ Чиназѣ, съ небольшимъ отрядомъ въ 2,000 человекъ, при 16 орудіяхъ. Онъ направился прямо къ Самарканду, черезъ совершенно безводную степь, которая оканчивалась только у бухарской границы. Дорогою къ генералу пришло предложеніе эмира, возвратить свободу Струве и всей миссіи, если русскіе прекратятъ дальнѣйшій походъ; но, справедливо не довѣряя искренности Мозафера, генераль Черняевъ отвѣтилъ словесно, что онъ не можетъ остановиться среди степи, и что онъ вступить въ переговоры только въ Джузакѣ, въ первомъ пунктѣ, гдѣ найдетъ воду. Но, по прибытіи въ Джузакъ, у конницы оказался недостатокъ въ фуражѣ, такъ что пришлось избирать изъ двухъ крайностей,

или овладѣть Джузакомъ, и идти на Самаркандъ, или поспѣшно отступить; первое было бы безуміемъ, и генералъ Черняевъ решель обратно Сыръ. Такимъ образомъ кончилась эта смѣлая экспедиція, но предпринятая съ слишкомъ ограниченными средствами, что бы привести къ чему либо иному, кромѣ обратнаго движенія. Это была ошибка, со стороны русскихъ, съ такимъ хвастливымъ врагомъ, каковъ бухарскій эмиръ: они не должны были отступать, однажды выступивъ впередъ. Мозаферъ, струсившій было, когда русскіе подошли такъ близко къ Самарканду, ободрился, когда они ушли обратно, и сталъ дѣлательно готовиться къ войнѣ. Онъ наводнилъ своими шайками всѣ окрестности Ташкента, даже дороги въ Чемкентъ и Туркестанъ.

Съ своей стороны, и русскіе не бездѣйствовали. Генералъ Романовскій, смѣнившій Черняева, призвалъ съ Аральскаго моря пароходы «Перовскій» и «Сыръ-Дарья», которые плавали по Сыру до Чиназа, и нѣсколько разъ отбрасывали шайки, засѣвшія по берегамъ. 18 Мая 1866 года въ Ташкентъ пришло извѣстіе, что самъ эмиръ приближается съ пятитысячною регулярною арміею и съ тридцатипятитысячною ордою плохо вооруженныхъ киргизовъ. Романовскій выступилъ противъ всей этой массы съ 2,000 человекъ, въ которыхъ было около четверти козаковъ; артиллерія была ровная, по количеству, съ обѣихъ сторонъ, штукъ по 20 орудій. Русскіе вступили, во время нестерпимой жары, въ деревню Равать, въ 30 верстахъ отъ Ташкента, и всего въ пяти отъ Ирджарской долины, гдѣ расположился эмиръ съ своимъ войскомъ. 20 Мая утромъ, бухарская конница подсакала смѣшанною толпою къ русскимъ эскадронамъ, и дѣло завязалось. Оно началось съ незначительныхъ стычекъ, но къ полдню артиллерія открыла огонь, и русская пѣхота пошла прямо на Ирджары, выдерживая съ фронта и съ фланговъ, сильныя атаки непріятельской конницы. Движеніе этой колонны, затрудняемое необходимостію защищать свой багажъ, было такъ медленно, что она достигла только къ пяти часамъ позиціи, занятой эмиромъ съ его артилеріею. Последняя открыла убійственный огонь, на который русскіе удачно отвѣчали. Черезъ часъ, замѣтивъ нѣкоторое колебаніе въ рядахъ бухарской конницы, генералъ Романовскій двинулъ все свое войско на непріятельскія траншеи и отбилъ ихъ. Бухарскіе артиллеристы были заколоты, и шесть русскихъ пушекъ, поставленныхъ на мѣсто непріятельскихъ, принялись громить разстроенныхъ бухарцевъ. Подкрѣпленіе, прибывшее къ русскимъ, подъ начальствомъ полковника Краевского, помогло окончательно разсѣять непріятеля, при помощи нарѣзныхъ орудій. Побѣдители овладѣли всѣмъ непріятельскимъ лагеремъ и нашли въ палаткѣ эмира дорогіе ковры, диваны и всю азіатскую роскошь. Самъ эмиръ остановился только въ Джузакѣ, куда онъ прибылъ, въ сопровожденіи всего двухъ тысячъ человекъ,

*

кинувъ дорогою два послѣднія свои орудія. Ирджарское дѣло рѣшило въ нѣсколько часовъ судьбу половины этого обширнаго края. Генераль Романовскій, не теряя времени, воспользовался этою блистательною побѣдою; ему оставалось два пути: или преслѣдовать разбитаго врага, и покорить, городъ за городомъ, все коканское ханство, или дѣйствовать не столь быстро, но вѣрнѣе и полезнѣе. Экспедиціонный корпусъ не превышалъ, даже съ отрядомъ Краевского, 2,600 человекъ; ему, вѣроятно, удалось бы пройти степь и овладѣть Самаркандомъ, но это было бы слишкомъ рискованнымъ дѣломъ. Въ Самаркандѣ, русская армія могла удержаться, потому что населеніе этого города не было враждебно русскимъ, но эмиръ былъ не на столько обезкураженъ, что бы не продолжать войны; онъ могъ въ одну недѣлю собрать себѣ новую армію и отрѣзать русскимъ сообщеніе съ ихъ главною квартирою, въ Ташкентѣ. Это было тѣмъ легче, что при Ирджарѣ пострадала преимущественно регулярная непріятельская пѣхота; киргизская же конница почти не понесла потерь. Но этого мало. Среднее сословіе въ Коканѣ и Бухарѣ, страдавшее отъ деспотизма Мозафера, питало, какъ мы уже сказали, сочувствіе къ русскимъ, и оно заявлялось при каждомъ ихъ успѣхѣ; но, по этому самому, отступленіе ихъ, въ случаѣ неудачи, подвергло бы страшному мщенію бухарскихъ купцовъ, начальниковъ корпорацій и муниципальных агентовъ, которые успѣли бы скомпрометировать себя демонстраціями въ пользу «невѣрныхъ». Ихъ ограбили бы, какъ людей богатыхъ, а можетъ быть и перебили бы. Всѣ эти причины побудили русскихъ избрать другой путь. Генераль Романовскій перешелъ Сыръ-Дарью, и, спустя шесть дней послѣ сраженія, занялъ Ноу, не истративъ ни одного патрона. Въ два дня онъ успѣлъ укрѣпить этотъ городъ, и, 29 мая 1866 г., подступилъ къ стѣнамъ Ходжента. Послѣ Кокана, это была самая значительная крѣпость, какъ въ стратегическомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи. Она находится на поворотѣ Сыра, гдѣ эта рѣка, выходя изъ предѣстной коканской долины, достигаетъ восточной границы большой Хоризмійской степи. Это самый центральный пунктъ торговли Туркестана съ Персіею съ Афганистаномъ, съ Россіею, Индіею и Китаемъ, потому что здѣсь пересѣкаются пять караванныхъ дорогъ: изъ Самарканда, Кокана, Номенджана, Ташкента и Хивы. Революціи, ослабившія связь Кокана съ подчиненными ему провинціями, дали возможность Ходженту-пріобрѣсти нѣкоторое самоуправленіе; онъ даже отказывался иногда пускать въ свои стѣны губернаторовъ, назначаемыхъ ханомъ или бухарскимъ эмиромъ. Кромѣ крѣпкихъ стѣнъ, этотъ городъ имѣлъ естественную защиту въ рѣкѣ Сыръ-Дарьѣ. Русскіе подступили къ нему 29 мая двумя отрядами, которые расположились одинъ въ пяти верстахъ отъ города, по дорогѣ въ Бухару, другой на лѣвомъ берегу Сыра. Жители пріготовились къ энергической защитѣ; они затопили, поста-

вѣвѣ млотины, окрестность города, созвали въ его стѣны все окрестное населеніе, и срубали всѣ деревья и густарники, которые могли затруднять дѣйствіе артиллеріи. Парламентеры Романовскаго были встрѣчены пулями. 1-го іюня, русскіе открыли сильный огонь, продолжавшійся весь день, причинившій большой вредъ городу; во многихъ мѣстахъ вспыхнули пожары. На слѣдующій день, въ три часа утра, осаждающіе вступили въ предмѣстіе. Ихъ встрѣтила депутація отъ городского торговаго сословія, принесшая свою покорность; въ слѣдствіе этого, войска остановились и нѣсколько ретировались, а депутація вернулась въ городъ, въ сопровожденіи русскихъ парламентеровъ. Но, къ сожалѣнію, мирную партію преодолѣла партія фанатиковъ; главныхъ членовъ купеческой депутаціи заключили въ тюрьму, а русскихъ парламентеровъ вновь встрѣтили пулями. По истеченіи срока, назначеннаго генераломъ Романовскимъ, бомбардированіе возобновилось съ удвоенною силою, и 5-го числа, послѣ новаго рѣшительнаго приступа, русскіе вступили въ городъ. Но борьба была далеко не кончена; коканцы заперлись въ домахъ, загородили узкія улицы, и отчаянно защищались до самой ночи. Небольшой корпусъ попытался сдѣлать вылазку, и нанести врасплохъ на русскія войска, стоявшія за городомъ, но и эта попытка не удалась. 6-го іюня, городъ безусловно сдался. По officialному донесенію генерала Романовскаго, эта побѣда стоила русскимъ всего 70 человекъ, выбившихъ изъ строя, тогда какъ непріятель лишился 2,500 человекъ убитыми, не считая раненыхъ, нашедшихъ заботливый попеченіи въ русскихъ госпиталяхъ.

Несмотря на все сочувствіе, внушаемое храбростію коканскаго гарнизона, невозможно отрицать, что граждане Ходжента были весьма недовольны войною, цѣль которой состояла лишь въ томъ, что бы дать имъ властителей; если уже имѣть ихъ, то они предпочитали такихъ, которые предлагали имъ наиболѣе гарантій, порядка и безопасности. Тоже самое чувство высказалось, спустя два мѣсяца, въ поступкѣ жителей Ташкента, пославшихъ адресъ къ русскому Императору съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Если бы русскіе вступили въ договоръ съ Мозаферомъ, и возвратили ему завоеванныя имъ земли, за какое либо иное вознагражденіе, то граждане Ташкента постигло бы, съ возвращеніемъ бухарскихъ войскъ и выходцевъ, страшное возмездіе за сближеніе съ невѣрными во время занятія. Мы уже были свидѣтелями подобнаго фактовъ въ Кашгарѣ, когда толпа коканцевъ овладѣла врасплохъ этимъ городомъ; мы знаемъ, какая рѣзня послѣдовала за этою революціею. Ташкенцы помнили это, и не чувствовали никакого желанія быть перерѣзанными мнимыми патріотами Мозафера.

Эмиръ Мозаферъ хотя освободилъ русскихъ пословъ, но не мыслитель вступать въ переговоры съ побѣдителями при Ирд-

жарѣ. Онъ не столько рассчитывалъ на собственныя силы, сколько на какую нибудь неожиданную диверсію. Увѣренный, подобно всѣмъ туркамъ, что западные государи не болѣе какъ вассалы турецкаго султана, онъ послалъ, въ октябрѣ 1866 г., просить Абдуль-Азиза сдѣлать какую нибудь демонстрацію въ его пользу. Отвѣтъ султана открылъ ему глаза; пришлось искать другаго покровительства. Воспоминаніе о соперничествѣ Россіи съ Англіею—соперничествѣ, отзвывавшемся и при дворѣ его отца до 1840 г., естественно, должно было навести его на мысль обратиться къ англоиндійскому правительству; но гордость не допустила его до этого. Пока онъ колебался, русскіе, 2 октября, взяли приступомъ Оратупу, и въ ноябрѣ вторично перешли бухарскую границу, и утвердились въ Джузагѣ. Отчаянное сопротивленіе, встрѣченное русскими со стороны непріятели, неунывавшаго послѣ двухлѣтнихъ постоянныхъ неудачъ, должно было убѣдить ихъ въ необходимости дѣйствовать медленно и осмотрительно, не предпринимая слишкомъ рѣшительныхъ и рискованныхъ мѣръ.

Взятіе Джузака положило конецъ колебаніямъ эмира: онъ направилъ своего агента въ Калькутту просить помощи и вмѣшательства англоостиндскаго правительства; посланный возвратился, въ февралѣ нынѣшняго года, не добившись, разумѣется, ничего, кромѣ вѣжливыхъ фразъ, которыми подслащиваются отказы.

По этому очерку, читатель можетъ составить себѣ понятіе о томъ, какое зрѣлище представляютъ мелкія туркестанскія государства въ 1867 г. Бухара можетъ служить образчикомъ другихъ сосѣднихъ ханствъ, которыхъ политическія событія не выдвинули впередъ. Полудикіе ханы, отуманенные неограниченною властію, слѣпыя орудія дервишей, оборванныхъ бродягъ, неимѣющихъ иного занятія, кромѣ изступленнаго благочестія и требующихъ войны, потому что имъ нечего терять,—худо вооруженные воины, голодные, неполучающіе своего жалованія и вознаграждающіе себя грабежомъ; наконецъ, трудолюбивая производительная масса населенія, на счетъ котораго живутъ всѣ эти вредные, алчные паразиты; — кушцы, ремесленники, составляющіе $\frac{13}{20}$ всего населенія, но ничего незначащіе въ правительствѣ, считаемые за стадо барановъ, которыхъ можно стричь, живущіе въ постоянномъ страхѣ за свою собственность и жизнь, и видящіе себѣ спасеніе только въ чужеземномъ занятіи, въ господствѣ націй, которыхъ вѣра ихъ учить ненавидѣть;—таковъ общественный порядокъ, отстаиваемый плохо знакомыми съ нимъ защитниками азіатскихъ національностей. Не оспариваемъ достоинства принципа національностей; но для того, что бы была національность, нужна прежде всего нація, а едва ли у кого хватить наивности искать по берегамъ Окса что нибудь похожее на то, что мы привыкли подразумѣвать подъ этимъ словомъ. Въ Азіи нѣтъ націй, въ собственномъ смыслѣ, за исключе-

ніемъ Китая, и преимущественно Японіи, слѣдовательно нѣтъ и національныхъ интересовъ, и если мы хотимъ стать выше чисто матеріальныхъ интересовъ, то намъ остается заняться только однимъ высшимъ интересомъ, — общечеловѣческимъ. Упростивъ такимъ образомъ вопросъ, мы убѣдимся, что паденіе всѣхъ этихъ мелкихъ государствъ не повредило бы тому, что заслуживаетъ пощады, и что подчиненіе Россіи было бы такимъ же благомъ для трудящагося и производительнаго населенія, какимъ было покореніе Остѣ-Индіи англичанами, для огромнаго большинства индійскаго народа. Но это только одна сторона вопроса. Многіе заботятся не столько о судьбѣ потомковъ Тимура, сколько о силѣ, которую придали бы эти присоединенія и безъ того уже чрезмѣрному могуществу Россіи, и о средствахъ, которыя они дали бы ей для наступательныхъ дѣйствій противъ Европы, или противъ Остѣ-Индіи, къ которой Россія быстро приближается.

II.

Опасеніе близкаго нападенія русскихъ на англійскую Индію уже давно многихъ тревожитъ; положимъ, что это опасеніе есть не болѣе, какъ политическій призракъ, однако первые признаки его появились еще въ 1808 г. Уже въ то время, тильзитскій миръ заставилъ Англію тревожиться ожиданіемъ, что двѣ сильныя континентальныя державы, обезпеченныя со стороны своего политическаго господства въ Европѣ, попытаются завладѣть лучшею частію Азіи. Вотъ что побудило Англію посылать въ Персію, съ 1808 по 1814 г., три или четыре посольства, стоившія ей очень дорого; они хотя и не утвердили британскаго вліянія при тегеранскомъ дворѣ, но по крайней мѣрѣ доставили намъ важныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ. Персія, и въ ту пору, какъ теперь, считалась ключемъ къ Индіи.

Россія еще не выступала за Оренбургъ, и между нею и Гималайскими горами лежало такое безвѣстное пространство, что нельзя было и предвидѣть опасности со стороны Окса и Бухары. Даже со стороны Персіи не помышляли о пути въ Гератъ, ведущемъ и въ Афганистанъ; храбрыя племена, жившія на этомъ пути, замыкали его повидимому для всѣхъ. Опасенія болѣе возбуждались южнымъ путемъ, вдоль Персидскаго залива, которымъ прошелъ, въ обратномъ направленіи, Александръ Македонскій, возвращаясь, болѣе двухъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, изъ завоеванной имъ Индіи. Открытіе въ этомъ направленіи проходимои дороги, для арміи съ артиллерією, не

могло успокоить англичанъ; но фактическое завлѣченіе ихъ тревогъ, мѣрами предосторожности, послѣдовало только лѣтъ тридцать тому назадъ, когда ближайшее знакомство съ Афганистаномъ показало, что главная опасность грозитъ съ этой стороны. Сдѣлаемъ бѣглый обзоръ кризиса съ 1837 по 1842 г. Англоиндійское правительство, встревоженное двумя совпадавшими событіями: нападеніемъ русскихъ на Хиву и персіянъ на Герать, постаралось обезпечить свою наиболее доступную сѣверозападную границу, приобрѣтеніемъ себѣ, въ срединѣ Афганистана, втораго союзника, позадѣ владѣній Рунджель-Синга, дружба съ которымъ уже была упрочена. Результатъ этой попытки, навязать храброму и гордому населенію непрощенаго государя, достаточно извѣстенъ. Потерпѣвъ четыре года, страна возстала поголовно, прогнала англійскую армію изъ всѣхъ большихъ городовъ, изъ Гизни, Кабула, Кандахара, Келата, и, отбросивъ ее за Индъ, истребила при отступленіи. Новое наступленіе въ 1842 году и временное занятіе Афганистана не загладили неудачи.

Несмотря на то, что англійская армія выказала при этомъ случаѣ такія же основательныя качества, какъ и во время возстанія 1857 г., обаяніе, которымъ она пользовалась до той поры на Востокѣ было такъ поколеблено, что двадцать пять лѣтъ постоянныхъ удачъ не могли совершенно возстановить его.

Афганистанъ поставленъ въ точно такія же условія, какъ и туранскія государства, бывшія предметомъ нашей предыдущей главы. Въ принципѣ, кабульское правительство есть самодержавная монархія, но ограниченная въ дѣйствительности *дарбаромъ*, родомъ государственнаго совѣта изъ самыхъ вліятельныхъ лицъ въ странѣ. Такъ какъ афгани племя воинственное, то у нихъ феодальный духъ преобладаетъ надъ религіознымъ; священники или муллы имѣютъ въ этомъ краѣ гораздо менѣе вліянія, чѣмъ въ Туркестанѣ. По той же самой причинѣ и правительство пользуется дѣйствительною властію только въ срединѣ государства, въ столицѣ его, Кабулѣ, и въ второстепенныхъ городахъ, Кандахарѣ, Гизнѣ, Баганѣ, Джеллалабадѣ. Горы, лежація близъ столицы, заняты дикими племенами, съ примѣсью монгольскаго. Фактически эти племена свободны, но приѣнаютъ верховную власть кабульскаго эмира. Вдоль англійской границы поселены другія афганскія племена, совершенно непокорныя: это свати, африди и вазирѣ; послѣдніе занимаются земледѣліемъ и существуютъ не однимъ грабежомъ. Они грабятъ только при случаѣ. Совсѣмъ иное дѣло кабулистанскія племена, считаемая «благородными», и къ которымъ принадлежить царствующая династія. Эти племена, извѣстныя подъ именемъ бараксаевъ, бердуранѣ, дуранѣ, живутъ на чужой счетъ, берутъ дань съ земледѣльца и горожанина, сдираютъ налогъ съ каравановъ во всякой засадѣ, украшенной названіемъ таможи (гумрукъ), и грабятъ ихъ на пути. Не мудрою, что та-

той порядокъ порождаетъ вѣчную вражду между безполезнымъ деспотическимъ сословіемъ и производительнымъ классомъ, эксплоатируемымъ безъ всякой мѣры. Революція эта вражда не можетъ вызвать, потому что на Востоѣ производительный классъ почти повсюду безоруженъ и робокъ; но она вызоветъ, въ случаѣ европейскаго вторженія, движеніе умовъ, благопріятное иностранцамъ, и можетъ подготовить весьма серьезные затрудненія правительству. Какъ ни кратковременно было англійское занятіе въ этомъ краѣ, а оно уже успѣло внушить сочувствіе и признательность городскому населенію, удивленному такою невиданною здѣсь честностію правителей. Генераль Ферріе, проѣзжая въ Гизни, на службу къ Рунджеть-Сингу, имѣлъ случай убѣдиться въ этихъ чувствахъ, со стороны самаго честнаго класса населенія, а его свидѣтельство тѣмъ достовѣрнѣе, что, въ другихъ случаяхъ, онъ не щадитъ англоиндійскаго управленія. Англичане повсюду оставили здѣсь о себѣ хорошую память, чему много способствовала также разниа съ событіями въ послѣдующіе три года, исторію которыхъ мы намѣрены разсказывать.

Эмиръ Досъ-Мохамедъ, оставшійся побѣдителемъ въ 1842 году, имѣлъ довѣсть, возвративъ себѣ власть, остаться въ хорошихъ, почти дружественныхъ, отношеніяхъ съ своими могущественными сосѣдами. Эта политика оказалась весьма полезною ему, когда, въ 1849 году, присоединеніе Сайскаго государства къ англійской Индіи открыло всю восточную границу Афганистана, и пробудило всѣ тревоги кабульскаго двора. Во время возстанія сипаевъ, остъиндская компанія купила нейтральность Досъ-Магомеда цѣлою массою рупіевъ (три милліонами въ годъ); но эти деньги были помѣщены съ пользою. Трудно исчислить результаты, къ какимъ могло бы привести нападеніе эмира, съ 40,000 афганъ, на Пешауэръ и Лахоръ; бѣдствія этого роковаго года возрасли бы тогда до ужасныхъ размѣровъ, хотя и тогда окончательное господство Англій было бы, разумеется, только отсрочено. Надо полагать, что и старикъ эмиръ, человекъ весьма умный, былъ убѣжденъ въ этомъ, такъ что жадность къ деньгамъ согласовалась въ немъ съ дальновидностію. Онъ умрѣ въ 1863 году, оставивъ престоль одному изъ своихъ сыновей, Ширъ-Али-хану, съ устраненіемъ старшаго сына, Аззаль-хана.

Однимъ изъ слѣдствій многоженства въ восточныхъ царствующихъ семьяхъ бываетъ то, что государь, умирая, оставляетъ множество дѣтей отъ разныхъ матерей, жестоко ненавидящихъ другъ друга; вопросъ о наслѣднн обыкновенно рѣшается междоусобною войною. Во избѣжаніе этого неудобства, турки, народъ колодный и практичный, — ввели у себя жестокин обычаи, отмѣненные только султаномъ Абдуль-Меджидомъ: каждый государь ознаменовывалъ свое вступленіе на престоль, избіеніемъ всѣхъ своихъ братьевъ. Извѣстно, что Амуратъ IV, у

котораго ихъ было восемьдесятъ, умертвилъ ихъ всѣхъ въ одинъ часъ. Въ Кабулѣ, гдѣ не ведется такого обычая, уже четыре года свирѣпствуетъ необузданная анархія. Ширъ-Али заключилъ въ тюрьму своего старшаго брата, что бы не допустилъ его до заговора. Другой братъ его, Азимъ-ханъ, бѣжалъ въ Индію, и попытался заинтересовать въ своемъ дѣлѣ англоиндійское правительство; но оно благоразумно отклонило отъ себя всякое вмѣшательство въ афганскія дѣла. Азимъ возвратился въ свое отечество, отправился къ горнымъ племенамъ, возмущилъ ихъ противъ Ширъ-Али, и, соединившись съ Абдерхаманъ-ханомъ, сыномъ заключеннаго принца, пошелъ на Кабулъ.

Послѣдовало сраженіе при Сейедабадѣ, близъ Гизни. Ширъ-Али проигралъ его, и, не помышляя оспаривать столицу у побѣдителей, бѣжалъ въ Кандахаръ, гдѣ приготовился продолжать войну. Союзные эмиры безпрепятственно вступили въ Бала-Хиссаръ, цитадель Кабула, владѣніе которою даетъ верховную власть.

Афзалъ-ханъ былъ освобожденъ, и провозглашенъ султаномъ. Онъ соединился съ Азимомъ, и принялъ участіе въ его планахъ мести англичанамъ. Они стали подстрекать пограничныя племена свати и вазири напасть на Индскую провинцію; но горцы уже были строго проучены за это, и не поддались внушеніямъ.

Между тѣмъ, англоиндійское правительство, въ видахъ челоуѣколюбія и личнаго самосохраненія (такъ какъ междуособная война въ Кабулѣ грозила набѣгами на британскія владѣнія), предложило воюющимъ свое посредничество. Эмиры холодно отвергли предложеніе; однако въ этотъ промежутокъ времени, они успѣли сдѣлать себѣ много враговъ, такъ что нѣкоторые вліятельные вожди и улемы провозгласили Ширъ-Али единственнымъ законнымъ государемъ. За него высказались также нѣкоторыя сильныя племена и вицекороль Бактрианы, Фицъ-Мохамедъ-ханъ. Эмиры пытались застрашать ихъ. Они заманили во дворецъ главнаго изъ своихъ враговъ, Рефикъ-хана, и умертвили его. Заключивъ въ тюрьму сто шестьдесятъ вождей главныхъ непокорныхъ племенъ гильзан и ахмедзан, они выслали противъ ихъ войско. Въ августѣ 1866 года положеніе страны еще не улучшилось; Ширъ-Али намѣревался возобновить походъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, и призвалъ изъ Герата пѣхоту и артиллерію. Страна представляетъ, съ той поры, самое печальное зрѣлище; торговля исчезла, караваны подвергаются грабежу, крестьяне обременены налогами; повсюду голодъ; цѣны на хлѣбъ удесятились, и на то, что еще осталось на продажѣ, распространена правительственная монополія. Это печальное положеніе еще пожалуй на цѣлыя годы; жители Востока никогда не смѣшаютъ, даже и тогда, когда идетъ дѣло о прекращеніи раззорительныхъ междуособицъ. Приверженцамъ эмировъ привольно въ Кабулѣ, но мирные трудолю-

бывше классы не могут не желать лучшаго порядка, и, какъ ни живо національное чувство въ этихъ энергическихъ племенахъ, но все же они съ радостію приняли бы вмѣшательство Англій или Россіи.

Мы потому говоримъ такъ пространно о беспорядкахъ въ Афганистанѣ, что они имѣютъ важное вліяніе на общее положеніе Средней Азій. Кабуль служитъ большимъ торговымъ путемъ между Персією, Бухарією и Россією, съ одной стороны; Индією и Китаемъ, съ другой. Въ ожиданіи, что этотъ край сдѣлается театромъ политическаго соперничества Россіи и Англій, онъ служитъ театромъ дѣятельнаго, мирнаго и плодотворнаго соперничества торговыхъ людей обѣихъ націй. Въ настоящее время, русская промышленность беретъ перевѣсъ; произведенія ея, менѣе совершенныя, но зато менѣе и дорогія, исключительно наполняютъ афганскій рынокъ, несмотря на двойное неудобство втрое дальнѣйшаго разстоянія и весьма небезопасныхъ дорогъ. Торговля между Персією и Индією, черезъ Кабуль, производится весьма куріознымъ способомъ, вѣроятно ведущимся отъ глубокой древности. Торговлею занимаются четыре племени, извѣстныя подъ именемъ «повиндаховъ.» Эти пастушескія и торговыя племена состоятъ изъ 8,000 семействъ, владѣющихъ 30,000 верблюдовъ, не считая 10,000 воловъ, употребляемыхъ для перевозки. Повиндахи составляютъ караваны, похожіе на цѣлыя отряды войска, и ежегодно отправляются отъ персидской границы въ Индію тремя путями: черезъ Кабуль, Гизни и Кандахаръ. Они сбываютъ русскіе, персидскіе и туркестанскіе товары на афганскихъ рынкахъ, и закупаютъ тамъ мѣстные произведенія (пергаментъ, красильныя сѣмена, асса-фетиду, салець, различные консервы и пр.), которые продаютъ въ Индіи. Они доходятъ на востокъ до Бенареса; на югъ до Бомбея. На обратномъ пути они закупаютъ выдѣланныя произведенія, шелковыя и бумажныя ткани, кисею, шали, множество лекарственныхъ растений. Достаточно одной цифры, что бы показать, какую важность имѣетъ это торговое движеніе: по одной гизнійской дорогѣ, провозится ежегодно шерсти на сумму 70,000 рупій (50,000 руб.). Слѣдуетъ прибавить, что Афганистанъ важенъ не только какъ транзитный путь, но и какъ мѣсто вывоза; поэтому естественно, что Англій хочется вытѣснить оттуда свою соперницу, и занять ея мѣсто.

Но каковъ бы ни былъ, въ будущемъ, исходъ этого торговаго соперничества, настоящая война несомнѣнно вредитъ интересамъ обѣихъ сторонъ, и не мудрено, что какъ Россія, такъ и Англія, желаютъ, что бы она поскорѣ прекратилась. Мы уже упомянули о неудачной примирительной попыткѣ Англій въ 1863 году; съ своей стороны и Россія сдѣлала подобную же попытку. Генераль-губернаторъ Туркестана послалъ отъ себя туземца, Юбаль-хана, съ увѣреніями въ дружбѣ къ кабульскимъ эмирамъ. Россія не принимала на себя эту мѣроу никакихъ

обязательствъ относительно этой страны, имѣя въ виду только продолженіе дружественныхъ торговыхъ сношеній. Выѣхавъ изъ Кабула, русскій агентъ отправился въ Пешауэръ, гдѣ мѣстное начальство, предупрежденное, что онъ шпионъ, стало слѣдить за нимъ, впрочемъ нисколько не безпокоя его. Въ то же самое время и англичане послали въ Бухару, чрезъ Джеллабада и Кабуль, своего агента, одного индійскаго *бабу* (ученаго), будто бы по дѣламъ торговли; но въ сущности съ тѣмъ, что бы овнакомиться съ политическимъ положеніемъ Бухари, и поразвѣдать, какъ велики усилія, сдѣланные тамъ русскими. *Бабу*, умный и просвѣщенный, какъ вообще люди этого класса, собралъ на пути довольно важныя свѣдѣнія, какъ экономическія, такъ и географическія, напечатанныя въ англоиндійскихъ журналахъ. Таково было, въ концѣ 1866 года, нравственное и политическое положеніе афганской страны, въ которой англичане справедливо видятъ ключъ къ Индіи. Всѣ правительственныя нити были порваны; всѣ источники народнаго богатства иссякли, отъ продолжительной междоусобицы войны; большія пограничныя державы, пользуясь неурядицею, запустили руку во внутреннія дѣла страны, а мирные производительные классы принуждены жертвовать національнымъ чувствомъ для спокойствія и порядка, хотя бы данныхъ чужеземцами. Все это представляло печальное зрѣлище, которое, вѣроятно, еще болѣе омрачилось въ послѣдствіи. Не безынтересно узнать теперь, какъ относится къ такому положенію дѣлъ общественное мнѣніе въ Индіи, и какія обязанности вѣнзаетъ оно англоиндійскому правительству, въ случаѣ болѣе или менѣе отдаленной опасности, съ этой стороны, для англійскихъ владѣній.

Лѣтомъ 1866 г., когда въ Индію дошло извѣстіе о побѣдѣ, одержанной русскими 20 мая при Ирджарѣ, надъ бухарскимъ эмиромъ, и преждевременный слухъ о завоеваніи ими Самарканда, общее чувство выразилось приблизительно слѣдующимъ образомъ: «Насъ не должно безпокоить возможное паденіе Бухары, или даже Кабула, и водвореніе русскихъ у нашихъ воротъ; лучше граничить съ благоустроеннымъ государствомъ, нежели съ двадцатию дикими племенами, которыя заставятъ насъ предпринимать по двадцати экспедицій въ годъ, для наказанія ихъ за набѣги». Другое чисто практическое мнѣніе высказано было газетою «Lahore Chronicle»: «Нѣтъ худа безъ добра. Паденіе Бухары убѣдитъ наконецъ нашу администрацію въ необходимости пешауэрскаго желѣзнаго дороги». Это значило взяться за самую живую сторону вопроса. Англія, вынужденная присоединить къ своимъ индійскимъ владѣніямъ наслѣдіе Рунджетъ-Синга, приняла на себя, разумѣется, и обязательство, связаннаго съ этимъ затруднительнымъ наслѣдствомъ. Рунджетъ-Сингъ безъ труда завоевалъ афганскіе восточные округа, благодаря превосходству своей армии, смирившей

для него европейскими офицерами. Но необузданная храбрость афганъ, неспособная подчиняться дисциплинѣ, требуемой войною на равнинѣ, брала перевѣсъ въ горахъ, гдѣ Рунджетъ не могъ съ ними состязаться. Правда, что онъ и не преслѣдовалъ ихъ тамъ. Вѣдныя горы, жившіе грабежомъ и неимѣвшие круной собственности, не могли платить прямаго налога, составляющаго первую заботу всякаго восточнаго правителя. Они брали поборы съ каравановъ, проходившихъ по ихъ ущеліямъ, считая это, по азіатскимъ понятіямъ, своимъ естественнымъ правомъ. Правительство, такое же дикое, какъ они сами, могло бы удержаться у нихъ, прощая имъ ихъ набѣги, но цивилизованное правительство не могло имѣть такой терпимости, и это вынуждало къ постоянному военному положенію, весьма убыточному для англоиндійскаго правительства.

Бросивъ взглядъ на карту Восточной Индіи, мы увидимъ, что англійскія владѣнія за Индомъ рѣзко ограничены наносною долиною, образующею довольно широкую полосу между горою въ рѣкою; и имѣющею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до шестидесяти верстъ въ ширину; эта равнина прекращается у поворота Атока, притока Инда. Надъ всею этою равниною господствуетъ цѣпь обнаженныхъ и неприступныхъ горъ, вышиною мѣстами до 11,347 англійскихъ футовъ. Кофенскія горы образуютъ широкій полукругъ, и одна изъ нихъ возвышается насупротивъ Атока, а другая опирается на Индъ. Послѣдняя называется Махабанъ; это, какъ полагаютъ, древній Аорнось, вятный Александромъ Македонскимъ. Выше Махабана индская долина представляется живописнымъ ущеліемъ, поражающимъ своею дикою красотою; здѣсь англійская граница удаляется отъ берега, и переходитъ, чрезъ густые лѣса Хазары, къ Кашмирской землѣ, къ этому роскошному саду, лежащему среди сибѣжныхъ Гималайскихъ горъ. Кофенскія горы служатъ притономъ кровожаднымъ афганскимъ племенамъ, у которыхъ классически правильнѣйшій типъ этой расы измѣненъ дикимъ образомъ жизни. Этихъ племенъ насчитываютъ до двадцати; главныя изъ нихъ вазири, африды, моманды и свати. Они никогда не признавали ни одного изъ правительствъ равнины, и раздѣлены на группы, независимыя одна отъ другой. У нѣкоторыхъ изъ этихъ группъ есть султаны, но, большею частію, это пастушескія республики, изъ которыхъ самая замѣчательная, Сватъ, получила съ нѣкоторыхъ поръ опасное значеніе для пограничныхъ англійскихъ провинцій. Вазири и другія племена довольствовались набѣгами на долину, за которыми обыкновенно слѣдовало строгое возмездіе, неимѣвшее впрочемъ политическаго характера, но племя свати, повиднмому, несклонное ни къ разбоямъ, ни къ набѣгамъ, приняло на себя роль офиціального поборника исламизма въ восточномъ Афганистанѣ. Начальникъ этого племени, или *атондъ* (врачъ), выдалъ себя за реформатора, или, вѣрнѣе, за апостола, призваннаго оживить и очистить охладѣвшую вѣ-

ру. Свѣтская власть его ничтожна, но духовная признается безусловно отъ Инда до Джеллалабада. Онъ окружилъ себя слѣпо преданными сеидами, которыхъ посылаетъ убивать подозрительныхъ ему людей. Обыкновенно жертвою этихъ злодѣйствъ бываютъ пограничные англійскіе офицеры, особенно ревностно заботящіеся объ очищеніи своихъ округовъ отъ наводняющихъ ихъ воровъ и убійць. Такъ какъ мохамедане вообще имѣютъ весьма смутное понятіе о нравственности внѣ предписаній корана, то всѣ разбойники, казнимые англоиндійскимъ правительствомъ, возводятся въ мученики за исламъ, тупоумными ихъ единовѣрцами, которые даютъ клятву отмстить за кровь осудившему ихъ англійскому комиссару и депутату. Поэтому англичане очень не любятъ, когда ихъ назначаютъ на службу въ этотъ край, въ особенности въ Пешауэръ и въ Хотти-Мерданъ.

Однако англійское правительство едва ли приняло бы рѣшительныя мѣры для наказанія племени свати, если бы явилось не одно обстоятельство, прямо угрожавшее британской власти въ Индіи. Вахабисмъ^{*)}, взволновавшій всю Аравію и Египеть, проникъ и въ мусульманскую Индію, распространяемый тамъ арабскими партизанами, наполняющими арміи мѣстныхъ владѣтелей, особенно въ Низамъ. Стѣсняемый англійскою властію, въ своей неистовой пропагандѣ противъ господства невѣрныхъ, онъ организовался въ тайное общество, и самыя пыкіе изъ его приверженцевъ образовали колонію въ Суттанъ, на нейтральной землѣ, въ Банейрскомъ государствѣ. Въ этой колоніи не столько занимались реформою вѣры; сколько средствами возобновить попытку 1857 г. Суттана, стоящая на Индѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ англійской границы, сдѣлалась главнымъ пунктомъ весьма опасной агитаціи, какъ для цѣлаго полуострова, такъ въ особенности для провинцій Пешауэра и Хазара, недавно занятой англичанами. Племя свати, въ Банейрѣ и въ самомъ Сватѣ, ждало только знака отъ своего ахонда, что бы начать непріязненныя дѣйствія около Махабана. Ахондъ, при всемъ своемъ фанатизмѣ и безстыдствѣ, имѣлъ на столько дальновидности, что бы понимать, что слишкомъ сильные вызовы побудятъ англичанъ занять сватскую долину, и такъ утвердиться въ ней, что всѣмъ соединеннымъ племенамъ не удалось бы потомъ вытѣснить ихъ. Онъ вовсе не желалъ, что бы дѣло заходило такъ далеко, и всегда старался охранять своимъ вліяніемъ англійскую границу. Но въ Суттанѣ умы были такъ возбуждены, что ахондъ сталъ опасаться, какъ бы его ученики не увлекли за собою толпу, вопреки его желанію. Что бы не дать опередить себя, онъ сталъ поощрять къ движенію, которое до той поры явно порицалъ, и побудилъ буй-

*) Ученіе, распространяемое особю мохамеданскою сектою.

ную молодежь и фанатиковъ долины идти на помощь къ Суттанѣ, которой угрожала тогда англійская дивизія, выступившая въ походъ въ декабрѣ 1863 г. Это движеніе могло имѣть всего одинъ исходъ. Англичане, вмѣсто того, что бы пойдти страшнымъ ущеліемъ, вдоль котораго протекаетъ Индъ ниже Суттаны, и гдѣ даже пастухи могли бы совладать съ ними, скатывая на нихъ съ высотъ обломки скалъ, перешли поперегъ банейрскую долину, и, спустившись къ Суттанѣ, разсѣяли сектаторовъ, сожгли городъ и возвратились въ свои укрѣпленія. Жители Суттаны бѣжали къ ахонду и поселились на землѣ, которую тотъ отвелъ имъ за наличныя деньги; но въ слѣдующемъ году, когда имъ нечѣмъ было заплатить за аренду, онъ безжалостно прогналъ ихъ. Апостоль разоблачился, и показалъ въ себѣ корыстолюбиваго горца.

Но какъ ни полезно было для англичанъ истребленіе этого важнаго центра мятежа, однако оно не имѣло сильнаго нравственнаго дѣйствія. Въ слѣдующемъ же году, когда губернаторъ Пенджаба объѣзжалъ, съ сильнымъ конвоемъ, Пешауэрскую провинцію, горцы осыпали его пулями съ высоты скалъ, при проѣздѣ у подошвы Банейрскихъ горъ. Желаніе поскорѣ укротить всѣ эти разбои породило смѣлую мысль, легко выполняемую при настоящемъ истощеніи Афганистана. Такъ какъ эмиръ Кабула оказался безсильнымъ охранять свою восточную границу, то англичане могли бы замѣнить его, занять провинцію Джеллалабадъ, и, прочно утвердившись въ ней, грозить съ фланга дикимъ племенамъ, которыя были бы тогда вдвинуты въ англійскія владѣнія, а не граничили съ ними, какъ теперь. Занятіе Джеллалабада было бы сильною, радикальною мѣрою, но настоящее индійское правительство очевидно не склонно къ такимъ мѣрамъ, въ особенности со времени неудачнаго бутанскаго похода. Легко доказать однако, что это усиліе не потребовало бы большихъ средствъ, чѣмъ экспедиція въ Умбейлу, которую придется повторять каждые восемь, десять лѣтъ, если не примутъ болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Затрудненіе состоитъ не въ самомъ вторженіи, которое было бы только военною прогулкою, а въ занятіи и организаціи присоединенной страны. Пришлось бы привлечь къ себѣ ея населеніе, побѣдить сопротивление, счумѣть не вредить законнымъ его интересамъ. Надо полагать, что государь Кабула, будь это Ширъ-Али, или его братъ, имѣетъ достаточно затрудненій въ своемъ собственномъ дворцѣ и въ кругу своихъ приближенныхъ, что бы вступать еще въ столкновеніе съ своими могущественными сосѣдями. Во всякомъ случаѣ, его нейтралитетъ легко купить какими нибудь услугами, денежными жертвами, или военными снарядами, предложенными кстаті. Въ особенности слѣдуетъ избѣгать раздраженія туземной аристократіи, всѣхъ этихъ феодальныхъ бароновъ, гнѣздящихся въ своихъ полуразрушенныхъ замкахъ, на поворотѣ cadaго ущелія. Эти представители един-

ственного опаснаго живучаго элемента афганской націи, прежде всего военной и феодальной, къ кому расположены они, расположены и вассалы ихъ, потому что въ этомъ краю плебей болѣе гордится отличіями своего эмира, нежели признателемъ за добро, сдѣланное лично ему. Привыкнувъ, въ продолженіе многихъ вѣковъ, видѣть въ центральной власти врага и притѣснителя, онъ не възсателенъ къ новому властелину, котораго посылаетъ ему судьба, и покоряется ему съ тоскливымъ ожиданіемъ. Если его притѣсняютъ менѣе прежняго, онъ тотчасъ усматриваетъ разницу, и благословляетъ Аллаха; онъ безгранично радъ, когда о немъ позабываютъ; а если, паче чаянія, о немъ заботятся, помогаютъ ему хлѣбомъ, во время голода, лекарствами во время эпидеміи, то онъ уже не знаетъ, что и думать. Слишкомъ невѣжественный, что бы понимать возвышенную сторону европейской филантропіи, онъ однако проникается къ ней невольнымъ уваженіемъ. Вообще прочная и сильная организація новоприсоединенныхъ провинцій не представила бы англичанамъ серіозныхъ затрудненій: въ Пенджабѣ и въ Раджпутанѣ имъ приходилось бороться съ гораздо большими препятствіями.

Но какъ ни желательна такая мѣра, въ интересахъ населенія еще болѣе, чѣмъ въ виду обезпеченія англоиндійской границы, есть другая еще необходимѣе: это, какъ мы уже сказали, предполагаемая желѣзная дорога изъ Лахора въ Пешавуръ. Оставляя въ сторонѣ не совсѣмъ неоспоримую коммерческую пользу этого проекта, довольно бросить взглядъ на карту Индіи, что бы убѣдиться въ его политической стратегической выгодѣ. Вопросъ о быстротѣ передвиженія войскъ имѣетъ особенную важность на такомъ обширномъ пространствѣ, какъ Индостанъ, гдѣ только нѣсколько серіозный походъ требуетъ передвиженія войскъ на разстояніи трехъ сотъ, четырехъ сотъ миль. До этихъ поръ, во избѣжаніе внезапной необходимости высылать изъ Аграма или Мхова къ Инду семи, восьми тысячный корпусъ въ самое нездоровое время года, приходилось сконлять позади этой рѣки, отъ Хазары до Бунно, многочисленныя полки, жившіе тамъ среди неблагоприятныхъ гигиеническихъ условій. Но и этихъ войскъ достаточно только въ мирное время; въ случаѣ кризиса, они требуютъ немедленнаго подкрѣпленія; вотъ почему общественное мнѣніе во всей западной Индіи такъ настаиваетъ на продолженіи до Пешавура желѣзной дороги, проведенной изъ Калькутты въ Дельхи, и по которой уже началось движеніе отъ Амрицара до Лахора. Первый, несмотря на свое званіе уѣзднаго городка, имѣетъ 300,000 жителей, и служить постѣ Кашміра главнымъ центромъ издѣлія кашмирскихъ тканей. Что касается Лахора, то его значеніе чисто политическое. Это столица Пенджаба, административный и военный центръ западныхъ провинцій.

Продолженіе сѣверной линіи къ Пешавуру, на протяженіи

276 миль, представило бы не болѣе затрудненій, чѣмъ уже про-веденная часть между Дельхи и Амрицпуромъ. Здѣсь также при-шло бы имѣть дѣло съ потоками, которые въ большую часть года представляютъ сухое русло, но страшны въ ту пору, когда таютъ гималайскіе снѣга; мосты черезъ эти рѣки, и черезъ Индъ при Аттокъ, были бы единственными работами, по всей этой линіи, которыя потребовали бы значительныхъ издержекъ. Населеніе громко требуетъ этой линіи, понявъ ея выгоды, и администрація дала уже свое согласіе. Во время моего пребы-ванія въ Пенджабѣ, въ іюлѣ 1866 г., г. Маклеодъ, губерна-торъ этого края, уже послалъ проектъ къ вице-королю, нахо-дившемуся въ то время въ Силлѣ. Ждали рѣшенія, не сомнѣ-ваясь, что оно будетъ благопріятное. Положеніе дѣлъ въ Тур-кестанѣ и въ Афганистанѣ требуетъ, что бы за это предпріятіе взялись, не откладывая и, вѣроятно, лѣтъ черезъ пять или шесть, непрерывная линія рельсовъ отъ Калькутты до Пешауэра дастъ возможность доставлять въ нѣсколько дней отъ десяти до со-рока тысячъ человекъ на тѣ пункты, гдѣ въ нихъ окажется надобность. Это улучшеніе особенно оцѣнится давнишними жи-телями Индіи, которые помнятъ, какъ двадцать лѣтъ тому на-задъ, на такой переходъ войска требовалось два мѣсяца, не говоря уже объ утомленіи, болѣе убійственномъ, чѣмъ непріятельскія пули. Англоиндійская армія, сильная, смѣлая, самоувѣренная, достаточно снабженная провизіею и быстро передвигаемая, бу-детъ спокойно ждать угрожающаго ей опаснаго столкновенія.

Замѣчательно, что публицисты, толкующіе о возможности англорусскаго столкновенія въ Средней Азій, предвидятъ толь-ко вторженіе русскихъ въ англоиндійскія владѣнія, а никто изъ нихъ не упоминаетъ о возможности вторженія англичанъ въ Азіатскую Россію. Дѣйствительно, трудно себѣ представить такое стеченіе обстоятельствъ, при которомъ подобное пред-пріятіе могло бы быть, не говоря уже нужнымъ, но даже за-служивающимъ оправданія, съ точки зрѣнія самой простой осторожности. Англія, довольная тѣмъ, что обезпечила свои бо-гатые владѣнія въ Индіи, конечно не помышляетъ рисковать ими для пріобрѣтенія еще большаго, и обвиненія нѣкоторыхъ журналовъ, будто она постоянно пытается расширить свою власть въ Азій, не имѣютъ ни малѣйшаго основанія. Ее не только нельзя обвинить въ посягательствѣ на свободу туземцевъ, но скорѣе можно упрекнуть въ томъ, что она, ради финансо-ваго разсчета, избѣгаетъ присоединеній, которыя могли бы служить ко благу индійскаго населенія и къ пользѣ цивилиза-ціи. Достаточно видѣть проѣздомъ эту страну, что бы убѣ-диться, какъ мелкіе деспоты, въ родѣ кашмирскаго махараджи, бхавульпурскаго набаба и пр. притѣсняють самый смиренный и трудолюбивый изъ восточныхъ народовъ. Право, можно поду-мать, что Англія, изъ политическаго разсчета, терпитъ этихъ

разбойниковъ среди своихъ индійскихъ владѣній, съ тѣмъ, что бы дать возможность сравненія, и заставить своихъ подданныхъ цѣнить дѣйствительно образцовую администрацію, которою они пользуются. Впрочемъ этотъ важный вопросъ нельзя разбирать мимоходомъ; здѣсь достаточно сказать, что Англія уже двадцать лѣтъ слѣдуетъ въ Индіи исключительно оборонительной политикѣ, въ которой ничто не предвѣщаетъ переменъ. Если между нею и Россіею послѣдуетъ столкновение въ Средней Азій, то не иначе какъ въ случаѣ наступательныхъ дѣйствій со стороны Россіи. Здѣсь представляются два важные вопроса: было ли бы полезно для Россіи завоеваніе Индіи, и было ли бы оно для нея легко или даже возможно? На счетъ перваго не можетъ быть и сомнѣнія: Индія всегда была и будетъ лучшею частію Азій, можно сказать даже и Европы. Правда, что минеральные богатства ея незначительны, — правда, что ея худо защищенные берега не благопріятствуютъ развитію мореходства, но зато ея плодородныя равнины, орошаемыя двумя стами рѣкъ и миллиономъ ручьевъ, ея роскошныя пригорья, очень благопріятно расположенныя, даютъ пропитаніе двумъстамъ миллиономъ жителей. Случалось, что и не столь сильныя государства, какъ Россія, соблазнились менѣе богатою добычею, не говоря уже, что въ Европѣ могутъ произойти такія усложненія и столкновения, которыя дополняютъ заманчивость завоеванія Индіи, удовольствіемъ нанести самый чувствительный ударъ враждебной державѣ. Словомъ, нельзя и отрицать, что для Россіи было бы выгодно перейти за Индъ; другое дѣло: исполнимо ли такое предпріятіе? Этотъ щекотливый вопросъ требуетъ тщательнаго изслѣдованія.

Читатель конечно замѣтилъ, что мы, съ своей стороны, не слишкомъ вѣримъ возможности вторженія Россіи за Индъ, по крайней мѣрѣ, въ настоящемъ столѣтіи. Тотъ, кто хочетъ изслѣдовать эти вопросы, долженъ, за недостаткомъ свѣдѣній изъ министерствъ, расчитать всѣ случайности, основываясь на дѣйствіяхъ того правительства, котораго мысль онъ хочетъ проникнуть. Примѣняя этотъ методъ къ русской политикѣ въ Средней Азій, мы не открываемъ въ ней большой жажды завоеваній. Мы уже показали, что русскія завоеванія въ Туркестанѣ имѣли чисто оборонительный характеръ. Увлекаемая тою же необходимостію, Россія идетъ медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ, къ поглощенію всего Туркестана; но доказательствомъ, какъ мало значенія придаетъ она этому дѣлу, служитъ ограниченное число ея военныхъ силъ въ этомъ краю, сравнительно съ ея арміею на Кавказѣ, до взятія въ плѣнъ Шамиля. Русская армія, завоевавшая половину Кокана и вступавшая въ Бухару, никогда не превышала трехъ тысячъ человекъ, не считая эскадроновъ *джигитлей* (киргизовъ на русской службѣ). Этой силы конечно вполнѣ достаточно противъ нестройныхъ дикихъ ордъ, но она была бы ничтожна противъ войска съ хорошимъ ору-

жесть и дисциплиною. Впрочемъ, многіе серіозные люди опасаются, какъ бы Россія не нашла, въ своихъ новыхъ владѣніяхъ, источниковъ денегъ и солдатъ, въ пополненіе тѣхъ, которые уже есть у нея, и благодаря которымъ она такъ страшна на западъ и на востокъ. Основательны ли эти опасенія? Относительно запада, эти отдаленныя приобрѣтенія не прибавляютъ ровно ничего къ наступательнымъ силамъ Россіи. Завоевавъ весь Туркестанъ, Россія увеличилась бы только пространствомъ земли, равняющемся числомъ народонаселенія Молдаво-Валахія, а богатствомъ, одной Молдавіи. Будь это дѣйствительно Румынія, а не ханства узбековъ, Европа имѣла бы основаніе тревожиться такимъ приобрѣтеніемъ, которое дало бы завоевателю превосходную военную позицію, теченіе и устья сажой большой изъ западныхъ рѣкъ, и, въ дополненіе, источникъ превосходныхъ солдатъ; но представляютъ ли берега Окса что нибудь подобное? Провинціи, истощенныя на много лѣтъ впередъ негодными правительствомъ, удаленныя отъ центра государства, отчего управленіе ими обходится весьма дорого; земля, которая едва ли черезъ 30—40 лѣтъ вознаградитъ завоевателей, за издержки на занятіе ея; мирное, пассивное населеніе, безъ всякой воинственности, отъ котораго Россія, разумѣется, долго еще ничего не потребуетъ, кромѣ мѣстной милиціи, въ родѣ мингрельскихъ корпусовъ, мобилизованныхъ въ 1855 г., во время вторженія Омеръ-паши. Правда, что казанскіе и астраханскіе татары, находящіеся въ тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и туркестанскіе таджики, несутъ рекрутскую повинность, и снабжали русскую армію, во время крымской войны, такими же надежными солдатами, какъ и часто русскіе; но Казань и Астрахань уже три вѣка присоединены къ Россіи, и тамъ уже имѣла время привиться ея дисциплина. Конечно, черезъ триста лѣтъ, и Бухара будетъ давать Россіи хорошихъ солдатъ. Но возвратимся къ среднему Востоку, и посмотримъ, какъ велика возможность столкновенія между европейскими державами, которыя, какъ предвидятъ, будутъ спорить за господство въ этихъ краяхъ.

Въ Азіи, Россія и Англія находятся, въ отношеніи къ дикимъ племенамъ, въ томъ же самомъ положеніи, какое занимала на Рейнѣ и Дунаѣ древняя римская имперія во время первыхъ цезарей, когда Риму достаточно было одного съ половиною легіона, для обезпеченія безопасности своихъ границъ и для подавленія еще не совсѣмъ покоренной Галліи. Между этими двумя положеніями есть только та разница, что имперія, при своихъ ограниченнѣйшихъ средствахъ, не могла занять наступательнаго положенія, что иногда бывало необходимо, и когда приходилось проникать въ этотъ таинственный германскій или сарматскій міръ, тогда требовалась армія вдесятеро сильнѣе постоянной. Такимъ образомъ были подготовлены побѣды Тиверія, Германика и Проба. Теперь же, благодаря огромному превосходству евро-

*

пейскихъ войскъ надъ худо вооруженными азіятскими арміями, гарнизонные корпуса могутъ, даже находясь на мирной ногѣ, отразить непредвидѣнное нападеніе. Мы уже упоминали о политическомъ законѣ, имѣющемъ всю силу закона физическаго, и обязывающемъ просвѣщенныя державы, поставленныя на Востокъ въ соприкосновеніе съ дикими племенами, постоянно подвигаться впередъ и постоянно дѣлать новыя завоеванія, въ предохраненіе прежнихъ. Этотъ законъ можно назвать роковымъ; онъ не имѣетъ иныхъ границъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписываются побѣдительно обстоятельствомъ. Мы уже видѣли, что Англія, подобно Франціи въ Марокко, строго держится оборонительнаго положенія, искушая, такъ сказать, эту похвальную умѣренность, чрезмѣрную жажду присоединеній, руководившую, тридцать лѣтъ тому назадъ, остъиндскою компаніею. Россія, напротивъ того, постоянно подвигается впередъ, съ неотразимою силою стихій, и будто съ рассчитанною медленностію для того, что бы не возбудить слишкомъ большихъ опасеній. Покорается ли она закону, о которомъ я говорилъ, или прикрывается имъ для достиженія своихъ цѣлей? Можно, безъ влечетъ, остановиться на послѣднемъ предположеніи: Россія дѣйствуетъ не совсѣмъ пассивно въ этой войнѣ. Циркуляръ князя Горчакова, такъ внезапно открывшій глаза Европѣ на положеніе дѣлъ въ Туркестанѣ, очевидно манифестъ завоевателя, подготовляющій умы въ неизбѣжному факту, близкому покоренію Средней Азій. Останется ли на этомъ Россія? что для нея Бухара? цѣль ли, или только станція на пути къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ? Вотъ въ чемъ великій вопросъ!

Нѣкоторые думаютъ, что завоеваніе Индіи вмѣнится Россіи силою обстоятельствъ. Если бы, говорятъ они, завоеваніе Средней Азій было единственною цѣлію русскихъ въ этой странѣ, то выгоды этого приобрѣтенія были бы не соразмѣрны съ принесенными для него жертвами; но этотъ доводъ могъ бы имѣть нѣкоторый вѣсъ, если бы онъ не былъ основанъ на ошибкѣ, состоящей въ томъ, что мы привыкли считать всякую малоизвѣстную, отдаленную страну, бѣдную дарами природы, недостойною нашего вниманія. Большинство образованныхъ людей еще вѣрять существованію абиссинскихъ «пустынь», тогда какъ въ Абиссиніи въ пятнадцать разъ менѣе невоздѣланной земли, чѣмъ во Франціи, и существованію «песковъ» въ экваторіальной Африкѣ, которой агрономическое положеніе между тѣмъ почти такое же, какъ и въ Тосканѣ. Тоже самое можно сказать и о туркменской странѣ. Читатель, бросающій поверхностный взглядъ на карту Азій, видитъ въ Туркестанѣ только продолженіе на югъ болотъ и снѣговъ Сибири. Многіе просвѣщенные люди были очень удивлены, когда, восемь лѣтъ тому назадъ, русскіе смѣнили китайцевъ на коканской границѣ, и одинъ географъ пояснилъ, что ихъ новое поселеніе лежить на одной широтѣ съ Флоренціею, и почти среди такихъ же благоприят-

ныхъ климатическихъ условій, какъ и Италія. Мы уже описали вкратцѣ источники богатства и производительныя силы узбекскихъ ханствъ, которыя служатъ въ настоящее время театромъ русскихъ операцій. Восточная Бухара, которую ожидаетъ въ близкомъ будущемъ, та же участь, какъ ея сѣверныхъ и западныхъ сосѣдей, представляетъ, можетъ быть, даже болѣе приманокъ завоевателю: просвѣщенное европейское правительство нашло бы здѣсь поле дѣятельности на многіе вѣки. Если Англія извлекла столько пользы изъ такой сравнительно бѣдной страны, какова Австралія, то чего же нельзя ожидать отъ такихъ богатыхъ странъ, какъ Кашгаръ, Яркандъ и Бухара, въ сильныхъ организующихъ рукахъ Россіи?

Уже одно это соображеніе достаточно успокоительно, такъ какъ оно доказываетъ, что возможность столкновенія Россіи съ Англіею еще очень далека, хотя и нельзя совсѣмъ отрицать ее. Конечно, въ силу закона географическаго расширенія, онѣ, постоянно сближаясь, встрѣтятся рано или поздно лицомъ къ лицу въ Средней Азій. Многіе полагаютъ, что, во избѣжаніе столкновенія, между ними должна лежать непреступаемая граница, хорошо организованная оборонительная сила. Это совершенно справедливо. Такою границею не можетъ быть рѣка, потому что рѣки не предохраняютъ отъ вторженія, а способствуютъ тому, служа ему путемъ. Франція и Германія знаютъ по опыту, какую ненадежною границею служить имъ Рейнъ. Русская армія, пролагавшая себѣ нѣсколько мѣсяцевъ путь, въ 1828 г., чрезъ балканскіе проходы, въ Болгарію, и похоронившая тамъ сто тысячъ солдатъ, шута переправилась черезъ Дунай на такомъ пунктѣ, гдѣ крѣпости Мачинъ, Тульча и Исапча могутъ, если не перекрещивать свой огонь, то, по крайней мѣрѣ, дѣйствовать имъ сообща. Цѣпь горъ служитъ самую неприступною границею, въ особенности такая, какъ Пиринеи, Альпы или Балканскія горы; а что же сказать о такомъ колоссальномъ поясѣ льдовъ и вѣчныхъ снѣговъ, какъ Гималайскія горы, господствующія на десять тысячъ футовъ надъ цѣлою арміею вершинъ, передъ которыми Монъ-Бланъ и Сентъ-Бернаръ не болѣе какъ холмы? Вотъ гдѣ естественный оплотъ Индіи, — оплотъ испытанной надежды, такъ какъ сѣверная граница Индіи не нарушалась уже въ продолженіе нѣсколькихъ тысячъ вѣковъ. Гималайскія горы неприступны, но развѣ нельзя ихъ обогнуть? — Съ восточнаго конца невозможно, потому что онъ оканчивается въ глубинѣ Индокитая, въ совершенно неизвѣстной части Азій. А съ запада? — Здѣсь вопросъ становится важнѣе, и мы опять приходимъ въ Афганистанъ, такъ какъ эта гималайская цѣпь оканчивается въ афганскихъ странахъ. Дѣйствительно, Афганистанъ служилъ путемъ всѣхъ вторженій въ Индію, отъ временъ Семирамиды и Александра Македонскаго, до временъ Махмуда гизнійскаго, до монголовъ и афгановъ.

Прежде чѣмъ разсматривать съ стратегической точки зрѣнія

возможность вторженія русскихъ въ Индостанъ, чрезъ афганскую долину, мы замѣтимъ, что стратегія, какъ и балластика, должна принимать въ расчетъ то, что у физиковъ называется первоначальною быстротою, и причины, которыя могутъ ослабить ее. Истребительная сила заряда, при выходѣ изъ орудія, и разстояніе, на которомъ эта сила должна уменьшиться на половину, или совершенно прекратиться, вычисляются математически. Конечно, нельзя вычислить съ такою же математическою точностію шансы успѣха нападающей арміи, такъ какъ, при всѣхъ столкновеніяхъ большихъ массъ людей, слѣдуетъ ожидать непредвидѣнныхъ элементовъ, нарушающихъ отвлеченную простоту математическихъ вычисленій; но, оставляя въ сторонѣ эти неизбежныя случайности, нельзя упускать изъ вида физическій законъ разстояній, въ особенности въ занимающей насъ гипотезѣ. Люди, неслишкомъ знакомые съ географіею Азіи, видятъ, при взглядѣ на карту, что русская граница отстоитъ всего на шесть градусовъ широты отъ англійской Индіи, что составляетъ разстояніе отъ Парижа до Новары, и, можетъ быть, думаютъ, что это разстояніе такъ же легко пройти, какъ прошли то французы, во время италіанскаго похода 1859 г. Но это совершенно ошибочно. Между собственно Россіею, кончающеюся Оренбургскою губерніею, и ея новыми пріобрѣтеніями въ Туркестанѣ, лежитъ страшная Киргизская степь, обнаженная, съ тощею растительностію, съ колодцами солоноватой воды. По ней гарцуютъ толпы степныхъ всадниковъ, но русская армія погибла бы въ ней, какъ гибли когда то арміи Дарія и Камбиза, если бы русское правительство не завело мѣстами станицъ, которыя служатъ для солдатъ тѣмъ же, чѣмъ каравансераи для путешественниковъ. Киргизская степь имѣетъ пятьсотъ верстъ въ ширину, и лежитъ между Оренбургомъ и Аральскимъ фортомъ, гдѣ стоитъ сырдарьинская флотилія.

Можно утверждать, что армія, отправленная въ Индію изъ Европейской Россіи, чрезъ Оренбургъ и Бухару, утратила бы, еще не достигнувъ береговъ Аральскаго озера, свою первоначальную силу, столь важную при наступательномъ движеніи. И такъ, эта гипотеза оказывается несостоятельною; рассмотримъ другую. Русское правительство подготовитъ себѣ, можетъ быть, въ самомъ Туркестанѣ, во время мирнаго владѣнія этимъ краемъ, сильную хорошо дисциплинированную армію, вполне привыкшую къ климату, и тогда уже осуществитъ свои планы на Индію. Но и это наиболѣе вѣроятное предположеніе разбивается о непреодолимыя препятствія. Предположимъ, что русскіе расположились на берегу Окса, противъ афганскихъ передовыхъ постовъ, въ Килифъ или въ Термъ, и приготавливаются идти на Индію. Взглянемъ на карту. Разстояніе отъ Окса до Пешауэра составляетъ всего около 130 миль, т. е. на четверть мѣся, чѣмъ отъ Парижа до Бреста. Такое разстояніе ничтожно для арміи,

проходящей по дружественной странѣ, но трудно предположить такіе выгодные шансы, что афганскій народъ и правительство его дадутъ доступъ русской арміи въ свои земли, изъ несправедливости къ англичанамъ. Допустимъ однако и это. Но очевидно, что, при первомъ же движеніи Россіи за Оксъ, англоиндійская армія вступитъ въ Кабуль, и постарается добраться ускореннымъ маршемъ до горъ, занятіе которыхъ дозволитъ ей совершенно отрѣзать дальнѣйшій путь неприятелю. Дорога отъ Окса къ Инду пересѣкается посрединѣ очень высокою лѣтнюю горъ, горами Инду-Кохъ. Что бы дать понятие объ этой дорогѣ, напомнимъ путь изъ Бордо въ Сарагоссу, чрезъ Пиринеи. Представимъ себѣ французскую армію, вышедшую изъ Бордо, съ намѣреніемъ вторгнуться въ Испанію чрезъ Арранскую долину. Эта армія пройдетъ нѣсколько переходовъ по вѣтвистой равнинѣ, и поднимется до истоковъ Гаронны, тогда валь неприятельская армія, выступивъ съ береговъ Эбро и поднимаясь вдоль Сегры, ускоритъ путь, что бы прибыть первою въ пиринейскимъ проходамъ, и занять ихъ передъ неприятелемъ. Совершенно тоже самое произошло бы, при описываемомъ случаѣ, и въ Средней Азіи.

Перейдя Оксъ, доходишь дня черезъ три, четыре, по плоской, плодородной и воздѣланной странѣ, до Балуха и Хулума, двухъ значительныхъ городовъ, служащихъ мѣстопробываніемъ могущественному афганскому амиру, котораго номинальная власть простирается до границъ Китайской Татаріи.

Что бы не потерпѣть отъ вторженія, этотъ амиръ послѣдуетъ, вѣроятно, съвѣщая въ переговоры, продать свой союзъ, и открыть путь чрезъ свои владѣнія, т. е. вдоль всей хулумской равнины до баміанскихъ проходовъ. Но если бы онъ предпочелъ защищаться, къ чему англичане могли бы побудить его, обѣщаніемъ помощи, или денегъ, то онъ могъ бы, съ однимъ своимъ войскомъ, нанести чувствительныя потери неприятелю, вступившему въ опасныя гейбаковіе проходы, въ двѣнадцать миляхъ отъ Хулума. Эти проходы извѣстны подъ именемъ Дара-и-Зинданъ, т. е. «долина тюрьмы.» Это узкое ущелье, извивающееся между островоначными утесами, нѣрѣдко саженъ въ 150 вышины, увѣнчано развалившимися укрѣпленіями. Въ 37 миляхъ оттуда начинается страшное ущелье, прованное Данданъ-Шиванъ (зубаломъ), котораго очень боятся караваны, и которое ведетъ въ прелестную Камардскую долину, полную садовъ и плантацій. Три небольшіе переходы, по воздѣланной странѣ, ведутъ къ третьему ущелью, Акрабадскому, вышиною въ 1,700 саженъ надъ поверхностію моря. Это ущелье доступно фургонамъ и артиллеріи, и изъ него вступаютъ, послѣ четырехчасоваго пути, въ знаменитую Баміанскую равнину, которая служитъ стратегическимъ ключемъ ко всей этой линіи.

Между тѣмъ, англійская армія, собравшаяся въ Джеллалабадъ, не оставалась бы въ бездѣйствіи. Пространство между Джеллалабадомъ и Баміаномъ нѣсколько короче пространства

отъ Баміана до Окса. Оно представило бы сверхъ того англичанамъ огромную выгоду хорошо извѣстнаго имъ пути (они прошли его дважды, тридцать лѣтъ назадъ). Понятно, что проходы индійскаго Кавказа, занятые тридцатью тысячами лучшахъ изъ европейскихъ солдатъ, почти недоступны съ фронта. Для успѣха вторженія, нужно, что бы походъ на Кабуль чрезъ Баміанъ былъ только демонстраціею, съ цѣлію занять обороняющій корпусъ, а что бы главное усиліе было направлено на самый Инду-Кохъ, посредствомъ арміи, которая направилась бы изъ Хулума, Кудузскою долиною, по діагональной линіи, къ Индерабскимъ горамъ, гдѣ семь, проходимыхъ лѣтомъ, ущелій открываютъ караванамъ путь въ Кабульскую долину. Въ такомъ случаѣ, русская армія перерѣзала бы, между Джеллалабадомъ и Кабуломъ, англійскую операціонную линію. Но для того, что бы эта вторая русская армія не была, въ свою очередь, прижата, при первомъ же пораженіи, къ оврагамъ Инду-Коха, для того, что бы она не пошла въ засаду, или не была истреблена по одиночкѣ горцами, необходимо содѣйствіе третьей арміи, которая, поднявшись вдоль Окса чрезъ Бадашанъ и знаменитые рудники рубина и лапсѣ-лаццули, прошла бы горы Шатт-бойскимъ ущельемъ, и тремя Зебабскими ущельями и спустилась вдоль рѣки Шитраль, стараясь расположить къ себѣ туземное населеніе Кунаура, Баяура, Дхеира и, въ особенности, племя свати, которое, изъ ненависти къ англичанамъ, конечно сочувствовало бы нападающимъ на нихъ. Надѣмся, что насъ не обвинятъ въ преувеличеніи трудности предпріятія, или въ умолчаніи о благопріятныхъ шансахъ, которые оно можетъ встрѣтить; допуская послѣдніе, описанная нами тройная операція потребуетъ около 120,000 человѣкъ. Что касается англо-индійскаго правительства, то, дѣйствуя въ странѣ, съ которою она уже освоилась, имѣя надежный операціонный базисъ и обеспеченное отступленіе, оно могло бы ограничиться противупоставленіемъ 80,000 солдатъ. Хотя выставить въ Афганистанъ 80,000 солдатъ—дѣло немаловажное, но все же оно не потребовало бы чрезвычайныхъ усилій у англоиндійскаго правительства, прочно утвердившагося въ Инди, и имѣющаго въ своемъ распоряженіи сѣть желѣзныхъ дорогъ. Много лѣтъ пройдетъ еще прежде, чѣмъ Россія станетъ въ такія же условія въ Средней Азій:

Въ одномъ только случаѣ нападеніе русскихъ,—которое я продолжаю считать чистою химерою,—могло бы имѣть нѣкоторый шансъ успѣха: это въ томъ, если бы Россія, полная властительница въ Афганистанѣ, и имѣвъ достаточно времени для подготовленія атаки, выслала на Лахоръ разомъ три арміи, изъ Кабула, Гизни и Баяура, хорошо вооруженныя, и въ изобиліи снабженныя всѣмъ необходимымъ. Тогда побѣда ея была бы возможна,—не говорю вѣроятна, такъ какъ передъ русскими стояла бы англійская армія съ испытанными офицерами; но для

этого предположенія нужно допустить одно невозможное условіе: именно что бы Афганистанъ превратился въ нѣсколько мѣсяцевъ въ русскую провинцію. Афганы, единственный народъ въ Азій, который можно назвать націею, единственное изъ азіятскихъ племенъ, внушающее уваженіе путешественникамъ. Честные, храбрые, гордые, они заставляють забывать силою своего характера его нѣсколько жесткія крайности. Для нихъ, слово—отечество имѣетъ смыслъ, что такъ рѣдко на Востокаѣ. Худо вооруженные и не знающіе дисциплины, они могутъ сдѣлаться легкою добычею завоевателя, но трудность состояла бы для него въ томъ, что бы удержать завоеванное.

Англичане испытали это двадцать пять лѣтъ тому назадъ; ихъ ошибки и бѣдствія должны послужить урокомъ тому, кто рискнетъ разбить себѣ голову объ этотъ новый Кавказъ. Это мнѣніе нѣсколько не противорѣчитъ тому, что было сказано выше, о легкости, для англичанъ, занятія Джеллалабада, священной провинціи Кабульской имперіи,—провинціи, утомившейся междоусобною войною, подрывающею ее торговлю и промышленность, и сохранившей хорошую память объ англійскомъ занятіи 1840 г.; но Джеллалабадъ не Кабуль или Кандахаръ. Справедливость требуетъ прибавить, что для Англій важны отношенія ея не къ одному Афганистану; она не должна упускать изъ вида еще одного государства, котораго имя звучитъ какъ то чуждо въ политикѣ: я говорю о Кашмирѣ. Знаменитая Кашмирская долина служитъ центромъ довольно значительнаго государства, значительнаго, въ особености, по своему положенію, такъ какъ она прислонена къ Инду-Коху и въ Гималайскимъ горамъ. Этотъ край, когда то завоеванный Рунджегъ-Сингомъ, былъ отданъ естъиндскою компаніею въ ленное владѣніе Гулабъ-Сингу, горному государю, имѣвшему благоразуміе примѣннуть къ побѣдоноснымъ англичанамъ. Тотъ передалъ его своему сыну, Рамбиръ-Сингу, нынѣшнему кашмирскому махарадаѣ. Его подчиненіе англичанамъ чисто номинальное; онъ пользуется самостоятельностью, имѣетъ даже право заперать свое государство для англійской торговли, посредствомъ непомѣрно высокихъ пошлинъ, взимаемыхъ съ крайнею строгостію.

Такия пошлины лежать даже на транзитной торговлѣ между Туркестаномъ и Тибетомъ. Махараджа Рамбиръ, вполнѣ азіятскій государь по своей роскоши, разврату и корыстолюбію, править своею страной съ такимъ деспотизмомъ, о какомъ не смѣлъ мечтать даже Тиверій, и питаетъ тайную ненависть къ англичанамъ, которыхъ благодѣтельная администрація служитъ слишкомъ краснорѣчивою противоположностію съ хищнымъ деспотизмомъ махараджи. Пока Англій не захѣмъ тревожиться этою ненавистію, но, въ случаѣ кризиса, ей придется пожалѣть, что она, уступивъ въ 1849 г. финансовымъ соображеніямъ, предоставила управленіе такимъ краемъ мѣстной подзрительной династіи. Махараджа,—привратникъ Гималайскихъ

горь со стороны китайскаго Туркестана, которымъ Россія не преминетъ, рано или поздно, завладѣть. Тотъ, кто можетъ при-
крыть границу, можетъ дать и ключъ къ ней, если увидитъ, что
вторженіе русскихъ въ англійскія владѣнія послужитъ его со-
бственной враждѣ къ англичанамъ. Это соображеніе должно бы
побудить Англію къ рѣшительной мѣрѣ, давно требуемой, и какъ
ея собственною безопасностію, такъ и самимъ кашмирскимъ насе-
леніемъ: къ полному присоединенію Кашмира. Армія махарад-
жи, сформированная американскимъ офицеромъ (генераломъ
Гарднеромъ) не опасна, пока ее не подрѣзнятъ русскіе баталіоны.

Впрочемъ, главная оборонительная сила Англій въ Индіи
не въ войскѣ, а въ удивительной организаціи ея правитель-
ства, въ благодѣяніяхъ, изливаемыхъ имъ на туземное населе-
ніе, въ интересѣ, который имѣетъ оно въ томъ, что остается
въ подданствѣ Англій.

Нужно видѣть въ документахъ, оставшихся отъ двухъ по-
слѣднихъ вѣновъ, какую участь испытывали индійскіе кушчи
во времена монгольскихъ императоровъ, патановъ и марат-
товъ. Это лучший способъ оцѣнить прогрессъ Индостана подъ
англійскою властію, въ отношеніи общаго и личнаго благосо-
стоянія.

Возстаніе 1857 г. не доказываетъ, что Индія была недово-
льна, или желала восстановленія своихъ туземныхъ государей;
оно было ни что иное, какъ претеріянное движеніе, подъ пред-
логомъ религіи, направленное, въ одно и то же время, противъ
англійскаго господства и противъ индусскаго народа. Винов-
никами этого мятежа были туземные аристократы, недовольные
правительствомъ, которое не дозволяло имъ систематически
обирать трудящееся сословіе. Большинство сипайевъ принадле-
жало къ мелкому дворянству, обидѣвшему съ уничтоженіемъ
злоупотребленій; остъндская компанія открыла ему доступъ
въ свою армію; дала ему этимъ средство честно приобрѣтать
свой хлѣбъ сохраняя нѣкоторое обаяніе въ глазахъ туземцевъ.
Первымъ дѣломъ сипайевъ, по восстановленіи въ Дельхи мон-
гольской имперіи, въ лицѣ стараго Бахадуръ-шаха, было раз-
зореніе лавокъ. Вотъ почему масса народа не приняла уча-
стія, въ мятежѣ; теперь, какъ и тогда, къ непріятельской арміи,
которая вторглась бы въ Индію, примкнули бы только немно-
гіе завосиѣлые фанатики, бродяги и воры. Индусы, народъ
кроткій, покорный, умный и смѣтливый, хорошо понимаютъ,
что ни одно правительство не дастъ имъ такой личной свобо-
ды, такого равноправія передъ закономъ, такой безопасности
личности и собственности, какое даетъ англоиндійское.

При изученіи человѣческихъ отношеній, не слѣдуетъ слиш-
комъ полагаться на умѣренность правительствъ, или на ихъ
безкорыстную любовь къ человѣчеству; но можно полагаться
на ихъ здравый смыслъ и на пониманіе представляемыхъ ими ин-
тересовъ. Въ отношеніи къ Азіи, правила политической теоріи не

сложны. Треть или четверть европейскимъ державамъ, призваннымъ своими преданіями или политическимъ положеніемъ, играть роль въ Азіи, предстоитъ дѣло поважнѣе продолженія своихъ европейскихъ интригъ и соперничества; онѣ ничего не выиграютъ, воспитывая въ такихъ правилахъ китайцевъ, индусовъ, персіянъ и турокъ, не говоря уже о второстепенныхъ народахъ. Видъ Азіи нужно измѣнить, какъ и видъ Африки, и Европа должна сдѣлать это общими усиліями, такъ какъ одной европейской націи для этого недостаточно. Такого рода завоеваніе законно, но оно вмѣняетъ завоевателю важныя обязанности, относительно покоренныхъ народовъ, Англія отлично сознала, и выполняетъ въ Индіи, эти обязанности. Россія на Кавказѣ вступила также смѣло на этотъ путь, и мы не можемъ не отдать справедливости ея усиліямъ. Недовѣріе, которое она возбуждаетъ въ Европѣ, не мѣшаетъ намъ видѣть услугъ, оказываемыхъ ею просвѣщенію въ Азіи.

ВИЛЛІАМЪ-МЭКПИСЪ ТЭККЕРЕЙ.

Несмотря на утверждение Попа, что жизнь гениальныхъ людей представляетъ на землѣ борьбу, есть примѣры гениевъ, прожившихъ столь же спокойно, какъ и прочіе смертные. Авторъ «Ярмарки Тшеславія» принадлежитъ къ числу послѣднихъ. Ничего необыкновеннаго съ нимъ не случилось, хотя онъ и занимаетъ мѣсто между тѣми гениями, которымъ по условіямъ Попа, слѣдуетъ ожидать для себя большаго количества непріятностей. Личная карьера Вилліама-Мэкписа Тэккера была просто жизнью частнаго джентльмена, сильнѣе всего отмѣченная тою спеціальною характеристичностію, которою обыкновенно принято отличать англійскую расу отъ человѣческаго рода. Его біографія не содержитъ въ себѣ никакихъ матеріаловъ, изъ которыхъ, при самомъ пылкомъ воображеніи, возможно было бы составить эффектный разсказъ. Дѣйствіе жизненной драмы, въ которой онъ былъ героемъ, было вполнѣ отвлеченное; и если вы желаете узнать, что онъ за человѣкъ, и въ чемъ заключается разница между нимъ, и толпою образованныхъ и умныхъ джентльменовъ, которые, подобно ему, прошли черезъ обычный круговоротъ университета, клубовъ и салоновъ, и которые, пока онъ пріобрѣталъ извѣстность, все еще держались въ тѣнистыхъ мѣстахъ общества, — вы должны искать удовольствія вашему любопытству въ его сочиненіяхъ.

Современные біографы относятъ къ холоднымъ лѣсамъ Йоркшира семейство, отъ котораго произошелъ Вилліамъ-Мэкпесъ Тэккерей. Мы не знаемъ извѣстно ли еще это имя въ тѣхъ гористыхъ мѣстностяхъ; но несомнѣнно то, что его ближайшіе предки жили въ болѣе тепломъ климатѣ. Отецъ его и дѣдъ,

состояли на гражданской службѣ въ Калькуттѣ, гдѣ и родился нашъ писатель въ 1811 г. Индія, впрочемъ, не имѣетъ на него дальнѣйшихъ правъ, исключая того, что была его родиною. Онъ былъ воспитанъ и образованъ подѣ англійскимъ небомъ, получивъ первоначальное образованіе въ Чартергаузѣ, который находился тогда подѣ управленіемъ покойнаго доктора Росселя, имѣвшаго честь поставить на ноги нѣсколькихъ воспитанниковъ, пошедшихъ съ блистательною быстротою по различнымъ жпзненнымъ путямъ. Г. Тэккерей въ послѣдствіи отправился въ Кембриджъ; но, по истеченіи двухъ лѣтъ, онъ оставилъ университетъ, не получивъ ученой степени. Литературныя основанія, положенныя университетомъ, повидимому, не имѣли большаго вліянія на его первоначальныя наклонности, и не руководили его выборомъ занятій. Искусство, а не литература, было божествомъ, которому онъ посвятилъ свою первую любовь. Его мечтою было сдѣлаться живописцемъ. Онъ походилъ на Гезлитта тою особенностію, что стремленіе его направлено было въ одну сторону, между тѣмъ какъ способности находились въ другой. Но этимъ оканчивается сходство. Гезлиттъ понесъ неудачу, а Тэккерей далъ многочисленныя доказательства своихъ способностей къ искусству, въ которомъ, при настойчивости, онъ долженъ былъ бы пріобрѣсти успѣхъ. Онъ такъ серьезно смотрѣлъ на это дѣло, что, оставя университетъ, отправился въ Римъ, гдѣ нѣкоторое время, велъ самую упитательную жизнь, доступную только вдохновеннымъ юношамъ, располагающимъ обезпеченными средствами и достаточнымъ досугомъ для того, что бы позволять себѣ мечтать цѣлый день въ мастерской, слушая говоръ артистовъ, и наблюдая за живленіемъ полотна подѣ ихъ кистию.

Эта роскошь мечтательной лѣтви, въ которой воображеніе рисуетъ будущее, непредназначенное никогда къ осуществленію, — продолжалась недолго. Римъ былъ замѣненъ Лондономъ, а палитра была оставлена для пера. Какъ произошелъ этотъ переходъ, мгновенно преобразившій будущаго артиста въ писателя, и заставившій его вмѣсто того, что бы продолжать поприще, къ которому первоначально влекли его наклонности, заняться разработкою способности, вновь открытой, и открытой вѣроятно по чистой случайности?

Подготовительная школа людей, достигнувшихъ въ результатѣ извѣстности, представляетъ очевидно матеріалы для изслѣдованій критики, но она рѣдко можетъ быть точно прослѣдована. Это особенно трудно въ отношеніи тѣхъ писателей, которые, какъ г. Тэккерей, начали съ журналистики, и долго держались періодической литературы, пока не достигли репутаціи, давшей значеніе и ихъ летучимъ произведеніямъ. По всей вѣроятности, куча статей, писанныхъ г. Тэккереемъ въ началѣ его литературнаго поприща, забыты имъ самимъ, и онѣ, по самой формѣ своей, никогда не могутъ быть отыска-

имъ. Говорятъ, что онъ участвовалъ въ «Times», когда эта газета издавалась Барнесомъ; въ позднѣйшій періодъ, онъ былъ постояннымъ сотрудникомъ въ газетѣ «Chronicle», прежде чѣмъ традиціи времени Перри совершенно утратились. Объ этомъ сотрудничествѣ мы знаемъ очень мало, исключая того, что оно простиралось на самыя разнообразныя отдѣлы: библиографическая критика, ученые статьи объ искусствѣ, чередовались съ передовыми статьями, касающимися общественной жизни и политики.

Въ «Fraser's Magazine», подъ псевдонимомъ Микель-Анжело Титмарча, авторъ «Ярмарки Тщеславія» впервые занялъ видное мѣсто въ періодической литературѣ. Но талантъ его не имѣлъ качества всегда дѣйствовать примирительно, и снискивать благо расположеніе читателя. Записки Микель-Анжело Титмарча были окрашены тѣмъ, что казалось мрачнымъ духомъ сарказма, и сильно оскорбляло нѣкоторыя партіи въ обществѣ. Всѣ признавали оригинальность, и, такъ сказать, глубину ихъ юмора; но только ближайшее знакомство съ писателемъ и послѣдующее развитіе его таланта, даютъ намъ теперь возможность находить въ насмѣшкахъ и остротахъ мистера Титмарча ту обдуманность цѣли и чистоту намѣреній, которыя въ то время никто не подумалъ бы приписать ему.

Къ тому же періоду принадлежатъ нѣсколько томовъ путешествій, обнимающихъ собою Ирландію, Францію и Востокъ, и написанныхъ въ духѣ столь отличномъ отъ обыкновенныхъ путешествій, на сколько путешествіе разнится отъ эпической поэмы. Наибольшій интересъ сочиненій, въ родѣ «Очерковъ Париза», «Очерковъ Ирландіи» и «Путешествія изъ Корнхила до Каира», заключается въ томъ обстоятельствѣ, что книги эти не могли бы быть написаны никѣмъ другимъ, и носятъ на себѣ очевидныя слѣды мастерскаго пера автора. Отличаясь мѣткимъ взглядомъ на характеры, быстрою оцѣнкою смѣшнаго, тонкимъ и блестящимъ юморомъ, онъ конечно не всѣ равны по достоинству, и не выдержаны съ начала до конца на одинаковой высотѣ. Но, несмотря на то, что ни по одному изъ этихъ сочиненій мы не могли бы предсказать ряда замѣчательныхъ произведеній, послѣдовавшихъ за ними, легко однако же усматривается въ нихъ зародышъ чего то превосходящаго ихъ собственное значеніе. Г. Тэкерей въ это время кажется какъ бы играющимъ своими средствами, и расправляющимъ свои крылья для дальнѣйшаго полета. Его участіе въ «Пончѣ» послужило болѣе или менѣе подготовительнымъ упражненіемъ. На «Записки Снобса», «Дневникъ Жимса», «Тучнаго Сотрудника», также какъ на «Кляльбери на Рейнѣ», и прочіе очерки изъ жизни, должно смотрѣть, какъ на предварительныя этюды къ болѣе законченнымъ картинамъ, которыя были въ послѣдствіи исполнены зрѣлымъ талантомъ опытнаго артиста.

Первые выпуски «Ярмарки Тщеславія» вышли въ 1846 году.

Говорятъ, что первый издатель, которому было предложено это сочиненіе, отвергъ его, но вскорѣ оно было вполне огомщено. Лондонъ понялъ, какая талантливая рука писала эти страницы, прежде чѣмъ явился третій выпускъ, и не прошло шести мѣсяцевъ, какъ авторъ занялъ уже мѣсто не только между современными первоклассными писателями, но и между первоклассными англійскими писателями. Продолженіе повѣсти постепенно раскрывало все большую многосторонность таланта, чѣмъ можно было заключить въ началомъ разсказѣ изъ современной жизни, и Ватерлоо раздѣлило рукоплесканія критики съ Беки-Шерпомъ и трущобами фешіонбельной жизни. Безпощадность сатиры въ «Ярмаркѣ Тщеславія» и въ слѣдующихъ повѣстяхъ того же писателя, оправдывается его мѣткостью. Ничто не можетъ служить вѣрнѣйшимъ мѣриломъ впечатлѣнія, сдѣланнаго этими сочиненіями на публику, какъ тотъ фактъ, что г. Тэккерей вообще извѣстенъ былъ своимъ современникамъ, не какъ «великій сатирикъ», а какъ «великій романистъ.»

«Пенденистъ» послѣдовалъ за «Ярмаркою Тщеславія;» нельзя сказать, что бы онъ достигъ до ея достоинствъ. Сравненія такого рода влекутъ за собою вопросы вкуса, чрезвычайно трудно разубиемые, и, вопреки абстрактнымъ формуламъ критики, есть читатели, отдающіе свое предпочтеніе безотчетно. Насчетъ достоинства слѣдующаго произведенія, «Эсмонда», почти всѣ классы читателей согласны. Даже тѣ, которые ненавидятъ Бетатрису, тѣ, которые порицаютъ планъ разсказа, и считаютъ его за искусственное произведеніе, похожее на современную дѣвуху, нарядившуюся въ жесткія парчи и кружевы елисаветинскихъ временъ, признаются, что слогъ его чистъ и идиоматиченъ. Въ этомъ отношеніи «Эсмондъ» замѣчательное и образцовое твореніе; оно стоитъ особнякомъ въ наше время, отличаась необыкновенною красотою языка. Слогъ г. Тэккерей соединяетъ въ себѣ самыя высокія достоинства наилучшихъ англійскихъ писателей, что въ полномъ совершенствѣ является въ «Эсмондѣ»: сила, легкость и простота составляютъ между прочимъ его главнѣйшія качества; тутъ нѣтъ ни высканности, ни фальшивой напыщенности въ фразеологіи; выраженія всюду ясны, прямы, звучны, и не носятъ ни малѣйшаго слѣда усилія.

«Ньюкомъ», «Виргинцы», «Приключенія Филиппа» и «Ловель Вдовецъ», послѣдовали за «Эсмондомъ», а черезъ небольшіе промежутки явились «Юмористы» и «Четыре Георга», которые составляютъ сущность лекцій, прочтенныхъ Тэккереемъ въ Англии и въ Америкѣ. Изъ всѣхъ этихъ сочиненій, характеръ полковника Ньюкома сразу выдается, какъ самая рельефная личность. Если бы Тэккерей не написалъ ничего болѣе, кромѣ этой повѣсти, и тогда бы онъ приобрѣлъ первое мѣсто между великими беллетристами Англии. Это совершенство въ своемъ родѣ, какъ Донъ-Кихоть или Парсонъ-Адамсъ, — это типъ совершеннаго джентельмена съ нѣжнымъ, честнымъ сердцемъ.

Судя по приговорамъ потомства въ другихъ случаяхъ, «Ярмарка Тщеславія» кажется намъ произведеніемъ, способнымъ болѣе всѣхъ поддержать репутацію автора. Сочиненіе, наиболѣе сжатое и мѣткое по изложенію, наиболѣе близкое къ общимъ истинамъ, и заключающее въ себѣ наиболѣе постоянныхъ элементовъ жизни, и менѣе всего мѣстнаго и временнаго интереса, обыкновенно переживаетъ своихъ современниковъ. Изъ романовъ и повѣстей Даниэля де-Фоз, одинъ Робинзонъ Крузо остался извѣстенъ массѣ читателей; и хотя «Амалия» вѣроятно всегда найдетъ себѣ уголъ въ каждой порядочной библіотекѣ, а «Джонатанъ Уйльдъ» все еще изрѣдка упоминается, Фильдингъ живетъ въ потомствѣ посредствомъ своего «Тома Джонса», котораго достоинство основано на искусной постановкѣ, единствѣ, остроуміи и глубокомъ знаніи человѣческой природы. По тѣмъ же признакамъ, можно предсказать «Ярмаркѣ Тщеславія» право на долгую популярность; это самое законченное, разнообразное и художественное, изъ произведеній г. Теккерея, болѣе остальныхъ раскрываетъ многостороннія его средства, наиболѣе имѣетъ въ себѣ повѣствовательнаго, и наименѣе испещрено отступленіями. Мы никакъ не ожидаемъ, что бы эта сравнительная оцѣнка была одобрена всѣми. Много обстоятельность способствуетъ къ разединенію мнѣній на счетъ писателя, во время жизни его; каждое твореніе имѣетъ свой кружокъ поклонниковъ, ставящихъ его выше остальнаго. Мы слышали что лордъ Маколей считалъ «Пендениса» наилучшимъ произведеніемъ, а между тѣмъ если бы, черезъ летучія библіотеки, собрать мнѣніе Англіи объ ея предпочтеніи, то, нѣтъ сомнѣнія, «Ньюкомы» заслужили бы первенство большинствомъ голосовъ.

Недостатокъ, находимый большинствомъ въ повѣстяхъ г. Теккерея, заключается въ томъ, что у него гораздо болѣе обращено вниманія на юморъ и остроуміе, чѣмъ на самую нить разсказа. Старая пѣсня повторяется на всѣ лады:—капля меду на бочку дегтя; но что за деготь! Кто добровольно отказался бы отъ такихъ лакомыхъ для самолюбія кусковъ, отъ такой блестящей посторонней болтовни, ради только ускоренія разсказа? Хотя, безспорно, справедливо и то, что для привлеченія вниманія публики необходимо вывести на сцену дѣйствіе, и что вы должны заинтересовать своихъ читателей самымъ дѣйствіемъ, для возбужденія интереса ихъ къ характеру дѣйствующихъ лицъ, если вы не обладаете какими либо исключительными способностями, или не задалісь какою нибудь особенною задачею, тѣмъ не менѣе г. Теккерей продолжаетъ идти путемъ своеобразнаго дарованія, и совершенно ясно, что его талантъ вовсе не драматическій. «Довель Вдовецъ» первоначально предназначался для сцены; но въ этой формѣ разсказъ этотъ походилъ на табунъ лошадей, съ распущенными поводьями, которыми Дюкро наполнялъ арену цирка. Но Дюкро звалъ, какъ, по первому жела-

нѣю, забрать ихъ въ руки, а искусство это кажется плохо далось г. Тэкерейю, или разработкою его онъ пренебрегалъ.

«Юмористы» и «Четыре Георга» представляютъ чисто литературные и историческіе этюды. Эти произведенія суть единственные образчики его ученаго и критическаго вкуса; они любопытны, какъ указанія того духа и способа разработки, съ которыми онъ сталъ бы относиться къ предметамъ, въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ нихъ соединены, необыкновенно счастливо, всѣ мелкіе оттѣнки свѣта и тѣни, которыми исторія и біографія вообще пренебрегаютъ, но которые имѣютъ величайшую важность, для вѣрнаго очертанія характеровъ. Многіе изъ читателей будутъ того мнѣнія, что его выводы не всегда справедливы, и хотя мы соглашаемся предоставить Георговъ ихъ судьбѣ, однако же думаемъ, что, въ отношеніи портретистики Аддисона и Оуэля, сдѣланы большія опибки и совершены значительныя несправедливости. Но назначеніе произведеній подобнаго рода—поднимать литературные и историческіе вопросы; несогласіе наше съ тѣмъ или другимъ пунктомъ не должно однако же оставлять насъ нечувствительными къ красотамъ, талантливости и уму, которыми переполнены эти книги.

Сотрудничеству г. Тэкерей въ «Корнхиль Магазинѣ», мы обязаны «Roundabout papers», которыя, въ полномъ собраніи, менѣе удовлетворяютъ, чѣмъ при отдѣльномъ чтеніи ихъ, когда они являлись ежемѣсячно. Причина этому весьма понятна; однако же они занимаютъ не послѣднее мѣсто между произведеніями г. Тэкерейя, по занимательности своей и характеристичности.

Можетъ быть намъ слѣдуетъ зачислить событіемъ то обстоятельство, что г. Тэкерей однажды добивался избранія въ представители города Оксфорда, но былъ побѣжденъ г. Кардуэллемъ, которому свѣтъ обязанъ устраненіемъ писателя изъ парламента.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

ОБЪ ОТЧЕТЪ

Русскаго Общества Пароходства и Торговли за первое десятилѣтіе.

Въ собраніи акціонеровъ этого общества, бывшемъ двадцать третьяго прошлаго апрѣля, г. предсѣдательствовавшій, въ виду успокоенія тѣхъ акціонеровъ, которые, по случаю выдачи на каждую акцію по 150 рублей въ погашеніе складочнаго капитала, будто бы полагали, что на будущее время общество будетъ не въ состояніи вести своего предпріятія въ прежнихъ размѣрахъ, принявъ на себя трудъ объяснить, что какъ вмѣстимость пароходовъ и судовъ не только не уменьшилась противъ прежней, а еще увеличилась, то нѣтъ никакого основанія предполагать, что бы общество дѣйствовало въ меньшихъ размѣрахъ, или что бы оно приносило менѣе выгодъ акціонерамъ отъ означеннаго погашенія складочнаго капитала. Приэтомъ Николай Николаевичъ Анцыферовъ, бросивъ взглядъ на положеніе общества съ коммерческой стороны, выяснилъ, что въ настоящее время, при самой невыгодной продажѣ состоящаго въ обществѣ имущества, было бы выручено на каждую находящуюся у акціонеровъ акцію въ сложности различными суммами никакъ не менѣе 350 рублей, не вѣлючая въ то число стоимости устраиваемаго антрацитоваго рудника. Русское Общество Пароходства и Торговли существуетъ уже болѣе десяти лѣтъ, въ продолженіе которыхъ предъявлено акціонерамъ столько же отчетовъ, а между тѣмъ, въ сказанномъ собраніи, ни г. предсѣдательствовавшимъ, ни однимъ изъ членовъ правленія, ничего не было сказано относительно дѣйствій общества въ первое десятилѣтіе. Поэтому мы, желая пополнить такой пробѣлъ, составили, въ прилагаемой таблицѣ, отчетъ общества за этотъ періодъ времени, который и представляемъ на усмотрѣніе акціонеровъ, желающихъ имѣть свѣдѣнія о дѣйствіи и положеніи общества.

ХО Д С Т В А И

И С Л Е Н О .

Въ особнякъ...

Примѣчанія къ таблицѣ. 1) Въ расходы по администраціи и содержанію правленія въ С.-Петербургѣ включены издержки: по ремонту зданій и имущества, по производившейся субсидіи содержателю diligansовъ между Еватеринославомъ и Никоподемъ и по потерѣ въ курсѣ; (последнія простирались до 6,351 р. 37 коп.)

2) Въ настоящее время бывшіе директоры правленія, нынѣ члены правленія, не получаютъ процентовъ съ чистой прибыли.

3) Проценты съ буквою *б* означаютъ на сколько % балансъ, приходъ, расходъ и остатокъ увеличились противъ предшествовавшаго года, а съ литерою *м* на сколько % они уменьшились.

4) Проценты въ скобкахъ показываютъ отношеніе прихода къ балансу, принятому за 100.

5) Проценты курсивомъ показываютъ отношеніе расхода, остатка и суммы, выданной въ дивидентъ къ приходу.

6) Проценты въ скобкахъ курсивомъ показываютъ отношеніе частныхъ расходовъ къ общему.

7) Проценты въ двойныхъ скобкахъ показываютъ отношеніе распредѣленій къ остатку.

8) Сумма баланса 15.740,852 р. 47 к. заключается: въ деньгахъ наличныхъ и выданныхъ заимообразно подъ залогъ документовъ, въ разныхъ процентныхъ бумагахъ и векселяхъ на 2.765,965 р. 35 к., что составляетъ 17,57% на сумму баланса; въ стоимости судовъ, за погашеніемъ на 4.765,310 руб. 84 к. *) или 30,27%; въ недвижимомъ имуществѣ на 1.635,987 р. 01 к. или 10,39%; въ движимомъ имуществѣ и инвентарѣ правленія на 52,783 р. 34 коп. или 0,34%; въ минеральномъ топливѣ на 537,823 р. 04 коп. или 3,41%; въ матеріалахъ и припасахъ на 369.716 р. 38 коп. или 2,35%; у агентовъ, корреспондентовъ и капитановъ пароходовъ на 244,465 р. 56 коп. или 1,56%; у разныхъ дебиторовъ на 247,789 р. 09 коп. или 1,57%; въ строящихся машинахъ и баржахъ на 80,975 р. 12 коп. или 0,51%; въ антрацитовомъ рудникѣ на 313,578 р. 01 коп. или 2%; въ конторахъ, мастерскихъ, въ черноморскомъ и кавказскомъ вѣдомствахъ, въ очисткѣ одесскаго порта и сомнительныхъ долгахъ на 588,738 р. 03 к. или 3,74% (сомнительныхъ долговъ всего на 10 руб.); въ купленныхъ на счетъ общества 9,250 акціяхъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли, за погашеніемъ, на 387,719 р. 70 коп. или 2,46%; и въ возвращенныхъ на 30,000 акцій, по 125 р. на каждую, 3.750,000 руб. или 23,83%.

*) По отчету за 1866 годъ состояло: 46 пароходовъ, за исключеніемъ погибшихъ «Паллада» и «Удалый», 29 баржъ, 3 паланды, 1 шлюпчикъ и разныя мелкія суда; полная стоимость всѣхъ этихъ пароходовъ и судовъ простиралась до 7.317,547 р. 21 к.

ГОДЫ.	Количество пройденныхъ миль.	Во что обошлась пройденная мил.	ПЕРЕВЕЗЕНО.	
			Пассажировъ.	Грузовъ въ пудахъ.
1857	100,000	5 р. 39 к.	57,000	2.500,000
1858	316,000 б. на 216%	4 р. 85 к. м. на 11%	123,000 б. на 116%	4.000,000 б. на 60%
1859	510,496 б. на 61%	5 р. 24 к. б. на 8%	202,458 б. на 65%	6.117,307 б. на 53%
1860	436,526 ¹⁾	—	218,904 б. на 8%	6.878,652 ²⁾ б. на 12%
1861	436,526 ¹⁾	—	208,332 м. на 5%	6.396,801 ²⁾
1862	436,526 ¹⁾	—	195,371 м. на 6%	5.261,693 ²⁾ м. на 33%
1863	437,482 ¹⁾	—	211,464 б. на 8%	8,015,571 ²⁾ б. на 52%
1864	н е п о к а з а н о .		н е п о к а з а н о .	
1865	629,952	4 р. 42 к.	н е п о к а з а н о .	
1866	672,246 ^{1/2)} б. на 6,7%	4 р. 53 к. б. на 2,4%	н е п о к а з а н о .	
Итого				
Средніе				

Получено отъ правительства помилной платы, съ 64,000 рублей на ремонтъ пароходовъ.	Сумма, пред- назначенная для устрой- ства антра- цитоваго руд- ника изъ чис- ла дивиден- да на пра- вительствен- ныя акціи.	ИЗРАСХОДОВАНО.		Отчислено въ по- гашеніе ссѣдоч- наго капитала.
		На топливо.	На ремонтъ судовъ.	
389,415 р. 81 к. 49%)	—	144,960 р. 90 к. ⁴⁾ ((31%))	4,698 р. 28 к. ((1%))	—
144,573 р. 94 к. б. на 194% 59%	—	386,999 р. 31 к. б. на 167% ((36%))	104,176 р. — к. б. на 2,118% ((9%))	—
947,225 р. 39 к. б. на 70% 53%	—	785,935 р. 05 к. б. на 108% ((39%))	220,904 р. 53 к. б. на 112% ((11%))	—
947,406 р. 58 к. б. на 0,01% 49%	—	805,103 р. 25 к. б. на 2,5% ((35%))	539,857 р. 16 к. б. на 144% ((23%))	—
947,406 р. 58 к. 51%	—	738,667 р. 64 к. м. на 9% ((36%))	441,501 р. 28 к. м. на 23% ((21%))	—
942,188 р. 95 к. 50,4%	114,870 р. —	691,430 р. 47 к. м. на 7% ((35%))	538,673 р. 66 к. б. на 22% ((27%))	—
947,005 р. 98 к. 46%	147,690 р. —	675,836 р. 86 к. м. на 2% ((39%))	368,170 р. 23 к. м. на 46% ((21%))	—
945,527 р. 57 к. 36%	164,100 р. —	858,383 р. 71 к. б. на 27% ((45%))	382,109 р. 70 к. б. на 4% ((20%))	—
946,908 р. 63 к. 36%	164,100 р. —	821,986 р. 56 к. м. на 4% ((41%))	440,645 р. 37 к. б. на 15% ((22%))	по 75 р. на ак- цію 2.250,000 р.
946,966 р. 62 к. 35%	164,100 р. —	949,136 р. 22 к. б. на 15% ((43%))	463,175 р. 49 к. б. на 5% ((21%))	по 50 р. на ак- цію 1.500,000 р.
104,619 р. 05 к. 44,51%	754,860 р. —	6.858,439 р. 97 к. ((38,80%))	3.503.911 р. 70 к. ((19,82%))	по 125 рублей на акцію 3.750,000 р.
710,461 р. 90 к.	—	685,843 р. 99 к.	350,391 р. 17 к.	—

Примѣчанія къ этой таблицѣ. 1) Въ объяснительной къ отчету запискѣ показано только то количество пройденныхъ миль, за которое получена помилная плата, а потому не сдѣлано сравненія съ предшествовавшимъ годомъ и не вычислено во что обошлась пройденная миля.

2) Въ это количество не включены перевезенные экипажи, фортепіяны и животныя.

3) Проценты курсивомъ показываютъ, какъ и въ предшествовавшей таблицѣ, отношеніе къ приходу.

4) Проценты въ двойныхъ скобкахъ и курсивомъ показываютъ отношеніе къ навигаціоннымъ расходамъ.

По разсмотрѣніи вышеприведенныхъ съ замѣтками таблицъ, между прочимъ, оказывается:

По балансу. Балансъ общества изъ 9.000,000 р. основнаго капитала возросъ до 15.740,852 р. 47 к. и такимъ образомъ увеличился на 74,89%. Самая большая часть баланса заключается, какъ и слѣдовало ожидать, въ стоимости судовъ, которая простирается до 30,27% на всю сумму баланса; затѣмъ въ суммѣ, отчисленной, по 125 р. на акцію, въ погашеніе складочнаго капитала 23,83%, и въ деньгахъ наличныхъ и выданныхъ заимообразно подъ залогъ документовъ, въ разныхъ процентныхъ бумагахъ и векселяхъ, 17,57%, всего на 71,67%, или на $\frac{5}{7}$ всей суммы баланса. Наконецъ, если изъ суммы баланса 15.740,852 р. 47 коп. исключить сумму, отчисленную по 125 руб. *) на акцію, 3.750,000 р. и стоимость къ первому января 1867 года 9,250 акцій Русскаго Общества Пароходства и Торговли, принадлежащихъ обществу и могущихъ быть уничтоженными, 387,719 р. 70 к., всего 4.137,719 р. 70 коп., то получится въ остаткѣ 11.603,132 р. 77 коп., которые, если раздѣлить на количество находящихся въ обращеніи 20,750 акцій, то окажется, что въ обществѣ имѣется на каждую акцію, владѣющую акціонеромъ, деньгами и разнаго рода имуществомъ на 559 р. 19 коп.

По приходу. Валоваго дохода собрано наименѣе въ 1857 г., за первый годъ дѣйствія общества, 795,719 р. 36 к., а наиболѣе въ 1866 году, 5.492,994 р. 39 коп., слѣдовательно валовый доходъ увеличился на 590,32%. Средній валовый доходъ составляетъ 24,41% на сумму послѣдняго баланса.

По расходу. Израсходовано наименѣе въ 1857 году, 539,435 руб. 98 коп., а наиболѣе въ 1860 году 3.090,852 р. 95 к.; послѣдній расходъ превышаетъ первый на 472,97%. Средній расходъ составляетъ 62,69% на сумму средняго валоваго дохода.

Среднимъ числомъ израсходовано: по навигаціи 73,39%, по содержанію агентствъ 5,50%, по перевозкѣ пассажировъ и грузовъ 10,41%, по навигаціоннымъ убыткамъ 0,63%, по админи-

*) Остальные, по 25 р. на акцію, выдаются въ этомъ году и въ счетъ расходовъ текущаго года.

страціи и содержанію правленія въ С.-Петербургѣ 8,78%, а по списанію расходовъ и погашенію нѣкоторыхъ статей баланса 1,29%. Такимъ образомъ наибольшая сумма израсходована по навигаціи, въ которой употреблено на топливо 38,80% и немного болѣе половины этого на ремонтъ пароходовъ и судовъ, именно 19,82%. На ремонтъ пароходовъ и судовъ израсходовано, среднимъ числомъ, 350,391 р. 17 коп. въ годъ, что составляетъ 4,78% на сумму ихъ полной стоимости 7.317,547 р. 21 коп. Какъ, сверхъ того, на погашеніе стоимости пароходовъ и судовъ списывается по уставу 5%, то оказывается, что они должны совершенно обновляться въ продолженіе менѣе одиннадцати лѣтъ, если расходъ на ремонтъ ихъ не будетъ производиться въ меньшемъ размѣрѣ.

По остатку. Наименьшій остатокъ былъ за 1857 годъ, простирившійся до 256,283 р. 38 коп., а наибольшій за 1864 годъ 2.708,574 рубл. 57 коп. Средній остатокъ простирается до 1.433,516 р. 87 коп., и составляетъ 9,10% на сумму послѣдняго баланса. Изъ остатка: а) отдѣлено въ страховой капиталъ 11,27%, на погашеніе судовъ и движимаго имущества 18,09%, въ запасный капиталъ 7,49%; б) отчислено: на покрытіе сомнительныхъ долговъ и убытковъ при продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ 2,50% и на погашеніе акцій до половины первоначальной ихъ стоимости 19%, и в) выдано въ дивидендъ акціонерамъ 39,45% и въ вознагражденіе директора и бывшихъ директоровъ правленія причитающимся по уставу процентами изъ чистой прибыли 2,20%.

Среднимъ числомъ, списывалось расходовъ и погашалось нѣкоторыхъ статей баланса по 31,054 р. 78 коп., а отчислялось, на покрытіе сомнительныхъ долговъ и убытковъ при продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ по 35,957 р. 26 коп., слѣдовательно по 67,012 р. 04 коп. въ годъ, что составляетъ 4,67% на сумму средняго остатка.

Если сложить суммы, выданныя акціонерамъ въ дивидендъ и въ погашеніе складочнаго капитала, то окажется, что изъ остатка выдано акціонерамъ 58,45%, немного болѣе половины всего остатка.

По количеству пройденныхъ пароходами миль. По непоказанію сколько пароходами пройдено миль въ 1860, 1861, 1862, 1863 и 1864 годахъ, невозможно опредѣлить въ какомъ именно году пройдено ихъ болѣе; но изъ имѣющихся за остальные годы свѣдѣній видно, что въ первомъ году, по открытіи дѣйствія общества, пройдено 100,000 миль, а въ послѣднемъ 1866 году 672,246 $\frac{1}{2}$, то есть, что количество пройденныхъ миль увеличилось противъ количества перваго года движенія на 572,24%, а противъ предшествовавшаго 1865 г. на 6,71%.

По стоимости, въ которую обошлась пройденная миль. По непоказанію за означенное время сколько пройдено пароходами миль, нельзя опредѣлить во что обходилась въ то время прой-

денная миля. Изъ имѣющихся же свѣдѣній за остальные годы усматривается, что самая низшая стоимость пройденной мили была въ 1865 году 4 р. 42 коп., которая менѣе противъ ея стоимости въ первомъ году движенія пароходовъ на 21,94%, и въ послѣднемъ 1866 году на 2,48%.

По количеству перевезенныхъ пассажировъ. Въ объяснительныхъ къ отчетамъ запискахъ, за послѣдние три года, 1864, 1865 и 1866 г., не показано сколько именно перевезено пассажировъ. По имѣющимся свѣдѣнiямъ, самое большое количество пассажировъ перевезено въ 1860 году, 218,904 челов., которое превышаетъ количества перевезенныхъ пассажировъ въ первый годъ открытiя движенiя на 284,04%, и въ 1863 году на 3,51%.

По количеству перевезенныхъ грузовъ. Въ помянутыхъ запискахъ, за означенные три года, также не показаны количества перевезенныхъ грузовъ. Самое большое ихъ количество перевезено въ 1863 году, 8.015,571 пуд., которое превосходитъ количества перевезенныхъ грузовъ въ первый годъ дѣйствiя общества на 220,62%, и въ 1862 году на 52,33%.

Нельзя не пожалѣть, что непоказанiе въ объяснительныхъ къ отчетамъ запискахъ, за нѣкоторые годы, сколько пройдено пароходами миль и сколько ими перевезено пассажировъ и грузовъ, лишаетъ возможности опредѣлить развивающееся движенiе и пользу, приносимую обществомъ южнымъ губернiямъ. Въ первые семь лѣтъ дѣйствiя, общество, кромѣ поддержанiя правильного сообщенiя съ Востокомъ и нѣкоторыми западными портами, принесло, надобно полагать, немалую пользу нашей торговлѣ и сельскому хозяйству, перевозомъ 1.216,529 пассажировъ и 40.763,604 пуд. грузовъ, среднимъ числомъ въ годъ 173,789 пассажировъ и 5.823,372 пуд. грузовъ, не говоря уже о томъ, что, полученiемъ за границую платы за перевозку пассажировъ и фрахта, оно обогащаетъ нашъ денежный рынокъ.

По количеству полученнаго отъ правительства пособiя. Въ теченiе десяти лѣтъ общество получило отъ правительства, номинальной платы и на ремонтъ пароходовъ, всего 17.104,619 р. 5 коп., среднимъ числомъ въ годъ 1.710,461 р. 90 коп. Такъ какъ эта цифра составляетъ 44,51% на среднiй валовой приходъ, а остатокъ только 37,31%, *) то оказывается очевиднымъ, что общество не можетъ существовать безъ правительственнаго пособiя. Впрочемъ, кстати здѣсь замѣтить, что и заграничныя такiя же общества, при болѣе выгодныхъ условiяхъ, чѣмъ Русское Общество Пароходства и Торговли, едва ли могли бы существовать безъ оказываемой имъ субсидiи.

По суммѣ, предназначенной для устройства антрацитоваго рудника. Сверхъ прежде израсходованныхъ обществомъ на уст-

*) Суммы, выданныя акцiонерамъ въ дивидендъ и въ погашенiе складочнаго капитала, составляютъ 24,47% на валовой приходъ.

ройство этого рудника, отложено на этот предмет изъ числа дивиденда, причитавшагося на принадлежавшія правительству акціи, всего 754,860 руб. Въ настоящее время затрачено обществомъ въ рудникъ 313,578 р. 1 коп., и надо надѣяться, что имѣющейся на лице суммы будетъ достаточно для осуществленія столь важнаго предпріятія, обѣщающаго обществу немало-важныя выгоды. Приэтомъ нельзя обойти молчаніемъ, что доставленіе нашему безлѣсному южному краю дешеваго топлива можетъ развитъ въ немъ нѣкоторыя отрасли заводской и мануфактурной промышленности. По всему этому весьма желательно, что бы предпріятіе по добыванію антрацита осуществилось, по возможности, въ скорѣйшемъ времени.

При разсмотрѣніи всѣхъ отчетовъ общества, мы съ сожалѣніемъ замѣтили, что въ объяснительныхъ къ отчетамъ запискахъ за послѣдніе годы, не показывается болѣе валовой выручки по каждому пароходу отдѣльно, какъ это дѣлалось прежде.

Вѣроятно нѣкоторымъ акціонерамъ интересно знать, хотя приблизительно, какой они могутъ получить дивидендъ за текущій годъ. Для удовлетворенія этого желанія и для болѣе вѣрнаго опредѣленія дивиденда, примемъ въ соображеніе средній остатокъ пяти послѣднихъ лѣтъ съ его распредѣленіемъ. Такой остатокъ простирался до 2.160,638 р. 40 коп., и изъ него, среднимъ числомъ, отчислено: въ страховой капиталъ 204,177 р. 75 к., въ погашеніе стоимости судовъ и движимаго имущества 323,141 р. 86 к., въ дивидендъ акціонерамъ 798,814 руб. *), въ вознагражденіе директора причитающимися процентами изъ чистой прибыли 43,762 р. 15 к., въ запасный капиталъ 191,514 р. 30 к., на покрытіе сомнительныхъ долговъ и убытковъ при продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ 56,249 р. 12 к., и особою статьею, впредь до приведенія находящихся въ обращеніи акцій до половины первоначальной стоимости, 542,979 р. 22 к. Положимъ тенерь, что и за текущій годъ остатокъ будетъ равенъ среднему пятилѣтнему, 2.160,638 р. 40 к.; но распредѣленіе его должно быть слѣдующее: а) Въ настоящее время страховой капиталъ состоитъ въ полномъ по уставу количествѣ, а потому надобно будетъ пополнять его только суммою потерь, какія общество понесетъ по случаю аварей. Въ этотъ капиталъ, въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ, отчислено всего 1.617,583 р. 3 к., а какъ онъ долженъ состоять изъ милліона рублей, то излишніе 617,583 р. 3 к. показываютъ сумму потерь, понесенныхъ обществомъ въ теченіе этого времени отъ несчастныхъ случаевъ, что составляетъ въ годъ 61,758 р. 30 коп. Поэтому на пополненіе страховаго капитала или на

---

*) За первое десятилѣтіе существованія общества акціонеры получили въ дивидендъ, среднимъ числомъ, по 8% въ годъ на затраченный ими въ предпріятія капиталъ.

покрытіе потерь, по случаю гибели и поврежденія парокордовъ, можетъ быть отчислено 61,758 р. 30 к. б) Въ погашеніе стоимости парокордовъ, судовъ и движимаго имущества 323,141 р. 86 к. в) Въ вознагражденіе директора причитающимися процентами съ чистой прибыли 43,762 р. 15 к. г) Хотя запасный капиталъ также состоитъ въ опредѣленномъ количествѣ, но какъ въ этотъ капиталъ отчислено, въ продолженіе десяти лѣтъ, свыше милліона, 75,746 р. 14 к., а въ годъ, среднимъ числомъ, 7,574 р. 61 к., то сколько же отчислимъ и теперь въ запасный капиталъ. д) На покрытіе сомнительныхъ долговъ и убытковъ при продажѣ нѣкоторыхъ предметовъ 56,249 р. 12 к. (Вполнѣ надѣмся, что постоянно приобретаемая агентами общества опытность въ дѣлѣ окажетъ благотворное вліяніе и на эту цифру, отчего она не будетъ столь значительною въ предстоящіе годы.) е) Особою статьею, впродъ до приведенія находящихся у акціонеровъ 20,750 акцій до половины первоначальной ихъ стоимости предназначенные къ выдачѣ въ мартѣ сего года, по 25 р. на каждую акцію, всего 518,750 р. и ж) Разрѣшенные акціонерами, въ послѣднемъ собраніи, въ награду лицамъ, служащимъ въ правленіи, 10,000 р. и на списаніе числящагося на г. Новосельскомъ долга, простирающагося до 37,115 рублей 2 коп.— всего 47,115 рублей 2 коп. Такимъ образомъ изъ остатка 2.160,638 рублей 40 коп. должно быть отчислено всего 1.058,351 рублей 6 коп., а остальные 1.102,287 рублей 34 к. могутъ быть выданы въ дивидендъ на находящіяся въ обращеніи 20,750 акцій, что составитъ по 53 р. 12 к. на каждую изъ нихъ. Съ этого года, помилная плата начнетъ производиться въ меньшемъ противъ прежняго размѣрѣ, а потому если изъ 53 р. 12 коп. отчислить 8 р. 12 в. на этотъ предметъ (что составитъ по числу акцій 168,490 р.), то и затѣмъ въ дивидендъ можетъ причитаться по 45 р. на каждую находящуюся въ обращеніи акцію.

Въ заключеніе скажемъ, что, въ слѣдствіе предупредительности совѣта и правленія общества, акціонеры будутъ получать часть дивиденда въ ноябрѣ каждаго года, а остальную по расчету въ апрѣлѣ, по утвержденіи ими отчета за истекшій годъ.

Н. Журавскій.

О П Ы Т Ъ

**общепонятнаго изложенія нѣкоторыхъ началъ
науки финансоваго права, съ примѣненіемъ ихъ
къ Россіи.**

ГЛАВА II.

**Обзоръ финансоваго управленія Франціи, ея палатовъ и срав-
неніе ихъ съ англійскими.**

Мы видѣли, что въ Англійи во главѣ финансоваго управленія стоитъ особое финансовое учрежденіе—главный финансовый комитетъ, состоящій изъ перваго министра, канцлера казначейства, т. е. государственнаго казначея (или министра финансовъ) и трехъ иногда четырехъ членовъ комиссаровъ. На обязанности этого комитета лежатъ всѣ соображенія, о которыхъ говорилось въ началѣ первой главы, а также вытекающія изъ нихъ предположенія и распоряженія, для приведенія въ дѣйствіе утвержденныхъ законнымъ порядкомъ представленій этого комитета. Затѣмъ тотъ же комитетъ наблюдаетъ за правильностію дѣйствій всѣхъ существующихъ финансовыхъ учреждений, и руководитъ ихъ къ достиженію предназначенныхъ закономъ цѣлей. Во Франціи ничего этого нѣтъ. Тамъ одинъ министръ финансовъ завѣдуетъ всѣми отраслями финансоваго управленія. Онъ одинъ составляетъ бюджетъ и всѣ финансовыя соображенія, докладываетъ и защищаетъ ихъ какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ въ палатѣ депутатовъ и въ сенатѣ. Одинъ онъ отвѣчаетъ за успѣшное движеніе дѣлъ и

правильныя дѣйствія подвѣдомственныхъ ему правительственныхъ мѣстъ и до 80,000 чиновныхъ агентовъ.

Во Франціи всякій министръ составляетъ смѣту потребныхъ для его министерства расходовъ, а министръ финансовъ, получивъ ихъ, составляетъ общую роспись доходовъ и расходовъ, для всѣхъ отраслей государственнаго управленія, равно какъ и для управленій мѣстныхъ, провинціальныхъ и земскихъ. Онъ одинъ, такъ сказать, распредѣляетъ кругъ дѣятельности всего государства, тогда какъ въ Англіи правительство не входитъ въ разсмотрѣніе предложеній земства о приходахъ и расходахъ принадлежащихъ ему суммъ. Всякое графство (а въ Великобританіи 117 графствъ) дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ самостоятельно; даже каждый приходъ самостоятеленъ въ этомъ отношеніи. Въ Англіи государственное управленіе печется только объ государственныхъ интересахъ, предоставляя провинціальные и мѣстные интересы земства попеченію провинціального и земскаго самоуправленій. Оттого въ Англіи всѣ прямые налоги, за исключеніемъ *land-tax*, *assessed-taxes* и *income-tax*, суть, собственно говоря, налоги земскіе, зависимые и распредѣляемые земствомъ, въ томъ порядкѣ, который описанъ въ первой главѣ. Эти земскіе налоги не имѣютъ тамъ никакихъ особыхъ подраздѣленій, никакихъ наименованій. Тамъ просто сумма, необходимая для потребностей приходовъ, союзовъ приходскихъ и наконецъ городовъ, провинцій или графствъ, назначается и раскладывается мѣстнымъ самоуправленіемъ на личности гражданъ, сообразно чистому доходу и тратамъ каждой личности. Конечно, такой налогъ лучше всего можетъ быть распредѣленъ выбранными для того гражданами, которые лучше знаютъ и лучше могутъ опредѣлить настоящій чистый доходъ и образъ жизни cadaquo изъ своихъ согражданъ. Оттого и всѣ государственные прямые налоги распредѣляются тамъ правительствомъ, примѣняясь къ распредѣленію налоговъ, сдѣланному земствомъ, въ особенности такъ распредѣляются налоги *land-tax* и *income-tax*. Стѣдственно распредѣленіе прямыхъ налоговъ въ Англіи имѣетъ начало въ земствѣ, и отъ него восходитъ до правительства. Во Франціи это дѣлается наоборотъ.

Во Франціи нынѣ существуютъ четыре прямые налога, которыми облагаются граждане, какъ для потребностей государственныхъ, такъ и для нуждъ провинціальныхъ и мѣстныхъ земскихъ. Эти налоги носятъ слѣдующія названія: 1) *налоги на недвижимости* (*contributions foncières*); 2) *налоги личные и на движимости* (*contributions personnelles et mobilières*); 3) *налоги на двери и окна* (*contributions des portes et fenêtres*) и 4) *патентный сборъ* (*contributions des patentes*).

При составленіи бюджета, министръ финансовъ, опредѣливъ сумму расходовъ, необходимыхъ для удовлетворенія какъ потребностей государственныхъ, такъ и потребностей провин-

ціальныхъ, городскихъ и земскихъ, дѣлаетъ предположеніе, сколько можетъ поступить доходовъ отъ косвенныхъ налоговъ, и затѣмъ выводитъ сколько недостаетъ суммъ для удовлетворенія всѣхъ вышеозначенныхъ потребностей. Этотъ недостатокъ покажетъ, какъ велика должна быть сумма прямыхъ налоговъ, которые министръ назначаетъ въ двухъ видахъ: во первыхъ, въ видѣ коренныхъ вышеозначенныхъ прямыхъ налоговъ, и во вторыхъ, при недостаткѣ ихъ, въ видѣ добавочныхъ сантимовъ (*centimes additionels*), прибавляемыхъ къ каждому прямому налогу. Затѣмъ онъ опредѣляетъ въ бюджетѣ, сколько должно собрать прямыхъ налоговъ и добавочныхъ сантимовъ на удовлетвореніе потребностямъ государственнымъ, сколько для провинціальныхъ и сколько для земскихъ и городскихъ надобностей.

Центральное управленіе министерства финансовъ подраздѣлено на шесть дирекцій: первая завѣдуетъ личнымъ составомъ министерства и подвѣдомственныхъ ему мѣстныхъ отдѣловъ финансоваго управленія, а также имѣетъ общее наблюденіе за ходомъ и теченіемъ ихъ дѣлъ; вторая направляетъ движеніе суммъ; третья вѣдаетъ государственные долги; четвертая есть счетная дирекція; пятая контрольная, и шестая завѣдуетъ центральною государственною кассою. Сверхъ того особое центральное контрольное установленіе наблюдаетъ непрерывно за сохранностію суммъ и правильнымъ ихъ расходваніемъ во всѣхъ мѣстахъ и казначействахъ, подвѣдомственныхъ министерству финансовъ.

Сборъ налоговъ возложенъ на многихъ правительственныхъ агентовъ, находящихся подъ отчетомъ и контролемъ министерства, отвѣтственныхъ и гарангирующихъ цѣлость суммъ поручками.

Сборъ прямыхъ налоговъ ввѣренъ агентамъ троякаго рода: (*receveurs généraux*) общимъ казначеямъ (*receveurs particuliers*) частнымъ казначеямъ и (*percepteurs*) мѣстнымъ сборщикамъ.

Во всякой провинціи, именуемой департаментомъ, есть общій казначей, который имѣетъ подвѣдомыхъ ему въ каждомъ округѣ его департамента одного частнаго или уѣзднаго казначея.

Законъ опредѣляетъ сколько прямыхъ налоговъ съ ихъ сантимами падаетъ на долю каждой провинціи или департамента отдѣльно. Провинціальныя или департаментскіе и окружныя совѣты распредѣляютъ эти доли по округамъ и коммунамъ (общинамъ), а въ общинахъ эти налоги распредѣляются лично на гражданъ, избранною для того въ каждой общинѣ особою комиссіею, состоящею изъ семи лицъ, которыхъ называютъ комиссарами и раскладчиками. Слѣдственно распредѣленіе прямыхъ налоговъ беретъ начало въ министерствѣ финансовъ и исходитъ въ общины, которымъ только предоставляется разложить доставшуюся имъ долю налоговъ лично на своихъ

согражданъ, и исполнить то, что предназначено въ бюджетѣ министра.

Въ Франціи, какъ мы сказали, министръ финансовъ наблюдаетъ за всѣми мѣстными финансовыми управленіями. Эти управленія имѣютъ шесть специальныхъ назначеній, и каждое вѣдаетъ одною изъ шести отраслей государственнаго и общественнаго дохода, а именно: одно вѣдаетъ отраслю прямыхъ налоговъ, другое отраслю косвенныхъ налоговъ и таможенныхъ сборомъ, третіе штемпельнымъ (гербовымъ) и актовымъ сборомъ, четвертое табачнымъ, пятое почтовымъ и шестое государственными лѣсами.

Обязанности и права этихъ казначеевъ несравненно обширнѣе, нежели нашихъ казначеевъ: они представляютъ собою не большихъ банкировъ правительства.

Всякій общій или департаментскій, т. е. провинціальный казначей, сносится непосредственно съ министерствомъ. Онъ производитъ всѣ расходы, по ассигновкамъ и назначенію правительства, и разныя денежныя операціи отъ своего имени и за свой счетъ. Онъ покупаетъ и продаетъ государственныя и процентныя бумаги, и содѣйствуетъ поддержанію ихъ курса. Онъ не только агентъ министерства финансовъ, но исполняетъ также порученія французскаго банка, и производитъ по его приказамъ выдачи, полученія и трансферты суммъ, равно какъ по приказамъ сохранныхъ и сберегательныхъ кассъ, ордена почетнаго легіона и кредитныхъ обществъ, въ которыхъ правительство принимаетъ участіе. Если собранныхъ отъ налоговъ суммъ бываетъ у него недостаточно, то онъ обязанъ добыть ихъ кредитомъ, и направлять ихъ всюду, гдѣ того требуютъ нужды государства. Словомъ общіе (провинціальные) казначеи исполняютъ въ своихъ департаментахъ или провинціяхъ роль банкировъ правительства, отъ него вполне зависимыхъ и строго учитываемыхъ, тогда какъ въ Англіи всѣ эти обязанности лежатъ на англійскомъ банкѣ и его конторахъ, почти независимыхъ отъ правительства.

Частные или окружные, такъ сказать уѣздные, казначеи исполняютъ все тоже, каждый въ своемъ округѣ или уѣздѣ, подъ наблюдениемъ и распоряженіемъ общаго казначея, которому онъ подчиненъ.

Мѣстные сборщики только собираютъ налоги въ общинахъ, и доставляютъ ихъ частнымъ казначеямъ.

Контролеры центрального контрольнаго установленія разъѣзжаютъ по всей имперіи, и производятъ внезапныя ревизіи казначеевъ и сборщиковъ.

Таковъ механизмъ финансоваго управленія въ Франціи, и нельзя сказать, что бы онъ былъ простъ и немногосложенъ.

Теперь приступимъ къ разбору французскихъ налоговъ.

До революціи въ Франціи существовало множество налоговъ,

подъ разными странными наименованіями. Они возникли въ давнія времена и большею частію проистекали изъ явнаго самовластия прежняго вассальнаго порядка, основаннаго на правѣ феодальномъ. Они отличались неуравнительностію въ распредѣленіи, упали съ возмутительною несправедливостію на средній, въ особенности на нисшій, классъ народа, а многіе изъ нихъ были притомъ весьма обременительны для плательщиковъ. Такіе налоги весьма пагубно дѣйствовали на развитіе народной дѣятельности; они съ одной стороны чрезвычайно стѣсняли ее и были вредны для благосостоянія народнаго, а съ другой, своею явною и тягостною несправедливостію, возбуждали сословную ненависть и всеобщее негодованіе, и потому были въ послѣдствіи главною причиною всѣхъ ужасовъ революціи.

Изъ всѣхъ этихъ налоговъ я упомяну только о четырехъ, имѣющихъ значеніе, при разсмотрѣніи нынѣ существующихъ налоговъ въ Франціи:

1) Двадцатя и десятыя доли (*vingtièmes et dixièmes*) упали на доходъ съ недвижимыхъ имуществъ, составляя 5 и 10% этого дохода. При этомъ налогъ этотъ не былъ приведенъ въ надлежащую извѣстность, и многія привилегированныя лица были отъ него вовсе избавлены, отчего и самый налогъ распредѣлялся весьма неуравнительно. Впрочемъ десятыя доли (*dixièmes*) существовали недолго; двадцатя же (*vingtièmes*) по своей незначительности были сносны и терпимы.

2) Подушная подать (*taille*) собиралась со всѣхъ, кто не имѣлъ правъ дворянства или не имѣлъ счастья быть духовнымъ, или не пользовался другими особыми правами на освобожденіе отъ этого налога.

Во время существовавшаго феодальнаго права подданные или крѣпостные феодаловъ платили эту подать своимъ феодальнымъ владѣльцамъ. Въ послѣдствіи, короли, ослабивъ власть своихъ вассаловъ, отняли у нихъ въ свою пользу и право облагать тѣхъ подданныхъ подушнымъ налогомъ. Сначала подать эта служила только временнымъ пособіемъ, но, въ 1440 году, Карлъ VII обратилъ ее въ постоянный налогъ для содержанія постояннаго войска.

«Въ слѣдствіе безпорядковъ, возникшихъ въ государствѣ во время плѣненія Іоанна и безумія Карла VI, нація, потерявъ терпѣніе, дозволила (говоритъ Токвилль) королю сдѣлать этотъ налогъ общимъ и постояннымъ. Дворянство, что бы самому избѣжать этого налога, вздумало обложить этимъ налогомъ среднее сословіе (*tiers état*); съ этихъ поръ возникла бездна злоупотребленій, которыя, постоянно тревожа старыя порядки, привели его къ разрушенію.» Это былъ самый произвольный налогъ. «Его можно было (по замѣчанію Некера) увеличивать какъ угодно, простымъ постановленіемъ совѣта, часто безъ вѣдома государя».

3) Поголовная подать (capitation) была двойная; подушная и личная. Первою облагались всѣ подлежащіе подушной подати, а второй подвергались всѣ безъ изыятія подданные государства; даже насѣдникъ престола (дофинъ) не былъ изытъ отъ платежа этого налога, который устанавливался по особому тарифу, раздѣленному на 22 класса, и распредѣлявшему всѣхъ подданныхъ государства по этимъ классамъ.

4) Соляной налогъ (gabelles), былъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ налоговъ; онъ доставлялъ государству чистаго дохода до 54 милліоновъ ливровъ.

Устройство этой монополии нисколько не было похоже на то, что теперь существуетъ въ установленіяхъ этого налога во всѣхъ государствахъ Европы. Онъ былъ распредѣленъ слишкомъ неуравнительно, по значительности таксы обременительнѣе, а по способу обложенія безпорядочнѣе, несправедливѣе, и, можно сказать, безразуднѣе.

Самый способъ обложенія состоялъ въ томъ, что каждое семейство обязано было купить у казны опредѣленное, по числу душъ, въ немъ находившихся, количество соли, по цѣнѣ иногда весьма высокой, и не имѣло права продать нисколько изъ купленнаго количества, даже и тогда, когда опредѣленное казною количество превышало потребность. Притомъ это опредѣленное количество и самая цѣна соли были неодинаковы въ разныхъ краяхъ государства. Такъ были провинціи, обложенныя по 9¹/₂ фунтовъ соли на душу, по цѣнѣ 62 ливровъ за квинталь; другія облагались по 11³/₄ фунта на душу, по 33 ливровъ 10 су за квинталь; третьи обязаны были приобретать по 14 фунтовъ на душу. Нѣкоторыя провинціи, откупившіяся отъ налоговъ еще при Генрихѣ II., внеся тогда сумму около 1.750,000 ливровъ, платили однако же соляной налогъ, хотя въ меньшемъ размѣрѣ; а другія, несмотря на то, что были избавлены отъ этого налога, должны были однако же покупать соль для своего употребленія у откупщиковъ, которымъ продажа соли была отдана въ ихъ полное распоряженіе на откупныхъ условіяхъ, и которые не уступали никому соли по уменьшеннымъ цѣнамъ.

Вобщемъ надобно замѣтить, что въ то время, многіе налоги отдавались на откупъ на условіяхъ, невыгодныхъ для казны и крайне стѣснительныхъ для народа.

Всѣ эти и другіе многочисленныя, разнообразныя и часто весьма тяжелыя налоги были наконецъ большею частію отмѣнены, а другіе преобразованы, въ 1791 году. Закономъ 15 марта 1791 г., налоги были согласованы съ новыми началами, болѣе здоровыми, и дали то возможное въ то время однообразіе, которое необходимо для упрощенія и облегченія финансовъ управленія. Тогда установлено было раздѣленіе налоговъ на косвенныя и прямыя налоги, а послѣдніе на четыре вышеозначенныя категоріи, подъ названіями которыхъ они существуютъ въ Франціи и

до нынѣ. Разсмотримъ теперь изъ этихъ категорій каждую отдѣльно.

1) *Налогъ поземельный и вообще на недвижимости* (contribution fonciere), какъ и слѣдуетъ располагать, долженъ лежать на чистомъ доходѣ недвижимой собственности. Этотъ налогъ существовалъ и прежде и взимался натурою; только въ 1790 году состоялся законъ о замѣнѣ натуральной повинности денежною. Въ этомъ законѣ опредѣлены также и способъ исчисления дохода, и тѣ предметы, доходы съ которыхъ подлежатъ налогу.

Доходы въ 1790 году, по тогдашнему исчисленію, простиравшіеся до 1,200 милліоновъ франковъ, доставляли налога, или государственнаго дохода, 240 милліоновъ, которые распределялись на всѣхъ подданныхъ государства; но въ слѣдствіе часто повторявшихся на неравнобѣрное его распределение жалобъ, правительство убавило его въ 1797 году на 22.900,000 франковъ; въ 1798 году еще на 10.902,000 франковъ; а въ 1799 г. еще на 17.657,000 франковъ; въ 1801, 1802, 1804 и 1805 годахъ онъ былъ убавленъ на 17.381,000 франковъ. Наконецъ въ 1808 году правительство рѣшилось приступить къ правильному кадастру, дабы точнѣе опредѣлить податныя доли плательщиковъ общинъ, кантоновъ, округовъ и департаментовъ. Но по тогдашнимъ обстоятельствамъ, когда общины лишены были самоуправленія, кадастрація была необходима, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствительныя нужды земства и провинцій не были еще приведены въ достаточную извѣстность и, при невозможности удовлетворять всѣхъ ихъ вмѣстѣ, необходимо было сдѣлать изъ нихъ выборъ и опредѣлить какія изъ нихъ надлежитъ удовлетворять прежде. Для сего слѣдовало привести въ точную и положительную извѣстность всѣ средства, т. е. всѣ доходы плательщиковъ, дабы опредѣлить до какой суммы можетъ простираться совокупность ихъ средствъ, а затѣмъ уже опредѣлить и постепенность въ удовлетвореніи мѣстныхъ нуждъ народа, — постепенность въ устройствѣ его экономическаго и государственнаго быта. Хотя тогда и совершена была во Франціи тщательная кадастрація, но и затѣмъ при обложеніи налогомъ приходилось дѣлать многія измѣненія и исправленія оцѣнокъ для болѣе правильнаго уравненія поземельнаго налога (contribution fonciere) между кантонами и департаментами, посредствомъ сравненія цѣнностей имѣній, объявленныхъ въ крѣпостныхъ актахъ или въ контрактахъ на аренду и другихъ документахъ. Работа же эта была кончена въ 1821 году, и результатомъ ея было уменьшеніе поземельнаго налога на 86 милліоновъ франковъ, такъ что онъ тогда простирался до 154.681,000 франковъ, вмѣсто прежнихъ 240 милліоновъ. Вотъ какой былъ результатъ кадастра: онъ показалъ на сколько тогдашній поземельный налогъ былъ несправедливъ и на

сколько онъ превышалъ самую возможность платить его безъ обремененія.

На основаніи этой кадастраціи налога подлежатъ не только земля и всякія строенія, кромѣ общественныхъ, но также заводы и мельницы, пока они въ дѣйствіи и могутъ доставлять доходъ. — Нѣтъ сомнѣнія, что съ помощію кадастраціи французское правительство получило возможность къ болѣе уравнительному распредѣленію поземельнаго налога, тѣмъ не менѣе оно далеко не достигло тѣмъ желаемой цѣли. Съ теченіемъ времени, въ самыхъ предметахъ налога, строеніяхъ и земной поверхности, весьма естественно, происходятъ многія существенныя перемѣны, совершенно измѣняющія цифру получаемого съ нихъ дохода, въ слѣдствіе чего и налогъ на этотъ доходъ, который вначалѣ казался вполнѣ уравнительнымъ съ возникшими теперь перемѣнами дѣлается совершенно неправильнымъ и несправедливымъ. Правда, положено было, что бы объ этихъ измѣненіяхъ дѣлались ежегодныя отмѣтки въ таблицахъ первоначальной кадастраціи, но это уже одно несовмѣстно съ тою точностію, которая и ожидается отъ кадастра. Слѣдственно кадастромъ достигается не полная уравнительность въ распредѣленіи налога, а только приблизительная, чего можно, безъ сомнѣнія, достигнуть и безъ долговременныхъ, многотрудныхъ работъ кадастра, стоившаго Франціи (составляющей менѣе $\frac{1}{10}$ части пространства Европейской Россіи) до 150 милліоновъ франковъ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что въ 1850 году правительство предположило сдѣлать новую перецѣнку доходовъ съ недвижной собственности, но предположеніе это и до сихъ поръ еще не осуществилось.

2) *Налогъ личный и на движимости* (contribution personnelle et mobilière). Движимая собственность, развитіе которой въ употребленіи постоянно возрастаетъ, вмѣстѣ съ развитіемъ благосостоянія собственниковъ и слѣдственно съ увеличеніемъ ихъ доходовъ, справедливо подлежитъ налогу; но обложеніе ея затруднительно: она легко ускользаетъ отъ фискальныхъ мѣръ и соображеній. Оцѣнка движимостей требуетъ осмотра внутреннихъ хозяйствъ, образа жизни жителя, подлежащаго налогу, что, конечно, не всякому можетъ нравиться. Понятно, что это послѣднее неудобство значительно устраняется тамъ, гдѣ (какъ въ Англіи) эта оцѣнка дѣлается лицами, избранными самими плательщиками, которымъ и безъ осмотра почти извѣстно все подлежащее налогу.

Въ 1791 году, на основаніи различныхъ таксъ, налогу этому подлежали слѣдующіе предметы: употребленіе прислуги, лошадей, каретъ, экипажей и разныхъ другихъ движимостей; наемъ жилищъ, сообразно пространству помѣщенія, даже личная работа. Этотъ налогъ весьма неправиленъ, даже неуравнителенъ и возбуждалъ множество жалобъ, въ слѣдствіе которыхъ правительство прибѣгало неоднократно къ его исправленію, и стара-

лось мѣрами, истекающими, однако же, на бѣду изъ центрального управленія, и объ улучшеніи законовъ относительно этого налога, но безуспѣшно. Онъ остался и до сихъ поръ неуравнительнымъ и возбуждаетъ постоянныя жалобы.

3) *Налогъ на двери и окошки* (*contribution des portes et fenetres*). Этому налогу, какъ сказано въ законѣ 4 Фримера VII года, подлежитъ имущество владѣльца, причѣмъ принимается въ основаніе пространство жилища, занятаго какъ для жилья, такъ и для торговли и промышленности. Этотъ налогъ есть дополненіе предъидущаго и представляетъ болѣе легкій способъ обложенія. Онъ также съ одной стороны неуравнителенъ, а съ другой нерѣдко упадаетъ на торговлю и промышленность.

Въ слѣдствіе жалобъ правительство вынуждено было сдѣлать множество исключеній, но и засимъ налогъ этотъ слишкомъ далекъ отъ уравнительности и справедливости, и все это, надобно замѣтить, происходитъ отъ того, что правительство французское стремится устроить обложеніе и распредѣленіе прямыхъ налоговъ, упадающихъ на личности, центральною властію, и не хочетъ передать этого дѣла въ руки земства.

4) *Патентный сборъ* (*contribution des patentes*). Налогъ на торговлю и промышленность введенъ былъ во Франціи закономъ 1791 года, который имѣлъ въ виду обложить получаемый отъ этой дѣятельности доходъ производителей или торговцевъ, доходъ до того непостоянный, что опредѣленіе его сопряжено бываетъ съ весьма большими затрудненіями. Законъ назначилъ нѣсколько категорій промышленныхъ занятій, подраздѣливъ ихъ на нѣсколько классовъ, соображенныхъ съ предполагаемыми доходами каждаго рода занятія и основалъ эту классификацію на трехъ элементахъ всякаго промышленнаго дѣла: на природномъ свойствѣ той или другой промышленности, на густотѣ народонаселенія края и на мѣстныхъ цѣнахъ производства. На основаніи такой классификаціи назначены были въ законѣ различныя цѣны патентамъ, изъ которыхъ однѣ были постоянныя, а другія пропорціонально возрастающія.

Для патентовъ съ правомъ постояннымъ или положительнымъ, принимая въ основаніе густоту населенія, составлены были три таблицы, опредѣляющія классификацію занятій и показывающія какую цѣну или какой налогъ слѣдуетъ заплатить за опредѣленный патентъ для избраннаго занятія. Непоименованныя въ этихъ трехъ таблицахъ занятія или промышленности подлежатъ также патентному налогу, т. е. промышленники, занимающіеся непоименованными въ таблицахъ промышленностями, тоже обязаны брать патенты; а къ какой классификаціи долженъ принадлежать требуемый въ семъ случаѣ патентъ, то, по представленію директора взиманія прямыхъ налоговъ, опредѣляетъ префектъ (губернаторъ), отобравъ о томъ мнѣніе градскаго головы.

*

Эти частные случаи, обнаружившіе въ таблицахъ пропускъ нѣкоторыхъ промысловъ, представляются на законное утвержденіе и включеніе въ таблицы чрезъ каждыя пять лѣтъ.

Промышленникъ-фабрикантъ, взнесъ за патентъ съ постояннымъ правомъ 15 франковъ, платитъ сверхъ того по 3 франка за каждаго работника, если имѣетъ ихъ болѣе десяти, и плата эта, возрастая, не идетъ однако же далѣе 300 франковъ.

Патенты съ пропорціонально измѣняющимся окладомъ должны быть соображены съ мѣстною цѣною жилого дома, магазина, лавки и другихъ помѣщеній, служащихъ для производства облагаемой налогомъ промышленности. Окладъ этотъ не всегда достигаетъ 5% наемной цѣны.

Налогъ этотъ не распространяется вмѣстѣ или одновременно на цѣнность строеній, отдаваемыхъ въ наймы, и помѣщеній, служащихъ для промышленнаго производства.

Промышленныя производства платятъ или $\frac{1}{15}$ или $\frac{1}{20}$, $\frac{1}{30}$, $\frac{1}{40}$, $\frac{1}{50}$ часть наемной цѣны ихъ помѣщеній. Нѣкоторыя промышленности изъяты отъ этого налога, когда онѣ производятся въ мѣстностяхъ, имѣющихъ менѣе 20 т. душъ населенія. Другія промышленности, какъ напримѣръ: архитекторская, адвокатская, лекарская, нотаріальная и проч., хотя прежде и были изъяты отъ этого налога, но въ 1858 году обложены пропорціонально пошлиною въ $\frac{1}{15}$ цѣны настоящаго ихъ помѣщенія.

Здѣсь должно замѣтить, что весь этотъ налогъ упадаетъ собственно на производство, и хотя по таксѣ своей онъ незначителенъ, но нерационаленъ. Въ Англій правительствѣ умѣло его избѣгнуть, оставивъ его только на упомянутыхъ въ первой главѣ весьма немногихъ производствахъ, требующихъ заботы не объ ихъ развитіи, а скорѣе объ ихъ сокращеніи.

5) *Добавочные сантимы* (centimes additionels). За вышесчисленными четырьмя коренными прямыми налогами слѣдуютъ дополнительные къ нимъ налоги подъ названіемъ добавочныхъ сантимовъ (centimes additionnels). Этимъ добавочнымъ налогомъ облагаются во Франціи граждане то въ пользу государства, то въ пользу провинцій (департаментовъ), то въ пользу общинъ. Въ первомъ случаѣ налогъ употребляется для потребностей государственныхъ, во второмъ для надобностей провинціальныхъ (департаментскихъ) и въ послѣднемъ для нуждъ общинныхъ. Въ первомъ случаѣ налагаемые сантимы называются общими добавочными сантимами, (centimes généraux), во второмъ департаментскими сантимами (centimes départementaux), и въ третьемъ общинными сантимами (centimes communaux).

Налогъ этотъ называется потому добавочными сантимами, что онъ прибавляется къ одному изъ вышешоименованныхъ четырехъ коренныхъ прямыхъ налоговъ въ определенномъ числѣ сантимовъ, специально для извѣстнаго расхода, на удовлетвореніе какой либо особенной потребности государства или особой надобности земской. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что

для покрытія расходовъ земства никакихъ другихъ налоговъ не вводится, какъ только добавочные сантимы.

Съ помощію этого налога правительство имѣетъ возможность увеличивать государственные доходы довольно произвольно, безъ введенія новаго налога, но только увеличивая существующій коренной налогъ прибавленіемъ къ нему нѣсколькихъ сантимовъ. Это дѣлается иногда случайно по мѣрѣ встрѣтившейся надобности, такъ что, по распоряженію центрального правительства, прибавляются сантимы то къ одному изъ коренныхъ налоговъ, то къ другому, и тѣмъ нерѣдко увеличивается неуравнительность налога, упадающаго на производителей одной какой нибудь отрасли промышленности преимущественно предъ другими. Хотя тяжесть такой неуравнительности незначительна, но въ сущности самый налогъ нераціоналенъ и возбуждаетъ жалобы.

Всѣ упомянутые четыре прямые налога во Франціи упадаютъ или на личности, или на производства, вообще на трудъ, или прямо на промышленность. Хотя поземельный налогъ, урегулированный кадастромъ, падаетъ на чистую прибыль землевладѣльцевъ, которые стараются сложить его на производителей, т. е. на земледѣльцевъ-арендаторовъ, а тѣ, въ свою очередь, на потребителей, но это не всегда бываетъ возможно, особенно при соперничествѣ иностранцевъ, имѣющихъ право привозить свои произведенія беспошлинно, или съ малою пошлиною, и имѣющихъ возможность въ своей странѣ производить ихъ дешевле, платя тамъ менѣе поземельной подати или вовсе не платя ее, или пользуясь какими либо удобствами, которыхъ во Франціи не существуетъ, напримѣръ дешевымъ или даровымъ трудомъ. Понятно, что туземные производители отъ такого внутреннего налога могутъ придти болѣе или менѣе въ затрудненіе. То же должно сказать и о другихъ трехъ прямыхъ налогахъ, кромѣ налоговъ, упадающихъ на роскошь и потребление, и весь вредъ происходитъ въ этомъ случаѣ собственно отъ того, что таможенные пошлины не соображены съ такими внутренними налогами. Во Франціи правительство обращало на это всегда свое вниманіе, и пошлины таможенные, какъ увидимъ ниже, сильно охраняли тамъ внутреннюю производительность, обложенную внутренними прямыми и косвенными налогами.

Изъ прилагаемой таблицы можно видѣть какъ возрастали прямые налоги во Франціи, по какимъ именно категоріямъ, а также и добавочные сантимы.

ГОДЫ.	ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРЯМЫЕ НАЛОГИ ПО БЮДЖЕТУ.						Добавочные сантимовъ и на расходы государствен-	
	Налоги поземельные и на недвижимости.	Налоги личные и на движимость.	Налоги на двери и окошки.	Патентный сборъ или налоги на промышлен- ную дѣятельность.	Итого четырехъ при- мыхъ налоговъ.	Къ поземельнымъ на- логамъ и на недви- жимость.	Къ личнымъ налогамъ и на движим.	
	Т	Ы	С	Я	Ч	И		
1862	166,487	46,328	33,999	57,995	301,809	127,191	28,550	
1861	165,889	45,673	33,623	56,303	301,490	121,627	27,757	
1860	163,837	446,373	32,946	54,203	296,624	120,397	26,635	
1859	164,002	441,167	32,552	52,510	293,234	117,638	25,832	
1858	164,067	43,662	32,030	48,795	288,555	115,346	25,068	
1857	164,395	43,397	31,325	46,572	285,619	112,727	24,399	
1856	164,671	43,120	30,976	44,496	283,265	110,682	23,629	
1855	161,089	42,101	30,661	43,098	276,950	109,053	23,086	
1854	160,831	41,882	30,260	41,331	274,305	108,166	22,841	
1853	160,581	41,655	29,963	39,459	271,660	103,825	21,916	
1852	160,519	41,537	29,597	37,410	269,065	100,296	21,410	
1850	187,404	41,334	29,255	34,676	292,671	97,576	20,800	
1848	187,804	40,992	28,951	35,875	293,623	97,601	19,940	
1840	188,864	41,174	26,272	30,905	287,216	78,450	15,503	
1830	170,279	29,877	14,414	23,047	237,618	74,741	11,394	

Эта таблица показываетъ, что: 1-е, всѣ три прямые налога, безъ ихъ сантимовъ, упадающіе на личности и промышленность, возросли весьма значительно съ 1830 года, налогъ же на поземельную и другую недвижимую собственность не только не увеличился въ теченіе 30 лѣтъ но, напротивъ, уменьшился. Въ 1830 году налогъ на поземельную и недвижимую собственность безъ сантимовъ простирался до 170.279,627 франковъ, а въ 1862 году до 166.487,008 франковъ, что произошло отъ точнаго изслѣдованія доходовъ недвижимыхъ имуществъ, облагаемыхъ этимъ налогомъ посредствомъ кадастра, тогда какъ точнаго опредѣленія доходовъ отъ предметовъ, облагаемыхъ другими тремя прямыми налогами не произведено, и неизвѣстно сколько нужно беречь отъ обремененія налогомъ эти предметы, а между тѣмъ увеличеніе государственныхъ доходовъ было необходимо. 2-е, — что въ 1830 году сумма всѣхъ четырехъ прямыхъ налоговъ безъ сантимовъ составляла 237.618,383 франка, а въ 1862 году 301.809,978 франковъ; но при разсмотрѣніи въ частности каждой категоріи, видно, что налоги личные увеличились въ 1½ раза, налоги на двери и окошки болѣе нежели вдвое, а налоги на промышленную дѣятельность почти втрое. 3-е, — что въ обложеніи налоговъ сантимами обнару-

мы на покрытие недо- департаментскіе, обще- ныя и земскіе.		Итого прямыхъ налоговъ съ доба- вочными сантимами.						Сборъ на расходы по объяв- ленію прямыхъ налоговъ.	
Къ налогамъ на дре- ри и окошки.	Къ патентному сбору.	Итого добавочныхъ сантимовъ.	Всего налога позе- мельнаго съ санти- мами.	Всего налога лич- наго и на недвижи- мость съ сантимами.	Всего налога на дре- ри и окошки съ сан- тимами.	Всего патентнаго сбора съ сантимами.			
	Т	Ы	С	Я	Ч		И	В С Е Г О.	
2,203	28,687	196,538	293,679	74,884	46,202	86,683	943	502,391	
1,688	27,023	191,097	290,517	73,431	45,312	83,326	931	493,518	
11,341	25,926	184,302	284,234	71,273	44,288	80,130	905	480,831	
10,967	24,665	179,103	281,640	70,000	43,520	77,175	893	473,231	
10,646	23,595	174,657	279,413	68,730	42,677	72,391	892	464,105	
10,196	22,110	169,433	277,123	67,796	41,522	68,682	887	456,012	
9,768	20,155	164,236	275,354	66,750	40,744	64,651	900	448,401	
8,821	17,867	158,829	270,142	65,187	39,482	60,966	873	436,653	
8,447	16,667	156,123	268,997	64,724	38,708	57,998	888	431,317	
7,727	15,067	148,536	264,406	63,572	37,690	54,527	852	421,048	
7,308	14,890	143,995	260,816	62,947	36,995	52,300	839	413,901	
7,312	13,754	139,444	284,981	62,135	36,568	48,430	814	432,931	
7,328	13,062	137,982	285,405	60,932	36,279	48,938	847	432,403	
4,512	9,330	107,796	267,314	56,677	30,787	40,236	693	395,712	
1,110	5,209	92,455	245,020	41,272	15,525	28,256	653	332,181	

жилося такое же явленіе, т. е. что налогъ на недвижности увеличился въ 30 лѣтъ сантимами въ $1\frac{1}{2}$ раза, налогъ на личности увеличился сантимами почти втрое, на дери и окошки въ 9 разъ, на промышленности болѣе нежели въ пять разъ. 4-е, — что во Франціи всѣхъ прямыхъ налоговъ съ сантимами въ 1859 году было на 473.231,172 франка, тогда какъ въ Англіи въ земствѣ собиралось прямыхъ налоговъ 503.425,321 франкъ, да государственные прямые налоги простирались: land-tax до 28.896,675 франкъ., assessed-taxes до 51.903,325 франковъ, income-tax до 239.902,625 франковъ; всего прямыхъ налоговъ въ Англіи въ 1859 году было до 824.127,946 франковъ, т. е. прямые налоги въ Англіи превышали прямые налоги во Франціи въ 1859 году на 350.896,774 франка. Что бы видѣть яснѣе эту поразительную разницу выпишемъ изъ бюджетовъ англійскаго и французскаго на 1859 годъ доходы, простирающіеся отъ налоговъ и сравнимъ ихъ; но при семъ случаѣ должно замѣтить, что въ англійскій бюджетъ не включены прямые налоги земства, такъ какъ тамъ правительство ими не распоряжается, тогда какъ они помѣщены во французскомъ бюджетѣ.

Выписка изъ бюджетовъ англійскаго и французскаго за 1859 годъ.

Изъ англійскаго бюджета.

Земскіе налоги въ англійскомъ бюджетѣ не значатся, но какъ они включены во французскомъ, то, для сравненія суммы налоговъ, надлежитъ показать здѣсь англійскіе земскіе налоги. Они были слѣдующіе:

Земскіе прямые налоги:

На общественныя зданія и дороги	88.000,000 фр.	} Всего прямого налога 824.127,946 франковъ.
» пособіе бѣднымъ	180.000,000 »	
» содержаніе приходовъ и городовъ	43.000,000 »	
» духовенство и церковнаго сбора	192.225,321 »	
<hr/>		
Итого не включено въ бюджетъ земскаго прямого налога	503.425,321 »	
Государственныя сборы:		
<i>прямые налоги:</i>		
Поземельный налогъ	28.896,675 »	
Личный налогъ	51.903,325 »	
Подходный налогъ	239.902,265 »	
<hr/>		
Итого государственнаго прямого налога	320.702,265 »	

Косвенныя налоги.

Таможенный сборъ	611.525,025 »	} всего косвеннаго налога 1.405.289,975 фр.
Акцизы	509.925,000 »	
Штемпелевый, патентный и актовъ сборъ	201.089,950 »	
Почтовый сборъ	82.750,000 »	
<hr/>		
Итого косвеннаго дохода	1.405.289,975 »	
Всего доходовъ отъ налоговъ	2.229.417,921 »	

Изъ французскаго бюджета.

прямые налоги:

1) Поземельные и отъ недвижности	28 1.640,857 фр.	} Всего прямыхъ налоговъ 473.231,172 фр.
2) Личнаго налога и отъ движимости	70.000,120 »	
3) Отъ дверей и окошекъ	43.520,759 »	
4) Отъ патентовъ и промышленности	77.175,977 »	
5) Отъ объявленій	893,459 »	

Косвенныя налоги:

1) Таможеннаго сбора и табачная монополія	407.256,072 »	} Косвеннаго на- лога 1 101.343,850 фр.
2) Акцизовъ отъ напитковъ, сахара и соли и проч.	306.841,599 »	
3) Штемпелеваго и актовъ сбора.	325.671,301 »	
4) Почтоваго сбора	61.574,878 »	

Всего дохода отъ налоговъ 1.574.575,022 франка.

Изъ этого сравнительнаго обзора обоихъ бюджетовъ видно, что: 1) сумма всѣхъ налоговъ Англiи превышаетъ сумму всѣхъ налоговъ Франціи на 654.842,899 франковъ; но изъ этого нельзя еще заключить, что народъ англійскій обремененъ налогами болѣе французскаго. Спрашивается еще: насколько народъ англійскій богаче французскаго? Въ отвѣтъ я повторяю сказанное въ первой главѣ. Не въ томъ заключается главный вопросъ: велика ли сумма платимаго налога, а въ томъ, какое вліяніе имѣетъ налогъ на дѣятельность народную? Если при платежѣ значительнаго налога народъ постоянно богатѣетъ, получаетъ все болѣе и болѣе прибыли отъ своей хозяйственной дѣятельности, то какая бѣда въ томъ, что онъ уступаетъ казнѣ извѣстную часть своей увеличивающейся прибыли, для поддержанія его же благосостоянія, для умноженія тѣхъ же его прибылей. Все дѣло мудрой финансовой политики заключается въ томъ, что бы народная дѣятельность была выгодна, какъ бы ни были значительны платимые налоги; а она будетъ выгодною въ томъ только случаѣ, когда налоги будутъ собираться и употребляться для охраненія и увеличенія выгодъ народнои дѣятельности, а потому и для спокойствія, для благоустройства, твердости и могущества государства, и для поддержанія національной производительности, и для развитія производительныхъ силъ своей, а не чужой страны.

Съ этой точки зрѣнія будемъ продолжать сравненіе налоговъ Франціи и Англiи.

2) Хотя прямыхъ налоговъ въ Англiи собирается до 824.127,946 франковъ, а во Франціи до 473.231,172 франковъ, и англійскіе прямые налоги превышаютъ французскіе на 350.896,774 франка, но надлежитъ принять въ соображеніе, что: а) изъ числа сихъ налоговъ въ Англiи до 772.224,261 франка упадетъ на чистую прибыль, получаемую плательщиками отъ нихъ поземельной и недвижной собственности. Прибыль эта опредѣляется лицами, избранными отъ земства, оцѣнщиками, назначаемыми изъ среды самихъ обывателей и притомъ чрезъ каждые три мѣсяца. Оцѣнка эта, хотя и несовершенно точная, имѣетъ то важное достоинство, что она всегда современна, всегда соответствуетъ всѣмъ измѣненіямъ, происшедшимъ въ имуществѣ и въ образѣ жизни плательщика, тогда какъ кадастръ во Франціи производится одинъ разъ въ 100 лѣтъ, и притомъ онъ не обращаетъ вниманія на обстановку и образъ жизни собственника, а слѣдственно и на потребляемые имъ предметы роскоши, которые особенно должны подлежать налогу. б) Остальное количество прямыхъ налоговъ Англiи 51.903,325 франковъ (assessed-taxes) упадетъ прямо на роскошь, слѣдственно вполне рационально. в) Изъ 473.231,172 франковъ прямыхъ налоговъ Франціи разлагается кадастромъ на прибыль поземельной и недвижной собственности только 281.640,857 франковъ; все остальное затѣмъ количество,

190.570,315 франковъ, большею частію ложится на личности и на промышленность, что, естественно, болѣе или менѣе стѣсняетъ производительную народную дѣятельность.

Уже изъ однихъ этихъ параллелей видно, что народъ англійскій обремененъ прямыми налогами не болѣе французскаго; но, что бы видѣть это яснѣе, посмотримъ какъ и на кого именно распределяется поземельный налогъ (contribution foncière) въ Англии и во Франціи. Это покажетъ еще другія стороны обложенія народа этимъ налогомъ, заслуживающія особаго вниманія.

Въ Англии 31 милліонъ гектаровъ земли, въ числѣ которой:

Пашенной земли	11	милліоновъ	гектаровъ.
Луговой	» 11	»	»
Лѣсовъ	2	»	»
Подъ селеніями, озерами, рѣками, дорогами и проч.	7	»	»

Итого 31 милліонъ гектаровъ.

Слѣдовательно обработанной, приносящей доходъ, земли 24 милліона гектаровъ.

Оцѣнка этой земли, по исчисленію опытныхъ англійскихъ экономистовъ, какъ говоритъ баронъ Нерво, простирается до 72 милліардовъ франковъ, которые даютъ до 8 милліардовъ валоваго дохода, а чистаго до 2 милліардовъ 700 тысячъ франковъ.

Въ первой главѣ мы видѣли, что земскій налогъ простирается до 22% чистаго дохода съ имуществъ, облагаемыхъ земскимъ налогомъ, который упадаетъ не только на доходъ отъ поземельной собственности, но и отъ другихъ видовъ недвижимости, и даже на образъ жизни плательщика, а потому если принять доходъ поземельной собственности въ 2,700 милліоновъ франковъ, то налогъ отъ одной этой собственности долженъ бы простираться почти до 600 милліоновъ; между тѣмъ этотъ поземельный налогъ въ 1859 году вмѣстѣ съ окладомъ на другую недвижимую собственность и образъ жизни плательщиковъ составлялъ 503.425,321 франкъ. Если отдѣлить на эти оклады 33.426,321 франкъ, — что составитъ около 6% всего налога, — то останется 470.000,000 франковъ, а принявъ ихъ за 22% чистаго земскаго налога отъ поземельнаго дохода, онъ составитъ сумму только въ 2.140.000,000 фр. Слѣдственно предположеніе барона Нерво преувеличено.

Это подтверждается и поземельнымъ государственнымъ налогомъ, land-tax, простиравшимся въ 1859 году до 28.896,675 фр., изъ котораго надобно отдѣлить на оклады доходовъ съ недвижимой собственности, съ пенсій и жалованія чиновниковъ уже болѣе значительное число, нежели мы отдѣлили на оклады налога съ недвижимой собственности отъ суммы земскаго налога; а оставляя окладъ налога съ поземельной

собственности въ 1%, останется на окладъ съ другихъ предметовъ 7.496,675 фр. Затѣмъ, съ поземельной собственности, которой доходъ мы оцѣнили въ 2.140.000,000 фр., налогъ земскій будетъ 470 милліоновъ фр. и государственный въ 21.400,000 фр.—Всего составитъ 491.400,000 фр., которые платятъ землевладѣльцы въ Англии, въ двухъ случаяхъ, т. е. по окладу земства и по окладу налога land-tax.

Что касается до того, что землевладѣльцы должны платить съ своего дохода еще по окладу income-tax, то объ этомъ я буду говорить сейчасъ; но прежде посмотримъ кто землевладѣльцы въ Англии, и въ какой пропорціи раздѣлено между ними землевладѣніе.

Вся масса землевладѣнія въ Англии, которой доходъ оцѣненъ, какъ выше видно, въ 2,140 милліоновъ, находится во владѣніи только 649,000 собственниковъ, изъ коихъ:

169,000	получаютъ чистаго поземельнаго дохода до 1,200 фр.
437,000	» » » свыше 1,200 до 3,600 »
43,000	» » » свыше 3,600 франковъ.

Въ числѣ послѣднихъ:

Герцогъ Нортумберландскій	получаетъ до 3.600,000 фр.
» Девонширскій	» » 2.880,000 »
» Рутландскій	» » 2.520,000 »
Маркизъ Букингамскій	» » 2.256,000 »
» Герфордскій	» » 1.800,000 »
» Лансдоунскій	» » 1.440,000 »
» Девонширскій	» » 1.392,000 »
» Слаго	» » 1.128,000 »
9 собственниковъ	получаютъ 18.816,000 »

Эти 9 собственниковъ должны заплатить земскаго и государственнаго поземельнаго налога около 4.500,000 фр. и налога income-tax до 750,000 фр. всего до 5.250,000 фр. Конечно, эта сумма для нихъ не составляетъ тягости, потому что и затѣмъ у нихъ останется чистаго поземельнаго дохода до 13.566,000 фр. Каждый собственникъ, имѣющій 3,600 франковъ, заплатитъ 24% по окладу земства и государственнаго поземельнаго налога, т. е. около 860 франковъ, да налога income-tax 140 франковъ—всего 1,000 франковъ, за исключеніемъ коихъ у него останется чистаго дохода 2,600 франковъ. Собственникъ, получающій 1,200 франковъ, заплатитъ въ земство и государственнаго налога, land-tax, 266 франковъ, за исключеніемъ коихъ у него останется 934 франка чистаго дохода; налога income-tax онъ не платитъ.

Только эти 649,000 собственниковъ, очевидно достаточныхъ и обеспеченныхъ въ ихъ средствахъ жизни, изъ всего населенія Англии платятъ налогъ съ поземельной собственности, т. е. 2½% всего населенія, а 97½% населенія Англии не подвергаются сему налогу.

Конечно, и эти 649,000 собственников стараются сложить платежъ налога на своихъ фермеровъ или арендаторовъ, но они едва ли могутъ это сдѣлать при соперничествѣ привозныхъ земледѣльческихъ продуктовъ и еще менѣе удастся фермерамъ сложить платежъ налога на потребителей, которые имѣютъ на своей сторонѣ либеральные хлѣбные законы и почти безпопунный привозъ иностранныхъ продуктовъ. Потребители платятъ въ семь случаевъ дороже цѣны, состоящихъ въ заграничныхъ государствахъ, только на столько, на сколько стоитъ фрахтъ и, кромѣ того, извѣстный процентъ, требуемый иностранными торговцами.

Но изъ 649,000 владѣльцевъ 169,000 собственников не платятъ налога income-tax, потому что всѣ тѣ, которые получаютъ менѣе 2,500 франковъ его не платятъ. Остальные землевладѣльцы ни въ какомъ случаѣ не могутъ сложить поземельнаго налога на своихъ фермеровъ, а слѣдственно и на потребителей, потому что сосѣди ихъ, землевладѣльцы, не получающіе 2,500 фр. дохода, не платятъ income-tax, а между тѣмъ вступаютъ съ ними въ соперничество.

Въ 1848 году въ платежѣ налога участвовало только 113,000 человекъ, а въ 1857 году и самый налогъ распредѣлялся слѣдующимъ образомъ:

Землевладѣльцы платили	92.582,585 фран.
Фермеры	» 11.207,950 »
Капиталисты	» 21.521,695 »
Промышленники и торговцы	» 59.806,075 »
Чиновники	» 12.309,950 »
Всего	197.428,185 фран.

Принимая въ соображеніе, что весь поземельный налогъ, какъ земскій, такъ и государственный, лежитъ только на 649,000 собственникахъ, изъ которыхъ лица послѣдней категоріи, за уплатою налоговъ, имѣютъ остатка отъ поземельнаго чистаго дохода до 900 фр. каждый, мы въ правѣ заключить, что и земскій налогъ въ Англіи, на который указываютъ защитники французской системы какъ на значительное обремененіе плательщиковъ, вовсе не обременителенъ для нихъ. Между тѣмъ, этотъ именно налогъ доставляетъ возможность подерживать самое благоустроенное самоуправленіе (self-government), ремонтировать наилучшимъ образомъ, какъ извѣстно всему міру, проселочныя дороги, и другіе пути сообщенія, лежащіе на отвѣтственности земства, устроить общественныя больницы и богадѣльни, помогать бѣднымъ, на пособіе которымъ собрано и употреблено было въ 1858 году 180.200,000 франковъ.

Въ Англіи существуетъ еще прямой и то государственный, а не земскій налогъ, assessed taxes, за употребленіе предметовъ роскоши, моды и т. п., но въ томъ числѣ и за наемъ домовъ

или за помѣщеніе въ нихъ. Въ 1859 году налогъ этотъ, который, впрочемъ, правильнѣе было бы причислить къ косвеннымъ, хотя онъ и собирается лично съ плательщиковъ, доставилъ, сбору 51.903,325 фран., а въ томъ числѣ за наемъ домовъ 19.922,000 фран., за наемъ всякой прислуги 4.955,750 франк., за употребленіе каретъ и другихъ роскошныхъ экипажей 7.980,000 франковъ, за содержаніе лошадей 8.964,650 франковъ, за собакъ 4.841,075 фр., за наемъ лошадей 354,375 фр., за употребленіе пудры, 29,775 фр., за употребленіе гербовъ 1.384,425 фр., за дозволеніе охоты 3.648,175 франковъ.

Затѣмъ обратимся къ такому же разсмотрѣнію существующихъ прямыхъ налоговъ во Франціи.

По кадастру почва земная во Франціи содержитъ пространства 53 милліона гектаровъ, въ числѣ коихъ:

Пашни	26	милліоновъ	гектаровъ.
Виноградниковъ	2	»	»
Луговъ	14	»	»
Лѣсовъ	9	»	»
Подъ дорогами, рѣками, селеніями и проч.	2	»	»

Итого 53 милліона гектаровъ.

Слѣдственно, земли, приносящей доходъ, во Франціи находится 51 милліонъ гектаровъ, и вся эта масса доходной земли во владѣніи болѣе 11 милліоновъ собственниковъ. При этомъ:

Участки 5.440,000	собственниковъ	доставляютъ	дохода	каждый	до	35	фр.
» 1.818,000	»	»	»	»	»	70	»
» 1.614,000	»	»	»	»	»	140	»
» 791,000	»	»	»	»	»	240	»
» 744,000	»	»	»	»	»	350	»
» 506,000	»	»	»	»	»	700	»
» 375,000	»	»	»	»	»	2,000	»
» 66,000	»	»	»	»	»	3,500	»
» 36,000	»	»	»	»	»	7,000	»
» 16,000	»	»	»	»	»	свыше 7,000	»

Слѣдовательно до 10 милліоновъ собственниковъ получаютъ отъ 35 до 350 франковъ, а около милліона такихъ, которые получаютъ болѣе 350 франковъ, и изъ нихъ только 16,000, получающихъ болѣе 7,000 франк.

По оцѣнкѣ, произведенной въ 1859 году, составленною по распоряженію министра финансовъ особою комиссіею, всѣ эти дробные земельные участки доставили собственникамъ Франціи въ томъ году до 3-хъ милліардовъ франковъ годоваго дохода, а поземельнаго налога собрано было съ доходовъ этихъ собственниковъ 281.640,857 франковъ, т. е. безъ малаго .10% дохода. Слѣдственно, каждый собственникъ, получающій

35 франковъ, долженъ былъ платить болѣе 3 франковъ, получающій 70 франковъ—почти 7 франковъ, получающій 140 франковъ—почти 14 франковъ и т. д.

Если разсматривать эти налоги въ прогрессіи геометрической, то они кажутся справедливыми, а если взглянуть на нихъ въ прогрессіи арифметической, то выйдетъ, что у перваго собственника остается за уплатою налога менѣе 32 франковъ, у втораго почти 63 франка, у третьяго почти 126, у четвертаго 190 франковъ, у пятаго 315 франковъ и т. д. Но дѣло не въ справедливости, а въ томъ: можно ли утверждать, что налогъ этотъ во Франціи легче для плательщиковъ нежели въ Англіи, гдѣ у рѣдкаго собственника, за уплатою поземельнаго налога, останется менѣе 900 франковъ, тогда такъ во Франціи собственниковъ, получающихъ дохода менѣе 350 франковъ, и у которыхъ, за уплатою налога, остается на все прочее только до 315 франковъ, считается всего 10 милліоновъ лицъ. Но здѣсь является еще другой вопросъ: должно ли брать налогъ съ такихъ собственниковъ, которые имѣютъ столь ничтожный доходъ и которые явно должны платить его не отъ поземельнаго дохода, а отъ своего труда, отъ наемной платы, получаемой ими за свою поденную работу?

Говорятъ, что въ Англіи, въ слѣдствіе такого раздѣленія землевладѣнія, много пролетаріевъ, долженствующихъ жить своимъ трудомъ. Но если трудъ доставляетъ трудящимся вѣрныя средства и особенно много средствъ для того, что бы жить въ довольствѣ и содѣйствовать общему благосостоянію страны и развитію народной цивилизаціи, то остается только необходимая забота о бѣдныхъ, *не имѣющихъ возможности выгодно трудиться*, и затѣмъ всѣ усилія употребить въ особенности на охраненіе выгодъ народнаго труда и на возбужденіе и поощреніе народной дѣятельности. Это именно правило очень хорошо поняли англичане при установленіи своихъ налоговъ. Что касается Франціи, то я не вижу вообще пользы отъ раздѣленія земли на такіе дробные участки, которые, какъ бы ни трудились надъ ними собственники, не могутъ никогда доставить имъ достаточно средствъ къ увеличенію ихъ благосостоянія, а развѣ только одно скудное существованіе, и то не всегда. Въ Англіи народная цивилизація и даже земледѣліе гораздо выше, нежели во Франціи, оттого, что у англичанъ средствъ для полученія такого результата гораздо болѣе, нежели у французовъ, оттого, что трудъ въ Англіи прибыльнѣе, оставляетъ трудящимся болѣе денежныхъ остатковъ и сбереженій, умножающихъ движеніе народной дѣятельности и народнаго богатства. Притомъ надобно еще обратить вниманіе на слѣдующее весьма важное обстоятельство: если человѣкъ мало образованный обезпеченъ *съ одной стороны*, въ своемъ хотя и скудномъ существованіи, вѣрнымъ, постояннымъ доходомъ отъ землевладѣнія, или отъ ренты, или отъ процентовъ и государ-

ственныхъ бумагъ, а съ другой стороны видить, что выгоды труда не поддерживаются, не оберегаются какъ слѣдуетъ и не даютъ трудящимся болѣе прибыли, нежели получаемая имъ отъ постоянного дохода, то онъ непременно теряетъ всякую охоту трудиться, для приобрѣтенія безполезной по его мнѣнью цивилизаціи, какъ бы составляющей роскошь жизни и превращается въ лежебока. Между тѣмъ для того, что бы народная дѣятельность возбуждалась и развивалась, надобно, что бы она была выгодна и достойно уважалась, и что бы бездѣятельность или праздничатаніе осуждались общественнымъ мнѣніемъ и самимъ правительствомъ.

Кромѣ поземельнаго налога и налога на недвижимости (contribution foncière) во Франціи существуютъ еще, какъ мы выше видѣли, три прямые налога. Объ нихъ я долженъ сказать то же, что было уже говорено, а именно, что всѣ они большею частію нераціональны, почему и возбуждаютъ противъ себя частыя и справедливыя жалобы. *) Сумма, гихъ трехъ прямыхъ налоговъ во Франціи достигала въ 1859 году 190.696,856 франковъ.—Въ Англіи только налогъ assessed-taxes соотвѣтствуетъ этимъ тремъ налогамъ, и его было собрано въ 1859 году 51.903,325 франковъ, но зато въ Англіи онъ гораздо лучше соображенъ съ существомъ дѣла, нежели означенные налоги во Франціи.

Итакъ, хотя сумма всѣхъ прямыхъ французскихъ налоговъ составляетъ 473.231,172 франка, тогда какъ сумма прямыхъ налоговъ въ Англіи достигаетъ до 824.127,946 франковъ, однако же изъ вышеозначеннаго анализа видно: 1) что не только прямые налоги въ Англіи не обременительнѣе для народа, нежели во Франціи, но что они въ Англіи лучше соображены средствами плательщиковъ, нежели во Франціи и 2) что въ Англіи законъ гораздо болѣе оберегаетъ промышленную и торговую дѣятельности и вообще народный трудъ, при обложеніи прямыми налогами собственниковъ, нежели во Франціи.

Обращаясь къ косвеннымъ налогамъ Франціи, должно сказать, что и здѣсь, точно такъ же, какъ и въ Англіи, косвенные налоги составляютъ главный источникъ государственныхъ доходовъ.—Изъ 1.574.575,022 франковъ государственнаго бюджета Франціи за 1859 годъ сумма косвенныхъ налоговъ составляла 1.101.343,850 франковъ. Почти всѣ эти налоги упадаютъ теперь на потребленіе. Но въ 1789 году налоги на потребленіе были изгнаны изъ законовъ Франціи конституціоннымъ собраніемъ подъ вліяніемъ ученія физиократовъ. Графъ Шаброль въ рапортѣ своемъ 15 марта 1830 года говорилъ: «Пагубное заблужденіе въ минуту увлеченій, когда лучшія постановленія падаютъ предъ народными

*) См. Etudes sur les impôts; p. Felix Cohen à Paris. 1865.

предразсудками, заставившими предметы потребленія освободить отъ всякаго налога, было въ послѣдствіи всѣми почувствовано: тогда сознали, что поземельный налогъ, упадающій только на недвижимость, далеко неодинаково лежитъ на всѣхъ жителяхъ, что и всѣ другіе прямыя налоги также распределяются неравномѣрно». Въ послѣдствіи время и обстоятельства объяснили это на самомъ дѣлѣ и заставили обратиться преимущественно къ косвеннымъ налогамъ, упадающимъ на предметы потребленія.

Французскіе косвенные налоги можно также подраздѣлить на такія же 4 категоріи, какъ и косвенные налоги Англіи, съ тою только разницею, что таможенный сборъ во Франціи смѣшивается или соединяется съ табачною монополіею, и оба эти налога, какъ показано въ бюджетѣ, выписанномъ барономъ Нерво, составляли въ совокупности въ 1859 году 407.256,072 франка; отдѣльно же таможенный сборъ составлялъ тогда только около 228 милліоновъ, а табачная монополія 178 милліоновъ франковъ.

При сравненіи французскаго таможеннаго сбора съ англійскимъ необходимо разсматривать результаты таможеннаго французскаго сбора совокупно съ табачнымъ, потому, что въ Англіи табаководство воспрещено и весь налогъ на потребленіе табака заключается въ таможенномъ сборѣ.

Съ 1719 года табаководство было воспрещено и во Франціи; но въ 1791 году было вполне разрѣшено какъ воздѣлываніе, такъ и продажа табака; воспрещенъ былъ только привозъ иностраннаго фабрикованнаго табака. Привозъ же листового допускался за высокую пошлину. Однако же все это до того уменьшало доходъ казны, что законъ представительнаго правительства 28 апрѣля 1816 года счелъ нужнымъ ввести государственную монополію въ установленіе этого налога. Долго старались во Франціи, табачную монополію, столь противную тогдашнимъ теоретическимъ принципамъ, замѣнить акцизомъ и возвышенными таможенными пошлинами, но всѣ разсужденія объ этомъ предметѣ оставались безъ всякихъ результатовъ, пока произведеннымъ въ 1835 году подробнымъ изслѣдованіемъ по этому вопросу не доказана была необходимость табачной монополіи. Наконецъ, послѣ большихъ объ этомъ преній въ палатахъ, декретами 11 декабря 1851 года и 28 іюля 1862 года табачная монополія утвердилась во Франціи за казною.

Выгоды этого налога на табакъ Феликсъ Коганъ объясняетъ такъ: «табачная монополія торжественно оправдана изслѣдованіемъ 1835 года. Многочисленные и драгоцѣнные документы, собранные комиссіею, не дозволяютъ сомнѣваться въ выгодахъ монопольной системы, какъ въ отношеніи земледѣлія (т. е. выгодъ воздѣлывателей земли), такъ и по отношенію къ фабрикаціи и продажѣ табаку. Это особенно видно, если взять

во вниманіе тѣ потери, которыя претерпѣваетъ казна отъ свободнаго табаководства, недостающаго своею свободою чувствительной пользы ни для земледѣлія, ни для торговли, потому что наши произведенія (Французскія) не могутъ соперничать съ американскими и нѣкоторыхъ другихъ счастливыхъ мѣстностей Европы. Эта свобода можетъ произвести иную монополію, — монополію нѣкоторыхъ капитальныхъ фабрикантовъ, которая поспѣшитъ замѣнить собою и монополію государственную въ убытокъ казнѣ и потребителямъ своею контрабандною фабрикаціею.»

Государственная табачная монополія, какъ она утверждена была во Франціи съ 1816 года, заключалась въ томъ, что выписывать иностранный табакъ можно было только чрезъ посредство казны, а производить его внутри государства только для казны, которая и передавала табакъ фабрикантамъ, на извѣстныхъ выгодныхъ для нея условіяхъ, т. е. казна продавала табакъ фабрикантамъ по извѣстной цѣнѣ, предоставляя имъ дальнѣйшую распродажу, свободно или со взносомъ нѣкотораго патентнаго налога. Все затрудненіе заключается только въ опредѣленіи величины налога, т. е. въ опредѣленіи цѣны табака, котораго достоинства бываютъ такъ многоразличны. Но это затрудненіе одинаково какъ при монополюной, такъ при акцизной и при таможенной системахъ.

По свидѣтельству Парье (de Parieu), въ Англіи, гдѣ не существуетъ табачной монополіи, таможенная пошлина за привозный табакъ въ листьяхъ положена въ 8 франковъ 27 сантимовъ за килограммъ, что составляетъ 33 рубля серебромъ за пудъ. Во Франціи, гдѣ правительство имѣетъ право измѣнять до нѣкоторыхъ предѣловъ цѣну продаваемого продукта, согласно его достоинству, по декрету 19-го октября 1860 года, цѣна эта установлена отъ 8 до 10 франковъ за килограммъ, т. е. отъ 31 до 40 рублей серебромъ за пудъ.

Для объясненія собственно французскаго таможеннаго налога необходимо обратиться къ основателю таможенной системы во Франціи, знаменитому министру Лудовика XIV Кольберту. Кольбертъ былъ пораженъ благосостояніемъ Англіи, быстро возроставшимъ со времени установленія ея навигаціоннаго акта, несмотря на вѣшнія ея войны и внутренніе раздоры. Удовольрившись въ причинѣ такой благодѣтельной перемѣны экономическаго положенія Англіи, онъ рѣшился приступить въ 1664 году къ измѣненію существовавшей до того времени торговой политики Франціи и къ образованію тамъ покровительственнаго таможеннаго тарифа, который въ 1667 году онъ сократилъ и исправилъ. Я не буду описывать благодѣтельныхъ послѣдствій этой реформы; и теперь еще свѣжи въ памяти французскаго народа воспоминанія о величій вѣка Лудовика XIV, въ отношеніи промышленности, морской силы и процвѣтанія колоній. *) Со смертію

*) Вотъ что говорили французы еще недавно въ законодательномъ собраніи (26-го февраля 1866 года): «A peine Mazarin mourant avait il don-

великаго министра его торговая политика постепенно падала, и наконецъ была разрушена, какъ я упоминалъ уже въ первой главѣ, трактатомъ 1786 года, что и было, въ числѣ прочихъ, немаловажною причиною революціи 1789 года; но ей и суждено было возстановить и окончить великій трудъ Кольберта. Закономъ 5-го ноября 1790 года уничтожены были всѣ внутреннія пошлыны, и въ то же время Франція оградилась отъ внѣшней тягостной и часто гибельной конкуренціи тарифомъ въ высшей степени покровительственнымъ и даже въ нѣкоторомъ отношеніи запретительнымъ.

Запрещенія и наложенныя пошлыны въ тарифѣ 10-го брюмера V года, подтвержденныя и усиленныя законами 1806 и 1807 годовъ, сильно возбудили промышленность Франціи, для которой и превращеніе войны было необходимо. Вънпомъ и триумфомъ этой системы былъ тарифъ 1822 года, противъ чего возстали англійскіе экономисты, къ которымъ присоединились и нѣкоторые французскіе. Это привело къ составленію комиссіи для изслѣдованія покровительствуемыхъ промышленностей. Добросовѣстный трудъ этотъ былъ оконченъ и представленъ въ палату въ 1834 году, но не привелъ къ желаемому экономистами результату. Прежній тарифъ былъ оставленъ въ своей силѣ; даже предложенія въ 1847 году о снятіи нѣкоторыхъ запрещеній и объ уменьшеніи нѣкоторыхъ пошлынъ не были приняты и обсуждаемы. Законодательное собраніе тогда сказало: «*Nous repoussons formellement le principe du libre échange, comme incompatible avec l'indépendance et la sécurité d'une grande nation,*

n: Colbert à Louis XIV et ce travailleur infatigable en une année ramene abondance dans le tresor... il donna à nos finances pour base la prospérité publique par un moyen, qu' on déclare détestable aujourd'hui, — la protection. Il développait notre commerce maritime, il portait le nombre de nos matelots de 30,000 à 70,000 et Tourville pouvait disputer le sceptre des mers à l' Angleterre et à la Hollande....

«*La libre échange n'est pas la liberté, car s'il était la liberté, la Turquie serait libre, n'ayant pas un seul droit protecteur, et l'Amerique ne le serait pas, car elle est le pays le plus attaché au système protecteur.*» (Journal de S.-t. Pétersbourg samedi 3 Mars 1866. № 407.)

Мазарини, умирая, оставилъ Лудовику XIV Кольберта, и этотъ неутомимый труженикъ успѣлъ въ одинъ годъ обогатить государственную казну... онъ положилъ финансамъ нашимъ съ основаніе общественное благоденствіе средствомъ, которое нынѣ отвергаютъ какъ негодное,—покровительствомъ. Онъ расширилъ нашу морскую торговлю, изъ 30,000 матросовъ нашихъ вдругъ сдѣлалось 70,000, и Турвилъ могъ соперничать на моряхъ съ Англіею и Голландіею.....

«Свободная торговля не есть свобода, потому что если бы она была дѣйствительно свободою, то Турція была бы свобода, не имѣя ни одной покровительственной пошлыны, а Америка не была бы свобода, потому что она болѣе всѣхъ странъ держится покровительственной системы.»

comme inapplicable à la France, comme destructeur de nos plus belles industries.» (Мы отвергаемъ формально начала свободной международной торговли, какъ несогласныя съ независимостію и безопасностію великой націи, какъ непримѣнимыя во Франціи, какъ разрушительныя для нашихъ лучшихъ промысловъ.)

Такъ были тверды французы въ своей торговой политикѣ; а между тѣмъ ихъ фабрикаціи постепенно совершенствовались и быстро развивались, при содѣйствіи развитія *промышленой цивилизаціи*: вывозъ произведеній Франціи при постоянномъ содѣйствіи этого покровительства и *этой* цивилизаціи возрасталъ весьма быстро; Франція богатѣла и накопляла богатства. Еще въ 1838 году цѣнность вывоза французскихъ произведеній составляла едва 900 милліоновъ франковъ, въ 1840 году она была уже въ 1,000 милліоновъ, въ 1845 году въ 1,200 милліоновъ, въ 1847 году въ 1,300 милліоновъ, и въ 1853 году вывозъ изъ Франціи достигъ до 1650 милліоновъ франковъ. Отъ внутренняго соперничества производителей цѣна чугуна съ 18 франковъ за 100 килограммовъ упала на 11 франковъ; цѣна жельза съ 52 франковъ за метрической квинталь упала сначала на 42 франка 29 сантимовъ, а потомъ на 25 франковъ; цѣна бумажныхъ издѣлій съ 12 франковъ за 10 килограммовъ на 5 франковъ. Вотъ результаты протекціонной системы Франціи.

Послѣ всего этого, нельзя не подивиться тѣмъ фритредерамъ, которые, пользуясь всякимъ случаемъ, что бы восхвалять свободную торговлю Англии, выставляли какъ доказательства успѣховъ «либрешанжа», то, что вывозъ англійскій увеличился съ 1842 года по 1851 годъ на 50%, и достигъ до громадной цифры 1868 милліоновъ франковъ; но господа фритредеры не хотятъ вспомнить того, что въ 1837 году во Франціи цѣнность вывоза едва стоила 758 милліоновъ франковъ, а 1851 году она уже возрасла до 1629 милліоновъ, слѣдственно увеличилась болѣе нежели на 100%, и это тогда, когда во все это время во Франціи существовала въ высшей степени покровительственная система.

Наконецъ, 23-го января 1860 года, въ слѣдствіе трактата съ Англіею, состоявшагося по вліянію или лучше сказать самовластію Наполеона III, Франція рѣшилась до извѣстной степени измѣнить свой чрезвычайно высочій тарифъ, такъ много ей послужившій,—рѣшилась уничтожить нѣкоторыя существовавшія въ немъ запрещенія и уменьшить нѣкоторыя пошлины.

1-го мая 1861 года, Франція заключила подобный трактатъ съ Бельгіею, а въ слѣдствіи съ Италіею и Германскимъ Таможеннымъ Союзомъ. Сколько выиграли или проиграли эти націи отъ этихъ трактатовъ — въ точности еще не опредѣлено; но извѣстно, что нѣкоторыя мѣстности Италиі, и особенно Германскаго Таможеннаго Союза уже жалуются на

*

эти трактаты. Наконецъ сама Пруссія, которая далеко опередила насъ въ дѣлѣ промышленности, формально заявила, что, заключивъ трактатъ съ Франціею, ей необходимо заключить подобный же трактатъ съ Россіею, иначе она будетъ въ потерѣ; другими словами: невыгоды заключеннаго ею трактата съ Франціею, ей необходимо свалить на нашу шею съ помощію того трактата, котораго она такъ добивается.

До сихъ поръ мы разсматривали таможенный налогъ только въ отношеніи покровительственномъ: не менѣе важны и фискальныя пошлины. Обыкновенно говорятъ: что бы таможенный налогъ могъ доставить значительный сборъ отъ фискальных пошлинъ, надобно, что бы народъ былъ богатъ, а я скажу: надобно, что бы народъ много пріобрѣталъ своею промышленною дѣятельностію; надобно, что бы эта дѣятельность была выгодна, доставляла народу болѣе барышей или денежныхъ и вообще капитальныхъ остатковъ; богатый, но бездѣятельный народъ будетъ только истощать свое богатство и, наконецъ, по неволѣ перестаетъ пріобрѣтать привозные товары; для полученія же прибылей отъ промышленной дѣятельности, покровительственныя пошлины служатъ для народа главнымъ и необходимымъ средствомъ опоры. Въ такой именно зависимости находится фискально-пошлинный доходъ отъ дѣйствія разумно-покровительственныхъ пошлинъ.

Собственно протекціонныя пошлины устанавливаются для покровительства тѣмъ промышленностямъ, которыя производится въ странѣ или которыя желаютъ производить, а фискальныя имѣютъ прямою цѣлю доставить государству доходы, въ которыхъ оно нуждается, и потому, какъ я доказалъ въ I-й главѣ, эти пошлины сообразуются съ обстоятельствами государства и должны измѣняться съ измѣняющимися обстоятельствами. Чѣмъ настоятельнѣе нужда, тѣмъ скорѣе прибѣгаютъ къ этому налогу и тѣмъ болѣе стараются его увеличить. Американское правительство показало этому недавній и разительный примѣръ, *достойный подражанія для націй, нуждающихся въ пріобрѣтеніи государственныя доходовъ*. Оно увеличило таможенный доходъ болѣе нежелъ въ пять разъ, во время нужды. Мпнуеть нужда,—настаетъ и возможность убавить или уничтожить налогъ; но уменьшать или слатать вовсе пошлины, уже существующія, во время настоятельной надобности въ увеличеніи доходовъ, есть такая непростительная аномалія, которую поправлять часто бываетъ весьма трудно. Умѣренное уменьшеніе фискальныхъ пошлинъ дозволительно только тогда, когда чрезъ такое уменьшеніе не только надѣются, но увѣрены усилить потребление и, слѣдственно, самую покупку привозныхъ обложенныхъ пошлиною товаровъ на столько, что такимъ способомъ увеличится сумма получаемого сбора. Но это угадать довольно трудно, особенно въ такомъ государствѣ, какъ Россія; надобно безошибочно знать наклонности и средства той массы народа, которая покупаетъ эти товары. Между тѣмъ, намъ, русскимъ,

особенно надобно помнить, что въ Россіи пошлины на привозные товары составляютъ налогъ наиболѣе удобный для правительства, и наименѣе обременительный для народа, потому что *онъ упадаетъ преимущественно на людей богатыхъ, или крайней мѣрѣ достаточныхъ, изъ числа которыхъ большая часть не платитъ никакихъ налоговъ кромѣ косвенныхъ, и когда прямихъ налоговъ лежитъ у насъ на самомъ бѣдномъ классѣ огромное количество, какъ увидимъ это въ III главѣ.*

Для увеличенія государственныхъ доходовъ устанавливаются фискальныя пошлины въ четырехъ случаяхъ: 1) онѣ налагаются на привозные товары, производящіеся въ странѣ и требуемые только для потребленія непроезвдительнаго, какъ на примѣръ въ Россіи: на чай, на кофе, на приности и вообще на продукты, несвойственные нашему климату и неупотребляемые для издѣлій, какъ сырые матеріалы, а только для потребленія. Всѣ подобныя привозныя товары во всякой странѣ потребляются болѣе или менѣе людьми богатыми или достаточными, потому правительства стараются обложить эти товары высшею пошлиною, не принимая въ расчетъ интересы потребителей или портовыхъ спекулянтовъ, и заботятся исключительно объ увеличеніи государственныхъ доходовъ, почему и возвышаютъ эти пошлины, но такъ, что бы это возвышеніе не уменьшало потребленія и чрезъ то не убавляло значительной части получаемаго отъ пошлинъ дохода.

2) Фискальныя пошлины налагаются на привозные товары производящіеся въ странѣ, но требуемые для производства нѣкоторыхъ туземныхъ издѣлій, въ которыя эти привозные товары входятъ какъ необходимыя матеріалы. Въ этомъ случаѣ, возвышая фискальную пошлину на привозимый продуктъ или матеріалъ, возвышаютъ также соотвѣтственно и покровительственную пошлину на производимыя изъ него издѣлія. На примѣръ, налагая пошлину на привозную сѣру, надобно соотвѣтственно наложить пошлину и на тѣ издѣлія, въ которыя входитъ сѣрная кислота.

3) Фискальныя пошлины налагаютъ на такіе привозные товары, которые производятся въ странѣ и даже требуются, какъ матеріалы для другихъ производствъ. Въ этомъ случаѣ привозный товаръ облагается, когда его производится мало, какъ на примѣръ въ Россіи: свинець, гарансинъ. Такая пошлина служить покровительствомъ для добычи свинца и гарансина, (если она достаточно для того высока); но, что бы она не парализировала производство тѣхъ издѣлій, въ которыя входитъ этотъ товаръ, какъ необходимый матеріалъ, какъ на примѣръ производство тѣхъ ситцевъ, въ окраску которыхъ входятъ свинцовыя соли или гарансинъ,—должно положить также достаточною, соотвѣтственную пошлину на привозныя того рода издѣлія, какъ на примѣръ на означенныя ситцы.

4) Фискальныя пошлины налагаются на *отвозные* товары. Въ этомъ случаѣ онѣ налагаются или возвышаются весьма осторожно, именно тогда, *когда обстоятельства тѣхъ государствъ куда обыкновенно вывозится обложенный товаръ таковы, что требованія изъ отъ возвышенія пошлины не уменьшаются.*—Конечно, весьма желательно не брать пошлинъ съ вывозныхъ товаровъ, потому что, вообще говоря, надобно стараться не затруднять, а облегчать вывозъ товаровъ, особенно въ государствѣ нуждающемся въ доходахъ; но когда уже существуютъ эти пошлины на какіе либо вывозные товары, то надобно какъ можно строже обращать вниманіе на обстоятельства и положеніе тѣхъ странъ, куда вывозится обложенный вывозною пошлиною товаръ, и если они таковы, что существующая вывозная пошлина не можетъ ослабить требованіе на него тѣхъ странъ, тогда уменьшать и особенно слагать такую пошлину не слѣдуетъ, иначе *это будетъ бесполезною жертвою въ пользу иностранныхъ спекулянтовъ*, особенно уже когда при этомъ государство нуждается въ доходахъ и когда потому всякая безплодная жертва становится уже преступленіемъ.

Иногда вывозная пошлина налагается или возвышается не столько для того, что бы получить больше дохода, сколько для того, что бы остановить чрезмѣрное увеличеніе вывоза, отъ котораго могутъ истощаться національные запасы продуктовъ, необходимыхъ для продовольствія народа или матеріаловъ, потребныхъ для дѣйствія существующихъ туземныхъ фабрикъ.

Существующія во Франціи фискальныя пошлины исполнѣ соотвѣтствуютъ всѣмъ четыремъ описаннымъ случаямъ; а пошлины послѣдней категоріи, т. е. отвозныя, дали государству въ 1859 году доходъ до четырехъ милліоновъ франковъ.

Исключивъ изъ 228 милліоновъ франковъ всего таможенного сбора 1859 года эти 4 милліона вывозныхъ пошлинъ, и до 20 милліоновъ портовыхъ и ластовыхъ пошлинъ и акциденцій, взсканныхъ съ 14,577 судовъ, входившихъ въ порты Франціи и выходившихъ изъ нихъ, остается пошлинъ поступившихъ за привозные товары до 204 милліоновъ, изъ которыхъ половина была собственно фискальныхъ пошлинъ; въ числѣ же покровительственныхъ поступило болѣе 77 милліон. фр. за одинъ привезенный сахаръ изъ своихъ колоній около 6 милліоновъ пудовъ и болѣе 3½ милліоновъ пудовъ, за которые и причитается пошлины до 8 франковъ за пудъ или около 2 рублей серебромъ. Но какъ за колониальный сахаръ полагается менѣе пошлины нежели за иностранный, то значить, что за послѣдній взскнвалось пошлины болѣе 2 рублей съ пуда. Между тѣмъ, въ 1859 году поступило въ продажу туземнаго свекловичнаго сахара около 7 милліоновъ пудъ, за которые и поступило акциза до 61 милліона франковъ. Слѣдственно въ 1859 году во Франціи потреблено было болѣе 16½ милліоновъ пудъ сахара.

Все населеніе ея простиралось тогда менѣе 35 милліоновъ жителей, изъ которыхъ рѣдкій не употреблялъ сахара, поэтому можно считать, что кругомъ на потребителя вышло почти до 20 фунтовъ сахара. Изъ этого можно видѣть *какая блестящая будущность предстоитъ плодороднымъ равнинамъ Россіи, при развитіи благосостоянія народнаго и при развитіи воздѣлыванія свекловицы на этихъ равнинахъ*. Теперь въ Россіи потребляется только до 5 милліоновъ пудовъ сахара, и конечно $\frac{1}{6}$ ея населенія не имѣютъ понятія о вкусѣ сахара; но когда только $\frac{1}{2}$ населенія будетъ употреблять сахару по 20 фунтовъ на человѣка въ годъ, какъ это потребляется во многихъ европейскихъ государствахъ, то потребуетъ болѣе 20 милліоновъ пудовъ. Какой обильный источникъ государственнаго дохода.

Англія и Франція имѣютъ свои колоніи, производящія сахарный песокъ. Россія ихъ не имѣетъ, но зато она имѣетъ обиліе богатѣйшихъ, чрезвычайно способныхъ для воздѣлыванія свекловицы равнинъ; а потому она должна поступать въ торговой своей политикѣ конечно иначе, нежели поступаютъ эти государства. Въ чемъ заключается это различіе, и какъ содѣйствовать развитію этого источника народнаго богатства мы увидимъ когда будемъ разсматривать существующія привозныя пошлины и акцизы въ Россіи.

Исключивъ изъ привозныхъ протекціонныхъ пошлинъ, составляющихъ въ итогъ менѣе 100 милліоновъ франковъ, болѣе 77 милліоновъ за привозный сахаръ, останется весьма небольшая сумма собираемыхъ во Франціи протекціонныхъ пошлинъ, и это весьма естественно, потому что производительность тамъ такъ развита и усовершенствована, что, при существованіи еще покровительственныхъ пошлинъ, иностранцы не могутъ много привозить своихъ произведеній.

Изъ числа привозныхъ товаровъ, за которые во Франціи взысканы въ 1859 году фискальныя пошлины, мы обратимъ вниманіе на слѣдующіе:

1-е) *На чай и кофеи.*

Чаю привезено было около 260 тысячъ фунтовъ на 1.420,000 франковъ, а пошлины поступило 440,000 франковъ, или 31%, на русскія деньги около 42 коп. сер. съ фута.

Кофею привезено было на 44 милліона франковъ и пошлины поступило 30 милліоновъ, т. е. около 70%.

Здѣсь должно замѣтить, что на чай наложено пошлины 31%, а на кофеи 70%, тогда какъ слѣднаго употребляется во Франціи въ 30 разъ болѣе, и притомъ людьми менѣе зажиточными. Слѣдственно законъ нисколько не заботился объ интересахъ потребителей, а старался, напротивъ того, на нихъ то и возложить всю тягость фискальной пошлины, соображая, что такимъ образомъ получится болѣе значительный сборъ этого налога. Обложенный пошлиною продуктъ не составляетъ предмета насущной необходимости всего народа; онъ наиболѣе

употребляется людьми достаточными и притомъ не какъ дѣйствительная пища, безъ которой нельзя обойтись; да и кромѣ того самый налогъ разлагается на всю массу потребителей въ довольно дробныхъ доляхъ.

Полезно здѣсь сравнить означенное потребление чая во Франціи, доходящее до 260 тысячъ фунтовъ, съ постепеннымъ умноженіемъ потребления его въ Англии и Россіи. Это насъ приведетъ къ весьма полезнымъ выводамъ.

Въ 1820 году привезено было въ Англiю 22 милліона фунтовъ чаю, а пошлины было выручено 77 милліоновъ франковъ, что, переведа на русскія деньги, составляло 87 копѣекъ серебромъ съ фута. Такой громадной пошлины въ Россіи никогда не было, она не доходила у насъ свыше 60 копѣекъ, круглымъ числомъ. Въ 1837 году въ Англiю привезено было чаю 49 милліоновъ фунтовъ, и пошлины поступило 118 милліоновъ франковъ, что составляетъ 62 копѣйки серебромъ съ фута. Въ 1850 году привезено было туда же чаю 75 милліоновъ фунтовъ, и пошлины поступило 136 милліоновъ, что составляетъ 45 копѣекъ съ фута.

Въ Россіи получалось чрезъ Кяхту въ 1837 году только до 5.360,000 фунтовъ чаю, а въ 1848 году, т. е. чрезъ 11 лѣтъ, 10.720,000 фунтовъ; слѣдственно въ 11 лѣтъ потребление чая почти удвоилось. Въ 1863 году привезено было чрезъ Кяхту не много менѣе, но зато съ западной границы привезено было болѣе 10 милліоновъ фунтовъ, такъ что въ 15 лѣтъ потребление чая у насъ еще удвоилось. Такое быстро увеличивающееся потребление чая, продукта весьма дорогаго, заслуживаетъ вниманія въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, оно доказываетъ, что чай можетъ служить обильнымъ источникомъ государственнаго дохода, а вовторыхъ, обнаруживаетъ то, что не только бесполезно, но даже опасно для финансовъ поощрять развитіе этого употребленія привозомъ чаю чрезъ западныя границы, такъ какъ увеличеніе привоза столь цѣннаго товара будетъ на много увеличивать невыгоды нашего торговаго баланса, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличивать требованія отъ насъ монеты, удорожать ее и тѣмъ умножатъ разстройство нашей денежной системы. Въ Англии этого бояться нечего, потому что она имѣетъ много вспомогательныхъ средствъ, какъ увидимъ это ниже, устраняющихъ вредъ невыгоднаго торговаго баланса, тогда какъ Россія находится въ этомъ отношеніи въ совершенно обратномъ положеніи.

Во Франціи употребленіе чая такъ маловажно, что ей, конечно, нечего опасаться, въ какомъ бы положеніи ни находился ея торговый балансъ; а хотя тамъ потребление кофе весьма значительно, но этотъ товаръ небольшой цѣнности.

2-е) Далѣе фискальнымъ пошлинамъ подлежатъ во Франціи: хлопковъ, сѣра, олово и свинецъ; первые матеріалы хотя и не-

производятся во Франціи, но необходимы для ея промышленности.

Хлопка въ 1858 году привезенно было на 153 милліона франковъ и пошлины получено 19 милліоновъ, что составляетъ болѣе 12% цѣны; но какъ, съ одной стороны, хлопчатобумажныя издѣлія ограждены были высокими тарифомъ, а съ другой искусство промышленниковъ доведено тамъ до изящнаго совершенства, то пошлина болѣе 12% была совершенно безопасна, а между тѣмъ доставила казнѣ большой доходъ.

Сѣры привезено было на 10 милліоновъ, а *олова* и *свинца* на 79 милліоновъ франковъ, и пошлины съ нихъ получено было до 1 милліона. Сѣрная кислота и всѣ химическіе продукты, съ участіемъ олова и свинца производимые, продаются такъ дешево во Франціи, что никто съ фабрикантами ея соперничать не можетъ. Промышленная наука и покровительство сдѣлали во Франціи для производства химическихъ продуктовъ огромныя пособія. Усилія въ этомъ отношеніи французскаго правительства со временъ Наполеона I-го, когда положено было начало и основаніе содоваго производства изъ поваренной соли, были необыкновенныя. Конечно, теперь пошлина въ 1 милліонъ франковъ на употребляемые ею олово и свинецъ не могутъ затруднять ее, когда притомъ производимые ею продукты ограждены достаточною пошлиною.

3-е) Обратимъ вниманіе на привозимые во Францію *хлѣба*, обложенные привозною пошлиною.

Пшеницы и *разнаго хлѣба* привезено было въ 1859 году во Францію на 37 милліоновъ, а пошлины поступило 787,000 франковъ, слѣдственно около 2% всей цѣнности привоза. Пошлина эта нечувствительная; но въ то же время надобно принять въ соображеніе, что въ 1859 году вывезено было изъ Франціи пшеницы и разныхъ хлѣбовъ на 130 милліоновъ франковъ, и пошлины получено съ этого количества до 2 милліоновъ. Слѣдственно Франція производила хлѣба съ избыткомъ, а потому брать умѣренную пошлину за привозъ такого продукта, въ которомъ она, въ сущности, не нуждалась, Франція, повидимому, имѣла основаніе.

Цѣнность всѣхъ иностранныхъ произведеній, ввезенныхъ во Францію, достигала въ 1859 году до 2,582 милліоновъ франковъ, тогда какъ цѣнность привоза чужеземныхъ товаровъ въ Великобританію простиралась до 3,625 милліоновъ. Съ другой стороны цѣнность вывоза изъ Франціи въ томъ же году дошла до 2,837 милліоновъ, тогда какъ въ Англии цѣнность вывоза простиралась до 3,261 милліоновъ франковъ. Слѣдственно, цѣнность привозимыхъ въ Англию товаровъ превосходила цѣнность привозимыхъ во Францію на 1,043 милліона франковъ; а цѣнность вывоза изъ Англии товаровъ превышала цѣнность вывоза изъ Франціи на 624 милліона франковъ. Это даетъ сейчасъ понятіе на сколько торговые обороты Англии превоско-

дать такіе же обороты Франціи; но въ этомъ случаѣ нельзя опускать изъ вида весьма важныхъ обстоятельствъ, которыя однако же часто ускользаютъ изъ соображенія, а отъ того приводятъ нерѣдко къ весьма ложнымъ заключеніямъ. Вотъ эти обстоятельства:

1) Англія исполняетъ комиссіи почти всей Европы, а потому привозитъ къ себѣ много товаровъ не для себя, а для другихъ странъ Европы, и отвозитъ не свой, а чужой товаръ; такъ почти третью часть привозимаго изъ Америки хлопка, она продаетъ и перевозитъ въ разныя государства Европы большаю частію на англійскихъ корабляхъ. Слѣдственно въ показанномъ количествѣ привоза и вывоза находится весьма много комиссіонерныхъ товаровъ, которые относятся не къ внутренней производительной промышленности Англіи, а къ ея комиссіонной торговлѣ, доставляющей, конечно, вѣрные и большіе барыши, какъ за комиссію, такъ за страхъ и за фрахтъ. Франція весьма мало занимается комиссіонною торговлею; почти все, что она привозитъ, употребляетъ сама; почти все, что она вывозитъ, составляетъ плодъ ея собственныхъ промышленныхъ производствъ. Слѣдственно цифры, показывающія цѣнность привоза и вывоза товаровъ, еще не объясняютъ вполне развитія внутренней производительности народа. Что бы судить объ этомъ съ полною основательностію, надобно еще знать: что и за чѣмъ привозится, куда и чей товаръ отвозится? Это доказываетъ также, что при сравненіи прогресса въ производительности двухъ націй уже никакъ нельзя смѣшивать суммы привоза съ суммами вывоза вмѣстѣ, а надобно разсматривать отдѣльно привозы, и отдѣльно вывозы и представлять выводы изъ нихъ не безъ разбора; слѣдуетъ разсматривать подробно изъ какихъ товаровъ состоитъ привозъ одной націи и какіе они имѣютъ назначенія, а потомъ дѣлать такой же разборъ привоза другой націи; равнымъ образомъ надобно разсматривать также подробно вывозы обѣихъ націй, и тогда только можно сдѣлать справедливое заключеніе о сравнительномъ движеніи производительной дѣятельности двухъ націй. Но у насъ весьма часто экономисты сложать сумму привоза съ суммою вывоза вмѣстѣ одной націи, и потомъ подведутъ такой же итогъ суммъ привоза и вывоза другой націи, а затѣмъ чрезъ сравненіе такихъ смѣшанныхъ итоговъ судятъ о производительной дѣятельности двухъ странъ и даже объ массѣ ихъ богатствъ.

2) Второе обстоятельство еще важнѣе. Выше видно было, что въ Англію привезено было товаровъ на 3,625 милліоновъ, а вывезено было на 3,261 милліонъ франковъ, т. е. что привозъ превышалъ вывозъ на 364 милліона, или, какъ говорятъ торговые люди, торговый балансъ былъ въ невыгодѣ Англіи на 364 милліона, т. е. что она должна была заплатить деньгами 364 милліона иностранцамъ за привезенный къ ней товаръ. Дѣйствительно, если бы она не имѣла другихъ вспомо-

гательныхъ средствъ, то ей пришлось бы искать монеты на 364 милліона, что бы расплатиться съ иностранцами; а отъ такого требованія монета вздорожала бы неизбѣжно, что и должно бы было отозваться на затрудненіи англійскаго банка и на самомъ курсѣ безпроцентныхъ банковыхъ билетовъ Англій, обращающихся въ публикѣ какъ монета, если бы они сдѣлались неразмѣнными въ слѣдствіе означенныхъ затрудненій банка, какъ это было въ Англій съ 1798 г. по 1820 годъ, 22 года сряду; курсъ ихъ тогда непремѣнно долженъ бы былъ упасть въ слѣдствіе требованія монеты. Но въ Англій скончались такія богатства удобоподвижныхъ капиталовъ, что она, въ слѣдствіе невыгодности торговаго баланса, не имѣетъ надобности искать монеты для расплаты съ иностранцами и чрезъ то возвышать на нее цѣну;—и это по двумъ причинамъ: вопервыхъ, весьма многія европейскія государства должны англійскимъ капиталистамъ громадныя суммы денегъ, за которыя они обязаны высылать въ Англій проценты монетою или равносильными документами, тогда какъ сама Англій не имѣетъ внѣшнихъ долговъ, и потому не высылаетъ отъ себя монеты; вовторыхъ, коммерческій флотъ Англій громаденъ, и фрахтовыхъ, страховыхъ, равно какъ комиссіонныхъ денегъ и барышей отъ заграничной торговли, на своихъ англійскихъ корабляхъ производимой, она получаетъ на многіе сотни милліоновъ, которые въ таможенныя вѣдомости о движеніи внѣшней торговли, т. е. о привозѣ и отвозѣ товаровъ, не входятъ, а между тѣмъ вливаются въ Англій громадную массу денегъ или векселей, которые для уплаты за иностранные товары принимаются обратно. Вотъ въ чемъ заключаются вспомогательныя средства Англій, избавляющія ее отъ требованія монеты при невыгодности торговаго баланса, который для нея дѣйствительно почти не имѣетъ значенія и Англій можетъ безнаказанно тратить большія суммы на пріобрѣтеніе иностранныхъ товаровъ, въ чемъ бы они ни заключались. Здѣсь полезно также замѣтить, что Россія находится въ этомъ отношеніи въ обратномъ положеніи; она имѣетъ громадныя внѣшніе долги и не имѣетъ почти совершенно коммерческаго флота, она должна отправлять за границу большія суммы для платежа процентовъ и не имѣетъ ни фрахтовыхъ, ни страховыхъ (морскихъ), ни комиссіонныхъ денегъ, ни барышей отъ своей внѣшней торговли; она должна требовать отъ своего торговаго баланса, что бы онъ одинъ покрывалъ все ея заграничныя платежи. Вотъ почему торговый балансъ для насъ имѣетъ великое значеніе; но экономисты наши, упуская изъ виду всѣ описанныя обстоятельства, не признаютъ этого значенія баланса и тѣмъ приводятъ въ большія заблужденія нашихъ финансовыхъ дѣятелей.

Мы видѣли, цѣнность французскаго вывоза товаровъ простиралась въ 1859 году до 2,837 милліоновъ франковъ, а цѣнность привоза во Францію иностранныхъ товаровъ достигла до

2,582 милліоновъ; слѣдственно цѣнность вывоза ея превзошла цѣнность привоза на 245 милліоновъ, и торговый балансъ былъ въ пользу Франціи, но при томъ иностранныя государства также должны французскимъ капиталистамъ большія суммы, а потому должны высылать во Францію проценты монетомъ, и коммерческій ея флотъ также не маловаженъ. Словомъ и Франція въ отношеніи курса своихъ банковыхъ билетовъ тоже обезпечена. Тамъ часто и быстро колеблется курсъ внутреннихъ процентныхъ бумагъ и облигацій, которыхъ въ сравненіи съ количествомъ безпроцентныхъ ходячихъ денежныхъ знаковъ, какъ бумажныхъ такъ и металлическихъ, слишкомъ много, что и возбуждаетъ биржевую игру на повышение и понижение курса этихъ бумагъ, слишкомъ чувствительнаго при измѣненіяхъ политическихъ или коммерческихъ обстоятельствъ, даже въ сосѣднихъ государствахъ. Монетные кризисы во Франціи не бываютъ продолжительны, но, по неудовлетворительности существующей банковской системы, тамъ требуются для обращенія громадныя суммы монетою, и несравнено болѣе, нежели въ Англіи, тогда какъ торговое движеніе Франціи (но не биржевая игра) гораздо слабѣе, нежели въ Англіи.

Въ послѣдствіи, когда я буду разсматривать государственныя займы, какъ источникъ государственныхъ доходовъ, я надѣюсь разъяснить этотъ вопросъ нагляднѣе, а теперь обращусь къ акцизамъ.

Косвенные налоги или внутреннія пошлины, которыми облагаются во Франціи предметы потребленія ея національнаго или внутреннего произведенія, не называются тамъ акцизами, а просто косвенными налогами (*contributions indirectes*), хотя штемпельный, актовый и почтовый сборы, извѣстные во Франціи только подъ этими названіями, суть тоже налоги косвенные. Баронъ Нерво, въ сравнительной выпискѣ англійскаго и французскаго бюджетовъ, всѣ эти налоги, соединивъ въ общую категорію косвенныхъ налоговъ, раздѣлилъ на четыре отдѣла: 1) налогъ таможенный, 2) налогъ на питія, соль, сахаръ, порохъ и проч., 3) налогъ штемпельный и актовый и 4) налогъ почтовый. Этого раздѣленія и я буду держаться, и назову второй отдѣлъ акцизами.

Акцизами, т. е. налогами на предметы потребленія, облагаются во Франціи разныя питія, сахаръ, соль, игорныя карты, порохъ, публичныя кареты и проч. Весь акцизный сборъ во Франціи доставилъ въ 1859 году 306.841,599 фр. нковъ, тогда какъ въ Англіи акцизы доставили 509 милліоновъ.

Акцизомъ облагаются слѣдующія питія: 1) виноградныя вина, яблочное и грушевое вино, или напитокъ *cidre*, и медъ, 2) водки, спиртъ и ликеры, и 3) пиво.

Перваго рода питія облагаются тремя родами налоговъ: за оптовую продажу, за розничную и пошлиною за ввозъ въ коммуны или общины, имѣющія не менѣе 4.000 душъ населенія:

Продажа вина или напитка перваго рода въ количествѣ менѣе 25 литровъ (менѣе 2 ведръ) считается продажей раздробительною, и оплачивается по 6 сантимовъ за ведро (или $1\frac{1}{2}$ в.) за сидръ или медъ; а за вина отъ 60 до 120 сантимовъ за гектометръ, или отъ 2 до 4 копѣекъ за ведро.—Оптовый складчикъ обязанъ подать объявленіе кому и какое количество выпускаетъ онъ въ продажу и получить дозвольтельный билетъ на выпускъ проданнаго количества питей раздробительному покупщику или для домашняго употребленія, причеиъ и платитъ установленный налогъ. За нарушеніе этого правила виновный подвергается конфискаціи товара и штрафу отъ 100 до 600 франковъ.

Возная пошлина бываетъ различна, смотря по богатству и количеству населенія.

Налогъ на спиртъ, водки и ликеры гораздо выше; онъ положенъ по 75 франковъ за гектолитръ алкоголя въ оптовой продажѣ, что составляетъ 9,2 франка или 2 руб. 30 коп. за ведро.

За пиво взимается налогъ при самой его фабрикаціи по 2 фр. 40 сант. за гектолитръ за крѣпкое пиво и по 60 сантимовъ за слабое пиво (*petite bière*). Гектолитръ равенъ 8, 13 ведръ, слѣдственно взискивается по $7\frac{1}{2}$ коп. за 100 ведръ съ крѣпкаго пива и по 4 коп. за 100 ведръ слабого. Пошлина ничтожная.

Въ 1859 году за всѣ эти питія казна получила акциза до 174 милліоновъ франковъ.

Сахаръ свекловичный внутренняго производства находился долгое время въ странной борьбѣ съ привознымъ колоніальнымъ, такъ что правительство принуждено было наконецъ наложить на свекловичный сахаръ акцизъ выше, нежели была пошлина на привозномъ колоніальномъ сахарѣ.

Наконецъ декретомъ 23-го мая 1860 года акцизъ на свекловичный сахаръ внутренняго производства сравненъ съ пошлиною колоніальнаго сахара, которая установлена за песокъ по 25 франковъ со 100 килограммовъ, а за рафинадъ по 27 фр. 50 сантимовъ. Ввозъ иностраннаго рафинада запрещенъ, а на песокъ наложена пошлина выше пошлины съ колоніальнаго песка. Въ 1862 году 2-го іюля введена добавочная пошлина по 10 франковъ за 100 килограммовъ. Слѣдственно съ привознаго иностраннаго песка взискивается теперь пошлины свыше 35 франковъ за 100 килограммовъ, т. е. болѣе 2 рублей серебромъ за пудъ.

Въ 1859 году во Франціи потреблено было сахара свекловичнаго 121 милліонъ килограммовъ, а тростниковаго привознаго 153 милліона килограммовъ; всего 274 милліона, или 16.440,000 пудъ, за которые казна получила акциза 61 милліонъ, а за привозный 78 милліонъ, всего 139 милліонъ франковъ или около 35 милліонъ рублей серебромъ. Какой обильный источникъ государственныхъ доходовъ! Развить это потребленіе,

а вмѣстѣ съ тѣмъ развить и производство свекловичнаго сахара въ Россіи такъ, что бы привозъ иностраннаго не увеличивался, должно быть особенною заботою попечительнаго правительства.

Соляной налогъ (gabelles) въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ до революціи, хотя и доставлялъ казнѣ до 54 милліоновъ ливровъ, по способу его разложенія, былъ, какъ я уже замѣтилъ, самый безпорядочный, несправедливый, даже безразсудный. Онъ былъ уничтоженъ революціоннымъ собраніемъ, законами 23-го сентября 1789 года и 30-го мая 1790 года. Затѣмъ, до 1806 года торговли солью и добыча ея были совершенно свободны. А въ 1816 году добыча соли была снова обложена по три десима за килограммъ, т. е. 1 р. 25 к. за пудъ, а избавлены были отъ этаго налога только отправители соли за границу, равно какъ химическіе заводы, производящіе соду, что было справедливо и существенно необходимо. Въ 1830 году графъ Шаброль защищалъ этотъ налогъ и установилъ его въ 25 фр. 60 сантимовъ за метрическій квинталъ, т. е. за 6 пудъ, что составилъ по 1 рублю 18 коп. за 1 пудъ; по расчету, сдѣланному въ то время, онъ упалъ на потребителей въ количествѣ 2 франковъ или 50 копѣекъ на душу. Хотя земледѣліе и нѣкоторыя другія промышленности были изъяты отъ этого налога, но, за всѣмъ тѣмъ, жалобы были всеобщіи и правительство уступило въ 1848 году общими требованіямъ, назначивъ по 10 франковъ за 100 килограммовъ, т. е. по 2 руб. 50 коп. за 6 пудъ, или по 40²/₃ копѣйки за 1 пудъ; и вмѣстѣ съ тѣмъ, дозволило привозъ иностранной соли за такую же пошлину, а изъ Алжиріи и другихъ французскихъ владѣній беспошлинно. Въ 1852 году, промышленности, изъятыя отъ этого налога, были снова обложены имъ на томъ основаніи, что промышленности эти уже достаточно развились и окрѣпли. Несмотря на это, говоритъ Парье (de Parieu), казна много потеряла, а предсказаніе, что отъ такой сбавки пошлины потребленіе соли значительно увеличится, не оправдалось.

Въ 1859 году весь доходъ отъ акциза на соль простирался до 9 милліоновъ франковъ.

Весь доходъ отъ всѣхъ статей акцизовъ простирался во Франціи до 306.841,599 франковъ въ 1859 году, тогда какъ доходъ Англіи отъ акцизовъ доходилъ свыше 509 милліоновъ. Эта разница на 203 милліона отнюдь не даетъ права заключать, что трудящіеся потребители Англіи болѣе несутъ тяготы отъ этаго налога, нежели потребители Франціи, особенно если первые больше зарабатываютъ. Праздныя потребители, конечно, должны платить дороже за покупаемые предметы, обложенные этимъ налогомъ, но ихъ никто не вынуждаетъ покупать, такъ какъ всѣ эти предметы не составляютъ существенной для нихъ необходимости въ строгомъ смыслѣ этого слова.

Штемпелевый и актовый сборъ во Франціи (timbre et enre-

gistment) въ 1859 году простирался до 325.671,301 франка, тогда какъ въ Англии соотвѣтствующій этому налогу stamp до 201.750,000 франковъ: слѣдственно на 124 милліона менѣе. Это весьма естественно, потому что народонаселеніе Франціи на 8 милліоновъ болѣе и землевладѣніе ея раздроблено на 11 милліоновъ участковъ, которые могутъ еще дробиться по желанію, тогда какъ въ Англии землевладѣніе 669,000 лицъ почти недѣлимо, а потому и различныхъ сдѣлокъ, подлежащихъ этому налогу, тамъ несравненно менѣе чѣмъ во Франціи.

Всякій актъ, выходящій изъ судебного или административнаго мѣста, или даже выдаваемый частнымъ лицомъ, долженъ быть записанъ въ установленный публичный реестръ, при чемъ взывается такъ называемая регистратурная подать (enregistrement), которой въ 1859 году поступило на 272 милліона франковъ.

Въ реестры вносятся купли, продажи, дары и наслѣдства движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ, ихъ отчужденіе, раздѣлы, равно обязательства, условія, поручительства, духовныя завѣщанія и другіе акты, проистекающіе изъ различныхъ сдѣлокъ и правъ на владѣніе, безъ чего всѣ эти акты не имѣютъ законной силы.

Этому же налогу подлежатъ внутренніе и заграничные паспорты.

Штемпели (timbre) прикладываются въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и въ Англии, съ тою только разницею, что во Франціи титулы и должности не покупаются и не подлежатъ налогу.

Почтовый сборъ во Франціи простирался до 61.574,878 франковъ т. е. на 21 милліонъ менѣе нежели въ Англии; но я не буду разбирать этаго налога, потому что въ отношеніи финансовомъ этотъ анализъ не представляетъ для насъ никакихъ полезныхъ выводовъ.

Изъ этого краткаго обзора видно, что хотя французскіе законодатели смотрѣли на установленія налоговъ нѣсколько съ иной точки зрѣнія нежели законодатели англійскіе, но и здѣсь, во Франціи, со времени революціи 1789 года, много было сдѣлано полезныхъ усовершенствованій какъ въ самой системѣ налоговъ, такъ и въ способѣ ихъ собиранія; и здѣсь, во Франціи, такъ же какъ и въ Англии, сознательно пришли къ тому убѣжденію, что *косвеннымъ налогамъ должны преимущественно подлежать потребленія, а не рабочей труда и экономическая дѣятельность народа, которые слѣдуетъ всевозможными мѣрами оберегать и поощрять.* Главною опорою въ семь случаевъ была вездѣ таможенный тарифъ, который со времени революціи сохранялся во Франціи безъ всякихъ такъ называемыхъ либеральныхъ измѣненій, тарифъ, установленный самымъ либеральнымъ правительствомъ, которое весьма справедливо не признавало либеральными измѣненія, проповѣдуемая и требуемая фритредерами, измѣненія, которыя при малѣйшей ошибкѣ въ

размѣръ пошлыны, обращались всегда и вездѣ въ средства антилиберальныя, и самымъ вопіющимъ образомъ стѣсняли драгоценную и выгодную свободу національнаго труда. Правда, во Франціи, въ 1860 году, правительство приступило къ измѣненіямъ въ духѣ либеральномъ, но это была только ловкая стратагема, уничтожившая во французскомъ тарифѣ только одни уже ненужныя запрещенія, *) уменьшившая излишне высокія пошлыны, которыя не могли болѣе служить опорой національнаго труда.

А. Шиповъ.

---

*) Запрещеніе на привозъ иностраннаго сахара рѣшительно существуетъ во Франціи и до сихъ поръ.

О ПРОМЫШЛЕННОМЪ СОСТОЯНІИ

сѣвера европейской Россіи и мѣрахъ къ его развитію.

Сѣверъ европейской Россіи, заключающій въ предѣлахъ своихъ Архангельскую губернію, при кажущемся однообразіи, собственномъ дальнему сѣверу, представляетъ въ то же время страну, въ предѣлахъ которой много характеристическихкихъ особенностей и разнообразныхъ богатствъ.

Архангельская губернія прежде всего область поморская, береговая линія которой составляетъ нѣсколько тысячъ верстъ. Морскія воды, омывающія ее въ мѣстахъ, пограничныхъ съ Сибирью, почти весь годъ закрыты для мореплаванія, напротивъ въ мѣстахъ береговъ Норвегіи открыты для мореплаванія весь годъ.

Бѣлое море, судя по вкусу воды, такъ же солено, какъ и Ледовитое, гораздо болѣе, нежели Нѣмецкое, почему въ немъ гораздо болѣе животныхъ, чѣмъ въ Нѣмецкомъ: таково мнѣніе академика Бера. Что касается растительности, то она заключается здѣсь въ предѣлахъ отъ мховъ, лишавевъ и березы ерлика, сосны, годной для кораблестроенія, до лиственницы, пихты и кедра. Горными породами губернія также богата: въ предѣлахъ ея заключаются различныя металлическія руды, каменный уголь, горный деготь, неговоря уже о другихъ железныхъ въ хозяйствѣ минералахъ. Что касается до царства животнаго, то оно здѣсь изобильно, какъ въ морѣ, такъ и на сушѣ.

Жители губерніи принадлежать къ различнымъ племенамъ, находящимся на различныхъ степеняхъ развитія, отъ жителей тундры, чюевыхъ самоѣдовъ, до русскихихъ поморовъ, этихъ судостроителей и мореплавателей, ведущихъ иностранную торговлю. Неудивительно, что Архангельская губернія издавна обращала на себя вниманіе мыслящихъ людей: ее посѣщала многіе знаменитые ученые. Объ ней написано много сочиненій, хотя, въ

сожалѣнію часто приходится слышать и даже читать, что о нашемъ Сѣверѣ отзываются, какъ о странѣ малоизвѣстной. Правда о немъ еще можетъ быть много и много сказано, но тѣмъ не менѣе несправедливо забывать и то, что было уже о немъ сказано.

Въ 1866 году третьимъ отдѣленіемъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества назначена была бесѣда, на которой г. Сидоровъ читалъ свою записку «Сѣверъ Россіи». Записка эта появилась въ «Русскомъ Вѣстникѣ.» Но прежде появленія своего, она вызвала уже отвѣтъ г. Срединна на нѣкоторые возрѣнія и заявленія г. Сидорова, изложенныя въ краткой статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей». Этотъ отвѣтъ уже указалъ, что г. Сидоровъ стоитъ на нетвердой почвѣ. Хотя г. Сидоровъ, въ своемъ возраженіи г. Средину, и указываетъ на рядъ сочиненій, касающихся нашего Сѣвера, какъ то: Рейнеке, Литке, Бера, Богуслава, Вѣлморскаго, Латкина и другихъ, но г. Сидоровъ въ своей статьѣ занимается экономической стороною жизни этого края, слѣдовательно ему необходимо было взвѣснить тѣ авторитеты, которыми онъ защищается. Гг. Рейнеке и Литке, служа авторитетами въ вопросахъ гидрографіи Сѣвера, совершенно не могутъ служить авторитетами въ экономическихъ вопросахъ. Странно также, что г. Сидоровъ, приводя мѣста изъ изслѣдованія о состояніи рыболовства въ Вѣломъ морѣ и Сѣверномъ океанѣ г. Данилевскаго, который былъ представителемъ экспедиціи, занимавшейся этимъ предметомъ съ 1859 по 1861 годъ, предписываетъ это сочиненіе Беру. Г. Беръ дѣйствительно занимался изслѣдованіемъ рыболовства только не въ Сѣверномъ океанѣ и Вѣломъ морѣ. Притомъ г. Сидоровъ не вникъ въ главную идею г. Данилевскаго. Онъ не замѣтилъ, что выводы г. Данилевскаго прямо противорѣчатъ его взглядамъ. Г. Сидоровъ видитъ, и совершенно справедливо, застой въ промыслахъ Сѣвера и ожидаетъ ихъ богатаго развитія.

Прочитавъ трудъ г. Данилевскаго, подобнаго заключенія нельзя вывести. Г. Данилевскій въ изслѣдованіяхъ своихъ *) старается выставить Вѣлое море бѣднымъ рыбю, и вообще вопросъ о рыбномъ богатствѣ Сѣверныхъ морей, экспедицію, начальникомъ которой былъ г. Данилевскій, рѣшенъ крайне неудовлетворительно. Если сѣверныя воды не представляютъ такого разнообразія видовъ, то зато количество индивидуумовъ каждаго вида несравненно больше, чѣмъ въ южныхъ теплыхъ моряхъ, такъ что масса рыбнаго богатства въ холодныхъ моряхъ та же, какъ и въ теплыхъ моряхъ: это извѣстный всѣмъ выводъ науки. Но г. Данилевскій, составивъ напередъ мнѣніе о бѣдности Вѣлаго моря, старается затѣмъ доказать это предположеніе путемъ другихъ предположеній, о маломъ притока

*) Изслѣдованіе о рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ на Вѣломъ и Ледовитомъ моряхъ составляетъ 6 и 7 томы изданнаго изслѣдованія о состояніи рыболовства.

въ Бѣлое море питательныхъ веществъ. Словомъ, здѣсь у него предположеніе на предположеніи; между тѣмъ вопросъ этотъ такъ важенъ, что его слѣдовало рѣшать осмотрительно, основываясь на строго научныхъ данныхъ, а не путями предположеній, ни на чемъ неоснованныхъ.

Далѣе, говоря о рыбномъ богатствѣ озеръ Архангельской губерніи, г. Данилевскій говоритъ: «я убѣжденъ, что одно Черхальское морце, лежащее въ Киргизской степи, верстахъ въ восьмидесяти отъ Урала, и имѣющее не болѣе шестидесяти верстъ въ окружности, доставляетъ столько же рыбы, сколько всѣ озера Архангельской губерніи въ совокупности.» Здѣсь, какъ видно изъ подлинныхъ словъ г. Данилевскаго, онъ, вмѣсто доказательства, представляетъ свое внутреннее убѣжденіе, которое не можетъ быть въ настоящемъ случаѣ доказательствомъ. Г. Данилевскій конечно не видѣлъ озеръ Большеземельской тундры, а тѣмъ болѣе озеръ Кемскаго и бывшаго Кольскаго уѣздовъ, которыхъ тамъ весьма много, и между которыми есть весьма значительныя. Это и дало ему поводъ такъ легко отнестись къ рыбнымъ запасамъ нашихъ озеръ. Но вообще трудъ его не заслуживаетъ полнаго вниманія и благодарности со стороны описательной, какъ въ отношеніи полноты, такъ и въ отношеніи отчетливости изложенія. Описаніе орудій и способа лова, какъ у насъ, такъ и въ Норвегіи, представляетъ весьма замѣчательный трудъ; рисунки къ описаніямъ сдѣланы весьма отчетливо, но нѣкоторые экономическіе выводы, а равно статистическія данныя, нельзя назвать удовлетворительными. Но возвратимся къ г. Сидорову.

Статья г. Сидорова мало заключаетъ въ себѣ новаго; она есть компиляція изъ разныхъ сочиненій, а главнѣйше изъ сочиненій Богуслава Бѣломорскаго, о которомъ будемъ говорить въ послѣдствіи. Что касается до личныхъ наблюденій г. Сидорова, то запасъ ихъ у него не великъ, да притомъ о предметахъ, о которыхъ онъ не имѣлъ данныхъ въ какомъ либо отношеніи, онъ говоритъ крайне неопредѣленно, такъ что лучше бы умолчать, такъ, напримѣръ, о корелахъ и лопаряхъ. Правда, онъ пополнилъ свою статью обличеніями и дипломатическими соображеніями. Не принадлежа къ тѣмъ сферамъ администраціи, на которыя г. Сидоровъ взводитъ обвиненія, и, будучи, знакомъ съ положеніемъ дѣлъ, мы должны прямо сказать, что обличительныя анекдоты г. Сидорова компрометируютъ дѣлъ и даже характеръ его записки. Безъ этихъ анекдотовъ она несравненно болѣе выиграла бы.

Медицинское свидѣтельствованіе судовъ и выдача свидѣтельствъ на гербовой бумагѣ, о которомъ распространяется г. Сидоровъ, имѣютъ такое ничтожное вліяніе на развитіе или упадокъ промысловъ, что объ этомъ даже и говорить не стоитъ. Недостатокъ этой мѣры заключается въ неравномѣрности штемцельнаго сбора, но во всякомъ случаѣ это не касается таможенъ,

и анекдотъ о медицинскомъ свидѣтельствovanіи кирричей ничего не доказываетъ. На неправдѣеся г. Сидорову запрещеніе держать огонь на судахъ, стоящихъ на рейдѣ рѣки Двины, обращено уже вниманіе администраціи; но прежде чѣмъ ходатайствовать объ уничтоженіи этого запрещенія, она признала необходимымъ, въ видахъ безопасности, учрежденіе плавучей пожарной команды, для которой уже найдены теперь средства, такъ какъ судовозаева поморскихъ и большихъ рѣчныхъ судовъ обязались извѣстнымъ вносомъ на ея содержаніе.

Точно такъ же мало значенія имѣютъ и другіе анекдоты г. Сидорова, въ родѣ того, что поморовъ заставляютъ снѣтъ хлѣбъ, что какой то чиновникъ палаты государственныхъ имуществъ рекомендовалъ вѣтъ снѣгъ вмѣсто хлѣба; подобными анекдотами не разрабатываются вопросы о земледѣліи и продовольствіи Архангельской губерніи; эти вопросы требуютъ серьезнаго изученія. Что же касается до дипломатическихъ соображеній г. Сидорова, то они такъ же неосновательны. Г. Сидоровъ хочетъ найти связь притязаній норвежцевъ на нашу пограничную съ Норвегіею область, съ пребываніемъ въ Архангельскѣ королевскаго шведскаго корвета «Найда» и путешествіемъ барона Тадейрана, чрезвычайнаго и полномочнаго посла императора французовъ, въ Соловецкій монастырь, чрезъ Повѣнецъ и Сумской Посадъ. Можетъ быть это и очень тонкое соображеніе, но тѣмъ не менѣе едва ли справедливое.

Чѣмъ бы, напримѣръ, объяснилъ г. Сидоровъ поѣздку барона Тадейрана и въ Нижній Новгородъ. Не имѣетъ ли и эта поѣздка какой нибудь связи съ чѣми либо притязаніями? Но, оставляя въ сторонѣ это увлеченіе г. Сидорова, мы всетаки не можемъ не сказать ему спасибо за то, что онъ заговорилъ о нашемъ Сѣверѣ. Притомъ г. Сидоровъ изобразилъ въ своей запискѣ рядомъ очерковъ картину всѣхъ отраслей промышленности нашего Сѣвера; такъ сказать, онъ привелъ все прежде написанное къ одному знаменателю. Поэтому статья его получаетъ интересъ, какъ довольно полное изображеніе экономическаго состоянія края, изложенное въ общихъ чертахъ. Пріѣтомъ г. Сидоровъ прибѣгаетъ къ сравненію нашихъ промышленныя дѣлъ съ Финляндіею, которая по справедливости должно служить для насъ поучительнымъ примѣромъ. Мы увѣрены, что статья г. Сидорова заинтересовала многихъ, и это его заслуга.

Мы не можемъ выразить надежды, что дѣла нашего Сѣвера выйдутъ изъ застоя, благодаря тому, что ученое учрежденіе, посвятившее себя изученію экономическаго состоянія нашего отечества и изысканію средствъ къ его развитію сдѣлало статью г. Сидорова предметомъ своей бесѣды и конечно на этомъ не остановится.

Ознакомившись въ теченіе трехлѣтнихъ занятій по статистическому комитету съ экономическимъ состояніемъ Архангельской губерніи, посѣтивъ многія ея мѣстности, и наконецъ

бесѣдуя неоднократно объ этомъ предметѣ, какъ съ самыми промышленниками, такъ равно и съ людьми, знакомыми съ нуждами края, мы позволяемъ себѣ сдѣлать краткіе очерки нѣкоторыхъ сторонъ экономической жизни этого края, а равно нѣкоторыя соображенія и нѣкоторыя предположенія, осуществленіе которыхъ могло бы повести къ развитію промышленности и вмѣстѣ съ нею къ благосостоянію края.

Стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на характеръ Архангельской губерніи, что бы вывести заключеніе, какія отрасли промышленности должны здѣсь развиваться. Такъ, прежде всего, она есть поморская область, а потому назначеніе ея мореплаваніе и слѣдовательно судостроеніе, морскіе промыслы, какъ то: рыболовство, бой морскихъ звѣрей, солосвареніе, и наконецъ вышняя торговля. Далѣе, она губернія лѣсная,—изъ этого вытекаетъ опять рядъ промысловъ, а именно: лѣсотехническія производства, промыслы птицъ и пушныхъ звѣрей. Само собою разумѣется, что лѣса должны служить прежде всего кораблестроительнымъ матеріаломъ, такъ какъ мы уже сказали, что наша губернія прежде всего есть поморская область, и слѣдовательно первое назначеніе ея есть мореплаваніе.

Предлагая здѣсь рядъ очерковъ, касающихся экономической жизни края, мы начали прежде всего съ вопроса о хлѣбопашествѣ и о продовольствіи края, составляющаго болѣе его мѣсто.

Мы не имѣемъ претензіи на полноту очерковъ. Единственная цѣль наша сдѣлать предметомъ обсужденія вопросы объ экономическомъ состояніи края, а равно вызвать указанія знающихъ людей на мѣры, которыми можно было бы достигнуть болѣе высокаго развитія промышленности Сѣвера, представляющаго столько богатствъ, при неважнѣйшей и даже суровой обстановкѣ.

I.

Хлѣбопашество и продовольствіе жителей Архангельской губерніи.

Хлѣбопашество въ Архангельской губерніи распространено повсемѣстно, за исключеніемъ сѣверной приморской полосы, а именно оно не существуетъ во всемъ бывшемъ Коноскомъ уѣздѣ, кромѣ одного небольшого корельскаго общества, пограничнаго съ Финляндіей, въ сѣверныхъ частяхъ Архангельскаго и Мезенскаго уѣздовъ *).

Понятно, что оно развито не въ одинаковой степени, смотря по мѣстностямъ губерніи. Оно болѣе всего развито въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Этотъ уѣздъ находится въ болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, и притомъ большую часть населенія

*) Хлѣбопашества нѣтъ также въ городахъ Архангельскѣ, Кемѣ и Коги.

этого уѣзда составляютъ бывшіе удѣльные крестьяне, къ развитію земледѣлія у которыхъ удѣльное начальство прилагало стараніе. Далѣе ближе подходятъ въ отношеніи земледѣлія уѣзды Холмогорскій, южная часть Онежскаго; далѣе слѣдуетъ Пинежскій, Архангельскій и первый станъ Мезенскаго уѣзда и наконецъ корельская часть Кемскаго уѣзда и Запечорскій край. Въ сѣверныхъ приморскихъ частяхъ хлѣбопашества нѣтъ, какъ по суровости климата, такъ и потому, что почва тамъ большею частію камениста и тундриста. Въ Архангельской губерніи земледѣлецъ не можетъ твердо рассчитывать на результаты своего труда: первымъ врагомъ его является поздняя весна. Слѣдствіемъ ея бываютъ поздніе посѣвы, и, слѣдовательно, позднія созрѣванія хлѣба; причемъ одинъ ранній осенній морозъ разрушаетъ всѣ ея надежды и повергаетъ въ печальное положеніе. Второй врагъ земледѣльца, это недостатокъ сѣмянъ. Послѣ неурожайнаго года, крестьянину нечего посѣять, а сѣмена достать трудно. Тутъ случается, что нѣкоторые вовсе не посѣютъ, другіе хотя и обсѣмяютъ поля, но поздно, пока добудутъ сѣмянъ, и ихъ затѣмъ ожидаетъ послѣдствіе, о которомъ мы только что говорили. Для Архангельской губерніи какъ нельзя болѣе примѣнима существующая здѣсь поговорка: «днемъ раньше посѣнешъ, а недѣлю раньше пожнешъ». Третьимъ врагомъ является разливъ водъ, причемъ съ однихъ низменныхъ полей сноситъ удобреніе, а другіе заноситъ пескомъ. Только земли, расположенныя по высокимъ береговымъ склонамъ, имѣющимъ покатость къ югу и югозападу, защищенныя лѣсами отъ сѣверныхъ вѣтровъ и отдаленныя отъ болотъ и лѣсныхъ ручьевъ, нѣсколько обезпечены отъ губельныхъ раннихъ морозовъ и весеннихъ разливовъ. Лѣсныя болота имѣютъ самыя губельныя дѣйствія. Промерзая глубоко и медленно оттаивая отъ лѣсныхъ прокладъ, онѣ служатъ какъ бы резервуаромъ холода. Въ Архангельской губерніи сѣютъ большею частію ячмень, который, скоро созрѣвая, болѣе другихъ хлѣбовъ соответствуетъ краткому сѣверному лѣту. Вообще посѣвъ озимаго относится къ посѣву яровыхъ хлѣбовъ, какъ 1 къ 4. Рожь преимущественно сѣется въ Шенкурскомъ уѣздѣ, а далѣе, чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ ее сѣется менѣе. Овесъ сѣется также большею частію въ Шенкурскомъ уѣздѣ, затѣмъ въ Холмогорскомъ и южной части Онежскаго уѣзда; въ остальныхъ же мѣстностяхъ его сѣется весьма незначительное количество. Ленъ и конопля сѣются еще въ болѣе незначительномъ количествѣ. При такомъ положеніи хлѣбопашца, какъ выше описано, рождается естественно вопросъ: стоитъ ли заниматься хлѣбопашествомъ въ Архангельской губерніи, если природа такъ враждебно относится къ нему?

На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ статистическими данными, и приведемъ сначала таблицу о посѣвѣ и урожаѣ озимаго и яроваго хлѣба за 15 лѣтъ.

ГОДЫ.	Посѣвъ.		Урожай.		Которое зерно.	
	Озимого.	Ярового.	Озимого.	Ярового.	Озимого.	Ярового.
	Ч Е Т В Е Р Т И.					
1851	15,950	60,681	66,974	217,963	4,70	3,59
1852	15,211	53,407	60,558	171,276	3,98	3,20
1853	15,649	63,394	67,939	240,180	4,34	3,94
1854	15,316	65,873	63,387	260,100	4,78	3,94
1855	15,912	65,063	57,411	189,162	3,63	2,90
1856	15,623	63,886	53,613	134,704	3,43	2,10
1857	15,700	62,434	46,158	98,156	2,94	1,56
1858	15,513	56,455	70,443	191,913	4,54	3,39
1859	15,857	59,530	77,080	228,745	4,86	3,84
1860	16,336	67,423	86,191	311,330	5,26	4,61
1861	16,851	67,153	80,344	279,823	4,77	4,16
1862	16,170	60,112	31,209	91,599	1,93	1,52
1863	15,957	64,236	69,651	255,382	4,36	3,97
1864	15,698	62,161	67,604	262,103	4,30	4,21
1865	15,151	62,390	33,377	139,884	2,20	2,24
Сред- нимъ чис- ломъ въ годъ.	236,901	934,175	931,945	30.72,325	3,93	3,18
	15,793	62,278	62,129	204,821		
	78,071		266,950			

Такимъ образомъ, даже при неурожаѣ, среднимъ числомъ хлѣбопашецъ получалъ самъ $3\frac{1}{2}$.

Желая привести въ извѣстность, во что обходится крестьянину Архангельской губерніи хлѣбъ своего производства, мы собрали свѣдѣнія по разнымъ мѣстностямъ губерніи, изъ которыхъ оказывается: а) на десятину земли употребляется удобрения около 200 возовъ; полагая за перевозку его на поля, которыя всѣ находятся около деревень, по 3 коп. съ воза, удобрение десятины обходится среднимъ числомъ 6 руб. сер.; б) для того, что бы вспахать десятину поля, употребляется однимъ работникомъ съ лошадию отъ 3 до 6 дней, что обойдется 4 руб.; в) уборка урожая съ десятины, на которую употребляется однимъ работникомъ отъ 8 до 12 дней, обойдется отъ 3 руб. 20 коп. до 4 руб. 80 коп., или среднимъ числомъ 4 руб.; г) обмолотъ хлѣба съ десятины, на что употребляется отъ 6 до 9 дней, обходится 1 руб. 80 коп. Такимъ образомъ обработка хлѣбной десятины обходится 15 руб. 80 коп. На десятину высѣвается среднимъ числомъ ржи 1 четверть, а ячменя 1 четверть и 6 четвериковъ. Полагая средній урожай тотъ, который мы вывели за 15 лѣтъ, получимъ съ десятины ржи почти 4 четверти, а ячменя 5 четвертей и 5 четвериковъ; исключивъ сѣмена, получимъ ржи 32 пуда и ячменя около 40 пудъ. Слѣдовательно одинъ пудъ ячменя обойдется въ 40 коп., а ржи около 42 коп. (такъ какъ на рожь удобрения употребляется почти половина того, что для ячменя или вовсе не употребляется); между тѣмъ какъ самыя низшія цѣны, какія только были въ послѣднія 5 лѣтъ на рожь, это въ Шенкурскомъ уѣздѣ 59 коп. за пудъ, въ январѣ 1861 г., въ Пинежскомъ 60 коп., въ июлѣ того же года, въ Онежскомъ 58 коп., въ июлѣ того же года.

Изъ этого очевидно, что хлѣбопашество въ Архангельской губерніи, даже при неурожаяхъ, всетаки даетъ земледѣльцу хлѣбъ по несравненно дешевымъ цѣнамъ, чѣмъ онъ могъ бы получить въ торговлѣ по самымъ низкимъ цѣнамъ. Такой результатъ выводится, при условіи платы за каждый трудъ при обработкѣ хлѣба. Но если взять во вниманіе, что крестьянинъ употребляетъ свой свободный отъ другихъ занятій трудъ, причемъ въ хлѣбопашествѣ употребляется значительная доля женскаго труда, большая даже, чѣмъ доля труда мужчинъ, то окажется, что земледѣліе въ Архангельской губерніи имѣетъ важное значеніе.

У крестьянъ Архангельской губерніи находится всей земли: общественной 252,864 д. 2,196 саж., разчищенной, на правахъ 40 лѣтняго пользованія, 13,191 д. 1,934 с., всего 266,056 десят. 1,730 саж.; полагая, что изъ этого числа $\frac{2}{3}$, занято сѣнокосами и частью неудобною землею, остается для хлѣбопашества около 80,000 десятинъ земли.

Среднимъ числомъ ежегодно засѣвается подъ озимый 51,793 д., подъ яровой 35,516; всего 51,309 десятинъ.

Такимъ образомъ во всей губерніи засѣвается среднимъ числомъ по 1 десятинѣ на семействѣ, состоящее среднимъ числомъ изъ 6-ти человекъ. За исключеніемъ сѣмянъ на продовольствіе, остается среднимъ числомъ въ годъ: у мѣщанъ 1 п. 32 ф., у государственныхъ крестьянъ 4 п. 7½ ф., у бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ 8 п. 9½ ф.

По уѣздамъ, за исключеніемъ сѣмянъ, на каждую наличную душу остается среднимъ числомъ на продовольствіе:

Въ Архангельскомъ	6 пудовъ 39 фунт.
» Холмогорскомъ	8 » 37 »
» Шенкурскомъ	7 » 20½ »
» Пинежскомъ	7 » 21 »
» Мезенскомъ	2 » 27 »
» Онежскомъ	3 » 34 »
» Кемскомъ	1 » 31 »

Вообще же по губерніи остается отъ урожая на продовольствіе, за исключеніемъ сѣмянъ, среднимъ числомъ 5 пуд. 24 ф., т. е. едва только половина того, что необходимо на продовольствіе жителей губерніи. Въ хорошей же урожайный годъ, какимъ былъ 1860 г., на продовольствіе оставалось на каждую наличную душу около 9 пуд., а за исключеніемъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ хлѣбопашества, на душу приходилось въ мѣстностяхъ, гдѣ есть хлѣбопашество, среднимъ числомъ 10 пудъ.

Къ архангельскому порту среднимъ числомъ прилавляется муки для частной продажи нѣсколько болѣе 1.000,000 пудовъ; изъ этого числа въ Норвегію увозится нѣсколько болѣе 400,000 пудовъ; для удовлетворенія же мѣстной потребности остается нѣсколько болѣе 600,000 пудовъ. Изъ этого числа 380,000 пудовъ увозится поморами Архангельскаго, Онежскаго, Кемскаго и Мезенскаго уѣздовъ, а именно: поморами Архангельскаго уѣзда 38,600 пудовъ, Онежскаго уѣзда, 35,647 пудовъ, Соловецкимъ монастыремъ, городами Колою, Кемью, Сумскимъ Посадамъ и поморскими деревнями Кемскаго уѣзда 289,517 п., и г. Мезень и Мезенскимъ уѣздомъ 16,659 п. Остающіеся 220,000 п. идутъ на продовольствіе Архангельска, Холмогоръ, Пинеги и частию уѣздовъ этихъ городовъ. Независимо отъ этого, чердынцами привозится въ Запечорскій край Мезенскаго уѣзда муки около 120,000 п. Кромѣ муки ржаной, въ Поморье увозится ячменя и ржи около 80,000 п., такъ что, при среднемъ урожаѣ, продовольствіе края почти обезпечено вмѣстѣ съ вышеозначеннымъ количествомъ привознаго хлѣба. При неурожаѣ же, край находится въ бѣдственномъ положеніи.

Хлѣбъ въ Архангельскѣ доставляется главнѣйшимъ образомъ изъ Вятской губерніи и частию изъ Вологодской, въ поморствѣ, на баркахъ. При этомъ его доставляется столько, сколько

во требуется его при нормальныхъ обстоятельствахъ. Между тѣмъ степень урожая обозначается только около половины августа, когда уже хлѣбъ не можетъ быть доставленъ воднымъ путемъ.

Скажутъ: почему же торговцы не запасаютъ хлѣба столько, сколько необходимо даже при неурожаѣ? На это отвѣчать весьма легко. Какой торговецъ согласится затрачивать капиталъ на цѣлый годъ впередъ и даже на два, въ ожиданіи неурожая, нести расходы по складу и сбереженію? Наконецъ, каковымъ образомъ онъ распространить хлѣбъ зимою въ тѣ мѣстности, гдѣ почувствуется надобность? если бы онъ захотѣлъ имѣть склады въ разныхъ пунктахъ губерніи, и содержать тамъ своихъ повѣренныхъ или прикащиковъ, то издержки его были бы громадны. Такое положеніе дѣлъ издавна обратило на себя вниманіе правительства. Такъ, въ высочайше кофирмованномъ, 5-го декабря 1803 года, докладѣ министра внутреннихъ дѣлъ (Полн. Собр. Зак. 1803 г. ст. 21,096), мы находимъ интересныя данныя по этому вопросу, а именно: Въ 1748, 1749 и 1764 годахъ, по предписанію правительствующаго сената, ассигновано было изъ казны, безъ возврата, на покупку хлѣба для неимущихъ крестьянъ 15,000 руб. Въ послѣдствіи, когда признано было нужнымъ дозволить выпускъ за море хлѣба изъ архангельскаго порта, до 200,000 четвертей ежегодно, то отпускающіе хлѣбъ за границу обязывались оставлять въ магазинѣ при портѣ изъ отпускаемаго хлѣба пятую часть, и притомъ съ тѣмъ условіемъ, что бы было всегда въ запасѣ для продовольствія жителей хлѣба не менѣе 50,000 четвертей. Въ 1785 году, на основаніи высочайшаго указа, которымъ ассигновано, къ преждеступленнымъ изъ казны 15,000 рублей, еще 67,498 рублей 83 коп., заведены запасныя магазины въ Архангельскѣ, Колѣ, Мезени, Пинежѣ, Кеми и Сумѣ. Цѣль этихъ магазиновъ состояла въ томъ, что бы, въ случаѣ дороговизны, отпускать изъ нихъ хлѣбъ недостаточнымъ людямъ по умѣреннымъ цѣнамъ. На отпущенныя отъ казны безъ возврата, въ 1785 г., 82,498 р. 83 к., заведены были магазины, сперва въ Архангельскѣ, Колѣ, Мезени, Онежѣ, Кеми и Сумскомъ Посадѣ, потомъ въ приморскихъ селеніяхъ: Калчалакшѣ, Варзугѣ, Керети и Умбѣ, въ послѣдствіи, именно въ 1835 году, въ самоѣдскихъ тундрахъ Мезенскаго уѣзда, подъ названіемъ Несскаго, Колыинскаго и Пустозерскаго. Но этого оказалось недостаточно. Необходимо было принять радикальныя мѣры, и онѣ были приняты на слѣдующихъ основаніяхъ: въ 1799 году, число жителей губерніи доходило до 199,950 душъ обоого пола; на годичное продовольствіе ихъ, полагая на каждую душу по 2 четверти, потребно хлѣба 399,900 четвертей; внутренній же урожай былъ тогда до 226,959 четвертей, т. е. не доставало для годичнаго продовольствія 172,941 четверти, и этотъ недостатокъ пополнялся покупкою хлѣба, привозимаго въ Архангельскъ изъ другихъ губерній; при неур-

нѣренности же цѣнѣ на этотъ хлѣбъ, по распоряженію начальства, въ послѣдніе два года пятая часть оставаемаго при портѣ, привозимаго для заграничнаго отпуска хлѣба, обращалась въ продажу на внутреннее продовольствіе губерніи по умѣреннымъ установленнымъ начальствомъ, по согласію съ торгующими, цѣнамъ. Этотъ послѣдній способъ, пополнять недостатокъ произведеній земли, оказался для торгующихъ отяготительнымъ, а для бѣдныхъ обывателей бесполезнымъ. Первыхъ вовлекалъ онъ въ трудные расчеты, стѣснялъ ихъ заграничныя предпріятія, требовалъ извѣстной затраты, и принуждалъ каждаго имѣть и хранить особенный запасъ. Вторые часто не могли воспользоваться этими запасами, потому что хлѣбъ былъ зерновой, и не всегда представлялась возможность обратиться его въ муку по недостатку мельницъ. Начальство, среди обоюдныхъ неудовольствій, при всѣхъ своихъ стараніяхъ, часто не находило способовъ согласить ихъ требованій, отчего съ той и другой стороны были жалобы. Для отвращенія этихъ неудобствъ, учрежденъ въ Архангельскѣ хлѣбный магазинъ, съ запасами 400,000 пуд. муки. На заготовку муки ассигновано было изъ казны, въ 1803 г. и 1814 г., 400,000 руб., съ тѣмъ, что бы негоціанты Архангельска, отпускающіе хлѣбъ за границу, уплачивали казнѣ ежегодно по 20,000 руб., съ процентами по банковому положенію. Для сего и для содержанія магазина, съ 1803 г. взимаемъ былъ сборъ, по 25 коп. съ четверти отпускаемаго за границу хлѣба, а съ 1814 г. по 50 коп. съ четверти, и продолжался въ этомъ послѣднемъ размѣрѣ до уплаты долга 400,000 руб., до 1820 г., въ который опредѣлено взимать въ пользу магазина, съ отпускаемаго торговцами за море овса и ячмени, по 10 коп. съ четверти. Всѣ эти сборы, по высочайше утвержденному положенію комитета гг. министровъ, 11 августа 1836 г. и 25 апрѣля 1839 года, приостановлены, впредь до могущей встрѣтиться надобности для подкрѣпленія означеннаго магазина, а продажу хлѣба, положеніемъ 11 августа 1836 г., велѣно производить съ узаконенною прибылью (прибавкою восьмой части стоимости хлѣба). Управление общественнымъ магазиномъ, по высочайше утвержденному, 5 декабря 1803 г., докладу министра внутреннихъ дѣлъ, ввѣрено было городской думѣ и двумъ директорамъ, избираемымъ на три года изъ торгующаго общества русскихъ подданныхъ, людямъ честнаго поведенія и свѣдущимъ въ торговыхъ оборотахъ. Думѣ поставлено въ обязанность строго смотрѣть, что бы изъ магазина мука ни подъ какимъ видомъ не была продаваема для отпуска за море, а единственно жителямъ губерніи, на внутреннее продовольствіе. Казенный въ Архангельскѣ магазинъ *) тогда же уничтоженъ, и капиталы его обращены на заведеніе

*) Заведенный, какъ выше сказано, въ 1785 году.

и усиленіе казенныхъ магазиновъ въ другихъ городахъ и мѣстностяхъ губерніи; прочіе же магазины, находившіеся въ городахъ Кемь, Колѣ и въ другихъ мѣстахъ, оставлены, съ тѣмъ, что губернскае начальство можетъ, для пополненія этихъ магазиновъ, брать хлѣбъ изъ архангельскаго общественнаго магазина, если не можетъ достать выгоды за наличныя деньги. Въ 1848 г. казенные магазины, по высочайше утвержденному, 26 апрѣля того же года, мѣнью государственнаго совѣта, изъяти отъ зависимости комитета о продовольствіи жителей и подчинены дирекціи архангельскаго общественнаго хлѣбнаго запаснаго магазина, на одинаковомъ основаніи съ симъ послѣдними, а принадлежащее имъ имущество и денежные, какъ наличныя, такъ и въ долгу состоящія суммы, присоединены къ имуществу и суммамъ общественнаго магазина, слиты въ одинъ общій капиталъ, и устроена отчетность по казеннымъ магазинамъ на правилахъ, для общественнаго магазина постановленныхъ. Въ 1835 г. запасы въ дирекціонномъ магазинѣ уменьшены до 300,000 пуд. Эта пропорція запасовъ хлѣба для общественнаго магазина остается обязательною и въ настоящее время (т. XII. Св. Зак., изд. 1857 г., уст. о обез. народн. прод., ст. 5) и магазинъ этотъ, съ своими отдѣленіями въ городахъ: Пинежѣ, Мезени, Онегѣ, Кемь, Колѣ и Сумскомъ Посадѣ, обезпечиваетъ продовольствіе жителей, какъ этихъ городовъ и посада, такъ и городовъ Архангельска, Холмогоръ и Шенкурска, въ случаѣ нужды двухъ послѣднихъ, а равно Ненокскаго, Унскаго и Лудскаго посадовъ, исключая государственныхъ и бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ. Впрочемъ дирекція, имѣя въ виду, что запасы ея предназначены были первоначально для обезпеченія вообще жителей губерніи бѣднаго класса, въ зиму 18⁰⁰/₀₀ года, по случаю неурожая хлѣба въ губерніи, почти повсемѣстно производила продажу хлѣба свободно всѣмъ жителямъ, какъ городскимъ и посадскимъ, обезпеченіе которыхъ лежитъ на ея обязанности, такъ и крестьянамъ, за наличныя деньги.

Таково историческое происхожденіе архангельскаго дирекціоннаго магазина съ его отдѣленіями. Первоначальное назначеніе его было продажа хлѣба бѣднѣйшимъ жителямъ губерніи вообще, между тѣмъ какъ въ настоящее время дирекціонный магазинъ обезпечиваетъ продовольствіе однихъ только городовъ. Какимъ образомъ могъ дирекціонный магазинъ сдѣлаться собственностью городовъ? Въ образованіи его капиталовъ города не участвовали. Казна отпустила 400,000 руб. съ тѣмъ, что бы негоціанты, ведущіе заграничную торговлю хлѣбомъ, выплатили этотъ капиталъ, и они его выплатили. Они охотно согласились выплатить его, потому что получили право вывозить хлѣбъ за границу въ неограниченномъ количествѣ, не оставляя на продовольствіе губерніи пятой части изъ отпускаемаго за границу хлѣба.

Слѣдовательно капиталъ дирекціоннаго магазина образо-

ванъ изъ ежегодныхъ взносовъ негодяитовъ, за освобожденіе ихъ отъ оставленія пятой части отпускаемаго за границу хлѣба на продовольствіе края. Какимъ же образомъ запасы дирекціоннаго магазина могутъ считаться исключительною собственностію городевъ? До 1803 г., оставлявшаяся 5-я часть отправляемаго за границу хлѣба предназначалась для внутренняго потребленія цѣлой губерніи, слѣдовательно дирекціонный магазинъ, замѣнившій собою обязательные склады частныхъ лицъ, негодяитовъ, долженъ обеспечивать въ продовольствіи жителей всей губерніи. Но какъ съ теченіемъ времени забыто было происхожденіе дирекціоннаго магазина, то неудивительно, что запасы его сдѣлались собственностію городевъ. Что касается до государственныхъ крестьянъ, то продовольствіе ихъ во время неурожая вызвало со стороны правительства огромныя заготовки хлѣба во время зимъ, такъ что хлѣбъ покупался дорого, издержки отъ этого еще болѣе возрастали, и на крестьянахъ нарастали огромныя долги за хлѣбъ. Весь долгъ крестьянъ за хлѣбъ составляетъ около 700,000 рублей. Для обеспеченія продовольствія государственныхъ крестьянъ въ 1863 г., учреждены торговые и запасныя магазины, въ которыхъ хлѣба состоитъ 264,000 пуд. слѣдовательно вмѣстѣ съ запасами дирекціи составятся 564,000 пуд. О продовольствіи бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ Шенкурскаго уѣзда нечего заботиться; потому что ихъ сельскіе магазины и продовольственный капиталъ достаточно обеспечиваютъ ихъ продовольствіе. Точно также продовольствіе войска, купцовъ, гражданъ, а равно другихъ лицъ обеспеченныхъ сословій, не можетъ составлять вопроса. Остается около 210,000 душъ обоего пола, требующихъ обеспеченія продовольствія. На это число душъ отъ урожая, за исключеніемъ сѣмянъ, остается среднимъ числомъ въ годъ около 800,000 пудовъ; покупкою приобрѣтаютъ они тоже около 800,000 пуд., наконецъ, дирекціонный магазинъ и казенныя торговые и запасныя магазины имѣютъ запасовъ 564,000 пуд., что составляетъ вмѣстѣ 2.140,000 пудовъ, т. е. нѣсколько болѣе 10 пуд. на наличную душу, что достаточно для продовольствія. Такимъ образомъ, при посредственномъ урожаѣ и при нормальныхъ запасахъ продовольствія въ дирекціонномъ, въ торговыхъ и запасныхъ магазинахъ, продовольствіе жителей Архангельской губерніи обеспечено. При хорошихъ урожаяхъ, значительная часть запасовъ этихъ магазиновъ, конечно, останется не тронута, но при неурожѣ запасы эти окажутся недостаточны. Раждается вопросъ, какъ обеспечить продовольствіе губерніи на случай неурожая, который въ этомъ краѣ не рѣдкость? Мы уже видѣли, что хлѣбная торговля удовлетворяетъ потребности только при нормальныхъ условіяхъ, а не при неурожаяхъ. При томъ торговля эта большею частію монополюная. Такъ купцы, продающіе хлѣбъ поморамъ въ Архангельскѣ, берутъ высокіе проценты; поморы, привезя хлѣбъ въ свои мѣста, и продоволь-

ствуя дѣлюю зиму своихъ собратьевъ, а также корельковъ и ле-парей, берутъ съ нихъ еще большіе проценты. Чердынцы за Печорою поступаютъ также. Въ другихъ же мѣстахъ, при неурожаѣ, даже и купить негдѣ, какъ напримѣръ въ первомъ станѣ Мезенскаго уѣзда и въ Пинежскомъ уѣздѣ. Притомъ даже въ Архангельскѣ бывають злоупотребленія въ хлѣбной торговлѣ. Такъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ 1866 года, благодаря тому, что хлѣбъ былъ въ крѣпкихъ рукахъ, цѣну муки подняли до 1 р. 5 к. за нудъ. Въ 1865 году, при первой вѣстн о морозахъ съ 7 на 8 августа, цѣна на хлѣбъ возвысилась въ нѣсколько дней на 20 коп. съ пуда. *) И это неудивительно: чуть неурожаѣ, запросъ на хлѣбъ возрастаетъ, а приплавить его уже нельзя.

Въ 1860 г. возникла мысль: необходимо ли существованіе дирекціоннаго магазина? Городское общество, которому передавался на обсужденіе этотъ вопросъ, между прочимъ, выразило слѣдующее: «Что дѣйствіе этого магазина съ его отдѣленіями, въ теченіе столѣтія, было благотвѣтельно для жителей губерніи, и если бы этотъ магазинъ упразднился, то навѣрное голодъ, со всѣми бѣдствіями, не замедлитъ поразить губернію, какъ потому, что, при отсутствіи запасовъ хлѣба и выпускѣ его за границу, по выгоднымъ цѣнамъ, имѣеть повторится тотъ недостатокъ, какой былъ въ 1854, 1855, 1857 и 1858 годахъ, такъ и потому, что мѣстные хлѣбные торговцы и особенно мелкіе перекушники безъ конкуренціи могутъ возвысить цѣну по произволу, и что общественный магазинъ основанъ и производить обороты не на казенныя, а на суммы купечества, производящаго торговлю хлѣбомъ за границею, которое противъ этого не только не претендуетъ, но проситъ о продолженіи существованія магазина». Здѣсь высказана совершенно вѣрная мысль. Если не претендуютъ негоціанты, т. е. главные хлѣбные торговцы, отпускающіе хлѣбъ за границу, на счетъ которыхъ основанъ дирекціонный магазинъ, и даже просятъ о продолженіи его существованія, то само собою разумѣется, что дирекціонный магазинъ съ его отдѣленіями необходимъ. Бѣдствія отъ неурожая указали на необходимость учрежденія и по вѣдомству государственныхъ имуществъ торговыхъ и запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ. Намъ случалось иногда слышать мнѣнія, что магазины дирекціонный и казенный стѣсняють частную хлѣбную торговлю; что если бы ихъ не было, то губернія обеспечивалась бы естественнымъ путемъ, посредствомъ хлѣбной торговли. Мнѣніе это лишено всякаго основанія. Мы уже говорили, что вся масса хлѣба доставляется весною, съ открытіемъ судоходства, когда вовсе неизвѣстенъ будущій урожай. Далѣе, пространство губерніи и пути сообщенія дѣлають еще болѣе затруднительною внутреннюю хлѣбную торговлю. Все

*) Съ 65 на 85 коп.

это необходимо заставляет имѣть склады хлѣба въ разныхъ пунктахъ губерніи на случай неурожая, тѣмъ болѣе, что, даже при посредственныхъ урожаяхъ, частная хлѣбная торговля не удовлетворяетъ вполне потребности. Хлѣбъ составляетъ насущную и незамѣнимую потребность. Знаменитый Либихъ ясно доказалъ, что для сѣвернаго жителя его не замѣняютъ ни рыба, ни мясо, да притомъ рыба и мясо составляютъ здѣсь не главную пищу. Мясо положительно здѣсь есть предметъ роскоши; да и рыба во многихъ мѣстахъ губерніи не составляетъ постоянной пищи. Мы видѣли два голода въ губерніи въ послѣднія пять лѣтъ; нельзя было смотрѣть безъ ужаса на тотъ хлѣбъ, который ѣли крестьяне, и если бы не правительственная помощь хлѣбомъ, то трудно представить до какихъ ужасовъ дошло бы населеніе.

Итакъ мы неминуемо должны придти къ заключенію о необходимости запасовъ хлѣба, какъ для продовольствія, такъ и на сѣмена, потому что при неурожаяхъ крестьянамъ нечего сѣять. Для этого нужно принять слѣдующее: 1) Мы уже показали, что дирекціонный магазинъ не можетъ считаться собственностію городовъ. Этотъ вопросъ долженъ быть разрѣшенъ въ пользу населенія всей губерніи, такъ что запасы продовольствія его должны предназначаться, какъ для жителей городовъ, такъ и для жителей уѣздовъ, причемъ запасы дирекціоннаго магазина должны быть возвышены до той нормы, какая была прежде, т. е. до 400,000 пудовъ. Торговые и запасные хлѣбные магазины вѣдомства государственныхъ имуществъ должны быть соединены съ дирекціоннымъ, причемъ причитающаяся на Архангельскую губернію часть продовольственнаго капитала министерства государственныхъ имуществъ дастъ возможность увеличить запасы такъ, что бы, вмѣстѣ съ дирекціонными, запасы составляли по крайней мѣрѣ 800,000 пуд. 2) Эти запасы должны быть распределены по магазинамъ, въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи, причемъ магазины должны быть отданы на отвѣтственность въ городахъ мѣщанскихъ, а въ селеніяхъ крестьянскихъ обществъ. Продажа хлѣба изъ этихъ магазиновъ должна производиться только въ случаѣ значительнаго повышенія цѣнъ въ вольной продажѣ, и только людямъ, неимѣющимъ своего хлѣба; для этого долженъ быть сохраненъ тотъ порядокъ, какой былъ принятъ по вѣдомству государственныхъ имуществъ, т. е. составленіе сходами разрядныхъ списковъ, въ которыхъ должно быть обозначено какое количество хлѣба можетъ быть продано каждому семейству. Контроль въ этомъ дѣлѣ долженъ быть возложенъ на мировыхъ посредниковъ и на мировые сѣзды, до введенія въ Архангельской губерніи земскихъ учрежденій. 3) Хлѣбомъ магазины должны снабжаться тѣмъ же порядкомъ, какимъ снабжается нынѣ дирекціонный магазинъ. 4) Такимъ образомъ будетъ обеспечена продажа хлѣба по невысокимъ цѣнамъ. Но остаются еще бѣдныя,

для которыхъ неурожаи будутъ гибелью, такъ какъ они не въ состояніи будутъ купить значительнаго количества хлѣба на продовольствіе ихъ семействъ и на обменныя походы. До этихъ поръ такимъ бѣднякамъ выдавались ссуды подъ поручительство, но, само собою разумѣется, что они никогда не въ состояніи будутъ уплатить своихъ долговъ. Неурожаи, равно какъ и пожары, наводненіе, скотскій падежъ, разворуютъ хозяйство крестьянина, и безъ помощи онъ не выйдетъ изъ этого печальнаго положенія. Въ этомъ случаѣ остается, или ввести взаимное страхование отъ голода, или подавать безвозвратную помощь, но, само собою разумѣется, что Архангельская губернія сама по себѣ не могла бы ввести этого страхованія, по малому числу ея жителей и по значительности неурожаевъ. Во всякомъ случаѣ на продовольствіе долженъ быть установленъ извѣстный сборъ, по 10 к. съ души, насчетъ котораго выдавался бы бѣднымъ безвозмездно хлѣбъ во время неурожая. Конечно, этого будетъ недостаточно; необходимо прибѣгнуть къ болѣе радикальной мѣрѣ. Единственное средство, какое мы можемъ придумать въ этомъ случаѣ, заключается въ слѣдующемъ: увеличить акцизъ съ продаваемаго въ Архангельской губерніи вина на 2 коп. съ процента спирта, предоставивъ эту прибавку на удовлетвореніе земскихъ потребностей и въ томъ числѣ конечно продовольствія. Для винныхъ торговцевъ это не будетъ сопряжено съ потерями, потому что вино будутъ пить попрежнему; казна отъ этого тоже ничего не потеряетъ; напротивъ, она избавится отъ постоянныхъ затратъ капитала на удовлетвореніе въ Архангельской губерніи потребности продовольствія. Такимъ образомъ продовольствіе будетъ обеспечено насчетъ пьянствующихъ, т. е. насущная потребность будетъ обеспечена насчетъ налога съ предмета роскоши и страсти, что совершенно справедливо. Если бы эта мѣра была допущена въ видѣ опыта, котъ на 5 лѣтъ, то за этотъ промежутокъ времени край получалъ бы около 800,000 рублей, и, слѣдовательно, продовольственная часть была бы устроена, а равно удовлетворены другія земскія нужды, и, кромѣ того, правительству было бы выплачено за тотъ хлѣбъ, который въ настоящее время есть въ торговыхъ и запасныхъ магазинахъ. А если бы эту мѣру продолжить на 10 лѣтъ, то могли бы быть выплачены долги крестьянъ, за выданный имъ въ разное время въ ссуду хлѣбъ. Одно административное лице, завѣдывающее отдѣльною частію, которому мы въ разговорѣ передали эту мысль, представило уже ее высшему начальству; хотя это, конечно, нѣсколько неловко, но мы всетаки будемъ довольны, если такимъ способомъ наша мысль найдетъ осуществленіе. Это же административное лице предполагаетъ создать частныхъ хлѣбныхъ торговцевъ, устроить, такъ сказать, хлѣбный банкъ, изъ котораго выдавался бы этимъ лицамъ хлѣбъ въ ссуду, для продажи по извѣстной цѣнѣ. Понятно, что эта мысль едва ли можетъ быть названа основательною. Хлѣбъ

во время неурожая и безъ того дорогъ, зачѣмъ же вводить лишняго посредника; не лучше ли барышъ этотъ оставить въ пользу общественнаго магазина, что послужитъ къ расширенію его дѣятельности. 5) Само собою разумѣется, что составъ продовольственнаго капитала Архангельской губерніи долженъ быть измѣненъ. Съ передачею государственныхъ крестьянъ изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ вѣдомство мировыхъ учреждений, послѣднія должны принять дѣятельное участіе въ вопросѣ о продовольствіи. 6) Наконецъ, мы уже говорили, что въ числѣ запасовъ должны быть сѣмена. Намъ остается еще упомянуть о томъ, что въ послѣднее время прекращено разрѣшеніе разчистокъ на правахъ сорокалѣтняго пользованія, такъ что къ 1864 г. осталось неразрѣшенныхъ лѣсныхъ участковъ подъ разчистку 3,921 десят. 87 квадр. саж., о которыхъ крестьяне подали свое заявленіе въ палату государственныхъ имуществъ. Намъ кажется, необходимо облегчить способъ разрѣшенія разчистокъ на правахъ сорокалѣтняго пользованія, и даже разрѣшить продажу земельныхъ участковъ въ частную собственность. Это повело бы къ улучшенію способовъ обработки полей; желающіе купить землю найдутся.

II.

МУРМАНСКІЕ РЫБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.

Изслѣдованіемъ морскихъ рыбныхъ и звѣринныхъ промысловъ, съ 1859 по 1861 годъ, занималась экспедиція подъ начальствомъ г. Данилевскаго.

Изслѣдованія эти изданы министерствомъ государственныхъ имуществъ, и составляютъ 6 и 7 томы сочиненія, носящаго названіе: «Изслѣдованіе о состояніи рыболовства въ Россіи.»

Что касается до описательной стороны, т. е. описанія орудій и способовъ лова и атласа рисунковъ, то они исполнены превосходно; но зато многіе статистическіе и экономическіе выводы г. Данилевскаго далеко неудовлетворительны.

Общій характеръ его изслѣдованія таковъ, что промышленнаго развитія въ дѣлѣ нашихъ промысловъ почти не можетъ быть. Идея ложная и даже вредная. Мы же убѣждены въ противномъ. Мы думаемъ, что наши поморскіе промыслы имѣютъ свое будущее, и таково было мнѣніе всѣхъ, кто знакомился съ этими промыслами. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію этого вопроса, считаемъ не лишнимъ изложить вкратцѣ нынѣ

шнее состояніе промысловъ. Первое мѣсто занимаетъ мурманскій промыселъ, предметомъ котораго служатъ треска, сайда, пикшуй и палтусина и другія морскія рыбы. Промыслы эти производятся на пространствѣ всего Мурманскаго берега, отъ св. Носа до рѣки Ворьемы (Явобсъ-Эльфъ), служащей границею съ Норвегіею. Въ разныхъ пунктахъ этого берега находятся становища, которыхъ считается до 40. Вешнія становища имѣютъ избы и амбары, а лѣтнія не имѣютъ ихъ. Здѣсь же при становищахъ находятся шняки, на которыхъ производятся промыслы. Въ амбарахъ хранятся снасти, соль и предметы продовольствія, на первое время промысловъ. Промыслы производятся покрутчиками, образующими изъ себя артели изъ 4-хъ человѣкъ. Это дѣлается такъ: тотъ, кто можетъ обзавестись на Мурманскомъ берегу избыю, амбаромъ, нѣсколькими шняками и рыболовными снарядами, солью и провизіею, приговариваетъ себѣ рабочихъ покрутчиковъ на слѣдующихъ условіяхъ: все, что будетъ добыто артелию изъ 4-хъ человѣкъ, необходимою для производства промысловъ на одной шнякѣ, дѣлится на четыре части; $\frac{2}{3}$ идутъ хозяину за судно, снасти, продовольствіе и другіе расходы, а $\frac{1}{3}$ рабочимъ; слѣдовательно каждый рабочий получаетъ $\frac{1}{12}$ часть всей добычи, съ тою разницею, что кормчій получаетъ нѣсколько больше, и хозяинъ ему прибавляетъ еще «сверяшанокъ.» Передъ началомъ навигаціи, въ концѣ зимы, покрутчики отправляются изъ своихъ деревень на Мурманскій берегъ, и идутъ до Кандалакши пѣшкомъ, таща за собою въ кережкахъ провизію. Съ Кандалакши они расходятся, кто на Колу, кто на Раснаволокъ, слѣдуя частію пѣшкомъ, частію на оленяхъ. Такое путешествіе они совершаютъ на пространствѣ 500 до 1,000 верстъ; совершивъ его, усталые, они являютъ въ становища. Избы во многихъ становищахъ, для помѣщенія рабочихъ, устроены весьма дурно: онѣ ветхи, сыры, холодны и притомъ темны. Холодъ и сырость, а также дурный воздухъ, отъ скопленія большаго числа людей въ маленькой избужкѣ, вредно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ людей. Очень часто, возвратясь съ промысловъ, въ холодную пору, усталые, измученные и голодные, рабочіе не могутъ въ избѣ обсушиться, и согрѣться, отчего происходятъ простудныя болѣзни. Во время же непогодъ работники находятся постоянно въ этихъ избахъ, и, проводя время въ совершенномъ бездѣйствіи и снѣ, въ тѣсныхъ, съ спертымъ воздухомъ, избахъ, подвергаются цынгѣ. Другое условіе, вредное въ гигиеническомъ отношеніи, это то, что промышленники чистятъ рыбу у самыхъ становищъ; выбрасываемыя головы и внутренности гніеніемъ заражаютъ, какъ воздухъ, такъ и проточную воду. Зловоніе, особенно въ жаркіе дни, до того сильно, что сами промышленники, уже привыкшіе къ этому, едва могутъ переносить его, и нерѣдко заболѣваютъ. Суда, на которыхъ промышленяютъ рыбу, не вымываются, какъ слѣдуетъ; эта нечистота и разложеніе вред-

но дѣйствуютъ и на качество рыбы, складываемой въ эти суда. Наконецъ, въ слѣдствіе отсутствія хозяевъ и плохого призора за рабочими, самое приготовленіе рыбы идетъ дурно. Прибывшіе съ промысла работники не сейчасъ приступаютъ къ приготовленію рыбы; отъ того она портится, а тѣмъ самымъ теряетъ и свою настоящую цѣнность. Часто также бываетъ пьянство, какъ только кто либо привезетъ контрабандно ромъ; за него рабочіе готовы платить вдвое и болѣе дороже противъ стоимости. Казалось бы, что поврота, т. е. участіе рабочаго въ качествѣ пайщика въ результатахъ промысла, должна бы способствовать успѣху промысловъ, интересы самихъ рабочихъ должны были бы заставить ихъ быть прилежными; но на дѣлѣ не такъ бываетъ. Энергія рабочаго падаетъ отъ того зависимаго положенія, въ какомъ онъ находится въ отношеніи къ хозяину, зная, что, даже при весьма успѣшныхъ промыслахъ, онъ не выйдетъ изъ зависимости судохозяина. Причина этому слѣдующая: крестьяне приморскихъ селеній или мѣщане, преимущественно Сумскаго Посада и Кемп, привозятъ изъ Архангельска хлѣбъ и другіе крестьянскіе припасы; къ нимъ являютя бѣдныя, и, не имѣя денегъ для уплаты, берутъ въ долгъ у хозяевъ хлѣбъ и другіе припасы за необыкновенно высокіе проценты, и расплачиваясь за взятое обязываются лѣтними мурманскими промыслами, по продажѣ своихъ паевъ въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ у каждаго богатаго помора есть кабалные рабочіе. Само собою разумѣется, что успѣхъ уплаты будетъ зависѣть отъ обилія улова рыбы; но рѣдко выпадаютъ такіе счастливые годы, что рабочіе, расплатясь съ хозяевами, могутъ получить еще остатокъ; чаще всего случается, что долги растутъ на долги, и работники остаются въ вѣчной зависимости отъ хозяевъ.

Г. Данилевскій старается опровергнуть то, будто бы ложное, мнѣніе, что въ прошломъ столѣтіи результаты мурманскихъ промысловъ были значительнѣе, чѣмъ нынѣ; для этого онъ сравниваетъ привозъ рыбы съ Мурманскаго берега въ концѣ прошлаго столѣтія, съ 1782 по 1790 г., съ данными за 1859 г., изъ котораго оказывается, что ее дѣйствительно привозилось въ уловистыя годы прошлаго столѣтія менѣе, чѣмъ въ уловистыя годы послѣдняго времени. Но на это мы возразимъ г. Данилевскому, что онъ беретъ данныя конца прошлаго столѣтія, т. е. того времени, когда наши мурманскіе промыслы, по уничтоженіи монополіи Шувалова, перешли въ общее пользование, и въ этомъ направленіи не успѣли еще достаточно развиться. Притомъ неизвѣстна, во 1-хъ, точность приводимыхъ имъ данныхъ прошлаго столѣтія, во 2-хъ, неизвѣстно, вся ли промышленная на Мурманскомъ берегу рыба шла къ архангельскому порту; можно думать, что и въ концѣ прошлаго столѣтія часть рыбы шла за границу;—допустимъ дѣйствительно,

*

что количество лова на Мурманскомъ берегу неменьше прошло года столѣтія, то и это еще далеко не утѣшительно.

Народонаселеніе края противъ прошло столѣтія увеличилось. По четвертой ревизіи, бывшей въ 1782 году, число душъ обоого пола, подлежащихъ переписи, составляло 183,627 (муж. пола 89,019 ч. и жен. пола 94,608 ч.), по десятой же переписи 1858 г. податное населеніе губерніи состояло изъ 245,870 душъ обоого пола (муж. пола 116,775 ч. и жен. пола 129,095 ч.). Слѣдовательно населеніе въ 76 лѣтъ увеличилось на 62.243 души. Такимъ образомъ народонаселеніе увеличилось въ теченіе этого періода на 25%. Но увеличилась ли отъ этого производительность промысловъ? На это мы положительно должны отвѣчать, что наши мурманскіе промыслы относительно народонаселенія не развились. Если же принять во вниманіе постоянно увеличивающійся запросъ на рыбу, въ особенности съ открытія сѣверодвинскаго буксирнаго параводства, то нельзя не признать, что промыслы находятся въ неразвитомъ состояніи, если не могутъ удовлетворить потребности. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ привести статистическія данныя о привозѣ рыбы къ архангельскому порту за два десятилѣтія по годамъ и о привозѣ въ послѣднее десятилѣтіе ко всѣмъ портамъ Архангельской губерніи въ сложности:

год.	съ русскаго берега.	изъ Норвегіи.
1826	281,753 пуда	40,625 пудъ
1827	244,543 »	66,576 »
1828	291,757 »	60,762 »
1829	239,292 »	20,230 »
1830	174,203 »	91,574 »
1831	98,580 »	6,950 »
1832	86,959 »	690 »
1833	107,199 »	160 »
1834	120,679 »	— »
1835	127,532 »	146,149 »
	<hr/> 1.772,497 пудъ	<hr/> 433,706 пудъ.
1836	123,989 пудъ	94,598 пудъ
1837	132,523 »	78,820 »
1838	117,211 »	104,029 »
1839	120,325 »	101,923 »
1840	142,388 »	80,471 »
1841	124,312 »	121,651 »
1842	115,012 »	121,693 »
1843	128,178 »	149,973 »
1844	136,148 »	125,595 »
1845	137,699 »	136,433 »
	<hr/> 1.277,785 пудъ	<hr/> 1.115,186 пудъ.

Съ 1855 по 1865 г. включительно, привезено съ русскаго

берега 3.175,399 п., а изъ Норвегіи 3.772,354 п. *) Такимъ образомъ, среднимъ числомъ, въ десятилѣтіе съ 1826 по 1835 годъ включительно, привозилось ежегодно съ русскаго берега 177,249 п., а изъ Норвегіи 43,376 п. Въ десятилѣтіе съ 1836 по 1845 г. привозилось ежегодно съ русскаго берега 127,778 п., а изъ Норвегіи 111,518 п. Наконецъ съ 1855 по 1865 г. привозилось ежегодно съ русскаго берега 317,540 п., а изъ Норвегіи 377,235 п.; слѣдовательно въ первое десятилѣтіе привозъ рыбы изъ Норвегіи составлялъ едва четвертую долю привоза рыбы съ русскаго берега; во второе десятилѣтіе количество рыбы, привозимой изъ Норвегіи, почти равняется количеству рыбы, привозимой съ русскаго берега и, наконецъ, въ послѣднее десятилѣтіе привозъ рыбы изъ Норвегіи превышаетъ привозъ ея съ русскаго берега почти на 20%. Результатъ весьма неутѣшительный. Здѣсь мы замѣтимъ, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе лицъ оставляютъ мурманскіе промыслы, увлекаясь торговлею съ Норвегіею. Такъ, намъ извѣстно, что два самыя богатія лица изъ поморевъ прекратили эти занятія, не говоря уже о томъ, что крестьяне Архангельскаго уѣзда почти вовсе перестали заниматься этими промыслами, и занялись торговлею съ Норвегіею. Городъ Архангельскъ и Холмогорскій уѣздъ, прежде посылавшіе свои суда на Мурманскій берегъ, уже давно этимъ не занимаются. Въ другомъ мѣстѣ мы объяснимъ что привлекаетъ нашихъ поморевъ къ торговлѣ съ Норвегіею, а теперь не можемъ не указать на неправильный взглядъ г. Данилевскаго на выгоды судохозяевъ, занимающихся мурманскими промыслами. Такъ г. Данилевскій говоритъ, что купцы берутъ въ Архангельскѣ, за отдаваемую въ кредитъ муку, 25% **) болѣе отпускаемой на чистыя деньги. «Къ той части, которую поморъ оставляетъ для себя и на продовольствіе работниковъ, должно, слѣдовательно, прибавить всѣ 25%; на часть же, которую поморъ продаетъ въ Поморьѣ, онъ конечно беретъ барышъ, но только на номинальную для него цѣну ея,—на чистыя деньги; на дѣйствительную же цѣну, которую онъ долженъ будетъ заплатить при расчетѣ въ Архангельскѣ, онъ несетъ убытокъ, вознаграждая его выгодами съ промысла. Слѣдовательно, этотъ барышъ собственно только уменьшаетъ платимыя имъ 25%, среднимъ числомъ никакъ неболѣе какъ на 10%».

Это положительно невярно. При продажѣ муки въ Поморьѣ, въ особенности своимъ покрутчикамъ въ долгъ, въ теченіе всей зимы, онъ не только возвратитъ проценты съ проданной муки, но возвратитъ и тѣ проценты, которые ему придется запла-

*) Цѣнность мурманскаго зова вмѣстѣ съ тресковымъ жиромъ, продаваемымъ изъ становищъ прямо въ Норвегію, составляетъ среднимъ числомъ сумму въ 200,000 рублей серебромъ.

**) Проценты преувеличены г. Данилевскимъ.

титъ за муку, употребленную на продовольствіе самого и своихъ покрутчиковъ во время промысловъ. Въ этомъ ему никто не попрепятствуетъ, потому что покрутикамъ негдѣ взять въ теченіе всей зимы муки кромѣ его. Поэтому расчетъ г. Данилевскаго о малыхъ выгодахъ судохозяевъ, занимающихся мурманскими промыслами, нельзя признать вѣрнымъ, а если же нѣкоторые лица оставляютъ эти промыслы, то ихъ привлекаетъ норвежская торговля, требующая менѣе труда и заботъ, чѣмъ промыслы. Во всякомъ случаѣ, въ виду всебольшаго и большаго запроса на рыбу, намъ слѣдуетъ развивать наши промыслы. Мы за рыбу въ Норвегіи платимъ мукою, а наше населеніе Поморья платитъ за нее втридорога. Не вѣрнѣе также расчетъ г. Данилевскаго объ относительной выгодности быть покрутикомъ на промыслахъ или судорабочимъ на судахъ, ходящихъ въ Норвегію. Покрутикомъ во всякомъ случаѣ, выгоднѣе быть. Покрутикъ участвуетъ въ результатахъ своего труда, между тѣмъ какъ судорабочій не участвуетъ въ торговыхъ барышахъ судохозяина. Покрутикъ, при большей энергіи и трудолюбіи, больше добудетъ на свой пай; судорабочій не получитъ болѣе того, что ему слѣдуетъ по условію. Между матросами есть такіе, за которыхъ хозяинъ заплатилъ рекрутскую повинность, и вообще должники, которыхъ онъ нанимаетъ весьма дешево *). Приэтомъ надо замѣтить, что для того, чтобы добыть на Мурманскомъ берегу такое количество рыбы, какое привозится изъ Норвегіи,—нужно болѣе значительное число рукъ, чѣмъ для посола и перевозки этой рыбы въ Архангельскъ изъ Норвегіи. Для развитія нашихъ мурманскихъ промысловъ, г. Данилевскимъ предложены мѣры, въ числѣ которыхъ есть и весьма полезныя. Первая полезная мѣра — устройство въ Кемь-банки, съ отдѣленіемъ въ Сумскомъ Посадѣ, для ссуды мурманскимъ промышленникамъ небольшихъ суммъ, въ нѣсколько сотъ рублей серебромъ, за умеренные проценты, подъ залогъ домовъ и судовъ, или подъ поручительство извѣстныхъ своею честностію и состоятельностью лицъ. Правительство здѣсь ничего не потеряетъ, между тѣмъ промышленность значительно выиграетъ. Во вторыхъ, согласно предложенію г. Данилевскаго, уже разрѣшено поморамъ продавать тресковый жиръ прямо изъ становищъ въ Норвегію, не свозя его въ Архангельскъ. Дѣйствительно, этимъ поморы воспользовались, потому что жиръ въ Норвегіи дороже, чѣмъ въ Архангельскѣ. Но эта мѣра не настолько полезна, какъ полезно введеніе у насъ хорошей очистки трескового жира. Пора же намъ наконецъ обдѣлывать свое

*) Впрочемъ, мы этимъ не хотимъ сказать, что покрутъ весьма привлекательное учрежденіе; хорошая его сторона та, что работникъ участвуетъ въ результатахъ труда. Не будь тутъ кабалы, покрутъ былъ бы великодушнымъ учрежденіемъ.

сырье, когда обдѣлка его немудрена и недорога. На этотъ предметъ г. Данилевскимъ также обращено вниманіе. Между разными мѣрами, предложенными бѣломорскою экспедиціею къ развитію рыбныхъ промысловъ на Мурманскомъ берегу, было признано полезнымъ познакомить нашихъ мурманскихъ промышленниковъ съ лучшими норвежскими способами приготовленія лекарственнаго тресковаго жира. Желая достигнуть этого, департаментъ сельскаго хозяйства разослалъ чрезъ начальника губерніи рисунки и планы заводовъ, на которыхъ готовится лекарственный тресковый жиръ въ Норландѣ, въ Норвегіи, и назначилъ преміи, въ 300, 200 и 100 рублей, тѣмъ изъ нашихъ рыбопромышленниковъ, которые устроятъ заводы на Мурманскомъ берегу, и первые выдѣлаютъ не менѣе 10 пудъ жира, доброю не хуже норвежскаго. Первый открылъ заводъ на Мурманскомъ берегу бывший удѣльный крестьянинъ Шенкурскаго уѣзда Шатковъ, и, въ теченіе лѣта 1864 года, выдѣлалъ на своемъ заводѣ до 20 пудъ жира. Проба была изслѣдована военномедицинскимъ ученымъ комитетомъ, и по изслѣдованію оказалось, что жиръ этотъ не уступаетъ норвежскому по своему качеству. Военномедицинское вѣдомство уже предложило Шаткову доставить жира съ его завода 170 пудъ въ петербургскій центральный магазинъ, по 7 рублей за пудъ, т. е. за ту цѣну, которую назначилъ Шатковъ. Это количество жира онъ намѣревался доставить въ С.-Петербургъ въ декабрѣ 1866 года. Хотя въ 1864 году Шатковъ первый выдѣлалъ на своемъ заводѣ не менѣе 10 пудовъ жира, и проба оказалась по качеству не хуже норвежской, но какъ жиръ этотъ, по привозѣ въ Архангельскъ, до медицинскаго изслѣдованія, Шатковъ продалъ одному архангельскому мѣщанину, который испортилъ его доброту, вливъ въ боченокъ изъ подъ коноплянаго масла, то Шатковъ и лишился права на полученіе преміи. Въ 1865 году онъ также продалъ весь жиръ въ частныя руки, не взявъ удостовѣреній полиціи и медицинскаго вѣдомства, которыя требуются правилами на полученіе преміи. Такъ какъ до настоящаго времени открытъ на Мурманскомъ берегу только одинъ заводъ для выдѣлки жира, то нѣтъ сомнѣнія, что первая премія дана будетъ Шаткову, потому что въ 1866 году онъ бралъ свидѣтельство 170 пудамъ жира, приготовленнаго на его заводѣ, для сдачи въ центральный магазинъ. Въ концѣ 1865 года еще два лица изъявили желаніе открыть заводы, для выдѣлки лекарственнаго тресковаго жира на Мурманскомъ берегу. Первый, крестьянинъ Мезенскаго уѣзда Степанъ Щапхинъ, обучавшійся въ Норвегіи на заводѣ купца Бартена, представилъ на пробу 2 бутылки жира, и просилъ дать ему въ ссуду 500 руб., съ разсрочкою платежа на 10 лѣтъ; второй—проживающій въ Колѣ отставной чиновникъ Оскерко, который намѣренъ былъ производить выдѣлку жира посредствомъ пароваго аппарата, уже заказаннаго имъ въ Норвегіи. Оскерко просилъ: предоста-

вить ему права поморовъ Архангельской губерніи, т. е. дозволить и ему отлучаться по тому виду, которымъ разрѣшается имъ свободное жительство во всѣхъ мѣстахъ имперіи; дозволить ему, наравнѣ съ поморскими жителями, свободный ввозъ на Мурманскій берегъ для разнѣна соли и промысловыхъ удѣ; вывозъ выдѣланнаго жира въ Норвегію, или на другіе рынки; разрѣшить вывезти изъ Норвегіи къ веснѣ 1866 г. безошлинно паровый аппаратъ для выдѣлки жира, и фрагтовать норвежское судно, приспособленное къ установкѣ и дѣйствию этого аппарата. Намъ кажется, что выпрашиваемыя Оскерко льготы такъ ограничены, что вѣроятно не встрѣтилось препятствій къ разрѣшенію ихъ. Точно также слѣдовало бы выдать Щапилину суду въ 500 руб. Вообще, въ видахъ развитія промысловъ, полезно было бы выдавать подобныя ссуды и другимъ лицамъ, устраивающимъ заведенія для очистки жира.

Третье предположеніе г. Данилевскаго, о замѣнѣ нашихъ промысловыхъ судовъ шнякѣ норвежскими ёлами, нашло уже осуществленіе. Такъ уже построено нѣсколько ёлъ, и строители награждены установленными медалями; но, къ сожалѣнію, ёлы эти оказались недостаточно пригодными для насъ. Наши рыболовныя снасти-ярусы весьма громоздки, онѣ занимаютъ много мѣста въ ёлѣ, и тѣмъ самымъ оставляютъ недостаточно мѣста для рыбы. Ели требуютъ большаго числа судорабочихъ, чѣмъ шняка: это ея вторая невыгода, сравнительно со шнякою. Наконецъ шняка судно болѣе прочное, чѣмъ ёла,—условіе не менѣе важное. Въ становищахъ во время отлива бываетъ такъ мелко, что судно колотится о дно; подобную операцію шняка легко выносить, между тѣмъ какъ для ёлы она была бы гибельна. Неудивительно послѣ того, если ёлы не прививаются къ нашимъ промысламъ, да и хлопотать о введеніи ихъ положительно не стоитъ. Полезнѣе было бы выдавать безошлинно гѣсь на постройку шняка.

Здѣсь считаемъ не лишнимъ указать на мысль члена архангельскаго статистическаго комитета г. Козлова, бывшаго въ 1865 году на международной выставкѣ предметовъ рыбныхъ и звѣринныхъ промысловъ въ Бергенѣ, который считаетъ полезнымъ ввести у насъ по норвежскому образцу банковые боты. На этомъ ботѣ промышленники наши могли бы выѣзжать отъ береговъ на 70 и болѣе верстѣ, гдѣ есть банки, и тамъ производить промыслы. Правда, ботъ требуетъ больше судорабочихъ, но зато промыселъ можетъ производиться въ обширныхъ размѣрахъ; онъ имѣетъ трюмъ съ разными подраздѣленіями и всѣ хорошія качества морскаго судна. Выѣхавъ на удобное мѣсто, ботъ становится на якорь, и промышленники въ шлюпкахъ отправляются промыслять, свозя добычу на ботъ, гдѣ она съ удобствомъ размѣщается. Этотъ ботъ особенно пригоденъ для акуляго лова, и введеніе его было бы несравненно полезнѣе, чѣмъ введеніе ёлы.

Въ началѣ этой главы мы указали на вредныя гигиеническія условія, а именно: на нечистоту, холодъ и сырость избы, на зараженіе воздуха и даже порчу проточной воды, происходящія отъ разложенія выбрасываемыхъ въ становищахъ внутренностей рыбъ. Эти условія необходимо устранить, для чего необходимо обязать судохозяевъ, ведущихъ промыслы на Мурманскомъ берегу, исправить избы, а на мѣсто ветхихъ построить новыя, и, кромѣ того, обязать всѣхъ ихъ имѣть въ каждомъ становищѣ по одной чистой и свободной избѣ для заболѣвающихъ. Точно также полезно было бы обязать ихъ имѣть въ становищахъ кладовыя для посола рыбы, а также бани. Необходимый для этихъ построекъ лѣсъ долженъ быть отпущенъ безплатно. На эти постройки и поправки слѣдовало бы даже выдать небольшія ссуды, на срокъ отъ 3-хъ до 5-ти лѣтъ, подъ круговое поручительство всѣхъ хозяевъ, занимающихся промыслами. Всѣхъ хозяевъ, занимающихся промыслами, слѣдовало бы обязать, отнюдь не бросать внутренностей рыбъ въ становищахъ, а очищать рыбу въ нѣкоторомъ отъ нихъ разстояніи, и также каждый разъ послѣ уборки рыбы суда вымывать чисто, а избы, въ которыхъ помѣщаются рабочіе, содержать въ такомъ порядкѣ, какой установленъ для фабричныхъ и ремесленныхъ заведеній.

Для прекращенія ссоръ, дракъ и вообще самоволій на Мурманскомъ берегу, а равно для надзора за соблюденіемъ гигиеническихъ условій, необходимо ввести тамъ извѣстнаго рода управленіе. Управленіе это должно быть таково: а) необходимо, что бы въ каждомъ становищѣ былъ избранъ староста, съ правами, предоставленными сельскому старостѣ; на него должны быть возложены полицейскія обязанности по прекращенію ссоръ и беспорядковъ и по надзору за соблюденіемъ гигиеническихъ условій, наблюденіе за недовореніемъ контрабанды на Мурманскомъ берегу и въ особенности контрабанды рома и другихъ напитковъ. б) Необходимо назначить на Мурманскій берегъ особаго чиновника съ правами мирового посредника. Онъ долженъ наблюдать за дѣйствіями старосты, подвергать ихъ отвѣтственности за несоблюденіе обязанностей, и наконецъ разбирать споры между хозяевами и подвергать виновныхъ взысканію. в) Командированіе ежегодно туда полицейскаго чиновника съ хорошою полицейскою командою. Ни старосты, ни мировой посредникъ, не въ состояніи будутъ достигать какой либо цѣли, если они не будутъ имѣть содѣйствія со стороны полиціи; ихъ не только не будутъ слушать, но они даже будутъ въ опасности. Временное населеніе Мурманскаго берега, незнавшее тамъ никогда ни управленія, ни порядка, всегда будетъ имъ оказывать сопротивленіе. Многіе судохозяева потому оставляютъ промыслы, что не могутъ совладать съ рабочими во время появленія въ становищахъ контрабанднаго рома; тутъ ссорамъ и дракамъ нѣтъ конца, а въ промыслахъ

происходитъ остановка; даромъ только истребляется хозяйскій хлѣбъ. При преобразованіи полиціи, имѣлось въ виду учрежденіе, гдѣ въ томъ встрѣтится надобность, конныхъ полицейскихъ командъ. Въ Архангельской губерніи на Мурманскомъ берегу оказывается необходимость въ пловучей полицейской команды, еще болѣе и потому, что на полицію возложено наблюденіе за неводвореніемъ контрабанды на Мурманскомъ берегу, на который не распространяются дѣйствія пограничной стражи.

Особенно помогло бы мурманскимъ промысламъ учрежденіе на Бѣломъ морѣ пароходства. Пароходы эти могли бы перевозить почту и пассажировъ въ Норвегію. На этихъ пароходахъ поморы судохозяева, занимающіеся торговлею съ Норвегію, могли бы пріѣзжать изъ Норвегіи на Мурманскій берегъ, для наблюденія за успѣхомъ своихъ промысловъ. Пароходы эти могли бы, развѣзая около Мурманскаго берега, сообщать промышленникамъ, гдѣ болѣе обильные ловы, и перевозить ихъ туда; въ дурныя погоды они могли бы буксировать суда съ наживкою, за которую бываетъ остановка по нѣсколькимъ дней. Наконецъ, къ прочному устройству и развитію мурманскихъ промысловъ повела бы колонизація этого берега.

III.

О торговлѣ поморовъ съ Норвегію.

Поморскіе жители Архангельской губерніи производятъ заграничную торговлю съ Норвегію, начавшуюся съ половины прошедшаго столѣтія. Торговля эта годъ отъ году увеличивается, въ слѣдствіе всемілостивѣйше дарованнаго поморамъ, въ 1855 и 1862 годахъ, права отправлять изъ Архангельска, на своихъ судахъ, въ Норвегію муку и крупу безпошлинно и въ неограниченномъ количествѣ, а другіе товары на общемъ основаніи, наравнѣ съ купцами 1-й гильдіи, и привозить оттуда за уменьшенную пошлину мягкую рухлядь, соленую и сушеную рыбу.

Поморы, производящіе торговлю съ Норвегію, весною пріѣзжаютъ въ Архангельскъ, и, взявъ тамъ въ долгъ у купцовъ муку и крупу, отправляются въ Норвегію. Но такъ какъ суда и грузы ихъ не застрахованы, то купцы берутъ съ нихъ за кредитъ большіе проценты, и хотя поморы очень выгодно мѣняютъ въ Норвегіи хлѣбъ на рыбу, но, платя купцамъ большіе проценты, сами отъ торговли имѣютъ не столь значительные барыши. Въ Норвегіи они пользуются правомъ мѣнять приво-

зимые ими товары на рыбу съ мѣстнымъ населеніемъ Финмаркена, съ 1-го іюля до 15 августа; если же русское судно пришло ранѣе 1-го іюля, и простояло шесть недѣль, то хозяинъ его можетъ, до конца срока свободной торговли, продавать муку жителямъ на деньги, но не менѣе трехъ кулей въ однѣ руки. По окончаніи же льготнаго срока, онъ долженъ продать весь оставшійся у него товаръ купцамъ.

Вымѣниваемая поморами отъ норвежцевъ треска несравненно худшаго качества, чѣмъ ловимая на русскомъ Мурманскомъ берегу, потому что финманы, вылавливая ее, въ теченіе нѣсколькихъ дней оставляютъ незасоленною, и въ такомъ видѣ промѣниваютъ нашимъ поморамъ, которые и солятъ ее; тогда какъ на Мурманскомъ берегу, треску въ тотъ же день, когда она выловлена, очищаютъ и солятъ. Что же касается до сухой трески, то поморы могутъ приобретать ее не иначе, какъ отъ купцевъ, вымѣнивать же ее у мѣстнаго населенія не дозволяется. Приведемъ статистическія данныя о норвежской торговлѣ. По средней сложности за шесть лѣтъ (1860—1865), вывозится ежегодно въ Норвегію: муки ржаной 413,309 п. 30 ф., на 413,309 руб. 75 коп., крупы разной 29,574 п. 26 фунт. на 47,318 руб.; прочихъ товаровъ, по средней сложности за семь лѣтъ (1856—1863 г.), вывозится: веревокъ и канатовъ пеньковыхъ 4,609 п. 25 ф. на 20,155 руб. 21 коп., полотна паруснаго и ревендука 363 куска на 2,740 руб., смолы 72½ п. на 113 руб. 80 коп., и прочихъ товаровъ на 10,040 руб. 67 коп., а всего на 493,677 руб. 43 коп.; привозится же изъ Норвегіи, по той же сложности за семь лѣтъ, рыбы соленой 289,991 п. 3 ф. на 129,628 руб. 35 коп., сушеной 51,099 п. 37 ф. на 54,473 руб. 15 коп., соли поваренной 33,631 п. 7 ф. на 10,402 р. 52 коп., мягкой рукляди 395 п. 12 ф. на 61,897 руб. 65 коп., и разныхъ товаровъ на 14,184 р. 31 коп., а всего привозится на 270,585 руб. 98 коп., менѣе, чѣмъ вывозится, на 223,091 руб. 45 коп., но цифра эта не положительна вѣрна, потому что поморы при объявленіи уменьшаютъ цѣны привезеннымъ ими товарамъ. Во всякомъ случаѣ, отвозная торговля значительно больше привозной по тому, что только двѣ трети товаровъ поморы промѣниваютъ на норвежскій товаръ, а одну треть продаютъ на деньги и на векселя, перевода послѣднія на архангельскія купеческія конторы.

Торговля эта производится на поморскихъ судахъ, которыхъ, по средней сложности за шесть лѣтъ (1860—1865 г.), отходитъ 288, а приходитъ изъ Норвегіи 262; самое большое число отшло въ 1865 г.—333, а меньшее въ 1862 г.—255; пришло же оттуда большее число въ 1865 г.—289, а меньшее въ 1862 г.—231.

Изложивъ вкратцѣ состояніе нашей торговли съ Норвегіею, нельзя не обратить вниманія на слѣдующіе факты: значительный привозъ изъ Норвегіи составляетъ соленая треска, и, какъ мы уже замѣтили, худшаго качества, чѣмъ съ Мурманскаго бе-

рега, а между тѣмъ никто не позаботится о расширеніи своихъ мурманскихъ промысловъ. Также привозится значительное количество поваренной соли. Фактъ этотъ указываетъ на паденіе нашего солеваренія, тогда какъ въ прошедшемъ столѣтіи и въ началѣ нынѣшняго въ нашемъ Поморьѣ процвѣтало свое солевареніе, упадавшее потомъ годъ отъ году, и находящееся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи.

Развитію торговли съ Норвегією могли бы, по нашему мнѣнію, способствовать слѣдующія мѣры: 1) поморы платятъ въ Архангельскѣ купцамъ большіе проценты за отпускаемый имъ въ кредитъ хлѣбъ, потому что суда ихъ и грузы не застрахованы, и слѣдовательно, при крушеніи, купецъ рискуетъ ничего не получить; для устраненія этого, необходимо ввести у поморей взаимное страхованіе. Грузы, привозимые на судахъ въ Норвегію и обратно, стоятъ около 800 т. руб. *), а цѣнность всѣхъ поморскихъ судовъ, плавающихъ по Бѣлому морю, составляетъ 800 т. руб.; изъ ежегодныхъ премій составилъ бы значительный капиталъ, который покрывалъ бы потери отъ крушенія и въ то же время годъ отъ года возрасталъ. Учрежденіе этого страхованія повлечетъ за собою несомнѣнную пользу, какъ для поморей, такъ и для купцовъ. Впервыхъ, поморы не будутъ платить купцамъ тѣхъ громадныхъ процентовъ, за отпускаемый имъ въ кредитъ товаръ, потому что не будетъ того риска, съ которымъ теперь неминуемо сопряженъ этотъ кредитъ, а купцы, въ случаѣ крушенія судовъ, не будутъ терять своего капитала, и вторыхъ, въ случаѣ крушенія судна, поморъ, застрахованный судно и товаръ, не останется бѣднякомъ, что теперь нерѣдко случается. Страхованіе это слѣдуетъ ввести для всѣхъ поморскихъ судовъ, совершающихъ рейсы по Бѣлому морю и Ледовитому океану, а не для однихъ только судовъ, плавающихъ въ Норвегію.

Изъ ежегодныхъ уплатъ можно бы составить нѣчто въ родѣ банка, изъ котораго выдавались бы поморамъ ссуды подъ залогъ судовъ, и тѣмъ давалась бы имъ возможность строить новыя суда, какъ для промысловъ, такъ и для торговли, и наконецъ кратковременныя ссуды для покупки на деньги вывозимыхъ въ Норвегію товаровъ, или на этотъ капиталъ можно было бы завести морское пароходство.

2) Наши поморы въ настоящее время имѣютъ право покупать въ Норвегію сушеную треску только у купцовъ. По нашему мнѣнію, полезно было бы исходатайствовать имъ право вы-

*) Кромѣ того въ поморскія мѣста увозится товаровъ на сумму около 350 т. руб., и съ Мурманскаго берега привозится на сумму 200 т. руб.; такъ что цѣнность всѣхъ грузовъ, перевозимыхъ на поморскихъ судахъ, простирается до 1.400,000 рублей.

мѣннвать сушеную рыбу у мѣстныхъ жителей, наравнѣ съ соленой. Кромѣ того, норвежскіе купцы добиваются, что бы поморамъ вовсе было воспрещено продавать привозимые ими товары на деньги мѣстнымъ финманамъ. Если же это ходатайство ихъ будетъ уважено, то такая мѣра будетъ крайне стѣснительна, какъ для поморовъ, такъ и для финмановъ. Первые, не успѣвши промѣнять товаръ въ льготный срокъ, должны будутъ отдавать его купцамъ, которые, пользуясь монополіею, будутъ назначать произвольныя цѣны, а потомъ, скупивъ у поморовъ хлѣбъ, будутъ продавать его финманамъ тоже по произвольнымъ цѣнамъ. Мы позволяемъ себѣ надѣяться, что наше правительство, по сношенію съ норвежскимъ, приметъ мѣры, что бы домогательство норвежскихъ купцовъ не было уважено.

3) Мы не можемъ согласиться съ г. Данилевскимъ, что обязаніе поморовъ нанимать въ кормщики учениковъ шкиперскихъ курсовъ составляетъ для нихъ стѣсненіе, такъ какъ они, плавая по Бѣлому морю и вдоль Лапландіи и Норвегіи, никогда не терпятъ изъ виду береговъ. Это несомнѣно такъ; да даже если бы они и ходили близко береговъ, то всетаки, во время тумановъ, не видятъ берега, и, не зная по картѣ, въ какомъ они мѣстѣ находятся, набѣгаютъ на подводные камни, или прямо на скалы, и терпятъ крушеніе. Во всякомъ случаѣ, для помора лучше и безопаснѣе имѣть кормщика, теоретически подготовленнаго для этого дѣла. Если поморы не вполнѣ сознали пользу имѣть кормщика, обладающаго теоретическими знаніями, то изъ этого не слѣдуетъ, что ихъ необходимо оставить въ этомъ заблужденіи. Намъ кажется, что, нанимая, по необходимости, такого кормщика, онъ въ послѣдствіи самъ сознаетъ полезность подобной мѣры.

4) Наше понятіе о Поморьѣ весьма сбивчиво. Къ Поморью причислены только поморскія общества, Кемскаго, Онежскаго и Архангельскаго уѣздовъ, расположенныя узкою полоскою по берегамъ моря. По нашему мнѣнію, слѣдовало бы причислить къ Поморью если не всю губернію, то по крайней мѣрѣ цѣлые уѣзды: Кемскій, Онежскій, Архангельскій и Мезенскій, и жителямъ ихъ дать права поморовъ.

5) Въ Архангельской губерніи есть два штурманскія училища, подъ названіемъ шкиперскихъ курсовъ, въ городахъ Архангельскѣ и Кемѣ. Штаты этихъ курсовъ такъ ничтожны, что не могутъ вполнѣ удовлетворять всѣхъ потребностей курсовъ. На тѣ средства, которыя теперь отпускаются, нельзя ни одѣть, ни кормить дѣтей. слѣдовало бы увеличить штаты, сообразно возвышенію цѣнъ, и, кромѣ того, расширить самый кругъ преподаванія. Необходимо ввести въ этихъ курсахъ теоретическое ознакомленіе съ судостроеніемъ, производствомъ промысловъ, съ орудіями промысла, по превосходнымъ рисункамъ, приложеннымъ къ описанію г. Данилевскаго. Для большаго же ознакомленія съ судостроеніемъ, мальчики могли бы дѣ-

лать модели судовъ, а съ рисунковъ промысловыхъ орудій дѣлать чертежи, какое черченіе необходимо ввести во всѣхъ поморскихъ училищахъ, а также и въ двухклассныхъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія. Это черченіе интересовало бы мальчиковъ, и было бы для нихъ весьма полезно. Крімъ того, полезно было бы воспитанниковъ шкиперскихъ курсовъ приучать кузнечному, парусному и канатному мастерствамъ. Сверхъ того, слѣдовало бы издать популярный сборникъ, съ рисунками судовъ и снарядовъ, употребляемыхъ у разныхъ народовъ при производствѣ морскихъ промысловъ, съ подробнымъ описаніемъ всего производства, и разослать его, какъ въ шкиперскіе курсы, такъ и поморамъ, для которыхъ ознакомленіе съ производствомъ промысловъ у другихъ народовъ было бы весьма полезнымъ.

Въ шкиперскихъ курсахъ, въ настоящее время, преподаются иностранные языки: въ архангельскомъ нѣмецкій, а въ кемскомъ норвежскій. Но слѣдовало бы ввести еще преподаваніе англійскаго языка. Тогда штурманы, воспитывавшіеся въ этихъ курсахъ, могли бы совершать дальнія плаванія. Полезно было бы учредить шкиперскіе курсы въ Сумскомъ Посадѣ, въ городахъ Онегъ и Мезени.

Въ послѣднее время поморы начинаютъ сознавать значеніе этихъ курсовъ. Этому способствовало то, что на ихъ суда, на время навигаціи, даются воспитанники курсовъ. И здѣсь то поморъ-судохозяинъ на опытѣ видитъ пользу теоретическаго обученія, когда, во время тумановъ, неопытный мальчикъ становится руководителемъ опытнаго судохозяина.

Скажутъ: какимъ же образомъ одинъ преподаватель можетъ ознакомить воспитанниковъ со всѣми предметами курсовъ, въ томъ числѣ и съ промыслами? Но это мы отвѣтимъ, что стоитъ только въ то время, когда мальчики лѣтомъ распушены на суда, посылать преподавателей въ разныя страны, для нагляднаго ознакомленія съ промыслами, и цѣль будетъ достигнута.

Нельзя не упомянуть также объ одномъ неудобствѣ, встречаемомъ поморами. Выходя изъ Норвегіи, они запасаются провизіею, рассчитывая на самый продолжительный путь, который доходить до пяти недѣль. Между тѣмъ, при благоприятной погодѣ, они могутъ придти въ свои мѣста въ нѣсколько дней. Остатокъ провизіи, изъ опасенія конфискаціи и штрафа, имъ приходится, или выбросить или провести контрабандно, потому что нельзя на таможенныхъ постахъ очистить этотъ остатокъ пошлиною. На таможенныхъ постахъ есть офицеры пограничной стражи; почему на нихъ не возложить бы приема пошлины за оставшуюся провизію? Впрочемъ, какъ мы слышали, на этотъ предметъ обращено уже вниманіе мѣстнаго таможеннаго начальства.

IV.

О КОЛОНИЗАЦІИ СЪВЕРОЗАПАДНОЙ ЧАСТИ МУРМАНСКАГО РУССКАГО БЕРЕГА.

Нынѣшній русскій Мурманскій берегъ, еще въ X вѣкѣ, извѣстенъ былъ новгородцамъ, по своему удобному положенію для мореплаванія и рыбныхъ промысловъ, и вѣроятно, подъ именемъ земли Терь или Тря, современно съ покореніемъ заволочшской Чуди, и послѣдовавшаго новгородскаго поселенія въ Двинскомъ краѣ, были покорены и жители Мурманскаго прибрежья, лопари, съ наложеніемъ дани. вмѣстѣ съ этимъ, какъ для удержанія въ покорности подвластнаго народа, такъ по выгодамъ мореплаванія и рыбныхъ промысловъ, новгородскіе удалцы положили и первое начало русскаго заселенія на прибрежьѣ океана. Объ этомъ мы не имѣемъ достаточныхъ историческихъ фактовъ, но есть нѣкоторыя основанія предполагать, что это было такъ. Исландскія саги неоднократно повторяютъ, что за норвежскимъ берегомъ къ востоку тянется берегъ Біармеландіи, подвластной конунгу Гардаринскому (русскому).

Въ XIII столѣтіи выстроенъ былъ Кольскій Острогъ, для покровительства рыболовамъ для и содержанія въ покорности восточныхъ лопарей.

Нельзя съ достовѣрностію разгадать судьбу новгородскихъ покорителей. вѣроятно, сильнѣйшіе и вліятельнѣйшіе изъ нихъ властвовали на правахъ помѣстныхъ надъ подчиненнымъ народомъ, а другіе жили при морѣ и занимались промыслами. Въ древнія времена весьма Варангерскій заливъ принадлежалъ Россіи. Западную его часть норвежцы присвоили себѣ въ то время, когда Новгородъ съ пригородами былъ за свейскимъ королемъ, до Столбовскаго мира; съ тѣхъ поръ до 1826 года, граница выходила къ Варангерскому заливу у Вересь-Наволока, но въ 1826 году граница государства отнесена до бухты Воръемы, верстъ на 70 къ востоку, и Норвегін уступлены судоходные заливы: Нядемскій, Пазрѣцкій, Ровделскій, а также отошли богатая рыбная ловля. Этотъ уголокъ моря, отъ Воръемы до Вадзе, такъ богатъ рыбою, что въ прошломъ году въ этомъ мѣстѣ занимались рыбною ловлею около 1,500 ель, какъ утверждаютъ наши поморы.

Въ половинѣ XVI столѣтія, кромѣ Колы, на берегу Варангерскаго залива возникло новое русское поселеніе. Преподобный Трифонъ, проповѣдникъ Христовой вѣры лопарямъ, положилъ основаніе монастырю, при устьѣ рѣки Печеньги, и новыя поселенцы съ выгодною сумѣли воспользоваться положеніемъ своего поселенія и данными имъ отъ царей льготами. Промысли и

морская торговля достигли цвѣтущаго состоянія въ рукахъ монастыря.

Въ устьяхъ Печенги и Позрѣки спускались на воду большія норманскія ладьи и мелкія промысловыя суда. Монастырскія ладьи выходили изъ Варангерскаго залива, нагруженные продуктами мѣстныхъ промысловъ и даже нѣмецкими товарами, получаемыми на печенскомъ торжѣ. Монастырь сверхъ того отпускалъ внутрь Россіи до 40 т. пудовъ соли безошлинно, по привилегіи царя Алексѣя Михайловича, а изъ Россіи монастырь пріобрѣталъ хлѣбные запасы, воскъ, холстъ и проч.

Печенскій монастырь, кромѣ занятій рыбными промыслами, судостроеніемъ и мореплаваніемъ, имѣлъ значительное скотоводство, словомъ, это была цвѣтущая поморская промысловая колонія.

Но въ 1590 г. финляндцы сожгли монастырь до основанія, имущество разграбили, и братію перебили; всего убито около 200 человекъ; какъ это было зимою, то слѣдовательно перебиты были постоянные обитатели; затѣмъ монастырь переведенъ былъ въ Колу.

Довозательствомъ значительныхъ торговыхъ сношеній монастыря, можно привести выписку изъ торговыхъ сдѣлокъ Печенскаго монастыря съ иностранцемъ Нейхомъ, въ эпоху упадка этого монастыря. Этотъ Нейхъ «Голландскія земли Амстердама города закупилъ, по повелѣнію хозяевъ своихъ, Амстердама города торговыхъ людей, у строителя Печенскаго монастыря, іеромонаха Павла съ братією, на шесть лѣтъ красную рыбу *семги*; съ условіемъ никому не продавать на сторону съ тонъ и изъ рѣкъ и морской промыселъ семги и трески и сала трескаваго и китоваго также никому не отдавать и не продавать и ту рыбу строителю съ братією носить къ имъ гостямъ на дворъ съ Колы рѣки и съ Туломы рѣки». Дальше объясняется какого качества рыба должна быть доставляема: «и имъ, строителю, съ братією *Тинды* и *Вальчаговъ* и битой, и кислой семги, и трески битой и кислой и сырой недосушенной не давать и семгу меньше *семи ф.* не давать, и буде падеть какая рыба меньше 7 фун. до 5-ти, ту рыбу брать двѣ за одну, а тирибирскую рыбу отдавать и малую и большую по двѣ за одну, а меньше 4-хъ фунтовъ рыбъ не имать тонной кальпуской островской крестовой и губской тонной рыбы съ Абрамовы пахты и съ Мишукова наволока и съ Кулонги и со всѣхъ ихъ монастырскихъ сгодей съ тоней и изъ рѣкъ и съ печенской заборной и тонной рыбы должной и покрутной и труднической и урской и лицкой большой и малой и варемской и тириберской и кольскаго верхняго забора, Гедеоновскаго сгодья и туломской заборной и со всѣхъ ихъ монастырскихъ и кортомныхъ сгодей, гдѣ ихъ монастырскіе промыслы будутъ.» Далѣе опредѣляется пѣна рыбъ:—«и буде мы хозяева когда изволимъ послать въ Кольскій острогъ на корабль и тому платить или кому мы хозяева при-

важемъ по 10 руб. за сто рыбокъ семогъ или по 20 ефимковъ добрыхъ.»

Время, назначенное для пріема рыбы, опредѣляется съ 10 мая и къ 20 іюля; но и послѣ 20 числа, по уговору, уловленную рыбу монастырь не долженъ отдавать, а оставлять ее для хозяевъ. Приходъ корабля опредѣленъ на 29 мая.

Потомъ хозяева обязываются оставлять къ веснѣ соль и бочки въ Кольскомъ острогѣ, и прикащику вмѣнено въ обязанность выдавать ихъ идущимъ на промысль. Если же отъ недостатка соли и бочекъ рыба сгниетъ, то амстердамскіе купцы обязываются принимать и гнилую рыбу и платить за нее такъ же, какъ и за хорошую.

Приэтомъ условлено, что если разобьетъ корабль или ладью съ рыбою, и рыба потонетъ, то монахи не должны взыскивать убытковъ съ хозяевъ, а хозяева, въ свою очередь, съ монаховъ за соль и бочки.

Сверхъ всего этого, амстердамскіе купцы обязывались въ монастырь и къ церкви Божіей ежегодно давать «по 2 пуда воску, да по пуду ладану, да краснаго церковнаго бочка, травинскаго добраго, да на монастырскій расходъ двѣ бочки вина горѣлки, да анкерка ренскаго, сверхъ тое вышесказанной цѣны безденежно; за рыбу платить на два срока: первый срокъ Петра и Павла, другой іюля 20-го; платить же половину деньгами, а другую ефимками; ефимокъ отдавать за полтину; за треску и за сало тресковое платить почемъ цѣна будетъ въ Лавышевскомъ присудѣ, а китовое сало брать по три ефимка бочку, а бочка полсема пуда, и десятое съ трески и сала трескового платить по указу великаго государя, какъ стануть Лавышевскаго присуда промышленные люди, и наметъ на треску брать, какъ въ томъ присудѣ стануть давать промышленные люди.»

Далѣе, по условію, строитель монастыря долженъ былъ говорить и поворотчикамъ своимъ, что бы и они кромѣ хозяевъ никому на сторону рыбы не продавали и которая годья отданы будутъ въ кортомы стороннимъ людямъ, и на тѣхъ людяхъ записи брать, что бы они ни одной рыбы не брали на сторону, инымъ гостямъ не давали и не продавали, и буде они, строитель съ братією или ихъ старцы или слуги или работные люди и поворотченики своруютъ или продадутъ на сторону, то строителю съ братією платить заставы 100 руб., да карабельный подешъ.»

Впрочемъ строителю съ братією позволялось на расходъ въ монастырь взять и вывалить 25 рыбъ семогъ своихъ, да на всякую недѣлю на ѣду имъ своихъ по 2 рыбки семги.

Нельзя не помѣстить здѣсь интересной выписки изъ письма строителя кольскаго Печенскаго монастыря, іеромонаха Лаврентія, къ архіепископу Аѳанасію о томъ, сколько продано рыбы въ 1701 году.

«Голландскія земли города Амстердама торговому иноземцу

Андрею Корниловичу сыну Нейкъ продано по записи пустынной уловной рыбы трески сухой 12,752 трески, сала трескового 143 пуда, да прасныя рыбы семги ему же продано 3,470 семоковъ и за тое выписанную рыбу и сало довелось взять денегъ 490 руб.»^{*)}.

Такова была промышленность и торговая дѣятельность Печенскаго монастыря, когда въ немъ было братіи 13 человекъ, въ эпоху его паденія. Мы подробно изложили торговля дѣлани монастыря, что бы показать, какъ обстоятельны и точны онѣ были. Изъ этой же выписки видно, что въ Лаврашевскомъ присудѣ было нѣчто въ родѣ ярмарки, гдѣ устранивалась дѣла въ «свальномъ торгѣ.»

Исторія Печенскаго монастыря, даже во время упадка ея, ясно говоритъ о возможности поселенія и о выгодѣ, какую могутъ имѣть поселенцы на Мурманскомъ берегу, однако и до этихъ поръ побережье отъ св. Носа до рѣки Ворьемы, занимае пространство около 700 верстъ, не имѣетъ ни одной русской поселенной мѣстности, исключая Кожи и нѣсколькихъ финляндскихъ и норвежскихъ семействъ, поселившихся въ сѣверо-западной ея части.

Въ зимнее время Мурманскій берегъ представляетъ безлюдную пустыню; только въ лѣтнее время пустынный берегъ оживляется приходящими промышленниками, болѣе 2,000 человекъ, изъ уѣздовъ Кемскаго и Онежскаго, проходящихъ 500 до 1,000 верстъ пѣшкомъ.

Въ 1859 году нѣсколько норвежскихъ семействъ изъявили желаніе переселиться на Мурманскій, русскій берегъ, — и тогда же бывшимъ начальникомъ губерніи было поднятъ вопросъ о колонизаціи этого берега норвежскими переселенцами, съ дѣлію развита тамъ промысловъ, а также земледѣлія и скотоводства, совершенно несуществующихъ у лопарей, живущихъ внутри берега.

Норвежцы, желавшіе переселиться, предъявили нѣкоторые условія переселенія, о которыхъ не линнимъ считать упомянуть. Такъ:

1) Они принимаютъ подданство Россіи, съ тѣмъ, что бы имъ дозволено было поселиться на Мурманскомъ русскомъ берегу.

2) Имъ должно быть отведено достаточное количество земли, а именно: переселенцамъ изъ южной Норвегіи, занимающимся единственно земледѣліемъ, участокъ, достаточный на прокормленіе 10 коровъ, 50 головъ мелкаго скота (овецъ и свиней) и одной лошади или вола, а равно для посѣва картофеля, рѣпы и другихъ растений.

*) Смот. акты и матеріалы, собранныя въ холмогорскомъ старообрядченскомъ соборѣ, изд. статистическаго комитета, стр. 45..

3) Безпроцентный заемъ, т. е. выдача займообразно отъ 200 до 250 руб. сер. каждому земледѣльцу пришельцу изъ южной Норвегии, и лишь половины этой суммы прочимъ, т. е. тѣмъ, которые вмѣстѣ занимаютъ и рыбнымъ промысломъ. Займы эти остаются пять лѣтъ безъ процентовъ, и уплачиваются въ теченіе слѣдующихъ десять лѣтъ съ процентами.

4) Они не просятъ освобожденія отъ платежа податей даже и на первое время, если ежегодныя подати не будутъ превышать 5 или 6 руб. сер. съ каждаго обывателя.

5) Освобожденію ихъ съ семействами отъ рекрутской повинности.

6) Участвованіе наравнѣ съ прочими жителями въ пользованіи находившимися на берегу моря вещами. Подъ такими вещами разумѣются выброшенные на берегъ ниты, бревны, доски и т. п. предметы.

7) Полное покровительство и защита со стороны закона и начальства отъ притѣвленій жителей и рыбаковъ, и,

8) Просители сохраняютъ за собою право ѣздить въ Норвегію, для посѣщенія церкви, а также правѣ выѣзжать изъ Россіи, если они, при всемъ своемъ прилежаніи, не найдутъ возможности существовать.

Вопросъ о колонизаціи норвежцевъ Мурманскомъ русскомъ берегу разрѣшенъ высочайше утвержденнымъ, 31 августа 1860 года, положеніемъ комитета гг. министровъ.

Положеніемъ этимъ предоставлено норвежцамъ право переселиться въ бывшій Кемский уѣздъ Архангельской губерніи, нынѣ Кемскій, съ пріятіемъ русскаго подданства, и съ водвореніемъ на земляхъ, пріобрѣтенныхъ ими въ частную собственность, или на казенныхъ съ согласія обществъ, если они пожелаютъ поселиться на земляхъ, отведенныхъ въ пользованіе государственнымъ крестьянамъ, и даже безъ его, если могутъ быть водворены на свободныхъ казенныхъ земляхъ. Кроме того, въ случаѣ переселенія норвежцевъ въ Россію, комитетъ призналъ возможнымъ дать имъ льготы отъ податей и рекрутской повинности, которыми пользуются вообще переселенцы внутренней Россіи.

Изъ собранныхъ свѣдѣній видно, что въ разныхъ пунктахъ сѣверозападной части Мурманскаго русскаго берега поселилось: 9 семействъ норвежскихъ, 9 финляндскихъ и 3 шведскихъ, всего 39 муж. и 46 женскаго пола душъ.

Переселенцы устроили себѣ домики (изъ одной и даже трехъ комнатъ), обложенные съ наружной стороны дерномъ, съ чугунными печами, вывезенными изъ Норвегіи.

Переселенцы, кромѣ рыбной ловли, занимаются огородничествомъ и въ особенности скотоводствомъ; у нихъ вырастаетъ картофель, брюква, рѣпа, рѣдька и другія питательныя растенія. У переселенцевъ 42 коровы, 8 быковъ, 16 телятъ и 112 овецъ,

*

такъ что на каждое семейство приходится по 3 штуки рогатого скота и по 6 овецъ.

Такимъ образомъ, хорошо устроенное скотоводство даетъ имъ въ изобиліи молоко и масло; словомъ, несмотря на суровый климатъ, продолжительную зиму и другія неудобства тамошней природы, трудолюбивые переселенцы съумѣли устроиться съ удобствомъ.

Разбросанность ихъ поселеній въ разныхъ пунктахъ Мурманскаго берега не даетъ возможности мѣстной администраціи имѣть за ними надзоръ, знать ихъ нужды, защищать отъ обидъ, со стороны приѣзжающихъ туда въ лѣтнее время промышленниковъ, а также препятствуетъ переселенцамъ достигнуть того благосостоянія, котораго они могли бы достигнуть, составляя одну колонію. Въ настоящее время, живя разбросанно, они не могутъ оказывать въ трудныхъ обстоятельствахъ другъ другу помощи; они не имѣютъ возможности давать дѣтямъ надлежащаго воспитанія, а также не могутъ исполнять долгъ христіанскій, по догматамъ ихъ религіи.

Устройство одной колоніи дастъ возможность имъ устроить школу для дѣтей, а равно, если колонія увеличится, окажется возможность командировать туда отъ времени до времени лютеранскаго пастора для исполненія требъ.

Сами поселенцы, сознавая невыгоды раздробленности, заявили желаніе поселиться въ одномъ пунктѣ, въ Ура-губѣ.

Заселеніе Мурманскаго берега и возможно, и полезно, и необходимо. Но если такъ, то могутъ возразить: зачѣмъ же не переселяются туда русскіе, тѣ же самые промышленники, которые отправляются туда каждый годъ за 500 и 1,000 верстъ? На это легко отвѣчать: богатымъ нѣтъ никакого интереса переселяться, потому, что они съ большимъ удобствомъ могутъ жить и внутри губерніи, и имъ не трудно извлекать выгоды отъ мурманскихъ промысловъ посредствомъ кабалныхъ рабочихъ; бѣдные же не имѣютъ возможности переселиться, потому что у нихъ нѣтъ на это средствъ. Если бы переселяющимся на Мурманскій берегъ дано было болѣе льготъ, чѣмъ переселенцамъ внутрь Россіи, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что многіе, и норвежцы и русскіе, непременно переселились бы на Мурманскій берегъ. Этого можно достигнуть, по нашему мнѣнію, если желаемымъ переселиться туда даны будутъ, кромѣ всѣхъ необходимыхъ пособій къ водворенію, денежныя ссуды въ размѣрѣ, достаточномъ для устройства судна и рыболовныхъ снастей. Но только ссуды эти должны выдаваться не отдѣльнымъ лицамъ, потому что это породило бы опять кабалныя отношенія рабочихъ въ воспользовавшимся ссудою, а цѣлымъ артелямъ въ числѣ 4 человекъ (такъ какъ на каждой елѣ 4 рабочихъ), подъ круговое ихъ поручительство, что бы дать возможность всѣмъ имъ наравнѣ участвовать въ выгодахъ промысла, въ качествѣ хозяевъ, и тѣмъ самымъ со-

вершено устранить вредную въ этомъ дѣлѣ монополію промышленности, и сопряженныя съ нею кабальныя отношенія рабочихъ. Каждая изъ такихъ ссудъ не будетъ превышать 240 руб., т. е. 60 руб. на человѣка, именно столько, сколько разрѣшено выдавать крестьянамъ въ ссуду изъ вспомогательныхъ кассъ. Если сдѣлать такихъ ссудъ 150, то потребуется на это 36,000 руб., сумма весьма незначительная, если взять во вниманіе выгоды промысла, и она легко будетъ погашена въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Между тѣмъ, польза отъ этого произойдетъ значительная: явится 150 судовъ, съ 600 состоятельныхъ промышленниковъ, и притомъ мѣстныхъ уже жителей Мурманскаго берега, которые будутъ производить промыслы по улучшенному способу, и въ продолженіе всего года, результатомъ чего будетъ то, что мурманская рыба не будетъ подвергаться невыгодному соперничеству съ норвежскою.

Одинъ изъ противниковъ колонизаціи Мурманскаго берега, г. Данилевскій, начальникъ экспедиціи 1859 года, для изслѣдованія рыболовства въ Бѣломъ морѣ и Ледовитомъ океанѣ, представляетъ вотъ какіе доводы противъ заселенія Мурманскаго берега.

Г. Данилевскій прежде всего указываетъ на невѣрность точки зрѣнія на сравнительное положеніе Норвежской и Русской Лапландіи.

По словамъ г. Данилевскаго, выгоды норвежскаго Финмаргена тѣ, что имъ пользуется туземное населеніе, а у насъ Мурманскимъ берегомъ пользуются не столько собственные жители его, лопаря, сколько временные промышленники. Но этотъ то фактъ и можетъ служить въ подтвержденіе выгоды заселенія. Отчего и на нашемъ берегу не бытъ также постоянному населенію рыбопромышленниковъ, тѣмъ болѣе, что для этого есть очень удобныя мѣста, напримѣръ мѣста, которыми пользовался Печенскій монастырь.

Сѣверозападная часть нашего Мурманскаго берега особенно способна для заселенія. По словамъ очевидцевъ, зима тамъ менѣе сурова, чѣмъ внутри Архангельской губерніи: холодъ умѣряется вліяніемъ Бѣлаго Моря и Сѣвернаго океана. Печенская губа никогда не замерзаетъ. Мореплаваніе можетъ совершаться даже и зимою, доказательствомъ чему служитъ то, что шкиперъ Кононовъ, императорскимъ вольнымъ экономическимъ обществомъ въ 1866 году, представленъ былъ къ награжденію медалью за то, что онъ отъ Колы до С.-Петербурга сдѣлалъ 10 рейсовъ въ разное время, притомъ также и зимою.

Наша Лапландія, говоритъ г. Данилевскій, по своему географическому положенію и по торговымъ условіямъ пограничныхъ странъ, находится въ невыгодныхъ условіяхъ, сравнительно съ Финмаркеномъ норвежскимъ, тамъ какъ мѣстомъ сбыта промысловъ для нашей Лапландіи служатъ только бѣломорскіе порты. Привезенная туда рыба, добытая нашими поморами, составляетъ

$\frac{1}{3}$ всего количества привозимой рыбы; остальные $\frac{2}{3}$ привозятся изъ Норвегіи, гдѣ поморамъ выгоднѣе промѣнивать муку на рыбу. Такимъ образомъ и наши промышленники, поселившись въ Лапландіи, должны были бы сбывать рыбу поморамъ, или возить ее въ бѣломорскіе порты. Въ первомъ случаѣ, рыба такъ же сбывалась бы дешевле за хлѣбъ и другіе принадлежности, и поселенцы, болышею частію бѣдные, воднами бы подѣ власть поморамъ. Во второмъ случаѣ, если предположить, что колонисты были бы и богаты, всетаки постройка судовъ обоилась бы въ безлѣсной Лапландіи дороже, чѣмъ въ Поморьѣ. Притомъ лапландскіе поселенцы должны были бы везти свою рыбу въ августъ, и возвращаться въ дурное для мореплаванія время.

Возможность же производить ловъ рыбы въ осеннее время не представляетъ большихъ выгодъ, потому что капиталъ, затраченный на добываніе рыбы, долженъ былъ бы остаться цѣлую зиму безъ выручки. Потому должно сказать, что развившаяся у насъ система разработки богатствъ Лапландіи, средствами не самой Лапландіи, а средствами Поморья, совершенно натуральна, и можетъ быть измѣнена не иначе, какъ предоставленіемъ поселенцамъ несравненно большихъ выгодъ и пособій, чѣмъ тѣ, которыя предлагаетъ имъ правительство.

Примѣръ тому Кола: въ теченіе 200 лѣтняго существованія, этотъ городъ далеко не достигъ степеней благосостоянія. Въ немъ всего 3—4 купца или мѣщанина, имѣющихъ свои суда, и отъ нихъ прочіе жители находятся въ тяжелой зависимости.

Нетрудно видѣть всю неосновательность подобнаго мнѣнія. Если привозимая въ бѣломорскіе порты рыба и составляетъ $\frac{1}{3}$ всего привоза этого продукта, то это еще не доказательство того, что у будущихъ колонистовъ поморы не такъ охотно станутъ брать рыбу, чѣмъ въ Норвегіи. Если мы возьмемъ во вниманіе всѣ трудности, съ которыми сопряжены въ настоящее время наши промыслы на Мурманскомъ берегу, то намъ не будетъ казаться удивительнымъ, что въ Норвегіи рыба достается дешевле. Норвежскіе промышленники живутъ на мѣстѣ, а не проходятъ часто за 1,000 верстъ, какъ наши, напримѣръ, изъ Кемскаго, Онежскаго и даже Архангельскаго уѣздовъ; нужно брать приэтомъ во вниманіе трудность пути и издержки на проѣздъ. Кромѣ того, приходя въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ становища, и оставаясь тамъ только до августа, наши промышленники занимаются ловомъ только 4 мѣсяца, а если исключить изъ этого времени дни бурь и непогодъ, когда ловля не можетъ совершаться, отсутствіе надзора хозяевъ и проч., то неудивительнымъ покажется, что въ наши порты доставляется такъ мало нашей рыбы, и что промыселъ обходится дорого.

Если наши поморы находять выгоднымъ промѣнивать хлѣбъ на рыбу въ Норвегіи, то это именно и зависитъ отъ ограни-

ченности нашихъ промысловъ на берегу Мурманскомъ, по причинамъ, только что указаннымъ.

Если бы на Мурманскомъ берегу были постоянные колонисты, то они могли бы заниматься ловлею рыбы не 4 мѣсяца, а гораздо болѣе, почти круглый годъ; самый же промыселъ бы дѣ бы менѣ убыточенъ, чѣмъ въ настоящее время, когда нужн о брать во вниманіе расходъ на приѣздъ и отъѣздъ. Значительность добываемыхъ продуктовъ, въ теченіе почти цѣлаго года, дала бы возможность продавать ихъ дешевле, и слѣдовательно поморы стали бы также охотно брать рыбу у колонистовъ, какъ и у норвежцевъ, а ихъ снабжали бы хлѣбомъ. За хлѣбъ они, правда, брали бы рыбою, и съ большіею выгодною для себя, но колонистамъ отъ этого хуже не было бы, чѣмъ нынѣшнимъ покрутичамъ. Вѣдь если правильнѣе разсчитать, то нашимъ судорабочимъ рыболовамъ хлѣбъ обходится въ теченіе цѣлой зимы, пожалуй, не дешевле, чѣмъ покупаютъ его норвежцы, если взять во вниманіе то, что хозяева своимъ покрутичамъ даютъ хлѣбъ впередъ въ долгъ, и приэтомъ хозяинъ беретъ та- кой процентъ, какой ему вздумается,—причина этому та, что у рабочаго нѣтъ денегъ, слѣдовательно его неволя заставляетъ всю зиму забирать въ долгъ у своего хозяина по назначенной имъ цѣнѣ. Если онъ не захотѣлъ бы подчиниться произволу хозяина, и обратился бы къ другому богатому помору, то встрѣтилъ бы тоже самое; притомъ долгъ отдавать надо тѣмъ, что заработано только лѣтомъ; такимъ образомъ покрутичамъ хлѣбъ обходится очень дорого.

Отчего же, спрашиваемъ, было бы невыгодно нашимъ будущимъ колонистамъ продавать треску по такой же дешевой цѣнѣ какъ и въ Норвегіи? Г. Данилевскій говоритъ, что выгоды мѣны съ Норвегіею для нашего помора заключается въ томъ, что за пудъ муки онъ получаетъ отъ норвежцевъ 5 пудовъ трески; продавая эту треску въ Архангельскѣ по 40 коп. или при самой дорогой цѣнѣ по 60 коп. за пудъ, поморъ отъ продажи трески получить въ первомъ случаѣ 2 р., во второмъ 3 р.; муку же покупаетъ онъ въ Архангельскѣ по 70 к. (самая дешевая цѣна). На это мы возразимъ: во первыхъ, мука покупается поморами въ Архангельскѣ дороже и то на чистый деньгъ восьмая часть, а несравненно большая часть въ кредитъ за высокіе проценты. Причина высокихъ процентовъ заключается у насъ не столько въ неразвитіи кредита, сколько въ отсутствіи страхованія судовъ и грузовъ, почему купецъ беретъ за рискъ значительный процентъ; во вторыхъ, если сосчитать расходъ на содержаніе рабочихъ, при отправкѣ въ Норвегію и изъ Норвегіи въ Архангельскъ съ рыбою, а изъ Архангельска снова домой (зимовать никто не остается въ Архангельскѣ) если взять во вниманіе противные вѣтры, часто заставляющіе помора стоять по цѣлымъ недѣлямъ, и кормить приэтомъ рабочихъ на свой счетъ; если принять въ расчетъ, что на покрытіе расходовъ при постройкѣ судна

и оснащеніи его и другихъ расходовъ, также поморъ долженъ отдѣлять часть получаемыхъ процентовъ изъ барыша, то окажется, что выгода мѣновой торговли съ норвежцами не такъ чрезмѣрна, какъ кажется г. Данилевскому, и не такъ обидна для норвежскихъ фирмановъ, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Наши будущіе колонисты вѣроятно промѣнивали бы рыбу за хлѣбъ, какъ и норвежскіе промышленники, и наши поморскіе торговцы, вѣроятно, сознали бы выгоду этой мѣны.

Вмѣсто того, что бы отправляться сперва въ Архангельскъ за хлѣбомъ, и оттуда уже плыть въ Норвегію, а потомъ привозить оттуда треску, наши поморы могли бы брать у колонистовъ наловленную осенью и зимою рыбу, и отправлять ее въ Архангельскъ въ іюню мѣсяцу; продавъ тамъ, накупить хлѣба, раздать хлѣбъ по дорогѣ колонистамъ, и затѣмъ съѣздить даже въ Норвегію, набрать тамъ рыбы, и, возвращаясь по пути, забрать рыбу и отъ колонистовъ. Такимъ образомъ, въ Архангельскъ за хлѣбомъ нѣкоторыя суда не отправлялись бы безъ груза, какъ теперь, а привозили бы съ собою рыбу, которую могли бы мѣнять на муку. Притомъ колонисты и сами могли бы отвозить предметы промысловъ въ Архангельскъ, и тамъ закупать себѣ хлѣбъ.

Сѣверозападная часть Мурманскаго берега вовсе не безлѣсна. По Печенгѣ и другимъ рѣкамъ, впадающимъ въ Сѣверный океанъ, есть лѣсъ, который похищается ежегодно норвежцами, и слѣдовательно не представляется препятствій строить суда, что и дѣлалъ Печенскій монастырь. Впрочемъ, если бы было выгодно построить судно въ другомъ мѣстѣ, то колонисты это могутъ также сдѣлать: по морю судно доставить не трудно.

Подпасть подъ иго поморцевъ, какъ опасается г. Данилевскій, колонисты не могутъ, потому именно, что за забираемые хлѣбные и другіе припасы они имѣли бы больше шансовъ расчитываться, чѣмъ покрутки, такъ какъ послѣдніе расчитываются только лѣтними промыслами, у колонистовъ же были бы въ запасъ промыслы осенніе и зимніе.

Кола, приведенный г. Данилевскимъ въ примѣръ, можетъ именно служить доказательствомъ того, какъ настоящая система промысловъ, временно приходящими промышленниками или покрутками, стѣснительно дѣйствуетъ на развитіе промышленнаго духа. Кола и есть единственная колонія русскихъ въ Лапландіи. Свободный духъ промышленности именно потому не могъ развиваться, что колонисты, не имѣя средствъ самостоятельно заняться промыслами, постоянно находятся въ зависимости отъ четырехъ монополистовъ, употребляющихъ во зло необходимость ближняго. Съ населеніемъ Мурманскаго берега, при помощи пособій отъ правительства, вѣроятно явились бы соперники четырехъ кольскимъ монополистамъ, которые могли

бы предложить промышленникамъ условія гораздо выгоднѣе тѣхъ, какіе предлагаютъ имъ кольскіе монополисты. Примѣръ совокупности нѣсколькихъ человекъ для одной извѣстной цѣли, какъ это устроилось бы при колонизаціи, могъ бы быть поучительнымъ для *колянъ*. Вѣроятно, явилась бы у многихъ охота, вмѣсто того, что бы быть въ вѣчной зависимости отъ богачей монополистовъ, соединиться въ артели, подобно колонистамъ сообща трудиться, и потомъ пользоваться своими трудами.

Могли ли коляне оправиться, когда система покрутничества съ давнихъ поръ своимъ тяжелымъ гнетомъ убивала всякую возможность освободиться отъ зависимости капиталистовъ, потому именно, что первоначально не было средствъ устроить лучше свое положеніе, чѣмъ нынѣ.

Вотъ что мы находимъ въ лѣтописяхъ Печенскаго монастыря въ 1702 году.

«Да приходять внамъ (монахамъ) прежніе рѣчные и тонные наши заборщики и покрутченники лопари и коляна крутиться і впрежніе годы у прежнихъ строителей крутились они і на предъ имъ испустынной казны втотъ покрутъ давано было на ссуду деньгами и хлѣбомъ і какъ они сиромысловъ придуть и тогда у нихъ тѣ ссудные деньги и хлѣбъ вычитаютъ назадъ; также и коляна всѣ крутятъ і нынѣ мы безтвоей воли крутить ихъ смѣемъ.»

Чему же послѣ этого удивляться? что Кола въ теченіе своего продолжительнаго существованія не достигъ степени благосостоянія? Намъ кажется, что покрутничество, именно и было и есть, причиною этого. Относительно будущихъ колонистовъ этого опасенія не должно быть, такъ какъ денежное пособіе отъ правительства (причемъ только и допускается возможность колонизаціи) дастъ возможность колонистамъ устроить и суда и рыболовные снаряды на готовый капиталъ.

Наконецъ, если мы допустимъ даже, что колонисты и дѣйствительно подверглись бы всѣмъ тѣмъ невыгоднымъ условіямъ покрута, какъ и коляне и другіе промышленники, то чѣмъ же ихъ состояніе было бы хуже? Намъ кажется, что оно было бы сравнительно лучше, уже хотя потому, что устранилась бы возможность совершать 1,000 верстныхъ странствованія и все лѣто жить внѣ семейнаго очага.

Такимъ образомъ тотъ, кто теперь состоитъ рабочимъ, ничего не потеряетъ, переселясь на Мурманскій берегъ, а для бѣднаго кореляка это блестящій исходъ.

Но если мы пойдемъ дальше, то увидимъ, что и на Мурманскомъ берегу есть возможность прочно устроить свой бытъ поселенцу. Стоитъ обратить вниманіе еще на одну отрасль промышленности на Мурманскомъ берегу, въ настоящее время находящуюся въ младенческомъ состояніи: это ловъ *акулъ*. Самъ г. Данилевскій, возстающій противъ колонизаціи, находитъ заведеніе поселенія для этой цѣли весьма полезнымъ, тѣмъ бо-

лѣа, что этимъ промысломъ можно заниматься и въ свободное зимнее время. На сколько выгоденъ промыселъ, по количеству добываемаго изъ акулы жира, на столько полезенъ для рыболовства: хищная акула разгоняетъ и истребляетъ рыбу.

Скажемъ теперь о возможности сельскаго хозяйства на Мурманскомъ берегу. Дѣйствительно, оно тамъ можетъ быть, если возьмемъ во вниманіе то, что, по свидѣтельству очевидцевъ, зима тамъ не столь сурова, чѣмъ внутри Архангельской губерніи. Морозы рѣдко доходятъ до 20°, большею же частію 10—15°; хотя лѣто и короткое, но отсутствіе ночей благоприятствуетъ быстрѣйшему развитію растительности. Почва на берегахъ рѣкъ столь же удобна, какъ и въ другихъ мѣстахъ Архангельской губерніи, и хлѣбъ можетъ поспѣть въ девять недѣль, считая со времени посѣва до снятія. Но, конечно, мы не хотимъ этимъ сказать, что тамъ можетъ существовать земледѣліе, опытовъ не было, но о возможности огородничества не можетъ быть никакого сомнѣнія. Возможность доказывается опытомъ поселившихся на Мурманскомъ берегу норвежцевъ, у которыхъ хорошо вырастаютъ огородные овощи: капуста, репа, брюква, рѣпка и другія.

Для скотоводства Мурманскій берегъ представляетъ значительныя выгоды, такъ какъ по берегамъ рѣкъ, губъ и заливовъ находятся весьма хорошіе сѣнокосы, въ особенности по берегамъ Ура-губы, Лица-губы, Мотовской, Земляной, Войда-губы, Печенской, на Айновскихъ и Зубовскихъ островахъ и пр. Доказательствомъ возможности хорошаго скотоводства на Мурманскомъ берегу, можно привести, во 1-хъ, то, что существовавшій въ прежнее время Печенскій монастырь имѣлъ значительное скотоводство; во вторыхъ, то, что у норвежцевъ переселенцевъ скотоводство въ хорошемъ состояніи. Въ доказательство же обилія сѣна въ сѣверозападной части Мурманскаго берега служатъ факты ежегоднаго похищенія и вывоза его въ Норвегію тысячами пудовъ.

Скотоводство приносило бы значительныя выгоды жителямъ; это нетрудно доказать: сбытъ продуктовъ его въ Норвегію въ высшей степени выгоденъ; на примѣръ, въ навигацію 1863 г., сдѣлана попытка вывозить туда кожи рогатаго скота и коровье масло изъ Мезенскаго уѣзда; кожи продавались по 25 коп. за фунтъ, полагая, по среднему расчету, каждую кожу въсомъ по 1 п., выходить, что кожи продавались по 10 руб. за штуку; коровье же масло (топленое) по 8 рублей 50 коп. за пудъ.

Здѣсь не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ противникѣ колонизаціи Мурманскаго берега, г. Сидоровѣ. Въ своей статьѣ «Сѣверъ Россіи» онъ удивляется, что допускаютъ норвежцевъ поселяться на Мурманскомъ берегу, да еще предлагаютъ давать денежное пособіе. Это потому непростительно, по мнѣнію г. Сидорова, что норвежцы имѣютъ недобросовѣст-

ныя притязанія на ближайшія къ нимъ мѣстности излешго Мурманскаго берега. Конечно, мы, вмѣстѣ съ г. Сидоровымъ, недовольны притязаніями норвежцевъ, какъ нація, на нашу богатую приморскую полосу, но зачѣмъ же переносить свое неудовольствіе на тѣхъ отдѣльныхъ единицъ трудящагося класса норвежцевъ, которые желаютъ переселиться къ намъ съ принятіемъ русскаго подданства? На это мы скажемъ г. Сидорову словами городничаго: «конечно, Александръ Македонскій герой, но за чѣмъ же стулья ломать!» Изъ Норвегіи каждый годъ выселяется значительное число лицъ въ Америку; причина — значительное увеличеніе населенія; по этой же причинѣ переселяются они и къ намъ, въ особенности изъ сѣв. Финмаркена. Сюда ихъ влечетъ, кромѣ простора, возможность заниматься скотоводствомъ, однимъ изъ любимыхъ занятій норвежца. Что же касается до того, что переселенцамъ предполагается давать денежные ссуды, на обзаведеніе промысловыми судами и рыболовными снастями, то это также относится и къ русскимъ переселенцамъ.

Въ заключеніе укажемъ на тѣ условія, при которыхъ могла бы развиваться колонизація сѣверозападной части Мурманскаго русскаго берега; условія эти слѣдующія: 1) переселенцамъ должны быть предоставлены такія льготы и пособія, какія предоставлены переселяющимся изъ малоземельныхъ въ большеземельныя губерніи, и кромѣ того отпускать необходимо имъ безденежно лѣсъ изъ казенныхъ дачъ, по нормѣ, установленной для государственныхъ крестьянъ, на постройку домовъ, хозяйственныхъ строеній и огородовъ и на отопленіе въ теченіе 5 лѣтъ, а на постройку мореходныхъ и рѣчныхъ судовъ въ теченіе 10 лѣтъ, со времени водворенія. 2) Переселенцамъ необходимо выдавать ссуды, въ размѣрѣ 240 руб., на четыре семейства, для заведенія промысловыхъ судовъ и рыболовныхъ снастей. 3) Для обезпеченія продовольствія переселенцевъ, необходимо производить имъ отпускъ хлѣба изъ торговыхъ магазиновъ за деньги, по правиламъ, установленнымъ для государственныхъ крестьянъ. 4) Предоставить имъ, по торговлѣ съ Норвегіею, тѣ же права, какими пользуются поморскіе крестьяне, предоставивъ имъ, кромѣ того, право безошлиннаго привоза изъ Норвегіи, въ мѣсто своего жительства, тѣхъ предметовъ, которые необходимы въ домашнемъ хозяйствѣ, но отнюдь не на продажу, исключая промысловыхъ снарядовъ, которые, для развитія промысловъ, необходимо разрѣшить продавать свободно по всему Мурманскому берегу. 5) Такъ какъ соединеніе съ полудикими лапландцами, въ одно общество подъ однимъ управленіемъ, переселенцевъ, людей, несравненно выше стоящихъ по своему развитію, образу жизни, приѣмамъ хозяйства и промышленности, было бы крайне неудобно, то полезнѣе и удобнѣе составлять изъ переселенцевъ отдѣльныя общества съ управленіемъ, состоящимъ изъ лицъ, выбранныхъ изъ среды ихъ, ко-

нечю на тѣхъ же основаніяхъ, какъ составлены сельскія общества и сельскія управленія государственныхъ крестьянъ.

V.

О соединеніи Бѣлаго моря съ Балтійскимъ.

Архангельское Поморье, богатое рыбными промыслами, должно ограничивать сбытъ ихъ архангельскимъ рынкомъ. Непосредственно въ Петербургъ отправляется меньшая часть предметовъ рыбныхъ промысловъ и главнѣйшимъ образомъ семга и сушеная треска.

Въ Петербургъ они доставляются двумя путями: одинъ чрезъ океанъ, Нѣмецкое море, Каттегатъ, Балтійское море, а другой, болѣе посѣщаемый зимній, чрезъ Суму и Повѣнецъ. Но оба эти пути столько же отдаленны, сколько и неудобны. Первый сопряженъ съ опасностями, и отдаленность его дозволяетъ совершать только одинъ рейсъ въ продолженіе года. Для другаго, сухопутнаго, качество товара заставляетъ ожидать зимы, потому что въ другое время рыбный товаръ портится и теряетъ свою цѣнность.

Для устранения всѣхъ этихъ неудобствъ и для оживленія и развитія промышленности и торговли Поморскаго края, бывшій начальникъ губерніи, Арандаренко, осмотрѣвъ мѣстоположеніе, нашель удобный для сбыта произведеній путь, на пространство 192 верстъ 395 сажень, отъ посада Сумы, Кемскаго уѣзда, до города Повѣнца. Путь этотъ идетъ чрезъ рѣку Суму, Сумозеро, Выгозеро, рѣку Телякину, Маткозеро и узкія озера; изъ всего пространства на сухой путь приходится 56 верстъ 47 сажень, который состоитъ изъ узкихъ перешейковъ между многими озерами, покрывающими эту мѣстность, почему г. Арандаренко призналъ возможнымъ и необходимымъ соединеніе каналомъ Онежскаго озера отъ Повѣнца съ Онежскою губою, у Сумы, чрезъ что соединилось бы Бѣлое море неразрывнымъ воднымъ путемъ съ С.-Петербургомъ и Маріинскою системою. Необходимость сообщенія Петербурга съ Онежскою губою важна потому, что поморскіе жители, при доставкѣ рыбнаго товара этимъ путемъ, сохранили бы лучшее качество товара, и получили бы болѣе выгоды при сокращеніи издержекъ отъ провоза.

Жители губерніи считаютъ, что нынѣ всякій пудъ тяжести изъ С.-Петербурга въ Архангельскъ обходится отъ 80 коп. до

одного рубля за провозъ; тогда какъ при проложеніи новой дороги онъ будетъ обходиться примѣрно отъ 28 до 30 к.

Проектъ объ устройствѣ сообщенія Онежскаго озера съ Онежскою губою, представленный начальникомъ губерніи, обратилъ на себя вниманіе главнаго управленія путей сообщенія и публичныхъ зданій, которымъ, лѣтомъ 1857 года, былъ командированъ инженеръ-капитанъ Лебедевъ, для производства изысканій по проетированной мѣстности. Но дѣло пока на этомъ и остановилось.

Видѣсто водянаго сообщенія устраивается прямая дорога отъ села Нихчи, на Бѣломъ морѣ, къ Повѣнцу, Олонецкой губерніи. Въ 1865 году окончена просьба по избранному пути и большая часть его приспособлена для зимняго проѣзда. Устройство лѣтней дороги по этому направленію оказало бы громадное вліяніе на промышленность и торговлю архангельскаго Поморья; но для этого потребовалось бы устройство нѣсколькихъ мостовъ, гатей и другихъ довольно цѣнныхъ сооружений, недоступныхъ средствамъ мѣстнаго населенія, а высочайше дарованнымъ и пожертвованнымъ частными лицами, на это предпріятіе, капиталъ, около восьми тысячъ рублей, значительно уже истощенъ, и на остатокъ его дорога можетъ быть только приспособлена для зимняго пути. Къ сожалѣнію, этотъ зимній путь оказывается совершенно излишнимъ. Въ настоящее время существуетъ уже до Повѣнца зимній путь чрезъ Сумскій Посадъ, и преимущество этого пути заключается въ томъ, что онъ пролегаетъ чрезъ населенныя мѣстности, между тѣмъ какъ проложенная вновь дорога проходить по пустымъ мѣстамъ. Проведеніе лѣтней дороги, или еще лучше проведеніе канала и посредствомъ его соединеніе Бѣлаго моря съ Балтійскимъ и Маринскою системою, повело бы къ развитію нашихъ промысловъ и торговли нашихъ поморовъ съ Норвегіею. Для послѣдней, какъ равно для продовольствія, они могли бы получать съ Маринской системы хлѣбъ и другіе припасы.

Предметы промысловъ, которые теперь идутъ въ незначительномъ количествѣ, притомъ большею частію чрезъ рубли архангельскихъ купцовъ, и при дорогомъ стоющей перевозкѣ, пошли бы прямо изъ Поморья въ Петербургъ и даже въ другія мѣстности. Не говоря имъ уже о сухой и соленой трескѣ, наши сельди и семга нашли бы также удобный способъ сбыта.

Здѣсь мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о сельдяныхъ и семужьихъ промыслахъ. Въ настоящее время около половины сельдей продаются незасоленныхъ, частію свѣжихъ, а преимущественно въ замороженномъ видѣ. Тѣ же, которыя засаливаются, приготовлены бывають весьма дурно: большая часть ихъ солится съ невычищенными внутренностями и притомъ кучами. Соль же кладется не всегда въ достаточномъ количествѣ.

Все это происходит не столько отъ того, что наши поморы не умѣютъ хорошо солить, сколько отъ условій сбыта. Потребители этого товара — жители Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерній, не требуя хорошаго качества, желаютъ только товаръ вунить подешевѣе. Были случаи, что нѣкоторые поморы широко приготовляли сельди, но должны были продавать по тѣмъ же цѣнамъ, по какимъ продавались и плошія; понятно, что подобный порядокъ дѣлъ не побуждаетъ улучшать способъ приготовленія сельдей. Г. Данилевскій возлагаетъ надежды въ этомъ дѣлѣ на Бѣломорскую компанію, которой онъ совѣтуетъ подароже платить крестьянамъ за сызнія сельди, и затѣмъ, по надлежашему приготовленію, продавать въ Петербургѣ, учредивъ для этого особое тамъ дѣло. Въ сожалѣнію, Бѣломорская компанія, въ настоящее время, совершенно прекратила свои казенныя сельдяныя дѣла. Остается ждать улучшенія способа пригромаенія сельдей отъ измѣненія условій сбыта. Сельдей въ губерніи засаливается около 200,000 пудъ, кѣнится около 100,000 п., и продается въ сызнемъ и заморозженномъ видѣ около 150,000 пуд. Занимающіеся ловомъ получаютъ за сельди въ сызнемъ видѣ около 70,000 руб., а тѣ, которые солятъ сельдей своею солью, въ своихъ боченкахъ, и привозятъ въ Архангельскъ, въ продажѣ выручаютъ около 150,000 руб., собственно за соленные и за конченныя сельди, прибавивъ къ этой суммѣ, выручаемую за сельди, находящія въ засоленіи, а продающіяся въ замороженномъ видѣ, что равняется суммѣ около 25,000 руб., получимъ, что весь сельдяной ловъ въ продажѣ равняется 175,000 рублей.

Перейдемъ теперь къ семгѣ, Е. Данилевскій, въ сочиненіи своемъ, «Исслѣдованіе рыболовства въ Россіи», выходя на преувеличенныя количества лова семги и другихъ рыбъ, помѣщенныя въ Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1857 г., въ статьѣ «Сѣверный рыбный промыселъ», опредѣляетъ наибольшій уловъ семги въ Печорѣ въ 16,000 пудъ, а во всей Россіи, по его мнѣнію, не налаживается и 80,000 пудъ, съ причисленіемъ сюда Балтійскихъ, теревскихъ и куренскихъ лососей. Посмотримъ такъ ли это? Священникъ Теревскій, проживавшій долго въ Пустозерскѣ, и близко изучившій хозяйство и промыслы пустоозерцевъ, въ статьѣ своей, «Сельскій бытъ и промышленность пустоозерцевъ», помѣщенной въ № 50 Архангельскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1860 г., весьма точно, по числу коплавней и тонней, опредѣляетъ изобильный ловъ пустоозерцевъ въ 23,000 п. семги; принимая ловъ устья Лемовъ, по расчету Г. Данилевскаго, въ половину противъ пустоозерскаго, окажется, что изобильный печерскій ловъ равняется 35,000 пудамъ продаваемой семги, не считая того, что съдятъ промышленники и что расклюютъ чайки, при выбораніи семги изъ сѣтей. Пойдемъ далѣе. Большой ловъ въ Мезени и Куломѣ тоже нужно положить въ 2,000 пуд.; къ

архангельскому порту привозится изъ Поморья Архангельской губерніи въ уловистый годъ болѣе 30,000 пудъ, по показаніямъ торговцевъ, независимо отъ этого, съ Терскаго берега прямо въ Петербургъ привозится до 8,000 пудъ, а изъ Колы до 3,000 пудъ; семга Олони, Кемь и Сороки, около 3,000 пудъ, тоже идетъ въ Петербургъ прямо; въ Шуньгу, а оттуда въ Петербургъ, семги поздняго осенняго и зимняго лова отправляется изъ Поморья, какъ видно изъ памятной книжки Олонечкой губерніи на 1864 годъ: свѣжей 2,500 пуд., соленой 9,000 пуд. Такимъ образомъ, въ уловистый годъ, Архангельская губернія продаетъ семги около 91,500 пуд. А сколько ея потребляется при промышленности, и сколько богатые мѣстные промышленники заготовляютъ ея въ прокъ для себя.

Погиманъ, свидѣтельству котораго нельзя не вѣрить, въ своемъ описаніи Архангельской губерніи, говоритъ о фактѣ, извѣстномъ въ то время каждому въ Архангельскѣ, что въ одинъ годъ, въ этомъ городѣ, испортилось 80,000 пуд. семги очень худого посола, и что шесть рыбныхъ торговцевъ, въ слѣдствіе этого, лишили себя жизни.

Среднимъ же числомъ, положительно можно опредѣлить уловъ семги въ Архангельской губерніи въ 50,000 п. въ годъ. Торговцы архангельскіе утверждаютъ, что среднимъ числомъ въ Архангельску привозится въ годъ около 25,000 пуд.; положивъ, что прямо въ Петербургъ, а также въ Шуньгу, идетъ среднимъ числомъ 12,000 пуд.; и на Печорѣ идетъ въ продажу среднимъ числомъ только 13,000 п., всетаки получаемъ 50,000 пудъ, а не 20,000 п., какъ утверждаетъ г. Данилевскій. Лица, занятія семужьимъ ловомъ, получаютъ въ годъ около 200,000 р., между тѣмъ, какъ посоливъ ее, сложивъ въ бочки, и доставивъ ее на главнѣйшіе рынки, торговцы получаютъ болѣе 400,000 р. Нельзя не замѣтить, что съ такимъ драгоценнымъ предметомъ, какъ семга, обращаются весьма небрежно. Вслѣдствіе того, что бы въ мѣстахъ, гдѣ производится ловъ, складывать ее и складывать въ бочки, ее прямо складываютъ въ суда и только по приплавѣ въ Архангельскъ она складывается въ бочкахъ.

Навагъ въ Шуньгѣ продается 50 т. пудъ, да въ губерніи около 25 тысячъ пуд., на сумму около 100,000 руб., а собственно тѣ лица, которыя промышленно и продаютъ скушьявамъ, выручаютъ около 50 тысячъ. Прочей рыбы, какъ то: нельмы, сига, чирковъ, омулей, щуки и другихъ, увозится чердынцами, а также продается на ярмаркахъ нижежекихъ, шунгской, на ярмаркахъ въ Финляндіи, и для потребленія въ губерніи, около 75 тысячъ пудовъ, на сумму 150 тысячъ рублей; собственно же занимающіеся промысломъ выручаютъ около 75 тысячъ рублей. Такимъ образомъ продажа цѣна рыбы, ловимой въ Архангельской губерніи, вѣжѣ съ мурманскою, простирается на сумму до 1,025,000 руб.; собственно же тѣ, которые занимаются ловлею рыбы, выручаютъ до 500,000

руб. Рыбною ловлею занимается 13,552 человекъ, такъ что среднимъ числомъ отъ рыбной ловли они получаютъ около 40 руб. на человекъ. Остальные 500 тысячъ руб., идутъ въ руки скушниковъ и хозяевъ промышленниковъ за издержки при промыслахъ (послѣднее относится только до мурманскихъ судозаезевъ издержки которыхъ простираются до 70 тысячъ р.) и наконецъ въ видѣ барышей.

VI.

О ВЫВОЗНОЙ ТОРГОВЛѢ АРХАНГЕЛЬСКАГО ПОРТА.

Изъ архангельскаго порта въ послѣднія 10 лѣтъ среднимъ числомъ вывозилось въ годъ:

Хлѣбныхъ товаровъ:

Овса	231,375	четвертей.
Ржи	144,740	
Пшеницы	10,258	
Ячменя	2,976	
Муки ржаной	429,495	пуд.
Крупы овсяной	32,659	»
Муки крупичатой	3,387	»

Льняныхъ и пеньковыхъ товаровъ:

Сѣмени льнянаго	97,168	четвертей.
Льна	307,815	пуд.
Льняной пакли	298,963	»
Снастей пеньковыхъ	9,235	»

Лѣсныхъ товаровъ:

Смолы	91,607	бочегъ.
Пеку	11,529	»
Рогожь	455,605	штукъ.
Досокъ, батанцовъ и проч.	334,620	»

Предметовъ скотоводства и промысловъ:

Сала говяжьяго	9,392	пуд.
Масла	882	»
Соленого масла	11,817	»
Сала ворваннаго	33,747	»
Шкуръ	47,301	штукъ.
Пера и полупушья	3,359	»

По цѣнности вывозилось среднимъ числомъ въ годъ:

Хлѣбныхъ товаровъ на 1.756,007 рублей

Льняныхъ товаровъ на	3.033,517	рублей.
Лѣсныхъ » »	813,026	»
Прочихъ » »	201,560	»

Всѣхъ вообще товаровъ вывозилось ежегодно среднимъ числомъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, на 5.840,110 рублей.

Первое мѣсто изъ отвозныхъ товаровъ занимаютъ льняные, какъ видно изъ вышеприведенныхъ данныхъ, которые составляютъ почти 0,52 цѣнности всѣхъ вывозимыхъ товаровъ, за тѣмъ слѣдуютъ хлѣбные товары, которые по цѣнности составляютъ болѣе 0,30; лѣсные товары составляютъ 0,14 и наконецъ прочіе товары около 0,04.

Большая часть отпускныхъ товаровъ принадлежитъ Вятской губерніи, затѣмъ значительная часть принадлежитъ Вологодской и самая меньшая Архангельской. Архангельской губерніи принадлежить: лѣсъ (который впрочемъ частью заготовляется въ Вологодской губерніи для лѣсопильныхъ заводовъ), $\frac{2}{3}$ количества отпускаемой смолы и почти весь пекъ, ворванное сало, шкуры морскихъ звѣрей, часть говяжьяго сала и соленого мяса, веревки и канаты, выдѣлываемые впрочемъ изъ привозной пеньки, всего на сумму отъ 500,000 до 600,000 рублей.

Что касается доставки товаровъ, то меньшая ихъ часть доставляется посредствомъ баржъ, буксируемыхъ пароходами съверодвинскаго пароходнаго общества, учрежденнаго въ 1858 году. *) Несравненно большая часть доставляется посредствомъ барокъ съ пристаней, а до пристаней по дурнымъ зимнимъ дорогамъ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ вкратцѣ сказать о состояніи путей сообщенія.

Хлѣбные и льняные товары, къ архангельскому порту, доставляются преимущественно изъ Вятской и частью изъ Вологодской губерній.

Пошуйская, Быковская и Подосиновая пристани, Вологодской губерніи, суть главные пункты, куда свозятся товары зимою, а уже оттуда водою отправляются въ Архангельскъ.

На Пошуйскую пристань, находящуюся въ Устьсысольскомъ уѣздѣ, на р. Лузѣ, товары привозятся изъ городовъ Орлова за 200, Вятки—190 и Слободскаго за 180 верстъ и на Быковскую, въ 350 верстахъ ниже Пошуйской, изъ Орлова за 214 и Вятки за 227 верстъ.

Лѣтомъ дорокъ къ этимъ пристанямъ почти не существуетъ.

*) Съверодвинское пароходное общество имѣетъ два парохода: одинъ въ 80, а другой въ 60 силъ. Со времени учрежденія его привозилось въ Архангельскъ среднимъ числомъ въ годъ: хлѣбныхъ товаровъ 129,012 $\frac{1}{2}$ пуд., сѣмени льнянаго 92,800 пуд., льна и пакли льняной 112,812 $\frac{1}{2}$ пуд., всего 334,125 пуд. Товары эти привозились большею частью съ Подосиновой и частью съ Великоустюжской пристаней.

Зимомъ дороги на Ношульскую и Быковскую пристани, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, но главное и отъ того, что лѣтнія дороги, непроѣздня, заваленныя и обросшія лѣсомъ (и на нихъ набросанъ коекакъ изгнившій жерднягъ), немогутъ плотно удерживать зимней дороги, съ января по апрѣль, до того худы, что нерѣдко измученныя лошади издыхаютъ, и по дорогѣ часто можно встрѣтить или павшую лошадь, или оставленный грузъ съ изломанными санями. Дорогѣ портится еще и отъ короткихъ безъ подрѣзовъ саней, которые, выдаясь постоянно изъ стороны въ сторону, дѣлаютъ большіе раскаты по сторонамъ и при своей короткости—ухабы или рытвинны на дорогѣ, изъ которыхъ, попавшій возъ можетъ быть освобожденъ не иначе, какъ при сборѣ народа и то съ большими усиліями.

На Подосиновую пристань дорога хотя и имѣетъ достаточную ширину, но никогда и нигдѣмъ непоправляемая, въ срединѣ зимы разбивается до чрезвычайности, и представляетъ почти всѣ тѣ же неудобства, какъ и дороги къ Ношульской и къ новымъ пристанямъ. Но эта дорога всетаки лучше, чѣмъ дороги на Ношульскую и Быковскую пристани. На Подосиновую пристань товары идутъ изъ городовъ Орлова за 272 и Котельничя за 280 верстѣ.

Путь отъ этихъ пристаней по рѣкамъ Лузѣ и Югу, до впаденія его въ Сѣверную Двину, весьма опасенъ. Рѣка Югъ вскрывается ранѣе Лузы, и вода ея упадаетъ очень скоро, почему и стараются отправлять барки по Лузѣ какъ можно скорѣе по вскрытіи.

Плаваніе по Лузѣ, до впаденія въ Югъ, на пространствѣ 570 верстѣ, сопряжено съ постоянными опасностями, каковы: 1) удары барокъ о берега, при крутыхъ поворотахъ рѣки; 2) удары барокъ о подводныя карчи, т. е. деревья, выступившія изъ береговъ, по подмытіи водою, но невидныя при большой водѣ; 3) подводные обвалы береговъ и 4) новыя теченія рѣки или преносы, которыя часто обманываютъ даже опытныхъ лоцмановъ. При мелководіи на Лузѣ, ни одна барка не можетъ отправиться въ путь, что и случилось въ 1848 году. При плаваніи по р. Югу встрѣчаются всѣ тѣ же затрудненія, какъ и на Лузѣ. Выплывъ въ рѣку С. Двину, до впаденія Вычегды барки должны преодолѣть еще 13 извѣстныхъ мелей, и, по случающимся въ нихъ ежегоднымъ измѣненіямъ, барки часто садятся на мель.

Колебаніе и непомѣрное повышеніе провозной платы отъ вятскихъ городовъ до различныхъ пристаней имѣетъ весьма вредное вліяніе на торговлю, и заставляетъ купечество производить свои операціи наавось: разсчитывая нерѣдко при закупкѣ на мѣстахъ на провозную плату до пристани въ 10 или 12 коп. за пудъ, оно принуждено бываетъ въ послѣдствіи платить почти вдвое. Нерѣдко случается также, при раннемъ таяніи

снѣга, что значительное количество товаровъ должно оставать- ся неотправленнымъ, или не доставляется до мѣстъ назначенія, оставаясь въ пути, отчего конечно претерпѣваются весьма ощутительные убытки. Доставка водянымъ путемъ, какъ выше показано, сопряжена еще съ большимъ рискомъ; не говоримъ о крушеніяхъ; одни мелководія, которыя, хотя и нечасто, однако же случаются, бываютъ пагубны. Напримѣръ, въ 1848 г., съ рѣкъ Лузы, Сухоны и Юга выплыло весьма незначительное число судовъ, и то далеко не въ полныхъ грузахъ и несвое- временно, такъ что самыя необходимыя для продовольствія пред- меты доставлялись частію на плотахъ, и цѣна на муку, въ маѣ и іюнѣ мѣсяцахъ, единственно въ слѣдствіе отсутствія своевремен- ныхъ подвозовъ, доходила до рубля за пудъ и уже въ послѣдствіи понизилась на 55 коп. Въ 1852 г., если не говорить о перегруз- кахъ и затрудненіяхъ, съ которыми товары доставлялись, обме- дѣло до 50 барокъ, коихъ грузы могли быть доставлены въ Архан- гельскъ не ранѣе, какъ въ послѣдующемъ году, отчего купечество, само собою разумѣется, понесло весьма значительные убытки. Убытки отъ подобныхъ случайностей могутъ имѣть еще болѣе гибельныя послѣдствія, и повесть за собою совершенное раззоре- ніе торгующаго купечества, потому что, въ случаѣ несвоевремен- ной доставки товаровъ съ пристаней, привелось бы отпускать прибывшіе за ними корабли съ баластомъ, и платить, какъ кораблехозяевамъ, такъ и заграничнымъ покупателямъ нашихъ товаровъ, огромныя суммы за неустойку и невыполненіе кон- трактныхъ обязательствъ, а подобныя опасенія вовсе немни- мыя, потому что водяныя сообщенія становятся у насъ скорѣе затруднительными, и нисколько уже не улучшаются: по край- ней мѣрѣ, изъ собираемаго съ проплаваемыхъ товаровъ $\frac{1}{4}\%$ сбора на улучшение водяныхъ сообщеній, по здѣшней системѣ, ничего не расходовалась. Улучшеніе водяныхъ сообщеній мо-гло бы, до нѣкоторой степени, отвратить или уменьшить опа- сности и разныя неудобства, хотя впрочемъ люди, знакомые съ состояніемъ нашихъ водяныхъ путей, считаютъ мало вѣроятною возможность ихъ улучшенія. Радикальнаго устраненія въ этомъ отношеніи можно однако же только ожидать отъ поставленія торговли въ возможнѣйшую независимость отъ всѣхъ случай- ностей, а этого можно только достигнуть постройкою хотя бы желѣзнодорожной дороги отъ вятскихъ городовъ до устья рѣки Вычегды, чѣмъ бы устранились неудобства зимняго пути, и бы-ли бы обойдены опасныя мѣста водянаго пути. Отъ устья Выче- гды перевозка производилась бы посредствомъ буксирнаго па- роходства, почему не только самая доставка товара, но и издерж- ки по ней, не подвергались бы колебаніямъ, и даже были бы удешевлены, что дало бы предприимчивости прочное основаніе, и навсегда обезпечило бы сѣверный край не только отъ недо- статка въ продовольственныхъ предметахъ, но и отъ чрезмѣр- наго повышенія цѣнъ на нихъ. Но польза для снабждающихъ

*

здѣшній портъ губерній была бы еще значительнѣе и важнѣе, ибо при такомъ устройствѣ сообщенія запасы этихъ губерній могли бы во всякое время быть передвинуты на устье Вычегды, и владѣльцы ихъ могли бы воспользоваться спросомъ на хлѣбные товары, возникшимъ послѣ окончанія зимней перевозки, и даже въ томъ же году могли бы доставить сюда часть новыхъ своихъ урожаевъ для отправки за границу. При настоящемъ же положеніи, нерѣдко случается, что, не имѣя въ зимнее время видовъ на сбытъ хлѣбныхъ и другихъ продуктовъ за границу, торговцы заготавливаютъ ихъ только по необходимости, въ маломъ количествѣ, а если по окончаніи зимней перевозки и оказывается спросъ, то достать ихъ нѣтъ ужъ возможности, и тѣмъ упускается удобный случай для сбыта и ускореннаго обращенія капиталовъ. Стоимость желѣзнодорожной дороги обыкновенно полагаютъ по 5,000 руб. сер. за версту; но если устроить довольно прочное полотно, что бы въ послѣдствіи, въ случаѣ надобности, устроить настоящую желѣзную дорогу, то нужно принять въ расчетъ поверстную стоимость нѣсколько выше, такъ что стоимость такой желѣзнодорожной дороги составитъ около $2\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

Устройство означенной желѣзнодорожной дороги нѣкоторые считаютъ дѣломъ маловыгоднымъ для предпринимателя, но это мнѣніе едва ли основательно. Въ настоящее время, перевозка товаровъ на пристани изъ городовъ Вятской губерніи зимнимъ путемъ обходится среднимъ числомъ отъ 12 до 16 коп., и отъ пристаней до Архангельска водянымъ путемъ отъ 8 до 10 коп.; вмѣстѣ отъ 20 до 26 коп. Если предположить, что желѣзнодорожная дорога проведена до устья Вычегды, и что оттуда товары перевозятся на баржахъ, посредствомъ буксирнаго пароходства, то окажется: за провозъ на баржахъ, отъ устья Вычегды до Архангельска, потребуется отъ 4 до 5 коп. съ пуда, потому что отъ Устюга за перевозку на баржахъ платится 6 коп. съ пуда. Слѣдовательно за перевозку по желѣзнодорожной дорогѣ остается, изъ существующей нынѣ цѣны за провозъ, отъ 16 до 21 к., т. е. почти 19 коп. съ пуда. Всего провозится изъ Вятской губерніи отъ 3 до 4 милліоновъ пудовъ; такимъ образомъ за провозъ составитъ ежегодно около 650,000 р., т. е. 25% стоимости желѣзнодорожной дороги. Но если бы устроилась эта дорога, и тѣсно съ нею связанное пароходство съ Вычегды, и конечно удешевились бы тогда провозныя цѣны, то положительно можно сказать, что вывозъ удвоится, и архангельскій портъ будетъ выносить на вятскихъ рынкахъ соперничество С.-Петербурга. Кромѣ того, съ устройствомъ этой дороги, пойдетъ этимъ путемъ часть предметовъ промысловъ Архангельской губерніи и даже незначительная виѣшняя привозная торговля Архангельска значительно увеличится. Можно разсчитывать, что провозъ по желѣзнодорожной дорогѣ возросъ бы отъ 8 до

10.000,000 пудовъ, и слѣдовательно она давала бы дохода въ годъ болѣе 1.000,000 р., считая за провозъ съ пуда только отъ 10 до 12 коп., что покрыло бы издержки содержанія, и дало бы хорошій процентъ предпринимателю.

При настоящемъ же положеніи дѣлъ, будущее архангельской торговли печально. При развитіи пароходства по Вяткѣ, цѣна за провозъ до С.-Петербурга сравняется съ провозною платою до Архангельска, а фрахтъ отъ Петербурга до европейскихъ портовъ составляетъ $\frac{2}{3}$ цѣны фрахта отъ Архангельска до этихъ же портовъ. При такомъ отношеніи, само собою разумѣется, прекратится чрезъ архангельскій портъ торговля хлѣбомъ и льняными товарами. Торговля послѣдними чрезъ архангельскій портъ поддерживается честнымъ бракомъ, который заслужилъ себѣ довѣріе на европейскихъ рынкахъ.

До тѣхъ поръ, пока осуществится мысль объ устройствѣ желѣзнодорожной дороги, если только ей суждено осуществиться, необходимо исправить нынѣ существующій зимній путь, для перевозки товаровъ изъ городовъ Вятской губерніи къ пристанямъ. Что бы привести въ лучшее состояніе зимнюю дорогу, необходимо сначала исправить лѣтнюю. Для этого нужно сначала вырубить поросшія на ней мелкія лѣсы, сдѣлать мосты и проч., такъ, что бы зимній путь установился на твердой и гладкой мѣстности, а извозчикамъ вѣнчить въ обязанность, что бы они, для перевозки кладей, употребляли сани длиннѣе нынѣшнихъ и съ подрѣзами. Также необходимо отмежевать землю пристанямъ, потому что для Ношульской пристани, еще и до настоящаго времени, земля не отмежевана, а живущіе въ ближнихъ селеніяхъ къ пристани крестьяне производятъ близъ нея свои постройки, чѣмъ совершенно стѣснили постройку складочныхъ анбаровъ, причемъ, въ случаѣ пожара въ селеніи, можетъ угрожать опасность товарнымъ складамъ.

Конечно желательно было бы, если возможно, улучшеніе и водянаго пути по рѣкамъ Лузѣ и Югу, тѣмъ болѣе, что на этотъ предметъ съ давняго времени собирается со всѣхъ провозимыхъ по этимъ рѣкамъ товаровъ $\frac{1}{4}$ % сбора.

Въ настоящее время способъ доставки товаровъ къ порту сопряженъ съ непроизводительною тратою капитала; такъ ежегодно купечество тратитъ отъ 220 т. до 250 т. руб. на матеріалы и на постройку судовъ, какъ то: барокъ, каюковъ, шуяковъ и проч., которые, по приплавѣ въ Архангельскъ, продаются на дрова и на нежилыя постройки, едва только за 10% ихъ стоимости, а 90% теряются безвозвратно. Правда, казна за лѣсъ, употребляемый на эти суда, получаетъ около 90 т. руб.; но это мы не можемъ назвать выгоднымъ доходомъ, потому что онъ сопряженъ съ огромнымъ истощеніемъ лѣсныхъ запасовъ, которые могли бы быть затрачены производительнѣе.

Торговлю архангельскаго порта производятъ шесть торго-

выхъ домовъ и три отдѣльные кушча, изъ которыхъ одинъ отпускаетъ за границу только лѣсъ. Въ прежнее время купеческіе дома, ведущіе заграничную торговлю, закупали товары отъ русскихъ купцовъ; въ настоящее же время они посылаютъ своихъ повѣренныхъ на вятскіе и вологодскіе рынки, а также имѣютъ ихъ изъ тамошнихъ крестьянъ. Такимъ образомъ большая половина товаровъ покупается изъ первыхъ рукъ на базарахъ и торжахъ на чистыя деньги. Другая половина покупается партіями, и въ этомъ случаѣ имѣетъ мѣсто кредитъ.

Товары отправляются за границу на иностранныхъ корабляхъ; въ послѣднее десятилѣтіе товары увозились среднимъ числомъ на 509 корабляхъ, а ежегодно за фрахтъ архангельскій портъ уплачивалъ среднимъ числомъ 1,000,000 руб.

Въ архангельскомъ портѣ, при нагрузкѣ товаровъ, артельщики зарабатываютъ въ годъ отъ 50 до 65 т. рублей; но, къ сожалѣнію, артели эти не могутъ быть собственно названы въ строгомъ смыслѣ артелями. Онѣ организованы такъ: каждая купеческая контора имѣетъ своего старосту, который вербуетъ артельщиковъ, причемъ онъ въ артели имѣетъ значительную долю своихъ работниковъ, которыхъ онъ нанимаетъ дешево, а при дѣлежѣ заработковъ онъ получаетъ на свою долю тѣ части, которыя причитаются на долю его работниковъ. Слѣдовало бы артели эти организовать надлежащимъ образомъ, такъ что бы артельщики сами выбирали себѣ старосту. Говорятъ, что въ такомъ случаѣ артельщики при самостоятельной организаціи будутъ требовать произвольно возвышенія такса; но вѣдь это можно устранить: стоитъ только положить, что бы такса измѣнялась комиссіею, состоящею изъ равнаго числа повѣренныхъ, какъ отъ купечества, такъ и отъ артельщиковъ.

Первое мѣсто изъ отпускаемыхъ за границу продуктовъ Архангельской губерніи занимаетъ пиленый лѣсъ и затѣмъ смола. Мы не будемъ распространяться на сколько выгоденъ постоянный вывозъ кандовой сосны, годной для кораблестроенія; не станемъ говорить и о томъ, истощаются ли чрезъ это запасы лѣсовъ. Укажемъ только на то, что крестьяне смолокуры даютъ доходу казнѣ и удѣлу *) около трехъ четвертей того, сколько всѣ лѣсопильные заводы въ губерніи. Отъ лѣсовъ для заграничнаго отпуска казна получала, въ послѣднія пять лѣтъ, около 70,000 руб. въ годъ; пошлины же со смолы и пеку, выкуриваемыхъ въ губерніи, 45,000 руб.

Вообще нельзя не пожелать развитія смолокурения и вообще лѣсотехническихъ производствъ. Въ Архангельской губерніи много такого лѣсу, который никогда не дойдетъ до степени строеваго, а потому съ пользою могъ бы быть употребляемъ для под-

---

*) Смолокурение въ настоящее время почти исключительно ведется въ шенкурскомъ удѣльномъ имѣніи.

сочнаго смолокурения. Но, къ сожалѣнію, подсочное смолокурение существуетъ только въ Шенкурскомъ уѣздѣ, въ другихъ же уѣздахъ оно воспрещено, почему и произошло то, что въ Холмогорскомъ уѣздѣ оно теперь совершенно не существуетъ, между тѣмъ какъ прежде оно тамъ было довольно развито.

Не можемъ также не обратить вниманія на высокой размѣръ пошлины. Съ бочки смолы (10 пуд.) взимается 1 руб. 30 к. съ подсочной и 30 коп. изъ пней и корней. Цѣна же смолы за бочку три рубля серебромъ и даже менѣе. Слѣдовательно смолокуръ, занимающійся подсочнымъ смолокурениемъ, платитъ казнѣ почти половину того, что выручаетъ за смолу, то есть за всѣ издержки по заведенію печи, по заготовленію, вырубкѣ и доставкѣ къ печи смолы, по выгуркѣ смолы, по изготовленію бочекъ, по доставкѣ смолы славомъ въ Архангельскъ.

Намъ кажется, что, въ видахъ развитія смолокурения, слѣдовало бы уменьшить пошлину съ подсочнаго смолокурения, а со смолы изъ пней и корней совершенно уничтожить пошлину.

Не можемъ также не обратить вниманія на меркаторскія карты Бѣлаго моря.

Карты Бѣлаго моря, составленныя по описи произведенной, съ 1827 по 1833 годъ, подъ начальствомъ М. Ф. Рейнеке, служатъ и по настоящее время единственнымъ руководствомъ для плавающихъ по Бѣлому морю русскихъ и иностранныхъ судовъ.

Замѣчательный трудъ г. Рейнеке, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣетъ и свои недостатки, происшедшіе какъ отъ краткости времени, въ которое были выполнены столь громадная работы, такъ и по причинѣ того, что принятія г. Рейнеке начала, при составленіи картъ, теперь уже устарѣли. Исправленіе картъ Бѣлаго моря, необходимое для безопаснаго плаванія, уже съ 1858 года обратило на себя вниманіе морскаго вѣдомства, и начальство Архангельскаго порта неоднократно заявляло объ этомъ, указывая, что въ особенности требуютъ изслѣдованія шхеры Кандалакшскаго и Онежскаго залива и соединяющія ихъ шхеры поморскаго берега, со всѣми становищами и входами въ главные поморскіе города и селенія: Кемь, Сумскій Посадъ, Сороку и многія другія, на протяженіи 3° по широтѣ, которыя, по краткости времени, употребленнаго на составленіе картъ, остались почти вовсе неописанными, что еще прежде подтвердилъ и самъ М. Ф. Рейнеке. Кроме того, признавалось необходимымъ повѣрить всѣ отмели, лежащія насупротивъ Орловскаго носа, передѣлать опись Мезенскаго залива и другихъ мѣстъ.

Приэтомъ указывалось на необходимость произвести астрономическія опредѣленія нѣкоторыхъ пунктовъ по Терскому и Мурманскому берегамъ Бѣлаго моря.

Но эти заявленія до сихъ поръ еще не получили осуществленія. Впрочемъ, можно полагать, какъ видно изъ отчетовъ г. директора гидрографическаго департамента, что морское вѣдомство при первой возможности осуществить ихъ.

VII.

О морскомъ судостроеніи.

Богатія прибрежя Бѣлаго и Студенаго морей, несмотря на суровость климата, свойственнаго почти полярной двинской землѣ, издревле привлекали сюда предприимчивыхъ новгородцевъ, которые, смѣшиваясь съ туземцами, и переработывая ихъ въ свой народный типъ, образовали по всему прибрежью поселенія отважныхъ мореходовъ.

Студеное и Бѣлое моря, населенныя громаднымъ количествомъ рыбъ и звѣрей, указали поселенцамъ, гдѣ они должны искать богатствъ, и вотъ эти поселенія издревле посвятили себя на морское звѣроловство и рыболовство. Необходимость поѣздокъ на Мурманъ, Новую Землю, Грумантъ и проч. за богатою добычею породили судостроеніе; затѣмъ торговля съ Норвегіею и наконецъ плаваніе въ Петербургъ, въ послѣднее время, повели къ развитію и усовершенствованію судостроенія нашихъ поморовъ.

Постройка судовъ въ Бѣломъ морѣ и на рѣкѣ Сѣверной Двинѣ началась съ переселеніемъ сюда новгородцевъ. Еще до прибытія къ славянамъ варяговъ, новгородцы приходили въ Архангельскую губернію для промысловъ и торговли. Изъ рѣки Воды, они перетаскивали свои суда въ рѣку Онегу, вступали въ Бѣлое море, и оттуда въ Сѣверную Двину, по которой и плавали до Каменнаго Пояса. Слѣдовательно и тогда существовало судостроеніе, но какія, гдѣ и какъ строились суда, неизвѣстно.

Достоверныя свѣдѣнія о бѣломорскомъ судостроеніи имѣются съ 1440 года, когда начали плавать по Бѣлому морю монахи Соловецкаго монастыря. Для монастырской нужды суда первоначально покупались у жителей Подпорожской волости Онежскаго уѣзда и Сумскаго Посада.

Съ 1548 года, устроены верфи при Соловецкомъ монастырѣ, съ которыхъ, по 1561 годъ, спущено было 15 лодей. Таково было наше домашнее судостроеніе, выработанное естественными условіями, безъ науки и подражанія, и прочно сохраняющееся и развивающееся до этихъ поръ у нашихъ поморовъ.

Въ 1581 году, прибывшими въ Новохоломгорскій посадъ, по торговымъ дѣламъ, голландцами, построены были галіоты; это послужило примѣромъ и для тамошнихъ жителей. Братья Ѳедоръ и Осипъ Баженины, на рѣкѣ Вавчугѣ, впадающей въ рѣку Сѣверную Двину, въ 13 верстахъ отъ Холмогоръ, съ указа царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, по данной имъ 10 февраля 1693 г. грамотѣ, устроили водяную пыльную мельницу, и, выпиливая на ней доски, продавали у города Архангельска. Затѣмъ Баженины захотѣли сами отправлять ихъ за море, на своихъ судахъ, для чего и просили государя дозволить имъ строить у своего завода корабли и яхты. Разрѣшеніе это дано было Петромъ Великимъ, въ первый прїѣздъ его въ Архангельскъ, въ 1693 году, когда онъ посѣщалъ Вавчугу. Возвратясь въ Архангельскъ, царь заложилъ на Соломбальскомъ островѣ яхту «Св. Петръ», на которой, по спускѣ на воду, плавалъ къ устью Сѣверной Двины, а потомъ, доходилъ и до рѣки Поной на Терскомъ берегу.

Во второе посѣщеніе царемъ Архангельска, выстроены были корабль, спущенный на воду весною того же года, на которомъ царь ходилъ за Св. Носъ, далѣе Семи Острововъ. Корабль этотъ былъ въ послѣдствіи отправленъ въ Голландію съ товарами. Оставляя Архангельскъ, царь вторично заѣхалъ на Вавчугу, осмотрѣлъ заведенное Бажениными судостроеніе и верфи, прядильный и парусный заводы, благодарилъ хозяевъ, пожаловалъ Ѳедору Баженину званіе корабельнаго мастера, и даровалъ грамоту, по которой дозволялось Баженинымъ вырубать для кораблестроенія до 4,000 годныхъ деревьевъ. Вновь выстраиваемыя на Вавчугѣ суда продавались приходившимъ на Вавчугу голландцамъ и датчанамъ, а на нѣкоторыхъ самими хозяевами отпускались товары за море.

Вотъ начало собственно купеческаго флота, порожденнаго путемъ привилегіи; судостроенія на началахъ науки.

Забывая о развитіи архангельской торговли, царь строилъ суда въ Соломбалѣ на казенный счетъ, и отправлялъ ихъ съ товарами за море. Въ 1700 году, на Соломбальскомъ островѣ, было построено шесть торговыхъ казенныхъ кораблей, а въ 1718 году—двѣнадцать.

Въ 1702 году, царь въ третій разъ посѣтилъ Архангельскъ, и опять плавалъ на Вавчугу. Въ присутствіи его были спущены на воду выстроенные англійскими мастерами два фрегата, «Св. Духъ» и «Меркурій».

Прибывъ, въ 1702 г., на Нюхоцкую пристань, и замѣтивъ, что промысловыя суда строятся и вооружаются дурно, царь писалъ къ архангельскому вице-губернатору, что бы онъ велѣлъ всѣмъ промышленникамъ, ходящимъ въ море на лодьяхъ и кочахъ, вмѣсто ихъ строить галіоты, гукары, каты и флеты. На старыхъ судахъ дозволять ходить только два года, по простествіи

которыхъ суда эти истреблять. Такимъ образомъ Петръ, желая поднять дѣло судостроенія, этимъ самымъ наносилъ ему тяжкій ударъ. Во имя идеала, онъ готовъ былъ разрушать существующее.

Однако поморы всетаки продолжали строить суда большею частію старой конструкціи. Пошлина съ судовъ новой постройки бралась обыкновенная, а со старыхъ, съ 1719 г., вдвое, съ 1720 г. втрое и т. д., увеличивая сумму эту съ каждымъ годомъ.

По повелѣнію царя, прекращена была постройка казенныхъ торговыхъ кораблей на Соломбальскомъ островѣ, а съ 1722 года послѣдовалъ указъ, воспрещавшій привозъ товаровъ въ Архангельскъ, для отпуска за границу. Въ это время Петръ перенесъ свое попоченіе на петербургскій портъ, и, заботясь о его развитіи, готовъ былъ разрушать архангельское торговое дѣло, стоявшее на значительной степени преуспѣанія.

Вольное же судостроеніе, какъ одна изъ главныхъ отраслей здѣшной промышленности, всетаки продолжалось; къ этому много способствовали и дарованныя льготы. Въ 1723 и 1724 годахъ, дозволена была вырубка сосновыхъ и дубовыхъ лѣсовъ, для частнаго судостроенія, и каждый русскій купецъ, строившій новоманерный корабль, освобождался отъ всякихъ пошлинъ за лѣсъ.

Въ 1725 году, на вавчутской верфи, были выстроены три казенныя китоловныя судна, которыя тогда же были отправлены въ море на промыслы.

По кончинѣ Петра, поморы просили коммерцъ-коллегію, дозволить имъ постройку судовъ старымъ манеромъ, на что получили отказъ, съ повѣленіемъ строить галіоты, гувары, эверсы и въ особенности шерботы.

Въ 1732 году, Никита Крыловъ, искусный въ корабельномъ дѣлѣ и работавшій на верфяхъ Бажениныхъ, основалъ свою верфь въ Архангельскѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ города, на правомъ берегу Двины, на мѣстѣ, называемомъ Бытъ; отъ него и самая пристань названа Быковскою. Сюда же были перенесены и вавчужскія верфи, и Баженинъ началъ постройку судовъ вмѣстѣ съ Крыловымъ. Около 1748 г., поставилъ тутъ же свою верфь купецъ Барминъ. Вскорѣ купцы Зыковъ и Пругавинъ поставили верфи на рѣкѣ Маймаксѣ, гдѣ и строились суда по чертежамъ, подъ названіемъ гальсовъ и гукаровъ, поднимавшихъ отъ 7,000 до 9,000 пуд. груза.

Въ 1752 году, возобновлены были льготы, дарованныя Баженину Петромъ Первымъ въ вырубкѣ 4,000 деревъ; уничтоженіе внутреннихъ пошлинъ въ 1758 г., а равно предоставленіе архангельской торговлѣ, въ 1762 году, одинаковыхъ правъ съ петербургскою, имѣли сильное вліяніе на торговлю и судостроеніе.

Почти въ это же время, англичанинъ Гомъ поставилъ на

правомъ же берегу Двины, въ 8 верстахъ выше города, свою верфь, да двѣ верфи на рѣкѣ Онегѣ, на которыхъ строилъ суда для себя и на продажу. Эта операція продолжалась около 20 лѣтъ; но, за несостоятельность къ уплатѣ казеннаго долга, Гомъ лишенъ былъ правъ владѣть верфями и торговать лѣсомъ.

Въ 1786 году, въ Архангельскѣ было до 30 купеческихъ домовъ, отправлявшихъ товары за границу на своихъ судахъ.

Судостроеніе на архангельскихъ верфяхъ продолжалось съ успѣхомъ: въ одномъ 1810 году, построено было въ Архангельской губерніи 19 мореходныхъ купеческихъ кораблей.

Всѣхъ мореходныхъ торговыхъ кораблей, построенныхъ на архангельскихъ верфяхъ съ 1811 по 1835 годъ, было 70, и съ того времени купеческое кораблестроеніе прекратилось.

Съ учрежденіемъ, въ 1859 году, Бѣломорской компаніи, только одна она и продолжаетъ заниматься купеческимъ кораблестроеніемъ; въ настоящее время она имѣетъ 10 кораблей, составляющихъ 2,664 $\frac{1}{2}$ ластовъ.

Кромѣ 10 бѣломорскихъ кораблей, совершающихъ дальнее плаваніе, въ настоящее время въ Архангельской губерніи состоятъ, принадлежащихъ городамъ и уѣздамъ, 976, а съ бѣломорскими кораблями 986 мореходныхъ судовъ. Въ томъ числѣ кораблей 12, пароходовъ 4 (2 соловецкихъ и 2 онежской компаніи лѣснаго торгова, буксирующихъ романовки съ лѣсомъ на Кіи островъ, гдѣ останавливаются корабли), шкунь 135, лодій, шлюповъ, кочмарь и романовоѣ 301, шнякъ и раншинь 534.

По городамъ и уѣздамъ эти суда распредѣляются такъ: городу Архангельску принадлежитъ 24, Онегѣ 43 *) , Кеми 108, Колѣ 79, Сумскому Посаду 91 и Мезени 7; уѣздамъ: Архангельскому 120, Онежскому 117, Кемскому 381 и Мезенскому 16.

Въ 1865 году вновь построено судовъ: шкунь 10, лодей 1, шлюповъ 9, кочмарь 3, раншинь 2, и шнякъ 42, всего 67, а потерѣло крушеніе въ томъ же году: шкунь 4, лодей 3, шлюповъ 2, кочмарь 5 и шнякъ 3; пришло въ ветхость: раншинь 2, а всего 19, т. е. около $\frac{1}{3}$ сравнительно съ числомъ построенныхъ судовъ.

Итакъ, что же за причина паденія нашего купеческаго судостроенія? Конечно, главная причина заключается въ коренной чертѣ нашего русскаго характера. Принимаясь за дѣло навось, поставляя задачею скорые барыши, наши дѣятели коммерческаго міра берутся за дѣло безъ достаточной подготовки, и, испытавъ первыя неудачи, при недостаточномъ развитіи кредита, имъ приходится бросать начатое.

*) Въ числѣ судовъ города Онеги, показаны романовки и пароходы, всего 25 судовъ, совершающихъ плаваніе съ лѣсомъ только до Кіи острова.

Въ архангельскомъ портѣ русскому купечеству пришлось встрѣтиться съ иностранными торговыми домами; они имѣли дѣло съ тѣми же рынками, съ которыми имѣли и иностранныя конторы въ Архангельскѣ. Понятно, что послѣднія, имѣя болѣе широкій кругъ сношеній съ заграницею, больше довѣрія и поддержки у своихъ единоземцевъ, могли не только успѣшно соперничать съ самостоятельными русскими торговыми дѣятелями, но даже мало по малу устранять ихъ.

Иностранцамъ не было надобности въ существованіи въ архангельскомъ портѣ русскаго купеческаго флота. Имъ нужны были торговые барыши, и они ихъ имѣли. вмѣстѣ съ паденіемъ русской самостоятельной торговли въ архангельскомъ портѣ, падало и морское судостроеніе. Только русскіе вупцы могли фрахтовать русскіе корабли; иностранцамъ въ этомъ не было надобности и выгоды. Не стало русскихъ самостоятельныхъ дѣятелей, ведущихъ внѣшнюю торговлю, не стало и купеческаго флота.

Наконецъ, есть еще третья причина, препятствующая развитію нашего судостроенія, это непремѣнное условіе имѣть на русскомъ купеческомъ кораблѣ $\frac{3}{4}$ русскихъ матросовъ. Повидимому, эта мѣра клонится къ развитію мореплаванія, на практикѣ же она убиваетъ его.

Правда, наше поморское населеніе издавна было мореходнымъ, а путешествія на Грумантъ и Новую Землю и даже до устьевъ Оби и Енисея ясно свидѣтельствуютъ объ отвагѣ и предпріимчивости нашихъ мореходовъ.

Изъ 24 экспедицій, посѣщавшихъ Новую Землю, ни одна не обошла ее; эта честь и эта слава принадлежатъ поморскому кормчему Саввѣ Лошину.

Но передъ нами, кромѣ исторіи, стоятъ живые факты. Крестьянское и мѣщанское населеніе Поморья строитъ суда, и на нихъ совершаетъ путешествіе на Новую Землю, на Мурманскій берегъ, въ Норвегію, а въ послѣднее время и въ Петербургъ. Подобнаго крестьянства намъ никто не уважаетъ въ другой мѣстности.

Недостатка въ матросахъ на этихъ судахъ никогда не ощущалось; но эти судорабочіе, къ прискорбію, находятся въ кабальныхъ отношеніяхъ къ своимъ судовладельцамъ. Продовольствуясь цѣлую зиму на счетъ хозяина, они отслуживаютъ ему лѣтомъ, или уплачиваютъ изъ причитающейся имъ доли промысловъ.

Затѣмъ свободныхъ матросовъ, предлагающихъ свои услуги для дальнаго плаванія, совершенно нѣтъ, да при нынѣшнемъ порядкѣ вещей и быть не можетъ. Что можетъ заставить ихъ посвятить себя всецѣло дѣлу мореплаванія? Какія они отъ этого получаютъ льготы?

Пойдемъ далѣе. Хотя болѣею частію на лодьяхъ и въ недалекомъ плаваніи, могутъ ли быть они признаны опытными матросами? Каботажное плаваніе на лодьяхъ можетъ разви-

вать знаній и способностей къ дальнымъ и труднымъ морскимъ плаваніямъ на большихъ судахъ, гдѣ корабельный служитель и исправный морякъ долженъ умѣть брать рифы и на недостаточной для другаго высотѣ крѣпить паруса, поднимать реи и стеньги, обдѣлывать такелажъ, починивать паруса, знать румбы компаса, бросать лотъ и лагъ, знать мѣрки на лотлинѣ и проч. Перевѣсь такихъ моряковъ, и въ такой пропорціи какъ $\frac{3}{4}$, естественно внушаетъ самыя тревожныя опасенія, какъ судоходству, такъ и страховымъ компаніямъ; эта мѣра привела въ крайне стѣснительное положеніе бѣломорскую компанію, которая одна только и поддержала судостроеніе при архангельскомъ портѣ.

Рождается вопросъ: при какихъ условіяхъ возможенъ нашъ торговый флотъ? По отзыву свѣдующихъ людей, мѣры эти суть слѣдующія:

1. Отмѣна закона о необходимости имѣть на русскихъ купеческихъ корабляхъ $\frac{3}{4}$ русскихъ матросовъ.

2. Учрежденіе въ поморскихъ городахъ и селеніяхъ обществъ вольныхъ матросовъ, на тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ устроены эти общества въ городахъ Алешкахъ и Никополѣ и въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ Новороссійскаго края (приложеніе къ ст. 860 и 861 уст. торг. т. XI. Св. Зак.).

Историческія заслуги нашего Поморья въ дѣлѣ мореплаванія даютъ ему больше права на подобныя учрежденія, чѣмъ Новороссійскому краю. Само собою разумѣется, что, при несуществованіи въ архангельскомъ портѣ военнаго флота, не можетъ имѣть мѣсто 8-й и слѣдующій § прилож. къ ст. 860 т. XI, по которымъ, для приобрѣтенія практической способности къ должности вольнаго опытнаго матроса, записавшіеся въ это званіе должны пять лѣтъ сряду пробыть на службѣ во флотѣ. Въ отношеніи Архангельской губерніи это необходимо замѣнить пятилѣтнею службою на купеческомъ флотѣ. Когда учредятся подобныя общества, и когда явятся опытные вольные матросы, тогда можетъ быть мѣсто требованію закона, что бы на каждомъ русскомъ купеческомъ кораблѣ было извѣстное число русскихъ матросовъ.

3. Уменьшеніе пошлины за лѣсъ на судостроеніе на половину, если не совершенное отмѣненіе ея. Нынѣ лѣсъ на постройку кораблей отпускается за ту же пошлину, какъ и для заграничнаго отпуска. Это сокращеніе пошлины нѣсколько уменьшитъ издержки кораблестроителей, не нанося значительнаго ущерба интересамъ казны.

Существуетъ мнѣніе, что, при допущеніи беспошлиннаго отпуска лѣса, станутъ строить суда, и продавать ихъ за границу; на это можно возразить слѣдующее:

Вопервыхъ, сокращеніе пошлины и даже совершенная ея отмѣна не составляютъ такого значительнаго расчёта для

судостроителя, что бы заставить его строить суда для продажи.

Вовторыхъ, если бы стали даже строить суда для продажи, то это всетаки было бы выгоднѣе для казны, чѣмъ отпускъ пиленаго лѣса. Такъ, при кораблестроеніи, рабочіе получаютъ отъ 38 до 40 руб. за каждый ластъ, слѣдовательно, при постройкѣ 100 ластоваго корабля, заработная плата равняется 4,000 р., а корабля въ 400 ластовъ до 16,000 руб.; при вырубкѣ же и распиловкѣ того количества лѣса, которое потребно для подобнаго корабля, рабочіе получаютъ отъ 500 до 1,200 руб.: разница слишкомъ огромная.

4. Разрѣшеніе привоза изъ заграницы кнпцеваго и болтоваго желѣза беспошлинно. Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ привести оригинальный фактъ. Управляющій дѣлами бѣломорской компани въ Архангельскѣ относился къ кажимскимъ заводамъ (Вологодской губерніи), по поводу кнпцеваго желѣза. Заводы потребовали за пудъ этого желѣза по 4 руб. 50 коп., между тѣмъ какъ оно, привезенное изъ Англій и оплаченное пошлиною, обходится 2 руб. 90 коп. Приэтомъ слѣдуетъ замѣтить, что кораблестроеніе въ Архангельской губерніи могло бы найти значительную опору въ развитіи въ этомъ краѣ горнаго дѣла. Извѣстно, что Архангельская губернія была колыбелью этого дѣла. На Цыльмѣ, въ Запечорскомъ краѣ, началась первая разработка рудъ при Иоаннѣ Грозномъ: тамъ добывались серебряныя и мѣдныя руды.

Въ Кемскомъ уѣздѣ, въ Корелѣ, въ Воицкомъ рудникѣ добывалось золото. Описатель Архангельской губерніи, Пушкаревъ, говоритъ, «что, при третьемъ возобновленіи работъ на Воицкомъ рудникѣ, въ 1793 году, пробы кварца, казавшагося совершенно безруднымъ (которымъ пренебрегали прежніе рудокопы), дали по протолкѣ и промывкѣ 7½ золотниковъ золота, въ 150 пудахъ его, слѣдовательно на 100 пудовъ (количество, на которое рассчитываютъ въ Россіи благородные металлы), придется 5 золотниковъ; между тѣмъ, на Березовскихъ золотыхъ рудникахъ, близъ Екатеринбурга, съ выгодною разрабатываютъ даже такія жильныя руды, которыя со ста пудовъ даютъ только не болѣе 2½ золотниковъ, а иногда и менѣе.

Итакъ вотъ какія были бѣднѣйшія Воицкія руды, которыми пренебрегали прежніе рудокопы; какое же содержаніе золота можемъ мы предположить въ ихъ богатыхъ рудахъ? Взявши въ соображеніе нынѣшнее улучшенное искусство добыванія рудъ и всѣхъ механическихъ устройствъ, хорошій надзоръ за работниками и дешевизну тамошняго края, можемъ предполагать, что въ настоящее время Воицкій рудникъ, при разработываніи его, приносилъ бы немаловажныя выгоды.

Въ 1827 году, по близости оставленнаго Воицкаго рудника, оказались признаки золота въ берегѣ рѣки Выга. Въ 1740 году на Медвѣжемъ островѣ разработывался серебряный рудникъ,

славившійся массами самороднаго серебра. Рудникъ этотъ заброшенъ, какъ говорятъ, потому, что саксонскіе рудокопы, работывавшіе его, скучали на дальнемъ сѣверѣ. Мѣдныя руды находятся также при рѣкѣ Русинихѣ, въ бывшемъ Кольскомъ уѣздѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, крестьянинъ Кемскаго уѣзда Кондратьевъ нашелъ около Топъ-озера мѣдную руду, которая была изслѣдована въ горномъ департаментѣ, и оказалось, что она заключаетъ въ себѣ значительную долю мѣди. Наконецъ, желѣзныя руды разрабатывались въ Сулондской волости, Шенкурскаго уѣзда, и въ Корелѣ, Кемскаго уѣзда. Съ 1782 по 1790 годъ, т. е. въ теченіе 8 лѣтъ, привезено въ Архангельскъ тамошнихъ стали и желѣза 29,327 пудъ; кромѣ того, оно употреблялось на мѣстѣ на разныя орудія для сельскаго хозяйства и промысловъ, на потребности судостроенія и на другіе предмѣты. По всему этому необходимо обстоятельное изслѣдованіе горныхъ богатствъ Кемскаго уѣзда. Оно повело бы къ возникновенію богатой отрасли промышленности, которая дала бы работу празднымъ рукамъ. Вообще мы думаемъ, что кораблестроеніе съ большимъ успѣхомъ могло бы существовать въ Кандаляжской Губѣ, нежели въ Двинской. Матеріалъ для кораблестроенія тотъ же, что и въ Архангельскѣ, но зато тамъ постоянно существовавшее судостроеніе создало значительное число рабочихъ людей, способныхъ на это дѣло. Оканчивая эту главу, мы не можемъ не упомянуть о замѣчательной брошюрѣ В. Латкина «О нашихъ промышленныхъ дѣлахъ». Брошюра эта вышла въ 1866 году и есть ни что иное, какъ дополненная статья того же автора, напечатанная въ №№ 135 и 136 «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1865 года. Въ ней г. Латкинъ, статистическими данными, показалъ печальное состояніе нашей торговли, происходящее отъ отсутствія коммерческаго флота. Онъ доказалъ, какъ дважды два четыре, что торговля наша обогащаетъ иностранцевъ, а не насъ. Сочувствуя вполне возрѣніямъ г. Латкина, мы всетаки не можемъ согласиться съ главною изъ мѣръ, предложенныхъ г. Латкинымъ, къ развитію у насъ мореплаванія и кораблестроенія.

Г. Латкинъ предлагалъ:

1) Для пособія построенію кораблей въ нашихъ сѣверныхъ портахъ, надобно назначить премію, смотря по величинѣ корабля, на тоннѣ или на ластъ, хотя по 10 руб.

2) Корабль, вооруженный въ нашихъ портахъ и комплектованный русскимъ шкиперомъ и матросами, и сдѣлавшій рейсъ въ европейскіе порты, имѣеть право на полученіе преміи, немедленно по возвращеніи въ русскій портъ, по 10 рублей за ластъ, за каждый рейсъ; сдѣлавшій рейсъ въ Америку и въ другія части свѣта по 20 рублей за ластъ; корабль съ половиною экипажа изъ иностранцевъ имѣеть право на двѣ трети такой преміи. Г. Латкинъ ссылается въ этомъ случаѣ на пользу, которую принесли въ другихъ странахъ поощренія торговаго морепла-

ванія, на то, что правительство выдаетъ ежегодно помилною платою русскому обществу парходства и торговли около двухъ милліоновъ руб. Но, вопервыхъ, преміи у насъ существовали до 1812 года, а между тѣмъ не особенно развили наше торговое мореплаваніе; вовторыхъ, если правительство выдаетъ значительную сумму русскому парходному обществу, т. е., если оно ступило на путь поощренія, посредствомъ премій, торговаго мореплаванія, то не слѣдуетъ стараться требовать отъ него еще большихъ пожертвованій, истощающихъ средства казны; втретьихъ, созданіе флота, посредствомъ премій, повело бы къ его непрочности, которая бываетъ слѣдствіемъ всякаго искусственно вызваннаго экономическаго явленія; вчетвертыхъ, г. Латкинъ доказываетъ огромную выгодность торговаго флота, и слѣдовательно выгодность быть владѣльцемъ кораблей, зачѣмъ же такимъ владѣльцамъ выдавать преміи, когда они и безъ того получаютъ выгоды отъ своего занятія. Вообще подобный взглядъ на правительство и на его роль въ дѣлѣ экономическаго прогреса ложенъ. Отъ правительства можно просить: ссудъ, гарантій, льготъ и даже привилегій, но странно требовать отъ него безвозвратныхъ денежныхъ пожертвованій. Отъ него можно также просить награжденія полезныхъ дѣятелей экономическаго міра, но награды эти должны быть тѣ же, какія вообще даются полезнымъ дѣятелямъ государства, какъ то медали, ордена, званія, льготы отъ разныхъ повинностей и т. п.

Другое дѣло предполагаемая г. Латкинымъ уступка пошлинъ съ товаровъ, привезенныхъ на русскихъ корабляхъ изъ европейскихъ портовъ, по 15% съ рубля, а изъ другихъ частей свѣта по 25% съ рубля. Это тоже самое, что уменьшеніе пошлинъ, въ видахъ развитія торговли. Точно также основательно мнѣніе г. Латкина объ упрощеніи обрядовъ, при выходѣ кораблей изъ русскихъ портовъ и при выдачѣ имъ паспортовъ.

Не можемъ пройти также молчаніемъ печальнаго факта — продажи въ архангельскомъ портѣ, за упраздненіемъ его, заведеній, необходимыхъ для судостроенія. Грустно было видѣть продажу элингговъ за безцѣнокъ — можно сказать на дрова. Лучше бы отдать всѣ эти превосходныя заведенія безденежно какой либо компаніи или лицу, которыя взяли бы продолжать дѣло судостроенія.

VIII.

О Корелии Архангельской губернии.

Корелы, большое финское племя, издавна находившееся подъ властію новгородцевъ, жили прежде, какъ можно полагать, по

берегамъ Бѣлаго моря, доказательствомъ чего можетъ служить названіе берега Корельскимъ и то что на рѣкѣ Варзугѣ или Арзугѣ былъ корельскій погостъ, который, въ 1419 г., новгородцы разорили. Вѣроятно прибрежные кореляки, смѣшавшись съ новгородскими поселенцами, утратили свою народность.

Нынѣ Корелія занимаетъ западную и югозападную часть Кемскаго уѣзда; она граничитъ: съ сѣвера—русскою Лапландіею; съ востока—поморскими волостями, съ запада—великимъ княжествомъ Финляндскимъ а, съ юга Олонецкою губерніею.

Часть кореляковъ, а именно 54 деревни, расположены на берегахъ рѣкъ, а 116 деревень—по берегамъ большихъ озеръ.

Кореляковъ считается 16,703 души обоего пола; изъ нихъ 8,082 муж. и 8,021 жен.; раздѣляются они на три волости и восемь сельскихъ обществъ, состоящихъ всего изъ 170 деревень.

Кореляки, живущіе въ селеніяхъ, ближайшихъ къ русскимъ волостямъ, знаютъ русскій языкъ, но между собою говорятъ по-корельски; въ селеніяхъ, близкихъ къ Финляндіи, очень немногіе знаютъ русскій языкъ.

Грамотныхъ въ Кореліи всего 225 человекъ, въ томъ числѣ 35 женщинъ.

Православныхъ въ Кореліи 9,587 и старообрядцевъ 7,116 человекъ. Къ развитію раскола въ Кореліи имѣли сильное вліяніе Даниловскій монастырь (Олонецкой губ.) и Топозерскій скитъ (въ Кестенской волости, Кемскаго уѣзда); кореляки раскольники принадлежатъ къ беспоповщиннымъ сектамъ филиповской и даниловской. Расколъ кореляковъ состоитъ въ томъ что бы не ѣсть съ мѣрскими и не молиться вмѣстѣ; о сущности же ученія секты они не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, въ особенности незнающіе русскаго языка; даже многіе не знаютъ другихъ молитвъ, кромѣ: «Господи Исусе Христе, сыне Божій, помилуй насъ».

Нравственность кореляковъ находится въ хорошемъ состояніи: преступленія весьма рѣдки, пьянства почти вовсе нѣтъ. Корельскія женщины извѣстны по своему цѣломудрію; характеръ кореляковъ спокойный.

Поверхность Кореліи холмистая и болотистая; холмы состоятъ изъ песка и камня.

По всей Кореліи протекаетъ рѣка Кемь, которая вытекаетъ изъза границъ Финляндіи, и впадаетъ въ Бѣлое море; на ней считается болѣе 22 пороговъ и самый замѣчательный изъ нихъ порогъ Ужма; паденіе его сильное, съ высоты не менѣе 15 футовъ, почему рѣка Кемь представляетъ много затрудненій при сплаві лѣсовъ, а лодки чрезъ большіе пороги вовсе не могутъ проходить, а перетаскиваются посуху; на многихъ порогахъ владъ выносить, и пустыя лодки съ трудомъ поднимаютъ на шестахъ. Отъ такого неудобства перевозка владей по рѣкѣ Кемь происходитъ и дороговизна хлѣба, въ лѣтнее время. Въ корельскихъ волостяхъ множество болотъ, топкихъ и глубокопромер-

заюющихъ зимою, которыя служатъ причиною холодныхъ тумановъ и раннихъ осеннихъ морозовъ.

Въ Кореліи множество озеръ, изобилующихъ рыбою, и между ними есть огромныя, напримѣръ Кунто, длиною отъ 115 вер., а шириною отъ 5 до 15 верстъ.

Земли въ корельскихъ деревняхъ считается 11,269 десятинъ, въ томъ числѣ пахатной 5,182 дес. 700 саж. Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ засѣвалось: 1,124 дес. подъ озимый и 1,789 подъ яровый хлѣбъ, всего 2,913 дес.

Если положить такое же количество подъ паръ, то окажется, что 813 дес. оставались незасѣянными.

До конца прошлаго десятилѣтія, кореляки производили посѣвы не только на поляхъ, но и на подсѣкахъ или нивахъ; для этого они выбирали въ лѣсу высокое и сухое мѣсто, удаленное отъ болотъ, покатою къ югу; на этомъ мѣстѣ срубали лѣсъ, на другой годъ сжигали его, причемъ сгарали красный мохъ и ягодныя растенія, а равно перегоралъ и слой земли, состоящій изъ перегнившихъ корней этихъ растеній; на 3 годъ сжигали въ кучѣ оставшіяся головни, и затѣмъ, безъ паханія, сѣяли рожь и заборанивали обыкновенными боронами. На четвертый годъ собирали хлѣбъ, и, какъ говорятъ, урожай бывалъ самъ 80. Послѣ перваго посѣва, нивы эти бросались, потому что во второй разъ уже хлѣбъ не родился.

Подобное лѣсоистребленіе, въ концѣ прошлаго десятилѣтія; начали преслѣдовать, и съ тѣхъ поръ количество собираемаго хлѣба уменьшилось.

Посѣвъ и уборка хлѣба у кореляковъ производится обыкновеннымъ образомъ, какъ и во всей Архангельской губерніи.

Въ послѣднее пятилѣтіе, среднимъ числомъ, высѣвалось ежегодно хлѣба: озимаго 837 и яроваго 2,391 четвер., всего 3,228 четвертей; собиралось: озимаго 3,782 четв., яроваго 8,676 четв., всего 12,458 четвертей; за исключеніемъ сѣмянъ, остается: озимаго 2,945, яроваго 6,285 ч., а всего 9,230 ч., или 70,697 пудовъ. Этого количества для продовольствія весьма недостаточно.

Неурожай въ Кореліи происходитъ, большею частію, отъ морозовъ и несвоевременнаго посѣва, чему иногда препятствуетъ затруднительная доставка сѣмянъ, такъ что бѣднякъ, съ трудомъ доставши сѣмянъ, не успѣваетъ засѣять поля рано, а ранній посѣвъ здѣсь необходимъ, по случаю рано наступающихъ морозовъ.

Скотоводство у кореляковъ также не въ цвѣтущемъ состояніи. Здѣсь считается лошадей 1,822, рогатаго скота 4,835 головъ овецъ 6,720 и оленей 1,916.

Въ волостяхъ, близкихъ къ Финляндіи, доморощенныхъ лошадей нѣтъ; онѣ покупаются въ Финляндіи. Доморощенные лошади есть только въ волостяхъ, ближайшихъ къ Поморью и къ Онежско-

му уѣзду. Рогатый скотъ мелокъ; туша лучшей коровы вѣсить не болѣе 5 пудъ.

Сѣнокоса въ Кореліи мало и едва достаточно для однѣхъ лошадей; прочій скотъ кормятъ мхомъ, соломкою и листьями, ивовыми, березовыми и ольховыми.

Кореляки занимаются звѣроловствомъ и птицеловствомъ. Пушнихъ звѣрей вылавливаютъ въ годъ на сумму до 9,463 руб. 34 к., а птицъ на 4,555 р. 95 к. Медвѣди, куницы, бѣлки, олени и проч., отыскиваются въ лѣсу собаками, и стрѣляются изъ винтовокъ, а лисицы, росомахи и зайцы, ловятся капканами. Птицы ловятся силками и стрѣляются изъ винтовокъ.

Промыселъ рыбы, какъ то: семги, лососей, сельдей, сига и проч., бываетъ въ годъ на сумму до 12,648 р. Рыба ловится неводами и мережами, поставленными въ заборахъ, устраиваемыхъ преимущественно надъ порогами.

Многіе кореляки, изъ ближайшихъ обществъ къ Поморью, отправляются на Мурманскій русскій берегъ, отъ хозяевъ зажиточныхъ поморовъ, для промысловъ; иные получаютъ опредѣленную часть всего добытка промысла, а иные идутъ изъ платы, получая отъ 30 до 50 руб. въ лѣто. Отъ этого промысла получается до 16,760 р.

Перевозка владей на шунгскую ярмарку, въ города Кааянъ и Кемь, на 954 лошадей, корелякамъ даетъ до 13,995 руб., да отъ содержанія обывательскихъ станцій получается дохода 5,244 рубля.

Мастерства, какъ то кузнечное и судостроительное, которыми занимаются нѣкоторые кореляки, приносятъ дохода: первое 2,400 р., послѣднее 4,620 рублей.

Въ корельскихъ кузницахъ выдѣлываются винтовки, стоящія отъ 4 до 10 руб., а также топоры, косы и серпы, которыми и снабжается вся Корелія. Въ прежнее время въ Кореліи выдѣлывалось желѣзо; для этого брали слой земли изъ болота, высушивали его, клали слой сухаго лѣса, и на него накладывали слой земли, а потомъ сожигали. Получаемую руду плавилъ въ котлахъ, и получали желѣзо, изъ котораго послѣ выдѣлывали сталь. Промыселъ этотъ былъ заведенъ Соловецкимъ монастыремъ, при игуменѣ Филиппѣ (между 1548 и 1569 г.), и съ 1782 по 1790 г. привезено было изъ поморскихъ селеній въ Архангельскъ стали и желѣза 29,327 пуд. Нынѣ это производство оставлено, собственно потому, что за дрова надо платить пошлину, такъ что производство становится невыгоднымъ.

Въ судостроеніи особенно искусны крестьяне Пудожемской деревни, которые занимаются постройкою морскихъ судовъ для зажиточныхъ поморовъ.

Смолокурение и рюка лѣса, а также кожевенное и овчинное производства, и выдѣлка суконъ и холста у кореляковъ;

весьма незначительны, и доходъ отъ этого производства не превышаетъ 1,000 руб. въ годъ.

Жители корельскихъ волостей, ближайшихъ къ княжеству Финляндскому, производятъ, съ давняго времени, торговлю съ этимъ княжествомъ. Торговля эта двоякая, разносная и ярмарочная.

Въ половинѣ августа, многіе кореляки, большею частію изъ молодежи, отправляются въ Финляндію съ кожаными сумами, наполненными преимущественно краснымъ товаромъ и частію игольнымъ. Каждая сума такого торговца стоить отъ 30 до 200 руб. Товаръ закупается въ Петербургѣ и Москвѣ, или однимъ изъ зажиточныхъ кореляковъ, или же повѣреннымъ отъ нѣсколькихъ мелкихъ торговцевъ, и потомъ сбывается въ деревняхъ Финляндіи. Доходъ отъ этого рода торговли простирается иногда до 19,650 руб., но торговля эта годъ отъ году уменьшается, потому что преслѣдуется своими же кореляками, тогда какъ взявшими торговое свидѣтельство, мелочные торговцы торгуютъ безъ свидѣтельствъ, и, пойманные съ товаромъ, лишаются его и даже подвергаются штрафу по суду.

Ярмарочная торговля производится кореляками на существующихъ ярмаркахъ въ Финляндіи, въ Каяно, Куопіо и Торнео; сюда они привозятъ своего улова рыбу, а также купленный на шунской ярмаркѣ хлѣбный товаръ. Предметы эти продаются на деньги, а часть промѣнивается на гушный товаръ и предметы одежды. Пушный товаръ и птица изъ Корелии идутъ больше въ Петербургъ.

Торгъ съ Норвегіею производятъ они только 2 мѣсяца и получаютъ дохода до 12,000 рублей.

Податные и мірскіе сборы съ крестьянъ корельскихъ волостей простираются до 42,491 рубля.

Рекрутскую повинность кореляки отправляютъ натурою и деньгами, по 300 руб. за человѣка, кромѣ Кундозерскаго общества, которое, по исходатайствованной льготѣ, вноситъ за рекрута, наравнѣ съ лопарями, по 150 р. за рекрута.

На продовольствіе кореляковъ ежегодно потребно 181,489 пуд. хлѣба (начиная съ пятилѣтняго возраста полагаая по 45 ф. фун. на душу), а за исключеніемъ получаемаго отъ урожая не достаетъ среднимъ числомъ 110,792 пуда. Для пополненія этого недостатка, кореляки употребляютъ и заработанныя деньги, которыхъ не хватаетъ и наполовину, потому что они или покупаютъ хлѣбъ по дорогой цѣнѣ въ Корелии, или должны брать его въ долгъ изъ казенныхъ магазиновъ, для чего и имѣется въ корельскихъ волостяхъ 6 магазиновъ, съ пропорціею 42 тыс. пуд.

Долги крестьянъ, за выданный въ ссуду хлѣбъ, чрезвычайно велики.

По недостатку хлѣба, кореляки употребляютъ въ пищу основную кору вмѣстѣ съ соломою. Хлѣбъ, безъ всякой примѣси, употребляютъ только зажиточные; большинство же примѣ-

пиваетъ кору, а самобѣднѣйшіе, почти исключительно, употребляютъ кору и солому, съ небольшою примѣсью хлѣба.

По случаю неурожаевъ, недостатка заработковъ и упадка торговли съ Финляндіею, а также отъ дороговизны хлѣба на мѣстѣ, по неимѣнію вольной торговли хлѣбомъ въ Кореліи, въ слѣдствіе чего необходимо покупать его у поморскъ барышниковъ, происходитъ бѣдственное положеніе кореляковъ, такъ что до 1,500 человекъ, каждаго пола и возраста кореляковъ, постоянно находятся въ Кемп и въ поморскихъ селеніяхъ, для испрошенія себѣ милостыни.

Таково положеніе кореляковъ. Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ они получили значительную милостыню, чрезъ посредство кемскихъ раскольниковъ, отъ московскихъ богачей, отъ 3 до 5 руб. на самобѣднѣйшее семейство.

Для улучшенія ихъ печальнаго состоянія, по нашему мнѣнію, необходимы слѣдующія мѣры:

1) Первая мѣра, которая должна быть принята, это усиленное и своевременное обсемяженіе полей. Недостаточные и несвоевременные посѣвы прямо невыгодны не только для крестьянъ, но и для казны. Недостатокъ хлѣба поведетъ въ тому, что казна должна будетъ кормить крестьянъ; приэтомъ возникнутъ кучи жалобъ, обременительныхъ для администраціи, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не будетъ предлагаемая мѣра принята. Между тѣмъ, обсемянивъ своевременно достаточно пространство полей, даже при посредственномъ урожаѣ, крестьяне могутъ отсыпать сѣмена для будущихъ посѣвовъ, и обезпечить себя въ продовольствіи. Запасы сѣменнаго хлѣба поэтому необходимы въ Кореліи.

2) Въ Корельскомъ краѣ совершенно не существуетъ вольной продажи хлѣба, и кореляки должны приобрѣтать хлѣбъ, или въ Кемп, или у поморскихъ богачей, и хлѣбъ этотъ имъ обходится почти вдвое противъ цѣнъ торговыхъ магазиновъ. Такимъ образомъ, они должны за покупкою хлѣба ѣздить далеко, переплачивать за него, и покупать его меньше, чѣмъ можно было купить въ торговыхъ магазинѣ. Правительство, на обязанности котораго лежитъ помогать гражданамъ тамъ, гдѣ собственными средствами они помочь себѣ не могутъ, должно принять на себя продажу хлѣба корелякамъ. Правда, оно учредило торговые магазины, но число ихъ совершенно недостаточно. Оно было бы достаточно для конкуренціи съ вольными торговцами, для воспрепятствованія произвольному возвышенію цѣнъ, но въ Кореліи не съ кѣмъ конкурировать:—тамъ нужно продавать хлѣбъ, особенно въ неурожайные годы. Продажа хлѣба для казны не можетъ быть убыточна, между тѣмъ для кореляковъ она будетъ настоящимъ благодѣяніемъ.

3) Въ Кореліи вообще ощущается недостаточность въ пахатныхъ поляхъ, въ особенности со времени запрещенія и преслѣдованія подсѣкъ. Многие изъ кореляковъ просили разрѣше-

ніе на подчистки, и составили приговоры объ этомъ, которые и были отправлены въ архангельскую палату государственныхъ Имуществъ, но въ теченіе 5-ти, 6-ти и болѣе лѣтъ не получили разрѣшенія на просьбы. Необходимо разрѣшить просимыя кореляками расчистки, а равно, по моему мнѣнію, необходимо командировать лѣсничаго по корельскимъ обществамъ, который, вмѣстѣ съ чиновникомъ палаты, опросивъ на мѣстѣ, на складахъ крестьянъ, о необходимыхъ для нихъ расчисткахъ, по составленіи приговоровъ, составилъ бы планы просимыхъ расчистокъ, и затѣмъ представилъ бы ихъ въ палату. Такимъ образомъ, за одинъ разъ, кореляки, безъ особенныхъ хлопотъ, получили бы необходимое количество земель подъ расчистки. Кореляковъ необходимо поощрять къ расчисткамъ, такъ какъ расчистки даются имъ съ особеннымъ трудомъ: имъ нужно очищать поля не только отъ пней и корней, но и отъ огромнаго количества камней.

4) Въ Корелии существуетъ въ зачаткахъ смолокурение и кузнечное мастерство. Производство кузнечнаго мастерства, имѣя хорошій сбытъ, могло бы развиваться, если бы дозволили безошлинное выжиганіе угля, а смолокурение, которое, при развитіи дѣятельности компаніи кемскаго лѣснаго торга, получить сбытъ за границу, могло бы получить широкіе размѣры, если бы дана была льгота, хотя на 10 лѣтъ, безошлиннаго курения смолы изъ пней и корней. Пни гниютъ безъ всякаго употребленія, равно какъ и огромное количество сухоподстойнаго лѣса, годнаго на дрова. Правительство ничего не потеряетъ, давъ подобную льготу, потому что время всеокрушающею рукою губить то, что могло бы улучшить бытъ многихъ.

Въ Корелии полезно было бы разрѣшить подсочное смолокурение, на извѣстное время тоже безошлинно. Въ Корелии, какъ и вообще во всей нашей губерніи, есть много лѣса, который не доидетъ до степени годности на постройки, и могъ бы быть съ пользою употребленъ на смолокурение. Здѣсь мы упомянули о компаніи кемскаго лѣснаго торга. Компаніею этою построень на Ягъ-островѣ лѣсопильный заводъ, который въ этомъ году началъ дѣйствовать; но, къ сожалѣнію, компанія еще до этихъ поръ не приступила къ правильному производству. Съ открытіемъ правильной дѣятельности этого завода, кореляки могли бы зарабатывать въ годъ отъ 30 до 40 тысячъ руб. за рубку лѣса, который долженъ заготовляться въ Корелии въ количествѣ 100 тысячъ деревь.

При упроченіи дѣлъ компаніи и развитія смолокурения у кореляковъ, компанія вѣроятно нашла бы выгоднымъ для себя отправку смолы за границу, и тѣмъ самымъ развила бы этотъ выгодный, какъ для казны, такъ и для населенія, промыселъ.

Значительная выдѣлка желѣза изъ болотной руды, прежде существовавшая, могла бы возобновиться, при условіи безош-

длиннаго отпуска сухоподстойнаго лѣса на дрова для этого производства.

5) Одно корельское общество, именно Кундозерское (бывшаго Кольскаго уѣзда), исходатайствовало вмѣстѣ съ лопарями привилегію, вмѣсто рекрута, уплачивать 150 руб. Почему бы эту мѣру не распространить и на остальные корельскія общества, такъ какъ всѣ они нисколько не богаче Кундозерскаго?

6) Наконецъ, добровольное переселеніе бѣднѣйшихъ кореляковъ на Мурманскій берегъ на условіяхъ, изложенныхъ въ главѣ о колонизаціи.

IX.

О ЛОПАРЯХЪ.

Лопари живутъ внутри Кольскаго уѣзда, числомъ 1,995 душъ обоего пола, изъ коихъ 1,035 д. муж. п. и 960 д. ж. п. Они составляютъ четыре общества: Понойское, Печенское, Воронежское и Экостровское. Всѣхъ лопарскихъ погостовъ 17, которые расположены по рѣкамъ: Сосновгѣ 1, Лумбовгѣ 1, Эконгѣ 1, Поноѣ 1, Печеньгѣ 1, Пазрѣгѣ 1, Натѣ 1, Туломѣ 1, Вороней 1; при озерахъ: Имандрѣ 2, Масельгѣ 1, Лавазерѣ 2, Кентозерѣ 1, Кольской губѣ 1, Матовской губѣ 1; число всѣхъ жилыхъ строеній 271, изъ которыхъ домовъ 203, вежъ 68, нежилыхъ 178; лошадей 5, рогатаго скота 96 головъ, овецъ 319, оленей 4,184; число судовъ: рѣчныхъ 188, малыхъ карбасовъ 295, малыхъ лодокъ 107, шнякъ 5. Лопари крещены въ началѣ XVI столѣтія въ православную вѣру Трифономъ печенскимъ, и, находясь подъ вліяніемъ его братіи, были въ лучшемъ состояніи, чѣмъ въ настоящее время, потому что образъ жизни ихъ приближался болѣе къ осѣдлому. Лопари получали въ разное время жалованныя грамоты отъ московскихъ царей, которыми закрѣплялась за ними земля, на которой они живутъ, со всѣми ея угодіями. До тѣхъ поръ, пока они не подпали подъ экономическую зависимость отъ поселившихся тамъ русскихъ они были зажиточны, что доказывается значительными данями, которыя они сами же отвозили въ Москву.

Главное занятіе лопарей—это рыболовство, какъ морское, такъ рѣчное и озерное; тундры же служатъ приютомъ для дикихъ оленей и другихъ звѣрей. Образъ жизни лопарей полукочевой: они на лѣтнее время прикочевываютъ къ морю, для рыбныхъ ловель, а частію и для того, что бы насѣкомья не беспокоили оленей. Главный источникъ богатства—это семужій промыселъ, а по берегамъ рѣкъ—луга; но это все отдается либо въ арен-

ду кольскимъ купцамъ, либо ловимая лопарями семга продается тѣмъ же колянцамъ и терскимъ поморамъ. Такъ какъ они находятся отъ нихъ въ зависимости, забирая у нихъ, въ течение всего года, предметы продовольствія въ долгъ, то имъ приходится расплачиваться семгою, которую они по необходимости должны продавать тѣмъ же богачамъ, по произволу назначенной ими цѣнѣ. Продукты морской рыбной ловли точно также они должны продавать либо поморамъ, либо колянцамъ, и опять таки по цѣнамъ, назначеннымъ этими послѣдними.

На лапландскій берегъ, особенно въ Матовскую губу, выбрасываетъ ежегодно мертвыхъ китовъ, которыхъ они продаютъ, тоже кольскимъ купцамъ, отъ 30 до 100 руб. за штуку.

Оленеводство у нихъ находится въ самомъ жалкомъ состояніи, и число оленей весьма незначительно, такъ что на наличную душу приходится по 2 оленя; олени такъ дороги, что, за пользованіе ими въ годъ или кортому, платится 5 руб. сер., а къ Мезенскомъ уѣздѣ можно купить оленя совсѣмъ за 3 руб. сер. Овцеводство еще болѣе въ жалкомъ состояніи, такъ что одна овца приходится болѣе чѣмъ на 6 душъ, а рогатаго скота одна штука почти на 25 душъ, и только въ одномъ обществѣ, а между тѣмъ у нихъ есть богатые луга и сѣнокосы.

Пушный промыселъ довольно хорошъ; прежде водились бобры, но давно уже ихъ и слѣда нѣтъ. Къ сожалѣнію, результаты этого промысла продаются тѣмъ же монополистамъ. Изъ числа финскихъ племенъ, населяющихъ Архангельскую губернію, лопари самые неразвитые; уже самая длинноголовость ихъ указываетъ на степень ихъ умственныхъ способностей. Что касается до ихъ нравственныхъ качествъ, то они сонливы, безпечны, скрытны и недовѣрчивы, особенно когда имѣютъ дѣла, и лгутъ на каждомъ словѣ; права миролюбиваго, ласковы и гостеприимны безъ разбора. На долю женщинъ трудовъ выпадаетъ гораздо болѣе, чѣмъ на долю мужчинъ, какъ у всѣхъ полукочевыхъ народовъ: такъ лопарка занимается приготовленіемъ нищи, шитьемъ одежды, обуви и вообще всѣми работами по домохозяйству. Одежда лопарей верхняя изъ оленьихъ шкуръ, но они носятъ также бѣлье, а женщины, сарафаны. Пшца лопарей: прѣсный колобъ, часто съ примѣсью коры, рыбная уха, въ которую вмѣсто крупъ тоже кладется истолченная кора, а въ праздники употребляется мясо оленей и дичь.

Безъ радикальныхъ мѣръ лопари надолго будутъ оставаться въ полудикомъ и кочевомъ состояніи. 1-е) Прежде всего ихъ надо сдѣлать осѣлыми; въ удобныхъ мѣстахъ, при берегахъ рѣкъ и озеръ, нѣтъ недостатка. Лопари должны выстроить удобныя избы, помѣщенія для скота и амбары, на что имъ долженъ быть отпущенъ безпошлинно лѣсъ. 2-е) Они должны завести огородничество и скотоводство, для чего имъ должны быть даны сѣмена и скотъ, а что тамъ возможно огородничество—то

это доказать опытъ разведенія овощей на лапландскомъ берегу поселившимися тамъ норвежцами; что же касается скотоводства, то оно можетъ тамъ процвѣтать, благодаря привольнымъ пастбищамъ и сѣнокосямъ; само собою разумѣется, что имъ должны быть разрѣшены расчистки на правахъ сорока лѣтняго пользованія. Для развитія оленеводства необходимо приобрести въ Мезенскомъ уѣздѣ оленей, которые очень легко съ зимняго берега могутъ быть перевезены въ Поной, на Терскій берегъ, а оттуда могутъ быть распределены по лопарскимъ обществамъ. 3-е Богатые сумужные ловы должны быть обращены въ оброчныя статьи, какъ объ этомъ неоднократно и всѣми заявляется. Изъ суммы, выручаемой отъ этой статьи, можетъ быть опредѣлена часть суммы на покрытие денежной повинности, а остальное раздѣлится между членами общества. 4-е) Необходимо учрежденіе при приходскихъ церквахъ школы и обязательное обученіе дѣтей. При такихъ только мѣрахъ лопари выйдутъ изъ полукочеваго состоянія и гнетущей ихъ бѣдности.

Здѣсь не можемъ не упомянуть объ одномъ предположеніи г. Данилевскаго, который предлагаетъ за ловъ песчанки, при устьяхъ рѣкъ, наложить на мурманскихъ промышленниковъ, въ пользу лопарскихъ обществъ, легкую плату съ каждой шняки, которая была бы одинакова во всѣхъ становищахъ, примѣрно около 4 руб. 50 коп. Это предположеніе вытекаетъ изъ неправильнаго взгляда на лапландскій берегъ, какъ на территорию лопарскаго племени. Лопари суть ничто иное, какъ сельскіе обыватели, принадлежащіе къ сословію государственныхъ крестьянъ, и территоріальныхъ правъ имѣть не могутъ.

X.

О Запечорскомъ краѣ.

Запечорскій край представляетъ собою весьма большой интересъ для изслѣдователя Архангельской губерніи. Онъ изобилуетъ минеральными богатствами. Тамъ есть каменный уголь, мѣдная и серебряная руда, горючій сланецъ, нефтяныя источники, точильный и аспидный камень. Рѣка Печора и озера Большеземельской тундры изобилуютъ разнаго рода рыбою, семгою, пелядами, чирами, омулями и т. д. Лѣса и тундры наполнены звѣрями и птицами. Изъ звѣрей преимущественно водятся тамъ лисицы, песцы, горностаи, бѣлки и другіе, а изъ птицъ главнѣйшимъ образомъ рябчики и куропатки; послѣднихъ одинъ промышленникъ вылавливаетъ въ зиму до

2,000 и даже до 3,000 штукъ. Кромѣ того, въ тундрахъ пасутся громадные стада оленей.

Край этотъ населяютъ три различныя племена: русскіе славянскаго племени, зыряне финскаго и полудикіе кочующіе самоѣды—татарскаго или монгольскаго. Русскіе, кромѣ того, раздѣляются на двое: Пустозера—православные и Устьцельма—раскольники.

Русскихъ муж.	п.	3,175	жен.	3,469	итого	6,644	душъ
Зырянъ	»	»	5,799	»	6,161	»	11,960
Самоѣдовъ	»	»	3,454	»	3,307	»	6,761

А всего въ Запечорскомъ краѣ обоего
пола. . . . . 25,365 душъ.

Промышленность ихъ также различна: пустозерскіе жители главнѣйшимъ образомъ занимаются промыслами рыбы на взморьѣ и въ устьяхъ Печоры: устьцельемскіе жители—скотоводствомъ и частію рыболовствомъ; зыряне и самоѣды оленеводствомъ, рыболовствомъ, а также промыслами птицъ и звѣрей.

Зыряне, переселившись въ этотъ край въ прошедшемъ столѣтіи изъ Вологодской губерніи, были совершенными бѣдняками, но, при своей ловкости къ торговымъ дѣламъ, скоро сошлись съ самоѣдами, и разными нечистыми путями пріобрѣтали отъ нихъ предметы промысловъ, а главное оленей, такъ что теперь зыряне владѣютъ большими стадами оленей, чѣмъ самоѣды. Первые имѣютъ болѣе 150 тысячъ, а послѣдніе только до 100 тысячъ головъ. Бѣднѣйшіе изъ зырянъ нанимаются къ богатымъ въ пастихи оленьихъ стадъ, и привыкаютъ такимъ образомъ къ бродячей кочевой жизни. Въ тундрахъ, не только они, но и ихъ хозяева, вмѣстѣ съ самоѣдами, занимаются промыслами, и нѣкоторые по нѣсколько лѣтъ не выѣзжаютъ изъ тундры. Кромѣ оленеводства, зыряне занимаются выдѣлкою замши и торговлею предметами промысловъ; за послѣдними они даже ѣздятъ за Ураль, въ Обдорскъ, и потомъ частію продаютъ на мѣстѣ чердынскимъ торговцамъ, а частію развозятъ по ярмаркамъ Архангельской губерніи; болѣе же предпримчивые ѣздятъ со своими товарами на нижегородскую ярмарку, въ С.-Петербургъ и въ Москву.

Что же касается до скотоводства, то они имъ почти вовсе не занимаются, потому что все вниманіе ихъ обращено на тундры и на самоѣдовъ, которыхъ они постоянно обманываютъ: за водку они вымѣниваютъ у нихъ самыя дорогіе предметы, а бѣдныхъ изъ самоѣдовъ держатъ въ кабалѣ, давая имъ хлѣбъ въ долгъ до промысловъ, а потомъ берутъ товары у нихъ за что хотять. Зыряне, по своему быту, близко подходятъ къ русскимъ.

*) Въ томъ числѣ заключаются и самоѣды, находящіеся въ первомъ станѣ Мезенскаго уѣзда.

Они отличаются чистотою нравовъ въ семейномъ быту, набожны, и опрятны въ хозяйствѣ.

Самоѣды—это дикое племя, обращенное только внѣшнимъ образомъ въ христіанство. Они до того невѣжественны, что свѣтъ Христова ученія не можетъ проникнуть къ нимъ глубоко. Они до этихъ поръ придерживаются шаманства. Многіе изъ нихъ и теперь идолопоклонники; дѣти же обращенныхъ въ христіанство самоѣдовъ по нѣскольکو лѣтъ остаются некрещенными; даже нельзя надѣяться, что бы они когда нибудь вышли изъ своего дикаго состоянія, а напротивъ положительно можно сказать, что это племя вымираетъ, и что въ послѣдствіи оно совершенно сотрется съ лица земли. Ведя кочевую жизнь, самоѣды переѣзжаютъ по тундрамъ съ мѣста на мѣсто, для отысканія корма своимъ оленямъ и для промысловъ. Они хорошіе промышленники и стрѣлки, и почти одни они ходятъ на море за промысломъ звѣрей. Зыряне рѣдко участвуютъ въ этихъ промыслахъ. Кочевая жизнь самоѣдовъ еще болѣе удерживаетъ въ нихъ невѣжество; осѣдая жизнь для нихъ невыносима.

Права самоѣды тихаго и кроткаго; они даже честны въ торговыхъ дѣлахъ; но, въ слѣдствіе вреднаго вліянія на нихъ безчестныхъ зырянь, замѣчается и у нихъ склонность къ обманамъ. Прежде они были богатыми оленеводами, но теперь эта отрасль промышленности болѣе перешла къ зырянамъ, и годъ отъ году все болѣе развивается бѣдность самоѣдовъ, лишившихся своихъ оленей за водку, къ которой они, какъ всѣ дикіе, весьма пристрастны. Вообще состояніе самоѣдовъ очень печальное.

Къ числу главныхъ промысловъ Запечорскаго края принадлежатъ морскіе звѣриные промыслы, но въ нихъ, какъ мы уже замѣтили, мало участвуютъ зыряне. Въмѣсто исключительныхъ занятій тундрою, имъ слѣдовало бы болѣе обратиться къ этимъ промысламъ, ѣздить на острова Вайгачъ, Новую Землю и Калгугевъ, по берегамъ которыхъ бываетъ много морскихъ звѣрей, а на самые острова прилетаютъ огромныя стада гусей, пухъ и перо которыхъ составляетъ большую потребность, и отправляется даже изъ Архангельска за границу. Кромѣ того, въ рѣкахъ Новой Земли, водится много рыбы, которая могла бы составлять богатые промыслы. Эта отрасль промышленности ждетъ ещѣ дѣятелей.

Торговля Запечорскаго края находится преимущественно въ рукахъ чердынскихъ и устьесольскихъ купцовъ. Они приѣзжаютъ каждое лѣто на Печору на каюкахъ, и привозятъ хлѣбъ, чай, сахаръ и другіе предметы потребностей жителей. Хлѣбъ они раздаютъ въ долгъ до промысловъ, а потомъ забираютъ отъ жителей пушной товаръ, семгу и другую рыбу, и назначаютъ сами за это цѣну, такъ что большая часть жителей Запечорья состоятъ у нихъ постоянными должниками. Изъ мѣст-

ныхъ же богатыхъ жителей, гѣтъ предпріимчивыхъ людей, которые сами взялись бы за торговлю хлѣбомъ.

Промышленность Запечорскаго края выражается въ слѣдующихъ статистическихъ данныхъ: предметы оленеводства, замша, шерсть, одежда изъ оленьихъ шкуръ и оленье мясо доставляютъ до 75 тысячъ руб.; предметы скотоводства, сало, масло и кожи до 30 тысячъ руб.; рыбные и частию морскіе звѣриные промыслы болѣе 120 тысячъ; птица и пушной товаръ 55 тысячъ руб. Вообще цѣнность всѣхъ промысловъ можно опредѣлить отъ 250 тысячъ до 300 тысячъ рублей.

Чердынцы привозятъ на Печору товара на сумму до 130 тысячъ руб., и такъ какъ они товаръ свой мѣняють на товаръ запечорскій, то цифру вывоза ими можно безошибочно опредѣлить въ ту же сумму; на пиннежскихъ ярмаркахъ продается запечорскихъ произведеній около 100 тысячъ руб., остальное количество увозится самими зырянами на нижегородскую ярмарку, въ С.-Петербургъ и въ Москву.

Оживленія запечорской торговли и промышленности можно ожидать отъ учрежденія пароходства на Печорѣ, и если бы еще послѣднюю соединили съ Камою, т. е. возобновили бы бывшій Екатерининскій каналъ, и отъ развитія тамошняго порта. Тогда многіе товары могли бы отправляться прямо съ Печоры за границу, а съ учрежденіемъ пароходства сами зыряне могли бы отправляться въ Пермскую губернію за хлѣбомъ, и такимъ образомъ уничтожилась бы тягостная для запечорцевъ монополія чердынскихъ и устьсысольскихъ торговцевъ.

XI.

О Новой Землѣ и о воѣ морскихъ звѣрей.

Нельзя не порадоваться весьма отрадному явленію, которое представляетъ вышедшее въ свѣтъ въ 1866 году сочиненіе Свенске: «Новая Земля», въ географическомъ, естественноисторическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Это сочиненіе тѣмъ важнѣе, что оно заключаетъ въ себѣ обстоятельный сводъ результатовъ 24 экспедицій, изъ которыхъ 12 было русскихъ и 12 иностранныхъ, и которыя, будучи описаны на разныхъ языкахъ и въ разное время, не могли быть доступными для каждаго заинтересованнаго вопросомъ нашего сѣвера. Въ своемъ сочиненіи авторъ описываетъ Новую Землю весьма подробно во всѣхъ

отношеніяхъ. Особенно подробно описана Новая Земля въ географическомъ отношеніи. При историческомъ же ея описаніи, авторъ впадаетъ въ повтореніе описаннаго въ географическомъ отношеніи, чего впрочемъ, при такомъ подробномъ описаніи, весьма трудно избѣжать.

Изъ бывшихъ экспедицій нѣкоторыя теряли значительную часть экипажа отъ болѣзней во время зимы; это происходило въ слѣдствіе того, что онѣ выѣзжали весьма поздно, и имъ приходилось зимовать въ худо устроенныхъ и сырыхъ избахъ, терпя недостатокъ въ продовольствіи; также отъ выбора худой команды. Несмотря на то, что край этотъ богатъ въ промышленномъ отношеніи, и интересенъ въ географическомъ и естественноисторическомъ отношеніяхъ, онъ еще не вполне описанъ, а именно не описанъ восточный берегъ, который обойденъ только однимъ поморомъ, Саввою Лошгинымъ. При описаніи Новой Земли, прежде всего слѣдовало бы въ разныхъ пунктахъ устроить избы съ хорошими помѣщеніями, или примѣнить предложенный способъ описанія поручикомъ флотскихъ штурмановъ, Бережныхъ, т. е. описать восточный берегъ на оленяхъ. По прибытіи экспедиціи, одна часть могла бы на карбасѣ заняться описью восточнаго берега до Маточкина шара, и зимовать у восточнаго устья этого пролива, а другая осенью на оленяхъ также направилась бы къ Маточкину шару, и осталась бы тамъ на зимовку вмѣстѣ съ другими. Весною же обѣ партіи могли бы продолжать опись на оленяхъ къ сѣверу.

Богатство промысловъ Новой Земли состоитъ въ тюленяхъ, моржахъ, бѣлухахъ; изъ рыбъ въ гольцахъ; изъ пушныхъ звѣрей въ бѣлыхъ медвѣдяхъ, песцахъ и динихъ оленяхъ; изъ птицъ въ гусахъ и даже гагахъ. Всѣми этими богатствами можно воспользоваться только при зимовкахъ на Новой Землѣ; но, сверхъ такихъ богатыхъ промысловъ, поѣздка промышленниковъ на Новую Землю и на Грумантъ была бы лучшею школою мореплаванія.

Здѣсь мы не можемъ не указать на г. Данилевскаго, который почти радуется прекращенію шпидбергенскихъ промысловъ вообще и зимнихъ новоземельскихъ въ особенности, въ слѣдствіе частныхъ несчастій при этихъ промыслахъ, но, какъ извѣстно, зимовки эти были гибельны въ слѣдствіе худо устроенныхъ избъ, сырыхъ, тѣсныхъ, и холодныхъ, при недостаткѣ въ продовольствіи, а также отъ бездѣйствія и продолжительнаго сна промышленниковъ, во время долгихъ зимнихъ ночей.

Возвращаясь къ сочиненію Свенске, нельзя не замѣтить весьма важныхъ фактовъ мореплаванія на Печору. Въ 1556 г., въ бытность экспедиціи Бурро, изъ Коли ходили суда на Печору для ловли моржей, и было до 30 такихъ лодей, въ каждой по 24 человекъ. Въ 1594 г., Ней встрѣтилъ 4 наши лоды, шед-

шія на Печору, за промысломъ моржей; въ слѣдующемъ году онъ встрѣтилъ двѣ русскія лодки, изъ которыхъ одна была изъ Пинеги, и отъ промышленниковъ узнали, что ежегодно изъ Холмогоръ ходятъ нѣсколько лодей въ рѣки Обь и Енисей, съ сукнами и другими товарами для торга.

Въ настоящее время изъ всей Архангельской губерніи не ходитъ ни одного мореходнаго судна, не только на Обь и Енисей, но даже и на Печору, а что касается до Пинеги и Холмогоръ, то тамъ нѣтъ ни одного мореходнаго судна.

Развитія промысловъ на Новой Землѣ можно ожидать только при учрежденіи компаніи съ хорошимъ капиталомъ. Компанія эта должна снарядить хорошее промысловое судно, и нанять лучшихъ промышленниковъ; въ настоящее же время ходятъ туда на дрянныхъ лодкахъ, и народъ идетъ преимущественно только пьяницы. Компанія при промыслахъ необходимо устроить на Новой Землѣ промысловыя избы въ разныхъ пунктахъ; имѣть пароходъ, для постояннаго между ними сообщения, такъ что бы, въ случаѣ скопленія звѣрей въ одномъ пунктѣ, имѣть возможность перевозить промышленниковъ къ этому пункту. Для зимовокъ, необходимо устроить теплыя избы, имѣть всегда запасъ провизіи и дровъ, а въ темныя зимніе дни необходимо заставлятъ рабочихъ находиться въ движеніи, для предупрежденія цынги.

Г. Свенске, въ своемъ сочиненіи: «Новая Земля», въ концѣ 130 страницы, изъ описанія Архангельской губерніи Козлова, приводитъ вотъ какія данныя морскихъ звѣриныхъ промысловъ: средняя годовая цѣнность улова морскихъ звѣрей, съ 1846 по 1856 г., составляла 44,927 р. Сала ворваннаго добывалось до 20,000 пудъ; всего же сала изъ Архангельска отправлялось за границу, съ 1857 по 1862 г., около 30,500 пуд. въ годъ. Данныя эти не вѣрны. Сала морскихъ звѣрей отправлялось за границу среднимъ числомъ въ послѣднія 10 лѣтъ 33,747 пуд.; въ Москву и Вятку 1,200 пуд., чердынцами увозится по Печорѣ и потребляется въ губерніи для мыловаренія, для выдѣлки кожъ, для освѣщенія и проч., около 5,000 пуд.; такимъ образомъ одного сала морскихъ звѣрей добывается около 40,000 пудъ, что составитъ сумму около 120,000 р., считая среднимъ числомъ по 3 р. пуд., какъ и бываетъ въ дѣйствительности. Шкуръ морскихъ звѣрей, въ послѣднія 5 лѣтъ, отправлено за границу среднимъ числомъ 12,484 шт., на сумму 12,780 р. и во внутрь Россіи 12,633 руб., на 12,433 р. По свѣдѣніямъ олонцакаго статистическаго комитета, продано на шунгской ярмаркѣ гужей моржовыхъ на 8,000 р.; на такую же сумму потребляется въ губерніи и продается на финляндскихъ ярмаркахъ; слѣдовательно цѣнность шкуръ морскихъ звѣрей составляетъ 41,213 р., что составитъ, вмѣстѣ съ цѣнностію ворваннаго сала, болѣе 160,000 р., т. е.

почти вчетверо болѣе, чѣмъ оцѣненъ промыселъ морскихъ звѣрей г. Козловымъ *).

Г. Данилевскій въ своемъ сочиненіи подробно и превосходно описалъ «Вой морскихъ звѣрей у восточнаго берега Бѣлаго моря», и предложилъ разныя мѣры къ его улучшенію и развитію. Нѣкоторыя изъ этихъ мѣръ уже осуществились, а именно предположеніе о возстановленіи прежняго порядка устьинскихъ промысловъ. Нынѣ, высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, постановлено, что всѣ занимающіеся устьинскимъ промысломъ составляютъ одну артель. Для распоряженій и наблюденій при промыслахъ, устьинскіе промышленники избираютъ изъ среды своей на три года старшинъ, изъ ближайшихъ къ морю селеній Мезенскаго и Пинежскаго уѣздовъ, занимающихся боемъ морскихъ звѣрей; эти старшины назначаютъ время и порядокъ производства промысла. Вся добыча, во все время промысловъ, дѣлится поровну между всѣми хозяевами артели, которые уже, изъ доставшейся имъ части, удѣляютъ условленную часть своимъ покрутчикамъ. Отправленіе на промыселъ помимо артели строго запрещается, и виновные подвергаются взысканію 25 рублей и отобранію всей добычи въ пользу артели.

Для вывoločнаго промысла, г. Данилевскій полагаетъ назначить срокъ выхода не ранѣе 15 февраля. Ранній выходъ, съ начала февраля, можетъ уменьшить число приплывающихъ звѣрей, потому что готовящіяся рожать самки бываютъ очень пугливы, и спуганныя промышленниками уплываютъ на средину моря, что бы тамъ отыскать себѣ на льдахъ болѣе безопасное мѣсто, откуда ихъ проносить мимо Кедовъ, **) гдѣ производится главный промыселъ.

Намъ кажется, что полезно было бы примѣнить и къ вывoločному промыслу правило устьинскаго промысла.

Точно также въ настоящее время построены, по мысли г. Данилевскаго, сторожевыя башни, съ зрительными трубами, для того, что бы слѣдить за ходомъ звѣря; но изъ 4 башенъ, двѣ построены не въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначилъ г. Данилевскій, а въ мѣстахъ, гдѣ сами промышленники признали болѣе удобнымъ.

Наконецъ, предположеніе г. Данилевскаго объ изслѣдованіи Чешской губы совершенно бесполезно, и врядъ ли поведетъ къ какому либо выгодному результату. Впервыхъ, положительно доказано, что тамъ не можетъ быть устроено вывoločнаго промысла; вовторыхъ, отдача этихъ промысловъ въ руки ком-

*) Въ послѣднее шестилѣтіе на Новую Землю ходило среднимъ числомъ восемь судовъ, и промыслы эти простирались на сумму отъ 15 т. до 25 тыс. р. сереб.

**) Название урочища на зимнемъ берегу.

панія привела бы въ крайнюю бѣдность поселившихся при рѣкахъ, впадающихъ въ Чешскую губу, промышленниковъ.

Боемъ морскихъ звѣрей занимается 3,214 ч.; такимъ образомъ среднимъ числомъ на cadaго приходится отъ этого промысла около 50 р. Но если вычесть то, что приходится на долю хозяина за провизію и снаряженіе лодокъ, то рабочимъ остается отъ 25 до 30 р. на человѣка. Промысломъ птицъ и пушныхъ звѣрей занимается 7,053 ч.; каждый промышленникъ достаетъ среднимъ числомъ на сумму до 10 руб., слѣдовательно цѣнность всей добычи отъ этихъ промысловъ простирается до 70,000 руб.

XII.

Проектъ компаніи, подъ названіемъ «Лукоморскій Ллойдъ» и «Печорскообская компанія».

Къ числу энергическихъ дѣателей, занимавшихся изслѣдованіемъ и описаніемъ экономическаго состоянія сѣвера европейской Россіи, былъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, І. О. Богуславъ, писавшій также подъ именемъ О. Бѣломорскаго. Вотъ перечень его статей о нашемъ краѣ: а) Взглядъ на бѣломорскіе промыслы и предложенія объ ихъ устройствѣ и развитіи (Тр. Им. Вол. Экон. Общ. 1846 г.). б) Сѣверный рыбный промыселъ, ожидающій разработки компаніею (Ж. для Акц. 1857 г.). в) Обзоръ причинъ, породившихъ застои въ бѣломорской сельдяной промышленности (Ж. М. В. Д. 1847 г.). г) Взглядъ на бѣломорскіе звѣринные промыслы (въ Тр. Им. Вол. Экон. Общ. 1847 г.). д) Морское звѣроловство на сѣверныхъ берегахъ европейской Россіи (Жур. для Акц. 1857—58 г.). е) Новая Земля и новоземельскіе промыслы (Тр. Им. Вол. Экон. Общ. 1847 г.). ж) Большая Земля и болынеземельскіе промыслы (Тр. Им. Вол. Экон. Общ. 1848 г.). з) Взглядъ на запасы и птицеловные промыслы на сѣверномъ берегу европейской Россіи (Морск. Сборн., 1858 г.). и) Замѣтки о лѣсной промышленности и главныхъ лѣсныхъ рынкахъ въ Бѣломорьѣ (Жур. Мин. Внут. Дѣлъ за 1853 г.). к) Варангерское Поморье (Морск. Сборн. 1862 г.). л) Стремленіе къ развитію мореходства на сѣверныхъ берегахъ европейской Россіи (тамъ же 1862 г.). За эти труды г. Богуславъ получилъ отъ императорскаго вольнаго экономическаго общества двѣ медали, и былъ избранъ его дѣйствительнымъ членомъ. Мы не будемъ говорить вообще о всѣхъ сочиненіяхъ г. Богуслава, скажемъ только о трехъ послѣднихъ. Въ статьѣ своей о лѣ-

сной промышленности онъ обозрѣваетъ нашу лѣсную торговлю съ самаго ея начала; онъ указываетъ, что предметомъ ея издавна былъ сосновый лѣсъ и продукты его, жидкая и густая смола притомъ; сосна требовалась кандовая, т. е. мелкослойная съ плотною древесиною, безъ сучья и трещинъ, т. е. сосна, которая для полной зрѣлости на сѣверѣ требуетъ не мѣнѣе 200 лѣтъ. Такимъ образомъ вывозится самый лучший продуктъ, притомъ въ грубомъ и громадномъ видѣ, и обогащаетъ главнѣйшимъ образомъ иностранныхъ корабельщиковъ, занимающихся перевозомъ его, оставляя ничтожныя заработки населенію. Богуславъ опредѣляетъ, какую массу кораблей можно было бы построить изъ превосходнаго лѣса, отпускаемаго за границу только въ теченіе 10 лѣтъ. Далѣе, указываетъ онъ на то, что значительная масса лѣсныхъ матеріаловъ еще не сдѣлалась предметомъ промышленности; такъ онъ говоритъ, что въ здѣшнихъ торговыхъ оборотахъ не существуютъ вовсе такія статьи, какъ кедръ, пихта, ель, корельская простая береза, терпентинъ и терпентинное масло, канифоль, гарпіусъ, скипидаръ и древесный спиртъ, можжевеловая гумми, древесный уголь, листовичная губа и душистая сѣра, сода, поташъ, шадригъ, кедровое и орѣховое масла.

Въ статьѣ своей о «Варангерскомъ Поморьѣ», онъ указалъ на важное значеніе для насъ этого поморскаго уголка, и потери, происшедшія отъ проведенія въ 1826 г. новой границы между Россією и Норвегією, о бывшемъ Печенскомъ монастырѣ, единственной нѣкогда промысловой и торговой колоніи въ этой порубежной странѣ, и доказалъ необходимость существованія порта въ Печенской губѣ, открытой для навигаціи со всею Европою въ теченіе всего года.

Въ третей своей статьѣ: «Стремленіе къ развитію мореходства на сѣверныхъ берегахъ европейской Россіи», онъ доказываетъ важное значеніе торговаго флота, придающаго торговлѣ активный характеръ.

Эти три статьи повели г. Богуслава къ мысли о необходимости учрежденія компаніи, названной имъ «Лукоморскій Ллойдъ». Мѣстомъ дѣятельности онъ избираетъ негронутую пустыню Кольскаго уѣзда, между Топозеромъ, финляндскою и норвежскою границами и берегомъ россійской Лапландіи. Дѣятельность компаніи должна состоять во первыхъ: а) въ лѣсотехническихъ производствахъ, выгодныхъ для края, какъ потребляющихъ тотъ матеріалъ, который не приноситъ нынѣ никакой пользы, и въ отпускѣ тѣхъ лѣсныхъ матеріаловъ, которые по настоящее время остаются безъ всякаго употребленія. Для введенія лѣсотехническихъ производствъ, г. Богуславъ полагаетъ: а) открыть, при озерахъ Топозерѣ, Пляозерѣ и Кундозерѣ 10 заводовъ; б) колонизовать эту пустыню посредствомъ семейныхъ заводскихъ рабочихъ, которые имѣли бы для жи-

лицъ оныятыя дома и занимался скотоводствомъ и огородничествомъ и в) начать съ судостроенія, т. е. съ созданія собственной торговой флотиліи, которая имѣла бы портомъ Печенггу, находящуюся около норвежской границы, почти на 1,500 верстѣ ближе Архангельска отъ европейскихъ портовъ, и въ которой, во время существованія Печенскаго монастыря, былъ уже портъ, куда и приходили иностранные корабли. Что лѣсотехническія производства выгодны, и для предпринимателя, и для государства, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Что заселеніе пустыни въ томъ видѣ, какъ выше указано, выгодно и для предпринимателя, и для рабочаго, и для государства, это также не подлежитъ сомнѣнію. Учрежденіе порта въ Печенггѣ и собственная торговая флотилія какъ нельзя болѣе были бы полезны для нашей русской торговли и для государства. Торговля наша, при существованіи флота, приобрѣтитъ характеръ активный; большемѣрные деревья, вмѣсто того, что бы идти за безцѣнокъ въ заграничную торговлю, будучи обращены въ средства сообщенія, дадутъ ей именно активный характеръ.

Кромѣ этого судостроеніе поведетъ къ разработкѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудъ Кемскаго уѣзда.

На другой окраинѣ Архангельской губерніи, пограничной съ Азією, дѣйствуетъ печорскообская компанія. Г. Латкинъ, авторъ брошюры «О нашихъ промышленныхъ дѣлахъ», сожалѣетъ, что проектъ его компаніи о торговлѣ лѣсомъ въ Печорскомъ краѣ не былъ утвержденъ въ 1842 г., и что чрезъ это страна потеряла огромныя выгоды.

Посмотримъ такъ ли это. Высочайше дарованною товариществу привилегією, предоставлено ему право вырубать 30,000 большемѣрныхъ деревъ. Въ 30,000 дер. 1,500,000 куб. фут. лѣса, такъ что въ каждомъ деревѣ 50 куб. фут. Г. Латкинъ говоритъ, что за лодкѣ (50 куб. фут.) въ 1862 г. товарищество получило по 80 шиллинговъ, что составляетъ, по нынѣшнему курсу, около 70 коп. за футъ; за исключеніемъ фрахта, выручилось около 30 коп. Такимъ образомъ, корабельщикъ, за перевозъ лѣса, получаетъ больше, чѣмъ казна, товарищество и рабочіе вмѣстѣ. Результатъ невеселый. По расчету г. Латкина, выходитъ, что казна получаетъ около 2 руб. съ большемѣрнаго дерева; рабочіе за вырубку и проплавъ получаютъ около 7 р. съ дерева (немножко, кажется, преувеличено), корабельщикъ за перевозку 20 руб., а на долю компаніи, за затраченный капиталъ и хлопоты остается около 6 руб. Кто же, г. Латкинъ, тутъ выигрываетъ, какъ не иностранцы, на которыхъ вы недовольны. Здѣсь г. Латкинъ претворить основной своей мысли, развитію нашего собственнаго кораблестроенія и морешланія. Въ своей печорскообской компаніи, онъ является усерднымъ поощрителемъ пассивной торговли и чужаго флота. Напрасно онъ насъ утѣшаетъ, что казна отъ дѣятельности его компаніи

получаетъ выгоду съ лѣса, который искони вѣковъ погибалъ, не принося никакой пользы государству. Вѣдь выгода казны составляетъ только $\frac{1}{10}$ часть того, что получаетъ иностранный корабельщикъ за перевозку лѣса. Напрасно онъ утѣшаетъ тѣмъ, что голодающее населеніе получаетъ огромные заработки. Не знаемъ о какомъ голодающемъ населеніи говоритъ г. Латкинъ; если о жителяхъ Запечорскаго края Архангельской губерніи, то это невѣрно: они не голодаютъ, и притомъ они могли бы съ большею выгодою употребить свой трудъ, тѣмъ заниматься рубкою и приплавать лѣса. Наконецъ, напрасно утѣшаетъ г. Латкинъ тѣмъ, что отпускъ лѣса можетъ быть еще значительно успленъ: это далеко не утѣшительно; напротивъ это угрожаетъ истребленіемъ драгоценныхъ лѣсовъ.

Другое дѣло, если бы товарищество занялось собственнымъ кораблестроеніемъ на Печорѣ, занялось обработкою и вывозомъ за границу предметовъ тамошнихъ промысловъ, этимъ оно обогатило бы край.

Такъ, оно могло бы завести копильни и приготовить копченую семгу, омули и другія рыбы, оленьи языки и задки; оно могло бы завести мясосольныя заведенія для приготовленія солонины изъ тамошняго превосходнаго мяса; оно могло бы устроить кожевенный заводъ; оно могло бы устроить заведеніе для выдѣлки буліона изъ дичи, вѣдь тамъ дичь нипочемъ, въ особенности куропатки, которыхъ одинъ крестьянинъ налавливаетъ нѣсколько тысячъ. Всѣ эти богатія статьи вывоза могли бы высоко поднять экономическое состояніе тамошняго края. Но это еще не все. Предметомъ вывоза могли бы быть шкуры и сало морскихъ звѣрей, оленья замша. Нагонсць предметомъ обработки и вывоза могли бы быть минеральныя богатства этого края.

Вотъ на что слѣдовало бы обратить вниманіе печорскообской компаніи.

Также напрасно г. Латкинъ выставляетъ себя открывателемъ печорскаго порта. Печорскій портъ давно уже открытъ. Туда даже плавали иностранцы, о чемъ говорится у насъ въ другомъ мѣстѣ.

Здѣсь нелишнимъ будетъ сказать о проектѣ г. Сидорова, соединить Обь съ Печорою, первоначально посредствомъ обыкновенной дороги, а въ послѣдствіи посредствомъ желѣзнодорожной дороги.

Дорога эта будетъ проложена чрезъ Уральскія горы, на пространство 150 верстъ, отъ впаденія рѣки Лемвы въ Усу, въ Архангельской губерніи, до впаденія рѣки Войкаръ въ рѣку Обь, въ Тобольской губерніи.

Г. Сидоровъ проситъ двухъверстнаго пространства на всемъ этомъ протяженіи съ тѣмъ, что бы онъ могъ пользоваться лѣсомъ на этомъ пространствѣ, пастбищами и сѣнокосами. По

*

истеченіи, кажется, 40 лѣтъ, г. Сидоровъ обязуется передать желѣзноконную дорогу въ вѣдѣніе правительства. Эти условія такъ выгодны, что правительство, вѣроятно, не встрѣтитъ препятствія къ осуществленію этого полезнаго предпріятія: соединеніе Оби съ Печорою удобнымъ путемъ откроетъ путь огромному количеству произведеній богатой Сибири къ печорскому порту, а при посредствѣ его двинетъ ихъ и въ разныя стороны Европы.

Павелъ Чубинскій.

Архангельскъ, 1866 г.

•

ОРНИТОЛОГІЯ

II

орнитологическая географія европейской и азіатской Россіи Н. Сѣверцова.

Подъ этимъ заглавіемъ готовится книга въ изданію въ 1868 году, и авторъ, желая заблаговременно ознакомить публику съ своимъ трудомъ, выпустилъ вмѣстѣ съ программю образецъ съ предисловіемъ. Образецъ этотъ заключаетъ въ себѣ рядъ *голубиныхъ птицъ* съ прекраснымъ хромолитографическимъ рисункомъ, и отличается вообще съ внѣшней стороны тщательностію и роскошію изданія, хотя, гдѣ сожалѣнію, и здѣсь не обошлось безъ опечатокъ, самая крупная изъ которыхъ *Segumino-sae* вмѣсто *Leguminosae*. Позволяемъ себѣ эту, если хотите, мелочную придирку, потому что въ сочиненіи, предназначенномъ *не для однихъ* специалистовъ, и эти мелочи важны. Опечатки въ латинскихъ названіяхъ чрезвычайно затрудняютъ справки читателю, перѣдко незнакому съ тою или другою отраслю естествознанія. Но, возвратимся къ главному, отъ внѣшности перейдемъ къ сущности: по программѣ и упомянутому образцу, до извѣстной степени, можно судить о важности и обширности сочиненія, предпринятаго г. Сѣверцовымъ, давно извѣстнымъ и уважаемымъ въ отечественномъ кругу людей науки, отчасти знакомымъ и въ средѣ русской читающей публикѣ, своими «Періодическими явленіями» въ жизни звѣрей, птицъ и гадъ Воронежской

губерніи и другими статьями. Извѣстность г. Сѣверцова, безъ сомнѣнія, должна распространиться гораздо далѣе, если ему удастся довести до конца задуманное дѣло, и выпустить въ свѣтъ книгу, назначеніе которой, съ одной стороны, дать полнѣйшій обзоръ европейскоазіатской орнитологіи Россіи, подобный тому, какой сдѣланъ Одюбономъ по орнитологіи Новаго Свѣта, съ другой стороны—провѣрить теорію Дарвина на громадномъ матеріалѣ, находящемся въ распоряженіи ученаго автора, въ теченіе двадцати лѣтъ изучавшаго свой предметъ въ путешествіяхъ и по коллекціямъ.

Программа орнитологіи, заимствуемая нами изъ объявленія, слѣдующая:

I. Общая характеристика класса птицъ и водящихся въ Россіи порядковъ, семействъ, родовъ, по ихъ отличительнымъ признакамъ и родовымъ особенностямъ въ образѣ жизни. Раздѣленіе видовъ каждаго рода, по степенямъ ихъ сродства, на небольшія группы, вѣроятно происходящія каждая отъ одного начальнаго вида, и сравнительная характеристика видовъ каждаго рода, для опредѣленія основной вѣроятности этого общаго происхожденія: это послужитъ къ прямой фактической повѣркѣ существующихъ теорій измѣняемости видовъ, въ томъ числѣ и Дарвиновой.

II. Описание видовъ содержитъ:

A) Относящіяся къ каждому виду, изъ извѣстныхъ Палласу, статьи его географіи, какъ основнаго труда для описанія русскихъ птицъ, и вообще позвоночныхъ, въ латинскомъ подлинникѣ и съ русскимъ переводомъ, котораго доселѣ не было.

B) Дополненія къ Палласу, именно:

1) Самостоятельная систематическая характеристика вида, по сличенію возможно большаго числа экземпляровъ изъ различныхъ мѣстностей, съ указаніемъ возрастныхъ измѣненій и половыхъ различій. Эта часть статей о каждомъ видѣ должна дополнять, какъ Палласово описаніе вида (съ указаніемъ и исправленіемъ изрѣдка встрѣчающихся у него неточностей въ видовыхъ опредѣленіяхъ), такъ и составляемую г. Сѣверцовымъ сравнительную характеристику всѣхъ видовъ каждаго рода, предшествующую, для удобства практическихъ изслѣдователей, ихъ отдѣльнымъ описаніямъ.

2) Географическое распространеніе описываемыхъ птицъ, вообще и въ Россіи, съ показаніемъ лѣтней и зимней области каждаго вида (на сколько извѣстно), а также путей пролета (изслѣдованныхъ преимущественно акад. Миддендорфомъ и авторомъ настоящаго труда).

3) Отчетливое, хотя и краткое, указаніе измѣняющихся признаковъ, условій ихъ измѣняемости, и образовавшихся изъ даннаго вида мѣстныхъ видоизмѣненій и породъ.

4) Образъ жизни и ея періодическія явленія въ разныхъ мѣ-

стностях: охота, ловля, приручение и содержаніе рѣчныхъ (руч-ныхъ?); условія, производящія мѣстныя различія въ нравахъ и самыя эти различія. Изъ послѣднихъ наиболѣе извѣстны различія въ періодическихъ явленіяхъ и въ мѣстопробываніи птицъ (переходъ лѣсныхъ и горныхъ въ степь и т. д.)^{*)}, значеніе разныхъ видовъ птицъ для сельскаго хозяйства и сохраненія лѣсовъ.

5) Для большей научной полноты въ этотъ трудъ будутъ описаны и изображены всѣ безъ исключенія птицы и тѣхъ зоологическихъ областей, которыя только отчасти входятъ въ русскіе предѣлы, но нерусскія птицы опашутся въ особыхъ приложеніяхъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ русскою и притомъ *чисто русскою* орнитологіею, будетъ и полная орнитологія всѣхъ внѣвропейскихъ частей Стараго Свѣта, на сколько онѣ изслѣдованы.

Вотъ вся программа цѣликомъ. Она краснорѣчивѣе всего указываетъ на тотъ богатый матеріалъ, который вошелъ въ трудъ г. Сиверцова; но, желая показать, что мы не пристрастно возлагаемъ большія надежды и на качественную сторону его, уступаемъ слово самому автору, и прибѣгаемъ къ измеченію самыхъ рельефныхъ мѣстъ изъ его предисловія.

Оно начинается такъ:

«Вообще отрасли систематической зоологіи, привлекающія наибольшее число наблюдателей, суть орнитологія (наука о птицахъ) и энтомологія (наука о насѣкомыхъ); причина та, что эти классы животныхъ, представляя своею жизнью весьма сложную и возбуждающую сильный умственный интересъ задачи для наблюдателя (перелеты и гнѣзды птицъ, превращенія и удивительныя инстинкты насѣкомыхъ), вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе другихъ классовъ животныхъ попадаютъ на глаза; ихъ довольно замѣчаешь, и первыя случайныя наблюденія возбуждаютъ вниманіе, и поощряютъ къ дальнѣйшимъ, болѣе основательнымъ. Птицы же и насѣкомыя болѣе собираются въ коллекціи, къ чему, кромѣ ихъ жизни по виду, поощряютъ и изящество ихъ формъ и окраски. Ореть, цапширь, есть заманчивая добыча, именно тѣмъ, что ежедневно видишь его плавный и величественный полетъ, а добыть его, перехитрить его недремлющую осторожность, весьма трудно. Всякій охотникъ есть орнитологъ въ душѣ; да много и не охотниковъ, и даже у насъ въ Россіи, съ удовольствіемъ слѣдящихъ за птицами; ихъ наблюденія могли бы существенно обогатить науку; но тутъ встрѣчаются затрудненія. Не легки научныя опредѣленія птичьихъ видовъ, да и

^{*)} Программа этихъ дополненій въ Палласу опредѣляетъ содержаніе важнаго видоваго описанія, но не порядокъ изложенія, который зависитъ отъ связи жизненныхъ явленій у птицъ между собою и съ вѣщными условіями ихъ мѣстопробыванія, и отъ обилія или недостаточности существующихъ свѣдѣній о каждомъ видѣ, какъ у Палласа.

вообще видовое опредѣленіе животныхъ; оно требуетъ справокъ во множествѣ сочиненій, латинскихъ, нѣмецкихъ, французскихъ и англійскихъ, отчасти весьма дорогихъ и находящихся въ большихъ библіотекахъ, да и тѣ иногда недостаточны, а нужны справки съ вѣрно опредѣленными зоологическимъ авторитетомъ экземплярами въ коллекціи.

Такие экземпляры въ Россіи находятся почти въ одномъ зоологическомъ музеѣ императорской академіи наукъ, и слѣдовательно доступны только петербургскимъ зоологамъ; университетскія же коллекціи всѣ слишкомъ не полны, что бы доставлять существенное пособіе, для опредѣленія всѣхъ русскихъ птицъ. А безъ точнаго опредѣленія птицы, самыя важныя надъ ней наблюденія пропадаютъ, ибо неизвѣстно къ какому виду ихъ отнести. Другое препятствіе, останавливающее многихъ любителей орнитологіи, есть мысль, что они повторяютъ зады, и отрываютъ вещи, уже давно извѣстныя, потому что они наблюдаютъ только для собственнаго удовольствія, и ихъ открытія пропадаютъ для науки. Устраненіе этихъ затрудненій есть цѣль настоящаго изданія, *перваго въ своемъ родѣ на русскоязыкъ*, такъ какъ единственный подобный трудъ, орнитологическая часть извѣстной Палласовой *Zoographia rossae asiatica*, написанъ и изданъ полатыни.

Затѣмъ есть только два общіе труда о русской орнитологіи, оба порусски; но оба весьма не полны, именно: 1) русская орнитологія, профессора Кесслера и 2) орнитологическая часть русской фауны г. Симанко... (слѣдуетъ краткій обзоръ этихъ двухъ сочиненій.)

Мы описываемъ и изображаемъ 745 видовъ, признанныхъ уважительными орнитологическими авторитетами, каковы Темминкъ, Шлегель, Науманнъ, Карль Бонапарте; 145 изъ нихъ впрочемъ сомнительной самостоятельности, и основаны на недостаточномъ числѣ экземпляровъ. Изъ числа 600 безспорныхъ, около 400 собраны собственно мною, въ разныхъ путешествіяхъ, въ количествѣ 5,000 экземпляровъ, причемъ открыто до 30 видовъ совершенно новыхъ, и около 20 уже описанныхъ, по экземплярамъ изъ другихъ странъ, но мною первымъ найденныхъ въ русскихъ предѣлахъ. Вообще готовы опредѣленія 540 видовъ, такъ какъ я, кромѣ собственнаго сбора, въ продолженіе уже двадцати лѣтъ, слѣду за всѣми коллекціями, привозимыми путешественниками въ зоологическій музей академіи наукъ. Потому всѣ видовыя опредѣленія въ настоящемъ изданіи не выписаны изъ зоологическихъ книгъ, а исключительно основаны на сличеніи возможно большаго числа экземпляровъ *каждаго вида, изъ различныхъ мѣстностей*, что бы опредѣлить признаки постоянные и признаки измѣняющіеся.

Я уже 20 лѣтъ произвожу наблюденія и собираю коллекціи, ~~заключаясь~~ изученіемъ образования видоизмѣненій и условий, ~~отъ которыхъ~~ зависитъ это явленіе въ природномъ состояніи

животныхъ, и мнѣ первому удалось прослѣдить непосредственнымъ наблюдениемъ всѣ степени происходящаго до сихъ поръ образованія новыхъ видовъ дикихъ животныхъ изъ видоизмѣненій,—посредствомъ подробнаго анализа, на многочисленныхъ экземплярахъ, признаковъ и того и другаго...

«Сдѣланное мною подробное изученіе географическаго распространенія видоизмѣненій и породъ каждаго вида, во многихъ случаяхъ даже даетъ возможность опредѣлить вѣроятный геологическій періодъ появленія первоначальныхъ видовъ нѣжныхъ птицъ; такъ что, на сколько мнѣ извѣстно, настоящій трудъ есть первый вообще въ наукѣ, въ которомъ Дарвинова теорія образованія видовъ подвергалась бы критической повѣркѣ наблюдениями надъ измѣняемостію признаковъ у животныхъ въ ихъ природномъ состояніи, и затѣмъ примѣнялась бы къ классификаціи мѣстной фауны.

Сверхъ того, я, по мѣрѣ силъ и возможности, старался собрать и представить обработанный фактический матеріалъ, для разрѣшенія и другихъ общихъ научныхъ вопросовъ, относящихся ко всѣмъ явленіямъ птичьей жизни, на сколько этотъ матеріалъ накопился изъ наблюдений, произведенныхъ въ Россіи, причемъ указываю, для каждаго вида, и тѣ жизненные явленія, для полнаго изученія которыхъ русскіе матеріалы еще недостаточны; наблюдениями же, произведенными за границею надъ тѣми же видами, нельзя безусловно пользоваться въ русской фаунѣ...

«Вообще стремясь къ ясности и общедоступности изложенія, избѣгая сухости и обремененія описаній скучными подробностями, только затемняющими понятіе объ описываемомъ предметѣ, я вовсе не ставлю главною цѣлію доставить публикѣ занимательное естественноисторическое чтеніе; не пренебрегая этимъ результатомъ, если удастся его достигнуть, я его однако считаю весьма второстепеннымъ. Назначеніе моего труда иное: быть надежнымъ, полнымъ руководствомъ и справочною книгою не для одного опредѣленія птицъ, но для всякихъ орнитологическихъ наблюдений, и возможно больше содѣйствовать ихъ распространенію и облегченію.

«Если книга будетъ занимательна для читателя, то преимущественно занимательностію предмета, возбужденіемъ охоты къ наблюденьямъ; зоологическая книга не должна стремиться къ невозможной замѣнѣ книги природы, а должна научить читателя послѣднюю, ибо во всѣхъ естественныхъ наукахъ чисто книжное знаніе мертво и бесплодно, а всего бесплоднѣе познанія, ограниченныя объемомъ легонькихъ популярныхъ сочиненій. *)

---

*) Хорошіе популярныя естественноисторическія труды за границею не имѣютъ другой цѣли, какъ только возбуждать относительно природы любознательность читателя, удовлетворяемую уже собственными наблюденіями,

«Хорошая естественной историческая книга, по моему глубокому убеждению, должна в возможно большемъ количествѣ читателей не успокоивать, а напротивъ раздражать стремленіе къ изученію природы, съ пользою удовлетворяемое только путемъ научнаго наблюденія и опыта; только тогда оно дѣйствительно, а не обманчиво, выводитъ науку изъ кружка специалистовъ и дѣлаетъ ее общечеловѣческимъ, не цеховымъ дѣломъ».

Остается упомянуть о цѣнѣ и условіяхъ подписки: предполагается издать отъ 40 до 50 выпусковъ, каждый выпускъ въ 2 — 3 печатные листа текста и 5 таблицъ съ 15 — 25 рисунками въ 4-ю долю листа, отъ 1½ до 2 рублей, смотря по большому или меньшему числу подписчиковъ. Предварительная подписка назначается безъ всякаго денежнаго вноса; каждый выпускъ подписчикомъ уплачивается при полученіи; платящіе за 20 выпусковъ впередъ получаютъ 10% сбавки; эта плата впередъ получается только при выходѣ 1-го выпуска, когда объявится рѣшительная цѣна изданія, невыходящая однако изъ предѣловъ, назначенныхъ въ объявленіи. Печатается книга въ типографіи товарищества «Общественная Польза»; рисунки, подъ надзоромъ автора и болѣе трудные по его оригиналамъ, исполняются въ хромолитографіи А. Ильина. Гг. подписчики съ своими требованіями имѣютъ обращаться лично или чрезъ книгопродавцевъ, въ контору товарищества «Общественная Польза», на Милліонной, д. № 6, въ Петербургѣ.

Въ заключеніе, не можемъ не выразить искренняго желанія полнаго успѣха такому труду, который, не довольствуясь ученымъ своимъ значеніемъ, задаетъ такую благоую задачу, какъ возбужденіе въ читателяхъ любви къ изслѣдованіямъ и наблюденіямъ, и стремится удалить трудности и препятствія, могущія занугать не специалистовъ, указывая имъ настоящія границы современной науки, но интересующей ихъ отрасли, и слѣдовательно открываетъ дорогу любителямъ орнитологіи къ участию въ общемъ дѣлѣ, даетъ имъ возможность направить свое вниманіе именно на тѣ стороны, которыя нуждаются въ изученіи, и тѣмъ самымъ увеличиваетъ возможность новыхъ открытій и разъясненій. Какъ ни давно сложилась народная пословица: *ученіе свѣтъ, а не ученіе тма*, она ос-

---

при пособіи специальныхъ руководствъ. Такихъ руководствъ и для орнитологіи, и собственно для германскихъ птицъ, въ Германіи можно считать десятками: *Наумана, Веллштейна, Брема* (отца), *Мейера* и *Вальса*, *Глогера*, *Фридериха* и проч., столько же, какъ и популярныхъ сочиненій; если не болѣе. Для предприняемаго же мною труда задача сложнѣе: соединить вышнѣ научное содержаніе съ общедоступнымъ изложеніемъ, что необходимо по бѣдности русской зоологической литературы. И переводы даже такихъ превосходныхъ книгъ, какъ *жизнь животныхъ*, *Альфреда Брема*, этой задачи не исполняютъ. Книга Брема писана при германскихъ условіяхъ раздѣленія научнаго труда, которыхъ у насъ нѣтъ.

тается только словомъ, а на практикѣ русскій человѣкъ болѣе поддается страху, *что много будешь знать, скоро состаришься*. Тоже самое можно сказать и объ истинѣ, что наука есть общечеловѣческое дѣло, а не цеховое: въ принципѣ всѣ съ этимъ согласны, но, какъ всякая истина, она медленно отъ буквы переходитъ въ сознание и жизнь; слишкомъ еще часто случается слышать отъ людей, нечуждыхъ образованію, равнодушные, чуть не презрительные отзывы къ такъ называемымъ мелочнымъ занятіямъ нѣмецкихъ специалистовъ и т. п., а потому спасибо каждому ученому, который повторяетъ намъ, что каждый цехъ, каждая специальность трудятся для общей, единой науки, и еще болѣе спасибо тому, кто пролагаетъ путь новымъ работникамъ, зоветъ ихъ принести свою лепту въ общую со-кровищницу ~~знаній~~, ~~которое~~ ~~одно~~ ~~властно~~ ~~пролить~~ ~~свѣтъ~~ и счастье на человечество, жаждущее все яснѣе и глубже понимать законы своей родины—вселенной, и снять съ себя пелену невѣдѣнія и зла—что тождественно—пелену, такъ плотно окутывающую его въ продолженіе столькихъ вѣковъ, и которая опускается съ глазъ его, не забудемъ это, только посредствомъ терпѣливаго, энергическаго труда, на который нужны не десятки, а тысячи людей.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ,

Германа Меривела.

Іосифъ II.

Въ сужденіи, которое свѣтъ составилъ себѣ объ этомъ пре-восходномъ, хотя и несчастномъ, государѣ, выразилось обычное поклоненіе свѣта успѣху. Іосифъ II потерпѣлъ неудачу, а потому имя его обратилось въ насмѣшку. Выполни онъ ту политическую программу, которою задался, на него смотрѣли бы, какъ на величайшаго и съ тѣмъ вмѣстѣ благодѣтельныйшаго изъ монарховъ, когда либо управлявшихъ судьбами человѣчества, и не будь его преждевременной кончины, кто знаетъ, не была ли бы приведена въ исполненіе большая часть его программы.

Мы не можемъ съ достовѣрностію судить о томъ, что бы было; не можемъ рѣшить: остановила ли его смерть всеобщее возстаніе, какъ то говорить общественное мнѣніе, или же она пресѣкла дѣятельность человѣка, котораго опытъ уже направилъ на вѣрный путь къ достиженію великолѣпнѣйшихъ цѣлей, и который въ нѣсколько лѣтъ измѣнилъ бы не одну только внѣшнюю сторону евронеиской политики и европейскаго общества.

Но, какъ бы то ни было, не вдаваясь въ дальнѣйшія умозрѣнія, касательно любимѣйшаго, хотя и безплоднаго предмета историческихъ теорій—случайностей прошедшаго—нужно совсѣмъ отказаться отъ мѣрила успѣхомъ, когда судишь о личности, подобной Іосифу II. Личность эта заслуживаетъ не презрительнаго состраданія, съ кацымъ обыкновенцо относится къ

ней свѣтъ, но того благоговѣнія, какое мы питаемъ къ памяти тѣхъ немногихъ истинныхъ героевъ, тѣхъ немногихъ геніевъ, которые возвеличиваютъ человѣческую природу. Подумать только, что личность, воспитанная среди атмосферы ханженства, придворнаго тушомія, аристократической спѣси, смогла съ юныхъ лѣтъ приобрести сознание, и составить себѣ ясное понятие о тѣхъ несправедливостяхъ и притѣсненіяхъ, подъ гнетомъ которыхъ, благодаря современнымъ учрежденіямъ, осуждено было страдать огромное большинство ея ближнихъ, смогла постичь всю глубину народнаго невѣжества, всю вопіющую несправедливость дворянскихъ привилегій, всѣ неисчислимыя страданія порабощеннаго массы; смогла принять въ умѣ своемъ слѣдующее непоколебимое рѣшеніе: что такой порядокъ дѣлъ не долженъ продолжаться, что такой порядокъ дѣлъ есть просто на просто зло, такое же зло, какъ и преступленія противъ личности и собственности, и что это зло должно быть искоренено, хотя бы вмѣстѣ съ нимъ была потрясена до самаго основанія моя собственная власть, хотя бы въ борьбѣ съ нимъ разбились и мое собственное благосостояніе, и моя популярность, и даже самая жизнь, подумать только, что какъ скоро была возложена на главу Іосифа II корона самодержавія, онъ выросъ, слово Талаба среди кудесниковъ, презирая всѣ обиняки и полумѣры, опираясь единственно на правоту собственнаго дѣла, и съ рѣшительностію сжигая всѣ свои корабли,—подумать только обо всемъ этомъ, и все это съ точки зрѣнія априористической моральной возможности, равняется почти чуду. Для природы было бы болѣе любезнымъ дѣломъ создать втораго Наполеона, чѣмъ втораго Іосифа II. Совсѣмъ тѣмъ надъ нимъ произносится ходячій приговоръ, будто онъ принадлежалъ къ числу людей, задающихъ великими дѣлами, но у которыхъ, для приведенія ихъ въ исполненіе, не хватаетъ ни разсудительности, ни такта, ни умѣренности. Что ему не доставало этихъ здоровыхъ элементовъ—въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что человѣкъ, который обладалъ бы ими въ значительной степени, во все не задался бы серьезно подобными дѣлами. Это все равно, какъ если бы вздумали соболѣзновать о недостаткѣ разсудительности и умѣренности, выказанномъ Лютеромъ и Ноксомъ. Но, во всякомъ случаѣ, за Іосифа говорить его жизнь, вся исполненная безкорыстнаго и безусловнаго поклоненія тому, что онъ считалъ благомъ человѣчества. Слова его прекрасной эпитафій: «saluti publicae vixit non diu sed totus»^{*)}, выражаетъ развѣ немногимъ болѣе, чѣмъ голую истину; говоримъ: немногимъ болѣе конечно, ибо характеръ, безъ всякой рѣшительно примѣси эгоизма, былъ бы просто чудовищень. Объемистые

*) Исходно, но всецѣло жить, для общественнаго блага.

материалы для его биографии могут дать пользу тому, кто пожелает бы узнать, въ какой мѣрѣ второстепенныя качества участвуютъ въ образованіи характера, подобнаго Іосифу II, на сколько приэтомъ играютъ роль тщеславіе, желаніе возбудить изумленіе и любовь къ властвованію.

Что же касается всѣхъ великихъ намѣреній, то чистота и возвышенность ихъ главнѣйшихъ элементовъ освобождаетъ отъ труда разбирать на сколько лигатуры примѣшивается къ чистому золоту.

Несомнѣнно, это очень многимъ въ своихъ достоинствахъ Іосифъ II былъ обязанъ своей матери. Осудивъ тѣ стороны ея общественной дѣятельности, которыя по справедливости заслуживаютъ порицанія, нужно однако безспорно признать ее благородною женщиною, обладавшею многими высшими качествами, какъ сердца, такъ и ума. Но характеръ ея во многихъ отношеніяхъ, и еще болѣе ея склонности и предразсудки, представляли большой контрастъ съ сыновними. Здѣсь можно было созерцать картину, нерѣдко встрѣчающуюся въ жизни: родителей и дѣтей, скроемныхъ по одному образцу, надѣленныхъ равными природными способностями, но противоположныхъ по вкусамъ, и всю жизнь идущихъ по разнымъ дорогамъ.

Природныя способности Іосифа, хотя вовсе не ничтожныя, не были однако блестящія. Онъ учился туго, но память у него была твердая. И умъ его развился довольно поздно, подъ опекою руководителей, правду молвить, какъ разъ на столько тупоумныхъ и недантичныхъ, на сколько нужно, что бы забыть умственныя способности болѣе поверхностныя, чѣмъ оно. Мать считала Іосифа, не безъ основанія конечно, чрезвычайно упрямымъ. «Mein Starker», звала она его обыкновенно. Нѣкоторые говорили, что она избаловала его излишнею снисходительностію, и что болѣе строгая дисциплина исправила бы много изъ его природныхъ недостатковъ. Но гораздо правдоподобнѣе то, что она никогда не поняла вполне его характера, и что нѣжность, свойственная любящей натурѣ, какова была ея, уступала иногда мѣсто дорывамъ неразумной строгости. Между безчисленными семейными сценами, варисованными ангарелію самою императрицею, домовитою и любившею домашній очагъ, несмотря на все свое величіе, — которыя и доселѣ покрываютъ стѣны одной изъ комнатъ въ Шенбрунѣ, есть одна, изображающая всю семью на свиданіи, между тѣмъ какъ придворная дама, съ лучкомъ розовъ въ рукахъ, выводитъ на короткую расправу маленькаго Іосифа, въ ребячески раздранной позѣ. Какъ бы то ни было, была ли тому криминою принятая метода воспитанія, или врожденный складъ ума, но только Іосифъ съ раннихъ поръ возненавидѣлъ науку и литературу, въ ихъ обыкновенномъ значеніи. Единственное знаніе, которое онъ приобрѣлъ, было знаніе фактовъ; онъ дѣвиль въ наукѣ одну только положительную и практическую сторону. Даннбургъ и Женева

не смогли бы воспитать ума, болѣе преданнаго утилитаризму. Онъ отворачивался отъ искусствъ, и не хуже самого доктора Джонсона пренебрегалъ тѣми, ко звать въ нихъ толкъ. «Les belles lettres» пользовались большимъ его уваженіемъ, но онъ не принималъ въ нихъ личнаго интереса. Быть можетъ, лишь въ приливѣ дурнаго расположенія духа, вызваннаго нелѣбностями, въ которыя пустилась вѣнская печать, на первыхъ порахъ своего освобожденія отъ цензуры, онъ въ одномъ изъ цитируемыхъ объёмовъ разговоровъ его поставилъ на одну доску: «книжную торговлю, торговлю сиромъ и другія занятія;» однако, выраженіе это долгое время приводилось, какъ характеристичное. Истиннымъ уваженіемъ его пользовались только тѣ науки, которыя, какъ казалось ему, непосредственно вели людей къ счастью, а государство къ могуществу.

Но главнымъ побужденіемъ, по которому умъ его принялъ направленіе, противное тому, какое долѣе господствовало при австрійскомъ дворѣ, была его рѣшительная безусловная ненависть къ фанатизму. Хаиженство, которое царило при дворѣ и въ домашней жизни его матери, раболѣпство, съ которымъ ея могучій умъ подчинялся въ этомъ только пунктѣ самымъ низкимъ и самымъ вреднымъ влияніямъ, несомнѣнно имѣло слѣдствіемъ то, что высоко развитый и своевольный юноша ударился въ противоположное направленіе. Въ религіозномъ либерализмѣ Иосифа не было отбѣга невѣрія. Враждебный тому, что онъ считалъ безплоднымъ умозрѣніемъ, по всѣмъ предметамъ вообще, онъ былъ въ особенности враждебенъ имъ въ дѣлѣ религіи. Онъ почти хвастался своею нелюбовью къ Вольтеру, въ то время, какъ заявлялъ о своемъ уваженіи къ Руссо, разсужденія котораго многимъ казались въ то время обновленіемъ христіанской религіи. Онъ всегда заявлялъ себя, какъ смиреннаго вѣрующаго въ Откровеніе. «Я солдатъ, а не богословъ,» говаривалъ онъ съ нѣкоторою аффектаціею, но я вѣрю, что существуетъ только одинъ путь къ спасенію, это религія Иисуса Христа.» И жизнь его, каковы бы ни были его слабости, свидѣтельствовала объ искренности его заявленія. Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, для него христіанская религія, какъ и все остальное, должна была быть исключительно практическою. Въ его ненависти къ священнической власти, къ утонченнымъ догматамъ, церемоніямъ, легендамъ, суевѣріямъ, изображеніямъ и всѣмъ вульгарнымъ аксессуарамъ религіи вообще, скорѣе сказывалась петеричность пуританина, нежели презрѣніе обыкновеннаго невѣрующаго.

Необходимость сдерживать это стремленіе, равно какъ и многія другія, въ теченіе многихъ лѣтъ, когда онъ номинально раздѣлялъ власть съ своею матерью, но на дѣлѣ былъ не болѣе какъ первый подданный ея, за которымъ она ревниво наблюдала, — развила въ немъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ враждеб-

ныхъ наблюдателей, склонность къ притворству, и придала (по указаніямъ другихъ, болѣе справедливыхъ) его характеру родъ капризнаго цинизма, въ томъ родѣ, какой можно замѣтить у вроткихъ и увлекающихся натуръ, пострадавшихъ отъ разочарованія. Онъ сгаралъ жаждою дѣятельности, и не могъ пальцемъ пошевелить, для освобожденія себя отъ путъ придворной жизни, которые давили его со всѣхъ сторонъ. Онъ чувствовалъ, что старѣется въ этой невозможности дѣйствовать, а на его глазахъ міръ шелъ вкривь и вкось, и нетерпѣніе произвело усталость сердца и отчасти обычнаго ея спутника, мизантропію. Домашнія причины также имѣли вліяніе на усиленіе этихъ болѣзненныхъ ощущеній. Онъ чувствовалъ большую склонность къ мирному счастью, а между тѣмъ вся жизнь его была рядомъ неудачъ.

Юношею, онъ, какъ говорятъ, болѣзненно сознавалъ, что занимаетъ лишь второе мѣсто въ сердцѣ матери: любимцемъ ея былъ второй сынъ, болѣе привлекательный, Карлъ, который умеръ въ молодости. Не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Иосифъ женился на принцессѣ Изабеллѣ пармской, къ которой привязался страстно и беззабѣтно. Она вскорѣ оставила его вдовцемъ, и говорятъ, что ихъ короткій союзъ былъ омраченъ ея постояннымъ предчувствіемъ смерти. Въ самомъ дѣлѣ, существуетъ ходячій разсказъ *) о томъ, что его собственная сестра, эрцгерцогиня Христина, соболѣзнуя о его безутѣшномъ состояніи, открыла ему, что покойная принцесса призналась ей, что никогда не любила своего супруга, что ея сердце вслѣдъ было устремлено къ духовнымъ предметамъ, и что она никогда не могла подавить сожалѣнія о томъ, что государственныя причины принудили ее промѣнять монастырь на его дворецъ. Она оставила ему единственное дитя: но оно было отнято у него семилѣтнимъ ребенкомъ. Онъ снова женился, въ угоду своей матери, но избранная ею баварская принцесса была несчастною жертвою наслѣдственной болѣзни, и ея ранняя смерть была облегченіемъ для обоихъ. Съ этой минуты онъ остался одинокимъ въ мірѣ, чувствуя сильное влеченіе къ домашней жизни и ни малѣйшаго къ обычнымъ придворнымъ

---

*) См. мемуары писательницы Каролины Пихлеръ, которая занимала важную то второстепенную должность при дворѣ Маріи-Терезіи. Изабелла, такъ повѣствуетъ этотъ разсказъ, стоя на колѣняхъ у смертнаго одра своей матери, молилась о томъ, что бы ей недолго пришлось пережить ее. Ей показалось, что она услышала голосъ, произнесшій слово «три», и она радостно приняла это за предсказаніе. Но, по прошествіи трехъ дней, трехъ недѣль, трехъ мѣсяцевъ, впечатлѣніе, произведенное этимъ обстоятельствомъ, сгладилось, и она согласилась на убѣжденія семьи своей вступить въ бракъ съ Иосифомъ, и умерла ровно черезъ три года спустя, послѣ полученнаго ею предостереженія.

различеніямъ; этому обстоятельству и слѣдуетъ приписать его страсть къ передвиженію, которой онъ потворствовалъ при жизни своей матери, и даже по смерти ея, въ такой степени, что могъ бы почти соперничать съ самимъ лордомъ Питерборо, похвалъбою въ личномъ знакомствѣ со всѣми коронованными особами и со всѣми ямщиками Европы.

И вотъ, въ этотъ то длинный и печальный періодъ своего искуса, Іосифъ II, подобно Фридриху Великому, приобрѣлъ и въ нѣкоторой степени заслужилъ названіе «державнаго циника», которое, по увѣренію лорда Байрона, такъ не идетъ къ коронованнымъ особамъ. Но у Іосифа цинизмъ этотъ былъ отчасти напускной, и не такой искренній и глубоко укоренившійся, какъ у его прусскаго образца, и у него не было ровно ничего общаго съ особымъ сортомъ ѣдкаго остроумія Фридриха. Его заявленія о презрѣніи къ человѣчеству были безтактны и непритны. Быть можетъ, онъ болѣе повредилъ себѣ своими искусственными мелочными выходками противъ монашескихъ общинъ и лицъ, — улемовъ и факировъ, какъ онъ считалъ остроумнымъ называть ихъ, — чѣмъ упраздненіемъ монастырей. Даже въ настоящее время есть что то возмутительное, для читателя его переписки, въ притворномъ шутовствѣ, съ какимъ онъ отвѣчалъ людямъ, говорившимъ серьезно, какъ напр. архіепископу Трирскому, которые защищали, на сколько умѣли, права, присвоенныя имъ церкви. Дворянство скорѣе могло бы простить ему его нападенія на ихъ привилегіи и его старанія уменьшить ихъ значеніе, наводя на ихъ сословіе толпами незначительныхъ людей, штатскихъ чиновниковъ, муниципальныхъ властей и т. под., извѣстное «Bagatelldel» Вѣны, — чѣмъ его презрительныя толки о равенствѣ людей. На самомъ дѣлѣ, тотъ фактъ, что онъ въ одномъ изъ своихъ путешествій отвернулся отъ одной благородной провинціальной дамы, которая подошла къ нему съ тѣмъ церемоналомъ, какой она считала наиболее подходящимъ къ ихъ взаимному положенію въ свѣтѣ, и намѣренно заговорилъ съ дочерью содержателя гостиницы, — былъ просто невѣжливъ и безтактенъ, несмотря на все восхищеніе, которое онъ возбуждалъ въ республиканцахъ, видѣвшихъ въ этомъ доказательство благородныхъ чувствъ. Даже инна изъ его самыхъ удачныхъ изрѣченій въ философскомъ духѣ, будучи справедливыми въ своемъ общемъ значеніи, были безусловно обидны для тѣхъ, кому онъ ихъ говорилъ; такъ напр. его отвѣтъ нѣкоторымъ изъ аристократическихкихъ лицъ Вѣны, просившихъ объ удаленіи публики изъ извѣстной части Пратера, что бы они могли быть въ обществѣ себѣ равныхъ: «Если бы я пожелалъ находиться въ обществѣ равныхъ мнѣ, то долженъ былъ бы отправиться въ склепы капуцинской церкви.» Всѣ эти пустяки скорѣе лишили его дѣйствительной поддержки, нежели придали ему громкую популярность. Еще досаднѣе было для дворянства то угрюмое удовольствіе, съ ка-

нимъ онъ доставилъ своимъ подданнымъ, въ видѣ приправы къ своимъ мнѣніямъ, зрѣлище одного графа, фальшиваго монетчика, метущаго улицы въ оковахъ, одного сѣдовласаго полковника гвардіи, укравшаго ввѣренныя ему казенныя деньги, выставленнаго къ позорному столбу и одного высокороденнаго мадьяра преступника, тянущаго барку на одной лямбѣ съ преступниками самаго низшаго разряда изъ порабощенныхъ расъ, тогда какъ, словно въ пику, полудикій воръ валахъ, пойманый на мѣстѣ преступленія въ столицѣ, былъ приговоренъ, также какъ и полковникъ, только къ позорному столбу, съ цѣлю подвѣствовать на него стыдомъ! Къ вѣщей забавѣ вѣнскихъ жителей, валахъ никакъ не могъ понять, какого рода была эта церемонія, и недоумѣвалъ, чѣмъ именно онъ заслужилъ такую честь.

Что филантропія есть отчасти революціонная добродѣтель — мы это знаемъ; чрезмѣрная любовь къ справедливости въ государѣ почти можетъ быть названа тѣмъ же. «L'art de bouleverser les états (говоритъ Паскаль) est d'ébranler les coutumes établies, en sondant jusque dans leur source, pour marquer leur défaut de justice: il faut, d. t. en, recourir aux lois fondamentales et primitives de l'état, qu'une coutume injuste a abolies. C'est un jeu sûr pour tout perdre: rien ne sera juste à cette balance.»

Свою чрезвычайную добросовѣстность Іосифъ унаслѣдовалъ отъ своей матери, но страсть къ идеальной справедливости была въ немъ лично чертою. Лучшимъ доказательствомъ можетъ служить то, что онъ присвоилъ себѣ право, неизвѣстное государямъ западной Европы, усиливать, равно какъ и ослаблять, приговоры уголовныхъ судовъ. Нѣтъ сомнѣній, что по принципу онъ былъ правъ. Беккариа и Бентамъ истратили почти съ излишкомъ зачасъ глубокомыслія, выставя всю нелѣпость феодальнаго обычая прощенія. Безспорно, если исполнительной власти дано право вмѣшательства въ рѣшенія судебной власти, то это одинаково можетъ распространяться на исправленіе ошибочной снисходительности, равно какъ и строгости. Но увѣренность, что «богатъ государь милостію», слишкомъ укоренилось, для того, что бы Іосифъ могъ ее вырвать, и это нововведеніе, истекавшее изъ самыхъ чистыхъ намѣреній, было однимъ изъ первыхъ, отъ которыхъ общественное мнѣніе принудило Іосифа отказаться.

Въ тѣсной связи съ этими странностями были: грубость обращенія, по временамъ простиравшаяся до аффектаціи, рѣзкій, диктаторскій тонъ — напускная вѣнность, скрывавшая необыкновенную деликатность, равно какъ и силу чувства, болѣзненно отъликовавшагося на всякое измѣненіе въ чувствахъ тѣхъ, кого онъ любилъ, страстное, тревожное, но плѣнительное отношеніе, особенная любовь къ утонченному, преимущественно женскому обществу — его единственному развлеченію въ позднѣйшіе годы, и въ которомъ онъ являлся въ невыгоднѣйшемъ

для себя свѣтъ, будучи, какъ его описывалъ министръ Кауницъ на своемъ варварскомъ офранцузенномъ нарѣчїи: «sein ganz ai«abler, perfecter Cavalier.» Баронъ Рейценштейнъ, авторъ «Путешествія въ Вѣну» (1789), описываетъ этотъ двоякій видъ наружнаго обхожденія Іосифа: «Когда я вошелъ въ комнату, пишетъ онъ, императоръ продолжалъ еще говорить съ однимъ бариномъ, которому отдавалъ приказанія. Тонъ его былъ такъ грубъ, такъ рѣзокъ, произношеніе до того австрійское, что впечатлѣвіе, произведенное на меня, было непріятное въ высшей степени. Немедленно вслѣдъ затѣмъ были введены двѣ французскія дамы: какъ вѣжливы, утонченны и мягки стали вдругъ его манеры! Высокомѣрный монархъ исчезъ: вмѣсто его предъ мною стоялъ самый предупредительный, привлекательный свѣтскій человѣкъ.» Между многими записками, писанными имъ, и которыя сохранились, особенно трогательно прощальное письмо къ принцессѣ Фрэнсисѣ Лихтенштейнъ, писанное имъ незадолго до своей смерти, и адресованное такъ: «Aux cinq dames réunies de la société, qui m'y toléraient.»

Но всѣ согласны, что въ томъ или другомъ видѣ — съ напускною ли рѣзкостію или естественною мягкостію манеръ — дѣйствіе, производимое взглядомъ его привлекательныхъ, симпатическихкихъ глазъ, было одинаковое на всѣхъ.

«Kaiseraugenblau» былъ одно время самымъ моднымъ цвѣтомъ въ кругу дамъ Вѣны. То были глаза, которые, казалось, замѣчали cadaго, и каждому говорили. Мягкость сердца Іосифа и добросовѣстная серіозность, съ какою онъ смотрѣлъ на свои обязанности, заключали въ себѣ нѣчто такое, что не дозволяло ему заимствовать того офіціальнаго взора, который глядитъ, не видя, и который можно такъ часто замѣтить у сильныхъ міра сего. Въ этомъ взорѣ какъ будто чувствуется боязнь упасть на когонибудь, кто имѣетъ право быть узаннымъ, вмѣстѣ съ боязнію вызвать просьбу, влекущую за собою скуку, или по меньшей мѣрѣ потерю времени. Я не могу согласиться съ увлекательнымъ описателемъ путешествій, Обрей де Веромъ, который, встрѣтивъ случайно султана во время прогулки по Константинополю, и, будучи, повидимому, нѣсколько смущенъ вышеописаннымъ взоромъ, говорить о немъ такъ: «взоръ, который ничего не видитъ, и который не дѣлаетъ различія между одушевленными и неодушевленными предметами, повидимому, составляетъ принадлежность Востока или можетъ быть абсолютной власти на Востокѣ.» Онъ столько же принадлежитъ Западу, сколько и Востоку, и кто желаетъ удостовѣриться въ этомъ, пускай отправится въ корридоръ палаты общинъ и постарается поймать взглядъ министра или другаго какогонибудь сильно занятаго общественнаго дѣятеля.

Такова главная характеристика государя, которому, по смерти Марїи-Терезїи, выпалъ на долю трудъ преобразованія безпорядочной группы владѣній, лишенныхъ всякой связи, кромѣ

личнаго подчиненія власти монарха, и представлявшихъ съ возможные виды бессмысленнаго дурнаго управленія, злоупотребленій, взаимныхъ предубѣжденій и зависти. Въ собственной Австріи, австрійскій монархъ былъ прирожденнымъ государемъ, среди преданнаго населенія, но подъ контролемъ громадно богатаго духовенства и аристократіи; въ Тиролѣ онъ былъ властителемъ, на котораго свысока смотрѣло независимое крестьянство; въ Нидерландахъ политическимъ главою гнѣзда средневѣковыхъ республикъ, между правами и обычаями которыхъ происходило безпрестанное столкновеніе; въ Чехіи, Моравіи, Силезіи онъ былъ чужеземнымъ властителемъ, управлявшимъ равнодушнымъ и несчастнымъ населеніемъ, при помощи дворянства, прежде всего такою же чужеземнаго, какъ и онъ самъ, и экзотической іерархіи; въ Венгріи феодальный сюзеренъ націи дворянъ, ставившихъ свою гордую волю и свою невозможную конституцію между нимъ и миллионы угнетенныхъ низшихъ племенъ, которыя прозябали на задвѣмъ планѣ; въ Галиціи, Ломбардіи и въ другихъ отдаленныхъ областяхъ завоевателемъ, управлявшимъ безусловно по праву меча. Управлять имперію, составленную изъ такихъ разнородныхъ элементовъ—вотъ задача, которую предстояло, въ 1780 году, разрѣшить габсбургскому дому, и которая остается неразрѣшенною до настоящаго времени, потому что хотя по нѣкоторымъ пунктамъ затрудненія уменьшились, благодаря главнымъ образомъ распоряженіямъ самого Іосифа—напримѣръ сравнительному ослабленію дворянской и клерикальной власти—зато въ другихъ отношеніяхъ эти затрудненія умножились, въ слѣдствіе постоянно увеличивавшейся силы демократическаго элемента и великаго толчка, даннаго въ эти послѣдніе годы той племенной враждѣ, которая составляетъ самую злую язву современной политикѣ. Эту задачу пытались разрѣшить различнымъ образомъ въ различныя эпохи: посредствомъ лести и уступчивости относительно сильнѣйшихъ элементовъ, что бы возбудить нѣдѣйствовать заодно противъ слабѣйшихъ—такова была политика Маріи-Терезіи и Меттерниха, въ лучшее время его дѣятельности; посредствомъ военныхъ и полицейскихъ насильственныхъ мѣръ—какъ то было въ худшую эпоху продолжительнаго царствованія Франца; посредствомъ смѣлаго опыта, сдѣланнаго въ недавнее время, создать центральное представительное учрежденіе. Всѣ эти приемы имѣли свою долю человѣческой мудрости, но всѣ они до сихъ поръ еще ничего не давали, кромѣ временнаго успѣха. Іосифъ предпринялъ трудъ свыше своихъ силъ, и, по всей вѣроятности свыше человѣческихъ силъ,—разрубить узелъ, который до него и послѣ него не удалось развязать многимъ искуснымъ рукамъ. Онъ поставилъ себѣ задачей, ни болѣе ни менѣе, какъ связать въ одно однородное цѣлое всѣ свои владѣнія, уничтожить всѣ исключительныя права, стереть

границы между различными націями, и замѣнить ихъ простымъ административнымъ раздѣленіемъ всей имперіи, слить воедино всѣ племена, и сдѣлать нѣмецкій языкъ господствующимъ, дать однообразный сводъ законовъ, и сравнять передъ закономъ массу народа съ бывшими господами; создать, подъ господствомъ своего самодержавія, однообразный уровень демократической простоты. «Цѣлю его, говоритъ Шлоссеръ, было учредить силою то, что другія монархическія государства поставляютъ себѣ задачею задавить силою, и слѣдовательно онъ пришелъ въ столкновение съ своимъ народомъ и съ духомъ своего времени какъ разъ на противоположныхъ основаніяхъ, чѣмъ другіе. Онъ захотѣлъ измѣнить администрацію, правительственное воспитаніе, религіозныя учрежденія, законодательство и юридическіе обычаи своего государства. Этого нельзя было сдѣлать безъ революціи и не призывая на совѣтъ народа, а Іосифъ имѣлъ твердое намѣреніе не призывать народа. И потому исторія его даетъ лишь длинную и печальную повѣсть о государѣ, преисполненномъ прекрасныхъ намѣреній, вступившемъ въ борьбу съ существовавшимъ порядкомъ вещей, не найдя, и даже не искавши союзниковъ. Онъ противопоставилъ свой собственный пронизательный умъ закоренѣлымъ предрассудкамъ, нелѣпостямъ, такъ называемой политикѣ, педантизму, юриспруденціи, господствовавшему суевѣрію, стариннымъ конституціямъ и хартіямъ, и такимъ образомъ онъ противъ своей воли долгие годы былъ случайно стать тираномъ, прежде чѣмъ удалось ему привести въ исполненіе тѣ немногія успѣшныя мѣры своего царствованія, которыя и по нынѣшнее время радуютъ всякаго разумнаго австріяца.

Никогда несомнѣнно не была произведена полнѣйшаго разрыва со старыми учрежденіями и обычаями—на сколько это было достижимо простымъ измѣненіемъ закона,—какъ въ первые пять лѣтъ царствованія Іосифа. Даже то, что сдѣлала въ этомъ смыслѣ французская революція, было не столь внезапно и обширно, если принять въ расчетъ многочисленность гениальности и состояніе подготовки у двухъ собраній. Оно было похоже на внезапный переходъ, совершившійся въ той же самой странѣ въ способъ передвиженія, когда послѣ того, какъ пледись по четыре мили въ часъ въ старыхъ Eilwagen, вдругъ перескочили, безъ всякихъ промежуточныхъ улучшеній, къ желѣзнымъ дорогамъ. У людей, привыкшихъ къ постепенности въ дѣйствіяхъ въ конституціонныхъ странахъ, захватываетъ духъ, при чтеніи одного перечня реформъ Іосифа. Въ вышеназванный короткій промежутокъ времени были стерты съ лица земли въ Австріи всѣ исключительныя права, привилегіи, монополіи; крѣпостное право и обязательныя феодальныя налоги и оброки покончили свое существованіе по крайней мѣрѣ по закону; по теоріи, всѣ люди стали равны передъ властію государя. Старыя конституціи разныхъ королевствъ и государствъ,

въ томъ числѣ и венгерская, къ которой его мать относилась съ большою осторожностію, были отмѣнены, или сильно обрѣзаны по крайней мѣрѣ на бумагѣ. Самыя границы этихъ государствъ были стерты съ картъ, и въ замѣнъ того вся монархія была раздѣлена на тринадцать департаментовъ, съ гражданскимъ министромъ во главѣ каждого. Половина монастырей была упразднена; въ отношеніяхъ церкви къ государству совершились большія нововведенія; существовавшая народная религія была стѣснена уничтоженіемъ или упраздненіемъ процессій, пилигримствъ и т. п.; введена была всеобщая религіозная терпимость или скорѣе религіозное равенство; воспитаніе сдѣлано народнымъ; печать освобождена; старое и укоренившееся «Unwesen» (потребляя подлинное нѣмецкое слово) гильдій и корпорацій въ городахъ и другія стѣсненія внутренней торговли совершенно уничтожены, словомъ зданіе, возведенное вѣками, разрушено до самаго основанія.

Едва ли нужно говорить, что большая часть этихъ переменъ существовала лишь въ формѣ декретовъ, и никогда не осуществилась на практикѣ. Совсѣмъ тѣмъ, Иосифъ положительно сдѣлалъ многое; сдѣлалъ энергически, но преждевременно, безъ примѣси всякаго даже самаго слабого оттѣнка того ловкаго вниманія, какое можно было оказать во время этихъ дѣйствій попросту интересамъ или оскорбленнымъ чувствамъ. *Regis ad exemplar* *). Подчиненные, которымъ императоръ поручилъ привести въ исполненіе свои нововводительные декреты, принялись за дѣло съ революціоннымъ рвеніемъ, почти невѣроятнымъ въ цивилизованномъ государствѣ. Въ самомъ дѣлѣ, многое изъ того, что мы читаемъ объ австрійскихъ реформахъ 1780—85 годовъ, болѣе сходно съ тѣми сценами, которыя происходили во Франціи десять лѣтъ спустя, чѣмъ сколько подозрѣваютъ. Монастыри были ограблены съ безошаднымъ насиліемъ, ихъ имущества растрачены, ихъ драгоценныя бібліотеки уничтожены или расхищены, кости умершихъ потревожены въ ихъ могилахъ офиціальными грабителями. Въ вѣнскомъ картезіанскомъ монастырѣ балзамированное тѣло Альфреда Мудраго было вынута изъ своего свинцоваго гроба, ради его металла, и, въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, служило предметомъ любопытства и наругательства для черни. Вышелъ какъ то приказъ о превращеніи въ извѣстному сроку въ каземы древняго большаго зданія Градинны въ Прагѣ. Немедленно была спущена цѣлая свора вандаловъ, для разграбленія драгоценныхъ памятниковъ, собранныхъ вѣками. Изъ таинственнаго казнохранилища въ обсерваторіи императора Рудольфа были расхищены знаменитыя антикварскія коллекціи. «Статуи были проданы: одинъ торсъ не находилъ покупателя (говорить Везе); его выкинули наконецъ за окошко, въ садъ»

*) Поступай, какъ указано.

одинъ вѣнскій оулисть купилъ его за шестнадцать «Siebze-
ner». На вѣнскомъ конгрессѣ онъ былъ проданъ тогдашнему
кронпринцу баварскому Лудовику, за 6,000 дуватовъ. Старин-
ныя монеты были проданы на вѣсь золота. Составленъ былъ
инвентарь всего, что находилось въ казнохранилищѣ, сохрани-
вшійся въ шонфельдскомъ музеѣ въ Вѣнѣ: Леда, Тициана, обо-
значена тамъ подъ именемъ «голой женщины, которую кусаетъ
разъяренный гусь.» Однако, когда зло было уже сдѣлано, ро-
потъ чеховъ заставилъ Іосифа отмѣнить свой приказъ, что
сильно подтверждаетъ истину насмѣшки, сказанной Фридрихомъ,
будто Іосифъ II «всегда дѣлалъ второй шагъ, раньше перваго.»

Но это были пустыя крайности. Существенныя переимѣны,
совершенныя или предпринятыя Іосифомъ, въ теченіе этихъ
первыхъ лѣтъ своего царствованія, на столько важны не только
для историка Австріи, но и по своему влиянію на общій про-
грессъ человѣчества, что заслуживаютъ болѣе обстоятельнаго
вниманія, чѣмъ то, какое до сихъ поръ выпадало на ихъ долю.

Самыми благодѣтельными, быть можетъ, и несомнѣнно самы-
ми успѣшными были тѣ переимѣны, какія онъ ввелъ въ отноше-
нія крестьянина къ помѣщику. Въ этихъ отношеніяхъ повсе-
мѣстно сказывались укоренившіяся злоупотребленія крѣпостна-
го права, преимущественно же въ Венгріи, гдѣ, впрочемъ, нѣ-
что въ родѣ улучшенія было уже сдѣлано Марією-Терезією,
въ Чехіи, Моравіи и Силезіи. Въ этихъ послѣднихъ провинціяхъ
крестьянство принадлежало главнымъ образомъ къ славянскому
племени, землевладѣльцы же къ смѣшанной расѣ, происходи-
щей болѣею частію отъ побѣдоносныхъ воинскихъ предводи-
телей Тридцатилѣтней и другихъ войнъ, и имѣвшей мало обща-
го, что могло бы ихъ связывать съ своими подданными. Безу-
словная крѣпостная зависимость въ иныхъ случаяхъ и обяза-
тельная барщина (Frohndienste) въ другихъ, были удѣломъ ог-
ромнаго большинства. Обыкновеннымъ закономъ, управляю-
щимъ учрежденіемъ рабства или полурабства (закономъ, кото-
рый страннымъ образомъ забывается тѣми, кто въ наше время
предпринимаетъ неблагодарный трудъ защиты рабскихъ учре-
жденій южныхъ штатовъ Америки), является слѣдующее послѣд-
ствіе: если это учрежденіе не улучшается и не смягчается муд-
рыми законами и гуманнми привычками, то его непремѣнно пос-
тигаетъ противоположная участь; онъ начинаетъ разлагаться.
Невозможно стоять неподвижно на такой страшной покатости.
Если въ виду не имѣется постепеннаго освобожденія, какъ за-
дачи, о которой всѣ знаютъ, то подозрительность съ ея неми-
нуемыми спутниками, ограничиваніемъ и задерживаніемъ про-
свѣщенія и знанія, жестокость, несправедливость и софисмы,
которыми убаюкивается совѣсть людей, до тѣхъ поръ, пока на-
конецъ то, что признавалось отцами за непзбѣжное зло, не на-
чинаетъ поддерживаться дѣтьми, какъ превосходное учрежденіе—

вотъ что развивается неизбежно *) И вообще очень сомнительно не увеличились ли скорѣе, чѣмъ уменьшились, въ промежутокъ отъ XVI столѣтія до половины XIX-го, страданія поработанныхъ и полупоработанныхъ классовъ въ наименѣе просвѣщенныхъ странахъ Европы. Самое распиреніе коммерческой дѣятельности, обиліе и значеніе наличныхъ денегъ способствовали этому результату. Въ среднихъ вѣкахъ господинъ цѣнили въ своихъ вассалахъ и крестьянахъ матеріальную поддержку, которую они ему доставляли и честь, которую какъ бы приносило ему владѣніе ими; въ позднѣйшую эпоху, вмѣстѣ съ увеличеніемъ роскоши и привычекъ городской жизни, въ нихъ стали цѣнить единственно ихъ денежную стоимость. Тѣмъ немногимъ, которые могли освободить себя, посредствомъ денежныхъ сдѣлокъ, на которыхъ охотно шли господа, стало конечно лучше. Но для большинства, для котораго такіа сдѣлки были невозможны, стало еще хуже. Для этого послѣдняго старинныя феодальныя права господина, которыя сначала понимались какъ влекущія за собою помощь и услуги, теперь превратились въ средство вымогательства послѣдняго гроша, деньгами или соотвѣтственною работою. И такимъ образомъ, если вѣрить описаніямъ тѣхъ изъ германскихъ писателей (а ихъ было много), которые примыкали, въ періодъ отъ 1750 до 1790 года, къ дѣлу «Aufklärung» (просвѣщенія), положеніе крѣпостнаго крестьянства въ южной и восточной Германіи въ ихъ время скорѣе улучшилось нежели ухудшилось. Но характеристичною чертою, общемою всѣмъ дурнымъ политическимъ учрежденіямъ, является то, что пока они стоятъ на пути къ естественному улучшенію, то постепенныя мѣры для ихъ упраздненія могутъ быть предпринимаемы съ успѣхомъ; но когда они мало по малу начинаютъ разлагаться, то такіа мѣры становятся невыполнимыми, и если только можно преобразовать эти учрежденія, то не иначе, какъ помощію самовластной и разрушительной политики. Таково было положеніе дѣлъ, когда императоръ Іосифъ II предпринялъ

*) Мы можемъ видѣть и въ такихъ важныхъ авторитетахъ, какъ письма Вашингтона или путешествія Токвиля, что до послѣдняго тридцатилѣтія сила общихъ аргументовъ противъ невольничества и торговли невольниками не была отвергаема (въ Америкѣ), и что южные плантаторы, за немногими исключеніями, толковали лишь о предусмотрительности и постепенности. Но съ того времени пошли дальше. Невольничество не извиняется болѣе какъ существующее зло, необходимое въ слѣдствіе особенныхъ обстоятельствъ и терпимое лишь на извѣстный срокъ времени, но защищается, какъ похвальное и прочное учрежденіе. Да, нашлись даже между духовными лицами столь ироническія и послѣдовательныя, что рѣшились выражать—и не только что выражать, но и проповѣдовать—что невольничество, какъ постоянная система, вполне согласна съ главными принципами евангелія, и даже, такъ сказать, предписывается ими. Лордъ Стенголь, *Жизнь Питта*, т. 1 стр. 373.

совершенное уничтоженіе этихъ обычаевъ, а не однихъ только злоупотребленій ими, въ своихъ владѣніяхъ. И онъ дѣйствительно достигъ этого, по крайней мѣрѣ что касается большей ихъ части. Въ три или четыре года такъ называемое крѣпостное право было совершенно упразднено въ германскихъ провинціяхъ. «Frohndienste» или обязательная барщина была значительно облегчена. Впервые, по крайней мѣрѣ послѣ царствованія Сабослава мужицкаго короля («der Baner Koenig») въ 1175 г., пользованіе земными плодами было обезпечено тѣмъ, кто ихъ производилъ. И вотъ касательно нѣкоторыхъ то изъ этихъ нововведеній и возражалъ чехскій графъ Хотекъ, одинъ изъ первыхъ любимцевъ Іосифа, и объявлялъ, что крестьяне должны платить, и что ихъ слѣдуетъ къ тому принудить. «Мнѣ кажется, дѣлать бы то ни было, находится на сторонѣ tiers-état, и если бы случилось когда нибудь, что они не захотѣли бы платить, то что бы стало съ всѣми нами?» Великость и значеніе этихъ преобразованій, всего лучше можно оцѣнить при чтеніи пресбѣческихъ штатовъ къ Леопольду, преемнику Іосифа, когда наступила эпоха реакціи и возобновленія всѣхъ старинныхъ феодальныхъ привилегій, уничтоженныхъ Іосифомъ. Это можно найти въ первой главѣ сочиненія Ширингера, заключающаго въ себѣ новѣйшую исторію Австріи. Къ счастью для дѣла, равно какъ и для человѣчества, правительство Леопольда, вынужденное передѣлывать многое изъ того, что сдѣлалъ Іосифъ, могло цѣлкомъ проволочекъ и уступокъ поддержать эту часть его дѣла. Въ дѣйствительности было бы опасно даже попытаться передѣлать это, потому что крестьянство очень хорошо сознавало преимущества, какія ему были даны. Говорили, что въ Чехіи, къ концу царствованія Іосифа, девять десятыхъ изъ обязательныхъ оброковъ были сокращены.

Еще одна изъ реформъ Іосифа осталась полною и неизмѣнною, и устояла противъ всѣхъ серьезныхъ нападокъ, даже во время многихъ воспослѣдовавшихъ приливовъ реакціи. Это его зданіе о терпимости, эта Magna Charta религіозной свободы въ Австріи. Слѣдуетъ припомнить, что, въ эпоху восшествія Іосифа на престолъ, протестантизмъ, когда то широкоразвившійся на его германскихъ владѣніяхъ, былъ подавленъ въ послѣднія полтораста лѣтъ; онъ уже пересталъ легально существовать, и его немногимъ послѣдователямъ едва дозволялось прозябать подъ серытымъ покровительствомъ чиновниковъ, не столь строгихъ, какъ законъ, во имя котораго они дѣйствовали. Съ другой стороны, въ Венгріи и Трансильваніи послѣдователи, какъ греческаго, такъ и протестантскаго вѣроисповѣданій, были многочисленны, и пользовались признанными правами; но все вліяніе духовенства и двора при Маріи-Терезіи было направлено къ постепенному уничтоженію этихъ

правъ и къ «примиренію» этихъ сектъ съ господствующею церковію, посредствомъ такого рода преслѣдованія, который горше всѣхъ другихъ, а именно преслѣдованія властолюбиваго правительства, которое, не нарушая открыто закона, обходитъ его, и смѣется надъ нимъ; таково было преслѣдованіе гугенотовъ, признанныхъ закономъ, до отмѣны Нантскаго Эдикта, правительствомъ Людовика XIV. У историка Майлата, который самъ принадлежалъ къ одной могущественной трансильванской фамиліи, можно найти нѣсколько подробностей объ этомъ предметѣ, касающихся царствованія Маріи-Терезіи, и скрывавшихся во мракѣ, въ слѣдствіе отсутствія печати и общественнаго мнѣнія въ этомъ отдаленномъ углу Европы. «Въ одномъ селеніи, принадлежавшемъ семейству Майлатовъ, говорить онъ, жители были мадьяры и протестанты. Владѣтель селенія поселилъ въ немъ нѣсколько славянъ-католиковъ, привезъ францисканскаго монаха въ свой домъ, и закрылъ въ одно прекрасное утро протестантскую церковь; ее обратили въ католическую, и такую она осталась съ тѣхъ поръ. Самая могущественная отрасль фамиліи Банфи, столь распространенной въ Трансильваніи, состояла изъ двухъ особъ, брата и сестры. Когда и какимъ образомъ братъ перешелъ въ католичество, я не знаю. Сестра, молодая дѣвушка, принадлежавшая къ протестантскому вѣроисповѣданію, воспитывалась въ домѣ одного родственника въ Трансильваніи. Императрица насильно взяла ее оттуда, съ помощію военной силы, въ Вѣну, и воспитала, какъ католичку». Удаливъ со сцены военную силу, мы можемъ почти вообразить, что читаемъ разсказъ о событіяхъ, происходившихъ по всей вѣроятности, съ перестановкою названія преслѣдователей и преслѣдуемыхъ, въ Ирландіи около этого времени или нѣсколько ранѣе. Но разница, какъ я уже замѣтилъ, заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что венгерскіе протестанты признавались предъ закономъ равными католикамъ и что покровительство закона обращено было императрицею и ея чиновниками въ жестокую насмѣшку. Эти сектанты, преслѣдуемые въ Венгріи, хотя подъ прикрытіемъ мнимой законности, въ Чехіи терпимые лишь какъ послѣдніе остатки ученія, надъ которымъ преслѣдованіе уже довольно натѣшилось, въ германскихъ провинціяхъ почти несуществовавшіе, а если и существовавшіе, то бывшіе жертвами легальныхъ лишеній и враждебнаго настроенія черни—разомъ возвысились, благодаря самому смѣлому, быть можетъ, нововведенію, когда либо совершенному до того какимъ нибудь монархомъ,—нововведенію, въ слѣдствіе котораго они стали не только терпимы, но безусловно равны предъ закономъ съ послѣдователями государственнаго вѣроисповѣданія, или, точнѣе говори, институтъ господствовавшаго вѣроисповѣданія, въ полномъ смыслѣ слова, былъ вполне обезсиленъ. И хотя церковь въ послѣдствіи снова получила свое первенство, котораго лишилъ ее Юсіфъ II, но легальная и вообще говоря

практическая свобода ея отщепенцевъ постоянно оставалась съ тѣхъ поръ обезпеченною.

Нѣтъ сомнѣнія, что даже въ этой великой и обширной задачѣ были погрѣшности, и въ ней страннымъ образомъ проскакивали вспышки абсолютизма. Нѣкоторые изъ сектантовъ, носившихъ названіе «денстовъ», но которые, повидимому, стремились водворить родъ первобытнаго христіанства, не только были исключены изъ программы, но подвергались, въ случаѣ повторенія проступка, классическому австрійскому наказанію, двадцатью пятью «шпицъ-рутенами», или ударами палки. Евреи, хотя и освобожденные отъ нѣкоторыхъ унижительныхъ пеней, были до того разъярены вмѣшательствомъ правительства въ нѣкоторыя изъ ихъ своеобразныхъ учрежденій, обязывавшихъ ихъ, напримѣръ, прибѣгать къ установленнымъ государственнымъ властямъ, вмѣсто своихъ собственныхъ раввиновъ, въ случаѣ женитьбы или развода, что почти считали своимъ преслѣдователемъ этого благодушнаго монарха. Съ другой стороны, въ Венгріи ревностные кальвинисты, какъ скоро освободились отъ преслѣдованія, въ свою очередь выказали сильное стремленіе стать преслѣдователями въ тѣхъ частяхъ, гдѣ преобладали, и закрывали насильно католическія церкви. Но всѣ эти мелкія излишества и недоразумѣнія, какъ ихъ ни раздували противники великой реформы, не имѣли существеннаго вліянія на ея благодѣтельные результаты.

Что же касается до водворенія свободы печати, то, какъ кажется, ни взгляды, ни дѣйствія Іосифа на этомъ пунктѣ не были особенно ясны и особенно послѣдовательны; непродолжительность его царствованія и стремительный ходъ событій и безчисленные регламенты, которыми онъ привыкъ обременять всякое распоряженіе, дѣлають этотъ предметъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, слишкомъ запутаннымъ для успѣшности изслѣдованія. Іосифъ II, повидимому, не могъ или не хотѣлъ снять запрещенія, существовавшаго противъ недозволенныхъ нововведеній въ философскихъ или религіозныхъ преніяхъ, но предоставлялъ полную свободу политическимъ писателямъ, и декретами своими явно приглашалъ критиковать себя и свое правительство. И онъ сдержалъ свое слово, относительно памфлетовъ того времени, хотя и противъ сердца. Екатерина II презирала подобныя нападенія, въ слѣдствіе дѣйствительнаго великодушія своего характера Фридрихъ II; въ слѣдствіе врожденнаго и выработаннаго цинизма; Іосифъ II частію по принуду, частію изъ подражанія; но несходный въ этомъ съ своими образцами, онъ былъ щекотливъ, и жало пасѣкомыхъ, которыхъ онъ самъ вызвалъ къ жизни, раздражало его почти до бѣшенства. Почтенное населеніе Вѣны, привыкшее, во время управленія своей императрицы, къ осторожной ценсурѣ, которая едва оставляла имъ какую нибудь литературную пищу, кромѣ духовныхъ книгъ, было поражено ужасомъ,

открывъ, что при Иосифѣ Вѣна считала въ числѣ своихъ жителей не менѣе 400 «Schreiberle», т. е. писакъ, жившихъ своимъ остроуміемъ. И въ то время какъ мѣстныя произведенія были самаго худшаго свойства, оскорбительныя, задрательныя или ничтожныя, ввозъ иностранныхъ и вполнѣ достойныхъ сочиненій былъ, по странному капризу, почти запрещенъ. Поэтому вообще австрійцы какъ будто были довольны, какъ прекращенію скандала, когда, по смерти императора, возобновился постепенно старый недовѣрчивый порядокъ. Между тѣмъ, несомнѣнно, что то, чему они были свидѣтелями, было лишь первымъ взрывомъ долго сдерживаемой свободы, и что правильною политикою было бы продолжать и расширять систему Иосифа.

Въ политической экономіи Иосифъ былъ послѣдователемъ школы «физиократовъ», и питалъ намѣреніе распредѣлить всѣ налоги на земли имперіи. Въ этихъ самыхъ видахъ онъ принималъ громадный и одновременный «кадастръ» своихъ обширныхъ владѣній—измѣреніе земель и наблюденіе за ними было всегда въ числѣ его слабостей—съ такою поспѣшностію, что большая часть работы, сдѣланной впопыхахъ, должна была передѣлываться надосугѣ. Онъ не любилъ заграничной торговли, и былъ расположенъ стѣснять ее. Но относительно внутренней торговли, его идеи и мѣры были самыми практичными и либеральными. Онъ совершенно уничтожилъ, свойственнымъ ему радикальнымъ способомъ, всякое вмѣшательство власти—путемъ привилегій, патентовъ, «taximum» или монополій—въ цѣны предметовъ потребленія, поставляемыхъ публикѣ. Тотъ самый народъ, котораго онъ облагодѣтельствовалъ, испугался его либерализма. Классы, которые проигрывали, громко жаловались; публика едва понимала, что она выигрывала. Пронесся слухъ, что торговцы, освобожденные отъ опеки, продавали нездоровые припасы, что нѣсколько селеній въ Моравіи заразились чумою, благодаря мясу скота, убитаго непатентованными мясниками. Послѣдовавшее правительство не встрѣтило почти затрудненій къ возобновленію большинства старыхъ злоупотребленій.

• Рынки снова поступили подъ старинный похвальный контроль, пишетъ одобрительно одинъ изъ вѣнскихъ консерваторовъ нѣсколько лѣтъ позже, и, *несмотря на это*, въ Вѣнѣ ѣдятъ лошадей, собакъ и кошекъ, торговцы и ремесленники разорены, а большинство наибѣднѣйшихъ классовъ умираетъ въ настоящее время отъ голода!

- Но самыми важными нововведеніями Иосифа, представляющими наибольшій интересъ для изслѣдователя, который слѣдитъ за ходомъ событій, изучая формы учреждений и судебъ цивилизованной Европы,—являются тѣ, которыя касались отношеній церкви къ государству.

- Ничего нѣтъ легче въ теоріи, какъ установить полный раздѣлъ въ христіанской политикѣ между свѣтскими и духовными

дѣламъ. При томъ порядкѣ вещей, какой Дантъ приписываетъ, болѣе поэтически, нежели исторически вѣрно, христіанскому періоду Римской Имперіи, два меча свѣтской и духовной юстиціи обращались въ рукахъ отдѣльныхъ властей, которыя не вмѣшивались совершенно въ дѣла другъ друга.

Sopra Roma, che'l buon mondo feo,
 Di e soli areo, che l'una e l'altra strada
 Dritta facean, di Cesare e di Dio.

Законодатель, нестѣсняемый предшествовавшимъ порядкомъ, не встрѣтилъ бы затрудненія въ созданіи подобной системы, гдѣ духовное управленіе различныхъ христіанскихъ общинъ было бы вполне предоставлено ихъ собственнымъ внутреннимъ властямъ, по которой ихъ порицаніе и приказанія освящались бы только добровольнымъ послушаніемъ, и по которой, съ другой стороны, имъ была бы предоставлена полная свобода, нестѣсняемая никакимъ контролемъ со стороны государства, высказывать это порицаніе и эти приказанія. Точно также, владѣніе общиннымъ имуществомъ церкви или церквей, между которыми можетъ раздѣлиться народъ, не имѣетъ никакого отношенія къ полному примѣненію принципа свободы, даже и тогда (какъ указалъ на это, одинъ изъ первыхъ, архіепископъ Ватлэ), когда это имущество даровано церкви государствомъ. Религіозная община можетъ владѣть имуществомъ, которое явилось, или въ слѣдствіе такого дара, или въ слѣдствіе добровольныхъ приношеній ея послѣдователей, или въ слѣдствіе накопившихся пожертвованій. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ законодательство и суды обязаны наблюдать за тѣмъ, что бы эта собственность уважалась. Община можетъ дозволить духовнымъ лицамъ, обязаннымъ внушать извѣстныя доктрины, распоряжаться этою собственностію, подъ ея непосредственнымъ указаніемъ; или же поручить ее для раздачи милостынъ свѣтскимъ членамъ, раздѣляющимъ ея ученіе. Если духовный наставникъ или свѣтское лице нарушить доктрины, считаемыя его собственною церковію обязательными для ея членовъ, то свѣтская власть, представляемая судами, поддержитъ подразумеваемый договоръ, лишивъ виновника его доли въ распоряженіи собственностію, совершенно такъ же, какъ она поступила бы относительно ассоціаціи, устроенной добровольно съ свѣтскою цѣлію. И для того, что бы поддержать то, что является въ дѣйствительности правилами для членовъ церкви, трибуналы въ обыкновенныхъ случаяхъ принимаютъ свидѣтельство, даваемое духовными руководителями учрежденія. Въ этихъ границахъ свѣтское вмѣшательство вполне согласно съ полнымъ сохраненіемъ религіозной свободы. Но государственное вмѣшательство, переходящее эти границы, берущее на себя наказывать или вознаграждать за то, что является религіознымъ вѣрованіемъ, или

утверждать свѣтскимъ наказаніемъ (кромѣ вышеприведеннаго неизбѣжнаго лишенія собственности) законы и указы руководителей какой нибудь церкви; или съ другой стороны рѣшающее-ся контролировать церковь въ выборѣ ея служителей, препятствовать ей издавать законы и указы безъ государственнаго дозволенія; вмѣшиваться въ сношенія духовныхъ особъ и учреждений съ ихъ членами или начальниками, живущими внутри или внѣ ея—всякое такое вмѣшательство, имѣетъ ли оно въ виду помочь духовной власти, или ослѣпить ее, происходитъ ли оно изъ религиозныхъ мотивовъ, или изъ государственныхъ причинъ, несомнѣнно съ религиозною свободою и противорѣчить ея принципамъ.

И нѣтъ области, гдѣ нарушеніе правилъ одною стороною, такъ неизбѣжно вызвало бы нарушеніе правилъ другою. Большая часть новѣйшей исторіи Европы наполнена подробностями, о борьбѣ свѣтскихъ государей, имѣвшей въ виду поддерживать въ границахъ духовную власть. Съ точны зрѣніи отвлеченныхъ принциповъ, трудно представить себѣ что нибудь неблагоприятнѣе. Но когда епископы требуютъ (какъ они это дѣлали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ) расширенія власти по свѣтскимъ дѣламъ, какъ напримѣръ по законамъ о бракѣ и распоряженіи свѣтскимъ имуществомъ, равно какъ и по смѣшаннымъ предметамъ (каково, напримѣръ, воспитаніе), у которыхъ есть и духовная и свѣтская стороны, то они присвоеніемъ себѣ правъ изъ области, неподлежащей имъ, оправдываютъ то, что иначе было бы насиліемъ со стороны государства. Впрочемъ, это противорѣчіе свойственно не однѣмъ только епископальнымъ церквямъ. Никто не можетъ краснорѣчивѣе и убѣдительнѣе шотландскихъ ковенанторовъ обличать зло, производимое эрastianскими правителями, нарушавшими свободу собраний и дѣйствій религиозныхъ общинъ; но какъ тѣ же самые ковенанторы обыкновенно призывали на помощь законодательство и дворы для того, что бы заставить соблюдать ихъ правило о субботахъ, или церковнаго наказанія, или по поводу другихъ подобныхъ предметовъ, то прекрасные ихъ доводы остаются совершенно недѣйствительными.

Все это достаточно ясно для обыкновеннаго мыслителя; но на практикѣ ни одна страна образованнаго міра, за исключеніемъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, не примѣняла изложенныхъ принциповъ въ полномъ ихъ объемѣ. А такъ какъ въ Соединенныхъ Штатахъ Америки никогда не существовало признанной государствомъ церкви, и настоящей порядокъ вещей является тамъ результатомъ не преднамѣренной политики, но неизбѣжнаго соглашенія между сектами, вполне другъ отъ друга независимыми, то примѣръ этого государства, несмотря на все свое значеніе, едва ли можетъ быть приведенъ съ безошибочностію, когда рѣчь пойдетъ о странахъ, гдѣ преобладаетъ учрежденіе

признанной государствомъ церкви, какъ то мы находимъ во всѣхъ странахъ Европы.

Въ британскихъ владѣніяхъ, по крайней мѣрѣ въ европейской части ихъ, мы не зашли такъ далеко, какъ въ Америкѣ. Однако слѣдуетъ припомнить, что для всей массы нашего населенія, за исключеніемъ той части, которая входитъ въ составъ церкви, господствующихъ въ трехъ королевствахъ, система свободы отъ всякаго стѣсненія закономъ въ духовныхъ дѣлахъ преобладаетъ такъ же, какъ и въ Соединенныхъ Штатахъ; кромѣ того мы найдемъ, что политическое воспитаніе въ послѣднее пятидесятилѣтіе почти искоренило изъ народнаго ума всѣ понятія и даже всѣ страсти, несомвѣстныя съ полнымъ установленіемъ свободы, въ дѣлѣ всякаго религіознаго убѣжденія. Законы и обычаи, не вполне совмѣстныя съ примѣненіемъ этой свободы, не имѣютъ корня въ народныхъ наклонностяхъ. Они, повидимому, существуютъ единственно потому, что до того переплетены въ затѣйливой ткани нашей древней конституціи, что трудно указать способъ, какъ избавиться отъ нихъ, не произведя ненужныхъ и опасныхъ разрывовъ въ этой ткани. Сверхъ того хотя нынѣ изъ нихъ и защищаются обществомъ изъ за причинъ нѣсколько устарѣвшихъ, но въ сущности за нихъ говорить другое, чего мы не сознаемъ или въ чемъ не хотимъ признаться: они служатъ намъ на худой конецъ, совершенно такъ, какъ старое платье; хотя бы оно было самаго устарѣваго и не изъщнаго покроя, оно кажется намъ всетаки предпочтительнымъ платьемъ, на которое было потрачено все математическое искусство портныхъ Лапуть.

Такимъ образомъ, парламентъ, по аномаліи, совершенно несомвѣстной съ отвлеченнымъ понятіемъ о религіозной свободѣ, остается по закону единственнымъ законодателемъ англійской церкви; между тѣмъ крайняя неохота парламента дѣйствовать въ этомъ характерѣ показываетъ, какая огромная разница лежитъ между легальнымъ ученіемъ и существующею практикою. Нельзя привести никакихъ доводовъ, которые выдержали бы критику теоретическихъ аргументовъ, въ пользу засѣданія епископовъ въ палатѣ лордовъ; однако самые безстрастные люди пожалѣли бы, если бы ихъ оттуда изгнали, только потому, хотя, быть можетъ, причина эта дѣйствуетъ безсознательно, что программа, допускающая въ учрежденіе, состоящее изъ потомственныхъ законодателей, нѣсколько хорошо образованныхъ должностныхъ лицъ, имѣетъ свои выгоды. Точно также назначеніе епископовъ правительствомъ, то есть, первымъ министромъ, не можетъ быть оправдано никакимъ научнымъ принципомъ. Однако, на практикѣ, многіе изъ насъ сознаютъ, что хотя было бы въ высшей степени полезно, что бы народъ могъ самъ, тѣмъ или другимъ путемъ, участвовать въ избраніи этихъ важныхъ сановниковъ, а избраніе ихъ духовенствомъ было бы вѣроятно наилучшимъ способомъ избранія; но народное избраніе,

Если только не будет обставлено предосторожностями, которыя трудно придумать и невозможно поддержать, едва ли было бы лучше; слѣдовательно назначеніе ихъ высокимъ сановникомъ, который самъ находится подъ контролемъ представителей народа, даетъ грубое и ненаучное, но сносное, рѣшеніе затруднительнаго вопроса. Также трудно было бы найти прочный основной принципъ для поддержанія закона, во имя котораго рѣшеніе духовныхъ вопросовъ, включая вопросы о религіозномъ правосудіи, предоставляется обыкновенному свѣтскому суду, избираемому правительствомъ. Но вообще аномалія эта, повидному, пользуется популярностью, потому что всѣ чувствуютъ, что ничего не могло бы быть опаснѣе и несправедливѣе, какъ предоставлять въ подобныхъ случаяхъ рѣшеніе разгоряченнымъ людямъ партій, а другаго средства для обезпеченія безпристрастности еще не придумано. Есть еще, правда, нѣсколько остатковъ отъ прежней системы, существующихъ въ наше время главнымъ образомъ въ формѣ государственнаго контроля надъ церковными службами, которыхъ также не легко защищать на основаніи пригодности, какъ и на основаніи принципа. Зачѣмъ, напримѣръ, государству требовать, что бы духовныя лица крестили или коронили съ публичными религіозными церемоніями? Отвѣтъ бываетъ обыкновенно слѣдующій: духовенство находится на службѣ государства, которое платитъ ему за исполненіе этихъ обязанностей, и имѣетъ слѣдовательно право требовать ихъ отъ него, отвѣтъ, доказывающій смѣшеніе понятій по вопросу о духовномъ и свѣтскомъ, о которомъ уже было выше говорено; отъ котораго британскій мозгъ уже почти освободился. Докуснвъ, что государство, въ широкомъ значеніи слова, платитъ духовенству, слѣдуетъ признать, что оно платитъ ему, правильно говоря, за выполненіе обязанностей, согласныхъ съ правилами епо церкви и подвластныхъ ей; когда же государство пускается предписывать или отмиать эти правила, опираясь на свѣтскую силу, то оно этимъ такъ же фундаментально, если не такъ же грубо, нарушаетъ широкій принципъ религіозной свободы, какъ и тогда, когда оно даетъ эту силу въ помощь церкви, съ цѣлю усилить свѣтскими пенями значеніе церковнаго проклятія.

Но все это однако является исключеніемъ въ главной системѣ нашего повѣйшаго законодательства и въ общемъ развитіи британскихъ политическихъ взглядовъ. На континентѣ Европы вопросъ поставленъ совершенно иначе. Тамъ можно смѣло сказать, что не только не существуетъ раздѣленія между духовною властію и свѣтскимъ правительствомъ на практикѣ, но едва ли даже такое раздѣленіе теоретически сознается обществомъ, развѣ за исключеніемъ умозрѣній немногихъ философовъ, стоящихъ особнякомъ, и не особенно послѣдовательныхъ. На континентѣ существуютъ легіоны политическихъ мыслителей, совершенно готовыхъ радикально уничтожить всѣ церкви.

Но едва ли найдется одинъ въ либеральной партіи, который захотѣлъ бы раговать за существованіе церкви, независимой отъ государства. Для того есть ультрамонтанскіе католическіе писатели, пользующіеся популярностью, которыхъ идея о религиозной свободѣ выражается въ томъ, что они желали бы взвалить на государство обязанность приводить въ исполненіе указы церкви, и нѣкоторые изъ эрастіанцевъ, какъ бы ихъ назвали въ прежнія времена, которые, подъ тою же самою фразою, подразумеваютъ ослабленіе клерикальнаго контроля и вмѣшательство правительства въ церковныя дѣла.

До самой эпохи, непосредственно предшествовавшей реформации, не возникало почти никакихъ сомнѣній или затрудненій по вопросу, касающемуся отношеній свѣтской и духовной властей, развѣ только въ умахъ немногихъ мыслителей, опередившихъ свое время. Даже споръ объ инвеститурѣ, несмотря на то, что долго и много волновалъ Европу, въ сущности былъ поверхностнымъ споромъ. Церковь не только могла неограниченно распоряжаться государственною силою, для преслѣдованія недозволенныхъ мнѣній, но и приобрѣла, благодаря развѣтвленіямъ каноническаго права, возможность вмѣшиваться въ большую часть свѣтскихъ житейскихъ отношеній. Свѣтскіе государи были по большей части добровольными союзниками или подчиненными этой могущественной общины. Если они и становились иногда въ оппозицію церкви, то это бывало вообще въ вопросахъ личнаго честолюбія и корысти, касавшихся, или ихъ достоинства, или патронатства, или дохода; рѣдко, или почти никогда, не возмущались они противъ существеннаго нарушенія гражданской свободы.

Дѣйствіемъ реформации было измѣненіе этихъ отношеній, и по формѣ, и по духу, въ странахъ, перешедшихъ къ протестантизму: по духу, если не по формѣ, и почти въ томъ же объемѣ, во многихъ изъ тѣхъ, которыя остались католическими. Въ началѣ гроза, казалось, разразилась разомъ со всѣхъ сторонъ и столько же надъ правительствами, какъ и надъ церковью. У политиковъ свѣтскихъ или гражданскихъ было много причинъ признавать значеніе правила хитраго италіянца Энея Сильвія «*parat imperatoris et imperatorem parat auxilium indigere, stultum esse illi nocere, cujus expertes erent.*» *) Но, по ходу событій, свѣтская власть выигрывала, а духовная проигрывала. Значенію церкви въ свѣтскихъ дѣлахъ нанесенъ былъ ударъ, отъ котораго она никогда не оправлялась, и за которымъ слѣдовалъ періодъ постепеннаго, хотя и неравномѣрнаго, паденія. Но соответственный захватъ власти, съ другой стороны перевѣсъ гражданскаго правительства надъ церковію, увеличивалъ

*) Поддерживать помощію императора папу, а помощію папы императора; глупо вредить тому, отъ кого ожидаешь содѣйствія.

ся пропорціонально. Въ протестантскихъ странахъ церковь стала учрежденіемъ, которое оплачивалось, защищалось, поддерживалось, управлялось государемъ; ученіе ея, правда, устанавливалось господствующимъ вѣроисповѣданіемъ, но практическое примѣненіе этого ученія предоставлялось исполнительной власти. Лютеръ, при его обширномъ здоровомъ смыслѣ, имѣлъ ясное понятіе о различіи между двумя властями, но, какъ кажется, скорѣе сочувствовалъ усиленію свѣтской власти, чѣмъ духовной, какъ наименьшему изъ двухъ золь. «Дворяне и господа (Edelleute und Junker) хотятъ теперь руководить совѣстію, и вмѣшиваться въ дѣла церкви. Но если духовенство снова поднимется, оно опять вырветъ мечъ свѣтской власти, какъ это было во время папскаго владычества.» Въ слѣдствіе этого въ протестантскихъ странахъ расколъ преслѣдовался, какъ государственное преступленіе, стоящее на ряду съ возмущеніемъ.

Въ католическихъ странахъ, благодаря существованію главы церкви, который стоитъ внѣ юрисдикціи каждой изъ нихъ, успѣхъ въ борьбѣ между двумя властями былъ непостояннѣе, и счастье поочередно склонялось то на ту, то на другую сторону. Были такія страны, которыя на языкѣ юристовъ назывались «странами послушанія», гдѣ права Рима оставались безъ малѣйшаго ограниченія (Испанія, Португалія и пр.) и такія, которыя назывались «странами свободы», гдѣ эти права были ограничены конкордатомъ (такова Франція). По временамъ могло случаться, что папы соглашались уступать часть духовнаго первенства, представленнаго имъ за поддержку ихъ различныхъ плановъ, внушаемыхъ свѣтскимъ честолюбіемъ; нерѣдко государи, изъ суевѣрныхъ или политическихъ мотивовъ, давали ходъ той партіи, которая постоянно хлопочетъ объ усиленіи папской или епископальной власти. По временамъ воля непреклоннаго первосвященника, какимъ былъ, напримѣръ, Павелъ V, который такъ неуклонно стоялъ за свои права, что когда Лукская республика, въ своемъ усердіи къ религіи, издала законъ, запрещающій переписку съ нѣкоторыми изгнанниками, перешедшими въ ересь, то онъ настаивалъ на томъ, что бы его вычеркнули изъ государственныхъ документовъ, какъ законъ, нарушающій его власть, — или же временный успѣхъ честолюбивой общины, какъ напримѣръ іезуитовъ, имѣли результатомъ временное усиленіе и возбужденіе притязаній Рима на вмѣшательство въ гражданское управленіе. Въ другое время монархъ съ непреклонною волею, какъ напримѣръ Лудовикъ XIV, пользовавшійся преимуществомъ продолжительнаго царствованія и служившій примѣромъ современнымъ ему государямъ, не только устанавливаетъ равновѣсіе между двумя властями, но даже сильно и непрерывно наклоняетъ вѣсы на сторону свѣтской власти. Въ цѣломъ, ходъ событій былъ столько же въ пользу государства,

сколько противъ церкви: средства государства увеличивались, а ея уменьшались, потому что съ одной стороны вѣра ослабѣвала, а съ другой постоянныя армія увеличивались. Но, среди всѣхъ этихъ колебаній, среди длинной борьбы, не сдѣлано почти ни одного шага къ тому, что, по нашему мнѣнію, очень просто распутываетъ всѣ эти затрудненія—отреченію церкви отъ всякаго вмѣшательства въ свѣтскія, а государства въ духовныя дѣла. Во Франціи такъ называемыя галликанскія вольности были, въ сущности, ни чѣмъ инымъ, какъ перенесеніемъ извѣстной доли смѣшанной и запутанной юрисдикціи, отдававшей въ распоряженіе церкви копелки и свободу людей, равно какъ и ихъ совѣсть, изъ подъ контроля папы подъ контроль государя. Такъ какъ въ католической Германіи, до Юсифа II, не было государя, на столько могущественнаго, что бы установить систему, подобную галликанской, то оппозиція Риму проявилась въ восемнадцатомъ столѣтіи скорѣе въ формѣ олигархическаго возмущенія, нежели королевскаго сопротивленія. Духъ, породившій его, выработался главнымъ образомъ въ средѣ той богатой, многочисленной и отнюдь не невѣжественной религіозной аристократіи, которая разрослась подъ сѣнію трехъ духовныхъ курфиршествъ и другихъ духовныхъ владѣній (епископствъ и аббатствъ) и великихъ духовныхъ орденовъ,—класса, въ которомъ римскій дворъ находилъ какъ самыхъ сильныхъ партизановъ, такъ и самыхъ сильныхъ противниковъ.

Въ 1763 году издана была въ Германіи замѣчательная книга, озаглавленная «F. bronius de Statu Ecclesiae». Настоящее имя автора было фонъ Гонтеймъ; онъ былъ викаріемъ трирскаго архіепископа и епископомъ «in partibus» Миріонента. Задача автора была та же самая, которую нѣсколько разъ, столѣтіе за столѣтіемъ, пыталась осуществить извѣстная партія въ католической церкви: обратить первосвященническій престолъ въ Римѣ въ епископскій; сохранить строгую правовѣрность ученія, и въ то же время основать національныя церкви, свободныя отъ непосредственнаго контроля Рима. Въ этомъ сочиненіи, положенія, которыхъ держится авторъ, развиваются очень умно, и подкрѣпляются почтеннымъ собраніемъ авторитетовъ. Но цѣль всѣхъ его разсужденій, освобожденіе церкви, сводится въ сущности лишь на то, что бы подчинить церковь другимъ господамъ. Въ самой замѣчательной главѣ этого сочиненія, «De Mediis recuperandae libertatis ecclesiasticae», исчислены слѣдующія къ тому средства: во первыхъ, улучшеніе воспитанія, вовторыхъ, созываніе вселенскихъ соборовъ, втретьихъ, за невозможностію первыхъ, созываніе національныхъ или провинціальныхъ соборовъ, съ цѣлію огражденія церкви, посредствомъ конституціонныхъ мѣръ, отъ превышенія власти Рима. Но авторъ доказываетъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута не иначе, какъ помощію свѣтскаго государя. И онъ указываетъ довольно вѣрно на преимущество, какое имѣетъ въ этомъ отношеніи абсо-

лютное правленіе короля французскаго передъ довольно ограниченной властію германскаго императора, котораго онъ, тѣмъ не менѣе, увѣщеваетъ дѣйствовать, по мѣрѣ силъ, «*ut et Germania, toties suâ credulitate et Italorum machinationibus defusa et pressa, pristinam libertatem recuperet.*» *) Аргументамъ своего воображаемаго ультрамонтанскаго противника, «*has res ad saecularium principum auctoritatem minimè pertinere*» **), онъ противопоставляетъ отвѣтъ, который *ad hominem* довольно убѣдителенъ: онъ говоритъ, что римскій дворъ, который постоянно прибѣгаетъ къ свѣтской власти, для утвержденія своихъ указовъ въ чужихъ странахъ, не можетъ жаловаться, если тѣ, кто поддѣрживаетъ его этою властію, будутъ требовать свою долю контроля, справедливо принадлежащаго имъ, надъ изданіемъ этихъ самыхъ указовъ. Но дѣйствительной попытки разрѣшить великую задачу о взаимномъ положеніи двухъ властей, сообразуясь съ разумомъ, а не прецедентами, книга Феброніуса вовсе не содержать.

Но какова бы она ни была, она отвѣчала господствовавшимъ стремленіямъ того вѣка, и возбудила ожесточенный, хотя позабытый нынѣ, споръ. Климентъ XIII помѣстилъ ее въ индексъ, т. е. въ роспись запрещенныхъ въ Римѣ книгъ, и авторъ, нѣсколько лѣтъ пользовавшійся популярностію, восьмидесятилѣтнимъ старикомъ былъ вынужденъ въ концѣ концовъ къ отреченію. При жизни своей матери, Іосифъ II старательно избѣгалъ всякаго положительнаго одобренія «феброніансма». Онъ отказался даже, будучи въ Трирѣ, посѣтить фонъ Гонтейма. Но чувства и мнѣнія, которыя возбудилъ этотъ споръ, крѣпко засѣли въ его упрямомъ умѣ, и едва онъ сталъ независимымъ государемъ, какъ немедленно принялся примѣнять выводы феброніанской школы въ своихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ, съ революціонною смѣлостію, далеко оставившею за собою самую смѣлую мечтанія ея автора.

Пока нововведенія его ограничивались урѣзываніемъ власти у духовныхъ судахъ въ свѣтскихъ дѣлахъ, или замѣною ихъ императорскими чиновниками, онъ, безспорно, стоялъ на правильной дорогѣ. Но онъ зашелъ гораздо дальше. Всѣ назначенія на высшія духовныя должности были отданы въ руки правительства. Всѣ буллы и другіе документы, исшедшіе отъ римскаго двора, объявлены были недѣйствительными въ наслѣдственныхъ владѣніяхъ Іосифа, если не будутъ одобрены и опубличованы свѣтскою властію. Всѣмъ духовнымъ учрежденіямъ

*) Что бы и Германія, которая столько разъ обманутая своею довѣрчивостію и кознями италіянцевъ и утѣсенная, исконную свободу свою вновь приобрѣла.

**) Эти дѣла въ предметахъ вѣдомства свѣтскихъ властей вовсе не принадлежатъ.

и особамъ во всей имперіи запрещено входить въ сношенія съ своимъ начальствомъ или другими властями, находящимися въ Римѣ или гдѣ нибудь за границею, иначе какъ черезъ посредство правительства. Что касается первыхъ двухъ мѣръ, то государи другихъ странъ уже заставили римскій дворъ на нихъ согласиться, но они были великою новизною въ Австріи, дотолѣ вполне послушной папамъ. Послѣдняя мѣра наносила 'тяжелый ударъ независимости тѣхъ «бширныхъ духовныхъ орденовъ, начальство которыхъ находилась въ Римѣ. Едва ли нужно говорить, что обѣ мѣры были противны началу, по которому духовная власть отдѣляется отъ свѣтской. Инструкція, исшедшая изъ Рима и касавшаяся всѣхъ вѣрующихъ вообще, или только членовъ различныхъ религиозныхъ учрежденій, должны были бы быть обязательными лишь для совѣсти людей. Если бы въ какомъ нибудь отношеніи эти инструкціи имѣли обязательную, законную силу, въ слѣдствіе смѣшенія каноническаго закона съ имперскими, то было бы правильнѣе развязать узелъ каноническаго права, а не запутывать его еще болѣе вмѣшательствомъ государства. Но точка зрѣнія, руководившая дѣйствіями Іосифа II, опиралась на тѣхъ самыхъ основныхъ софисмахъ, которыми переполнено ученіе феброніаннзма и галликанской школы, обѣ укорененія которыхъ въ человѣческихъ умахъ мы имѣли столько случаевъ судить въ наше время. Изъ того, что чужеземный первосвященникъ имѣеть обширную власть надъ подданными государства, выводится положеніе, что государство имѣеть право предписывать, въ какихъ случаяхъ и какимъ образомъ можетъ быть примѣняема эта власть. Но пока власть, о которой идетъ рѣчь, будетъ господствовать лишь надъ совѣстію, между тѣмъ какъ оружіе, употребляемое государствомъ, будетъ оружіемъ свѣтскаго притѣсненія, этотъ аргументъ будетъ столь же неоснователенъ по принципу, какъ и вреденъ въ примѣненіи. А между тѣмъ общественное мнѣніе, по крайней мѣрѣ на континентѣ, такъ далеко отъ настоящаго пониманія этихъ истинъ, что ни одна изъ реформъ Іосифа не заслужила такого одобренія, какъ реформа, налагавшая стѣсненія на сношенія съ Римомъ, и таково до этихъ поръ мнѣніе въ Австріи, судя потому, что реакціонный конкордатъ нынѣшняго императора остается, какъ мнѣ кажется, во многихъ отношеніяхъ мертвою буквою.

Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, реформы Іосифа II грѣшили въ самомъ основаніи. Онъ стремился къ уменьшенію власти церкви надъ свѣтскою властію, но единственно съ цѣлію соотвѣтственнаго усиленія власти государства надъ церковію, не забываясь развязать запутанные узлы, дѣлавшіе ихъ рабами одна другой. Но, какъ уже было сказано, общественное мнѣніе въ ихъ собственной странѣ судило о нихъ и до этихъ поръ судить иначе. Тѣ, которые поддерживали ихъ, называли замѣну церковной власти государственною—свободою; тѣ, кто сопротивля-

лись имъ, называли это рабствомъ. И такъ длится до нашего времени.

Много краснорѣчія и много дѣльныхъ аргументовъ потрачено было со временъ Юсіфа немногими замѣчательными католическими писателями, въ пользу установленія «религіозной свободы», въ ихъ собственномъ смыслѣ, то есть въ смыслѣ освобожденія католической церкви отъ государственнаго контроля. Но впечатлѣніе, произведенное ими, было гораздо слабѣе, чѣмъ они могли ожидать, главнымъ образомъ потому, что ихъ разсужденія были вообще односторонни. Нѣтъ ничего легче, какъ доказать аномалію французской конституціи, дающей государственному совѣту право, которымъ онъ еще недавно воспользовался, помощію знаменитаго «*appel comme d'abus*», принудить священниковъ совершать таинства, и исполнять другія чисто духовныя службы. Ничего нѣтъ легче, какъ указать великую ошибку прусскаго правительства, когда, въ 1838 г. и въ послѣдовавшихъ за тѣмъ годахъ, оно рѣшилось самымъ несправедливымъ образомъ, хотя къ несчастію одобреннымъ многими протестантами, прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ противъ архіепископа кельнскаго за то, что онъ не хотѣлъ нарушить правилъ своей церкви, допустивъ благословеніе смѣшанныхъ браковъ, безъ предписанныхъ предварительныхъ договоровъ, касательно религіи дѣтей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, если хочешь разсуждать, какъ философъ, а не просто какъ адвокатъ, то необходимо такъ же честно обличать — чего мы не видимъ у этихъ писателей — нарушенія духовною властію правъ свѣтской власти. Я уже не говорю о рѣдкихъ случаяхъ преслѣдованія, примѣры котораго мы еще до этихъ поръ встрѣчаемъ иногда въ Испаніи и Италіи; ни даже о такихъ ужасахъ, какъ несчастный случай съ еврейскимъ ребенкомъ Мортарою, гдѣ вся власть церкви и государства была направлена въ нарушенію святости семейныхъ узъ — обо всѣхъ великихъ преступленіяхъ нашихъ дней, которыя влекли за собою самую скорую и рѣзкую отплату, и которыя однако повторяются, благодаря увѣковѣчивающему ихъ упорству! Замѣчанія мои скорѣе касаются существенныхъ нарушеній гражданскихъ правъ тѣми церковными обычаями, которые до сихъ поръ входятъ въ составъ юриспруденціи многихъ странъ. Немногіе признаютъ какого размѣра достигаетъ это превышеніе власти, потому что по этому предмету соображеніе притупляется привычкою. Такъ, на примѣръ, римская церковь дѣлаетъ безбрачное состояніе правиломъ для священниковъ. Что она за нарушеніе этого правила наказываетъ духовнымъ порицаніемъ, лишеніемъ сана, проклятіемъ — это послѣдовательно, но что государство идетъ далѣе, и признаетъ браки духовныхъ лицъ недѣйствительными, а дѣтей незаконными — это цинизмъ непослѣдовательно и нелѣпо. Ничто не можетъ лучше засвидѣтельствовать о хаосѣ идей, изъ которыхъ возникло законодательство по этимъ предметамъ, какъ

два слѣдующіе параграфа, стоящіе почти рядомъ въ сводѣ французскихъ законовъ (Bousquet, «Dictionnaire du Droit,» art. Mariage): «Notre code ne voit dans le mariage qu'un contrat social»... «L'engagement dans les ordres sacrés forme, dans notre législation, un empêchement au mariage.» Точно такъ религіозныя обѣты, въ число которыхъ входитъ отречение отъ собственности, должны были бы быть лишь дѣломъ добровольнаго соглашенія. Законъ, который поддерживаетъ ихъ посредствомъ гражданскихъ пеней или признанія неспособности, является по истинѣ злоупотребленіемъ, однако они поддерживаются такимъ образомъ во многихъ странахъ. Вотъ тѣ основанія, на которыя должны сослаться писатели школы Монталамбера, для того, что бы быть послѣдовательными, ибо для ихъ цѣлей, если они честно признаютъ ихъ, и во всякомъ случаѣ для задачъ цивилизаціи, нужно не торжество одной власти надъ другою, но обоюдное признаніе независимости каждой и уваженіе этой независимости.

Нѣтъ необходимости приводить постоянныя нападки Іосифа II на духовную власть, и его стремительное упраздненіе монастырей и религіозныхъ учрежденій, какъ имѣющія связь съ этимъ особымъ предметомъ, потому что подобныя дѣйствія вовсе не суть непремѣнно нарушенія религіозной свободы, хотя ихъ часто представляли въ такомъ свѣтѣ, опираясь на обычные софисмы. Ограниченіе власти жаловать имущество перкви, кадая представляется частнымъ лицамъ какимъ нибудь законодательствомъ, есть дѣйствіе законодательной власти, родственное тому, какое болѣе или менѣе существуетъ во всѣхъ странахъ касательно ограниченія распоряженій имуществомъ по завѣщанію. Ограниченіе числа религіозныхъ общинъ, упраздненіе монастырей и секуляризація ихъ имущества, все это такія мѣры, на которыя было вынуждаемо государственными причинами каждое христіанское правительство, въ ту или другую эпоху; и простое чувство справедливости, также какъ и политика, признають за принципъ, что, для оправданія обращенія на общественныя нужды имущества какой нибудь корпораціи, — лишь бы соблюдены были приэтомъ интересы отдѣльныхъ лицъ требуются гораздо менѣе сильныя причины, чѣмъ для оправданія присвоенія имущества частнаго гражданина. И во всякомъ случаѣ распоряженіе, лишашее отвлеченное понятіе, называемое церковію, части имущества—даже больше, лишашее отдѣльныхъ духовныхъ лицъ ихъ собственности—можетъ быть грабежемъ, но не можетъ правильно назваться вмѣшательствомъ государства въ духовную область. Мѣры Іосифа II были довольно радикальны, но, благодаря имъ, пускалось въ обращеніе большое количество земли, бывшей мертвымъ капиталомъ, и возвращались къ промышленности и гражданской жизни нѣсколько тысячъ весьма праздныхъ монаховъ; справедливость

требуетъ сказать, что «Religionskasse» или религіознымъ фондомъ, вырученнымъ въ слѣдствіе этихъ мѣръ, и который онъ посвятилъ нѣкоторымъ особеннымъ отраслямъ общественной пользы, равно какъ и на уплату пенсіоновъ бывшимъ духовнымъ лицамъ, распоряжались, какъ кажется, добросовѣстно.

Какъ и слѣдовало ожидать, политика Іосифа встрѣтила первое и самое сильное, если не самое рѣшительное, сопротивленіе, въ дѣлѣ этихъ религіозныхъ реформъ. Вождемъ ультрамонтанской оппозиціи былъ кардиналъ Мигацци, вѣнскій архіепископъ, славившійся какъ красивый и любезный свѣтскій человекъ, но выказавшій себя большимъ интриганомъ въ предыдущее царствованіе. Подъ вліяніемъ убѣжденій Мигацци и его партіи, Пій VI рѣшился предпринять свое достопамятное путешествіе въ Вѣну, въ 1782 году.

Понстинъ, это было многозначительное путешествіе, и мы, люди третьяго поколѣнія послѣ него, впервые можемъ понять все его значеніе. Едва ли будетъ преувеличеннымъ назвать его пунктомъ поворота въ исторіи міра. Римъ по этому случаю обновилъ свои силы, прикоснувшись къ своей матери землѣ. Наслѣдникъ апостоловъ сталъ на одну минуту братомъ и товарищемъ той массы людей, изъ которой вышелъ его первый предшественникъ. Въ прежніе дни, во время борьбы на жизнь и на смерть реформаціи, значеніе не только народнаго сочувствія, но и настоящаго народнаго возстанія, со всѣми его грубыми проявленіями, очень хорошо понималось политиками. Знаніе когда и какъ съ успѣхомъ возбудить страсти черни, *lâcher la grande levigère*, какъ обыкновенно называли ее вожди Лиги, было важнымъ элементомъ въ искусствѣ религіознаго вождя. Но въѣвъ энтузіазма, повидимому, прошелъ тогда; и въ Германіи въ особенности, гдѣ тридцатилѣтняя война перешла, изъ великой ссоры за принципы, въ борьбу между соперничающими наемными арміями, значеніе плебейскаго элемента въ церковной политикѣ было позабыто на практикѣ. Ни одинъ изъ интриговавшихъ и дипломатичныхъ папъ — государственныхъ людей семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій, не подумалъ бы сойти съ своего пьедестала въ трудныхъ обстоятельствахъ, для призыва на помощь массъ, точно также, какъ не подумалъ бы проповѣдывать крестовый походъ.

Не болѣе правдоподобно и то, что бы Пій VI хотя на минуту задался этого мыслию. Онъ былъ добрый и усердный церковникъ, но мудростію и оригинальностію взглядовъ вообще не превосходилъ кардиналовъ своего времени. Его единственною мыслию было, какъ кажется, произвести личное впечатлѣніе на Іосифа II, частію силою собственной способности убѣждать — потому что въ его натурѣ не мало было тщеславія — частію посредствомъ традиціоннаго вліянія, которое заставило Атилу уступить Льву. Съ этой лишь точки зрѣнія обсуждался его планъ,

когда совѣтники его сильно боролись противъ него, а свѣтскіе мудрецы обвиняли его въ окончательномъ сумашествіи. «Я почти начиналъ вѣрить въ непогрѣшимость папы, сказалъ Фридрихъ Великій испанскому министру, находившемуся при его дворѣ,— и вдругъ это путешествіе въ Вѣну!» Ни благоговѣніе толпы, которая, во время этого продолжительнаго путешествія, бросалась, въ порывѣ энтузіазма, къ его ногамъ, ни восторгъ лицъ, стекавшихся со всѣхъ сторонъ въ Вѣну, на поклоненіе папѣ, такъ что даже опасались голода во время его пребыванія тамъ, какъ бы они не вляли на чувства наблюдателей, не измѣняютъ общей оцѣнки его предпріятія. Даже и нынѣ нѣкоторые изъ либеральныхъ историковъ, какъ напримѣръ Шлоссеръ, усмиваются сомнѣваться въ его дѣйствиіи, и утверждаютъ, что великое южно-германское «возрожденіе» 1782 года испарилось, какъ дымъ: Они не умѣютъ замѣтить новаго направленія, даннаго имъ умамъ людей, если не непосредственному ходу событій. Успѣхъ религіозной демократіи съ этого времени въ католическихъ странахъ составляетъ слишкомъ яркую черту въ новѣйшей исторіи. Вандейская война во Франціи, арміи вѣры въ Неаполѣ и Испаніи, католическія ассоціаціи въ Ирландіи и многіе такіе феномены, болѣе или менѣе знаменательные, свидѣтельствуютъ о его дальнѣйшемъ развитіи. Эмблематическая медаль, выбитая легатомъ по поводу этого путешествія въ Мюнхенѣ и изображавшая Религію въ видѣ Сибиллы въ колесницѣ, влегомой львами по распростертымъ тѣламъ людей, была какъ будто безсознательнымъ пророчествомъ.

Папѣ дѣйствительно путешествіе его не принесло непосредственной пользы, какъ это хорошо извѣстно. Въ приѣмѣ Іосифа II отчасти сказался тотъ дурной тонъ, о которомъ мы уже упомянули, говоря о его корреспонденціи: стараніе напускною суетностію отстранить человѣка, который желаетъ толковать о серьезныхъ вещахъ. Кауницъ, министръ-ветеранъ Іосифа, считалъ политичнымъ обращаться съ незваннымъ гостемъ съ особенною грубостію, какъ бы выказывая презрѣніе къ его предполагаемой власти; онъ принялъ его въ своей виллѣ въ утреннемъ negligé, ни о чемъ другомъ не говорилъ, какъ о статуяхъ и картинахъ, и заставляя своего посѣтителя перемѣнять постоянно мѣста и положенія, для того, что бы лучше ихъ разглядѣть, такъ что утонченно образованный италіянецъ, бывшій и первосвященникомъ и патриціемъ, остался «tutto stupefatto». Іосифъ даже придалъ комическій характеръ своей воображаемой побѣдѣ, отдавъ визитъ его святѣйшеству въ Римѣ, гдѣ чернь, всегда настроенная противъ папы, каковы бы ни были господствующія чувства въ другихъ мѣстахъ, встрѣтила его съ криками: «Да здравствуетъ императоръ король,» *siete a casa vostra, siete il padrone.* *) Но, тѣмъ не менѣе, дѣло сопротивленія его рефор-

*) Говорятъ (хотя сказаніе это опирается не на положительныхъ авторитетахъ), что Іосифъ по этому случаю совѣтывался съ наиболѣе передо-

мамъ дѣятельно началось. Дѣло реакціи получило нравственную опору, которая важнѣе сотни штыковъ. Юсифъ узналъ, какъ ошибочна была оцѣнка, которую онъ сдѣлалъ въ своихъ соображеніяхъ, вліянія улемовъ и фанировъ—предметовъ его презрѣнія—надъ тѣми массами, которыхъ онъ считалъ готовыми слушаться благодѣтельнаго деспота. Онъ узналъ, что въ его государствѣ существуетъ власть, могущественнѣе власти императора; что народная масса половину своей покорности и болѣе чѣмъ на половину своего благоговѣнія приносила той другой власти. Его гордость была столь же жестоко поражена, какъ и планъ подорванъ. И ударъ этотъ былъ роковымъ ударомъ.

Тогда началась та реакція, которая пополняетъ драматическое единство десятилѣтняго царствованія Юсифа. Постоянная оппозиція церкви и государства нисколько не заставила его измѣнить своимъ главнымъ цѣлямъ, но сдѣлала его нетерпѣливымъ, раздражительнымъ, и способнымъ упрямо отстаивать свою власть на пустякахъ, потому что онъ чувствовалъ себя опутаннымъ тысячею невидимыхъ цѣпей, когда предпринималъ что нибудь поважнѣе. Онъ сталъ подозрительнымъ, и Вѣна наполнилась правительственными агентами, высоко и низкородженными шпіонами, орудіями тайной полиціи, которая отравляла его слухъ намеками о мнимыхъ заговорахъ, и побудила его на несправедливыя дѣйствія, относительно нѣкоторыхъ изъ его самыхъ вѣрныхъ слугъ. И вотъ съ тѣхъ поръ, въ дѣйствительности ли, или только въ народномъ мнѣніи, получила начало та страшная система употребленія агентовъ provocateurs, съ цѣлю возбужденія оппозиціи классовъ и племенъ, въ которой упрекали австрійскую политику при многихъ царствованіяхъ. Когда венгерское дворянство организовало пассивную оппозицію нападокъ на его конституцію (1784 г.), валахскій мужикъ Горіа сдѣлался предводителемъ крестьянскаго возмущенія противъ дворянъ. Его предполагаемое сообщничество съ правительственными агентами никогда не было доказано, но онъ имѣлъ обыкновеніе показывать золотую цѣпь съ изображеніемъ императора, и письмо съ золотыми буквами, которое онъ называлъ императорскимъ патентомъ, что производило сильное впечатлѣніе на его послѣдователей. Онъ собралъ пятнадцать тысячъ вооруженныхъ приверженцевъ, и титулъ валь себя «Rex Daciae» (королемъ дакійскимъ). Возмущеніе сопровождалось страшными жестокостями, и было подавлено съ неменьшею жестокостію. Горіа былъ колесованъ, а сто пять членовъ изъ его партіи были наказаны «по обычаю ихъ страны», то есть, какъ говорятъ, были живыми посажены на колъ.

Въ эти головы своего времени, на счетъ возможности полнѣйшаго разрыва съ римскимъ престоломъ, но будто его удержали отъ этого представленія французъ де Берни и испанца Асора.

Эти ужасы сильно подѣйствовали на чувствительный характеръ Юсіафа, которымъ съ этого времени снова одолѣло постоянное уныніе и отвращеніе отъ жизни.

Онъ бросился въ войну съ Турціею, главнымъ образомъ только затѣмъ, что бы позабыть разочарованіе, постигшее его дома, и сталъ свидѣтелемъ, какъ его солдаты тысячами погибали отъ лихорадки въ походахъ по Нижнему Дунаю, и какъ австрійская армія, впервые послѣ освобожденія Вѣны, отступила въ безпорядкѣ передъ невѣрными.

Затѣмъ началось успѣшное возстаніе въ Бельгіи, причины котораго были столь же безспорно справедливы, сколь презрительнъ былъ образъ дѣйствія агентовъ императора. Зачинщиками его были пьяные студенты Лувена, возставшіе «ради лучшаго пива, хлѣба, табаку и правовѣрной доктрины и дисциплины», а дальнѣйшими вождями—фанатики, руководимые пезерами и пустозвонные демократы. Въ новѣйшей исторіи Европы нѣтъ ни одного важнаго обстоятельства, разсказъ о которомъ былъ бы столь же неполонъ и тѣменъ, какъ разсказъ объ этомъ движеніи въ Нидерландахъ. Правда, воспоминаніе о немъ скоро было сглажено напоромъ важнѣйшихъ событій: агитаторамъ этого возстанія удалось только расчислить путь для французскихъ революціонныхъ войскъ, которыя однимъ презрительнымъ ударомъ сокрушили и «*Joyeuse entrée*» и семинаріи и монастыри, и всѣ другіе обычаи и учрежденія, за которые велась такая упорная борьба съ лотарингскимъ домомъ. Но вообще можно сказать—какъ бы ни была противна эта истина сентиментальнымъ видамъ политиковъ, что національныя борьбы за поддержаніе старыхъ учреждений, какія мы видимъ въ исторіи Басковъ, Кастиліи, Венгріи и Бельгіи, обыкновенно не даютъ никакихъ великихъ результатовъ. Такія движенія оказывались успѣшными лишь тогда, когда, начавшись попыткою поддержать старія права, они переходили въ борьбу за прогрессъ и эмансипацію. Таковы были революціи въ Швейцаріи, Голландіи, Англіи и Америкѣ. Побѣжденный наконецъ, Юсіафъ принужденъ былъ отмѣнить реформы, и возвратитъ привилегіи, даже съ большею поспѣшностію, чѣмъ онъ выказывалъ въ первой половинѣ своей каріеры. Его «отмѣна», въ 1789, неконституціонныхъ дѣйствій, касавшихся его Венгерскаго королевства, была, можетъ быть, самою болѣзненною жертвою, какую онъ когда либо принесъ. «*Non de nobis sine nobis*» *) было гордымъ правиломъ венгерскихъ магнатовъ, и они теперь вполнѣ наслаждались побѣдою упорнаго консерватизма надъ автократомъ-реформаторомъ. Имъ возвратили ихъ почтенную, но препятствующую всякому развитію, конституцію. Освобожденные мадьяры сожгли, на увеселительныхъ кострахъ, всѣ планы, чертежи и списки предполагавшагося измѣренія земель, прогнали поли-

*) О насъ, не безъ насъ.

цію и стерли уличные нумера, которые были выставлены на ихъ домахъ. Какимъ философомъ ни былъ, или не считалъ себя, Иосифъ, но насильственный отказъ отъ одного вѣшняго знака своей власти, возвращеніе Буды Венгерскому королевству, которую онъ самовластно отдѣлилъ было отъ него, кажется, нанесъ ему самый жестокій ударъ. Онъ не могъ пережить своихъ разбитыхъ надеждъ и своей оскорбленной власти. Какимъ бы именемъ ни называлась на медицинскомъ языкѣ его послѣдняя болѣзнь—истощеніемъ ли силъ, водяной въ груди или заразительно лихорадкою, которую онъ будто схватилъ на турецкой границѣ; но настоящая причина ея была достаточно ясна для всѣхъ: онъ умеръ отъ разбитаго сердца. И смерть его, какъ говорятъ, была ускорена его страстною скорбію о потери своей любимой и любящей племянницы, Елисаветы виртембергской, первой жены Франца II. Онъ до конца остался вѣренъ основному героизму своего характера и своему убѣжденію въ правотѣ собственнаго дѣла. «Я знаю свое собственное сердце, писалъ онъ, я убѣжденъ въ глубинѣ души въ чистотѣ моихъ намѣреній, и я надѣюсь, что когда меня не станетъ, потомство разсмотритъ и разсудитъ внимательнѣе, справедливѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ современникъ, то, что я сдѣлалъ для моего народа.»

«Здѣсь лежитъ Иосифъ II (такова извѣстная эпитафія, которую онъ составилъ самъ для себя), который потерпѣлъ неудачу во всемъ, что ни предпринималъ.» Это слова разочарованія, но не истины. Мы не преувеличимъ, если скажемъ, что, допусти австрійскій народъ своего государя привести въ исполненіе планы, которые онъ называлъ мечтами, Австрія была бы нинѣ однимъ изъ самыхъ могущественнѣйшихъ и счастливѣйшихъ государствъ Европы. Хотя это не осуществилось, хотя то, что онъ выполнилъ, или могъ выполнить, составляло едва десятую часть того, что онъ задумывалъ, совсѣмъ тѣмъ, величіе того, что онъ сдѣлалъ, не было опѣнено по достоинству, потому только, что его дѣло измѣнялось его гигантскою программю. Двухъ вышеназванныхъ великихъ мѣръ было бы достаточно для упроченія его славы: освобожденія крѣпостныхъ людей, которое осталось совершившимся фактомъ и эдиктъ о терпимости, который, несмотря на всѣ угрожавшія ему по временамъ опасности, никогда еще донинѣ не былъ серьезно нарушаемъ. Но нужно прибавить, что многое изъ того, что онъ принужденъ былъ отмѣнить, утратилось лишь по формѣ и сохранилось въ сущности. Какъ справедливо замѣчаетъ его біографъ, Гроссъ-Хофингеръ, реакціонный духъ, восторжествовавшій по его смерти, былъ совершенно инымъ дѣломъ, чѣмъ старинный духъ ханженства, который онъ сокрушилъ. Независимо отъ простой политической теоріи, важность его административныхъ реформъ вполне признается современными государственными людьми, которымъ извѣстна практическая необходимость единства въ

дѣйствіяхъ со стороны центральной власти. Упорная и сплоченная сила, съ которою Австрія защищалась отъ вторженій Наполеона, приписывается многими той прочности, которую сообщали исполнительной власти мѣры Іосифа. Графъ Фикельмонгъ, консерваторъ самаго сильнаго закала, въ своихъ новѣйшихъ сочиненіяхъ, указываетъ на событія 1848 года, какъ на самое очевидное доказательство правильности сужденія революціоннаго государя о надеждахъ и нуждахъ своей страны *). Нынѣшніе совѣтники Франца-Іосифа стараются достичь путемъ болѣе медленнымъ и конституціоннымъ того, что Іосифъ предпринималъ съ черезчуръ большою увѣренностію въ своей собственной доброй волѣ и абсолютной власти. Національная система воспитанія, которою часто восхищаются люди, наименѣе сочувствующіе австрійскимъ учрежденіямъ, есть главнымъ образомъ результатъ его регламентовъ. Преимущества, доставленныя уничтоженіемъ части феодальныхъ муниципальныхъ преградъ промышленности, едва ли можно достаточно перевозносить. Доходы Австріи увеличились вдвое въ десять лѣтъ его царствованія; населеніе ея, какъ говорятъ (хотя по всей вѣроятности преувеличено), возросло на одну четвертую часть. Но какова бы ни была сумма добра, принесеннаго имъ своей странѣ, міръ вообще обязанъ ему, великою благодарностію. Умирая мученикомъ своего чрезмѣрнаго усердія къ благосостоянію тѣхъ, къмъ онъ управлялъ, онъ въ дѣйствительности безсознательно проводилъ, какъ, быть можетъ, ни одинъ государь, интересы всего человѣчества, котораго онъ былъ бойцомъ. Онъ приготовилъ пути, для окончательнаго освобожденія всѣхъ народовъ.

Но выработался ли наконецъ у потомства тотъ безпристрастный взглядъ на Іосифа, о которомъ онъ просилъ? Обойденный симпатіею обѣихъ великихъ партій современныхъ мыслителей, онъ заклеименъ либералами именемъ абсолютиста, поборниками же реакціи именемъ демагога. Между придворными государственными людьми принято сатирически называть его заблуждавшимся, хотя и искреннимъ мечтателемъ. Но какъ бы то ни было, а есть власъ людей, который съ любовью лелѣетъ воспоминаніе о немъ. Австрійское крестьянство германскаго происхожденія чрезвычайно честное племя, за которымъ рѣдко пропадаетъ любовь и доброта. Его сужденіе о

*) Какъ скоро утихла буря, подыавшаяся во дни Іосифа, поколѣніе, надъ головою котораго она пронеслась, сознало перемѣну, которую она произвела, и почувствовало ея благодѣльные дѣйствія. Что общественное благосостояніе сильно выиграло отъ упраздненія крѣпостнаго права; что земледѣліе, промышленность, фабричное производство и торговля получили сильный толчекъ; что могущество государства сильно возросло, и что благодѣтельное возбужденіе было произведено во всѣхъ областяхъ интеллектуальной жизни—все это вполне было сознано, какъ скоро позабылась суровость дѣйствія самой революціи. Hausser, Deutsche Geschichte, т. 1. стр. 153, 1861.

немъ никогда не было ошибочнымъ. Даже тогда, когда оно стояло на колѣняхъ у кареты папы, ему и въ голову не приходило, что оно становится въ оппозицію къ своему другу и императору. Ни одно царское имя не передается съ такою преданностью почтительнымъ преданіемъ между крестьянами, какъ имя императора Иосифа. Ихъ мнѣніе о немъ всего лучше выражается въ простомъ апологѣ, который до этихъ поръ еще ходитъ въ Австріи. Крестьяне одной штирійской деревни обсуждаютъ извѣстіе о смерти Иосифа. Они не хотятъ ему вѣрить. Это выдумка придворныхъ вельможъ, законниковъ, лѣнивыхъ монаховъ. Въ то время, какъ они спорятъ, приходитъ извѣстіе о постепенномъ возобновеніи стараго порядка вещей: картезіанскіе монахи возвратились въ сосѣднее аббатство; капуцины опять начали свои обходы; лѣсничіе и егермейстеры заняли свои сторожки, а бурмистръ ждетъ вноса феодалныхъ оброковъ. Старѣйшій изъ крестьянъ встаетъ и снимаетъ съ головы шапку:—«Стало взаправду умеръ Иосифъ; Господи, упокой его душу!»

Л Я Г В А

(морской чортъ) у береговъ Каролины.

При разборѣ сочиненія «Carolina Sports by Land and Water», Виліама Эллиота, лондонскій журналъ «Атеней» пишетъ: Легковѣрные путешественники и недостойные довѣрія писатели рассказывали такъ много басенъ объ этомъ чудовищномъ и замѣчательномъ обитателѣ морей, что люди, незанимающіеся изслѣдованіемъ природы и нестремящіеся, безъ особеннаго къ тому повода, разгадывать тайны морской пучины, вѣроятно, съ удовольствіемъ прочтутъ описаніе этого удивительнаго животнаго, сдѣланное достовѣрнымъ свидѣтелемъ, который отбросивъ техническія выраженія науки, пишетъ такъ, что его товарищи, охотники, найдутъ въ этомъ рассказѣ много полезнаго и въ то же время пріятнаго. Въ «Zoology of New Jock», Джемсъ Е. де-Кай довольно вѣрно описываетъ лягву (морскаго чорта), за исключеніемъ одного очень важнаго и двухъ сравнительно неважныхъ признаковъ, и, сказать правду, описаніе г. де-Кая далеко не привлекательно. Лягва—это огромная большоголовая длиннохвостая рыба съ широкою спиною, опасная по своей тяжести еще болѣе, чѣмъ по силѣ своихъ мускуловъ. Вотъ что говоритъ г. де-Кай о размѣрахъ этого животнаго: «длина до основанія хвоста десять футовъ; до конца хвоста шестнадцать футовъ, ширина около груди семнадцать футовъ.» Но докторъ Эллиотъ убилъ лягву отъ трехъ до четырехъ футовъ толщины, и спина которой была въ восемнадцать футовъ ширины. Величина и объемъ хвоста составляетъ поразительную противоположность съ шириною и толщиною туловища и съ разстояніемъ между глазами, которые въ экземплярѣ г. де-

Каія отстояли на четыре фута одинъ отъ другаго. Другія замѣчательныя и отличительныя особенности этого животнаго представляютъ его плавники или крылья, посредствомъ которыхъ оно въ состояніи подниматься надъ водою и дѣлать скачки на ея поверхности, потому его громадная пасть, которою оно съ невозмутимымъ хладнокровіемъ поглощаетъ за разъ стада морскихъ креветовъ; потому его рога или щупальцы фута въ три длиною и такъ удивительно расчлененные на концахъ, что они похожи на пальцы человѣческой руки, сжатой въ кулакъ. Цвѣтъ рыбы обыкновенно бѣлый, только на брюхѣ бываютъ большія темныя пятна. Вотъ все что можно сказать вообще о ея наружности: и послѣ этого описанія неудивительно, если, видя надъ поверхностію моря ея громадную спину, или замѣчая какъ она наблюдаетъ волны своими глазами, отстоящими на четыре фута одинъ отъ другаго, и, въ припадкѣ рѣзвости, скачетъ надъ водою, боязливый рыбакъ, незнакомый съ ея привычками, спѣшитъ какъ можно скорѣе удалиться отъ нея. Правду сказать, и болѣе близкое знакомство со всѣми ухватками и штуками этого животнаго не заставило бы рыбака вполне примириться съ близостію длинныхъ пальцевидныхъ щупалець, которыя съ такимъ нервнымъ упорствомъ удерживаютъ все, что имъ удастся случайно схватить. За то чортовское употребленіе, которое это отвратительное созданіе дѣлаетъ изъ своего могучаго оружія, и дано ему прозваніе морскаго чорта, и, что бы вполне соответствовать этому прозванію, оно позволяетъ себѣ иногда странныя забавы съ лодками матросовъ и съ снастями рыбаковъ. Рассказываютъ страшныя и въ то же время смѣшныя исторіи о вредѣ, причиняемомъ морскимъ чортомъ. Корабли стаскиваются съ якоря и заводятся въ море за нѣсколько миль отъ гавани, какою то невѣдомою силою. Г. де-Кай приводитъ примѣръ, почти слово въ слово согласный съ рассказомъ Катесби. Вотъ что онъ говоритъ: «Одинъ достойный всякаго довѣрія очевидецъ рассказывалъ мнѣ подобное происшествіе случившееся въ гавани Чарльстоуна. Шкуна, стоявшая на якорѣ, вдругъ необыкновенно быстро выѣхала изъ гавани, подъ вліяніемъ какой то невѣдомой таинственной силы. При приближеніи къ противоположному берегу, судно вдругъ повернуло такъ быстро, что почти легло на бокъ, потому оно съ прежнею быстротою въѣхало въ гавань, и повторило ту же штуку какъ только доѣхало до берега. Это таинственное катанье по гавани повторялось нѣсколько разъ, въ присутствіи сотни зрителей, и прекратилось такъ же внезапно, какъ началось». Двигающею силою была лягва, которая схватила якорь шкуны и таскала за собою ее. Нельзя сказать, что бы названіе чорта было дано не по заслугамъ рыбѣ, которая позволяетъ себѣ подобныя поступки. О страхѣ, который внушалъ этотъ чудовищный морской мучитель рыбакамъ Портъ-Рояль-Соунда, пока сосѣдніе плантаторы не сдѣ-

малп охоту на морскаго чорта своею обыкновенною забавою, можно судить по занимательному разсказу, слышанному г. Эллиотомъ еще въ дѣтствѣ отъ одного старато негра, ходившаго на охоту за акулами въ окрестностяхъ Гильтонъ-Гедъ-Вича. Морской чортъ схватилъ щупальцами веревку, заброшенную на акулу, или, можетъ быть, крюкъ вопель ему въ тѣло, только онъ стащилъ лодку негра съ якоря, и такъ быстро потащилъ ее къ морю, что люди со страха упали на дно и ждали неминуемой смерти. «Долго, говорилъ разсказчикъ, лице котораго выражало страхъ при воспоминаніи объ ужасной опасности, пролежалъ я такимъ образомъ, ожидая смерти, наконецъ, ободрившись немного, я украдкой взглянулъ, и увидѣлъ, что желѣзо плыветъ, что якорь летитъ какъ камешекъ, который бросають въ воду, а лодка направляется къ морю. Наконецъ, когда животное дотащило насъ почти до самаго моря, мы отрѣзали якорь, и спаслись.» Г. Эллиотъ приводитъ и другой примѣръ передвиженія посредствомъ той же силы: «Ощущеніе сильнаго движенія очень пріятно», думалъ д-р. Джонсонъ. Но Джонсъ, вѣроятно, благоразумно прибавилъ бы: «пока движеніе находится въ нашей власти.» Только черезъ нѣсколько минутъ собрался онъ съ духомъ, или вѣрное съ силами, что бы медленно подняться съ своего лежачаго положенія и сѣсть на кормовую часть судна, гдѣ онъ однако вскорѣ успокоился и вполне наслаждался прелестію своего положенія. Вѣтеръ прохладжалъ лице его, волосы его развѣвались, и вода яростно пѣнилась вокругъ судна, которое летѣло съ быстротою молніи, подъ вліяніемъ какой то страшной силы. И вотъ онъ приближается къ своей родинѣ, и съ радостію замѣчаетъ, что многіе изъ его друзей вышли на берегъ встрѣчать его. Но каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что Джонсъ спокойно сидитъ въ кормовой части ки, которая летитъ по водѣ безъ весель, безъ гребцовъ; парусовъ, шара или какого либо другаго видимаго двигателя. Первымъ ихъ ощущеніемъ было изумленіе, вторымъ радость, и наконецъ всѣ они соединились въ восторженномъ крикѣ: они думали, что Джонсъ дѣйствительно разрѣшилъ задачу вѣчнаго движенія, и изобрѣлъ *perpetuum mobile*. Онъ просилъ у нихъ помощи: «садѣте въ лодку, друзья мои, сѣдните, спасайте меня», кричалъ онъ. Его голосъ, дрожавшій отъ волненія, или, можетъ быть, неслышанный за дальностію разстоянія, не достигалъ до нихъ. Онъ началъ махать шляпою и еще разъ закричалъ; они также махали шляпами, и отвѣчали ему новымъ криками восторга, но лодки и не думали снаряжать. Помощь не является. Что дѣлать? Бѣдняку оставалось одно средство, бывшее до него еще въ ходу у многихъ политиковъ: лежать смирно и ждать счастливыхъ обстоятельствъ. «Это сильное движеніе, думалъ онъ, когда же нибудь да кончится, самъ морской чортъ долженъ наконецъ устать. Треніе, такъ часто надоѣдавшее мнѣ теперь, будетъ мнѣ полезно». Наконецъ, рыба дѣйствительно остановилась;

но между тѣмъ лодка уже вышла изъ гавани и плыла по волнамъ обширнаго Атлантическаго океана. Тогда нантъ путешественникъ сошелъ съ кормы судна, гдѣ прежде присутствіе его было необходимо для поддержки равновѣсія и отрѣзалъ ножомъ перемычку, соединявшую его съ страничнымъ спутникомъ. Между тѣмъ, вода давно упала въ воду, но нарусь еще сохранился, что бы помочь ему добраться до дому. Уже поздно ночью вернулся онъ, измученный волненіемъ и физическою усталостію, и объявить друзьямъ тайну своего двигателя, не, основаннаго, по счастью, на принципѣ истиннаго движенія.

ПИСЬМО КЪ N. W.

Вы просите меня объяснить вамъ, не имѣютъ ли естественныя науки губительнаго вліянія на все поэтическое, изящное? и почему занятіе ими есть современная необходимость? Охотно отвѣчаю на наши вопросы.

Дѣятельность поэтическая, какъ и всякаго искусства, состоитъ въ непосредственномъ выраженіи идеи, какъ результата не мыслительнаго научнаго развитія, а личнаго воззрѣнія, возбужденнаго чувства. Чрезъ облаченіе въ форму дѣйствительности, идеальное содержаніе искусства получаетъ живость чувственнаго впечатлѣнія. Оттого поэты представляютъ себѣ природу, какъ законченное художественное произведеніе, открывающее свое содержаніе каждому внимательному наблюдателю. Въ природѣ нѣтъ тайнъ, говорилъ Честе, — она есть воплощеніе духовнаго, дѣйствительность есть непосредственное выраженіе идеи. Но чувственнымъ впечатлѣніемъ или воспріятіемъ не выясняется дѣйствительность. Что бы узнать причину явленій природы, необходимо изслѣдовать, образовать понятіе. Прекрасно кажущееся часто разрушается съ механической точки зрѣнія. Естественныя науки ведутъ въ міръ невидимыхъ атомовъ, движеній, притягивающихъ и отталкивающихъ силъ и заставляютъ признавать чувственныя впечатлѣнія не за непреложный авторитетъ, заставляютъ смотрѣть на дѣйствительность безъ фантастическихъ увлеченій и не

отвергать механизма матеріи, а изучать его для нравственныхъ цѣлей. Съ той поры, какъ наблюденіе и опытъ стали господствовать въ области знанія, идеалистическія системы, имѣвшія такое могучее вліяніе на эстетическое творчество и возносящіяся надъ міромъ вещественнымъ, утратили свое значеніе, свою важность. Такъ, напр., германская философія, этотъ изгнанный регентъ, находитъ нынѣ мало себѣ поборниковъ. Изслѣдованія К. Фохта, Молешота, Либиха, и, если пойдемъ назадъ, А. Гумбольдта, нанесли ей значительныя раны, усадили ее снова на скамью ученика, какъ отжившую теорію, негодную для практической жизни. Но съ философіею въ Германіи поступили неблагодарно: она имѣла Канта, Фихте, Гегеля, ей служили благороднѣйшіе умы, ее вліяніе было огромно въ войну за независимость; она пробудила стремленіе къ высшимъ цѣлямъ дѣтей XVIII стол., которые, подъ гнетомъ догматическаго строя идей, пали въ реалистическое прозябаніе; она подняла ихъ на крыльяхъ отвлеченнаго мышленія въ невѣдомые доселѣ міры. Глазъ былъ ослѣпленъ, земный смыслъ утратилъ свое значеніе, и ученики философіи блуждали въ областяхъ, въ которыхъ терялся ихъ человѣческой умъ. Шеллингъ въ этихъ страствованіяхъ бралъ съ собою фантазію, Гегель государственный календарь и абсолютное сознаніе: сперва я, а потомъ и ты сдѣлались нашимъ абсолютномъ. Гербартъ принималъ верховное начало за назначающаго правителей, вселенную за простые нумерическіе знаки, а людей за числящихся субъектовъ, и такимъ образомъ запутался въ психологическихъ исчисленіяхъ, тогда какъ Шеллингъ и Гегель погрузились въ мистическій мракъ. Тогда явился Шопенгауеръ и довелъ это вавилонское столпотвореніе до положенія, что всѣ философскія системы—пустош! Въ стремящихся къ знанію необходимо родилось сомнѣніе. Выводы Шопенгауера имѣли мало утѣшительнаго; стали искать болѣе твердыхъ началъ, могущихъ освѣжить умъ отъ отвлеченнаго мышленія. Близокъ былъ шагъ возврата къ вѣрованіямъ предковъ, если бы не явились естествоиспытатели; только они повели къ живой наукѣ, отвлекли отъ такъ называемыхъ высшихъ цѣлей, доставивъ жизни прочное основаніе, утвердивъ стремленіе человѣка къ опредѣленному назначенію, избавивъ его отъ пустыхъ, заоблачныхъ идей и

отъ непремѣнныхъ понятій! Такъ, познаваемость силъ природы обратилась къ удовлетворенію потребностей человѣческой жизни, — и вотъ въ чемъ состоитъ великое значеніе естественныхъ наукъ для культуры рода человѣческаго, вотъ почему онѣ все болѣе и болѣе обобщаются, а чистая отвлеченность въ искусствѣ и жизни постепенно замираютъ. Эстетическія начала, какъ и все въ мірѣ, покоятся на физикальномъ основаніи, и столь неизмѣнны, какъ и аксіомы математики. «Прошло много времени, пока живая фантазія признала въ мышленіи узду для вѣрности и правильности своего движенія; быть можетъ, продолжится еще столько же времени, пока уразумѣютъ, что узда не можетъ производить движенія, а только управляетъ имъ. Тѣнь древности, ея вредное преувеличеніе разума, широко еще растилается надъ нами и препятствуетъ намъ видѣть въ реальномъ, какъ и въ идельномъ, то, посредствомъ чего онѣ болѣе всякаго разума.»

Если искусство, имѣя цѣлю нравственное развитіе человѣчества, признало за современное свое направленіе необходимость обуздать отвлеченный полетъ фантазіи, то понятіе идеализма, какъ и реализма, ложны, когда принимаютъ ихъ за первоначальное различіе, и тѣмъ логическую противоположность превращаютъ въ артистическое противорѣчіе; — представить эти противоположности въ гармоническомъ единствѣ — не есть ли именно задача прекраснаго? Возводя идеализмъ къ сверхъ-чувственному воззрѣнію, а реализмъ къ механическому подражанію, не вытѣсняють ли обоихъ изъ области искусства. Только одинъ неосмысленный реализмъ, отвергая преданіе, отвергаетъ и идеалъ. Такъ Курбе, въ антверпенскомъ артистическомъ собраніи этого года, провозглашалъ, что абсолютное отрицаніе идеала есть направленіе нашего вѣка. Но идеалъ есть созданіе не заоблачной фантазіи, а того, что существуетъ, — пластическое изображеніе истины, образовавшееся не изъ одиночнаго и случайнаго явленія, а изъ совокупности вѣрныхъ и точныхъ фактовъ. Чисто механическій реализмъ поэтому столь же ложенъ, какъ и отвлеченный идеализмъ. Въ живописи, напр., если первый переходитъ границы художественнаго выраженія, то дѣлается каррикатурою или скелетомъ, если же второй оставляетъ

естественный порядокъ вещей, то превращаетъ идеаль въ идола.

Только отсталость, отъ современнаго направлени науки и жизни, только мрачная отвлеченность отжившихъ теорій, скрытая и постыдная немощь къ познанию вещества и его явленій, объявляютъ, что современнымъ возрѣніемъ на мѣръ отвергается все изящное, поэтическое. Позвольте мнѣ объ этомъ предметѣ передать вамъ одно письмо извѣстнаго нашего современника *).

Тѣ, которые слѣдятъ за неразрывнымъ процессомъ силы и матеріи, понимаютъ духовное значеніе самой малой частицы вещества. Энциклопедистовъ прошлаго столѣтія упрекали въ томъ, что они духъ низводили до матеріи; теперь же одухотворяютъ вещество. Есть ли тутъ разница при ихъ неотдѣляемости? Развѣ не достойно поэзіи облагораживаніе нашихъ вещественныхъ устройствъ, содержащихъ въ себѣ духовное стремленіе? или противно эстетическому вкусу видѣть въ круговращеніи вещества вѣчную силу обновленія, постоянный источникъ молодой, свѣтлой жизни, признавать вещество безконечнымъ въ движеніи; изъ угольной кислоты и воды, амміака и солей видѣть цвѣты и плоды, новую жизнь, новую силу мыслей въ человѣческихъ мозгахъ?

Жизнь животныхъ неразрывно связана съ жизнью растительнаго царства. Дѣятельность кислорода вырабатываетъ кровь, горѣніемъ доводится она къ тканямъ, — ихъ вещественное обращеніе условливаетъ мысли; кислородъ снова еожигаетъ мозгъ и кровь, и производитъ простыя соединенія, проявляющіяся растениями. Это смерть въ жизни и жизнь въ смерти. Не вездѣ ли во вселенной зародыши организацій? Кто понимаетъ смерть въ этой связи съ жизнью, тому ясна непрерывная сила побужденій, а съ нею и цѣльность человѣческой поэзіи, покоящейся на незыблемыхъ столбахъ истины.

Развѣ недостойно человѣка принимать за естественную необходимость стремленіе его къ веществу для добыванія силы? Развѣ бессмысленны слова наши рабочему, приобретающему въ потѣ лица своего часто одно удовлетвореніе жизненной потребности, что онъ въ кускѣ хлѣба имѣеть

*) Молешотта.

вещество благороднѣйшей дѣятельности разумныхъ существъ. Пошлая ли это проза, когда мы превращаемъ вещество въ мыслительный процессъ; — не наслаждаемся ли мы тогда плотію и кровію духа, что бы распространить просвѣщеніе во всѣ части свѣта и во всѣ времена дѣтми нашихъ дѣтей!

•Если вещество неразрывно съ силою, то становится священною обязанность беречь вещество, т. е. приводить его въ такое состояніе, что бы наикратчайшимъ путемъ могли быть получены самыя большія дѣйствія. И въ этомъ заключается всемогущее значеніе естественныхъ наукъ. Нашъ современнѣйшій Прометей учитъ человѣка химіи, физики, антропологии, и тѣмъ доставляетъ ему господство надъ стихіями (элементами), господство выходящее изъ воли, управляемой мыслию и познаваніемъ. Жизнь требуетъ труда, а для труда необходимо вещество. И несомнѣнно, самое лучше обогащеніе, которымъ жизнь обявана химіи, состоитъ въ томъ, что мы ежедневно научаемся лучше видѣть какое вещество принадлежитъ къ каждому труду. Должно ли оно лежать въ гробахъ и могилахъ, не приносить никому пользы, а часто служить бременемъ ближайшему окружающему!

•Либихъ, говоря объ успѣхахъ въ химіи съ открытіемъ кислорода, присовокупляетъ, что этимъ открытіемъ много возвысилось матеріальное благо государствъ, и выиграла ответственность каждой личности. Какъ въ животномъ тѣлѣ измѣняемость вещества можетъ быть измѣрена количествомъ частицъ крови, которыя, въ данное время, проходя отъ сердца къ волостнымъ сосудамъ, возвращаются опять къ сердцу, такъ и обращеніе вещества въ государствѣ можетъ быть измѣрено скоростію перехода денегъ изъ однихъ рукъ въ другія. Деньги приняли на себя функцію кислорода въ государствѣ. Каждая часть его дѣльнаго организма имѣетъ естественное право на свободное употребленіе своихъ рабочихъ силъ, величайшее дѣйствіе которыхъ стоитъ въ обратномъ отношеніи къ суммѣ препятствій, подлежащихъ устраненію; — чѣмъ больше препятствій, тѣмъ незначительнѣе дѣйствіе. Оттого государство, находясь въ полудикомъ состояніи, чрезъ несправедливо разложенныя повинности, вынуждаетъ большую часть суммы собственной силы заботится только о фи-

зическомъ самосохраненіи. Оттого и государства съ огромнымъ количествомъ войска только кажутся сильными: продолжающееся кровопусканіе отнимаетъ лучшую часть изъ крови и соковъ. Свободное и справедливое раздѣленіе силы и вещества—это есть цѣль, часто неясная, скрытая, всѣхъ новѣйшихъ общественныхъ движеній, раздѣленіе, которое всѣмъ доставляло бы работу, а работою дѣлало существованіе достойнымъ человѣка, ибо каждая часть цѣльнаго организма имѣетъ естественное право на свободное употребленіе своей рабочей силы.

«Жаль, что къ такимъ глубоко прочувствованнымъ словамъ прибавляетъ Либихъ напрасное обвиненіе: «новыя воззрѣнія хотятъ, что бы не было болѣе тѣни; если же уничтожить послѣднюю былинку, бросающую тѣнь, тогда будетъ вездѣ свѣтъ, но также и смерть, какъ въ степи Сахары». Какъ два человѣка не могутъ быть равны по крови и плоти, по мозгу и костямъ, такъ не можетъ быть и раздѣленія, въ смыслѣ Либиха, что бы уравнивать всѣ различія: это противорѣчитъ природѣ человѣка. Болѣе разумное раздѣленіе имущества представляетъ намъ Америка въ измѣненіяхъ наслѣдственныхъ отношеній. Изслѣдованія должны имѣть прямое вліяніе на жизнь. Что же въ наукѣ, если добытыя ею истины не осуществляются? Недостатокъ въ веществѣ, выраженный недостаткомъ въ деньгахъ, есть бѣдность. Но важное слѣдствіе, выходящее изъ понятія о веществѣ и круговращеніи жизни, состоитъ именно въ томъ, что не можетъ быть недостатка въ веществѣ для сохраненія растений, животныхъ и людей.

«Земля обильна неограниченными веществами, необходимыми, какъ орудія, къ организаціи материн. Количество извести, солей и фосфорныхъ кислотъ въ нашей землѣ такъ велико, что оставалось бы еще столько, если бы весь азотъ, весь углеродъ и водородъ соединились и чрезъ то приняли органическія формы. Какъ каждое животное есть источникъ питанія растений, и каждое растеніе есть образователь крови животныхъ, то ясно, что растенія и животныя не могутъ вытѣснить другъ друга. Не представляется ли намъ за необходимое слѣдствіе, что наука должна же придти къ наученію раздѣленія вещества; тогда невозможна, будетъ бѣдность: въ смыслѣ неудовлетворенной потребности. Соли да-

ны во множествѣ. Органическія соединенія—бѣлковина, жиръ и сахаръ неистощимы; растенія приготавливаютъ ихъ изъ простыхъ соединеній, которыя также безконечны, потому что животное пожираетъ бѣлковину, жиръ и сахаръ, что бы снова предложить ихъ растительному царству въ видѣ амміака, угольной кислоты и воды.

«Поэтому священная обязанность изслѣдователя разлагать землю, кровь, растенія, животныя, что бы вѣрнѣе научиться цѣнить отношенія раздѣленій. И ничто не должно у насъ отнимать духа стремиться къ этой цѣли.

«Насъ, путеводителей, вездѣ ожидаетъ награда, не взирая на сомнѣнія непрактичныхъ людей, на вѣрованія фанатиковъ и отвлеченныхъ мыслителей. Должно учить справедливому раздѣленію вещества. Такъ восклицаетъ и землевладѣлецъ, и врачъ и государственный человѣкъ, и нищій, если понимаетъ причину своей бѣдности, своихъ страданій. Естественныиспытатели суть дѣятельнѣйшіе поборники вопросовъ, которые, какъ потребность, какъ жизненный прогрессъ, напрасно объявляютъ себя съ оружіемъ въ рукѣ: они этими мѣрами не получаютъ никогда отвѣта.

«Разрѣшаетъ ихъ только естественныиспытатель: на древѣ познаванія растетъ потребность, а въ ней зародышъ силы, ее удовлетворяющей. Законодатели должны основаться на естествовѣдѣніи, для правильнаго раздѣленія имущества и труда, какъ источниковъ наслажденій человѣка, цѣли его жизни. Знаніе—это непобѣдимое могущество, могущество мира, есть не одна высочайшая награда, а также и самое широкое основаніе жизни, достойной разумаго существа. Изъ воздуха и пепла созданъ человѣкъ. Дѣятельность растеній вызвала его къ жизни. Въ воздухѣ и пеплѣ разлагается тѣло, что бы міромъ растеній развивать въ новыхъ формахъ новыя силы. Нѣтъ силы безъ вещества. Свойства основныхъ веществъ неизмѣняемы. Слѣдственно, не можетъ быть и рѣчи о жизненной силѣ.

«Жизнь же есть состояніе вещества, основанное на неизмѣнныхъ его свойствахъ, условленное особенными явлениями движенія, которыя вызвали теплота и свѣтъ, вода и воздухъ, электричество и механическое потрясеніе въ веществѣ. Дѣятельныя вліянія, такъ называемыя силы, суть теплыя вещества, электрически возбужденныя волны свѣ-

та, короче все, что производить движеніе посредствомъ движенія.

«Если бы мы могли управлять свѣтомъ, теплотою и давленіемъ воздуха, такъ какъ въсовыми отношеніями вещества, то открылось бы болѣе возможности составлять органическія соединенія. Мы могли бы даже выполнять условия къ произведенію организованныхъ формъ.—Почему въ наше время такъ рѣдко удается выводить органическія вещества изъ элементовъ или, по крайней мѣрѣ, изъ простыхъ неорганическихъ соединеній, то это происходитъ оттого, что мы узнали еще въ весьма малыхъ случаяхъ совмѣщеніе малѣйшихъ частицъ, устройство вещества, группировку элементовъ. Не достаетъ вѣрнаго и точнаго взгляда на внутреннее химическое управленіе. Однако же не малое количество опытовъ дозволяетъ намъ надѣяться дойти, напр., до воспроизведенія хинина и морфина, изъ которыхъ состоятъ бѣлковина или волокна мускула, со всѣми ихъ свойствами. Либихъ и Велеръ составили уже вещество мочи изъ ціановой кислоты и амміака. Чѣмъ яснѣе наше сознаніе, что мы, правильнымъ соединеніемъ угольной кислоты, амміака, солей и воды, трудимся къ высочайшему развитію челоуѣчества, тѣмъ болѣе облагораживаются наши дѣйствія и произведенія. Это и есть изящное творчество, котораго мы ежедневно сами свидѣтели, что воздухъ, растенія, животныя, челоуѣкъ вездѣ вспомошествоуютъ другъ другу, постоянно себя обновляютъ, развиваютъ, совершенствуютъ, что каждое одиначное существо дѣлается только жертвою своего рода, что смерть сама ничто иное, какъ безсмертіе круговращенія.

«Если вещество управляетъ челоуѣкомъ, то познаніе нашихъ вещественныхъ отношеній есть самая важная наша обязанность. Оттого въ наше время химія принадлежитъ скипетръ надъ всѣми другими естественными науками. Ученіе о жизни органическаго царства заключается въ химію и физикѣ живаго тѣла.»

Такъ говоритъ Молешоттъ. Къ этому считаю нужнымъ прибавить упрекъ, сдѣланный философомъ и соревнователемъ просвѣщенія извѣстнымъ Спинозою, упрекъ, примѣняемый и къ нашему времени: «Они (философы и просвѣтители) стремятся познать челоуѣка, не какъ онъ есть, а какъ

они желали бы, что бы онъ былъ, и тѣмъ заглушаютъ процвѣтаніе естественныхъ наукъ, преграждаютъ на нѣсколько десятилѣтій точное знаніе, отравляютъ все здоровое и полезное. Человѣческая природа есть не фантастическій образъ, который каждый можетъ создать по своему личному воззрѣнію, а предметъ наблюденія, составленный изъ различныхъ частей тѣла, движущійся и развивающійся по вѣчнымъ законамъ. Кто же не уяснилъ себѣ основныхъ силъ человѣка, законовъ ихъ проявленій, тотъ не можетъ понимать человѣческой природы, слѣдовательно, и не можетъ выводить изъ нея ни правъ, ни обязанностей.

Вотъ почему Бокль доказываетъ вѣрно, что безъ естественныхъ наукъ невозможна исторія человѣчества, а А. Енгельсбергъ относитъ ученіе о здоровьѣ и болѣзни къ первой необходимости, для уразумѣнія побудительныхъ причинъ во всеобщей исторіи.

Всѣ заблужденія въ міровыхъ воззрѣніяхъ не происходятъ ли, отъ недостатка знанія внѣшняго міра? Мысли не могутъ и теперь еще отрѣшиться отъ своей личности, отъ своего индивидуальнаго взгляда, и вносить его, какъ свою точку исхода, во всѣ изслѣдованія и наблюденія.

П. Яфимовичъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Guizot, «Memoires,» tome 8-me, Paris, Michel Levy-frères. («Записки» Гизо, VIII-й томъ).

Содержаніе восьмага и послѣдняго тома «Записокъ» чело-
ловѣка, игравшаго съ 1830 г. такую видную роль въ исто-
ріи Франціи, составляютъ восемь богатыхъ событіями лѣтъ,
отъ 1840 по 1848 г. Этотъ томъ заключаетъ въ себѣ слѣ-
дующія главы: «Парламентарное правительство» (1840—
1848 г.); «Испанскіе браки» (1842—1847 г.); «Италія и
папа» (1846 — 1848 г.); «Швейцарія и Зондербундъ»
(1840—1848 г.); «Политическія реформы и паденіе мини-
стерства 29-го октября 1840 г.» (1840—1848 г.)

Самая интересная изъ этихъ главъ, безспорно, третія—
«Италія и папа Пій IX», изъ которой мы приведемъ здѣсь
нѣкоторые факты. Когда Пій IX вступилъ на папскій пре-
столь, то вся Италія и вся либеральная Европа возлагала на
него большія надежды. Италіяны кричали: «не хотимъ ни
чужеземца, ни монаха», и потому выборъ тотчасъ же палъ
на Пія IX. Тогдашній французскій посланникъ въ Римъ, Рос-
си, писалъ Гизо о новомъ папѣ: «онъ очень благочестивый
человѣкъ; хотя до тридцатаго года своей жизни оставался
міряниномъ, онъ былъ, однако же, воспитанъ духовными, и

принадлежитъ къ школѣ теологовъ, которая, несмотря на строгое благочестіе, отличается возвышенными идеями и вѣротерпимостію.» Новый папа былъ проникнутъ прекрасными намѣреніями, о чемъ свидѣтельствуешь и Росси, замѣчая приэтомъ, что Пію IX, какъ и вообще римскому правительству, не достаетъ только почина и опыта. Папа держался посрединѣ между двумя крайними партіями, партіею консерваторовъ, не соглашавшихся ни на какія уступки, и партіею радикаловъ, желавшихъ единой и свободной Италіи. Росси, по порученію Гизо, совѣтовалъ Пію IX опираться на среднюю партію; но эта средняя партія, какъ могущественный дѣятель, существовала конечно только въ теоріи. Переписка между Росси и Гизо доказываетъ, что послѣдній вполне заслужилъ названіе доктринера: онъ неоднократно совѣтуетъ папѣ удерживать «движеніе» въ границахъ римскаго вопроса, и остерегаться, что бы послѣдній не превратился въ вопросъ италіанскій. Но этотъ совѣтъ локализовать римскій вопросъ данъ былъ уже слишкомъ поздно, и вообще нельзя безъ улыбки читать самоувѣренные совѣты Росси, даваемые папѣ, если вспомнить вскорѣ затѣмъ послѣдовавшее паденіе министерства самаго Гизо.

«Записки» оканчиваются изображеніемъ катастрофы въ Парижѣ во время февральскихъ дней. Гизо говоритъ, что Лудовикъ-Филиппъ во время кризиса совершенно упалъ духомъ, и думалъ бороться съ несчастіемъ только путемъ законныхъ уступокъ и сопротивленія. «Несмотря на то, говоритъ Гизо, король не отчаявался въ будущемъ, и надѣялся, что, съ возвращеніемъ парламентарнаго порядка, ему снова удастся пріобрѣсти необходимое вліяніе для проведенія политики, которую онъ считалъ соотвѣтственною благу страны и поддержанію его трона. Но люди не дали ему времени для этого...» Въ отношеніи ясности изложенія описываемаго предмета, «Записки» Гизо не оставляютъ желать ничего лучшаго. Авторъ неоднократно говоритъ, что онъ старался относиться къ дѣятелямъ изображаемой имъ эпохи по возможности объективно, и, дѣйствительно, это похвальное намѣреніе большею частію удалось ему. Онъ даже говоритъ, что его противники дѣйствовали вѣроятно по убѣжденію. Но онъ не могъ возвыситься до такого безпристрастія, что бы

признать убѣжденія своихъ противниковъ не только *искренними*, но и *истинными*.

Das heutige Spanien, seine geistige und aeußerliche Entwickelung im XIX Jahrhundert, von Fernando Garrido. Deutsch von Arnold Ruge. Leipzig, 1867. (Современная Испанія, ея умственное и внѣшнее развитіе въ XIX столѣтіи, Фернандо Гарридо. Переведено на нѣмецкій Арнольдотъ Руге.)

Испанію привыкли считать по преимуществу страню суевѣрія и занатства въ религіозномъ, точно также какъ страню реакціи въ политическомъ отношеніи. Объ испанскомъ народѣ обыкновенно судятъ по его нравственности. Книга Гарридо служитъ энергическимъ протестомъ противъ этого общепринятаго мнѣнія объ испанцахъ. Авторъ изображаетъ состояніе земледѣлія, торговли, промышленности и умственного развитія въ Испаніи, ея политическія партіи, ея журналистовъ и депутатовъ, нынѣшнее ея общественное положеніе и ея гордыя надежды въ будущемъ. Въ первыхъ десяти главахъ онъ представляетъ очеркъ внутренней исторіи Испаніи, отъ Карла III до нашихъ дней. Гарридо непримиримый врагъ Бурбоновъ, республиканскій и монархическіи вообще, пылкій мечтатель, смотрящій только въ будущее, пророкъ, который указываетъ путь, не обращая вниманія на множество препятствій, находящихся на пути. Но, тѣмъ не менѣе, его пира заключаются многіе поразительныхъ фактовъ, опровергающихъ ходячія мнѣнія о настоящемъ Испаніи. «Уже у нѣмцевъ», говоритъ Гарридо Арнольдъ Руге въ 1861 г., замѣтно рѣзкое противорѣчіе между общественнымъ сознаніемъ и стариннымъ порядкомъ. У насъ пропасть между ними еще глубже, и это неудивительно: такъ какъ разномъ развились, съ революціей умственная, социальная, политическая и промышленная.» Гарридо не только утверждаетъ, но еще доказываетъ это фактами и цифрами. Такъ, напримеръ, въ Баронъ угоренилось совершенно другое понятіе о религіозности монаховъ. Гарридо утверждаетъ, что въ Испаніи нѣтъ ни одного искреннаго католика,

кроме воровъ и публичныхъ женщинъ. Если въ этихъ словахъ можно подозревать нѣкоторое преувеличеніе, то, во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что направленіе народнаго духа въ Испаніи антиклерикальное. Припомнимъ, что въ 1835 г. въ Испаніи народъ повсюду разрушалъ и жегъ монастыри. Послѣ этого правительство издало декретъ объ упраздненіи монастырей и о продажѣ ихъ имущества съ публичнаго торга, и съ тѣхъ поръ вы нигдѣ въ Испаніи не увидите на улицѣ человека въ монашескомъ платьѣ. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Мадридѣ кучка монаховъ осмѣлилась показаться въ клубкахъ, народъ преслѣдовалъ ихъ по улицѣ и бросалъ въ нихъ камнями. Тоже самое можно сказать и о вѣроподданническихъ чувствахъ испанцевъ. Гарридо замѣчаетъ, что съ 1854 г. въ Испаніи каждый годъ бились за республику. Во время возстанія въ Лохѣ (Loja), въ 1862 г., крестьяне кричали: *долгой королеву и папу!* Гарридо, издавшій нѣсколько брошюръ въ республиканскомъ духѣ, за которыя въ любомъ государствѣ онъ поплатился бы многими годами тюремнаго заключенія, не разъ стоялъ передъ судомъ присяжныхъ; но присяжные каждый разъ оправдывали его, а публика выносила его на рукахъ изъ залы засѣданій суда. Авторъ приводитъ изъ рѣчей, произнесенныхъ въ кортесахъ въ 1854 г., нѣкоторыя мѣста; подобныхъ словъ не осмѣлился бы сказать ни одинъ депутатъ хотя бы нынѣшняго австрійскаго рейхсрата. Все это служитъ признакомъ, что испанцы не расположены долго переносить терроръ и произволъ, тяготящія въ настоящее время надъ странюю. Нынѣшнее правительство, руководимое патеромъ Кларе и монахиней Патронинію, болѣе всего способствуетъ распространенію республиканскихъ идей въ народѣ. Матеріальное благосостояніе Испаніи, равно какъ народонаселеніе ея, постоянно возрастаютъ. Новыя желѣзныя дороги строятся въ большомъ числѣ, и гдѣ появляется рельсовый путь, тамъ возникаютъ фабрики и заводы. Въ слѣдствіе продажи церковныхъ имуществъ, которыя почти всѣ перешли въ руки средняго сословія, увеличилось благосостояніе горожанъ и сельскихъ хозяевъ. Весьма поучительно слѣдующее статистическое сравненіе, приводимое Гарридо: въ 1690 г. въ Испаніи было 7.500,000 жителей, въ томъ числѣ 90,000 монаховъ, жившихъ въ

9,000 монастырей, а въ 1859 г. считалось болѣе 16.000,000 жителей, въ томъ числѣ 719 монаховъ въ 41 монастырѣ. Число школъ, въ послѣднія шестьдесятъ лѣтъ, удвоилось, а число учениковъ утроилось. Зато число духовныхъ, въ тотъ же промежутокъ времени, уменьшилось на 76 процентовъ, и теперь, изъ всѣхъ европейскихъ государствъ, въ Испаніи сравнительно наименьшее число духовныхъ.

Сочиненіе Гарридо прекрасно переведено Арнольдомъ Руге на нѣмецкій языкъ, и переводчикъ предпосылаетъ колкое посвященіе прусскимъ прогресистамъ. Послѣдніе, подобно испанской партіи прогреса, своимъ союзомъ съ правительствомъ выпустили власть изъ рукъ. Въ 1854 г. въ Испаніи прогресисты одержали побѣду; ничто не мѣшало имъ окончательно и навсегда освободить страну, но они, съ Эспартеро во главѣ, признали Изабеллу II. Они не хотѣли дѣйствовать сообща съ демократами, и, благодаря этому раздору въ средѣ либеральной партіи, свобода погибла, а Бурбоны и теперь царствуютъ въ Испаніи. Великодушіе погубило Эспартеро, подобно тому, какъ погубило Ріего. Предводитель возстанія 1820 г., съ опасностію собственной жизни, спасъ Фердинанда VII, когда его хотѣли заколотъ солдаты; черезъ полгода послѣ того, Ріего отправился на висѣлицу.

Geschichte der Abfalls der Griechen von tuerkischen Reich im Jahr 1821 und der Gründung der hellenischen Königreichs. Aus diplomatischen Standpunkt. (Исторія отпаденія грековъ, отъ Турецкой имперіи въ 1821 г. и основанія Эллинскаго королевства. Съ дипломатической точки зрѣнія). Соч. А. Прокешъ-Остена.

Эта исторія имѣетъ, со времени своего изданія, свою исторію. О ея предстоящемъ появленіи уже давно знали, и съ нетерпѣніемъ ждали его, но ходили слухи, что сѣверный вѣтеръ заморозилъ ее въ архивахъ вѣнской полиціи. Авторъ говоритъ въ предисловіи, выражаясь своимъ дипломатическимъ языкомъ, что задер-

жка произошла, въ слѣдствіе «чрезвычайныхъ обстоятельствъ.» До сихъ поръ, этого сочиненія вышло четыре тома; два первые содержатъ въ себѣ историческій текстъ, два послѣдніе документы, служившіе источникомъ. Продолженіе обѣщано авторомъ въ скоромъ времени. Въ числѣ документовъ находятся письма императоровъ Франца, Александра I-го и Николая I-го, и большая часть дипломатической корреспонденціи между великими державами по поводу восточнаго вопроса. Но не одинъ этотъ вопросъ, а и многія другія щекотливыя мѣста тогдашней политики, затронуты въ этой книгѣ, и намъ кажется даже, что авторъ не довольно пользовался всѣми сокровищами, которыя были въ его рукахъ. Можетъ быть, онъ имѣлъ на это свои причины. Укажемъ еще на одно преимущество этой книги передъ другими сочиненіями о томъ же предметѣ, придающее ей исключительный характеръ. Это близкое знакомство автора со страной, людьми и обстоятельствами, которыя онъ описываетъ. За исключеніемъ нѣкоторыхъ депешъ и корреспонденціи графа Каподистрії, всѣ источники, которыми онъ пользуется, есть его личное достояніе, можно сказать, его личный опытъ, поэтому эта исторія есть въ то же время автобіографія. Это не только не вредитъ ея достоинству, но даже приводитъ къ заключенію, вопреки общепринятому мнѣнію, что исторія должна писаться современниками. Безъ такого знанія своего предмета, автору не удалось бы столь ясно показать запутанныя отношенія янинскаго паши къ Портѣ; усмотрѣть причины, побудившія султана поручить египетскому наместнику подавить возстаніе въ Мореѣ, а послѣдняго принять это трудное порученіе. Султанъ имѣлъ въ расчетѣ одно изъ двухъ: или возвращеніе Мореи, или гибель въ этомъ предпріятіи слишкомъ могущественнаго подданнаго; Мехемедъ-Али же видѣлъ въ немъ случай образовать свою юную армію, и упражнять ее въ военномъ дѣлѣ. Точно такъ же ярко, какъ турецкія и греческія дѣла, освѣщаетъ авторъ и дипломатическую исторію, своимъ знаніемъ личностей. Минута отъѣзда рускаго посла, графа Строганова, рѣзко прервавшаго сношенія съ Портою; переговоры лорда Странфордса съ турецкими министрами, въ которыхъ дѣло шло объ изысканіи средства возобновить сношенія съ Россією; переполохъ въ кругу европейскихъ дипломатовъ, при извѣ-

стіи о наваринской битвѣ, опасеніе, что Дибичъ, находившійся въ Адрианополѣ, явится подъ стѣнами Константинополя,—все это не могло бы быть столь живо описано авторомъ, если бы онъ не жывалъ въ розовыхъ садахъ Босфора, и не знавалъ лично ловкаго Гіанибъ-Эфенди, пылкаго Стратфорда-Каннинга и изворотливаго барона Отенфельса. Авторъ предположилъ себѣ главною задачею показать малоизвѣстныя нити дипломатіи, дѣйствовавшія при отпаденіи Греціи, и имѣвшія рѣшительное вліяніе на это отпаденіе. Во вступленіи, авторъ описываетъ то, что, собственно говоря, лежало внѣ его задачи: приготовленіе, образованіе гетеріи. Подъ видомъ благотворительнаго общества, организовался революціонный заговоръ, съ цѣлію образованія самостоятельной византійской имперіи. Вопреки обще принятому мнѣнію, что греческая революція вызвана мохамеданскимъ гнетомъ и зараженіемъ европейскими революціонными идеями, Прокешъ усматриваетъ причины ея въ улучшенномъ положеніи греческаго населенія, въ сознаниі своего богатства и силы,—что слѣдовательно революція возникла изъ самаго греческаго народа. Готовый горючій матеріалъ былъ подожженъ, по мнѣнію автора, русскимъ огнемъ. Авторъ не старается выводить противъ виновныхъ всей массы уликъ, которая находится въ его распоряженіи, такъ какъ вообще его книга лишена всякихъ тенденцій; но въ различныхъ мѣстахъ авторъ приводитъ, для доказательства своего мнѣнія, различные факты, на примѣръ, тотъ, что русскіе консулы, особенно патрасскій, повсюду заявили бѣгствомъ свое участіе въ возстаніи; русскія бумаги на судахъ возставшихъ; образъ дѣйствій русскаго посла въ Константинополь, который, хотя по цо наружности и порицалъ возстаніе, но давалъ такіе совѣты, которые только ухудшали положеніе, и заявлялъ такія требованія, которыя препятствовали энергическому сопротивленію; наконецъ, тайное письмо графа Каподистрії, перехваченное Портою, въ которомъ онъ поощряетъ предводителя возстанія, Ипсиланти, продолжать свое предпріятіе. Вторую эпоху событій, изложенныхъ въ этомъ сочиненіи, можно озаглавить такъ: «разрывъ между Россією и Портою.» Главный моментъ въ этой эпохѣ есть моментъ отъѣзда русскаго посла, графа Строганова, изъ Константинополя, послѣдовавшій почти тотчасъ послѣ того, какъ вспыхнуло возстаніе. Спор-

нымъ вопросомъ между Россіею и Турціею была не независимость Греціи, а преобладаніе Россіи въ Молдавіи и Валахіи. Понявъ, что русскіе вооружились не столько за грековъ, сколько противъ турокъ, Порта сочла войну неизбѣжною, и поэтому стала сама вызывать ее, затрудняя своимъ упорствомъ усилія къ примиренію, которыя дѣлали посредничающія державы. Главную роль въ этой части вопроса играли Англія и Австрія, и сцена изъ Константинополя была перенесена въ Вѣну. Россія прислала туда своего уполномоченнаго Татищева; Англія, давъ инструкціи своему уполномоченному въ Константинополѣ, лорду Странфордсу, предоставила вести дѣла въ Вѣнѣ князю Меттерниху, который началъ прежде всего дѣйствовать на Порту, ставъ на точку зрѣнія религіи. Мы не войдемъ здѣсь въ подробности дипломатическихъ интригъ и послѣдовавшей затѣмъ такъ называемой войны за греческую независимость; отсылаемъ любопытныхъ къ книгѣ г. Прокешъ-Остена, въ которой подробно изложены всѣ явленія этой эпохи. Въ заключеніе, авторъ обрисовываетъ печальное положеніе освобожденной Греціи, печальное, не столько по ея собственной винѣ, сколько въ слѣдствіе интригъ иностранныхъ державъ, равновашихъ одна къ другой свое новорожденное дитя. Если бы Греція дѣйствительно созрѣла въ ту пору для самостоятельности, то ея передовые люди умѣли бы противустоять приманкамъ ихъ личному честолюбію, которыми ихъ старались привлечь великія державы, каждая на свою сторону, и не губили бы своего отечества, отнимая у него независимость, въ которой оно такъ нуждалась, и за которую оно пролила столько крови. Такимъ образомъ, дошло до того, что въ Греціи остался только призракъ правительства, что изъ государственныхъ имуществъ продавалось все, что только находило покупателей, и казна держалась только выручкою отъ этой продажи и небольшимъ количествомъ бумажныхъ денегъ, и что, въ концѣ 1832 г., когда должна была послѣдовать передача Аттики и Эвбеи турками грекамъ, эта передача не состоялась, потому что некому было принять этихъ провинцій. Отъ ессалійскихъ границъ до Эгейскаго моря, общины управлялись нѣкоторымъ образомъ сами собою. Но это было еще самое утѣшительное явленіе въ хаосѣ. Въ дополненіе всего, освободители принялись

*

убивать освобожденныхъ. Спустя четырнадцать лѣтъ послѣ того, какъ король Оттонъ вступилъ въ разукрашенныя улицы Навплии, на улицахъ Аргоса произошла стычка между войсками Колокотрониса и французами, стоившая жизни многимъ сотнямъ грековъ, въ томъ числѣ многимъ женщинамъ и дѣтямъ.

Послѣдніе дни царствованія короля Лудовика-Филиппа; соч. Гизо.

Эта книга есть нѣкоторымъ образомъ сокращеніе «Записокъ» Гизо; въ ней разсматриваются, съ новой точки зрѣнія, факты, предшествовавшіе революціи 1848 г.; дополненные новыми подробностями. Эта книга представляетъ всѣ свойства, характеризующія сочиненія Гизо, и которымъ трудно сочувствовать. Гизо не показываетъ вражды къ людямъ не одного съ нимъ мнѣнія, но онъ презираетъ ихъ, онъ считаетъ ихъ глупцами, способными понимать факты, но не принципы. Въ всей книгѣ мы находимъ всего одинъ занимательный рассказъ—и ни одной искры остроумія; но зато книга полна свѣдѣній, анекдотовъ о личностяхъ, дѣльныхъ мыслей о людяхъ и дѣлахъ. Весьма любопытна глава объ испанскихъ бракахъ. Гизо, разумѣется, не говоритъ всего, что знаетъ, но изъ словъ его видно, что все это дѣло было интригою, въ которой великія державы оспаривали другъ у друга вліяніе на Испанію. Королеву, разумѣется, не спрашивали о выборѣ ея сердца; если она и чувствовала расположеніе къ кому либо изъ своихъ претендентовъ, то развѣ только къ принцу Леопольду кобургскому; но король французовъ настаивалъ на выборѣ Бурбона (впрочемъ не исключительно той или другой вѣтви Бурбоновъ), грозя, въ противномъ случаѣ, даже военнымъ занятіемъ Испаніи.

О Лудовикѣ-Филиппѣ Гизо говоритъ нѣсколько сдержанно, какъ человѣкъ, который любитъ своего государя, но чувствуетъ себя оскорбленнымъ въ своемъ самолюбіи. По его словамъ, король вѣрилъ необходимости конституціоннаго правительства, хотя и считалъ его дѣломъ крайне

труднымъ, и общепринятое мнѣніе, будто онъ предписывалъ свою волю, было ошибочно. «Король бельгійцевъ Леопольдъ имѣлъ гораздо болѣе вліянія въ бельгійскомъ правительствѣ, чѣмъ Лудовикъ-Филиппъ во французскомъ; но первый тщательно скрывалъ это, а послѣдній вѣчно боялся, что не отдадутъ должной справедливости его намѣреніямъ и усиліямъ.» Впрочемъ, Гизо признаетъ, что іюльская монархія никогда не была конституціонною въ англійскомъ смыслѣ. «Говорятъ: *король царствуетъ, но не правитъ*, говоритъ Гизо; но это совершенно ложно; фактически никогда не бываетъ, что бы король ничего не значилъ въ правительствѣ. Человѣкъ, содѣйствіе котораго необходимо во всякомъ дѣлѣ, непременно имѣетъ болѣе или меньше вліянія, смотря по его характеру, способностямъ и обстоятельствамъ. Историческіе факты совершенно согласуются въ этомъ отношеніи съ нравственнымъ закономъ; гдѣ ни существовала конституціонная монархія, личные чувства, мнѣнія и желанія государя никогда не оставались безучастными, и самый независимый изъ министровъ непременно принималъ ихъ во вниманіе.» Замѣчательно то, что, высказывая это общее мнѣніе, Гизо въ то же время формально отрицаетъ вліяніе Лудовика-Филиппа на политическія дѣла. Когда французы стали громко требовать реформы, Гизо имѣлъ разговоръ объ этомъ съ королемъ, который онъ приводитъ буквально, и изъ этого разговора очевидно, что Лудовикъ-Филиппъ считалъ себя полнымъ властелиномъ Франціи. Онъ говорилъ «моя» политика, «мои» министры, а не политика и министры Франціи. Но, въ рѣшительную минуту, король, не задумавшись, отрекся отъ ея министра, чего Гизо, повидимому, не простилъ ему. Лудовикъ-Филиппъ справедливо смотрѣлъ на него, какъ на министра консервативной буржуазіи, въ ту пору особенно ненавистной народу. Гизо сознается, что фактически, это было такъ, но въ принципѣ, не совсѣмъ. Онъ не противился самымъ обширнымъ реформамъ, но съ тѣмъ, что бы онѣ были произведены по укрѣпленію учрежденій страны, что могла сдѣлать, по его мнѣнію, только консервативная партія, а руководить ею могъ одинъ онъ. Въ книгѣ Гизо приведено много тайныхъ дипломатическихъ документовъ, писемъ посланниковъ, неизвѣстныхъ подробностей важныхъ

событій. Авторъ удачно изображаетъ характеры и положенія, но уже слишкомъ старается убѣдить въ своемъ безпристрастїи. Вотъ одинъ изъ наиболѣе забавныхъ анекдотовъ, приведенныхъ въ этомъ сочиненїи. Генераль Нарваэсъ сказалъ французскому посланнику Брелону: «Не заботьтесь о насъ; у Испанїи есть свое провидѣніе.»—«Неудивительно, сказалъ Брелонъ, что вы имѣете особенное провидѣніе; вы даете ему довольно дѣла, что бы занять все его время.»

—

Le Calvaire des femmes (Страданія женщины), соч
Марїи-Луизы Гаферъ.

Въ этой книгѣ обсуживается, въ формѣ романа, судьба женщинъ, преимущественно французскихъ работницъ; поэтому она имѣетъ большое значеніе для поднятаго въ настоящее время въ Европѣ и въ Америкѣ женскаго вопроса. Но въ особенности интересна она въ томъ отношенїи, что нашлась женщина, которая отдернула твердою, энергическою рукою цвѣтущій покровъ, на которомъ стоитъ новѣйшая Франція, и показала скрытыя подъ нимъ бездны. Авторъ водить насъ по лионскимъ шелковымъ, по лильскимъ хлопчатобумажнымъ фабрикамъ, по мансардамъ парижскихъ швей, золотошвеекъ и модистокъ и пр., по мастерскимъ модныхъ магазиновъ; мы знакомимся съ балетными танцовщицами, съ гризетками, съ лоретками, входимъ въ дома богатой буржуазїи, и знакомимся съ судьбою гувернантокъ и воспитательницъ; и куда мы ни вошли бы, какой типъ работницы ни взяли бы,—повсюду мы видимъ невыразимо тяжелую борьбу съ нуждою и лишениями; по всюду женщину преслѣдуютъ, съ одной стороны, нужда и голодъ, съ другой стыдъ и порокъ, а чаще всего и то, и другое. Не легка доля и мужчины работника; и ему также грозитъ голодъ, въ случаѣ бодѣзни или перерыва въ работѣ на нѣсколько дней; но жизнь работницы много хуже: плата за женскій трудъ ниже; женщину больше эксплуатируютъ; мужчинѣ повсюду отдается предпочтеніе; повсюду онъ оттѣснилъ женщину отъ выгоднаго труда. А гдѣ

взять красокъ, что бы изобразить положеніе замужней работницы, у которой пьяница мужъ отнимаетъ ея жалкій заработокъ, и въ дополненіе бьетъ ее? Ни законъ, ни общество не защищаютъ ее, точно также, какъ не защищаютъ они молодую дѣвушку на фабрикѣ, которая становится жертвою богатаго развратника, бросающаго ее потомъ на произволъ судьбы. Общество караетъ своимъ презрѣніемъ продажную женщину, а не позаботится о голодающей, мерзнущей въ своей мансрдѣ, работницѣ, для которой порогъ является въ новомъ обольстительномъ видѣ, и опутываетъ ее незамѣтною сѣтлюю. Только героини могутъ устоять противъ этихъ обольщеній, въ особенности въ такомъ городѣ, какъ Парижъ, гдѣ удовольствія и роскошь превозмогаютъ даже самыя стойкія правила. И кто же несетъ отвѣтственность за все это? общество ли, сложившееся въ такой строй? мужчины ли, писавшіе законы? Нѣтъ, женщины; все онѣ же. Во Франціи, вѣра въ женскую добродѣтель вовсе утратилась; тамъ всякая небогатая женщина, всякая работница, считается продажною, даже воспитательница, даже писательница, приходящая въ редакцію предложить свою статью. Но мужчинамъ почти прощаютъ это, зная, какіе примѣры видятъ они между женщинами, такъ называемаго, хорошаго общества, гдѣ подъ внѣшнимъ приличіемъ срывается ужасающій цинизмъ. Какъ очеркъ современнаго общества, книга г-жи Гаферъ заслуживаетъ полного одобренія, но, какъ романъ, она представляетъ замѣтные недостатки, между прочимъ общій большинству писательницъ: неумѣніе рисовать мужскіе характеры. Вся постановка романа даетъ поводъ ожидать во второй части новыхъ идей объ улучшеніи положенія рабочихъ, преимущественно женщинъ, но это ожиданіе не оправдывается. Мы слышимъ только о возвышеніи рабочей платы, объ уменьшеніи рабочихъ часовъ, объ ассоціаціяхъ и пр., словомъ, о вещахъ, давно извѣстныхъ, давно испытанныхъ, и ни къ чему неприведшихъ; вообще этотъ широко задуманный романъ производитъ впечатлѣніе горы, родившей мышъ, и это тѣмъ ощутительнѣе, что его читаешь съ убѣжденіемъ, что онъ написанъ съ болѣе серіозною цѣлію, чѣмъ желаніе доставить занимательное чтеніе.

Впрочемъ, хотя въ этой книгѣ и не рѣшенъ женскій вопросъ, но, тѣмъ не менѣе, это весьма полезное собраніе матеріаловъ для исторіи современнаго французскаго общества: это серьезный, сильный призывъ человечества къ рѣшенію задачи, какъ противодѣйствовать разврату, какъ спасти женщину посредствомъ общества и общество посредствомъ женщины.

Первые рассказы изъ естественной исторіи и пр., соч. Вагнера, переводъ В. Висковатова.

Между книгами по дѣтской литературѣ, вышедшими въ 1867 г., есть хотя небольшая по объему, но весьма замѣчательная по содержанію книга: *«Первые рассказы изъ естественной исторіи для семьи, дѣтскаго сада, пріютовъ и народныхъ школ»*. Соч. Германа Вагнера, переводъ и изданіе В. Висковатова. Приемъ, сдѣланный ей публикою, показываетъ, какъ этотъ трудъ былъ своевремененъ и необходимъ для общества: въ теченіе нынѣшняго года, онъ является уже вторымъ изданіемъ. Успѣхъ этотъ вполне заслуженный; первые рассказы составляютъ чрезвычайно хорошее пособіе для преподавателей и педагоговъ, имѣющихъ дѣло съ дѣтьми отъ 5 до 10 лѣтъ; они даютъ ему возможность оживить интересными подробностями, изъ жизни и видовыхъ особенностей, описаніе того животнаго или растенія, съ которыми онъ находитъ нужнымъ ближе познакомиться ребенка. Чтеніе въ слухъ или изустный рассказъ учителя, сдѣланные кстати, о мухѣ, божіей коровкѣ, моли, дождевомъ червѣ, кошкѣ и другихъ знакомцахъ ребенка, конечно будетъ выслушанъ съ живѣйшимъ интересомъ. Но кромѣ рассказовъ о предметахъ, извѣстныхъ по виду маленькимъ дѣтямъ, и о которыхъ слѣдовательно очень полезно поговорить съ ними подробнѣе, есть другіе, относящіеся до фауны и флоры отдаленныхъ странъ и поясовъ, требующіе уже болѣе развитыхъ головъ, способныхъ соображать и запоминать не только то, что они видѣли, но и составить себѣ понятіе о предметахъ изъ слышаннаго и про-

читаннаго. Поэтому упомянутая книга можетъ быть съ пользою и удовольствіемъ читана дѣтьми 11—14 лѣтъ, для которыхъ она послужить отчасти повтореніемъ, отчасти дополненіемъ уроковъ по естественной исторіи. Можно сказать навѣрно, что ни одинъ подростокъ не будетъ зѣвать и скучать надъ чтеніемъ такихъ разсказовъ, какъ: *Раковина и орелъ, Медвѣдь и китовый усъ*, и, прочитавъ, конечно будетъ всегда помнить ихъ, а такихъ разсказовъ много въ книжкѣ, о которой идетъ рѣчь. Слогъ переводчика прекрасенъ своею сжатостію и опредѣленностію; на выборѣ картинъ, не взятыхъ изъ нѣмецкаго изданія Вагнера, а заимствованныхъ по большей части изъ Брэма (сына) и другихъ хорошихъ изданій по естественной исторіи, лежитъ печать строгой заботливости ясно и точно запечатлѣть въ памяти ребенка тѣ предметы, которыми желаютъ обогатить его умъ; всюду, гдѣ текстъ расходится съ мѣстными условіями и требованіями маленькой русской публики, г. Висковатовъ весьма рачительно измѣнялъ оригиналь. — Для указанія какого рода эти передѣлки, приведемъ примѣръ изъ 12-го разсказа: *Куда улетаютъ ласточки?* Тамъ, для удобопонятнаго измѣренія быстроты полета этой птички, взято движеніе поѣздовъ по желѣзной дорогѣ между Москвою и Петербургомъ, и т. д. Жаль, что переводчикъ не пошелъ нѣсколько далѣе въ своей передѣлкѣ, не раздѣлилъ статьи, входящія въ *Первоначальные разсказы*, на нѣсколько группъ и отдѣловъ. По нашему мнѣнію, сочиненія Вагнера, имѣющія громадное достоинство по мастерскому и занимательному изложенію свѣдѣній изъ естественной исторіи, страдаютъ однако болѣе или менѣе разбросанностію, и въ разбираемомъ трудѣ, хотя и менѣе, чѣмъ во многихъ другихъ своихъ книгахъ, Вагнеръ впадаетъ въ свою, такъ сказать, характеристическую ошибку: онъ въ перемежку помѣщаетъ статьи изъ ботаники, зоологіи, минералогіи; рядомъ разсказы, годные для дѣтей перваго возраста, съ разсказами, доступными только болѣе взрослымъ дѣтямъ. Повторяемъ: было бы очень желательно, что бы переводчики Вагнера на русскій языкъ обратили вниманіе на указанный нами пунктъ, и приняли на себя трудъ сортировать его разсказы въ двухъ главныхъ группахъ, т. е. для старшаго и младшаго возраста, по отдѣламъ, соотвѣтствующимъ раз-

личнымъ отраслямъ естествознанія. Намъ кажется, что это измѣненіе, некасающееся сущности разсказовъ, чисто внѣшнее, тѣмъ не менѣе значительно увеличило бы пользу его сочиненій для тѣхъ дѣтей, которые уже могутъ непосредственно пользоваться книгами, и сберегло бы много времени преподавателямъ, руководствующимся ими въ своихъ занятіяхъ съ дѣтьми.

М. Т.

Библиотечка

ЗАПИСКИ

ДЛЯ

ЧТЕНІЯ.

ДЕКАВРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества «Общественная Польза», по Мойкѣ, № 5.

1867.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
I. ЛЕОПАРДИ. Очеркъ Вѣры Павловской.	1
II. НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ ПО ПОВОДУ ТЮРЕМНОЙ РЕ- ФОРМЫ. Ф. Э.	45
III. ВТОРЫЯ ПОХОРОНЫ НАПОЛЕОНА. Микель-Анджело Тит- марча.	58
IV. ВСЕЛЕНСКІЕ СОВОРЫ	99
V. РУССКІЙ САМОУЧКА. Часть вторая. Повѣсть П. Зарубина. 109	
VI. ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ, МЕТЕОРЫ И АЭРОЛИТЫ.	155
VII. ЖИЛИЩЕ И ПИЩА КАЛМЫКОВЪ БОЛЬШЕ-ДЕРБЕТОВСКА- ГО УЛУСА. I. Вентзовскаго.	170
VIII. СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ И АНГЛІИ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗИИ. Статья Германа Вамбери.	192
IX. ОТНОШЕНІЯ НАРОДНОЙ ЭКОНОМИИ КЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ. Статья Рошера.	225

ЛЕОПАРДИ.

Изъ всѣхъ пѣвцовъ скорби и мрачнаго отчаянія, характеризующихъ первую половину XIX вѣка, едва ли не первое мѣсто занимаетъ величайшій изъ современныхъ итальянскихъ поэтовъ—Леопарди.

Его часто называли итальянскимъ Байрономъ, но между имъ и Байрономъ огромная разница. Байронъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ рисуетъ самого себя. Это я, то доходящее до идеала, то нисходящее до всевозможныхъ преступленій, сообщаетъ какое то однообразіе всѣмъ произведеніямъ Байрона; но тоже я составляетъ и ихъ силу. Страданія Манфреда, Чайльдъ-Гарольда, Каина и другихъ героев Байрона носятъ до такой степени отпечатокъ личнаго характера автора, что въ Каинѣ можно узнать Манфреда, въ Чайльдъ-Гарольдѣ Донъ-Жуана, или, лучше сказать, во всѣхъ одного и того же героя, скучающаго жизнью, гнушающагося людьми и постоянно слѣдящаго за общественнымъ мнѣніемъ; проклинающаго толпу и чутко вслушивающагося во все, что говорить о немъ эта толпа, презирающаго любовь, и, тѣмъ не менѣе, ищущаго женской привязанности.

Байронъ—любимецъ судьбы, которая дала ему все, что можетъ она дать человѣку: богатство, славу, любовь.—Любови

больше всего дала она ему. Уже восьми лѣтъ Байронъ влюбился въ первую Мери (потому что и третій предметъ его любви также назывался Мери); въ 12 лѣтъ онъ опять влюбленъ, и его первое стихотвореніе было внушено этою любовію. Но перечень всѣхъ тѣхъ, кого любилъ поэтъ, напомнилъ бы побѣдные трофеи какого нибудь славнаго ирокесскаго воина; локоны всѣхъ цвѣтовъ и тѣней могли бы весьма удачно фигурировать вмѣсто скальповъ.

Кто не знаетъ супружескаго романа Байрона, когда любящая, умная и прелестная дѣвушка мечтала составить его счастье, и, въ награду за всѣ свои усилія и привязанность, услышала роковое «скучно» изъ устъ своего гениальнаго супруга? кто не читалъ повѣсть трагической судьбы Катерины Лэмбъ? Бѣдная женщина страстно любила поэта; брошенная имъ, она возненавидѣла его; въ своихъ сочиненіяхъ осыпала она его насмѣшками и бранью; но когда она увидала трупъ любимаго человѣка, погасшая любовь вспыхнула съ новою силою, и лишила ее разсудка. Кто не слышалъ о графинѣ Гвиччоли, пожертвовавшей мужемъ и семейнымъ счастьемъ, для того, что бы сдѣлаться временнымъ предметомъ любви великаго поэта? Скоро и она наскучила Байрону, и онъ, пресытившись любовію, сталъ искать развлеченія въ политическихъ буряхъ. Сначала его мечтою было освобожденіе Италіи, потомъ хотѣлъ онъ ѣхать въ Америку, и наконецъ бросился въ Грецію, гдѣ нашелъ смерть, чуть ли не единственное благо, которое могло если не удовлетворить, то навѣки подавить, жажду невозможнаго личнаго счастья. Онъ умеръ на Свѣтлый Праздникъ. И, дѣйствительно, этотъ день былъ свѣтлымъ праздникомъ поэта, потому что и въ грекахъ онъ успѣлъ разочароваться, какъ разочаровывался во всемъ, и послѣднія слова его, «я хочу спать», служатъ вѣрнѣйшимъ выраженіемъ состоянія его измученной и утомленной души, желавшей только покоя.

Но жизнь Байрона—жизнь аристократа, стоящаго внѣ круга общечеловѣческихъ страданій. Его собственное страданіе такъ велико, или кажется ему такимъ, что ему нѣтъ нужды до страданій другихъ. Да и что могло быть у него общаго съ людьми? Любовь къ человѣчеству — онъ презиралъ его; любовь къ родинѣ — онъ не признавалъ родины. Если онъ и участвовалъ въ попыткахъ къ ос-

вобожденію той или другой страны, то только потому, что эта игра забавляла его, давая возможность волноваться сердцу, уже утратившему способность волноваться всѣмъ другимъ; онъ бросался въ революціи, какъ брался переплывать Геллеспонтъ. Нужны были потрясающія впечатлѣнія, что бы расшевелить его нервы. Въ теченіе всей своей жизни, какъ говорить одинъ изъ его критиковъ: «Il a usé et abusé de tout.»

Не таковъ былъ Леопарди, эта дѣйствиительно чистая личность, въ жизни котораго нѣтъ ни одного поступка, который противорѣчилъ бы его словамъ. Его слово никогда не шло въ разладъ съ дѣломъ. Его отчаяніе не ограничивается узкими предѣлами собственной личности, какъ у Байрона, не звучитъ однообразною пѣснью монохорда. Какъ бы хорошо ни игралъ виртуозъ, но если онъ оборветъ всѣ струны своей скрипки, и оставитъ только одну, на которой поетъ, изумляя слушателей своимъ дивнымъ искусствомъ, будь онъ самъ Паганини—игра его наскучитъ, если долго продлится. У Леопарди всѣ струны цѣлы; онъ поетъ свою горькую пѣснь на вполне настроенномъ инструментѣ. Онъ страдаетъ не за себя только,—за свою родину, за человечество. Его муки—муки живаго человѣка, лежащаго во гробѣ и слышащаго, что вокругъ кипитъ жизнь, жизнь знакомая ему, жизнь близкихъ ему людей—и въ этой жизни онъ не можетъ принять участія. Біографъ Леопарди, Раніери, мѣтко характеризуетъ нравственное состояніе поэта слѣдующими словами:

«Человѣкъ есть живое представленіе вселенной — онъ выражаетъ ее вполне словомъ и дѣломъ. Дѣло есть живое проявленіе мысли, но бываютъ времена и состоянія общества, когда всякое проявленіе мысли въ дѣлѣ невозможно; когда человѣку остается сосредоточить въ словѣ всю свою силу, и тогда является та половина великаго человѣка, которую называютъ писателемъ». Но Леопарди никогда не могъ помириться на этой половинѣ. Онъ самъ говоритъ: «ни одинъ умъ не создается природою для одной науки; никто не рождается затѣмъ, что бы только писать, но для того, что бы дѣйствовать, поэтому то всегда на столько выше и достойнѣе человѣка *дѣйствовать*, чѣмъ *разсуждать*, или *писать*, на сколько цѣль выше средствъ».

•

Съ такимъ взглядомъ на вещи, чисто авторская дѣятельность никогда не могла удовлетворить Леопарди, и эта невозможность дѣйствовать составляетъ одну изъ причинъ его страданій. Чувствуя отъ природы влеченіе къ общественной жизни, онъ долженъ былъ сосредоточить всю свою энергію на мысли, и такимъ образомъ его произведенія сдѣлались исторіею его жизни или исторіею его мысли. По этимъ произведеніямъ, мы постараемся прослѣдить жизнь одного изъ лучшихъ людей нашего времени, поэта — не празднаго пѣвца любви и нѣги, а человѣка и гражданина.

Графъ Джакомо Леопарди родился 29 іюня 1798 г., въ Анконской области въ Реканати. Отецъ его, графъ Мональдо Леопарди, былъ въ свое время замѣчательнымъ писателемъ; мать его принадлежала къ семейству маркизовъ Античи. Вотъ все, что мы знаемъ о родителяхъ Леопарди; на сколько они участвовали въ развитіи сына — остается неизвѣстнымъ, благодаря скуднымъ свѣдѣніямъ, какія можно почерпнуть изъ его біографіи, составленной Раніери, о которой мы упомянули выше. Повидимому, заботы родителей сосредоточивались на томъ, что бы ребенокъ учился, и для этого чуть не съ колыбели поручили его аббату Джузеппе Торресу, который пичкалъ его латинью и прочими премудростями до девятилѣтняго возраста, а потомъ передалъ другому аббату, Себастьяну Санкини, который занимался съ нимъ до четырнадцатилѣтняго возраста, когда мальчикъ выдержалъ публичный экзаменъ изъ философіи, и съ тѣхъ поръ уже не имѣлъ другихъ учителей кромѣ великолѣпной бібліотеки своего отца.

Такимъ образомъ школьное образованіе для Леопарди окончилось въ тѣ годы, когда у другихъ оно только начинается. Трудно повѣрить, что въ томъ возрастѣ, когда дѣти едва умѣютъ читать, онъ уже самостоятельно занимался, какъ занимаются только взрослые люди. Ему было всего восемь лѣтъ, когда онъ нашелъ неудовлетворительнымъ руководство, по которому учился греческому языку, и, отбросивъ грамматику, принялся изучать греческихъ писателей: онъ читалъ ихъ произведенія съ помощію лексикона, а скоро даже и безъ его помощи.

Такое преждевременное умственное развитіе очень вред-

но повліяло на его здоровье. Отъ усидчивыхъ занятій, онъ сдѣлался кривобокимъ и вообще весь организмъ его очень рано разстроился, такъ что уже въ дѣтствѣ онъ началъ страдать припадками той болѣзни, которая въ послѣдствіи свела его въ могилу. Изъ его стихотворенія «Воспоминаніе» («Le ricordanze»), мы можемъ судить какъ грустно протекали дни бѣднаго мальчика. Отъ книгъ онъ бѣгалъ къ морю, прислушивался къ его вѣчному ропоту, заглядывался на голубыя горы или скитался по длиннымъ галереямъ замка, уже мечтая и думая, или сидѣлъ на берегу ручья, *«еще не зная жизни, но уже тоскуя и готовый охотно промѣнять ее на смерть»*, и бросился въ тѣ синія волны, которыя такъ привѣтно манили ребенка.

Въ этомъ необитаемомъ и ненавистномъ Реканати (inabitabile e abominabile Recanati), говоритъ онъ, *прошла моя юность, та юность дорогая, что милле словъ и лавръ, кромѣ солнца лучей, прошла безъ любви и безъ жизни; безъ пользы, безъ радости, заваявъ безплодной долины единственный цвѣтъ.*

Зато голова неустанно работала; въ ней одной сосредоточилась жизнь бѣднаго юноши, и невольно изумляешься легкости, съ которою этотъ гениальный ребенокъ, безъ всякой посторонней помощи, пользуясь только книгами, усвоилъ себѣ языки: французскій, испанскій, англійскій, греческій и еврейскій, и послѣдній до такой степени, что могъ поспорить съ любымъ раввиномъ. Какъ владѣлъ онъ греческимъ и латинскимъ, можно судить по его переводу на латинскій языкъ, съ собственными комментаріями, «Жизни Плотина, соч. Порфирія». На этомъ произведеніи рукою отца Леопарди написано. *«Сегодня, 31 августа 1814 года, этотъ трудъ представленъ мнѣ старшимъ сыномъ моимъ Джакомо, у котораго никогда не было учителя греческаго языка, и которому сегодня минуло 16 лѣтъ, 2 мѣсяца и два дня. Мональдо Леопарди».*

Когда это сочиненіе было показано Крейцеру, то онъ не только призналъ его замѣчательнымъ ученымъ трудомъ, но многое извлекъ изъ него для третьяго тома своего сочиненія о Плотинѣ. Такимъ образомъ знаменитый ученый, всю жизнь изучавшій Плотина, могъ многое позаимствовать у 16 лѣтняго мальчика. Однимъ словомъ, ему еще не было

и 17 лѣтъ, когда онъ былъ признанъ однимъ изъ величайшихъ философовъ, такими авторитетами, какъ Нибуръ, Ватецъ, Тило, Боассонадъ, и другими.

Впрочемъ, эти труды были только приготовленіемъ къ другой дѣятельности. Леопарди прежде всего былъ поэтъ. Для поэтовъ прежнихъ временъ достаточно было одного вдохновенія и чувства. Пока человѣчество могло довольствоваться этимъ, оно съ благоговѣніемъ прислушивалось къ звуку ихъ лиръ, потому что пѣсня воспроизводила то, что жило въ душѣ каждаго. Но когда у человѣчества явились другіе интересы, оно потребовало и другихъ пѣсень отъ своихъ поэтовъ, и съ негодованіемъ и насмѣшкою отвернулось отъ тѣхъ пѣвцовъ, которые продолжали *рвать съ зефиромъ, упиваться небесною росой*, когда ихъ братья умирали съ голода или погибали въ борьбѣ за убѣжденіе. Отъ такихъ жалкихъ фразеровъ и праздныхъ мечтателей отвернулось и наше время; но, къ сожалѣнію, оно зашло въ своемъ отрицаніи слишкомъ далеко, чуть ли не до отрицанія самой поэзіи.

Между тѣмъ, поэзія есть едва ли не существеннѣйшая изъ духовныхъ потребностей человѣка. Есть ли она замысловатая бессмыслица, какъ называлъ ее Ньютонъ, или безконечное, выраженное въ конечномъ, по выраженію Шеллинга; есть ли прекрасное, къ которому она стремится, блескъ *истины*, какъ увѣряетъ Платонъ, или *добра*, какъ утверждаетъ Августинъ—одно вѣрно, что стремленіе къ идеалу необходимо человѣку, будь этотъ идеалъ даже то «прекрасное, котораго нѣтъ», какъ думалъ Руссо. Идеализмъ—религія, общая всему человѣчеству, искусство—ей вѣчный культъ. Законы, созданные людьми, могутъ сдѣлаться мертвою буквою, лишенною смысла; обычаи и нравы людей—измѣниться; государства—пасть; но стихи Гомера, картины Рафаэля, никогда не утратятъ своей красоты. Все превращается въ прахъ: одно искусство вѣчно; оно одно достигаетъ своей цѣли, наперекоръ всѣмъ усиліямъ хитросплетенныхъ теорій. У грековъ матеріалистовъ оно одухотворяло материю,—не одна же красота поражаетъ насъ въ статуяхъ древнихъ скульптуровъ; у первыхъ же христіанскихъ художниковъ, на перекоръ ихъ аскетическимъ стремленіямъ, оно матеріализировало духъ, придавая мысли тѣлесныя фор-

мы. Точно смѣясь надъ учеными, которые отвергають ее, она нашептываетъ имъ тѣ чудныя страницы, которыя дѣлають такихъ людей, какъ Декартъ, Галилей, Лейбницъ, Гумбольдтъ, Вико и друг., величайшими поэтами, хотя бы онѣ во всю жизнь не написали ни одной строчки стиховъ, не подобрали ни одной рѣимы.

Было время, когда г-жа Сталь провозглашала, какъ великую истину, que quand on a goûté de l'arbre de la science l'innocence du talent est perdue: поэтъ нашего вѣка не можетъ уже говорить, что искусство убѣгаетъ отъ науки, и открывается только чистому чувству. Если поэтъ представляетъ въ себѣ весь міръ, ему необходимо изученіе этого міра, но изученіе его, расширеніе умственного кругозора, есть только канва, подготовленная для творческой фантазіи. Оба эти элементы (разумъ и фантазія), говоритъ Раниери, должны гармонически сливаться, что бы создать поэта. У Леопарди оба находились въ полномъ развитіи, но къ нимъ присоединился еще третій, можетъ быть, также необходимый для созданія поэта — элементъ страданія. Но не одно личное страданіе внесъ онъ въ свои произведенія; страданіе являлось ему силою, разлитою въ цѣломъ мірѣ, тайною жизни, и разгадку этой тайны онъ ищетъ сначала въ книгахъ, потомъ въ мірѣ, наконецъ въ самомъ себѣ. Но чѣмъ болѣе углубляется онъ въ эти поиски, чѣмъ настойчивѣе ловить слово разгадки, тѣмъ далѣе оно убѣгаетъ отъ него, словно стѣна поднимается между имъ и объясненіемъ роковой тайны всего живущаго. Отчаявшись пробить стѣну онъ приходитъ къ тому заключенію, что страданіе и есть слово разгадки, что оно само есть причина и конецъ всего.

Конечно, такое заключеніе вызоветъ не одну улыбку у современнаго поколѣнія. *Человѣкъ можетъ и долженъ быть счастливъ. Изъ всякаго положенія можно найти исходъ* — сдѣлалось ходячими истинами, но не дай Богъ никому прилагать ихъ къ самому себѣ. Есть положенія, когда остается одинъ честный путь: пытаться лбомъ прошибить стѣну, — стѣна, конечно, не поддастся, зато лобъ поддастся навѣрное. *Человѣкъ, если захочетъ, всегда можетъ найти разумную дѣятельность, дѣятельность именно такую, которая удовлетворяла бы его душевнымъ потребно-*

стямъ, дѣлала его счастливымъ. Счастіе отъ насъ зависитъ. Если мы несчастливы, угрюмы, несообщительны, въ этомъ наша вина. Утѣшительныя, но безсильныя слова! Руссо бѣгаетъ отъ людей; Паскаль бросается въ мистицизмъ; Нерволь, Роберъ—да мало ли ихъ—лишаютъ себя жизни; Моро, проработавши цѣлый день на типографскомъ станкѣ, напивается опіумомъ, что бы не просыпаться до другаго дня, когда нужно опять будетъ приняться за утомительный физическій трудъ, который избавитъ отъ необходимости думать, заглушитъ хотя на время мучительныя мысли. А Шевченко, Помяловскій? Всѣ это сумасшедшіе? будь у нихъ мозги въ порядкѣ, они были бы счастливы? Они не умѣли пользоваться жизнію? Не такъ ли?—Можетъ быть.—Но, право, были бы конфекты, а съѣсть ихъ всякій стѣмѣетъ, лишь бы ѣсть хотѣлось. Вотъ и Руссо извѣстенъ какъ мрачный мизантропъ, а было время, когда и онъ, въ прекрасномъ замкѣ Шенонсо, ѣлъ за четверыхъ, писалъ веселую комедію, забавлялъ милыхъ дамъ, и самъ забавлялся больше всѣхъ. Всѣмъ имъ жить хотѣлось. Кому жить не хочется? Самъ Сократъ навѣрно не съ большимъ удовольствіемъ проглатывалъ цикуту, и Байронъ, вмѣсто того, что бы искать смерти въ чужой землѣ, навѣрное предпочелъ бы сидѣть у камина съ возлюбленною женою, и баюкать своего ребенка, а Моро и Помяловскій, эти талантливые люди, могли бы лучше кончить.—Да, это совершенно вѣрно.

Но вернемся къ Леопарди. Что бы придти къ послѣднему заключенію, что страданіе есть условіе жизни, ему нужно было поломать много юношескихъ убѣжденій, разбить ту дорогую мечту, которую всѣ мы носимъ въ душѣ въ переходъ ранней юности: свѣтлую вѣру въ жизнь и счастье.

Воспитанный въ благочестивомъ семействѣ и подъ вліяніемъ духовныхъ наставниковъ, Леопарди былъ очень религіозенъ въ первые годы своей молодости. Статья о народныхъ суевѣріяхъ древнихъ, написанная, въ два мѣсяца, семнадцатилѣтнимъ Леопарди, лучше всего характеризуетъ это направление. Разсмотрѣвши, съ философской точки зрѣнія, всѣ предрасудки о древнихъ богахъ, оракулахъ, магіи, снахъ и т. п., что показываетъ громадную начитанность автора,—молодой ученый окончитъ свое сочиненіе слѣдующими словами, обращенными къ религіи:

«Тотъ не можетъ назваться истиннымъ философомъ, кто не почитаетъ тебя; но признавать и чтить тебя, значить быть уже философомъ. Тотъ не извѣдалъ истинной любви, кто восторженно не любилъ тебя, кто не стремился всею душою къ Тому, Кого любить ты научаешь. Ты будешь жить вѣчно, и съ тобою несомнѣнно заблужденіе. Подъ твоимъ покровомъ найдемъ мы истину, и ты приведешь насъ къ спасенію.»

Есть что то особенно трогательное въ этомъ порывѣ дѣтской вѣры у человѣка, который гордо отбросилъ потому *всякое утѣшеніе, которымъ тѣшится міръ, всякое ожиданіе, кромѣ ожиданія смерти.*

Это настроеніе въ немъ поддерживалось до двадцатидвухлѣтняго возраста. Въ этомъ періодѣ юношеской вѣры, онъ собирался даже издать рядъ христіанскихъ гимновъ. Вотъ отрывки изъ нихъ:

«Къ Искупителю». «Ты зналъ все уже отъ вѣка, но позволь воображенію человѣческому видѣть въ Тебѣ ближайшаго свидѣтеля страданій нашихъ. Ты самъ испыталъ нашу жизнь, позналъ ея ничтожество, извѣдалъ горечь и страданіе бытія нашего — сжался же надъ муками нашими, сжался надъ бѣднымъ созданіемъ Твоимъ, сжался надъ человѣкомъ, несчастнѣе того, котораго искушилъ Ты, сжался надъ родомъ Твоимъ, такъ какъ Ты захотѣлъ быть человѣкомъ».

«Къ Создателю»: «Настанетъ время, когда не останется у меня болѣе никакой надежды, никакого прибѣжища, когда все мое упованіе возложу на смерть, тогда прибѣгну къ Тебѣ.»

Но настало время, когда у него не стало ни надеждъ, ни утѣшеній, ни вѣры. Онъ не обратился къ Богу, а съ холоднымъ отчаяніемъ отвергнулъ не только всѣ прежнія свои вѣрованія, но даже и такъ называемую естественную религію.

Многіе, и въ томъ числѣ аббатъ Джоберти, приписываютъ этотъ переворотъ въ убѣжденіяхъ Леопарди сочиненіямъ Джордани; но намъ кажется, что даже нѣтъ необходимости объяснять постороннимъ вліяніемъ это безотрадное отрицаніе. Оно было естественнымъ явленіемъ развитія геніальнаго и вполне несчастнаго человѣка.

Леопарди никогда не былъ баловнемъ судьбы, немного радостей послала она ему, да едва ли и были онъ у него;

даже любви—что, говорятъ, каждому дается—онъ никогда не зналъ, по крайней мѣрѣ не былъ любимъ взаимно. Можетъ быть, какъ всѣ люди, одаренные какимъ нибудь физическимъ недостаткомъ, онъ не вѣрилъ, что бы его могли любить, какъ онъ любилъ. А между тѣмъ, вотъ какъ описываетъ его наружность Раніери: «Онъ былъ средняго роста, тонкій и нѣсколько сгорбленный, — мы уже говорили, что еще въ дѣтствѣ онъ сдѣлался кривобокомъ; голова большая, лобъ открытый, выразительный, глаза голубые, черты лица нѣжныя, тонко очерченный носъ и губы, на которыхъ играла невыразимо привлекательная, почти небесная (*quasi celeste*) улыбка».

Первыя стихотворенія, написанныя Леопарди, были «*Изъ Италіи*» и «*На памятникъ Данте*». Стихотвореніе «Къ Италіи» вѣроятно извѣстно уже читателямъ по русскому переводу. Въ немъ поэтъ оплакиваетъ грустное положеніе Италіи, погибель дѣтей ея, умирающихъ вдали отъ родины, не за отчизну, а за ея притѣснителей.

«Міру неизвѣстны мы, умирающіе за тѣхъ, кто убилъ тебя, Италія наша», и обращаясь къ погибшимъ:

Утѣштесь, милая души,
Тѣмъ, что вамъ нѣтъ утѣшенія,
Ни въ этой жизни, ни въ будущей.

и оканчиваетъ свой суровый гимнъ, спрашивая Данте: «Духъ славный, скажи мнѣ, не погасло ли пламя, что тебя воодушевляло? Не зеленѣтъ уже вновь тому мирту, что облегчало наше горе; разсыпаны всѣ цвѣты нашей короны; тебѣ подобныя уже не встанутъ. Навѣки погибли мы, и нашему позору не будетъ конца!»

Дремавшая Италія проснулась отъ звуковъ чудной пѣсни. «*Это было адъ*, говоритъ Раніери, *воспѣтый райскою мелодіею*». Но ее поразила только давно неслышанная прелесть стиха. Дѣйствительно, стихъ Леопарди напоминаетъ лучшихъ писателей XVIII вѣка, Алфіери, Монти; притомъ онъ отличается ему одному свойственною гармоніею, наслѣдованною имъ отъ древнихъ. Онъ до такой степени усвоилъ себѣ языкъ и стихъ грековъ, что написалъ, когда ему было 18 лѣтъ, двѣ греческія оды, которыя выдавалъ за найденныя недавно сочиненія Анакреона, и знатоки не замѣ-

тили поддѣлки. Такое изученіе древнихъ сообщило ему недостижимое изящество стиха: это изящество прежде всего поразило его соотечественниковъ, которые до того увлеклись прелестію формы, что не обратили вниманія на содержаніе.

Италія находилась тогда въ томъ состояніи нравственнаго оцѣпенѣнія, когда общество силится забыть и забываетъ, погружаясь въ мелкія житейскія дразги и недалекіе интересы, всѣ высшія цѣли и неудавшіяся стремленія. Намъ знакомо по горькому опыту такое положеніе общества. Недалеко отъ насъ еще то время, когда всѣ наши интересы сосредоточивались вокругъ зеленого стола, или добродѣтели нашихъ ближайшихъ знакомыхъ, когда лучшіе люди погибали въ донкихотскихъ препирательствахъ о разныхъ возвышенностяхъ, а мы потѣшались и глумились съ филистерскимъ достоинствомъ надъ этими рыцарями слова:

«Что дѣла исполинскаго ищутъ!»

Въ такія блаженныя времена обществу только и можетъ быть доступно обаяніе формы. Такъ было и съ Леопарди. Италія съ наслажденіемъ прислушивалась къ чудной гармоніи его стиха, но ей нужно было долго вслушиваться, пока наконецъ она поняла, о чемъ звучитъ эта дивная пѣснь. Но, разобравши въ чемъ дѣло, она лѣниво потянулась, и рѣшила, что напрасно поэтъ соединилъ съ своимъ пѣвучимъ стихомъ эту древневрачную скорбь, что такое грустное содержаніе производитъ только неприятный диссонансъ съ прелестною формою. Гораздо больше по вкусу пришлось бы ей стансы о дѣвахъ прелестныхъ, да о страстной любви.

Но Германія жила иною жизнію; тамъ мысль не дремала; она уже привыкла ставить содержаніе на первое мѣсто, а форму на второстепенный планъ. Германія первая поняла, что въ этихъ звукахъ больше страданія, чѣмъ самой гармоніи, и одинъ изъ германскихъ поэтовъ сказалъ, что великая италіанская поэзія, родившаяся на устахъ Данте, пришла умереть на устахъ Леопарди.

Но скоро и въ Италіи показали признаки пробужденія. Первое движеніе началось въ литературѣ. Анджело Май, ученый антикварій, открылъ и издалъ письма Фронтонна, потомъ «Республику» Цицерона—*мертвецы просыпались и говорили міру, что не умерла Италія, что нужна только*

искра, что бы вновь вспыхнуло пламя жизни. Въ Флоренціи явился литературный сборникъ, въ которомъ принимали участіе всѣ молодые таланты Италіи. Этотъ сборникъ назывался «Anthologia». Мандсони, Берше, Гросси и только что начавшій свое литературное поприще, но уже равный имъ, Леопарди, помѣщали здѣсь свои труды. Въ этомъ же 1820 году появилась «Carmagnola» Мандсони. Закипала иная жизнь, и все, что было даровитаго въ Италіи, отозвалось на призывъ родины. Какъ же страстно должно было отозваться сердце человѣка, который такъ горячо любилъ свою милую Италію!

Леопарди написалъ посланіе къ Анджело Майи, гдѣ говорить на своемъ чудномъ языкѣ: «зачѣмъ воскресаютъ мертвые? значить милосердно еще къ Италіи небо; одинъ изъ безсмертныхъ печется о насъ». И потому слѣдуютъ горькія строфы, гдѣ только и слышится одно горе. Онъ вспоминаетъ Аріоста, Тасса, Колумба, Петрарку, которому говорить: «твоя жизнь была плачемъ, но ты былъ счастливѣе насъ. Наши члены сковала скука, а ничтожество неподвижно сидитъ возлѣ насъ отъ колыбели до могилы». Наконецъ, Леопарди оканчиваетъ, обращаясь къ Анджело Майи.

«Пробуждай мертвыхъ, когда спать живые:
Заставь говорить давно замолчавшихъ
Древнихъ героевъ, авось наконецъ,
И этотъ вѣкъ грязи жизни захочетъ,
На славное дѣло возстанетъ
Или хотя себя устыдитъ.»

Я стараюсь передать только смыслъ, съ буквальною точностію, что бы показать сколько силы въ этихъ словахъ.

Такое сочувствіе къ революціоннымъ идеямъ очень не понравилось отцу Леопарди; еще болѣе оскорбило его отреченіе сына отъ вѣрованій, которыя внушали ему съ дѣтства. Сначала это несходство убѣжденій произвело только холодность отношеній между отцомъ и сыномъ, и, не живи они вмѣстѣ, можетъ быть, на этомъ и остановилось бы дѣло и не дошло бы до серьезныхъ непріятностей, по крайней мѣрѣ, не перешло бы въ положительную непріязнь. Но Леопарди жилъ у отца, и въ матеріальномъ отношеніи вполне зависѣлъ отъ него. Отецъ его былъ человѣкъ далеко не глу-

ный, не дюжинный, но можетъ быть именно поэтому считалъ себя въ правѣ быть недовольнымъ и выражать свое неудовольствіе. Начались тѣ мелкіе булавочныя уколы, которые могутъ привести въ бѣшенство самаго хладнокровнаго человѣка: что же долженъ былъ испытывать Леопарди, нервный, впечатлительный, больной, котораго должна была раздражать всякая малость? Скоро жизнь въ домѣ отца сдѣлалась для него невыносима, а избавиться отъ нея, уѣхать, у него не было средствъ. Отецъ же, если и давалъ деньги, то очень неохотно, торгуясь за каждый грошъ. А было время, когда этотъ самый отецъ страстно любилъ сына, восхищался, гордился своимъ первенцомъ; но тогда еще птенецъ не расправлялъ своихъ крыльевъ, хотя и видно было, что вышелъ орелъ, а не цыпленокъ; все-таки не приходило въ голову, что орденку покажется тѣсно въ своемъ родномъ курятникѣ, что захочетъ онъ другой жизни и другаго юрма.

Наконецъ, въ 1822 г., Леопарди въ первый разъ оставилъ Реканати, и въ ноябрѣ пріѣхалъ въ Римъ. Здѣсь его дружески принялъ кружокъ ученыхъ, которымъ онъ уже былъ извѣстенъ по своимъ филологическимъ трудамъ. Между прочимъ, онъ познакомился съ Нибуромъ, который хотѣлъ доставить ему мѣсто у кардинала Консальви, но соглашались на это только подъ условіемъ принятія духовнаго званія, на что Леопарди не согласился. Тогда Нибуръ предложилъ ему, отъ имени своего отечества, котораго онъ былъ достойнѣйшимъ представителемъ, каѳедру философіи въ Берлинѣ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ писалъ онъ о Леопарди своимъ соотечественникамъ:

«Представляю вамъ Дж. Леопарди, какъ одно изъ украшеній Италіи въ ея настоящемъ и какъ одну изъ ея вѣрнѣйшихъ надеждъ въ будущемъ.»

Но напрасно Германія предлагала ему то, что онъ съ радостію принялъ бы отъ своей родины, и чего несчастная Италія не могла ему дать.

Въ Римѣ большую часть дня онъ проводилъ, или роясь въ манускриптахъ барбеньянской бібліотеки, или гуляя среди развалинъ вѣчнаго города, допрашивая памятники былаго горя, и страдая своимъ живымъ горемъ. Въ это время онъ составилъ каталогъ греческихъ рукописей этой бібліо-

теки, напечаталъ въ «*Effemeridi litterarie Romane*» нѣсколько статей о Филонѣ, о «Республикѣ» Цицерона, и написалъ большую критическую диссертацию о хроникѣ Евсевія, изданной неутомимымъ Май. Если бы здоровье ему позволяло, то онъ предался бы вполне археологическимъ трудамъ, и Май нашелъ бы себѣ достойнаго сотрудника, но здоровье Леопарди сильно разстроивалось, и въ маѣ 1823 года онъ уже чувствовалъ себя очень плохо...

Римъ не доставилъ ему того наслажденія, котораго онъ ожидалъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, Леопарди жалуется на библиотечарей, на *la infame gelosia de bibliotecarii* *), какъ онъ выражается, которые дѣлали почти недоступными библиотеки, пользуясь разными узаконеніями, потворствуя собственной лѣности. Да вѣроятно и его личныя средства были очень незначительны, и, не имѣя возможности получить какое нибудь опредѣленное мѣсто, отчаявшись добиться какой нибудь общественной дѣятельности, разочарованный, больной, онъ долженъ былъ возвратиться въ свое ненавистное Реканати.

И опять началось для него мучительное одиночество. Насильственно заключенный судьбою въ узкую клѣтку домашней жизни, онъ силился заглушить въ себѣ жажду другой обстановки, подавить свои юношескія стремленія къ счастью. Какъ средневѣковые монахи толкли воду, или рыли колодези въ песчаныхъ безводныхъ степяхъ, что бы усмирить бушующія страсти, такъ Леопарди старался забыть все существующее и самаго себя, бичуя себя сухимъ изученіемъ софистовъ и риторовъ П вѣка. Но всего труднѣе убить молодость: думаешь, вотъ сердце уже перестало биться, а оно все живетъ, и живетъ какъ та христіанская мученица, надъ которою истощилась вся изобрѣтательность палачей. Опять просыпалось бѣдное двадцатичетырехлѣтнее сердце, и неотвязно, неустанно просило счастья, а жалкій и безъ того разстроенный организмъ разру-

---

*) Въ Римѣ въ то время иностранцамъ, и особенно нѣмцамъ, было предоставлено свободное пользованіе библиотеками, музеями и пр.; для итальянцевъ же доступъ туда былъ крайне затруднителенъ.

шался болѣе и болѣе, и *неумолимая природа*, какъ говорить Раніери, *подвигалась, шикогда не останавливаясь въ своей смертоносной работѣ*.

Такъ прошли два года, въ которые написаны первыя десять стихотвореній (изданіе Раніери: *Opere di Giacomo Leopardi. Firenze 56*). Въ іюль 1825 года, его вызвалъ въ Болонію издатель Стелла, который въ письмѣ къ Леопарди называетъ его *небывалымъ сокровищемъ учености*. Бѣдный поэтъ точно вырвался изъ когтей смерти; онъ на время отдохнулъ здѣсь отъ своихъ страданій среди людей, искренно къ нему расположенныхъ; онъ провелъ въ этомъ городѣ болѣе года, занимаясь корректурою перваго изданія своихъ стихотвореній. Первыя три: *Къ Италиі, На памятникъ Данте, Къ Анджели Маи*, были уже напечатаны; остальные же въ первый разъ выходили въ свѣтъ. Все это собраніе стихотвореній дышетъ величественною скорбію: это не плаксивая сентиментальность Рене или Оберона, а суровое горе древняго римлянина, пережившаго всѣ муки, извѣданныя міромъ съ тѣхъ поръ, какъ Римъ пересталъ быть міромъ.

Въ это изданіе вошла и пѣснь къ веснѣ. Какъ хороша этотъ чисто древній гимнъ, гдѣ поэтъ говоритъ:

Vivi tu, vivi, o santa
Naturali vivi e il dissuito crecchio
Della materna voie il suono accoglie.

Или его послѣдняя пѣснь Сафо! А какъ высоко Леопарди ставилъ женщину! Прочтите его стихотвореніе «На свадьбу сестры Паолины», и вы убѣдитесь, что болѣе возвышенной роли для женщины нельзя и желать. Онъ не требуетъ для нея никакихъ новыхъ правъ, никакого вѣшняго измѣненія ея соціального положенія. Онъ не заботится о томъ, что бы женщина выходила изъ круга обычныхъ своихъ обязанностей подруги, матери и воспитательницы. Онъ только убѣждаетъ ее быть честною подругою и честною матерью.

И вліяніе ея будетъ такъ велико, что, по словамъ Леопарди, на нее отчизна можетъ возложить свои лучшія надежды. Я попытаюсь, по возможности, передать въ букввальномъ переводѣ это стихотвореніе:

Безмолвіе крова роднаго покинувъ
И призраковъ міръ, и блаженныхъ мечтаній,
Небесный тотъ даръ, что такъ краситъ пустынный

Нашъ берегъ во взорѣ твоємъ: и вогъ ты
 Рукою судьбы нынѣ брошена разомъ
 Въ пучину житейскихъ тревогъ и волненій.
 Узнай же заранѣ позорную долю,
 Что небо жестокое намъ посылаетъ:
 Въ годину тяжелой борьбы и страданій,
 Сестра, ты подарилъ несчастной Итали
 Новыхъ несчастныхъ семью. И ты знай, что
 Безжалостный рокъ и дышать не даетъ
 Свободно душѣ благородной,—хотя бы
 Въ прелестной груди пріютилась она.
 О будь же дѣтямъ своимъ твердымъ примѣромъ:
 Ихъ ждетъ вѣдь одно: подлецами
 Должны они быть, или несчастными. Лучше
 Страданіе дай имъ въ удѣлъ. Вѣдь развратный
 Нашъ вѣкъ между счастьемъ и честію
 Громадную пропасть поставилъ.
 Увы, слишкомъ поздно, лишь къ вечеру жизни,
 Мы смыслъ познаемъ нашихъ дѣлъ.
 Но, ради небесъ, ты душою не падай
 И пусть твоей высшей заботою будетъ,
 Что бы дѣти твои не содѣялись счастья
 Друзьями; ни страха презрѣннаго, или
 Надежды игрушкой. И въ вѣвѣ грядущемъ
 Прославлены будете вы, потому что
 (Таковъ лицемѣровъ печальный обычай)
 Всегда добродѣтель живую даримъ мы
 Презрѣніемъ; во гробѣ лежащую хвалимъ.

О, женщины! много надеждъ
 На васъ возлагаетъ отчизна!
 Не ради жъ позора и гибели рода людскаго,
 Могучая дана вамъ власть:
 Все мужество наше и пылкую страсть
 Лучемъ вашихъ глазъ побѣждать.
 Въ васъ ищеть опоры и сильный и мудрый —
 Чуть солнце божественный путь свой окончитъ,
 Слѣзится отдохнуть онъ на вашей груди.
 Свѣтъ лучшей поры нашей жизни,
 Я къ вамъ мою пѣснь обращаю!
 Не вы ли гасили преступной рукою
 Юности нашей пламя святое?
 Не вы ли насъ усыпили? Въ рабовъ недосгойныхъ,
 Безсильныхъ и жалкихъ глупцовъ,
 Отчизны дѣтей обратили?

Далѣе пусть переведеть тотъ, кому это по силамъ; пусть
 передастъ тѣ огненные строфы, гдѣ поэтъ умоляетъ женщинъ

что бы взглядъ ивъ зажегаль высокое чувство во душь чело-
 вѣвка, а тому, кто бѣжитъ отъ борѣбы, въ чьѣмъ сердцѣ
 живутъ только помыслы низкіе и пошлыя чувства, то-
 му, кто недостойнъ отчизны, въ удѣль доставались бы
 только ненависть и презрѣніе. Что бы сердца женщивъ
 дѣйствительно горѣли любовію къ людямъ, а не къ тѣмъ
 жалкимъ ребятамъ, которыя такъ дорого цѣнятъ свое по-
 стыдное настоящее.

Въ заключеніе, указывая на славныхъ предковъ, которымъ
 такъ много обязано отечество, Леопарди молятъ матерей на-
 учить свое юное поколѣніе *за честное дѣло страдать*, и
 приводить въ примѣръ Виргинію, предпочевшую смерть
 позору и воскресившую этуо смертію свою родину.

Убей меня, пусть моя кровь
 Даетъ жизнь и дыханіе Риму.

говорить Виргинія.

Такъ и нынѣ *погребенный подо праздностію вѣчный*
Римъ отъ женщины ждетъ своею вторичною воскрес-
енія, прибавляетъ поэтъ.

Стихотвореніе «Брутъ младшій» (il Bruto minore) самъ Лео-
 парди признаетъ какъ бы своимъ profession de foi.

«Не любятъ боги, говоритъ Леопарди, устами Брута, когда
 мы насильственно въ тартаръ нисходимъ: для развлеченія
 ихъ праздности необходимо зрѣлище нашихъ мученій.»

Это стихотвореніе лучше всего характеризуетъ душевное
 настроеніе Леопарди. Онъ ему предпослалъ въ первомъ из-
 даніи «сравненіе двухъ сентенцій Брута младшаго и Тео-
 фраста», которое какъ бы дополняетъ мысли, выражаемыя въ
 его стихотвореніи, изъ котораго мы сдѣлаемъ нѣкоторыя
 извлеченія.

Я не думаю, говоритъ Леопарди, что бы во всей древней
 исторіи можно было найти что нибудь печальнѣе и, говоря
 почеловѣчески, справедливѣе словъ Брута: «добродѣтель,
 ты одно пустое слово!» Тѣ, кого скандализируютъ или при-
 водятъ въ негодованіе эти слова, показываютъ этимъ или то,
 что они никогда не состояли въ близкихъ отношеніяхъ къ
 добродѣтели, или никогда не были несчастны. Въ всякомъ
 случаѣ, такіе господа плохо понимаютъ жизнь и природу ве-
 щей, и забываютъ, что во времена Брута жить и страдать

еще не было синонимомъ и догматомъ вѣры. Также ошибаются тѣ, которые увѣряютъ, что вся жизнь Брута была одною комедіею, что, умирая, онъ срывалъ маску и бросалъ эти слова, какъ послѣдній вызовъ, какъ насмѣшку надъ людьми, что онъ просто рисовался въ послѣднюю минуту. Трудно допустить, что бы человѣкъ, глубоко несчастный, рѣшившись покончить съ жизнію и избавиться отъ людей, умирая, подбиралъ эффектные слова, и желалъ поразить удивленіемъ тѣхъ, кого презиралъ.

Но слова Брута сдѣлались, можно сказать, хотякою монетою, между тѣмъ какъ слова Теофраста, имѣющія почти одинаковое значеніе, далеко не такъ извѣстны. Вотъ они: *любовь къ славы такъ же вредна, какъ все другое. Живите счастливо и оставьте въ покое науку, которая требуетъ большихъ усилій.* Представимъ же себѣ теперь, что эти слова говоритъ добровольно умирающій, болѣе чѣмъ столѣтній старецъ, всю жизнь посвятившій наукѣ, окруженный двумя тысячами учениковъ, прославленный во всей Греціи. И этотъ старикъ, въ послѣднюю минуту своей жизни, отрекается отъ божества, которому служилъ всю жизнь!

Такое отступничество въ наше время, продолжаетъ Леопарди, не рѣдкость. Мы легко перестаемъ вѣрить въ великодушныя заблужденія, во все то, что больше подходитъ на жизнь, чѣмъ на смерть. Съ теченіемъ вѣковъ, умъ человѣческій открылъ не только наготу, но и скелеть вещей, и мудрость, врачевавшая и утѣшавшая, по мнѣнію древнихъ, во всѣхъ несчастіяхъ—у насъ ограничивается тѣмъ, что показываетъ всю глубину нашихъ бѣдствій. Но у древнихъ, еще вѣрившихъ въ то, что вещи суть вещи, а не призраки вещей, что жизнь дана не для однихъ страданій, такія отступничества были очень рѣдки: они основывались не на порывахъ страстей, а на глубокомъ изслѣдованіи истины, и потому особенно заслуживаютъ нашего вниманія.

Слова Теофраста тѣмъ болѣе должны удивлять насъ, что жизнь его была далеко не печальна. Едва ли онъ имѣлъ право жаловаться на нее. Слова Брута были вызваны его собственнымъ несчастіемъ, а страданіе для человѣка—тоже что

вдохновеніе для поэта; оно разомъ открываетъ ему то, до чего другіе доработываются вѣками.

Страдая, человѣкъ становится на ту недостижимую высоту, откуда ему все видно, все ясно. Но это прозрѣніе всетаки отдѣльный частный случай, хотя и весьма не рѣдкій. Во всѣхъ почти древнихъ писателяхъ можно найти весьма много грустныхъ сентенцій, которыя теперь уже сдѣлались трюизмами; но всѣ онѣ высказались подъ вліяніемъ частнаго бѣдствія; вообще же древніе твердо вѣрили, что счастье возможно и свойственно человѣку, что оно есть его удѣлъ, если только судьба не воспрепятствуетъ этому.

Что же могло убѣдить Теофраста въ томъ, что слава дымъ; а слава у древнихъ была почти синонимомъ добродѣтели, слѣдовательно онъ говорилъ тоже, что и Брутъ? Во-первыхъ, знаніе этого философа не ограничивалось какою нибудь отдѣльною отраслю, но обнимало все сущее, т. е. все то, что можно было тогда знать. И это знаніе не подчинялось у него воображенію, какъ у Платона, а разуму и опыту, какъ у Аристотеля; онъ не искалъ прекраснаго, а противоположнаго, т. е. истину. Слѣдовательно, его убѣжденіе, что знаніе бесполезно, не пустая фраза. За это его возненавидѣли тѣ лицемѣры, которые утверждали, что добродѣтель, или мудрость, достаточна для счастья, хотя собственнымъ опытомъ знали, что это ложь. Но Теофрастъ вовсе не желаетъ колебать другихъ въ вѣрѣ въ призраки, утѣшающіе человѣчество, и свою горькую истину онъ старается смягчить слѣдующими словами: *впрочемъ, мнѣ уже нѣтъ времени размышлять, рассмотрите сами что удобнѣе*. Такъ что, умирая, онъ какъ будто боялся уничтожить въ другихъ возможность стремиться, добиваться, т. е. вѣрить во что нибудь. Онъ самъ уже не вѣрилъ, но другіе еще вѣрили.

Не таково было положеніе Брута. Уже призраки исчезали, и истина болѣе и болѣе начинала брать верхъ. Міръ древній кончался; его послѣдніе представители не хотѣли признать, что человѣкъ прямо и просто раждался для страданія, и прибѣгали къ вѣрѣ и ожиданію другой жизни, гдѣ долженъ былъ свѣтить тотъ лучъ, котораго уже не было на землѣ. И Брутъ Леопарди не ищетъ ни блаженства, ни утѣшенія, и гордо говорить, умирая:

Men duro è il male

Che girago non ho? dolor non sente chidisperanza è nudo?

(Менѣ тяжко бѣдствіе, котораго поправить нельзя. Тотъ не чувствуетъ страданія, кто лишенъ надежды).

Во время своего пребыванія въ Болоньѣ, онъ издалъ, кромѣ этихъ стихотвореній, еще нѣсколько граціозно грустныхъ элегій, гдѣ въ первый разъ онъ говоритъ о своей любви *Alla sua donna*. Раніери увѣряетъ, что Леопарди любилъ двухъ женщинъ, и ни разу не былъ любимъ взаимно.

1825 и 1826 годъ Леопарди провелъ отчасти въ Миланѣ, и отчасти въ Болоньѣ. Денежныя средства его были такъ скудны, что онъ принужденъ былъ заняться изданіемъ итальянской хрестоматіи, или отрывковъ изъ лучшихъ писателей, что бы чѣмъ нибудь содержать себя. Въ то же время онъ издалъ сочиненія Петрарки съ своими комментаріями. Но болѣзненные припадки возвратились съ новою силою, и въ ноябрѣ 1826 года онъ отправился обратно въ Реканати.

Его страданія, говоритъ Раніери, не позволяли ему отдохнуть среди семейныхъ радостей, которыя составляютъ всегда или самое большое благо, или самое меньшее зло для человѣка. Болѣзнь ли его или окружающіе были тому причиною, но онъ былъ чрезвычайно несчастливъ дома, а между тѣмъ неугасимымъ инстинктомъ человѣчества онъ все стремился къ тому счастью, о суетѣ и ничтожествѣ котораго писалъ и говорилъ. Не находя покоя и точно гоняясь за призракомъ, а можетъ быть и за предметомъ той любви, о которой такъ неясно упоминаетъ Раніери, онъ уѣхалъ снова въ Болонью, а оттуда, черезъ два мѣсяца, во Флоренцію.

Здѣсь онъ провелъ едва ли не лучшіе дни своей жизни. Чудный воздухъ, запахъ цвѣтовъ, гармонія языка, благодушіе правительства, граціозная прелесть женщинъ и красота произведеній искусствъ, дѣлали жизнь похожею на сладкій сонъ, отгоняли страданіе, заставляли большого вѣрить въ счастье, и лучъ жизни и надежды, говоритъ Раніери своимъ цвѣтистымъ языкомъ, пробивался въ его охладѣвшее сердце, какъ пробиваются трава и цвѣты сквозь камни дороги.

Здѣсь же, 29-го іюня 1827 г., въ день своего рожденія,

онъ въ первый разъ встрѣтился съ Раніери, авторомъ исторіи королевства Неаполитанскаго, и съ этого дня они почти не разставались.

Въ этомъ же году изданы *Opere* *mogali*, прежде напечатанныя въ разныхъ журналахъ.

Это рядъ поэмъ въ прозѣ. Читая ихъ, увлекаешься глубиною мыслей; кажется, что видишь какое то фантастически прекрасное видѣніе, драму. Я передамъ, какъ могу, содержаніе «*Разговора природы съ душою*», хотя сознаю свое безсиліе дать понятіе о прелести этой маленькой поэмы.

— Иди, дочь моя, любимица моя, какъ будутъ называть тебя, будь велика и несчастна.

— Но какой же грѣхъ совершила я для того, что бы быть несчастною.

— Всѣ люди рождаются, что бы быть непременно несчастными.

— Не разумнѣе ли было бы сдѣлать ихъ непременно счастливыми, или вовсе не посылать ихъ въ міръ?

— Ни то, ни другое, не зависитъ отъ меня. Судьба велѣла тебѣ вдохнуть жизнь въ человѣческое существо. Ты должна жить и страдать, но, кромѣ общаго всѣмъ страданія, ты будешь страдать еще за совершенство, которымъ надѣлена ты. Но зато тебѣ дастся слава, которою ты будешь наслаждаться послѣ смерти, хотя при жизни и будутъ презирать тебя, а прахъ, въ которомъ ты жила, будетъ покоиться въ великолѣпномъ гробѣ.

— Но какая польза будетъ мнѣ въ славѣ послѣ смерти, если она не даетъ мнѣ счастья при жизни?

— Дочь моя! я уже сказала тебѣ, что люди должны быть несчастны, но славу они считаютъ самымъ большимъ благомъ.

— Но нѣтъ ли такихъ созданій, которыя меньше чувствовали бы и меньше страдали бы, чѣмъ люди?

— Есть: растенія и животныя.

— Сдѣлай же меня однимъ изъ нихъ, или надѣли самымъ большимъ безсмысліемъ.

— О, это я могу сдѣлать, если ты отказываешься отъ безсмертія, къ которому я готовила тебя.

— А въ замѣнъ безсмертія, пошли мнѣ поскорѣе смерть.

— Объ этомъ я поговорю съ судьбою.

Въ такомъ же родѣ есть еще нѣсколько разговоровъ, напримеръ: «Разговоръ Тассо съ духомъ», который оканчивается вопросомъ Тассо:

— О, духъ! скажи мнѣ, гдѣ обитаешь ты?

Духъ. А ты еще не догадался?— Во всякомъ благородномъ напитокѣ.

Или «*Разговоръ исландца съ природою*». Исландецъ бѣжитъ отъ природы, считая ее источникомъ всѣхъ страданій, и совершенно неожиданно встрѣчаетъ ее лицомъ къ лицу. Но природа успѣваетъ убѣдить его, что страданіемъ только и держится міръ, что все въ немъ только разрушается, что бы вновь созидаться, и созидается, что бы разрушаться.

— Но что разрушается страдаетъ, говоритъ наконецъ несчастный исландецъ, кто разрушаетъ также не наслаждается, и въ свою очередь разрушится; скажи же мнѣ то, чего не могъ мнѣ сказать ни одинъ философъ: кому доставляетъ удовольствіе или радость несчастная жизнь вселенной, которая поддерживается только страданіемъ и смертію всѣхъ ея составныхъ частей?

Тутъ страшный порывъ вѣтра свалилъ исландца и насыпалъ надъ нимъ великолѣпный мавзолей изъ песку.

— Но отвѣтъ ли это— полно?

Далѣе, въ своей «*Исторіи рода человѣческаго*», исторіи очень, очень грустной, поэтъ рассказываетъ, что только одна изъ безсмертныхъ богинь, по имени *Любовь*, иногда сходитъ на землю, что бы утѣшать бѣдныхъ людей, но рѣдко, рѣдко удается ей соединить два сердца, которыя равно любили бы другъ друга.

Интересенъ еще разговоръ Рюйта съ своими муміями. Разъ, проснувшись, Рюйтъ услышалъ, что мертвецы поютъ, пошелъ посмотрѣть—и страхъ его охватилъ: всѣ его муміи ожили. Какъ ни трусилъ бѣдняга, однако же при мысли, что живыхъ постояльцевъ нужно кормить, страхъ прошелъ, и Рюйтъ началъ бесѣдовать съ мертвецами, но передавать содержаніе этого разговора я отказываюсь. Иногда Леопарди напоминаетъ Гейне: то же остроуміе, та же улыбка сквозь слезы; но мысль италіянскаго поэта глубже, улыбка задумчивѣе. У Гейне на первомъ планѣ чувство, у Леопарди мысль.

Но знакомить читателя съ произведеніями Леопарди зна-

чить переводить ихъ, а какой переводъ можетъ передать чудную прелесть его языка?

Вотъ нѣсколько мыслей изъ «*Изреченій Филиппа Оттоніери*». Это произведеніе—нѣчто въ родѣ автобіографіи Леопарди. Подъ именемъ Оттоніери, онъ рисуетъ самого себя. Оттоніери, говоритъ Леопарди, ненавидѣли его сограждане, потому что ему не доставляло удовольствія то, къ чему они стремились, и чего добивались, хотя онъ никогда не порицалъ никого изъ нихъ.

Онъ часто любилъ философствовать, какъ Сократъ, съ простыми людьми, только не съ лавочниками и бапмачниками (потому что аѳинскіе лавочники и ремесленники имѣли для этого болѣе свободнаго времени, чѣмъ наши), а съ своими слугами. Сократъ былъ его любимымъ философомъ. Вотъ что онъ говорилъ о немъ: «Сократъ родился съ душою, очень расположенною къ страстной любви, но, въ слѣдствіе своей несчастной наружности, еще въ молодости отчаялся въ возможности внушить къ себѣ другое чувство, кромѣ дружбы, которая не можетъ вполне удовлетворить пылкое сердце, способное къ болѣе нѣжному чувству. Сократъ принужденъ былъ ограничить свою дѣятельность разсужденіями, потому что судьба отказала ему въ богатствѣ, въ способности къ общественнымъ дѣламъ и даже въ любви.»

Легко видѣть, что въ этихъ словахъ Леопарди высказываетъ свою печальную судьбу.

Вотъ еще нѣсколько мыслей оттуда же. Каждый изъ насъ, входящій въ міръ, похожъ на человѣка, который ложится спать на твердую, неудобную постель, и какъ только ляжетъ, чувствуетъ это неудобство, но перемѣняетъ положеніе, ворочается съ бока на бокъ, и все думаетъ: «вотъ теперь засну—глядитъ и ночь уже прошла, и приходится встать нисколько не отдохнувши.»

Отчего нѣтъ людей, вполне довольныхъ?—Отъ того, что нечѣмъ довольствоваться. Человѣка также не трудно удовлетворить, какъ и всякое животное. Но онъ можетъ довольствоваться только счастьемъ, а не зная счастья, какъ же онъ можетъ быть доволенъ?

Напрасно думаютъ, что человѣкъ можетъ избавиться отъ власти судьбы. Онъ весь былъ, есть и будетъ въ ея волѣ. «Зачѣмъ родятся люди?—Что бы знать, на сколько было бы

полезнѣе вовсе не родиться.» А вотъ одна мысль, которая какъ будто указываетъ на собственное разочарованіе поэта:

«Легче потерять любимое существо вдругъ, чѣмъ терять его постепенно. Если смерть или другое несчастье похищаетъ его внезапно, у тебя въ душѣ остается его образъ, и память твоя представляетъ его тебѣ такимъ, какимъ ты зналъ его. Но когда милое и дорогое существо измѣняется и разрушается мало по малу, тогда въ сердцѣ не остается даже пріятнаго образа, а какое то искаженное представленіе дорогаго предмета, которое можетъ только терзать тебя.» Далѣе: «Люди раздѣляются на три разряда. Одни, въ которыхъ искусство и условія гражданской жизни совершенно преобразовали естественную общечеловѣческую натуру. *Такие* люди особенно способны къ частнымъ и общественнымъ дѣламъ, и вообще пользуются уваженіемъ общества. *Другие*, по своей неразвитости или узкости пониманія, не способны воспринимать впечатлѣній искусства, опыта и примѣра—это самый многочисленный разрядъ,—это толпа, какое бы общественное положеніе они ни занимали. *Третьи*—ихъ меньше всѣхъ—которые, по избытку своихъ природныхъ силъ, не могутъ подчиняться обычному образу жизни, или заимствуютъ отъ него такъ мало, что это не научаетъ ихъ ни вести своихъ дѣлъ, ни управлять людьми. Этотъ разрядъ имѣетъ два вида: *одни*, презирающіе тѣхъ, кто ихъ презираетъ, и бѣгущіе отъ тѣхъ, кто ихъ убѣгаетъ—такихъ очень немного; у *другихъ* къ силѣ примѣшивается какая то робость и слабость; не имѣя достаточно силы воли, что бы отказаться отъ сношеній съ людьми, они, несмотря на сознаніе, что общественное поклоненіе не всегда обращается къ уму и таланту, стараются добиться этого поклоненія, что имъ никогда не удается.

«Главная потребность души человѣческой—чѣмъ нибудь занять жизнь: эта потребность сильнѣе даже самой потребности *жить*; вѣдь жизнь безъ счастья не составляетъ блага, а ничѣмъ невзанятая жизнь—самое большое несчастіе.

«Вотъ человѣкъ и старается создать себѣ занятіе; а удовлетвореніе собственныхъ потребностей есть именно такое занятіе, при которомъ жизнь наименѣе несчастна.

«*Большее всего мучатся тѣ, которые ищутъ самаго боль-*

шаго счастья: отсюда слѣдуетъ, что счастливѣе другихъ тѣ, которые могутъ и привыкли довольствоваться малымъ; а когда не станетъ у нихъ и этого малаго счастья, они все-таки наслаждаются, пережевывая его въ своей памяти.

Противъ сѣтованій людей на природу, она можетъ возражать словами Стратокла къ аеинянамъ: «За что жалуетесь вы на меня; развѣ не кормилъ и не угощалъ я васъ по три и по четыре дня?» А природа развѣ не угощаетъ насъ,—да не по три и не по четыре дня?

Тому юношѣ, который утверждалъ, что жизнь есть комедія, онъ сказалъ: «и въ комедіи лучше получать аплодисменты, чѣмъ свистки, и актеръ, незнающій своего искусства, или плохо исполняющій свою роль, кончаетъ тѣмъ, что умираетъ съ голоду.»

Страшную зиму 1829—30 г. Леопарди провелъ въ послѣдній разъ въ Реканати. Здѣсь онъ написалъ: «*Воспоминаніе*,» «*Воскресеніе*,» «*Любовь*» и «*Смерть*», и еще нѣсколько болѣзненно-печальныхъ стихотвореній. Тогда же написаны его послѣдніе ученые труды: «*Мученичество Св. Отцовъ*» и переводъ рѣчи Гемиста Плетона, оратора временъ упадка Римской имперіи.

Въ послѣднихъ его стихотвореніяхъ уже не звучитъ ни одной веселой ноты. Оплакавши всѣ иллюзіи, которыми тѣшится человѣчество, онъ заканчиваетъ свой страшный гимнъ роковыми словами: *судьба, необходимость, смерть*.

Нельзя безъ боли читать письмо Леопарди къ друзьямъ, напечатанное имъ въ предисловіи къ послѣдному изданію своихъ стихотвореній:

«Дорогіе друзья!

«Вамъ я посвящаю эту книгу, въ которой, какъ часто бываетъ, я старался поэзіею освятить мое горе. Эта книга—мое послѣднее прощаніе и съ литературою, и съ учеными занятіями. Я надѣялся, что эти занятія будутъ утѣшеніемъ моей старости, что, лишившись всѣхъ удовольствій, потерявши всѣ радости дѣтства и юности, мнѣ останется одно наслажденіе, которое не можетъ отнять у меня никакая сила, никакое несчастіе. Но мнѣ не было еще двадцати лѣтъ, когда разстройство нервовъ и всего организма, теперь липающее меня возможности пользоваться жизнію и недающее даже надежды на смерть, принудило меня болѣе

чѣмъ на половину уменьшить и это единственное удовольствіе моей жизни, и вотъ уже два года, какъ я принужденъ отказаться совсѣмъ отъ этой надежды, и конечно навсегда. Вы знаете, что я самъ уже не могъ читать этихъ страницъ, которыя вамъ посылаю и, что бы поправить ихъ, долженъ былъ прибѣгнуть къ глазамъ и рукамъ другаго. Я не жалуюсь болѣе, дорогіе друзья,—несчастіе мое такъ велико, что выразить его словами невозможно. Я все потерялъ. Я трупъ, только трупъ, сознающій и чувствующій свое страданіе. Все мое утѣшеніе въ васъ, и если бы я могъ пользоваться всегда вашею дружбою, я еще былъ бы счастливъ; но чувствую, что скоро настанетъ время, когда я долженъ буду отказаться отъ всякаго общества, и доживать мои послѣдніе дни въ обители скорѣе мертвыхъ, чѣмъ живыхъ. Нѣтъ, и тамъ ваша дружба не оставитъ меня, она и тогда будетъ со мною, когда тѣло мое станетъ прахомъ.

Вашъ Леопарди.»

Въ прежнихъ его стихахъ если не было выраженія счастья, такъ по крайней мѣрѣ были страницы, въ которыхъ сказывалась молодость поэта, чувствовалось, что онъ любить, что, грустны или радостны эти страницы, но онѣ освѣщены золотымъ лучемъ юности и любви. Здѣсь же одно безвыходное отчаяніе.

Осенью 1830 г., простившись съ родными и съ нѣжно любимою имъ сестрою Паолиною (которой онъ посвятилъ приведенное нами выше стихотвореніе), Леопарди поѣхалъ еще разъ въ Болонью, а оттуда въ Флоренцію. Здѣсь какъ будто судьба сжалилась надъ бѣднымъ нелюбимымъ своимъ дѣтищемъ, и захотѣла хотя передъ концомъ его утѣшить. Она собрала вокругъ него все, что было замѣчательнаго въ Италіи, по учености или таланту—всѣхъ тѣхъ, чье сердце въ то несчастное время еще билось любовью къ родинѣ. Колонія пилигримовъ науки группировалась вокругъ Джованъ Батиста Николини, Джино Капони, Джуліано Фрулани—тріумвирата благороднѣйшихъ представителей своего рода власти въ мірѣ. Этотъ тріумвиратъ, говоритъ Раніери, представлялъ послѣднее слово науки и добродѣтели.

Ученый кружокъ радостно встрѣтилъ больного поэта. Мы уже видѣли съ какимъ горячимъ сочувствіемъ отозвался

Леопарди на этотъ дружескій привѣтъ. Этимъ то друзьямъ онъ и посвятилъ свои послѣднія произведенія. Здѣсь же онъ познакомился съ Лудовикомъ Синнеромъ, германскимъ филологомъ, съ которымъ велъ дружескую переписку до самой смерти. Ему же, въ октябрѣ 1830 года, онъ вручилъ всѣ свои филологическіе труды и замѣтки, какъ бы духовное наслѣдство, передаваемое при жизни. Когда Синнеръ извлекъ изъ этихъ драгоценныхъ рукописей все, что было въ нихъ цѣннаго, и передалъ извлеченное германскимъ ученымъ, — онъ хотѣлъ возвратитъ автору ввѣренное ему сокровище, для продолженія начатаго труда, но Леопарди отвѣчалъ: «Прежде рѣки возвратятся къ своимъ источникамъ, чѣмъ силы мои возвратятся на столько, что бы я могъ заниматься филологіею. Тутъ же онъ опять встрѣтился съ Раніери, который уже не разлучался съ нимъ до могилы. Вотъ что писалъ о немъ Леопарди: *Ranieri col quale io vivo e che solo il fulmine di Giove potrebbe dividere dal mio fianco.* (Раніери, съ которымъ я живу, и котораго развѣ молнія Юпитера могла бы оторвать отъ груди моей.)

Но ни друзья, ни чудный воздухъ Тосканы, ни прелесть весны (говоритъ Раніери), не могли уже не только отстранить, но даже на время удержать безжалостную руку природы, которая торопилась разрушить одно изъ самыхъ даровитыхъ своихъ произведеній. Органы питанія отказывались дѣйствовать, поврежденные легкія, сжатые въ слишкомъ узкомъ ящикѣ, болѣзненно расширились; вода заливала сердце; съ часу на часъ можно было ожидать, что весь таинственный механизмъ жизни навѣки остановится. Въ немногіе годы напряженной умственной дѣятельности расточительный юноша истратилъ тотъ запасъ силъ, который природа даетъ на цѣлую долгую жизнь каждому человѣку. Теперь уже можно было сказать, что жизнь Леопарди не подвигалась къ смерти, а быстро летѣла въ бездну, какъ тѣло, брошенное съ высоты. Кажется, достаточно было на этотъ разъ одной болѣзни, что бы добить бѣднаго человѣка; нѣтъ, судьба и тутъ не удовольствовалась, умереть покойно не дала, и заставила умирающаго Леопарди заботиться о кускѣ насущнаго хлѣба. Вотъ что онъ пишетъ, 24-го октября 1831 г., изъ Рима, куда онъ поѣхалъ, по совѣту Раніери.

«Въ концѣ зимы я, конечно, поѣду во Флоренцію, гдѣ и

пробуду до тѣхъ поръ, пока станетъ моихъ средствъ, а они очень плохи и скоро совсѣмъ истощатся.—Тогда меня снова ожидаетъ ненавистное, неудобнообитаемое Реканати, если только не хватитъ мужества (которое, надѣюсь, у меня найдется) рѣшиться на единственно разумную и достойную чело­вѣка мѣру, какая мнѣ остается.»

Хороша должна быть жизнь, когда, стоя у дверей могилы, рѣшаются прибѣгнуть къ самоубійству, что бы украсть у судьбы послѣднія муки агоніи, и разомъ покончить съ собою. Много грустныхъ страницъ представляетъ намъ жизнь почти всѣхъ поэтовъ. Но едва ли можно найти что нибудь болѣе способное потрясти самые закаленные нервы, какъ эти немногія строки. Человѣкъ умираетъ; руки его едва движутся, а онъ собирается лишить себя жизни изъ за того только, что бы не умереть голодною смертію. Хорошо долженъ быть и родной кровъ, куда возвратиться тяжелѣ, чѣмъ лечь въ могилу.

Но, несмотря на всѣ физическія и нравственныя мученія, мысль его работала съ прежнею ясностію. Это особенно яв­ствуется изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ по по­воду одной статьи, напечатанной противъ него Геншелемъ въ журналѣ «Hesperus», въ Штутгартѣ. Оно написано отчасти поиталіянски, отчасти пофранцузски, въ 1832 году.

«Вы совершенно справедливо называете безумными тѣхъ, кто приписываетъ моимъ сочиненіямъ религіозную тенден­цію. Каковы бы ни были мои несчастія, которыя автору за­благодарасудилось выставить, и даже, быть можетъ, немного преувеличить, у меня достаточно мужества, что бы не стараться облегчить ихъ тяжесть ни легковѣрными надеждами на неизвѣстное будущее, ни низкою покорностію. Мои чув­ства относительно судьбы были и всегда будутъ тѣми, какія я высказалъ въ «Vinto Minore». Съ тѣмъ же мужествомъ, ко­торое, посредствомъ моихъ изслѣдованій, привело меня къ безнадежной философіи, и непоколебимо заставило меня от­даться ей вполнѣ, я теперь утверждаю мое мнѣніе; только низость людей, которымъ нужно увѣрить себя, что жизнь есть заслуга,—можетъ считать мои философскія убѣжденія результатомъ моихъ личныхъ страданій, и приписывать мо­имъ матеріальнымъ обстоятельствамъ то, чѣмъ я обязанъ только моему разуму. Умирая, я протестую противъ этого

изобрѣтенія слабости и пошлости, и прошу моихъ читателей лучше постараться опровергнуть мои наблюденія и заключенія, чѣмъ сваливать все на мои недуги.»

Какъ, однако же, мучили его всѣ эти мелкія преслѣдованія, видно изъ двухъ разговоровъ, которые можно назвать послѣдними страницами его грустной жизни.

Форму разговора особенно любилъ Леопарди, можетъ быть, въ слѣдствіе классическихъ преданій греческихъ поэтовъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на него, а можетъ быть и потому, что она наиболѣе свойственна человѣку, по природѣ склонному къ общественной жизни. Желаніе высказаться передъ кѣмъ нибудь, естественно создаетъ невидимаго собесѣдника, который могъ бы выслушивать насъ. Поэтъ придаетъ разговаривающимъ различныя имена, но легко видѣть въ котормъ изъ двухъ лицъ онъ говоритъ за себя.

Въ разговорѣ *Тимандра* и *Элеандра*, первый упрекаетъ втораго въ вредномъ направленіи его сочиненій, говоритъ ему, что бранить людей вышло изъ моды, что произведенія поэтовъ должны радовать насъ, а не наводить тоски. На это Элеандръ возражаетъ, что едва ли теперь люди интересуются какою бы то ни было поэзіею.

— Это вы говорите по злобѣ; вы прикидываетесь обиженнымъ.

— Воссе нѣтъ, отвѣчаетъ Элеандръ, хотя люди и мало сдѣлали мнѣ добра, но и зла *немного*, и я ничего противъ нихъ не имѣю.

— Тѣмъ болѣе вы неправы, говоритъ Тимандръ; ваша ненависть не имѣетъ никакого извиненія. Развѣ только вась увлекаетъ жалкое честолюбіе Тимона заслужить славу мизантропа. Такое желаніе отвратительно само по себѣ и особенно странно въ нашъ вѣкъ, преданный по преимуществу филантропіи.

— Поймите, отвѣчаетъ Элеандръ, что я не могу быть честолюбивымъ, потому что ничего не ожидаю отъ людей. Я такъ далекъ отъ ненависти къ человѣческому роду, что не только не хочу, но даже не могу, ненавидѣть тѣхъ, кто меня особенно оскорбляетъ. Я даже вовсе не способенъ ненавидѣть. Тимонъ, говорятъ, ненавидѣлъ не людей, а звѣрей въ человѣческомъ образѣ, я же не ненавижу ни звѣрей, ни людей.

— Но вы и не любите никого.

— Поймите, мой другъ, что по природѣ я очень быть расположенъ любить, и любилъ такъ, какъ только человѣкъ способенъ любить. Но теперь, хотя, какъ видите, я еще не достигъ холодной старости, но не стыжусь сказать, что не люблю никого, кромѣ самого себя, да и то по необходимости, врожденной намъ, и сколько могу меньше. Впрочемъ, я всетаки готовъ скорѣе самъ страдать, чѣмъ быть причиною чужаго страданія.

Тимандръ. Если вами руководить ни ненависть, ни честолюбіе,—что же васъ заставляетъ писать такимъ образомъ?

Элеандръ. Вопервыхъ то, что я ненавижу всякую скрытность и притворство, а которыхъ я такъ часто долженъ прибѣгать въ словахъ, но въ сочиненіяхъ—никогда; говорить я часто вынужденъ необходимостію, а пишу только тогда, когда хочу. Мнѣ кажется страннымъ, зачѣмъ люди носятъ маску, когда эта маска никого не обманываетъ. Кажется, отчего бы не сбросить ее?.. вѣдь и безъ нее впечатлѣніе, производимое ими, было бы тоже... Сознавая же, что нѣтъ истины, болѣе справедливой, чѣмъ та, что мы *несчастливы*—отчего не сказать этого? Но плакать объ этомъ, значитъ наводить скуку на себя и на другихъ; смѣясь же надъ своими страданіями, я нахожу какое то утѣшеніе, и думаю тоже доставить его другимъ. Говорятъ же поэты, что отчаяніе имѣетъ всегда улыбку на устахъ. Но не думайте, что бы я не сострадалъ несчастіямъ людей; я знаю только, что никакая сила, никакое искусство не можетъ ихъ поправить, и потому считаю болѣе достойнымъ человѣка смѣяться, чѣмъ плакать. Какъ и вы, какъ и всякій другой, я желаю добра всему человѣчеству; но не надѣюсь на его воцареніе и не могу предаваться тѣмъ пріятнымъ мечтамъ, какія грезятся многимъ философамъ нашего вѣка. Мое отчаяніе основано на такомъ глубокомъ убѣжденіи, которое не допускаетъ никакихъ веселыхъ мечтаній о будущемъ. А можетъ ли человѣкъ работать, когда увѣренъ, что дѣло его не удастся? Не будетъ ли онъ дѣлать его вяло и неохотно? Такъ и пиша противъ своего убѣжденія (хотя бы оно было ложное), нельзя написать ничего заслуживающаго вниманія.

Тимандръ. Но нужно же намъ вынѣтъ свое убѣжденіе, если оно несправедливо.

Элеандръ. Я убѣжденъ въ томъ, что я несчастенъ, и знаю, что въ этомъ не ошибаюсь. Если другіе счастливы, радуюсь отъ всей души. Я также увѣренъ и въ томъ, что только смерть избавитъ меня отъ моего несчастія. Если кто нибудь надѣется на что нибудь другое, я и этому радуюсь.

Тимандръ. Всѣ мы несчастливы, и были такими, и вы не можете похвалиться, что бы такое заключеніе было очень ново. Но условія жизни человѣческой могутъ сдѣлаться далеко лучше настоящихъ, какъ уже настоящія несравненно улучшились, сравнительно съ прошедшими. Вы какъ будто забыли или не хотите вспомнить, что человѣкъ совершенствуется.

Элеандръ. Да, совершенствуется—вѣрю вамъ; но усовершенствуется ли? вотъ самое важное. Въ это то я не вѣрю, и не увѣрую, кто бы меня ни увѣрялъ.

Тимандръ. Человѣчество еще не достигло совершенства, потому что времени на это было мало; но что оно достигнетъ его когда нибудь—въ этомъ нельзя сомнѣваться.

Элеандръ. Я не сомнѣваюсь въ процессъ, а въ конечномъ результатъ его. Тѣхъ немногихъ лѣтъ, которыя прошли отъ начала міра до сихъ поръ, было недостаточно для достиженія совершенства, и причина тому не лежитъ ни въ способностяхъ человѣка, ни въ его судьбѣ, а только въ томъ, что у него было много другаго дѣла. Но теперь уже ничего не остается болѣе ожидать, какъ только усовершенствованія нашей породы.

Тимандръ. Конечно, и этого ожидаетъ очень усердно весь образованный міръ. Взявши во вниманіе, какъ велики и дѣйствительны средства (въ послѣднее время невѣроятно увеличившіяся), употребленныя для этой цѣли, можно думать, что рано или поздно цѣль эта будетъ достигнута. Такая надежда очень благотворна уже тѣмъ, что возбуждаетъ и поощряетъ полезныя труды и предпріятія. И поэтому, если въ какое бы то ни было время было вредно и достойно порицанія, то въ настоящее въ высшей степени опасно и гнусно высказывать отчаяніе и внушать людямъ мысли о неизбѣжности страданія, о суетѣ жизни, глупости и ничто-

жествъ рода человѣческаго и безсилія его природы. Это можетъ только произвести въ людяхъ упадокъ духа, лишить ихъ уваженія къ самимъ себѣ, первой основы чести, трудолюбія и славы. Наконецъ, это можетъ отворатить ихъ отъ заботы о собственномъ благѣ.

Элеандръ. Я желалъ бы только, что бы вы сказали мнѣ прямо: то, что я говорилъ о несчастіи людей, есть ли по вашему мнѣнію правда или ложь?

Тимандръ. Вы прибѣгаете къ вашему единственному оружію. И если я только отвѣчу, что это правда, то вы заключите, что я побѣжденъ. Но я вамъ возражу, что не всякую истину можно проповѣдывать всѣмъ и во всякое время.

Элеандръ. Позвольте предложить вамъ еще одинъ вопросъ: тѣ истины, которыя я высказываю, а не проповѣдую, составляютъ ли главный предметъ философіи или только дополнительный?

Тимандръ. Я думаю, что они составляютъ сущность всей философіи.

Элеандръ. Слѣдовательно очень ошибаются тѣ, которые проповѣдуютъ, что совершенство человѣка состоитъ въ познаніи истины; что всѣ его бѣдствія происходятъ отъ невѣжества и ложныхъ убѣжденій, и что родъ человѣческій будетъ окончательно счастливъ, когда всѣ, или большая часть людей, узнаютъ истину и будутъ ей подчинять свою жизнь. А это говорятъ почти всѣ философы, древніе и новые. По вашему мнѣнію, тѣ истины, которыя составляютъ сущность всей философіи, нужно скрывать отъ большинства людей. Вы едва не согласились бы даже и на то, что бы никто не зналъ ихъ, а узнавшіе забыли, такъ какъ знаніе ихъ можетъ вредить. А вѣдь это равносильно тому убѣженію, что нужно стереть философію съ лица земли. Я знаю, что послѣдній выводъ философіи тотъ, что не нужно философствовать, изъ чего слѣдуетъ, что философія не только бесполезно, но вредна, потому что, дойдя до послѣдняго заключенія, нельзя имъ воспользоваться: не во власти человѣка забыть извѣстную ему истину, и отъ всякой другой привычки легче избавиться, чѣмъ отъ привычки мыслить. Однимъ словомъ, философія, общающая излечить наши страданія, не въ силахъ даже исцѣлить зла, которое сама причиняетъ. Итакъ, на чемъ основано предположеніе, что настоящее время бли-

же къ совершенству, чѣмъ прошлое? Не на большемъ ли знаніи истины, которое, какъ мы видимъ, составляетъ самое большее препятствіе къ счастію? Или на томъ, что большинство не знаетъ философіи, и знаетъ лишь то, что не нужно философствовать. Но прежніе люди вовсе не философствовали, а дикіе и теперь не философствуютъ. Какія же мы имѣемъ новыя средства къ достиженію совершенства, которыхъ не имѣли бы древніе?

Тимандръ. О, ихъ есть очень много, но объ этомъ пришлось бы долго толковать?

Элеандръ. Оставимъ ихъ пока въ сторонѣ, и обратимся къ нашему предмету. Если въ моихъ произведеніяхъ я высказываю нѣкоторыя печальныя истины, что бы отвести душу, то въ тѣхъ же сочиненіяхъ я не перестаю оплакивать, порицать и отвергать то мертвое знаніе, которое поражаетъ небрежность, лѣнность, безсовѣстность, низкіе безчестные поступки, и развращаетъ людей. И, напротивъ того, хвалю и превозношу всѣ тѣ, хотя бы и ложныя, убѣжденія, которыя внушаютъ высокія, честныя, великодушныя и полезныя для общаго и частнаго блага дѣла и мысли; всѣ тѣ прекрасныя, счастливыя иллюзіи, которыя даютъ цѣну жизни; всѣ свойственныя человѣку даже древнія заблужденія, конечно, за исключеніемъ тѣхъ варварскихъ понятій, которыя должны были уничтожиться подъ вліяніемъ цивилизаціи. Но уничтожать всѣ заблужденія значило переступить границы, и замѣнить одно варварство другимъ. Возобновить же всѣ древнія заблужденія, хотя бы они признаны были необходимыми для благоденствія образованныхъ народовъ, невозможно. Повѣрьте, если бы родъ человѣческій достигъ до совершенства, я написалъ бы ему по меньшей мѣрѣ цѣлый томъ похвалъ. Но какъ до этого совершенства мнѣ не пришлось и не придется дожить, то я готовъ завѣщать большую часть моего состоянія на то, что бы, по достиженіи имъ этой цѣли, произносили ему ежегодно панегирикъ и, кромѣ того, что бы ему воздвигли храмъ или статую, или иной памятникъ, какой найдутъ приличнѣе.»

Когда читаешь этотъ разговоръ, такъ и представляется благонамѣренный, благодушный и сытый филистеръ, очень обстоятельно разсуждающій о «матеріяхъ важныхъ», а передъ нами бѣдный, измученный, еле живой несчастный поэтъ. Филис-

теръ, по долгу филантропа и гражданина, преслѣдующій вредныя идеи, все добивается, что бы умирающій геніальный пролетарій признался, хотя бы на висѣнницѣ: «Que tout va pour le mieux dans le meilleur des mondes». Еще болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ другой разговоръ о самоубійствѣ. Когда читаешь эти строки, чувствуешь невольно, что каждое слово, можно сказать, каждая буква, проникнута такою безысходною мукою, такимъ страшнымъ отчаяніемъ, что становится ясно, какъ день, одно: дойдя до этой границы, человѣкъ уже не можетъ вернуться къ жизни. Онъ просто предлагаетъ себѣ роковый вопросъ: можно ли жить такъ еще долѣе? И все, что есть въ немъ человѣческаго, говорить ему: нѣтъ. Смерть является не только желаннымъ, но необходимымъ исходомъ, и какъ бы близка ни была естественная развязка, не станеть силъ дожидаться.

Безъ надежды человѣкъ немислимъ, и если онъ дѣйствительно доходитъ до той минуты,

Où l'amant doute de sa maîtresse
Où Brutus doute de la vertu

то ему остается только одно: сойдти въ общество мертвецовъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что французъ могъ сопоставить отчаяніе Брута и отчаяніе любовника, такъ какъ сами французы говорятъ «on ne meurt ni d'amour ni de larmes.» Утрата любви убиваетъ еще не всецѣло: она не можетъ сравниться съ тою страшною болью, охватывающею всего человѣка, когда все, чѣмъ жилъ онъ, навѣкъ отрывается отъ сердца, когда все земное, великое, явится ему вдругъ безобразнымъ призракомъ, и въ душѣ не возстаетъ ни одной свѣтлой надежды, о, тогда уже ничто болѣе не остается, какъ безъ оглядки и страха броситься въ то далекое, неразгаданное и непонятное, называемое вѣчностію; и вотъ, когда это рѣшеніе принято,—моментально замираетъ скорбь, и утихаютъ страданія, въ незримомъ присутствіи всепримирающей, безпристрастно милосердной богини смерти; душа погружается въ благоговѣйную тишину. Внезапно врывается милый филистеръ, по несчастію страстно привязанный къ вамъ, и, по предчувствію любящихъ душъ, догадавшійся о вашемъ гнусномъ и печальномъ намѣреніи лишить себя жизни.

Этотъ филистеръ у Леонарди называется Плотинемъ, а самъ онъ Порфиріемъ.

Никакая драма не может сравниться съ трагическимъ интересомъ этого разговора.

Первое движеніе Порфирія—отказаться, успокоить назойливое участіе друга, увѣрить его, что онъ ошибся, но въ такія минуты человѣкъ не умѣетъ лгать. Какъ бы ни хотѣлъ онъ сказать ложь, уста не повинуются. Послѣ минутнаго отрицанія и безконечныхъ просьбъ друга, онъ говоритъ:—Да, я хочу лишить себя жизни, но не въ слѣдствіе какого нибудь несчастія, а по глубокому убѣжденію, что все суета. Просто со скуки. Радости и горе—обманъ. Скука одна дѣйствительно существуетъ.

— Но, милый мой, пребываетъ его ошеломленный другъ, вѣдь и Платонъ говоритъ: человѣкъ не имѣетъ права...

Случалось ли вамъ потерять любимое существо, и выслушивать утѣшеніе вашего почтеннаго знакомаго, что вотъ такой то праведникъ сказалъ то то и то то: неправда ли, что отъ этихъ утѣшеній чувствуешь такое точно ощущеніе, какъ будто проводятъ раскаленнымъ желѣзомъ по незажившей еще ранѣ: съ какимъ удовольствіемъ, кажется, выгналъ бы утѣшителя!

— Ахъ, оставь пожалуйста Платона, говоритъ бѣдный мученикъ.

— Да я только такъ назвалъ Платона, что бы начать мою рѣчь, оправдывается совсѣмъ сконфуженный другъ, но не только Платонъ, но и всѣ философы, и сама природа, говорятъ намъ, что мы не имѣемъ права лишать себя жизни. И долго, долго онъ размазываетъ на ту тему, что самоубійство противно природѣ «Если же природа запрещаетъ самоубійство,—зачѣмъ она меня осудила жить безъ воли или силы сдѣлаться счастливымъ?»

Но на всѣ его доводы благоразумный мужъ зарядилъ одно и то же: самоубійство противно природѣ, и даже дикіе звѣри, какъ бы ни было печально ихъ существованіе, не убиваютъ себя.

Выведенный изъ терпѣнія, Порфирій доказываетъ ему, что первобытному человѣку не могло придти въ голову самоубійство, потому что это дѣйствительно противно его природѣ; но наша жизнь такъ измѣнилась съ тѣхъ поръ, сдѣлалась до такой степени искусственна, что для неестественной болѣзни слѣдуетъ употреблять и неестественное лекар-

*

ство. «Пойми, говоритъ онъ, природа наша измѣнилась, но не измѣнилось въ насъ одно: и теперь, какъ и прежде, мы стремимся къ лучшему. Величайшее же благо для человѣка есть смерть; слѣдовательно, наше стремленіе къ ней очень естественно. Сколько примѣровъ самоубійствъ представляетъ намъ исторія! Вспомни Эгезиппа, киренаикскаго философа, которому Птоломей наконецъ запретилъ читать лекціи о бѣдствіяхъ жизни, потому что однажды пятьдесятъ чловѣкъ его слушателей въ одинъ день лишили себя жизни, Митридата, Клеопатру и другихъ. Да, не говоря уже о другихъ причинахъ, одной скуки достаточно, что бы побудить къ самоубійству. Вѣдь только будущее можетъ радовать насъ; настоящее, какъ бы хорошо оно ни было, всегда печально и непривлекательно. Чѣмъ больше такъ называемое человѣческое счастье, тѣмъ меньше оставляетъ оно мѣста надеждѣ; слѣдовательно, тѣмъ несчастнѣе чловѣкъ», и Леопарди, точно забавляясь, приводитъ аргументы за аргументами, которые наконецъ сбиваютъ съ толку филистера, такъ что бѣдняга почти убѣждается въ законности и чуть ли даже не въ пользѣ самоубійства.

По счастью, увѣрившись, что умомъ не выиграть ему битвы съ такимъ бойцомъ, Плотинъ прибѣгаетъ къ другому оружію. Онъ обращается къ сердцу поэта — филистеръ вдругъ становится чловѣкомъ — и здѣсь уже слышится голосъ не тупаго резонера, а дѣйствительно рѣчь любящаго чловѣка. «Считать ни во что горе близкихъ и друзей, которыхъ огорчить твое самоубійство — значить слишкомъ заботиться о себѣ, и вовсе не думать о другихъ. Кто лишаетъ себя жизни, тотъ только заботится объ одномъ себѣ; а потому, милый другъ, оставь эту мысль; избавь отъ тяжкаго горя всѣхъ любящихъ тебя друзей; пожалѣй меня, у котораго нѣтъ никого милѣе и дороже тебя.»

И сердце побѣдило умъ Порфирія: Леопарди остался доживать свои дни. Но помирился ли онъ съ жизнью? Да, помирился. Долго онъ спорилъ, презиралъ трусость людей, отвергалъ всякое утѣшеніе и безстрашно смотрѣлъ на пустыню жизни, принимая всѣ послѣдствія той безотрадной философіи, которая вырывала у всѣхъ мудрецовъ, древнихъ и новыхъ, сужденія, въ родѣ слѣдующихъ: «лучше не родиться или рано умереть»; «vanitas vanitatum et omnia vanitas;» «i

vaut mieux être assis que marcher; il vaut mieux dormir que veiller, mais la mort est au dessus de tout;» смерть не есть великое бѣдствіе, если она послѣднее изъ бѣдствій. и т. п.

Онъ находилъ гордое утѣшеніе въ томъ, что для него не существуетъ завѣсы, скрывающей жестокою руку судьбы. Онъ упивался страданіями, разлитыми въ міръ древнемъ и новомъ и въ немъ самомъ, какъ говоритъ Раніери, и, выпивши горькую чашу до дна, онъ залился тяжкимъ, душу раздирающимъ смѣхомъ. Его мысли передали намъ этотъ грустный, горькій смѣхъ.

Съ 1832 года, можно сказать, жизнь Леопарди прекращается; начинается дневникъ его болѣзни, веденный Раніери. Грустная лѣтопись, похожая на хроники монаховъ VIII вѣка, гдѣ только и слышится звукъ похороннаго колокола; hiems durga, annus durrus, fames validissima, гдѣ одинъ годъ нельзя было бы отличить отъ другаго, если бы каждый изъ нихъ не завершался одною и тою же фразою: *et cette année changea en la suivante.*

Въ Римѣ, Леопарди большую часть времени бродилъ по развалинамъ, уже не оплакивая минувшаго величія Рима, но горько улыбаясь надъ печальною судьбою, постигающею все великое наземлѣ, и тоскуя говорилъ, что мрачные надоѣдливые черви происходятъ отъ гніенія самыхъ благородныхъ труповъ. Впрочемъ, здоровье его здѣсь немного поправилось, такъ что въ промежуткахъ своихъ ужасныхъ страданій онъ могъ написать поэму «*Paralipomeni della Batracomiomochia di Omigo.*» Это политическая сатира (продолженіе войны мышей и лягушекъ Гомера). Никто не умѣлъ такъ смѣяться, какъ смѣялся Леопарди. Сколько задушевной веселости, неистощимаго юмора въ его талантѣ—лучше всего показываетъ его разговоръ Коперника съ солнцемъ. Трудно прочесть безъ смѣха, какъ бѣдное солнце жалуется, *что поэты уговорили его бѣгать какъ сумасшедшаго, несмотря на его ростъ и толщину, вокругъ какой нибудь крошечной песчинки, называемой землею.* Но такія произведенія могутъ только являться въ свѣтлыя минуты человѣческой жизни, а въ страдальческой жизни бѣднаго Леопарди такихъ минутъ было очень немного.

Изъ Рима въ апрѣлѣ онъ уѣхалъ во Флоренцію; но ароматный воздухъ Тосканы уже не могъ воскресить его. Съ

отчаяніемъ въ душѣ, Раніери рѣшился, по совѣту докторовъ, везти больнаго въ Неаполь, увѣряя его и себя, что если Римъ могъ уже оказывать благотворное дѣйствіе на его здоровье, то чего можно ожидать отъ Неаполя? тоже повторяли и всѣ друзья поэта. Леопарди, что бы утѣшить ихъ, согласился на эту поѣздку, и въ первыхъ числахъ сентября, несмотря на мучившую его лихорадку, поѣхалъ въ сопровожденіи своего вѣрнаго Раніери.

Дорогою ему сдѣлалось лучше, и лихорадка прекратилась. Сентябрь онъ пробылъ въ Римѣ, а въ октябрѣ 1833 года отправился въ Неаполь.

Трудно повѣрить, пишетъ Раніери, какъ радуется и веселитъ больнаго неаполитанская природа, которая такъ хороша въ это время года. Леопарди поселился на холмѣхъ возлѣ города Каподимонте, гдѣ жилъ большую часть года, и только въ маѣ и октябрѣ переселялся въ маленькій домикъ у подошвы Везувія. Чахотка и водяная оспаривали другъ у друга его несчастное тѣло; отъ первой онъ защищался благотнымъ воздухомъ Везувія, отъ другой искалъ убѣжища въ Каподимонте. Но и агонія не спасла его отъ множества мелкихъ непріятностей, возникшихъ по поводу изданія его послѣднихъ произведеній, которое весьма затруднялось мѣстною ценсурою, но, несмотря на все, пребываніе въ Неаполѣ принесло нѣкоторое облегченіе. Перемѣна ли мѣста или чистый, здоровый воздухъ имѣли вліяніе, но Леопарди замѣтно началъ поправляться. Новая обстановка, вовсе не похожая на ту, какою онъ былъ окруженъ до сихъ поръ, свободная, привольная жизнь, постоянныя прогулки, общество людей любившихъ его и любимыхъ имъ, которые своими частыми посѣщеніями разнообразили уединеніе больнаго, развлекали его и разгоняли хандру, не надѣдая однако постояннымъ присутствіемъ. Больше всего любилъ Леопарди бродить по берегу моря, или скитаться по катакомбамъ; посѣщаль Геркуланъ и Помпею, возстановляя въ своемъ воображеніи домашнюю жизнь древнихъ, какъ прежде, въ развалинахъ Рима, ему рисовались картины исчезнувшей жизни и быта. За поэтами всѣхъ вѣковъ остается вѣчное право вызывать умершихъ, и можетъ быть не разъ великія тѣни древняго Рима приходили бесѣдовать съ пережившимъ ихъ собратомъ. Все это замедлило неутомимо дѣятельную работу болѣзни, говоритъ Раніери, и рас-

тянуло еще на четыре долгие годы эту страдальческую жизнь. Какъ всѣ хроническіе больные, Леопарди радовался уже своему выздоровленію, и общалъ себѣ долгую жизнь. Опять ему стала улыбаться надежда служить милой родинѣ; но то были уже предсмертныя грезы.

Вѣрный, добрый Раніери до послѣдней минуты, кажется, и самъ раздѣлялъ иллюзіи больнаго. Часто, при захожденіи солнца, можно было видѣть двѣ фигуры, медленно двигавшіяся по крутому берегу моря. То былъ Леопарди съ своимъ неразлучнымъ спутникомъ. Иногда больной садился гдѣ нибудь на холмѣ, и спокойный грустный взглядъ его голубыхъ глазъ останавливался неподвижно на темныхъ волнахъ, на тѣхъ волнахъ, которыя громче всякаго глагола говорятъ нашей душѣ о Богѣ и о вѣчности. Вѣрилъ ли поэтъ въ такія минуты? Находила ли на него потребность вѣрить? Чувствовалъ ли онъ, что не все кончается съ этою жизнью? Можетъ быть. Вѣрно въ одну изъ такихъ минутъ онъ написалъ, 22 декабря 1833 года, къ одному изъ своихъ друзей эти трогательныя строки: «Прощайте, мой дорогой другъ. О, какъ бы мнѣ хотѣлось обнять васъ, но боюсь, что это горячее желаніе исполнится только тамъ, на *лугахъ асфадельскихъ*. Раніери вамъ кланяется: пишите мнѣ о вашихъ занятіяхъ и любите меня всегда. Прощайте отъ всего сердца.»

Но если и допускалъ онъ эти надежды, то только ради своихъ милыхъ друзей,—для себя же лично онъ ничего не желалъ. Онъ до послѣдней минуты оставался все тѣмъ же «гордымъ бойцомъ, который никогда не прославлялъ руки, обливающей его кровію, не лѣстилъ и не ползалъ, всегда отвергалъ утѣшенія пустыя, которыми, какъ дѣти, тѣшатся люди». Онъ былъ все тотъ же «sombre amant de la mort, pauvre Leopardi», какъ называетъ его Алфредъ де-Мюссе, и дѣйствительно, едва ли когда нибудь такая пламенная мольба обращалась къ какой нибудь женщинѣ, съ какою Леопарди обращается къ смерти:

Bella morte, pietosa

Tu sola al mondo dei terreni affanni

(Ты одна въ мірѣ сострадаешь бѣдствіямъ нашимъ)

Non tardar più, t'inchina

A disusati preghi

(Не медли, больше склонись на рѣдо обращаемую къ тебѣ мольбу)

(Одной тебя я ждалъ всегда, одного дня, когда склоню мою усталую главу на твоей дѣвственной груди.)

Solo aspettar sereno

Quel di ch'io pieghi addormentato il volto

Nel tuo virgineo seno

Скоро, скоро долженъ былъ настать этотъ желанный день, такъ давно призываемый бѣднымъ поэтомъ.

Былъ августъ 1836 года. Состояніе здоровья больного позволяло надѣяться, что онъ протянетъ еще нѣсколько лѣтъ. Онъ, вмѣстѣ съ Раніери, составлялъ уже планы новой жизни путешествій и проч., когда вдругъ разнеслась вѣсть о приближеніи холеры, свирѣпствовавшей тогда по всему западу. Это извѣстіе очень сильно потревожило больного, и навѣяло на него грустное настроеніе духа, особенно вредное въ его болѣзни. Съ наступленіемъ зимы, чахотка достигала своего послѣдняго періода; въ то же время усилились мученія отъ водяной. Недавнія надежды смѣнились печальными опасеніями; разстроенное воображеніе больного мучилось страхомъ умереть отъ холеры. Странное дѣло: къ мысли о близкой смерти онъ совершенно привыкъ, ждалъ смерти, какъ избавленія; но смерть отъ холеры ужасно пугала его. Между тѣмъ эпидемія, почти прекратившаяся зимою, съ наступленіемъ весны начала производить ужасныя опустошенія. Число умирающихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; страхъ охватывалъ и здоровыхъ, не только что больныхъ. Въ это время, одинъ несчастный случай еще болѣе усилилъ печальныя предчувствія Леонарди. Его посѣтилъ германскій поэтъ Платенъ, ѣхавшій въ Сицилію, спасаясь отъ холеры. Платена, также какъ и Леонарди, ужасала мысль умереть отъ ужасной и тогда еще мало изслѣдованной болѣзни; онъ думалъ убѣжать отъ нея, уѣхавши на югъ, гдѣ еще не было слышно о холерѣ, и въ Сиракузахъ сдѣлался ея первою жертвою. Извѣстіе о его смерти страшно поразило Леонарди. Дѣйствительно, въ этой смерти было что то похожее на фатализмъ, на погоню смерти за бѣглецомъ, который думалъ отъ нея спастись, перебравшись за моря и горы.

Съ тѣхъ поръ Леонарди уже не повидала мысль, что, разъ избравши человѣка себѣ въ жертву, холера непременно поразитъ его, куда бы онъ ни скрылся. Леонарди вообразилъ себѣ, что эта ужасная болѣзнь уже носится въ воздухѣ,

вдыхается каждымъ движеніе легкихъ. Можетъ быть, его страхъ къ холерѣ происходилъ отъ тайной боязни, что трупъ его сдѣлается предметомъ ужаса для тѣхъ, кого любилъ онъ; что страшная зараза, поразивши его, можетъ быть, отнять еще при жизни послѣдняго друга, оттолкнуть единственное любящее сердце, которое оставалось ему вѣрнымъ до послѣдней минуты, а умирая, не встрѣтитъ ни одного любящаго взгляда, ни одного пожатія дружеской руки—выше силъ человѣка. Жить одному тяжело, но еще тяжелѣе умереть одинокимъ.

Напрасны были всѣ увѣщанія и успокоенія лучшихъ докторовъ—между которыми были знаменитый Маннели и Постильоне—что были бы разсѣять опасенія бѣднаго страдальца. Напрасны, усилія его друзей, а между ними находились всѣ представители науки въ Италіи

Раніери пришелъ въ совершенное отчаяніе, и наконецъ придумалъ послѣднее средство развлечь больнаго, предложивъ ему уѣхать въ Портичи, въ тотъ деревенскій домикъ, гдѣ обыкновенно проводилъ онъ осень и весну. Больной видимо обрадовался, и мысль объ этой поѣздкѣ на минуту какъ будто оживила его угасавшія силы. Онъ немедленно рѣшился отправиться, и торопилъ Раніери. Въ среду, 4 іюня (1837 г.), назначено было уѣхать въ Портичи: было пять часовъ пополудни; уже пріѣхала карета, которая должна была перевезти больнаго въ деревню. Онъ разговаривалъ съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ о предполагаемой поѣздкѣ, говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ жить въ деревнѣ, и, по просьбѣ этого знакомаго, написалъ ему въ альбомѣ нѣсколько стиховъ изъ своего стихотворенія: *Il tramonto della luna*. (Захожденіе луны).

Въ этомъ стихотвореніи говорится, что луна своимъ серебристымъ свѣтомъ вызываетъ тысячу свѣтлыхъ призраковъ; но зайдетъ луна, наступитъ темная ночь, исчезнутъ свѣтлые призраки, и раздастся одна печальная пѣснь.

Такъ и юность наша, какъ и луна, исчезаетъ, а съ нею исчезаютъ милые, свѣтлые призраки, потухаютъ надежды, изсякаютъ источники счастья, и наступаетъ печальная старость. Но холмы и поля озаряются новымъ свѣтомъ восходя-

щаго солнца, и засяетъ надъ ними его радостный лучъ. Не то бываетъ съ нашею юностію.

Ma la vita mortal, poi che la bella
 Giovinezza spari, non si colora
 D'altra luce giammai, nè d' altra aurora
 Vedova è insino al fine; ed alla notte
 Che l'altre etadi oscura,
 Segno poser gli Dei la sepoltura.

(Но жизнь смертная, какъ только исчезла прекрасная юность, никогда больше не освѣтится ни другимъ свѣтомъ, ни другою зарею; вдовою она останется до конца дней своихъ, и только могилу положили боги предѣломъ ночи, покрывающей всѣ другіе возрасты.)

Это были послѣднія слова Леопарди. Въ эту минуту, какъ онъ всталъ, чтобы ѣхать, вода, давно наполнявшая грудь, залила сердце: онъ улыбнулся, и упалъ на руки Раніери, а еще черезъ минуту въ объятіяхъ друга лежалъ уже холодный трупъ. На устахъ Леопарди еще играла улыбка, но благородное сердце уже перестало биться навѣки.

Такъ умеръ одинъ изъ лучшихъ поэтовъ нашего вѣка, величайшій изъ гениальныхъ людей современной Италіи, умеръ вдали отъ родныхъ, на рукахъ милаго, но всетаки чужаго ему Раніери.

И ни одной женщинѣ не выпало на долю грустнаго счастья быть единственнымъ и послѣднимъ утѣшеніемъ его послѣднихъ минутъ: не потому ли, что только смерть, эта дѣвственно чистая богиня, была достойна быть подругою великаго поэта; ей «онъ улыбался, умирая»; на ея устахъ замеръ его первый и послѣдній поцѣлуй любви.

Несмотря на постановленія, изданныя по случаю свирѣпствовавшей холеры, Раніери удалось спасти тѣло Леопарди отъ общей могилы, на которую осуждались, безъ различія званій, всѣ умиравшіе въ это время. Онъ перевезъ тѣло покойнаго Леопарди въ церковь S. Vitale, на дорогѣ къ Пуццولي. Въ притворѣ этой церкви и похороненъ Леопарди. На скромномъ памятникѣ вырѣзаны слѣдующія слова:

At conte giacomo Leopardi Recanatese
 Filologo Ammirato Favori d'Italia
 Scrittore di Filosofia e di poesie altissimo
 Da paragonare solamente coi greci
 Che fini d' XXIX anni la vita

Per continue Malattie miserissima
 Fecce Antonio Ranieri
 Per VII anni fino all' estrema ora congvato
 All amico adorato MDCCCVII:

Самъ Леонарди, скромный и невѣрившій въ себя, написалъ себѣ другую эпитафію, подъ именемъ Филиппа Оттоніери. Вотъ она:

Ossa
 di Filippo Ottenieri
 Nato alle opere virtuose
 e alla gloria
 Vissuto ozioso e disutile
 e morto senza fama
 Non ignaro della natura
 nè della fortuna
 sua.

Кость
 Филиппа Оттоніери,
 рожденнаго для подвиговъ, добродѣтели и славы.
 жившаго праздно и бесполезно
 и умершаго безъ славы
 Ему не безызвѣстна была природа, и судьба
 его.

Потомство рѣшило, что не напрасно прожилъ поэтъ, что не напрасно лились его свѣтлыя слезы: тѣ слезы упали не на бесплодную почву; изъ каждой изъ нихъ вышелъ боецъ за великое дѣло. Не даромъ звучали его грустныя пѣсни: воскресла Италія и ея свобода—лучшій памятникъ для того, кто жилъ только любовью къ ней.

Несчастный лишній человекъ, скажетъ какой нибудь филістеръ, не умѣлъ онъ жить и наслаждаться жизнію:

Жизни тотъ не стоитъ, кто самъ жить не хочетъ.
 Но, чтобы быть достойнымъ жизни,—
 Нужно умѣть страдать и умирать.

Лучшіе люди того поколѣнія, большая часть котораго загнула уже сномъ непробуднымъ, жить не умѣли,—это быть можетъ—но зато они умѣли страдать и умирать.

Мы воскресли къ новой жизни, выбрались изъ той тины *помысловъ низкихъ и грязныхъ страстей*, потому что надъ этою тиною, какъ звѣзды въ небѣ, горѣли слезы поэтовъ.

und sie glänzen sieghaft.

И эти слезы дали намъ силы подняться. Если мы проснулись и видимъ восходъ солнца, то все же этимъ мы обязаны страданіямъ умершихъ. Ихъ муки и слезы для насъ то—жс, что смерть Виргиніи для Рима, спавшаго въ праздности пошлой; онѣ возвратили намъ *жизнь и дыханіе*.

Да, не даромъ жилъ Леопарди; сбылись его заветныя гре-
зы.—Онъ сказалъ:

Consolata eraga
E quella tomba cui di pianto onora
L'alma terra nativa.

Эта награда ждала его.

Вѣра Павловская.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢТОКЪ

по поводу тюремной реформы.

Вопросъ тюремный стоитъ у насъ на очереди.

Министерство внутреннихъ дѣлъ, дѣятельно принялось за разработку его, а доставленные изъ всѣхъ городовъ имперіи матеріалы еще болѣе удостовѣрили въ крайней необходимости реформы.

Какъ ни утѣшительны эти факты для того, кто живо интересуется этимъ вопросомъ, какъ ни отрадно становится при мысли, что скоро, быть можетъ, наступитъ время, когда остроги и тюремные замки перейдутъ въ область прошедшаго, а на мѣсто ихъ возникнутъ исправительныя заведенія, настоящія чистилища грѣшниковъ; но чѣмъ искреннѣе принимаешь къ сердцу предстоящую реформу, тѣмъ болѣе ждешь онъ нея удовлетворительныхъ результатовъ. Потому является невольна опасеніе, что министерство, при всей благонамѣренности своихъ стремлений, стѣсняясь недостаткомъ денегъ, произведетъ частныя преобразованія и улучшенія, и, избравъ какую нибудь менѣе сложную систему, станетъ передѣлывать, обновлять и приспособлять къ ней нынѣшнія тюремныя зданія, а такимъ образомъ едва ли съ полнымъ успѣхомъ можетъ быть рѣшена великая задача. Всякія полумѣры вредны уже тѣмъ, что много тратится времени и денегъ напрасно. Такъ, въ насто-

ящемъ случаѣ, если окажется, напимѣръ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ по открытіи новыхъ тюремныхъ заведеній, что онѣ не удовлетворяютъ потребностямъ, не выполняютъ своего назначенія, тогда придется опять приниматься за нововведенія, снова преобразовывать и перестраивать, словомъ, опять перекраивать старое на новой ладъ, а эти послѣдовательныя преобразованія, въ общей сложности, при безплодно потерянномъ времени, обойдутся гораздо дороже, нежели предпринятая сразу и доведенная до конца радикальная реформа. Нѣтъ надобности пугаться цифры расходовъ: не всѣ же тюрьмы въ Россіи будутъ преобразованы одновременно, а будетъ это дѣлаться постепенно, начиная съ болѣе населенныхъ мѣстностей; потому, по нашему мнѣнію, было бы полезно, принявъ за исходную точку систему, которая, по теоретическимъ основаніямъ и по практическимъ выводамъ, наиболѣе удовлетворяетъ цѣли, — устроить нѣсколько образцовыхъ тюремъ, а по этимъ уже моделямъ мало по малу образовать остальные, приравливаясь къ мѣстнымъ условіямъ.

Отстраняя всякую предвзятую мысль и не давая пока никакого предпочтенія той или другой системѣ, зададимся лишь вопросомъ: къ чему предназначается тюрьма, и чего мы можемъ ожидать, и даже въ правѣ требовать, вообще отъ системы тюремнаго заключенія? По здравому смыслу и по смыслу уголовного права, тюремное заключеніе должно возбуждать страхъ во всякомъ покушающемся на какое либо злодѣяніе; когда же преступленіе уже совершено и виновникъ его арестованъ, тогда оно должно оказывать на него исправительное дѣйствіе. Эти два условія, крайне необходимыя, должны, стало быть, служить краеугольнымъ камнемъ хорошей пенитенціарной системы.

Устрашающее дѣйствіе можетъ быть достигнуто разными способами, отдѣльно взятыми, или въ совокупности, строгими дисциплинарными мѣрами, тяжкими работами, уединеннымъ заключеніемъ, и т. п. Но исправительное вліяніе осуществить гораздо труднѣе; притомъ оно достигается медленно и постепенно, при самомъ тщательномъ надзорѣ, такъ сказать день за днемъ, и, кромѣ того, оно еще затрудняется тѣмъ, что иные арестанты такъ искусно прикидываются смиренными и благонамѣренными, что могутъ ввести

въ заблужденіе самое бдительное и прозорливое начальство.

Прежде чѣмъ мы опредѣлительнѣе выскажемъ наше мнѣніе о предстоящей реформѣ, рассмотримъ тѣ обязанности государства или общества, которыя вызваны необходимостію употреблять лишеніе свободы, не только какъ справедливое возмездіе, но и какъ средство устрашенія и обузданія нарушителей закона и общественнаго спокойствія.

По современнымъ понятіямъ самыхъ просвѣщенныхъ государствъ, наказаніе не должно представляться въ видѣ мщенія за причиненный вредъ; но въ основѣ карательной мѣры долженъ лежать тотъ нравственный принципъ, что страданіе есть необходимое и неизбежное слѣдствіе зла и единственный путь, ведущій къ нравственному перерожденію. Въ этомъ смыслѣ наказаніе теряетъ характеръ грубаго насилія или эгоистической мести, а является средствомъ искупленія дурнаго прошлаго и элементомъ, примиряющимъ отчужденнаго грѣшника съ обществомъ. Смотра съ этой точки зрѣнія на уголовныя наказанія, мы конечно приходимъ къ убѣжденію, что государство, прибѣгая къ насильственному лишенію свободы вредныхъ членовъ общества, въ то же время обязывается не только удовлетворять самонужнѣйшимъ физическимъ ихъ потребностямъ, но и печиться о ихъ нравственныхъ и интеллектуальныхъ нуждахъ, чего сами они исполнить не въ состояніи, будучи связаны зависимымъ положеніемъ. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что государство принимаетъ на себя вполнѣ роль опекуна надъ ними, а слѣдовательно и всѣ обязанности, связанныя съ понятіемъ объ опекѣ. Отъ сочетанія же помянутыхъ двухъ началъ вытекаетъ необходимость серьезной заботы о нравственныхъ нуждахъ и религіозныхъ стремленіяхъ арестантовъ и о ихъ перевоспитаніи при благопріятствующихъ въ тому обстоятельствахъ. Умѣніе же пользоваться этими обстоятельствами, и, по возможности, даже располагать ими, избирать вспомогательныя средства, наиболѣе соотвѣтствующія, и придать надлежащій смыслъ тюремному заключенію,— все это составляетъ задачу принятой системы и лицъ, на которыхъ возложено будетъ осуществленіе ея.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что при долговременномъ заключеніи нужна болѣе разборчивая и основательная оцѣнка

средствъ, предназначенныхъ для исправленія арестантовъ, и здѣсь то именно хорошая система имѣетъ особенно важное значеніе; при кратковременномъ или полицейскомъ арестѣ (*peines correctionnelles*) не можетъ быть конечно и рѣчи о систематическомъ вразумленіи заключенныхъ; главная суть заключается уже въ примѣрѣ и устрашеніи, а потому въ этомъ случаѣ слѣдуетъ дать предпочтеніе болѣе чувствительному способу заключенія, имѣя въ виду, что тогда оно не будетъ оказывать развращающаго дѣйствія, которое легко обнаружилось бы при непродолжительномъ и въ то же время не строгомъ арестѣ.

. Изъ всего предыдущаго мы видимъ, что государство, какія бы ни употребляло мѣры для устрашенія и исправленія виновныхъ, но, пользуясь правомъ наказанія и принимая на себя заботы объ арестантахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, беретъ оно на себя значительную долю отвѣтственности за будущую участь ихъ; хотя, конечно, съ другой стороны, и сами арестанты не перестаютъ быть нравственными существами, и потому болѣе или менѣе покорными внутреннему голосу совѣсти, которымъ регулируется ихъ собственная отвѣтственность, и нерѣдко направляется ихъ воля, а въ слѣдствіе того никогда нельзя отвергать, даже въ человѣкѣ наиболѣе зломъ и виновномъ, возможности нравственнаго возрожденія, при содѣйствіи, конечно, благоразумно употребляемыхъ карательныхъ мѣръ; говоримъ: употребляемыхъ благоразумно, ибо, какъ весьма убѣдительно выразился лордъ Стэнли: «The reformation of men can never be a mechanical process,» т. е. «механическими средствами нельзя преобразовать людей.» Стало быть, главное дѣло не въ стѣнахъ и камерахъ, ни даже въ архитектурныхъ достоинствахъ, которыя служатъ однако хорошими вспомогательными средствами, орудіями для достиженія цѣли, но въ пригодности системы, къ которой и должны быть приравнены какъ зданія тюремныя, такъ и вся вообще обстановка, составляя въ совокупности одно гармоническое цѣлое.

Не трудно убѣдиться, изъ всего сказаннаго, что, какъ нравственная отвѣтственность, лежащая на государствѣ, такъ и собственная его польза, побуждаютъ правительство стремиться къ тому, что бы наказаніе вообще и тюремное

заточеніе особенно не было мученіемъ безцѣльнымъ, а напротивъ того служило бы преобразовательнымъ учрежденіемъ для возвращенія обществу прежнихъ преступниковъ.

А какъ у насъ во всей Россіи нѣтъ и не было никогда никакой пенитенціарной системы, то за совѣтами и примѣрами болѣе некуда обращаться кромѣ образованнѣйшихъ странъ западной Европы или Сѣвероамериканскихъ Штатовъ.

По интеллигенціи, цивилизаціи и образованію, принадлежа къ народамъ самымъ просвѣщеннымъ, а по характеру самый практичный, народъ англійскій, и въ отношеніи тюремъ и системы пенитенціарной, дѣйствительно представляетъ огромный запасъ поучительныхъ матеріаловъ, которые необходимо принять во вниманіе, что бы при реформѣ не впасть въ тѣ же погрѣшности, которыя переживаетъ западъ Европы; нѣтъ, впрочемъ, никакого сомнѣнія, что подобныя свѣдѣнія, почерпнутыя изъ практики и выводимыя изъ теоріи, приняты въ соображеніе нашимъ министерствомъ, но мы упомянемъ здѣсь лишь объ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ по этому предмету документовъ, о рапортѣ, представленномъ парламенту комиссіею, учрежденною, въ концѣ 1862 года, подъ предсѣдательствомъ графа Грея, по поводу ужаса, наведеннаго на лондонскихъ жителей гаротѣрами. Донесеніе комиссіи опубликовано было въ 1864 году.

Не пускаясь въ подробное изложеніе трудовъ этой королевской комиссіи и 86 пунктовъ, о которыхъ она произнесла свои заключенія, позволимъ себѣ только обратить вниманіе на слѣдующіе важнѣйшіе недостатки, указанные комиссіею: а) малая продолжительность заключенія по судебному приговору; б) слишкомъ значительное протяженіе пенитенціарныхъ заведеній, благоприятствующее возмущеніямъ; в) отсутствіе классификаціи въ прогрессивномъ порядкѣ посредствомъ марокъ, какъ въ Ирландіи; г) слишкомъ мягкое обхожденіе съ приговоренными и д) затруднительность опредѣленія случаевъ повторительныхъ преступленій.

Вотъ важнѣйшіе недостатки, бывшіе причиною неудовлетворительности англійскихъ пенитенціаріевъ, обнаруживающіеся особенно на рецидивистахъ. Этихъ недостатковъ, какъ равно и многихъ другихъ, въ ирландской системѣ не существуетъ.

Кромѣ того, комиссія рекомендовала: покровительствовать образованію попечительныхъ обществъ, для надзора за освобожденными, и измѣнить и улучшить раздачу отпускныхъ билетовъ, подобно тому, какъ это заведено въ Ирландіи по системѣ Кроутона.

Что же касается до промежуточныхъ заведеній, то устройство ихъ, по большинству голосовъ, положено было замѣнить усиленнымъ выселеніемъ осужденныхъ въ Западную Австралію.

Теперь вернемся къ предполагаемой реформѣ. Какъ слышно, по соображеніямъ комиссіи при министерствѣ, высшій предѣлъ времени содержанія въ тюрьмѣ предположено у насъ четыре года. Мы положительно утверждаемъ, что срокъ этотъ слишкомъ коротокъ для того, что бы превратить тюрьмы въ настоящіе исправительныя заведенія. Въ столь незначительный промежутокъ времени можно съ успѣхомъ только начать, но никакъ не довершить исправленія арестантовъ. Въ этомъ не трудно убѣдиться не только по результатамъ любой изъ заграничныхъ тюремъ, но и при нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи этой стороны вопроса, особенно, если вникнуть въ самый смыслъ и значеніе пенитенціарной системы. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно предположить, что бы при реформѣ тюремной было признано возможнымъ обойтись безъ уединеннаго заключенія, которое, какъ опытомъ дознано, должно предшествовать вообще совокупному заключенію, и продолжаться отъ четырехъ до девяти мѣсяцевъ, а иногда до одного года (въ исключительныхъ только случаяхъ болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ). Слѣдовательно, приблизительно, одинъ годъ надобно исключить изъ общаго итога содержанія арестантовъ, а затѣмъ остаются три года; но нелѣпо было бы предполагать, что бы все остальное время, послѣ уединеннаго заключенія, арестанты проводили въ такъ называемомъ каторжномъ отдѣлѣ, при равномѣрно строгой дисциплинѣ, и прямо изъ этого отдѣленія, безъ предварительной подготовки, выпускались на свободу. Такой скачекъ противорѣчилъ бы смыслу исправительныхъ заведеній, которыя приняли бы тогда видъ уже не исправительныхъ, но смиренныхъ домовъ, въ буквальномъ значеніи этого слова, и арестанты, отбывъ свой срокъ заключенія, не видя разумной

цѣли въ наказаніи, и потому лишь озлобленные противъ исполнителейсудебнаго приговора, которыхъ будутъ считать своими притѣснителями, съ большимъ еще ожесточеніемъ примутся снова за прежнія свои злодѣянія, тогда какъ не ожесточать слѣдуетъ преступника, а, напротивъ того, стараться довести его до сознанія его преступности.

Итакъ необходимо до полного освобожденія давать имъ мало по малу нѣкоторыя льготы и облегченія, и выдержать ихъ извѣстный срокъ на испытаніи. Да и въ самомъ каторжномъ отдѣленіи арестанты не могутъ быть поставлены подъ одинъ уровень, а должны существовать разные переходные разряды, т. е. преступники должны быть раздѣлены на категоріи, и для лучшаго успѣха дѣла нужно употреблять не только строгія мѣры, но и мѣры поощренія, стараясь возбуждать между арестантами соревнованіе. Не понимая сначала нравственной пользы хорошаго поведения, они могутъ быть побуждаемы къ тому съ одной стороны страхомъ, а съ другой матеріальными выгодами.

Только послѣ систематическаго прохожденія всѣхъ градацій отъ низшаго до высшаго разряда, при медленномъ и постепенномъ развитіи въ интеллектуальномъ и религіозномъ отношеніяхъ, бывшіе преступники сдѣлаются безопасными и способными для общежитія, созрѣютъ для гражданской свободы, а потому и могутъ быть предоставлены самимъ себѣ, не нуждаясь болѣе въ непосредственной опецѣ.

Такимъ образомъ, правительство, выполнивъ принятыя на себя обязанности, въ то же время, можетъ до извѣстной степени гарантировать общество отъ повторительныхъ преступленій.

Но спрашивается: можно ли достигнуть того, что бы въ трехлѣтній промежутокъ времени заключеннымъ были пройдены всѣ степени отдѣленія каторжнаго и того отдѣленія, какъ бы оно ни было названо, которое должно предшествовать освобожденію изъ тюрьмы, и которое, при сравненіи съ больницею, изображаетъ собою, такъ сказать, отдѣленіе выздоравливающихъ? Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что это положительно невозможно, ибо тогда пришлось бы на каждую изъ этихъ градацій по нѣсколько мѣ-

*

сяцевъ, другими словами—исправление совершалось бы съ невѣроятною быстротою. *)

Признавая все превосходство усовершенствованной въ послѣднее время пенитенціарной системы предъ нынѣшнимъ тюремнымъ содержаніемъ и при наилучшемъ составѣ тюремной администраціи, мы должны однако допустить, что подобная иллюзія никогда не можетъ перейти въ міръ дѣйствительности. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ льстить себя надеждою, что бы арестанты, состоящіе по крайней мѣрѣ на половину изъ преступниковъ, грубыхъ и невѣжественныхъ, въ угожденіе начальству, торопились исправиться, и, безостановочно идя по пути усовершенствованія, въ короткое время изъ людей порочныхъ и негодныхъ превратились бы въ безукоризненныхъ. Нелегко вообще отвыкнуть отъ вредныхъ привычекъ и дурныхъ наклонностей, а тѣмъ болѣе трудно преступнику отрѣшиться отъ своего прошедшаго, переимѣнить свой образъ мыслей, и, послѣ легкой наживы, бродячей и большею частью разгульной жизни, приняться настойчиво за честный и утомительный трудъ. Независимо однако же отъ продолжительности срока содержанія и при допущеніи необходимости распредѣленія арестантовъ на прогрессивные разряды, надобно еще разрѣшить вопросъ, чѣмъ будутъ различаться между собою эти разряды, въ чемъ будетъ состоять вознагражденіе, или какія будутъ употребляться мѣры поощренія за хорошее поведеніе и усердіе къ работамъ, а также смотря по степени благонадежности заключенныхъ. Вотъ эти то отличительныя черты и средства для возбужденія соревнованія въ лучшихъ исправительныхъ заведеніяхъ заключаются въ слѣдующемъ:

1) Постепенное возвышеніе задѣльной платы, которая въ низшемъ разрядѣ каторжнаго отдѣленія обыкновенно бываетъ весьма ничтожна.

2) Добавочныя порціи и улучшеніе вообще пищи, которая въ началѣ бываетъ суровая и въ весьма умѣренномъ количествѣ.

3) Уменьшеніе мало по малу строгости дисциплины.

---

*) Мы здѣсь не говоримъ о маловажныхъ арестантахъ, содержащихся за незначительные проступки.

4) Предоставленіе арестантамъ, въ извѣстныхъ границахъ, свободы дѣйствія и оказываемое имъ съ осмотрительностію довѣріе.

5) Увеличеніе часовъ отдохновенія и прогулокъ.

6) Дозволеніе въ опредѣленные дни и часы принимать посѣщенія не только родныхъ, но и постороннихъ лицъ, разумѣется, благонадежныхъ, и наконецъ

7) Наружные знаки отличія. *)

Нѣкоторые возстаютъ противъ послѣдней изъ упомянутыхъ мѣръ, но, сверхъ уже того, что эти возраженія могутъ быть довольно категорически опровергнуты, эти видимые знаки отличія весьма облегчаютъ и ускоряютъ классификацію и даже самый надзоръ за арестантами. Хотя, съ одной стороны, эти знаки и раждаютъ въ нѣкоторыхъ зависть, зато, съ другой, возбуждаютъ въ неимѣющихъ этихъ знаковъ—стремленіе къ скорѣйшему приобрѣтенію ихъ, не только изъ тщеславія или честолюбія, котораго не лишены и арестанты, но и для того, что бы воспользоваться преимуществами, находящимися въ связи съ помянутыми знаками отличія.

Короткій срокъ, опредѣляемый для тюремнаго заключенія, наводитъ невольно на мысль, что въ новыя исправительныя тюрьмы предполагается, повидимому, сажать только за проступки и маловажныя преступленія, и что серіозные уголовные преступники, послѣ предварительнаго, во время слѣдствія, содержанія въ тюрьмѣ, будутъ попрежнему отправляемы на каторжныя работы въ сибирскихъ рудникахъ. Предназначая же только для извѣстной части преступниковъ эти тюремныя заведенія, жаль было бы истрачивать значительныя суммы на ихъ преобразование, тѣмъ болѣе, что, съ устройствомъ мѣстъ заключенія при мировыхъ учрежденіяхъ, куда и будутъ помѣщаться приговоренные къ кратковременному аресту, съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшится число арестантовъ на довольно значительную степень. Вообще, можно сказать, что въ подобномъ случаѣ тюремныя заведенія будутъ соответствовать, собственно говоря, такъ называемымъ

---

*) Разряды или категоріи арестантовъ съ удобствомъ опредѣляются посредствомъ превосходной системы марокъ.

peines correctionnelles, т. е. могутъ быть отнесены къ полицейскимъ исправительнымъ мѣрамъ, которыхъ основная идея, имѣя другой характеръ, не требуетъ конечно столь сложной системы, какова новѣйшая пенитенціарная. Ссылка же въ Сибирь, на каторжныя работы въ рудникахъ, очевидно, не только не можетъ замѣнить пенитенціарной системы заключенія, но и вообще, какъ въ смыслѣ исправительной мѣры, такъ равно и въ экономическомъ отношеніи, какъ доказалъ опытъ, совершенно неудовлетворительна. Эта мѣра можетъ служить только въ крайнихъ или исключительныхъ случаяхъ. Притомъ же политическая смерть, не только юридически, но почти фактически, уничтожая личность, безвозвратно исключаетъ человѣка изъ гражданскаго общества, а при частыхъ побѣгахъ каторжниковъ размножаетъ число ожесточенныхъ бродягъ, готовыхъ на всякое злодѣяніе. Переселеніе же и колонизація, въ противоположность подобной ссылкѣ, даетъ совершенно иное направленіе мыслямъ, стремленію и образу жизни, расширяя въ то же время понятія и улучшая нравы переселенцевъ.

Безъ всякой затаенной мысли и малѣйшаго пристрастія, но опираясь единственно на логическихъ выводахъ, подкрѣпляемыхъ фактами, можно утвердительно сказать, что высшій срокъ тюремнаго заключенія, при введеніи прогрессивной пенитенціарной системы, долженъ продолжаться никакъ не менѣе семи и даже восьми лѣтъ; наименьшій же срокъ во всякомъ случаѣ болѣе одного года, причемъ колонизація отдаленной мѣстности замѣнила бы съ пользою промежуточныя заведенія, преимущественно, конечно, для болѣе тяжкихъ преступниковъ, которымъ, по причинѣ меньшей благонадежности, неудобно давать условныя увольнительные билеты.

Кромѣ того, арестанты, при болѣе продолжительномъ срокѣ содержанія, приучатся и лучше къ работамъ, а потому мастерскія тюремныя принесутъ болѣе прибыли, и съ избыткомъ выручатъ сумму, потребную на переселеніе и обузавденіе, какъ принудительно отсылаемыхъ правительствомъ арестантовъ, такъ и добровольныхъ между ними переселенцевъ.

Итакъ, смотря съ экономической точки зрѣнія, а вмѣстѣ

съ тѣмъ и съ точки зрѣнія юридической и административной, желательно было бы установление болѣе долгаго срока, достаточнаго для полнаго исправленія преступниковъ, при установлении въ то же время системы колонизаціи арестантами, отбывшими свой срокъ заключенія.

До этихъ поръ мы говорили о предметахъ, касающихся внутренней стороны реформы, т. е. самой организаціи новыхъ тюремныхъ учреждений; теперь обратимся къ внѣшней сторонѣ, къ устройству тюремныхъ зданій.

Сколько намъ извѣстно, проектируемыя зданія во многихъ отношеніяхъ будутъ соответствовать предназначенной цѣли; но, отдавая полную справедливость несомнѣннымъ художественнымъ и практическимъ достоинствамъ и отчетливости деталей, замѣчаемымъ даже при поверхностномъ разсмотрѣніи составленныхъ плановъ, мы не можемъ однако, умолчать по крайней мѣрѣ объ одномъ, къ сожалѣнію довольно существенномъ недостаткѣ, обнаруживающемся въ устройствѣ одиночныхъ камеръ, которыя предположено между собою отдѣлять перегородками.

Когда идетъ рѣчь о такомъ важномъ предметѣ, каковъ вопросъ объ одиночномъ заключеніи, то слѣдуетъ ли серьезно принимать въ расчетъ въ сущности незначительное сокращеніе расходовъ или сбереженіе пространства? Намъ кажется, что нѣтъ; здѣсь вся задача приводится къ тому, что бы рѣшить: необходимо ли одиночное заключеніе, или не нужно вовсе?... Если оно признано необходимымъ, то и слѣдуетъ устроить дѣйствительныя одиночныя камеры, вполнѣ заслуживающія такое названіе, а не деревянные перегородки или клѣтки, ни къ чему неслужащія, а только напрасно убавляющія свѣтъ и воздухъ у заключенныхъ. Арестанты не дѣти, для которыхъ и ширмы могутъ изображать стѣны: ихъ нужно вполнѣ уединить, вполнѣ отдѣлить другъ отъ друга, что бы между ними немислимо было какое либо сообщеніе, а чрезъ досчатыя перегородки или тонкія деревянные стѣны имъ не только удобно переговариваться, но и устроить нѣчто въ родѣ телеграфа. Одиночное заключеніе только тогда производитъ благотворное, подтверждаемое опытомъ, потрясающее дѣйствіе на арестанта, когда

онъ, окруженный толстыми стѣнами, чувствуетъ себя совершенно одинокимъ, отчужденнымъ отъ всего остальнаго міра, отъ котораго ни единый звукъ не проникаетъ до его слуха; когда, впервые одинъ съ самимъ собою, онъ невольно заглядывается въ самого себя, мысленно переживаетъ свое прошедшее; когда въ его воображеніи возстаютъ ограбленныя или убитыя имъ жертвы, когда въ его ушахъ снова раздаются давно забытые стоны умирающихъ отъ его руки, — въ то время, впервые, быть можетъ, зашевелится въ его груди, если еще не настоящее раскаяніе, то хотя что то похожее на угрызение совѣсти, или мелькнуть въ головѣ его мысли о тяжкомъ грѣхѣ и преступномъ дѣйствіи противъ гражданскаго общества, а вслѣдъ затѣмъ появится и сознание о справедливости заслуженнаго наказанія. Притомъ же, одиночное заключеніе, какъ извѣстно, особенно ощутительно въ началѣ, и тогда именно достигается желаемой цѣли, когда оно приводится въ дѣйствіе безъ всякаго смягченія, а потому преступниковъ и слѣдуетъ подвергать такому заключенію немедленно, въ полномъ значеніи этого слова. Въ противномъ же случаѣ, т. е., если по какимъ либо соображеніямъ уединенныя камеры считаются лишними, съ чѣмъ мы никакъ согласиться не можемъ), то нѣтъ надобности въ такомъ случаѣ разгораживать помѣщенія на отдѣльныя каморки; не зачѣмъ тратить какую бы то ни было сумму на устройство ни къ чему ненужныхъ перегородокъ, а тѣмъ менѣе не зачѣмъ употреблять безъ пользы довольно значительную часть зданія, которая могла бы служить для иной цѣли, болѣе существенной.

Впрочемъ, такъ какъ, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, вопросъ о тюремныхъ преобразованіяхъ еще не рѣшенъ окончательно, такъ сказать безапелляціонно, но составляетъ пока лишь весьма дѣльно разработанный проектъ, который вѣроятно будетъ еще обсужденъ во всѣхъ подробностяхъ, и какъ, независимо отъ этого, ни собранные матеріалы, ни предположенія комиссіи до сихъ поръ не обнародованы, даже въ частности, то мы не можемъ и не считаемъ себя въ правѣ входить въ болѣе подробный разборъ предположеній, храпящихся въ портфель и подлежащихъ, слѣдовательно, гласному обсужденію; но вполне уповаемъ, что ми-

истерство подвергнетъ проектъ всестороннему пересмотру прежде, чѣмъ исходатайствуетъ высочайшее соизволеніе на утвержденіе его, и охотно приметъ во вниманіе всѣ тѣ указанія, которыя признаетъ полезными, гдѣ бы они ни были заявленъ.

Ф. Э.

Августъ, 1867 г.

ВТОРЫЯ ПОХОРОНЫ НАПОЛЕОНА.

(Микель-Анджело Титмарча *).

I. ВЫГРѢВЕНІЕ НАПОЛЕОНА СЪ ОСТРОВА СВ. ЕЛЕНЫ.

Мой другъ—задача различить великое отъ ничтожнаго въ мірѣ семъ вовсе дѣло не легкое; многое, и многое изъ прочитаннаго мною въ исторіи (или въ произведеніяхъ фантазіи, носящихъ ея имя) ставитъ меня въ затрудненіе; я не знаю, что слѣдуетъ превозносить до небесъ, и усиливаться всѣми слабыми силами своимъ перенять отъ славныхъ людей, о которыхъ читаю, и что должно заставить меня отвернуться отъ книги и ея героя, какъ отъ предметовъ низкихъ, недостойныхъ, смѣшныхъ, и прибѣгнуть къ чтенію романа, къ игрѣ на билліардѣ, къ трубкѣ табаку или къ отчету о послѣднихъ преніяхъ палаты, словомъ—къ одному изъ тѣхъ занятій, которыя оставля-

---

*) Г. Теккерей еще разъ является на страницахъ «Корнгиля Магазина» подъ псевдонимомъ, скрывавшемъ сначала имя теперь уже всѣмъ извѣстнаго автора. «Корнгиль. Магазинъ» предосылаетъ этой статьѣ слѣдующее весьма ироническое объясненіе: «Мы имѣемъ возможность предложить нашимъ читателямъ нѣсколько очерковъ М. А. Титмарча, которые хотя и были уже въ печати, но въ то время, когда читающая публика была тупа до той немовѣрной степени, что не умѣла разглядѣть никакихъ достоинствъ въ *«Barri-Lindont»*; тогда какъ мы еще въ настоящее время не можемъ удивиться тому, что самому Теккерей удалось еще превзойти это маленькое, но, по силѣ своей и смѣлости, удивительное произведеніе. Тогда онъ написалъ многое, прошедшее безъ вниманія и вскорѣ совсѣмъ позабытое.

ютъ голову въ состояніи пріятной пустоты, вмѣсто того, что бы начинать ее ненужными рядами цифръ, относящихся къ событіямъ, которыя сами по себѣ ничего не стоятъ, или клочками именъ различнаго люда, воспоминаніе о которомъ не можетъ доставить никому ни малѣйшей существенной пользы.

Болѣе чѣмъ вѣроятно, дорогая моя, что вы знакомы съ тѣмъ, что называется исторіею грековъ и римлянъ, преимущественно посредствомъ зубренія, въ раннемъ дѣтствѣ, маленькихъ, переплетеныхъ въ сафьянъ, томиковъ остроумнаго д-ра Гольдсмита, а знаніемъ вашимъ нашей англійской исторіи обязаны послѣдующему изученію болѣе полновѣсныхъ сочиненій Юма и Смолетта. Первый и вторые названные писатели, милая моя миссъ Смитъ, написали отличныя вещи, Гольдсмитъ — исторію д-ра Примроза, викарія Увзкфильдскаго, а послѣдніе — исторію м-ра Роберта Брамбля изъ Брамбль-Голя — въ обоихъ этихъ произведеніяхъ вы найдете пропасть вѣрныхъ и поучительныхъ картинъ человѣческой жизни, которыя васъ заставятъ весьма основательно поразмыслить. Но позвольте мнѣ предостеречь васъ отъ слишкомъ большой довѣрчивости къ остальнымъ трудамъ этихъ авторовъ, врученныхъ вамъ на школьной скамьѣ и позже, и въ которые васъ учили вѣрить. Современные истори-

Одною изъ такихъ вещей были «Вторыя похороны *Наполеона*», о которыхъ, вѣроятно, ни одинъ изъ десяти тысячъ читателей «Коринги» (и тѣмъ болѣе ни одинъ изъ читателей «Записокъ для чтенія») ничего никогда не слыживалъ. «Вторыя похороны *Наполеона*» были изданы въ приличномъ видѣ, въ аккуратномъ двѣнадцатидольномъ форматѣ, м-ромъ Гуго Куингамомъ, книгопродавцемъ, лавка котораго помѣщалась на углу площади св. Мартина, и который былъ также первымъ издателемъ «Очерковъ Парижа». Онѣ были иллюстрированы нѣсколькими неособенно хорошими политическими на деревѣ, и, кромѣ того, въ книгѣ была помѣщена извѣстная «хроника барабана», которую всѣ лучшія періодическія изданія отказались напечатать. И точно такъ же, какъ почтенные издатели того времени завербовали поэму, современная имъ остроумная публика отказалась читать отчетъ о «Вторыхъ похоронахъ *Наполеона*», несмотря на всю заманчивость, которую представляла статья, трактовавшая о событіи только что совершившемся. Лице, приславшее намъ оригиналь Теккеря, съ котораго мы печатаемъ давно забытый рассказъ, говорить:

«Письма о вторыхъ похоронахъ *Наполеона* не имѣли успѣха. Я имѣлъ удовольствіе издать для мистера Теккеря этотъ маленький томикъ, и просматривалъ его во время печатанія. Но такъ какъ затѣмъ, къ великому огорченію издателя, его предпріятіе не произвело впечатлѣнія на публику, то м-ръ Теккерей написалъ мнѣ изъ Парижа слѣдующее мизенькое письмо: «И такъ вашъ несчастный Титмарчъ снова потерпѣлъ поражение. Что же намъ дѣлать, что бы заоловить ухо этаго великаго болвана — публики? Просто ума не приложу; но полагаю, что имѣю въ запасѣ нѣчто, чѣмъ можно удивить ее...» Наметь очевидно относился къ «Ярмаркѣ тщеславія», которую онъ начиналъ тогда писать.

ки по большей части знаютъ весьма мало, да, кромѣ того, говорятъ очень мало изъ того, что знаютъ. Узнавъ какія на самомъ дѣлѣ были чудовища греки и римляне, извѣстные вамъ только изъ книгъ, вы покраснѣли бы ярче любаго розана и бросили бы историческій учебникъ въ припадкѣ гнѣва. Но не лучше ихъ многіе изъ англійскихъ знаменитостей. Вы не имѣете возможности узнать настоящей характеръ ни одного изъ нихъ. Они являются передъ вами въ своей общественной дѣятельности, но личность ихъ остается вамъ вполне неизвѣстною. Предположите, напримѣръ, что ваша матушка закупаетъ чай въ Боругѣ, у живущаго тамъ торговца бакалейными товарами, по имени Гринакра; или предположите, что васъ пригласили на обѣдъ, и хозяинъ дома говоритъ: «Эй, Франсуа! налейте бокаль шампанскаго миссъ Смитъ». — Курвуазье наливаетъ вамъ вина, точь въ точь, какъ это сдѣлалъ бы каждый лакей; вамъ никогда и въ голову не приходитъ, что эти личности чѣмъ нибудь да замѣчательны; вы составляете себѣ понятіе объ нихъ лишь по отличительнымъ чертамъ ихъ общественной дѣятельности, въ качествѣ торговца и лакея. Вотъ вамъ примѣръ, милостивая государыня, какъ пишется исторія; она постоянно выводитъ на сцену человѣка, или въ фартукѣ работника, или въ его шитой ливреѣ, но она не имѣетъ власти и досуга, а быть можетъ считаетъ себя слишкомъ высоко поставленною для того, что бы нисходить до изученія человѣка въ его частной жизни. Ахъ, моя милая, если бы великихъ и маленькихъ людей безпристрастно смѣрять, великія и маленькія дѣла точно взвѣсить, и весь Божій людъ разоблачить отъ его мантій, нищенскихъ лохмотій, генеральскихъ мундировъ, ветхихъ и неуклюжихъ платій и тому подобнаго — или противоположнаго, скажите — если бы обнажить души отъ нечестивыхъ и обманчивыхъ плотскихъ покрововъ, и привести ихъ въ состояніе первобытной наготы, въ какомъ онѣ были до рожденія, — какое ужасающее зрѣлище представилось бы намъ, и что за прелестный видъ имѣли бы многіе изъ насъ! Вообразите себѣ, что передъ нами стоитъ гордость, съ которой стащили ея широкіе, пышные наряды, и она внезапно превратилась въ обглоданную рѣдку! Вообразите себѣ какую нибудь ангельскую добродѣтель, у которой бѣлая одежда вдругъ летитъ черезъ голову, и обнаруживаются копыта и хвостъ! Вообразите себѣ смиреніе, облегченное отъ всего его кислаго груза заботъ, бѣдности и лишеній, карабкающихся на самое высокое мѣсто съ краскою торжества на лицѣ! Вообразите себѣ, — впрочемъ лучше вовсе не представлять себѣ такого зрѣлища, — которое было бы оскорбленіемъ общественной нравственности... А лучше ли мы сами нашихъ сосѣдей? Конечно нѣтъ. И такъ, если мы не можемъ быть добродѣтельными, то будемъ по крайней мѣрѣ скромными. Фиговые листья — вполне скромное и приличное украшеніе, введенное въ моду уже болѣе четырехъ тысячъ

лѣтъ. И исторія, милая моя, вся писана при посредствѣ фиговыхъ листьевъ. Неужели же вы и этимъ недовольны...? Не можете быть!

Да, четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, было посажено знаменитое дерево. И, при первой лжи, наши прародители прибѣгли къ нему, и съ тѣхъ поръ великое дерево обмана постоянно продолжаетъ простирать свои длинныя вѣтви, и укрывать благосклонно своими листьями, вѣчно широкими и зелеными, всѣ поколѣнія человѣческаго рода. Такъ то, душа моя, кокетки изъ прекраснаго пола, къ которому принадлежите вы, нацѣпляють на себя фиговые листья, расположенные въ фантастическомъ порядкѣ, и величаютъ этотъ маскарадъ именемъ скромности. Трусы храбро прикидываются «спасителями», и мы вѣримъ, что они воины. Дураки, осѣненные тѣнью листьевъ, имѣють торжественный видъ, и въ потемкахъ мы принимаемъ ихъ за мудрецовъ. И не мало людей, вѣнчаныхъ лаврами и корчащихъ героевъ, заставили бы раскохотаться любаго изъ насъ, которому удалось бы взглянуть на ихъ телячій черепъ безъ прикрасъ.

Итакъ уже (извините мнѣ мои правоученія) установлено въ человѣческомъ обществѣ, что люди, какъ будто сговорившись между собою, доводятъ систему фиговыхъ листьевъ до послѣдней крайности, и встають противъ каждаго, противящагося ей. Воплощенный обманъ—они хотять, что бы обманъ уважался.

Подобныя церемоніи происходятъ теперь во Франціи; полагаю, что, быть можетъ, вы согласитесь занять досугъ длиннаго зимняго вечера разговоромъ о нихъ, я для васъ составилъ компиляцію, которую вы найдете на слѣдующихъ страницахъ. Газеты, за послѣдніе дни, были наполнены подробностями касательно экспедиціи на островъ св. Елены, было издано нѣсколько памфлетовъ, уличные разнощики громко распродала книжонки и брошюры, наполненныя истинными и вымышленными особенностями: изъ этихъ скудныхъ и достовѣрныхъ документовъ преимущественно почерпнуто нижеслѣдующее повѣствованіе.

Мы начнемъ съ самаго начала. Впервыхъ, Гизо, бывшій французскій посланникъ въ Лондонѣ, отнеся къ лорду Пальмерстону съ прошеніемъ о выдачѣ Франціи тѣла императора Наполеона, для перенесенія и окончательнаго погребенія его въ французской землѣ. На это заявленіе англійское правительство отвѣтило немедленно согласіемъ; это обошлось безъ всякихъ особенныхъ волненій, съ той или другой стороны, и вызвало лишь обмѣвъ нѣсколькихъ любезныхъ и дружелюбныхъ фразъ. На островъ св. Елены былъ посланъ приказъ вырыть тѣло своевременно, по пріѣздѣ французской эскадры, отправленной за нимъ, и оказывать всякое почтеніе и вниманіе лицамъ, имѣющимъ явиться съ порученіемъ перевезти на родину останки знаменитаго полководца и государя.

Все дѣло было улажено въ весьма немногихъ словахъ (какъ

въ Англии это часто и похвально водится), и французскія палаты приступили къ обсужденію того мѣста, гдѣ погребсти тѣло, когда оно будетъ получено; затѣмъ, безчисленное множество памфлетовъ и газетныхъ статей присоединило свой голосъ къ этимъ толкамъ. Тутъ были многіе изъ воевавшихъ, побѣждавшихъ и потерпѣвшихъ пораженіе, вмѣстѣ съ великимъ Наполеономъ, и любившихъ его и его память. Было еще болѣе такихъ, которые его великимъ геніемъ и храбростію гордились, какъ личными качествами, и шумно привѣтствовали возвращеніе своего героя. А если и были немногіе, въ средѣ этой великой, горячей, любезной, хвастливой, чудной и нелѣпой французской націи, которые хладнокровно оцѣнивали характеръ покойнаго императора, если, быть можетъ, такіе люди, какъ Лудовикъ-Филиппъ, Тьеръ, министръ и депутатъ, и Франсуа Гизо, депутатъ и ораторъ, и имѣли, изъ интереса или убѣжденій, мнѣнія, совершенно противоположныя большинству, хотя они знали вполнѣ въ чемъ дѣло,—то держали свои мнѣнія просебя, и шли съ подобающею готовностію бросить нѣсколько горстей ошмѣтокъ на алтарь народнаго идола.

Въ послѣдующихъ преніяхъ были сдѣланы разнообразныя предложенія касательно выбора мѣста для могилы императора. «Нѣкоторые желали», говоритъ одинъ краснорѣчивый анонимъ, морской капитанъ, написавшій *«Дневникъ отъ Тулона до острова св. Елены»*, «что бы гробъ былъ поставленъ подъ чугунъ, отпаятый у непріятеля французскою арміею—подъ Вандомскую колонну. Мысль прекрасная! Это славнѣйшій памятникъ изъ когда либо воздвигнутыхъ въ честь побѣдителя. Вандомская колонна вылита изъ непріятельскихъ пушекъ, изъ тѣхъ самыхъ пушекъ, которыя изборождали шрамами груди нашихъ храбрецовъ; этотъ металлъ, завоеванный сначала солдатомъ и послѣ него художникомъ, далъ возможность одновременно запечатлѣть на своемъ челѣ собственное свое пораженіе и нашу славу. Наполеонъ могъ бы почить въ мирѣ подъ этимъ отважнымъ трофеемъ. Но будетъ ли достаточно мѣста для помѣщенія его праха подъ пѣдесталомъ колонны? Его могучее изображеніе, высѣченное надъ Парижемъ, не сбѣняетъ ли уже достаточноымъ величіемъ это мѣсто; тогда какъ колесы экипажей и ноги проходящихъ станутъ святотатственно нарушать могильный покой, попирая землю, надъ самымъ его изголовьемъ?»

Конечно, не слѣдуетъ принимать всего вышесказаннаго, милая Амалія, за чистую монету, *au pied de la lettre*, какъ гласитъ французское выраженіе, но оно представляетъ вамъ мастерское изложеніе аргументовъ за и противъ погребенія императора подъ Вандомскою колонною. Мысль была дѣйствительно прекрасною, съ этимъ согласится можно; но, подобно всякимъ другимъ мыслямъ, она открывала дверь возраженіямъ. Вы не должны думать, что бы пушки, или, вѣрнѣе, пушечныя ядра, имѣли обыкновеніе изборождать шрамами груди французскихъ

храбрецовъ, или какихъ нибудь иныхъ храбрецовъ: совершенно напротивъ, всѣмъ извѣстенъ фактъ, что ядра наносятъ раны, а не шрамы (которыя суть ничто иное, какъ зажившія раны), и кромѣ того, что, въ большей части случаевъ, человѣкъ, получивъ такой снарядъ въ грудь, умираетъ, и еще чаще умираетъ тотъ, кому попадаетъ въ грудь *изборозжающій* осколокъ ядра. Нѣтъ, мой другъ, никакая грудь, какая геройская она ни была бы, не выдерживаетъ такого предположенія, и авторъ хотѣлъ только сказать этимъ, что французскіе солдаты шли противъ пушекъ, и взяли ихъ. Не предполагайте также, дорогая моя, что колонна литая—не она, а пушки литыя; но подобныя фразы весьма обыкновенны ораторамъ, когда они желаютъ придать особенную силу и блескъ своей рѣчи.

Опять же, хотя и говорится, что Наполеонъ почивалъ бы мирно подъ отважнымъ трофеемъ, но какъ же это возможно, когда экипажи громыхаютъ въ продолженіе цѣлой ночи и множество людей, съ громадными желѣзными шпорами на сапогахъ, постоянно ходитъ, стуча о камни? Трудно также повѣрить, что бы человѣкъ, слава котораго простирается отъ пирамидъ до Кремля, могъ найти основаніе колонны, имѣющей не болѣе двадцати пяти футовъ въ квадратъ, достаточно просторнымъ помещеніемъ для своихъ костей... Словомъ, несмотря на все остроуміе предложенія похоронить Наполеона подъ колонною, оно было найдено неудобноисполнимымъ, и, вслѣдъ затѣмъ, кто то предложилъ церковь св. Магдалины.

«Было предложено», говоритъ тотъ же авторъ съ свойственнымъ ему краснорѣчіемъ, «назначить церковь Магдалины его изгнаннымъ останкамъ»—то есть, его костямъ, когда онѣ уже будутъ возвращены изъ изгнанія. «Но онъ долженъ имѣть цѣлый храмъ. Слава его наполняетъ весь міръ. Его костямъ было бы тѣсно въ обыкновенномъ человѣческомъ гробѣ—въ обыкновенной царской гробницѣ! Въ такомъ случаѣ чего же требовалось отъ церкви Маріи Магдалины? Последнее предложеніе, я весьма счастливъ заявить это, было отвергнуто, и другое предложеніе предсѣдателя совѣта принято. Наполеонъ и его храбрые товарищи должны быть неразлучны. Онъ найдетъ достойную себя усыпальницу подъ обширнымъ позолоченнымъ сводомъ дома инвалидовъ. Сводъ, подражающій своду небесъ, и только ему одному» (здѣсь намекается, вѣроятно, на какой то другой сводъ), «будетъ возвышаться надъ его челомъ. Его старые израненные гвардейцы будутъ караулить надъ нимъ: и послѣдній ветеранъ, проливавшій свою кровь въ его битвахъ, придетъ отдать послѣдній вздохъ на его могилу, и всѣ эти могилы будутъ покоиться, освѣщенные вѣточками знаменъ, отнятыхъ у всѣхъ націй Европы.»

Въ оригиналѣ сказано: «sous les lambeaux criblés des drapaux cueillis chez toutes les nations», что означало бы въ построчномъ переводѣ: «подъ лохмотьями прострѣленныхъ зна-

мень, сорванныхъ (будто рѣчь идетъ здѣсь о розахъ или лютикахъ) у различныхъ націй.» Нѣжные, невинные цвѣты побѣды! И тамъ то, дорогая моя, произрастаютъ они въ безопасности, и достаточно многочисленный ихъ hortus siccus (садъ) можетъ видѣть каждый, избравшій пѣлмію своей прогулки инвалидовъ. Итакъ, когда мѣсто погребенія было найдено, было приступлено къ снаряженію экспедиціи, и 7-го іюля фрегатъ «Бель-Пуль», въ сопровожденіи корвета «Фаворитъ», отплыли изъ тулонской гавани. Пароходы «Тридентъ» и «Океанъ», сопутствовали кораблямъ до Гибралтара, откуда тѣ уже одни продолжали свое плаваніе.

Отплытіе кораблей изъ гавани происходило при громадномъ стеченіи публики и посреди страшнаго грома пушекъ. Предварительно передъ отходомъ «Бель-Пуль», прибылъ на его бортъ епископъ фрежюссійскій для дарованія епископскаго благословенія гробницѣ, предназначенной къ принятію праха императора. Старые друзья и сподвижники Наполеона, оба Бертрана, Гурго, Эммануилъ Лаказъ, «товарищи изгнанія, или сыновья товарищей изгнанія плѣнника *гнуснаго* Гудсона», повѣтствуетъ одинъ французскій писатель, были въ числѣ пассажировъ корабля. Маршанъ, Дени, Пьерре, Новаре, его старше и вѣрные слуги, были тоже тутъ. Корабль состоялъ подъ командою его королевскаго высочества Франсуа - Фердинанда - Филиппа - Лудовика Маріи Орлеанскаго, принца Жуанвильскаго, молодаго двадцати двухъ лѣтнаго юноши, успѣвшаго уже отличиться на службѣ королю и отечеству.

Восьмага октября, послѣ шестидесяти шести дневнаго плаванія, «Бель-Пуль» прибылъ въ Джемсъ-Тоунъ и его прибытіе, точно такъ же какъ и отплытіе изъ Франціи, ознаменовалось новымъ взрывомъ артиллерійскаго грома. Сначала, французскій военный бригъ *Орестъ* привѣтствовалъ салютами приближавшійся фрегатъ; вслѣдъ за тѣмъ *Делфинъ*, англійская шкуна, сдѣлала двадцать одинъ выстрѣлъ, потомъ фрегатъ отвѣтилъ тѣмъ же привѣтствіемъ англійскому судну, и наконецъ далъ еще двадцать одинъ залпъ, въ видѣ любезности, берегу, котораго гостепримство выразилось такими же выстрѣлами съ крѣпости.

По окончаніи съ обѣихъ сторонъ этихъ привѣтствій, лейтенантъ Миддльморъ, сынъ и адъютантъ губернатора острова, отправился на палубу французскаго фрегата для засвидѣтельствованія наиглубочайшаго уваженія отца своего къ его королевскому высочеству. Губернаторъ былъ боленъ, и вынужденъ по этой причинѣ не выходить изъ своей комнаты, но его домъ въ Джемсъ-Тоунѣ былъ готовъ къ принятію капитана Жуанвилья и его свиты, и онъ просилъ пользоваться имъ во все время ихъ пребыванія на островѣ св. Елены.

Девятаго октября, его королевское высочество принцъ Жуанвильскій, въ полномъ мундирѣ, высадился, въ сопровожденіи

генераловъ Бертрана и Гурго, гг. Лаказа, Маршана и Кокеро, капеллана экспедиціи, и г. Рогана-Шабо, исполнявшаго должность церемоніймейстера. Весь гарнизонъ стоялъ подъ ружьемъ, для принятія знатнаго гостя и остальныхъ членовъ экспедиціи, которые немедленно отправились въ Плантешень-гоузь, гдѣ имѣли конференцію съ губернаторомъ, относительно цѣли своего путешествія.

Десятого, одиннадцатаго, и двѣнадцатаго чисель продолжались переговоры; экипажамъ французскихъ кораблей было дано позволеніе сойти на берегъ и посѣтить могилу Наполеона. Бертранъ, Гурго и Лаказъ гуляли по острову, посѣщая вновь мѣста, къ которымъ они относились такъ пристрастно во время жизни императора.

Пятнадцатое число было назначено для вскрытія тѣла: въ тотъ же день, двадцать пять лѣтъ передъ тѣмъ, Наполеонъ впервые вступилъ на островъ.

Наканунѣ всѣ приготовления были окончены: большая гробница, украшенія, привезенныя изъ Франціи и всѣ инструменты, нужные для церемоніи, были перевезены въ долину, гдѣ была могила.

Работы начались въ полночь. Извѣстные, выше упомянутые друзья Наполеона и еще нѣсколько лицъ, бывшихъ на службѣ при немъ, капелланъ съ своими ассистентами, докторъ фрегата, капитаны французскихъ кораблей и инженерный капитанъ Александръ, англійскій уполномоченный, присутствовали при разрытіи могилы. Его высочество принцъ Жуанвильскій не могъ быть лично при выгребеніи, потому что рабочіе были подъ начальствомъ англійскаго чиновника.

Люди работали безостановочно, въ теченіе девяти часовъ, и тогда, наконецъ, вся земля, покрывавшая сводъ, была срита, весь верхній горизонтальный слой штукатурки сломанъ, и широкая плита, лежавшая надъ каменною гробницею, снята посредствомъ крана. Эта внѣшняя каменная гробница была найдена въ превосходномъ видѣ и была совершенно нетронута сыростию.

Какъ только аббатъ Кокеро окончилъ чтеніе молитвъ, гробъ былъ поднятъ съ величайшею бережностію, и отнесенъ инженерными солдатами, съ непокрытыми головами, въ палатку, нарочно приготовленную. По совершеніи религіознаго обряда, гробъ пристулено къ открытію внутреннихъ гробовъ. Верхній ящикъ былъ слегка поврежденъ; слѣдующій за нимъ, свинцовый, былъ въ хорошемъ состояніи и заключалъ въ себѣ еще два гроба, одинъ изъ олова, а другой изъ дерева. Послѣдній гробъ былъ высланъ внутри бѣлымъ атласомъ, который отъ времени отдѣлился, спустился и обвилъ собою тѣло, какъ саваномъ, мѣстами даже присталъ къ нему слегка. Трудно описать томительное волненіе, испытанное присутствовавшими, въ ожиданіи той минуты, когда имъ предстояло

увидать то, что смерть оставила отъ Наполеона. Несмотря на необыкновенное отсутствіе тѣлѣн въ могилѣ и въ гробахъ, они не могли надѣяться найдти что либо другое, кромѣ какихъ нибудь жалкихъ останковъ наиболѣе прочныхъ частей его одежды, которыя должны были послужить удостовѣреніемъ. Но когда докторъ Гюльяръ снялъ атласный саванъ, неописуемое чувство удивленія и умиленія охватило зрителей; многіе изъ нихъ залились слезами. Самъ императоръ предсталъ ихъ глазамъ! Черты его лица, хотя измѣнившіяся, были совершенно узнаваемы; руки великолѣпно сохранились; его всѣмъ извѣстный костюмъ пострадалъ, но очень мало, и легко можно было различить на немъ цвѣта. Поза была полна покоя, и если бы не нитки атласа, застилавшія, какъ паутиною, нѣкоторыя части его мундира, можно было бы думать, что видятъ императора, лежащимъ на его парадномъ смертномъ одрѣ. Генералъ Бертрамъ и г. Маршанъ, бывшіе при похоронахъ, тотчасъ назвали предметы, положенные ими въ гробъ, и они были найдены именно въ томъ положеніи, въ какомъ тѣ предварительно ихъ описали.

Оба внутренніе гроба были немедленно закрыты; старый свинцовый гробъ крѣпко обшитъ деревянными обручами и снова задѣланъ съ величайшею тщательностію, по указанію доктора Гюльяра. По окончаніи всѣхъ этихъ различныхъ операций, саркофагъ изъ краснаго дерева, равно какъ и дубовый футляръ его, были заперты. Отдавая графу Шабо ключъ отъ саркофага изъ краснаго дерева, королевскій уполномоченный, англійскій капитанъ Александръ, заявилъ ему отъ имени губернатора, что этотъ гробъ, заключающій въ себѣ прахъ императора Наполеона, будетъ считаться переданнымъ въ распоряженіе французскаго правительства, съ того дня и той минуты, когда онъ будетъ перевезенъ въ гавань, до которой онъ будетъ доставленъ подъ непосредственнымъ надзоромъ генерала Миддльмора. Королевскій французскій полномочный отвѣчалъ, что ему поручено его правительствомъ, и отъ его имени, принять гробъ отъ британскихъ властей, и что онъ и другія лица, состоящія въ французскомъ посольствѣ, готовы слѣдовать за нимъ въ Джемсъ-Тоунъ, гдѣ принцъ Жуанвильскій, главный начальникъ экспедиціи, ожидаетъ тѣло, что бы принять и проводить его на фрегатъ. Колесница, запряженная четырьмя лошадьми, украшенная погребальными эмблемами, была изготовлена еще до прибытія экспедиціи для перевозки гроба, равно какъ и покровъ и вся упряжь со всевозможными траурными знаками. Саркофагъ, поставленный наэту колесницу, сверху былъ покрытъ великолѣпною императорскою мантиею, привезенною изъ Парижа, и четыре конца которой несли генералы Бертранъ, Турго, баронъ Лаказъ и г. Маршанъ. Въ половинѣ четвертаго часа пополудни, погребальная колесница тронулась съ мѣста, предшествуемая причетникомъ съ крестомъ и аббатомъ Кокеро. Графъ Шабо

шелъ во главѣ процессіи. Всѣ власти острова, самыя знатныя обыватели его и весь гарнизонъ, шли въ процессіи отъ могилы до пристани. За исключеніемъ артиллерійскаго отряда, необходимаго при лошадяхъ и для поддержанія колесницы на крутыхъ спускахъ, лежащихъ на дорогѣ, всѣ ближайшія мѣста около гроба были предоставлены французскому посольству. Генераль Миддльморъ, несмотря на дурное состояніе здоровья, шелъ всю дорогу пѣшкомъ, на ряду съ генераломъ Черчиллемъ, начальникомъ штаба арміи въ Индіи, пріѣхавшимъ изъ Бомбея за два дня передъ тѣмъ. Страшная тяжесть гробницы и неровности дороги требовали величайшей осторожности во все продолженіе пути. Полковникъ Трелауней лично предводительствовалъ маленькимъ отрядомъ артиллеристовъ, везшимъ гробъ, и, благодаря ея дѣятельному вниманію, шествіе совершилось безъ малѣйшихъ приключеній. Съ момента отъѣзда и до прибытія колесницы въ гавань, пушки съ крѣпости и съ фрегата «Бель-Пуль» не переставали палить черезъ каждую минуту. Шествіе продолжалось около часа, когда дождикъ, непрекращавшійся съ самаго начала церемоніи, пересталъ идти, и, въ виду самаго города, ее, наконецъ, встрѣтило ясное небо и великолѣпная погода. Съ самаго утра три французскія корабля подняли всѣ знаки глубочайшаго траура: скрестили реи и приспустили флаги. Два купеческія французскія судна «Боннъ-Ами» и «Эпдиенъ», пришедшія за два дня, добровольно поступили подъ начальство принца, и во все время церемоніи слѣдовали во всѣхъ маневрахъ за фрегатомъ «Бель-Пуль». Укрѣпленія города и дома консуловъ тоже приспустили свои флаги.

Достигнувъ городскихъ воротъ, гарнизонъ и милиція построились въ два ряда, вплоть до гавани. Согласно съ правилами траура, существующими въ англійской арміи, солдаты держали ружья прикладомъ вверхъ, а офицеры, съ крепомъ на рукавахъ, имѣли шпаги опущенными. Публика не была допущена въ ряды шествія и помѣстилась на террасахъ, возвышающихся надъ городомъ; улицы были заняты одними войсками: девятнадцатый полкъ занималъ правую, а милиція лѣвую сторону. Процессія медленно двигалась посреди двухъ шпалеръ изъ солдатъ, при звукахъ погребальнаго марша и пушечныхъ выстрѣловъ съ форта и съ кораблей «Бель-Пуль» и *Дельфина*, повторяемыхъ тысячеголоснымъ эхомъ, рокотавшимъ въ скалахъ, окружающихъ Джемсъ-Тоунъ. Послѣ двухъ часового шествія процессія остановилась въ концѣ набережной, гдѣ ожидалъ ее принцъ, въ сопровожденіи офицеровъ со всѣхъ трехъ военныхъ французскихъ кораблей. Величайшія официальные почести были оказаны англійскими властями памяти императора: самыя почетныя заявленія ознаменовали прощаніе острова съ его прахомъ, и съ этой минуты смертныя останки Наполеона перешли въ собственность Франціи. Когда траурная колесница остано-

*

вилась, принцъ выступилъ одинъ впередъ, и, въ присутствіи окружающихъ, стоявшихъ съ непокрытыми головами, торжественно получилъ изъ рукъ генерала Миддльмора гробъ императора. Его королевское высочество поблагодарилъ губернатора, отъ имени Франціи, за всѣ изъявленія симпатіи и уваженія, которыми власти и жители острова св. Елены окружили достопамятное событіе выгребенія. Для принятія гробницы былъ приготовленъ катеръ. Во время гуженія, которымъ распоряжался самъ принцъ, музыка играли траурные мотивы, и всѣ шлюпки стояли кругомъ, съ поднятыми веслами. Какъ только саркофагъ опустился въ катеръ, надъ нимъ мгновенно развернулся великолѣпный королевскій флагъ, вышитый дамами Джемсъ-Тоуна для этого случая, и, въ то же время, «Бель-Пуль» сталъ брасовать свои реи и разцвѣтился флагами. Всѣ маневры фрегата немедленно были повторены прочими судами. Трауръ кончался съ окончаніемъ изгнанія Наполеона, и французскіе экипажи надѣли праздничные мундиры для принятія императорскаго гроба подъ французскимъ флагомъ. Въ катерѣ саркофагъ стоялъ покрытый императорскою мантиею. Принцъ Жуанвильскій сталъ на руль, а командиръ Гюиз помѣстился на носу лодки; генералы Бертраиъ, Гурго, баронъ Лаказъ, г. Маршанъ и аббатъ Кокеро занимали тѣ же мѣста какъ и во время шествія. Графъ Шабо и командиръ Герну находились на кормѣ, нѣсколько впереди принца. Какъ только катеръ отчалилъ отъ набережной, батареи салютовали съ берега двадцати однимъ пушечнымъ залпомъ, а французскіе корабли отвѣчали тѣмъ же всею своею артиллеріею. Еще два такіе салюты были даны во время плаванія отъ набережной къ фрегату; катеръ подвигался медленно, окруженный другими шлюпками. Въ исходѣ седьмого часа, катеръ достигъ до фрегата, вся команда котораго была на палубѣ съ шляпами въ рукахъ. По распоряженію принца, на палубѣ была устроена часовня, украшенная флагами и военными трофеями, а у подножія фокъ-мачты поставленъ былъ престолъ. Гробъ, несомый матросами, посреди двухъ рядовъ офицеровъ съ обнаженными саблями, былъ поставленъ на шанцахъ. Отпускная молитва была совершена въ тотъ же вечеръ аббатомъ Кокеро. На слѣдующій день, въ десять часовъ утра, была отслужена на палубѣ торжественная литургія, въ присутствіи офицеровъ и части экипажей кораблей. Его королевское высочество стоялъ въ ногахъ у гроба. «Фаворитъ» и «Орестъ» палили черезъ каждую минуту изъ пушекъ во время богослуженія, заключеннаго торжественною отпускною молитвою, вслѣдъ за которою принцъ Жуанвильскій, члены посольства, офицеры и командиры судовъ поочередно кропили святою водою гробъ. Въ одиннадцать часовъ, всѣ религіозныя церемоніи были окончены, и всѣ почести, подобающія государю, были возданы смертнымъ останкамъ Наполеона. Гробъ былъ осторожно спущенъ въ пространство между палубами, и поста-

влень въ часовню, построенную въ Тулонѣ для помѣщенія его. Тогда корабли залпомъ салютовали въ послѣдній разъ изъ всѣхъ оружій, и фрегатъ, пустивъ всѣ флаги, оставилъ лишь одинъ на кормѣ, и королевское знамя на гротъ-мачтѣ. Въ субботу 18-го числа, въ одиннадцать часовъ утра, фрегатъ «Бель-Пуль» отплылъ отъ острова св. Елены съ своимъ драгоценнымъ грузомъ.

Во все время пребыванія экспедиціи въ Джемсъ-Тоунѣ, наиболѣе согласіе не переставало существовать между населеніемъ острова и Франціею. Принцъ Жуанвильскій и его спутники встрѣчали во все время и во всѣхъ слояхъ общества болѣе добροжелательство и теплѣйшія заявленія сочувствія. Власти и жители должны были, безъ сомнѣнія, испытывать сожалѣніе, разставаясь съ гробомъ, который прославилъ островъ; но они подавляли свои чувства съ любезностію, которая дѣлаетъ честь благородству ихъ характера.

II. Отъ острова св. Елены до Парижа.

Восемнадцатаго октября французскій фрегатъ тронулся въ путь съ драгоценнымъ своимъ грузомъ.

Его королевское высочество, командиръ фрегата, удостоилъ милостиваго выраженія признательности англійское правительство и островитянъ за внимательный и радушный пріемъ, какой былъ оказанъ ими на о. св. Елены ему и его экипажу; онъ, мало того, обѣщалъ назначить пенсію старому служивому, который много лѣтъ состоялъ сторожемъ при императорской гробницѣ, и соизволилъ даже принять во вниманіе прошеніе содержательницы постоялаго дома, ходатайствовавшей о вознагражденіи ея за убытки, какіе она неминуемо должна понести, по случаю перенесенія съ острова тѣла императора. Разумѣется, нельзя было ожидать отъ великой французской націи, что она откажется отъ естественнаго ей желанія имѣть у себя прахъ безцѣннаго для нея героя, ради личныхъ интересовъ вышеупомянутой содержательницы отеля; тѣмъ не менѣе, для послѣдней было чрезвычайно лестно то обстоятельство, что августѣйшій принцъ, начальствовавшій экспедиціею и увлекшій съ собою анімае dimidium sine, снизшелъ до того, что вникъ въ ея положеніе, независимость котораго зависѣла на половину отъ доходнаго положенія ея гостиницы. Однимъ словомъ, вѣжливость и дружественность отношеній не могли быть доведены до высшихъ предѣловъ, чѣмъ въ настоящемъ случаѣ. Область принца и владѣнія содержательницы постоялаго дома соединились тѣснѣйшими узами. Тьеръ, министръ Франціи, былъ и великимъ покровителемъ союза съ Англіею. Въ Лондонѣ Гизо

служить достойнымъ представителемъ благорасположенія Франціи къ британскому народу, и фраза, произносимая нерѣдко англійскими ораторами на публичныхъ обѣдахъ, что «Франція и Англія, въ союзъ между собою, могутъ бросить перчатку цѣлой вселенной», предвѣщала, казалось, на многія лѣта, прочность этому союзу. Что же касается «бросанія перчатки», объ этомъ не думала ни та, ни другая изъ націй, не думали о томъ и англійскіе политики, развѣ лишь только за десяткомъ ставапомъ портвейна, въ франкмасонской тавернѣ.

Не догадывалась однако же ни миссизъ Корбеттъ, содержательница гостиницы на островѣ Св. Елены, не догадывался и его королевское высочество, принцъ Фердинандъ-Филиппъ-Марія Жуанвильскій, о томъ что въ то время происходило въ Европѣ (т. е. я хочу сказать въ Турціи, Сирии и Египтѣ), о томъ, что собирались положительно тучи на такъ называемомъ политическомъ горизонтѣ; что приближалась гроза, отъ которой могъ разлетѣться въ дребезги англогаливанскій храмъ дружбы! О, какъ грустно становится, какъ подумаешь, что одинъ человекъ, одинъ злобный и старый турокъ, можетъ быть поводомъ къ разъединенію нашихъ двухъ христіанскихъ націй.

Да, другъ мой, презрѣнный старикъ этотъ сдѣлался, съ нѣкотораго времени, предметомъ безкорыстнаго вниманія со стороны великихъ европейскихъ государей. Императоръ Николай, императоръ Фердинандъ, король прусскій и наша собственная всемилостивѣйшая королева оскорбились до такой степени его образомъ дѣйствій, его непокорностію ихъ волѣ, относительно одного молодого и прелестнаго государя, у котораго онъ захватилъ флотъ и заграбилъ богатія области, что рѣшились идти на помощь Абдуль-Меджиду I-му, султану турецкому и привести въ должное повиновеніе мятежныхъ его вассаловъ. Къ этому проекту пригласили присоединиться и Францію, но она отъ него отказалась, подъ тѣмъ предлогомъ, что, для политическаго равновѣсія европейскихъ державъ, Мехемеду-Али египетскому необходимо удержать то, что онъ отобралъ у сосѣда всѣми неправдами, и что она обязана его не намѣрена. Но для чего сталъ бы я вамъ рассказывать все то, что уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ вы читали во всѣхъ газетахъ? И вы, какъ и я, мой другъ, знаете, что политическое равновѣсіе въ Европѣ такими путями поддерживаемо не должно быть; и хотя конечно намъ, по близости Россельсквера, не нанесли ущерба успѣхи оружія стараго наши, хотя сраженіе при Неизибѣ не имѣло ни малѣйшаго вліянія на наши налоги, нашу семейную жизнь, наши учрежденія, ни на цѣну нашей говядины, — однако же неизвѣстно, что *могло* бы случиться если бы Мехедеда-Али оставили сидѣть спокойно на его мѣстѣ; политическое равновѣсіе Европы могло бы дѣваться чортъ знаетъ куда.

Вотъ вамъ, въ сжатомъ видѣ, какъ въ орѣховой скорлупкѣ,

вся завязка ссоры. Пока миссизъ Корбеттъ обмѣнивалась самыми невинными привѣтствіями съ принцемъ Жуанвильскимъ на островѣ Св. Елены, — чу! выстрѣлъ! другой! командоръ Нэпиръ уже подь стѣнами Тира и Сидона; неустрашимый флотъ нашъ лѣзеть въ бреши и обращаетъ въ бѣгство армію; полковникъ Годжисъ захватываетъ зеленое знамя Ибрагима-пашп, запасный пороховый магазинъ взлетаетъ до заоблачной выси въ С. Жанъ д'Акрѣ, и съ нимъ тысяча восемьсотъ человекъ египетскаго гарнизона. Франція выразилась по этому поводу, что англичане обязаны такими успѣхами *своему золоту*, и осталась вѣроятно въ полномъ убѣжденіи, что несчастные взорванные съ пороховъ въ С. Жанъ д'Акрѣ могли быть подкуплены.

Чрезвычайно непріятно должно было показаться такой высоко развитой націи, какъ французская, то обстоятельство, что въ то время, когда египетскій паша былъ ея ближайшимъ другомъ и союзникомъ, — дѣло въ Египтѣ кончилось такъ плохо, и такъ неожиданно было восстановлено европейское равновѣсіе. Франція пострадала. въ лицѣ своего пріятеля, и хотя видѣла, что ссорѣ уже конецъ, что владѣнія отняты у друга, и она не можетъ ни отвоевать ихъ обратно, ни помочь ему какимъ бы то ни было существеннымъ образомъ, однако же рѣшила, чрезъ посредство г. Тьера, что, изъ вѣжливости относительно пашы, ей слѣдуетъ объявить войну, за оскорбленіе, ему нанесенное, — цѣлой Европѣ и Англии влючительно. Духъ въ г. Тьерѣ былъ воинственный, и это настроеніе поддерживало и огромное большинство. Потребовалъ бы онъ миллионъ войска, и этотъ миллионъ ему поставили бы, если бы король этому не воспротивился и не пожелалъ бы отложить проектъ, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время.

Объ этой важной европейской распрѣ капитанъ Жуанвиль получилъ свѣдѣніе въ морѣ, на палубѣ своего фрегата, какъ мы видимъ изъ официальнаго отчета, напечатаннаго по исполненіи имъ порученія, на него возложеннаго.

«Чрезъ нѣсколько дней по отплытіи отъ св. Елены, говорить этотъ официальный документъ, — экспедиція повстрѣчалась съ кораблемъ, шедшимъ изъ Европы, и этимъ путемъ узнала о распространившихся слухахъ по поводу войны, узнала и о томъ, что можетъ случиться столкновение французскаго флота съ англійскимъ. Принцъ Жуанвильскій немедленно собралъ на совѣтъ офицеровъ фрегата «Бель-Пуль», для обсуждения съ ними столь важнаго и неожиданнаго событія.

«Военный совѣтъ выразилъ мнѣніе, что на всякій случай не мѣшаетъ быть готовымъ къ энергической защитѣ, и рѣшили соорудить баттарею изъ всѣхъ пушекъ, какія фрегатъ могъ противопоставить непріятелю. Запасныя каюты, въ которыхъ долженствовала устроиться эта баттарея, начали передѣлывать, перегородки между ними сняли; вся изящная мебель изъ этихъ каютъ была выброшена въ море. Принцъ Жуанвильскій пре-

жде всѣхъ началъ жертвовать всѣмъ, что имѣлъ при себѣ, и вскорѣ на фрегатѣ прибавилось отъ 6 до 8 готовыхъ къ бою пушекъ.

«Ту часть корабля, гдѣ существовали эти прежнія каюты, называли Лакедемоніею: все роскошное и излишнее было удалено изъ нея, и уступило мѣсто лишь практичному.

«Всѣ изъ участвовавшихъ въ экспедиціи единогласно, заявляютъ, что принцъ Жуанвильскій исполнилъ достойнѣйшимъ образомъ великую и почетную миссію, какая на него была возложена. Всѣ подтверждаютъ, что начальникъ экспедиціи сдѣлалъ, на островѣ св. Елены все, что обязанъ былъ сдѣлать, какъ французъ, въ видахъ возданія должныхъ почестей праху императора, и, кромѣ того, исполнилъ свое порученіе съ тактомъ, торжественно, съ благородствомъ и строгимъ достоинствомъ, какое только родной сынъ императора выказалъ бы въ подобномъ же случаѣ. Начальникъ экспедиціи, понимая, что останки императора никогда не должны попасть вторично въ руки чужеземца, и, рѣшивъ скорѣе потопить корабль, чѣмъ выдать драгоценный грузъ, съ которымъ онъ шель, постарался внушить каждому изъ окружавшихъ его такую же геройскую энергію, какою вооружился самъ, на всякую крайнюю случайность.»

Дѣйствительно, моя милая, принцъ одинъ изъ красивѣйшихъ молодыхъ людей, какихъ только можно встрѣтить: онъ высокъ ростомъ, съ широкою грудью, съ тонкимъ станомъ, съ смуглымъ лицомъ, съ черными глазами, съ большою бородою и съ прочими воинственными достоинствами, безъ сомнѣнія, развившимися не по годамъ. Когда онъ, во главѣ команды, вступилъ въ часовню Инвалидовъ, то, увѣряю васъ, произвелъ значительное впечатлѣніе на дамъ, собравшихся посмотреть на церемонію. И экипажъ фрегата «Бель-Пуль» не менѣе пріятно порадовалъ взоры зрителей. Такихъ опрятныхъ, милыхъ, развязныхъ и стройныхъ молодцовъ, знаменитый фрегатъ не выдалъ у себя на палубѣ во время достопамятной битвы своей.

«Пятьсотъ моряковъ этихъ, рассказываетъ о нихъ, свойственнымъ ей языкомъ, одна французская газета, вошли съ тесакомъ въ рукѣ, въ полной морской формѣ (la sèvere tenue du bord), и съ гордымъ сознаніемъ выполненія возложеннаго на нихъ труда. Синіе мундиры ихъ, красные галстуки, отложные воротнички голубыхъ рубашекъ, окоймленные бѣлымъ, и *с особенностію* воинственная и полная отваги наружность, выражали настоящее состояніе нашего флота, отъ котораго можно было бы ожидать столь многого, а требуется такъ мало», говорилъ журналъ «Le Commerce» 16-го декабря.

Да, вотъ они на лице: на одномъ бедрѣ у нихъ тесакъ, на другомъ пистолеть—молодцы, право! Я, однакоже, немного со-

мнѣваюсь требуетъ ли полная морская форма постоянного присутствія такихъ губительныхъ орудій; они должны мѣшать моряку въ отправленіи разныхъ маневровъ корабельной службы—какъ, напримѣръ, ложиться спать въ койку или наводить зрительную трубку; сомнѣваюсь я лишь въ томъ, говорю я, что бы оружіе это *постоянно* носилось морякомъ; я слышалъ, напротивъ, что оно обыкновенно, и совершенно основательно, хранится подъ замкомъ, а выдается моряку лишь тогда, когда нужно для защиты. Возьмемъ еще другой примѣръ: предположимъ, что артиллеристу суждено проказиваться съ пирамидою двадцати четырехъ пуль въ одномъ карманѣ, съ зажженнымъ фитилемъ и нѣсколькими боченками пороха въ другомъ, и вы можете себѣ представить до какой степени мѣшали бы ему эти снаряды въ мирное время!

Авторъ газетной статьи, слѣдовательно, или ошибся, по моему предположенію, когда употребилъ выраженіе *la sévère tenue du bord*; или подъ словомъ *bord* разумѣлся *ab garde*, но этого маневра матросы въ ту минуту не производили: они вступали въ мирный храмъ, обвѣщенный по стѣнамъ бархатомъ, и сіявшій блескомъ множества восковыхъ свѣчъ. Не могу я одинаково допустить разумнаго предположенія о томъ, что бы измученные матросы абордажнаго фрегата служили «образцами» или «представителями» всего французскаго флота, точно такъ же, какъ не сочту колосса, стоящаго въ латахъ у казармъ конной гвардіи за типъ линійнаго солдата британскаго войска. Тесакъ и пистолеть произвели, однако же, должный *эфектъ*; первый лежалъ въ ножахъ, который не былъ заряженъ; но на сколько мнѣ извѣстно, французенки пришли въ восторгъ отъ очаровательныхъ *lours demer*.

Мы, слѣдовательно, кончимъ рѣчь о воинственныхъ доспѣхахъ. Вѣроятно сочтено было необходимостію привести парижанъ въ трепетъ, и экипажу фрегата въ слѣдствіе этого, роздано было сугубое вооруженіе, но чего же убоился капитанъ собственно и экипажъ его? отчего принцъ Жуанвилскій заранѣе схватился за пистолеть и шпагу? и на какомъ основаніи, если его высочество и счель необходимыми воинственныя приготовленія, французскіе журналы прокричали объ этомъ, какъ о доказательствѣ необычайнаго мужества?

Вотъ какъ было дѣло. Англійское правительство дарить ему трупъ Наполеона: англичане работники трудятся въ продолженіе девяти часовъ, не покладывая рукъ, роютъ заступами и вытаскиваютъ изъ земли гробъ; англійскій комиссаръ передаетъ ключъ отъ этого гроба представителю французской комиссіи, г. Шабо; англійскія лошади везутъ погребальную колесницу до морскаго берега; поѣздъ сопровождаетъ англичанинъ губернаторъ, который буквально встаетъ съ одра болѣзни, для того только, что бы воздать должную почесть французской націи.

Только что все это было оказано капитану, какъ онъ увозить на

кораблѣ своемъ то, чего желалъ, и вдругъ мы слышимъ, что онъ умѣлъ «внушить» экипажу рѣшимость скорѣе потопить фрегатъ, чѣмъ отдать тѣло императора «въ руки чужеземца» — *aux mains de l'étranger!* Мой милый *monseigneur*, нельзя ли въ настоящемъ случаѣ выразиться о васъ, что уже это *rag tout fort?* какъ говорятъ французы. Предположите, что «чужеземецъ» не желалъ бы вамъ отдавать гробъ, — онъ вамъ его и не отдалъ бы. Что же вызывало въ васъ такое необъяснимое геройство, такую необычайную горячку потопить корабль? Топите, или изводите самого себя, какъ вамъ будетъ угодно, но не торопитесь, ваше королевское высочество; гораздо благороднѣе было бы выждать, когда въ этомъ встрѣтится настоящая потребность, чѣмъ оскорблять добродушную честную націю, которая, передъ Богомъ, горюю вамъ, никогда не намѣревалась быть вашимъ убійцею. А вы — крошите свои каюты, выдаете за борть столы и стулья, выстраиваете въ рядъ жерлы пушекъ, и *ту часть корабля, гдѣ прежде были комнаты*, прозываете Лакедемонію! Лакедемонію? О, принцъ, въ королевскихъ владѣніяхъ вашего батюшки есть провинція, бывшая колыбелью множества героевъ своего времени: она носитъ названіе, гораздо болѣе подходящее къ вашей *части корабля*; части этой слѣдовало бы называться Гасконію. *)

«Мы не уступимъ, а погибнемъ
На палубѣ «Бель-Пуль».

можетъ пропѣть какой нибудь Томъ Дибдинъ, но достоинство вашего королевскаго высочества могло бы стать выше этого. Если бы вы и были убѣждены въ неизбѣжности стычки, вы и готовились бы къ ней безъ всякой огласки, не было ли бы это гораздо лучше? а когда слухи эти оказались бы неосновательными, вы промолчали бы о намѣреніяхъ, которые имѣли. А то что же это за дешевый лакедемонизмъ? Извѣстно, что лишь отъявленный трусъ хвастаетъ тѣмъ, что сдѣлалъ бы: націю, къ которой принадлежитъ ваше королевское высочество, я однако же спѣшу отдать должную справедливость: она умѣетъ и хвастаться и драться.

Разсказъ этотъ, дорогая моя миссъ Смитъ, какъ видите, не простой разсказъ, а съ аккомпаниментомъ многихъ поучительныхъ замѣчаній, составляющихъ главнѣйшее его достоинство, по крайней мѣрѣ въ глазахъ автора; а отчетъ объ устройствѣ Лакедемоніи на фрегатѣ «Бель-Пуль» имѣетъ даже двойной, на мой взглядъ, нравственный смыслъ. Кромѣ того, что онъ доказываетъ страсть француза къ фанфаронству, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказываетъ еще одинъ пунктъ, на который, изъ всѣхъ

*) По преданію, о гасконцахъ сложилась пословица: *blagueur comme un gascon* (хвастунъ, враль, какъ гасконецъ.)

европейскихъ государственныхъ людей, я одинъ настанвалъ сильно. Въ *Очеркахъ Парижа* (одинъ экземпляръ ихъ еще остался у издателя)—въ *Очеркахъ Парижа* проводится положеніе, что *французы ненавидятъ насъ*. Да, моя милая, они насъ глубоко, отчаянно ненавидятъ, и не существуетъ въ мірѣ болѣе безсовѣстной лжи, какъ увѣреніе въ ихъ дружбѣ съ нами. Французъ приобретаетъ славу патріота лишь въ слѣдствіе заявленія своего, что ненавидитъ Англію. Онъ пристаётъ къ сильно оппозиціонной сторонѣ (гдѣ, какъ вы знаете, гораздо болѣе патріотическаго чувства, чѣмъ на сторонѣ министерской), дѣлаетъ воззваніе къ народу, и удерживаетъ его въ своихъ рукахъ единственно силою этой независимости, которая служитъ между всѣми членами націи общею связью. За что? Долго объ этомъ рассказывать, и ненависть эта имѣетъ основаніемъ, какъ политическія, такъ и социальныя причины. Въ продолженіе тысячи восьмисотъ с лишкомъ лѣтъ нерасположеніе это не прекращалось со стороны французовъ, и наследственно переходитъ у нихъ отъ отца къ сыну. Со стороны Франціи,—не съ нашей: мы потерпѣли не много пораженій отъ нихъ,—насъ не озлобили ихъ вторженія. Но, какъ видите, потребовалось бы слишкомъ много времени на то, что бы возвращаться къ отдаленнымъ періодамъ исторіи, и потому мы пока отложимъ разсмотрѣніе этого вопроса.

Скажемъ кратко:—они насъ ненавидятъ, и замѣчаете ли, какъ эта ненависть именно теперь пробивается наружу, безъ всякаго серьезнаго повода къ ссорѣ,—лишь по поводу аргумента: что же такое для нихъ или для насъ египетскій паша? ничто иное, какъ отвлеченное понятіе. На такихъ же точно основаніяхъ ненавидѣли въ Лиллипутѣ мелкіе народцы народовъ крупныхъ. Прошу васъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что лишь только его королевское высочество принцъ Фердинандъ-Марія слышалъ, что обѣ націи расходятся въ мнѣніяхъ по поводу одного этого аргумента, онъ сейчасъ же началъ метать свою мебель за бортъ, выражая приэтомъ намѣреніе скорѣе утопиться съ кораблемъ, чѣмъ уступить «чужеземцу». Разумѣется, ничего не вышло изъ такого предпочтенія съ его стороны; но все дѣло въ намѣреніи. Неблагоприятныя обстоятельства лишили его возможности исполнить предположенное, но предположеніе уже было.

Вопреки неудавшемуся этому желанію принца Жуанвилъскаго, рейсъ его благополучно кончился, прибытіемъ фрегата «Вель-Пуль» въ Шербургъ, 30-го октября, въ пять часовъ утра. Телеграфъ возвѣстилъ объ этомъ радостномъ событіи Парижу, гдѣ министръ внутреннихъ дѣлъ Таннеге-Дюшатель (имя это вамъ встрѣтится въ исторіи англосаксонскихъ войнъ) уже сдѣлалъ «огромныя приготовленія» къ принятію Наполеонова праха.

Въѣздъ въ Парижъ былъ назначенъ 15-го ноября.

8-го ноября, тѣло перенесено въ Шербургъ съ фрегата «Бель-Пуль» на пароходъ «Норманди.» Приѣтомъ, глава города Шербурга, отъ имени всѣхъ его жителей, опустилъ на гробъ вышитую изъ золота лавровую вѣтвь. Приношеніе это батареи и крѣпость Шербурга салютовали *тысячью сто однимъ* пушечнымъ выстрѣломъ! То то праздникъ былъ въ этотъ день для шербуржцевъ!

На палубѣ парохода, гробъ поставили въ великолѣпнѣйшій «храмъ, о двѣнадцати колоннахъ и съ балдахиномъ, для охраненія останковъ отъ дождя и сырости, и съ котораго спускались бархатныя занавѣски, окоймленныя серебромъ. Въ головахъ гроба стоялъ золотой крестъ, въ ногахъ золотая лампа. Внутри храма неугасимо горѣли еще лампы, и дымящаяся кадила окружали его. Алтарь, устроенный подъ бизань-мачтою парохода, былъ убранъ серебромъ и бархатомъ, и *четыре серебряные орла сидѣли на четырехъ углахъ этого серебрянаго алтаря.* Это послѣднее было придумано съ цѣлю почтить Наполеона.

Три парохода, «Норманди», «Велось», «Курриеръ», составили эскадру, которая и прибыла изъ Шербурга въ Гавръ къ вечеру, 9-го ноября; здѣсь «Велось» былъ смѣненъ однимъ изъ сенскихъ пароходовъ, которому предписано было салютовать въ ту минуту, какъ прахъ перенесется на одно изъ судовъ сенской флотиліи.

Эскадра въ ту же ночь миновала Гавръ и стала на якорь въ Val de la Naue, на Сенѣ, мили за три ниже Руана.

Сюда, на слѣдующее утро (10-го ноября), вышла къ ней на встрѣчу флотилія паровыхъ судовъ верхней Сены: три *Дореды*, три *Звѣзды*, *Эльбевецъ*, *Парижанинъ*, *Парижанка* и *Джана*. Принцъ Жуанвильскій и экспедиція его присоединились тотчасъ къ судамъ флотиліи, и въ тотъ же день прибыли въ Руанъ.

Въ Руанѣ салютовали имъ пальбою; національная гвардія, выстроенная по обѣ стороны рѣвки, отдала праху военныя почести; на срединѣ всякаго моста былъ приготовленъ великолѣпный балдахинъ, разукрашенный знаменами, хоругвями, фиолетовыми завѣсами и гербами императора. Эскадра предъмостомъ остановилась: архіепископъ и духовенство произнесли ей отпущеніе грѣховъ. Постояла она здѣсь часа два, и тронулась далѣе, къ Pont de l'Arche. Одннадцатаго достигла она *Вернона*, двѣнадцатаго прибыла въ *Мантэ*, тринадцатаго въ *Мэзонъ-сюръ-Сенъ*.

«Всюду,» по словамъ официальнаго документа, доставившаго намъ всѣ описываемыя подробности, «всюду мѣстныя власти, національная гвардія и народъ толпами стекались къ пути, которымъ шла флотилія, желая воздать должную дань его славы, слившейся со славою Франціи. При видѣ возвращенія своего героя, вся нація, казалось, привѣтствовала возвращеніе своего палладиума,—священныхъ останковъ побѣды.»

Наконецъ, четырнадцатаго ноября, гробъ перенесенъ съ парохо-

да «Корабль» на императорскій корабль, прибывшій изъ Парижа. Къ вечеру, императорскій корабль этотъ сталъ предъ Курбвуа, послѣднею станціею рейса.

Сюда поспѣшилъ Гизо, съ цѣлю осмотрѣть корабль, и чуть не былъ толкнутъ въ Сену толпою патріотовъ, — по словамъ того же официального документа. Корабль этотъ въ настоящее время на Сенѣ, недалеко отъ Инвалидовъ, среди напирющаго льда, по которому парижане отправляются любоваться имъ.

Онъ прекрасной античной формы; что бы вы имѣли возможность составить о немъ понятіе, тамъ, у себя, на Темзѣ, вообразите себѣ огромную галерею, съ которой прямо срѣзана была бы крыша, а на мѣсто ея устроенъ храмъ, къ которому ведутъ ступени. На самомъ верху громадный золотой орелъ, а вмѣсто крыши — маленькая терраса, усыпанная вѣчно зелеными растеніями и обставленная знаменами. На пьедесталахъ, по бокамъ корабля, стоятъ треножники; въ нихъ курился ладанъ и отъ одного къ другому тянулись гирлянды цвѣтовъ, которыя зовуть здѣсь *безсмертными* (*immortelles*). Четыре орла сидятъ на храмѣ, который окружаетъ такая же гирлянда, переходя отъ клюва до клюва вышеупомянутыхъ орловъ. Храмъ обвѣшанъ бархатомъ и золотомъ; четыре золотыя каріатиды охраняютъ входъ въ него; посрединѣ, на широкой платформѣ, обнесенной бархатною драпировкою съ императорскими гербами, поставленъ гробъ. Паровая лодка, съ двумястами музыкантовъ, игравшихъ похоронныя марши и другія полковыя симфоніи, предшествовала чудному кораблю до Курбвуа, гдѣ воздвигнуть былъ погребальный храмъ, и «экипажъ фрегата «Бель-Пуль» преклонился предъ статуею Notre Dame de Grâce», принося ей благодарственную молитву за милостивое охраненіе великаго и достославнаго путешествія.

Рано утромъ 15-го ноября, среди облаковъ ошмѣма, грома пушекъ и неумолкаемыхъ кликовъ народа, императорскій гробъ былъ выгруженъ и перенесенъ на лѣстницу матросами фрегата «Бель-Пуль».

Героя нашего мы довели почти до стѣнъ Парижа; посмотримъ теперь какія приготовленія къ принятію его дѣлаются въ столицѣ.

Дней за десять до прибытія праха, въ на мосту Депутатовъ увидѣли бы восемь, а на площадкѣ у Инвалидовъ — тридцать двѣ таинственныя загородки, гдѣ день и ночь работали челоувѣкъ сорокъ скульпторовъ.

Посреди аллеи, ведущей къ Инвалидамъ, давно стоялъ надъ жалкимъ фонтанчикомъ бюстъ Лафайета, въ грязненькомъ вѣнкѣ изъ «безсмертныхъ» и съ взоромъ, поникшимъ долу — на струйку воды, которая по временамъ журчала изъ подъ него. Теперь, это мѣсто очищено; Лафайетъ и фонтанчикъ закинуты, вѣроятно, въ одинъ изъ подваловъ: по тому мѣсту, гдѣ они стояли, долженъ пройти гигантскій поѣздъ.

Какая странная игра случая! Если бы я, другъ мой, былъ Викторомъ Гюго или какимъ нибудь инымъ замѣчательнымъ поэтомъ, я гутъ же написалъ бы *improvisu* на фонтанчикъ съ увѣнчаннымъ Лафайетомъ, и провелъ бы параллель между участіемъ этого бюста и самаго Лафайета, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ. И отъ него, какъ отъ фонтанчика въ настоящее время, исходила тогда струйка чистой рѣчи; и тогда, какъ здѣсь, останавливался предъ нимъ, прислушивался къ нему, небольшой кружокъ почитателей. Среди войны и бури извнѣ, чистая струя его краснорѣчія журчала, не умолкая, до тѣхъ поръ, пока лопъ революціи не опрокинулъ фонтана, и роскошный императорскій кортежъ не затопталъ и самаго мѣста, на которомъ онъ стоялъ.

А въ Елисейскихъ поляхъ и конца не было приготовленіямъ: сперва мы видѣли сотни двѣ подмостоковъ въ промежуткахъ вызолоченныхъ газовыхъ лампъ, украшающихъ и понынѣ главную аллею; на слѣдующій день, подмостки эти покрылись кирпичемъ и известью. Потомъ, изъ подъ кирпича и извести стали высовываться пьедесталы статуй, подножки урнъ, ноги богинь, ноги и туловища богинь, затѣмъ — ноги, туловища и бюсты богинь; наконецъ, 13-го ноября—богини цѣлыя. 14-го ихъ выкрасили подъ мраморъ; деревянныя подставки и подборки, на которыхъ онѣ красовались, подвели тоже подъ цвѣтъ этого драгоценнаго матеріала. Погребальныя урны готовы были для принятія въ себя роснаго ладана и ароматическихъ куреній, какимъ предназначено было горѣть въ нихъ. Огромное количество бѣлыхъ колоннъ разставилось вдоль всей аллеи, и на каждой изъ нихъ, на бронзовомъ щитѣ, золотыми буквами записали одну изъ побѣдъ императора, и каждую обвѣсили огромными императорскими знаменами. На эти колонны посадили золотыхъ орловъ, и газеты не преминули дать замѣтить, какъ гениально посажены цари птицъ: по правую сторону аллеи, они всѣ смотрѣли по направленію къ поѣзду, какъ бы ожидая его приближенія, а на лѣвой рукѣ, всѣ птицы повернуты были въ противоположную сторону, какъ бы любуясь имъ, и слѣдя за нимъ взглядомъ. Не думайте, что я шучу: объ этомъ вопросъ серьезно и глубокомысленно разсуждали въ газетахъ, и я твердо убѣжденъ, что нѣтъ француза, который не считалъ бы эту идею великою.

Не прерывайте меня, добрая моя миссъ Смитъ. Я чувствую, что вы сердитесь; я вижу отсюда ваши надутыя губки, и знаю что вы говорите. Вы говорите: «Я не стану больше читать этого Титмарча; какъ бы ни былъ торжественъ предметъ его описанія, онъ къ нему обращается съ оскорбительнымъ неуваженіемъ, и, какъ ни велика личность, о которой онъ говоритъ, онъ ее не можетъ не осмѣять.»

Ахъ, моя милая! вы молоды и восторженны, а вашъ Титмарчъ старъ, очень старъ и печаленъ, и волоса его посѣдѣли. Я видѣлъ, какъ бѣдная мать покупаетъ грошовой вѣночекъ у воротъ

монмартрскаго кладбища, идетъ съ нимъ на могилку своего дитяти и владеть его на бѣдный надгробный камень; и если бы вы видѣли, что я осмѣялъ бѣдное приношеніе несчастной женщины, вы были бы совершенно въ правѣ на меня сердиться. Говорятъ, что вдоль всей Сены, старые отставные солдаты и поселяне за нѣсколько миль приходили на берегъ, — когда везли гробъ Наполеона, — за тѣмъ только, что бы взглянуть хотя на корабль, на которомъ стоитъ его тѣло, что бы стать на колѣна на берегу и помолиться за него. Сохрани Богъ осмѣять такую молитву и такое горе, какъ ихъ, или усомниться въ ихъ искренности! Человѣкъ этотъ былъ, безъ всякаго сомнѣнія, и великъ, и добръ, и любящъ, и гуманенъ, — иначе имя его не сохранило бы по себѣ столько любви, уваженія и воспоминанія въ памяти народной.

Но, сударыня, можно чтить память усопшаго и не благоговѣть, вмѣстѣ съ тѣмъ, предъ перьями его балдахина; я не вижу причины, по которой сталъ бы преклоняться предъ искусствомъ гробовщиковъ и поставщиковъ, какой бы глубокой трауръ они ни устроили. Посмотрите же, пожалуйста, какимъ образомъ французская нація совершаетъ это погребеніе Наполеона. Съ незапамятныхъ временъ народы имѣли обыкновеніе воздвигать въ память своихъ героевъ изящные мавзолеи, пирамиды, статуи изъ золота и мрамора, жертвуя для этой цѣли всѣмъ, что имѣли наиболѣе рѣдкаго или наиболѣе прекраснаго въ области искусства, въ знакъ почитанія своего и любви къ покойному. Есть ли болѣе достойный тому примѣръ въ пожертвованіи, повѣствуемому намъ книгою, главнѣйшій характеръ которой есть *простота*, совершенномъ бѣдною женщиною, когда она принесла сосудъ мѣра драгоценнаго, все свое достояніе — и излила его на ноги Того, кого на землѣ наиболѣе любила и уважала? «Экономисты и барышники» нашлись и въ тѣ времена еще, которые укорили бѣдную женщину за растрату такого «капитала;» но вспомните, какъ высоко и сердечно была оцѣнена принесенная ею жертва и какъ пристыжены были экономисты.

Относительно же погребальнаго торжества, которое только что было здѣсь отпраздновано, говорятъ, что знаменитый общественный дѣятель и государственный мужъ мосье Тьеръ, выразился съ самымъ горькимъ негодованіемъ объ общемъ духѣ сдѣланныхъ приготовленій, о нихъ скряжническомъ и натянутомъ характерѣ. Онъ желалъ бы для этой процессіи такого же величія, какимъ блеснулъ Римъ при триумфальномъ въѣздѣ Аврелія: онъ украсилъ бы мосты и аллеи, по которымъ долженъ идти поѣздъ, драгоценнѣйшими мраморами, самыми рѣдкими произведеніями искусства, и оставилъ бы ихъ тутъ навѣки, въ воспоминаніе о столь великомъ событіи.

На это имѣютъ полное право возразить экономисты и барышники: нѣтъ достаточной причины на то, что бы выжимать соки изъ націи, ради возданія почести лицу, къ которому, какъ

бы то ни было, она может питать лишь условный энтузиазмъ; но правда и то, что огромныя суммы, данныя на этотъ предметъ, можно было бы употребить и болѣе разумнымъ и болѣе дѣльнымъ образомъ,—почитаніе Наполеона могло бы выразиться въ болѣе прочномъ и достойномъ его памятникѣ, а не въ погребушкахъ, изъ фольги, красокъ и штукатурки, которыя чрезъ три дня растрескались и начали осыпаться на морозѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, едва ли одна изъ статуй выдержала мѣсяць; нѣкоторыя изъ нихъ уродливы какъ каррикатуры, которымъ нельзя было позволить простоять ни одной минуты. Въ самый день праздника, отъ вѣтра расшатались рѣшетчатые пьедесталы, и на живую нитку шитое стало портиться и облетать. Издали, конечно, трещинъ рассмотреть нельзя было: и пьедесталы, и статуи стояли какъ бы мраморныя. Издали, вы не рѣшили бы, вышиты ли золотомъ вѣнны и орлы эти, или вырѣзаны и налѣплены изъ золотой бумаги; изъ парчи ли эти гигантскія трехцвѣтныя знамена, или это полотнищами коленкоръ. Изъ такого скареднаго убранства можно было бы заключить о ничтожной степени уваженія, какимъ пользовался покойный императоръ, если бы не было всѣмъ извѣстно, что имя Наполеона стоитъ высоко въ мнѣніи Франціи, и почитаніе его сдѣлалось даже истинною характеристикой народа. У этого народа можетъ быть искреннее чувство, но онъ его уродуетъ натянутостію; онъ храбръ, но и хвастливъ нестерпимо; и, на мой взглядъ, офиціальныи и вышеупомянутый отчетъ о рейсѣ принца Жуанвильскаго, отчетъ о шествованіи праха императора до самой столицы и приготовленія, сдѣланныя къ принятію его въ Парижѣ, дадутъ вамъ уразумѣть, милая миссъ Смитъ, все, что слѣдуетъ, о социальномъ и нравственномъ состояніи достойнѣйшей этой націи.

III. Погребальная процессія.

Говорить ли вамъ, моя милая, о томъ, что когда, очень рано утромъ, въ достопамятный этотъ день, Франсуа разбудилъ меня, а на небѣ догаради еще звѣзды и рогъ луны, острый какъ бритва, торчалъ на морозномъ небѣ, и дулъ такой злокачественный сѣверный вѣтеръ, что у васъ леденѣли пальцы и мерзла нога, которую вы спускали съ постели,—говорить ли вамъ, моя милая, что когда Франсуа, добудившись меня, сказалъ:—*Voila votre café, monsieur Titemasse, buvez le, tiens, il est tout chaud*,—отвѣдавши горячаго напитка, я ощутилъ такое наслажденіе подъ тремя одѣялами и макинтошемъ, которыми былъ укрытъ, что, по крайней мѣрѣ съ четверть часа, ни одинъ изъ

европейскихъ мудрецовъ не сьумѣлъ бы рѣшить: поѣдетъ ли нѣтъ Титмарчъ на похороны императора Наполеона?

На говора уже о холодѣ, мой другъ, было еще о чемъ размыслить. Имѣла или не имѣла французская нація намѣренія принести нѣсколько дучъ англичанъ въ жертву надъ прахомъ императора? Предполагавшееся торжество не имѣло ли закончиться рѣзней? По увѣренію газетъ, лордъ Грэнвилль разослалъ циркуляры ко всѣмъ английскимъ резидентамъ въ Парижѣ, съ просьбою—не выходить въ тотъ день изъ домовъ своихъ. Парижскіе журналы разгласили это извѣстіе изъ гуманности, предостерегая о грозящей намъ участи. Писалъ ли въ самомъ дѣлѣ лордъ Грэнвилль? Во всякомъ случаѣ не ко мнѣ. Или писалъ, можетъ быть, ко всѣмъ, *кромя* меня? Я, стало быть, и есть *жертва*, обреченная на закланіе? — Меня, можетъ быть, скватятъ въ тотъ же моментъ, какъ я покажусь на Елисейскихъ поляхъ, и патриотизмъ разорветъ меня на части, подъ звуки неистоваго хора марсельезы? Какъ бы то ни было, сударыня, а въ этотъ вторникъ, въ этомъ городѣ, отъ высшей до самомагнѣйшей личности, никто не могъ ручаться за жизнь, и нахрабрѣйшій изъ гражданъ ощущалъ трепеть. Увѣряю васъ и въ томъ, что когда его величество Луи-Филиппъ снялъ въ то утро ночной колпагъ съ королевской главы своей, то помолился усердно о томъ, чтобы Господь даровалъ ему возможность надѣть его спокойно на слѣдующую ночь.

Когда я, рѣшившись однако же, вышелъ съ товарищемъ на улицу, направляясь къ собору Инвалидовъ, для входа въ который одинъ изъ депутатовъ обезпечилъ насъ билетами,—мы увидѣли великолѣпнѣйшее изъ зрѣлищъ, какія суждено намъ было увидѣть, въ продолженіе всего этого дня, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи описать это зрѣлище моею нѣжною и доброй миссъ Смитъ.

Въ одномъ дожѣ со мною, но этажами пятью ниже, живетъ английское семейство, состоящее изъ: 1) прабабушки, здоровой, красивой старушки, лѣтъ семидесяти, наряднѣйшей и милѣйшей изъ парижскихъ старушекъ; 2) изъ бабушки и дѣдушки, пожалуй что слишкомъ юныхъ для этого сана; 3) дочери ихъ; и 4) изъ двухъ правнуковъ или внуковъ, отъ трехъ до одного года, и принадлежащихъ сыну и дочери, поѣхавшимъ въ Индію. Дѣдушка, который до сихъ поръ въ восторгѣ отъ своей жены, какъ тридцать лѣтъ тому назадъ, когда за нее сватался, который дѣлаетъ ей непремѣнно два, три комплимента въ день, и, когда вводитъ ее въ гостиную, произноситъ въ своемъ сердцѣ: — «Джентльмены, вотъ моя жена», покажите мнѣ еще такую красоту въ цѣлой Англій!—дѣдушка этотъ нанялъ комнату, окнами на Елисейскія поля, такъ какъ его жена могла бы простудиться, если бы смотрѣла на процессію съ балкона, на открытомъ воздухѣ.

Когда я вышелъ на улицу, то увидѣлъ все это семейство, отправляющееся въ путь, въ слѣдующемъ порядкѣ:

№ 1, прабабушка, бодро шествующая впередъ, опираясь на руку № 3-го, т. е. внучки своей.

Нянька съ № 4-мъ, младшимъ, крѣпко спящимъ у ней на рукахъ. Въ огромной корзинѣ уложено было множество разныхъ посудинокъ, бутылки съ молокомъ, сверточки съ разнымъ кушаньемъ для дѣтей, бумазейныя пеленочки, кораллово-гременушка и лошадка, принадлежащая № 4-му, старшему.

Слуга съ корзинкою, содержавшею въ себѣ разные запасы.

№ 2, дѣдушка, разодѣтый, только что выбритый, въ лоснящейся шляпѣ, бѣлыхъ замшевыхъ перчаткахъ, въ толстомъ темнокоричневомъ пальто и съ камышевою тросточкою, идетъ прямо и торжественно съ своею леди объ руку.

№ 4, старшій, съ обнаженными ногами въ шотландскомъ костюмѣ, вертится около ногъ дѣдушки, который отъ души жалѣеть о томъ, что не оставилъ его дома.

— Милая моя, выражаетъ его лице, обращенное къ супругѣ, напрасно ты не оставила малютокъ въ дѣтской, потому что мы будемъ пробираться сквозь страшную толпу въ Елисейскихъ поляхъ.

Леди его собралась веселиться, но на лицѣ ея выражалась сердечная тревога: наблюдала она и за старушкою матерью, шедшею впереди, и за № 4-мъ, младшимъ, котораго несла нянька: разнаго рода опасности могутъ для него приключиться, и проснется онъ, и начнетъ плакать, и простудится; нянька можетъ поскользнуться, и Богъ знаетъ еще что случится. Ей, кромѣ того, необходимо смотрѣть прямо въ глаза мужу, который столько потратилъ на то, что бы ей доставить удовольствіе, и умѣть убѣдить этого джентльмена въ томъ, что она совершенно счастлива; наконецъ, нельзя было отрываться ни на минуту отъ № 4, старшаго, который—она это навѣрно знаетъ—вотъ-вотъ потеряется, или окажется раздавленнымъ подъ ногами толпы.

Все это происходило въ тихомъ переулочкѣ, ведущемъ къ Елисейскимъ полямъ; мы до нихъ дошли въ эту минуту. Четыре вышеупомянутые взводы, шедшіе по переулочку въ разсыпную, въ концѣ его сомкнулись, и стали въ кучку. № 3, миссъ X, сказала въ это время что то прабабушкѣ.

— Тсъ, моя миленькая... остановила ее старушка, оглядываясь и повертываясь къ дочери, *говори пофранцузски*.

И она, съ нервною торопливостію, принялась рассказывать что то на языкѣ, скорѣе похожемъ на ирокезскій, чѣмъ на французскій. Тайна ихъ обнаружилась: ее можно было прочесть ясно на лицѣ бабушки, которая съ трудомъ вытала слезы, и выражала страхъ свой, на сколько осмѣливалась это сдѣлать. Обѣ старушки рѣшили положительно, что въ этотъ день перерѣжутъ все, что было англичанъ въ Парижѣ, и потому взяли съ

собою и маленькиѣхъ дѣтей, что бы по крайней мѣрѣ умереть вмѣстѣ.

О, благослови васъ Богъ, нѣжныя, добрыя женщины, съ увлажненными отъ слезъ глазами! въ этихъ молчаливыхъ слезахъ вашихъ столько трогательнаго, какъ ни безразсудны онѣ. Едва ли много пролилось въ этотъ день столь искреннихъ слезъ, какъ слезы, показавшіяся на минуту въ глазахъ бабушки и вдругъ исчезнувшія, какъ бы отъ стыда, въ то время, какъ добрейшая леди и съ нею маленькій караванъ ея переходили черезъ дорогу. Вы только представьте себѣ, какъ она будетъ счастлива, когда пройдетъ день, и никого изъ англичанъ не перерѣжутъ, и выведутъ мирно угнѣздится подъ ея крыломъ, заснетъ безмятежнымъ, здоровымъ сномъ, а она безъ сна лежитъ, и тихо благодаритъ Бога за то, что миновали и удовольствія и тревоги протекшаго дня! Пока мы размышляли объ этомъ, дѣдушка вдругъ поднялъ № 4, старшаго, на лѣвое плечо къ себѣ, и я увидѣлъ шотландскую шапочку юнаго джентльмена, а также и бамбуковую трость, которая перешла къ нему въ руки, высоко надъ головами толпы, сквозь которую пробиралось наше маленькое общество.

Послѣ того, какъ я потерялъ изъ вида эту группу вы вольны смѣяться надо мною, но по чести и совѣсти скажу вамъ, миссъ Смитъ, мнѣ, въ теченіе всего дня, не попадало уже ничего болѣе занимательнаго; вслѣдъ за этою маленькою процессією, пошла передо мною другая; забряцали ружья, завѣяли знамены, закурились ароматы, загремѣли трубы, затрещали барабаны и, наконецъ голоса шести сотъ хористовъ мягко слились съ звуками трехъ сотъ скрипокъ. Потомъ замелькали лошади и человѣческія ноги, ботфорты и медвѣжьи шкуры, латы и штыки, національная гвардія и линѣйная армія, маршалы и генералы, всѣ облитые золотомъ, нарядные адъютанты, мчавшіеся бѣшенымъ галопомъ, и, высоко надъ толпою, склонясь на золотой свой щитъ, Соломонъ во всей славѣ, самъ цезарь, съ короною на головѣ, въ роскошной колесницѣ, вокругъ которой развѣваются знамены и лавры, и милліонъ народа смотритъ, дивясь и благоговѣя.

Его величество императоръ и король опирается на щитъ; голова его нѣсколько откинута. Черепъ у его величества сильно развитый, лобъ широкій и высокій. Мы замѣтили, что лице его величества желтоватаго цвѣта, въ особенности вокругъ глазъ. Вѣки онъ держалъ постоянно опущенными, и потому мы имѣли возможность усмотрѣть, что верхнее вѣко опущено рѣсницами. Годы и климатъ произвели немного перемѣнъ въ наружности великаго монарха; мы можемъ даже сказать, что время прикоснулось къ его императорскому и королевскому величеству однимъ изъ легчайшихъ перышковъ своего крыла. Носъ героя Аустерлица измѣнился очень мало: онъ точно такой же прекрасной формы, каковую имѣлъ, на сколько мы пом-

*

нимъ, двадцать пять лѣтъ тому назадъ, т. е. до того времени, какъ неблагопріятныя обстоятельства вынудили его разстаться съ нами на время. Правда, ноздри и переносецъ какъ будто не то, чѣмъ были, но когда мы разсматриваемъ предметъ, любя его, мы относимся въ нему, можетъ быть, слишкомъ критически. «Vive l'empereur!» гремитъ около насъ. Побѣдитель при Маренго вернулся къ намъ! Губы у него тоньше, чѣмъ были прежде; но какъ бѣлы зубы! три изъ нихъ, какъ видите, закусилъ нижнюю губу; и замѣтьте, пожалуйста, какъ полны у него щеки и какова округлость подбородка! О, что за прекрасныя бѣлыя руки! какъ онѣ ласкали въ свое время щеку бѣдной Жозефины, какъ играли черными кольцами ея кудрей! Она мертва и холодна, теперь, несчастная! умерли и Гортензія, и храбрецъ Евгенийъ, «рыцарь которому нѣтъ въ мірѣ подобнаго,» какъ говорили о сэръ Ланслотѣ короля Артура. Какой торжественный день былъ бы для нихъ трехъ, если бы они до него дожили, и узрѣли бы возвращеніе своего героя! Гдѣ же Ней? жена его здѣсь, смотреть тамъ изъ окна г. Флаго; но храброго изъ храбрыхъ нѣтъ при ней. Нѣтъ здѣсь и Мюрата; честный Іоакимъ всѣмъ сердцемъ любилъ своего императора, и раскаявался, что не былъ при Ватерлос: какъ знать... при видѣ красавца воина, можетъ быть и разступилась бы эта неотбесанная англійская «санаише?» Но важныя государственныя дѣла одолеваятъ и удержали, вѣроятно, его величество короля неаполитанскаго. Когда мы, однако же, въ послѣдній разъ видѣли короля и принца Эльхингенскаго, они пользовались вождѣлвнѣйшимъ здоровьемемъ, и каждый изъ нихъ спокойно произнесъ: «*Ну!*», какъ бывало на полѣ битвы.

Неужели? могъ ли императоръ позабыть? меловко ему напомянуть, но какъ будто онъ забылъ все, и о фермѣ Пиццо, и о садѣ обсерваторіи? Да, забылъ: лежитъ онъ на золотомъ щитѣ, лежитъ, не шевелясь, вѣки его не поднимаются, уста не произносятъ ни слова.

O vanitas vanitatum! Лежитъ онъ среди трофеевъ свей славы; въ Шербургѣ выпалили тысячу и одинъ выстрѣлъ, а онъ не проснулся!

Мы, однако же, забѣжали на нѣсколько часовъ впередъ, и вы, относительно процессіи, повѣрьте мнѣ на сколько хотите, такъ какъ вашъ покорнѣйшій слуга присутствовать на ней не могъ, будучи обязанъ присутствовать въ церкви.

Но о ней напечатаны подробныя программы; живое ваше воображеніе сейчасъ придастъ имъ жизнь и весь величественный повадъ пройдетъ предъ вашими очами.

Представьте же себѣ, что пальба происходитъ въ Нельи: съ восходомъ солнца, тѣло императора выгружается и переносится на колесницу; представьте себѣ и колесницу гигантскаго Яггерната, катящагося на четырехъ колесахъ античной фор-

ми, на которыхъ лежитъ платформа, изукрашенная орлами, знаменами, лаврами и фиолетовыми завѣсами. На ней стоятъ двѣнадцать колоссальныхъ золотыхъ статуй съ поднятыми вверхъ руками: онѣ поддерживаютъ огромный щитъ, а на щитѣ этомъ стоитъ гробъ. На гробу императорская корона, задержанная фиолетовымъ крепомъ, и всю эту махину влекутъ лошади, великолѣпно убранныя, которыхъ ведутъ конюхи въ императорской ливреѣ.

Но, прежде всего, представьте себѣ во главѣ процессіи:

Сенскихъ жандармовъ, съ трубачами и полковникомъ.

Муниципальную гвардію (конную) съ трубачами, штандартѣмъ и полковникомъ.

Два эскадрона уланъ 7-го полка, съ полковникомъ, значками и музыкою.

Коменданта города Парижа съ своимъ штабомъ.

Баталіонъ линійной пѣхоты съ саперами, знаменемъ, барабанами, музыкою и полковникомъ.

Муниципальную гвардію (пѣхоту) съ знаменемъ, барабанами и полковникомъ.

Саперовъ-пожарныхъ, — *idem*.

Представьте себѣ еще и еще эскадроны уланъ и кирасиръ. Дивизионный генералъ ѣдетъ съ своимъ штабомъ; всѣ офицеры всѣхъ полковъ, стоящихъ и нестоящихъ въ Парижѣ; военная сенсирская школа, политехническая школа, школа главнаго штаба; всѣ профессора и весь штабъ каждой изъ нихъ; идутъ еще баталіоны, артиллерія и пѣхота, роты инженеровъ, еще эскадроны кирасиръ, еще конница, еще національная гвардія перваго и втораго легионовъ.

Представьте себѣ карету, въ которой ѣдетъ капелланъ, участвовавшій въ экспедиціи на островъ св. Елены, единственное духовное лице, бывшее въ процессіи.

Вообразите, что слышите похоронную музыку, и взгляните мысленно: вотъ идетъ

Конь императора, т. е. сѣдло и узда коня Наполеона (когда онъ былъ еще первымъ консуломъ), надѣтыя на бѣлую лошадь. Сѣдло (хранившееся съ тѣхъ поръ въ казенной сокровищницѣ) амарантоваго цвѣта, бархатное, шитое золотомъ: сумки для pistols и чапракъ тоже бархатные. На днихъ вышиты атрибуты войны, торговли, науки и искусства. Удила и стремяна серебряныя съ золотомъ насѣчкою. Надъ стерегами придѣланы по орлу временъ имперіи; конь покрытъ фиолетовымъ крепомъ, усѣяннымъ золотыми пчелами.

За нимъ идутъ еще солдаты, офицеры, штабъ-офицеры, маршалы, и, какъ говорятъ, что было лучше всякаго зрѣлища, знамена всѣхъ 86-ти департаментовъ Франціи. Этимъ обязаны г. Тьеру, который, кромѣ того, желалъ, что бы прислана была депутация отъ каждаго изъ департаментовъ. Но правительство,

неодобряющее многихъ проектовъ г. Тьера, согласилось лишь на этотъ образчикъ депутаціи, моя милая. Затѣмъ шествуетъ его королевское высочество принцъ Жуанвильскій.

500 матросовъ фрегата «Бель-Пуль», въ два ряда, идутъ по обѣ стороны

Колесницы.

Вздрогнула сплошная масса народа, и лишь нѣсколько голосовъ крикнуло: «Vive l'Empereur!» при ея появленіи. Золотомъ сіяетъ она на морозномъ солнцѣ; сотни тысячъ глазъ устремлены на нее, съ домовъ, съ крышъ, съ балконовъ, драпированныхъ чернымъ, пурпуровымъ и трехцвѣтнымъ сукномъ, съ вершинъ обнаженныхъ деревьевъ, изъ за длинныхъ рядовъ войска въ шако и въ мѣховыхъ шапкахъ, вооруженнаго штыками, сверкающими на солнцѣ; изъ за линійной пѣхоты и національной гвардіи, толпа проталкивается, борется, лѣзетъ, запыхаясь; головы вытягиваются, заглядывая впередъ и провожая ее глазами; вдоль длинныхъ аллей, обставленныхъ ярко бѣлыми колоннами и статуями, знаменами цвѣта радуги, золотыми орлами, томными надгробными урнами, среди ароматическихъ облаковъ дыма и куревій

гигантская императорская колесница величественно подвигается впередъ.

Кисти балдахина держатъ два маршала, адмиралъ и генералъ Бертранъ; за ними слѣдуютъ:

префекты Сенскаго департамента, полиціи и пр.

меры Парижа и пр.

остатки старой гвардіи и пр.

эскадронъ легкихъ драгунъ и пр.

генераль-лейтенантъ Шнейдеръ и пр.

еще конница, еще пѣхота, еще артиллерія и пр; и, по мѣрѣ того, какъ процессія движется далѣе, линійная пѣхота и національная гвардія, стояція шеренгами по обѣ стороны дороги, повертываютъ и идутъ въ свитѣ ея, до самаго собора Инвалидовъ, гдѣ имѣютъ быть возданы праху императора послѣднія почести.

Въ толпѣ, собравшейся подъ куполомъ этого храма, поверхностный наблюдатель, можетъ быть, и незамѣтилъ бы джентльмена по имени Микель-Анджело Титмарча; онъ однако же былъ тамъ. И какъ онъ не можетъ быть въ одно и то же время и тамъ, и здѣсь (какъ любый фельетонистъ), то онъ слѣдовательно

и не видалъ всего вышеописаннаго шествія, а потому пострадается сообщить вамъ тѣхъ маловажныхъ обстоятельства, какія ему удалось подмѣтить въ этотъ достопримѣчательный день.

Когда мы вышли на улицу, и воздухъ, и зданія были огражены розовымъ отблескомъ разсвѣта, а луна, остроконечная и ясная, еще мѣшкала на небѣ, какъ будто тоже хотѣла посмотреть хотя на начало процессіи. Триумфальная Арка блестяла отъ мороза и солнца, и казалась чистенькою и розовою, какъ будто только что кончила свой туалетъ. Гипсовыя статуи Наполеона, къ которымъ лишь наканунѣ придѣлали позолоченные пьедесталы, стояли уже готовыми, во весь ростъ, съ коронами, скипетромъ, и производили великолѣпный эффектъ. Всюду развѣвались флаги съ золотыми бахрамами, съ вензелемъ императора, орлами и золотыми надписями его сраженій и побѣдъ. Длинныя аллеи Елисейскихъ полей усыпаны пескомъ, ради большаго комфорта процессіи, имѣвшей шествовать по нимъ сегодня. Сотни народа шли взадъ и впередъ, смѣясь, болтая жестикулируя, съ пѣснями, какъ истые французы, въ веселомъ настроеніи духа. Ничего нѣтъ милѣ праздничной толпы французовъ, и нѣтъ радости, болѣе сообщительной. Что же касается до извѣстія, распространеннаго нѣкоторыми оппозиціонными журналами, что народъ, въ ожиданіи этого дня, былъ въ торжественномъ и чувствительномъ настроеніи, то нельзя не отдать справедливости вѣчному юмору французской націи, сказавъ, что она, въ это утро по крайней мѣрѣ, была грустнѣе обыкновеннаго. Разношники шутили предлагали проходимъ сигары и водку, а воздухъ былъ такъ рѣзко холоденъ, что покупателей оказывалось не мало. Обойщики стучали еще молотками, навѣшивая драпировку на мѣста, откупленные на улицѣ. Мѣста эти подъ навѣсами бивались, инныя чернымъ, другія фіолетовымъ сукномъ, въ честь императора, въ память о которомъ облакались въ трауръ. Большая же часть изъ нихъ была обвѣшана трехцвѣтнымъ сукномъ, и испещрена девизами, характеризующими славу французскаго оружія.

Вдоль всѣхъ аллей въ Елисейскихъ поляхъ были разставлены алебастровыя урны для куренія ароматовъ; колонны драпированы голубыми, красными и бѣлыми знаменами, съ блестящими на нихъ коронами, орлами, буквами N изъ золотой бумаги; гипсовыя статуи изображали нимфъ, богинь побѣды и другія женскія знаменитости, подкрашенныя масляными красками подъ мраморъ. Изъ настоящаго мрамора онѣ на видъ вышли бы не лучше, и общее впечатлѣніе, доставляемое всею картиною, было чрезвычайно живо и разнообразно; на каждой изъ колоннъ, на щитѣ бронзоваго цвѣта, красовались золотыми буквами названіе, годъ и число побѣды, и вы, вдоль цѣлой мили, могли идти по аллеѣ, напоминавшей вамъ о мѣстахъ, гдѣ во времена великой имперіи столько было снесено головъ.

Пока мы шли вниз по аллеѣ, намъ встрѣчалось нѣсколько полковъ: сперва конная муниципальная гвардія, т. е. въ блестящихъ шлемахъ и ботфортахъ, высокіе, стройные воины, на огромныхъ лошадяхъ, остатки славной императорской арміи, какъ я слышалъ, и вооруженные сегодня лишь ради наблюденія за порядкомъ,— изъ всѣхъ обязанностей война эта обязанность, можетъ быть, не та, которая доставляетъ наиболѣе огромную извѣстность, но, на мой взглядъ, она наиболѣе полезная. Потомъ попался намъ навстрѣчу полкъ карабинеровъ и еще одинъ кавалерійскій полкъ малорослыхъ, живыхъ, веселыхъ брюнетовъ, съ музыкантами, игравшими громкіе марши; за ними шелъ полкъ или отрядъ муниципальной пѣшей гвардіи—двумя или тремя верхками выше линійныхъ, и отличающейся стройнымъ порядкомъ и дисциплиною. Вслѣдъ затѣмъ, показался эскадронъ (или болѣе того) драгунъ національной гвардіи: драгуны эти обвѣшаны ремнями, пряжками, аксельбантами, патронташами, а трехцвѣтныя пѣтушья перья на головѣ придаютъ имъ довольно воинственную осанку. Любуюсь этими воинами національной гвардіи и линійной пѣхоты, я въ особенности былъ пораженъ тѣмъ, что они, не смущаясь, переносили холодъ, такой же сильный, каковъ долженъ былъ быть во время отступленія арміи въ Россію, а войска бѣжали и не дрожали отъ стужи, напротивъ, весело и шутливо разговаривая. Одинъ изъ адъютантовъ пролетѣлъ галопомъ, даже въ бѣлыхъ панталонахъ. Господи! я даже вздрогнулъ, посмотрѣвъ на него.

Напутствовавъ его глубокомысленнымъ размышленіемъ, я повернулъ съ товарищемъ направо къ висячему мосту (гдѣ повстрѣчался намъ отрядъ юношей изъ школы главнаго штаба, юношей прекрасной наружности, но къ сожалѣнію изуродованныхъ корсетами или широкими поясами, отъ которыхъ талія французскихъ денди пріобрѣтаютъ самую пошлую негибаемость), и быстро повернули въ аллею статуй, ведущую къ Инвалидамъ. Всѣ эти статуи изображали воиновъ, отъ Нея до Карла Великаго, были смазаны изъ глины, и ожидали здѣсь прибытія праха величайшаго изъ всѣхъ ихъ полководца. Прошли мы мимо ихъ, и добрались до задней дверцы храма, гдѣ толпа, въ глубочайшемъ траурѣ, старалась пробиться до мѣстъ своихъ въ часовнѣ.

Часовня просторна и безъ большихъ архитектурныхъ претензій, но была роскошно убрана сегодня въ честь лица, останкамъ котораго дѣлался приемъ.

Мы прибыли туда въ девять часовъ; намъ сказали, что отрядъ погребенія начнется не ранѣе двухъ: предстояло, слѣдовательно, пять часовъ ожиданія всего того, что можно было увидѣть съ нашихъ мѣстъ.

Увидѣли мы, что куполь, до верхнихъ карнизовъ, былъ обитъ фіолетовымъ; ниже ихъ — чернымъ. Увидѣли мы множества N, орловъ, пчелъ, лавровыхъ вѣнковъ и другихъ т. п.

императорскихъ украшеній, красовавшихся въ каждомъ уголкѣ и закоулкѣ зданія. Между арками, по обѣимъ сторонамъ крыла, на побѣдныхъ трофеяхъ, начертаны были имена наполеоновскихъ генераловъ и главные ихъ воинскіе подвиги, и даже не только ихъ воинскіе подвиги, но и самыя гербы ихъ. Если бы только звѣзды и орденъ... но, нѣтъ, гербы. Это вѣдь уже слишкомъ нагло! Какой же гербъ могъ быть, скажите пожалуйста, у Нея, напрімѣръ, или у честнаго Жюю, или у короля Іоакима, отецъ котораго былъ таргетирщикомъ?

Мы съ вами, милая миссъ Смитъ, знаемъ всю цѣну геральдическимъ преданіямъ. Знаемъ, что, несмотря на внутреннюю гордость сознанія въ образѣ *джентльмен* истинно джентльменскомъ, очень приятно,—нѣтъ, мало того,—чувствуешь нѣкоторое достоинство въ томъ, что происходишь отъ древняго рода, что можешь насчитать у себя много славныхъ предковъ, и имѣешь возможность сказать про самого себя, что уже нѣсколько столѣтій тому назадъ въ жилахъ нашихъ прадѣдовъ текла благородная кровь, и что они передали ее намъ. Въ породѣ *есть* хорошія стороны: тотъ, кто отрицаетъ ихъ, или дѣлаетъ это изъ зависти или по грубости и глупости, непосигающихъ разницы между высокимъ происхожденіемъ и низкимъ. Точно такъ же кто то увѣрялъ, что всѣ вина одинаково хороши, однако же дайте ему стаканъ хорошаго портвейна,—и онъ пошлетъ къ чорту весь свой клереть. Такъ очень нѣрѣдко мы видимъ, что люди хвалятся собственной тупостію.

Въ дѣлѣ породы демократы восклицаютъ презрительно: «О, дайте намъ человѣка природы, а вашихъ аристократовъ—на висѣлицу!»—Бываетъ, что сама природа изрѣдка и коегдѣ создаетъ джентльмена. Но большею частію создается онъ искусственно. Хорошая порода, т. е. здоровые, красивые, хорошо сложенные отецъ и мать, опрятныя и заботливныя няньки, тщательный выборъ пищи, свѣдущіе врачи, добрые воспитатели, отсутствіе заботъ, комфортъ въ жизни и привычка къ изобилію, не на столько преувеличенному, что бы разслабить и изнѣжить нервы, но лишь къ такому, которое утончаетъ ихъ, вотъ что, чрезъ нѣсколько поколѣній, вырабатываетъ лучшихъ джентльменовъ и передъ чѣмъ природа безсилна.

Если вы на это возразите мнѣ, многуважаемая миссъ Смитъ, что въ нашемъ презрѣнномъ мірѣ *есть* нѣчто болѣе достойное чѣмъ джентльменство, что честность и личное достоинство человѣка цѣннѣе всякой утонченности и породы, приравнимъ къ бальнымъ башмакамъ съ красными каблучками, къ рыцарскимъ шпорамъ или сапогамъ отъ Гоби,—Титмарчъ не скажетъ вамъ ни слова противъ этого. Если даже вы возразите, что самое существованіе этого утонченнаго общества—которому мы платимъ дань рабаго почтенія, копируя его во всемъ, перенимая его приемы и порочныя наклонности—уже въ значительной степени уничтожаетъ въ насъ честность, заста-

вляеть насъ краснѣть отъ неподдѣльной привязанности, безъискусственныхъ нашихъ отношеній, и потому дѣйствуетъ на насъ разрушительнымъ образомъ однимъ лишь примѣромъ своимъ, я опять скажу вамъ, сударыня, что вы до нѣкоторой степени правы. Самъ я картофелина, и не могу не видѣть, что тюльпанъ занимаетъ наилучшее мѣсто въ саду, пользуется большимъ количествомъ воды и солнечнаго свѣта, чѣмъ я, составляетъ предметъ особеннаго за собою ухода, и за это я его не очень то жадую. Но не могу я не сознаться, что природа одарила его такою наружною оболочкою, какой у меня никогда не будетъ, и въ этомъ отношеніи я отдаю ему полную справедливость.

Или скажемъ примѣрно такъ: предположимъ (безъ всякой *aggrège pensèe*), что мы съ вами пѣтухъ и курица; зобы у насъ наполнены, перья лоснятся, на заднемъ дворѣ есть что поклевать, уютная насѣсть устроена для насъ на ригѣ, а тамъ, по террасѣ, на солнышкѣ, прохаживается павлинъ, вытягивая гордую шею, вскрикивая по временамъ дерзкимъ, чванливымъ голосомъ, и распуская огромный свой аристократическій хвостъ. Не станемъ сердиться, моя милая, на надменнаго, нахальнаго паразита за то, что онъ не хочетъ и знать насъ. *Что то* такое есть въ этомъ павлинѣ, чего намъ не дано. Какъ вы ни вытягивайте шею, вы ее не сдѣлаете ни такою голубою, ни такою длинною, какъ у него, какъ вы ни раздувайте хвостъ, онъ никогда не станетъ такимъ же красивымъ. Но ничего не можетъ быть смѣшнѣе, отвратительнѣе, пошлѣе претензій, съ которою мы съ вами перешли бы съ задняго двора въ палисадникъ миледи, бросили бы естественную намъ неуклюжую походку, приняли бы расхаживать гордо, плавно, какъ павлинъ, и, подражаянїемъ рѣзкому его крику, стали бы стараться замѣнить любезное, веселое наше кудаханїе.

Поняли вы аллегорію? Я люблю выражаться уподобленіями, и типы, приведенные мною здѣсь, пришли мнѣ на умъ, пова я сидѣлъ въ часовнѣ Инвалидовъ предъ раскинутою епанчею и увѣнчаннымъ короною именемъ одного изъ наполеоновскихъ генераловъ.

Ventre bleu! На что *имъ* понадобились епанчи, короны и всѣ подобныя ничтожныя погремушки старой, выродившейся аристократіи, которую Франція вышвырнула изъ своихъ предѣловъ, — вмѣстѣ съ головами ея представителей — такъ какъ лѣтъ двадцать тому назадъ, она обращалась большею частію нецеремонно? зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, лѣзли въ знать и обезьянничали ея продѣлки такіе люди, на сторонѣ которыхъ были храбрость, честность, гений, всѣ личныя достоинства и полное право гордиться тѣмъ, кто они были сами, или была у нихъ охота сердиться? Одинъ не глупый молодой человекъ (не изъ аристократовъ, но воспитанный въ Итонѣ и кончившій университетскій курсъ), м-ръ Джорджъ Каннингъ, подсмѣялся въ началѣ французской революціи надъ «Роландомъ Справедливымъ», въ

башмакахъ съ бантами», и франты, носившіе тогда башмаки съ пряжками, подхватили съ радостію эту ядовитую насмѣшку. Однако же эта выходка была чисто лакейская или достойная глупца изъ мелкихъ выскочекъ который не понималъ людей, къ какимъ попалъ (несчастный, они со временемъ дали ему знать себя), и онъ обезумѣлъ отъ нихъ до того, что вообразилъ себя простоту смѣшною, а моду—достойною уваженія. Посмотрите же, что случилось? съ тѣхъ поръ прошло пятьдесятъ лѣтъ,—куда же дѣвались пряжки съ башмаковъ? Слетѣли, сбиты безвозвратно, съ башмаковъ всей Европы!

Какъ гибельна для выскочекъ страсть къ погромамъ—можетъ намъ засвидѣтельствовать даже исторія. Чѣмъ могла бы быть, напримѣръ, наполеоновская монархія, если бы Ней и Ланнъ никогда ни рисовали рыцарскихъ епанчей на щитахъ своихъ, а просто выставили бы на нихъ имена свои, какъ Дезе на своемъ? Дезе, неустрашимый республиканецъ, завоевавшій корону на поляхъ Маренго, и пролившій лучшую кровь священной римской имперіи, прежде еще, чѣмъ зародилась на свѣтъ эта неудачная, несчастная императорская герольдича, оказавшаяся столь гибельною для своего родоначальника! Итакъ оно всегда бываетъ. Извѣстные принципы не терпятъ помѣси. Государство должно руководиться или тѣмъ или другимъ изъ нихъ. Но если вы въ республикѣ дадите сдѣлать хотя шагъ аристократіи, то она начинаетъ пробиваться впередъ, интриговать, лѣзть, и долѣзаетъ наконецъ до такихъ мѣстъ, откуда выпихиваетъ за дверь демократію. Полезно ли для государства то, что аристократія одерживаетъ верхъ въ такой борьбѣ?—Этотъ вопросъ я предоставляю рѣшить вашему вкусу и собственному усмотрѣнію, и позволте приэтомъ же сказать вамъ, что мнѣ рѣшительно все равно, какъ бы вы его не разрѣшили. Множество томовъ на различныхъ языкахъ написано по этому поводу, и всѣ они приходятъ къ разнообразнѣйшимъ заключеніямъ. И въ нашемъ отечествѣ государственные мужи—отъ лорда Лондондерри до г. Винсента,—стоятъ каждый за свое мнѣніе. Въ дѣлѣ же Наполеона неоспоримъ фактъ, что онъ основалъ великую, славную, могущественную республику, привелъ ее въ состояніе выдержать соперничество съ лучшими аристократическими державами,—превысить ихъ даже всѣ, быть можетъ; но передѣлалъ свою республику въ монархію, ввелъ въ эту монархію аристократическія учрежденія, и вы знаете что съ ними сталося. Онъ отдалилъ отъ себя народъ; аристократія ему измѣнила (она никогда не поддерживаетъ того, кто не ея крови), и императорская фабрика рухнула. Если вы не извлечете изъ этого событія никакой морали, моя милая, то научитесь, по крайней мѣрѣ, дипломатичности—держаться одной извѣстной партіи.

Пока въ умѣ моемъ проходили эти мысли (и многія другія—какъ то: относительно холода, какой былъ въ церкви, чрезмѣр-

ной продолжительности ожиданія и крайней глупости промѣнать теплую постель и завтракъ на спектакль, который гораздо лучше посмотрѣть въ театрѣ), часовня начала наполняться, и можно, наконецъ, стало предположить, что церемонія скоро должна начаться.

Im primis, на длинныхъ шестахъ принесли огонь, и зажгли по крайней мѣрѣ десять тысячъ восковыхъ свѣчъ въ блестящихъ канделябрахъ, разставленныхъ по всей часовнѣ. Когда зажглась эта иллюминація, спустили занавѣсы на верхнихъ окнахъ, и церковь очутилась освѣщенной лишь свѣтомъ спермацета. По правую руку, углубленіе купола рѣзко отдѣлялось на темномъ фонѣ, при блескѣ лампъ. Въ срединѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ алтарь, поставили катафалкъ. Въ настоящую минуту Наполеонъ былъ божествомъ. Скептики перестали въ него вѣровать, но народъ вѣру эту еще не утратилъ: Наполеонъ и Лудовикъ XIV дѣлать между собою въ равной мѣрѣ права на боготвореніе съ стороны народа.

О катафалкѣ могу сказать только то, что онъ имѣлъ дѣйствительно величественный, грандіозный видъ: высокія колонны поддерживали балдахинъ, испещренный гербами, флагами, девизами, погребальными и воинскими. На вершинѣ сидѣлъ, конечно, огромный орелъ; треножники съ горящимъ спиртомъ окружали этотъ престолъ, приготовленный для покойнаго, и, смотря на него чрезъ головы нашихъ сосѣдей въ первомъ ряду, мы не могли не сознаться, что среди черныхъ драпировокъ и при ослѣпительномъ блескѣ болѣе пятисотъ перекрестныхъ огней, престолъ этотъ былъ чрезвычайно эффектенъ. Эффектъ же вообще всей часовни слишкомъ дробился, какъ говорятъ живописцы: тутъ было столько предметовъ, обращающихъ на себя вниманіе, что глазъ разбѣгался—эти десять тысячъ свѣчей, на примѣръ, въ свергавшихъ хрустальныхъ подсвѣчникахъ, яркіе и *рѣзкіе* цвѣты новыхъ хоругвей, вѣнковъ, пчель, N и прочихъ эмблемъ, наполнявшихъ собою каждый незанятый уголокъ, слишкомъ утомляли и какъ бы туманили зрителя.

Высоко, надъ головами, свѣшивались длинные ряды старыхъ, изглоданныхъ пылью и временемъ знаменъ, отнятыхъ императоромъ у непріятеля. Какъ привидѣнія, стояли онѣ въ грозномъ величїи прошлаго, и, изъ всего убранства часовни, составляли, на мой взглядъ предметъ зрѣлища, наиболѣе торжественный.

Требовать отъ народа молчаливаго благоговѣнія въ продолженіе этой церемонїи было бы нелѣпо и неестественно. Самыи фактъ тисканія васъ со всѣхъ сторонъ уже имѣетъ вліяніе на ваше настроеніе. Толпа собравшагося народа, сколько я могъ замѣтить, всегда и вездѣ одна и та же. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, я видѣлъ три такіа громадныя сборища: въ первый разъ — въ коронацію нынѣшняго короля, потомъ когда вели на висѣлицу Курвуазье, и наконецъ, послѣднее, по по-

воду погребенія Наполеона. Толпа, тѣснящаяся въ продолженіе долгихъ часовъ, скорѣе остра и наблюдательна, чѣмъ полна благоговѣнія: она старается развлечься, и ищетъ чѣмъ бы наполнить время до наступленія ожидаемаго зрѣлища. Когда оно наступило, и лишь на минуту, толпа ощущаетъ потрясеніе, и на эту минуту она конечно дѣлается серіозною.

За исключеніемъ же одного этого момента, я, повторяю, не замѣчалъ никакого особаго ощущенія скуки. Церковь начала наполняться лицами всякихъ чиновъ и сословій. Прямо противъ насъ, помѣстилась рота жирныхъ гренадеръ національной гвардіи; они, по командѣ, сняли съ себя мушкеты, приставили ихъ къ панелямъ, или уложили на скамьи до прибытія процессіи. Часовъ семь занимали эти солдаты джентльменовъ и леди, сидѣвшихъ около насъ: рота прежде всего начала стучать ногами, потому что стужа въ церкви была невообразимая, и мы мерзли на нашихъ мѣстахъ. Иные изъ солдатъ стали дуть на пальцы, и отогрѣвали ихъ; одинъ изъ нихъ принялся даже плясать, какъ мы часто видимъ на морозѣ, прискакивая на одну ногу, высоко поднимая другую и хлопая руками о грудь. Другіе вытащили изъ патронташей разныя закуски: вы себѣ представить не можете, какъ мы всѣ потянулись за тѣмъ, что бы посмотрѣть что они такое будутъ ѣсть. — «Tiens, ce gras qui mange une cuisse de volaille!» — «Il a du jambon celui là», слышалось въ толпѣ. — И мнѣ какъ хотѣлось бы вѣтчины! рычать одинъ изъ англичанъ: у меня куска сегодня во рту не было и пр. Такимъ образомъ, моя милая, мы смотрѣли на похороны Наполеона I-го.

Видали ли вы когда нибудь, какъ цыпленокъ, вырвавшись у клоуна, во время представленія, начинаетъ метаться въ оркестрѣ и по партеру? Слышали ли вы, при этомъ случаѣ, взрывы веселаго хохота? И въ нашей толпѣ случилась сцена съ цыпленкомъ: какъ мнѣ кажется, ни одна толпа не обходится безъ цыпленка. Вошла женщина въ засаленномъ пледѣ, въ затасканной шляпкѣ изъ розоваго плюша, и сѣла въ одно изъ кресель, отведенныхъ для могучихъ міра сего. «Voyez donc l'anglaise!» послышалось со всѣхъ сторонъ; и это было совершенно вѣрно: вы пошли бы подъ присягу, что несчастная эта англичанка; никто, никогда и ни въ какомъ иномъ государствѣ не надѣлъ бы такой шляпки, какаа была на ней. Ее начали гонять съ мѣста на мѣсто гг. huissiers, и при каждой перемигѣ ея мѣста, раздавался громкій общій смѣхъ. Я, наконецъ, обрадовался за эту ярко розовую шляпку, когда увидѣлъ ее пристроившуюся комфортно на скамьѣ, на которую никто не заявилъ притязаній, и она ее удержала за собою.

Не правда ли, все это случаи замѣчательные? Второе диво послѣ этого, мы увидѣли въ лицѣ взвода старыхъ, изуродованныхъ инвалидовъ; они помѣстились пониже насъ, съ об-

наженными саблями. Потомъ вошелъ гигантъ, тамбурмажоръ, красивый, улыбавшійся молодець, въ штанахъ, чудно расшитыхъ серебрянымъ кружевомъ; за нимъ слѣдовали двѣнадцать мальчиковъ барабанщиковъ. «Что за милыя крошки!» вскрикнули въ одинъ голосъ дамы. Они, въ самомъ дѣлѣ, были очень милы; вошли они, и стали подлѣ насъ; гигантъ тамбурмажоръ улыбнулся своей маленькой пасть въ красныхъ шапочкахъ, и, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, сохранилъ совершенно самодовольный видъ, крутя усы и играя кисточками своей трости.

Послѣ того начали собираться все болѣе и болѣе: цѣлый выводокъ государственныхъ совѣтниковъ явился въ голубыхъ мундирахъ, шитыхъ голубымъ шолкомъ; вслѣдъ за ними, группа юристовъ въ токахъ и береткахъ, а въ числѣ ихъ и нѣсколько достопочтенныхъ судей въ багряницахъ и горностаѣ—въ костюмахъ въ родѣ Баязетова. А вотъ и турецкій посланникъ; въ красномъ фесѣ повертываетъ онъ на всѣ стороны черное лице свое, съ необыкновенно торжественнымъ и глубокомысленнымъ выраженіемъ. Депутатовъ цѣлый корпусъ; Гизо нѣтъ между ними: онъ только что прошелъ впередъ въ полномъ министерскомъ облаченіи. Вотъ бѣжитъ назадъ маленькій Тьеръ: у него сіяющее, широкое, лукавое лице съ острымъ взглядомъ и сѣдыми волосами, острыми подъ гребенку. — Слуга проталкиваетъ сквозь толпу ободранное кресло на колесахъ: въ немъ только что прикатили старика Монсе, губернатора, отстаившаго честно и неустрашимо Парижъ въ 1814 г. Онъ былъ очень боленъ, и дряхлость почти одолѣла его; но и среди страданій онъ не переставалъ спрашивать: «Докторъ, доживу ли я до 15-го? Поддержите меня лишь до 15-го, а тамъ я умру спокойно.» Искренности старика нельзя не повѣрить: это не то что преданность одного изъ знаменитыхъ маршаловъ, который однажды несъ предъ Карломъ X свѣчу въ торжественномъ шествіи, а сегодня утромъ слеталъ въ Нелли, преклониться предъ гробомъ Наполеона. Онъ, конечно, могъ бы помолиться и дома, но объ этомъ мы толковать не станемъ: всякаго рода скромность и сдержанность не въ характерѣ француза.

Чу! выстрѣлы. Около половины второго, глухая пальба раздалась за стѣнами церкви, а начальники инвалидовъ, національной гвардіи, гигантъ тамбурмажоръ начали обмѣниваться сигналами. Жирные гвардейцы перевалились въ линію, оба командира издали какой то неудобопонятный звукъ, ружья національной гвардіи вдругъ явились на сцену, а старики инвалиды подняли сабли. Гигантъ тамбурмажоръ взглянулъ на своихъ малышей, и они торжественно и тихо начали напирать на своихъ барабанахъ: тррамъ-тамъ-тамъ, тррамъ-тамъ-тамъ (считайте разъ, два между каждымъ изъ ударовъ), тррамъ-тамъ-тамъ, между тѣмъ какъ процессія духовныхъ лицъ выступила изъ алтаря.

Впереди шелъ красивый, стройный юноша съ длиннымъ золотымъ крестомъ, который онъ несъ, повернувшись къ его пресвященству, архіепископу. За нимъ, въ два ряда, мальчиковъ шестнадцать съ кадилами и въ бѣлыхъ одеждахъ: первый изъ нихъ мальчикъ лѣтъ шести, а позади мальчикъ съ бакенбардами и рослый какъ мужчина. Потомъ, полкъ патеровъ, въ черныхъ перелинкахъ и бѣлыхъ платяяхъ; откинутые на шею черные капишоны придавали головамъ ихъ сходство съ луною на третьей четверти; капишоны эти были накинута на тѣ изъ головъ, которыя уже оплѣшивѣли, а такихъ много было. Всѣ эти духовныя особы съ благоговѣніемъ опускали головы и повидному читали молитвенники.

Вслѣдъ за ними потянулись епископы изъ сосѣднихъ округовъ, въ пурпуровыхъ мантияхъ и крестахъ, блиставшихъ на епископской ихъ груди.

Опять пошли патеры, а за ними явились господа, какихъ я до сихъ поръ никогда не видывалъ: нѣчто въ родѣ духовныхъ герольдовъ, красивые юноши въ кованыхъ таларахъ, черныхъ съ серебромъ и съ опущенными внизъ глазами; руки каждаго образовали на груди прямой уголъ.

Тутъ показали два джентльмена, съ подсвѣчниками замѣчательной толщины и свѣчами, соразмѣрнаго объема. Одна изъ свѣчей горѣла ярко, другую же задулъ шалунъ—вѣтеръ, она, тѣмъ неменѣе, такъ и оставалась въ процессіи; не знаю догадывался ли объ этомъ достопочтенный джентльменъ; чувствовалъ ли онъ себя сконфуженнымъ, недовольнымъ, обиженнымъ такою неаккуратностію свѣчи, которую онъ несъ, сознавая, что тысячи тысячъ глазъ устремлены на нее. Мы всѣ, по крайней мѣрѣ, принимали въ томъ живѣйшее участіе.

Прошелъ еще крестоносецъ, и за нимъ еще джентльменъ, несшій также что то.

Потомъ, шелъ высокопреосвященный Аѳеръ, архіепископъ парижскій, весь въ черномъ и въ бѣломъ; очи его поникли долу; руки образуютъ съ грудью прямой уголъ; руки эти въ черныхъ перчаткахъ, и на этихъ перчаткахъ блеститъ архіепископскій перстень. На головѣ у него митра. Митра эта не похожа на коронку, какая изображается въ Англии на дверцахъ скамьи архіепископа: митра около ярда въ выпину, сдѣлана она вѣроятно изъ папки и покрыта сверху чѣмъ то шелковистымъ, бѣлымъ съ серебромъ. На обоихъ рожкахъ, заканчивающихъ вверху митру, двѣ очень маленькія кисточки, усѣянныя блестками; онѣ дрожатъ и мерцаютъ.

Архіепископъ, стоялъ одно время прямо насупротивъ насъ, потому я и имѣлъ возможность разсмотрѣть все это въ подробности. Стоялъ онъ прямо насупротивъ меня, ни разу не поднявъ глазъ, съ сложенными предъ собою руками, съ небольшою свитою позади. Отчего же это они не трогаются съ мѣста? Национальная

гвардія выстроилась; маленькіе барабанщики производять тррамъ-тамъ-тамъ, тррамъ-тамъ-тамъ, мѣрнымъ, торжественнымъ темпомъ, а процессія не подается ни на шагъ. Впрочемо, какъ говорятъ на изящномъ языкѣ, въ чемъ нибудь есть заговядъ:

И вотъ проталкивается къ тамбурмажору патерь:

Патерь. Taisez vous!

Маленькіе барабанщики. Тррамъ-тамъ-тамъ, тррамъ-тамъ-тамъ, тррамъ-тамъ-тамъ и т. д.

Тамбурмажоръ. Qu'est-ce donc?

Патерь. Taisez-vous, vous dis-je; ce n'est pas le corps. Il n'arrivera pas pour une heure.

Маленькимъ барабанщикамъ въ эту же минуту приказано было смолкнуть; процессія повернулась направо кругомъ къ алтарю; загасшую свѣчу, бывшую на нашей сторонѣ, перенесли на противоположную сторону. Національная гвардія попрежнему принялась загусывать тартингами. Ждать поѣзда приходилось еще, по крайней мѣрѣ, часа полтора. Время отъ времени слышалась пальба, и при каждомъ выстрѣлѣ толпа восклицала *a—a—a!* точно также, какъ въ то время, когда пускаютъ ракету.

Наконецъ прибыла и настоящая процессія.

Барабаны забили попрежнему; гвардія стала подъ ружье; послали за духовенствомъ, и оно вышло навстрѣчу, съ стрейнымъ крестоносцемъ во главѣ ихъ; вотъ оно пошло и уже *возвращается.*

Поеть оно что то печальное.

Смычки Габенека грянули погребальный маршъ на хорахъ, заглушили голось достопочтенныхъ патеровъ, и при рѣзкихъ звукахъ оркестра.

и топотъ, и стукъ шаговъ

среди огромной толпы разукрашенныхъ генераловъ и офицеровъ

съ принцемъ Жуанвильскимъ, шедшимъ скорымъ шагомъ во главѣ процессіи.

и при усиленномъ біеніи сердца каждаго

Пронесли гробъ Наполеона.

Произошло все это моментально, быстро. Пронесли ящикъ, на покровъ котораго мелькнулъ большой красный крестъ, съ поблекшею короною на крышкѣ; матросы шли по одну его сторону, инвалиды по другую; прошли они живо и поднялись на крыло.

Снова раздались звуки пѣнія, но мы уже ихъ не слушали. Король Луи-Филиппъ сталъ на катафалкъ; подошелъ къ нему принцъ Жуанвильскій и доложилъ слѣдующее:

— Ваше величество, я привезъ вамъ прахъ императора Наполеона.

Луи-Филиппъ отвѣчалъ на это:

— Я принимаю его отъ имени Франціи.

Бертранъ положилъ на прахъ этотъ самую знаменитую и побѣдоносную изъ шпагъ, какія когда либо были выкованы съ тѣхъ поръ, какъ люди выучились ковать оружіе; и гробъ поставили въ храмъ, для него приготовленный.

Шестьсотъ смычковъ и пѣвцовъ начали тогда исполненіе музыкальной пѣсы; половина экипажа «Бель-Пуль» помѣстилась на скамейкахъ, оставленныхъ для нихъ на нашей сторонѣ, пониже нагихъ, и, слушая музыку, принялась жевать табакъ. Пока гѣли хористы и смычки, большая часть спиртовыхъ лампъ вокругъ алтаря задымились и погасли.

Вырвавшись на чистый воздухъ, мы прошли чрезъ дворъ инвалидовъ, гдѣ сидѣла толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но въ настоящую минуту всѣ скамейки опустѣли. Прошли мы и на террасу передъ площадію: старые солдаты палили здѣсь изъ большихъ пушекъ, производя оглушительный стонъ, который пугалъ многихъ, нежелавшихъ подвергиваться подъ пушки и быть опровинутымъ, хотя бы и выжомъ. Пушки эти палили въ честь короля, который уѣхалъ домой, вышедши чрезъ заднюю дверь. И сорокъ тысячъ народа, сидѣвшаго здѣсь на подмосткахъ, также разошлись по домамъ. Императорскій корабль одиноко стоялъ на рѣкѣ у пристани, гдѣ его осматривали немногіе, дрожа отъ холода.

Било пять, когда мы добрались до дома; на ясномъ морозномъ небѣ сверкали уже звѣзды, и Франсуа обрадовалъ меня извѣстіемъ, что кушанье на столѣ.

Такимъ то образомъ, милая моя миссъ Смитъ, похоронили Наполеона Великаго.

До свиданія.

ВСЕЛЕНСКІЕ СОБОРЫ

римской церкви.

Кризисъ, который уже нѣсколько лѣтъ переживаетъ папскій престолъ, теперь очень близокъ къ своему рѣшенію. Рѣшится ли онъ отмѣною или утвержденіемъ свѣтской власти папства, во всякомъ случаѣ, римскому духовенству приходится прибѣгнуть къ сильнымъ мѣрамъ, и созваніе такъ называемаго вселенскаго собора вызывается необходимостію. Такого собора у латинянъ не было уже триста лѣтъ; поэтому не лишнее попытаться составить себѣ нѣкоторое понятіе, посредствомъ общаго историческаго обзора, о значеніи такого духовнаго парламента, и о томъ, чего слѣдуетъ ожидать отъ него.

По мѣрѣ того, какъ христіанство, въ первыя времена своей исторіи, все болѣе и болѣе распространялось, отдѣльныя христіанскія общины старались сблизаться, и находить между собою общую связь. Съ этою цѣлю, собирались соборы, или синоды, принявшіе болѣе опредѣленную форму съ четвертаго вѣка, когда христіанская церковь стала господствующею. Есть два рода такихъ собраній: одни представляютъ только одну или нѣсколько провинцій, другія служатъ представителями всей церкви. Послѣднія называются *вселенскими соборами*, и они вскорѣ начали составлять уже не изъ мірянъ, а изъ однихъ епископовъ, высшихъ духовныхъ лицъ и ученыхъ богослововъ. Въ прежнія времена, центръ христіанской церкви находился на востокѣ, т. е. въ Константинополѣ и Александріи, и римская церковь достигла своего позднѣйшаго вліянія на латинскія государства только послѣ ожесточенной борьбы, длившейся цѣлые вѣка. Съ той поры, для запада имѣетъ значеніе одна римскокатолическая церковь. Она считаетъ всего девятнадцать вселен-

скихъ соборовъ, изъ которыхъ девять первые сходились еще на востокѣ, въ Никей, въ Константинополь, въ Эфесѣ и т. д. На этихъ соборахъ занимались, большею частью, чисто догматическими спорами. Спорили, напримѣръ, о томъ, человекъ ли былъ Иисусъ Христосъ, или Богъ; равенъ ли онъ Богу, или только богоподобенъ; также ли онъ вѣченъ, какъ Богъ отецъ, или, какъ сынъ, не такъ вѣченъ. Спорили объ отношеніяхъ человѣческой и божественной природы въ Иисусѣ Христѣ; о томъ, которая изъ нихъ преобладала, и когда началась Его божественная природа, при самомъ ли рожденіи, или только при крещеніи, и т. д. Всѣ эти богословскія тонкости обсуживались самымъ утонченнымъ способомъ. То одно, то другое мнѣніе одерживало верхъ, въ слѣдствіе чего христіанскій міръ уже тогда распался на различныя партіи и секты, отъ которыхъ, на Востокѣ, до сихъ поръ сохранились слѣды. Замѣчательнѣе всего ненависть и ожесточеніе, съ которыми велись эти споры. Партія, одерживавшая верхъ, наказывала побѣжденныхъ низложеніемъ и изгнаніемъ, даже смертію; уже въ 385 г. въ Трирѣ была совершена казнь надъ еретикомъ, т. е. надъ разномыслиющимъ: это былъ епископъ Присциліанъ, казненный вмѣстѣ съ многими изъ своихъ приверженцевъ. При такомъ положеніи когда преобладало то одно, то другое мнѣніе, смотря потому, къ какой партіи были расположены византійскіе императоры, всакий, кто оставался твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, считался, то православнымъ, то еретикомъ.

Такъ, напримѣръ, епископъ Аванасій, никогда не измѣнявшій своимъ убѣжденіямъ, былъ, съ 335 г., пять разъ изгоняемъ, какъ еретикъ, и пять разъ призываетъ обратно, какъ православный. Онъ оставался епископомъ сорокъ шесть лѣтъ, изъ которыхъ двадцать провелъ въ изгнаніи. Трудно опредѣлить, какъ дѣйствовали на народъ эти безконечныя споры между духовенствомъ, вынуждавшіе народъ сегодня слѣдовать одному ученію, завтра— другому, причемъ каждое выдавалось за единственное, открывавшее царствіе небесное, а противоположное предавалось проклятію. Мы видимъ только изъ этого, что различныя секты и преслѣдованіе за ересь столь же древни, какъ и самое христіанство, и что духовенство съ самаго начала добивалось того вліянія, которое сдѣлало его наконецъ властелиномъ міра. Въ лицѣ римскихъ папъ оно достигло высшей степени этого вліянія; ими же были созданы и послѣдніе десять вселенскихъ соборовъ, изъ которыхъ въ особенности замѣчательны три послѣдніе: констанцскій, базельскій и трентскій. Два первые были до реформации, а послѣдній послѣ нея. Поводомъ къ созванію этихъ соборовъ было крайнее вырожденіе и разращеніе латинскаго духовенства: Папы все болѣе и болѣе расширяли свою власть, далѣе и далѣе заходили въ своихъ притязаніяхъ. Это было возможно только благодаря тому, что, вся духовная іерархія была прочно приврѣплена къ римскому тро-

ну, а главнымъ средствомъ къ этому служила солидарность, безбрачіе духовенства. Уже въ первыя времена христіанства, даже въ числѣ іудейскихъ сектъ, была секта эссеянъ, считавшая безбрачное состояніе высшимъ и достойнѣйшимъ, и, въ особенности, требовавшая того же отъ духовенства. Но хотя это требованіе было потомъ возведено въ правило, хотя женатыхъ духовныхъ лицъ отрѣшали и изгоняли, однако возвести въ положительный законъ безбрачіе духовенства удалось только въ одиннадцатомъ вѣкѣ папѣ Григорію VII; съ той поры уже не бывало женатыхъ римскокатолическихъ духовныхъ. Послѣдствія этого не замедлили высказаться. Духовенство, оторванное отъ всякихъ узъ природы, отчуждилось, съ тѣмъ вмѣстѣ, и отъ государства, и отъ отечества, и стало слѣпымъ орудіемъ высшей церковной латинской власти, такъ искусно составленной, что сильнѣйшіе государи тщетно боролись съ нею въ продолженіе многихъ вѣковъ. Безбрачіе имѣло еще другія пагубныя послѣдствія, въ особенности крайнее развращеніе нравовъ духовенства. Современные писатели представляютъ намъ ужасающую картину разврата латинскаго духовенства въ XIII, XIV, и XV вѣкахъ. Онъ дошелъ до того, что монахи похвалялись своими незаконными дѣтьми, и приглашали знакомыхъ на ихъ крестины. Всѣ они открыто имѣли наложницъ, и многія общины даже требовали этого, для огражденій своихъ женъ и дочерей. Развратъ особенно проникъ въ латинскіе монастыри; на констанцкомъ соборѣ было открыто заявлено, что многіе женскіе монастыри превратились въ публичные дома. Въ дополненіе всего, латинское духовенство было лишено образованія и отличалось невѣжествомъ и наглостію. Испорченность его проникла даже до высшихъ сферъ, до самаго папскаго двора, или, вѣрнѣе, отъ него то она и исходила. Исторія показываетъ, что между папами было мало достойныхъ лицъ, и что весьма многіе изъ нихъ имѣли въ виду только расширеніе своей власти и доходовъ. Въ длинномъ рядѣ папъ были даже отъявленные негодяи, въ родѣ Иннокентія VII, Александра VI и др. Невоздержностію грѣшили даже лучшіе изъ папъ; даже Пій II, — этотъ неоспоримо благородный характеръ, — когда онъ былъ еще тайнымъ секретаремъ на базельскомъ вселенскомъ соборѣ, увѣдомлялъ своего отца о рожденіи у него незаконнаго сына такимъ легкомысленнымъ письмомъ, что мы не рѣшаемся привести здѣсь этотъ документъ, перешедшій къ потомству. Нечего и говорить, что нравы духовенства сильно отзывались на правительствѣ и на народѣ, такъ что вскорѣ всѣ ощутили настоятельную необходимость въ преобразованіи латинской церкви. Папскій престолъ не принималъ никакихъ существенныхъ мѣръ къ прекращенію злоупотребленій. Зло достигло наконецъ своихъ предѣловъ, когда двѣ различныя партіи избрали двухъ папъ, Урбана VI и Климента VII, которые взаимно провалили другъ друга, и отлучили одинъ другаго отъ

церкви. Весь христіанскій міръ пришелъ въ разстройство; но этого было мало: въ послѣдствіи избрали даже трехъ папъ въ одно время. Это привело наконецъ къ констанцскому собору, важнѣйшему изъ вселенскихъ соборовъ. Онъ продолжался три съ половиною года, и въ немъ участвовали двадцать шесть государей, сто сорокъ графовъ, двадцать кардиналовъ, семь патриарховъ, двадцать архіепископовъ, девяносто одинъ епископъ, шестьсотъ прелатовъ и докторовъ богословія и около четырехъ тысячъ священниковъ. Двое враждовавшихъ между собою папъ были отрѣшены, и на мѣсто ихъ былъ избранъ Мартинъ V. Сверхъ того было постановлено, что папы подчиняются вселенскому собору, который долженъ собираться каждые десять лѣтъ. Опять предположили очищеніе церкви, и опять изъ этого ничего не вышло. Мало того, на этомъ соборѣ было совершено одно изъ возмутительнѣйшихъ дѣлъ римскокатолической церкви: казнь Іоанна Гусса, сожженного на кострѣ. Іоаннъ Гуссъ проповѣдывалъ въ своемъ отечествѣ, Богеміи, нѣкоторые правила, несоотвѣтствовавшія ученію римской церкви. Его пригласили на соборъ, обѣщавъ свободный пропускъ туда и обратно; но, несмотря на это обѣщаніе, его сожгли живьемъ, такъ же какъ и друга его, Іеронима. Это нарушеніе даннаго слова, это попраніе совѣсти и довѣрія, заклеимило позоромъ констанцскій соборъ, признавшій возмутительнѣйшее правило, что «слова, даннаго еретикамъ, не нужно держать». Слѣдствіемъ этого поступка были извѣстныя гусситскія войны, отличавшіяся ужасными опустошеніями и вызвавшія вселенскій соборъ въ Базелѣ, въ 1431 году, при папѣ Евгеніи IV. Этотъ соборъ взялся за дѣло весьма серьезно, и предпринялъ дѣйствительныя реформы въ римскокатолической церкви, примирившись съ гусситами. Въ Базелѣ, было подтверждено подчиненіе папства вселенскимъ соборамъ; власть его была по возможности ограничена; латынское духовенство было обуздано полезными правилами, и церковь очищена отъ вкравшихся въ нее злоупотребленій. А папа? — Разумѣется, онъ не остался доволенъ этими мѣрами, и издалъ нѣсколько буллъ, пытаясь распустить соборъ; но онъ встрѣтилъ сопротивленіе, и, послѣ долгой борьбы, папѣ пришлось уступить: соборъ отрѣшилъ его. Но избраніе новаго папы опять повело къ пагубнымъ послѣдствіямъ, такъ какъ опять явилось двое папъ. Евгеній IV имѣлъ за себя сильную партію; испанцы: итальянцы оставались на его сторонѣ, тогда какъ нѣмцы и французы примкнули къ собору. Евгеній IV созвалъ другой соборъ въ Феррарѣ, и борьба партій продолжалась безъ рѣшительнаго результата. Наконецъ базельскій соборъ перешелъ въ Лозанну, но избранный имъ папа Феликсъ V долженъ былъ сложить съ себя этотъ санъ, и соборъ, постепенно распадаясь, разошелся окончательно въ 1449 г. Такимъ образомъ, соборъ, съ лучшими намѣреніями, тщетно протрудился восемнадцать лѣтъ надъ преобра-

зованіемъ римской церкви, и всякая надежда на улучшение самаго духовенства, начиная съ его высшихъ степеней, исчезла. Тогда народы сами взялись за это дѣло, и, спустя семьдесятъ лѣтъ послѣ базельскаго собора, Лютеръ, Двингли и Кальвинъ произвели реформацію.

Тѣ, кто мало знакомы съ исторіею, обыкновенно думаютъ, что эти люди явились внезапно, и что ученіе ихъ было чѣмъ то новымъ; но уже послѣдніе вселенскіе соборы довазали какъ сильно сознавалась необходимость церковной реформы, которую они пытались произвести, и не произвели, потому что усилія ихъ разбились объ упорство римской курии. Но и внѣ этихъ соборовъ дѣлалось не мало попытокъ къ реформамъ, какъ показываютъ издавна возникавшія секты, противныя папству и развращенному духовенству. Эти секты преслѣдовались, и истреблялись свѣтскою властію. Упомянемъ о новыхъ манихеянахъ въ XI вѣкѣ, и о другой современной имъ сектѣ, названной по Альби, главному центру ея въ южной Франціи, альбигойцами. Это народное религиозное движеніе особенно разрослось со времени Петра Вальда, открыто требовавшаго возстановленія апостольскаго христіанства, и отлученнаго отъ церкви папою Люціемъ III. Папа Иннокентій III повелъ войско противъ валлійцевъ, и перебилъ 70,000 тѣхъ и другихъ. Вотъ что писалъ по этому поводу, въ 1244 г., одинъ современный писатель, Вильгельмъ Фигейра: «Римъ, ты шутя посылаешь христіанъ на мученическую смерть. Гдѣ прочелъ ты, что тебѣ дано право истреблять христіанъ? Ты, какъ разъяренный звѣрь, пожираешь большихъ и малыхъ. Ты такъ далеко зашелъ въ своихъ преступленіяхъ, что презираешь Бога и Его святыхъ!»

Это писалось почти за триста лѣтъ до Лютера, который никогда не выражался сильнѣе. Но образъ дѣйствій Рима былъ только естественнымъ плодомъ тѣхъ противныхъ разуму условій, въ которыя онъ былъ поставленъ. Папская власть была возведена въ догматъ вѣры, и малѣйшее уклоненіе отъ этого догмата, малѣйшее сомнѣніе въ немъ, считалось ересію. Но такъ какъ эта ересь постоянно разрасталась, не взирая на кровавое преслѣдованіе альбигойцевъ и валлійцевъ, то изобрѣли новое средство совершенно искоренить ее: въ 1215 году, папа Иннокентій III установилъ, на тринадцатомъ вселенскомъ соборѣ, *инквизицію*, это ужаснѣйшее изъ учрежденій кроваваго деспотизма и фанатизма. Инквизиція карала за то, что никогда не можетъ считаться преступленіемъ: за *мысль*, т. е. за разномысліе съ тѣмъ, что предписано. Взглядъ на исторію показываетъ, что внутренній законъ челоѣчества состоитъ въ постоянномъ стремленіи къ прогрессу, и вотъ это то стремленіе, лежащее въ самой природѣ вещей, инквизиція думала заглушить навѣки.

Инквизиція эта была не только организованнымъ заговоромъ противъ челоѣческой жизни, но и предъумышленнымъ попра-

ніемъ всѣхъ человѣческихъ правъ и чувствъ. Мало того, что за мысль наказывали смертію, но еще скрывали отъ обвиненнаго имя обвинителя; свидѣтели не вызывались на очную ставку съ обвиненнымъ; сознание вымогалось пыткой. У несчастнаго, попадавшаго въ руки суда надъ ересію, отнималось всякое средство защиты, и онъ погибалъ безвозвратно. Осужденіе влекло за собою конфискацію всего имущества, такъ что и семья осужденнаго, хотя бы ни въ чемъ неповинная, ввергалась въ нищету. Эти конфискаціи возбуждали корысть инквизиціи, и для нихъ то преимущественно она и преслѣдовала съ такимъ ожесточеніемъ свои жертвы. Эта возмутительная система увѣнчивалась тѣмъ, что такая страшная сила была предоставлена фанатическимъ монахамъ, чуждымъ всякаго человѣческаго чувства.

Инквизиція свирѣпствовала среди населеній буквально какъ общественная язва; народы хотя и пытались въ началѣ бороться съ нею, однако это учрежденіе устояло, благодаря поддержкѣ со стороны свѣтской власти, съ которою оно дѣлилось конфискованными богатствами. Этимъ все объясняется. Ужаснѣе всего свирѣпствовала инквизиція въ Италіи, въ Испаніи и въ Нидерландахъ, гдѣ, какъ извѣстно, сотни тысячъ людей погибли на кострахъ. Въ Германіи это учрежденіе не привилось, послѣ того, какъ тамъ убили знаменитаго гонителя еретиковъ, Конрада Марбургскаго. Но зато папа Иннокентій VIII ввелъ въ Германію, будлою отъ 1484 года, процессы за ересь, — порожденіе человѣческаго глупоумія и неистовства, къ сожалѣнію унаслѣдованное и протестантами: не прошло еще ста лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ одна дѣвушка была заживо сожжена, по обвиненіи въ союзѣ съ дьяволомъ!

Но хотя у церкви не было инаго отвѣта на крикъ народовъ объ улучшеніи нравственности духовенства, какъ инквизиція и гоненія за ересь, однако этотъ крикъ не умолкалъ, и безпрестанно выступали мужественные и благородные люди, изобличавшіе злоупотребленія. Въ Пармѣ, въ 1260 г., Гергардъ Сегарелли проповѣдывалъ чистое христіанство: его сожгли. Въ Германіи, мечтатель Лотардъ основалъ новую секту: его также сожгли въ Кельнѣ, въ 1321 г. Многихъ изъ его послѣдователей постигла та же участь. Въ Англіи, Джонъ Виглефъ проповѣдывалъ почти новѣйшее протестантское ученіе; — его отрѣшили, однако дали умереть естественною смертію; только послѣдователей его гнали и убивали. Константиискій соборъ призналъ его ученіе еретическимъ, предписалъ вырыть его кости, и предать погребенію въ неосвященной землѣ. Это происходило въ 1427 г. Въ Флоренціи, злоупотребленія церкви изобличалъ Саванарола: — его, вмѣстѣ съ двумя послѣдователями, пытали, повѣсили и сожгли.

Во Франціи, дѣйствовали въ томъ же смыслѣ Виттарій и Лаліе; въ Германіи Якобусъ, въ Эрфуртѣ, и Іоаннъ Везельскій.

Но тщетно,—все было тщетно; единственнымъ отвѣтомъ латинской церкви на жалобы народовъ были пытки и костеры! Накопецъ, Лютеру, Цвингли и Кальвину удалось то, чего не удавалось ихъ предшественникамъ; люди, выведенные изъ терпѣнія злоупотребленіями, послѣдовали за ними толпою. Но церковь продолжала оставаться въ своей тупой неподвижности, и извѣстныя послѣдствія не заставили себя ждать: реформація была встрѣчена съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ, что обычное оружіе римской церкви, инквизиція и отлученія, оказалось безсильнымъ. Борьба разгоралась, и начала серьезно угрожать обществу, такъ что государи стали настаивать на вселенскомъ соборѣ для восстановленія мира. Папская курія долго противилась этому, но наконецъ должно было уступить настояніямъ императора Карла V, и папа Павелъ III созвалъ въ Трентѣ вселенскій соборъ. Это былъ послѣдній, такъ называемый тридентскій соборъ; римскокатолическая церковь считаетъ его важнѣйшимъ, и признаетъ его постановленія основными. Онъ открылся въ 1545 г., и продолжался до 1563 г.; въ этотъ періодъ времени произошло болѣе двадцати пяти засѣданій, потому что римская курія употребляла всѣ усилія, что бы помѣшать этому дѣлу, и затянуть его. Въ 1552 г. положили даже отложить соборъ на два года, но, вмѣсто двухъ, прошло десять лѣтъ, такъ что къ продолженію приступили только въ 1562 г. Трентскій соборъ былъ созванъ прямо съ тою цѣлію, что бы предупредить расколъ въ церкви и согласиться съ протестантами; но важнѣйшія обвиненія ихъ относились до чрезмѣрной папской власти; поэтому естественно, что римская курія не имѣла ни малѣйшаго желанія входить въ разборъ этихъ обвиненій. Это оказалось уже при самомъ началѣ. На соборъ были приглашены одни епископы и высшее римское духовенство. Папы учредили въ Италіи множество епархій, которыя рѣдко были обширнѣе иностранныхъ деканствъ; голоса этихъ италіанскихъ епископовъ были упрочены за папами. Вообще мало обращали вниманія на тотъ фактъ, что высшіе посты римскокатолической церкви уже въ продолженіе многихъ вѣковъ занимаютъ исключительно италіанцами, и что это даетъ Италіи перевѣсъ надъ всѣми другими латинскими народами, перевѣсъ, неоправдываемый ни умомъ, ни нравственностію, ни политическимъ вліаніемъ италіанцевъ.

Поэтому, благодаря численному превосходству италіанскихъ епископовъ, папа всегда могъ разсчитывать на большинство голосовъ на соборахъ. Вотъ почему на констанцскомъ и на базельскомъ соборахъ было рѣшено подавать голоса не по головамъ, а по націямъ, чѣмъ достигли того, что многія предложенія, непріятныя римской курії, были утверждены. Но на трентскомъ соборѣ отказались отъ этого разумнаго правила; подавали голоса по головамъ, и большинство было постоянно за папою. Чего ждали отъ этого собора, можно судить по тѣмъ вопросамъ, которые были подняты на немъ Австрією и Баварією. Никто не

станеть оспоривать, что оба эти государства всегда были самыми ревностными защитниками папской власти, поэтому их требованій нельзя считать преувеличенными. Посмотримъ въ чемъ они состояли. Императоръ Фердинандъ I представилъ собору рядъ предложеній, изъ которыхъ первое было: «просить св. отца прежде всего произвести реформы въ папствѣ и въ римской куріи. Число кардиналовъ должно быть ограничено, если не восьмью частію, то, по крайней мѣрѣ, половиною. Всѣ привилегіи и исключенія въ пользу духовенства, въ общемъ законодательствѣ, должны быть прекращены; кафедральные соборы и коллегіи должны учреждать школы; епископы должны дѣйствительно присутствовать въ своихъ епархіяхъ, производить ежегодныя ревизіи и держать синоды. Церковнослужители должны исполнять свои обязанности бесплатно и съ большою серіозностію и достоинствомъ.» Одною статьею требовалось, что бы въ богослуженіи употреблялся, вмѣстѣ съ латинскимъ, и народный языкъ; другою, что бы прибѣгли къ серіознымъ мѣрамъ для возстановленія въ монастыряхъ и монашескихъ орденахъ прежняго образованія и чистоты нравовъ.

У нѣкоторыхъ націй предлагается допустить «бракъ духовенства». Подобныя требованія заявилъ и герцогъ баварскій Альбрехтъ V. Его уполномоченный, докторъ Августинъ Баумгартенъ, ландсгутскій канцлеръ, говорилъ въ своей рѣчи на соборѣ буквально слѣдующее: «Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ крайнемъ развращеніи народа много виновно духовенство, которое, вмѣсто того, что бы быть свѣточемъ страны, погрязло въ тупости, и стало совершенно неспособно къ своему главнѣйшему призванію. Чувство деликатности не дозволяетъ намъ заявить, какіе пороки открыты, новѣйшими изслѣдованіями, въ нравахъ духовенства, и въ какомъ потворствѣ и безопасности оказались виновными нѣкоторые изъ прелатовъ и князей церкви. Тотъ, кто рѣшился бы все это изложить, какъ оно есть, рисковалъ бы оскорбить цѣломудренныя уши почтенныхъ отцевъ, и привести нѣкоторыхъ въ сильное негодованіе. Поэтому, продолжаетъ докторъ Августинъ, всѣ просвѣщенные и опытные мужи пришли къ тому мнѣнію, что необходимо очистить нравы духовенства и служителей церкви, для того, что бы достигъ плодотворной реформы въ самой церкви. Наше духовенство не смущается всѣмъ этимъ зломъ; оно, напротивъ того, становится съ каждымъ днемъ безстыднѣе, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе погрязаетъ въ обжорствѣ и сластолюбіи, будто предпочитая занятаясь всевозможными пороками, чѣмъ исправиться, хотя бы въ одномъ. Недавнее слѣдствіе, произведенное по всей Баваріи, показало у духовенства столько наложницъ, что на сто духовныхъ лицъ, едва ли только трое или четверо не состояли въ открытой связи или въ тайномъ бракѣ съ женщинами, или, по крайней мѣрѣ, не брали бы себѣ наложницъ. Развратъ духовенства

до того оскорбляеть чувства неопытнаго народа, что онъ начинаеть презирать ученіе вмѣстѣ съ учителями, церковь вмѣстѣ съ церковнослужителями, и, раздраженный упорнымъ отказомъ допустить св. причастіе въ обѣихъ видахъ, угрожаеть воззвать противъ правительства моего государя.» Относительно прекращенія публичнаго распутства духовенства, баварскій посланникъ предлагалъ: «1) что бы церковь была преобразована по древнимъ учрежденіямъ и 2) что бы прелаты заводили школы въ своихъ домахъ, и заботились бы о распространеніи народныхъ училищъ.» Далѣе, онъ продолжаетъ: «люди, хорошо знающие съ положеніемъ дѣлъ, утверждаютъ, что цѣломудренный бракъ слѣдуетъ предпочесть преступной связи. *Христіанское ученіе не предписываетъ безбрачія духовенству*, и многіе женатіе священники достигали сана епископа. При такомъ положеніи дѣлъ, нѣтъ ничего противнаго божественнымъ законамъ, если вселенскій соборъ, признавъ нужду страждущей церкви, приметъ рѣшеніе, способное возстановить достоинство духовенства. Когда церковь будетъ такимъ образомъ преобразована, и когда народъ будетъ удовлетворенъ разрѣшеніемъ принимать св. причастіе въ обѣихъ видахъ, тогда только наступитъ время думать объ опредѣленіи смысла нѣкоторыхъ догматовъ вѣры!» (Богословскія письма Рихарда Альмскаго. Т. III. с. 644.)

Въ новѣйшее время, вошло въ обычай подозрѣвать протестантскихъ историковъ не только въ преувеличеніи, но даже во лжи; но вотъ два историческіе документы, исходящіе изъ Австріи и Баваріи, вѣрнѣйшихъ приверженцевъ римской курии. Конечно, они не лгутъ! Чѣмъ же отвѣчало папство на эти жалобы и требованія?—Ничѣмъ. Оно не хотѣло и слышать о соглашеніи съ протестантами. Пусть человѣчество разрывается враждебными партіями, пусть потоками льется кровь, какъ во время тридцатилѣтней войны,—духовенство не откажется ни отъ малѣйшей изъ своихъ привилегій!

Вселенскій соборъ былъ совершенно въ рукахъ римской курии. На немъ разсуждали только о томъ, о чемъ позволяли разсуждать папскіе легаты, и то дѣлалось не явно, а передавалось коммиссіямъ, мнѣніе которыхъ утверждалось подачею голо-совъ всего собора. Поэтому соборъ не только не облегчалъ соглашенія съ протестантами, но, напротивъ того, дѣлалъ раздѣляющую съ ними бездну шире и шире. Вульгата, т. е. латинскій переводъ Библии, былъ признанъ подлиннымъ, а римская церковь—ея единственною точною толковательницею. Библейскія преданія были признаны источникомъ познанія религіи. Подъ вліяніемъ двухъ папскихъ богослововъ, изъ іезуитовъ, установили ученія о грѣхопаденіи, объ искупленіи и о семи таинствахъ. Въ заключеніе, были на скоро составлены и утверждены декреты касательно посвященія въ церковный санъ, таинства брака, догмата о безбрачіи, чистилища, поклоненія святымъ, мощамъ и иконамъ, монашескаго обѣта, отпущенія

грѣховъ, постовъ и запрещенныхъ внигъ. Всѣ эти правила рѣзко противорѣчили понятіямъ протестантовъ, на которыхъ скаралась вина въ расколѣ, тогда какъ изъ всего сказаннаго нами ясно, что эта вина падала на римское духовенство, упорно уклонявшееся отъ всякаго соглашенія. Въ концѣ послѣдняго засѣданія, кардиналъ лотарингскій воскликнулъ: «Проклятіе всѣмъ еретикамъ!» Прелаты поддержали это восклицаніе, и церковь огласилась проклятіями изъ устъ служителей религіи *любви*. Это былъ полный разрывъ съ протестантствомъ; ничего инаго и нельзя было ожидать отъ этого собора, который не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки къ примиренію; притомъ же, въ послѣднихъ важнѣйшихъ его засѣданіяхъ, участвовало, отъ всей христіанской Европы, не болѣе восьмидесяти членовъ (въ числѣ которыхъ всего два нѣмца), тогда какъ итальянцевъ было сто восемьдесятъ семь. Можно ли назвать такой соборъ вселенскимъ, и могъ ли онъ быть убѣжденнымъ, что онъ представитель мнѣній всего тогдашняго римскокатолическаго христіанства? Рѣшенія этого собора были приняты только Италіею, Польшею и Португаліею; во Франціи и въ Германіи они никогда не были признаны, и если вошли въ силу и тамъ, то это сдѣлалось постепенно и незамѣтно, потому что никто не противорѣчалъ имъ. Но римская церковь не имѣетъ никакого права вмѣнять эти декреты, какъ основные законы. Съ тѣхъ поръ прошло триста лѣтъ, и въ теченіе ихъ не было ни одного вселенскаго латинскаго собора. Теперь опять собирается такой соборъ. Спрашивается: въ какомъ смыслѣ, въ какомъ духѣ будетъ онъ дѣйствовать? Въ эти три столѣтія, наука сдѣлала исполнскіе шаги; человѣчество достигло такой степени развитія, о какой и не мечтали во времена прежнихъ вселенскихъ латинскихъ соборовъ. Пріметъ ли ко вниманію предстоящій соборъ этотъ трехвѣковый прогрессъ? Въ 1865 г., явились энциклика (напсковое окружное посланіе) и силлабусъ. Они стоятъ совершенно на той же точкѣ зрѣнія, на какой стоялъ трентскій соборъ.

РУССКІЙ САМОУЧКА.

Часть вторая.

Спустя нѣсколько времени послѣ сдѣланнаго Боброву испытанія, явился къ нему въ квартиру Ризинъ съ просьбою, что бы тотъ, во первыхъ, поучилъ его немножко ариеметикѣ, а во вторыхъ начертилъ бы для образца хорошенькій планчикъ, и предложилъ ему за это приличное вознагражденіе.

Бобровъ радъ былъ хотя какой нибудь частной работѣ, и потому съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Ризина.

Планчикъ нарисовалъ онъ дня въ три, и, что бы похвастать предъ Ризинымъ своимъ искусствомъ, отдѣлалъ его чрезвычайно изящно, такъ что удостоился за это особенной похвалы отъ самого Мардохея Петровича, которому Ризинъ вмѣстѣ съ Бобровымъ представили этотъ планъ на ревизію.

— Поистинѣ заслуживаетъ похвалы, выразился Мардохей Петровичъ, разсматривая планъ, — хорошее событіе, нечего сказать, прибавилъ онъ, называя почему то работу Боброва событіемъ. За эту вещь уже не грѣхъ заплатить пять цѣлковинныхъ.

— Кажется дорого, произнесъ тихо Ризинъ.

— Не дорого, повторилъ Рогулькинъ, вы меньше съ него и не берите, прибавилъ онъ шутливо, обращаясь къ Боброву.

Рогулькинъ держалъ всегда сторону Боброва, и видимо ему протезировалъ.

Такимъ образомъ у Боброва планъ сошелъ съ рукъ хорошо; что же касается до преподаванія имъ Ризину уроковъ изъ ариеметики, то дѣло это отбилось у него совершенно. Бобровъ

прошелъ съ нимъ въ полторы недѣли до дѣленія простыхъ чиселъ вѣлчительно, и бросилъ—отказался.

— Больше не могу, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ Ризину наотрѣзъ; — да, откровенно вамъ сказать, и вы какъ то плохо это понимаете.

— Да, я думаю, больше то и не требуется, проговорилъ Ризинъ съ какою то смиренною улыбкою.

— Да вѣдь вы хотѣли было прежде въ землемѣры поступить? такъ какъ же землемѣру то не требуется? По моему мнѣнію, землемѣру безъ геометріи, тригонометріи и алгебры ступить нельзя. Я удивляюсь, какъ вы рѣшились проситься то на эту должность, нисколько въ ней не приготовившись.

— Теперь вотъ уже я поприготовился, теперь я думаю можно.

— Какое же приготовились? вѣдь вы только знаете коекакъ одно умноженіе.

— Больше то, кажется, и не требуется, твердилъ свое Ризинъ.

— Какъ это можно? помилуйте! произнесъ Николай Ивановичъ, какъ будто съ досадою.

— Да вѣдь вотъ Мусолинъ (рѣчь идетъ о землемѣрѣ въ дубленомъ полушубкѣ) и умноженія то не знаетъ, возразилъ Ризинъ, да ноступилъ же.

— Это уже чортъ знаетъ что такое! произнесъ Бобровъ съ удивленіемъ. Я вотъ знаю хотя немножко всѣ математическія науки, отчасти знаю и другія науки, да и то страшнымъ образомъ боюсь, а вы, господа какъ то смѣлы.

— Чего тутъ бояться то, только опредѣлили бы.

Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Такъ вы все еще думаете поступить?

— Какъ же не думать то, вѣдь тутъ же жалованье хорошее, а доходы то знаешь какіе? прибавилъ Ризинъ съ какою то сладкою улыбкою.

— Да какіе же тутъ доходы то? откуда они пойдутъ? полюбпытствовалъ Бобровъ.

— Какъ «какіе доходы»? произнесъ Ризинъ, смотря съ недоувѣріемъ на Боброва,—да тутъ всѣ даютъ.

— Да кто же дастъ, помилуйте.

— Мужики даютъ, отвѣтилъ положительно Ризинъ.

— За что же мужики то будутъ давать? вѣдь землемѣръ то, я думаю, не съ образомъ ѣздить, прибавилъ Бобровъ съ насмѣшкою.

— Такъ то знамо что не дадутъ, а какъ поприжмешь, такъ и дадутъ, пояснилъ Ризинъ съ улыбкою.

— Да какъ же вы ихъ прижимать то станете? полюбпытствовалъ Бобровъ.

— Какъ не прижать! произнесъ Ризинъ съ полною увѣренностію и съ видимымъ знаніемъ дѣла. Поговорите вонъ съ

Мусолины мѣ: «въ худой, говорить, годъ тысячу рублей до-
буду».

— Неужели же и его командируютъ? спросилъ съ изумлені-
емъ Бобровъ.

— Какъ же, три года уже ѣздитъ, прошлый годъ благо-
дарность еще получилъ.

— Да вѣдь, вы говорите, онъ ничего не знаетъ, такъ какъ же
онъ дѣла то исполняетъ?

— Да онъ, говорить, что не нужно ничего и знать то; все,
говорить, пустяки.. А доходы, говорить, славные, присовоку-
пилъ Ризинъ съ самою умиленною улыбкою; прежде, говорить,
я не зналъ еще какъ дѣла то обдѣлывать, а прошлый, гово-
рить, годъ тысячи двѣ хватилъ. Вы познакомтесь съ нимъ, по-
совѣтоваль Ризинъ, съ видимымъ доброжелательствомъ.

— Да какъ же онъ межеваніе то производитъ? добавилъ
Бобровъ.

— Онъ вѣдь ничего не межуешь, а только ѣздитъ для воз-
обновленія проськъ около казенныхъ дачъ.

— Ну, а кто же специальное то межеваніе производитъ?

— Это другіе дѣлаютъ: Петровъ вотъ, да Философовъ, да еще
коекто. Тѣмъ, говорятъ, еще доходиле, кто знаетъ, пояснилъ
Ризинъ.

— Положимъ такъ, да вѣдь проську то надо отыскать, тоже
знавши? возразилъ Бобровъ въ недоумѣніи.

— Мужики, говорить, отыскиваютъ сами, а я, говорить, и
на просьби то не хожу.

— Такъ за что же ему даютъ деньги то?

— Какъ за что? Онъ, вонъ, вытребуешь на между человекъ
сорокъ рабочихъ, да двѣнадцать человекъ понятыхъ, и дер-
жить ихъ. — «По рублю серебромъ, говорить, давайте, такъ
отпущу; а не то, говорить, продержу недѣли двѣ»... Ну, и да-
ютъ, вѣдь въ рабочую то пору для мужика то и день дорогъ..
«Одну, говорить, партію отпущу, да другую вытребую, а по-
нятыхъ то, говорить, то и дѣло мѣняю—все уже, говорить,
по полтинничку дадутъ»... Славно! заключилъ Ризинъ съ какою
то сладкою сощуренною улыбкою.

— Да какъ же мужики то не жалуются?спросилъ съ изумле-
ніемъ Бобровъ, сильно озадаченный такимъ извѣстіемъ.

— А кому они станутъ жаловаться то? возразилъ съ усмѣш-
кою Ризинъ, — вѣдь мужики то все казенные, а окружный то
начальникъ, извѣстное дѣло, вмѣстѣ съ землемѣромъ дѣйстви-
ютъ, доходы то дѣлятъ пополамъ, безъ этого ужъ никакъ
нельзя. А тамъ славный окружный начальникъ! я его знаю, при-
совокупилъ Ризинъ. Самъ Мусолину сказалъ: «ты, говорить,
требуй отъ насъ народу какъ можно больше, уже мы, гово-
рить, вышдемъ, а меньше, говорить, рубля съ нихъ, мошенни-
ковъ, не бери».. А мужики пивнуть у него не смѣютъ — запо-

реть... Отличный человек! заключилъ Ризинъ съ чувствомъ; всё его хвалить.

«Вотъ еще какъ человѣческія то достоинства оцѣниваются», подумалъ съ грустію Николай Ивановичъ. А мы привыкли считать хорошимъ человѣкомъ того, кого больше хвалить; оказывается, что надобно прежде строго разобрать того, кто хвалить, тогда уже и можно судить о томъ, кого хвалить.

— За что же онъ прошлый годъ благодарность то получалъ? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— За успѣхъ, пояснилъ Ризинъ, усмѣхнувшись. Много уже больно работы то показалъ: верстъ, кажется, цѣльсотъ по вѣдомостямъ то у него показано.

— А въ самомъ то дѣлѣ сколько же прошелъ?

— Не знаю, говорить, мужики то сами, говорить, гдѣ то немножко порубили, а я, говорить, и на просьбѣ то не былъ.

Николай Ивановичъ только пожалъ плечами.

Ризинъ овался чрезвычайно практиченъ въ межевомъ дѣлѣ, такъ что Николай Ивановичъ, судя по мозглявости его физиономіи, не могъ этому и надивиться. Мусолинъ былъ его прежнимъ пріятелемъ съ дѣтства. Выбѣтъ съ нимъ учились въ реторикѣ. Отъ него то онъ и набрался той практичности, которую со всею откровенностію передалъ Николаю Ивановичу, въ видахъ будущей съ нимъ дружбы.

— Ну, а какъ командируютъ Мусолина то по специальному межеванію? началъ опять Бобровъ, котораго чрезвычайно интересовалъ взглядъ подобныхъ людей на межевое, и вообще на служебное дѣло:—такъ тутъ что онъ станетъ дѣлать то?

— А что же?—ничего, отвѣтилъ Ризинъ, не думавши и съ самою тупою улыбкою: вѣдь тамъ, говорятъ, еще доходовъ то больше. Богатые то помѣщики даютъ помногу, только по ихнему дѣлай. Какъ бы меня опредѣлили, такъ я сталъ бы проситься по специальному межеванію: тамъ лучше, присовоуцилъ Ризинъ спокойнѣйшимъ образомъ.

Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какъ же вы межевать то стали бы? спросилъ онъ его съ улыбкою.

— Какъ нибудь сталъ бы, отвѣтилъ Ризинъ спокойно. Вѣдь здѣсь на половину землемѣровъ то не умѣютъ межевать, да межутъ, пояснилъ онъ въ свое оправданіе:—вы думаете всё знаютъ межевую часть?—какъ же!

— Я не понимаю васъ, господа, право не понимаю, произнесъ Николай Ивановичъ, поджмая съ удивленіемъ плечами. Какъ станешь дѣлать то, о чемъ не имѣешь никакого понятія? тутъ чортъ знаетъ какую чепуху надѣлаешь!

— Только опредѣлили бы, твердилъ свое Ризинъ съ самымъ беззаботнымъ спокойствіемъ.

— Ну, а если бы опредѣлили васъ докторомъ? возразилъ

какъ бы съ досадою Николай Ивановичъ, — вы тоже не отказались бы?

— Опредѣлить, такъ что отказываться то? отвѣтить съ тупою улыбкою Ризинъ, совершенно уже противъ всякаго ожиданія.

— Это уже чортъ знаетъ что! пробормоталъ просебя Николай Ивановичъ, котораго чрезвычайно изумляла такая тупоумная и съ тѣмъ вмѣстѣ чистосердечная готовность занять какую угодно должность, принять какія угодно обязанности. Напротивъ того, Ризинъ видимо не понималъ хорошенько Боброва: чему тотъ удивляется? что находитъ тутъ страннымъ? «Если должность доходна и есть возможность поступить на нее, такъ почему же не поступить? что тутъ удивительнаго?» рассуждалъ Ризинъ. Да такъ, конечно, разсудилъ бы и не одинъ Ризинъ. Это показалось страннымъ только на неопытный взглядъ Боброва, между тѣмъ какъ всѣ порядочные люди о томъ только и хлопочутъ, что бы занять выгодную и видную должность, а о томъ, въ чемъ заключается самая должность, какихъ требуетъ знаній? порядочные люди и не думаютъ, да странно было бы объ этомъ и думать. Съ такимъ разборчивымъ взглядомъ насидѣлся бы безъ куса хлѣба.

Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ крѣпко сомнѣвался, что бы, при настоящихъ строгостяхъ, Ризинъ могъ поступить въ землемѣры, тѣмъ болѣе, что онъ не выдержалъ никакого экзамена, и что Петровъ формально уже донесъ о его неспособностяхъ. Самонадѣянность Ризина и возможность поступить ему въ землемѣры, Бобровъ приписывалъ его неразсудительности и тупоумію; поэтому онъ и не во всемъ довѣрялъ ему насчетъ Мусолина, и тѣхъ порядковъ, какіе онъ описалъ. «Вретъ», думалъ себѣ Николай Ивановичъ, послѣ нѣкотораго размышленія.

— Это онъ придумалъ только для своего утѣшенія и оправданія, потому что дуракъ.

— Вѣдь уже вамъ въ землемѣры то теперь поступить нельзя, заговорилъ онъ снова, любопытствуя узнать дальнѣйшія предположенія Ризина насчетъ своихъ обстоятельствъ.

— А почему же нельзя? спросилъ Ризинъ ухмыляясь.

— Да вѣдь вотъ вы не выдержали экзамена. Видѣли, чай, донесеніе Петрова о вашемъ то испытаніи?

— Какъ не видѣть, видѣлъ. Не могъ пьяницу уговорить, выразился Ризинъ насчетъ Петрова; — сколько разъ угощалъ пьяницу этакого, да пятьдесятъ рублей вѣдь взялъ съ меня, мошенникъ, и то ничего не сдѣлалъ, мало видно что ли показалось. Золъ за что то на меня, ничего не говорить, только во всему придирается.

— Правду ли вы говорите? замѣтилъ безъ церемоніи Николай Ивановичъ. Петровъ, кажется, не такой человѣкъ, какъ вы

объ немъ относитесь. Вѣдь вотъ онъ экзаменовалъ же меня, да не взялъ ничего, и ни къ чему не придирался.

Ризинъ влялся, божился, что говорить правду, и что Петровъ дѣйствительно взялъ съ него пятьдесятъ рублей.

— Онъ не любитъ за что то меня, пояснилъ Ризинъ; самъ говорилъ мнѣ: «вы, говорить, ко мнѣ и не ходите, я васъ не люблю».

Николай Ивановичъ усмѣхнулся «Хорошъ видно ты, пріятель, что тебѣ въ глаза говорятъ такія вещи», подумалъ онъ про себя.

— Любить ли, не любить ли, а уже иначе онъ поступить не могъ. Какъ иначе то онъ отнесется, если вы не выдержали экзамена?

— Да что экзамень то? возразилъ Ризинъ, видимо оскорбившись, вѣдь онъ дѣлается только для проформы, чего тутъ на программу глядѣть то, да придирааться то? мало ли тамъ, что въ ней напишутъ, учить вѣдь все не станешь!

— А какъ же вы думаете? возразилъ Николай Ивановичъ.

— Да что тутъ думать то? вѣдь здѣсь все зависитъ отъ губернскаго землемѣра, а не отъ программы, или не отъ экзамена. Вѣдь уже какое онъ сдѣлаетъ представленіе, такъ такъ и будетъ, экзамень тутъ не поможетъ нисколько.

— По вашему, значить, что выдержалъ экзамень, что не выдержалъ—все равно?

— Я думаю, что все равно. Уже какъ губернскій землемѣръ захочетъ, такъ опредѣлитъ, а не захочетъ, такъ не опредѣлитъ, что вы тутъ ни разучайте.

— А васъ общается опредѣлить?

— Даль слово, «опредѣлю, говорить, непременно». Только впередъ денежки попросилъ.

— А сколько же онъ просить? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Шестьсотъ рублей ему, да пятьдесятъ, говорить, рублей Давыдовскому надо дать.

— Ну, а Давыдовскому то за что же? спросилъ Николай Ивановичъ, усмѣхнувшись.

— Онъ уже знаетъ какъ представленіе то написать, а вѣдь не такъ напишетъ, такъ пожалуй откажутъ — не опредѣлятъ.

— А губернскій землемѣръ самъ не умѣетъ видно представленіе то написать?

— Попржнему то умѣетъ, а теперь какъ то по новому надо, вмѣстѣ, говорить, съ программой: онъ уже справлялся объ этомъ.

— Такъ уже вы рѣшились дать ему сколько онъ просить?

— Да уже я отнесъ, дѣлать то нечего, проговорилъ Ризинъ, ухмыляясь: — такъ то вѣдь не поступишь ни въ какую долж-

ность. Вѣдь и вы вотъ тоже обѣщались ему дать шестьсотъ же рублей, уже онъ мнѣ сказывалъ, добавилъ Ризинъ съ какою то кислосладкою улыбкою.

— Какъ! я обѣщался шестьсотъ рублей? возразилъ Николай Ивановичъ съ тревожнымъ безпокойствомъ: да съ чего же онъ это взялъ? Я, дѣйствительно, обѣщался поблагодарить его, сколько могу, и то послѣ, да онъ отказался самъ отъ всякой благодарности. Ризинъ продолжалъ двусмысленно улыбаться.

— Не откажется, проговорилъ онъ съ видимою недовѣрчивостію: вы не скрывайтесь отъ меня, я вѣдь говорю съ вами по-дружески. Рогулькинъ то вѣдь мнѣ все сказываетъ, онъ меня больно любитъ, цѣлуетъ все меня, добавилъ Ризинъ съ какою то сладкою улыбкою.

Только этого еще не доставало, подумалъ Николай Ивановичъ, покосившись на Ризина съ нѣкоторою даже досадою: «Самъ чортъ васъ съ Рогулькиннмъ то не разберетъ.»

— Онъ часто про васъ поминаетъ, продолжалъ Ризинъ: обѣщаль, говорить, а не несетъ.

— Да когда же я обѣщаль то? перебилъ Бобровъ съ видимою досадою.

— Ну, уже полноте, не говорите только никому, добавилъ Ризинъ съ нѣкоторою таинственностію, а онъ меня просилъ напомнить вамъ объ этомъ: «иначе, говоритъ, займутъ всѣ вакансіи, тогда уже, говоритъ, будетъ поздно» А онъ васъ тоже полюбилъ: «опредѣлю, говоритъ, его непременно». Николай Ивановичъ пожалъ плечами.

— Уже вы не медлите, отнесите ему, безъ этого вѣдь нельзя, посоветовалъ Ризинъ съ видимымъ доброжелательствомъ; вмѣстѣ бы и служить стали!.. Я васъ также полюбилъ, сообщилъ Ризинъ, въ видѣ величайшаго одолженія, принимаюсь обнимать и цѣловать Боброва.

— Любовь то вѣдь не въ этомъ заключается, замѣтилъ угрюмо Николай Ивановичъ, уклоняясь слегка отъ ласковыхъ поцѣлуевъ Ризина.

— Какъ, вотъ Рогулькинъ съ любимаго человѣка шестьсотъ то рублей хочетъ слупить, такъ что то любовью то тутъ мало отзывается. Помоему, онъ хотя бы вовсе не любилъ, только ничего не бралъ бы.

Ризинъ, какъ болѣе знакомый съ существующими служебными обычаями, а также и по внутреннему своему убѣжденію, не понималъ хорошенъко словъ Николая Ивановича.

Онъ не могъ себѣ и вообразить такого нелѣпаго предположенія, что бы быть на мѣстѣ губернскаго землемѣра и не брать взятокъ, а особенно при опредѣленіи лицъ въ уѣздные землемѣры. Онъ даже находилъ, что губернский землемѣръ поступаетъ слишкомъ еще милостиво, потому что за опредѣленіе въ уѣздные землемѣры, по его мнѣнію, можно бы дать и тысячку. По словамъ Мусоллина и по всѣмъ справкамъ, какія самъ Ризинъ по

этому предмету усильсь сдѣлать, онъ рассчитывалъ навѣрняка, что такую сумму можно воротить однимъ годомъ, стоитъ только съѣздить на порядочное дѣльцо, и хорошенько поприжать богатыхъ мужиковъ, или отхватить у когонибудь хорошенькій лоскуточекъ земли въ пользу богатаго помѣщика. Ризинъ объ этомъ только и разсуждалъ, на этомъ только и сосредоточивалъ все свое вниманіе, а потому все остальное казалось ему непонятнымъ.

Въ заключеніе всего, Ризинъ изъявилъ непреодолимое желаніе послать за водочкою. Этимъ онъ хотѣлъ доказать на дѣлѣ дружественное свое расположеніе къ Боброву.

— Извините, у меня ни денегъ нѣтъ, ни водки нѣтъ, отозвался Николай Ивановичъ, желая всячески отдѣлаться отъ такой дружбы.

— Я на свои пошлю, предложилъ Ризинъ.

— Какъ хотите, только для меня не безпокойтесь: я не пью.

— Ну, какъ же... возразилъ Ризинъ съ недовѣрчивою улыбкою.

— Право, не пью, подтвердилъ Бобровъ.

— Ну-у-у! вотъ еще!

И Ризинъ, несмотря ни на какія отговорки Боброва, послалъ знакомаго ему дьячка хозяина за водкою.

— Еще со вчерашняго здѣсь трещить, пояснилъ Ризинъ, въ видѣ самой резонной причины, хлопнувши слегка по своей головѣ ладонью.

— Съ похмѣлья видно? полюбопытствовалъ Бобровъ.

— Съ Мусолинымъ бутили здѣсь цѣлую недѣлю изъ дня въ день, сообщилъ Ризинъ съ видимою похвалою. Славный онъ человекъ, дьячекъ такой, все на свои деньги меня угощать, да цѣловалъ все меня, право. А уже выпить, такъ молодець!.. мнѣ столько, кажется, ни за что не выпить, присовокупили Ризинъ, какъ будто съ сожалѣніемъ. Вчера, вечеромъ, по одной только бутылочкѣ кизлярочки выпили, такъ уже у меня въ головѣ то и зашумѣло; а онъ—ничего и не замѣтилъ. «Давай, говоритъ, бальзаму еще выпьемъ по бутылочкѣ» — пожалуй, молъ, давай что попьется; отъ хорошаго, молъ, отговариваться нечего.. Уже не помню, сколько бальзаму выпили. Вы познакомьтесь съ нимъ, славный онъ человекъ, вы его полюбите, заключилъ Ризинъ, съ полною увѣренностію.

— Какъ не полюбить такого человекъ! отвѣтилъ Бобровъ съ ироническою улыбкою.

— Право, полюбите, подтвердилъ Ризинъ.

Между тѣмъ, дьячекъ принесъ водки цѣлый штофъ. Ризинъ поподчивалъ сначала дьячка, потомъ выпилъ самъ, а потомъ присталъ къ Николаю Ивановичу, и, съ помощію поцѣлуевъ и самыхъ цѣпкихъ обниманій, принудилъ его выпить цѣлую рюмку. Онъ присталъ, было, къ нему съ другою рюмкою, но

*

тотъ отъ другой рюмки уже отбылся. По этому случаю, Ризинъ пригласилъ къ себѣ въ компанію дьячка, обლობывая его прежде троекратно. Дьячекъ, конечно, не отказался. По мѣрѣ опустошенія штофа, плаксиво улыбающаяся физиономія Ризина начала видимо измѣняться, и приняла нѣсколько свирѣпый оттѣнокъ.

— Ты, братъ, пей, не корячься! началъ онъ подбивать дьячка самымъ порывистымъ манеромъ, а не то вотъ!.. И Ризинъ позамалъ дьячку нажатый кулакъ.

— Сугубо! произнесъ дьячекъ, тоже не безъ свирѣпости, показавъ Ризину оба нажатые кулака, — воздамъ сторичею. И дьячекъ, какъ бы для ободренія себя, выпилъ залпомъ двѣ рюмки сряду. Поступокъ этотъ привелъ Ризина въ прежнее умиленіе. Онъ посмотрѣлъ на дьячка минуты двѣ, улыбнулся, и бросился съ неистовствомъ цѣловать его, такъ что своротилъ у себя объ зубы дьячка верхнюю губу до крови.

Дьячекъ тоже воодушевился, и въ свою очередь обнял Ризина самымъ неистовѣйшимъ образомъ. Въ изліяніи сердечныхъ чувствъ, они такъ стали напирать другъ на друга, что потеряли равновѣсіе, и повалились на полъ. На полу провалились они минутъ десять, взлягивая страшнымъ образомъ ногами, такъ что Николай Ивановичъ не могъ уже разобрать, — цѣлуются они, или дерутся.

Какъ бы то ни было, но дружественныя объятія и поцѣлуи кончились благополучно. Ризинъ однако же поднялся съ пола въ самомъ раздражительномъ состояніи. Довольно азартно и порывисто онъ сталъ наливать рюмку, такъ что часть лилась въ рюмку, а большая половина на столъ.

— Пей! предложилъ онъ Николаю Ивановичу, бросивъ на него довольно злобный взглядъ, — бахвалиться то, братъ, нечего, если любишь меня, и хочешь быть хорошимъ товарищемъ, такъ пей!

Бобровъ зайнулся было отговориться, но Ризинъ схватилъ со стола рюмку, и выплеснулъ ее на Боброва.

— Вотъ же тебѣ послѣ этого! проговорилъ онъ злобно. — Ты меня за пьяницу что ли считаешь? я, братъ, пьяницею то еще не былъ никогда; я не Петровъ: рюмку вотъ одну выпью, пояснилъ Ризинъ, наливая себѣ рюмку, — а много двѣ, прибавилъ онъ, замѣтивъ, что въ штофѣ осталось еще на рюмку, — больше намъ не нужно, называя насъ пьяницею то, какъ хочешь.

Выпивъ послѣднюю рюмку, Ризинъ хватилъ ее объ столъ и разбилъ въ дребезги, потомъ торопливо взялъ шапку, и, не простившись ни съ кѣмъ, отправился домой въ самомъ гнѣвномъ расположеніи духа, сильно хлопнувъ за собою дверь. Что этимъ онъ желалъ доказать или выразить, — узнать было невозможно.

Николай Ивановичъ на этотъ разъ рѣшился уже перенести

всѣ нанесенныя ему оскорбленія, потому что опасался нажить въ немъ новаго себѣ врага.

Дьячекъ тоже, повидимому, былъ тѣмъ то недоволенъ, однако отправился къ себѣ безъ всякаго шума. Этотъ дружественный визитъ Ризина произвелъ на Николая Ивановича самое непріятное впечатлѣніе. «Неужели и этого человѣка опредѣлять въ землемѣры?» думалъ онъ, — «кажется, не можетъ этого быть, тѣмъ болѣе, что, по донесенію Петрова, онъ оказался въ межевой части вовсе неспособнымъ. Либо онъ все вреть, либо его, дурака, обманываютъ. Впрочемъ, если уже опредѣлять въ землемѣры Ризина за деньги, такъ меня опредѣлять по необходимости», угѣшалъ себя Николай Ивановичъ, — «потому что я выдержалъ экзамень; объ мнѣ есть на этотъ разъ формальное донесеніе. Это уже фактъ; его не уничтожишь, между тѣмъ какъ для опредѣленія Ризина нѣтъ никакихъ данныхъ. Отстранить меня и опредѣлять Ризина — значитъ сдѣлать явную противозаконную несправедливость, которую я сейчасъ же могу обнаружить, и которая сама собою докажется фактами. Такой рискъ сдѣлать никто не рѣшится. А потому если уже опредѣлять Ризина, такъ непремѣнно опредѣлять и меня, а всего вѣроятнѣе ему откажутъ.» Разсуждая такимъ образомъ, Николай Ивановичъ убѣдилъ себя окончательно, что онъ непремѣнно будетъ опредѣленъ въ землемѣры, тѣмъ болѣе, что не было въ виду ни одного соперника, который лучше его зналъ бы межевыя науки.

Послѣ этого, Бобровъ сталъ посѣщать чертежную, съ цѣлію ознакомиться тамъ съ производствомъ чертежныхъ работъ; но не могъ, однако же, пріобрѣсти тамъ никакихъ особенныхъ свѣдѣній. Землемѣры большею частію только колобродили, и разсказывали другъ другу анекдоты изъ своей межевой жизни. Одинъ землемѣръ постоянно разсказывалъ про свои воинственные поступки, какимъ образомъ онъ нѣсколькимъ старостамъ выбилъ зубы, какъ у одного помѣщика сжегъ всѣ генеральные планы зато, что тотъ не далъ ему 700 рублей. Другіе высказывали свои практическія знанія въ межевомъ дѣлѣ: какимъ образомъ натягали они въ планахъ недостающее количество земли, которую они отхватили въ пользу какого нибудь добраго помѣщика, и какъ для полноты плана вставляли новыя линіи, которыхъ въ натурѣ вовсе не существуетъ. Землемѣръ въ вѣковѣчномъ фракѣ сообщилъ нѣсколько анекдотовъ о походахъ своей жены, о которой относился онъ не съ большою похвалою. Другіе землемѣры, кстати, разсказали, въ видѣ шутокъ, про его собственныя уже походы, какимъ образомъ онъ, отправляясь на межу, первымъ дѣломъ закладываетъ у кого нибудь всѣ геодезическія инструменты, а потомъ все лѣто межуется уже дачи безъ астролябіи; на глазомѣръ и пр. Мусолинъ, въ свою очередь, сообщилъ только одно, что его гдѣ то мужики приняли въ колья, а за

что?—этого понять никто не могъ. Философовъ съ ироническою улыбкою поощрялъ только другихъ землемѣровъ къ разсказамъ, но самъ не разсказывалъ ничего. Одинъ только Петровъ не обращалъ ни на что никакого вниманія, и не участвовалъ ни въ какомъ разговорѣ. Въ продолженіе всего присутствія, онъ не проговорилъ ни съ кѣмъ ни одного слова, ни на кого и ни на что не глядѣлъ, а, не поднимая головы, занимался своимъ дѣломъ. Официальныя занятія землемѣровъ по преимуществу состояли въ перепискѣ межевыхъ книгъ и въ черченіи плана губернскаго города и уѣздныхъ карточекъ, которыми Мардохей Петровичъ, въ видахъ глубокаго уваженія и преданности, дарилъ всѣхъ почетныхъ лицъ и знакомыхъ ему богатыхъ помѣщиковъ.

Модные фрачники съ любовію занимались перепискою межевыхъ книгъ. Въ этомъ занятіи, повидимому, находили они какую то поэзію, такъ что землемѣръ съ саркастическою улыбкою постоянно, и съ какимъ то самодовольствіемъ, диктовалъ во всеуслышаніе свою собственную переписку: «идучи тою линіею и перешедъ оврагъ безымянный, а за онымъ перешедъ рѣчку Кувердйку, и перешедъ проселочную дорогу и дошедъ до межеваго столба, поставленнаго землемѣромъ такимъ то, а за онымъ дошедъ до земли такой то, а за оною дошедъ до земли такой то и пр.» Диктуя себѣ этотъ наборъ словъ, землемѣръ самодовольно посматривалъ по сторонамъ. Этимъ онъ старался доказать свою опытность въ межевомъ дѣлѣ, и что все это онъ знаетъ нанзустъ.

— Приятно, какъ все это знаешь, произносилъ онъ иногда, закончивъ вышеприведенный наборъ словъ.

— Вотъ чему учиться съ надобно, прибавлялъ онъ, обращаясь съ презрительною насмѣшкою къ Боброву.

Бобровъ невольно улыбнулся. Онъ сначала думалъ, что это говорятъ ему въ шутку, но въ послѣдствіи увѣрился, что говорилось это съ убѣжденіемъ.

Какъ бы то ни было, но Николай Ивановичъ, посѣщая чертежную, по крайней мѣрѣ узналъ поближе всѣхъ землемѣровъ. Онъ хорошо познакомился съ Петровымъ, а съ Философовымъ сошелся даже подружески. Они часто посѣщали другъ друга, и проводили въ дружественныхъ бесѣдахъ чуть не цѣлыя ночи. Философовъ оказался весьма умнымъ, любознательнымъ и, по природѣ, честнымъ человѣкомъ. Они много разговаривали насчетъ Мардохея Петровича. Философовъ понималъ его за весьма простаго и добраго человѣка, у котораго простота доходитъ иногда до глупости, но что онъ не можетъ сдѣлать человѣку никакого умышленнаго вреда. Хотя и сообщилъ онъ Боброву самыя достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что Рогоулькинъ за всякое дѣло беретъ взятки, но не придавалъ этому обстоятельству никакого значенія, и не ставилъ этого Рогоулькину ни въ какую укоризну. Въ описываемую нами эпоху времени служащій человѣкъ невзяточникъ былъ немыслимъ. О взяткахъ говорили

тогда открыто, какъ о необходимой задѣльной платѣ, установившейся въ общественномъ мнѣніи, такъ что исполнять служебныя обязанности, и не брать взятокъ, у многихъ считалось тогда дѣломъ безчестнымъ, или по крайней мѣрѣ унижительнымъ для благороднаго человѣка. Тотъ, кто относился съ презрѣніемъ о взяткахъ и о взяточникахъ, почти не могъ быть терпимъ на государственной службѣ. Такой человѣкъ считался вообще вреднымъ, и нарушающимъ общественное спокойствіе. Конечно, взятки давались не всегда съ большою охотою, но всетаки тотъ, кто бралъ большія взятки, пользовался въ обществѣ большимъ уваженіемъ, нежели тотъ, который отъ нихъ вовсе отказывался. Всего болѣе укоренился этотъ обычай въ землемѣрной сферѣ, такъ что съ землемѣромъ, неберущимъ взятокъ, порядочный помѣщикъ не сталъ бы имѣть никакого дѣла, потому что взятки служили тогда оцѣнкою человѣческихъ достоинствъ. Развившись подъ вліяніемъ тогдашняго времени, Философовъ, въ свою очередь, тоже придерживался господствующаго мнѣнія, и потому не только не видѣлъ во взяткахъ ничего предосудительнаго, но даже считалъ ихъ за должное, точно такъ же, какъ иной докторъ считаетъ благороднымъ долгомъ драть съ живаго и мертваго за свои бесполезныя, а иногда даже вредныя, визиты. Бобровъ во многомъ уважалъ мнѣніе Философова, но въ этомъ случаѣ съ нимъ не соглашался.

Какъ человѣку, незнакому съ сферою служебной жизни, и развившему себя самостоятельно, въ всякихъ постороннихъ вліяній, ему представлялось чрезвычайно страннымъ слышать отъ Философова тавія слова, которыя оправдываютъ взятки, тѣмъ болѣе, что онъ Философова считалъ за человѣка образованнаго и честнаго. По этому поводу часто возникали между ними споры. Философовъ хотя не безусловно оправдывалъ взятки, но по крайней мѣрѣ считалъ необходимымъ брать ихъ за межевныя работы. Бобровъ, напротивъ того, отрицалъ безусловно всякаго рода взятки, и называлъ ихъ дѣломъ безчестнымъ, чуть не воровствомъ.

— Человѣкъ, посвятившій себя для пользы государственной службы, ни подъ какииъ видомъ не долженъ разсчитывать на взятки, говорилъ между прочимъ Николай Ивановичъ.

— Даромъ что ли я стану для каждаго работать? возражалъ Философовъ; батракъ что ли я для каждаго? Я, братецъ, цѣню себя не хуже другихъ, я вѣдь не крѣпостный человѣкъ, даромъ для каждаго трудиться не стану.

— Вы здѣсь трудитесь не для лица, а для общества и государства, съ котораго получаете жалованье и чины, оспаривалъ Бобровъ,— стало быть, трудитесь не даромъ. А для общества и государства можно при случаѣ потрудиться и даромъ, въ этомъ безчестія нѣтъ никакого.

— Даромъ, братъ, можетъ дѣлать только тотъ, кто не разсчитываетъ уже жить на свѣтѣ, потому что жизнь требуетъ посто-

янныхъ расходовъ, а на казенное жалованіе тоже не проживешь; въ противномъ случаѣ понадобится жить понищенски.

— Это уже другое дѣло, возражалъ Бобровъ: о прибавкѣ жалованія, если его дѣйствительно не достаетъ на жизнь, хлопотать слѣдуетъ; но, въ тоже время, слѣдуетъ хлопотать и объ уничтоженіи взятокъ. Какъ вы ихъ ни оправдывайте, а все таки, по моему мнѣнію, взятки дѣло безчестное. Даромъ взятки не даютъ, а все уже за какое нибудь безчестное дѣло.

Философову чрезвычайно не понравилось такое заключеніе. Онъ, въ сущности, дѣйствительно былъ честный человѣкъ, и потому взятку понималъ, какъ вознагражденіе за честный трудъ.

— Я, братъ, безчестнаго дѣла не сдѣлаю никогда, и ни за какія деньги, проговорилъ онъ, нахмурился; если возьму, такъ за честный трудъ, который этого стоитъ.

— Вы это обязаны дѣлать по службѣ, а никакъ уже не за взятку, иначе вамъ не дали бы ни чиновъ, ни жалованія. Если вы за каждое дѣло требуете себѣ частнаго вознагражденія, такъ въ чемъ же будетъ состоять ваша то обязанность?

— Я обязанъ размежевать дачу, а владѣльцы обязаны заплатить мнѣ за это, произнесъ Философовъ самымъ положительнымъ тономъ.

— А если они не заплатятъ? да, можетъ быть, и заплатятъ то нечѣмъ? или одна сторона заплатитъ, а другая то нѣтъ, тогда что вы станете дѣлать то?

— Да что дѣлать то? ничего не стану дѣлать, проговорилъ Философовъ, немножко задумавшись, — уѣду на другую дачу.

— А служебная то обязанность? напомнилъ Бобровъ съ улыбкою: — вѣдь по службѣ то вы обязаны исполнять всякое дѣло, какое вамъ ни поручать, а уже тамъ дадутъ ли вамъ что за это, не дадутъ ли, это уже другое дѣло.

— Послѣ того знамо что не дадутъ проговорилъ, смѣючись, Философовъ: — какъ дѣло то совсѣмъ кончишь, такъ ихъ скотовъ къ благодарности то уже не скоро притянешь.

— А уже если кто благодаритъ васъ или общается дать прежде дѣла, такъ тотъ навѣрняка считаетъ васъ за безчестнаго человѣка, замѣтилъ безъ церемоніи Бобровъ.

— А почему же это? спросилъ торопливо Философовъ съ недовольнымъ видомъ. Я сказалъ тебѣ, что беру благодарность не за безчестное дѣло, а за честный трудъ, добавилъ онъ значительно.

— Да они то рассчитываютъ не за трудъ, а прямо за безчестное дѣло, возразилъ Бобровъ; если бы они благодарили васъ изъ усердія, за трудъ, то могли бы поблагодарить васъ и послѣ окончанія дѣла, безъ всякихъ предварительныхъ общаній. А уже если, какъ вы говорите, они послѣ не даютъ ничего, такъ ясно, что они даютъ не изъ усердія и не за трудъ, а прямо за какое нибудь безчестное дѣло; надѣются, что за эту благодарность вы въ пользу ихъ сдѣлаете какого нибудь вертка.

— На это, братъ, можетъ разсчитывать только одинъ подлецъ, съ которымъ я и говорить то не стану, возразилъ Философовъ съ достоинствомъ, а вѣдь не всѣ же подлецы, какъ ты думаешь? есть тоже и честные люди, которые и сами ни за что не согласятся, что бы въ пользу ихъ сдѣланъ былъ какой нибудь вертокъ.

— Я про это не говорю, можетъ быть они и честны, и не желаютъ себѣ ничего лишняго; но если уже дадутъ или обѣщаютъ вамъ впередъ, такъ васъ то они считаютъ за безчестнаго человѣка, на васъ то, значитъ, они не надѣются, вотъ я про что говорю! Безчестный человѣкъ даетъ впередъ за то, что бы вы все дѣлали въ его пользу, а честный за то, чтобы вы по крайней мѣрѣ не сдѣлали какого нибудь вертка въ пользу другаго, и въ чемъ нибудь его не обманули бы. Если бы онъ этого не опасался, и вполне довѣрялъ бы вашей честности, такъ не было бы надобности ни въ какихъ предварительныхъ обѣщаніяхъ или условіяхъ. Если я самъ честный человѣкъ, и увѣренъ, что вы, при исполненіи дѣла, во всякомъ случаѣ тоже поступите честно, по закону, такъ для какой же цѣли я буду дѣлать съ вами различныя условія, или благодарить васъ прежде всякаго дѣла? Если кто даетъ или обѣщаетъ вамъ впередъ, такъ тотъ, можетъ быть, и честный человѣкъ; но уже васъ то, навѣрное, считаетъ за безчестнаго человѣка, что вы тутъ ни говорите. А потому, кто дорожитъ своею честью, тотъ, по моему мнѣнію, не долженъ входить съ владѣльцами ни въ какія предварительныя условія; въ противномъ случаѣ, не долженъ уже оскорбляться, если его назовутъ подлецомъ!..

— А на какомъ же основаніи назовутъ меня подлецомъ, если я исполню дѣло правильно и по закону? возразилъ Философовъ, разгорячившись.

— А на томъ основаніи, что взяли за это деньги. Этимъ вы доказываете ясно и положительно, что правильно и законно вы можете дѣлать только тогда, когда дадутъ вамъ деньги, а вѣдь извѣстное дѣло, что за деньги то и безчестный человѣкъ дѣлаетъ иногда самая честныя дѣла.

— Такъ вы думаете, что честный человѣкъ долженъ всякое дѣло дѣлать даромъ, что ли? возразилъ Философовъ.

— Вы не сбивайте меня, замѣтилъ съ усмѣшкою Николай Ивановичъ; я говорю не о всякомъ дѣлѣ, а только о служебной обязанности. Она потому и называется обязанностію, что честный человѣкъ обязанъ исполнять ее безусловно, не разсчитывая ни на какія постороннія вознагражденія, которыя воспрещены и закономъ.

— А почему же докторамъ то велѣно брать и за визиты, и сверхъ визитовъ? перебилъ энергично Философовъ; вѣдь они тоже состоятъ на государственной службѣ, тоже получаютъ и чины, и жалованіе; отъ чего же они даромъ то не лечатъ ни-

кого? Они берутъ взятки, — такъ это законно, а нашему брату незаконно! экое дѣло, подумаешь!...

— Что же дѣлать то, коли имъ законъ этого не воспрещаетъ, а всѣмъ другимъ воспрещаетъ? отвѣтилъ Николай Ивановичъ съ недовольнымъ видомъ. — Впрочемъ, я это тоже нахожу крайне несправедливымъ, добавилъ онъ потомъ.

— А почему же несправедливымъ?

— Да потому, что за визитъ то доктору можетъ заплатить не всякій, а заболѣть то можетъ всякій. Поэтому бѣдные лю-сади докторовъ уже къ себѣ и не приглашаютъ, а лечатся ми, чѣмъ попало... Вы бѣдности то видно, Иванъ Васильичъ, не испытали, добавилъ Бобровъ съ чувствомъ, такъ и оправдываете всѣ эти благодарности, а какъ испытали бы, такъ не то заговорили бы. Братъ то эти благодарности хорошо, да давать то каково! Съ меня, вотъ, Рогулькинъ просить шесть-сотъ рублей, а у меня нѣтъ и шестисотъ копѣекъ, такъ тутъ что станешь дѣлать то? а вы знаете, что я выдержалъ экзамень, а кто въ состояніи эти заплатить, тотъ не выдержалъ. На это что вы скажете?

— Вотъ это такъ уже будетъ подлость! подхватилъ Философовъ, да этого, братъ, Рогулькинъ и не сдѣлаетъ. Тебя онъ хотѣлъ представить непременно: онъ при всѣхъ это говорилъ. Хотя онъ и простоватъ, а всетаки человѣкъ добрый незлонамѣренный, я въ этомъ увѣренъ. — Вѣдь онъ съ тебя ничего не требовалъ?

— Самъ не требовалъ, да Ризинъ вотъ говоритъ, что будто бы ему наказывалъ, да и Давыдовской тоже говорилъ.

— Кому ты, братецъ, вѣришь! перебилъ Философовъ презрительно: — неужели ты не видишь какіе это люди? Вѣдь это чистые скоты; для этихъ людей ничего нѣтъ святаго! Я этого Давыдовскаго когда нибудь изъ чертежной выгоню по шеѣ.

— Да, кажется, и надобно бы, замѣтилъ въ свою очередь Бобровъ.

— Я больно горячъ, чортъ возьми! проговорилъ, смѣючись, Философовъ; неравно какъ Рогулькинъ за него вступится, такъ сгоряча, пожалуй, и его выгоню, право. Такую катавасію надѣлаешь, что чортъ знаетъ! Этого только и боюсь, а то уже я его давно вытурилъ бы.

— А другіе то землемѣры чего же глядятъ?

— Это, братъ, такіе же скоты! произнесъ Философовъ, махнувъ рукою; я половину и землемѣровъ выгналъ бы; да, кажется, и выгоню, только вотъ пооглядѣтся бы немножко. Самъ еще недавно служу; да одному то плохо и дѣйствовать. Вотъ поступай, братъ, поскорѣе, вмѣстѣ то бы что нибудь, можетъ, и сдѣлали. Вѣдь у насъ чортъ знаетъ что дѣлается! Рогулькину то надо все это растолковать, онъ хотя и добрый человѣкъ, да уже больно глуповать, надо сказать дѣло.

— Такъ вы вѣдь и растолковали бы ему, замѣтилъ Бобровъ.

— Хладновровно то, братецъ, говорить не умѣю, сказалъ Философовъ, разсмѣявшись,—того гляди обругаю всѣхъ, никакъ не сдержисься, мерзостей то больно много дѣлаютъ. Ты вѣдь и за труды то взять считаешь безчестнымъ дѣломъ; можетъ быть это и правда, я еще объ этомъ подумаю, а здѣсь вѣдь чортъ знаетъ за что берутъ и что дѣлаютъ!

Бобровъ полюбопытствовалъ было о томъ, что дѣлаютъ, но Философовъ махнулъ только рукою.

— Петровъ, кажется, у васъ хорошій человѣкъ, замѣтилъ между прочимъ Николай Ивановичъ.

— Хорошо то онъ хорошъ; да съ нимъ, братъ, ничего не сдѣлаешь—каши не сварись. Онъ какой-то странный человѣкъ; его и не поймешь: ничего не говорить, ничего не возражаетъ, а дѣлаетъ, что велать, безъ всякаго разсужденія. Онъ, кажется, поднишетъ все, хотя на свою голову.

— Однако вотъ онъ объ Ризинѣ отнесся какъ слѣдуетъ, замѣтилъ Бобровъ: — вѣдь Ризинъ дѣйствительно ничего не знаетъ, а Рогулькинъ равно желалъ бы, что бы онъ объ немъ отнесся хорошо.

— Это, братъ, я уже не знаю, какъ у него и сдѣлалось, на это всѣ не могутъ и надивиться. Говорятъ, что ты больно много далъ ему?

Николай Ивановичъ усмѣхнулся.

— Да я не далъ ему ни копейки, но онъ съ меня и не требовалъ.

— Уже это такъ видно у него сдѣлалось, подъ пьяную руку, замѣтилъ Философовъ съ усмѣшкою. Вѣдь онъ чай не экзаменовалъ ни того, ни другаго! добавилъ онъ, въ видѣ шутки.

— Не знаю какъ того, а меня то экзаменовалъ.

— Какъ же онъ спрашивалъ — изъ каждаго предмета?

— Нѣтъ, онъ только велѣлъ мнѣ по программѣ объяснить каждую науку, я и объяснилъ, какъ знаю. Онъ такъ ничего мнѣ тогда и не сказалъ; я думалъ, что онъ остался недоволенъ моимъ объясненіемъ.

Такимъ образомъ Бобровъ и Философовъ часто разговаривали между собою о различныхъ предметахъ, а иногда порядочно и спорили. Какъ бы то ни было, но Бобровъ былъ чрезвычайно радъ, что напелъ въ Философовъ весьма хорошаго и честнаго человѣка, съ которымъ разганивалъ свою скуку. Въ послѣдствіи времени, каждый изъ нихъ измѣнилъ свое мнѣніе насчетъ взятокъ или такъ называемой благодарности. Бобровъ остановился на томъ мнѣніи, что если благодарность не вынужденная, и предлагается безусловно, послѣ уже окончанія дѣла, то отъ нея отказываться не слѣдуетъ, потому что подобная благодарность, ни въ какомъ случаѣ, уже не можетъ назваться

взятою. Это будетъ все равно, что подарокъ, предложенный любимому человѣку, въ знакъ искренняго къ нему расположенія. Философовъ, напротивъ того, такъ ожесточился противъ взятокъ, что готовъ былъ колотить по зубамъ всѣхъ, кто только намекаетъ ему объ этомъ. Послѣ разсужденій съ Бобровымъ, онъ долго думалъ о всѣхъ этихъ благодарностяхъ, и пришелъ, наконецъ, къ рѣшительному убѣжденію, что тотъ, кто предлагаетъ ему благодарность, дѣйствительно считаетъ его за безчестнаго человѣка, а Философовъ о томъ только и заботился, что бы на словѣ и на дѣлѣ бытъ честнымъ человѣкомъ, что бы никто не имѣлъ права не только назвать, но и подумать, что онъ человѣкъ безчестный.—«Я, братецъ, дворянинъ», говорилъ послѣ этого Философовъ съ нѣкоторою гордостію, «и потому честность должна быть вѣчнымъ моимъ девизомъ».

Послѣ этого, когда, бывало, какойнибудь простенькій мужичекъ только еще намекаетъ ему «что мы-де вашу милость поблагодаримъ за ваши труды», Философовъ вознеистовится страшнымъ образомъ.—«Самъ ты подлець!» вскричитъ онъ, въ отвѣтъ на это, какъ будто бы предложеніемъ о благодарности дѣйствительно уже назвали его подлецомъ.

Бобровъ заходилъ иногда и къ Петрову, но разговаривалъ съ нимъ мало, потому что тотъ не входилъ съ нимъ ни въ какія разсужденія, а болѣе всего молчалъ. Въ какой то грустной задумчивости онъ прохаживался только по комнатѣ, и постоянно курилъ трубку. Николай Ивановичъ просиживалъ иногда съ нимъ цѣлые вечера, почти не проговоривши ни одного слова; при всемъ томъ Петровъ, повидимому, былъ очень радъ его посѣщенію. Когда Николай Ивановичъ начиналъ собираться домой, то онъ всегда останавливалъ его.—«Посидите еще, если можно-съ», говорилъ онъ съ видимымъ радушіемъ. Бобровъ, конечно, оставался, потому что и онъ, въ свою очередь, находилъ какое то удовольствіе сидѣть у Петрова. Иногда вся ихъ бесѣда буквально ограничивалась только двумя словами: здравствуйте» и «прощайте»; за всѣмъ тѣмъ, и послѣ такой бесѣды, у Николая Ивановича становилось какъ то легче на душѣ. Онъ и самъ не могъ надивиться, почему его тянуло къ Петрову, а отъ другихъ землемѣровъ какъ будто отталкивало, несмотря на то, что многіе изъ нихъ были несравненно представительнѣе Петрова, разговорчивѣе и въ послѣднее время стали оказывать Боброву нѣкоторое вниманіе. Правда, Николая Ивановича интересовалъ особенный характеръ Петрова, который казался загадочнымъ и для его товарищей. Бобровъ всячески старался разгадать его, узнать, какой онъ имѣетъ взглядъ на вещи и на людей, но молчаливая его натура не обнаруживала никакого взгляда. Судя по его лицу и по нѣкоторымъ отрывочнымъ фразамъ, можно было, однако же, замѣтить, что онъ былъ довольно уменъ и образованъ; но чрезвычайное его хладнокровіе и невниманіе ко всему окружающему, его видная безпечность о своей собственной судь-

бѣ, какъ будто доказывали противное. Онъ чрезвычайно однако же любилъ читать, и читалъ весьма много; но въ то же время невозможно было добиться у него никакого отзыва о томъ, что онъ прочиталъ.

Однажды, часовъ въ девять вечера, совершенно неожиданно Петровъ зашелъ къ Николаю Ивановичу на квартиру.

— Я посидѣть къ вамъ пришелъ-съ, проговорилъ Петровъ, снимая шинель.

— Милости просимъ, очень радъ, отозвался Николай Ивановичъ.

— Вы рано ли ложитесь спать? спросилъ его Петровъ.

— Какъ приведется, отвѣтилъ Бобровъ, иногда сижу долго, читаю что нибудь.

Петровъ не отвѣтилъ на это ничего, а закурилъ трубку, которую принесъ съ собою и сталъ машинально прохаживаться по комнатѣ.

— Уже я посижу у васъ до двѣнадцати часовъ, сообщилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Сдѣлайте одолженіе, хотя до двухъ часовъ, мнѣ очень приятно, отвѣтилъ Бобровъ.

— Нѣтъ только до двѣнадцати-съ, проговорилъ Петровъ самымъ положительнымъ тономъ, и снова замолчалъ. Николай Ивановичъ тоже молчалъ, потому что не зналъ что говорить.

— Вамъ скучно со мной-съ, заговорилъ Петровъ, противъ всякаго обыкновенія.

— А почему же вы думаете, что скучно? отвѣтилъ уклончиво Николай Ивановичъ, который дѣйствительно не рассчитывалъ уже на особенную веселость, а думалъ, что на этотъ разъ приведется просидѣть съ нимъ три часа безъ всякаго разговора.

— Я мало говорю-съ, произнесъ Петровъ довольно отрывисто.

— Вы дѣйствительно немного говорите, замѣтилъ Николай Ивановичъ съ улыбкою.

— Чего уже тутъ «немного то»! ничего не говорю-съ, подтвердилъ Петровъ.

— Должно быть не любите? полюбопытствовалъ Бобровъ, который радъ былъ продолжать разговоръ и на эту тему.

— Очень люблю-съ, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Такъ отчего же вы такъ мало всегда разговариваете? продолжалъ спрашивать Николай Ивановичъ, удивленный такою неожиданною откровенностію Петрова.

— По той причинѣ, что не съ кѣмъ говорить-съ, да и не объ чемъ-съ.

— Какъ не съ кѣмъ говорить? возразилъ Николай Ивановичъ; у васъ вотъ не мало товарищей по службѣ.

Петровъ едва замѣтно улыбнулся, но не отвѣтилъ ничего.

— У васъ поговорить есть съ кѣмъ, продолжалъ Николай.

Ивановичъ:—да кажется и есть объ чемъ: у землемѣра то, я думаю, мало ли на межѣ то случаетъ бываетъ?

— Много-съ, подтвердилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ ожидалъ было отъ Петрова какихъ нибудь поясненій, но тотъ не промолвилъ болѣе ни одного слова, а попрежнему сталъ задумчиво прохаживаться по комнатѣ.

— У васъ, кажется, есть довольно хорошіе товарищи? вздумалъ польстить Николай Ивановичъ, и желая какъ нибудь вызвать Петрова на дальнѣйшій разговоръ.

— Хорошіе-съ, отвѣтилъ Петровъ утвердительно:—я съ ними водочку пью-съ, прибавилъ онъ въ видѣ поясненія.

— Водочка, водочкою, а дѣло дѣломъ, проговорилъ Николай Ивановичъ, стараясь доказать этимъ, что питье водочки понимаетъ онъ не какъ пьянство, а какъ препровожденіе времени.

— Я съ ними люблю только водочку пить-съ, снова подтвердилъ Петровъ. «Ну уже это, насмѣшка», подумалъ просебя Николай Ивановичъ.

— Вотъ Мусолинъ, кажется, у васъ не такъ то хорошъ, замѣтилъ онъ откровенно, въ той увѣренности, что также отнесетъ объ немъ и Петровъ.

— Я его люблю-съ, отвѣтилъ Петровъ, противъ всякаго ожиданія.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился, и посмотрѣлъ на Петрова съ недоумѣніемъ. Онъ подумалъ, что Петровъ сказалъ это иронически, но въ лицѣ его, однако же, не выразалось никакой ироніи.

— Вѣдь онъ, кажется, не лучше же другихъ землемѣровъ? проговорилъ Николай Ивановичъ, какъ бы оправдываясь въ своемъ неловкомъ промахѣ.

— Хуже-съ, отвѣтилъ Петровъ положительно, а я его люблю-съ.

— За что же вы его любите? спросилъ Николай Ивановичъ съ видимымъ любопытствомъ.

— По той причинѣ, что уже онъ очень глупъ, пояснилъ Петровъ самымъ положительнымъ тономъ: забавенъ очень-съ.

Николай Ивановичъ разсмѣялся.

— За это однако же достоинство нельзя любить, замѣтилъ онъ, смѣясь.

— По крайней мѣрѣ, онъ уже ничего не говоритъ про межеваніе-съ, разъяснялъ Петровъ:—а другіе то только про это и говорятъ, а я этого не люблю-съ.

— Отчего же вы не любите говорить про межеваніе? вы сами землемѣръ?

— Совѣстно-съ, проговорилъ только Петровъ какимъ то недовольнымъ тономъ.

Николай Ивановичъ любопытствовалъ было узнать, почему именно совѣстно говорить про межеваніе, но Петровъ не

давалъ на это никакого опредѣлительнаго отвѣта, а только от-малчивался.

— Межеваніе у насъ мерзость-съ! произнесъ онъ наконецъ съ видимою досадою, когда Бобровъ сталъ уже приставать къ нему; про это не стоитъ говорить-съ.

«Это уже зависитъ отъ вашего брата, землемѣра», подумалъ просебя Николай Ивановичъ.

— Вамъ трудно будетъ, если вы поступите-съ, замѣтилъ, между прочимъ, Петровъ, съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ.

— Что же трудно то? вѣдь люди служатъ же, возразилъ Николай Ивановичъ:—и я также буду служить, привыкну.

Петровъ какъ то печально улыбнулся, но возраженія нѣкакого не сдѣлалъ. Вообще онъ въ этотъ вечеръ заговорилъ о многомъ, но окончателно не объяснялъ ничего, а ограничивался только одними намеками. Николай Ивановичъ полюбопытствовалъ наконецъ узнать его мнѣніе насчетъ губернскаго землемѣра, который заботилъ его больше всего, и о которомъ составилось у него какое то двойное понятіе.

— Для насъ хорошъ-съ, отвѣтилъ на это Петровъ по той причинѣ, что мы скоты-съ, а для скотовъ онъ очень хорошъ-съ.

— Вы уже очень строго себя судите, замѣтилъ ради деликатности Николай Ивановичъ;—вѣдь у васъ не всѣ же скоты, есть тоже и хорошіе люди.

— Всѣ-съ, произнесъ Петровъ положительно.

— Это неправда, возразилъ Николай Ивановичъ:— такъ то вы и себя то уже не исключаете, прибавилъ онъ съ усмѣшкою.

— Нѣтъ-съ, подтвердилъ Петровъ, съ тою же положительностію, по той причинѣ, что я первый скотъ-съ.

— Это неправда! отрицалъ Николай Ивановичъ, который дѣйствительно былъ о Петровѣ противнаго мнѣнія, вы такъ только это говорите.

— Думайте, какъ вамъ угодно-съ, заключилъ Петровъ.

— Ну, а Философовъ? продолжалъ разспрашивать Николай Ивановичъ; онъ, по моему мнѣнію, тоже славный человѣкъ.

— Его выгонять-съ, произнесъ Петровъ, не думавши.

— За что же его выгонять? спросилъ съ изумленіемъ Бобровъ.

— Не знаю за что, а только выгонять-съ.

— А! такъ вы только еще предполагаете, что выгонять, но вѣдь этого, можетъ быть, и не будетъ.

Не сдѣлавъ на это никакого возраженія, Петровъ началъ торопливо собираться домой.

— Куда же вы спѣшите? посидите немножко, если можно, проговорилъ Николай Ивановичъ, удивляясь такой внезапности.

— Пора-съ! произнесъ Петровъ положительно, прощаясь съ Бобровымъ.

— Опять когданибудь милости просимъ, заходите отъ скуки, приглашалъ Николай Ивановичъ, мнѣ очень пріятно.

— Чрезъ двѣ недѣли зайду-сь, проговорилъ Петровъ.

— А въ это время занятія видно у васъ есть какія нибудь? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Нѣтъ никакихъ-сь, отвѣтилъ Петровъ, все кончилъ-сь.

— Такъ что же въ это время вы будете дѣлать?

— Водочку буду пить-сь, пояснилъ Петровъ весьма серьезнымъ тономъ, и съ этими словами поспѣшно отправился домой.

Николай Ивановичъ разсмѣлся, и конечно-принялъ это за шутку.

«Чудакъ какой то, его и не поймешь», подумалъ просебя Николай Ивановичъ, по уходѣ Петрова.

Петровъ говорилъ и дѣйствовалъ чрезвычайно положительно. Каждое слово онъ высказывалъ только одинъ разъ. Вѣрять этому слову или не вѣрять—онъ объ этомъ, повидимому, нисколько уже не заботился, и потому, въ случаѣ выраженнаго сомнѣнія съ противной стороны, не дѣлалъ уже никакихъ возраженій и не прискивалъ никакихъ доказательствъ. Сказалъ слово—и больше ничего. Въ божбѣ или въ какихъ либо другихъ увѣреніяхъ онъ не находилъ никакого смысла. Точно также онъ и дѣйствовалъ на дѣлѣ. Не было примѣра, что бы онъ когда нибудь измѣнилъ свое намѣреніе, которое онъ высказалъ.

Угрожаетъ ли ему въ предпринятомъ дѣлѣ какое нибудь несчастіе, или льститъ какая нибудь особенная выгода, онъ исполнялъ его съ одинаковымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ, нисколько не заботясь о результатѣ.

Однажды кончивъ размежеваніе какой то большой дачи, Петровъ намѣренъ былъ уѣхать съ этой дачи въ двѣнадцать часовъ дня. Лошади уже были готовы. Въ это время, бурмистръ богатой вотчины сообщилъ Петрову, что баринъ приказалъ поблагодарить его двумя стами руб. сер., и что по этому случаю посланъ уже въ вотчинную контору земскій за деньгами, который сейчасъ же долженъ возвратиться. Выслушавъ это, Петровъ преспокойно сѣлъ въ повозку, и отправился куда было надобно, не дождавшись и земскаго, и не поблагодаривъ даже бурмистра за его предложеніе. Вообще онъ дѣйствовалъ какъ то машинально, по крайней мѣрѣ не высказывалъ никому никакихъ своихъ соображеній, никакихъ догадокъ и ни съ кѣмъ ни въ чемъ не совѣтовался.

Спустя послѣ этого недѣлю, Николай Ивановичъ вздумалъ повѣстия Петрова, который съ тѣхъ поръ въ чертежную не являлся. Нѣкоторые землемѣры говорили, что онъ боленъ, а другіе говорили, что пьянствуетъ, особенно увѣрялъ въ этомъ Мусолинъ, который называлъ Петрова самымъ горькимъ

пьяницею. Первое извѣстіе о пьянствѣ Петрова сообщилъ Ризинъ. Онъ даже нарочно для этого зашелъ въ чертежную.

Николай Ивановичъ неполнѣ было довѣрять отзывамъ Мусолина и Ризина, но, къ сожалѣнію, отзывы эти почти оправдались на дѣлѣ. Квартирная хозяйка Петрова сообщила Николаю Ивановичу, что Петровъ дѣйствительно пьетъ цѣлую недѣлю, не выходя изъ своей комнаты, и не принимая къ себѣ никого изъ постороннихъ.

— Такъ, стало быть, мнѣ нельзя его видѣть? спросилъ Николай Ивановичъ хозяйку.

— Пожалуй, полюбуйся, коли хочется, отозвалась хозяйка съ пренебреженіемъ: что съ нимъ съ пьянымъ говорить-то станешь? Бродить, вонъ, только по горницѣ день и ночь, какъ мокрая курица, да бормочетъ себѣ что то подъ носъ, прибавила она съ насмѣшкою.

Николай Ивановичъ подумалъ немножко, но всетаки рѣшился зайти къ Петрову.

Петровъ дѣйствительно оказался порядочно пьянъ; но всетаки ходилъ по комнатѣ и курилъ трубку.

— Извините, не обезпokoилъ ли я васъ? оговорился Николай Ивановичъ, входя въ комнату.

— Очень радъ-съ! проговорилъ Петровъ, видимо, однако же, конфузаясь: меня уже извините,—пьянствую, прибавилъ онъ какимъ то прискорбнымъ тономъ, по той причинѣ, что очень скучно-съ.

Николай Ивановичъ вполне съ этимъ согласился, и, въ свою очередь, сообщилъ, что онъ самъ зашелъ къ нему единственно только для развлеченія себя отъ скуки.

Петровъ былъ довольно уже слабъ и объяснялся не слишкомъ свободно, но, къ удивленію Николая Ивановича, говорилъ чрезвычайно основательно и обдуманно. Въ это время онъ составлялъ совершенную противоположность съ самимъ собою противъ того, когда бывалъ трезвымъ. На сколько онъ былъ тогда молчаливъ, и, повидимому, безучастенъ, на столько сдѣлался теперь разговорчивъ и внимателенъ къ каждой вещи. Онъ былъ въ это время въ какомъ то поэтическомъ настроеніи духа. Заговорилъ неожиданно о Пушкинѣ, о Гоголѣ, съ восторгомъ относился о Байронѣ, о Гётѣ, о Шекспирѣ и другихъ знаменитыхъ поэтахъ, такъ что Николай Ивановичъ только разинулъ ротъ. Онъ знакомъ былъ тогда отчасти только съ русскими писателями, и то не со всѣми, даже мало читалъ Пушкина, а изъ иностранныхъ писателей читалъ только кое что отрывками. Петровъ болѣе всего восхищался Шекспиромъ, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ, точно на грѣхъ, его то и не читывалъ, а зналъ только его по одной наслышкѣ.

— Вотъ у насъ Гоголь тоже, кажется, знаменитый писатель, замѣтилъ Николай Ивановичъ, который читалъ Гоголя больше другихъ писателей, и только что прочиталъ тогда «Мертвыя

души»; уже въриѣ его, кажется, характеры изобразить трудно. Чѣмъ же Шекспиръ лучше его писалъ? развѣ, можетъ быть, только краснѣе его выражался.

Петровъ слегка улыбнулся.—Оба они хороши, только одинъ другаго глубже-съ, проговорилъ онъ. Одинъ описывалъ морскую глубину на столько, на сколько ее видно глазомъ, а другой описалъ все море до самаго дна, со всѣми его пучинами-съ, прибавилъ Петровъ метафорически. Гоголь только народный писатель, а тотъ міровой-съ... Гоголь, какъ видно, былъ человѣкъ наблюдательный: онъ, какъ художникъ, хорошо описывалъ характеры извѣстныхъ людей, по внѣшнимъ ихъ дѣйствіямъ, а Шекспиръ изобразилъ человѣка вполне, со всѣми его страстями, объяснилъ, какъ эти страсти въ немъ работаютъ и какому темпераменту наиболѣе свойственны. Читая Гоголя, дѣлаются понятны Поздревы, Плюшкины, Коробочки... а, изучая Шекспира, сдѣлается понятнымъ каждый человѣкъ. Тутъ поймешь и Нерона, и Атиллу, и Иоанна Грознаго... поймешь также и Рогулькина и Мусолина, добавилъ Петровъ съ какою-то горькою улыбкою, стараясь превратить свой разговоръ въ шутку. Онъ говорилъ весьма медленно и отрывочно, но говорилъ съ видимымъ увлеченіемъ. Николай Ивановичъ какъ будто остолбенѣлъ. Онъ не могъ себѣ вообразить, что бы Петровъ былъ именно такимъ человѣкомъ, какимъ онъ представился ему теперь.—«Вотъ и узнай тутъ человѣка по его дѣйствіямъ», подумалъ онъ про себя: «Вѣдь въ добрую пору ровно бы и говорить не умѣеть, да и вниманія, кажется, ни на что не обращаетъ, а вонъ онъ каковъ!»

— Должно быть, Шекспиръ былъ большой психологъ? замѣтилъ Николай Ивановичъ нѣсколько ученымъ тономъ.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто:—я вѣдь очень глушь-съ, училъ какъ психологію, да не понималъ-съ, и потому людей понимаю уже не по наукѣ, и не умомъ, а сердцемъ-съ.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился. Онъ прежде и самъ былъ этого же мнѣнія, но всетаки полагалъ, что однимъ сердечнымъ сознаніемъ нельзя съ достовѣрностію рѣшать никакихъ вопросовъ, что надобно стараться доказывать все наукою и философскими разсужденіями, основанными на здоровой логикѣ.

— Вѣдь сердце можетъ и ошибаться, возразилъ Николай Ивановичъ, сердцу во всемъ довѣрять нельзя.

— И умъ также можетъ ошибаться, и уму во всемъ довѣряться нельзя, отвѣтилъ Петровъ.

— Умъ никогда не ошибается, когда дѣйствуетъ въ предѣлахъ достовѣрныхъ знаній, но когда переступить за этотъ предѣлъ, то дѣйствительно иногда начинаетъ путаться. Но вѣдь Богъ знаетъ, умъ ли тутъ виновать, а не то ли же сердце, которое, можетъ быть, уже умомъ то овладѣло?

— Не знаю-съ; но я болѣе довѣряю сердцу-съ.

— Почему же это? спросилъ Николай Ивановичъ.

— По той причинѣ, что простѣе-съ, отвѣтилъ Петровъ; для ума требуются доказательства, а для сердца никакихъ-съ, оно понимаетъ предметы просто, безъ доказательствъ. А вѣдь ни художественной красоты, ни нравственнаго наслажденія, ни душевнаго восторга, умомъ объяснить нельзя: это какъ то чувствуется, а не понимается.

— Вотъ потому то сердечнымъ ощущеніямъ и нельзя слѣпо довѣрять, подхватилъ Николай Ивановичъ, по крайней мѣрѣ нельзя безусловно слѣдовать сердечнымъ побужденіямъ, потому что онѣ вытекаютъ не изъ разумнаго источника, а изъ одного только животнаго инстинкта. Сердце судить о предметахъ только по личному впечатлѣнію; вѣрнѣе оно не судитъ, а только ощущаетъ впечатлѣніе, и, судя по этому впечатлѣнію, влечется къ предмету или старается отъ него отдалиться. Но вѣрно это влеченіе или ошибочно, даже таковъ ли, въ сущности, предметъ, какимъ онъ представился по впечатлѣнію, сердце этого объяснить не можетъ. Вѣдь изъ сердца истекаетъ и любовь, и злоба: оно одинаково влечется къ тому и къ другому, слѣдовательно въ немъ заключается добро и зло правда и ложь; по этому случаю, убѣжденія, внушенныя однимъ сердцемъ, могутъ быть правдивы только случайно. Если вникнуть въ историческія событія, то можно убѣдиться, что всѣ мерзости, всѣ злодѣянія на землѣ совершались и совершаются по влеченію одного сердца.

— И умъ не меньше сдѣлалъ злодѣяній, перебилъ его Петровъ.

— Когда человѣкъ подчинится влеченію своего сердца, возразилъ Николай Ивановичъ,—и сдѣлаетъ его орудіемъ своихъ страстей. Не знаю, какъ вы, продолжалъ Николай Ивановичъ, но я сердечнымъ впечатлѣніямъ не довѣряю, потому что, въ противномъ случаѣ, и не замѣтишь, какъ сдѣлаешься въ глазахъ другихъ смѣшнымъ, даже неприятнымъ, а можетъ быть и вреднымъ человѣкомъ, вѣрующимъ только въ себя самого и въ свои личныя впечатлѣнія. Сердце, по моему мнѣнію, самый плохой и ненадежный руководитель въ жизни, потому что тотъ, кто подчиняется безконтрольно своимъ сердечнымъ впечатлѣніямъ, никогда уже не можетъ сознать своего заблужденія. Такіе люди обыкновенно считаютъ себя справедливейше всего окружающаго ихъ міра.

Тутъ Николай Ивановичъ невольно припомнилъ свою мать.

— Но всетаки художественная то красота скорѣе затрогиваетъ сердце, а не умъ, замѣтилъ Петровъ, всетаки красоту эту болѣе чувствуешь, чѣмъ понимаешь.

— Это вѣрно, возразилъ Бобровъ, но вѣрно также и то, что каждый человѣкъ чувствуетъ различно, т. е. одинъ и тотъ же предметъ на различныхъ людей производитъ различное впе-

*

чатлѣніе; между тѣмъ какъ дознанныя научныя истины признаются всѣми одинаково. Никто, напримѣръ, не станетъ уже споривать, что дважды два не четыре, никто изъ знающихъ математику не станетъ увѣрять, что солнце менѣе земли, хотя чувства и говорятъ противное. Личное ощущеніе, по моему мнѣнію, не болѣе, какъ неосмысленный, единичный фактъ, но фактъ, подлежащій еще разумному разсмотрѣнію, потъму что онъ справедливъ только относительно того лица, которое ощутило впечатлѣніе; въ абсолютномъ же смыслѣ можетъ быть и несправедливъ. Кто смотритъ въ зеленые очки, тому вся природа представляется зеленоватою. Въ отношеніи къ человѣку съ зелеными очками, фактъ этотъ неоспоримо вѣрнѣе; но всетаки настоящій цвѣтъ природы не таковъ. Тоже можно сказать и о художествѣ. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, художественное пониманіе, внушенное только личнымъ чувствомъ, есть уже мировая правда? Неужели эта правда заключается только въ личномъ инстинктивномъ вкусѣ, и не имѣетъ для себя общихъ законовъ, доступныхъ для изученія? А чему есть законы, что подлежитъ изученію, то есть уже дѣло разума, а не сердца, что вы тутъ ни говорите. Вы говорите, что и разумъ можетъ ошибаться: это неправда. Въ ошибкахъ разумъ не участвуетъ; онѣ доказываютъ уже недостатокъ здраваго ума и разсудка. По этому случаю, ошибочныя дѣйствія вообще называются или безразсудствомъ, или безуміемъ. Дѣло разума отыскать ошибку, потому что онъ можетъ отличить ложь отъ правды, между тѣмъ какъ сердце различаетъ одни впечатлѣнія, не сознавая въ нихъ никакой ошибки.

Петровъ немножко призадумался.

— Счастливы вы человѣкъ-съ, проговорилъ онъ въ задумчивости, — я передъ вами очень глупъ-съ, по той причинѣ, что довѣрялъ больше сердцу, а не разуму.

Николай Ивановичъ чрезвычайно сконфузился. Онъ подумалъ, что слова его Петровъ принялъ на свой счетъ.

«Прорвался, пѣсъ ее возьми, съ разумомъ то своимъ, подумалъ онъ просебя, — тактики то никакой не знаю, непрактиченъ, больно, да, по правдѣ сказать, и слабъ въ разсужденіяхъ то своихъ. Многому еще надобно учиться.»

Хотя Николай Ивановичъ чрезвычайно любилъ разсуждать при каждомъ удобномъ случаѣ, но всетаки мало давалъ значенія своимъ разсужденіямъ, потому что мысль, которую онъ старался выразить, въ понятіяхъ его была несравненно яснѣе и опредѣлительнѣе, нежели какъ она выражалась у него въ словахъ. Притомъ же разсуждать съ образованными людьми, онъ признавалъ себя вовсе уже неспособнымъ, потому что въ отношеніи къ нимъ считалъ себя за совершеннаго невяжду. Если онъ пустился въ разсужденія съ Петровымъ, то потому что привыкъ уже его считать за весьма обыкновеннаго человѣка, своего брата, съ которымъ можно разсуждать, не стѣсняясь. Толь-

ко въ настоящія минуты онъ увидѣлъ, что Петровъ долженъ быть весьма умный человѣкъ, съ которымъ едва ли уже не полезно будетъ замолчать.

«Разсуждать то, пѣсь ее возьми, съ умными то людьми не умѣю», продолжалъ думать просебя Николай Ивановичъ, — «длиновато, да шероховато, кажется, все выходитъ. Вонъ онъ какой въ словахъ то осторожный! Такъ замолчу же и я, если онъ самъ не станетъ говорить, только, кажется, нужно предъ нимъ извиниться.»

— Извините меня, если я васъ оскорбилъ своими разсужденіями, произнесъ онъ совершенно инымъ уже тономъ: я говорилъ это вовсе не на вашъ счетъ, да вы совершенно и не подходите подъ категорію тѣхъ людей, которыхъ я поставилъ въ примѣръ.

— Сдѣлайте милость продолжайте-сь! перебилъ его Петровъ съ чувствомъ. Мы вѣдь не споримъ, а разсуждаемъ-сь. Я только спорить не люблю, а разсуждать очень люблю-сь.

— Да какъ же споръ отъ разсужденій то отличить? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ.

— Споръ съ обѣихъ сторонъ продолжается безъ всякихъ доказательствъ, пояснилъ Петровъ, — или ни та, ни другая сторона доказательствъ этихъ не выслушиваетъ, а только говорить свое, а я ваши доказательства слушаю-сь удовольствіемъ-сь.

— Вотъ это именно и доказываетъ, подхватилъ Николай Ивановичъ, приободрасъ, что вы не просто только сердечный человѣкъ, какимъ вы себя выдаете, но въ то же время и человѣкъ разсуждающій, сердце то, значить, находится у васъ подъ руководствомъ разсудка, присовокупилъ онъ въ видахъ вѣжливости. Простосердечные люди именно такіе и есть, которые только спорятъ, всему противорѣчатъ, все бездоказательно отрицаютъ и порицаютъ, и почти никогда не сходятся между собою въ мнѣніяхъ, а каждый упорно остается при своемъ безконтрольномъ убѣжденіи. Если гдѣ происходитъ азартный крикъ, то можно уже сказать навѣрное, что тутъ, значить, бесѣдуютъ между собою такъ называемые сердечные люди. Это, по моему мнѣнію, самая вѣрная примѣта, по которой можно узнавать сердечныхъ людей.

«Какъ бы опять не проговориться», спохватился вдругъ Николай Ивановичъ, и замолчалъ.

— Вамъ скучно со мною-сь, заговорилъ въ свою очередь Петровъ, послѣ нѣкоторой паузы.

— Напротивъ, мнѣ очень пріятно, отвѣтилъ Николай Ивановичъ не съ большою уже охотою, потому что терпѣть не могъ подобныхъ вѣжливостей.

— Но вы перестали говорить-сь, замѣтилъ Петровъ.

— Я и то уже очень много говорилъ, надобѣль, я думаю, вамъ, присовокупилъ онъ въ видахъ новой вѣжливости.

«Чортъ знаетъ, что теперь и говорить то, подумаль онъ про-себя; извиняться что ли опять надобно?»

— Помилуйте, я очень радъ! вы меня оживили! произнесъ Петровъ съ чувствомъ, крѣпко сжимая у Боброва руку: поговоримте еще немножко, если можете.

— Да я не знаю уже про что и говорить то—израсходовался, отозвался уклончиво Николай Ивановичъ.

— Про художество то мы еще съ вами не кончили, поспѣшилъ напомнить Петровъ, стараясь, въ свою очередь, всячески поддержать нить прежняго разговора.

— Вы вотъ доказываете, что вездѣ дѣйствуетъ одинъ только умъ, да наука, можетъ быть это и правда; но растолкуйте мнѣ пожалуйста: какъ музыку то Бетховена или Моцарта умою то разобрать?! чѣмъ докажешь и объяснишь небесную красоту рафаэлевской Мадонны?! произнесъ Петровъ съ воодушевленіемъ. Слушая одно и разсматривая другое, вѣдь умъ тутъ вовсе замираетъ, а на мѣсто его бодрствуетъ какая то другая сила, которая способна понимать одно только святое, да небесное, обойдя всякую логику, потому что въ минуты подобнаго восторга человѣкъ дѣлается неспособенъ ни къ какимъ разсужденіямъ о земныхъ предметахъ. Наслаждаясь поэтически художественнымъ произведеніемъ, тутъ какъ будто соприкасаешься съ небомъ, гдѣ разумъ человѣческой оказывается вовсе уже непригоднымъ. Куда тутъ съ нимъ сунешься, что имъ разъяснишь?—помилуйте! произнесъ Петровъ съ насмѣшливою улыбкою.

Послѣднія слова Петровъ сказалъ съ нѣкоторымъ расчетомъ, для того, что бы возбудить этимъ въ Бобровѣ большую энергію.

«Это уже онъ заѣхаль немножко на мой счетъ, подумаль про-себя Николай Ивановичъ. И прекрасно: значить, можно съ нимъ разсуждать, не стѣсняясь. Только вотъ Бетховеновъ то, да Моцартовы этихъ, пѣсь ихъ возми, не знаю... какъ бы въ чемъ не провраться!.. Впрочемъ, буду объ этомъ говорить такъ, какъ понимаю.»

— Вы любуетесь и восхищаетесь тутъ цѣльнымъ уже художественнымъ созданиемъ, возразилъ Николай Ивановичъ съ такимъ же воодушевленіемъ, не разбирая того, что это созданіе есть дѣло великаго ума; но вникните хорошенько, такъ и увидите, что тутъ не столько поражаетъ васъ художественное выполненіе отдѣльных частей, сколько разумное ихъ сочетаніе. Та же самая художественная отдѣлка частей, но иначе сгруппированная, подѣйствуетъ на васъ совсѣмъ иначе. Вѣдь самая сильная ораторская рѣчь и самое пустое фразерство выражаются одними и тѣми же словами, различіе состоитъ только въ ихъ сочетаніи, въ разстановкѣ. Такъ точно и художественное произведеніе: оно тоже состоитъ изъ своего рода элементовъ, которыми великіе художники орудуютъ, какъ сырнмъ

матеріаломъ, группируя ихъ такъ, что бы они, въ общей ихъ совокупности, производили на зрителя или на слушателя именно то впечатлѣніе, какое соотвѣтствуетъ обдуманной художникомъ идеѣ. Конечно, зритель или слушатель сознаетъ художественную красоту болѣе инстинктивно, чѣмъ разумно, но вѣдь надобенъ умъ для того, что бы возбудить въ человѣкѣ эти именно инстинкты. Замѣтите, что всякое искусство, напр. живопись, музыка и т. п., основано на строгихъ размѣрахъ, а также на силѣ звука, красокъ и проч., и все это, въ общей совокупности, основано на строго обдуманной мысли, которую художникъ желаетъ выразить въ цѣльномъ произведеніи. Умъ человѣческій понялъ и созналъ всѣ эти размѣры, всѣ оттѣнки силы звука или цвѣта, служащіе для выраженія той или другой мысли, и можетъ изложить эти главные основанія въ систематической формѣ науки, доступной для изученія, точно такъ же, какъ излагаетъ онъ и всякіе другіе законы природы. Потому то великое художественное созданіе и дѣйствуетъ на насъ такъ обаятельно, что въ немъ строго согласованы всѣ элементы, служащіе выраженіемъ извѣстной мысли, и соблюдены всѣ художественные законы.

— Я не знаю никакихъ художественныхъ законовъ, никакихъ размѣровъ, о которыхъ вы упоминаете, возразилъ Петровъ; но всетаки могу отличить хорошее художественное произведеніе отъ дурнаго. Что ни говорите, а художественная красота какъ то понимается безъ науки.

— Вы то не знаете никакихъ законовъ, но художникъ то ихъ знаетъ, перебилъ Бобровъ. Вѣдь главная сущность заключается не въ томъ, какимъ образомъ сознать художественную красоту, когда она уже дѣйствуетъ на чувства, а въ томъ, какъ ее осуществить. Впрочемъ, если вы дѣйствительно не знаете художественныхъ законовъ, то въ сужденіяхъ своихъ объ этомъ предметѣ легко можете и ошибиться. Въ сущности, вы, значить, оцѣниваете тутъ не искусство, а только свое личное впечатлѣніе, потому что вы называете хорошимъ только то, что вамъ лично нравится; но вѣрно ли это въ абсолютномъ смыслѣ—доказать этого не можете. Художникъ непремѣнно это докажетъ, потому что художественная красота для мастера не составляетъ никакой тайны.

— Едва ли это вѣрно, возразилъ Петровъ.

— Великія художественныя произведенія создаются не просто. Самъ художникъ часто не можетъ повторить того, что онъ создалъ въ минуты вдохновенія.

— Это не значить ничего. Вѣдь и вы не можете буквально повторить того, что, напр., сказали сегодня; изъ этого, однако же, не слѣдуетъ заключать, что выраженіе мысли въ словѣ не имѣетъ для себя общихъ законовъ. Произведенія человѣческаго ума вообще, въ чемъ бы они ни выражались, почти никогда буквально не повторяются, а между тѣмъ для всякаго

дѣла существуютъ общіе законы; все имѣетъ свой идеаль и свою цѣль. Говоря о художествѣ, я понимаю его такъ, что оно непремѣнно должно выражать какую бы то ни было жизненную правду, а для этого одного инстинктивнаго или художественнаго чувства недостаточно, но непремѣнно нужны тутъ и умственные соображенія, потому что умъ можетъ провѣрить художественную идею, независимо отъ личнаго впечатлѣнія, въ томъ отношеніи, что сообразна ли она съ жизненною правдою. А въ этомъ и состоитъ главное достоинство, главная красота художественнаго произведенія.

— Что вы подразумѣваете подъ именемъ жизненной правды? спросилъ Петровъ съ видимымъ любопытствомъ.

— Все то, чего требуетъ жизнь, что слугитъ къ правильно-му развитію духовной стороны человѣка. Въ дѣйствіяхъ человѣческихъ я не допускаю никакого инстинктивнаго произвола. Дѣятельность его, въ чемъ бы она ни проявлялась, непремѣнно должна быть направлена къ общей разумной цѣли, сообразной съ мировымъ порядкомъ вещей природы. Безконтрольнымъ произволомъ достигнуть этого нельзя, потому что онъ не ведетъ ни къ какой опредѣленной цѣли. Относительно искусства, я называю жизненною правдою ту самую цѣль, къ которой искусство должно стремиться, или ту роль, которую оно должно играть въ нравственномъ мірѣ, такъ что бы оно развивало въ человѣкѣ только тѣ инстинкты, которые ведутъ его къ жизненному благополучію.

— Понять то это очень трудно, а выполнить еще труднѣе, замѣтилъ Петровъ.

— Это трудно потому, что, вопервыхъ, я плохо объясняюсь, а вовторыхъ я высказалъ это только въ общихъ чертахъ; но художникъ выполнить это во всей подробности.

— Уже вы очень высоко художниковъ то ставите-сь, возразилъ Петровъ,—они этого не стоятъ-сь.

— Почему же не стоятъ? спросилъ Николай Ивановичъ съ видимымъ изумленіемъ; вѣдь вы сами же отзываетесь объ нихъ съ восторгомъ?

— О комъ-сь?

— Да вотъ о художникахъ, напр. о Рафаэлѣ, о Моцартѣ, о Шекспирѣ; вѣдь каждый изъ нихъ въ своемъ родѣ художникъ?

Петровъ слегка улыбнулся.

— Это не просто только художники, но съ тѣмъ вмѣстѣ и поэты, пояснилъ Петровъ, а художникъ можетъ быть и не поэтъ.

— Да поэтъ что же такое? спросилъ въ недоумѣніи Николай Ивановичъ. Вѣдь онъ, мнѣ кажется, не то, что ученый человѣкъ, который занимается науками, и который всякую истину доказываетъ научнымъ образомъ.

— Не то-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно:—поэтъ соз-

наеть истинный смыслъ каждаго явленія безъ научныхъ доказательствъ, и рассматриваетъ по преимуществу только тѣ жизненные явленія, которыя имѣютъ вліяніе на развитіе и усовершенствованіе человѣческаго духа. Ученый человѣкъ излагаетъ міровыя истины въ научной формѣ, а поэтъ въ художественной, потому что стремленіе и дѣятельность человѣческаго духа въ научную форму уже не укладываются. Наука не есть что нибудь высшее надъ духомъ: она есть не болѣе, какъ только его собственное произведеніе, которое онъ создалъ для своего орудія. Слѣдовательно, этимъ орудіемъ нельзя уже обратно анализировать того, кому оно обязано своимъ происхожденіемъ. Поэтъ же въ своихъ произведеніяхъ именно и выражаетъ живую дѣятельность человѣческаго духа, потому его дѣйствія и не могутъ строго подчиняться научному контролю. Поэтъ великое дѣло-сь! присовокупилъ Петровъ съ увлеченіемъ; это ужъ не то, что художникъ-сь!

— Николай Ивановичъ немножко призадумался. «Вотъ этого я до сихъ поръ хорошенько не понималъ», проговорилъ онъ мысленно,—да и онъ, можетъ быть, уяснилъ себѣ это только при настоящемъ разговорѣ; вѣдь правильный разговоръ наводитъ иногда на такія мысли, о которыхъ и самъ прежде не зналъ.

— Что же вы не возражаете-сь? проговорилъ Петровъ съ улыбкою.

— Я совершенно съ вами согласенъ, поспѣшилъ отвѣтить Николай Ивановичъ; только не могу, вотъ, поэта то отличить отъ художника. Поэтъ значитъ тотъ же художникъ?

— Художникъ, да не тотъ-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно. Поэтъ имѣетъ дѣло съ потребностію человѣческаго духа; у него художественная то сторона служить одною только форменною оболочкою, однимъ средствомъ для выраженія какой нибудь глубокой истины, а для простаго художника она составляетъ уже сущность: онъ дальше этого уже нейдетъ-сь, и потому часто забирается-сь. Простые художники, а особенно художники-писатели, большею частію бываютъ самые пустые и фальшивые люди, шарлатаны, я ихъ не люблю-сь.

— Какъ же различить то ихъ отъ настоящихъ поэтовъ? полюбопытствовалъ Николай Ивановичъ; вѣдь форма то выраженія, значитъ, у того и у другаго одинакова, по крайней мѣрѣ сходна—тотъ и другой художникъ. А вѣдь, я думаю, хорошій то художникъ тоже говоритъ правду, иначе какой же онъ будетъ художникъ?

— Прежде всего надобно вамъ замѣтить, что настоящихъ то художниковъ очень мало-сь, а большая часть изъ нихъ только пустые болтуны, фантазеры, совершенно непонимающіе того художественнаго назначенія въ жизни, какъ вы его изобразили. Да и порядочные то художники, по моему мнѣнію,

не значать ничего, если они не болѣе, какъ только художники. Положимъ, что они выражаютъ иногда и правду, но правду художественную, а не міровую, или не жизненную, какъ вы сами выражаетесь, а одна художественная правда не значить ничего. Вѣдь и развратъ—правда; но что же, если художникъ будетъ изображать его въ формѣ привлекательной красоты? а художникъ сдѣлать это можетъ, потому что имѣтъ на это художественную способность. Притомъ же простой художникъ можетъ вѣрно изобразить и описать только то, что онъ самъ видѣлъ или ощущалъ; но что, однако же, существуетъ въ нравственномъ мірѣ, вѣрно изобразить не можетъ, потому что не понимаетъ законовъ дѣйствія жизненныхъ силъ природы, точно такъ же, какъ простой техникъ можетъ устроить съ образца всякую машину; но создать новую машину не можетъ. Простые художники, большею частію, бывають люди необразованные, и потому имѣють иногда самое извращенное понятіе о жизни. Поэтому произведенія иныхъ художниковъ скорѣе служатъ къ извращенію вкуса и нравственности, нежели къ ихъ развитію.

— Но мы говорили не о такихъ художникахъ, замѣтилъ Бобровъ, но о художникахъ болѣе или менѣе усовершенствованныхъ въ своемъ родѣ. Этихъ то художниковъ какъ отличить отъ поэтовъ, судя по ихъ произведеніямъ?

— Между тѣмъ и другимъ различіе огромное! воскликнулъ Петровъ съ видимымъ увлеченіемъ.—У художника-писателя видно только, какъ выведенныя имъ личности живутъ и дѣйствуютъ, а у поэта видно, что онѣ и чувствуютъ, и почему дѣйствуютъ такъ, а не иначе. Художникъ хорошо и вѣрно изображаетъ всякое проявленіе жизни, а поэтъ главнымъ образомъ разъясняетъ сущность явленія и ту жизненную силу, которая тутъ дѣйствовала. Художникъ выражаетъ только жизненную случайность, а поэтъ міровую правду. У Шекспира не столько видны живые люди, сколько видны ихъ дѣйствующія страсти. У него нѣкоторыя явленія не сообразны даже съ дѣйствительностію, а сущности то всетаки это не вредить. У него, напр., дѣйствуютъ и привидѣнія, и вѣдьмы; за всѣмъ тѣмъ, чувствуется тутъ какая то міровая правда. Для уясненія этой правды у поэта сдѣланы пригодными и привидѣнія, и вѣдьмы. Черезъ это онъ наглядно изобразилъ внутреннее состояніе человѣческаго духа, борьбу его съ господствующими страстями. Художникъ этого не сдумаетъ. У него всякій вымыселъ такъ и остается вымысломъ, потому что онъ большею частію ни къ чему не идетъ и ничего не объясняетъ. Художникъ напр. тоже старается описывать природу, и описываетъ иногда довольно хорошо и вѣрно, только большею частію безъ всякой надобности. Но поэтъ описываетъ ее только тамъ, гдѣ нужно, и описываетъ уже такъ, что, во первыхъ, понятно дѣлается самое впечатлѣніе, какое эта природа производитъ на человѣка, а во-

вторыхъ—какое имѣеть вліяніе на данный жизненный случай, или на темпераментъ дѣйствующаго лица. Безъ этой цѣли онъ не пустится ни въ какія описанія, для одной прикрасы, не скажетъ ни одного слова... У художника всѣ эти прикрасы такъ и остаются прикрасами, а у поэта онѣ связываются съ сущностію идеи, уясняютъ ея значеніе... Какъ не отличить поэта—помилуйте-съ! воскликнулъ Петровъ съ видимымъ увлеченіемъ.

Во время этого разговора, онъ до того воодушевился, что почти незамѣтно въ немъ стало признаковъ опьяненія.

Говорилъ онъ довольно уже твердо и развязно, только часто углублялся въ самого себя, и какъ будто припоминалъ прошедшее.

Николай Ивановичъ, въ свою очередь, не могъ надивиться тому, что въ сужденіяхъ Петрова чрезвычайно много было общаго съ его личнымъ взглядомъ. Разница была только въ томъ, что Бобровъ ученаго человѣка понималъ точно такъ же, какъ Петровъ понималъ поэта, и потому нѣкоторые вопросы онъ задавалъ ему только изъ одного любопытства, что такъ ли онъ разъяснитъ ихъ, какъ онъ понимаетъ ихъ самъ. Оказывалось, что такъ. За всѣмъ тѣмъ, слушая сужденія Петрова, и дѣлая ему возраженія, Николай Ивановичъ уяснилъ себѣ много новыхъ понятій, которыя до тѣхъ поръ блуждали у него въ головѣ безъ всякой связи.

Въ заключеніе всего, Николай Ивановичъ заинтересовался было узнать отъ Петрова, гдѣ онъ получилъ образованіе, но Петровъ не далъ ему на это никакого удовлетворительнаго отвѣта, даже какъ будто бы на это обидѣлся.

— Я васъ объ этомъ не спрашиваю-съ, стало быть и вы меня не спрашивайте,—отвѣтилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ сейчасъ же догадался, что Петровъ долженъ быть самоучка.

«Непремѣнно самоучка, подумалъ просебя Николай Ивановичъ», иначе не пустился бы со мною въ такія разсужденія. «Образованные то люди, я думаю, о такихъ пустякахъ и не разсуждаютъ; да съ образованнымъ то человѣкомъ мнѣ бы и не сговорить, заперъ бы въ два слова! Не даромъ у меня съ нимъ коекакъ еще говорилось! не даромъ онъ довольствовался моими отвѣтами, которые, самъ уже теперь вижу, были чрезвычайно слабы и неясны. Выходить, что мы съ нимъ одного поля ягода. Съ простыми то людьми еще коекакъ плетется, а до ученыхъ то людей видно далеко». И Николай Ивановичъ глубоко вздохнулъ.

Въ послѣдствіи времени, Бобровъ дѣйствительно узналъ, что Петровъ былъ изъ неученыхъ людей, и только по какому то особенному ходатайству и случаю былъ принятъ по экзамену въ младшіе землемѣрные помощники въ межевую канцелярію, откуда переведенъ въ уѣздные землемѣры. Товарищи его го-

ворили, что онъ будто бы переведенъ за неспособность, потому что мало образованъ.

«Хотя и самоучка, но всетаки человекъ замѣчательный, разсуждалъ дорогою Николай Ивановичъ, отправляясь отъ Петрова на свою квартиру. «Его здѣсь, кажется, не понимаютъ. Не отъ того ли онъ и растерялся, что его, можетъ быть, убила общественная среда, въ которую втиснули его обстоятельства? Со временемъ я это отъ него разузнаю.»

По приходѣ на свою квартиру, Николай Ивановичъ привелъ себя на память весь разговоръ съ Петровымъ, и принялся было записывать его въ свою тетрадь, но сейчасъ же замѣтилъ, что въ запискѣ стало у него выходить лучше и яснѣе, чѣмъ въ самомъ дѣлѣ было на словахъ.

— Записывать то это не стоитъ, проговорилъ Николай Ивановичъ, отбрасывая тетрадь. Такія то вещи должны быть у каждаго въ головѣ безъ записи. Нужно записывать что нибудь подлѣннѣе. Вотъ жизнь то человѣческую надобно хорошенько разгадать: она что значить? Шекспиръ то, какъ видно, понималъ только одни законы человѣческихъ страстей, и разобралъ ихъ дѣйствія, сообразно той или другой жизненной обстановкѣ, но вѣдь этого недостаточно. Надобно узнать и уяснить себя главную цѣль жизни и законы дѣйствія человѣческаго духа, который видимо надъ страстями господствуетъ, и можетъ дѣйствовать иногда наперекоръ личному чувственному желанію. Хотя онъ отчасти тоже подчиняется вліянію природы, но подчиняется уже совершенно иначе, нежели ея собственныя созданія. Онъ скорѣе согласуется съ законами окружающей его природы, какъ разумный и самостоятельный дѣятель, нежели подчиняется ей, какъ рабъ; по крайней мѣрѣ въ великихъ людяхъ этого рабства мы не замѣчаемъ. Дѣйствіе человѣческаго духа проявляется въ великихъ людяхъ почти одинаково, изъ какой бы среды эти люди ни явились, въ какой бы странѣ ни родились, какому бы вѣку ни принадлежали. Александръ Македонскій и Наполеонъ, Архимедъ и Ньютонъ дѣйствовали какъ будто родные братья. Значить духъ человѣческій мало зависитъ и отъ времени, и отъ мѣста, а зависитъ только отъ самого себя. Во всякомъ случаѣ, если есть непреложныя истины въ наукахъ, если есть истины въ законахъ природы, то непременно должны быть истины и для человѣческой жизни. Вотъ до этихъ то истинъ нужно добиваться, ихъ и нужно уяснить себя научнымъ образомъ.

Между тѣмъ, Николай Ивановичъ получилъ изъ дома извѣстіе о прибавленіи своего семейства: Катенька родила дочь. Получивъ это извѣстіе, Николай Ивановичъ невольно улыбнулся.

«Отдемъ сдѣлался... просто смѣхъ», подумалъ онъ просебя.

Катерина Николаевна писала ему самыя утѣшительныя письма, увѣряла, что они живутъ благополучно, почти ни въ чемъ

не нуждаются. Хотя Николай Ивановичъ неполнѣ довѣрялъ домашнему благополучію, но всетаки подобныя письма приносили ему большую отраду. «Только объ тебѣ больно забочусь», писала между прочимъ Катерина Николаевна; — «безъ тебя, батюшка, больно скучно. Тѣмъ только и утѣшаюсь, что молюсь за твое здоровье: какъ помолюсь за тебя, такъ точно съ тобою поговорю. И ты, батюшка, Бога то не забывай, такъ и Онъ тебя не забудетъ.»

Николай Ивановичъ въ свою очередь извѣстилъ свою жену, что и его дѣла идутъ хорошо, что онъ падѣтся скоро уже получить должность землемѣра. Однажды, впрочемъ, въ грустныя минуты, Николай Ивановичъ написалъ своей женѣ, что ему тоже становится скучно, что онъ тяготится жизненными неудачами и проч.

«Не унывай, другъ мой, отвѣчала на это Катерина Николаевна; я женщина, слабѣ тебя, и то не унываю, а молюсь Богу и Онъ мнѣ въ этомъ помогаетъ. Притомъ же уныніемъ, да малодушіемъ, нисколько дѣла не поправишь, а только испортишь его. Тебѣ, дружочекъ, стыдно унывать; ты мужчина и притомъ считаешься умнымъ человѣкомъ. Въ чемъ же умъ твой выкажется, если ты горя то жизненнаго не перенесешь. Вѣдь въ счастіи то хорошо живутъ и глупые люди. Какъ же различить то умнаго отъ глупаго, если тотъ и другой будутъ одинаково упадать духомъ во время жизненныхъ неудачъ?..» Эти и другія подобныя слова, выраженныя отъ простоты искренняго сердца, до того подѣйствовали на Николая Ивановича, что ему дѣйствительно сдѣлалось стыдно своего собственнаго малодушія.

«Что ни говори, а для практической то жизни она оказывается несравненно меня умнѣе», разсуждалъ Николай Ивановичъ на счетъ своей Кати. «Гдѣ только она выучилась разсуждать то такимъ образомъ? Вѣдь, кажется, ничему и не училась, можно сказать, самоучка, а смотри какая сила въ словахъ то.»

Николай Ивановичъ, въ сущности, и самъ былъ самоучка, но почему то считалъ себя образованнымъ человѣкомъ, и чрезвычайно всегда удивлялся уму русскихъ самоучекъ, какимъ образомъ они понимаютъ почти столько же, сколько и онъ самъ, между тѣмъ какъ онъ человѣкъ ученый?

«Мало мы знакомы съ русскими то самоучками», разсуждалъ Николай Ивановичъ, въ одной изъ своихъ записокъ, относящихся къ описываемому времени, воображая себя государственнымъ человѣкомъ, кончившимъ курсъ наукъ въ высшемъ учебномъ заведеніи, «не даемъ имъ никакого хода, отъ этого настоящей то своей силы и не знаемъ, а ищемъ ее за границею. Ну, иностранцы то, я думаю, этому и рады, на помочахъ насъ дураковъ и водятъ, а мы себѣ воображаемъ, что и Богъ знаетъ какіе умные сдѣлались, что только бессознательно обезъ-

явничаемъ. О томъ, что уже есть, помоему и разсуждать то не стоитъ и учиться то тутъ нечему, а только поглядѣть въ чемъ заключается сущность, и шабашъ! Нужно улучшать да свое придумывать, впередъ идти по своей дорогѣ, а не по чужой, въ ротъ иностранцамъ то не глядѣть, да не дожидаться, что они скажутъ. А мало ли у насъ что новаго придумано? мало ли наши то самоучки что въ головѣ то у себя таскаютъ? да не знаютъ, куда дѣвать то это, потому что ихъ никто не выслушиваетъ, потому что они кажутся намъ угловатыми, да не развязными. Петровъ вотъ тоже самоучка, да понимаетъ предметы тоже не хуле, можетъ быть, ученаго человѣка. А Иванъ Спиринъ, какъ разговорится, такъ почище будетъ и Петрова то, по крайней мѣрѣ разностороннѣе его. А вѣдь ходитъ въ армякѣ, да весь вѣкъ занимается черною работою. Съ умными то людьми ровно бы двухъ словъ связать не умѣютъ, а послѣ то разберутъ каждое ихъ словечко.»

По прошествіи срочнаго времени, которое Петровъ назначилъ себѣ для отдохновенія, онъ дѣйствительно явился было въ чертежную для занятій, но заниматься однако же не могъ. Модные фрачники, смотря на унылую физиономію Петрова, никакъ не могли удержаться отъ смѣха, и даже пустили насчетъ его нѣсколько остротъ.

Петровъ съ грустію посматрѣлъ на фрачниковъ, и не говоря ни слова, отправился обратно домой.

Узнавъ отъ сторожа, что Петровъ поправился уже въ здорově, и былъ въ чертежной, Николай Ивановичъ поспѣшилъ посѣтить его.

Петровъ на этотъ разъ былъ чрезвычайно унылъ, и, видимо, не расположенъ былъ ни къ какому разговору. На непокрытомъ столѣ стоялъ у него графинъ съ водкою, небольшая рюмочка и ломоть чернаго хлѣба съ солью. Петровъ подходилъ изрѣдка къ графину, и какъ будто съ отвращеніемъ выпивалъ по полдурюмкѣ.

Николай Ивановичъ начиналъ было съ нимъ кое о чемъ заговаривать, но Петровъ ограничивался самыми отрывочными и неудовлетворительными отвѣтами. Боброву тоже сдѣлалось какъ то неловко и потому онъ рѣшился было идти домой.

— Охъ какъ скучно! заговорилъ вдругъ Петровъ печальнымъ голосомъ.

— Отчего же вы такъ скучаете? спросилъ Николай Ивановичъ.

— Въ гробу живому человѣку какъ не скучать-съ помилуйте... а я вѣдь здѣсь точно въ гробу-съ, жизни то для себя не вижу.

— Да вы какъ то отъ всѣхъ удаляетесь, замѣтилъ Бобровъ въ видахъ участія, — знакомства то, должно быть, у васъ очень мало, такъ вамъ и скучно.

— Съ Мусолинымъ я знакомъ-съ, пояснилъ Петровъ уны-

лымъ тономъ; да и съ нимъ какъ то скучно. А уже для моей компаніи на что бы, кажется, лучше Мусолина?

Николай Ивановичъ усмѣхнулся.

— Вы конечно это шутите, возразилъ онъ,—но я говорю, не шутя, что вы кажется избѣгаете всякаго знакомства, уединяетесь, а вѣдь жить въ уединеніи, безъ сообщества людей, дѣйствительно скучно.

— Очень скучно-съ, подтвердилъ Петровъ съ видимою грустію, а въ сообществѣ съ Мусолинымъ еще бываетъ скучнѣе-съ.

— Да что вы все на Мусолина то ссылаетесь, конечно уже съ Мусолинымъ послѣднее знакомство; да вѣдь не одинъ же Мусолинъ на свѣтѣ то, у васъ много и другихъ товарищей, не всѣ же въ Мусолина уродились.

— Не всѣ-съ, произнесъ отрывисто Петровъ,—по той причинѣ, что они ходятъ во фракахъ, а Мусолинъ въ полушубкѣ-съ, прибавилъ онъ съ видимою пронию.

Николай Ивановичъ съ грустію улыбнулся, подавая видъ, что онъ принимаетъ эти слова въ шутку, между тѣмъ, какъ въ сердцѣ его залегалo самое тяжелое чувство. Хотя у него тоже составилось не слишкомъ высокое понятіе о другихъ землемѣрахъ; но онъ желалъ въ этомъ разувѣриться, думалъ, что вліяніе прежней общественной среды, въ которой, онъ до сихъ поръ находился, не позволяетъ ему оцѣнить правильно, по вѣшнимъ признакамъ, нравственныя достоинства человѣка, что натура его раздражена противъ людей прежнею жизненною обстановкою, что онъ слишкомъ довѣрчиво и можетъ быть несправедливо поддается первому впечатлѣнію, и увеличиваетъ людскіе недостатки, что, наконецъ, самъ Петровъ оказался во все не такимъ человѣкомъ, какимъ онъ представляется съ перваго раза и пр. пр., но послѣднія слова Петрова разсѣяли всѣ эти гуманныя и, такъ сказать, утѣшительныя предположенія. Онъ начиналъ чувствовать, что и на поприщѣ службы его ожидаетъ почти такая же среда, изъ которой онъ старался выбиться.

— У васъ, я думаю, много есть знакомыхъ и кромѣ землемѣровъ, снова заговорилъ Николай Ивановичъ, желая какъ можно ближе ознакомиться съ характеромъ Петрова и его взглядами на жизнь.

— Много-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто.

— Вѣроятно въ томъ числѣ есть и хорошіе люди, съ которыми, я думаю, не скучно провести время.

— Всѣ очень хорошіе-съ, подтвердилъ Петровъ.

Николай Ивановичъ подозрительно посмотрѣлъ на Петрова, желая удостовериться въ справедливости его словъ, но серьезное выраженіе его лица ясно доказывало, что онъ говорилъ это съ убѣжденіемъ.

— Такъ, значить, всетаки вы отъ (жуди кого нибудь) досѣ-
щаете? любопытствовалъ Бобровъ.

— Никого-съ, отвѣтилъ Петровъ наотрѣзъ.

— Почему же вы ни съ кѣмъ не хотите быть знакомымъ?

— По той причинѣ, что совѣстно-съ.

Бобровъ посматрѣлъ на Петрова съ недоумѣніемъ.

— Я не понимаю, почему совѣстно вести знакомство съ хо-
рошими людьми? проговорилъ онъ съ усиливающимся любо-
пытствомъ.

— По той причинѣ, что я то очень плохъ-съ, произнесъ
Петровъ съ грустію.

— Ну, это вы говорите совершенно напрасно, выразился
Николай Ивановичъ безъ лести. Я не знаю, почему вы считаете
себя хуже другихъ?

— По той причинѣ, что я чиновникъ, и притомъ же земле-
мѣръ-съ, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Что же изъ этого, что землемѣръ? вѣдь землемѣръ такой
же человекъ, должность то землемѣра, мнѣ кажется, не хуже
другихъ, да, по моему мнѣнію, ровно еще и лучше бы, потому
что всѣ землемѣрскія занятія основаны на наукѣ и искусствѣ,
тогда какъ многія другія должности основаны на одной формен-
ной перепискѣ бумагъ.

Петровъ неудержимо засмѣялся, такъ что Николай Ивано-
вичъ пришелъ отъ этого въ сильное недоумѣніе. — «На что онъ
тутъ смѣется? что смѣшнаго то я сказалъ?» подумалъ онъ про-
себя.

— Вы уже очень меня разсмѣшили-съ, произнесъ наконецъ
Петровъ.

— Да что же я смѣшнаго то сказалъ? спросилъ Николай
Ивановичъ.

— Рогулькинъ, Мусолинъ, Давыдовскій и наука; какъ то это
мнѣ смѣшно показалось, извините-съ.

Николай Ивановичъ немножко сконфузился. Онъ и самъ со-
знавалъ, что между этими личностями и наукою нѣтъ ничего
общаго; но всетаки полагалъ, что личности эти не могутъ по-
препятствовать правильному и самостоятельному дѣйствию дру-
гихъ землемѣровъ.

— Давыдовскій тутъ не значитъ ничего, потому что онъ
человѣкъ посторонній, возразилъ Бобровъ, а Мусолинъ и ему
подобные для другихъ не указъ: тутъ всякій отвѣчаетъ за се-
бя. Вѣдь вы вотъ, вѣроятно, дѣйствуете не такъ, какъ Мусолинъ.
Онъ, говорятъ, и грамотѣ то худо знаетъ; астролябіи не умѣ-
етъ поставить.

— Землемѣры всѣ такъ дѣйствуютъ, какъ Мусолинъ, да
иначе нельзя и дѣйствовать.

— По крайней мѣрѣ, вы не такъ же дѣйствуете, возразилъ
Бобровъ.

— Я? я еще хуже-съ, произнесъ Петровъ утвердительно.

«Чудака», подумалъ просебя Бобровъ «самъ на себя наговариваетъ.»

— Этому я не вѣрю, извините, произнесъ онъ вслухъ.

— Думайте, какъ угодно, только я говорю правду-сь.

Бобровъ въ недоумѣніи посмотрѣлъ на Петрова, и невольно пожалъ плечами.

— Какъ вы сказали, вы сами сознаете, что дѣлаете плохо, а дѣлаете, кто же васъ заставляетъ?

— Служба-сь, подхватилъ Петровъ, подумавши.—Что бы хорошо дѣлать нужно разсуждать, а на службѣ не разсуждаютъ-сь, присоветовали онъ въ видѣ поясненія.

— Да вѣдь разсуждать то, кажется, не велятъ только во время разговора съ начальниками, потому что они, какъ видно, слишкомъ раздражительны, а дѣло какъ же можно дѣлать безъ разсужденія? это уже прямо зависитъ отъ самаго исполнителя.

— Я все дѣлаю безъ разсужденія-сь, пояснилъ Петровъ.

— Да вѣдь этакъ Богъ знаетъ что можно надѣлать! произнесъ Бобровъ, усмѣхнувшись.

— Я Богъ знаетъ что и дѣлаю-сь, подтвердилъ Петровъ.

— Однако работою вашею всѣ остаются довольны; вы, говорятъ, первый работникъ.

— По той причинѣ, что уже очень много вру-сь. Иные врутъ, да что то еще думаютъ, а я уже вру, не думавши, потому меня и хвалятъ-сь.

Николай Ивановичъ разсмѣялся.

— Вы, кажется, все это преувеличиваете, вѣдь врать то, въ самомъ дѣлѣ, никто же васъ не заставляетъ.

— Если бы не заставляли, такъ и не вралъ бы, а то заставляютъ-сь, присоветовали Петровъ самымъ жалобнымъ тономъ.

— Да кто же васъ заставляетъ? поинтеруйте!

— Служба-сь, твердилъ свое Петровъ.

— Я, право, этого не понимаю. Если я не захочу, такъ кто же заставитъ меня дѣлать неправильно?

— Давыдовскій-сь, отвѣтилъ Петровъ положительно.

— Ну, уже это вы говорите мнѣ въ насмѣшку, выразился Николай Ивановичъ съ нѣкоторою досадою. Давыдовскій вѣдь не начальникъ же въ самомъ дѣлѣ. На вашемъ мѣстѣ я этого Давыдовскаго, право, выгналъ бы изъ чертежной.

— Я тоже хотѣлъ выгнать, да силы очень мало, поэтому и рѣшился уже дѣлать все, безъ разсужденія, что привазываютъ, да пить водочку... И Петровъ дѣйствительно выпилъ залпомъ рюмку водки, какъ будто стараясь подавить въ себѣ какое то неприятное внутреннее чувство.

Николай Ивановичъ покушался было продолжать разговоръ на эту же тему, потому что его чрезвычайно интересовали всѣ подробности служебной обстановки и тѣ обычаи, которыми руководствуются землемѣры при исполненіи дѣлъ, но

Петровъ видимо сталь отъ этого уклоняться. Физиономія его дѣлалась печальна и уныла.

— Напрасно вы меня только растревожили, произнесъ онъ наконецъ съ чувствомъ.— Я человекъ безсильный, и считаю себя отжившимъ уже свой вѣкъ. Дай Богъ вамъ побороть то, что вамъ, можетъ быть, претить, а я уже не борець, потому что не устоялъ и началъ пить водочку...

Тутъ Петровъ присѣлъ къ графину, и, не говоря уже ни слова, сталь имъ заниматься.

Послѣ этого онъ сильно ослабѣлъ, и потому Николай Ивановичъ заблагоразсудилъ отъ него удалиться.

Николай Ивановичъ еще было заходилъ нѣсколько разъ къ Петрову, съ намѣреніемъ побесѣдовать съ нимъ «о высокихъ предметахъ,» какъ онъ шутливо выражался, но тотъ всегда уже отъ этого уклонялся.

Между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ разсуждалъ съ Петровымъ о мировомъ значеніи поэтовъ, и собирался рѣшать вопросъ жизни, Мардохей Петровичъ, какъ вѣрный слуга отечества, ревностно занимался своимъ служебнымъ дѣломъ, и занимался такъ энергично, такъ усердно, что даже дроздикъ-монашекъ, несмотря на значительно улучшенное имъ пѣніе своихъ тропарей, оставался иногда у него на второмъ планѣ. Это значило уже, что Мардохей Петровичъ занимался тогда не бездѣлушками, а дѣломъ. Особенная служебная заботливость Мардохея Петровича въ эти дни относилась къ тому важному предмету, какимъ образомъ поискуснѣе составить программу испытанія Боброва и Ризина? Какъ сдѣлать о нихъ представленіе? Рогоулькинъ въ этомъ новомъ для него дѣлѣ чувствовалъ себя крайне непрактичнымъ, и внутренне сознавалъ, что онъ самъ непосредственно не можетъ аккуратно исполнить это *событіе* (Рогоулькинъ всякое новое дѣло называлъ событіемъ). Въ особенности же смущали его 60 наукъ, почему то названныхъ баллами, для уясненія которыхъ онъ израсходовалъ весь запасъ своихъ знаній, и всетаки не могъ добиться никакого толка.

«Гдѣ здѣсь шестьдесятъ то землемѣровъ наберешь?» разсуждалъ, между прочимъ, Мардохей Петровичъ, остановившись наконецъ на той мысли, что число научныхъ балловъ означаетъ число шаровъ, установленныхъ для выбора лицъ, и что это число непременно должно соотвѣтствовать числу лицъ, участвующихъ въ выборѣ, т. е. числу землемѣровъ *). Рогоулькинъ съ особенною заботливостію провѣрялъ нѣсколько разъ число уѣздовъ, находящихся въ губерніи, прибавлялъ къ этому числу двухъ запасныхъ землемѣровъ, но всетаки насчитывалъ только 14 мѣстъ.

*) Достоверный фактъ.

«Ума не приложу! просто ума не приложу!» заканчивалъ Мардохей Петровичъ свои разсужденія.

Само собою разумѣется, что въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ, а подобныя обстоятельства встрѣчали его нерѣдко, Мардохей Петровичъ не могъ уже обойтись безъ Давыдовскаго, который обладалъ всѣми свѣдѣніями канцелярскаго порядка и поэтому у многихъ назывался докою.

Давыдовскій дѣйствительно понималъ значеніе научныхъ балловъ, по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что гдѣ ихъ выставлено будетъ больше, то аттестуемый человѣкъ значить умнѣе и способнѣе. Въ этомъ смыслѣ онъ передалъ значеніе балловъ и Рогулькину.

— Уже какъ бы намъ получше то сдѣлать, совѣтовался Мардохей Петровичъ, что бы въ отвѣтственность то не попасть.

— Не попадемъ, произнесъ съ надменностію Давыдовскій, гордо прохаживаясь по комнатѣ и курия махорку. Какъ я вамъ говорю, такъ и сдѣлаемъ.

— Я всѣмъ добра желаю.... продолжалъ Мардохей Петровичъ.

— Что этому то мошеннику, — Боброву то вашему, добра то желать? перебилъ Давыдовскій; вѣдь онъ мошенникъ, необразованный вахлакъ!

— Какъ еще мошенникъ! если бы вы знали, присовокупилъ въ свою очередь Мардохей Петровичъ: — о начальствѣ то, мошенникъ, какъ отзывается, только уши вянуть. Али опять про васъ что говорить, такъ уже только я слушаю, да молчу.

— Въ шею бы его отсюда, выразился Давыдовскій.

— А вы думаете какъ? перебилъ Мардохей Петровичъ: — я въ послѣднее время такъ таки его и проводилъ не по чести. Ты, молъ, государь мой, не смѣй при мнѣ такъ отзываться про этого человѣка, я, молъ, его знаю побольше тебя, — знаю, молъ, какія онъ услуги то отечеству дѣлалъ и дѣлаеть, не тебѣ, молъ, объ этомъ судить, государь мой, твое то бы, молъ, дѣло благодарить этого человѣка за его то труды; о себѣ то уже, молъ, я не хлопочу; — такъ вѣдь куда! Что мнѣ, говорить этотъ Давыдовскій, знаемъ, говорить, и мы его, говорить, и изъ службы то вонъ выгнали, да такъ таки и плюнулъ, вотъ на это самое мѣсто и плюнулъ, ей-ну Богу, право!... и Мардохей Петровичъ для большей наглядности очертилъ машинально на полу маленькій кружечекъ — «хтпфу! говорить, мнѣ на вашего то Давыдовскаго» — прибавилъ Мардохей Петровичъ, и, для поясненія дѣла, дѣйствительно плюнулъ въ очерченный кружокъ, чѣмъ, конечно, и доказалъ достовѣрность факта.

Давыдовскій надменно улыбнулся. Онъ зналъ навѣрняка, что въ личномъ его порицаніи не менѣе того участвовалъ и самъ Рогулькинъ, но всетаки къ послѣднему влекла его какая то неудержимая сила, потому что у Рогулькина находилъ онъ пищу для своихъ занятій, которыя онъ готовъ былъ исполнять

безданно безпошлинно, такъ сказать по призванію. Давыдовскаго влекло не къ тому, что упрочивало нравственную жизнь общества, а къ тому, что могло ее разстроить. Онъ былъ самый энергичный, и, можно сказать, безвозмездный производитель и защитникъ всякаго зла, лишь бы только подходило оно подь канцелярскую формалистику. Оклеветать и обвинить правого, оправдать виновнаго, даже общественнаго злодѣя, было любимымъ дѣломъ Давыдовскаго.

— Я удивляюсь, зачѣмъ вы только къ нему заходите? продолжалъ Мардохей Петровичъ:—ну, пристойно ли вамъ съ такимъ человѣкомъ знакомство сводить?

— Я думаю, знаете, зачѣмъ я къ нему ходилъ? рыкнулъ Давыдовскій, не знаетъ что ли?

— Да что уже съ етакимъ человѣкомъ и дѣло имѣть,—что съ него возьмешь?.. грубый человѣкъ, необразованный... И Мардохей Петровичъ съ отчаяніемъ махнулъ рукою.

— Да онъ еще отъ насъ не ушелъ, мы еще ему воскомъ щетину то! произнесъ Давыдовскій, выражаясь обычными приказническими фразами, облупимъ его, какъ липочку. Будетъ насъ поминать! прибавилъ онъ, усаживаясь за письменный столъ.

Мардохей Петровичъ видимо просвѣтлѣлъ.

— Я уже только объ васъ то забочусь, произнесъ онъ съ участіемъ:—вашихъ то трудовъ мнѣ жалко, о себѣ то уже я не хлопочу.

Между тѣмъ Давыдовскій принялся составлять программы и рапорты о представленіяхъ Боброва и Ризина.

— Вотъ уже про Ризина грѣхъ сказать худое слово, замѣтилъ между прочимъ Мардохей Петровичъ,—мягкій человѣкъ, понимающій. Съ этимъ человѣкомъ можно вести пріятную хлѣбъ-соль.

Часа черезъ два составлены были обѣ программы, только Давыдовскій написалъ ихъ въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ въ одномъ выставлены были полные баллы, а въ другомъ далеко недостаточные.

— Эта напоказъ, какъ я вамъ говорилъ, произнесъ Давыдовскій, передавая Рогулькину программы, и указывая на ту, въ которой находились полные баллы, а эта пойдетъ, прибавилъ онъ, передавая другую программу.

Рогулькинъ на этотъ разъ отнесся къ Давыдовскому съ особенною благодарностію.

— Не лъстя, вамъ скажу, Андрей Ивановичъ, выразился онъ въ заключеніе всего,—какъ бы не злые то люди, такъ ваше то бы мѣстечко не здѣсь, а возлѣ министра; только вотъ злые то люди, ради зависти, вамъ напаястили. Честныхъ то, да дѣловыхъ людей нигдѣ видно небольно любятъ!

— Вспомнать, подлецы, и меня, да не вовремя! проговорилъ надменно Давыдовскій.

— Еще какъ вспомнить то! подхватилъ Мардохей Петровичъ, — да уже кажется и вспомнилъ, присовокушилъ онъ нѣсколько таинственнымъ тономъ.

Давыдовскій въ это время вскалъ уже изъ за стола, и, засунувъ обѣ руки въ карманы нанковыхъ пальваръ, самую гордою поступью прохаживался по комнатамъ. Приэтомъ онъ не поворачивалъ уже своей головы ни направо, ни налѣво, но, преисполненный чувствомъ личнаго приказническаго достоинства, глядѣлъ только впередъ, по направленію своего пса. Въ эти минуты онъ близко подходилъ къ идеалу приказническаго величія.

— Теперь, послѣ праведныхъ трудовъ, думаю, не худо будетъ и водочки выпить, да покушать хлѣба-соли, предложилъ Мардохей Петровичъ, какъ то суетливо.

— Само собою! произнесъ Давыдовскій, который въ подобныхъ случаяхъ обращался съ Рогулькинмъ довольно повелительно.

Послѣ нѣсколькихъ рюмокъ водки, Давыдовскій сдѣлался представительнѣе и энергичнѣе, такъ что Мардохея Петровича, наблюдавшаго за Давыдовскимъ, немножко охватила робость, тѣмъ болѣе, что тотъ подъ конецъ началъ уже имѣть безъ церемоній распорядиться.

— Какъ я сказалъ, такъ что бы и было! разсуждалъ крикливо Давыдовскій; я уже напрасно не скажу... А Ваську Философова, да Ваську Петрова надо шаркнуть! слышишь?.. А съ Ризина, я сказалъ, меньше пятидесяти не возьму. Ты, подлець, 600 съ него скупилъ! а со мною 25-ю не хочешь отдѣлаться? шалишь! обо всемъ донесу! пригрозилъ Давыдовскій, входя въ азартъ. Ты, подлець, у меня всегда въ рукахъ! Мы знаемъ, какъ ты фальшивые то планы выдаешь! думаешь, не знаемъ?.. Ты 25-ю рублями отъ меня не отдѣлаешься! Сказалъ пятьдесятъ—пятьдесятъ и давай.

— Полноте вы мнѣ, шутникъ этакой, шутить то! произнесъ Рогулькинъ съ самою незлобивою улыбкою, радушно обнимая Давыдовскаго; поговоримте-ко, обойдя всѣ шутки... Вотъ уже, что правду ту вы сказали такъ уже правду, этого Философова, да Петрова, надо проучить; поцѣпнѣ вредные люди! Хотя бы этотъ Философовъ: еще сору съ ногъ не успѣлъ стяхнуть, а уже начинать судить, да порочить честныхъ людей. Послушали бы вы, что онъ про васъ то говорить, васъ то какъ порочить, мошенникъ! «Я, говорить, на него донесу.» Онъ, говорить, дѣло изъ суда укралъ, да сжегъ; документы, говорить, фальшивые составляетъ..

— Это все ты, подлець, ему на меня сказалъ?! перебилъ Давыдовскій раскрасившись до пельзя. Отъ документовъ то, братъ, и ты не уйдешь: вѣдь мы оба документы то съ тобою составляли!

— Вы меня не поняли, Андрей Ивановичъ, перебилъ Рогоулькинъ, немного сконфузясь; я вѣдь не про то говорю, а доносчиковъ то бы, молъ, этихъ нужно подъ ноготокъ поджать. что бы они доносами то не занимались, да честныхъ то людей не порочили... А вы, сударь, Андрей Ивановичъ, дешевенько свои то труды цѣните, присовокупилъ Рогоулькинъ полушутливымъ тономъ, желая дать другой мотивъ разговору.—Ваши то труды помоему и въ сотенку не грѣхъ оцѣнить. Добрыхъ, да честныхъ людей я цѣнить, сударь, умѣю. И Мардохей Петровичъ поспѣшилъ снабдить Давыдовскаго десятью рублями.

— Точно на грѣхъ, сегодня денегъ то у меня не случилось, оговорился онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, вручая Давыдовскому 10 руб.—Хотя убей, копѣйки теперь нѣтъ во всемъ домѣ. На недѣлѣ, Богъ дастъ, надѣюсь получить, такъ около среды пожалуйте. Съ честію, сударь, заплачу.

— Не обманешь? крикнулъ Давыдовскій.

— А вотъ отсохли бы эти пальцы, если облыжно говорю, повляся Мардохей Петровичъ, показавъ Давыдовскому для большей достовѣрности на мизинецъ и безымянный палецъ лѣвой руки, сообразивъ, однако же, что если, на худой конецъ, эти пальцы и отсохнутъ, то особенной еще важности они не составляютъ.

— Ну, за это поцѣлуй! произнесъ Давыдовскій, обнимая Рогоулькина.

Друзья поцѣловались.

— Люблю за то, что людей понимаешь, произнесъ Давыдовскій, хлопнувъ Рогоулькина по спинѣ.

— А Ваньку Философова, да Ваську Петрова подъ судъ упечемъ, присовокупилъ Давыдовскій, въ видахъ особенной пріязни.

— Вашимъ то бы языкомъ да медъ пить, отозвался въ свою очередь Рогоулькинъ, уже подлинно, что умную рѣчь пріятно и слушать, присовокупилъ онъ съ чувствомъ искренняго дружелюбія.

Мардохей Петровичъ съ христіанскимъ терпѣніемъ переносилъ отъ Давыдовскаго всякое личное порицаніе, и никогда уже на это не оскорблялся. Правда, онъ частенько дѣлалъ ему напоминаніе о его личныхъ поступкахъ, но изъ вѣжливости никогда не высказывалъ ихъ въ видѣ упрека, а всегда уже ссылался пріетомъ на какое нибудь постороннее лице: то, напр., скажетъ на Философова, то на Петрова, а въ послѣднее время началъ ссылаться и на Боброва, хотя, въ сущности, ни тотъ, ни другой, вовсе объ этомъ и не говорили.

По уходѣ Давыдовскаго, Мардохей Петровичъ подписалъ всѣ программы и отправилъ ихъ для подписи къ прочимъ экзаменаторамъ, которые въ свою очередь подписали все, безъ всякаго сознанія.

На другой день утромъ, Мардохей Петровичъ пригласилъ

къ себѣ Боброва для того, что бы сообщить ему объ успѣхахъ настоящаго *событія*.

— Честь имѣю поздравить, Николай Ивановичъ, съ окончаніемъ вашего событія! произнесъ Мардохей Петровичъ, встрѣчая Боброва еще въ дверяхъ, и подавая ему руку.

Не понимая въ чемъ дѣло, Николай Ивановичъ посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи. «Что еще тутъ за событіе такое?» подумалъ онъ насмѣшливо.

— Представленіе объ васъ уже приготовлено, слава Богу! вотъ посмотрите, успѣшилъ сообщить Мардохей Петровичъ... Если чѣмъ недовольны, такъ сами уже поправьте... И Мардохей Петровичъ подаль Боброву программу съ полными баллами, и рапортъ о представленіи его въ землемѣры.

— Чему тутъ недовольнымъ то быть, выразился Бобровъ съ радостною улыбкою, увидавъ въ программѣ своего испытанія полное число балловъ. Такой аттестациі я даже и не стою. Я самъ изъ этихъ балловъ немножко убавилъ бы.

— Уже какъ вы не стоите, Николай Ивановичъ, такъ кто же послѣ этого стоитъ? возразилъ Мардохей Петровичъ. — Что тамъ про меня ни говорятъ, худъ ли я, хорошъ ли, а уже добрыхъ, да умныхъ людей оцѣнить умѣю. Про Петрова, вотъ, или про Философова уже худова не скажу, честные люди! можно этихъ людей держаться. А уже какъ бы вотъ васъ то еще Богъ привелъ, такъ уже я былъ бы въ совершенномъ покоѣ. Только это силу, и вижу.

Николай Ивановичъ отъ радости совершенно растерялся, такъ что принялся благодарить Рогоулькина самымъ неуклюжимъ манеромъ.

— Полноте вы меня уже благодарить то, перебилъ Рогоулькинъ съ видимымъ негодованіемъ. Къ слову вотъ пришлось, прибавилъ онъ, совершенно измѣнивъ рѣчь; напомнили вы мнѣ. Здѣсь какъ то надняхъ опять заходилъ ко мнѣ этотъ мошенникъ Давыдовскій. Уже я его къ себѣ то и не пушаю, да не знаю какъ и прошель, мошенникъ. Васъ, говорить, Бобровъ только благодарностию то одною и отподчуетъ, а изъ благодарности то, говорить шубы не сошьешь. Поди, молъ, ты ко Христу! Этотъ, молъ, человѣкъ понимаетъ свое то дѣло, не меньше другихъ, отъ другихъ уже, молъ, не отстанеть, проговорился нечаянно Мардохей Петровичъ: шучу, знаете, съ нимъ, прибавилъ онъ для аккуратности, покосившись между тѣмъ на Боброва.

Бобровъ немножко поморщился.

— Я дѣйствительно не отсталъ бы отъ другихъ, если бы только имѣлъ, проговорилъ онъ не съ большою впрочемъ охотою, но теперь у меня нѣтъ ничего, дѣлайте со мною что угодно.

— Я вѣдь только шучу, подхватилъ Мардохей Петровичъ, вѣдь надобно же было дураку то этому чтонибудь отвѣтить.

Только вот съ губернскимъ то правленіемъ уже не знаю, какъ сдѣлаться, замѣтилъ онъ, измѣняя разговоръ на другую тему. Уже сотенку имъ общалъ; изъ своихъ уже заплачу, для хорошаго человѣка: намъ хорошіе люди надобны.

— Неужели такъ много? спросилъ съ изумленіемъ Николай Ивановичъ.

— А вы думаете даромъ они тамъ сдѣлають? Это уже не такой народъ, Николай Ивановичъ, даромъ то они не сдѣлають вотъ этого... И Рогулькинъ, для наглядности, переложилъ съ мѣста на мѣсто чуть замѣтную порошинку.

Бобровъ въ недоумѣніи пожалъ только плечами.

— Я уже не знаю, что мнѣ теперь и придумать, Мардохей Петровичъ, проговорилъ онъ съ грустію.

— Чего тутъ думать то, только молитесь Богу, уже я за васъ все обдумаю. Уже коли я скавалъ, что будете землемѣромъ, такъ и сдѣлаю. Тридцать пять лѣтъ служу, Николай Ивановичъ, Богу и великому государю, да еще никого не обманывалъ, Богъ хранилъ. Вы, вотъ, благословясь, отнесите отъ меня представленіе то въ губернское правленіе сами, да получите тамъ расписочку, такъ дѣло то будетъ повѣрнѣе. Какъ уже тамъ ни потянуть, а уже всетаки представлять, отъ меня было бы представлено. А уже сотенку то я имъ дасть изъ своихъ трудовыхъ денегъ. А мы, Богъ дастъ, водобру, да поздорову, еочтемся съ вами у попа на бревнахъ, заключилъ Мардохей Петровичъ самымъ радушнымъ тономъ, шутиливо похлопавъ Николая Ивановича по плечу.

Бобровъ снова повеселѣлъ. Хотя онъ и неполнѣ былъ знакомъ съ канцелярскою формалистикой, но всетаки понималъ, что сдѣланное представленіе измѣнить уже невозможно.

Для большей достовѣрности Мардохей Петровичъ предложилъ Боброву самому запечатать представленіе въ конвертъ, и сейчасъ же отправилъ его съ нимъ въ губернское правленіе.

— Куй де желѣзо, покуда горячо, произнесъ Мардохей Петровичъ вслѣдъ Боброву.

Сдавъ, какъ слѣдуетъ, конвертъ въ регистратуру, Бобровъ вздохнулъ свободнѣе, и поблагодарилъ мысленно Рогулькина, потому что въ настоящихъ его дѣйствіяхъ онъ видѣлъ уже фактическое доказательство его искренности. Но, въ глубинѣ души, всетаки залегло у него какое то неопредѣленное раздумье.

«Какъ то все невѣрится», разсуждалъ онъ самъ съ собою.

Выходя изъ губернскаго правленія, Бобровъ встрѣтился случайно съ Философовымъ и Петровымъ, которые шли въ чертежную. Первымъ дѣломъ онъ сообщилъ имъ въ короткихъ словахъ о представленіи его въ землемѣры. Петровъ отнесся къ этому извѣстію совершенно безучастно, но Философовъ отъ

души поздравилъ Боброва съ успѣхомъ, присовокунивъ къ этому, что онъ, съ своей стороны, никогда въ этомъ и не сомнѣвался.

— Рогулькинъ, братецъ, только глуповатъ немножко, замѣтилъ Философовъ, а по душѣ онъ человѣкъ добрый, своего слова не измѣнитъ.

— Уже глуповатъ то и ненемножко, замѣтилъ съ усмѣшкою Бобровъ. Если онъ говорить и дѣйствуетъ такъ, по одной только сердечной простотѣ, такъ значить онъ совершенный уже дуракъ, а въ противномъ случаѣ значить подлець.

— И то и другое-съ, подхватилъ Петровъ, не думавши.

— Это вѣдь можно сказать о каждомъ человѣкѣ, вступился Философовъ, видимо недовольный такимъ скороспѣлымъ рѣшеніемъ; на это надобно имѣть доказательства. Что Рогулькинъ добро дѣлаетъ, такъ изъ этого еще не слѣдуетъ заключать, что онъ подлець.

— Да уже черезчуръ о добрѣ то хлопочетъ, кажется, замѣтилъ съ усмѣшкою Николай Ивановичъ; основанія то къ его добротѣ никакого не подберешъ.

— Полно, братецъ, ты съ основаніями своими фантазировать, упрекнулъ его Философовъ; съ этими основаніями ты не найдешь по себѣ ни одного человѣка. По себѣ, братъ, думать объ всѣхъ нельзя, прибавилъ Философовъ, разгорячившись; Рогулькинъ дворянинъ, слѣдовательно безчестнаго дѣла съ умисломъ не сдѣлаетъ.

Николай Ивановичъ чрезвычайно сконфузился, сознавался внутренно, что Философовъ говорить правду.

— Я вѣдь это такъ только сказалъ, началъ онъ смиренно оправдываться. До сихъ поръ я, съ своей стороны, Мардохеемъ Петровичемъ весьма доволенъ, и благодарю его въ глаза и за глаза.

— Благодарить то еще не за что-съ, заговорилъ приэтомъ Петровъ.

— Какъ же не за что? возразилъ Николай Ивановичъ; посмотрѣли бы вы, какое онъ обо мнѣ представленіе сдѣлалъ.

— Не на что тутъ смотрѣть то, по той причинѣ, что обманетъ-съ, произнесъ Петровъ самымъ рѣшительнымъ тономъ.

— Это еще вопросъ, замѣтилъ Философовъ.

— Какъ же тутъ, кажется, обмануть то? проговорилъ въ раздумьи Николай Ивановичъ.

— Не знаю-съ, отвѣтилъ Петровъ отрывисто.

— Вѣдь я самъ и представленіе въ губерское правленіе носилъ, у меня есть даже и нумерокъ, пояснилъ Николай Ивановичъ.

Петровъ слегка улыбнулся, но не сдѣлалъ на это никакого возраженія.

— Всякаго братъ, здѣсь не переслушаешь, а дѣлай, какъ самъ знаешь, сказалъ Философовъ въ заключеніе, прощаясь съ Бобровымъ, и пожимая у него руку. На службу то припаяйся, такъ дѣло то будетъ лучше, прибавилъ онъ полусмѣливо.

П. Зарубинъ.

ПАДАЮЩІЯ ЗВѢЗДЫ, МЕТЕОРЫ

И

аэролиты.

Въ тихую, ясную ночь, разсматриваніе небеснаго свода возбуждаетъ въ наименѣ созерцательномъ умѣ смутныя ощущенія безконечнаго, вѣчнаго, всемогущаго. Знанія чудесь, открытыхъ новѣйшими астрономическими изслѣдованіями, еще увеличиваютъ эти ощущенія. Вглядываясь въ звѣздную глубину, астрономъ знаетъ, что предметы, представляющіеся его взорамъ, свѣтятъ изъ такой дали, что она не только непостижима сама по себѣ, но равно непостижима единица, которою онъ пытается измѣрить ее.

Вглядываясь въ ближайшія части небеснаго свода, онъ знаетъ, что видитъ не то, что есть, а то, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а смотря на далекія мерцающія звѣзды—то, что было уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ. Онъ имѣетъ всѣ данныя предполагать, что свѣтъ, озаряющій въ темныя ночи самыя отдаленныя части горизонта, направился къ землѣ за мириады вѣковъ до тѣхъ поръ, пока она приняла свой настоящій видъ и сдѣлалась мѣстопробываніемъ населяющихъ ее въ настоящую минуту племень. Столько времени, думаетъ онъ, нужно было свѣту, облетающему въ одну секунду разстояніе, въ восемь разъ превосходящее окружность земли, что бы достигъ до насъ изъ глубины, въ которую онъ теперь глядитъ. Такимъ образомъ, одинъ и тотъ же предметъ представляетъ астроному вѣчность време-

ни и безконечность пространства. Въ дѣйствиі этихъ законовъ онъ видитъ съ тѣмъ вмѣстѣ и всемогущество, печать всеильнаго ума, подѣ влияніемъ котораго все, что онъ видитъ, подчиняется громаднѣмъ, безостановочнѣмъ, безконечнѣмъ измѣненіямъ, до того торжественнѣмъ въ своемъ величественнѣмъ развитіи, что человекъ видитъ въ нихъ типъ неизмѣннаго. Наблюдатель, находящійся подѣ влияніемъ этихъ ощущеній, невольно поражается внезапнѣмъ проявленіемъ жизни и движенія въ этихъ спокойныхъ небесныхъ сферахъ. Стоитъ взглянуть пристальнѣе въ какойнибудь уголокъ неба, и вы тотчасъ замѣтите въ немъ присутствіе чего то, помимо неподвижныхъ звѣздъ. То съ той, то съ другой стороны, промелькнетъ какой то блуждающій огонекъ и исчезнетъ, прежде чѣмъ вы успеете разсмотрѣть его. Но, чрезъ нѣсколько минутъ, вы убѣждаетесь, что находитесь не подѣ влияніемъ оптическаго обмана. На звѣздной глубинѣ показывается блѣдноватый свѣтъ, и быстро, безмолвно несется по небу, описывая дугу большей или меньшей окружности. Не знаемъ, какъ на другихъ, а на насъ падающая звѣзда всегда производила впечатлѣніе символа конечнаго и слабаго *). Внезапность явленія этихъ звѣздъ, быстрота ихъ движеній, ихъ кратковременность, все ставитъ ихъ въ самую рѣзкую противоположность съ неподвижными звѣздами. Но, несмотря на мимолетность и кажущуюся незначительность падающихъ звѣздъ, отношенія ихъ къ остальнымъ небеснымъ тѣламъ не лишены своего значенія, какъ мы увидимъ сейчасъ. Онѣ приводятъ насъ, такъ сказать, въ соприкосновеніе съ вышнимъ пространствомъ. «Привыкнувъ познавать неземныя тѣла исключительно путемъ измѣренія, вычисления и выводовъ разума, пишетъ Гумбольдтъ, мы, съ нѣмъ то изумленіемъ прикасаемся, возвышаемся, подвергаемъ химическому анализу металлическія и земляныя тѣла, принадлежащія тому міру». Масса видитъ въ падающихъ звѣздахъ только «потухающія искры на ясномъ сводѣ неба», въ мыслитель онѣ возбуждаютъ живнй интересъ, побуждаютъ его къ изученію и наблюденію. Мы намѣрены подѣлиться съ читателями результатами случайныхъ и частныхъ наблюденій надъ падающими звѣздами, метеорами и аэролитами. Пристально вглядываясь въ небо, въ какуюнибудь ясную ночь, внимательный наблюдатель увидитъ среднимъ числомъ до 6 падающихъ звѣздъ въ часъ. Можно поэтому допустить, что до 15 подобныхъ звѣздъ являются на каждомъ горизонтѣ всякій часъ. Послѣ полуночи ихъ является болѣе, чѣмъ до полуночи; самое благоприятное время для наблюденій отъ 1 ч. до 2. Въ тропическихъ странахъ падаю-

*) Паркъ Верней, говоритъ одинъ люлландскій мифъ, предать нить новорожденнаго дитяти, и каждая нить оканчивается звѣздой. Когда смерть приближается, нить обрывается и звѣзда, потухая, сватывается на землю. Ериния Грѣшная мифологія.

ція звѣзды являются чаще и свѣтятъ ярче, чѣмъ въ нашихъ болѣе сѣверныхъ климатахъ. Эта особенность вызывается безъ сомнѣнія не превосходнымъ числомъ падающихъ звѣздъ, а болѣею чистотою и ясностію воздуха около тропиковъ. Александръ Бёрнсъ такъ описываетъ прозрачность сухой атмосферы Бухарин, лежащей не южнѣе Мадрида, но поднимающейся на 1,200 фут. надъ морскимъ уровнемъ. «Звѣзды свѣтятъ необыкновенно ярко, и млечный путь ясно обрисовывается на небесномъ сводѣ. Самые блестящіе метеоры, подобно ракетами, безпрестанно пересѣкаютъ небо; въ часъ ихъ можно видѣть отъ 10 до 12 всевозможныхъ дѣлѣтъ, яркокраснаго, синяго, блѣдножелтаго, бѣлаго.» Въ нашемъ климатѣ до $\frac{2}{3}$ падающихъ звѣздъ бываютъ бѣлыя; чаще всего послѣ нихъ попадаются желтыя; одна желтая звѣзда приходится на 5 бѣлыхъ; желтыхъ звѣздъ почти вдвое болѣе, чѣмъ оранжевыхъ, а оранжевыхъ слишкомъ вдвое, чѣмъ зеленыхъ или синихъ.

Метеоры или огненные шары — явленіе болѣе рѣдкое, чѣмъ падающія звѣзды. Они необыкновенно ярки; блескъ ихъ часто превосходитъ свѣтъ полной луны. Нѣкоторые изъ нихъ до того ярки, что бросаютъ тѣнь при дневномъ свѣтѣ. За ними обыкновенно тянется яркій блестящій хвостъ, образуемый, по видимому, самою сущностію огненнаго шара. Движенія ихъ неправильны, порывисты, если можно такъ выразиться; они часто слѣдуютъ извилистымъ путемъ; внѣшній видъ ихъ видимо мѣняется, и они исчезаютъ съ громкимъ взрывомъ. Но иногда метеоръ распадается безъ всякаго взрыва на множество шаровъ, которые слѣдуютъ другъ за другомъ по паралельнымъ линіямъ, и у каждаго бываетъ свой хвостъ. «Иногда, говоритъ Кемтцъ, огненный шаръ распадается на части; каждая изъ нихъ образуетъ, въ свою очередь, шаръ, и этотъ шаръ также разрывается; иногда же масса, выпустивъ внутренніе газы, снова замыкается и затѣмъ снова взрывается. Метеоры, движущіеся порывисто, обыкновенно лопаются при каждомъ движеніи, испуская дымъ и пары, и затѣмъ являются въ новомъ блескѣ. Иногда сотрясеніе отъ взрыва такъ велико, что дома ходятъ ходуномъ, окна и двери растворяются, какъ будто при землетресеніи.»

Аэролиты или метеорическіе камни — тѣла, падающія съ неба на землю. Они представляютъ явленіе болѣе рѣдкое, чѣмъ метеоры, но не совсѣмъ рѣдкое, что доказывается уже тѣмъ, что въ одномъ Британскомъ музеумѣ хранится до нѣсколькихъ сотъ подобныхъ тѣлъ. Они весьма различны, какъ по объему, такъ и по виду; одни не болѣе кулака, другіе вѣсятъ по нѣскольکو сотъ фунтовъ. Маршалъ Базенъ привезъ съ собою изъ Мексики аэролитъ, вѣсящій болѣе $\frac{3}{4}$ тонны; но бываютъ камни и еще тяжелѣе. Въ 1865 году, въ Британскій музей былъ доставленъ аэролитъ, вѣсящій не менѣе $3\frac{1}{2}$ тоннъ. Онъ былъ найденъ близъ Мельбурна и голова его обидана мельбурному музею. По счастью, удалось спасти его отъ такого поврежденія. Аэ-

ролить, вѣсомъ въ $1\frac{1}{4}$ тонны, найденный возлѣ большаго, былъ перевезенъ ихъ Британскаго въ мельбурнскій музей, а громадный аэролитъ былъ въ цѣлости и сохранности доставленъ въ національный Британскій музей. Еще большій аэролитъ найденъ на тукуманской равнинѣ, въ Южной Америкѣ; онъ еще не взвѣшенъ, но размѣры его показываютъ, что онъ долженъ имѣть не менѣе 14 или 15 тоннъ вѣсомъ. Онъ имѣетъ въ длину отъ 7 до $7\frac{1}{2}$ футовъ. На Британскихъ островахъ съ 1620 г. было 20, научно засвидѣтельствованныхъ случаевъ каменнаго дождя. Одинъ разъ каменный дождь выпалъ въ самыхъ окрестностяхъ Лондона, 18 мая 1650 г. Кромѣ того, два метеорическіе камня, невѣстно когда упавшіе, найдены въ Шотландіи. Китайцы, все записывающіе, сообщаютъ о самыхъ древнихъ случаяхъ паденія каменнаго дождя *). Сообщаемыя ими свѣдѣнія объ этихъ явленіяхъ восходятъ до 644 г. до нашей эры; свѣдѣнія о падающихъ звѣздахъ до 687 г. до Р. Х. Намъ нечего напоминать нашимъ читателямъ классикамъ о камнѣ, упавшемъ при Эгосъ-Потамосѣ, въ 465 г. до Р. Х., и равнявшемся, по величинѣ своей, двумъ жерновамъ. Въ 921 г. въ Нарни упало тѣло, выставившееся на четыре фута надъ рѣкою, въ которую погрузилось. Есть монгольское преданіе о томъ, что на равнину близъ источника Желтой Рѣки, въ Западномъ Китаѣ, упала съ неба черная свалистая масса въ 40 ф. вышины. Въ 1620 г. въ Ялиндерѣ упала масса метеорическаго желѣза, изъ котораго императоръ Эгангиръ сковалъ себѣ мечъ. Преданія эти давно уже были извѣстны, но все какъ то не вѣрилось, что бы дѣйствительно камни и минеральныя массы падали съ неба на землю. Но въ 1803 г. произошло паденіе аэролитовъ, недопуславшее ни малѣйшаго сомнѣнія. 26 апрѣля этого года надъ городомъ Дель, въ Нормандіи, разорвало на части огненный шаръ. Шаръ этотъ разметалъ тысячи камней по эллиптической плоскости, имѣвшей въ длину 8 миль, и около 4 миль въ ширину. Камни были горячіе (но не раскаленные) и дымились; самый тяжелый изъ нихъ вѣсилъ около $17\frac{1}{2}$ фунтовъ. Небо было совершенно ясно, за нѣсколько минутъ до взрыва. Движимое похвальнымъ желаніемъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ случаемъ для наблюденій, французское правительство отправило доктора Біо на мѣсто происшествія. Его систематическія изслѣдованія и донесеніе вполне разсѣяли скептицизмъ, существовавшій до тѣхъ поръ относительно каменнаго дождя. Другое замѣчательное паденіе аэролитовъ произошло 1 октября

*) Каменный дождь, выпавшій по словамъ Ливія на Албанскомъ, холмѣ едва ли можно признать за историческій фактъ. Но существуютъ несомнѣнныя свѣдѣтельства болѣе древнихъ случаевъ паденія каменнаго дождя; ископаемые аэролиты находятся въ слояхъ вторичной и третичной формаций.

1857 г. въ департаментѣ Іонны. Баронъ Сегюйръ находился съ нѣсколькими рабочими въ паркѣ замка Готфеля, въ окрестностяхъ Шарни; вдругъ они услышали нѣсколько ударовъ, непоходившихъ на удары грома, и почувствовали сильное колебаніе атмосферы. Нѣсколько оконъ въ замкѣ было выбито. Въ то же время владѣлецъ Шато-Ренара замѣтилъ огненный шаръ, «быстро подвигавшійся по воздуху къ Вернисону.» Вскорѣ баронъ Сегюйръ узналъ, что дождь аэролитовъ выпалъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Готфеля, въ мѣстности, лежащей именно въ той сторонѣ, куда, по словамъ владѣльца Шато Ренара, направлялся метеоръ. Одинъ камень видѣлъ этотъ дождь, и едва не былъ убитъ однимъ изъ осколковъ. Этотъ осколокъ, найденный глубоко въ землѣ, у самой лѣстницы камня, былъ представленъ барономъ Сегюйромъ въ академію наукъ.

Аэролиты иногда падаютъ изъ чистаго неба. Но часто замѣчается темное облако, изъ срединны котораго и падаетъ каменный дождь. Можетъ быть то, что ночью кажется блестящею полосою, является днемъ подъ видомъ темнаго облака. Повидимому, многое зависитъ и отъ положенія наблюдателя. Метеоръ, разрывившійся надъ Леглемъ, казался изъ Алансона совершенно свободнымъ отъ облаковъ и дыма, между тѣмъ какъ наблюдателямъ въ Леглѣ феноменъ явился въ видѣ темнаго облака, внезапно образовавшагося на чистомъ небѣ. Въ Клейвинденѣ (недалеко отъ Мюльгаузена), 16 сентября 1843 г., упалъ огромный аэролитъ съ шумомъ, въ родѣ грома, изъ чистаго неба, безъ малѣйшаго облака. Мы имѣемъ весьма несходныя мнѣнія о продолжительности времени, въ которое видны огненные шары, опускающіеся въ видѣ аэролитовъ, но ни что не подтверждаетъ разсказа Далмакса о томъ, что огненное облако, изъ котораго выпалъ камень Эгосъ-Потамоса, было видно 70 дней сразу. Судя по этому разсказу, можно принять автора его за нѣкоего Далмакса Платейскаго, описаннаго Страбономъ подъ названіемъ «продавца лжи.» Существуетъ еще одна странная легенда объ огненныхъ шарахъ. Говорятъ, что падающія звѣзды и метеоры, въ сущности, волокнистыя студенистыя тѣла; что подобныя тѣла находились на томъ мѣстѣ, куда падали метеоры. Древніе и новыя писатели часто ссылаются на эту басню. Такъ Драйденъ, въ своемъ посвященіи къ «Испанскому монаху», говоритъ, по поводу «Бюсси д'Амбуа» Чепманна: «Во время чтенія, я часто недоумѣвалъ, что случилось съ тѣми яркими красками, которыя такъ восхищали меня въ Бюсси д'Амбуа на театрѣ; но, поднявъ мнимую падающую звѣзду, я увидѣлъ, что она не болѣе какъ кусокъ студени: простая холодная, мрачная масса, переставшая блестять, какъ только перестала двигаться.» Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельстве, открытомъ случайнымъ наблюденіемъ. Было замѣчено, что иногда звѣзды падаютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ обыкновенныя ночи. Мы находимъ самое древнее наблюденіе этого явленія у Теофана, ви-

зантійскаго историка, рассказывающаго, что, въ ноябрѣ 472 г., въ Константинополь, небо казалось усѣяннымъ падающими метеорами. Въ сентябрѣ 902 года, снова замѣчено было столько падающихъ звѣздъ, что этотъ годъ былъ названъ въ послѣдствіи «звѣзднымъ годомъ.» Конде рассказываетъ, что арабы находили соотношеніе между этимъ паденіемъ звѣздъ и смертію Ибрахима Бенъ-Ахмета, случившеюся въ самую ночь звѣзднаго дождя. 1029 годъ также замѣчателемъ по огромному числу падающихъ звѣздъ, а въ лѣтописяхъ Каира значится: «въ 599 г. «въ послѣднюю могоаруну (19 октября 1202 г.) звѣзды плавали какъ волны по небу къ западу и востоку; онѣ летали по небу точно стрекоты, и перебѣгали справа направо.» Дождь звѣздъ, сопровождаемый паденіемъ нѣсколькихъ аэролитовъ, разразился надъ Англіею и Франціею 4 апрѣля 1095 г. Это было принято знаменіемъ гнѣва Божія на короля Вильгельма II. «Тогда многіе изъ приближенныхъ стали говорить королю, что Богъ недоволенъ его образомъ жизни; но онъ былъ такъ своеволенъ и гордъ душою, что не обращалъ вниманія на эти слова.» Въ новѣйшее время, также были наблюдаемы замѣчательные звѣздные дожди. Изъ нихъ наибольшаго вниманія заслуживаетъ дождь, видѣнный Гумбольдтомъ, во время его путешествія съ Бонциландомъ по Южной Америкѣ. Онъ пишетъ: «Утромъ 13 ноябра, мы увидѣли необыкновенное множество падающихъ звѣздъ. Тысячи огненныхъ шаровъ и звѣздъ появлялись въ продолженіе четырехъ часовъ. Движеніе ихъ было совершенно правильное, съ сѣвера на югъ. Во все время, пока продолжалось это явленіе, не было пространства равнаго тремъ диаметрамъ мѣсяца, не наполнявшагося ежеминутно падающими звѣздами. Всѣ метеоры оставляли за собою фосфорическій слѣдъ.» Въ 1833 году также было замѣчено множество метеоровъ. Явленіе ихъ сопровождалось сѣвернымъ сіяніемъ. То же явленіе повторилось въ Бременѣ въ 1838 г., во время паденія метеоровъ и звѣздъ.

Прежде чѣмъ перейти къ замѣчательнымъ результатамъ новѣйшихъ наблюдений надъ этимъ интереснымъ явленіемъ, остановимся на догадкахъ и теоріяхъ, которыми съ давнихъ поръ старались объяснить этотъ феноменъ. Греки, по своему обыкновенію, дѣлали смѣлыя, иногда вѣрныя догадки. Среди древнѣйшихъ ихъ теорій, мы находимъ мнѣніе, что падающія звѣзды происходятъ отъ шаровъ, поднимающихся съ земли, — гипотеза, поддерживаемая въ самое недавнее время Эгеномъ, Финстромъ и Иделеромъ. Аристотель предпологалъ, что аэролиты — массы камней, поднятая бурей съ земной поверхности. Онъ объясняетъ такимъ образомъ даже появленіе гигантской массы, упавшей на Эгосъ-Потамосъ. Другіе, напротивъ, вида, что метеориты падаютъ при солнечномъ свѣтѣ, заключая, что они падаютъ къ намъ съ солнца. Въ числѣ прочихъ, этого мнѣнія держался и Анаксагоръ Клазоменскій. Этотъ философъ, по-

ворить, предсказывать падение аэролитовъ съ солнца, преданіе, записанное и осмѣянное Плиніемъ. Но нѣкоторые изъ мѣстных грековъ, хотя высказанныя довольно неясно, могутъ считаться, по крайней мѣрѣ, очень удачными догадками. Мы можемъ, напримѣръ, привести слѣдующій замѣчательный отрывокъ изъ Плутарховой жизни Лизандра: «Мнѣніе нѣкоторыхъ, что падающія звѣзды не просто истеченія эфирнаго огня, гаснущія тотчасъ по зажженіи, заслуживаетъ вѣроятія; равнымъ образомъ падающія звѣзды не происходятъ отъ воспламенѣнія или сторапія массы воздуха, поднявшейся въ высшія области; скорѣе можно сказать, что это «небесныя тѣла, оторванныя въ слѣдствіе центробѣжной силы и падающія не только на обитаемыя мѣста, но по большей части въ море, гдѣ никто ихъ не видитъ.» Мы находимъ въ этомъ отрывкѣ намекъ на мнѣніе Анаксагора, что эти небесныя тѣла суть скалы, оторванныя отъ земли центробѣжною силою окружающаго эфира и загорѣвшіяся въ небѣ. Діогенъ Аполлонскій почти раздѣлялъ это мнѣніе; онъ говоритъ: «Вмѣстѣ съ видимыми звѣздами, движутся другія, невидимыя, неизмѣющія потому и названія. Онѣ иногда падаютъ на землю, и потухаютъ, какъ случилось съ каменною звѣздою, упавшею на Эгосъ-Потамосъ.» Въ средніе вѣка явленіе падающихъ звѣздъ объяснялось весьма авторитетно, но далеко неудовлетворительно. Нѣсколько громкихъ заученныхъ фразъ разъясняли всѣ трудности. Говорили о парахъ и испареніяхъ, поднимающихся въ слѣдствіе притяженія въ высшіе слои воздуха, о сгущеніи, о сжиманіи, о крайнемъ отталгиваніи и т. под.; и говорили все это не съ сомнѣніемъ, не въ видѣ гипотезы, а съ важностію людей, вполне увѣренныхъ въ своемъ знаніи. Тогдашніе писатели были вполне увѣрены въ одномъ, что метеоровъ никакъ нельзя причислять къ астрономическимъ явленіямъ. Они заранее опредѣлили какія тѣла слѣдуетъ считать небесными. Ихъ знаніе законовъ, управляющихъ этими тѣлами, казалось имъ вполне точнымъ; они не могли допустить и мысли о томъ, что какія то блуждающія недолговѣчныя тѣла, движущіяся по небу быстро и безъ всякаго достоинства, могутъ сдѣлаться членами величественнаго семейства планетъ. Даже остроумный Кеплеръ, открывшій новую систему, помогавшій разрушить старую, и положившій основаніе новой астрономіи, даже онъ уступилъ въ этомъ случаѣ укоренившемуся мнѣнію, увлекся идеею, что предметы таковы, какими хотѣть ихъ видѣть люди, а не каковы они на самомъ дѣлѣ. Съ его стороны это ничуть неудивительно. Онъ открылъ «гармонію планетъ» и восхищался ею; онъ написалъ въ своемъ энтузіазмѣ: «ничто не удивляетъ меня; я предаюсь моему священному ярости; я восторгуюсь надъ челоуѣчествомъ, ибо я покинулъ золотыя сосуды египтянъ.» Ему, конечно, показалось бы страннымъ узнать, что онъ слышалъ только немногія, отрывочныя ноты музыки сферъ; что онъ «не постигъ еще всего сущаго, не

подслушала бѣнія міроваго пульса, эонійскую музыку, измѣняющую шагъ времени.»

Обратимся къ изслѣдованіямъ современныхъ людей науки, которые держатся, или должны были бы держаться, принципа, что теорія должно предшествовать систематическое наблюдѣніе, тщательныя вычисленія и анализъ, по возможности опытный! Они успѣшно принимаются за рѣшеніе задачъ, которыя кажутся непосвященнымъ неразрѣшимыми; они опредѣлили высоту, на которой являются и исчезаютъ падающія звѣзды, быстроту ихъ движенія, величину ихъ и вѣсъ, самую матерію, изъ которой онѣ состоятъ; они открыли законы, управляющіе числомъ и путями этихъ небесныхъ явленій; они подвергли химическому и микроскопическому анализу аэролиты; наконецъ, попытались даже воспроизвести искусственные аэролиты. Наблюденіями надъ высотой падающихъ звѣздъ занимались Врандисъ, Гейсъ, Шмидтъ, Ольберсъ и другіе. На основаніи ихъ наблюденій, профессоръ Ньютонъ и Александръ Гершель вычислили, что падающія звѣзды являются среднимъ числомъ на высотѣ 72 миль, а исчезаютъ на высотѣ 52 миль. Патеръ Секки, въ Римѣ, произвелъ, въ ночи съ 5—10 августа, рядъ одновременныхъ наблюденій путемъ телеграфа между Римомъ и Чивикка-Веттіею. По изслѣдованіямъ его оказалось, что падающія звѣзды являются на высотѣ $74\frac{1}{2}$ миль, и исчезаютъ на высотѣ 50 миль, результатъ почти тождественный съ первымъ. Итакъ, въ минуту своего исчезновенія, падающія звѣзды, миль на 20 ближе къ намъ, чѣмъ въ минуту перваго появленія. Опредѣлить степень отдаленности падающей звѣзды, не трудно опредѣлить быстроту ея движеній. Рядъ тщательныхъ наблюденій показалъ, что падающія звѣзды описываютъ дугу въ нѣсколько сотъ миль длины, съ среднею скоростью 84 миль въ секунду. Эта скорость почти вдвое превышаетъ скорость, съ которою земля совершаетъ свое обращеніе вокругъ солнца. Двигаясь съ такою скоростью, можно прибыть съ земли на луну въ два часа, и изъ Лондона въ Единбургъ въ 10 секундъ. Метеоры приближаются на болѣе близкое разстояніе къ землѣ, чѣмъ падающія звѣзды. Они движутся не съ такою быстротою. Два опытные наблюдатели, Ваксендель и Вудъ, наблюдали, одинъ въ Ливерпулѣ другой въ Вестонѣ на Марѣ (Weston near Margе), замѣчательный метеоръ, явившійся 29 апрѣля.

По тщательному изслѣдованію ихъ наблюденій, оказывается, что метеоръ появился на высотѣ 52 миль, вертикально надъ Личфильдоли, двигался по направленію къ югу, со скоростью 20 миль въ секунду и исчезъ надъ Оксфордомъ, на высотѣ 37 миль, пролетѣвъ до 75 миль. Этотъ метеоръ принадлежалъ по видимому къ разряду взрывающихся. Черезъ восемь минутъ послѣ его появленія, г. Вудъ услышалъ шумъ, похожій на грохотъ поѣзда желѣзной дороги, проезжающаго черезъ мостъ. Замѣчательно, что г. Вудъ слышалъ, судя по всему, взрывъ метеора

наоборотъ, т. е. первая часть слышаннаго имъ звука была послѣднею частію этого звука и наоборотъ. Въ Стони-Стратфордѣ, мѣстечкѣ, лежащемъ подъ самымъ путемъ метеора, также слышенъ былъ взрывъ. Опредѣлить среднюю величину метеоровъ нелегко, и нельзя придавать большаго значенія этимъ опредѣленіямъ. Судя по наблюденіямъ надъ различными метеорами, появлявшимися на опредѣленныхъ разстояніяхъ, тѣла эти имѣютъ въ діаметрѣ отъ 100 до 13,000 футовъ.

Какъ ни странно это можетъ показаться, но легче опредѣлить вѣсъ метеора или падающей звѣзды, чѣмъ ихъ величину. Способъ подобнаго опредѣленія не можетъ быть вполне объясненъ на этихъ страницахъ, скажемъ только, что вѣсъ обуславливается количествомъ свѣта, испускаемаго тѣломъ, двигающимся съ данною скоростію въ упругой атмосферѣ. На основаніи этихъ наблюденій, оказывается, что падающія звѣзды вѣсятъ, среднимъ числомъ, не болѣе нѣсколькихъ унцій, тогда какъ есть метеоры вѣсомъ въ нѣсколько сотъ фунтовъ. Какъ мы видѣли, аэролиты, еще болѣе тяжеловѣсныя, падаютъ иногда на землю. Еще страннѣе тотъ фактъ, что мы можемъ опредѣлить вещество, или по крайней мѣрѣ часть вещества, входящаго въ составъ метеоровъ и падающихъ звѣздъ. Наблюденія этого рода соверщаются путемъ спектроскопа, устроеннаго такъ, что въ немъ отражается большая часть неба.

Когда этотъ инструментъ обращенъ на Большую Медвѣдницу, то спектръ всѣхъ семи главныхъ звѣздъ этого созвѣздія виденъ сразу. Г. Гершель наблюдалъ, помощію этого инструмента, спектръ многихъ падающихъ звѣздъ, явившихся ночью 9-го и 11-го августа. Онъ нашелъ, что нѣкоторыя изъ этихъ тѣлъ имѣютъ равный спектръ, доказательство, что они твердыя тѣла, нагрѣтыя до состоянія каленія. Другія представляли сѣровато бѣлый спектръ, — что доказывало (по всей вѣроятности) существованіе ядра и хвоста горящихъ искръ. Но большая часть метеоровъ представляла спектръ, состоящій изъ одной или нѣсколькихъ полосъ, слѣдовательно при своемъ появленіи большая часть этихъ тѣлъ были газообразны. Газообразные метеоры представляли замѣчательно отчетливо толстую желтую полосу, вродѣ сходную, по положенію, съ извѣстною полосой, производимую раскаленнымъ паромъ металла содія. Другія полосы, происходящія отъ присутствія кали, сѣры или фосфора также бывають часто видны. Замѣчательно, что полоса содія является и въ спектрѣ молніи, и потому нельзя съ *полною* достовѣрностію утверждать, что эта полоса въ спектрѣ метеора порождается присутствіемъ содія въ химическомъ составѣ метеоровъ. Едва ли можно допустить, что бы частицы содія существовали въ атмосферѣ на той высотѣ, на которой двигаются метеоры; еще невѣроятнѣе, что бы тамъ существовало такое огромное количество содія, которое нужно для образованія рѣзко обозначенной желтой полосы въ спектрѣ метеоровъ.

*

Г. Гершель утверждаетъ, что эти хвосты, исчезающіе постепенно въ послѣднія минуты, когда мы ихъ видимъ, состоятъ *только изъ пламени соды*. «Они находятся совершенно въ одинаковыхъ условіяхъ съ пламенемъ спиртной лампы, только что зажженной и наполненной влажною содою.» Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ, открытыхъ наблюдениемъ относительно падающихъ звѣздъ, это болѣе или менѣе сильное повтореніе звѣздныхъ дождей въ извѣстные дни года. Давно уже замѣчено, что въ ночи 9-го и 11-го августа звѣздъ падаетъ гораздо больше, чѣмъ въ другія ночи.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Эссалии, напримѣръ, существуетъ легенда о томъ, что около праздника св. Лаврентія небеса раскрываются и въ нихъ являющіе блестящіе огни (*карбулла*), а въ древнеанглійскомъ церковномъ календарѣ августовскій звѣздный дождь описывается подъ именемъ «огненныхъ слезъ.» 10-е августа означено словомъ *meteorades*, въ рукописи подъ заглавіемъ «*Ephemerides rerum naturalium*», хранящейся въ коллегіи Христа, въ Кембриджѣ. Наблюденія надъ сильнымъ паденіемъ звѣздъ въ ноябрѣ начались гораздо позже. Этотъ звѣздный дождь замѣчательнъ тѣмъ, что постоянно то усиливается, то ослабѣваетъ; промежутки между сильнѣйшими явленіями его составляютъ 33 или 34 года. За нѣсколько лѣтъ до и послѣ этого сильнѣйшаго паденія, дождь вообще ясно видѣнъ. Нашимъ читателямъ нечего напоминать, что этотъ дождь дѣйствительно былъ въ ноябрѣ 1866 года, по предсказанію астрономовъ. Эти предсказанія говорили, что именно въ 1866 году ноябрскій дождь явится во всемъ своемъ великолѣпіи. Ноябрь 1867 года былъ также годомъ сильнаго дождя, а въ 1868 и 1869 году также видѣнъ будетъ великолѣпный дождь. Но будутъ ли эти дожди, если они случатся, также хорошо видимы въ Россіи, какъ дожди 13-го ноября 1866 года — это еще вопросъ: часто случалось, что на извѣстной долготѣ видѣнъ великолѣпнѣйшій дождь, а на другихъ очень небольшой. Кромѣ августовскихъ и ноябрскихъ дождей бываютъ еще дожди въ октябрѣ 16 — 23, въ декабрѣ 6 — 13, въ апрѣлѣ 9 — 10, въ іюлѣ 25 — 30 и другіе. Въ дѣйствительности болѣе 56 звѣздныхъ дождей изслѣдованы, и по большей части опредѣлены точно также, какъ ранѣе были опредѣлены болѣе извѣстные августовскіе и ноябрскіе дожди.» Мы можемъ съ достовѣрностію сказать, что аэролиты имѣютъ свое избранное время для посѣщенія земли, что изъ 20, упавшихъ на Великобританію, 3 выпало отъ 17—18 мая, 4 отъ 4—9 августа, 2 отъ 3—4 іюля и два отъ 1—5 апрѣля. Время паденія остальныхъ девяти неизвѣстно. Другой замѣчательный законъ былъ открытъ въ движеніи падающихъ звѣздъ, являющихся въ одно и то же время года. Найдено, что, при медленномъ движеніи, онѣ проходятъ чрезъ одну точку въ небесной сферѣ или около ея, и что эта точка имѣетъ опредѣленное положеніе среди звѣздъ, и не на-

ходится въ опредѣленномъ отношеніи къ горизонту наблюдателя *). Иногда падающія звѣзды, являющіяся въ одну и ту же ночь, бывають раздѣлены на двѣ группы, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою опредѣленную *блестящую точку*, какъ астрономы называютъ эти центры расхожденія. Каждый изъ упомянутыхъ нами 56 звѣздныхъ дождей имѣетъ свою блестящую точку. Гумбольдтъ утверждаетъ, что блестящія точки ноябрьскихъ и августовскихъ дождей именно тѣ точки, по направленію къ которымъ движется земля въ это время года. Многие изъ астрономовъ раздѣляли прежде это мнѣніе. Но оно не вѣрно. Въ дѣйствительности, блестящія точки находятся не на эклиптикѣ; точки же, по направленію къ которымъ земля постоянно движется, должны необходимо лежать на эклиптикѣ.

Аэролиты были подвергнуты анализу, и оказалось, что они заключаютъ въ себѣ много элементовъ, извѣстныхъ на землѣ. Таковы: магнитное желѣзо, сѣрнистое желѣзо; окись олова, кремнеземъ и пр. Въ одномъ аэролитѣ, въ камнѣ, упавшемъ 15-го апрѣля 1857 г. близъ Каба-Дабречина, найдено небольшое количество *органическаго вещества*, сроднаго съ парафиномъ, явленіе весьма замѣчательное. Замѣчательно также, что въ аэролитахъ еще ни разу не было найдено какого либо новаго элемента и только одно или два новыя соединенія (по крайней мѣрѣ такихъ которыя еще не встрѣчаются въ земныхъ формаціяхъ). Микроскопическое изслѣдованіе аэролитовъ открыло также много интересныхъ и поучительныхъ фактовъ. Кристаллы минераловъ, представляющіеся въ аэролитахъ, рѣзко отличаются отъ кристалловъ вулкановъ, но они отвердѣли по всей вѣроятности въ гористыхъ массахъ. Соединеніе желѣза и никеля, преобладающее въ аэролитахъ, представляетъ иногда такой же правильный кристаллъ, какъ кусокъ шпата. Г. Добре пытался произвести искусственные аэролиты, путемъ соединенія различныхъ элементовъ. Опыты эти навели его на совершенно новое открытіе. Полученные имъ кристаллы походили на длинныя иглы, образующіяся на водѣ, когда она *медленно замерзаетъ*, между тѣмъ какъ черная кристаллическая кора, покрывающая аэролиты, образуетъ грань въ родѣ инея или изморози, образующихся при *внезапномъ* переходѣ воды изъ состоянія паровъ въ твердое состояніе. Явленіе это доказываетъ, что метеорическія массы подчинены дѣйствіямъ, отличнымъ отъ тѣхъ, которыя можетъ произвести химикъ.

Рядъ приведенныхъ нами наблюденій даетъ намъ возможность составить приблизительно вѣрную гипотезу о образованіи падающихъ звѣздъ, и положительно уничтожаетъ гипотезы, которыя въ разное время принимались наукою. Высота, на

*) Уже греки наблюдали нѣчто подобное, приписываемое имъ происхожденію сильныхъ вѣтровъ въ верхнихъ слояхъ воздуха.

которой являются падающія звѣзды, опровергаетъ гипотезу о возникновеніи ихъ въ атмосферѣ, потому что, судя по всѣмъ даннымъ, воздухъ на высотѣ 70 миль отъ земли такъ рѣдокъ, что не въ состояніи поддерживать достаточнаго количества паровъ, изъ которыхъ, на основаніи этой гипотезы, возникаютъ падающія звѣзды. Двѣ другія гипотезы, о которыхъ мы еще не упоминали до сихъ поръ, также разлетаются въдребезги передъ выводами современныхъ наблюдателей. Обѣ онѣ могутъ быть названы *вулканическими*; одна утверждаетъ, что падающія звѣзды—тѣла, извергнутыя земными вулканами, другая, что онѣ извергаются вулканами луны. По сдѣланнымъ наблюденіямъ, видно, что, во время изверженія Этны, камни, вылетающіе изъ ея кратера, летятъ со скоростію около 1,600 ф. въ секунду, что составляетъ едва $\frac{1}{112}$ скорости, съ которою движутся падающія звѣзды. Гипотеза о томъ, что падающія звѣзды являются съ луны, встрѣчается впервые, въ XVII столѣтіи, въ сочиненіяхъ италіянца Терцаго. Но, повидимому, она была извѣстна древнимъ, потому что, по дошедшимъ до насъ свѣдѣніямъ, сирійскіе астрономы имѣли обыкновеніе наблюдать за падающими звѣздами во время полнолунія, а греческіе астрономы считали наиболѣе благоприятнымъ временемъ для подобныхъ наблюденій лунное затмѣніе, т. е. когда луна полная, а небо темно. Странно, что такая фантастическая гипотеза обратила на себя вниманіе серьезныхъ ученыхъ, въ родѣ Лапласа, Ольберса и Пуассона, которые, подвергли ее математическому изслѣдованію. Изъ ихъ вычисленій, оказалось, что скорость, съ которою каменный дождь долженъ падать съ луны, что бы достигъ земли съ быстротою, замѣченною въ падающихъ звѣздахъ, совершенно превосходить силы лунныхъ вулкановъ, даже если допустить (предположеніе далеко недоказанное), что въ настоящее время на поверхности луны существуютъ дѣйствующіе вулканы. Простое наблюденіе надъ высотой и быстротою падающихъ звѣздъ разбило всѣ эти три теоріи.

Если мы, кромѣ того, вспомнимъ, что звѣздные дожди не имѣютъ отношенія ни къ переменамъ въ земной атмосферѣ, ни къ дѣйствию земныхъ вулкановъ, ни къ вліянію мнимыхъ лунныхъ вулкановъ, тогда то эти теоріи покажутся намъ еще менѣе состоятельными для объясненія наблюдаемаго явленія. Наконецъ, явленіе блестящихъ точекъ до такой степени необъяснимо ни одною изъ этихъ теорій, что мы окончательно должны отказаться отъ нихъ, какъ отъ совершенно несостоятельныхъ. Слѣдовательно, мы должны обратиться къ теоріи, уже высказанной греческими философами, что падающія звѣзды и метеоры суть внѣшнія тѣла, стремищіяся къ землѣ, въ слѣдствіе ея притягательной силы. Новѣйшія научныя открытія позволяютъ намъ придать этой теоріи болѣе привлекательную форму, и представлять аналогіи, ясно подтверждающія эту гипотезу. Открытіе пояса планетонидъ, изслѣдованія о сущности зодіакальнаго свѣ-

та и математическія наблюденія надъ «прочностію» системы колець Сатурна заставили астрономовъ признать существованіе въ солнечной системѣ небольшихъ тѣлъ, двигающихся поясами или группами вокругъ центральной орбиты. Послѣ этого не трудно предположить, что нѣкоторые поясы или группы этихъ тѣлъ двигаются вокругъ солнца по орбитамъ, пресѣкающимъ земной путь. Когда, во время обращенія земли вокругъ солнца, ей встрѣчаются подобныя тѣла, образующія пояса или группы, то они загараются отъ тренія, проходя въ высшихъ слояхъ воздуха, становятся видимыми, и называются тогда падающими звѣздами, или метеорами, смотря по своей величинѣ; или они падаютъ на поверхность земли и называются аэролитами. Явленіе звѣздныхъ дождей есть непремѣнное слѣдствіе разсматриваемой нами гипотезы. Если мы предположимъ, что поясы метеоровъ или орбиты группъ метеоровъ имѣютъ опредѣленное положеніе въ солнечной системѣ, или подвержены тѣмъ легкимъ поступательнымъ и отступательнымъ колебаніямъ, которыя мы замѣчаемъ при изученіи солнечной системы, то необходимымъ слѣдствіемъ этого явится периодическое явленіе дождей въ опредѣленные дни или, около опредѣленныхъ временъ года. Именно это и было замѣчено въ 56 изслѣдованныхъ звѣздныхъ дождяхъ. Земля не проходитъ непремѣнно каждый годъ сквозь группу метеоровъ и по всей вѣроятности не всѣ поясы метеоровъ одинаково богаты ими. Это объясняютъ намъ періодическія колебанія въ обиліи звѣздныхъ дождей и даже періодическіе перерывы въ нихъ. Явленіе блестящихъ точекъ равнымъ образомъ не только примиряется съ этою гипотезою, но и служитъ подтвержденіемъ ей, потому что въ короткое время перехода земли сквозь поясъ или группу можно считать, что тѣла, составляющія этотъ поясъ или эту группу, двигаются (относительно земнаго движенія) по параллельнымъ линіямъ. Въ слѣдствіе этого, по общезвѣстному закону перспективы, ихъ видимые пути съ точки зрѣнія земли должны имѣть «точку исчезанія» на небесной сферѣ, т. е. «блестящую точку» среди неподвижныхъ звѣздъ. Замѣчательная скорость движенія падающихъ звѣздъ вполне объясняется новѣйшею теоріею. Если мы предположимъ, что поясы и группы космическихъ тѣлъ (карманныхъ планетъ, какъ называетъ ихъ Гумбольдтъ) двигаются въ различныхъ направленіяхъ вокругъ солнца, то ясно, что члены этихъ поясовъ, двигающіеся въ одинаковомъ направленіи съ землею, догоняютъ землю, или она догоняетъ ихъ, со скоростію разности ихъ и ея движенія; тѣла же, движущіяся въ противоположномъ направленіи, встрѣчаются съ землею со скоростію, равняющеюся суммѣ ихъ и земной скорости, точно также, какъ, идя по многолюдной улицѣ, мы больше людей *встрѣчаемъ*, чѣмъ обгоняемъ; точно также гораздо большее число видимыхъ нами падающихъ звѣздъ должны принадлежать ко второму изъ упомянутыхъ нами разрядовъ, и замѣ-

чаемая нами скорость должна приблизительно равняться суммѣ скорости движенія земли и движенія системы падающихъ звѣздъ. Вообще, можно принять новѣйшую теорію за окончательную признанную: во первыхъ, потому, что всѣ другія существовавшія гипотезы оказались несостоятельными; во вторыхъ, всѣ замѣчательнѣйшія явленія падающихъ звѣздъ вполне согласуются или даже подтверждаютъ новѣйшую гипотезу. Остается только объяснить нѣкоторыя второстепенныя обстоятельства. Замѣчено, что падающія звѣзды чаще являются отъ іюля мѣсяца до декабря, чѣмъ отъ января до іюля. Вспомнивъ, что это замѣчаніе основано на наблюденіяхъ, дѣланныхъ въ нашемъ сѣверномъ полушаріи, мы легко примиримъ его съ новѣйшею теоріею, такъ какъ въ первый изъ этихъ періодовъ сѣверный полюсъ на переднемъ полушаріи земли (относительно ея орбитальнаго движенія), а во второй на заднемъ или заслоненномъ полушаріи. Потомъ было замѣчено, что падающія звѣзды чаще видны послѣ полуночи, а аэролиты обыкновенно падаютъ передъ полуднемъ. Иначе сказать, эти постороннія тѣла достигаютъ земли или ея атмосферы чаще между полночью и полуднемъ, чѣмъ между полуднемъ и полночью. Гумбольдтъ объясняетъ это какою то пресловутою теоріею различной степени жара въ различные часы. Но ясно, что настоящее объясненіе этого явленія заключается въ положеніи, высказанномъ нами выше, такъ какъ время всѣхъ точекъ передняго полушарія заключается между полночью и полуднемъ, между тѣмъ какъ точки, время которыхъ заключается между полуднемъ и полночью, лежатъ на заслоненномъ полушаріи.

Если мы вспомнимъ, что земля есть только точка въ пространствѣ, то мы легко поймемъ, что число тѣлъ, составляющихъ метеоры, безконечно. Слѣдовательно, какъ ни велико количество этихъ тѣлъ, падающихъ на землю, нельзя предположить (можетъ быть, зная назначеніе этихъ тѣлъ, мы сказали бы «нечего бояться»), что число метеоровъ видимо уменьшится. Несмотря на часто высказываемое противоположное мнѣніе, намъ кажется очевиднымъ, что лишь небольшое количество видимыхъ нами падающихъ звѣздъ можетъ избѣгнуть земной атмосферы. Въ слѣдствіе этого, онѣ, безъ сомнѣнія, должны упасть на землю вѣроятно въ размельченномъ, разсѣянномъ видѣ. Очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ элементовъ, существующихъ въ атмосферѣ, какъ показываетъ спектръ молніи, обязаны своимъ происхожденіемъ постоянному разсѣванію и низверженію вещества падающихъ звѣздъ. Замѣчательное новѣйшее открытіе, что огромное количество ноябрьскихъ падающихъ звѣздъ двигается въ хвостѣ видимой въ телескопъ кометы (періодъ которой равняется $83\frac{1}{4}$ годамъ), что августовскія падающія звѣзды равнымъ образомъ слѣдуютъ за большою кометою 1862 г. (періодъ которой равняется 142 годамъ), и что другія извѣстныя системы падающихъ звѣздъ показываютъ такое же отношеніе къ путямъ

ЖИЛИЩЕ И ПИЩА

калмыковъ Вольше-Дербетскаго улуса.

Выдали меня родственники
Въ дальнюю сторону;
Отдали въ чужія руки,
За усуньскаго царя *)
Живеть въ бѣдной хижинѣ,
Обтянутой войлоками;
Пища его—мясо,
Питье его—молоко.

(Изъ древней чжунгарской пѣсни.)

По словамъ маньчжурскаго писателя, исторію котораго о Чжунгаріи, или западномъ Китаѣ (Си-юй-чжуань), перевелъ съ китайскаго извѣстный нашъ кинологъ о. Іакинфъ — пѣсню эту написала жена усуньскаго хана Гуньмо, за 107 лѣтъ до Р. Х. **) Предположить отсюда можно, что построение первой кибитки, или, какъ ее выразительно назвала сочинительница пѣсни, «хижины, обтянутой войлоками», теряется еще въ болѣе глубокой древности, если даже не въ доисторическихъ временахъ. Полагаемъ, не моложе и кухонное искусство нынѣшнихъ калмыковъ, пищу которыхъ, какъ и ихъ предковъ, за ХХ вѣковъ до насъ, составляетъ *мясо*, а питье *молоко*.

*) *Усунь* древнее имя калмыковъ, которыхъ народы тюрскаго племени называютъ *калмак*.

**) Описаніе Чжунгаріи. Переводъ съ китайскаго монаха Іакинфа С.-Петербургъ 1829, стр. 46.

Если въ жизни народовъ *жилище и пища* выражаетъ степень ихъ матеріальнаго и умственнаго развитія, то, съ этой стороны, изученіе быта калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса, есть дѣло немаловажное, и, позволяемъ себѣ думать, первый долгъ тѣхъ, отъ которыхъ непосредственно зависитъ ихъ гражданское устройство. Отсюда полагаемъ, что и описаніе калмыцкаго житья-бытья съ *натуры* едва ли будетъ лишнее, хотя, быть можетъ, для многихъ этотъ предметъ далеко не новый.

Жилище калмыка есть *кибитка* *) или очень легко и скоро разставляемая, разбираемая и войлокомъ плотно обтянутая палатка. Кибитка, совершенно круглая, имѣетъ въ діаметрѣ основаніе обыкновенно отъ 6 до 8 арш., иногда болѣе, но рѣдко менѣе. На двухаршинной отъ земли высотѣ (въ большихъ кибиткахъ бываетъ и поларшиномъ выше), круглая форма кибитки переходитъ въ воронкообразную, что и образуетъ покатость, необходимую для стока дождевой воды. Короче, видъ кибитки точь въ точь лейка съ отломленнымъ горлышкомъ, поставленная широкимъ отверстіемъ на какую нибудь плоскость. Въ такомъ положеніи, отверстіе лейки въ верху представляетъ намъ единственное окно кибитки, отъ 5 до 6 четвертей въ діаметрѣ, служащее въ то же время дымопроводникомъ. Вышина всей кибитки, въ центрѣ ея основанія, отъ 2 до 2 $\frac{1}{2}$ сажени.

Кибитка составляется изъ слѣдующихъ частей:

1) Складныя рѣшетки *«термѣ.»* 2) *«Унинъ»* т. е. тонкія прямыя палки. 3) Деревянный кругъ *«харача.»* 4) Двери *«юиденъ.»* 5) Войлочныя завѣсы *«ышге.»* 6) Шерстяныя тесьмы двухъ сортовъ, узкія и широкія, *«хошлунъ»*. Наконецъ, восемь небольшихъ аркановъ (шерстяныхъ веревокъ). Отсюда оказывается, что калмыку, для устройства жилища, нужны только два матеріала, *дерево и шерсть.*

Кибитка среднихъ размѣровъ вѣситъ около 18 пудовъ (тяжесть равная силѣ одного верблюда), въ томъ числѣ деревянныя части занимаютъ треть общаго вѣса. Новая кибитка, съ починкою и перемѣною подстей, можетъ просуществовать отъ 10 до 12 лѣтъ, иногда болѣе, что зависитъ отъ качества рѣшетокъ и войлоковъ. Если кибитка покрыта толстыми войлоками, то она теплѣе зимою, потому что ее не такъ продуваетъ вѣтеръ; за то такіе войлоки скорѣе прѣютъ отъ дождей, потому что медленнѣе высыхаютъ. При тонкихъ войлокахъ, условія прочно-

---

*) Въ Мало-Дербетскомъ улусѣ есть и теперь *кюбетовъ* родъ. Не былъ ли Кюбетъ родоначальникомъ, изобрѣтателемъ, или усовершенствователемъ кибитки?

сти и удобства, само собою, находятся въ обратномъ положеніи.

Для полноты разсказа коснемся подробностей и отдѣльныхъ принадлежностей кибитки.

Рѣшетки, изъ которыхъ составляется совершенно круглая стѣна кибитки, дѣлаются изъ четырехгранныхъ орѣховыхъ, въ вершокъ толщиною, палокъ; или же, для большой легкости, изъ липоваго дерева. Величина кибитокъ опредѣляется числомъ рѣшетокъ; ихъ поэтому бываетъ 5, 6, 7 рѣдко 8, и то въ послѣднемъ случаѣ въ кибиткахъ владѣльческихъ, богатныхъ зайсанговъ и хурульных *). Раздвинутая рѣшетка имѣетъ квадратныя отверстія, такъ какъ палки накладываются крестообразно одна на другую, въ разстояніи 1¹/₂ вершка; но эти отверстія закрываются, при складываніи рѣшетки, что дѣлается тогда, когда нужно кибитку переставить на иное мѣсто. Въ послѣднемъ случаѣ, рѣшетка представляетъ параллелограмъ, одна сторона котораго въ три раза короче другой, между тѣмъ какъ въ раздвинутомъ положеніи она только въ половину меньше. При раздвиженіи рѣшетки, всѣ ея стороны, изъ концевъ наложенныхъ крестообразно палокъ, образуютъ рогульки въ видѣ римской цифры V, которыя имѣютъ свое назначеніе. Такъ, напримѣръ, рогульки, находящіяся на томъ боку, который ставится на землю, замѣняютъ ножки; на рогульки противоположной стороны, обращенной вверхъ, надѣваются, посредствомъ шерстяныхъ петель, палки (*унинь*). Палками этими, въ свою очередь, поддерживается кругъ (*харача*), образующій сводъ кибитки, между тѣмъ какъ съ боковъ рогульки одной рѣшетки пригоняются къ рогулькамъ другой, перевязываются арканомъ, и такимъ образомъ формируется круглая рѣшетчатая стѣна кибитки. Такъ устроенная рѣшетка чрезвычайно легко двигается на сыромятныхъ винтахъ, или, лучше сказать, ремешкахъ, продѣтыхъ сквозь палки, въ мѣстахъ ихъ соединенія, и завязанныхъ особаго рода калмыцкимъ узломъ. Нужно еще замѣтить, что, для лучшей устойчивости, рѣшетки должны быть посрединѣ нѣсколько вогнуты въ наружной сторонѣ, что однако же нисколько не мѣшаетъ ихъ подвижности. А что бы рѣшетки не трескались отъ солнечнаго жара, особенно когда новы, то ихъ окрашиваютъ масляною краскою въ красный цвѣтъ; но бѣдняки просто смазываютъ жиромъ. Готовыхъ рѣшетокъ нѣтъ въ продажѣ; ихъ дѣлаютъ назаказъ. Хорошая шестиштучная рѣшетка стоитъ не менѣе 25 рублей. Калмыкъ, дѣлающій рѣшетку для себя, платитъ за одинъ матеріалъ, смотря по качеству, отъ 5 до 10 рублей.

*) Хурулъ собственно значить собраніе духовенства; но, въ другомъ смыслѣ, *хуруломъ* называютъ и кибитку, въ которой ламитское духовенство управляетъ богослуженіе.

Не менѣ оригинальнаго устройства кибиточныя двери дѣлаются обыкновенно изъ сосноваго дерева. Основаніемъ двери служитъ широкая (въ ладонь) двухдюймовой толщины рама, вышиною 2 ар., а шириною 1 ар. 2 вершка. Для порога оставляють снизу $\frac{1}{2}$ ар., и задѣлываютъ тонкою доскою; такимъ образомъ собственно для дверей остается отверстіе въ $1\frac{1}{2}$ ар. вышины. По вышинѣ этого отверстія, прибавается внизу и вверху по планкѣ, въ которыхъ вращается створчатая дверка на деревянныхъ пяткахъ. Обѣ половинки дверекъ дѣлаются въ особыхъ рамкахъ, съ переплетомъ, на манеръ деревенскихъ оконныхъ рамъ, съ тою разницею, что, вмѣсто стеколъ, задѣлываются тонкими дощечками. Для красы, дощечки окрашиваются въ синій цвѣтъ, а рамы и переплетъ въ красный. Дверь запирается на деревянные засовки, и устанавливается такъ, что бы отворялась внутрь кибитки. Калмыки сами дѣлають двери; но большею частію покупають готовыя, привозимыя изъ Царицына ставропольскими лѣсопромышленниками. Обыкновенная цѣна двери 3 рубля, въ рѣдкихъ случаяхъ дороже.

Унины, или круглыя дюймовыя и совершенно прямыя палки, длиною въ $3\frac{1}{4}$ ар., бываютъ орѣховыя, или же, для легкости, сосновыя. Такихъ палокъ, для кибитки въ шесть рѣшетокъ, полагая на каждую по числу рогулекъ 12 и надъ дверью 4, должно быть 76 штукъ. Палки эти, какъ уже сказано, однимъ концомъ навѣшиваются на рѣшетку, а другимъ, который долженъ быть четырехгранный, упираются въ деревянный кругъ *харача*. У богатыхъ людей и въ хуральныхъ кибиткахъ унины выкрашены красною краскою, но бѣдняки обходятся безъ этой роскоши тѣмъ легче, что, въ послѣдствіи, отъ дыма, палки совершенно чернѣють. Обдѣланная, какъ слѣдуетъ, унина, стоитъ 8 коп. каждая; безъ обдѣлки отъ 2 до 3 копѣекъ.

По словамъ самихъ калмыковъ, труднѣе сдѣлать *харача* или то, что мы называемъ кругомъ. Этотъ кругъ составляется изъ нѣсколькихъ штукъ, связанныхъ между собою—выражаясь плотничьимъ терминомъ—*въ замокъ*, очень замысловатый. Для большей прочности, кругъ обшивають наглухо сыромятною кожею, а внизу продавливають (впрочемъ не насквозь) четырехгранныя отверстія, въ которыя вставляются унины. Долбежъ этихъ отверстій дѣлается съ математическою точностію, какъ по величинѣ, разстоянію, такъ и по углубленію. Въ противномъ случаѣ, унины правильно на рѣшетку не лягутъ и при малѣйшемъ усиліи привести ихъ въ такое положеніе, будутъ ломаться, и портить необходимую правильность свода. Долбежей въ кругѣ должно быть по числу рогулекъ, ни больше, ни меньше. Наконецъ, поверхъ круга, укрѣпляются крестообразно двѣ пары полуобручей, выпуклостями вверхъ, для правильнаго накидыванія башлыка *царикъ*, что бываетъ необходимо во время дождя или ночью. Хорошій кругъ стоитъ не менѣ 6 рублей.

Харача завершаетъ оставъ кибитки, а съ тѣмъ вмѣстѣ сгройтельное искусство калмыковъ. Несмотря однако же на ограниченность и незатѣйливость этого дѣла, не каждый сдѣлаеть рѣшетку или дверь. Что же касается круга, то въ улусѣ едва ли найдется десятокъ мастеровъ, умѣющихъ дѣлать харача. Если съ этой стороны такой недостатокъ восполняется отчасти бережливостію во время перекочевокъ, то, съ другой, онъ можетъ быть (да дѣйствительно и есть, какъ это далѣе увидимъ) выраженіемъ бѣдности калмыцкаго народа, къ сожалѣнію, быстро, съ каждымъ годомъ, возрастающей.

Приготовленіе изъ шерсти остальныхъ принадлежностей кибитки до мужчины не относится, но есть прямое дѣло калмычки.

Главную статью такихъ принадлежностей составляютъ войлоки, или полсти, или какъ ихъ еще иначе называютъ кошмы. О калмыцкомъ способѣ валянія войлоковъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ; замѣтимъ только здѣсь, что онъ значительно разнится отъ русскаго способа. Войлоки нужны на завѣсы или полотнища (по калмыцки *ѣше*), которыми вся кибитка плотно обтягивается, и составляютъ самую цѣнную принадлежность калмыцкаго жилища. На *ѣше*, для кибитки средней величины, въ 6 рѣшетокъ, идетъ 12 пудовъ чистой шерсти осенней стрижки. Что бы достать такое количество шерсти въ одну стрижку, нужно имѣть не менѣе 240 овецъ, а ихъ то у большинства калмыковъ и *нѣтъ*. Собирать же шерсть въ нѣсколько стрижекъ тоже нѣтъ возможности и потому, что въ кибиткѣ нѣтъ мѣста для храненія какихъ бы то ни было запасовъ. А между тѣмъ кибитка каждому женатому калмыку нужна. Остается одно—купить готовые войлоки, что онъ и дѣлаетъ на сельскихъ ярмаркахъ. Но слѣдуетъ сказать, что купленные войлоки, хотя и обходятся ему весьма недешево (отъ 50 до 60 руб. на кибитку), не всегда однако же бываютъ хороши и прочны, по непохвальной привычкѣ русскихъ полстоваловъ подмѣшивать въ чистую шерсть такъ называемую *кислую*, т. е. остающуюся отъ выдѣлки овчинъ.

Шитье *ѣше* не такъ затрудняетъ калмычку, какъ собственно выкройка, и, правду сказать, не каждая калмычка можетъ выполнить это трудное дѣло. Трудность состоитъ въ томъ, что пригонка войлока къ оставу кибитки должна быть самая правильная, какъ бы по выкройкѣ, хотя все дѣлается отъ руки, такъ сказать, на глазокъ. Каждое полотнище *ѣше* (а ихъ бываетъ шесть, 4 нижнихъ и 2 верхнихъ) обшивается снизу, или узкою шерстяною тесьмою, или же дѣлается на немъ прошивка, крученою шерстяною ниткою; и, кромѣ того, покраямъ обшивается тонкимъ шерстянымъ шнуркомъ *зекъ*. Затѣмъ, къ двумъ верхнимъ угламъ каждаго полотнища, пришивается узкая, длинная въ 3 саж., тесьма, на которой *ѣше* держится на оставѣ кибитки, какъ на помочахъ. Не менѣе искусной ру-

ки требуетъ и шитье башлыка *цагрикъ* о четырехъ длинныхъ концахъ, которые мы назовемъ ушами. Башлыкъ тоже долженъ какъ можно ровнѣ покрывать сводъ кибитки, иначе его можетъ сорвать вѣтеръ. Въ предупрежденіе этого, къ ушамъ башлыка принимаютъ узкія, достаточной длины, шерстяныя тесьмы, которыми башлыкъ привязывается къ рѣшеткѣ, или къ широкой тесьмѣ, какою всегда бываетъ опоясана кибитка, по срединѣ и поверхъ полстей. Такихъ широкихъ тесемъ, называемыхъ по-калмыцки *хошлунъ*, должно быть двѣ, каждая длиною отъ 16 до 18 аршинъ. Объ употребленіи одной мы сейчасъ сказали, а другая служить для увязки рѣшетки въ верхнемъ ея концѣ. Хотя калмычки твуютъ ихъ хорошо и прочно, но и затѣмъ тесьмы, поверхъ кибитки находящіяся, въ 2—3 года, отъ солнца перегораютъ и рвутся. На подѣлку всѣхъ тесемъ, выходитъ 40 полныхъ рунъ. Готовыя не продаются, хотя онѣ и есть у каждой невѣсты калмычки, какъ необходимое приданое. За полный приборъ тесемъ на кибитку, сдѣланный по заказу, платится отъ 20 до 25 рублей.

Сверхъ этихъ принадлежностей кибитки, нужна дверная занавѣсъ, или нѣчто въ родѣ портіеры. Занавѣсъ, называемая какъ и двери, *юйденъ*, дѣлается изъ двойнаго войлока, простегивается вся, и навѣшивается съ наружной стороны. Ее опускаютъ ночью, а зимою—во всякое время, для защиты отъ вѣтровъ и мятелей. Занавѣсъ стоитъ не болѣе 3 рублей.

Такимъ образомъ, цѣна новой кибитки средней величины доходить до 128 рублей. Конечно, она обойдется гораздо дешевле при личномъ трудѣ и некупленномъ матеріалѣ; но такіе случаи очень рѣдки. Само собою разумѣется, что мы не говоримъ о кибиткахъ владѣльцевъ, высшаго духовенства и вообще людей богатыхъ, цѣнность которыхъ доходитъ до 300 и даже до 500 рублей, хотя, впрочемъ, такія цѣны зависятъ болѣе и отъ внутренняго убранства. Нашъ рассказъ о томъ, какъ живетъ масса народа, слѣдовательно имѣемъ въ виду людей посредственнаго состоянія и бѣдняковъ, которыхъ, какъ между калмыками, такъ и въ каждомъ народѣ, преобладающее большинство.

Постановка кибитки требуетъ навыка и ловкости. Главная задача въ томъ, что бы рѣшетка была прочно поставлена, т. е. не шаталась, что зависитъ отъ правильной пригонки рогулекъ и тугой обвязки рѣшетокъ широкою тесьмою, которая въ кибиткѣ выполняетъ то же назначеніе, что матица или балки въ нашемъ жиломъ домѣ. Правильная установка круга на унинахъ обезпечиваетъ прочность свода. Хорошо поставленная и крѣпкая кибитка устоитъ противъ самаго сильнаго вѣтра. Тѣмъ не менѣе, во время бури, калмыки привязываютъ кибитку за кругъ, къ нарочито вбитымъ въ землю кольямъ, особыми арканами—предосторожность съ ихъ стороны излишняя, потому что бывають случаи, что ветую кибитку вѣтеръ опрокидываетъ. Если такое несчастіе случится зимою, въ бурю, мятель, сильный мо-

ровъ, то каково въ такомъ случаѣ бываетъ положеніе бѣднаго калмыка и его семьи!. Сердце сжимается при одной мысли!. Правда, его крѣпкая натура перенесетъ; онъ соберется съ силами, и опять поставитъ кибитку, если при паденіи ея не поломался кругъ, но бѣдныя его дѣти, особенно грудныя, большею частію не переносятъ, и мерзнутъ, какъ мухи!... Въ послѣднія зимы, такіе случаи нерѣдко бывали.

Калмыкъ, вдвоемъ съ женою, менѣе чѣмъ въ часъ поставитъ кибитку, а если ему пособятъ взрослые дѣти (не каждый ихъ имѣетъ), то поставитъ скорѣе. Но вообще снѣжная работа не въ характерѣ калмыка. Спрашиваемъ, однако же, одинъ ли онъ лѣниво трудится?..

Всѣ вообще калмыки ставятъ кибитки дверьми на югъ. На вопросъ — почему такъ дѣлаютъ, большинство отвѣтитъ: *«наши законъ такой»*. (Это единственный ихъ отвѣтъ, на всѣ дѣлаемые имъ вопросы относительно вѣры, обычаевъ, привычекъ.) Но люди *знающіе* объяснятъ, что въ Тибетѣ въ буддійскомъ монастырѣ *) Хлассъ, живетъ Далай-Лама (первосвященникъ), къ которому, изъ безграничнаго почитанія, очи всѣхъ буддистовъ должны быть постоянно обращены. А какъ въ кибиткѣ отворенная дверь замѣняетъ окно, то калмыки, даже не думая о Далай-Ламѣ, а только смотря на югъ, выполняютъ свою религиозную обязанность. *Знающіе*, конечно, не знаютъ, что ихъ одновѣрцы, живущіе въ отношеніи Хласса южнѣе, будутъ созерцать главу своей религіи въ сторонѣ, противоположной мѣсту его пребыванія.

До сихъ поръ мы говорили о постановкѣ одиночной кибитки; теперь скажемъ нѣсколько словъ о расположеніи ихъ группами, что называется *зотонъ*.

Отецъ съ женатыми сыновьями никогда не живетъ въ одной кибиткѣ, какъ бы бѣденъ онъ ни былъ. Каждый женатый сынъ имѣетъ отдѣльную кибитку, въ которую онъ первый разъ входитъ въ день брака. Отецъ взрослой дочери, если имѣетъ средства, тоже старается дать ей особую кибитку, въ которой она до замужества живетъ съ подроставшими сестрами, если ихъ имѣетъ, или съ своими бѣдными подругами. Сыновья, подростки и холостяки, находясь всегда въ расходѣ при пастьбѣ скота, не очень нуждаются въ особомъ помѣщеніи, и даже зимою укроются гдѣ-нибудь и какъ попало; но вся семья, какъ бы велика ни была, довольствуется пищею отъ общаго котла, который всегда бы-

---

*) Буддійское духовенство *неоженатое*, и потому мѣсто его пребыванія называемъ *монастыремъ*, на томъ основаніи, что хотя они живутъ въ особыхъ кибиткахъ каждый, но имѣютъ общую травену, и по особому уставу собираются на моленія. Имущество у нихъ тоже общее, за исключеніемъ одежды и кибиточнаго хлама, но и то по смерти поступаетъ въ собственность хуруа.

ваеть въ родительской кибиткѣ. Такимъ обычаемъ поддерживается въ семьѣ безусловное повиновеніе и полное уваженіе къ отцу, главѣ семейства, и чистота нравовъ; въ послѣднемъ отношеніи слѣдуетъ отдать калмыкамъ справедливость: они стоятъ выше многихъ болѣе цивилизованныхъ народовъ... Холостые сыновья богатыхъ калмыковъ, которые, разумѣется, сами не выпасываютъ скота, а только наблюдаютъ за хозяйствомъ, имѣютъ отдѣльную кибитку, называемую *хошъ* *), въ отличіе отъ кибитокъ семейныхъ.

Родительская кибитка называется калмыками «большая кибитка», т. е. старшая, въ знакъ уваженія къ родителямъ, какъ старшимъ въ семействѣ. Она ставится всегда посрединѣ хотона, а отъ нея уже въ обѣ стороны, полукружимъ, ставятся кибитки остальной семьи, наблюдая порядокъ старшинства, по рожденію и родству, такъ какъ и дальніе обѣдѣвшіе калмыки не отдѣляются отъ своего родственнаго хотона. Позади первой, выстраивается вторая линія кибитокъ, принадлежащихъ обѣдѣнкамъ или вообще прислугѣ. Словомъ, въ разстановкѣ кибитокъ соблюдается порядокъ, или, такъ сказать этикетъ, отъ котораго калмыки ни въ какомъ случаѣ не отступаютъ.

Объяснивъ устройство и постановку кибитокъ, какъ отдѣльно такъ и по хотонному расположенію, приглашаемъ читателя войти въ жилище калмыка, что бы осмотрѣть его домашнюю утварь, прежде чѣмъ ознакомимся (не смѣемъ сказать: *отдаемъ*) съ его пищею и способомъ ея приготовленія.

Дѣлая такое приглашеніе, мы, однако же, считаемъ нелишнимъ предупредить слабонервныхъ читателей, не вдругъ рѣшаться на этотъ подвигъ, или, по меньшей мѣрѣ, запастись одеголономъ; иначе они могутъ поплатиться головокруженіемъ, въ слѣдствіе весьма неприятнаго и сильнаго запаха дыма, прокопченныхъ войлоковъ — въ особенности во время дождя — и отъ испаренія самихъ калмыковъ, или, лучше сказать, запаха ихъ шубъ, собакъ и разныхъ съѣстныхъ припасовъ, словомъ, запаха собственно *кибиточнаго*, для котораго, несмотря на богатство русскаго языка, нѣтъ особеннаго названія, да едва ли можно и придумать. Понятно, что люди богатые живутъ лучше и опрятнѣе, на сколько позволяетъ соблюдать эти условія ихъ вѣчночующая жизнь и средства. Эти немногочисленные избранники имѣютъ особыя кибитки для прислуги и приготовленія пищи; мы же говоримъ о массѣ народа, о большинствѣ, съ бытомъ котораго желаемъ ознакомить читателя и вообще того, кого интересуеетъ настоящее положеніе и судьба калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса.

Что бы войти въ кибитку, нужно приловчиться слѣдующимъ образомъ. Правую ногу перешагнувъ черезъ высокій порогъ,

*) Не отъ этого ли слова (*хошъ*) происходитъ запорожское *коша!*

лѣвую не трогать съ мѣста; потомъ, нагнувъ голову, просунуть ее въ кибитку, и тогда уже войти остальною своею личностію. Очень понятно, что въ такомъ положеніи ваша фигура, какъ бы стройна она ни была, образуетъ изъ себя особаго вида *юса*, что, съ непривычки, покажется не очень удобно и пріятно. Но интересъ, какой вамъ доставитъ посѣщеніе кибитки, мы увѣрены, будетъ отчасти пріятнымъ вознагражденіемъ, за испытанное при входѣ неудобство.

Первый предметъ, бросающійся въ глаза по входѣ въ кибитку, это большой, посредніи поставленный, круглый, о трехъ ножкахъ таганъ, *тума*, а подъ нимъ горящій, или только дымящійся (смотря по надобности) *кизякъ*.

Кизякъ есть топливо, приготовляемое изъ помѣта домашнихъ животныхъ, лошадей, рогатаго скота и овецъ. Мы говоримъ приготовляемое, потому, что калмычки дѣлаютъ изъ помѣта круглыя, въ четверть величиною, лепешки, высушиваютъ на солнцѣ, складываютъ въ пирамиды, тщательно обмазываютъ и такимъ образомъ заготавливаютъ запасъ топлива на зиму. Овецій кизякъ, самый лучший, предпочитается всякому иному топливу потому, что даетъ больше жара при яркомъ пламени, и дольше сохраняетъ этотъ жаръ, а слѣдовательно и теплоту. Дрова на топливо не употребляются калмыками, по неимѣнію; бурьянъ въ крайней нуждѣ, а солома никогда. Съ ранняго утра и до поздней ночи, даже среди самаго жаркаго лѣта, не говоря о зимѣ, всегда найдется въ кибиткѣ жаръ, нужный калмыку для раскуриванія трубки. Извѣстно, что трубку курятъ всѣ, отъ мала до велика, несмотра на полъ и возрастъ.

Послѣ тагана, необходимою и главную принадлежность кухни составляютъ особаго образца, о трехъ ушкахъ, чугунные котлы. Такихъ котловъ по меньшей мѣрѣ должно быть три: одинъ для варенія калмыцкаго чая, другой для варенія пищи, а третій для перегонки изъ молока спиртуознаго напитка, называемаго *аркѣ*. Нужда, однако же, заставляетъ весьма часто обходиться двумя котлами, а бываетъ и однимъ.

За котлами слѣдуетъ кожаная посуда, весьма оригинальнаго вида, для шитья которой, вмѣсто нитокъ, служатъ конскія шпы. Нѣтъ сомнѣнія, что какъ выдѣлка, такъ и употребленіе такой посуды если не современно человѣческому роду, то, по крайней мѣрѣ, очень древнее. Для жизни вѣчноночевой, проводимой почти на открытомъ воздухѣ, при разныхъ температурахъ, отъ 30° жара до 30° холода, едва ли можно было придумать что нибудь лучше кожаной посуды, употребляемой понинѣ нашими номадами. Она легка, не ломка, не высыхаетъ и прочна; нехороша только тѣмъ, что ее нельзя мыть и держать въ чистотѣ. Но чистота, одно изъ необходимыхъ условій нашей жизни, для калмыка дѣло совершенно лишнее. Будемъ однако же справедливы, и не обвинимъ его въ этомъ случаѣ, вспомнивъ нашу военнополодную жизнь, со всѣми ея подчасъ, неудобствами и

недостатками, когда намъ бываетъ не до комфорта и чистоты, и когда удовлетвореніе жажды и голода составляетъ единственную напу физическую потребность... Изучимъ лучше до малѣйшихъ потребностей жизнь нашихъ кочующихъ народовъ, и подадимъ имъ напу мощную руку, которая ихъ выведетъ бы изъ безвыходнаго, повидимому, положенія. Кажется, *пора* уже взяться за это доброе дѣло...

Калмыцкую кожаную посуду мы подраздѣлимъ, согласно ея назначенію, на три сорта, а именно: на посуду, употребляемую для приготовленія напитка, на служащую для храненія напитковъ вообще, наконецъ на ту, которая служить для ношенія воды.

Для приготовленія кумыса и арьяна (напитковъ изъ кобыльаго и коровьяго молока, о чемъ будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ), у калмыка есть посуда, называемая *архытъ*. Эта посуда похожа на большую четырехгранную бутылъ, мѣрою отъ 5 до 7 ведеръ, и дѣлается изъ конской сыромятной кожи. Мы видѣли однажды такую посуду изъ черной юфти; но это, кажется, не болѣе какъ исключеніе. Въ томъ и другомъ случаѣ, лицевая сторона кожи идетъ на наружную сторону посуды. Но мы встрѣчали также въ кибиткахъ (и встрѣчали, признаться, съ удовольствіемъ) деревянныя высокія, на манеръ нашихъ простыхъ маслоекъ, кадки, при приготовленіи кумыса и арьяна замѣняющія неопрятный *архытъ*. Если это нововведеніе, а не исключительные случаи, то нельзя не порадоваться, и не пожелать распространенія такихъ кадокъ.

Для храненія въ кибиткахъ, а въ пути для перевозки, спиртуозныхъ напитковъ *аркѣ* и русской водки, калмыки имѣютъ кожаную посуду, похожую на наши хрустальные графины, или, скорѣе, на плоскія бутылки, въ какихъ иногда продаются вышнихъ сортовъ испанскія вина. Такая посуда, мѣрою отъ $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ ведра, называется *бортогъ*, а поменьше *борбѣ*. Она дѣлается особенно прочно съ тисненными на кожѣ узорами и нерѣдко украшается около горлышка нейзильбернымъ или серебрянымъ ободышкомъ и такими же ушками. Ее съ равнымъ удобствомъ можно ставить, какъ и возить верхомъ, повѣсивъ на луку сѣдла, за ремешекъ, продѣтый въ ушки. Пробка у ней бываетъ всегда деревянная, привязанная къ посудѣ на ремешкѣ.

Наконецъ, для ношенія воды, калмыки имѣютъ кожаныя ведры, которыя имъ служатъ и для доенія коровъ. Впрочемъ, болѣе достаточные начали покупать для этой надобности желѣзныя ведры, и мы думаемъ, что введенію въ общее употребленіе послѣднихъ мѣшаетъ чаще бѣдность, нежели обычай.

Говоря о кожаной посудѣ, нельзя не упомянуть о разнаго вида и величины мѣшкахъ, сумкахъ, чемоданчикахъ и бурдючкахъ, необходимыхъ калмыкамъ для храненія немногосложныхъ съѣстныхъ запасовъ. Даже бараньи рубцы и кишки, въ которыхъ они со-

храняють масло и особаго приготовленія сырѣ, служатъ дополненіемъ кожаной посуды.

Всего менѣе въ кибиткѣ деревянной посуды; но рѣшительно въ каждой можно найти по нѣсколько небольшихъ чашекъ *гаалі*, выточенныхъ изъ дерева, на манеръ полоскательныхъ чашекъ. Форма этихъ чашекъ приземистая, не очень глубокая, болѣе или менѣе красивая. Ихъ дѣлають изъ кореньковаго дерева разныхъ породъ, и, до употребленія въ дѣло, смазываютъ нѣсколько разъ курдючнымъ жиромъ, напитавшись которымъ, онѣ уже никогда не трескаются. Бѣдные калмыки такою чашкою пьютъ все, что только можно пить, но богатые имѣють особыя чашки для калмыцкаго чая, особыя для другихъ напитковъ. Армяне снабжаютъ ихъ этими чашками, по цѣнѣ отъ 1 до 2 рублей, смотря по дереву и работѣ, но между калмыками есть мастера, которые отъ руки, простымъ ножомъ, дѣлають чашки не хуже точеныхъ, и тѣ нерѣдко цѣнятся дороже. Края чашки богатаго калмыка, которою онъ пьетъ чай, часто бьвають съ серебряннымъ ободкомъ, посрединѣ котораго оставлено, безъ обдѣлки, небольшое пространство для губъ, съ предусмотрительною цѣлю сохранить ихъ отъ обжoga.

Сварившійся калмыцкій чай изъ котла переливають въ особую деревянную посуду, называемую *домбо*, но и этотъ комфортъ доступенъ только болѣе богатымъ. Бѣдняки разливають чай въ чашки, прямо изъ котла. Домбо имѣетъ большое сходство съ посудой, употребляемою въ западныхъ губерніяхъ, и называемою тамъ *ковва*. Домбо бываетъ до 1 ар. въ вышину, и внизу шире, чѣмъ вверху. Она дѣлается изъ орѣховаго дерева; обручи, въ 4 ряда широкіе, бьвають на ней изъ желтой мѣди, нерѣдко нейзильберные, а иногда и серебряные, всегда вычищенные. Верхній ободокъ и ручка изъ того же металла. На 2½ верш. ниже верхняго отверстія, есть наглухо вставленное дно, съ нѣсколькими пробуравленными насквозь дырочками. При переливаніи чая изъ котла въ домбо, это дно, замѣняя ситечко, не пропускаетъ чайныхъ листьевъ, но зато препятствуетъ мытью этой посуды внутри.

Въ заключеніе, упомянемъ о деревянномъ ковшѣ съ длинною ручкою, какъ неизбѣжной принадлежности всякаго котла. Употребленіе ложекъ и вилокъ калмыкамъ неизвѣстно, но небольшою ножъ, въ кожаныхъ ножнахъ, калмыкъ всегда носитъ на поясѣ.

Кромѣ осмотрѣнной нами кухонной посуды, другихъ принадлежностей удобства жизни въ кибиткахъ большинства не ищите: ихъ нѣтъ. Развѣ у кого нибудь найдется небольшой красный сундучокъ, много два, въ которыхъ, вмѣстѣ съ носильнымъ платьемъ и разнымъ тряпьемъ, набожный калмыкъ прячетъ своихъ бурхановъ. . Ложе его—сырая земля, застланная старымъ войлокомъ, поношеннымъ платьемъ и нѣсколькими овчинами... Зато, при всей бѣдности калмыцкой постели, она всегда нахо-

дится на почетномъ мѣстѣ, въ сторонѣ, противоположной дверямъ кибитки. Нужно, впрочемъ, знать, что, по ученію буддйскаго реформатора Цзонхавы (по большедербетскому «Зункоба»), *духовные не должны лежать на высокомъ ложь и сидѣть на высокомъ сьдалищѣ*—это съ ихъ стороны обѣтъ смиренія. Въ слѣдствіе того, мы и замѣчаемъ въ калмыцкихъ кибиткахъ отсутствіе столовъ, стульевъ и скамеекъ. Но когда, въ силу такого ученія, ихъ духовенство можетъ имѣть только низенькія кровати, то, понятно, простой народъ долженъ обходиться безъ нихъ. Зато, въ кибиткахъ владѣльцевъ, ихъ родственниковъ и *аймачныхъ* зайсанговъ *), вы найдете совсѣмъ иную обстановку, хотя и тутъ не обходится безъ этикета, весьма похожаго на китайскую табель о рангахъ...

Подходя къ такой кибиткѣ, издали уже замѣтно, что она отличается отъ другихъ чистотою и опрятностію. Ея войлоки не такъ закопчены, и всегда крѣпки, а вокругъ нея меньше сора и грязи. Сѣроватожелтоватый цвѣтъ кибиточныхъ войлоковъ указываетъ на примѣсъ въ нихъ верблюжьей шерсти, что одно намѣчаетъ на достатокъ жилища. Вы не найдете здѣсь кухонной посуды, такъ неприятно поразившей васъ своимъ видомъ и запахомъ — она въ другой кибиткѣ, т. е. въ кухнѣ, въ 20 шагахъ позади той, въ которую вы теперь вошли. Словомъ, вы замѣчаете, что вошли въ жилище калмыка аристократа, которому буддйскій законъ не воспрещаетъ спать на высокомъ ложь, и сидѣть на высокомъ сьдалищѣ.

И, дѣйствительно, въ его кибиткѣ то и другое находится противъ дверей, и устроено не только оригинально, но и комфортно. Прежде всего, на высотѣ $\frac{3}{4}$ арш., дѣлается досчатая платформа, на столько длинная и широкая, что бы на ней могла установиться кровать, *ширя*, а впереди ея оставалось мѣсто для дивана, который образуется изъ той же платформы. На импровизированный такимъ образомъ диванъ кладутъ тюфякъ, или просто войлочные попоны, и накрываютъ персидскимъ ковромъ, а по концамъ дивана кладутся круглыя подушки, въ цвѣтныхъ илисовыхъ наволокахъ, набитыя шерстію. Часто подушки замѣняются сшитыми на такой же манеръ мѣшками *дербокцѣ*, въ которыхъ хранится хозяйское бѣлье; наконецъ, ихъ можетъ не быть.

---

*) Аймакъ есть соединеніе нѣсколькихъ хотоновъ, находящихся между собою въ близкихъ степеняхъ родства. Званіе аймачнаго зайсанга переходитъ, наследственнымъ порядкомъ, отъ отца къ старшему сыну, братья котораго хотя именуется зайсангами, но уже безаймачными. Первые сравнены въ правахъ съ потомственнымъ дворяниномъ, послѣдніе съ личнымъ. Аймачный зайсангъ получаетъ въ видѣ оброка по 45 коп. съ кибитки въ годъ, безаймачный—ничего. О дѣйствительномъ значеніи такихъ правъ и преимуществъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ.

Кровать, *ширл*, о которой мы упомянули, хотя формою не уклоняется отъ нашихъ кроватей, но разнится устройствомъ, работою. Калмыки не знаютъ столярнаго ремесла, и не подозреваютъ даже, что бы оно требовало какихъ либо другихъ инструментовъ, кромѣ простаго ножа и пилы, а между тѣмъ ихъ издѣлія въ этомъ родѣ, украшенныя иногда отчетливою рѣзбою, отличаются чистотою работы и прочностію. Для сплоченія отдѣльныхъ частей дерева, они никогда не употребляютъ клея, который, при сырости въ кибиткѣ, особенно осенью, во время дождей, былъ бы въ этомъ дѣлѣ совершенно бесполезенъ; потому калмыцкая кровать держится вся на ремешкахъ, что однако же не уменьшаетъ ея устойчивости.

Постель и убранство кровати зависитъ всегда, сколько отъ матеріальныхъ средствъ, столько же и отъ вкуса хозяйки. Сьмонгольской, однако же, точки зрѣнія, то, что мы называемъ постелію, вещь совершенно бесполезная, — лишняя тяжесть во время перекочевки и ненужная прихоть на мѣстѣ стоянки. На этомъ основаніи, верблюжьи попоны, *дербюльджинг*, замѣняютъ имъ наши перины и тюфяки; мѣшки съ разнымъ бѣльемъ и тряпьемъ, *дербокцѣ* и *кельбокцѣ*, служатъ вмѣсто подушекъ; а разныя хозяйскія шубы и мѣха, дополненіемъ того и другаго. Все это покрывается ситцевымъ, а иногда и шелковымъ одѣломъ.

Дербюльджиномъ называется не очень широкая, но на столько длинная попона, что бы, перекинута между горбовъ верблюда, обхватывала оба его бока, и, при навьючиваніи на него тяжести, защищала отъ тренія. Дербюльджинъ дѣлается изъ тонкаго войлока, наложеннаго одинъ на другой въ три или четыре листа, простеганные и обшиты по краямъ синимъ сукномъ.

Мѣшки, или, вѣрнѣе, чемоданчики, замѣняющіе подушки, дѣлаются продолговатые, съ круглыми днами, изъ цвѣтнаго плиса, или иной плотной матеріи, изъ кожи, выдѣланной на манеръ замши (мнимны) или же изъ кожи молодыхъ жеребятъ *яргакъ*, т. е. шерстію вверхъ. Дна такихъ мѣшковъ бывають парчевыя, обшитыя тесьмою, сотканною изъ разноцвѣтныхъ шелковъ и серебра, или же, что еще красивѣе, разукрашены золотошвейными узорами. Одинъ изъ такихъ мѣшковъ вкладется въ головахъ и называется *дербокцѣ*, а тотъ, который въ ногахъ, *кельбокцѣ*.

Надъ кроватью навѣшивается особаго рода балдахинъ, или, такъ сказать, пологъ, встрѣчаемый, хотя уже довольно рѣдко, и въ нашихъ спальняхъ. (Обычай этотъ, перенятый нами отъ монголовъ, нынѣ вышелъ, впрочемъ, изъ моды, и сохраняется только у мѣщанъ и мелкаго купечества). Наши полога разнятся ко у калмыцкихъ *«орни-куше»* тѣмъ, что верхъ открытъ; между тѣмъ, какъ у первыхъ верхъ изъ той же матеріи, какъ и бока, *«кимирчи»*, почему калмыцкій пологъ имѣеть скорѣе

видъ балдахина, со всѣхъ сторонъ закрытаго. Верхъ этого балдахина, съ трехъ наружныхъ сторонъ, обтянутъ широкою оборкою, обшитою бумажною бахромою, если балдахинъ ситцевый и серебрянымъ галуномъ, если шелковый. Бока балдахина, *юмнарчи*, съ трехъ сторонъ достаютъ только до кровати, не болѣе; но съ четвертой (передней) они вдвое длиннѣе, и, раздвинутые по серединѣ, драпируются тѣмъ вязищѣе, что верхъ балдахина спереди, посредствомъ шнурковъ, приподнимается къ упинамъ, между тѣмъ какъ задній остается на высотѣ рѣшетокъ. Добавимъ къ тому, что балдахины бывають ситцевыя, яркихъ цвѣтовъ, съ крупными узорами, или краснаго кумаѳа, при бѣлой бахрамѣ, или же шелковыя, банаусовыя, наконецъ штофныя. Повиотно, что оттого и цѣна балдахиновъ весьма различна.

По калмыцкому этикету, правая сторона считается почетнѣе противоположной. Если хозяинъ пригласить васъ, какъ гостя, сѣсть, съ правой стороны себя, на диванѣ, то этимъ онъ оказываетъ вамъ большой почетъ. Духовенство и люди, уважаемые хозяиномъ, хотя тоже садятся по правую его сторону, но уже не на диванѣ, а просто на постланный на землѣ *ширдѣкз*, почетный коврикъ *). Лѣвая же сторона предназначена для сидѣнія членовъ семьи и родственниковъ. У самихъ же дверей, мѣсто прислуги, которая, замѣтимъ, по вѣжливости и послушанію, могла бы быть образцомъ нашей. Этикетъ не позволяетъ младшему сидѣть выше старшаго, а обращаться къ нему спиною, при выходѣ изъ кибитки, считается невѣжествомъ.

Съ этикетнымъ размѣщеніемъ людей, калмыцкій обычай согласоваль и разстановку своей мебели.

У изголовія кровати стоитъ *кюрдѣ*, похожая на четырехугольную, въ три яруса, этажерку, имѣющую въ каждомъ ярусѣ по барабану, на наружной сторонѣ которыхъ рельефно вырѣзана тибетскими буквами молитва, «*ом-ма-ни-пад-ме-хумъ*», заключающая въ этихъ шести слогахъ альфу и омегу буддійскихъ молитвъ. Прочитавъ эту молитву, въ продолженіе всей жизни, 100 милліоновъ разъ, каждый калмыкъ увѣренъ въ спасеніи. Барабаны эти, устроенные на желѣзномъ стержнѣ, вращающія, если приводить ихъ въ движеніе посредствомъ длиннаго шнура. А какъ въ пустоту барабановъ вложена та же молитва, написанная на безчисленныхъ клочкахъ бумаги, и барабаны, вращаясь, производятъ шумъ, похожій на человѣческій, — то одно уже это дѣйствіе зачитается въ спасеніе тому, кто приводитъ въ движеніе этотъ инструментъ, хотя бы онъ лежалъ на боку или дремалъ. Число оборотовъ въ трехъ барабанахъ, умноженное

*) «Ширдыкъ» одна изъ главныхъ принадлежностей свальбы. На ширдыкѣ совершается обрядъ брава. Калмыки сохраняютъ этотъ коврикъ, какъ драгоценность.

на число находящихся въ нихъ писанныхъ молитвъ, идетъ въ счетъ означенныхъ 100 милліоновъ разъ, необходимаго условія спасенія. А что бы не ошибиться въ счетѣ, набожные калмыки пользуются всякимъ свободнымъ временемъ, и молятся на *кюрдѣ*.

Рядомъ съ *кюрде*, становятся два сундука, одинъ сверху другаго, наполненные всѣмъ, что есть только болѣе цѣннаго у хозяина аристократа, и завѣшиваются персидскимъ ковромъ. На сундукахъ этихъ устанавливаютъ продолговатый столикъ, *арсланъ-ширѣ*, на которомъ ставятъ *бурхановъ*, *) въ открытыхъ походныхъ кіотахъ, или, вѣрнѣе, складняхъ. Передъ бурханымъ столикомъ, бываетъ низенькая скамеечка *такиланъ-ширѣ*, а на ней въ рядъ нѣсколько малыхъ серебряныхъ чашечекъ, на подобіе круглыхъ солонокъ, *такиланъ-цѣкцѣ* (ихъ называютъ также *дееджинъ-цѣкцѣ*), въ которыя набожные калмыки кладутъ и наливаютъ жертвоприносительныя яства и напитки, какъ то: бублики, фрукты, конфеты, кусочекъ баранины отъ задней лопатки, *шта-чимѣнъ*. Наливаютъ немного калмыцкаго чая, или шафранной подслащенной воды. Замѣчательно, что они кладутъ также нѣсколько пшеничныхъ зеренъ (символь пріумноженія счастья, плодородія земли), хотя и не занимаются земледѣіемъ, а въ одной изъ чашекъ должна быть непременно курительная благовонная свѣчка. Свѣчки эти калмыки сами дѣлаютъ изъ сандала и можжевеловыхъ ягодъ съ примѣсію разныхъ ароматныхъ травъ.

Повыше бурхановъ, вѣшаютъ на унины изображеніе какого нибудь праведника, или религіозной легенды, на шелковой матеріи, весьма отчетливой работы, раскрашенное и раззолоченное хорошою кистию, хотя, конечно, въ монгольскомъ вкусѣ. Изображенія эти вѣшаются какъ у насъ учебныя географическія карты.

Собраніе всѣхъ этихъ религіозныхъ предметовъ, вмѣстѣ взятое, называется *большой баранъ*, и составляетъ въ кибиткѣ самое священное для каждаго калмыка мѣсто.

Вся правая сторона, отъ входа въ кибитку, посвящена домашнему хозяйству. Въ началѣ однако же и тутъ, поближе къ постели, вѣшается на унины небольшое изображеніе бурхана, что, въ параллель большому, называется *малый баранъ*. Подъ нимъ ставятъ иногда маленькую узенькую кровать *орундукъ*, предназначенную для дѣтей (впрочемъ болѣе для виду), и щегольски ее убираютъ.

Затѣмъ, ставятъ нѣсколько сундуковъ, одинъ сверху другаго и по два въ рядъ, и завѣшиваютъ персидскимъ ковромъ. Далѣе ставится *юкюкъ*, ящикъ, или сундукъ съ лучшею посудой.

*) О бурханахъ будемъ говорить подробно въ одной изъ послѣдующихъ статей.

Теперь, однако же, *юкюк* замѣняется очень часто нашимъ до-
рожнымъ чайнымъ погребцомъ. Наконецъ, около самыхъ дверей,
вы увидите бурдюки съ кумысомъ, арьяномъ, бортого съ
аргѣ, а можетъ быть и что нибудь съѣстное.

Вся земля въ кибиткѣ устлана коврами и войлоками; словомъ,
вы видите комфортъ. Глаза ваши, перебѣгая съ одного предмета на другой, съ понятнымъ любопытствомъ останавливаются на каждомъ; все для васъ ново; вы находите, что все какъ нельзя лучше приспособлено къ условіямъ кочеваго быта; и, утомленные европейскимъ этикетомъ, нашимидушными гостинными и еще душнѣйшими спальнями, вы уже готовы мириться съ калмыцкою жизнію, какъ вдругъ,—вспомнивъ дождливую осень и глубокую зиму, съ ея длинными ночами, воображенію вашему живо представится проливной дождь, снѣжная мятель, свистъ вѣтра, трескучій морозъ,—по нервамъ вашимъ пробѣжитъ невольная дрожь, и вы спрашиваете: неужели можно жить въ кибиткѣ зимою?

Да!—отвѣчаемъ. Калмыки, изъ рода въ родъ, болѣе двадцати вѣковъ живутъ въ кибиткахъ, и, быть можетъ, суждено имъ жить въ нихъ до тѣхъ поръ, пока ихъ племя, прежде далеко многочисленнѣйшее, не сотрется съ лица земли.

Посмотримъ на жизнь калмыка аристократа зимою.

Съ наступленіемъ зимы, а часто еще осенью, комфортъ въ осматрѣнной нами кибиткѣ исчезаетъ. Большіе и малые бараны, поголи, ковры и лишніе войлоки убираются. Кибитка прикрѣпляется къ землѣ извѣстнымъ намъ уже способомъ. Рѣшетка обвѣшивается внутри особыми войлоками, а съ наружной стороны (между рѣшеткою *ише*) охватывается коврикомъ изъ камыша, *ши*, или изъ куги, *зекыны*. Кругомъ кибитки выкапывается неглубокая канавка для стока дождевой воды, а въ довершеніе удобства зимою дѣлается еще завалинка изъ *сима*... Затѣмъ, посрединѣ кибитки становятся таганъ, и подъ нимъ раскладываютъ огонь... Семья укутывается въ теплыя шубы и—жизнь идетъ своимъ чередомъ...

Можно сказать, что зима уравниваетъ удобства жизни кочевниковъ, если бы и тутъ количество шубъ и топлива не дѣлало большой разницы между богатымъ и бѣднымъ калмыкомъ. У перваго есть и лишнія шубы, и кизягъ на очагѣ ярче горитъ, а пища обильнѣе и разнообразнѣе; между тѣмъ какъ послѣдній, въ единственной старой шубенкѣ, при маломъ огнѣ, часто съ тощимъ желудкомъ, дрожа отъ холода, унылый и голодный, проводитъ дни за днями, и ждетъ не дождется *цаганъ-сары* т. е. перваго весенняго праздника.

Пищу калмыковъ нельзя подраздѣлить, какъ у насъ на скоромную и постную, хотя и у нихъ есть постъ, *мацакъ*, въ каждое 8, 15 и 30 число мѣсяца, хотя и они строго исполняютъ правила своей вѣры. Постъ калмыцкій заключается не въ качествѣ пищи, а въ томъ, что бы въ эти дни *ничего не постъ и*

не пить... Набожный калмыкъ, въ постный день, не проглотитъ капли воды, какъ бы ни страдалъ отъ жажды. Мы не можемъ также подраздѣлить ихъ пищи на будничную и праздничную, потому что у нихъ въ году всего четыре праздника. Но у нихъ, также какъ и у насъ, бываютъ родины, свадьбы и похороны, къ которымъ они готовятъ особыя блюда, и о нихъ скажемъ ниже. Поэтому, намъ кажется, правильнѣе раздѣлить калмыцкую пищу на *мясную и молочную*, и мы начнемъ съ первой.

Всѣ нехищныя четверногія и птицы, какъ домашнія такъ и дикія, составляютъ для калмыка лакомую пищу. Они большіе охотники до мяса, которое вообще называютъ *маханъ*. Духовные, однако же, не имѣютъ права ѣсть конины. Въ выборѣ качества калмыки не очень разборчивы. Если они и рѣжутъ животное, то стараются не выпускать изъ него всей крови, нахвата, что оттого маханъ питательнѣе и вкуснѣе *). Они не пренебрегаютъ и мясомъ заболѣвшей скотины, которую прирѣзываютъ **) или, лучше сказать, придушиваютъ. Бѣдные же калмыки ѣдятъ даже мясо скотины, павшей отъ сибирской язвы, вздутія живота и вообще отъ всякой скоропостижной болѣзни ***).

Мясо калмыки варятъ, вялятъ, и дѣлаютъ изъ него колбасы, въ запасъ для торжественныхъ случаевъ, но никогда не жарятъ. Всѣ ихъ блюда просты и незатѣйливы, такъ, напримѣръ, супъ *шюлюнъ* не болѣе какъ кипятокъ, въ которомъ варилось мясо. Приправъ, кромѣ соли, никакихъ не полагается. Такой супъ, прямо съ пылу, они пьютъ деревянными чашками, а мясо, разрѣзанное большими кусками, ѣдятъ безъ соли. Костистыя и хрящевыя части, въ особенности грудина, считаются самыми вкусными. Филейное, подреберье и вообще болѣе мясистыя части калмыки рѣжутъ тонкими лентами, дѣлаютъ на нихъ поперечныя надрѣзы, и, обмакнувъ въ кипятокъ, насыщенный

*) Не на этомъ ли основаніи *застрѣлениа* дичь вкуснѣе рѣзаной домашней птицы?

**) Такъ, кажется, дѣлаютъ и на нѣкоторыхъ бойняхъ. Ветеринарія и полиція едва ли могутъ усмотрѣть за этимъ зломъ...

***) Въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества 1858 г. стр. 206, помѣщена наша статья «практическія замѣчанія о болѣзни рогатаго скота, называемою на Кавказѣ *чигиръ*». Въ этой статьѣ, между прочимъ, мы сказали, что болѣзнь эта признана была ветеринарнымъ лекаремъ за чуму, (*pestis bovis*) и что калмыки ѣдятъ мясо скотины, павшей отъ этой болѣзни и безъ вреда для своего здоровья. Обстоятельство это возбудило сомнѣніе редакціи, высказанное въ примѣчаніи. Мы, однако же, имѣемъ на это тысячу доказательствъ. II. Небольсинъ, въ своемъ очеркѣ быта калмыковъ хошотоваго улуса (С.-Пб. 1852, стр. 47) тоже говоритъ, что калмыки ѣдятъ мясо скотины, павшей отъ сибирской язвы.

солью, вялятъ на солищѣ, а когда совершенно выспѣютъ, укладываютъ въ мѣшки, *утѣ*, и сохраняютъ на зиму. Такъ приготовленное мясо называется *боорцо*. Самая любимая ими закуска есть провяленная и прокопченная баранья грудинка. Колбасы они дѣлаютъ изъ говяжьяго, бараньяго и кобыльяго мяса. Первые называютъ *чиксинъ-макинъ*, а послѣднія *гасиликсинъ-халсынъ*. Ихъ тоже вялятъ, коптятъ и берегутъ для дорогаго гостя.

Изъ молока калмыки готовятъ масло, особаго рода сырная яства и напитки.

Масло сбиваютъ въ кожаной посудѣ, *архытъ*, деревянною мутовкою, на концѣ которой укрѣпленъ небольшой кружокъ съ пробурованными отверстиями. Остающійся отъ масла *арьяна*, составляетъ сытный и лакомый для калмыка напитокъ. Онъ употребляется двоякимъ образомъ: или на полчашку арьяна, льютъ холодное коровье молоко, что называется *еемдыккъ*, или, на то же количество арьяна, подливаютъ парнаго молока, и тогда выходитъ *кююрцукъ*. Отъ послѣдней смѣси, изъ гущи, образуются шарики творога, очень любимаго калмыками.

Изъ овечьяго молока готовится сыръ *эйзгэ*, питательный и вкусный, но и это лакомство не для обѣднаго калмыка.

Всѣ вообще калмыки большіе охотники до кумыса, называемаго ими *чиганъ* и приготовляемаго изъ кобыльяго молока, а по нуждѣ изъ коровьяго.

Парное молоко сливаютъ въ кожаную посуду *архытъ* и даютъ ему закиснуть, помѣшивая почаще длинною мутовкою, имѣющею на концѣ глухой, т. е. безъ дырочекъ, кружокъ. Что бы приостановить кислое броженіе молока, подливаютъ часто, но понемногу, воды, и, взбивая мутовкою, стараются изъ молочной пѣны произвести винное броженіе. Дѣло, кажется, немудрое, но не каждая калмычка сдѣлаетъ хорошій кумысъ. Трехдневный кумысъ, или вообще старый, можетъ произвести охмѣляющее дѣйствіе на людей, неупотребляющихъ вѣрвическихъ напитковъ и вообще больныхъ, почему его иногда смѣшиваютъ съ напиткомъ, выкуриваемымъ изъ молока. Многіе полагаютъ (въ томъ числѣ и нѣкоторые медики), что кумысъ полезенъ въ чахоткѣ; но мы не раздѣляемъ такого мнѣнія. Намъ извѣстны, въ Больше-Дербетскомъ улусѣ, многіе смертные случаи отъ чахотки, хотя калмыки ежедневно пьютъ кумысъ, а страдающіе этою болѣзнію почти исключительно имъ питаются.

Выгонка *аркэ* требуетъ особыхъ приемовъ и снарядовъ, которые можно бы назвать первообразомъ нашихъ винокуренныхъ аппаратовъ.

Въ чугунный котелъ, поставленный на умѣренный огонь, наливаютъ парное молоко, все равно, кобылье, коровье, или овечье. Котелъ долженъ быть вершка на два неполонъ, и на-

крыть плотно прилегающею къ краямъ его деревянною крышкою. Крышка эта, составленная изъ двухъ совершенно равныхъ половинокъ, имѣетъ въ центрѣ своемъ отверстіе, не менѣе двухъ вершковъ въ діаметрѣ и по одной небольшой дырочкѣ въ каждой половинкѣ. Края крышки обмазываются глиною, смѣшанною съ двумя частями свѣжаго коровьяго навоза.

Какъ только покажется въ отверстіи крышки паръ—доказательство, что молоко начинаетъ кипѣть,—тотчасъ устанавливаются деревянные рукавъ въ большее отверстіе, а всѣ остальные тщательно замазываютъ тѣмъ же составомъ. Рукавъ этотъ, на высотѣ пяти вершковъ, загибается внизъ, подъ угломъ 48° (бываетъ и дугообразный), и, достигая на разстояніи 1½ арш. другой посуды, опирается на ея край. Въ эту то посуду стекаетъ спиртуозная жидкость *аркѣ*, столь любимая калмыками, и съ усѣбхомъ замѣняющая имъ нашу водку. Рукавъ этотъ, во всю его длину, расцѣпленный по поламъ, обвязывается холщевымъ бинтомъ накрѣпко, и постоянно смачивается водою, что бы не загорѣлся отъ пламени, постепенно во время выгонки усиливается. Изъ ведра молока выходитъ до трехъ штофовъ *аркѣ*. Напитокъ этотъ имѣетъ сывороточный запахъ, нѣсколько бледоватый, довольно пріятнаго вкуса, скоро охмѣляетъ и также скоро теряетъ это дѣйствіе, безъ всякихъ дурныхъ для здоровья послѣдствій.

Вторично перегнанная арке называется *арзѣ*, и даетъ уже крѣпче вино, т. е. калмыцкую водку. Если арзу перегнать еще разъ, то выйдетъ уже спиртъ, *харзѣ*. Наконецъ, если и этотъ спиртъ перегнать, то выйдетъ *хорунз*, двойной спиртъ, или такъ называемый калмыками ядъ, котораго впрочемъ они никогда не пьютъ. Чаше употребляемый ими напитокъ есть *аркѣ*, а въ торжественныхъ случаяхъ и ради дорогаго гостя *арзѣ* *).

При выгонкѣ арзы, изъ остающейся гущи получается родъ творога, называемаго *бозѣ*. Изъ бозѣ калмыки дѣлаютъ сыръ, видомъ изжелтасѣрый, а вкусомъ кислый. Сыръ этотъ, *куртал-журсунз*, имѣетъ свойство утолять жажду, и потому очень уважается калмыками, особенно въ пути по безводнымъ степямъ.

Если въ горячее *бозѣ* налить холоднаго прѣснаго молока, то на поверхность его всплывутъ кусочки творога *магань-сэмдыкь*. Этотъ твердый творогъ, по питательности, калмыки сравниваютъ съ мясомъ, что выражаетъ и самое названіе. Изъ бозѣ дѣлаютъ еще маленькіе катышки, сушатъ ихъ и получаютъ новый видъ сыра, называемаго *шуйрмыкь*.

Такимъ образомъ, молоко есть продуктъ для калмыка неоцѣ-

*) По неизвѣстнѣ спиртомѣра Траллеса, мы однажды упустили случай опредѣлить крѣпость этихъ напитковъ. Надѣемся современемъ пополнить этотъ пробѣлъ.

ненный, и ничѣмъ незамѣнимый. Онъ имѣтъ, въ разныхъ видахъ приготовленія, почти исключительно питается, съ ранней весны и до глубокой осени, когда прекращается доеніе. Зимой калмыки принимаютъ уже за мясо, маханъ. Но бѣдныя, въ это время года, питаются по большей части однимъ *буданомъ* (сушь изъ горячей воды), подбавляя въ него горсть какой нибудь муки, изрѣдка кусочекъ махана, или сала, а что бы буданъ вышелъ на славу, то и горсточку *шюйрмыка*. Неудивительно послѣ этого, что калмыки съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ, и съ такою радостію встрѣчаютъ, первый весенній праздникъ *цаманъ-сара*. У нихъ тогда будетъ молоко, а слѣдовательно будетъ кумысъ и аркѣ. Даже калмыцкій чай будетъ тогда вкуснѣе и питательнѣе.

Продолговатая плитки чая, называемаго въ торговлѣ *кирпичнымъ*, а нами просто *калмыцкимъ чаемъ*, самими калмыками называются «ча». Въ приготовленіи изъ этого чая напитокъ они поступаютъ такъ.

Отрѣзавъ отъ плитки и раскрошивъ кусокъ чая, бросаютъ его въ котель съ кипяткомъ, и варятъ, постоянно помѣшивая и переливая длиннымъ ковшомъ, пока вода не окрасится чайными листьями въ бурый цвѣтъ. Тогда въ чай, смотря по вкусу, кладутъ соль, масло, молоко, и опять немного кипятить. Когда опытный глазъ замѣтитъ, что чай поспѣлъ, котель снимаютъ съ огня, и, поставивъ въ сторону, переливаютъ въ *домбо*, а потомъ разливаютъ въ чашки и пьютъ.

Люди, болѣе экономные, тѣ же чайные листья варятъ и въ другой разъ, прибавивъ къ нимъ немного свѣжихъ; но для того они кладутъ чай въ небольшой холстинный мѣшечекъ, и на шнурѣ опускаютъ въ кипятокъ. Во время варенія, мѣшечекъ приподнимаютъ, и слегка ковшомъ на котлѣ выжимаютъ. Бѣдныя же люди, по дороговизнѣ чая *), пользуются этимъ мѣшечкомъ нѣсколько разъ, подмѣшивая разные суррогаты, напр., корень конского щавеля *турсунъ-чикинъ* (*Rumex acutum*), вѣтки дикой ежевики *беельджинерге* (*Rubus fruticosus*), солодовника *мокумъ* (*Rheum palmatum*), листья бадана (*Saxifraga crassifolia*) и цикорія (*Leontodon taraxacum*). Собираемые изъ этихъ растений листья, вѣтки и корни сушатъ, и, случается, по нуждѣ, одни варятъ въ водѣ. Калмыцкій чай—питательный и вкусный напитокъ. Русскіе, привыкнувъ къ нему, пьютъ съ удовольствіемъ, когда его готовятъ сами, и направляютъ чухонскимъ масломъ и сливками. Пшеничные сухари, а еще лучше галеты, очень идутъ къ этому чаю.

Въ торжественныхъ случаяхъ жизни, какъ то при сговорѣ, свадьбѣ, родинахъ и похоронахъ, калмыки, или, лучше сказать,

*) Теперь цѣна плитки или доски кирпичнаго чая 8 р., т. е. на 100%. дороже цѣны 1852 года.

ихъ жены, готовятъ лакомыя (разумѣется, на ихъ вкусъ) блюда. Такъ, напримѣръ, изъ пшеничнаго тѣста, жарятъ на бараньемъ салѣ пирожное, въ родѣ макаронъ, *сахмы-боорцукъ* и алады, замѣшанныя на молокѣ и обжаренныя въ кипящемъ салѣ, *бурумъ*. Изъ ржанаго же тѣста, — дѣлаютъ лепешки *боорцукъ*, печеныя на салѣ, или же, смѣшанныя съ мелко рубленнымъ курдючнымъ саломъ, запекаютъ въ золѣ, — что и называется печенымъ хлѣбомъ, *булсунь-чулиръ*.

Въ заключеніе, самымъ роскошнымъ и цѣннымъ блюдомъ, не для каждаго доступнымъ, считается жеребенокъ, верблюженокъ и молодая сытая кобылица, особеннаго приготовления *боорцукъ* и *бооридъ*, что, какъ мы уже знаемъ, значитъ вяленое и копченое мясо. Впрочемъ, такія блюда и у богатаго калмыка подаются только въ чрезвычайныхъ случаяхъ.

Этимъ и оканчивается калмыцкое поваренное искусство, если не считать употребляемыхъ ими, болѣе какъ лакомство, нѣкоторыхъ дикорастущихъ ягодъ, травъ и другихъ растений, дичи и разныхъ звѣрковъ; но это, такъ сказать, случайная пища, къ которой можно отнести всѣ блюда русской кухни и напитки. *Знать* пьетъ изрѣдка распычатый чай, и запаслась уже самоварами — роскошь, недоступная бѣднымъ. До русской водки есть между ними страстные охотники, и многіе слишкомъ тратятся на это удовольствіе. Не мало однако же и такихъ, которые, доживъ до зрѣлыхъ лѣтъ, а часто до глубокой старости, не знаютъ вкуса въ русской водкѣ и винѣ, и даже своей домашней арзы не пьютъ. Приписывать, поэтому, калмыкамъ вообще склонность къ пьянству было бы съ нашей стороны не только опрометчиво, но и несправедливо, по крайней мѣрѣ, сравнивая ихъ въ этомъ отношеніи съ сосѣдами крестьянами, большой разницы не находимъ...

Такъ живутъ и питаются калмыки Больше-Дербетскаго улуса!

Цивилизація не допускаетъ, конечно, подобнаго образа жизни; она только его терпитъ до времени... Тѣмъ не менѣе, съ калмыцкой точки зрѣнія, такая жизнь кажется хорошею, законченною, неоставляющею желать ничего лучшаго. Иначе, мы видѣли бы ихъ склонными къ улучшенію настоящаго быта; мы замѣтили бы съ ихъ стороны хотя малѣйшую уступку древнимъ обычаямъ... Ничего не бывало!..

Наше желаніе — приучить къ осѣдлой жизни это монгольское племя, и принимаемыя нами въ этихъ видахъ мѣры, не привели еще пока къ сколько нибудь важнымъ результатамъ, а въ Больше-Дербетскомъ улусѣ почти ни къ какому... Быть можетъ, мы и принимались за это доброе, но трудное дѣло безъ достаточнаго знакомства съ ихъ бытомъ, вѣрованіемъ, физическою и духовною стороною ихъ жизни, наконецъ, съ ихъ народными обычаями и преданіями... Или — принимались за доброе, но трудное дѣло обосѣденія калмыковъ безъ благоразумной энергіи, терпѣнія и умѣнія осуществить эту великую для нашего время

задачу... Такъ или иначе, но мы видимъ это дѣло въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было два вѣка назадъ, если еще не въ худшемъ... Намъ приходится, поэтому, долго изучать бытъ калмыковъ Больше-Дербетскаго улуса въ различныхъ направленіяхъ, прежде чѣмъ будемъ въ состояніи узнать *причины*, вліяющія на ихъ настоящее грустное положеніе.

И. Бентковский.

СОПЕРНИЧЕСТВО РОССИИ И АНГЛИИ

въ Средней Азіи.

(Статья Германа Вамбера.)

Въ заключительной главѣ моей книги, «Путешествіе въ Среднюю Азію», изданной въ свѣтъ три года тому назадъ, я выразилъ удивленіе по поводу равнодушія, съ какимъ смотрятъ англичане на завоеванія русскихъ въ Туркестанѣ. Я указалъ тогда, какъ направленіе операціонной линіи русскихъ на Сыръ-Дарьѣ, такъ и постоянное приближеніе ихъ къ британской Индіи. Воздерживаясь отъ всякихъ политическихъ мудрствованій, я старался высказать мою мысль какъ можно короче и яснѣе, и почти не рассчитывалъ, что бы простыя, безпритязательныя слова только что вернувшася изъ Азіи европейца обратили на себя большое вниманіе. Между тѣмъ, почти всѣ органы англійской печати, отъ «Times» до «Nikku Bengal», разбирали заключительныя строки моей книги, и обращали на нихъ вниманіе читателей. Только немногія изъ англійскихъ газетъ согласились, въ большей или меньшей мѣрѣ, съ моимъ мнѣніемъ; большинство же, напротивъ, отвергло мой добрый совѣтъ, и приходило въ восторгъ отъ счастливой, по ихъ понятію, перемѣны, происшедшей въ политикѣ англійскихъ министровъ, которые не смотрятъ теперь, какъ это было лѣтъ тридцать тому назадъ, враждебно на приближеніе русскихъ къ британской Индіи, а, напротивъ, даже радуются этому факту, и желаютъ русскимъ «счастливаго пути» въ ихъ шествіи къ югу чрезъ свѣжныя вершины Гиндуку и Гималаи.

Между тѣмъ, въ эти три года, многое измѣнилось. Вовсе не

думаю торжествовать, какъ бывший дервингъ, по случаю исполненія моего пророчества, я, однако, не могу удержаться, что бы не указать на ту дилію, на которой совершился предсказанны мною успѣхъ русскаго оружія. Въ то время, когда я былъ въ Средней Азій, передовые казачьи форпосты находились въ Кале-Регимѣ, въ 32 миляхъ отъ Ташкента. Форты № 1, 2 и 3, хотя фактически и завоеванные, не перешли еще въ ту пору въ прочное владѣніе русскихъ. Точно также, на сѣверѣ Кокана, на западъ отъ Иссыгъ-Куля и Нарива, русскіе не могли похвалиться сколько нибудь значительными успѣхами. Киргизы смотрѣли крайне враждебно на чужеземныхъ пришельцевъ, и населеніе, живущее на сѣверной границѣ Кокана, считало занятіе страны русскими равнозначительнымъ свѣтопреставленію: до такой степени ненавистны были «невѣрные» этимъ поклонникамъ пророка. Три года прошло съ тѣхъ поръ — и что же мы видимъ? Въ Газретъ-Туркестанѣ Ходжа-Ахметъ-Есевн, наиболѣе чтимый патронъ киргизовъ, сдѣлался русскимъ подданнымъ; Ташкентъ, значительнѣйшій торговый городъ, складочное мѣсто для торговли Россіи съ Китаемъ и Среднею Азією, присоединенъ къ сѣверному колоссу; русскій флагъ развѣвается не только на цитадели Ходжента, втораго по важности города въ Коканѣ, но также и на укрѣпленіяхъ: Замитѣ, Уратюбе и Джюзакѣ. Страшный «*русъ*» превозгласилъ себя покровителемъ и защитникомъ въ восточномъ ханствѣ Туркестана; Газретъ-ханъ и Газретъ, наменганскій верховный мулла, добиваются милости того, который нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ наводилъ на нихъ смертельный страхъ даже во снѣ. И не только коканцы, но даже таджики во всей Бухарѣ и Хивѣ, огромное число отпущенныхъ на волю рабовъ, точно также, какъ и богатые купцы изъ Мультана и другихъ частей Индіи; прежде трепетавшіе передъ узбекскимъ могуществомъ, теперь радостно нашептываютъ другъ другу, что русскіе мало по малу приближаются, и что скоро кончится владычество и произволье узбековъ.

Вотъ уже три года, какъ съ береговъ Невы стали съ болѣею смѣлостію и твердостію руководить этими переворотами въ степяхъ Туркестана. Съ юношескихъ лѣтъ интересуясь этими странами и посетивъ ихъ, въ качествѣ путешественника, я всегда внимательно слѣдилъ за всѣмъ, происходящимъ на берегахъ Сыръ-Дарьи. Я съ жадностію читалъ какъ газетныя извѣстія объ этихъ краяхъ, такъ и скучныя свѣдѣнія, посылаемыя мнѣ изъ Туркестана моими бывшими спутниками хаджи черезъ своихъ товарищей, отправляющихся на Западъ. Само собою разумѣется, что я также съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за толками англійской печати по поводу событій въ Средней Азій и за дѣйствіями индобританскихъ дипломатовъ. О пророчествахъ дервиша не думала ни та, ни другая партія; всѣ продолжали попрежнему радоваться ходу событій въ

Средней Азии; даже теперь не довольствовались простою фразою, что успѣхи русскихъ въ Средней Азии желательны, но старались разнаго рода доводами доказать, что эти успѣхи русскихъ какъ нельзя болѣе выгодны для англичанъ.

Что бы удачнѣе рѣшить эту задачу, что бы лучше убѣдить мыслящій миръ Англiи въ выгодахъ русскихъ завоеванiй въ Средней Азии, старались представить вопросъ въ такомъ видѣ, что бы каждый классъ англiйскаго общества имѣлъ поводъ остаться довольнымъ этими завоеванiями. Ученому миру президентъ лондонскаго географическаго общества сообщалъ, какiя важныя услуги оказали науки тригонометрическiя, геологическiя и географическiя работы и изслѣдованiя русскихъ въ Средней Азии. Русскiе ученые путешественники, носившiе тѣ страны, превозносились до небесъ, и недавно еще вице-адмиралу Бутакову присуждена большая золотая медаль за его открытiя на Аральскомъ морѣ. Сторонникамъ социальныхъ реформъ указывали на татарскую грубость, сравнивая ее съ русскою цивилизацiею, и противопоставляли молодой Россiи начертанную мною картину Средней Азии; указывали на освобожденiе крѣпостныхъ въ Россiи, на усилiя къ поднятiю народнаго образованiя, на большую переимѣну въ нравахъ, на господствующiя въ русскому обществѣ цивилизационныя идеи, все болѣе и болѣе приближающiяся къ идеямъ, распространеннымъ въ Англiи, — и при этомъ на каждомъ шагѣ доказывалась польза русскаго преобладанiя въ Азии. Торговому миру представляли выгоды, какiя должны производиться отъ обезпеченныхъ путей сообщенiя, которые будутъ проложены русскимъ оруженiемъ черезъ степи Туркестана въ Индiю. Нѣкоторые органы англiйскаго журналистики зашли въ своемъ усердiи такъ далеко, что доказывали почтеннымъ фабрикантамъ Бирмингэма, Шеффилда, Манчестера, и т. д., что по новымъ русскимъ торговымъ путямъ въ Среднюю Азию будутъ возиться только англiйскiе товары. Даже для военнаго сословiя нашлось радостное словечко по поводу русскихъ завоеванiй въ Средней Азии: сынамъ Марса представляли будущее вторженiе русскихъ въ Индiю какъ смѣшное пугало. Съ стратегической, физической и нравственной точки зрѣнiя, это нападенiе на Индiю было объявлено невозможнымъ. Какимъ образомъ — спрашивали англiйскiе публицисты — русскiе перешли бы черезъ важное естественное укрѣпленiе Индiи, необозримыя безводныя степи; какимъ образомъ они добѣдили бы воинственное афганское племя, и проникли бы черезъ опасныя горныя проходы? И если бы даже имъ удалось преодолѣть всѣ эти препятствiя, то какъ бы они справились съ британскими львами, спокойно ожидающими ихъ въ роскошныхъ паланкинахъ? Даже духовенство, этотъ могущественнѣйшiй рычагъ въ Англiи, постарались убавить, указывая на стремленiя русской православной церкви соединиться съ англiканскою. Д-ръ Нормэнъ Магъ-Клеодъ пользуется авторите-

томъ въ Англіи. Его возгласъ: «Греческая церковь еще не пошла» возбудилъ во многихъ надежду, и многочленные сановники англиканской церкви съ восторгомъ ждали, и ждутъ той минуты, когда греческій крестъ протянется съ береговъ Невы, что бы братски облобызать горделивый куполь собора св. Павла въ Лондонѣ, и когда соединенныя церкви грековосточная и англиканская сдѣлаются могущественнымъ орудіемъ противъ папсма.

Выгоды русскихъ завоеваній въ Средней Азійи доказывались и въ газетныхъ статьяхъ, и въ самостоятельныхъ брошюрахъ. Меньшинство, весьма незначительное, не отваживалось возвысить свой предостерегающій голось противъ оптимистовъ, противъ этихъ проповѣдниковъ новыхъ политическихъ ученій. Правда, сэръ Генри Раулинсонъ, безспорно лучше всѣхъ знакомый съ новымъ положеніемъ дѣлъ въ Средней Азійи, указывалъ, въ своихъ превосходныхъ статьяхъ, появившихся повременамъ въ «Quarterly Review», на ложность господствующаго въ Англіи взгляда по этому предмету, и хотя онъ высказался противъ дѣятельнаго вмѣшательства, сомнѣваясь въ возможности нападенія русскихъ на Остъ-Индію, и только порицалъ равнодушіе англичанъ, въ виду событій въ Средней Азійи, но слова его всетаки не произвели ни малѣйшаго дѣйствія на большинство англійскаго общества. Если уже такой авторитетъ, какъ сэръ Генри Раулинсонъ — думалъ я — не можетъ ничего сдѣлать, то мои слова тѣмъ болѣе были бы «гласомъ вопіющаго въ пустынь». Поэтому я долго колебался; но, изучивъ этотъ вопросъ во всѣхъ фазахъ его развитія, разобравъ его безпристрастно съ различныхъ сторонъ, я пришелъ къ убѣжденію, что въ состояніи доказать не только англійскимъ политикамъ, но и всей Европѣ, что сень-джермскій кабинетъ находится въ роковомъ заблужденіи, что его любимая система невмѣшательства и безучастія не только вредитъ интересамъ Англіи, но и составляетъ смертоносное оружіе, посредствомъ котораго Великобританія совершаетъ небывалое въ исторіи самоубійство.

Если я, не будучи ни англичаниномъ, ни русскимъ, такъ горячо интересуюсь вопросомъ, о которомъ идетъ рѣчь, то это происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что я смотрю на возможное столкновение двухъ колоссовъ въ Азійи, не столько съ точки зрѣнія ихъ взаимнаго соперничества, сколько съ точки зрѣнія общеевропейскихъ интересовъ. Для насъ не все равно, кто получитъ прокладаніе въ Азійи, и сдѣлается рѣшителемъ судебъ древняго міра, ибо на сколько различаются между собою Англія и Россія, въ качествѣ проводниковъ западной цивилизаціи, на столько же различались бы онѣ и въ отношеніи употребленія плодовъ ихъ борьбы. Бѣглый взглядъ на положеніе татаръ, уже около двухъ сотъ лѣтъ находящихся подъ русскимъ владычествомъ, съ одной стороны, и на положеніе миллионныя британскихъ подданныхъ Индіи, съ другой — достаточно объ-

*

сняетъ намъ это различіе между Англією и Россією. Мы предоставляемъ себѣ поговорить объ этомъ подробнѣе въ послѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что вопросъ о соперничествѣ двухъ сѣвероамериканскихъ державъ въ Средней Азійи касается не только англичанъ и русскихъ но и каждаго европейца, даже болѣе: онъ долженъ обратить на себя вниманіе каждаго мыслящаго человѣка нашего столѣтія *).

I.

ЗАВОЕВАНІЯ РУССКИХЪ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ ВЪ ТЕЧЕНІЕ ТРЕХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ.

Прежде всего мы напомнимъ читателю главные факты изъ исторіи завоеваній русскихъ въ Средней Азійи въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ. Не вдаваясь въ подробное описаніе походовъ Перовскаго, Черняева, Романовскаго, изложенныхъ частію въ книгѣ Мичела: «The Russians in Central Asia» (Русскіе въ Средней Азійи), частію въ превосходныхъ статьяхъ англійскихъ журналовъ: «Quarterly Review» и «Edinburgh Review»; не входя также въ разборъ скудныхъ свѣдѣній, оглашаемыхъ русскимъ правительствомъ, и еще болѣе скудныхъ свѣдѣній, доставляемыхъ изъ центральной Азійи дорогостоющими англійскими лазутчиками, — мы бросимъ бѣглый взглядъ на событія, что бы познакомить читателя съ успѣхами, которыхъ достигло въ настоящее время русское оружіе въ Средней Азійи.

Операнія русскихъ въ Средней Азійи начаты были какъ нельзя удачнѣе, — именно въ томъ отношеніи, что русскіе, желая, послѣ кажущагося покоренія киргизовъ, утвердиться въ трехъ среднеазиатскихъ ханствахъ, прежде всего предприняли покореніе Кокана. Въ этой восточной части трехъ туркестанскихъ степей всегда господствовалъ, сравнительно, самый ничтожный социальный порядокъ, а населеніе отличалось слабымъ религіознымъ образованіемъ и большимъ нерасположеніемъ къ воинственнымъ предпріятіямъ. Къ этому присоединялись еще внутреннія смуты: въ то время какъ на востокъ ходжасы, своими наѣздами на китайскую территорію, постоянно подвергали Коканъ опас-

---

*) Во всей континентальной журналистикѣ до сихъ поръ появились только двѣ статьи о дѣлахъ Средней Азійи: — обѣ онѣ помѣщены въ «Revue des Deux Mondes». Авторъ первой просто указываетъ на возможность столкновенія Англіи съ Россією въ Азійи; авторъ второй, проникнутый русскимъ духомъ, вторитъ англійскимъ оптимистамъ, чего я, конечно, не вѣнчалъ бы ему въ вину, если бы онъ только не похитилъ многихъ мѣстъ изъ моей книги: «Путешествіе по Средней Азійи», выдавая ихъ за свое собственное.

ности столкновенія съ Китаемъ, которое дѣйствительно и случилось не разъ въ прежнее время, — съ запада этому ханству всегда грозили алчные къ завоеваніямъ бухарскіе эмиры, опустошавшіе страну своими нападеніями. Приближающіися съ сѣвера колонны могущественнаго «*урусса*», до взятія русскими Акъ-Меджида, почти не обращали на себя вниманія коканцевъ, и весьма рѣдко служили темою разговора на базарахъ Наменгана и Кокана. Во время неудачной экспедиціи Перовскаго, на коканскомъ тронѣ воссѣдалъ Мехемедъ-Али-Ханъ. Онъ былъ любимъ народомъ, и ослѣпленная масса думала гораздо болѣе о завоеваніяхъ, чѣмъ о защитѣ противъ грозящаго съ сѣвера врага, или о заключеніи проектированнаго англичаниномъ Конолли союза съ Хивою. Только послѣ смерти Мехемедъ-Али, послѣдовало паденіе Акъ-Меджида, бывшее первою опасною раню существованію Кокана. Успѣхъ для русскихъ былъ тѣмъ легче, что въ то время съ одной стороны ожесточенная борьба между киргизами и кипчаками внутри ханства, а съ другой — первая попытка Вели-Ханъ-Тэра на Кашгаръ разединили и парализировали боевыя силы Кокана. Русское войско, шедшее приступомъ на коканскія укрѣпленія, расположенныя по обоимъ берегамъ Сыръ-Дарьи, нельзя упрекнуть въ трусости, хотя число «*многихъ тысячъ* коканскихъ воиновъ», приведенное въ русскихъ реляціяхъ, основалось, какъ кажется, на черезчуръ смѣломъ глазмѣрѣ.

По взятіи Акъ-Меджида, или, вѣрнѣе, послѣ систематическаго устройства цѣлой цѣпи укрѣпленій вдоль береговъ Сыръ-Дарьи, воды которой съ этой поры сдѣлались доступны пародамъ аральской флотилии—русское могущество возрастало съ тою же быстротою, съ какою уменьшалось, въ слѣдствіе постояннаго дѣйствія вышеприведенныхъ причинъ, могущество Кокана. Устроенная на Сыръ-Дарьѣ линія укрѣпленій не только обезпечивала русскихъ со стороны Туркестана, но служила также могущественною обороною противъ киргизовъ, которые, будучи теперь окружены со всѣхъ сторонъ русскими, не такъ легко могли выслать въ поле противъ нихъ какого нибудь новаго *Ишеда* *) (такъ назывался послѣдній киргизскій вождь, дѣйствовавшій противъ русскихъ во время крымской войны). Поэтому петербургскій кабинетъ съ обычною своею энергіею продолжалъ дѣло занятія Кокана, и только когда оба корпуса, дѣйствовавшіе—одинъ со стороны китайской границы противъ Иссыкъ-Куля, а другой со стороны Аральскаго моря, вдоль Сыръ-Дарьи, слѣдовательно подвигавшіеся съ сѣверовостока и сѣверозапада къ югу, соединились у *Ауліа-Ата* (буквально—«святый отецъ»: сюда въ прежнее время мохамедане ходили на богомолье), — только тогда русская дипломатія сочла нужнымъ сообщить Европѣ

*) Русскіе неправильно выговариваютъ это имя *Исета*. «Ишетъ» — обычное сокращеніе «Эйшъ-Мехемедъ», что означаетъ «отрада Мохамеда».

циркулярною депешою (отъ 9 (21) ноября 1864 г., за подписью князя Горчакова), что давнишнее желаніе русскаго правительства перенести пограничную черту русскихъ владѣній съ измѣнчивой почвы песчаной степи въ обитаемую часть Туркестана теперь удовлетворено, что тѣмъ самымъ наступательная политика кончилась, что на будущее время русское правительство будетъ стараться лишь о томъ, что бы, своимъ уваженіемъ къ независимости сосѣднихъ татарскихъ государствъ, доказать, что Россія далека отъ всякихъ враждебныхъ намѣреній, отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ и т. д.

Само собою разумѣется, что европейскіе кабинеты, за исключеніемъ сень-джемскаго, мало вѣрили этимъ обѣщаніямъ. Исторія государствъ, поставленныхъ въ необходимость постоянно расширять свои владѣнія, достаточно известна; примѣры можно найти на каждой страницѣ всемірной исторіи, въ каждую эпоху, когда существовало сильное государство, могущество котораго находилось въ періодѣ возрастанія. Подобно тому, какъ англичане напрасно оправдывались въ горячкѣ присоединенія новыхъ земель, овладѣвшей лордомъ Дальгузи, бывшимъ генераль-губернаторомъ британской Индіи, такъ точно и русскія ноты, въ родѣ депеши отъ 9 (21) ноября 1864 г., совершенно излишни. Таковъ уже естественный ходъ событій, и петербургскій кабинетъ былъ вполне правъ, и даже не могъ иначе поступить, какъ идти, по учрежденіи Туркестанской области, далѣе по южному теченію Сыр-Дарьи; ибо какъ прежде пустынная степи не представляли прочной границы, такъ и теперь окрестности Чеченда и Газрета, весьма рѣдко населенныя, не могли удовлетворять этой цѣли. Нужна была хорошо воздѣланная мѣстность, что бы въ отношеніи продовольствія не зависѣть вполне отъ оренбургскихъ и семипалатинскихъ путей сообщенія; необходимо было присоединить къ русскимъ владѣніямъ богатый и прородный Ташкентъ.

Поэтому считаю совершенно бесполезнымъ рассказывать здѣсь исторію о томъ, какъ ташкентскіе купцы и многочисленныя депутаціи ташкентцевъ, явившіеся въ русскій лагерь, умоляли принять ихъ подъ сѣнь двуглаваго орла (котораго среднеазіатцы называютъ *ашдери-дракона*, птица, замѣтимъ мимоходомъ, неполюющаяся у нихъ особенною любовію), что, будто бы, и было главною причиною занятія Ташкента русскими войсками, которое послѣдовало, какъ извѣстно, 13 (25) іюня 1865 г. Ташкентъ, жившій съ незапамятныхъ временъ во враждѣ съ властителями Когана, въ послѣднее время былъ сильно возмущенъ тѣмъ, что его любимца, Худояра, дважды лишали трона. А потому ташкентцы *очень рады* были ослабить господствующее вліяніе киргизовъ посредствомъ преобладанія русскихъ, но чтобы послѣдняго, т. е. преобладанія русскихъ, желало все ташкентское населеніе — въ этомъ можно нѣсколько усумниться.

Россія заняла Ташкентъ потому, что видѣла въ немъ сильный базисъ для дальнѣйшихъ операцій своего войска, а не потому, что желала сдѣлать его оплотомъ вновь приобрѣтенныхъ владѣній Но, въ слѣдствіе занятія Ташкента, петербургскій кабинетъ вступилъ въ непріязненные отношенія и съ Бухарою. Какъ извѣстно, бухарскій эмиръ, своимъ походомъ 1863 г., приобрѣлъ номинальную верховную власть надъ западною частію Туркестана, и хотя, по уходѣ его, тамъ попрежнему началъ царить кипчакскій произволъ и возобновилась борьба разныхъ партій, но онъ, тѣмъ не менѣе, считалъ себя верховнымъ властелемъ всего Кокана. Поэтому эмиръ послалъ коменданту новозавоеваннаго города грозное письмо, въ которомъ требовалъ, что бы русскіе очистили Ташкентъ. Но русскій генералъ не обратилъ вниманія на это грозное требованіе, и когда услышалъ, что посланный имъ въ Бухару для улаженія дѣла г. Струве задержанъ бухарцами, выступилъ 18 (30) января изъ Ташкента съ 14 ротами пѣхоты, 6 эскадронами козаковъ и 16 пушками, и переправился черезъ Сыръ-Дарью, съ цѣлію идти прямо на Бухару и наказать эмира за оскорбленіе русскаго повѣреннаго.

Это предпріятіе, однако, не удалось. Русскіе должны были отступить, но совершили отступление въ величайшемъ порядкѣ; и хотя безчисленныя массы бухарцевъ окружали русскихъ со всѣхъ сторонъ, но потеря послѣднихъ была незначительна, и вовсе не давала бухарцамъ права сочинять побѣдныя вѣсти, которыя они въ то время разглашали по всему мусульманскому міру, и которыя, черезъ посредство левантской почты, достигали и до насъ. Генералъ Черняевъ оправдывался тѣмъ, что предпринятое имъ послѣднее движеніе на Бухару сдѣлано было единственно съ цѣлію разрушить козни тайныхъ англійскихъ эмиссаровъ, которые всѣми силами старались устроить союзъ Бухары съ Англією, и которые были главными виновниками задержанія посланнаго имъ для переговоровъ г. Струве. Несмотря на это оправданіе, Черняеву не простали сдѣланной имъ ошибки: онъ былъ лишенъ главнаго начальства надъ русскимъ войскомъ, и мѣсто его занялъ генералъ Романовскій. Послѣдній подвигался впередъ медленнымъ, но зато вѣрнымъ шагомъ. 31 марта (12 апрѣля), русскіе забрали стадо овецъ въ 15,000 головъ, которое сопровождали 4,000 бухарскихъ наѣзниковъ, а черезъ мѣсяць послѣ того, близъ Чинапа, произошла жаркая схватка, названная «ирджарскимъ сраженіемъ», въ которой татары были разбиты на голову. 14 (26) мая пала небольшая крѣпость Нау, а въ послѣдствіи и Ходжентъ, третій, по важности, городъ въ Коканѣ, взятъ былъ приступомъ, послѣ жаркаго боя, въ которомъ русскіе оставили на полѣ 133 убитыхъ и раненыхъ, а татары навѣрно вдесятеро болѣе. Но результатъ битвы, безъ сомнѣнія, стоилъ этой цѣны, ибо Ходжентъ лучше укрѣп-

день, чѣмъ Ташкентъ и всѣ другіе города Кокана: Ходжентъ сдѣлался второю опорною точкою для русскихъ, при движеніи ихъ къ югу и хотя «Русскій Инвалидъ», говоря о дальнѣйшихъ планахъ, утверждалъ, что завоеваніе Бухары, отдѣленной отъ прочихъ русскихъ владѣній степію, не можетъ быть цѣлю операцій русскаго войска, и даже было бы совершенно безполезно, но, несмотря на то, русскіе проникли черезъ Уратіупе и Джамъ-Заминъ до Джюзака, оставляя повсюду значительные гарнизоны.

Не менѣе интересно узнать: что происходило, во время этого побѣдоноснаго шествія русскихъ, въ самомъ Коканскомъ ханствѣ. Жители его, состоящіе изъ номадовъ, узбековъ и таджиновъ или сартовъ, также рѣзко отличались между собою, въ отношеніи расположенія или нерасположенія къ русскимъ, какъ и въ отношеніи національности, званія и занятій. Воинственные и пользующіеся большимъ вліяніемъ, кипчаки, какъ старые враги бухарцевъ, которые хотѣли навязать имъ ненавистнаго Худояръ-хана, тотчасъ же перешли на сторону Россіи. Дружба ихъ была важнымъ приобрѣтеніемъ для русскихъ, и сближеніе послѣднихъ съ кипчаками началось, по всей вѣроятности, еще въ то время, когда подвигавшійся къ сѣверовостока отъ Иссыкъ-Куля корпусъ русской арміи пришелъ въ соприкосновеніе съ ними, иначе успѣхи русскихъ на этой линіи не могли бы быть достигнуты такою дешевою цѣною. Узбеки, считаемыя по праву господствующею расою, защищались, по возможности, но, при свойственномъ имъ недостаткѣ храбрости, рѣшимости и стойкости, они не могли быть опаснымъ врагомъ; наконецъ, сообразивъ, что русское владычество, можетъ быть, не будетъ хуже, чѣмъ вѣчная война съ Бухарою, они порѣшили покориться неизбежной участи. Только нѣкоторые озлобленные имами и муллами, гонимыя какимъ то безпричиннымъ страхомъ, бросились въ Бухару, какъ, напримѣръ, потомки Ходжа-Ахметъ-Іезеви, которые впрочемъ вѣроятно скоро возвратятся на мѣста, гдѣ покоятся кости ихъ священныхъ предковъ, такъ какъ русскіе, конечно, не станутъ имъ препятствовать собирать благочестивыя подаянія во время хожденія на богомолье. Впрочемъ, *желали* занятія страны русскими только богатые ташкентскіе купцы, сарты или таджики, да незначительное число персидскихъ невольниковъ: первые ожидали для себя большихъ выгодъ отъ включенія ихъ роднаго города въ русскую таможенную область, а послѣдніе надѣялись, что, съ прекращеніемъ владычества узбековъ, кончится ихъ подневольное положеніе. Какъ видно изъ письма генерала Крыжановскаго въ одну московскую газету, болѣе всего услугъ оказали русскимъ сарты. Ихъ аксакалы, а не аксакалы узбековъ, первые получили отъ русскихъ въ награду разныя почетныя званія и должности. Въ публичныхъ мѣстахъ они всегда являются вмѣстѣ съ русскими офицерами, и держатъ рѣчи

къ народу. Находясь съ давнихъ поръ въ торговнѣ сношеніяхъ съ Россією, многіе изъ таджиковъ, особенно таикентцы, знаютъ русскій языкъ и русскую грамоту, почему употребляются въ качествѣ толмачей и посредниковъ, и такъ какъ многіе изъ нихъ получили мѣста предсѣдателей *мекесовъ* (судовъ) и разныя другія общественныя должности, то легко угадать, какая была главная побудительная причина ихъ приверженности къ русскимъ.

Таковъ былъ ходъ событій на главной операціонной линіи русскихъ въ Коканѣ. Но и въ прилежащихъ пунктахъ, какъ на востокъ, такъ и на западъ, начато было втихомолку дѣло переворотовъ. Въ китайской Татаріи, какъ слышно, съ 1864 г. вытѣснены китайскіе гарнизоны, и установлено національное правительство. Сначала возмущались тунганы, а затѣмъ послѣдовало освобожденіе отъ китайской власти Хотена, Яркенда, Аксу и Кашгара, и хотя въ основѣ этихъ смуть, быть можетъ, лежала просто исконная страсть коканскихъ ходжей къ разбойничеству, однако многіе утверждаютъ положительно, что русскіе поощряли возмущеніе, и даже, что вичаки, владѣющіе теперь Кашгаромъ, завоевали его при помощи русскаго оружія. Это обыкновенная прелюдія русскаго вмѣшательства. Нѣкоторое время этимъ самостоятельнымъ городамъ позволятъ враждовать и воевать между собою; но легко предвидѣть, что ихъ распри скоро покажутся опасными для спокойствія русскихъ границъ, находящихся, впрочемъ, далеко отъ тѣхъ мѣстъ, и если только пекинскій дворъ не поспѣшитъ возстановитъ порядокъ въ китайской Татаріи, то русскіе навѣрно скоро предупредятъ его въ этомъ отношеніи. Англійская печать утѣшаетъ себя тѣмъ, что непреодолимая преграда, представляемая хребтомъ Куэнь-Люэнь, дѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее приближеніе русскихъ къ Кашмиру, и что даже если бы русскіе дѣйствительно сдѣлали диверсію съ этой стороны, то это только послужило бы къ пользѣ среднеазиатской торговли. Но мы пока оставимъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, а теперь посмотримъ, каково положеніе дѣлъ въ части Средней Азій, лежащей къ западу отъ Кокана. Хотя русскіе завязали войну съ Бухарою, но до сихъ поръ не нападали на бухарскую территорію, ибо Джюзакъ составляетъ законную границу между Бухарою и Коканомъ. До сихъ поръ непріятельскія дѣйствія Россіи съ Бухарою ограничиваются дипломатическою перестрѣлкою, за которую въ перспективѣ видѣется революція Шери-Себза, прославившагося въ войнахъ съ Бухарою. Хотя русская печать постоянно отрицаетъ всякое вмѣшательство Россіи, но появленіе въ Ташкентѣ асакаловъ Шери-Себза что нибудь да значить. Менѣе всего, сравнительно, замѣтны планы Россіи въ Хивѣ. Населенной части собственно Хивинскаго ханства русское вліяніе еще не коснулось, и только на сѣверѣ у Сыръ-Дарьи, вдоль восточнаго берега Аральскаго озера, со времени

разрушенія крѣпости Ходза-Ниязъ, нѣкоторые бродячія толпы обращены въ русское подданство.

II.

Будущая политика Россіи въ Средней Азій.

Изъ предъидущаго очерка дѣйствій русскихъ въ Средней Азій легко видѣть, какова будетъ политика петербургскаго кабинета въ ближайшемъ будущемъ, и какимъ образомъ онъ станетъ далѣе преслѣдовать свои планы.

Самые южныя и слѣдовательно самые крайніе форпосты русскихъ стоятъ въ Джюзакѣ. Слово «Джюзакъ» означаетъ на среднеазиатскомъ языкѣ знойное, палимое солнцемъ мѣсто, и положеніе Джюзака въ глубокой котловинѣ горъ Акъ-Тау вполне оправдываетъ данное ему имя. Въ слѣдствіе крайне нездороваго климата и недостатка воды, число жителей въ этой станціи на пути въ Коканъ весьма не велико, а потому, не смотря на помянутыя увѣренія «Русскаго Инвалида» и противоположное моему мнѣнію ученаго автора статьи «Central Asia», въ октябрьской книгѣ за 1866 г. «Quarterly Review», я не думаю, что бы русскіе на долгое время избрали Джюзакъ мѣстомъ стоянокъ и отдыха. Даже независимо отъ нездороваго климата, продолжительное пребываніе въ Джюзакѣ было бы неблагоразумно въ политическомъ отношеніи. Русскіе очень хорошо знаютъ, какое значеніе имѣетъ Бухара въ глазахъ всего среднеазиатскаго, даже можно сказать—всего мохамеданскаго міра. Они знаютъ, что настоящій источникъ религіозныхъ вѣрованій и міросозерцанія не только среднеазиатцевъ, но также индусовъ, афганцевъ, ногайскихъ татаръ и другихъ фанатиковъ нужно искать на Церефанѣ. Поэтому, что бы нанести Средней Азій рѣшительный ударъ, необходимо, что бы бухарскій эмиръ, именующій себя «княземъ всѣхъ правовѣрныхъ» призналъ надъ собою главенство блага царя; необходимо, что бы благородная, священная Бухара, гдѣ воздухъ наполненъ ароматическимъ запахомъ фатихъ и звуками изрѣченной корана, повторяемыхъ благочестивыми послѣдователями пророка, преклонилась передъ могуществомъ невѣрныхъ; необходимо, что бы толпа безумныхъ фанатиковъ и религіозныхъ энтузіастовъ созналась, что покоящіяся въ ихъ землѣ святые не въ силахъ притупить русскіе штыки. Паденіе Бухары будетъ ужасающимъ примѣромъ для всего мусульманскаго міра; шумъ отъ этого паденія разнесется, какъ грозное предостереженіе, по всему Востоку. Къ этому, безъ сомнѣнія, и будетъ стремиться петербургскій кабинетъ.

Съ этой точки зрѣнія, весьма вѣроятно, что и на будущее время главное вниманіе русскихъ будетъ обращено на операционную линію, проходящую чрезъ Ташкентъ, Ходжентъ и Самаркандъ. Покореніе современемъ всего Кованскаго ханства не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ это покореніе не представляеть особенныхъ трудностей; но главная задача русскихъ будетъ состоять въ сохраненіи и обезпеченіи тѣхъ путей, на которыхъ русская армія, при дальнѣйшемъ движеніи впередъ, можетъ удобно поддерживать сообщеніе, какъ съ еяльными гарнизонами, находящимися въ хорошо укрѣпленномъ теперь Ташкентѣ, такъ съ Оренбургскою губерніею и съ Семипалатинскою областію. Пусть эмиръ употребляетъ всевозможныя средства, что бы пріобрѣсти дружбу Россіи, чего онъ, впрочемъ, до сихъ поръ еще не дѣлалъ; пусть онъ отправляетъ сколько угодно посланцевъ въ Цареградъ; пусть онъ шлетъ какія угодно приглашенія къ вице-королю Индіи: все это ему ни мало не поможетъ. Столицею Бухары будетъ управлять русский исправникъ, безъ него, или вмѣстѣ съ нимъ. Русскіе не успокоятся до тѣхъ поръ, пока древній Самаркандъ и Нахшебъ (Карши), или весь правый берегъ Аму-Дарьи, не будетъ присоединенъ къ ихъ исполинскому царству. Само собою разумѣется, что покорить земли, лежащія по ту сторону Аму-Дарьи, будетъ не такъ легко, какъ Ташкентъ и другіе пункты, пріобрѣтенные до сихъ поръ въ Средней Азіи. Я представляю себѣ полчища фанатиковъ, муллъ, ишановъ, студентовъ, которые станутъ странствовать по ханствамъ, проповѣдая *«джимада»* (религіозную войну) между афганцами, туркменцами, каракапачаками, и разгнѣвая сцены благочестиваго сокрушенія, что бы Аллахъ обратилъ свой гнѣвъ на вторгающихся чужеземцевъ. Борьба будетъ не на жизнь, а на смерть, но борьба совершенно бесполезная. На сколько я знаю хивинцевъ и афганцевъ, союзъ ихъ съ Бухарою дѣло невозможное, потому что если бы они были расположены къ такому союзу, то онъ уже существовалъ бы давнымъ давно. Не въ слѣдствіе эгоизма или какихъ нибудь политическихъ расчетовъ, а просто въ слѣдствіе безхарактерности и отсутствія всякой предусмотрительности, они будутъ оставаться въ состояніи апатіи до тѣхъ поръ, пока Аннибалъ не перейдетъ черезъ порогъ. Не только у среднеазиатцевъ, но и у всѣхъ другихъ народовъ Востока, мы напрасно стали бы искать стремленія къ какой нибудь общей цѣли. Какъ афганцы—народъ, отличающійся воинственнымъ духомъ—могли бы доставить хорошо организованное вспомогательное войско, такъ и хивинскій ханъ могъ бы присоединиться къ арміи эмира съ 20 или 30 тысячами наѣздниковъ; но ни афганцы, ни хивинскій ханъ не сдѣлають этого. Соединить ихъ подъ однимъ начальствомъ счумѣлъ бы развѣ какой нибудь новый Тимуръ, или Чингисъ-Ханъ, да и то самая ничтожная добыча тотчасъ возбудила бы раздоръ въ ихъ рядахъ. Такъ точно и сотни ты-

сять искусныхъ туркменскихъ наездниковъ, живущихъ по ту сторону Аму-Дарьи вплоть до самой персидской границы, ничего не сдѣлаютъ для спасенія священнаго города. Ихъ инанамъ, побуждаемые своими собратами изъ священной Бухары и бухарскимъ эмиромъ, конечно употребятъ всѣ усилія, что бы поднять этихъ сыновъ пустыни на священную брань; но я слишкомъ хорошо знаю туркменцевъ, и увѣренъ, что они будутъ принимать участіе въ *джиадѣ* лишь до тѣхъ поръ, пока эмиръ станетъ платить имъ хорошее жалованье и кромѣ того будетъ указывать въ перспективѣ на богатую добычу; а какъ Афганъ и Персія нерѣдко заманивали ихъ въ свою службу, такъ и теперь русскіе имперіалы, по всей вѣроятности, скоро сдѣлаютъ ихъ товарищами по оружію козаковъ. Энтузіазмъ къ религіи пророка, по моему мнѣнію, существовалъ лишь въ первомъ столѣтіи геджры, или, вѣрнѣе сказать, только въ первые 50 лѣтъ по основаніи мохамеданства. Все, что совершилъ исламъ въ послѣдствіи въ Малой Азіи, въ восточной римской имперіи, на островахъ Средиземнаго моря, въ Венгріи и Германіи—все это совершено подъ вліяніемъ дикой жадности къ добычѣ, къ приобрѣтенію сокровищъ, и подъ вліяніемъ страсти къ приключеніямъ. Гдѣ нѣтъ этихъ поводовъ, тамъ нѣтъ и рвенія, и потому, повторяю, хотя борьба въ Бухарѣ будетъ упорная, но быстрая побѣда русскихъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Съ паденіемъ этого могущественнѣйшаго и сильнѣйшаго туркестанскаго ханства, Коканъ самъ согласится промѣнять нѣвѣйшую номинальную верховную власть блага царя на его покровительство. Но Хива, по всей вѣроятности, несмотря на печальный примѣръ своихъ сосѣдей, не испугается, и не уступитъ безъ боя. Впрочемъ, завоеваніе Харезма будетъ сопряжено съ значительными трудностями, хотя и не столь большими, какъ повореніе Кокана. За исключеніемъ двухъ городовъ, жители которыхъ нѣсколько знакомы съ Россією по торговымъ сношеніямъ, узбекскому населенію Хивы ненавистно самое имя русскихъ. Хивинцы въ отношеніи храбрости стоятъ гораздо выше коканцевъ и бухарцевъ, что, въ соединеніи съ ихъ особаго рода способомъ веденія войны и благоприятными для нихъ условіями мѣстности, потребуетъ не малыхъ усилій со стороны русскихъ. Многие географы и путешественники полагаютъ, что главнѣйшъ путемъ для русской экспедиціи будетъ служить рѣка Аму-Дарья, но я не могу согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Аму-Дарья, по причинѣ неправильности ея ложа и густой массы песку, который она несетъ въ своихъ волнахъ, неудобна для плаванія даже малыхъ судовъ, не говоря уже о военныхъ. Не проходитъ года, что бы ложе ея не перемѣщалось въ рухлой степной почвѣ на нѣсколько миль въ сторону отъ прежняго направленія. Русскіе, какъ видно, хорошо знаютъ эти неудобства Аму-Дарьи, потому что иначе маленькіе паро-

ходы аральской флотилии, устроенные для плаванія по рѣкамъ, начали бы свою задачу, проникать внутрь страны, скорѣе на Аму-Дарьѣ, чѣмъ на Сыръ-Дарьѣ. Ибо хотя небольшія укрѣпленія, находящіяся на возвышенномъ берегу Аму-Дарьи, какъ Кунградъ, Кипчакъ и Мангитъ, могли бы причинить нѣкоторый вредъ мимондущей флотилии, однако, зная жалкое состояніе хивинской артиллеріи, на это обстоятельство врядъ ли слѣдовало бы обращать вниманіе. Были, правда, попытки совершать плаваніе отъ устьевъ до Кунграда, такъ какъ на этомъ протяженіи рѣка имѣетъ наибольшую глубину и сравнительно самое правильное ложе; но дѣло такъ и кончилось на однѣхъ попыткахъ, а это служитъ лучшимъ доказательствомъ того, что устроить судоходство по Аму-Дарьѣ хотя не безусловно невозможно, но во всякомъ случаѣ весьма трудно.

Впрочемъ, все это лишь второстепенныя затрудненія, и русскіе утвердятся въ Хивѣ точно такъ же, какъ и въ Бухарѣ, хотя и не при содѣйствіи сѣдыхъ бородъ джагатайскаго племени, а при помощи своихъ штыковъ и нарѣзныхъ пушекъ.

Когда пріобрѣтеніе всего праваго берега Аму-Дарьи будетъ обезпечено, когда участокъ земли отъ Иссыкъ-Куля до Аральскаго моря перейдетъ въ полное владѣніе русскихъ, и будетъ снабженъ нужнымъ количествомъ хлѣбныхъ магазиновъ, тогда начнутся переговоры и сношенія съ Афганистаномъ. Въ Афганистанѣ петербургскій кабинетъ не такъ скоро станетъ дѣйствовать вооруженною рукою, не потому, что бы ему служили предостереженіемъ промахи, сдѣланные англичанами въ 1839 г., а просто потому, что такой образъ дѣйствія вообще несвойственъ русскимъ. Это было бы частію излишне, частію неблагоприятно, при постоянныхъ раздорахъ и усобицахъ потомковъ Достъ-Мохамеда: гдѣ братъ враждуетъ съ братомъ, гдѣ корысть и честолюбіе пускаютъ въ ходъ всевозможныя интриги, тамъ какойнибудь тайный агентъ, ласковое слово, обѣщаніе, могутъ принести гораздо больше пользы для задуманнаго дѣла, чѣмъ нападеніе вооруженною силою. До сихъ поръ Абдуррахманъ-ханъ, въ своей борьбѣ съ Ширъ-Али-ханомъ, еще не вступалъ въ связи съ русскими агентами, хотя и показывалъ видъ, что имѣетъ съ ними сношенія, желая тѣмъ застрашать англійскаго *мунши* (агента) въ Кабулѣ. Что онъ не прочь былъ бы вступить въ подобныя сношенія, я нисколько не сомнѣваюсь; но русскіе пока еще не подали къ тому повода. Если бы противники покровительствуемаго въ Англии эмира, Ширъ-Али-хана, получили хотя малѣйшій намекъ съ береговъ Невы, то они перестали бы кокетничать съ сэромъ Джономъ Лауренсомъ, остиндскимъ генералъ-губернаторомъ. Не только вожди и князья, но каждый афганскій воинъ, каждый пастухъ на Гильментѣ, освоился съ мыслию о сношеніяхъ съ русскими, и я имѣлъ множество случаевъ убѣдиться, какъ охотно вступили бы эти люди въ союзъ съ Россіею противъ англи-

часть. Принесла ли бы дружба съ Россією благодѣтельные плоды для Афганистана, соответствовала ли бы она его интересамъ, объ этомъ никто изъ афганцевъ не разсуждаетъ. Афганецъ, подобно всякому азіатцу, видитъ лишь минутную выгоду; онъ видитъ только вредъ, который афганцы испытали въ Кашмирѣ и Синдѣ, въ слѣдствіе преобладанія англичанъ; онъ живо помнитъ послѣднее пребываніе красныхъ мундировъ въ Кабулѣ и Кандагарѣ, и хотя знаетъ, что русскіе не лучше *франкозъ*, но, движимый чувствомъ мести, предпочтетъ союзъ съ Россією союзу съ Англією.

Поэтому русскіе до поры до времени будутъ дѣйствовать въ Афганистанѣ миролюбиво, будутъ стараться заключить съ афганцами союзъ, опирающійся не на трактатахъ, а на сильное войско на Аму-Дарѣѣ.

Та же политика будетъ преслѣдоваться русскими и въ Персіи. И тутъ петербургскій кабинетъ, въ послѣднія десятилѣтія, дѣйствовалъ какъ нельзя удачнѣе. Со времени появленія русскаго посланника при блестящемъ дворѣ сефевидовъ до настоящей минуты, вліяніе Россіи въ Иранѣ перешло черезъ многія видоизмѣненія. Русскіе, на которыхъ въ былое время персіане смотрѣли съ презрѣніемъ, сдѣлались могущественнѣйшимъ и опаснѣйшимъ противникомъ Ирана. Въ то время, какъ Англія и Франція, при Наполеонѣ I, соперничали изъ за пріобрѣтенія вліянія при тегеранскомъ дворѣ, Россія, какъ «*inter duos certantes tertius gaudens*», пролагала втихомолку путь къ завоеванію Закавказья, къ выгоднымъ трактатамъ, гюлистанскому и туркменчайскому. И между тѣмъ, какъ западныя державы упорствовали въ этой политикѣ взаимнаго соперничества, сѣверный колоссъ занялъ на Кавказѣ и на Каспійскомъ морѣ такую позицію, что тѣнь ея простирается чрезъ сѣверный край Ирана далеко внутрь этой страны. Во время посольства въ Персію сэра Генри Раулинсона, англійское вліяніе пошло было въ гору, но съ тѣхъ поръ оно постоянно падало, — что продолжается и до настоящей минуты: на сколько англійская политика въ Иранѣ отличалась во времена Малькольма щедростію и предупредительностію, на столько же она отличается, начиная съ Мэкъ-Нила, скупостію и вадостію. Въ слѣдствіе этого, шахъ и его министры принуждены были взять себѣ въ менторы русскихъ. Не въ надеждѣ на лучшее будущее, а просто по необходимости, Персія должна была изъ отеческихъ объятій британскаго льва броситься въ объятія сѣвернаго медвѣдя, и шахъ, волею неволею, пляшетъ подъ пѣсню послѣдняго.

Если мы теперь, послѣ обзора положенія дѣлъ въ Средней Азій, посмотримъ на пограничную линію, идущую отъ Японскаго моря до кавказскаго берега Чернаго моря, на протяженіи 13,000 верстъ, на которой Россія соприкасается съ множествомъ различныхъ, по происхожденію и религіи, народовъ, надъ будущею судьбою которыхъ виситъ, подобно Дамоклову мечу,

ея завоевательная политика,—то мы скоро замѣтимъ, что, хотя крайніе южные форпосты русскихъ находятся на рѣкѣ Араксъ, но пунктъ, на которомъ Россія, при своихъ дальнѣйшихъ завоеваніяхъ, натолкнется на европейскую державу, можно найти только въ Средней Азіи. Еще 20 лѣтъ тому назадъ, Россію отдѣляли отъ сѣверныхъ границъ британской Индіи большая виргивская степь и три ханства. Теперь же расстояние между Джюзакомъ и Пешауэромъ составляетъ не болѣе 15 дней пути или 120 географическихъ миль, хотя, правда, на этомъ протяженіи лежитъ и трудная дорога черезъ хребетъ Гиндуку. Путь этотъ, хотя представляющій затрудненія для перехода арміи, но затрудненія не непреодолимы, довольно удобенъ для проведенія политическаго вліянія, и Англія, видящая въ снѣжныхъ вершинахъ Гиндуку могущественный оплотъ своихъ владѣній, забываетъ, что русская пропаганда очень легко можетъ проникнуть съ береговъ Аму-Дарьи въ предѣлы Синда; Англія забываетъ, что съ той минуты, какъ въ Карши, Керки и Чарджуѣ станетъ развѣваться русскій флагъ, она можетъ уже считать Россію своею сосѣдкою.

III.

Виды Россіи на Индію и англійскіе оптимисты.

Имѣетъ ли дѣйствительно Россія серіозные виды на Индію; сдѣлаетъ ли она нападеніе на британскаго льва въ его богатыхъ владѣніяхъ; точно ли ея честолюбіе заходитъ такъ далеко, что она стремится соединить подъ своимъ могущественнымъ скипетромъ всю Азію, отъ береговъ Ледовитаго моря до мыса Коморина? Вотъ вопросъ, представляющій глубокій интересъ не только для англичанина, но и для всякаго европейца. Англійскіе государственные люди, какъ на берегахъ Темзы, такъ и на берегахъ Ганга, въ послѣднее время разрѣшили этотъ вопросъ отрицательно. Ихъ официальные и неофициальные органы видятъ въ перспективѣ не нападеніе со стороны Россіи на британскія владѣнія, а только сосѣдство съ этою державою, которое, по ихъ мнѣнію, нисколько не повредитъ интересамъ Англіи, и даже будетъ выгодно для нея, но эти господа крайне ошибаются. Неугасающій въ Россіи духъ традиціонной политики, ея упорное преслѣдованіе однажды задуманныхъ плановъ, ея безпредѣльное честолюбіе, громадность средствъ, которыми она располагаетъ, все это не позволяетъ ни на минуту усумниться, что Россія будетъ упорно стремиться къ достиженію однажды предположенной цѣли. Россія желаетъ приобрѣсти Индію: вопервыхъ, что бы украсить этимъ драгоценнымъ перломъ богатую діадему своихъ азіатскихъ владѣній,

ради полученія котораго она такъ долго и съ такими огромными усиліями и издержками пролагаетъ себѣ путь черезъ самыя пустынные степи въ мірѣ; вторыхъ, что бы облегчить себѣ распространеніе вліянія на весь меккеданскій міръ, такъ какъ обладатель Индіи, въ глазахъ мусульманъ, означаетъ крайнюю степень могущества и величія; и наконецъ, что бы сподвигнуть британскаго льва по ту сторону Гиндуку, и тѣмъ облегчить осуществленіе своихъ плановъ на Босфорѣ, Средиземномъ морѣ и во всей Европѣ, такъ какъ восточный вопросъ, — какъ теперь уже никто болѣе не сомнѣвается, легче рѣшить по ту сторону Гиндуку, чѣмъ на Босфорѣ. Если бы Россія, во время крымской войны, когда въ Севастополѣ чествовали брата Нана-Самба, занимала на Сыръ-Дарьѣ ту позицію, которую она теперь занимаетъ, то виды ея на Цареградъ не были бы такъ легко погребены подъ развалинами Малахова кургана.

Исполненіе этихъ обширныхъ плановъ Россіи, можетъ быть, не будетъ дѣломъ ближайшаго къ намъ десятилѣтія, и въ особенности нынѣшняго ея миролюбиваго царствованія; но кто поручится за будущее? Всякій знаетъ что въ состояніи сдѣлать Россія при нынѣшнемъ социальномъ состояніи ея подданныхъ, которое еще долгое время не измѣнится. Небезизвѣстно это, конечно, и государственнымъ людямъ Англіи. Тѣмъ удивительнѣе, что именно эти господа съ такою небрежностію разсуждаютъ о помянутыхъ возможныхъ случайностяхъ, и что они доказываютъ такими поверхностными аргументами невозможность нападенія русскихъ на Индію. Они обыкновенно указываютъ на неприступныя снѣжныя вершины Гиндуку и Гималайскаго хребта, на орды кочующихъ народовъ, которые, по ихъ мнѣнію, преградили бы идущей съ сѣвера арміи путь къ югу. Они утѣшаютъ себя мыслию, что русская армія, пройдя огромное разстояніе, достигнетъ границъ Индіи усталая, истощенная лишениями пути, между тѣмъ какъ англійское войско, стоящее выше ея, въ отношеніи военнаго искусства и энергии, будетъ спокойно и удобно ждать непріятели. Но неужели эти господа серьезно думаютъ, что Россія, если она дѣйствительно имѣетъ намѣреніе напасть на Индію, пошлетъ туда войско прямо изъ Петербурга, Москвы или Архангельска? А южныя сибирскія укрѣпленія на что? А Ташкентъ, Ходжентъ и въ послѣдствіи также Бухара, Самаркандъ на что? А союзъ съ Персією и Афганистаномъ на что? спросимъ мы. Извѣстно что совершили русскіе козаки и линейное войско при Гунибѣ и на дикихъ неприступныхъ горахъ Кавказа. Но развѣ это войско прибыло на эту стоянку измученнымъ, истощеннымъ? А вѣдь разстояніе до этой стоянки отъ Петербурга немногимъ менѣе разстоянія Пешауэра отъ городовъ Закавказья! И на какомъ же основаніи предполагать, что русскіе непременно изберутъ трудный путь черезъ Вельхъ въ Кабуль, а оттуда черезъ хейберскій горный проходъ, а не какой нибудь другой? Не говоря

уже о томъ, что этотъ путь былъ гибеленъ для англійской арміи въ 1839 г. только потому, что она бѣжала въ страхъ и безпорядкѣ, ибо та же самая армія, при вступленіи въ Кабуль, прошла по тому же самому пути безъ особенныхъ жертвъ,—замѣтимъ, что дорога черезъ Герать и Кандагаръ, служащая караваннымъ путемъ въ Индію черезъ проходъ Болянъ, гораздо удобнѣе дороги на Кабуль. Правда, дорога черезъ боланское горное ущелье, идущая на протяженіи 54 или 55 англійскихъ миль, стоила англійскому отряду многодневныхъ усилій; но перевозка мортиръ 24-хъ фунтоваго калибра и пушекъ 18-ти фунтоваго, какъ сообщаетъ одинъ англійскій писатель, заслуживающій довѣрія, не представляла особенныхъ затрудненій. Или почему русскіе не могутъ избрать такъ называемой средней дороги между Индустаномъ и Хоросаномъ, именно дороги черезъ гомульскій или гулерійскій проходъ, которая, по словамъ Бёрнса, служитъ афганскому племени Логани главнымъ путемъ сообщенія, и которая не представляетъ никакихъ сколько нибудь значительныхъ трудностей?

Вообще мы рѣшительно не можемъ раздѣлять увѣренности англійскихъ оптимистовъ, относительно невозможности вторженія въ Индію, обусловливаемой, будто бы, непреодолимыми естественными преградами. Путь черезъ Кабуль былъ бы избранъ русскими лишь въ крайнемъ случаѣ, потому что главные пункты, съ которыхъ Россія можетъ совершенно удобно приблизиться къ границамъ Индіи—это Джюзакъ и Астрабадъ, отъ перваго въ южномъ, отъ втораго въ восточномъ направленіи. По обоимъ этимъ путямъ—отъ Джюзака и Астрабада—съ незапамятныхъ временъ ходили арміи, и благополучно достигали цѣли похода, такъ какъ оба пути, хотя и окруженные большими степями, пролегаютъ по хорошо воздѣланнымъ, даже плодороднымъ мѣстностямъ, могущимъ свободно прокормить проходящее войско, хотя бы оно состояло изъ многихъ тысячъ солдатъ.

Точно также англичане сильно преувеличиваютъ свои шансы въ войнѣ съ русскими, если бы эта война возгорѣлась. Правда, ихъ нынѣшняя армія въ Индіи, состоящая, кромѣ сильнаго контингента сипаевъ, изъ 70,000 отборнаго британскаго войска, несравненно значительнѣе тѣхъ боевыхъ силъ, какія они прежде держали въ этихъ владѣніяхъ. Россіи, конечно, трудно было бы провести черезъ Афганистанъ въ Пенджабъ такую же, по численности, армію; но не слѣдуетъ забывать, что русскіе, при нашествіи на Индію, имѣли бы прочную опору въ союзѣ съ Персією и Афганистаномъ, и въ недовольствѣ, господствующемъ въ Пенджабѣ, Кашмирѣ, Потанѣ и особенно между мохамеданскимъ населеніемъ Индіи. Сѣтъ жelvзныхъ дорогъ, постепенно распространяющаяся по всей Индіи, конечно, дастъ англичанамъ возможность быстро сосредоточивать и передвигать свои войска; но главный источникъ подрывленія ан-

гійскихъ боевыхъ силъ въ Индіи, находящійся на берегахъ Темзы или на островахъ Средиземнаго моря, немногимъ ближе отъ театра будущей войны, чѣмъ главный источникъ военныхъ силъ русскихъ, особенно если принять въ соображеніе, что совершающіе плаваніе по Волгѣ пароходы (числомъ болѣе 300) могутъ значительно облегчить перевозку русскаго войска на южные берега Каспійскаго моря. По этому пути, пролегающему по хорошо населенной части сѣверной Персіи, можно въ короткое время провести большую армію, именно—съ одной стороны черезъ Астрабадъ, Будшнурдъ и Кабушанъ, а съ другой—по желѣзной дорогѣ (пока еще только проектированной). Эту желѣзную дорогу Россія, какъ увѣряетъ, хочетъ построить для облегченія пути богомольцамъ, ходящимъ на поклоненіе гробу имама Ризы; но нельзя не замѣтить, что, общая денежное пособіе на постройку дороги, русскіе имѣли въ виду и другія не религіозныя цѣли. Въ виду почти несомнѣнной возможности нападенія русскихъ на Индію, англичанамъ не мѣшало бы также обратить вниманіе на политическія созвѣздія, которыя Россія съумѣла расположить благоприятнымъ для себя образомъ на дипломатическомъ горизонтѣ. Если уже при Наполеонѣ I существовалъ союзъ между Россією и Францією, оставившій замѣтные слѣды въ Тегеранѣ, то теперь, при томъ преобладающемъ вліяніи, которое Франція приобрѣла въ Египтѣ и Сиріи въ слѣдствіе прорытія суэзскаго канала, подобный союзъ было бы еще легче устроить. Но, независимо отъ этого, для осуществленія плана Россіи, можетъ быть весьма полезнымъ «сердечное согласіе» между петербургскимъ и вашигтонскимъ кабинетами, — согласіе, все болѣе и болѣе усиливающееся. Обыкновенно смѣются надъ тѣмъ, что республиканцы сошлись съ монархистами, но я позволю себѣ спросить: развѣ банкеты на берегахъ Невы въ честь заатлантическихъ друзей, поѣздка русскаго флота въ Нью-Йоркъ, приобретеніе Америкой большаго вліянія въ Китаѣ и Японіи, гдѣ она, повидимому намѣревается обратиться Тихій Океанъ въ американское озеро — развѣ все это не служитъ достаточнымъ основаніемъ, что бы видѣть въ русскоамериканскомъ союзѣ величайшую опасность для интересовъ Англій? Да, въ рѣшительную минуту, когда придетъ пора дѣйствовать, Россія будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи множество путей и средствъ, которые теперь подготавливаются втихомолку, и на которые англійскіе государственные люди не считаютъ нужнымъ обращать вниманія.

Но мы, пожалуй, готовы согласиться, что настоящее столкновение двухъ колоссовъ въ Индіи послѣдуетъ лишь въ весьма отдаленномъ будущемъ; мы не обидимся, если наши предсказанія назовутъ ложнымъ пророчествомъ. И въ такомъ случаѣ, для насъ всетаки остается непонятнымъ, какимъ образомъ англій-

скіе государственные дѣятели могутъ считать приближеніе своего сѣвернаго соперника къ Индіи безвреднымъ, какимъ образомъ могутъ они скрывать или умалять опасность, грозящую Англіи съ этой стороны?

Всякій разъ, когда этотъ вопросъ появляется на сцену, хоръ дружелюбныхъ Россіи англійскихъ политиковъ твердитъ одно и то же, именно, что имъ пріятнѣе имѣть сосѣдомъ благоустроенное государство, чѣмъ кочующія племена, живущія разбоемъ и не знающія никакого общественнаго порядка. Одинъ англичанинъ даже спросилъ у меня: развѣ я не предпочелъ бы сидѣть возлѣ изящнаго джентльмена, вмѣсто того, что бы имѣть въ сосѣдствѣ грубаго, грязнаго кочевника? Англійскіе политики поздравляютъ себя съ сосѣдствомъ Россіи, но для меня рѣшительно непостижимо, почему эти господа желаютъ имѣть сосѣдомъ лучше хитраго и могущественнаго противника, чѣмъ грубаго, правда, но зато безсильнаго врага. Что случилось нѣкогда въ Америкѣ, въ сѣверной Африкѣ, въ самой Индіи между возраставшею Англіею съ одной стороны и упадавшими Голландіею и Португаліею — съ другой, то уже часто повторялось и неразъ еще повторится на страницахъ исторіи. Какъ въ обыкновенной жизни двѣ сильныя эгоистическія личности рѣдко могутъ поладить между собою на одной и той же дорогѣ, такъ точно не могутъ поладить и два государства, доказательствомъ чего служить, между прочимъ, продолжительная война Англіи съ Франціею изъ за преобладанія въ Индіи. Хотя бы Россія была одушевлена самыми лучшими наміреніями, но можетъ ли она, которая опирается на исполинскую мощь всего азіатскаго материка, она, которая цѣлѣя сто лѣтъ упорно преслѣдуетъ свою политику въ степяхъ Средней Азій, не шада трудовъ и издержекъ, — можетъ ли она, подстрекаемая къ тому же своими соучастниками, устоять противъ искушенія осуществить свои планы? Будетъ ли она на столько воздержна, что бы не воспользоваться удобнымъ случаемъ прибрать къ своимъ рукамъ 30 милліонное мохамеданское населеніе Индіи? Индійскіе мохамедане, самые фанатическіе изъ всѣхъ послѣдователей ислама, питаютъ непримиримую ненависть къ британскому господству. Ихъ религіозная ревность, поддерживаемая съ одной стороны бухарцами, а съ другой вехабитами, доходитъ до того, что нѣрѣдко какойнибудь изувѣръ, ради стяжанія себѣ мученическаго вѣнца, убиваетъ невиннаго англійскаго офицера, прогуливающегося по базару, и затѣмъ самъ владетъ свою голову подъ топоръ палача. Въ Индіи, гдѣ религіозныя бредни искони находили для себя самую плодородную почву, исламъ облекся въ странныя, совершенно своеобразныя формы. Возникшія въ эпоху тимуридовъ братства развились здѣсь сильнѣе, и получили, большее значеніе, чѣмъ гдѣ либо, и не только Суатъ, но и каждая мѣстность въ Индіи имѣетъ своего Ахонда, на призывъ котораго къ *джиаду* охотно откликнутся тысячи поклонниковъ

пророка. Несмотря на многообразныя благодѣянія, оказанныя мѡхамеданамъ англійскимъ правительствомъ, они одни образуютъ въ Индостанѣ очагъ революцій; они одни, во время послѣднихъ смутъ, поддерживали бунтъ; они одни приходятъ въ восторгъ при мысли о завоеваніи Индіи русскими, и повсюду проповѣдуютъ о благахъ московскаго господства.

Не можемъ при этомъ случаѣ не вспомнить и объ армянахъ, которые, будучи разсыпаны по Персіи и Индіи, составляютъ такъ сказать отдѣльныя кольца той цѣпи, посредствомъ которой петербургскій кабинетъ проводитъ электрическій токъ своего вліянія съ береговъ Невы къ берегамъ Ганга, и даже къ берегамъ Явы и Суматры. Дѣятельные и богатые армяне, которые въ отношеніи религіознаго духа болѣе католики, чѣмъ самъ папа, болѣе православные, чѣмъ сами русскіе, конечно, не станутъ восхвалять туземцамъ Индіи протестантскую церковь и протестантскую державу, въ ущербъ православной Россіи. Сколько вѣрныхъ британскихъ подданныхъ, живущихъ въ Калькутѣ, Бомбей и Мадрасѣ, числятся въ Петербургѣ ревностными поборниками русскихъ интересовъ! Каждою члена армянской церкви въ Азіи можно считать тайнымъ агентомъ русской политики, и когда настанетъ рѣшительная минута, то англичане изумятся при видѣ мгновеннаго превращенія этого религіознаго нравственнаго миролюбиваго и промышленнаго народа.

Зная все это, мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ Англія можетъ равнодушно смотрѣть, какъ, въ сосѣдствѣ съ ея владѣніями, гдѣ находятся такіе легко воспламеняющіеся элементы, утверждается сильная и конечно не дружественная ей держава; не говоримъ уже: какимъ образомъ Англія можетъ *желать* этого сосѣдства? «Торговля усилится,» говорятъ намъ со всѣхъ сторонъ; но я подозреваю, что это мнѣніе о коммерческихъ выгодахъ, усматриваемыхъ англійскими государственными дѣятелями въ приближеніи русскихъ къ границамъ Индіи и въ прекращеніи анархіи въ Средней Азіи, есть скорѣе фраза, придуманная въ видѣ утѣшенія, чѣмъ искреннее убѣжденіе. Въ самомъ дѣлѣ, трудно какъ то вѣрится, что бы люди съ такимъ практическимъ смысломъ, какъ англичане, могли хотя на одну минуту предаться несбыточной надеждѣ, что осуществленіе плановъ Россіи, преслѣдуемыхъ съ давняго времени и стоившихъ ей столькихъ усилій и жертвъ, можетъ принести какую нибудь пользу Англіи, что на среднеазиатскихъ рынкахъ, когда они подпадутъ подъ русское владычество, англійскій товаръ получить перевѣсъ. Г. Дэвисъ постоянно указываетъ съ радостію, въ своихъ торговыхъ отчетахъ, на значительное усиленіе въ послѣдніе годы отпускной торговли, которую англичане ведутъ съ Среднею Азіею, черезъ Пешаверь, Карачи и Ладакъ; но и онъ, вѣроятно, согласится, что эта торговля увеличилась бы въдесятеро, если бы находила опору въ распространеніи англій-

скаго вліянія по ту сторону сѣверной границы Индіи. Даже и нынѣшняя торговля англичанъ въ Средней Азійи будетъ уменьшаться въ той мѣрѣ, въ какой русскій орелъ станетъ распространять свои крылья надъ этою страной. Петербургскій кабинетъ, по наружности, далъ согласіе на планъ лорда Вилліама Гэ (Haу) устроить путь черезъ Ладакъ, Яркендъ, Иссыкъ-Куль и Семипалатинскъ, но ни одному русскому государственному дѣятелю никогда и въ голову не приходило оказать на дѣлѣ поддержку этому плану. Китайцы въ отношеніи меркантильнаго духа превосходятъ не только русскихъ, но и самихъ англичанъ; однако же и они, въ своихъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россіею, не проникаютъ за предѣлы Маймачина, такъ что изъ Кяхты китайскій товаръ идетъ въ Петербургъ и въ Европу большею частію уже черезъ руки русскихъ торговцевъ. Или припомнимъ италянскихъ торговцевъ шелкомъ, которые подъ покровительствомъ Россіи отправились въ Бухару, гдѣ ихъ арестовали и лишили всего имущества. Изъ разсказа одного изъ нихъ (Гавацци) ясно видно, что онъ всегда смотрѣлъ подозрительно на русскія рекомендацiонныя письма, не взирая на всѣ послѣдующія ходатайства петербургскаго кабинета объ освобожденіи его товарищей. Произведенія англійской фабричной промышленности обыкновенно повсюду вытѣсняють съ рынка русскія мануфактурныя издѣлія. Купцы хивинскіе и бухарскіе уже теперь привозятъ изъ Нижняго Новгорода и Оренбурга русскіе товары, которые и продають подъ именемъ *инглизъ мали* (англійскій товаръ), такъ какъ среднеазіатцы всегда отдають предпочтеніе англійскому товару. Англичане забываютъ, что русская политика не отличается большимъ прамодушіемъ, и что русскіе на открытыхъ ихъ оружіемъ торговыхъ путяхъ навѣрно создадутъ для иностранцевъ не менѣе значительныя препятствія, чѣмъ тѣ, которыя теперь на торговомъ пути къ Аму-Дарьѣ представляютъ разбойничество афганцевъ и анархія между узбекскимъ населеніемъ. Въ 1864—65 году одна Америка сбывла въ Индіи шерстяныхъ и хлопчатобумажныхъ издѣлій болѣе чѣмъ на 15 милліоновъ фунтовъ стерл., что, разумѣется, возможно только при свободныхъ учрежденіяхъ Англій. Неужели калькутскіе политики воображаютъ, что и Россія предоставитъ другимъ народамъ полную свободу вести торговлю въ Средней Азійи?

Къ сожалѣнію, такъ же несостоятельны и сужденія англичанъ о будущей политикѣ Россіи относительно Индіи. Какъ все зданіе неприступности Индіи, построенное пылкимъ воображеніемъ нынѣшнихъ государственныхъ людей Англій, разлетается въ прахъ, при первомъ прикосновеніи критики, такъ точно и доводы ихъ въ пользу будущаго «сердечнаго согласія» съ Россіею весьма шатки. Но вмѣсто того, что бы опровергать эти доводы,— что было бы бесполезнымъ трудомъ, мы лучше укажемъ на сдѣланные промахи, и поговоримъ о средствахъ, при помощи которыхъ и теперь еще можно было бы устранивъ вѣроятность не-

посредственнаго столкновешя, можно было бы избѣжать этой весьма опасной для англійскихъ интересовъ азартной игры.

IV.

Преимущества русской и невыгоды англійской политики.

Что бы лучше понять промахи, сдѣланные англійскими политиками въ отношеніи своихъ соперниковъ, русскихъ, необходимо принять въ соображеніе тѣ преимущества, которыми послѣдніе всегда пользовались и теперь пользуются на полѣ дѣйствія. Въ Европѣ обыкновенно смотрятъ съ изумленіемъ на гигантское царство русскихъ въ Азіи, но никому и въ голову не приходитъ спросить себя: что именно всего болѣе помогло русскимъ достигнуть этого господства на Востокаѣ? Русскіе — азіатцы, не столько по происхожденію, сколько по географическому положенію и социальному быту, и, соединяя въ своемъ характерѣ апатію азіатца со стойкостію и рѣшимостію европейца, они, лучше чѣмъ кто либо, умѣютъ обходиться съ азіатскими народами. Въ столкновеніяхъ съ китайцами, татарами, персіянами, черкесами, турками, русскіе всегда приспособлялись къ обстоятельствамъ: съ китайцами они были сами китайцы, съ татарами — сами татары, и т. д. Одинъ англійскій историкъ говоритъ, хотя не безъ нѣкотораго раздраженія, но во всякомъ случаѣ довольно вѣрно, что образъ дѣйствія русскихъ въ отношеніи азіатскихъ народовъ всегда походилъ на образъ дѣйствія тигра въ отношеніи своей будущей добычи. «Онъ сначала осторожно подкрадывается ползкомъ, и трусливо пресмыкается въ прахѣ, пока не выждетъ благоприятной минуты, когда можно съ увѣренностію сдѣлать роковой прыжокъ. Ихъ сладкорѣчивые эмиссары часто успѣваютъ устранить всякое опасеніе, всякое подозрѣніе, и ласкаютъ жертву до тѣхъ поръ, пока осуществленіе ихъ плановъ сдѣлается до того несомнѣннымъ, что всякое опасеніе и всякія мѣры предосторожности со стороны жертвы были бы совершенно напрасны. Поэтому, мы въ правѣ назвать измѣнникомъ отечества всякое правительство, которое дремлетъ при приближеніи русскихъ къ его границамъ, какъ бы медленно ни совершалось это приближеніе, какъ бы ни было велико разстояніе, отдѣляющее завоевателя отъ цѣли его стремленій». Будучи азіатцами, русскіе не отличаются отъ своихъ сосѣдей, въ отношеніи нравовъ, обычаевъ и образа мыслей, такъ рѣзко, какъ англичане, которые стоятъ на болѣе высокой степеніи цивилизаци, и для которыхъ, поэтому, было бы невыносимо отказаться отъ европейскихъ понятій, и влѣзть въ шкуру азіатца. Русскіе очень рѣдко могутъ оскорбить образъ мыслей азіатскихъ народовъ, и чрезвычайно легко приспособляются къ нему, когда того требуютъ ихъ выгоды. Въ Англійи правительство, до послѣдняго времени, считало унизительнымъ для себя вступать въ прямыя сношенія съ бухарскимъ эмиромъ, и всѣ

сношенія съ нимъ производились черезъ остиндскаго генералъ-губернатора. Въ Россіи думаютъ иначе, и еще не очень давно русскій государь, въ сношеніяхъ съ татарскими князьями Средней Азіи, именовался не императоромъ всероссійскимъ, а нескимъ ханомъ. Послѣдствія такого образа дѣйствія мы теперь видимъ въ томъ, что всѣ народы, соприкасающіеся съ пограничною чертою Россіи на азіатскомъ материкѣ, какъ кочующіе, такъ и осѣдлые, какъ буддисты, такъ и мохамедане, нисколько не чуждаются русскихъ, и живутъ съ ними въ короткихъ отношеніяхъ, если не въ дружбѣ,—чего въ такой степени нигдѣ нельзя встрѣтить въ заграничныхъ владѣніяхъ другой европейской державы.

Эти выгоды азіатскаго образа мыслей, усвоеніе котораго можно считать верхомъ хитрости, и въ области политическихъ сношеній приносятъ гораздо болѣе пользы, чѣмъ прямоту и справедливость, искони отличающія образъ дѣйствія англичанъ. Только враги Великобританіи въ Европѣ, только завистники ея могущества, могутъ упрекать англичанъ въ отношеніи ихъ образа дѣйствія въ Индіи; но кто знаетъ характеръ ея политическихъ сношеній съ туземными властителями и съ сосѣдями, и кто, съ тѣмъ вмѣстѣ, близко изучилъ натуру азіатца, тотъ увидитъ въ совершенномъ отсутствіи въ англійской политикѣ этихъ недостатковъ ошибку государственныхъ дѣятелей Англій.

Изучая исторію завоеваній Россіи на азіатскомъ материкѣ, отъ обширной Амурской области до самыхъ ничтожныхъ владѣній, прибрѣтенныхъ въ послѣднее время, мы видимъ, что всегда и вездѣ вторженію предшествуетъ одна и та же политика интригъ и козней, сѣяніе сѣмянъ раздора, подкупъ, приманка, при помощи самыхъ неблаговидныхъ средствъ. Сначала обыкновенно завязываютъ торговля сношенія съ туземцами; затѣмъ пользуются какою нибудь пустѣйшею ссорой, чтобы создать изъ нея, говоря языкомъ дипломатовъ, *cas belli*, т. е. поводъ къ войнѣ; гдѣ не представляется такого повода, тамъ подкапываютъ почву посредствомъ эмиссаровъ, стараются сманить князьковъ подарками, или отгуманить ихъ щедрымъ даяніемъ водки, и тѣмъ втянуть въ безвыходный очарованный кругъ. Основательную причину къ войнѣ, къ нашествію, трудно было бы найти, и колоссальная имперія русскихъ создана не столько силою ихъ оружія, сколько кознями ихъ азіатскихъ политиковъ. Далѣе, русскіе, въ слѣдствіе своихъ вышепомянутыхъ качествъ, гораздо лучше знакомы съ положеніемъ дѣлъ у азіатскихъ народовъ, гораздо лучше знаютъ обо всемъ, что происходитъ въ сосѣднихъ азіатскихъ странахъ, чѣмъ англичане и другіе европейцы. Благодаря неуспынной бдительности своихъ эмиссаровъ и неутомимому рвенію своихъ дипломатовъ, петербургскій кабинетъ, часто о самыхъ тайныхъ событіяхъ въ сосѣдней странѣ, узнаетъ скорѣе и обстоятельнѣе, чѣмъ само туземное правитель-

ство. Независимо отъ того, что въ Петербургѣ существуетъ специальное общество, имѣющее возможность извлекать пользу изъ практическаго знакомства его членовъ съ различными частями Азіи, — Россія не рѣдко употребляетъ какаго нибудь киргиза, бурята, черкеса или монгола, которому дано русское воспитаніе, своимъ орудіемъ, въ его вполнѣ или наполовину покоренномъ отечествѣ.

Въ Англіи мы видимъ совершенно противоположное.

Кто знаетъ, какъ мало знакома англійская публика съ событиями въ Индіи и съ положеніемъ дѣлъ въ странахъ, граничащихъ съ громадною англоиндійскою имперіею; кто читаетъ нелѣпныя и смѣшныя извѣстія и телеграфическія депеши въ англійскихъ газетахъ, идущія, черезъ Бомбей и Калькутту, въ Европу и Англію, кто знаетъ, какъ незначительно въ Англіи число государственныхъ дѣятелей, получающихъ точныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Азіи и могущихъ здраво судить въ вопросахъ восточной политики, — тотъ невольно изумится, какимъ образомъ Великобританія основала свои виѣвропейскія владѣнія, не говоря уже о томъ, какимъ образомъ она могла до сихъ поръ удержатъ ихъ за собою.

Англичане, даже тѣ, которые давно живутъ въ Азіи, обыкновенно, въ слѣдствіе своего національнаго характера, чуждаются туземцевъ, и весьма рѣдко знакомы съ ихъ языкомъ и обычаями. Въ слѣдствіе этого, англійское правительство принуждено ввѣрять должность драгомана, служащаго существеннымъ органомъ взаимныхъ сношеній, даже при такихъ важныхъ посольствахъ, какъ посольство въ Константинополь, натурализованнымъ (принятымъ въ подданство Англіи) левантцамъ, а не англичанамъ. Между тѣмъ какъ въ Россіи, Франціи и Австріи давно уже существуютъ специальные академіи и школы восточныхъ языковъ, для приготовленія молодыхъ людей, желающихъ посвятить себя дипломатической службѣ на Востокъ; въ Англіи, несмотря на огромныя денежныя средства, которыми обладаютъ тамошніи коллегіи и университеты, никому и въ голову не приходило устроить подобное учрежденіе. Точно также, въ паламентѣ и въ министерствѣ, гдѣ часто найдешь специалистовъ по самымъ мелочнымъ вопросамъ, есть весьма немного компетентныхъ людей въ отношеніи такого важнаго предмета, какъ положеніе дѣлъ въ Азіи, да и эти немногіе, благодаря господствующей въ англійской правительственной машинѣ системѣ непотисма, очень рѣдко имѣютъ возможность примѣнить къ дѣлу свои знанія и опытность.

Это крайнее равнодушіе англичанъ къ азіатскимъ дѣламъ невольно поражаетъ каждаго иностранца; но еще удивительнѣе то, что отъ людей, принадлежащихъ къ либеральной партіи въ Англіи, вы слышите иногда фразы, въ родѣ слѣдующей: «Что намъ за дѣло до Азіи, до кучки варварскихъ народовъ, которые въ результатѣ приносятъ намъ болѣе хлопотъ, чѣмъ

пользы; что намъ за дѣло до богатой Индіи, доходы съ которой еще долгое время не будутъ покрывать расходовъ по управленію ея, не говоря ужъ объ издержкахъ покоренія? Замѣчанія подобнаго рода мнѣ не рѣдко случалось слышать отъ знаменитѣйшихъ вождей этой партіи. Что высказываемыя ими сужденія вполне искренни, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; но я никогда не могъ добиться отвѣта, когда спрашивалъ: чѣмъ же думаютъ вознаградить утрату политическаго вліянія, возникающаго изъ имѣнія обширныхъ колониальныхъ владѣній? Эти господа, повидимому, совершенно забываютъ, что огромное множество молодыхъ англичанъ изъ всѣхъ сословій начинаютъ въ Индіи свою политическую и военную каррьеру; забываютъ, что множество сыновей изъ духовнаго и военнаго званія, не находя для себя въ тѣсныхъ предѣлахъ своего отечества приличнаго круга дѣятельности, отправляются въ Индію, и, обогатившись тамъ на доходныхъ мѣстахъ, возвращаются на родину спокойно проживать сколоченную въ лѣта юности копѣйку; господа, о которыхъ мы говоримъ, повидимому, совершенно упускаютъ изъ вида огромное число купцовъ, которые ведутъ обширныя торговыя дѣла въ азіатскихъ владѣніяхъ Англіи, и въ рукахъ которыхъ англійскій капиталъ увеличивается милліонами! Крайне близоруки должны быть эти либералы, которымъ обладаніе такою колоніею, какъ Индія, кажется неважнымъ, или даже бесполезнымъ. Впрочемъ, мнѣніе ихъ, что величіе Англіи должно основываться на цвѣтущемъ состояніи ея фабричнаго производства, а не на господствѣ надъ азіатскими народами, нельзя считать мнѣніемъ всего англійскаго общества, особенно въ настоящее время, когда въ Индіи только въ одни предпріятія по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, положено англійскаго капитала болѣе шестидесяти милліоновъ фунт. стерл.; ибо ни огромная производительность англійскихъ фабрикъ, ни предпримчивость англійскихъ торговыхъ дѣятелей, не могутъ достигнуть особенныхъ успѣховъ тамъ, гдѣ они не имѣютъ опоры въ англійскомъ господствѣ, доказательствомъ чего служатъ торговыя сношенія англичанъ съ Алжиріею и Среднею Азіею и другими небританскими владѣніями внѣ Европы.

Этотъ ошибочный взглядъ англійскихъ политическихъ дѣятелей обратилъ во вредъ всѣ преимущества, отличающія политику Англіи въ сравненіи съ русскою, которая преслѣдуется съ необыкновенною стойкостію и послѣдовательностію. Этому ошибочному взгляду и слѣдуетъ приписать то, что Россія въ невѣроятное короткое время стала могущественнымъ соперникомъ, близко подошедшимъ къ ахиллесовой пятѣ Великобританіи. Въ настоящее время, когда Россія утвердилась на Каспійскомъ и на Аральскомъ моряхъ, когда она совершенно покорила Кавказъ и приобрѣла огромныя выгоды въ Средней Азіи, было бы бесполезно стараться вытѣснить эту колоссальную державу изъ занятыхъ ею позицій. Что еще лѣтъ двадцать тому назадъ

можно было бы сдѣлать безъ особаго труда, то теперь уже рѣшительно невыполнимо, и если Англія не желаетъ подвергнуться обыкновенной участи торговыхъ государствъ, участи Кароагена, Венеціи, Генуи, Голландіи и Португаліи, то ей остается только одно средство спасенія: неуспѣшная бдительность за дѣйствіями своего соперника и немедленное принятіе всѣхъ, какія еще возможны, мѣръ предосторожности.

V.

Совѣты Англіи, какъ отвратить грозящую ей опасность.

Вступить теперь въ открытую борьбу съ возрастающимъ могуществомъ Россіи, было бы со стороны Англіи такую же ошибку, какъ и то странное бездѣйствіе, въ которомъ Англія пребывала послѣднія двадцать пять лѣтъ, въ виду всего совершающагося въ Средней Азіи. Россія утвердится на правомъ берегу Аму-Дарьи, присоединитъ къ своимъ владѣніямъ три средне-азіатскія ханства, а можетъ быть также и китайскую Татарію, и покоритъ своей власти все узбекское населеніе Туркестана. Воспрепятствовать этому теперь уже нельзя; но англичане должны, по крайней мѣрѣ, тутъ преградить путь своему сопернику, должны не допускать его до дальнѣйшихъ завоеваній.

Пространство, лежащее между рѣками Аму-Дарьей и Индомъ, должно остаться нейтральнымъ. Афганистанъ, по физическимъ условіямъ его мѣстности и по воинственному характеру его жителей, отличающихся съ тѣмъ вмѣстѣ—и это главное—большою склонностію къ дипломатическому образу дѣйствій, могъ бы служить прекрасною военною и политическою преградой, при существованіи которой столкновеніе двухъ колоссовъ въ Азіи сдѣлалось бы невозможнымъ. Повореніе этой страны стоило бы завоевателю, все равно откуда бы онъ ни пришелъ—съ сѣвера или съ юга, десятиро болѣе упорной борьбы, чѣмъ, на примѣръ, покореніе Кавказа. Кромѣ того, обладаніе Афганистаномъ далеко не вознаградитъ трудовъ и издержекъ завоеванія его. Постоянныя смуты, царствующія въ этой гористой странѣ, не могутъ принести никакой пользы ни одному изъ сосѣдей; но, съ другой стороны, и опасность отъ этихъ смутъ не такъ велика, что бы могла оправдать завоевательные планы Россіи или Англіи въ отношеніи къ Афганистану.

Какимъ образомъ Англія можетъ обезпечить нейтралитетъ Афганистана на случай, если бы Россія стала преслѣдовать дальѣе свою завоевательную политику? Что должны англичане дѣлать, что бы, не являясь въ Афганистанѣ, въ качествѣ завоевателей, воздвигнуть въ этой странѣ, при помощи своего вліянія, прочную преграду планамъ Россіи?

Достигнуть этой цѣли можно путемъ искусныхъ дипломатическихъ сношеній съ Афганистаномъ, путемъ непрерывныхъ съ

имъ связей, которыя поддерживались бы чрезъ посредство агентовъ, хорошо знакомыхъ съ характеромъ афганцевъ, и умѣющихъ въ обращеніи съ ними вполне усвоить себѣ образъ мыслей и обычаи азіатца.

Какъ лордъ Оклендъ (Auckland), бывшій остиндскій генералъ-губернаторъ, сдѣлалъ ошибку, вмѣшавшись, въ 1839 г., фактически въ дѣла Афганистана, такъ и преемники его впади въ такую же, и даже болѣе важную, ошибку, относясь съ полнымъ и систематическимъ безучастіемъ къ событіямъ и положенію дѣлъ въ этой сосѣдней странѣ. Въ этомъ случаѣ англичане поступали, какъ ребенокъ, который, разъ обжегшись, долгое время не рѣшается близко подойти къ огню. Катастрофа, которою кончилась злополучная афганистанская кампанія 1839 г., и тридцать милліоновъ фунт. стерл., которые потрачены на эту кампанію, и теперь еще, по прошествіи четверти столѣтія, такъ живо сохраняются въ памяти каждаго британца, что онъ приходитъ въ ужасъ, даже при мысли о распространеніи англійскаго вліянія за хребетъ Гиндуку. Англичане изъ одной крайности впади въ другую. Сначала они вооружаются съ ногъ до головы для защиты дѣла какого нибудь шаха Седжи, нелюбимаго народомъ, а потомъ, по присоединеніи къ своимъ владѣніямъ Пенджаба, не обращаютъ на Кабулъ ни малѣйшаго вниманія. И почему это они такъ боятся переступить за предѣлы Пешавера? Если многія тысячи афганцевъ разныхъ племенъ ежегодно переходятъ черезъ сѣверную границу Индостана, отчасти съ коммерческою цѣлію, отчасти въ видахъ отысканія болѣе обильныхъ пастбищъ для своихъ стадъ, то почему бы и англійскимъ путешественникамъ не отваживаться проникать за Гиндуку, или даже удалаться на нѣсколько часовъ пути отъ Пешавера въ глубь страны? Афганскіе купцы ведутъ обширную торговлю съ Мультаномъ, Дели, Лагоромъ, отчего бы и англійскіе торговые дома не могли посылать своихъ агентовъ для той же цѣли въ Кабулъ?

Да, такое положеніе дѣлъ всегда удивляло меня, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я услышалъ, что англійскій офицеръ, посланный сэромъ Джономъ Лоренсомъ въ Кабулъ, для принесенія поздравленія Ширъ-Али-хану, ходилъ тамъ всегда въ сопровожденіи сильнаго отряда войска, что бы не сдѣлаться жертвою ярости фанатическаго населенія. Смѣшно давать азіатцамъ уроки въ европейскомъ великодушіи и любви къ справедливости. Англія, которая давно уже дѣйствуетъ такимъ образомъ съ жителями Востока, походитъ на человѣка, который хочетъ, во что бы то ни стало, заставить слѣпаго восхищаться рафаэлевскими картинами. Россія въ этомъ отношеніи далеко практичнѣе. Она знаетъ, что восточный человѣкъ только посмѣется надъ подобными доказательствами великодушія и гуманности, и станетъ злоупотреблять ими для своихъ цѣлей. Англія поступала бы гораздо благоразумнѣе, если бы, вмѣсто проповѣдыванія морали

жителямъ Востока, дѣйствовала съ ними тѣмъ же оружіемъ, какое они употребляютъ, и обращалась съ азіатцами поазіатски, а не поевропейски.

Когда мученики Конолли и Стодартъ томились въ тяжкомъ заключеніи, изъ котораго ихъ освободилъ потомъ топоръ палача, на англоиндійской территоріи находилось не мало бухарцевъ, коканцевъ и другихъ среднеазіатцевъ, задержаніемъ которыхъ можно было бы облегчить участь этихъ плѣнныхъ англійскихъ офицеровъ, и даже избавить ихъ отъ смерти. Россія въ подобныхъ случаяхъ обыкновенно тотчасъ прибѣгаетъ къ праву возмездія. Англія не сдѣлала этого. Она хотѣла разыграть великодушнаго, но спрашивается—что же она выиграла этимъ? Будучи въ Бухарѣ, я имѣлъ случай убѣдиться, какъ мало достигъ цѣли этотъ великодушный поступокъ Англіи въ отношеніи бухарскаго эмира. Бухарцы говорятъ, что Англія боится навлечь на себя гнѣвъ эмира, что она, въ слѣдствіе своей слабости, вынуждена была показывать такую умѣренность въ отношеніи Бухары.

Неужели калькутскіе политики воображаютъ, что афганцы думаютъ иначе? Афганцы говорятъ тоже самое: «наши торговцы индигомъ и пряными кореньями, наши продавцы верблюдовъ, охраняемые могуществомъ и величіемъ ислама, могутъ безопасно отправляться на британскую землю, между тѣмъ какъ къ намъ не смѣетъ показаться ни одинъ невѣрный».

Ту же непростительную слабость выказалъ вицецороль Ост-Индіи въ 1857 г., когда лордъ Каннингъ послалъ его въ Пешаверь, что бы тамъ, сообща съ Эдвардсомъ, заключить оборонительный и наступательный союзъ съ пріѣхавшимъ въ этотъ городъ Достъ-Мохамедъ-ханомъ. Афганцы въ то время находились въ крайне затруднительномъ положеніи: они нуждались въ деньгахъ и въ оружіи, что можно было замѣтить изъ каждаго слова сѣдаго хана, бывшаго въ сопровожденіи своихъ сыновей. И, несмотря на то, всѣ его желанія были удовлетворены въ точности, а онъ не согласился ни на одно изъ главныхъ условій, поставленныхъ Англіею. Афганцамъ было обѣщано 4,000 штукъ оружія (штыковъ, сабель и патронташей) и 12 лакъ рупій ежегодно во все время, пока Великобританія будетъ находиться въ войнѣ съ Персіею. Изъ этой значительной суммы они получили, даже послѣ заключенія мира, еще порядочную долю, а между тѣмъ главная цѣль переговоровъ, веденныхъ англичанами въ Кабулѣ и Кандагарѣ — имѣть въ Афганистанѣ постоянныхъ дипломатическихъ представителей Англіи, не была достигнута. Достъ-Мохамедъ-ханъ объявилъ, какъ рассказываетъ Кэ (Кэе), въ своей *«Исторіи послѣдняго возстанія сипаевъ»*, что онъ не беретъ на себя отвѣтственности за подобную мѣру; что онъ не можетъ охранить англійскихъ агентовъ отъ фанатизма афганскаго населенія; что эти агенты подвергаются опасности на каждомъ шагу, и т. д.

Для меня рѣшительно непонятно, какъ Джонъ Лоренсъ, который принадлежитъ къ числу немногихъ, знающихъ характеръ азіатцевъ, могъ повѣрить клятвѣмъ и ложнымъ опасеніямъ хитраго старика. Если въ Кандагарѣ, какъ сказалъ самъ же Достъ-Мохамедъ, англійская миссія живетъ спокойно, не подвергаясь преслѣдованію со стороны туземцевъ, то почему не могла бы существовать подобная миссія и въ Кабулѣ? Британскіе комиссары сильно ошибались, если усумнились хотя на минуту во всемогущество афганскаго хана. Немного болѣе настойчивости съ ихъ стороны, и англичане, явившіеся тогда спасителями въ нуждѣ, добились бы учрежденія не только двухъ, а многихъ посольскихъ постовъ. Афганцы скоро привыкли бы къ присутствію англійскихъ агентовъ, и дипломатическія сношенія, разъ установленныя, могли бы поддерживаться непрерывно.

Теперь сэръ Джонъ Лоренсъ, въ одной полуофіціальной статьѣ, напечатанной въ «Edinburgh Review» (январь 1867 г.), старается доказать, что трудно и бесполезно вступать въ дипломатическія сношенія съ такими дикими народами, какими окружена со всѣхъ сторонъ Индія. Отчего бы индійскому вице-королю не поучиться въ этомъ случаѣ у Россіи, которая граничитъ съ подобными же народами, но которая, несмотря на то, шлетъ къ своимъ среднеазиатскимъ сосѣдямъ посла за посломъ, умѣетъ заставить уважать себя, и такимъ образомъ постоянно подвигается къ желаемой цѣли? Отчего Англія не слѣдуетъ въ Средней Азій той же политикѣ, съ какой она нѣкогда начала въ Китаѣ, Японіи и въ другихъ азіатскихъ странахъ? Мнѣ кажется, что остиндскіе политики поступаютъ такъ не столько въ слѣдствіе того, что убѣждены въ трудности исполненія этого предпріятія, сколько въ слѣдствіе того, что не предвидятъ отъ послѣдняго большой пользы для себя. Но неужели эти господа не понимаютъ, какую огромную пользу принесло бы, какъ для интересовъ Англіи, такъ и для самыхъ афганцевъ, существованіе постоянного англійскаго посольства въ Афганистанѣ?

Образъ дѣйствій сэра Генри Раулинсона, который съумѣлъ долго и съ успѣхомъ держаться въ Кандагарѣ въ самомъ опасномъ положеніи и въ самое критическое время, служить блистательнымъ доказательствомъ того, что можно ладить съ самыми грубыми азіатцами. Если эгого офицеръ могъ сдѣлать такъ много, находясь въ грозной роли завоевателя, то чего нельзя было бы достигнуть путемъ дипломатической тактики, путемъ дружескихъ переговоровъ и убѣжденій?

Осозательныя послѣдствія непрерывныхъ дипломатическихъ сношеній англичанъ съ Афганистаномъ были бы, если не ошибаемся, слѣдующія:

1) Эти сношенія принесли бы огромную пользу торговлѣ. Такъ какъ англійскій товаръ уже давно пользуется въ Средней

Азіи хорошею славою, то произведенія англійской промышленности, если бы они привозились прямо изъ Англїи, безъ всякаго сомнѣнія, вытѣснили бы съ рынка менѣе цѣнные русскіе продукты. Теперь этого нѣтъ, — теперь на базарахъ Кабула, Кандагара, Герата и другихъ мѣстъ много русскіе товары, какъ, напримѣръ, желѣзные издѣлія и инструментныя, грубыя ситець, шерстяныя матеріи, находятъ гораздо большій сбытъ, чѣмъ однородные съ ними англійскіе, — единственно потому, что первые продаются дешевле, чѣмъ англійскій товаръ, цѣна котораго, уже первоначально болѣе значительная, чѣмъ цѣна русскаго, удваивается въ слѣдствіе издержекъ перевозки при транзитной торговлѣ. Въ Бухару, нѣкоторыя мѣста Хивы и въ Карши русскіе купцы прїѣзжаютъ сами, и, опираясь на энергическую поддержку своего правительства, могутъ конечно лучше соблюдать свои интересы, чѣмъ черезъ посредство иностранныхъ коммиссіонеровъ. Невозможно найти лучшаго проповѣдника и проводника цивилизаціи, чѣмъ торговля, чѣмъ эти нѣмныя тѣки товаровъ, привозимыя изъ Европы, и Англїя должна заботиться объ облегченіи торговыхъ сношеній съ Среднею Азією, не только ради коммерческихъ выгодъ, но также и для цѣлей распространенія европейской образованности между среднеазиатскими народами.

2) Афганцы, соединяющіе теперь съ именемъ *инимъ* (англичане) или *френи* (европейцы) понятіе о вооруженной силѣ, о жаждущемъ завоеваніи сосѣдѣ, при мирныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ, находя въ англійскихъ агентахъ доброжелательныхъ совѣтниковъ, скоро пережѣнили бы нынѣшнее невыгодное объ англичанахъ мнѣніе. Въ 1808 г., когда афганцы не опасались нашествія англичанъ, посланникъ послѣднихъ Монтъ-Стюартъ Эльфинстонъ, сопровождаемый многочисленною свитою (одинъ почетный конвой его состоялъ изъ 400 солдатъ англоиндійскаго войска), встрѣчалъ повсюду въ Афганистанѣ хорошій прїемъ, такъ какъ въ то время афганцы смотрѣли еще на англичанъ безъ недоуверія и страха. Тоже самое было до начала настоящаго столѣтія во всѣхъ частяхъ Оттоманской Имперіи. *Европеецъ* и *врагъ* были одно и то же въ понятіи правовѣрнаго мусульманина. Теперь же, когда наши посольства и консульства, несмотря на сопротивленіе Порты, утвердились во многихъ мѣстахъ турецкаго царства, османлысы и арабы значительно измѣнили свой взглядъ на европейцевъ. Они имѣютъ теперь болѣе ясное понятіе о собирательномъ имени *френи* (европейцы); они хорошо знаютъ, что, напримѣръ, Россія на столько же враждебно расположена къ Портѣ, на сколько Англїя дружелюбно, знаютъ, какое европейское правительство какіе преслѣдуетъ планы, и т. д. Безъ существованія въ Турціи нашихъ консульствъ, этого, конечно, не случилось бы. Такъ точно и афганцы, пока не вступятъ въ болѣе близкія мирныя сношенія съ англичанами, не поймутъ, что могутъ сдѣлать для

ихъ блага или несчастія Англія или Россія, не поймутъ, чья дружба полезнѣе для нихъ.

3) Афганцы, самый воинственный изъ всѣхъ среднеазиатскихъ народовъ, могли бы, подъ руководствомъ и при дѣятельной поддержкѣ англичанъ, сдѣлаться значительною военною державою. То, что успѣли сдѣлать французскіе инструкторы въ арміяхъ султана Махмуда и египетскаго паши мехемедъ-Али, а англійскіе офицеры въ войскахъ шаха Аббасъ-Мирзы, было бы ничтожно въ сравненіи съ успѣхами, какихъ можно достигнуть въ этомъ отношеніи съ афганцами, изъ которыхъ очень легко было бы образовать регулярное войско, какъ о томъ можно судить по нѣсколькимъ кабульскимъ полкамъ, обученнымъ сипаями дезертирами. Такихъ же успѣховъ можно было бы достигнуть и въ отношеніи крѣпостей Герата и Кандагара, которыя не представили бы тогда легкой добычи осаждающему русскому войску, если бы укрѣпленіемъ ихъ руководилъ какой нибудь второй Поттингеръ.

4) Но самая главная выгода учрежденія постоянныхъ англійскихъ дипломатическихъ представителей въ Средней Азій заключалась бы, по нашему мнѣнію, въ томъ, что тогда Англія, получая точныя свѣдѣнія обо всемъ, происходящемъ въ среднеазиатскихъ государствахъ, о всѣхъ замыслахъ и дѣйствіяхъ русскихъ, не подвергалась бы опасности неожиданнаго нападенія на томъ или надругомъ пунктѣ, и, зная истинное положеніе дѣлъ, всегда могла бы заблаговременно принять нужныя мѣры предосторожности. Въ настоящее время остиндскій вице-король содержитъ, правда, въ Кабулѣ, Кандагарѣ и Гератѣ нѣсколькихъ *мунши* (буквально писарь), неимѣющихъ никакого officialнаго характера. Эти *мунши*, обыкновенно изъ мохамеданъ, получающіе иногда большое жалованье, обязаны доставлять отъ времени до времени рапорты о положеніи дѣлъ. Кромѣ *мунши*, въ особенныхъ случаяхъ, посылаются лазутчики или тайные эмиссары, которые, переодѣтые купцами или пилигримами, ходятъ по Туркестану, развѣдывая о политическихъ событіяхъ. Не говоря уже о томъ что, какъ *мунши*, такъ и тайные эмиссары, вообще не способны къ исполненію возлагаемой на нихъ задачи просто потому, что они никуда не имѣютъ доступа, и записываютъ въ своихъ памятныхъ книжкахъ, одни базарные слухи и толки, знаютъ одну *караванную* политику,—я, какъ человѣкъ, много лѣтъ возвращавшійся въ кругъ азіатцевъ, полагаю, что этимъ людямъ, т. е. *мунши* и тайнымъ эмиссарамъ, всего менѣе можно вѣрять. Неужели калыктскимъ политикамъ неизвѣстно, что такое мохамеданскій фанатизмъ? неужели они не знаютъ, что никакія деньги не заставятъ мусульманина дѣйствовать противъ своего брата, мусульманина, въ пользу *фрэнки*? По наружности, эти эмиссары и лазутчики показываютъ величайшую преданность Англіи, полнѣйшую готовность служить англійскимъ интересамъ; но, очутившись на

мѣстѣ своего назначенія, въ Средней Азійи, они дѣлаются преданнѣйшими друзьями своихъ единовѣрцевъ, съ которыми они ходятъ въ одну и ту же мечеть, садятся на одинъ и тотъ же коверъ, для исполненія религіозныхъ обрядовъ. Индобританскіе государственные дѣятели, вѣроятно, не согласятся со мною въ этомъ случаѣ; но, несмотря на то, я всетаки убѣжденъ, что именно въ этомъ обстоятельствѣ, т. е. въ содержаніи Англіею подобнаго рода агентовъ, заключается причина того, что англійское правительство получаетъ крайне невѣрныя и неполныя свѣдѣнія о происходящемъ въ Средней Азійи, что въ Европу приходятъ черезъ Индію нелѣпнѣйшіе слухи и что оно, т. е. англійское правительство, видитъ положеніе дѣлъ въ среднеазіатскихъ ханствахъ лишь въ тотъ свѣтъ, въ какомъ желаетъ выставить его русская дипломатія.

Будучи далекимъ отъ мысли брать на себя роль совѣтника въ дѣлахъ политики, я хотѣлъ только указать на тѣ средства, при помощи которыхъ вѣрнѣе всего можно достигнуть нейтралитета Афганистана, и сдѣлать это государство могущественною преградю дальнѣйшимъ завоеваніямъ Россіи въ Средней Азійи. Когда дѣло идетъ о вопросѣ такой первостепенной важности для величія Англіи и для сохраненія ея могущества, обладаніемъ Индіею, было бы слишкомъ опасно искать мнимой опоры въ какихъ нибудь палліативныхъ мѣрахъ. Ошибки въ области политики, какъ бы ни были онѣ незначительны сами по себѣ, образуютъ съ теченіемъ времени, такъ сказать, отдѣльныя звѣнья непрерывной цѣпи неудачъ которую въ послѣдствіи не въ состояніи будутъ разорвать никакія усилія, никакая мудрость государственныхъ дѣятелей.

ОТНОШЕНИЕ НАРОДНОЙ ЭКОНОМИИ

къ классической древности.

(Соч. Рошера.)

Вспомогательныхъ средствъ для изученія изящныхъ искусствъ два: природа и мiръ классическiй. Въ сущности, тоже самое можно сказать и о поэзи, пiнстикѣ, философи и исторiи. Успѣхъ въ этихъ отрасляхъ знанiя, которыя превосходятъ обыкновенныя потребности жизни и облагораживаютъ народный духъ, — всегда зависитъ отъ болѣе или менѣе полного слиянiя двухъ началъ, т. е. самостоятельной и богатой національности съ простотою и опредѣленностию классическихъ формъ. Довзательства къ тому можно найти въ золотомъ вѣкѣ почти каждой изъ новѣйшихъ литературъ. Ничто подобное можно сказать и о всѣхъ практическихъ наукахъ, занятыхъ анализомъ, развитiемъ и обогащенiемъ человѣческихъ познанiй. Мы знаемъ, что прогрессъ законовѣдѣнiя въ новѣйшихъ обществахъ тѣсно связанъ съ основательнымъ изученiемъ древнихъ римскихъ источниковъ. То, что Куяцiй нѣкогда дѣлалъ во времена глоссаторовъ, тоже самое въ нашъ вѣкъ дѣлали Эйхгорнъ и Савиньи. Вездѣ, гдѣ пала обработка правъ, тамъ паденiе это выразилось пренебреженiемъ къ древнимъ источникамъ. Ученые довольствовались трудами своихъ предшественниковъ. Но опытъ доказалъ (и этимъ выяснилась вся важность изученiя классическаго мiра), что простое заимствованiе или подражанiе какииъ либо овѣйшимъ образцамъ, безъ провѣрки и критическаго изученiя источниковъ, водворяетъ въ наукѣ предрасудки, пустыя фразы, и останавливаетъ всякое умственное развитiе, между

тѣмъ какъ добросовѣстное изученіе древняго міра расширяетъ умственную свободу изслѣдователей ея.

Послѣ сказаннаго, кажется не лишнимъ изучать отношеніе народнаго хозяйства въ классическому міру. Не стану распространяться о значеніи этой науки для насъ и для будущихъ временъ. Замѣчу только, что прежде ее оцѣнивали только съ точки зрѣнія средства, обогащающаго народъ; затѣмъ смотрѣли на народное хозяйство вообще какъ на средство правительственное; нынѣ же всѣ болѣе или менѣе признають, что правильное развитіе нашей цивилизаціи во многомъ зависитъ отъ точнаго изслѣдованія и распространенія хозяйственныхъ истинъ. Многіе лжепророки не могли надивиться тому обстоятельству, что Англія, во время переворотовъ 1848 года, осталась почти неприкосновенною,—та самая Англія, которая превосходитъ всѣ другія страны густотою населенія, чрезвычайною величиною и сложностію своихъ оборотовъ, величественностію своихъ городовъ, и содержитъ въ себѣ болѣе, чѣмъ многія другія страны, социальныхъ легко воспламеняющихся элементовъ. Замѣчательно и то, что, при всей свободѣ общественной англійской жизни и малочисленности бюрократическихъ и военныхъ учрежденій, Англія обладаетъ мало такими средствами, которыя могли бы потушить социальный разгаръ. Это явленіе, кажущееся намъ непонятнымъ, имѣетъ свои естественныя причины, и безъ сомнѣнія одна изъ главнѣйшихъ причинъ та, что въ 4,000 школахъ Англій преподаются основныя начала народнаго хозяйства.

§ 1.

Новѣйшіе экономисты вообще плохаго мнѣнія о своихъ соотечественникахъ древнихъ вѣковъ. Если они ихъ цитуютъ, то дѣлаютъ это большею частію въ видѣ куріоза, съ прибавкою добродушнаго удивленія о ничтожномъ развитіи политической экономіи въ древнемъ мірѣ, и нерѣдко прихвастывая, въ томъ смыслѣ, что мы куда какъ опередили ихъ во всемъ. Ж. Б. Сей прямо говоритъ: «сочиненія древнихъ писателей доказываютъ, что они не имѣли яснаго понятія о существѣ и источникахъ богатства, о распредѣленіи богатства и о результатахъ потребления». Я болѣе чѣмъ убѣдился въ несправедливости подобнаго рода изрѣченій. Всѣ они могутъ быть легко объяснены, въ особенности же въ сочиненіяхъ Сей, слова котораго были повторяемы различными учеными, каковы, напримѣръ, *Рай* и *Блакки* ¹⁾. Кажется, уже *Сократъ* дѣлилъ государственную науку на три равно важныя части: 1) на финансы, 2) военное искусство и 3) полицію, въ особенности хозяйственную. Онъ нѣсколько разъ называетъ экономіку—политикою въ уменьшенномъ видѣ ²⁾. *Аристотель* исчисляетъ слѣдующіе предметы, какъ важнѣй-

шіе для государства: 1) финансы, 2) война и миръ, 3) безопасность страны, 4) вывозъ и привозъ и 5) законодательство ³⁾. Изъ нихъ два вполне относятся къ хозяйственной сферѣ. Странно было бы, если бы греки, отличавшіеся обширнымъ развитіемъ исторіи и философіи, не обратили вниманіе на народное хозяйство, на науку, столь тѣсно связанную съ исторіею и философіею!

Понятія: народное хозяйство, государство, національная экономія и пр. вмѣщаютъ въ себѣ два элемента — одинъ политическій или народный, другой хозяйственный.

Подобно тому, какъ новѣйшіе мыслители стараются, какъ можно болѣе, выдвинуть впередъ элементъ экономическій, древніе писатели выставляли на первый планъ элементъ политическій. Мы знаемъ, что всякая односторонность вредна, но если бы мы стали сравнивать мыслителей древнихъ съ новыми, то, признаюсь, трудно было бы порѣшить, которая односторонность вреднѣе: этическая ли односторонность древнихъ или материальная новѣйшихъ мыслителей?

Дѣйствительно, что ошибочнѣе: Аристотелево ли ⁴⁾ отрицаніе производимости капитала, или утвержденіе Оомы Купера, что слово «нація» есть чистая выдумка грамматиковъ, придуманная для того, что бы сокращать письменность, какое то мнимое существо, безъ существованія? Что вреднѣе: изобиліе регламентацій (Rigiminen), которыхъ любили въ старину, или изобиліе индивидуальных, атомистическихъ стремленій новѣйшихъ народовъ? Нельзя сомнѣваться, что мы лучше и основательнѣе знаемъ, какъ возникаютъ богатства, но зато въ древніе вѣки тщательнѣе изучались способы наилучшаго распредѣленія богатствъ. Эллинская политическая экономія никогда не впадала въ свойственную намъ ошибку, т. е., разсуждая о богатствѣ, не забывала человѣка, и, забываясь объ умноженіи числа людей, не пренебрегала благосостояніемъ отдѣльнаго лица. Однимъ словомъ, и тутъ проявляется особенность древнихъ мыслителей: они, при всей своей ограниченности, были гораздо полнѣе нашего; при всей своей простотѣ, гораздо гармоничнѣе насъ; ихъ познанія хотя были скуднѣе, но зато все, что знали они, было для нихъ чрезвычайно ясно и понятно. Прежде всего я назову великое имя *Θουκυδίδα*, и съ благоговѣніемъ признаюсь, что въ народнохозяйственномъ отношеніи ни у кого я столько не научился, сколько у него. *Θουκυδидης* на столько же великій знатокъ экономическихъ отношеній своихъ временъ, на сколько политическихъ и военныхъ. Вездѣ онъ прибѣгаетъ къ нимъ для объясненія явленій общественныхъ. Онъ даже полагаетъ, что уже во времена Агамемнона общественныя дѣла рѣшались преимущественно *χορηγία* и *ναυτιχία* ⁵⁾.

Въ его замѣчательной параллели между Аѳинами и Спартою, которая составляетъ какъ бы основу его первыхъ пяти книгъ, хозяйственные вопросы играютъ важную роль. Онъ не

тратить много словъ, и этимъ отличается отъ многихъ другихъ писателей; въ немъ легко подмѣтишь знатова дѣла, судя по тщательному выбору предмета и по характеристичности, которою отличаются приводимые имъ факты. Съ чрезвычайною отчетливостію онъ указываетъ на различіе между простымъ земледѣльческимъ государствомъ и государствомъ торговымъ и промышленнымъ; далѣе, на различіе между бѣдными и богатыми народами; между большимъ и малымъ народонаселеніемъ; между хорошими и плохими путями сообщенія; между слабымъ и сильнымъ централизованнымъ правительствомъ; между хозяйствомъ натуральнымъ и денежнымъ; отношеніе увеличенія налоговъ къ государственной казнѣ. Все это изложено имъ съ такимъ остроуміемъ, что слова Фукидида, съ весьма малыми измѣненіями, могутъ быть употреблены для объясненія различій между средними и высшими ступенями человѣческой культуры *). Та же типическая общепримѣнительность встрѣчается въ его изложеніи грубыхъ первобытныхъ временъ, встрѣчающемся въ введеніи и въ 6-й книгѣ. Читатель спеціалистъ съ удивленіемъ встрѣчается здѣсь съ истинами, высказанными за 2,000 лѣтъ тому назадъ, которыя нынѣ снова выработаны экономической наукою, послѣ долгихъ научныхъ изысканій. Въ наше время не трудно отыскать естественные законы напримѣръ развитія колоній. Для этого стоитъ только собрать какъ можно большее число фактовъ изъ извѣстной намъ исторіи происхожденія и развитія колоній и свести все общее имъ, а частное отнести къ исключеніямъ. Послѣ этого, сколь гениальнымъ долженъ показаться умъ Фукидида, который пришелъ къ такимъ же результатамъ, какъ и мы, хотя онъ былъ знакомъ съ исторіею колоній только одного народа! Наконецъ замѣчу, что во всѣхъ 8-ми книгахъ его сочиненія, на сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ ни одной ошибки или экономического заблужденія. При тогдашней незначительности эмпирическихъ познаній, это обстоятельство доказываетъ замѣчательную сдержимость и правдивость, съ которою Фукидидъ отзывался всегда только о такихъ предметахъ, которые ему были вполне извѣстны и понятны.

У *Ксенофонта* уже отчасти являются отдѣльными руководствами разнородныя науки, которыя Фукидидомъ слиты въ одно историческое зданіе. Наравнѣ съ военными сочиненіями, книги его о земледѣліи и охотѣ суть трактаты вполне политикоэкономическіе, а сочиненіе его о государственныхъ доходахъ *Аэниъ* есть родъ финансовой науки. И въ этихъ сочиненіяхъ онъ сохранилъ особенности историка, т. е. не излагаетъ своихъ предписаній въ повелительномъ тонѣ, но въ видѣ разсказа, искусно связавъ ихъ съ жизнію идеальной личности. *Ксенофонтъ*, безъ сомнѣнія, хорошій практикъ, пахарь, солдатъ, наѣздникъ и сельскій хозяинъ; но, тѣмъ не менѣе, онъ утверждаетъ, что настоящая практика не можетъ обойтись безъ теоріи †). Въ его

технических и камеральных сочинениях проявляется тот же нравственно утонченный дух, который всегда его одушевляет. Подобно тому, как человек грубаго чувства охотно старается отыскать въ человѣкѣ все сходное съ животными, такъ точно Ксенофонтъ,—но въ смыслѣ обратномъ,—отыскиваетъ въ животныхъ человѣческія стороны. По его словамъ, не слѣдуетъ дрессировать лошадей и собакъ однимъ лишь принужденіемъ, но слѣдуетъ ихъ воспитывать какъ бы по методу Сократа, т. е. къ ихъ же собственному добру ⁹). Послѣ сказаннаго, намъ уже не покажется страннымъ гуманнѣйшій взглядъ Ксенофонта на невольничество ⁹).

«Всякое богатство, говоритъ онъ, приноситъ пользу только тому, кто умѣетъ обращаться съ нимъ должнымъ образомъ» ¹⁰).

Этимъ изрѣченіемъ Ксенофонтъ возводитъ экономику на степень науки этической. Вообще же, онъ стоитъ гораздо выше многихъ изъ новѣйшихъ экономистовъ, въ томъ отношеніи, что видитъ въ богатствѣ (котораго этическія свѣтлыя и темныя стороны онъ себѣ уяснилъ) ¹¹) не цѣль, но средство. «Кто приобрѣлъ имущество путемъ правдивымъ, и употребилъ его на хорошее дѣло, тотъ въ хозяйственномъ отношеніи всѣхъ счастливѣе» ¹²). Чрезвычайно замѣчательно, что, въ тогдашнія времена политическаго упадка Греціи, матеріальніе интересы преслѣдовались не только энергичнѣе, но и научнѣе. Такъ Ксенофонтъ вполне понималъ, что для торговли необходимо хорошее и быстрое судопроизводство, равно прочная монетная система. «Государство должно уважать купцовъ» ¹³). Общее неуваженіе къ промысламъ выражается у Ксенофонта гораздо мягче. Онъ признаетъ нѣкоторые промыслы вредными лишь потому, что они развиваютъ односторонность въ трудѣ, и истощаютъ силы тѣлесныя, въ слѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія, отчего притупляется умъ, который теряетъ способность примѣняться къ болѣе возвышеннымъ занятіямъ ¹⁴). Даже самихъ посадскихъ людей, презрѣнныхъ метековъ, занимающихся торговлею и промыслами, онъ совѣтуетъ поощрять всѣми возможными средствами ¹⁵). «Занятые за границею капиталы должны оставаться неприкосновенными отъ руки вражеской, даже во времена войны». Эта мысль принадлежитъ къ числу современныхъ ¹⁶).

Вообще Ксенофонтъ, несмотря на свою военную опытность, отличается большимъ миролюбіемъ; онъ часто жалуется на военные издержки, и полагаетъ, что то, что выигрываетъ въ мирное время одинъ народъ у другаго, больше того, что во время войны одинъ народъ похищаетъ у другаго ¹⁷). Аѳины, въ слѣдствіе мира, сдѣлались великими, а война ихъ снова унизила ¹⁸).

«Войну слѣдуетъ вести какъ можно умѣреннѣе; можно гораздо основательнѣе эксплуатировать непріятеля путемъ контрибуцій, чѣмъ путемъ грабежа» ¹⁹). Ксенофонтъ ясно доказываетъ, что властелину гораздо выгоднѣе имѣть богатыхъ и готовыхъ

на патриотическія жертвы пріятелей, чѣмъ самому накоплять сокровища ²⁰). Онъ свободенъ отъ предрасудка, который, какъ въ древнія такъ и въ новыя времена, былъ свойственъ простому уму, т. е. что будто страна бѣднѣетъ отъ вывоза денегъ за границу ²¹). Справедливость и положительность, въ связи съ національнымъ эгоизмомъ, тоже отличаютъ Ксенофонта. Онъ довольно подробно объясняетъ, что вредно слыть человѣку богаче или бѣднѣе того, чѣмъ въ дѣйствительности онъ есть ²²). Наконецъ, скажемъ, что все у него изложено съ яснымъ пониманіемъ дѣла; въ немъ совмѣщаются грація формы и удачный выборъ примѣровъ, такъ что изъ числа новѣйшихъ писателей съ нимъ можно сравнить развѣ одного Галіани. Онъ весь благородное вино въ золотомъ кубкѣ! — хотя число его обожателей никогда и не будетъ велико. Нужно быть хорошимъ знатокомъ дѣла и ненавидѣть всякую искусственность, изощренность и несвязность для того, что бы оцѣнить естественность, простоту и гармонію въ сочиненіяхъ Ксенофонта.

§ 2.

Переходя отъ теоріи къ практикѣ древняго народнаго хозяйства, мы находимъ, что она развивалась на основаніи тѣхъ же естественныхъ законовъ, какъ и практика у новѣйшихъ народовъ. Замѣчательно, что во многихъ отношеніяхъ, въ области нашей науки, можно указать на поразительную аналогію, которая существуетъ между древнею и новою исторіею. Въ экономической сферѣ такая аналогія, быть можетъ, болѣе поражаетъ чѣмъ въ другихъ сферахъ; тутъ дѣло идетъ о простѣйшихъ элементарныя вопросахъ жизни, подобно тому, какъ въ мірѣ вещественномъ законы химическіе и физическіе равномѣрнѣе всего проявляются у разнообразнѣйшихъ организмовъ.

Такая аналогія для экономиста тѣмъ поучительнѣе, что древніе народы уже отжили.

Множество стремленій, которыя у насъ еще окончательно не опредѣлились, которыя мы видимъ въ одномъ мѣстѣ признанными, а въ другомъ мѣстѣ рѣшительно отвергнутыми — множество такихъ стремленій въ древнемъ мірѣ намъ являются законченными, со всѣми вытекающими изъ нихъ послѣдствіями, и потому они конечно уже не могутъ сдѣлаться предметомъ идеологическихъ и эгоистическихъ стремленій. Итакъ, если съ одной стороны экономистъ можетъ многому научиться у древнихъ народовъ, то, съ другой стороны, есть множество древнихъ учреждений, которыя намъ только тогда покажутся въ дѣйствительномъ свѣтѣ, когда мы ихъ разберемъ при помощи экономическихъ познаній.

Бѣтъ въ этомъ отношеніи сдѣлать отличное начало; онъ указалъ на путь, которому должны слѣдовать филологи и экономисты, что бы достигъ болѣе положительныхъ результатовъ, чѣмъ до сихъ поръ. Впрочемъ, само собою разумѣется, что каждаѣ научная аналогія должна быть не болѣе и не менѣе, какъ только средствомъ къ достиженію цѣли, т. е. болѣе разносторонняго, глубокаго познанія предмета ²³⁾.—Мы должны изучать различія между сравниваемыми предметами съ такимъ же интересомъ, какъ и сходства между ними. Только тотъ въ состояніи вѣрно оцѣнить разницу между древнею и новою исторіею, кто вдавался не только въ изысканіе различія предметовъ, но и въ сходство между ними. Этимъ путемъ образуются отдѣльные, но фундаментальныя камни того строенія, которое носитъ названіе универсальной исторіи или философіи исторіи. Большая часть писателей, которыми не удавалось это построеніе, не успѣвали потому, что считали народную особенность на извѣстной степени развитія за исключительную особенность этого народа, по причинѣ скудности свѣдѣній о другихъ народахъ; между тѣмъ какъ та же особенность встрѣчается часто у всѣхъ народовъ, когда они находятся на извѣстной степени развитія. Только тотъ, кто знаетъ общіе законы развитія всѣхъ народовъ, можетъ вѣрно опредѣлять національныя характеристическія особенности и ихъ измѣненія. Необходимо запастись такими познаніями, потому что предпринять какое либо великое построеніе, основываясь лишь на шаткой аналогіи четырехъ эпохъ жизни человѣческой, весьма трудно. Это тѣмъ менѣе возможно, что намъ даде неизвѣстно, переживаемъ ли мы въ настоящее время первую или послѣднюю четверть исторіи человѣчества.

§ 5

¶ Уже Д. Юмъ указывалъ на рабство въ своемъ классическомъ трактатѣ объ отношеніяхъ народонаселенія въ древнихъ государствахъ, какъ на важнѣйшее различіе между древнимъ и новымъ народнымъ хозяйствомъ. Эта истина точнѣе выяснится, если взглянуть на нее съ болѣе общей точки. Въ хозяйственномъ развитіи каждаго нѣсколько развитаго народа смѣняются три періода жизни, соотвѣтствующіе тремъ факторамъ: *природѣ*, *труду* и *капиталу*, безъ которыхъ немислимо производство богатствъ. Въ раннюю эпоху развитія, преобладаетъ факторъ — природа, лѣсъ, поля, луга и вода; они почти безвозмездно доставляютъ средства пропитанія скудному народонаселенію. Такъ было во времена Сатурна, о которомъ и теперь еще сохранились воспоминанія въ сагахъ большей части народовъ. Во второмъ періодѣ, въ которомъ находились почти всѣ европейскія

государства въ послѣдней половинѣ средннхъ вѣковъ, человѣческій трудъ становится преобладающимъ факторомъ. Наконецъ, въ третьемъ періодѣ—факторъ капитала вступаетъ на передній планъ. Земля, отъ приложенія къ ней капитала, становится производительнѣе; физическій трудъ болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто машинной и фабричной промышленности. При томъ масса народнаго богатства постоянно увеличивается. — Уже было сказано, что можно въ главныхъ чертахъ указать на существованіе въ трехъ періодахъ хозяйственнаго развитія у каждаго вполнѣ развитаго народа; но, во всякомъ случаѣ, есть особенность, свойственная однимъ древнимъ народнымъ хозяйствамъ, а именно: древнія народныя хозяйства никогда далеко не уходили за предѣлы втораго періода экономическаго развитія. Большая часть всего того, что у насъ изготовляется машинами, въ старину выполнялось рабскимъ трудомъ. Я желаю замѣтить, что въ Римѣ, во времена императоровъ, не знали удобства, которое доставляютъ карманные и боевые часы; мѣсто ихъ заступали рабы, которые, наблюдая за солнечными часами или за *кленсидрою*, провозглашали время ²⁴⁾. Много подобныхъ примѣровъ можно отыскать и въ нашъ вѣкъ въ странахъ, бѣдныхъ капиталами.

Земледѣлія эллинское и римское прошли тѣ же періоды развитія, какъ и новѣйшія полевыя системы. Уже тогда существовалъ важный законъ природы, а именно: что съ развитіемъ народнаго хозяйства вообще производительность одной и той же почвы увеличивается или обогащается, при помощи капитала ²⁵⁾. Вся разница въ томъ, что, въ сравненіи съ нами, греки и римляне достигали этой напряженности земледѣлія гораздо въ большей мѣрѣ, чѣмъ мы, не столько при помощи капитала, сколько при помощи одного труда. Ихъ плуги напр., судя по изображеніямъ, дошедшимъ до насъ на монетахъ и на картинахъ, должно быть, были очень несовершенны. Но зато Калумелла считаетъ, что необходимо каждому пахарю трехъ простыхъ рабочихъ въ подмогу, слѣдовательно на хлѣбное поле затрачивалось въ 4—5 разъ больше силъ на той же площади, чѣмъ за 50 лѣтъ тому назадъ употребляли въ Англии на землѣ одинаковой величины ²⁶⁾. Въ древнія времена, на 20-ть овецъ обыкновенно ставили одного пастуха и одного мальчика; въ хорошо обработанныхъ странахъ на 50 овецъ считали необходимымъ одного пастуха; рѣдко что приходился одинъ пастухъ на 80 овецъ ²⁷⁾. Между тѣмъ нынѣ пять человѣкъ пастуховъ считаютъ обыкновенно достаточнымъ для ухода за стадомъ въ 1,800 головъ. Равнымъ образомъ, мы часто встрѣчаемъ, что въ древнихъ агрономическихъ сочиненіяхъ придавалась большая важность знакомству личному съ людьми, или, иначе говоря, знанію сельской и антропологій играло важную роль; между тѣмъ какъ у насъ о ней и помину нѣтъ. Извѣстенъ примѣръ судоходства у

древнихъ народовъ, у которыхъ почти все то, что у насъ представлено дѣйствию вѣтра и паровыхъ машинъ, выполнялось гребцами. Хорошій примѣръ отношенія капитала къ труду въ древнемъ хозяйствѣ служитъ тотъ несомнѣнный фактъ, что, во времена Изеоса и Демосеена, простая лошадь въ Аѳинахъ стоила вдвое дороже простаго раба ²⁸). Совершенно противоположное явленіе мы видѣли въ Сѣвероамериканскихъ Штатахъ, гдѣ хорошій невольникъ цѣнился въ 2,000 долларовъ. Съ этими фактами находится въ связи величина процентовъ, или дисконтъ, который у древнихъ народовъ, подобно какъ и у насъ, съ повышеніемъ уровня хозяйственнаго развитія, значительно понижался, но во всякомъ случаѣ стоялъ выше, чѣмъ у насъ, когда мы находились на той же степени развитія. Нетрудно понять, что, при извѣстной величинѣ народнаго дохода и народнаго потребленія вообще, та доля, которая приходится на капиталиста, бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ меньше доля работника. Невольникъ же, по природѣ своихъ отношеній, постоянно принужденъ ограничиваться наименьшею величиною жизненныхъ потребностей ²⁹). Вышеупомянутая бѣдность капиталовъ у древнихъ народовъ легко объяснима. Подъ словомъ «капиталъ» мы разумѣемъ всякій сбереженный результатъ какого бы то ни было производства. Хотя нельзя сомнѣваться въ томъ, что древніе народы во времена Траяна были богаче капиталами, чѣмъ позднѣйшіе народы во времена Карла Великаго, но, съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что общая масса всѣхъ капиталовъ, со временъ самыхъ отдаленныхъ, постоянно растетъ. Это въ особенности относится до капиталовъ невещественныхъ, какъ то изобрѣтеній и т. п. Изъ числа такихъ капиталовъ, многіе, со временъ переселенія народовъ, утратились, въ особенности много погубило капиталовъ, приобретѣнныхъ стариною въ богатые періоды изобрѣтеній, послѣ Деметріуса, Гераклида и Архимеда; но тѣмъ не менѣе, подобнаго рода потеря изобрѣтеній составляетъ исключеніе. Еще примѣръ: много потребовалось времени для развитія письменнаго искусства у древнихъ; между тѣмъ какъ германцы усвоили себѣ это искусство легко, въ самый грубый періодъ среднихъ вѣковъ.

Я желаю напомнить, что только въ началѣ XIV столѣтія были изобрѣтены порохъ, пушки и ружья, выдѣлка бумаги изъ тряпья, очки, выдѣлка проволоки и рѣзба изъ дерева; въ XV столѣтіи изобрѣтено книгопечатаніе, гравировка на мѣди, фаянсъ, стеклянные бутылки и шляпки; въ XVI столѣтіи самопрялка, вязаніе чулковъ, и выдѣлка кружевъ, лентъ, пильныя мельницы, пробирныя заведенія, деревянные мѣха, карманные часы, подворная труба и т. п., а также простая вѣтряная мельница, извѣстная намъ только со временъ крестовыхъ доходовъ; водяныя мельницы, установленныя на баркахъ, со временъ Велисарія, а обыкновенныя водяныя мельницы со временъ Митри-

дита. До насъ дошла замѣчательная эпиграмма Антипатра, современника Августа, въ которомъ говорится, что рабни мельничихи теперь могутъ отдыхать, потому что приказано надамъ дѣлать все то, что дѣлали до сихъ поръ мельничихи ²⁰⁾. Уже Аристотель сознавалъ всю тѣсную связь между недостаткомъ капиталовъ и рабствомъ. Своею пророческою способностію, которую онъ предугадывалъ событія тысячелѣтнія, онъ предсказывалъ, что «когда тѣякіе челяки будутъ ходить сами собою и Плектра сама будетъ играть на цитрѣ, тогда мы не будемъ нуждаться въ невольникахъ» ²¹⁾. Нынѣ мы въ правѣ сказать, что близки къ тому времени, когда это пророчество сбудется. Замѣчаемый нами переходъ, изъ невольническаго состоянія древнихъ вѣковъ къ крѣпостному состоянію среднихъ вѣковъ и наконецъ къ вольному труду нашего столѣтія, слѣдуетъ въ особенности приписать проявленію и усовершенствованію большого количества машинъ и орудій. Не малое вліяніе на развитіе низшихъ классовъ имѣло то обстоятельство, что человѣкъ съумѣлъ подчинить своей волѣ животныхъ, приспособивъ ихъ къ удовлетворенію человѣческихъ потребностей. Если бы не было плуговъ, то мы всѣ до сихъ поръ были бы настоящими *glebae adscripti*! Вообще преобладаніе рабскаго труда есть на столько же послѣдствіе, какъ и причина низкой степени культуры. Оставляя даже въ сторонѣ вопросы гуманнѣе, мы убѣждаемся въ томъ, что, при переходѣ къ высшимъ степенямъ культуры, уничтоженіе невольничества есть требованіе, которое вытекаетъ изъ одного безпристрастнаго и вѣрнаго разсчета господскихъ выгодъ. По существу своему, рабскій трудъ не можетъ быть выгоднымъ. Онъ можетъ считаться достаточнымъ, если, за покрытіемъ жизненныхъ потребностей рабочихъ, дастъ еще избытокъ господину, что возможно въ странахъ, гдѣ народонаселеніе, въ сравненіи съ естественною плодородностію почвы, не велико, и не имѣетъ многихъ потребностей. Какъ скоро такое отношеніе не существуетъ, то одинъ страхъ рабскій недостаточенъ, и необходимы болѣе сильныя и душевныя побужденія рабочихъ силъ народа. Эти же побужденія могутъ существовать только при полной свободѣ. У насъ напр. самый простой разсчетъ убѣдитъ cadaго хозяина въ томъ, что ему невыгодно замѣнить своихъ слугъ, служанокъ или педенщиковъ невольниками, купленными или воспитанными дома. Въ южныхъ Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ мы до послѣдней войны видѣли случай противоположный.

Придерживаясь одного лишь безсомнѣнно важнаго признака культуры, т. е. густоты народонаселенія, мы находимъ, что въ Англіи эмансипація началась въ XIV столѣтіи и окончилась въ XVII столѣтіи; въ первомъ періодѣ на квадратную милю прихъ, даясь среднимъ числомъ 850 человѣкъ, во второмъ 2,000 человѣкъ. Сообразуясь съ этими данными, можно разсчитать, что-

при народонаселеніи специфическомъ, въ 14 до 15 тысячъ, невольничество уже оказывается убыточнымъ, т. е. на англійской почвѣ и при англійскихъ средствахъ пропитанія; но общаго значенія, какъ это полагалъ сѣвероамериканецъ Тукеръ, такіа цифры не могутъ имѣть ²²). Такъ, между прочимъ, возможность запастись хорошими невольниками изъ странъ, находящихся на низкой степени культуры или расширять свое владѣтельство надъ странами весьма плодородными, но рѣдко населенными—повторяю, возможность эта можетъ, въ продолженіе многихъ столѣтій, преобладать надъ тенденціею развивающейся экономической культуры, которая стремится къ тому, что бы сдѣлать свободный трудъ выгоднѣе невольническаго труда.

Вышеупомянутый законъ природы, безъ сомнѣнія, дѣйствовалъ и въ старину, но не пріоритъ въ общественномъ строй. Что касается Аеннъ, то мы достовѣрно знаемъ, что во времена самыя цвѣтушія народнаго хозяйства обращеніе съ невольниками было самое снисходительное, и освобожденный отъ рабства почти уравнивался съ рожденными на свободѣ ²³). Даже въ Римѣ, на соответственной степени культуры, т. е. считая почти со временъ Плавта (Plautus), освобожденіе невольниковъ повторялось чаще всего, а подраздѣленіе невольническаго сословія и введеніе невольнической собственности (resulium) значительно смягчило дурныя послѣдствія невольничества. Греки и римляне, находясь на самой высокой степени культуры, кажется, сами не занимались располженіемъ невольниковъ, но покупали ихъ преимущественно въ странахъ варварійскихъ, находящихся на низкой степени развитія ²⁴). Причина, отчего эти принципы не могли получить такого совершенства, какъ у насъ, зависѣла отъ незначительнаго богатства капиталами и отъ незначительнаго религіознонравственнаго развитія этихъ языческихъ народовъ.

Можно всѣ, болѣе или менѣе важныя, исключенія въ древнемъ хозяйствѣ изъ правилъ новѣйшей теоріи объяснить прямо или косвенно этою фундаментальною разницею. Болѣе всего поражаетъ, что древніе народы, достигшіе въ тысячи другихъ вещей большаго совершенства и даже въ другихъ отношеніяхъ превосходшіе насъ, относительно чрезвычайно отстали отъ насъ на поприщѣ хозяйственномъ. Я докажу это нѣсколькими примѣрами, весьма характеристическими.

§ 4.

Развитіе промышленности въ древнемъ мірѣ вѣроятно во многомъ походило на развитіе промышленности въ новѣйшія времена. Такъ напр. общій законъ природы, въ силу котораго каждая отрасль промышленности старается укорениться въ той

мѣстности, гдѣ болѣе всего сосредочены условія, благопріятныя для развитія ея, — законъ этотъ дѣйствовалъ и въ старину. Такъ у грековъ и римлянъ, совершенно какъ и въ средніе вѣка, мы находимъ, что самыя ранніе промыслы имѣютъ устройство цеховое или корпоративное, а позже, на высшихъ ступеняхъ культуры, уже развивается болѣе или менѣе полная свобода промысловъ. Равно въ древніе вѣка замѣтно явленіе, принадлежащее новымъ вѣкамъ, т. е. связь между промыслами и демократіею. Всѣ аристократическіе роды, партіи и литераторы не благоволятъ къ промышленности. Напротивъ, люди государственные, примѣрно въ Аѳинахъ, которые старались прогрессивно выдвинуть впередъ народное управленіе, какъ то Солонъ, Фемистоклъ, Периклъ, уважали и покровительствовали промышленникамъ. — Нельзя отрицать, что въ жизни древнихъ государствъ вообще промышленность не имѣла столь важнаго значенія, какъ нынѣ. Аристотель, въ своемъ знаменитомъ обзорѣ народнохозяйственной дѣятельности (Polit. I. 3.), только вскользь упоминаетъ о промышленности. Это легко объяснить уже однимъ невольничествомъ. Общая неудовлетворительность рабскаго труда конечно оказываетъ тѣмъ болѣе ущербъ производству, чѣмъ болѣе въ немъ преобладаетъ факторъ «трудъ», слѣдовательно онъ гораздо вреднѣе для промышленности мануфактурной, чѣмъ для земледѣлія. Утонченной смѣтливости или изобрѣтательности трудно предположить у невольниковъ. Тѣмъ не менѣе, опытъ показалъ, что многочисленное сословіе вольныхъ рабочихъ для промысла грубого не можетъ существовать одновременно наравнѣ съ сословіемъ невольниковъ. Многія изъ числа значительнѣйшихъ нашихъ ремеслъ не могли существовать въ старину уже потому, что въ каждомъ домѣ, нѣсколько богатомъ, всѣ эти ремесленные работы выполнялись рабами. Такъ точно въ странахъ, гдѣ существуетъ невольничество, большая часть народонаселенія, т. е. сами же невольники, ограничены средствами, которыя даютъ имъ возможность лишь просуществовать, и потому они не въ состояніи быть хорошими потребителями произведеній промышленныхъ и мануфактурныхъ. Вотъ причина почему промышленность древняго міра всегда имѣла характеръ искусственный, и на половину была занята производствомъ предметовъ роскоши. Высокую же степень раздѣленія труда и затѣмъ политическаго и хозяйственнаго значенія могутъ только имѣть тѣ вѣтви промышленности, которыя удовлетворяютъ необходимыя потребности большинства массы, и потому даютъ занятіе большому числу рабочихъ рукъ. Стоитъ только сравнить важность хлопчатобумажной промышленности съ золотыхъ дѣлъ мастерствомъ въ Англіи. Ничего подобнаго нигдѣ не находимъ у древнихъ.

Если собрать свѣдѣнія о торговлѣ въ древніе вѣка, то мы найдемъ, что болѣе важныя произведенія, которыя посылались изъ одной сторочы въ другую, принадлежали гь разряду пред-

метовъ роскоши, напр. серебряная посуда, издѣлія изъ слоновей кости, музыкальные инструменты и стеклянный товаръ финикіанъ, тонкія шерстяныя матеріи и крашенныя ткани изъ Тира и Милета; женскія платья изъ Мальты, изъ числа коихъ были и такія, которыя требовали три года для своего изготовления³⁵⁾; артистическій весьма красивый гончарный товаръ изъ Родоса, Самоса и Аѳинъ; превосходныя металлическія издѣлія изъ Эгины, Дельфы, Коринфа, Аѳинъ и т. п. Все это находится въ связи не только съ вышеупомянутыми обстоятельствами, но также въ связи съ несовершенствомъ старинныхъ средствъ сообщенія, отъ чего чрезвычайно дорого обходился провозъ незначительнаго мелкаго товара.—Пути сообщенія слѣдуетъ, наравнѣ съ машинами, отнести къ разряду важнѣйшихъ и производительнѣйшихъ капиталовъ. Безъ этого относительно малаго значенія древней промышленности, рѣшительно нельзя бы понять, отчего, даже на высокой степени культуры, люди, подобныя Цицерону, позволяли себѣ оскорбительныя выраженія на счетъ промышленности, въ несправедливости которыхъ мы всѣ нынѣ убѣждены: *Illiberales et sordidi quaestus mercenariorum omniumque, quorum operae, non quorum artes emuntur. Est enim illis ipsa merces auctoramentum servitutis. Opificesque omnes in sordida arte versantur, nec enim quidquam ingenium potest habere officina.*

Это сказано не въ рѣчи, въ защиту какой нибудь партіи, но въ научномъ этическомъ трактатѣ!³⁶⁾ Отсюда понятно, отчего у древнихъ мало встрѣчаешь сочувствія къ системѣ покровительства промысловъ таможенными³⁷⁾; хотя они вообще склонялись новѣйшихъ народовъ къ покровительству частной жизни при посредствѣ правительства, а равно сочувствовали основной мысли большей части теоретиковъ протекціонистовъ:— «въ торговлѣ что выигрываетъ одинъ, то теряетъ другой!» Самъ Аристотель смотритъ на торговлю, т. е. на процессъ купли, дабы продать дороже, какъ на нѣчто искусственное, и утверждаетъ, что прибыль получается всегда на счетъ другихъ. Цицеронъ полагаетъ, что *sordidi putandi, qui mercantur a mercatoribus quod statim vendant: nihil enim proficiunt, nisi admodum mentiantur*³⁸⁾.

§ 5.

Преобладаніе невольническаго труда надъ капиталомъ имѣло вліяніе на своеобразную организацію другой важной отрасли народнаго хозяйства въ древнемъ мірѣ, т. е. на *призрѣніе бѣдныхъ*. Уже Бекъ говоритъ, что призрѣніе бѣдныхъ встрѣчается въ Греціи въ видѣ исключеній, и собственно было извѣстно только однимъ аѳинянамъ, и что вообще милосердіе не принадлежало къ числу греческихъ добродѣтелей. Не трудно убѣ-

даться въ непреложности этого мнѣнія Бека. Огромныя заслуги христіанства на поприщѣ призрѣнія бѣдныхъ достигли тако-го общаго признанія, что даже человекъ, каковъ былъ Юліанъ Отступникъ³⁹⁾, долженъ былъ допустить необходимость такой благотворительности. Основная мысль дѣйствительнаго попеченія бѣдныхъ, требующая милосердія, ради самаго Бога, была извѣстна и древнимъ: уже при Гомерѣ бѣдныя принадлежали Зевесу, и у нихъ были свои эриніи⁴⁰⁾. Сомнительнымъ кажется, что бы важнѣйшая изъ причинъ продолжительной распространенной бѣдности, т. е. убытокъ народонаселенія, могла существовать въ земляхъ невольническихъ. Размноженіе невольниковъ всегда находится подъ контролемъ своихъ господъ, и если бы число ихъ сдѣлалось чрезмѣрно великимъ, то ихъ непремѣнно стали бы продавать.

Есть въ греческой и римской народной жизни черта, которая гораздо ближе подходитъ къ нашему законному или обязательному призрѣнію бѣдныхъ. Когда Аѳины сдѣлались неограниченною демократіею, то, мало по малу, не только всѣ государственныя повинности легли всею тяжестью своею на богатыхъ гражданъ, но и большая часть бѣднѣйшихъ гражданъ требовали себѣ житія на счетъ государства. Тотъ, кто избирался въ совѣтъ или дѣйствовалъ въ качествѣ судьи, или подавалъ голосъ въ народномъ собраніи, тотъ всегда получалъ нѣкоторую плату, конечно весьма незначительную, едва ли больше поденщицъ; но высшія присутственныя мѣста какъ будто нарочно были переполнены служившими, чтобы какъ можно болѣе пользоваться этою платою. Я замѣчу только, что почти постоянно число судей было 6,000, между тѣмъ какъ среднее число гражданъ доходило только до 20,000 душъ. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить множество увеселеній, пиршествъ, даже раздачу хлѣба, который давался народу то частными лицами, то правительствомъ. Взглядъ на этотъ порядокъ богатыхъ людей выразился въ юмористической рѣчи, произнесенной Хармидесомъ въ пиршествѣ Ксенофонта (глава IV), въ основаніи которой лежитъ горькая правда. Онъ считаетъ себя счастливецемъ съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался бѣднымъ: «нынѣ я похожъ на принца, между тѣмъ какъ, будучи богатымъ, былъ жалкимъ рабочимъ; между тѣмъ какъ прежде я былъ обязанъ платить налоги, государство, въ настоящее время, платитъ мнѣ дань и кормитъ меня». Судебныя рѣчи Лизія не мало подтверждаютъ это, а равно «Осы» Аристофана, если считать ихъ за источникъ историческій. Мы знаемъ, что въ позднѣйшей римской республикѣ существовали подобныя же отношенія, въ особенности начиная со времени трибуна Гракха младшаго и еще болѣе въ господство трибуна Клавдія. Но здѣсь (въ Римѣ) богатые, принося народу жертву, умѣли въ то же время извлекать изъ нея пользу и оградить себя отъ внѣшнихъ нападокъ. Безденежная раздача хлѣба, введенная Клавдіемъ, поглощала почти $\frac{1}{4}$ часть

всѣхъ государственныхъ доходовъ, и замѣчательно, что, во времена заговора Катилины, даже Катонъ, хотя въ степени болѣе умѣренной, но всетаки настаивалъ на необходимости подобнаго рода мѣръ ⁴¹⁾. И здѣсь многочисленный праздный народъ (около 320,000 ч.) жилъ и веселился отчасти непосредственно на счетъ государственной казны, частью же взятками при выборахъ и тому подобными источниками. Во времена имперіи эти отношенія еще болѣе усилились, и сдѣлались болѣе общими, а потому проникли и въ провинціальныя сословія ⁴²⁾. Такого рода продолжительное прокормленіе большинства на счетъ меньшинства очевидно возможно только въ странахъ, гдѣ существуетъ рабство, гдѣ большинство состоящихъ гражданъ, въ слѣдствіе подчиненности рабовъ, всетаки есть малая доля общаго народонаселенія. И здѣсь кажется, что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, такой порядокъ вещей даже необходимъ. Я уже упомянулъ, что когда преобладаетъ трудъ рабскій, то развитіе трудовой платы, отъ которой могло бы существовать свободное рабочее сословіе, почти невозможно. Потому, если извѣстнаго рода измѣненія въ сельскомъ хозяйствѣ, которыя происходятъ въ нѣкоторые періоды у всѣхъ высоко цивилизованныхъ народовъ, влекутъ за собою сложеніе земель въ большія имѣнія,—то положеніе мелкаго крестьянина становится бѣдственнымъ, если онъ не найдетъ себѣ честнаго заработка въ какомъ либо промыслѣ. Въ послѣднемъ случаѣ изъ него легко дѣлается лѣннинецъ или возмутитель общественнаго спокойствія.

Нѣкоторыя замѣчанія Аристотеля, о преимуществахъ земельдѣльческой демократіи, которыя въ наше время кажутся намъ устарѣвшими, опираются на этомъ своеобразномъ отношеніи. Скажу вскользь, что это имѣло для народнохозяйственной теоріи весьма вредныя послѣдствія, потому что почти фактически не было возможности и сдѣлать *изъ доходъ поземельмазъ*, надъ которымъ вообще древніе произвели много хорошихъ изслѣдованій, точное раздѣленіе отдѣльныхъ составныхъ частей, т. е. отдѣлить поземельную работу отъ платы за трудъ. Такое разграниченіе элементовъ столь же необходимо народному экономисту, какъ и химикъ.

§ 6.

Ходъ развитія *финансовъ* въ древнемъ мірѣ, въ главныхъ чертахъ, сходенъ съ развитіемъ финансовъ въ новѣйшія времена. Какъ здѣсь, такъ и тамъ, общественныя потребности прежде всего преимущественно удовлетворялись доходами изъ государственныхъ имуществъ, разнородными натуральными повинностями и пошлинами, платимыми въ правительственныхъ мѣ-

стахъ. Мало по малу, и то сначала въ видѣ исключенія, стали проявляться налоги. Тѣ самыя причины, которыя у новѣйшихъ народовъ вліяли на уменьшеніе доманисма, дѣйствовали и въ старину, а что относится до обложенія податями, то хотя въ обоихъ случаяхъ косвенная подать гораздо моложе по происхожденію, но любяте ее народы, стоящіе болѣе на высокой степени развитія, чѣмъ на низкой. Все это явленія, которыя теоретикъ легко можетъ объяснить себѣ.

Глядя съ общей точки зрѣнія, оказывается, что система налоговъ въ древнемъ мірѣ играла роль далеко не столь важную, какъ въ настоящее время. Гегелиусъ уже замѣтилъ, что въ древности политическіе перевороты рѣдко были связаны съ вопросомъ о налогахъ; между тѣмъ какъ у новѣйшихъ народовъ система налоговъ есть центральная точка, около которой вертится весь государственный организмъ, и значеніе «исторіи разрѣшенія или утвержденія новыхъ налоговъ» почти тождественно съ исторіею политической свободы. Въ Афинахъ же, въ лучшія времена ихъ процвѣтанія, взиманіе прямыхъ налоговъ съ гражданъ опредѣлялось только въ случаѣ чрезвычайныхъ бѣдствій, и потому они составляютъ исключеніе изъ общаго правила. Обыкновенными государственными доходами въ то время были: доходы съ государственныхъ имуществъ, доходы съ рудниковъ, штрафныя деньги и конфискаціи; весьма умѣренныя таможенныя пошлины и акцизы; подати съ рабовъ и посадскихъ, банъ съ покоренныхъ земель, наконецъ — литургіи. Въ Целопонесѣ настоящіе налоги были еще менѣе употребительны. Римляне также во времена республиканскаго владычества надъ всѣмъ міромъ, считая отъ покоренія Персея до консульства Гирція и Панзы, не платили прямыхъ налоговъ. Не трудно объяснить себѣ это явленіе, если вспомнить, какъ точно три большія вѣтви государственныхъ доходовъ, домани, регалии и налоги, соотвѣтствуютъ тремъ большимъ факторамъ производства, т. е. природѣ, труду и капиталу. Въ связи съ предъидущимъ находится еще другая особенность древняго государственнаго хозяйства. Мы знаемъ общій неизмѣнный законъ развитія хозяйства, по которому на низкихъ степеняхъ культуры преобладаетъ хозяйство экстенсивное, въ особенности же въ финансовомъ хозяйствѣ преобладаютъ личныя услуги и весьма неопредѣленные по величинѣ платежи натурою. Съ повышеніемъ культуры эти платежи превращаются въ опредѣленные денежные платежи. Конечно, можно указать на существованіе подобнаго же закона и въ старину, но проявленіе его въ древнемъ мірѣ осуществляется относительно гораздо позже.

Въ Афинахъ, и вѣроятно въ большей части другихъ эллинскихъ демократіяхъ, во времена самыя цвѣтущія, литургіи были главнѣйшимъ источникомъ доходовъ. Это были платежи натурою со стороны богатыхъ, и размѣръ платежа ихъ, въ извѣ-

стных предѣлахъ, считался дѣломъ гражданской чести. Самая почетная изъ литургій, т. е. вооруженіе военнаго корабля, впервые была обращена въ опредѣленную подать, и подверглась кадастру при Демосенѣ. Подобнымъ же образомъ и римляне, къ концу республики, удовлетворяли главную часть государственныхъ потребностей при помощи неопредѣленныхъ натуральныхъ податей, платимыхъ эдими, и платежъ которыхъ считался дѣломъ чести. Другая же часть потребностей, болѣе значительная, покрывалась натуральными повинностями, уплачиваемая провинціями, весьма дурно кадастрованными. Я не встрѣчалъ ничего подобнаго у новѣйшихъ народовъ въ моментъ столь же высокой культуры.

§ 7

Кредитъ имѣеть такое же значеніе въ отношеніи къ третьему фактору производства, какое раздѣленіе и соединеніе труда въ отношеніи къ труду.

Кредитъ есть главное средство какъ развитіи хозяйства въ частности, такъ и концентраціи, или соединенія всѣхъ силъ хозяйственныхъ въ цѣломъ, и потому мы въ правѣ предположить, что, съ незначительнымъ развитіемъ капитала въ древнемъ мірѣ, находилась въ связи и относительная отсталость кредита: но заключеніе это не относится въ столь сильной степени до законовъ о долгахъ, въ обыкновенномъ обществѣ древнихъ народовъ. Развитие этихъ законовъ о долгахъ у грековъ и римлянъ чрезвычайно сходно съ развитіемъ этого законодательства у новѣйшихъ народовъ, гдѣ строгій средневѣковый характеръ этого законодательства получилъ отъ времени характеръ умѣренный, составляющій признакъ болѣе возвышенной культуры, и затѣмъ снова облекся строгостію, вызванною требованіями интересовъ возрастающей торговли.

Всѣ болѣе утонченныя кредитныя отношенія были весьма несовершенно развиты у древнихъ народовъ. Я не стану рѣшать на сколько нѣкоторыя банкирскія операціи, о которыхъ, напримѣръ, говорится въ письмахъ Цицерона ⁴³⁾, заслуживаютъ названія векселей, но что греки даже во времена высокой культуры, при Исократѣ, не имѣли понятія о векселяхъ, то объ этомъ ⁴⁴⁾ ясно свидѣтельствуетъ «Трапезетикосъ» названнаго автора. Когда Платонъ ѣздилъ въ Египетъ, то онъ для своей поѣздки, кажется, продалъ масло изъ своего имѣнія одному купцу, торговавшему съ Египтомъ. Самъ онъ отправился въ путь на томъ же кораблѣ, какъ и купецъ съ масломъ, и во время переѣзда пользовался правомъ залога надъ товаромъ, а деньги свои получилъ уже послѣ продажи товара въ Египтѣ ⁴⁵⁾. Нѣкоторыя изъ финансовыхъ операцій, о которыхъ упоминается въ экономикѣ Аристотеля, сравнивались съ настоящими бумажными деньгами

но онѣ въ дѣйствительности были не болѣе какъ документы, по которымъ приходилось или еще дополчить деньги или же забирались деньги впередъ. Настоящимъ и важѣйшимъ финансовымъ капиталомъ у древнихъ—это были *кожсамыя деньги* ⁴⁵⁾ *Карогаггль*. Малая степень признанія этихъ денегъ въ Греціи лучше всего доказывается тѣмъ удивленіемъ, съ которымъ говорить объ этомъ предметѣ остроумный ораторъ *Эриксіаса* ⁴⁶⁾. Нѣчто подобное можно сказать и о государственномъ кредитѣ. Безъ сомнѣнія, основная мысль общественной системы кредита и системы пожеланія государственной казны заключается въ томъ, что бы распределить на нѣсколько лѣтъ, или даже на нѣсколько поколѣній, бремя, которое въ настоящій моментъ трудно перенести народу. Но и здѣсь слѣдуетъ различать народъ, стоящій на высокой степени, отъ народа на низкой степени культуры. Въ послѣднемъ случаѣ, приходится сберегать и накоплять сокровища для временъ тяжкихъ; въ первомъ же случаѣ народъ самъ, во времена тяжелыя, дѣлаетъ займы, которые уплачиваетъ во времена болѣе благоприятныя. Слѣдовательно объ системы противоположны другъ другу, система обогащенія казны и система кредита.

Намъ извѣстно, что древніе народы развивали у себя только первую ихъ этихъ двухъ системъ. Подобно тому, какъ у новѣйшихъ народовъ еще въ XVI и XVII столѣтіяхъ главнымъ условіемъ хорошаго государственнаго хозяйства считалось завѣщать потомству богатую сокровищами казну, точно тоже было въ древности отъ временъ Перикла до временъ Антониновъ ⁴⁷⁾. Древніе не были охотники до государственныхъ займовъ. Когда Александръ Великій находился въ вѣнѣтѣ своего могущества, то онъ указывалъ на долгъ въ 500 т., который онъ наследовалъ отъ отца своего Филиппа, какъ на замѣчательный признакъ слабости ⁴⁸⁾. Римляне нѣсколько болѣе развили ⁴⁹⁾ у себя государственный кредитъ. Но, въ сравненіи съ ихъ богатою государственною казною, это развитіе было весьма незначительное. Такимъ образомъ они не нуждались въ сильномъ механизмѣ хозяйственной власти, который, конечно, съ пользою можетъ быть употребленъ, а равно злоупотребленъ тамъ, гдѣ есть значительный излишекъ легко подвижныхъ капиталовъ. Замѣчательно, что первая мысль о государственномъ займѣ возникла относительно гораздо раньше у древнихъ народовъ, чѣмъ у новыхъ. Въ Англіи, до временъ Ричарда II, была только рѣчь о частныхъ долгахъ короля, которые наследникъ уплачивалъ, будучи побуждаемъ единственно чувствомъ религиознымъ, что бы освободить душу предшественника отъ чистилища. Только съ восшествіемъ Ричарда II на престолъ, парламентъ началъ требовать, что бы займы, сдѣланные Эдуардомъ III, непременно признаны были королемъ. Слѣды подобной мысли мы встрѣчаемъ у грековъ уже въ произведеніяхъ Гомера ⁵⁰⁾.

§ 8.

Къ числу важнѣйшихъ различій между древнимъ и новымъ міромъ относится обстоятельство, которое непосредственно примыкаетъ къ вышеназложенному принципу, т. е. въ древнемъ мірѣ *доходы отъ войны* и вообще война играли роль гораздо значительнѣйшую, чѣмъ въ наши времена. По словамъ Бокля⁽¹⁾, уменьшеніе воинскаго духа есть существенный признакъ развитія или стремленія къ высшей культурѣ. Взглядъ этотъ еще недавно признавался повсюду, такъ называемымъ, общественнымъ мнѣніемъ. Но положеніе это не вполне согласно съ тѣми явленіями, которыя происходили между 1815 и 1853 годами, и тоже самое опытъ доказалъ въ періоды между 1714—1740 и 1763—1793 годами. За каждымъ періодомъ большихъ войнъ слѣдуетъ соотвѣтственная пауза мирнаго времени, которая вымывается сначала дѣйствительнымъ изнеможеніемъ, затѣмъ продолжающееся, въ слѣдствіе того обстоятельства, что правители, на старости своей, желаютъ жить въ спокойствіи, ознакомившись достаточно во время юности и возмужалости со всѣми бѣдствіями войны. Мнѣ кажется, что мы еще на столько отдалены отъ всеобщаго мира, на сколько отъ всеобщей монархіи. Но, несмотря на то, въ мнѣніи Бокля есть значительная доля правды: экономическій прогрессъ имѣетъ тенденцію сдѣлать войны какъ можно рѣже и непродолжительнѣе. Таковы требованія дѣйствительнаго экономическаго прогресса.

Всѣ грубые народы считали войну не только честнѣйшимъ, но и обильнѣйшимъ источникомъ доходовъ. *Pigrum et iners videtur sudore acquirere, quod proavis sanguine rapare*, было основнымъ началомъ не только у германцевъ Тацита, но и у всѣхъ народовъ на такой же степени культуры, и въ наше время слово «разбойникъ» у арабскихъ кочевыхъ племенъ есть титулъ почетный. Такого рода взглядъ есть своего рода объявленіе войны постояннымъ состояніемъ. Но на степени развитія нѣсколько болѣе высокой, когда разбойничьи набѣги замѣняются завоеваніями, и завоеватель помышляетъ о постоянной эксплуатаціи побѣжденнаго, постоянство войны уже нѣсколько измѣняется. Наконецъ, проникаетъ взглядъ, что «всѣ законные интересы должны быть солидарны», что гораздо болѣе пользы можно извлечь изъ обоюдноты мирныхъ сношеній съ другими народами, чѣмъ покоривъ себя эти народы вооруженною рукою. Ничто такъ не способствуетъ развитію этой идеи, какъ одновременно съ нею происходящее образованіе капиталовъ. Каждый основной капиталъ, который какъ бы выдѣляется изъ капитала оборотнаго, въ видѣ улучшеній почвы, построения домовъ, искусственныхъ путей сообщенія и т. п., есть залогъ мирнаго расположенія собственника. Такимъ же залогомъ слѣдуетъ считать каждую ссуду денегъ за границу, къ чему въ особенности расположены, за небольшіе

проценты, народы, стоящіе на высокой степени культуры. Если между подобными народами возникает война, то кредиторъ съ каждымъ выстрѣломъ рискуетъ убить должника, а должникъ, въ свою очередь, драгоценнаго для него поставщика.

Не слѣдуетъ полагать, что древній міръ оставался чуждымъ такому развитію интересовъ. Широкая и глубокая жажда мира, вызванная у грековъ македонскимъ игомъ, а во всеобщемъ orbis terrarum римскимъ владычествомъ всего свѣта, равно одновременно проявившійся теоретическій антипатріотическій эпикурейцевъ и космополитическій стоиковъ, все это опирается, существеннымъ образомъ, на экономическихъ началахъ. Однако самъ Цицеронъ, во времена высокой культуры въ Римѣ, и лично мужъ, имѣвшій всѣ причины предпочесть мирную тогу воинственному покрову, полагаетъ: *Rei militaris virtus praestat ceteris omnibus; haec potest populo Romano, haec huic urbi aeternam gloriam peperit* ⁵³). Равно намъ извѣстно, какъ рѣдко закрывался храмъ Януса. А что сказать о грекахъ, во времена высокой культуры, которые вели продолжительныя, почти безпрерывныя войны, отъ начала пелопонесской войны до Александра Великаго! При незначительной величинѣ большей части греческихъ государствъ, гдѣ, напримѣръ на 58 кв. миль Беотики вмѣщалось множество враждебныхъ другъ другу союзныхъ республикъ ⁵⁴) и гдѣ по этому почти вся страна была какъ бы землею пограничною, тамъ война наносила еще болѣе глубокія раны, чѣмъ нынѣ, при одинаковой продолжительности военныхъ дѣйствій. Между прочимъ, это явствуетъ изъ сельскохозяйственнаго непрактичнаго способа заселенія земель, который существовалъ у римлянъ и грековъ, — преимущественно у вторыхъ, — въ самыхъ просвѣщенныхъ временахъ и мѣстностяхъ. Вмѣсто деревенскаго разьединеннаго житія, мы встрѣчаемся съ значительною концентрацію въ городахъ укрѣпленныхъ, и этимъ самымъ жилище каждаго полеваго работника удаляется на самую невыгодную даль отъ мѣста труда. Все это совершенно противоположно нашимъ новѣйшимъ стремленіямъ, потому что нынѣшнее интензивное сельское хозяйство стремится раздробить даже самыя деревни на однодворія ⁵⁴). Равно это расширение и продолжительность войны находится въ тѣсной связи (подобно причинѣ и послѣдствію) съ вышеупомянутою замкнутою большей части капиталовъ невольниками. Война уменьшаетъ дѣйствительныя капиталы, но она весьма легко увеличиваетъ число капитализированныхъ людей. Греки и римляне, даже на высшей степенн культуры, придерживались постыднаго обычая обращать военнооплѣненныхъ въ невольниковъ. Такъ во время Софокла, Эврипида, Сократа и Фукидида, когда афиняне покорили Мелось, то всѣ мужья были убиты, а ихъ жены и дѣти были проданы ⁵⁵). Гораздо извѣстнѣе участь Фивъ, гдѣ Александръ Великій превратилъ 30,000 людей въ невольниковъ. Если такъ поступали съ эллинами, то можно вообразить се-

бѣ, какъ обращались съ варварами! Въ Римѣ случалось, что, во времена войны Лукулла, цѣна невольника доходила до четырехъ драхмъ, т. е. одного талера (50). Очевидно, что, при такомъ международномъ правѣ, военные издержки приходилось уменьшать побѣдителю на столько, на сколько увеличивать военную добычу.

§ 9.

На основаніи вышесказаннаго, намъ объяснится еще одно различіе древняго народнаго хозяйства отъ новаго, а именно *непродолжительность жизни въ древнемъ хозяйствѣ*. Всѣ народы древнихъ вѣковъ, за исключеніемъ развѣ иудеевъ, жили скорѣе новѣйшихъ народовъ. Такъ напр. греки, считая со времени Гомера до Полибія, — прожили всего только семь столѣтій. Извѣстно, что нѣтъ средства лучшаго для достиженія долговѣчности народа, какъ чувство въ настоящее время быть отвѣтственнымъ за будущность. вмѣстѣ съ этимъ чувствомъ, обыкновенно связано другое, соотвѣтственное ему, т. е. привязанность къ старинѣ. Но къ важнѣйшимъ узамъ, соединяющимъ настоящее поколѣніе съ будущимъ, слѣдуетъ отнести капиталъ, т. е. результатъ прошедшей жизни, сбереженный, что бы былъ полезнымъ въ будущности. Рабъ же самымъ безжалостнымъ образомъ стѣсненъ всѣмъ настоящимъ: онъ, по положенію своему, не можетъ любить прошедшее, и не пенется о будущемъ. Продолжительное существованіе института невольничества у народовъ, на высокой степені культуры, ведетъ къ деморализаціи равно раба и господина, особенно же портится отъ этого нравственность половыхъ отношеній, т. е. семейная жизнь, которая есть жизненная кѣточка каждаго народа. Характеристикою этому можетъ служить то, что сводникъ, въ древнихъ комедіяхъ, кромѣ занятія своимъ ремесломъ, торгуетъ и невольниками. Еще въ пандектахъ челоуѣкъ, каковъ былъ Ульціанъ, говорить о публичныхъ домахъ, которые содержатъ у себя въ имѣніяхъ *multi viri honeste*. Проявленіе ужасающей безнравственности, встрѣчаемое нами у писателей народовъ погибающихъ, слѣдуетъ себѣ объяснить, какъ слѣдствіе униженія челоуѣка до степени орудія другаго лица, а также замѣтное уменьшеніе народонаселенія въ orbis terrarum, еще задолго до вторженія варваровъ, находится въ связи съ невольничествомъ. Половое влеченіе и любовь къ дѣтямъ суть два начала, до того могучія, что можно положительно предсказать, что каждый пробѣлъ, произведенный въ народонаселеніи войною, язвою или другою причиною, если этому пробѣлу не будетъ соотвѣтствовать столь же великій пробѣлъ средствъ существованія, то онъ непременно пополнится увеличеніемъ числа родовъ. Конечно, каждое великое неравенство въ распредѣленіи богатствъ образуетъ исключеніе изъ,

этого правила. Если иные люди, обладая большимъ имуществомъ, а другіе имуществомъ, недостаточнымъ для содержанія семейства, между тѣмъ какъ первыя, тѣмъ не менѣе, могутъ вовсе не отличаться многочисленностію семействъ, то быть можетъ, что въ слѣдствіи беззавраченныхъ послѣдствій, порождаемыхъ избыткомъ богатства, они сдѣлаются современемъ чуждыми семейной жизни. Очевидно, что рабство есть крайность усиленная еще положительнымъ правомъ господъ запрещать размножаться рабамъ; по крайней мѣрѣ право это усиливается сомнительностію законной защиты невольничьихъ браковъ и проч. Кто желаетъ изучить дѣйствительныя любовныя отношенія этихъ пастуховъ, которыя столь идеализированы въ идилліяхъ и въ пастушескихъ романахъ, тотъ читай *Vagge de re rustica* II, 10. Это была дѣйствительность, безъ сомнѣній очень невыгодная для размноженія людей! Въ старину много философствовали о томъ, что богатство деморализируетъ, изнѣживаетъ, и губитъ народы. Тогда это положеніе не казалось столь общимъ, какъ теперь! Есть огромная разница между богатствомъ, основаннымъ на грабежѣ и невольничествѣ, и богатствомъ, приобретеннымъ трудомъ и бережливостію. Богатство послѣдняго рода, его образованіе и поддержаніе никому не приносятъ вреда. Въ отношеніи къ этому роду капиталовъ, Ватлей справедливо замѣтилъ, что только личное, но не національное богатство, имѣетъ нравственно вредныя стороны. Относительно многихъ другихъ замѣчаній, которыя можно было бы отнести сюда же, — я рекомендую читателю вышеупомянутое сочиненіе Давида Юма⁹⁹). Но прежде чѣмъ кончу, я долженъ предупредить читателя отъ недоразумѣнія, которое могло бы преувеличить значеніе относительнаго недостатка капиталовъ въ старину. Капиталъ, которымъ нашъ вѣкъ наиболѣе гордится, это пути сообщенія. Но и древніе народы во многомъ успѣли по этой части, во времена цвѣтущаго хозяйства и космополитизма. Такъ замѣчаемъ мы стремленіе какъ можно объемистѣе строить суда. Во времена Августа въ одномъ кораблѣ могъ помѣститься обелискъ (который и до нынѣ находится въ Римѣ) вмѣстѣ съ пьедесталомъ, да кромѣ того 400,000 модій хлѣба (модій 20 фунт.) и 1,200 пассажировъ. Другое судно могло вмѣщать въ себѣ годовой провіантъ для всей Аттики. Луціанъ говоритъ о немъ, что оно ежегодно приносило своему собственнику 20 талантовъ дохода⁹⁹). Уже во времена Платона пассажирское движеніе было столь оживлено, что переѣздъ изъ Эгинны въ Аѳины стоилъ 2 обола ($\frac{1}{12}$ талер.); изъ Египта или съ Чернаго моря въ Аѳины для одного семейства съ багажемъ—2 драхмы ($\frac{1}{2}$ т.)⁹⁹). Мы не станемъ распространяться о грандіозной системѣ сообщеній, устроенной императорами: она намъ довольно извѣстна.

Римскія государственныя почты шли до того скоро, что напр. магистръ Цезаріусъ могъ переѣхать разстояніе отъ Антиохіи до

Константинополя въ $5\frac{1}{2}$ дней ⁶¹⁾, что всего, по прямому направленію, составитъ 120 географическихъ миль. Это учрежденіе было основано на столь обширной ногѣ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда нужна была посѣшность, то могли быть по почтѣ перевезены цѣлыя армейскіе корпуса ⁶²⁾. Еще ранѣе, послѣ Александра Великаго, приказъ Евмена былъ пересланъ, при помощи персидскихъ станцій, по направленію къ Персеполису, въ одинъ день на разстояніи 50 миль. Самъ Александръ занимался планомъ устройства военной дороги до столбовъ Геркулесовыхъ, Будучи практическимъ строителемъ, Александръ хотѣлъ обратить гору Амосъ въ статую Александра, которая въ одной рукѣ держала бы городъ, а изъ другой вытекала бы рѣка. Во времена эпигоновъ уже существовалъ проектъ проведенія канала между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ ⁶³⁾. Мы можемъ, на основаніи этихъ проектовъ, сдѣлать приблизительное заключеніе о тогдашней дѣятельности, но, въ то же время, можемъ утверждать, что опыты улучшенія естественнаго состоянія страны, проведеніе каналовъ и пр., помощію капиталовъ, вообще не согласовались съ духомъ древнихъ. Даже люди просвѣщенные считали подобнаго рода мысли антирелигіозными, говоря: «что если бы Богу угодно было обратить материкъ въ островъ, то вѣроятно Онъ самъ сдѣлалъ бы это» ⁶⁴⁾.

ПРИМѢЧАНІЯ.

- 1) Смотри Ray «Ansichten der Volkswirthschaft, 1821. № 911.
- Blanqui: Histoire de l'economie politique. 1837, первые главы I тома.
- 2) Ксенофонта Memог. III, 4.
- 3) Аристотель. Ремор. I. 4.
- 4) Аристотель. Политика I. 3. 23.
- 5) Фукидидъ I. 8.
- 6) Въ особенности сравн. I, 70, 80, 120, 140, II. 85, 60.
- 7) Ксенофонтъ. Охота 2 рг.
- 8) Искусство ѣзды 3. 4. 9. Охота 7.
- 9) Эконом. 13.
- 10) Эконом. 1, 8.
- 11) Сравнн экон. 11, 9. Пиръ 4. Мемог. I, 6. Кируп. VIII, 3, 35. Tierof.
- 12) Кируп. VIII, 2, 23.
- 13) Финансы, 3.
- 14) Эконом. 4. 2. Мемог. II. 7.
- 15) Финансы, 2.
- 16) Финансы, 3.
- 17) Кируп. III, 2, 17. Геро 10.
- 18) Финансы, 5.
- 19) Кируп. V. 4. 24. VII 2, 9. Агезил. passim.
- 20) Кируп. VII. 2, 15 сравнн III 3. 3.
- 21) Финансы, 3.
- 22) Кируп. VIII, 4. 32.
- 23) Васап, Organon II, 27, говоритъ, что въ аналогіяхъ слѣдуетъ искать истинное начало науки; онѣ суть первая ступень, по которой возможно дойти до гармоніи вселенной.
- 24) Сравнн Juvenal X, 216. Martial VIII, 67. Petron. 26.
- 25) Сравнн мою систему народной экономіи, I. II стр.
- 26) Colum. II. 13. Dickson, Husbandry of the ancients II. p. 79.
- 27) Сравнн Геопопику XVIII. 1. Демосенъ противъ Эверг. в Мнес. стр. 1, 155. Varro: De re rust. II. 10.

- ²⁸⁾ Бекъ—Государственное Хозяйство I стр. 74, 81.
- ²⁹⁾ Кажется, что спартацы удѣляли взрослому человѣку свободному вдвое больше грубой пищи, чѣмъ невольнику (Фукидидъ IV. 16.)
- ³⁰⁾ Антипат. Эп. 39 въ анналахъ Брункаса II. p. 119.
- ³¹⁾ Аристот. Полит. I. 2, 5.
- ³²⁾ Tucker: Progress of the U. States p. III.
- ³³⁾ Смотри мысли мои о политикѣ и статистикѣ земледѣльческихъ системъ Т. IV. с. 39. Мою систему народнаго хозяйства I. I. §§ 70 и д.
- ³⁴⁾ Сравни D. Hume и въ др. м.
- ³⁵⁾ Cicero in Verr. 46, 103.
- ³⁶⁾ Cicero de off. I. 42. Если Платонъ, въ своемъ образцовомъ государствѣ, сравниваетъ жизнь промышленныхъ людей съ жизнью животною и даже уподобляетъ ихъ свиньямъ (Государ. II. стр. 372), то это конечно относится не только до однихъ ремесленниковъ, но и до торговцевъ и земледѣльцевъ.
- ³⁷⁾ Почти все то, что въ практикѣ древнихъ народовъ напоминаетъ намъ меркантильную систему, объясняется еще иначе, чѣмъ съ одной точки торговой защиты или протекціи. Такъ, на примѣръ, персидскій законъ (Атенеосъ XIV с. 652), на основаніи котораго король могъ употреблять въ пищу только туземные продукты, объясняется особымъ взглядомъ султана и дворцовымъ этикетомъ. Древній законъ іудейскій запрещалъ вывозить сахарный тростникъ и подобнаго рода предметы по религиознымъ причинамъ, что бы язычники не могли пользоваться этими предметами при жертвоприношеніяхъ. Mischna. De. cult. peregr. § 6). Также запрещеніе эгинскоаргейское вывозить гончарныя произведенія изъ Аеинъ, вѣроятно, обуславливалось причинами религиозными или торговополицейскими (Геродотъ V. 88). Бывали случаи, что фабриканты металлическихъ издѣлій и оружейники увозились изъ побѣжденной страны побѣдителями (I Сам. 13. 19. II. Царствъ 24. 14. Іерем. 24. 1. 29. 2). Аеиняны запрещали вывозъ изъ греческихъ владѣній кораблестроительныхъ матеріаловъ. Въ военныя времена запрещенъ былъ вывозъ оружія и даже ввозъ ихъ изъ страны вражеской. (Бекъ Государ. Хозяйств. древ. I. с. 73). Цѣль этой мѣры скорѣе военная, нежели народохозяйственная. Съ тою же цѣлю, запрещалось вывозить масло, вино и оружіе (варварамъ Codex. Justin VI. 41. Что касается масла и вина, то боялись, что желаніе пользоваться этими предметами приметъ слишкомъ большіе размѣры у народовъ потребителей. Платонъ требуетъ запрещенія для вывоза предметовъ роскоши, равно вывоза необходимыхъ предметовъ жизни (Законы VIII. с. 847.) очевидно на основаніи положеній полицейскихъ о роскоши; равно спартацы, при всѣхъ ограниченіяхъ торговли, не имѣли въ виду поощренія туземной промышленности. Если Солонъ запрещалъ вывозъ всѣхъ сырыхъ продуктовъ, за исключеніемъ масла; если аеиняне не могли, во времена ораторовъ, привозить заграничный хлѣбъ, иначе какъ въ аеинскую гавань, то это фактически было причиною перехода многихъ капиталовъ изъ разныхъ хозяйственныхъ вѣтвей на сторону промышленности; но цѣль могла быть только одна, а именно доставить потребителямъ какъ можно болѣе дешевый хлѣбъ. Запрещеніе вывоза денегъ, которое долго существовало въ Римѣ (Cicero pro Flacco 28. Cod. Inst. IV. 63. 2.), нисколько не

ограждало интересы промышленные, подобно испанскому запрещению XVI столѣтія. Мы находимъ у древнихъ мѣры, которыя указываютъ скорѣе на искусственную защиту торговли и земледѣлія, чѣмъ промышленности, въ тѣсномъ смыслѣ. Для примѣра я упомяну о правахъ разгрузки товаровъ въ Аѳинахъ, на основаніи которыхъ граждане и посадскіе могли давать въ ссуду деньги пришедшимъ кораблямъ, но не иначе, какъ если корабль привезетъ снова товаръ въ Аѳины; въ противномъ случаѣ, угрожалъ даже смертною казнію (см. Бекъ). Не менѣе замѣчательна вся колониальная политика кароагенянъ, и римское запрещеніе разводить въ нѣкоторыхъ провинціяхъ вино и пр. (Cicero de ger. III, 9.) Моммзенъ, Римская Исторія с. 373. Главная причина разоренія Коринѳа и Кароагена была торговая зависть римлянъ.

³⁸⁾ Аристотеля. Политика I. 3. 12. 23. Цицеронъ de offic. I. 42.

³⁹⁾ Письма № 49.

⁴⁰⁾ Гомеръ, Одисс. VI 1. 208 XVII; 475.

⁴¹⁾ Цицеронъ pro Sektio 25. Плутархъ Катонъ II, 26.

⁴²⁾ Раздача звонкой монеты при Августѣ происходила между 200,000 и 300,000, и стоила отъ 2½ и болѣе 6 мил. талеровъ. (Monum. Ancyr. p. 372 Wolf.) О болѣе позднихъ *curatores pecuniae alimentariae* Смотри Orelli. Inscript 2,155. 3,908. 3,991.

⁴³⁾ Смотри въ особенности ad. Att. XV, 15; ad Fam. II, 17. 1.

⁴⁴⁾ Исократъ. Трагед. 19.

⁴⁵⁾ Бекъ, Государственное хозяйство аѳинянъ; I с. 61 смотри Плутарха: Солонъ 2.

⁴⁶⁾ Эриксіосъ С. 400.

⁴⁷⁾ Фукидидъ II, 13. Dio Cass. I. XX., 7.

⁴⁸⁾ Арріанъ. Походъ Александра VII 9, 10.

⁴⁹⁾ Римское *tributum* въ сущности былъ заемъ по случаю военныхъ издержекъ, который въ послѣдствіи погашался военною добычею, слѣдовательно былъ своего рода принудительный заемъ (Момзенъ Tribus I. С. 94). Заемъ въ смыслѣ современномъ былъ заключенъ сенатомъ, во время войны съ Нуманціею и то, впрочемъ, на основаніи *vestigalia* будущаго луструма (Нагъ: Гракхи С. 294.)

⁵⁰⁾ Гомеръ Илл. X, 685. Одисс. p. 18. Сравни Ваксмудъ X. А. II: 65. Во времена Сираха (8,15)—Мысль у иудеевъ о государственномъ займѣ еще не существовала.

⁵¹⁾ Н. Th. Buckle. History of civilization in England I. Ch. 4.

⁵²⁾ Cicero. Pro Muraena 9,22.

⁵³⁾ На островкахъ, подобныхъ Пелоретосу и Аморгосу, находилось два, три совершенно отдѣльных государства (Скилигъ, Перикл. 59.)

⁵⁴⁾ Греки до того привыкли къ такой городской концентраціи, что считали жизнь деревенскую за обычай варварскій. Смотри Діо Хризост. Рѣчь 47. с. 225 Рейске. Жизнь деревенскую мы находимъ въ Греціи только у дикахъ эвиротовъ, зтольцевъ и аркадійцевъ, гдѣ дикая гористая природа въ то же время есть защита, и принуждала къ жизни разъединенной; кромѣ того, въ странѣ Эллады, которая, по причинѣ святости олимпійскаго храма, находилась внѣ опасности.

⁵⁵⁾ Фукидидъ V. 116. Плутархъ Алекс. 11.

- 56) Appian. Митрид. Кр. 78.
 57) Digest. V, 3, 27.
 58) Whately, Lectures on political economy № 2.
 59) Chronogr. de anno 354 ed, Момзенъ р. 648 сравн Суэтонъ. Claud. 20 и Plin. Н. № XVIII, 7. Лукіановъ корабль 15.
 60) Платонъ: «Горгіасъ» С. 511.
 61) Либаніосъ рѣчь 21: I, с. 685 R. И Цезарь проѣзжалъ, *meritoria rēda*, ежедневно по 100 римскихъ миль: Suet. Caesar 57.
 62) Ammian Marcel. XXI, 13.
 63) Діодоръ XIX, 17; XVIII, 4. Плутархъ объ Александрѣ 72. Смотри Дройзена Исторіи Эллинізма I. С. 271. II. С. 573.
 64) Геродотъ I. 174. И еще во времена императоровъ Pausanias (II, 1. 5) называетъ это посягательствомъ на силу Божію. См. Plin Н. № IV, 5. Tacit Annal. XV, 42.

ux 61878-279/60-1189

U. C. BERKELEY LIBRARIES

C048140120

О подпискѣ на «**ЗАПИСКИ ДЛЯ ЧТЕНІЯ**»

Цѣна на «Записки для Чтенія» за годъ 7 р.; съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ: записокъ для Чтенія» (на Б. Конюшенной ул. Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: въ записокъ для Чтенія» въ С.-Петербургѣ.

7 206
1867
m 4

О подпискѣ на «**БИРЖЕВЫЯ ВѢДОМОСТИ**», ежедневную газету съ книжками «Записокъ для Чтенія», въ 1868 году.

«Биржевыя Вѣдомости» будутъ выходить въ 1868 году ежедневно листами большаго формата, въ понедѣльные же и дни, непосредственно слѣдующіе за табельными праздниками, въ полулистахъ того же формата, съ ежемѣсячными книжками, «Записокъ для Чтенія».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за «Биржевыя Вѣдомости», вмѣстѣ съ 12-ю книжками «Записокъ для Чтенія»:

	Безъ дост.		Съ дост.		Съ перес.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
На годъ	15	—	16	—	18	—
» полгода	8	—	9	—	10	—

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (на Б. Конюшенной ул. д. Утина № 5). Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей» въ С.-Петербургѣ.

О подпискѣ на «**ВЕЧЕРНЮЮ ГАЗЕТУ**» въ 1868 году.

«Вечерняя Газета», политическая и литературная, будетъ выходить въ 1868 году ежедневно, за исключеніемъ понедѣльниковъ и дней, непосредственно слѣдующихъ за табельными праздниками.

Цѣна 60 коп. въ мѣсяцъ, или 7 р. въ годъ, съ пересылкою и доставкою на домъ.

Подписка принимается на столько мѣсяцевъ, на сколько кто пожелаетъ, въ С.-Петербургѣ въ конторѣ «Вечерней Газеты» (на Б. Конюшенной ул. д. Утина № 5). Гг. иногородные адресуютъ свои требованія: въ редакцію «Вечерней Газеты» въ С.-Петербургѣ.

Пріемъ объявленій казенныхъ и частныхъ, для помѣщенія въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ», «Запискахъ для Чтенія» и «Вечерней Газетѣ». Плата за помѣщеніе объявленій по таксѣ, находящейся въ конторѣ «Биржевыхъ Вѣдомостей».